РУССКІЙ ЛИЦЕВОЙ АПОКАЛИПСИСЪ

LXXXII

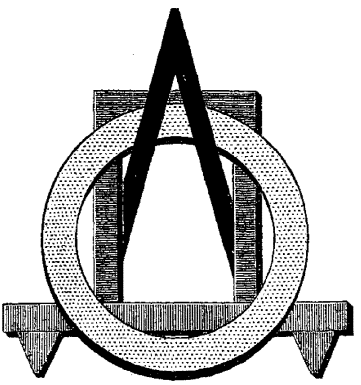
РУССКІЙ ЛИЦЕВОЙ АПОКАЛИПСИСЪ

СВОДЪ ИЗОБРАЖЕНІЙ

ИЗЪ ЛИЦЕВЫХЪ АПОКАЛИПСИСОВЪ

по Русскимъ рукописямъ съ XVI-го вѣка по XIX-ый.

Составилъ Ѳедоръ Буслаевъ.



МОСКВА.
Въ Синодальной Типографіи.
1884.

ND
2301

459
59

ПАМЯТИ

Его Сіятельства

ГРАФА СЕРГІЯ ГРИГОРЬЕВИЧА

СТРОГАНОВА

посвящаетъ Ѳедоръ Ѣуслаевъ.

Въ предлагаемомъ ученой публикѣ изслѣдованіи надобно видѣть не всестороннее и полное рѣшеніе вопроса о происхожденіи и историческомъ развитіи нашего Лицеваго Апокалипсиса, а только подготовительную монографію для этого рѣшенія, матеріалъ которой ограничивается находившимися въ моемъ распоряженіи рукописями, доселѣ извѣстными по каталогамъ и нѣкоторыми другими, какія были мнѣ доступны, въ публичныхъ, монастырскихъ и частныхъ библіотекахъ. Новыя открытія, и, безъ всякаго сомнѣнія, очень значительныя, со временемъ могутъ не только обогатить этотъ матеріалъ существенными вкладами, но и повести къ изысканію болѣе глубокихъ и отдаленныхъ историческихъ слѣдовъ для уразумѣнія нашей апокалипсической иконографіи. Постоянно питая это убѣжденіе, я предпочелъ извлекать только частные выводы изъ опредѣленной суммы, извѣстныхъ мнѣ, данныхъ, всякій разъ опасаясь обобщать свой взглядъ до послѣднихъ результатовъ. Потому, чтобы дать мѣсто въ моей книгѣ имѣющимъ быть дополненіямъ изъ новыхъ открытій, я принялъ въ своемъ изслѣдованіи чисто внѣшнюю систему, состоящую въ описаніи отдѣльныхъ рукописей, предпославъ ему въ обширномъ введеніи общее ихъ всѣхъ обозрѣніе. Рукопись Московскаго купца И. Л. Силина 1636 - 1643 гг , описанная въ этой книгѣ на стр. 526 - 553, какъ нельзя лучше оправдала и мои надежды на новыя открытія, и мою опасливую осторожность въ усвоеніи сказанной системы.

Для успѣховъ науки мнѣ остается желать, чтобы книга эта, сколько возможно, въ скоромъ времени вызвала подобныя же и еще болѣе того цѣнныя дополненія.

Не смотря на очень объемистый альбомъ со снимками апокалипсическихъ изображеній, изданный Обществомъ Любителей Древней Письменности одновременно съ этою монографіею, я принялъ за правило, по возможности, подробно описывать содержаніе сполна всѣхъ миніатюръ въ бо̀льшей части принятыхъ мною рукописей, въ тѣхъ видахъ, чтобы при чтеніи книги не развлекаться частыми справками съ альбомомъ, или же и вовсе безъ него обходиться, имѣя подъ руками какой бы то ни было редакціи Лицевой Апокалипсисъ, рукописный или печатный, при сличеніи съ которымъ разница описываемыхъ изображеній будетъ выступать довольно наглядно Надобно знать, что въ описаніи миніатюръ правую и лѣвую сторону я опредѣляю съ точки зрѣнія субъективной, т. е отъ зрителя.

Также для бо̀льшей части рукописей я предпосылаю описанію миніатюръ общее этихъ послѣднихъ обозрѣніе въ связи съ особенностями въ текстѣ и толкованіяхъ, и вообще въ характерѣ письма всей рукописи. Такъ какъ я имѣлъ дѣло съ памятниками, довольно поздними, изъ которыхъ самые ранніе не восходятъ далѣе XVI вѣка, то я предпочелъ церковнославянское письмо передавать въ русской транскрипціи, впрочемъ, съ удержаніемъ всѣхъ существенныхъ особенностей и примѣтъ, какія призналлъ нужнымъ замѣтить.

При описаніи миніатюръ, въ каждой новой строкѣ первая цыфра, арабская, постановленная за скобкою, означаетъ миніатюру, въ томъ порядкѣ, какъ она помѣщена въ рукописи, а слѣдующія за тѣмъ цыфры, римскія съ арабскими, означаютъ главы и стихи, по нынѣ принятому счету въ печатныхъ изданіяхъ Откровенія Іоанна Богослова.

Чтобы не затруднить читателя принятыми у меня сокращеніями, здѣсь же предлагаю ихъ объясненіе:

КДА. Казанская Духовная Академія —МДА. Московская Духовная Академія.—МПМ. Московскій Публичный Музей.—ОДП. Общество Любителей Древней Письменности.—ПДА. С.-Петербургская Духовная Академія.—СПБ. С.-Петербургская Публичная библіотека.—М. мм. миніатюра, миніатюры.—Сн. снп. снимокъ, снимки.

Многосложная работа въ составленіи моей монографіи, безъ доброжелательнаго содѣйствія спеціалистовъ, а также частныхъ владѣльцевъ и оффиціальныхъ хранителей рукописныхъ и старопечатныхъ собраній, предпринята и совершена быть не могла. Потому съ чувствомъ полнѣй-

шей благодарности называю здѣсь всѣхъ, кому въ этомъ содѣйствіи такъ много былъ я обязанъ.

Архимандритъ Данпловскаго монастыря Амфилохій. Епнпд. Вас. Барсовъ. Директоръ Императорской публичн. библіотеки Авап. Өед. Бычковъ. Ив. Александр. Вахрамѣевъ (въ Ярославлѣ). Князь Пав. Петр. Вяземскій Хранитель (scriptor) рукописей Императорской Вѣнской библіотеки Альфредъ Гельдлинъ фонъ-Тифенау. Ив. Фелпкс. Дюмушель. Мих. Мих. Зайцевскій (въ Москвѣ). Профессоръ Одесскаго университета Никод. Павл. Кондаковъ. Библіотекарь Московск. публичн. музея Евг. Өед. Коршъ. Библіотекарь Королевской Бамбергской библіотеки Фридрихъ Лейтшу. Хранитель рукописей (sekretär) Королевской Мюнхенской библіотеки Вильгельмъ Мейеръ. Профессоръ Вѣнскаго университета Францъ Миклошичъ. Профессоръ Берлинскаго университета Фердинандъ Пперъ. Профессоръ Казанской духовной академіи Ив. Як. Порфирьевъ. Вас. Егор. Румянцевъ. Тверской архіепископъ Савва. Московскій купецъ Ив. Лук. Силинъ. Ректоръ Московск. духовной академіи Серг. Конст. Смирновъ. Андр. Александр. Титовъ (въ Ростовѣ). Профессоръ Московскаго университета Никол. Савв. Тихонравовъ. Профессоръ Петербургской духовной академіи Ив. Егор. Троицкій. Графъ Алексѣй Серг. Уваровъ. Георг. Дмитр. Филимоновъ. Алексѣй Ив. Хлудовъ. Помощникъ библіотекаря Московск. публичн. музея Никол. Өед. Өедоровъ.

Въ заключеніе я долженъ упомянуть о дружескомъ участіи, какое принималъ покойный Алексѣй Егоровичъ Викторовъ, какъ въ этой, такъ и въ другихъ моихъ работахъ по рукописной старинѣ. Состоя хранителемъ рукописей Московск. публичн. музея, онъ усердно содѣйствовалъ мнѣ въ сношеніяхъ съ публичными и частными библіотеками. Въ его обширныхъ библіографическихъ свѣдѣніяхъ и опытности я всегда видѣлъ для себя авторитетъ при изученіи рукописей и старопечатныхъ книгъ.

Рисунки для альбома выполнены въ литографіи Беггрова по калькамъ и раскрашеннымъ копіямъ, которыя снималъ подъ моимъ личнымъ наблюденіемъ чиновникъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Мих. Павл. Пуцило.

Въ качествѣ члена ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Древней Письменности, я вмѣняю себѣ въ непремѣнную обязанность съ особенною благодарностью заявить, что изданіе альбома и объяснительной къ

нему моей книги могло состояться только при щедромъ содѣйствіи графа Сергѣя Дмитріевича Шереметева, просвѣщенныя заботы котораго объ успѣшномъ разрабатываніи русскихъ древностей уже столько разъ обезпечивали нашему Обществу предпріятія, по цѣнности изданія превышавшія смѣту возможныхъ для него средствъ.

Посвящая это археологическое изслѣдованіе незабвенной для меня памяти графа Сергія Григорьевича Строганова, я желалъ выразить, сколько могъ, благоговѣйную признательность за все, чѣмъ я обязанъ руководствованію и совѣтамъ этого въ высокой степени просвѣщеннаго государственнаго человѣка, не только въ моей учебной, ученой и литературной дѣятельности, но и вообще въ воспитаніи и образованіи умственныхъ и нравственныхъ убѣжденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любви къ искусствамъ и археологіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Внѣшнія качества рукописей Русскаго Лицеваго Апокалипсиса. Время составленія, письмо, форматъ, переплетъ. Приложенія къ Откровенію Іоанна Богослова. Толковый Апокалипсисъ Андрея Кесарійскаго. Его редакціи въ русскомъ переводѣ. Иллюстрація. Ея терминологія, отношеніе къ тексту Откровенія и къ толкованіямъ. Число миніатюръ. Надписи на нихъ. Техническое исполненіе. . 1.

II. Методъ изученія, на основаніи отношенія иллюстраціи къ тексту и толкованіямъ. . . . . 28.

III. Методъ сравнительно-историческій. Зачатки апокалипсической иконографіи и отдѣльныя изъ нея изображенія древнехристіанскаго, византійскаго и средневѣковаго искусства: въ мозаикахъ, въ стѣнной живописи, въ изваяніяхъ и миніатюрахъ. Сравнительные матеріалы для символики, стилизаціи, полатнаго письма и костюма. . 47.

IV. Продолженіе о сравнительно-историческомъ методѣ. Рукописные Апокалипсисы: Бамбергскій X в., Альтамировскій XII в., Англосаксонскій XII в. и одинаковой съ нимъ редакціи Инкунабулы XV в.; Пражскій XIV в. Старопечатные—въ Библіяхъ: въ Нюренбергской 1483 г. и Венеціанской 1492 г. Апокалипсисъ Альбрехта Дюрера 1498 г. Въ Лютеровой Библіи 1534 г. и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ. Въ лицевыхъ Библіяхъ: Ванъ-деръ-Борхта 1582 г. и Пискатора 1650 и 1674 г. . . . . 76.

V. Окончаніе о сравнительно-историческомъ методѣ. Аѳонская Ерминія иконописца іеромонаха Діонисія Фурноаграфіота. . . . . 140.

VI. Общее обозрѣніе редакцій Русскаго Лицеваго Апокалипсиса. . . . . 162.

VII. Апокалипсическая иконографія. Ея существенныя качества. Отличіе стиля иконографическаго отъ живописнаго. 181.

ОПИСАНІЕ РУКОПИСЕЙ.

I. Рукопись профессора Буслаева, въ 4-ку, на 244 лл., собственно Апокалипсисъ *(ранней редакціи)* на лл. 82-244 съ 73 мм.; начала XVII в. . . . . 209.

II. Рукопись Московскаго Публичнаго Музея № 156 (Большаковская), въ л. на 271 лл.; собственно Апокалипсисъ на 161-271 лл., съ 81 мм.; начала XVII в. . . . . 281.

III. Рукопись Казанской Духовной Академіи, изъ библіотеки Соловецкаго монастыря, № 1 (по новому каталогу № 159), въ 4-ку, на 375 лл.; собственно Апокалипсисъ на 1-216 лл. съ 65 мм., юсовой; XVI в. *(Соловецкій юсовой)*. . 317.

IV. Рукопись профессора Буслаева, въ 4-ку, на 336 лл. съ 78 мм., юсовая; XVI в. *(Юсовой* Апокалипсисъ).

Рук. Московскаго Публичнаго Музея № 5, въ л., на 84 лл. съ 77 мм.; конца XVII в.

Рук. профессора Буслаева, въ 4-ку, на 357 лл. съ 78 мм; 1705 г.

Рук. профессора Тихонравова, въ 4-ку, на 278 лл.; собственно Апокалипсисъ на лл. 68-191 съ 69 мм.; второй половины XVIII в. . . . . 381.

V. Рукопись Казанской Духовной Академіи, изъ библіот. Соловецкаго монастыря, № 58 (по новому каталогу № 158), въ л. на 161 л., съ 70 мм.; XVI в. *(Старца Филарета Иконника)*.

Рук. А. И. Хлудова, № 7 (по 1-му прибавл. къ каталогу), въ л. на 233 лл.; самый Апокалипсисъ на лл. 44-135 съ 69 мм.; XVI в.

Рук. Казанской Духовной Академіи, изъ библіот. Соловецкаго монастыря, № 62 (по новому каталогу № 164), въ л. на 473 стран. съ 70 мм.; XVIII в.

Рук. М. М. Зайцевскаго (въ Москвѣ), въ л. на 121 лл. и на 5 обрѣзкахъ, съ 75 мм.; XVII в. *(Копія съ Чудовскаго Перевода 1638 г.)*.

Рук. графа Уварова, № 339 (Царск. № 6), въ л. на 71 л. съ 70 мм.; XVII в.

Рук. А. А. Титова (въ Ростовѣ) № 528, въ л., на 171 л. съ 77 мм.; XVII в.

Рук. Моск. Публ. Музея, № 4, въ л. на 216 лл. съ 76 мм.; конца XVII в.

Рук. Нилостолобенской пустыни, № 16, въ л.; самый Апок. на лл. 1-109 съ 50 мм.; конца XVII в.

Рук. Моск. Публ. Музея, № 499, въ 4-ку, на 192 лл. съ 72 мм.; 1708 г.

Отдѣльные листы съ миніатюрами, безъ текста, князя П. П. Вяземскаго, № 144, на 76 лл. съ 76 мм.; XVIII в. 468.

VI. Рукопись Московскаго купца И. Л. Силина въ л. на 292 лл; собственно Апокалипсисъ на 31-208 лл. съ 71 мм.; 1636-1643 гг. *(Двинской)*. . . . . 526.

VII. Рукопись С.-Петербургской Публичной библіотеки (изъ Древлехранилища Погодина) № 225, въ 4-ку, на 204 лл. съ 68 мм.; половины XVII в.

Рук. Московскаго Публичнаго Музея, на отдѣльныхъ листахъ, № 214, въ л., на 64 лл. съ 64 мм.; половины XVII в. *(Музейные листы)*.

Рук. профессора Буслаева, въ л., на 137 лл. съ 64 мм.; Петровскаго времени, со вставками половины XVIII в.

Отдѣльные листы съ миніатюрами, безъ текста, князя П. П. Вяземскаго, въ л. № 143, на 33 лл. съ 33 мм.; XVIII в. 554.

VIII. Рукопись графа А. С. Уварова № 58, въ малый л. на 209 лл., съ 54 мм.; половины XVII в. . . . . 585.

IX. Рукопись профессора Н. С. Тихонравова, № 5, въ 4-ку; самый Апокалипсисъ на 1-172 лл. съ 81 мм. Иллюстрація половины XVII в., письмо рукописи второй половины XVII в. . . . . 608.

X. Рукопись профессора Буслаева въ 4-ку, на 188 лл. съ 61 мм.; 1671 года. . . . . 649.

XI. Рукопись Московской Духовной Академіи, въ Троицкой лаврѣ, № 14, въ большой листъ, на 177 лл. съ 73 мм.; второй половины XVII в. *(Подносный экземпляръ)*.

Рук. Петербургской Публичной библіот., F. Отд. 1, № 70, въ л., на 238 лл. съ 86 мм.; второй половины XVII в.

Рук. Московской Синодальной библіот., № 106 (по прежн. катал. № 5), въ л. на 497 лл.; собственно Апокалипсисъ на 1-164 лл. съ 86 мм.; второй половины XVII в. . . 667.

XII. Рукопись С.-Петербургской Публичной библіотеки (изъ Древлехранилища Погодина) № 229, въ 4-ку, на 378 лл.; собственно Апокалипсисъ на лл. 1-320 съ 79 мм.; Петровскаго времени.

Рук. изъ библіотеки Архимандрита Амфилохія, № 31, въ 8-ку, на 482 лл.; собственно Апокалипсисъ на лл. 1-365 съ 72 мм.; Петровскаго времени.

Рук. С.-Петербургской Публичной библіотеки Q, Отд. 1, № 46. въ 4-ку, на 293 лл.; собственно Апокалипсисъ на лл. 52-293 съ 69 мм.; XVIII в.

Рук. И. А. Вахрамѣева (въ Ярославлѣ) въ листъ, съ 72 мм.; XVIII в. . . . . 715.

XIII. Рукопись Е. В. Барсова № 113, въ 4-ку, на 267 лл., Толковый Апокалипсисъ на лл. 86 об.-267 съ 72 мм.; самая рукопись XVI в., а вложенныя въ нее миніатюры XVIII в. . . . . 731.

XIV. Рукопись А. И. Хлудова № 358, въ л.; собственно Апокалипсисъ составляетъ первую половину рукописи, на лл. 1-189, съ 72 мм.; 1708 года. . . . . 748.

XV. Рукопись князя П. П. Вяземскаго № 141, въ 4-ку, на 254 лл. съ 253 мм.; Петровскаго времени.

Рук. И. Ф. Дюмушеля, въ 4-ку. на 250 лл. съ 246 мм.; Петровскаго времени . . . . . 756.

XVI. Рукопись профессора Тихонравова, въ 8-ку, на 313 лл. съ 74 мм.; Петровскаго времени . . . . . 775.

XVII. Рукопись профессора Буслаева, въ 8-ку поперекъ, на 276 лл.; собственно Апокалипсисъ на лл. 2-228 съ 78 мм.; 1721 г.

Рук. профессора Тихонравова, въ 4-ку, на 200 лл.; Лицевой Апок. на лл. 2-132 съ 83 мм.; писана въ 1731-1736 гг. . . . . 782.

XVIII. Рукопись С.-Петерб. Публичн. библіотеки Q, Отд. 1, № 441, въ 4-у, XVIII в., на 57 лл.; безъ текста, однѣ миніатюры; собственно Апокалипсисъ отъ 3-го по 57-ой л., съ 55 мм. . . . . 797.

XIX. Рукопись А. А. Титова (въ Ростовѣ Ярославскомъ) № 523, въ 4-ку, на 400 лл.; собственно Апокалипсисъ на лл. 11-63, съ 20 мм.; второй половины XVIII в. . 802.

XX. Краткія замѣчанія о менѣе значительныхъ иллюстраціяхъ по рукописямъ позднѣйшимъ, XVIII и XIX вв. 808.

ПЕРЕЧЕНЬ СНИМКОВЪ И РАСКРАШЕННЫХЪ КОПІЙ.

Снимки въ очеркахъ. . . . . 829.

Копіи красками и нѣкоторыя съ золотомъ. . . . . 835.

ВВЕДЕНІЕ

I

Внѣшнія качества рукописей Русскаго Лицеваго Апокалипсиса. Время составленія, письмо, форматъ, переплетъ. Приложенія къ Откровенію Іоанна Богослова. Толковый Апокалипсисъ Андрея Кесарійскаго. Его редакціи въ русскомъ переводѣ. Иллюстраціи. Ея терминологія, отношеніе къ тексту Откровенія и къ толкованіямъ. Число миніатюръ. Надписи на нихъ. Техническое исполненіе.

Изъ описанныхъ здѣсь рукописей Русскаго Лицеваго Апокалипсиса древнѣйшія не восходятъ ранѣе XVI вѣка, а позднѣйшія составлены не только въ текущемъ столѣтіи, но и совсѣмъ въ настоящее время. Отмѣчены годомъ написанія слѣдующія: моя 1671 г. въ 4-ку, другая моя 1705 г. въ 4-ку, МПМ. № 499 1708 г. въ 4-ку, Хлудова № 358 1708 г. въ л., моя 1721 г. въ 4-ку, въ альбомномъ форматѣ, Тихонравова 1731-1736 гг. въ 4-ку, Силина 1781 г. въ л., СПБ. F, Отд. I, № 528 1808 г. въ л., Графа Уварова № 74 [Царскаго № 673] 1845 г. въ 16 д. л., и ПДА. № $A^1/_8$ [по дополн. къ Катал.] 1850 г. въ л. Сверхъ того, въ рук. Зайцевскаго XVII в. въ л., означенъ 1638-мъ годомъ Чудовской Переводъ, съ котораго она списана, и въ только что названной копіи ПДА. 1850 г. указанъ ея оригиналъ 1645 года.

Къ XVI столѣтію относятся только четыре рукописи: двѣ Соловецкія въ КДА: № 1 [новый № 159], юсовая, въ 4-ку, и

№ 58 [новый № 158] экземпляръ старца Филарета иконника. въ л.: одна Хлудова № 7, юсовая въ л., и одна моя, юсовая же въ 4-ку.

Писаны рукописи. какъ древнѣйшія, такъ и самыя позднія, большею частію уставомъ или полууставомъ; очень немногія скорописью. На пергаминѣ нѣтъ ни одной.

По формату, рукописи разной величины: въ листъ, въ 4-ку, въ 8-ку и въ 16 долю листа. Изъ четырехъ древнѣйшихъ. XVI в.. какъ указано, двѣ въ 4-ку и двѣ въ л. Изъ описанныхъ мною самая большая, по формату, рукопись—это Подносный экземпляръ МДА. № 14, XVII в., самая малая въ МПМ. № 13.

Форматъ иллюстраціи не всегда соотвѣтствуетъ формату рукописи: то есть, меньшаго размѣра миніатюры иногда помѣщаются въ листовой рукописи между миніатюрами листоваго формата, какъ напр. въ МПМ. № 156, начала XVII в., въ Филаретовскомъ экземплярѣ КДА. № 58 [новый № 158] XVI в., въ рук. Зайцевскаго, содержащей въ себѣ копію съ Чудовскаго Перевода 1638 г., въ Подносномъ экземплярѣ МДА. № 14.

Лицевые Апокк. одной и той же редакціи могутъ быть разныхъ форматовъ; напр. моя, ранней редакціи, въ 4-ку и МПМ. № 156 въ л.; обѣ начала XVII в.; СПБ. № 225 въ 4-ку и МПМ. № 214 въ л., обѣ половины XVII в.; СПБ. № 229 въ 4-ку и Амфилох. № 31 въ 4-ку, обѣ Петровскаго времени, и Вахрамѣевск. въ л., XVIII в.

Нѣкоторыя редакціи остались только въ одномъ форматѣ. Таковъ мой юсовой Апок. XVI и двѣ его копіи, одна моя, 1705 г. и другая Тихонравов. XVIII в., всѣ три въ 4-ку, и въ томъ же форматѣ вошло нѣсколько миніатюръ этой редакціи въ листовой Апок. МПМ. № 5.

Съ раннихъ временъ усвоила себѣ листовой форматъ редакція Филаретовско-Чудовская, по названнымъ выше рукописямъ XVI и XVII вв., и удержала его до новѣйшихъ временъ во множествѣ дюжинныхъ копій такъ называемаго Поморскаго издѣлія. Но и этой редакціи есть рукописи въ 4-ку, напр. МПМ. № 499, 1708 г., и въ 16 д. л., какъ замѣчено выше, въ рук. графа Уварова № 74 [Царск. № 673] 1845 г.

Въ бо́льшемъ разнообразіи редакцій дошли до насъ рукописи въ 4-ку.

Изъ переплетовъ всѣхъ описанныхъ здѣсь рукописей заслуживаетъ вниманія только окладъ упомянутаго уже Подноснаго экземпляра МДА. № 14, въ большой листъ. XVII в., о чемъ см. подробности въ своемъ мѣстѣ.

Переплеты рукописей содержатъ или только одинъ Лицевой Апокалипсисъ особнякомъ, или къ нему прилагаются въ началѣ или въ концѣ другія писанія, иногда тоже съ миніатюрами, но большею частію безъ нихъ.

Иногда приложенія эти по своему содержанію ничего не имѣютъ общаго съ Апокалипсисомъ и попали въ одинъ съ нимъ переплетъ случайно, какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи: иногда же состоятъ съ нимъ въ бо́льшей или меньшей связи. Таковы слѣдующія приложенія.

1) Житіе и хожденіе Іоанна Богослова *: въ Соловецкой юсовой рук. № 1 [новый № 159], XVI-в., слѣдуетъ за Апокалипсисомъ; въ Барсов. рук. № 113, XVI-в., съ иллюстраціею XVIII-в., предшествуетъ ему; въ моей рук. 1721 г., слѣдуетъ за нимъ. Во всѣхъ трехъ приложеніе это безъ миніатюръ. Предки наши читали въ немъ, между прочимъ, сказаніе о составленіи самаго Апокалипсиса Іоанномъ Богословомъ на островѣ Патмосѣ, при участіи ученика его Прохора, писавшаго эту книгу со словъ своего вдохновеннаго учителя. Событіе это, изображаемое иногда между начальными миніатюрами нашихъ Лицевыхъ Апокк., напр. въ Филаретовск. экземплярѣ XVI в. м. 2, въ Хлудовск. рук. № 358, 1708 г. м. 2 [копія краск. 22],— изложено въ слѣдующемъ повѣствованіи Прохора, по принадлежащей мнѣ лицевой рукописи XVIII-в.: «Отшедше отъ града яко тріе поприщъ на мѣстѣ безмолвнѣ, и обрѣтохомъ пещеру и пребывахомъ ту 10 дній; бяше же вода въ пещерѣ той. И кончевающу же коемуждо дній вхожахъ азъ во градъ и ядяхъ съ братіею; Іоаннъ пребысть не ядя 10 дній, и въ 10-й же день помысли внити во градъ, и преклонивъ колѣнѣ помолися яко излѣзти ему изъ пещеры [*вар.* съ горы]. И бысть гласъ къ нему глаголя: Іоанне, Іоанне! Онъ же рече: Что есть, Господи? И рече къ нему: Сотвори въ пещерѣ сей и другую 10 дній, и явятъ́тися тайны многи и велики на мѣстѣ семъ. И сотвори

* Въ изданіяхъ Общества любителей древней письменности см. лицевой списокъ XVII в. подъ цыфрою XXIII, и греческій текстъ 1022 г. съ славяно-русскимъ переводомъ по рук. XV—XVI изслѣдованіе Архимандрита Амфилохія, подъ цыфрою XXXI.

Іоаннъ другую 10 днiй не ядый. И бысть въ постѣ [*вар.* во пстовѣ] велицѣ, и видѣ силы великiи и ангела Божiя учиняюща ему, и видѣ и слыша. И паки призвавъ мя и рече ми: Иди во градъ и возьми хартiю и чернило и пріиди сѣмо. Абiе же внидохъ и вземъ хартiю [*вар.* харатью] и чернило и несохъ ко Іоанну. И рече ми: Яже слышиши изо устъ моихъ, пиши на хартiю [*вар.* на харатью]. И отверзъ уста своя, начатъ глаголати, а азъ писахъ, и сотвориховѣ два дни, онъ глаголя, а азъ пиша. И паки внидоховѣ во градъ и пріидоховѣ въ домъ Сосипатровъ. И постави намъ трапезу, и ядоховѣ и пиховѣ, и пребываховѣ у него. Наутрiя же рече Іоаннъ Сосипатру: Чадо, ищи и еще кожицъ на написаніе Апокалипсiи, рекше Явленiю. И принесе кожици Сосипатръ. И рече ми Іоаннъ: Чадо, сострой кожица, и испиши чисто на ня Апокалипсiи. Азъ же со всѣмъ прилежаніемъ вписахъ Апокалипсiи. По написаніи же ми призвавъ Іоаннъ братiю, и внидохомъ въ церковь. И рече ко мнѣ: Чадо, возьми книги Апокалипсiи, почти е въ уши всей братiи. И пріимъ книги и почтохъ, и всѣмъ слышащимъ, и возрадовашася радостiю великою. И рече имъ Іоаннъ: Возьмѣте книги сiя Апокалипсiи и преписавше положите и во всѣхъ церквахъ. И даетъ имъ яже на кожицахъ, а иже на хартiяхъ оставихъ себѣ». Сказаніе О житiи и хожденiи Іоанна Богослова, присовокупляемое у насъ къ Апокалипсису, какъ отдѣльное приложеніе, на западѣ въ редакціи Англосаксонской, по указанной мною въ своемъ мѣстѣ рукописи XII в., и по Пнкунабуламъ XV в., входитъ въ самый составъ апокалипсической иллюстраціи, какъ это объяснено мною въ разсмотрѣнiи этихъ западныхъ памятниковъ вмѣстѣ съ указаніемъ библiографическихъ данныхъ.

2) Слово Палладiя мниха о второмъ пришествiи: въ концѣ двухъ Лицевыхъ Апокк. одной и той же редакціи, и въ обѣихъ рукописяхъ слово это съ миніатюрами: въ СПБ. Q, Отд. I, № 46 и въ Амфилох. № 31, обѣ Петровскаго времени. Второе пришествіе составляетъ эпизодъ въ апокалипсическихъ видѣніяхъ, и изображеніе его по Аѳонской Ерминiи іеромонаха Дiонисiя Фурноаграфiота, какъ объяснено въ своемъ мѣстѣ, отнесено къ XX главѣ Откровенiя, по нынѣ принятому счету. Въ обѣихъ названныхъ рукк., кромѣ Слова Палладiя, помѣщены еще слѣдующiя за симъ приложенiя.

3) Повѣсть о славѣ небесной и о радости праведныхъ вѣчнѣй, въ СПБ. Q, Отд. 1, № 46, съ миніатюрами.

4) Слово блаженнаго Ипполита папы Римскаго о скончаніи міра, о антихристахъ и о второмъ пришествіи *: въ Апокк. Амфилох. № 31 и въ Хлудов. № 358, 1708 г., въ обоихъ безъ миніатюръ, какъ оно встрѣчается въ другихъ нелицевыхъ рукописяхъ Толковаго Апокалипсиса, начиная съ XIV в., откуда перешло и въ Геннадіевскую Библію 1499, будучи присоединено къ концу Апокалипсиса. Болѣе подробное указаніе на эти рукописи приведено въ своемъ мѣстѣ, при описаніи моего юсоваго Апок., въ иллюстрацію котораго введено Слово Ипполита папы Римскаго, чѣмъ, между прочимъ, и отличается редакція этого Апок. отъ всѣхъ другихъ. Сверхъ того въ рукописномъ Сборникѣ Титова № 523, въ 4-ку, второй половины XVIII в., вмѣстѣ съ лицевымъ Апок. новѣйшей западной редакціи, между другими статьями, помѣщено тоже Слово Ипполита и, кромѣ того, еще двѣ изъ него выдержки.

5) Житіе Андрея Юродиваго, и

6) Житіе Василія Новаго. Оба житія, безъ миніатюръ, помѣщены въ одномъ переплетѣ, вслѣдъ за лицевымъ Апок. Синодальной библ. № 106, по редакціи относящимся къ Подносному экземпляру МДА. № 14. По этому предмету замѣчаетъ Горскій: «Не безъ мысли, кажется, соединены въ рукописи съ Откровеніемъ св. Іоан. Богослова послѣдующія два житія, примѣчательныя по откровеніямъ изъ міра духовнаго». См. Горскаго и Невоструева: *Описаніе Словянскихъ Рукописей Моск. Синод. Библіот.* Москва 1857, во 2-мъ Отд. стр. 196—199. Есть оба эти житія въ нашихъ рукописяхъ и лицевыя, и иллюстрація того и другаго состоитъ въ нѣкоторой связи съ апокалипсическою, какъ это показано при описаніи миніатюръ моего Апок. ранней редакціи, начала XVII в., моего юсоваго XVI в. и Подноснаго экземпляра МДА. № 14. [Смотр. копію краск. 9 и снн. 15, 89, 179, 217, 218, 219, 220, 223].

7) Пророчество Даніила **. Отрывки изъ него, то съ

* Невоструева: Слово св. Ипполита объ Антихристѣ, въ славянскомъ переводѣ, по Чудовскому списку XII-в. Москва 1868, и Срезневскаго: Сказания объ Антихристѣ въ славянскихъ переводахъ. Спб. 1874.

** Оберлена: Пророкъ Даніилъ и Апокалипсисъ св. Іоанна, въ переводѣ протоіерея Романова. Тула 1882.

тремя, то съ четырьмя миніатюрами, присоединены къ концу Чудовскаго Перевода 1638 г., по тремъ изъ извѣстныхъ мнѣ копій XVII в.: Зайцевскаго, МПМ. № 4 и Титова № 528, всѣ три въ л. (снн. 121 и 122). Сверхъ того, въ упомянутомъ выше, подъ рубрикою 4-ою, сборникѣ Титова, № 523, помѣщено съ миніатюрою видѣніе пророка Даніила о четырехъ животныхъ, VII. 2-8. Еще блаженный Ипполитъ, папа Римскій, внесъ видѣнія этого пророчества въ упомянутое выше Слово съ толкованіемъ на Апокалипсисъ, довольно распространенное въ нашей старинной письменности; потому приведенное въ этой рубрикѣ приложеніе къ Чудовскому Переводу, вмѣстѣ съ иллюстрированнымъ Словомъ того же Ипполита, въ моемъ юсовомъ Апок., надобно принять за драгоцѣнный остатокъ лицеваго Апок. съ толкованіемъ Ипполита. На западѣ испанскій монахъ Беатъ въ VIII в. внесъ пророчество Даніила въ свой Толковый Апок., который впослѣдствіи украшали миніатюрами мастера школы Аквитанской, о чемъ см. ниже въ описаніи Альтамировскаго Апок. XII в.

8) Толковая Псалтырь. Съ двумя миніатюрами, на одной изображенъ св. Аѳанасій и на другой царь Давидъ, эта книга въ одномъ переплетѣ помѣщена передъ лицевымъ Апок. въ рук. МПМ. № 156, вѣроятно, съ тою мыслію, чтобы имѣть вмѣстѣ подъ рукою двѣ наиболѣе популярныя толковыя книги— одну Ветхаго Завѣта и другую Новаго. Толкованіе священнаго Писанія послужило здѣсь точкою соединенія.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ лицевыхъ Апокк. самый богатый по приложеніямъ, состоящимъ въ связи съ Откровеніемъ Іоанна Богослова—Хлудова № 358, 1708 г. См. описаніе этой рук.

Теперь обращаюсь къ тексту нашихъ лицевыхъ Апокк.

Текстъ взятъ въ нихъ не простой, какъ въ нынѣ принятомъ Новомъ Завѣтѣ, а толковый, и именно по толкованію св. Андрея архіепископа Кесаріи Капподакійской (въ концѣ V вѣка, съ позднѣйшими прибавленіями), въ переводѣ значительно сокращеннаго греческаго оригинала. См. P. Migne, Patrologiae Cursus Completus: Patrologiae Graecae tomus CVI, 1863, столб. 199-486; слич. тамъ же толкованіе Арѳы, епископа Кесаріи Каппадокійской, столб. 493-786. Только въ очень немногихъ у насъ лицевыхъ Апокк., и то въ позднѣйшихъ, помѣщенъ текстъ безъ толкованія. Самый ран-

ній изъ нихъ, сколько мнѣ извѣстно. это въ лицевой рук. XVII в. графа Уварова № 339 [Царск. № 6], содержащей въ себѣ иллюстрацію Чудовскаго Перевода. Но вообще должно сказать, что апокалипсическія изображенія для нашихъ предковъ служили дополненіемъ къ толкованію. и по этому принципу Лицевые Апокалипсисы, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженствовали уже быть и Толковыми. На этомъ основаніи и сюжеты миніатюръ заимствованы не изъ одного только текста Откровенія. но и изъ толкованія.

На западѣ, между древнѣйшими лицевыми Апокк., какъ показано въ своемъ мѣстѣ, есть и толковые, каковы: Альтамировскій XII в., Пражскій XIV в., Пикупабулы XV в.; но есть и съ однимъ только текстомъ безъ толкованія, каковъ Бамбергскій X в. Что же касается до позднѣйшихъ старопечатныхъ, помѣщаемыхъ въ западныхъ Библіяхъ, то гравюры въ нихъ только при текстѣ *.

Въ нашихъ рукописяхъ передъ Апокалипсисомъ, согласно съ греческимъ оригиналомъ, обыкновенно помѣщаются оглавленіе и слово, посланіе или предисловіе Андрея Кесарійскаго: «Господину моему брату и сослужителю», или, какъ въ греческомъ оригиналѣ—просто: Πρόλογος.

Раздѣляется Толковый Апок. не на 22 главы, какъ въ нынѣ принятомъ у насъ текстѣ и какъ на западѣ въ Вульгатѣ, а на 72 главы, или зачала, распредѣленныя на 24 отдѣла, названныя словами. Символическое основаніе этому дѣленію Андрей Кесарійскій извлекаетъ изъ содержанія Откровенія и тѣмъ какъ бы узакониваетъ этотъ толковый счетъ словъ и зачалъ, придавая ему особенный таинственный смыслъ: «Послушанія убо ради сіе съдѣяхомъ—говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, или прологѣ,—раздѣляюще настоящую книгу на двадесять и четыре слова и на семьдесятъ и двѣ зачалѣ, за тречастную двадесяти четырехъ Старецъ упостась, сирѣчь, тѣлесе и душя и духа, чрезъ нихже отъ начала даже до кончины вѣка благоугодившихъ Богу исполненіе начертавается, якоже въ послѣдующихъ по чину явленно будетъ» [по Кіевск. изданію Копистенскаго 1625 г., стр. 2.] То есть, помноженное на три число апокалипсическихъ Старцевъ, по тройственной ихъ ипостаси,

* Приведенное ниже Толкованіе на Апокалипсисъ Хитрея, 1563 г. не дѣлаетъ исключенія, потому что гравюры въ немъ принадлежатъ къ дюжинной редакціи старопечатныхъ Библій.

или субстанціи,—именно, по тѣлу, душѣ и духу,—даетъ число 72-хъ зачалъ. Сверхъ того, главы раздѣлены на стихи, не всегда согласно съ нынѣ принятымъ дѣленіемъ, и счетъ ихъ не останавливаясь идетъ одинъ и тотъ же отъ 1-го и до послѣдняго, 311-го, по всѣмъ 72 главамъ, а не какъ въ Вульгатѣ и въ нынѣ принятомъ у насъ текстѣ, раздѣленномъ на 22 главы съ своимъ счетомъ стиховъ въ каждой главѣ, всякій разъ начиная съ 1-го.

Для справокъ предлагаю сравнительную таблицу счета главъ толковаго и нынѣ принятаго, или простаго.

толковый.	простой.	толковый.	простой.
Слово первое.		Слово осьмое.	
1	I, 1–9	22	VIII, 7
2	I, 10–20.	23	VIII, 8–9.
3	II, 1–7.	24	VIII, 10–11
Слово второе.		Слово девятое.	
4	II, 8–11.	25	VIII, 12–13
5	II, 12–17	26	IX, 1–12
6	II, 18–29	27	IX, 13–21.
Слово третье		Слово десятое	
7	III, 1–6	28	X, 1–7.
8	III, 7–13	29	X, 8–11. XI, 1–2
9	III, 14–22.	30	XI, 3–10.
Слово четвертое.		Слово одиннадцатое.	
10	VI	31	XI, 11–14
11	V, 1–5.	32	XI, 15–18
12	V, 6–14	33	XI, 19. XII, 1–6
Слово пятое.		Слово двѣнадцатое	
13	VI, 1–2.	34	XII, 7–12.
14	VI, 3–4.	35	XII, 13–17.
15	VI, 5–6.	36	XIII, 1–10
Слово шестое		Слово тринадцатое	
16	VI, 7–8	37	XIII, 11–17.
17	VI, 9–11.	38	XIII, 18
18	VI, 12–17	39	XIV, 1–5.
Слово седьмое		Слово четырнадцатое.	
19	VII, 1–8.	40	XIV, 6–7
20	VII, 9–17.	41	XIV, 8.
21	VIII, 1–6	42	XIV, 9–13

толковый.	простой.
Слово пятнадцатое.	
43	XIV, 14–16.
44	XIV, 17–20.
45 . .	XV, 1–8. XVI, 1
Слово шестнадцатое	
46	XVI, 2.
47	XVI, 3
48	XVI, 4–7.
Слово семнадцатое.	
49	XVI, 8–9.
50	XVI, 10–11.
51	XVI, 12–16.
Слово осмнадцатое.	
52	XVI, 17–21.
53	XVII, 1–5.
54	XVII, 6–18.
Слово девятнадцатое.	
55	XVIII.
56	XIX, 1–7.
57	XIX, 7–10.

толковый.	простой.
Слово двадцатое.	
58	XIX, 11–16.
59	XIX, 17–21.
60	XX, 1–3.
Слово двадцать первое.	
61	XX, 4.
62	XX, 5–6.
63	XX, 7–10.
Слово двадцать второе.	
64	XX, 11–15.
65	XXI, 1–4.
66	XXI, 5–8.
Слово двадцать третье.	
67	XXI, 9–27.
68	XXII, 1–5.
69	XXII, 6–7.
Слово двадцать четвертое.	
70	XXII, 8–9.
71	XXII, 10–14.
72	XXII, 15–21.

Терминъ зачало принятъ только въ кіевскомъ изданіи Копистенскаго и въ копіяхъ съ этого изданія въ нѣкоторыхъ изъ Лицевыхъ Апокк.; но вообще во всѣхъ прочихъ вмѣсто зачала употребляется терминъ глава. Такъ какъ миніатюры располагаются въ нихъ по главамъ, или зачаламъ, а не по словамъ, то это послѣднее дѣленіе, на 24 слова, для апокалипсической иллюстраціи не имѣетъ никакого значенія.

Система толкованія въ Апокалипсисѣ принята та же, что и въ другихъ книгахъ Св. Писанія, то есть, послѣ каждаго стиха помѣщается его толкованіе, которое постоянно отличается отъ него своею рубрикою, или заглавіемъ. Нумерація, отъ 1 до 311, полагается передъ стихомъ въ строкѣ, а иногда на полѣ противъ текста. Текстъ или остается безъ заглавія, которое замѣняется славянскою цифрою стиха, или озаглавливается терминами: Богословъ, гранъ [στίχος], сущее, лежащее; толкованіе, которое слѣдуетъ за своимъ текстомъ, озаглавливается терминами: толкъ, толкованіе, сказаніе.

За текстомъ каждаго стиха можетъ слѣдовать или одно толкованіе, или нѣсколько, обыкновенно до трехъ; потому Апокалипсисы бываютъ однотолковые и троетолковые. Древнѣйшіе списки всѣ однотолковые, именно съ сокращеннымъ толкованіемъ Андрея Кесарійскаго; троетолковые и многотолковые относятся къ позднѣйшимъ: въ нихъ при каждомъ стихѣ къ толкованію Андрея Кесарійскаго присоединяются еще другія толкованія, которыя отмѣчаются терминами: инаго толкованіе, инаго толкъ, или просто: инаго, или: еще паки.

Въ Тихонрав. рукописи 1731-1736 г., въ слѣдъ за однотолковымъ Апок. Лицевымъ, помѣщенъ другой, безъ миніатюръ, въ заглавіи названный именно Троетолковымъ.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ на поляхъ выставлены глоссы, въ которыхъ объясняются или исправляются выраженія текста и толкованія, а также разныя замѣчанія и ссылки на Св. Писаніе и Отцевъ Церкви. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ Соловецкій юсовой Апок. КДА. № 1 [новый № 159] и мой юсовой, оба XVI в.

Иногда глоссы введены въ самый текстъ; въ такомъ случаѣ становится возможнымъ опредѣлить взаимное отношеніе списковъ, какъ напр. это показано въ разсужденіи Филаретовскаго экземпляра КДА. № 58 [новый № 158], Хлудовск. № 7 и моего юсоваго, всѣ три XVI в.

Нѣкоторые изъ древнѣйшихъ списковъ носятъ на себѣ болѣе или менѣе явственные признаки югославянскаго происхожденія, именно оба вышеупомянутые Соловецкіе, юсовой и Филаретовскій. Другіе приняли большой юсъ, какъ въ моемъ юсовомъ и въ только что названномъ Хлудовскомъ, въ слѣдствіе распространившагося у насъ въ XVI в. искусственнаго книжнаго правописанія. Сверхъ примѣтъ югославянской грамматики Соловецкій юсовой Апок. отличается особенностями говора югозападной Руси, а въ замѣткахъ на поляхъ—сильно ополяченнымъ языкомъ. Кромѣ того, въ Апок. Хлудова № 358, 1708 г., и въ Апок. СПБ. № 229, Петровскаго времени, вставлены кое-гдѣ толкованія на нарѣчіи бѣлорусскомъ. Во всѣхъ другихъ описанныхъ здѣсь рукописяхъ господствуетъ языкъ великорусскій, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ принятъ текстъ по изданію Копистенскаго, отличающемуся примѣтами говора югозападной Руси.

Вообще надобно сказать, что наши писцы и иконописцы съ одинаковымъ вниманіемъ и тщательностью относятся и къ тексту, и къ его иллюстраціи, не увлекаясь однимъ въ ущербъ другому. Только въ послѣдствіи, съ развитіемъ ремесленной рутины въ мастерскихъ иконописнаго дѣла, могли произойти такіе Лицевые Апокалипсисы, каковъ Подносный экземпляръ по рук. МДА. № 14, второй половины XVII-в., въ которомъ замѣчательно изящная по своей отдѣлкѣ иллюстрація изготовлена была на однихъ и тѣхъ же листахъ съ самымъ ошибочнымъ текстомъ, иногда доходящимъ до безсмыслицы, хотя и написаннымъ довольно тщательно и каллиграфически. Такого разлада между письмомъ и иллюстраціею въ древнихъ и лучшихъ спискахъ не замѣчается. Даже есть прямыя указанія, что въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ Лицевыхъ Апокк. и письмо, и иллюстрація составлены съ знаніемъ дѣла однимъ и тѣмъ же лицомъ, какъ напр. въ моемъ Апок. ранней редакціи начала XVII в. Впрочемъ въ новѣйшее время, съ конца XVII в. и до текущаго столѣтія включительно, болѣе осмотрительные изъ составителей Лицевыхъ Апокк. принимали мѣры противъ помѣщенія въ нихъ искаженнаго и вообще устарѣлаго, неудобопонятнаго текста и толкованій. Для этого они брали исправленный текстъ по печатнымъ изданіямъ, и только неисправленное толкованіе приводили изъ рукописей, или же и то и другое переписывали съ кіевскаго изданія Копистенскаго 1625 г. Съ особеннымъ тщаніемъ и внимательностью къ тексту и толкованіямъ составленъ экземпляръ Хлудова № 358 въ л., 1708 г. Въ немъ къ иллюстраціи въ рукописной копіи съ кіевскаго изданія Копистенскаго 1625 г., снабженной выписками изъ троетолковаго Апокалипсиса, присовокуплены еще два старопечатныхъ изданія, вопервыхъ, то же толковое 1625 г., и вовторыхъ, Кутеинское изданіе Апокалипсиса 1652 г., раздѣленнаго по нынѣ принятому счету на 22 главы, и безъ толкованія.

Теперь о редакціяхъ Толковаго Апокалипсиса Андрея Кесарійскаго въ нашихъ Лицевыхъ рукописяхъ. Ихъ насчитывается до четырехъ, а именно:

Вопервыхъ, господствующая въ большинствѣ списковъ, какъ старыхъ, такъ и новѣйшихъ. Это та самая редакція, которую описали Горскій и Невоструевъ въ Описаніи Славянскихъ рукописей Моск. Синод. Библіотеки, Москва

1855-1857, Отд. I, стр. 157-160 и Отд. II, стр. 192-195, и изъ которой, по изслѣдованію этихъ ученыхъ, извлеченъ текстъ для Библіи Геннадіевской 1499 г. и двухъ другихъ, принадлежащихъ Синод. библіотекѣ, №№ 1, 2 и 3. Изъ древнѣйшихъ Лицевыхъ Апокк. она принята въ Филаретовскомъ экземплярѣ по рук. КДА. № 58 [новый № 158], въ Хлудов. № 7 и въ моемъ юсовомъ, въ описаніи котораго она подробно разсмотрѣна въ сличеніи съ древнѣйшимъ спискомъ по пергам. рук. Румянц. Музея № 8, въ 8-ку, XIII-XIV в.

Вовторыхъ, редакція моего Апок. въ 4-ку и МПМ. № 156 въ л., оба—начала XVII в., съ иллюстраціею, отличающеюся остатками далекой старины. Редакція эта отличается отъ прочихъ не только особенностями въ переводѣ съ греческаго, но и такою примѣтою въ греческомъ чтеніи, которая, будучи усвоена Вульгатѣ, у насъ была отвергнута; именно: замѣна Ангела Орломъ въ стихѣ 13-мъ VIII-ой главы, по нынѣ принятому счету, или въ гл. 25-ой, по толковому. Подробности см. въ описаніи моего Апок. ранней редакціи, начала XVII в.

Втретьихъ, редакція самостоятельнаго перевода, очень тщательнаго, но съ рѣзкими латинизмами, какъ напр. экстерминансъ (въ рук. ексътерминаньс)—exterminans, по нынѣ принятому счету IX, 11, по толковому гл. 26,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ народными реченіями югозападной Руси и въ складѣ народнаго же иногда словосочиненія. Она принята въ одной только рук., именно Соловецкой юсовой КДА. № 1 [новый № 159].

Вчетвертыхъ, редакція еще другаго перевода, очень старательно и съ знаніемъ дѣла составленнаго, съ греческими и славяно-русскими глоссами и ссылками на книги Св. Писанія и Отцевъ церкви, въ Кіевопечерскомъ изданіи архимандрита Захаріи Копистенскаго 1625 г., въ л., подъ заглавіемъ: Святаго Отца нашего Андреа Архіепископа Кесаріа Каппадокійскіа. Тлъкованіе на Апокалѵѱінъ святаго Апостола и Евангелиста Христова Іоанна Богослова, отъ Еллинѣскаго на діалектъ Славенскій преведенное, и чинно расположенное. Изданіе это было начато печатаніемъ еще при предшественникѣ Копистенскаго архимандритѣ Кіевопечерской лавры Елиссеи Плетенецкомъ, какъ свидѣтельствуетъ самъ Копистенскій въ посвященіи этой

книги Григорію Далмату. За посвященіемъ слѣдуетъ очень дѣльное Предсловіе ко читателю іеромонаха Тарасія Земки, который, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о переводѣ съ греческаго и вообще о составленіи этой книги: «Вѣждъ же и о семъ читателю: яко древнимъ зводомъ Апокалупсіи растлѣннымъ и съкращеннымъ сущымъ, отъ Еллинскаго сію многотруднѣ истлъкова пречестный въ пресвитерехъ Господинъ Отецъ Лаврентій Зизаніа Тустанóвскій, мужъ Еллинскихъ и Славенскихъ искусный дидаскалъ и проповѣдникъ Слова Божія. Таже отъ люботрудящыхся второе зъ тѣмъжде Еллинскимъ изслѣдовася и исправися.... Къ симъ же всѣмъ отъ своихъ дарованій привнесе еже въ типографіи пречестный іеромонахъ Памво Берында Протосѵтгелъ». Въ концѣ Толковаго Апокалипсиса приложены: 1) Слово албо наука св. Отца нашего Ефрема Сѵріна на Преображеніе, и 2) Оміліа и наука св. Отца нашего Іоанна Златоустаго, архіепископа Константинопольскаго, на св. Великую Пятидесятницу, и наконецъ очень тщательный и подробный указатель. Правописаніе принято искусственное, съ примѣтами южнославянскаго письма и бѣлорусскаго произношенія. На первомъ листѣ заглавіе помѣщено въ рамкѣ въ видѣ окна, или воротъ подъ аркою; по сторонамъ изображены апостолы Петръ и Павелъ, вверху Сошествіе св. Духа, съ четырьмя евангелистами въ медаліонахъ, а внизу—виды Кіевопечерской лавры; на оборотѣ заглавнаго листа въ медаліонѣ же—Успеніе Богородицы, съ Антоніемъ и Ѳеодосіемъ по сторонамъ медаліона. Сверхъ того, во 2-й главѣ, по толковому счету, по нынѣшнему I, 10-20, между текстомъ, на стр. 7, помѣщена довольно хорошо сдѣланная копія съ гравюры Лютерова Апокалипсиса, помѣщеннаго въ его Нѣмецкой Библіи 1534 г. (сн. 271), о чемъ подробнѣе сказано въ своемъ мѣстѣ. Изъ описанныхъ мною Лицевыхъ Апокк. редакція Кіевскаго изданія принята: въ рук. графа Уварова № 58 половины XVII в., Титова № 528 XVII в.; СПБ. № 229, князя Вяземскаго № 141, Дюмушеля, всѣ три Петровскаго времени; Хлудова № 358 1708 г., и крестьянина Немирова XVIII-XIX в., Поморскаго письма. Болѣе подробную характеристику этой редакціи см. въ описаніи упомянутыхъ Апокалипсисовъ князя Вяземскаго № 141 и Дюмушеля.

Сверхъ этихъ четырехъ редакцій, въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ лицевыхъ рукописей толковый Апокалипсисъ замѣненъ простымъ, безъ толкованія, въ нынѣ принятомъ текстѣ, вмѣстѣ съ дѣленіемъ на 22 главы, какъ напр. въ рук. МПМ. № 6 XVIII в., Титова № 523 второй половины XVIII в.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ копій Чудовскаго Перевода текстъ Откровенія заимствованъ изъ нынѣ принятыхъ печатныхъ изданій, а толкованія изъ господствовавшей въ старину редакціи, согласной съ Румянц. рук. № 8 XIII-XIV в., разумѣется, съ значительными подновленіями и съ разными искаженіями, а также съ приложеніемъ другихъ толкованій.

Перехожу къ иллюстраціи. Сначала надобно замѣтить, что въ описанныхъ рукописяхъ для миніатюры приняты слѣдующіе термины: 1) знамя—въ Филаретовскомъ экземплярѣ КДА. № 58 [новый № 158] XVI в., въ отдѣльныхъ листахъ князя Вяземскаго № 144, XVIII в., именно въ миніатюрѣ, изображающей Вознесеніе; 2) мѣсто—въ Соловецкой рук. КДА. № 62 [новый № 164], въ отдѣльныхъ листахъ кн. Вяземскаго № 143, въ моей рук. съ миніатюрами редакціи Апок. Спб. № 225, всѣ три XVIII в.; 3) лице—въ СПБ. F. Отд. I, № 528 въ л. 1808 г.; 4) кунштъ, терминъ, употреблявшійся у насъ въ старину собственно для гравюръ—въ СПБ. F. Отд. I, № 70 въ л. второй половины XVII в., редакціи Подноснаго экземпляра МДА. № 14, на послѣднемъ листѣ въ библіотечной помѣтѣ, позднѣйшей скорописью, въ отличіе отъ текста, который называется прописями, и вмѣстѣ съ оригинальнымъ употребленіемъ слова лице въ собственномъ его смыслѣ: «Въ сей книгѣ имѣется кромѣ прописей однихъ кунштовъ 84 листа. На сихъ кунштахъ изображенныхъ лицъ, какъ-то: ангильскихъ [sic] и человѣческихъ—837»; то есть: досужій библіоманъ, конца прошлаго или начала текущаго столѣтія, толкуя посвоему терминъ лицевая рукопись—взялъ на себя трудъ пересчитать въ этомъ Апокалипсисѣ головы всѣхъ фигуръ.

Миніатюристъ въ описанныхъ мною рукописяхъ называется иконникомъ, какъ поименовалъ себя старецъ Филаретъ въ своемъ экземплярѣ, по Соловецк. рук. КДА № 58 (новый №158), и иконописцемъ, какъ означено на м. 23, въ моемъ Апок. ранней редакціи: помѣшался иконописсцъ, т. е. ошибся.

По отношенію иллюстраціи къ письму, изслѣдованныя здѣсь

рукописи дѣлятся на два главные разряда. Въ однѣхъ—миніатюры помѣщены на тѣхъ же листахъ, на которыхъ писанъ и текстъ съ толкованіями, и притомъ или только на задней сторонѣ миніатюръ, или же и на одной вмѣстѣ съ ними страницѣ; въ другихъ рукописяхъ только посредствомъ переплета собраны въ одно цѣлое письмо и иллюстрація; сначала же то и другое было изготовлено отдѣльно, само по себѣ, и уже потомъ, въ готовую рукопись, гдѣ слѣдуетъ, по содержанію, были вставляемы миніатюры, задняя сторона которыхъ потому остается чистою, не исписанною.

Къ первому разряду принадлежатъ: мой Апок. начала XVII в. ранней редакціи; МПМ. № 156 того же времени и той же редакціи; мой юсовой XVI в.; Чудовской Переводъ 1638 г. по рук. Зайцевскаго XVII в., графа Уварова № 339 [Царск. № 6] XVII в.; СПБ. № 225 и МПМ. № 214, и графа Уварова № 58, всѣ три половины XVII в.; мой 1671 г.; Подносный экземпляръ МДА. № 14 XVII в.; СПБ. № 229, князя Вяземскаго № 141, Дюмушеля и Тихонравова въ 8-ку, всѣ четыре Петровскаго времени, и нѣкоторые друг.

Самая тѣсная связь между письмомъ и иллюстраціею доходитъ до полнѣйшей ихъ неразрывности, когда письмо, такъ сказать, переходитъ въ миніатюру, составляя ея многострочную надпись; т. е. когда и по сторонамъ ея, и вверху, или внизу, идутъ строки письма, содержащія въ себѣ продолженіе текста, или его окончаніе, или заглавіе и начало того, что далѣе помѣщено на слѣдующей страницѣ, какъ это особенно характеристично съ систематическою выдержкою принято въ моемъ Апок. начала XVII, ранней редакціи; напр. въ мм. 5, 14, 16, 21, 22 и во мн. др. [снн. 3, 6, 8, 9, 10]. Подробности см. въ описаніи этого памятника. Такую же систему въ неразрывности письма съ миніатюрою представляетъ Англосаксонскій Апок. XII в. и принадлежащія къ его редакціи Инкунабулы XV в., о чемъ см. въ своемъ мѣстѣ.

Ко второму разряду принадлежатъ обѣ Соловецкія рукописи XVI в.—юсовая и Филаретовскій экземпляръ; Тихонрав. № 5, половины XVII в.; рукопись Барсова № 113, съ письмомъ XVI в. и со вставленною въ него иллюстраціею, хотя и XVIII в., но весьма замѣчательною по слѣдамъ ранней иконографіи; наконецъ, къ этому же разряду относится масса позднѣйшихъ Апокк.

и изготовляемыхъ въ настоящее время, такъ называемаго, Поморскаго производства.

Въ этомъ разрядѣ можно встрѣтить такіе экземпляры, въ которыхъ миніатюры, по величинѣ, не одного формата съ рукописью, и если онѣ больше, то бываютъ обрѣзаны, какъ въ Тихонр. № 5, или же и согнуты, какъ въ Соловецкой юсовой.

Въ библіотекахъ публичныхъ и частныхъ можно встрѣтить отдѣльные листы съ апокалипсическими миніатюрами, задняя сторона которыхъ безъ письма. Они предназначались для рукописей Толковаго Апокалипсиса. Такія вставныя миніатюры принадлежатъ преимущественно редакціи Филаретовско-Чудовской, наиболѣе у насъ распространенной. Чтобы удовлетворить большому спросу на эти издѣлія, мастера пользовались особымъ способомъ перевода копій съ оригинала, въ родѣ печатанія. Потому и называю я Апокалипсисы этой редакціи дюжинными. Къ оригиналамъ такихъ копій принадлежитъ Филаретовскій экземпляръ XVI в. Распространялась въ копіяхъ на отдѣльныхъ листахъ еще радакція СПБ. Апокалипсиса № 225, но въ значительно меньшей мѣрѣ. Между описанными мною рукописями см. отдѣльные листы той и другой редакціи князя Вяземскаго № № 144 и 143, XVIII в.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ разрядѣ рукописей, миніатюры помѣщаются при соотвѣтствующей имъ главѣ Толковаго Апокалипсиса, и притомъ не передъ главою, а послѣ нея, такъ чтобы сначала прочесть текстъ и толкованія на него, и потомъ уже, съ надлежащимъ уразумѣніемъ смысла каждаго изъ апокалипсическихъ видѣній, обозрѣть его изображеніе, которое въ нѣкоторомъ смыслѣ дополняло своею наглядностью толкованіе. На западѣ, въ древнѣйшихъ рукописяхъ, миніатюры полагаются, какъ и у насъ, тоже послѣ соотвѣтствующихъ имъ текстовъ, какъ напр. въ Бамбергскомъ Апок. X в. Но въ старопечатныхъ Апокалипсисахъ, помѣщаемыхъ въ изданіяхъ Библіи XV и XVI вв., уже такъ же какъ и въ новыхъ иллюстрированныхъ книгахъ, гравюры полагаются передъ соотвѣтствующими имъ главами. Это западное нововведеніе принято у насъ въ болѣе позднихъ рукописяхъ, тронутыхъ западнымъ вліяніемъ; напр. въ СПБ. № 229 и Амфилох. № 31, обѣ Петровскаго времени; а также и въ многихъ изъ новѣйшихъ дюжинныхъ копій редакціи Чудовскаго Перевода.

Сверхъ того, три изъ описанныхъ мною рукописей отличаются отъ всѣхъ прочихъ особеннымъ порядкомъ въ помѣщеніи миніатюръ между текстомъ и толкованіями. и именно по двумъ системамъ.

Одна система принята въ моемъ Апок. ранней редакціи и въ Апок. графа Уварова № 58, половины XVII в. Она подробно объяснена въ описаніи сказанной моей рукописи; состоитъ въ томъ, что миніатюра полагается не послѣ главы Толковаго Апокалипсиса, какъ это принято въ другихъ хорошихъ редакціяхъ, а между цѣлою группою текстовъ и соотвѣтствующею имъ группою толкованій, такъ что миніатюра является звеномъ, соединяющимъ толкованіе съ текстомъ. Хотя и по иллюстраціи и еще болѣе по редакціи Толковаго Апокалипсиса, оба эти памятника существенно между собою отличаются, такъ какъ въ моемъ, вмѣстѣ съ Апок. МПМ. № 156—своя собственная, оригинальная редакція, а въ Уваровскомъ—по Кіевскому изданію Копистенскаго 1625 г., о чемъ уже сказано выше; однако общая обоимъ имъ система размѣщенія миніатюръ, такая необычайная и вмѣстѣ столько разумная и удобная, была у насъ въ старину явленіемъ не исключительнымъ и случайнымъ, а принадлежала цѣлому разряду лицевыхъ Апокалипсисовъ, образчики которыхъ дошли до насъ въ этихъ двухъ рукописяхъ.

Другая система встрѣтилась мнѣ только однажды, именно въ моемъ Апок. 1671 г., въ одномъ изъ древнѣйшихъ Троетолковыхъ, съ помѣтою года написанія. Она состоитъ въ томъ, что миніатюры помѣщаются не въ самомъ концѣ главы, послѣ прочихъ толкованій, приложенныхъ къ однотолковому Апокалипсису, какъ это принято во всѣхъ Троетолковыхъ рукописяхъ, а тотчасъ послѣ перваго толкованія, принадлежащаго Андрею Кесарійскому, и уже за миніатюрою слѣдуютъ толкованія прибавочныя; т. е. миніатюра стоитъ между первымъ толкованіемъ и присоединенными къ нему иными. См. подробнѣе въ описаніи самой рукописи, которая по этой системѣ предлагаетъ одинъ изъ первыхъ опытовъ внесенія иллюстраціи въ Троетолковые Апокалипсисы.

Въ разсужденіи редакціи и вообще характера нашихъ Лицевыхъ Апокк. надобно обращать вниманіе на *число* помѣщенныхъ въ каждомъ изъ нихъ миніатюръ, при чемъ, конечно,

пропущенныя или въ позднѣйшее время вставленныя въ болѣе раннюю иллюстрацію не берутся въ расчетъ.

Такъ какъ иллюстрація примѣнена у насъ къ Толковому Апокалипсису, то числомъ его зачалъ, или главъ, опредѣляется нормальное число миніатюръ—72-мя. Съ наибольшею выдержанностью число это наблюдается въ редакціи Филаретовско-Чудовской во множествѣ копій, какъ старыхъ, такъ и новѣйшихъ. Но кромѣ того иллюстрація могла осложняться двумя путями: со внутренней стороны, въ предѣлахъ сказанныхъ 72 главъ, и со внѣшней—въ приложеніи къ нимъ, въ началѣ Апокалипсиса или въ концѣ, и потому въ обоихъ случаяхъ число миніатюръ должно было возростать.

Въ первомъ случаѣ, не ограничиваясь только главами, иллюстрація дробится и по отдѣльнымъ частямъ той или другой главы, т. е. по стихамъ. Такъ напр. въ моемъ Апок. ранней редакціи, не смотря на его дефектность, 73 мм., а въ родственномъ съ нимъ по редакціи МПМ. № 156—81 м.; въ Тихонрав. № 5, половины XVII в.—81 м.; въ Уваровск. № 58, того же времени, хотя только 54 мм., но рукопись безъ начала и конца, и на основаніи того, что̀ въ ней содержится, безошибочно надобно заключить, что въ полномъ своемъ составѣ содержала она не менѣе 84 мм.; въ Подносномъ экземплярѣ МДА. № 14—73 мм., а въ родственныхъ съ нимъ, по редакціи СПБ. F. Отд. I, № 70 и Синод. № 106, въ обоихъ по 86 мм.; въ СПБ. № 299—79 мм.; въ моемъ Апок. 1721 г.—78 мм., а въ Тихонрав. 1731-1736 г. той же редакціи—83 мм. Самое бо̀льшее число миніатюръ встрѣтилось мнѣ въ двухъ Апокк. общей имъ обоимъ редакціи; именно: въ одномъ князя Вяземскаго № 141—253 мм. и въ другомъ Дюмушеля—246 мм., оба Петровскаго времени.

При описаніи самыхъ рукописей, въ возможной подробности касаюсь я этого размноженія миніатюръ; здѣсь же замѣчу вообще, что оно говоритъ въ пользу разнообразія нашихъ лицевыхъ экземпляровъ и свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о богатствѣ источниковъ, которыми наши мастера пользовались, а съ другой и о нѣкоторой самостоятельности въ разработкѣ подробностей одного и того же иконографическаго сюжета.

Умноженіе числа миніатюръ, отъ внѣшняго приложенія ихъ къ семидесятидвухглавому составу Толковаго Апокалипсиса,

оказалось именно въ тѣхъ, уже названныхъ, рукописяхъ, въ которыхъ къ этому составу присовокуплена иллюстрація изъ пророчества Даніила и изъ толкованія Ипполита Папы Римскаго. Первое приложено въ концѣ нѣкоторыхъ экземпляровъ Чудовскаго Перевода, и потому нормальное число этой редакціи 72 возросло въ рук. Зайцевскаго до 75, а въ рук. Титова № 528 до 77. См. описаніе самыхъ рукописей, гдѣ указана введенная въ это прибавленіе еще миніатюра съ изображеніемъ Чистоты. Сказаніемъ Ипполита Папы Римскаго съ миніатюрами начинается иллюстрація самостоятельной редакціи въ моемъ юсовомъ Апок. XVI, и сверхъ того при 1-й главѣ вмѣсто одной миніатюры помѣщено три, такъ что всѣхъ миніатюръ вмѣсто 72-хъ насчитывается 78.

Если въ старыхъ, хорошихъ Апокк. оказывается менѣе 72-хъ миніатюръ, то всегда надобно предполагать, что недостающія или утрачены, если онѣ вставлены въ рукопись на отдѣльныхъ листахъ, какъ въ Соловецкомъ юсовомъ, только съ 65 мм., или онѣ почему либо не были изготовлены и опущены, когда всѣ прочія помѣщены, гдѣ слѣдуетъ, въ текстѣ и толкованіяхъ, какъ въ моемъ Апок. 1671 г. съ 61 только миніатюрою. Въ Филаретовскомъ экземлярѣ по Соловецк. рук. XVI в., со вставными миніатюрами, въ числѣ 70, недостающія означены на листахъ рукописи современнымъ ей почеркомъ такою помѣтою: *безъ знамени*, т. е. безъ миніатюры, см. л. 150.

Вообще въ старину не было обычая занумеровывать миніатюры, когда онѣ помѣщены въ письмѣ самой рукописи; если же онѣ вставлялись, то занумеровывались, какъ это принято было еще въ XVI в. въ экземплярѣ Филаретовскомъ. Въ послѣдствіи порядокъ миніатюръ въ копіяхъ редакціи СПБ. № 225 отмѣчался техническимъ терминомъ: *мѣсто*, какъ уже замѣчено выше, съ присоединеніемъ буквенной или арабской цыфры.

На западѣ древнѣйшіе Апокалипсисы отличаются также многочисленностью миніатюръ: въ Бамбергскомъ X в. ихъ насчитывается 50, въ Альтамировскомъ XII в.—110, въ Англосаксонскомъ XII в.—92, въ Инкунабулахъ XV в.—91, въ Пражскомъ XIV в.—84; и только въ позднѣйшее время, когда иллюстрація въ печатныхъ изданіяхъ была принаровлена къ 22 главамъ Апокалипсиса, по счету Вульгаты, число изображеній значительно сократилось. Въ Апокалипсисѣ, по изданію въ

Нюренбергской Библіи 1483 г. и въ Венеціанской 1492 г. всего только по 8 гравюръ; въ Лютеровомъ 1534 г. 26 гравюръ; Апокалипсисъ Альбрехта Дюрера 1498 г. вмѣстѣ съ заглавіемъ, состоитъ всего изъ 16 листовъ.

У насъ, по вліянію западному, вмѣстѣ съ раздѣленіемъ текста на 22 главы, и при томъ безъ толкованій, по рук. Титова № 523, второй половины XVIII в. помѣщено въ Апокалипсисѣ только 20 миніатюръ. Подъ тѣмъ же вліяніемъ, какъ объяснено въ своемъ мѣстѣ, въ Аѳонской Ерминіи, или Наставленіи въ живописи Діонисія Фурноаграфіота, весь циклъ апокалипсическихъ видѣній распредѣленъ только въ 24-хъ картинахъ.

Въ заключеніе о счетѣ миніатюръ надобно сдѣлать одно очень важное замѣчаніе. Въ моемъ Апок. ранней редакціи кромѣ миніатюръ, писанныхъ по общепринятому обычаю только на одной страницѣ, есть много и миніатюръ двойныхъ, т. е. такихъ, которыя писаны на обѣихъ страницахъ раскрытой рукописи, именно на лѣвой и на правой. Иногда рисунокъ сюжета въ своихъ очеркахъ переходитъ съ лѣвой страницы на правую, какъ это втрѣчается напр. въ Пражскомъ Апок. XIV в. въ изображеніи Третьяго Всадника, на стр. 58-59; иногда сюжетъ раздѣленъ на два эпизода, которые и размѣщены налѣво и направо на той и другой страницѣ; подробности см. въ описаніи этой рукописи. Такая же система, какъ исключеніе, встрѣчается въ Тихонр. Апок. № 5, половины XVII в. мм. 27 и 28, а также кое-гдѣ въ СПБ. № 225. Въ этихъ случаяхъ приходилось иногда обѣ половины считать за отдѣльныя миніатюры, иногда же на двухъ страницахъ видѣть только одну миніатюру. Потому нѣкоторые изъ снимковъ изъ моего Апок. ранней редакціи вдвое больше другихъ своимъ форматомъ, будучи сняты съ двойныхъ миніатюръ.

Миніатюры въ нашихъ Апокк. писаны или въ рамкахъ, или безъ рамокъ. Та и другая система одинаковой древности, и обѣ ведутъ свое начало въ европейской письменности отъ античнаго преданія. Чѣмъ ближе состоитъ въ связи изображеніе съ письмомъ, тѣмъ болѣе оно съ нимъ сливается въ одно цѣлое, и по тому самому не можетъ уже быть отдѣляемо отъ него рамками, какъ это принято въ моемъ Апок. ранней редакціи, начала XVII в Но вообще, слѣдуя художественному преданію, въ нашихъ Апокк. господствуетъ иллюстрація въ

рамкахъ, обведенныхъ или простыми линіями, или цвѣтными полосами, которыя украшены иногда орнаментами. Самыя красивыя рамки предлагаетъ Подносный экземпляръ въ рук. МДА. № 14, второй половины XVII в.

Великолѣпіе миніатюръ этого экземпляра охраняется прокладками изъ цвѣтной шелковой ткани, которыя вставлены въ такія же рамки съ орнаментами.

Въ рукописяхъ XVI в. миніатюры писаны и безъ рамокъ, какъ въ Соловецк. юсовомъ Апок., и въ рамкахъ, какъ въ моемъ юсовомъ, Филаретовскомъ и Хлудовскомъ юсовомъ № 7. Въ половинѣ XVII в. безъ рамокъ миніатюры писаны въ Апок. СПБ. № 225; но въ позднѣйшихъ копіяхъ той же редакціи—въ рамкахъ. Въ Тихонр. № 5, миніатюры обрѣзаны; но кажется, что многія были и въ цѣломъ своемъ видѣ безъ рамокъ.

Достойно замѣчанія, что въ Подносномъ экземлярѣ МДА. № 14, не смотря на строго выдержанную систему изящно обрамленной иллюстраціи, нѣкоторыя отдѣльныя фигуры помѣщены кое-гдѣ, при текстѣ на поляхъ, или даже и внутри текста, не обведенныя рамками. Это свидѣтельствуетъ о совмѣстности работы иллюминатора и писца.

Надписи, которыми въ нашихъ рукописяхъ снабжается апокалипсическая иллюстрація, бываютъ двоякаго рода. Или онѣ составляютъ иконографическую принадлежность изображаемыхъ лицъ, будучи начертаны на свиткахъ или хартіяхъ и на открытыхъ книгахъ, которыя держатъ въ рукахъ эти лица, или, относясь вообще къ сюжетамъ миніатюты, какъ объясненіе ихъ, пишутся сами по себѣ, гдѣ попало, вверху, внизу, или около изображеній, бо́льшею частію внутри рамокъ, а иногда и внѣ ихъ.

Строки надписи на свиткахъ принято писать у насъ поперекъ, а на западѣ уже съ древнѣйшихъ временъ—вдоль свитка. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ даже раннихъ нашихъ Апокк., подвергшихся западному вліянію, введено на свиткахъ письмо продольное; именно: въ Соловецк. юсовомъ XVI в. и въ Тихонр. № 5, половины XVII в.

На открытой книгѣ, которую Господь Богъ или ангелъ держатъ обращенною не къ себѣ, а отъ себя, то есть—къ зрителю, или въ которой пишетъ Іоаннъ Богословъ, или Про-

хоръ, по древнему обычаю принято начертывать священный текстъ, а не оставлять страницы пустыми, или проводить только для виду черточки, слѣдуя позднѣйшимъ правиламъ живописи. Этотъ древній обычай, принятый и на западѣ въ раннихъ иллюстраціяхъ, напр. въ Пражскомъ Апок. XIV в., не наблюдается уже въ гравюрахъ XVI в., а такъ же и у насъ въ Апокк., тронутыхъ западнымъ вліяніемъ.

Надписи объяснительныя, т. е. начертанныя въ разныхъ мѣстахъ миніатюры, въ ея рамкахъ или внѣ ихъ, бываютъ двоякаго рода. Въ однѣхъ содержатся самые тексты Писанія, изъ Откровенія Іоанна Богослова и изъ толкованія Андрея Кесарійскаго, въ полномъ ихъ видѣ, или сокращенные, а иногда и просто только заглавія того или другаго изъ 72-хъ зачалъ Толковаго Апокалипсиса. Въ другихъ надписяхъ, болѣе или менѣе, кратко объясняются нѣкоторыя изъ подробностей миніатюры.

Въ надписяхъ перваго рода, а равномѣрно и въ начертанныхъ на свиткахъ и книгахъ, наблюдаются два въ высшей степени важныя для изслѣдователя явленія. Въ однихъ Апокк. онѣ бываютъ по редакціи сходны съ писаніемъ рукописи, въ другихъ— отличаются отъ него своею собственною редакціею. Въ первомъ случаѣ миніатюры составляютъ неотъемлемую принадлежность Толковаго Апокалипсиса и помѣщаются вмѣстѣ съ нимъ на однихъ и тѣхъ же листахъ; второй случай можно встрѣтить при миніатюрахъ, вставленныхъ въ непринадлежавшую имъ рукопись.

Классическій образчикъ обоихъ случаевъ представляютъ три изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ Апокк., именно: мой, начала XVII в. ранней редакціи, Соловецкій юсовой XVI в. и Тихонрав. № 5, половины XVII в. Во всѣхъ трехъ редакціи рукописей различныя: въ каждомъ изъ первыхъ двухъ своя собственная, оригинальная, какъ показано выше, а въ послѣднемъ—обыкновенная, въ старину господствовавшая. Въ первомъ миніатюры принадлежатъ самой рукописи и состоятъ съ нею, какъ замѣчено выше, въ тѣснѣйшей связи, потому и надписи на нихъ вполнѣ той же редакціи, какая принята въ текстѣ и толкованіяхъ. Въ Соловецкомъ юсовомъ и Тихонравовскомъ миніатюры вставныя, и надписи въ нихъ отличаются отъ писанія, принятаго въ обѣихъ этихъ рукописяхъ. Надписи въ Соловецкомъ Апок. взяты изъ ранней редакціи моего Апок. начала

XVII в., а въ Тихонравовскомъ изъ Соловецкой юсовой редакціи, проникнутой латинскими элементами. Такимъ образомъ надписями скрѣпляется, вопервыхъ, сродство двухъ олатыненныхъ иллюстрацій въ рукописяхъ Соловецкой юсовой и Тихонравовской, и, вовторыхъ,—первоначальное происхожденіе переиначенной уже на западный манеръ иллюстраціи Соловецкой XVI в., именно— отъ редакціи ранней, настоящей славянорусской, сохранившейся въ моемъ Апок., хотя и въ спискѣ уже начала XVII в. Подробности см. въ описаніи этихъ трехъ Апокк.

Съ другой стороны, въ такой же мѣрѣ, классическій образчикъ несмысленнаго противорѣчія надписей тексту и иллюстраціи предлагаетъ намъ Подносный экземпляръ въ рук. МДА. № 14, въ которомъ необыкновенно изящныя миніатюры писаны, однако, на листахъ самой рукописи и иногда на одной же стралицѣ вмѣстѣ съ текстомъ.

Надписи, въ которыхъ объясняются неудобопонятныя изображенія, имѣютъ для насъ очень важное значеніе въ двоякомъ отношеніи: вопервыхъ, облегчаютъ изслѣдователя въ опредѣленіи смысла миніатюръ, и вовторыхъ, свидѣтельствуютъ намъ, что наши старинные миніатюристы хорошо понимали то, что рисовали, и вмѣстѣ съ тѣмъ старались влагать смыслъ въ сохраняемые ими архаизмы иконографическаго преданія, становившагося болѣе и болѣе невразумительнымъ. Любопытныя данныя по этому предмету см. въ описаніи моего юсоваго Апок. XVI в. и копіи съ него по моей же рук. 1705 г., а также въ высшей степени замѣчательной иллюстраціи, хотя и XVIII в., вставленной въ рукопись XVI в. Барсова, № 113.

О технической сторонѣ во внѣшнемъ исполненіи изображеній, независимо отъ художественнаго замысла, надобно замѣтить, что главное достоинство описанныхъ здѣсь иллюстрацій состоитъ въ рисункѣ, или въ очеркахъ, а не въ колоритѣ; потому что главное вниманіе миніатюриста сосредоточивалось на воспроизведеніи смысла Писанія, а не натуральности внѣшнихъ предметовъ, для представленія которой необходимо сочетаніе разнообразныхъ красокъ и ихъ гармоническіе переливы въ свѣтотѣни, причиняемые раккурсомъ и перспективою. Преобладаніе рисунка надъ колоритомъ, обусловливаемое вообще малымъ у насъ въ старину развитіемъ художественной техники, особен-

но естественнымъ и пригоднымъ дѣломъ оказалось въ миніатюрѣ, когда одинъ и тотъ же мастеръ былъ и писецъ рукописи, и составитель ея иллюстраціи, начертывавшій тѣмъ же перомъ или тростію и буквы письма, и рисунокъ изображеній.

Потому, уже въ древнѣйшихъ изъ нашихъ Апокалипсисовъ утрачена изящная техника Византійская, въ которой очерки, дѣланные мѣстнымъ колоритомъ, сливались въ одно гармоническое цѣлое съ раскраскою, положенною на левкасъ съ густою подмалевкою. Техника эта, по преданію сохранившаяся у насъ для иконъ на деревѣ, была употребляема и старинными нашими миніатюристами; но изъ всѣхъ бывшихъ у меня подъ руками нашихъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ она оказалась вполнѣ только въ одномъ, второй половины XVII в., именно въ Подносномъ экземплярѣ МДА. № 14 [копіи краск. 19 и 20] и частію въ немногихъ лишь миніатюрахъ—въ моемъ юсовомъ XVI в., напр. въ м. 53 [копія краск. 11].

Но, какъ сказано, вообще въ описанныхъ здѣсь иллюстраціяхъ господствуетъ очеркъ. Онъ бываетъ или грубый въ толстыхъ линіяхъ, какъ напр. въ моемъ Апок. ранней редакціи и МПМ. № 156, оба начала XVII в., въ Филаретовскомъ экземплярѣ XVI в., въ иллюстраціи XVIII в. въ рук. XVI в. Барсова, № 113; или тонкій и нѣжный, какъ въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в., Хлудова № 7, XVI в., графа Уварова № 58, половины XVII в., СПБ. № 229 Петровскаго времени. Особенною бойкостію, безъ наблюденія подробностей, будто въ оригинальныхъ рисункахъ перомъ или карандашемъ настоящихъ живописцевъ, отличаются очерки въ моемъ Апок. ранней редакціи и въ Филаретовскомъ экземплярѣ; замѣчательной тщательностью въ выработкѣ мелочныхъ подробностей превосходятъ всѣ прочія иллюстраціи мой юсовой Апок. XVI в. и Подносный экземпляръ МДА № 14, второй половины XVII в.

Предварительно изготовлялись рисунки черниломъ, и потомъ уже раскрашивались, и иногда такъ умѣренно и такъ наскоро, что колоритъ совсѣмъ пропадаетъ изъ вниманія зрителя передъ рѣзкостью очерковъ, какъ напр. въ Филаретовскомъ экземплярѣ; потому для этого памятника я ограничился только очерками, находя излишнимъ предложить копіи красками.

Упомянутыя выше коллекціи изготовленныхъ листовъ съ миніатюрами, для предполагавшейся вставки ихъ въ рукописи Тол-

коваго Апокалипсиса, каковы напр. князя Вяземскаго №№ 143 и 144, XVIII в., такъ и остались не раскрашенными.

Въ бо́льшей части описанныхъ мною иллюстрацій миніатюры покрыты акварелью и только немногія гвашью, какъ напр. мой Апок. 1671 г., Подносный экземпляръ МДА. № 14 [копіи краск. 18, 19 и 20]. Раскраска дѣлалась обыкновенно наскоро и часто небрежно, какъ бываетъ въ лубочныхъ картинкахъ; но въ лучшихъ экземплярахъ она отличается бо́льшею тщательностью и достигаетъ въ нѣкоторой степени до изящнаго колорита, какъ напр. въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в., графа Уварова № 58, половины XVII в., въ Подносномъ экземплярѣ второй половины XVII в., въ МПМ. № 499, 1708 г. [копіи краск. 9, 10, 11, 15, 16, 19, 20 и 21].

Различіе иллюстрацій по колориту зависѣло отъ двухъ главныхъ причинъ: частію отъ обычая извѣстнымъ образомъ раскрашивать очерки, принятаго въ школѣ, къ которой принадлежалъ миніатюристъ, частію отъ красокъ, сколько и какія могъ онъ имѣть подъ руками для своей работы.

Первою причиною объясняю я очень замѣтную выдержанность линючаго, сѣроватаго и желтовато-кирпичнаго колорита въ копіяхъ редакціи СПБ. № 225, Музейныхъ листовъ № 214, то и другое половины XVII в., и моей рукописи XVIII в. [смотр. копіи краск. 13 и 14].

Нѣкоторыя изъ рукописей украшены золотомъ; но эта дорогая прикраса не всегда служитъ ручательствомъ въ достоинствѣ иллюстраціи. Самыя раннія изъ рукописей, съ прибавкою золота къ раскраскѣ—это Соловецкая юсовая XVI в. и Тихонравовская № 5, половины XVII в. Само собою разумѣется, что Подносный экземпляръ МДА. № 14, богато расписанъ золотомъ.

Архаическую особенность нашихъ иллюстрацій составляютъ монохромы [см. копіи краск. 2, 10, 12].

Растушевка въ постепенномъ переходѣ оттѣнковъ въ описанныхъ здѣсь иллюстраціяхъ представляетъ дальнѣйшее развитіе техники, частію подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ, какъ это особенно замѣтно въ Апок. графа Уварова № 58, половины XVII в. [копіи краск. 15 и 16].

Растушевка гравировальными штрихами въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ иллюстрацій объясняется вліяніемъ западныхъ печатныхъ изданій съ гравюрами, какъ напр. въ Соловец-

комъ юсовомъ Апок. XVI в. м. 58, СПБ. № 229, Амфилох. № 31, князя Вяземскаго № 141, Дюмушеля, всѣ четыре Петровскаго времени, МПМ. № 6, XVIII в. [снн. 180-186, 213 г, 228, 229, 233].

Въ немногихъ изъ описанныхъ здѣсь иллюстрацій принято выводить очерки не черниломъ, а мѣстными красками, какъ напр. въ моемъ Апок. 1671 г. [копія краск. 18]. Иногда мастеръ, пользуясь мѣстными красками для всей фигуры, оставляетъ лицо не нарисованнымъ, предоставляя это дѣло знаменщику, или рисовальщику, который выводилъ черты лица чернильнымъ очеркомъ. Въ другомъ моемъ Апок. 1721 г. съ мѣстными красками въ очеркахъ фигуры, нѣкоторыя изъ лицъ такъ и остались невыполненными, м. 69 [сн. 198].

Относительно человѣческихъ фигуръ иллюстраціи отличаются между собою:

Вопервыхъ, по пропорціямъ въ ихъ размѣрѣ. Въ однѣхъ иллюстраціяхъ онѣ короткія, съ большими головами, какъ напр. въ Соловецкомъ юсовомъ Апок., въ другихъ длинныя, съ маленькими головами, какъ въ Тихонр. № 5.

Однѣ иллюстраціи многолюдныя, то есть съ миніатюрами, наполненными множествомъ фигуръ, другія малолюдныя. Изъ первыхъ первое мѣсто занимаетъ редакція моего юсоваго Апок. XVI в.; а изъ отдѣльныхъ миніатюръ едва ли не самая многолюдная, раздѣленная на двухъ страницахъ, въ Апок. Тихонр. № 5, мм. 27 и 28. Ко второму разряду принадлежатъ: мой Апок. ранней редакціи, начала XVII в. [за исключеніемъ м. 72], князя Вяземскаго № 141 и Дюмушеля, оба Петровскаго времени, частію въ редакціи Подноснаго экземпляра МДА. № 14, и въ нѣк. друг.

Наконецъ, въ однѣхъ иллюстраціяхъ фигуры мелкія, въ другихъ крупныя. Самыя миніатюрныя находятся въ моемъ юсовомъ Апок. XVI; самыя крупныя въ копіяхъ, относящихся къ редакціи Подноснаго экземпляра, по рукк. Синодальн. библ. № 106 и СПБ. F, Отд. I, № 70, мм. 35, 44, 45, 48, 49, 74, 84, 85 [снн. 177 и 178].

Все сказанное здѣсь о технической сторонѣ апокалипсической иллюстраціи составляетъ только, такъ сказать, ея пошибъ, которымъ издавна принято у насъ характеризовать иконопись по техническимъ пріемамъ и внѣшнимъ признакамъ, незави-

симо отъ идеи произведенія и отъ всего того, что входитъ въ составъ его внутренняго содержанія. Что же касается собственно до художественнаго стиля нашихъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ, опредѣляемаго анализомъ нераздѣльной совокупности внѣшнихъ формъ иллюстраціи съ содержимыми въ ней идеями и воззрѣніями, направленными къ уразумѣнію таинственныхъ видѣній Іоанна Богослова; то объ этомъ предметѣ будетъ подробно сказано впослѣдствіи, когда предварительно будутъ предложены необходимыя для того свѣдѣнія.

Теперь я долженъ бы былъ изъ массы разсмотрѣнныхъ мною лицевыхъ экземпляровъ назвать тѣ, которые можно бы было признать за оригиналы въ отличіе отъ копій. Но я не беру на себя рѣшать этотъ вопросъ, имѣя въ виду частые примѣры того, какъ ошибались великіе знатоки искусства и цѣлыя Академіи Художествъ, признавъ за оригинальныя произведенія Леонардо-да-Винчи или Рафаэля такіе экземпляры, которые потомъ оказывались копіями или поддѣлками.

II

Методъ изученія, на основаніи отношенія иллюстраціи къ тексту и толкованіямъ.

Методъ изслѣдованія опредѣляется самою сущностію изучаемаго предмета. Апокалипсическая иллюстрація въ ея древнѣйшихъ и лучшихъ редакціяхъ, какъ у насъ, такъ и на западѣ, принадлежитъ къ такимъ, въ которыхъ изображеніе служитъ не случайною прикрасою книги, какъ въ западныхъ печатныхъ Библіяхъ, начиная съ XVI в., а существеннымъ дополненіемъ къ тексту, состоя съ нимъ въ связи, какъ наглядное его истолкованіе и вмѣстѣ закрѣпленіе въ воображеніи и памяти посредствомъ очертаній, одинаково доступныхъ и книжному человѣку, и неграмотному, согласно ученію св. Отцевъ, что иконопись замѣняетъ грамоту для безграмотныхъ *. Откровеніе Іоанна Богослова, преимущественно передъ прочими книгами св. Писанія, вызывало на художественное творчество въ лицевомъ воспроизведеніи неисчерпаемаго обилія содержащихся въ этой, по объему очень небольшой, книгѣ—видѣній, событій, лицъ и разныхъ иконографическихъ типовъ, символовъ и аттрибутовъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ, для уразумѣнія всѣхъ этихъ необычайныхъ и неудобомыслимыхъ предметовъ, окру-

* Piper, Einleitung in die Monumentale Theologie, 1867, стр. 192; въ моей монографіи о Русской Иконописи, въ Сборникѣ Общества Древне-русскаго Искусства, на 1866 г. стр. 9.

женныхъ неземною, выспреннею таинственностью, сама собою возникала потребность въ завершеніи толкованія на текстъ видимыми простымъ глазомъ живописными очертаніями.

Потому, въ описаніи каждой изъ разсмотрѣнныхъ мною миніатюръ, я руководствовался постоянно тѣмъ правиломъ, чтобы показать, въ какой мѣрѣ изображеніе согласуется съ текстомъ и толкованіемъ, и на основаніи бо́льшаго или меньшаго согласія этого опредѣлялъ достоинство редакціи. Потому же и для читателей этой монографіи при каждой миніатюрѣ означена глава и стихъ, гдѣ содержится соотвѣтствующій ей текстъ, который предварительно нужно прочесть, чтобы вполнѣ ясно слѣдить за моимъ описаніемъ. Хотя, гдѣ слѣдуетъ, я помѣщаю и толкованія Андрея Кесарійскаго; но для желающихъ основательно изучить это произведеніе, рекомендую Кіевское изданіе Копистенскаго 1625 г., а также и новѣйшее изданіе Археографической Коммиссіи въ Макарьевскихъ *Великихъ Минеяхъ*, подъ редакціею Савваитова; см. мѣсяца Сентября число 26-е.

Впрочемъ, для общаго обозрѣнія главнѣйшихъ видѣній и всего состава св. Откровенія, я нахожу нужнымъ привести слѣдующее изъ *Предсловія ко читателю*, Тарасія Земки, въ упомянутомъ Кіевскомъ изданіи.

«Сего ради да возбудишися, о читателю любезнѣе, съвершенно, съ вниманіемъ чести Книгу, кратчайшее ея събраніе въ святыхъ отца нашего Аѳанасіа Архіепископа Александрійскаго, и се полагаю, его же сія суть словеса:

«Апокали́псисъ, сице нарицаетъся Книга. Понеже и сію Апокалипсинъ самъ Іоаннъ Евангелистъ и Богословъ видѣ въ Патмѣ нарицаемомъ островѣ въ день недѣльный: и повелѣнъ написа сію, да послетъ къ Седмимъ Церквамъ симъ, въ Ефесъ, въ Смирну, въ Пергамъ, въ Ѳіатиръ, въ Сарды, въ Филадельфію и въ Лаодикію. А яже сутъ въ видѣніи, многая суть и различная. И конецъ погибель Антихристову съ діаволомъ видѣ. Повелѣваетъ же ся первѣе написати комуждо Ангелу реченныхъ Церквій по коегождо дѣяніемъ. Многая убо видѣ и преславная видѣніа. Видѣ же седмь свитильникъ златыхъ, и посредѣ ихъ подобнаго Сыну Человѣческому: и истолковашася ему, яко свѣтильници суть седмь Церкви, а иже посредѣ ихъ, Господь. Видѣ и дверь отвръстую на небеси, и на престолѣ сѣдящаго Господа, и старця 24, сѣдящія на престолѣхъ и по-

кланяющіася Господеви. Видѣ и седмь печатій раздрѣшенныхъ, и раздрѣшаемой коейждо видѣніе кое бысть. Посемъ видѣ седмь Ангелы имущія седмь трубъ, и коемуждо вострубившу бываше знаменіе: седмому же вострубившу, услыша глаголющія, яко царство міра бысть Господне. И видѣ Кивотъ Завѣта на небеси. Посемъ видѣ Жену болящую, и Зміа огненнаго сію гонящаго, и Жена убо спасеся въ пустыни: Змій же въверженся въ огнь. Посемъ видѣ Звѣря, имущаго роговъ десять и главъ седмъ, и діадима его хулы исполнено; имене же его не яви, но число имене его 666. Слыша и Дѣвы * поющія и послѣдующія Агнцу. И видѣ Ангела, парящаго въ Междонебесіи **, и другаго послѣдующа, и третіего, и облакъ бѣлый, и на немъ сѣдящаго подобнаго Сыну Человѣческому, имущаго на главѣ своей вѣнецъ златый, и въ руцѣ своей серпъ острый. Посемъ видѣ Ангелы седмь, имущія язвъ седмъ послѣднѣйшихъ и фіалъ исполненная ярости Божіа. Посемъ възнесеся духомъ въ пустыню, и видѣ Жену, сѣдящую на звѣрю коккинномъ ***, имущемъ главъ седмъ: и назнамена отъ сея быти Антихристу. Таже видѣ небо отверстое, и коня и Всадника бѣлаго †, и нарицашеся имя его Слово Божіе. Посемъ видѣ Звѣря и царей земля, хотящихъ сътворити брань съ сѣдящимъ на кони бѣломъ, и ятъ бысть Звѣрь, и съ нимъ Лжепророкъ, иже и Антихристъ, и видѣ вометаемыя тыя въ озеро огненное. Посемъ видѣ Ангела, сходящаго съ небесе и низлагающа Сатану †† и имущія образъ его, въ бездну: и заключающа верія, да не къ тому прельщаетъ языки даже до тисущя лѣтъ. Таже видѣ Мученики въ славѣ царствующія въ Христѣ. Посемъ видѣ, яко по тисящи лѣтъ раздрѣшится Сатана, и въверженъ будетъ въ езеро огненное съ Антихристомъ во вѣки вѣковъ. Посемъ видѣ небо новое, и землю, и Іерусалимъ Новый, и видѣ Рѣку Воды живыя, и рабы Божія, зрящія лице Его †††, и имущіа на челѣ имя Его †††.

* Ошибка въ переводѣ, какъ принято и въ Вульгатѣ: virgines enim sunt; у насъ: «зане дѣвственницы суть»: παρθένοι γάρ εἰσιν; отъ прилагат. имени παρθένος. XIV, 4.

** Въ Откровеніи: ἐν μεσουρανήματι; въ испр. «посредѣ небесе» VIII, 13.

*** Т. е. «на звѣрѣ червленѣ»; въ греч. ἐπὶ θηρίον κόκκινον, XVII, 3.

† Бѣлаго относится только къ коню. Въ Откровеніи: «конь бѣлъ», а сидящій на немъ: «облеченъ въ ризу червлену кровію» XIX, 11 и 13.

†† По Откровенію: «ятъ Змія, Змія древняго», и потомъ: «разрѣшенъ будетъ Сатана отъ темницы своея» XX, 2 и 7.

††† У Тарасія Земли въ обоихъ мѣстахъ ошибкою ея, вм. его.

Сія видѣвъ Іоаннъ, паде хотяй поклонитися Ангелу, показующему ему сія вся; и възбрани ему Ангелъ глаголя: Не мнѣ покланяйся, но Богу: азъ бо срабникъ * твой есмь. Видя же сія, слыша отъ Господа нашего Іисуса Христа, яко Сый есть, и той есть Божіе Слово, иже на послѣдокъ насъ ради воплотися, глаголю же, съвершенный бысть Человѣкъ и наречеся Сынъ Человѣческій. Доздѣ Святый Аѳанасій».

Для миніатюриста все содержимое въ апокалипсическихъ видѣніяхъ до послѣдней іоты имѣетъ одинаково обязательную силу для живописнаго воспроизведенія, безъ различія крупныхъ знаменій отъ мелкихъ аттрибутовъ. Въ своемъ безпредѣльномъ благоговѣніи къ тексту онъ даже риторическія уподобленія, встрѣчаемыя въ немъ, принимаетъ за дѣйствительность, и, облекая ихъ въ видимыя очертанія, соединяетъ въ одно цѣлое съ знаменіями видѣнія, или отвлеченной мысли даетъ реальное бытіе въ наглядномъ представленіи лицъ и событій.

Толкованіе Андрея Кесарійскаго у насъ, а на западѣ монаха Беата и другихъ толковниковъ, особенно много способствовало самымъ подробнымъ анализомъ апокалипсическаго текста къ воспитанію и изощренію вниманія миніатюристовъ къ каждому въ немъ слову. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно открывало имъ глаза въ уразумѣніи всего неудобопонятнаго въ видѣніяхъ и давало мысли извѣстное направленіе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можно было понимать различно. Потому толкованія занимаютъ важное мѣсто въ апокалипсической иллюстраціи и нерѣдко даютъ изслѣдователю ключъ къ объясненію многихъ въ ней подробностей.

Многочисленные примѣры всему сказанному здѣсь читатель найдетъ въ описаніи самыхъ рукописей. Теперь же въ систематическомъ порядкѣ главъ Откровенія я предложу болѣе выдающіеся предметы изъ матеріала, какой былъ данъ миніатюристамъ въ текстѣ и частію въ толкованіяхъ. По означеннымъ цыфрами главамъ и стихамъ читатель самъ можетъ подъискивать соотвѣтствующія миніатюры въ разныхъ редакціяхъ нашего Лицеваго Апокалипсиса, а нѣкоторые болѣе рѣзкіе примѣры я буду приводить, гдѣ найду это нужнымъ.

При этомъ читатель долженъ имѣть въ виду выше предложенное общее обозрѣніе Апокалипсиса, данное Аѳанасіемъ

* Въ исправл. текстѣ: клеврет; въ русск. переводѣ, по благословенію Святѣйшаго Синода: сослужитель. XXII, 9.

Александрійскимъ, пріурочивая указываемыя мною подробности къ главнымъ отдѣламъ, расположеннымъ въ текстѣ по четыремъ седмерицамъ, съ переходами отъ одной къ другой, съ эпизодами и обширнымъ заключеніемъ. А именно:

Семь Церквей, съ Ангеломъ при каждой, I-III.
Семь печатей, VI-VIII.
Семь Ангеловъ съ трубами, VIII-XI.
Семь Ангеловъ съ фіалами, XV-XVI.
Заключеніе, XVI-XXII.

I, 10-20. Видѣніе «посредѣ седми свѣтильниковъ подобна Сыну человѣчу», съ подробнымъ описаніемъ его наружности и принадлежностей. «Слышахъ за собою гласъ велій яко трубы глаголющія».... «и обратихся видѣти гласъ»; по толкованію: «не бѣ чувственъ гласъ, [его же слыша] являетъ глаголя: и обратихся, не еже слышати, но и видѣти гласъ». На этомъ основаніи въ нашихъ иллюстраціяхъ изображается труба, исходящая изъ устъ Еммануила или Іисуса Христа;—въ западныхъ эта черта опускается. «Имамъ ключи ада и смерти»: для выраженія этой мысли въ моемъ юсовомъ Апок., кромѣ ключа въ рукѣ Еммануила, внизу въ черномъ щитѣ изображены Адъ съ Сатаною и Смерть [копія краск. 9]. «Таинство седми звѣздъ» на десницѣ Господа Бога особенно принято на западѣ; но встрѣчается и у насъ, частію въ древнихъ редакціяхъ, но особенно въ позднѣйшихъ, тронутыхъ западнымъ вліяніемъ.

II-III. Семь Церквей, съ Ангеломъ при каждой. Особенно подробно воспроизведенъ текстъ Откровенія въ томъ же моемъ юсовомъ Апок., а послѣ него въ рук. Барсова № 113, съ иллюстраціею XVIII в. Въ западныхъ иллюстраціяхъ по старопечатнымъ изданіямъ Библіи, начиная съ конца XV в., равно какъ и въ Аѳонской Ерминіи іеромонаха Діонисія Фурноаграфіота, этотъ отдѣлъ Откровенія вовсе опущенъ. Для иллюстраціи слѣдуетъ замѣтить изъ текста: «тако глаголетъ имѣяй седмь Духовъ Божіихъ» III, 1. Въ сказанной Барсовск. рук. № 113, эти Духи Божіи съ крыльями, какъ ангелы, только обнаженные, и являются по одному при каждой изъ семи Церквей, кромѣ ангела той или другой Церкви, напр. въ м. 5 [сп. 187]. Обнаженные Духи приняты въ редакціи Филаретовской, мм. 2 и 7 [сп. 99]; сюда же относится обнаженный монохромъ въ золотомъ щитѣ въ Подносномъ экземплярѣ МДА.

№ 14, м. 3 [копія краск. 19]. Въ позднѣйшихъ редакціяхъ они одѣты, въ видѣ Ангеловъ, и только надпись свидѣтельствуетъ, что это Духи, напр. въ Хлудовск. № 358, 1708 г. м. 2 [копія краск. 22]. См. также семь Духовъ въ СПБ. № 229, Петровскаго времени, м. 10 [сн. 186 а].

IV-V. Сѣдящій на престолѣ Господь Богъ съ запечатанною книгою, Агнецъ, 24 Старца и проч. Даетъ содержаніе одному изъ наиболѣе распространенныхъ изображеній на древне-христіанскихъ мозаикахъ, въ стѣнной живописи и проч. Текстъ: «Агнецъ стоящъ яко заколенъ» V, 6—присоединяетъ на западѣ къ типу Агнца рану, изъ которой иногда истекаетъ кровь въ сосудъ. У насъ это не принято.

VI, 1-8. При каждомъ изъ четырехъ Всадниковъ, подробно описанныхъ, является одно изъ четырехъ символическихъ Животныхъ, но не названо которое именно, а означено счетомъ: одно, другое и т. д. Руководствомъ для иллюстраціи здѣсь должны были служить слѣдующія толкованія Андрея Кесарійскаго: «Первое же животное Левъ, мнитъ ми ся являти царское Апостоловъ мудрованіе на бѣсы.—Животное мню второе, Тельца глаголетъ, святыхъ мучениковъ священныя жертвы начертавающаго.—Третіе животное здѣ мню Человѣка, глаголетъ, отпаденіе человѣковъ являющаго, и сего ради мученіе, за поползновеніе къ грѣху, властію произволенія.—Высокопарное и быстрое къ трупу, четвертаго животнаго, сирѣчь, Орла, можетъ являти, съвышше отъ Бога посланнаго гнѣва приходящія язвы, въ отмщеніе благочестивыхъ, и въ мученіе нечестивыхъ: аще сими, бывше лучшими, не обратятся» стр. 25-27.

VI, 9-11. «Подъ олтаремъ [т. е. подъ жертвенникомъ] Души избіенныхъ за слово Божіе.....и даны быша коемуждо ихъ ризы бѣлы». Облаченіе обнаженныхъ фигуръ ангеломъ въ одежды болѣе распространено на западѣ, чѣмъ у насъ.

VI, 12-17. «Солнце мрачно бысть яко вретище власяно, и луна бысть яко кровь....и небо отлучися яко свитокъ свиваемо» и проч. подробности.

VII, 1. «И посемъ видѣхъ четыре Ангелы стоящія на четырехъ углѣхъ земли, держащія четыре вѣтры земскія»:—для символики вѣтровъ. Этотъ сюжетъ по всѣмъ редакціямъ нашимъ удерживается почти въ одномъ и томъ же видѣ; потому и не предлагаю его въ снимкахъ.

VII, 9. «По сихъ видѣхъ, и се народъ многъ....стояще предъ престоломъ и предъ Агнцемъ, облечены въ ризы бѣлы и финицы въ рукахъ ихъ»,—одинъ изъ самыхъ раннихъ сюжетовъ, восходящій къ древнехристіанскимъ мозаикамъ.

VIII, 11. Звѣзда Апсинѳосъ.

VIII, 12. Уязвленія третьей части небесныхъ свѣтилъ.

VIII, 13. По варіанту, въ текстѣ изображеніе Ангела или Орла. У насъ: «И видѣхъ, и слышахъ единаго Ангела паряща посредѣ небесе»; въ Вульгатѣ: «Et vidi et audivi vocem unius aquilae volantis per medium coeli», согласно съ греч. варіантомъ: ἑνὸς ἀετοῦ πετομένου ἐν μεσουρανήματι, принятымъ у насъ, какъ замѣчено выше, въ текстѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ иллюстраціи моего Апок. ранней редакціи и МПМ. № 156, оба начала XVII в. Въ изданіи Копистенскаго 1625 г.: «И видѣхъ, и слышахъ единаго Ангела паряща въ посредѣ небесій»; но при этомъ въ глоссѣ: «Орла летяща».

IX, 1—11. Пруги, исходящіе изъ Студенца Бездны и Аваддонъ, или Аполліонъ. Кромѣ Пруговъ, въ старыхъ и новѣйшихъ копіяхъ Чудовскаго Перевода 1638 г. изображены еще змѣи, которыя терзаютъ людей,—это иллюстрація принятаго въ текстѣ уподобленія: «и мученіе ихъ яко мученіе скорпіево, егда усѣкнетъ человѣка» IX, 5.

IX, 13. «И шестый Ангелъ вострубн, и слышахъ гласъ единъ отъ четырехъ роговъ олтаря». Эти рога съ голосомъ изображены въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. въ м. 33 [сн. 97 а], а на западѣ въ Лютеровомъ Апок. 1534 г. грав. 13, откуда это символическое представленіе перешло въ Лицевой Апок. Петра Борхта, 1582 г. [сн. 275 в], внесенный Пискаторомъ въ его Лицевую Библію, грав. 15, и потомъ у насъ подъ вліяніемъ западнымъ встрѣчается напр. въ Апок. графа Уварова, № 129 [Царск. № 7], XVIII в., въ миніатюрѣ при главѣ 27 по толковому счету [сн. 214].

IX, 14-15. Какъ представить четырехъ Ангеловъ, связанныхъ при рѣкѣ Евфратѣ,—въ сіяніи ли, какъ настоящихъ ангеловъ, или безъ сіянія, какъ духовъ погибельныхъ, или аггеловъ,—наши иконописцы должны были держаться слѣдующаго толкованія: «Сія четыре Ангелы, глаголютъ нѣціи Михаила быти, и Гавріила, и Уріила, и Рафаила, привязанныя къ веселію [Божественнаго] зрѣнія, разрѣшатъ же ся въ день судный, съ без-

численными ангелы, на осужденіе нечестивыхъ; ими же третія часть истребится. Азъ же мню, яко и сіи суть прелукавіи бѣси, связанніи въ пришествіи Христовѣмъ; иже по Божественному повелѣнію отъ пренебеснаго Жертовника изыйдошя [егоже бѣ образъ въ Ветсѣй Скиніи] [и ниспадоша] отъ Божественнаго Ангела раздрѣшаютъся, якоже смутити языки, не точію на Христіяны, но и на другъ друга», стр. 42-43. Въ описаніи рукописей я указываю отступленія миніатюристовъ отъ этого толкованія.

X. Облачный Ангелъ. «Имѣяше въ руцѣ своей *книгу* разгибену» 2; въ русскомъ переводѣ по благословенію Святѣйшаго Синода: «Въ рукѣ у него была *книжка* раскрытая»; въ греч. βιβλαρίδιον, лат. libellus—*малая книжица*, какъ и въ Аѳонской Ерминіи іеромонаха Діонисія Фурноаграфіота, въ описаніи апокалипсич. картины 11-ой. У Андрея Кесарійскаго толкуется: «Книжица же, аки малаа сущи, и [зѣло] умалительнѣ глаголаннаа, зѣло лукавѣйшихъ имена и дѣаніа обдержати, мнѣ является, яко на земли разбойничествующихъ, или инако нечествующихъ, и на мори убивающихъ: ихъ же мученіе гадательствуетъ Ангелъ, огненнѣ нозѣ простирая на землю же и на море», по изд. Копистенск. 1625 г. стр. 45. Въ нашихъ редакціяхъ малый размѣръ книжки не наблюдается, хотя въ иныхъ текстахъ, какъ и въ изданіи Копистенск., принято: *книжица*, но въ раннихъ, по древнѣйшей грамматикѣ, въ множ. числѣ: *книгы*, вм. *книга*.—«И егда возгласиша седмь громовъ», 4; у Андрея Кесарійскаго: «Седмь же громовъ, мнимъ, седмь гласовъ разумѣти, отъ единаго изображенныхъ Ангела; или седмь другихъ святыхъ Ангеловъ будущая предглаголющихъ», стр. 45. Эта подробность въ нашихъ иллюстраціяхъ опущена, но на западѣ, по раннимъ редакціямъ даетъ она поводъ къ любопытнымъ символическимъ представленіямъ; напр. въ Англосаксонск. Апок. XII в. и той же редакціи въ Инкунабулахъ XV в., грав. 25 [сн. 267 б], съ толковою надписью: «Per septem tonitrua VII virtutes intelliguntur»; въ Пражскомъ XIV в. на стр. 105 [сн. 263 а].—«И пріяхъ книгу отъ руки Ангела, и снѣдохъ ю», 10. Эта подробность иллюстрирована у насъ только въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ редакцій, по вліянію съ запада, гдѣ она распространена, особенно съ XVI в.

XI, 3-13. Енохъ и Илія. Въ текстѣ по имени они не на-

званы, а означены нарицательно—свидѣтелями и пророками. Но на основаніи текста: «сіи суть двѣ маслицы [у Копист. *двѣ маслинѣ*] и два свѣщника предъ Богомъ земли стоящa», 4,—толковники пришли къ слѣдующему заключенію: «Сіи [два свѣдителя] Еноха и Илію, мнози отъ учителей разумѣша, яко время отъ Бога еже пророковати [яже] на кончинѣ пріимета, надъ три [*въ глоссѣ:* и полчварта] лѣта отъ трехъ сотъ и шестидесяти дній, числимая.—Яже [ихъ же] Захарія [пророкъ] въ видѣ двѣю маслину и двою свѣтильнику назначенова, сего ради, яко пищу свѣта разумнаго приносятъ елеомъ богоугодныхъ дѣяній», по изд. Копист. стр. 48. Потому въ Альтамировскомъ Апок. XII в. въ м. 57, Енохъ и Илія стоятъ у двухъ масличныхъ деревъ, а вверху повѣшены золотыя лампады. См. Пророч. Захаріи IV, 3 и 11. У насъ эти символическіе аттрибуты не вошли въ апокалипсическую иллюстрацію.

XII. Св. Жена съ Младенцемъ, которую преслѣдуетъ Змій. Что это? Богородица съ Іисусомъ-младенцемъ, какъ принято въ Аѳонской Ерминіи Діонисія Фурноаграфіота, или нѣчто совсѣмъ другое? Наши редакціи, хотя и даютъ иногда Младенцу крестное сіяніе Іисуса Христа, но вообще слѣдуютъ толкованію Меѳодія, принятому Андреемъ Кесарійскимъ: «Жену же, одѣянну солнцемъ, нѣціи убо отнюдъ [Пресвятую] Богородицу разумѣша, прежде даже познанъ бысть тоя Божественный Сынъ, пострадавшую яже здѣ имутся послѣдовательнѣ. Великій же Меѳодій на святую Церковь истолкова; не съгласуемая Владычнему рождеству яже о немъ нещевавъ, за еже уже предъ многимъ временемъ родился бѣ Господь [нашъ]. Добро же и самыя глаголы блаженнаго Меѳодія въспомянути, иже глаголетъ въ глаголемѣй Бесѣдѣ [глос. ἐν Συμποσίῳ] отъ лица Проклы Дѣвиця сице: Жена, облеченная въ солнце, есть Церковъ. А еже намъ есть одежда, се оной свѣтъ. А еже намъ злато и ясное драгое каменіе, се оной звѣзды: звѣзды же лучшыя и свѣтлѣйшыя.... И паки глаголетъ: Не подобаетъ нещевати Христа того быти [ново] раждаемаго; древле бо прежде Откровенія [Іоаннова] исполнися Тайна Въчеловѣченія [Божественнаго] Слова. Іоаннъ же о настоящыхъ и будущыхъ законопоетъ и пророчествуетъ; и послѣ инѣхъ. Тако, яко нуждею исповѣдати требѣ есть, яко Церковь естъ болящаа и раждающаа искупленныя, якоже глаголетъ въ Исаіи Духъ [*на полѣ*: Исаіа 66]: Прежде даже родити

болѣвшей, избѣже, и роди Мужескъ полъ. Отъ кого избѣже? Развѣ всяко отъ Змія. Да родитъ люди умный Сіонъ Мужеска пола, и прочая. Тѣмъ же въ коемъждо раждается Христосъ умнѣ; и сего ради Церковь повиваетъ пеленами и болѣзнуетъ, донелѣже Христосъ въобразится въ насъ рождейся; яко да кождо, заеже причащатися Христу, Христосъ будетъ» и т. д. По издан. Копист. 1625 г. стр. 52. Мужской полъ вообще. и притомъ въ юношескомъ возрастѣ, а не младенецъ, на западѣ является уже въ X в.. въ Бамбергскомъ Апок. м. 29; а у насъ въ редакціи Апок. СПБ. № 225, и Музейныхъ листовъ, половины XVII в. м. 32 [сн. 134 в], и въ Тихонрав. № 5., тоже половины XVII в. м. 42 [сн. 156]. Что же касается до св. Жены, то на западѣ изъ этой апокалипсической фигуры выработался символическій типъ Церкви, которая съ знаменемъ въ одной рукѣ и съ потиромъ въ другой стоитъ у Распятія въ панданъ съ типомъ Синагоги. Но въ Кремсмюнстерской рукописи XIV в. Церковь является сама по себѣ и съ надписью изъ Апок. XII, I [сн. 243 а] *. Слич. также изъ Hortus Deliciarum XII [сн. 243 б]. Толкованіе, дающее Апокалипсическому Змію смыслъ еретическихъ ученій, преслѣдующихъ Церковь, выражено въ одной миніатюрѣ латинск. рук. въ л. XII в. въ Мюнхенской Королевской библіот. № 17401, на л. 60. Вверху въ ореолѣ Іисусъ Христосъ; а внизу Змій объ одной головѣ, съ пернатыми крыльями, стоитъ на двухъ нагахъ, и изогнулъ шею и хвостъ такъ, что образуетъ изъ себя полукругъ. Въ полукругѣ этомъ надпись: Et draco misit aquam ex ore, а подъ нею стоятъ еретики; между ними означенъ поимени и Арій. Еще въ XVI в. Іоаннъ Моланъ принимаетъ св. Жену за Церковь, основывая свое толкованіе на свидѣтельствѣ Евсевія Кесарійскаго объ изображеніи временъ Константина Великаго: «Inimicam autem illam et hostilem Belluam, quae Ecclesiam Dei impiorum tyrannide oppugnasset, Draconis specie et figurâ describendam curavit», De Historia ss. imaginum et picturarum, по изд. Наталиса Пако 1771 г. стр. 198.

XIII, 1-10. Первый Звѣрь. Описаніе его типа. По толкованію Андрея Кесарійскаго: «Нѣціи убо Звѣря сего нижайшую нѣкую силу сатанину прочими дѣмоны обладающую истолковаша, ис-

* Heider, Beitrage zur christlichen Typologie. Wien 1861.

ходящаго же по немъ изъ земля Антихриста. Меѳодій же, и Ипполитъ, и иніи, на [самаго] Антихриста истолковаша настоящаго Звѣря, изъ многосмятеннаго житейскаго сего моря и многоволнящагося исходяща», по издан. Копист. стр. 58. Потому въ иллюстраціи этого отдѣла по нѣкоторымъ редакціямъ первый Звѣрь изображается и въ типѣ звѣриномъ, и въ видѣ царя Антихриста, напр. въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней радакціи, мм. 37-41.—«И видѣхъ едину отъ главъ его яко заколену въ смерть, и язва смерти его исцѣлѣ». Эта подробность замѣчена въ западныхъ иллюстраціяхъ, напр. въ латинск. Псалтири по рук. XII в., въ Парижск. Публичн. библ. [сн. 242 г], въ Пражск. Апок. XIV в. на стр. 139 [сн. 264 б]; но въ нашихъ редакціяхъ опускается, за исключеніемъ моего юсоваго Апок. XVI в. м. 42 [сн. 97 б].

XIII,11-18. Второй Звѣрь, или Агнецъ Неправедный [ἀμνὸς ἄδικος]. По толкованію Андрея Кесарійскаго: «Звѣря сего, ови убо, Антихриста глаголютъ. Другимъ же възмнѣся, яко сатана естъ, и яко два его рога, Антихриста и Лжепророка гадательствуета. Исповѣдуему же и Лжепророку въ своемъ лици пріити, не безмѣстно непщуемъ, Змія убо въ сатану, Звѣря же, изъ моря исходяща, въ Антихриста; настоящаго же Звѣря [по мнѣнію Блаженнаго Принея] въ Лжепророка истолкованна быти. Изъ земля убо въсходящаго, явѣ изъ земнаго и низу плѣжущаго жительства», стр. 60-61. Упоминаемый въ этомъ отдѣлѣ образъ Звѣря, иначе икона Звѣрина, по древнимъ варіантамъ: *тѣло звѣрино*,—даетъ поводъ къ представленію въ нѣкоторыхъ иллюстраціяхъ настоящей иконы или картины, съ изображеніемъ на ней звѣря: изъ древнихъ—въ Апок. Тихонравов. № 5, половины XVII в. м. 50 [сн. 157], изъ новыхъ—въ Апокк. князя Вяземскаго, № 141 и Дюмушеля, оба Петровск. времени, напр. въ м. 129 [сн. 232].

XIV, 1-5. Св. Агнецъ на горѣ Сіонской. Въ означеніи покланяющихся ему вкралось въ Вульгату замѣтное отклоненіе отъ принятаго у насъ текста, послужившее къ двумъ различнымъ изображеніямъ. А именно: у насъ: «зане дѣвственницы суть» [παρθένοι γάρ εἰσιν]; въ Вульгатѣ: «Virgines enim sunt»; то есть, слово παρθένος у насъ принято въ смыслѣ имени прилагательнаго, а въ Вульгатѣ—имени существительнаго. Дюранъ, слѣдуя Вульгатѣ, такъ и перевелъ это мѣсто въ Аѳон-

ской Ерминіи іеромонаха Діонисія. какъ показано въ своемъ мѣстѣ въ описаніи картины 16-ой.

XIV, 14-20. «На облацѣ сѣдяй подобенъ Сыну человѣческому, имѣя на главѣ своей вѣнецъ златъ, и въ руцѣ его серпъ остръ». Въ лучшихъ редакціяхъ такъ и изображено здѣсь о б л а к о, вмѣсто престола или радуги, на коихъ обыкновенно возсѣдаетъ Господь: напр. въ Бамбергскомъ Апок. X в. м. 36. Любопытное отклоненіе представляетъ Аѳонская Ерминія въ замѣнѣ серпа к о с о ю, согласно съ западными старопечатными Апокк., какъ показано въ описаніи картины 17-ой. Замѣчательно, что во всѣхъ лучшихъ редакціяхъ нашихъ воспроизведена слѣдующая, казалось бы, не особенно существенная подробность: «и изыде кровь отъ точила даже до уздъ конскихъ, отъ стадій тысяща и шесть сотъ»; при чемъ непремѣнно изображены кони, по шею погрязшіе въ красный потокъ. То же надобно замѣтить и о старыхъ редакціяхъ западныхъ, напр. въ Пражскомъ Апок. XIV в. на стр. 172. Смыслъ этого знаменія Андрей Кесарійскій толкуетъ такъ: «Вина же нерастворенна исполненное [точило] за чашу божественнаго гнѣва, его же мученіе показуется въспріемлющее достойныя. Даже убо до бродъ, аки оревитыхъ коній, достизающее; занеже не знаша брозду [*глос.* обузданіе] въ сластехъ и законопреступленіихъ. Чрезъ тисящу же и шесть сотъ стадій происходящее, за съвершенное ихъ лукавства, тисяща бо есть числъ пресъвершенѣйшее. Въ шестьсотное же лѣто Ноево, грѣхъ водою потопленъ увѣдѣхомъ» и т. д. стр. 68.

XIV, 18 и XVI, 5. Ангелы с т и х і й н ы е, т. е. поставленные или учиненные надъ стихіями; сюда же можетъ быть отнесенъ и Ангелъ Облачный, или одѣтый въ облако, X, I. Первый текстъ относится къ предыдущему отдѣлу: «И инъ Ангелъ изыде отъ олтаря, имый область на огни»; истолковывается у Андрея Кесарійскаго такъ: «Отъ сего еже рече, яко инъ Ангелъ изыйде изъ олтаря, и иматъ власть на огни, навыцаемъ яко ангельскія силы учиненныя суть надъ тварми: ова убо надъ водами, ова же надъ огнемъ, ова же надъ другою коею частію твары». Второй текстъ входитъ въ видѣніе о Третьемъ Ангелѣ съ фіаломъ: «И слышахъ Ангела воднаго», иначе по древнему варіанту: «Ангела водъ». Въ толкованіи: «И отсюду показуется, яко Ангели учинени суть надъ стихіями [*на по-*

лѣ: составами], яко же горѣ речеся», по изд. Копист. стр. 67 и 72. Указанія, очень важныя для символики апокалипсической иллюстраціи.

XV', 6-7. «И изыдоша седмь Ангелъ изъ храма, иже имѣяху седмь язвъ»: въ иныхъ редакціяхъ, кромѣ фіаловъ, Ангелы держатъ сосуды съ язвами, напр. въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. м. 51.—«И единъ отъ четырехъ животныхъ даде седмимъ Ангеломъ седмь фіалъ». Такъ какъ у Андрея Касарійскаго не указано, которое именно изъ четырехъ символическихъ животныхъ раздаетъ Ангеламъ фіалы [по изд. Копист. стр. 70], то по разнымъ редакціямъ иллюстрація представляетъ здѣсь то Орла, то Человѣка, то инаго изъ четырехъ символовъ.

XVI, 3. «И вторый Ангелъ излія фіалъ свой на море: и бысть кровь яко мертвеца: и всяка душа жива умре въ мори». При этомъ текстѣ въ толкованіи, между прочимъ, значится: «Подоболѣпно же яко сія знаменуютъ и закланія въ бранехъ въ пришествіи его; зане Гогу и Магогу другъ на друга движущымся въ четырехъ частехъ вселенныя», стр. 72. Изъ толкованія внесены здѣсь въ иллюстрацію Гогъ и Магогъ въ Чудовскомъ Переводѣ 1638 г. и въ многочисленныхъ позднѣйшихъ копіяхъ въ миніатюрѣ при главѣ 47, по толковому счету.

XVI, 10. «И пятый Ангелъ излія фіалъ свой на престолъ звѣринъ: и бысть царство его омрачено». Въ иллюстраціяхъ принимается, или, по точному выраженію въ текстѣ, только одинъ престолъ, пустой, какъ въ Инкунаб. XV в. редакціи Англосаксонской, гравюра 63 [сн. 269 б.], въ Пражскомъ Апок. XIV в. на стр. 186 [сн. 265 в], или же, какъ вообще принято, съ сидящимъ на престолѣ Первымъ Звѣремъ, или, по толкованію, съ Антихристомъ. Омраченіе Звѣринаго царства особенно хорошо воспроизведено въ моемъ Апок. XVII в., ранней редакціи м. 57 [сн. 25] и въ Соловецкомъ юсовомъ XVI в. м. 49 [копія краск. 5].—«И жваху языки своя отъ болѣзни»: эта подробность воспроизводится рѣдко, какъ напр. въ Пражскомъ Апок., см. указанный сн. 265 в; а изъ русскихъ въ моемъ Апок. 1671 г. м. 45 [сн. 165].

XVI, 12. «И шестый Ангелъ излія фіалъ свой на рѣку велику Евфратъ: и изсяче вода ея, да уготовится путь царемъ сущимъ отъ востокъ солнечныхъ». Такъ же какъ при текстѣ XVI, 3, и здѣсь Чудовской Переводъ 1638 г. и позднѣйшія ко-

піи помѣщаютъ въ иллюстраціи Гога и Магога, при 51 главѣ по толковому счету; а изъ древнѣйшихъ редакцій въ моемъ Апок. начала XVII в. м. 58 [сн. 26] и въ МПМ. № 156, м. 63 [сн. 50],—на основаніи толкованія: «Негли Евфратъ рѣка по Божественному попущенію умалена царемъ языческимъ дасть преходъ въ другъдружнее, и прочыхъ человѣкъ, и избіеніе и истребленіе; имъ же двигнутися мнимъ отъ Скиѳскихъ предѣлъ отъ въспоминанія Гога и Магога, якоже есть низу въ Апокалипсисѣ», стр. 76. Сказанная здѣсь ссылка относится къ стр. 100-101, гдѣ при главѣ 63 по толковому счету (XX, 7-10) приводятся въ бо̀льшей подробности свѣдѣнія объ этихъ чудовищахъ: «Мнятъ же убо нѣціи, яко Гогъ и Магогъ суть Скиѳстіи языци преполунощнѣйшыя и предалечайшыа, ихже нарицаемъ Гунны, всякаго земнаго царства [и языка] [якоже зримъ] многочловѣчнѣйшыя [же] и въ брани храбственнѣйшыя, самою же Божественною рукою къ еже обдержати вселенную всю удержуемыя, даже до раздрѣшенія діаволя. Нѣціи же толкуютъ изъ Еврейскаго языка Съвокупляющаго [*глосса*: Събирающаго], или събраніе. Магога же Възнесшагося, или възземленіе [*глосса*: възношеніе]. Тако, яко чрезъ имена, или съборъ языковъ, или гордыня назначеновуетъся. Вѣдати же подобаетъ, яко и Езекіиль пророчествова [XXXVIII, 2. XXXIX, 1 и 6], яко сія языки въ послѣдняя времена пріидутъ съ силою тяжкою на землю Ісраилеву, и падутъ, и седмъ лѣтъ въ тѣхъжде оружіихъ, яко за множество ихъ огню горящу и палящу. Еже нѣціи отъ Тлъковниковъ истолковашя на паденіе Ассиріянъ съ Сенахеримомъ при Езекіи, предъ многими лѣты бывшее Пророчества Езекіилева. Нѣціи же, на пагубу языкъ, нападшыхъ на хотящыя паки оградити и обновити Іерусалимъ по плѣненіи отъ Вавилонянъ, первому Киру Перскому, и по немъ Дарію, Епархами Ассирійскими сіе повелѣвшу. Нѣціи же въспріяша на силы Антіоховы, чрезъ Маккавее побѣжденныя. А яко, паче послѣднимъ лѣтомъ сравняется и съгласуетъся сихъ пришествіе, явлено есть. Первое убо, яко нигдѣже естъ писано, дабы тогда Скиѳскія языки брань подвигнули на Іудея, но самыя окрестъ живущыя, внезапнаго благоденства симъ завидящыя. Второе же, за еже писано есть о Гогу [на стр. 72], [яко] отъ днiй древнихъ уготовится, и въ послѣдняя времена пріидетъ. Третіе же,

занеже въ настоящемъ Откровеніи пророкующемъ будущая, писана суть [при конци вѣка сего, Гогу и Магогу пріити]».

XVI, 13. «И видѣхъ изъ устъ змія, и изъ устъ звѣря, и изъ устъ лжаго пророка духи три нечистыя, яко жабы исходящыя». По всѣмъ редакціямъ изображаются эти жабы въ видѣ лягушекъ, кромѣ моего Апок. начала XVII в., гдѣ онѣ имѣютъ видъ каллиграфическаго орнамента, м. 59 [сн. 27].

XVI, 21. «И градъ великъ, яко талантесъ, сниде съ небесе на человѣки», т. е. градъ величиною въ талантъ. Это сравненіе съ монетою получило въ апокалипсической иллюстраціи, по Инкунабуламъ XV в. Англосаксонской редакціи, реальное бытіе настоящихъ монетъ крупной величины, которыя падаютъ съ неба на землю, въ грав. 65 [сн. 269 в].

XVII. Вавилонская Любодѣица, ея типъ и подробности видѣнія.— «И запустѣвшу сотворятъ ю, и нагу, и плоть ея снѣдятъ, и сожгутъ ю огнемъ», стих. 16. Единственное въ своемъ родѣ представленіе, какъ апокалипсическій семиглавый Звѣрь и цари пожираютъ обнаженную Любодѣицу, даетъ намъ Тихонравовскій Апок. № 5, половины XVII в. въ м. 64 [копія краск. 17]. Замѣчательную въ иконографическомъ отношеніи фигуру сожигаемой Любодѣицы предлагаютъ Англосаксонскій Апок. XII в. и Инкунабулы въ грав. 70 [сн. 270 а]; той же редакціи въ рук. Барсова, № 113 съ иллюстраціею XVIII в. м. 56 [сн. 237 г], гдѣ Любодѣица по тексту и толкованію названа въ надписи городомъ Вавилономъ. По редакціи моего юсоваго Апок. XVI в. въ м. 60, взяты оба момента: въ одномъ эпизодѣ Любодѣицу пожираютъ звѣри, въ другомъ она сожигается въ пламени, но несогласно съ редакціею Англосаксонскою.

XVIII, 2. «Паде, паде Вавилонъ великій, и бысть жилище бѣсомъ и хранитель всякому духу нечисту, и хранилище всѣхъ птицъ нечистыхъ и ненавидимыхъ». Потому въ иллюстраціяхъ разныхъ редакцій принято здѣсь помѣщать демоновъ и птицъ на городскихъ стѣнахъ, или въ окнахъ домовъ.

XVIII, 21. «И взятъ единъ Ангелъ крѣпокъ камень великъ яко жерновъ, и вверже въ море». Почти во всѣхъ редакціяхъ, и у насъ и на западѣ, начиная съ Бамбергскаго Апок. X в. въ м. 43, и до позднѣйшихъ временъ, сравненіе принято за фактъ, и ангелъ бросаетъ въ море именно жерновъ.

XIX, 7-10. «Пріиде бракъ Агнчій, и жена его уготовила есть

себѣ». Замѣчательно, что это знаменательное видѣніе, составляющее неотъемлемую принадлежность всѣхъ рукописныхъ редакцій, и нашихъ и западныхъ, съ XVI в. на западѣ въ печатныхъ иллюстраціяхъ опускается, а подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ не принято и въ Аѳонской Ерминіи іеромонаха Діонисія Фурноаграфіота.

XIX, 11-16. Божественный типъ сѣдящаго на бѣломъ конѣ. Изъ подробностей заслуживаютъ вниманія слѣдующіе аттрибуты. «На главѣ его вѣнцы мнози»: у насъ въ древнихъ и лучшихъ иллюстраціяхъ это не наблюдается, и только подъ вліяніемъ западнымъ, изъ Апок. Лютерова 1534 г. или изъ Лицевой Библіи Петра Борхта 1582 г. непосредственно или черезъ Пискатора въ грав. 25, принято у насъ въ редакціяхъ олатыненныхъ, или въ позднѣйшихъ копіяхъ, изображать на Господѣ Богѣ многоярусную корону въ родѣ папской тіары [сн. 275 г]; или же, какъ въ Апокк. Петровскаго времени, въ рук. кн. Вяземскаго № 141, м. 196, и въ Дюмушелевой, м. 176, вмѣсто того, вокругъ большой короны, надѣтой на голову, помѣщаются еще вокругъ сіянія три короны маленькія. И въ древнѣйшее время на западѣ «вѣнцы мнози» давали сюжетъ миніатюристу, и еще въ періодъ, когда господствовала діадима, какъ напр. въ Англосаксонскомъ Апок. XII в., откуда сложенная изъ діадимъ фигура перешла въ Инкунабулы XV в., см. грав. 73 [сн. 270 б].— «И той перетъ точило вина ярости и гнѣва Божія»: въ той же 73-ей гравюрѣ въ Инкунабулахъ, по редакціи Англосаксонской, Іисусъ Христосъ помѣщенъ въ точилѣ. У насъ по нѣкоторымъ редакціямъ изображается въ этомъ же сюжетѣ точило, но только съ одною красною жидкостью; напр. въ моемъ юсовомъ Апок. м. 64 [сн. 97 е], въ Барсов. № 113, въ м. 58 [сн. 192 г], наконецъ въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ копій Чудовскаго Перевода.— «И имать на ризѣ и на стегнѣ своемъ имя написано: Царь царемъ и Господь господемъ»: изъ всѣхъ, мнѣ извѣстныхъ, русскихъ Апокк. принято только въ моемъ начала XVII в. м. 65 [сн. 30] и въ редакціи Филаретовской по Соловецкому экземпляру и по Хлудовской копіи № 7, XVI в., м. 58.

XX, 1-3, 7. По нашимъ собственно русскимъ редакціямъ, такъ же какъ и по древнѣйшимъ на западѣ, Ангелъ связываетъ Великаго Змія, а не Сатану; черезъ тысячу же лѣтъ

разрѣшаетъ его въ видѣ сатаны. Послѣдній моментъ въ многихъ редакціяхъ однако опускается; но въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. оба эти момента изображены съ особенною очевидностью въ м. 66 [сн. 93], согласно съ м. 47-ою Бамберг-скаго Апок. X в., въ которой дважды изображенъ двойникъ Змій-Сатана, какъ-бы для точнѣйшей передачи текста. Но въ новѣйшей западной иллюстраціи начиная съ XVI в. Ангелъ связываетъ не Змія, а Сатану въ фантастическомъ чудовищномъ типѣ, какъ это принято въ Лютеровомъ Апок. 1534 г. въ гравюрѣ 24 [сн. 275 а], съ которой снята копія въ Соловецк. юсовомъ Апок XVI в. въ м. 60 [сн. 75]; той же западной редакціи, только въ другомъ переводѣ, въ Апок. Тихонр. № 5, м. 72 [сн. 160].

XX, 6. «Блаженъ и святъ, иже имать часть въ воскресеніи первѣмъ: на нихже смерть вторая не имать области». По толкованію Андрея Кесарійскаго: «Яко два суть живота и двѣ умерщвленіи, сирѣчь смерти, отъ Божественнаго Писанія научаемся. Естъ убо первый животъ, по преступленіи заповѣди, привременный и плотскій: по съблюденіи же Божественныхъ заповѣдей [вторый] обѣщанный святымъ животъ, вѣчный. И смерти такожде суть двѣ: ова убо плотская, привременная; ова же за отмщеніе грѣховъ наводимая въ будущемъ, вѣчная, яже есть геенна огненная. И мертвыхъ же разньство знаемъ. Ови убо бѣжательни суть, о нихъ же глаголетъ Исаіа [26]: Мертвіи же живота не узрятъ. Явѣ яко наносящіи себѣ дѣяніями злосмрадіе и умерщвленіе. Овіи же, похвальніи, уморяющіи въ Христѣ дѣанія тѣлеснаа, и Христови сораспинаеміи, и мірови умерщвляеміи. Отреченніи убо и оплаканніи мертвецы сіи суть, не съпогребшіися и не съвъскрѣсшіи Христови крещеніемъ», стр. 98. Потому въ позднѣйшей редакціи по рук. Тихонравова 1731-1736 г. въ иллюстраціи этого видѣнія, по толкованію, изображено, между прочимъ, самое таинство Крещенія, м. 72 [сн. 206].

XX, 7-10. Гогъ и Магогъ, о которыхъ подробное толкованіе приведено выше, осаждаютъ съ своимъ чудовищнымъ полчищемъ станъ или градъ святыхъ, какъ это вообще принято въ нашихъ редакціяхъ, напр. въ моемъ Апок. ранней редакціи начала XVII в. м. 70 [копія краск. 3]. Въ позднѣйшихъ западныхъ иллюстраціяхъ осаждаютъ святыхъ не только

обыкновенные воины, но и именно Турки въ чалмахъ, по толкованію Лютера, см. въ его Апок. гравюру 25-ю; той же западной редакціи въ Соловецк. юсовомъ Апок. м. 62 [сн. 76] и въ Тихонр. № 5, м. 74 [сн. 162].

XX, 13. Для передачи буквальнаго выраженія въ текстѣ у насъ приняты олицетворенія Моря, Смерти и Ада, которые отдаютъ своихъ мертвецовъ. Такъ въ лучшихъ редакціяхъ. Въ худшихъ, уже отступающихъ отъ текста, къ этимъ тремъ фигурамъ прибавляется еще олицетвореніе Земли, какъ напр. въ Подносномъ экземплярѣ МДА. № 14, второй половины XVII в. м. 65 [копія краск. 20], и въ другихъ изъ позднѣйшихъ нашихъ Апок., равно какъ и въ Аѳонской стѣнной живописи, съ изображеніемъ Страшнаго суда въ монастыряхъ Ватопедскомъ и св. Григорія *. Но это не согласно съ текстомъ изображаемаго видѣнія: «И видѣхъ престолъ великъ бѣлъ, и сѣдящаго на немъ, его же отъ лица бѣжа небо и земля, и мѣсто не обрѣтеся имъ», XX, 11.

XXI, 6. «Азъ жаждущему дамъ отъ источника воды животныя туне»; слич. XXII, 17. Этотъ источникъ воспроизведенъ въ Барсовск. иллюстраціи XVIII в., рук. XVI в. № 113, въ видѣ античнаго колодца, м. 66 [сн. 237 д], а въ редакціи СПБ. № 225 половины XVII в. въ видѣ фонтана, изливающагося изъ водоема въ видѣ чаши съ краномъ, м. 64 [сн. 130].

XXI, 10-27. Горній Іерусалимъ. Въ толкованіи особенное вниманіе обращается на символическое значеніе двѣнадцати камней, знаменующихъ двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ, при чемъ, какъ источникъ, указывается извѣстное Слово объ этомъ предметѣ Епифанія Кипрскаго, по изд. Копист. стр. 109-111. Число воротъ, именно 12, болѣе или менѣе, наблюдается и въ раннихъ, и въ позднихъ редакціяхъ; но число основаній городскихъ стѣнъ, тоже 12, гораздо рѣже, какъ напр. въ Пражскомъ Апок. XIV, въ миніатюрѣ на стр. 287, и при томъ съ надписью: 12 fundamenta,—впрочемъ, въ зданіи уже полуроманскаго, полуготическаго стиля. По древнѣйшимъ и лучшимъ редакціямъ въ стѣнахъ Горняго Іерусалима нѣтъ ни храмовъ, ни другихъ зданій, по Писанію: «И храма не видѣхъ въ немъ: Господь бо Богъ Вседержитель храмъ ему есть, и Агнецъ», какъ и представлено въ моемъ юсовомъ Апок.

* Didron, Manuel d' Iconographie chrétienne. Paris. 1854, стр. 266–267.

XVI в. въ м. 73, только съ Агнцемъ надъ стѣнами Горняго Іерусалима.

XXII, 2. «Посреди стогны его и по обаполы рѣки древо животное, иже творитъ плодовъ дванадесяте, на кійждо мѣсяцъ воздая плодъ свой». По толкованію двѣнадцать плодовъ имѣютъ знаменательное значеніе: «Дванадесять же плоды, глаголетъ, прозябающыя: сирѣчъ, непрестанное плодовъ израстеніе и рожденіе прозябающыя. Не будетъ бо ту грѣховная зима, понуждающая да листвій съметаніе терпятъ животныя древеса, яко зримъ днесь, но всеисполненъ и съвершенъ будетъ вѣкъ плодоношенія святыхъ, иже [въ лѣпоту] здѣ дванадесятомѣсячный нарѣчеся, и за обычай у насъ лѣтній или рочній, и за проповѣдь дванадесяти Апостоловъ», стр. 113. Потому въ Барсовской иллюстраціи XVIII в. въ рук. XVI в. № 113, м. 68 [сн. 191] и въ Апок. ОДП. № 100 инвен., № 10, м. 68 [сн. 239] изображено именно двѣнадцать плодовъ, но въ видѣ человѣческихъ головъ, согласно съ древнѣйшимъ иконографическимъ типомъ Древа Жизни [при чемъ число плодовъ безразлично], дошедшимъ до насъ отъ XII в. въ Hortus Deliciarum Аббатиссы Геррады Ладспергъ [сн. 256]. Задачею представить одно дерево, которое бы росло по обѣ стороны рѣки, наши маніатюристы себя не затрудняли. Потому въ обѣихъ упомянутыхъ иллюстраціяхъ по обѣимъ сторонамъ рѣки изображено по дереву. Но иллюминаторъ Пражскаго Апок. XIV в., въ упомянутой миніатюрѣ на стр. 287 ухитрился передать буквальный смыслъ текста, заставивъ рѣку пересѣчь Древо Жизни, такъ что по одну ея сторону стволъ при корнѣ, а по другую—вѣтви съ верхушкою.

XXII, 17. «И Духъ и Невѣста глаголютъ». Истолковано: «Невѣста же Церковь, и Духъ иже въ ней живетъ, взываютъ въ сердцахъ нашихъ: Авва Отче, и Единороднаго Сына пришествіе» и т. д. стр. 118. Эту подробность, пропускаемую въ другихъ редакціяхъ, передаетъ мой юсовой Апок. XVI в. въ видѣ царственной Жены и Ангела Великаго Совѣта, въ м. 78 [сн. 96].

Въ заключеніе этой главы почитаю нелишнимъ замѣтить, что въ подробномъ описаніи миніатюръ по рукописямъ—толкованія я привожу по той рукописи, которую описываю; тексты же Откровенія обыкновенно—по нынѣ принятому изданію, и только, гдѣ оказывается необходимымъ, по описываемой рукописи.

III

Методъ сравнительно-историческій. Зачатки апокалипсической иконографіи и отдѣльныя изъ нея изображенія древнехристіанскаго, византійскаго и средневѣковаго искусства: въ мозаикахъ, въ стѣнной живописи, въ изваяніяхъ и миніатюрахъ. Сравнительные матеріалы для символики, стилизаціи, полатнаго письма и костюма.

Въ изслѣдованіяхъ по филологіи, археологіи, искусству, литературѣ и по другимъ отраслямъ въ историческомъ развитіи человѣческаго духа, привелъ къ самымъ удовлетворительнымъ результатамъ методъ положительныхъ наукъ, состоящій въ микроскопическомъ и химическомъ анализѣ составныхъ частей и элементовъ и въ сравнительномъ изученіи явленій, при видовомъ различіи или сходствѣ производящихъ эти явленія причинъ. Въ описаніи нашихъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ я старался, по возможности, пользоваться анализомъ мельчайшихъ подробностей въ иллюстраціи, подводя ихъ статистически къ численному отношенію между собою. Что же касается до сравнительно-историческаго метода, то необходимость его, доказанная на опытѣ въ изслѣдованіяхъ по разнымъ предметамъ вѣдѣнія, сверхъ того спеціально вызывается самымъ характеромъ матеріала, подвергаемаго мною анализу и сравнительному наблюденію.

Наши Лицевые Апокалипсисы, какъ объявлено въ самомъ началѣ этого Введенія, дошли до насъ не ранѣе какъ отъ XVI в.,

и затѣмъ идутъ до текущаго столѣтія включительно. Все это болѣе или менѣе копіи или передѣлки давно утраченныхъ оригиналовъ, характеръ которыхъ, подновленный, стертый, а часто и искаженный неумѣлою рукою русскаго мастера, возможно опредѣлить въ нѣкоторой точности и въ надлежащей ясности не иначе, какъ только при помощи сравненія съ иллюстраціями и другими иконографическими и художественными произведеніями иноземными. Сравненіе было бы въ значительной степени облегчено, если бы въ основу изслѣдованія можно было положить Византійскіе оригиналы; но я не знаю изъ нихъ ни одного, а глава въ Аѳонской Ерминіи іеромонаха Діонисія Фурноаграфіота о томъ, какъ изображается Апокалипсисъ, только свидѣтельствуетъ о сильномъ упадкѣ апокалипсической иконографіи на Аѳонѣ въ эпоху составленія этого руководства, о чемъ въ подробности говорится въ V главѣ этого Введенія.

Мало поживы даетъ русскій матеріалъ и для преемственнаго историческаго развитія апокалипсической иллюстраціи, хотя бы только въ предѣлахъ находящихся на лицо рукописей на разстояніи четырехъ послѣднихъ столѣтій, такъ чтобы можно было опредѣлить по этимъ памятникамъ древнѣйшія основы и постепенный переходъ отъ ранняго къ позднѣйшему. Ибо иныя изъ самыхъ старыхъ рукописей, какова Соловецкая юсовая XVI в., предлагаютъ уже несомнѣнныя качества той новѣйшей порчи, какою страдаютъ иныя изъ нашихъ иллюстрацій Петровскаго времени и вообще XVIII в.; а вмѣстѣ съ тѣмъ самые явственные слѣды нашей древней апокалипсической иконографіи открываются не только въ рукописяхъ XVI в., какова моя юсовая, но и особенно и преимущественно въ двухъ рукописяхъ уже начала XVII в., именно въ моемъ Апок. ранней редакціи и въ родственномъ съ нимъ Апок. МПМ. № 156. Рукопись Тихонравова № 5, половины XVII в., по редакціи сходная съ Соловецкой юсовой XVI в.,—въ своей иллюстраціи оказывается древнѣе этой послѣдней, сохраняя въ себѣ явственные слѣды оригинальности ранней иконографіи. Въ этомъ отношеніи даже иллюстрація XVIII в. въ рукописи XVI в. Барсова № 113, имѣетъ значительное превосходство не только передъ сказанной Соловецкою рукописью юсовою, но и передъ Филаретовскимъ экземпляромъ и Хлудовскою копіею XVI в. № 7. Внѣшнее изящество и щеголеватость иконописнаго по́шиба не восполняютъ

недостатка внутреннихъ основъ иконографическаго содержанія. Такъ знаменитый Подносный экземпляръ въ рук. МДА. № 14, хотя и предлагаетъ очень любопытный и цѣнный памятникъ для исторіи русской иконописи второй половины XVII в., но въ отношеніи иконографическомъ далеко уступаетъ сказанной иллюстраціи Барсова XVIII в., которая, впрочемъ, по внѣшности довольно груба и неряшлива.

Однимъ словомъ, находящійся передъ нами матеріалъ, по рукописямъ отъ XVI до XIX в., на разстояніи почти четырехъ столѣтій, въ сплошной массѣ представляетъ хаотическое смѣшеніе стараго съ новымъ, архаизмовъ, восходящихъ ко временамъ древнехристіанской и ранней Византійской иконографіи, съ позднѣйшими наносами самой дешевой пробы изъ дюжинныхъ заграничныхъ изданій XVI и XVII столѣтій, лишенныхъ всякаго значенія для христіанской археологіи, въ родѣ названной главы объ Апокалипсисѣ въ Аѳонской Ерминіи.

Только освѣтивши этотъ матеріалъ сравнительно-исторической критикою, можно будетъ опознаться въ анахроническомъ хаосѣ его элементовъ, и затѣмъ отдѣлить свое отъ чужаго, лучшее, византійское и древнехристіанское отъ западныхъ новшествъ. И тогда мы увидимъ въ этомъ мутномъ потокѣ, идущемъ на протяженіи столѣтій, два главныя теченія. Одно болѣе чистое и безпримѣсное, наше православное, русское и византійское, захватило собою мой Апок. ранней редакціи, МПМ. № 156, редакцію Филаретовскаго экземпляра XVI и Чудовскаго Перевода 1638 г., редакцію СПБ. № 225 и Музейныхъ листовъ № 214, иллюстрацію Барсова XVIII въ рук. подъ № 213 и немногія другія. Другое теченіе, болѣе или менѣе помутившееся западнымъ наплывомъ, оказалось въ Соловецкой юсовой рук. XVI в., въ Уваровской № 58, въ Тихонравовской № 5, обѣ рук. половины XVII в., въ моей 1671 г., въ СПБ. № 229 и въ Амфилохіевской № 31, обѣ Петровскаго времени, и во многихъ другихъ. Есть такія иллюстраціи, въ которыхъ западная примѣсь, или почти до незамѣтнаго поглащается энергическимъ преобладаніемъ своего, византійско-русскаго, какъ въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в., или же она намѣренно сглаживается подъ вліяніемъ правилъ иконописной школы, хотя по мѣстамъ и даетъ о себѣ знать, какъ въ Подносномъ экземплярѣ МДА. № 14, второй половины XVII в. Пріучивъ критическій взоръ

къ распознаванію своего и чужаго, и раздѣливъ, такимъ образомъ, иллюстраціи на двѣ главныя группы, мы найдемъ возможность усмотрѣть и нѣкоторую преемственность въ историческомъ развитіи нашего Лицеваго Апокалипсиса.

За неимѣніемъ византійскихъ оригиналовъ, что̀ же мы должны взять за основу и въ руководство въ изслѣдованіяхъ по методу сравнительно-историческому? Другаго ничего не остается, какъ обратиться къ тому же западу, который, если въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, начиная съ XVI в., способствовалъ искаженію нашей апокалипсической иконографіи, за то въ вознагражденіе за этотъ ущербъ предлагаетъ намъ въ произведеніяхъ раннихъ богатый запасъ древнехристіанскихъ и византійскихъ преданій, для сравнительно-историческихъ изслѣдованій раннихъ основъ нашей апокалипсической иллюстраціи.

То и другое отношеніе нашихъ художественныхъ памятниковъ къ западнымъ объясняется историческимъ ходомъ иконографіи и искусства на западѣ отъ первыхъ вѣковъ христіанства и до XVI и XVII столѣтій.

Въ средніе вѣка, до XII в. включительно, западъ состоялъ въ постоянномъ сродствѣ съ востокомъ, и по раннимъ основамъ христіанской археологіи, общимъ тому и другому *, и по вліянію византійской иконографіи на западную, такому рѣшительному, что иныя изъ художественныхъ произведеній англосаксонскихъ, французскихъ или нѣмецкихъ можно бы выдать за византійскія, только съ незначительными мѣстными отличіями той или другой школы мастеровъ. Изъ Апокалипсисовъ назову Бамбергскій X в., Альтамировскій XII в., Англосаксонскій XII и родственныя съ нимъ Инкунабулы XV в., о чемъ подробности см. въ слѣдующей главѣ этого Введенія. Даже въ этихъ послѣднихъ, благодаря исторической преемственности школы Англосаксонской, иностранные ученые видятъ византійское происхожденіе. «Malheureusement pour la critique et l'histoire de l'art, говоритъ Фирменъ Дидо **—le prototy-

* Ch. Bayet, Recherches pour servir a l'histoire de la peinture et de la sculpture chrétiennes en Orient avant la querelle des iconoclastes. Paris 1879 (Bibliothéque des Écoles Françaises d' Athénes et de Rome. Fascicule dixieme).

** Ambroise Firmin Didot, Des Apocalypses Figurées manuscrites et xylographiques. Paris 1870, стр. 37-38

pe nous manque, c'est-à-dire la composition grecque originale de cette belle suite dont les xylographes allemands nous offrent la dernière empreinte, arrivée entre les mains des tailleurs de cartes au degré de l'imagerie. Si même le type carolingien nous fait defaut,nous pouvons par bonheur y suppléer en grande partie au moyen de ce qui nous reste. Un des écrivains les plus attentifs et les plus sagaces, en fait d'histoire de l'art, M. Chatto, dans son History of wood engraving, 2-e édit., p. 64 et suiv., sans s'appuyer de l'inspection des manuscrits, mais sur le seule examen des blocks-books, s'était prononce pour l'origine greque de ces compositions graphiques de l' Apocalypse. Saint Jean,dit-il, était l'apôtre favori des Grecs comme saint Pierre celui de l' Église de Rome. Les Révélations étant plus spécialement adressées par Iésus-Christ aux églises grecques et parmi elles aux sept églises d'Asie, Éphese, Smyrne, Pergame, Thyatire, Sardes, Philadelphie et Laodicée [Ch. I, v. 11], elles furent plutôt lues et recherchées dans ces contrées que dans l' Europe occidentale». Изъ иллюстрацій другаго содержанія, которыя проникнуты духомъ и красотою византійской иконографіи, назову Зальцбургскій Антифонарій XI в. * и Hortus Deliciarum Аббатиссы Геррады Ландспергъ XII в. ** Послѣдняя рукопись, едва ли не самая знаменитѣйшая изъ всѣхъ прочихъ въ исторіи средневѣковаго искусства, къ несчастію для науки погибшая въ пожарѣ Страсбурга, во время его бомбардированія въ 1870 г., до того выдѣляется своимъ византійскимъ изяществомъ изъ господствовавшихъ въ XI и XII в. неуклюжихъ формъ романскаго стиля, что иные ученые называютъ ее византійскою ***. Кромѣ точной передачи византійскихъ типовъ, каковъ напр. типъ Архангела [слич. сн. 254 съ сн. 240 г], рукопись эта содержитъ явственныя указанія на византійскій способъ представленія апока-

* Karl Lind, Ein Antiphonarium mit Bilderschmuck aus der Zeit des XI. und XII. Iahrhunderts im Stifte St. Peters zu Salzburg befindlich. Wien. 1870.

** Случайно оставшіеся въ разныхъ мѣстахъ снимки съ миніатюръ этой драгоцѣнной рукописи въ настоящее время издаются въ Страсбургѣ у Карла Трюбнера отдѣльными выпусками, подъ заглавіемъ: Hortus Deliciarum par l'abbesse Herrade de Landsperg, въ геліографическихъ снимкахъ съ текстомъ каноника Штрауба [Société pour la conservation des monuments historiques d' Alsace]. Нѣсколько миніатюръ издалъ Engelhardt въ сочиненіи: Herrad von Landsperg. Stuttgart 1818.

*** Louisa Twining, Symbols and emblems of early and mediaeval christian art. London 1852. На стр. 128 при табл. LXIII, объ изображеніи св. Жены [Церкви], сидящей на тетраморфѣ [см. у меня сн. 243 б] сказано: «From the Hortus Deliciarum, a Byzantine Ms. ot the 12 century [Stras. Lib.].

липсическихъ сюжетовъ. Такъ напр., говоря о Горнемъ Іерусалимѣ, Геррада Ландспергъ, такъ же какъ и Андрей Кесарійскій по нашимъ Лицевымъ Толковымъ Апокалипсисамъ, сообщаетъ о таинственной силѣ и символическомъ значеніи двѣнадцати камней *. Но особенно важно въ пользу византійскаго преобладанія въ Hortus Deliciarum мнѣніе такого ревнителя католической иконографіи, какъ Дидронъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, не пропускаетъ болѣе или менѣе удобнаго случая, чтобы не отнестись къ византійству непріязненно, или, по крайней мѣрѣ, съ презрительнымъ снисхожденіемъ. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ статьѣ объ Апокалипсисахъ въ Аѳонской Ерминіи, о чемъ подробно сказано въ V главѣ этого Введенія, между прочимъ, онъ говоритъ слѣдующее: «La mer rend ses morts, suivant ce passage de l' Apocalypse, ch. XX, v. 13: «Et dedit mare mortuos qui in eo erant». L' Hortus Deliciarum met aussi en legende, sous la représentation du jugement dernier: «Corpora et membra hominum a bestiis, et volucribus, et piscibus olim devorata nutu Dei repraesentantur, ut ex integra humana massa resurgant incorrupta corpora sanctorum quae non tantum per bestias, ut depictum est, afferentur, sed nutu Dei praesentabuntur». On voit que le manuscrit d'Herrade a beaucoup d'affinités avec les idées byzantines. Les Grecs, prompts d' imagination, personifient la terre et la mer dans ces représentations du second avénement» **. Замѣчу мимоходомъ, что воображеніе здѣсь не при чемъ; это остатокъ древняго иконографическаго преданія изъ источниковъ еще античныхъ, классическихъ, нѣкогда одинаково обязательнаго, и для запада, и для востока; см. у меня изъ греческой Псалтыри X в. и изъ латинскаго Codex Aureus св. Эммерама IX в., снн. 249 и 251. Что же касается до того, какъ при воскресеніи изъ мертвыхъ разныя животныя отдаютъ изъ своихъ пастей члены человѣческаго тѣла отъ пожранныхъ ими людей, то слова католической монахини XII в. можно принять за описаніе 73-й миніатюры [сн. 122] въ рукописи Зайцевскаго XVII в., содержащей въ себѣ копію съ Чудовскаго Перевода 1638 г.

Близкое сродство между нашими апокалипсическими иллюстраціями по рукк. отъ XVI до XVIII в. и западными гораздо

* Schaase, Geschichte der Bildenden Kunste. V Band 1. Abtheil. Dusseld. 1856, стр. 629.
** Manuel d' Iconographie chrètienne. Paris 1845, стр. 266.

старшей эпохи, отъ X по XII в., свидѣтельствуетъ о живучести у насъ до позднѣйшихъ временъ, или точнѣе о сбереженіи и охраненіи того иконографическаго преданія, которое господствовало нѣкогда и на западѣ, только многими столѣтіями ранѣе, чѣмъ составлены были дошедшія до насъ рукописи, и заставляетъ насъ заключать, что наши мастера XVI-XVIII вв. брали свои сюжеты и весь строй апокалипсической иллюстраціи изъ тѣхъ же источниковъ, которыми западъ пользовался еще въ X-XII вв. Источники эти были, по убѣжденію и западныхъ ученыхъ—византійскіе; но они уже не дошли до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, да и вообще наука доселѣ еще не знаетъ ни одной рукописи Лицеваго Апокалипсиса съ греческимъ текстомъ. Слѣдовательно, сравненіе нашихъ иллюстрацій съ западными, вопервыхъ, подтверждаетъ фактически предположеніе о византійскихъ источникахъ для запада, открываемыхъ въ нашемъ иконографическомъ преданіи, и, вовторыхъ, наши Лицевые Апокалипсисы позднѣйшаго времени возводитъ оно, какъ копіи съ старыхъ оригиналовъ, ко времени несравненно древнѣйшему, нежели самыя раннія изъ дошедшихъ до насъ рукописей, т. е. далеко за XVI-ый вѣкъ. Это мнѣніе перестаетъ быть предположеніемъ послѣ того, какъ въ описаніи самыхъ рукописей мною показано, что одна изъ древнѣйшихъ рукописей, именно Соловецкая юсовая XVI в. и съ очевидными признаками этого же вѣка въ ея иллюстраціи, есть не иное что̀, какъ результатъ предшествовавшаго ей историческаго развитія, открываемаго въ рукописяхъ, однако уже XVII в., именно въ моемъ Апок. ранней редакціи, въ МПМ. № 156 и Тихонрав. № 5.

Готическій стиль, открывшій новые пути для художественнаго творчества на западѣ, увѣнчавшагося освобожденіемъ искусства изъ подъ церковной опеки въ эпоху Возрожденія, хотя и нанесъ чувствительный ударъ иконографическому преданію, общему у насъ съ прочими европейскими народами, однако не настолько еще рѣшительный, чтобы мы не могли найти многаго намъ родственнаго по единству происхожденія въ такихъ памятникахъ, какъ Пражскій Апок. XIV в. и Ипкунабулы XV в., о чемъ подробности см. въ слѣдующей главѣ этого Введенія.

Только стиль Возрожденія окончательно порвалъ всѣ родственныя узы, которыми средневѣковое западное искусство связы-

валось съ нашимъ, и именно потому, что языческія и натуралистическія тенденціи этого стиля въ конецъ заглушили христіанскую иконографію, и безъ того уже начинавшую приходить въ упадокъ еще въ періодъ готическій.

Съ XVI в., то есть, въ эпоху, отъ которой дошли до насъ самые ранніе изъ нашихъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ, связи между западомъ и востокомъ приняли обратное отношеніе. Доселѣ апокалипсическія иллюстраціи на западѣ, по ихъ источникамъ византійскимъ, въ глазахъ изслѣдователя состоятъ въ зависимости отъ нашихъ русскихъ, такъ какъ эти послѣднія сохранили въ болѣе или менѣе точныхъ копіяхъ то, что̀ уже погибло вмѣстѣ съ византійскими оригиналами, и западные ученые должны будутъ дать въ исторіи средневѣковаго искусства почетное мѣсто нашимъ Лицевымъ Апокалипсисамъ раннихъ редакцій, хотя бы въ рукописяхъ и очень позднихъ. Съ XVI-го же вѣка, наоборотъ, вслѣдствіе распространенія живописныхъ произведеній въ стилѣ Возрожденія, при посредствѣ книгопечатанія, тотчасъ же обнаружилось очевидное вліяніе запада на русскія иллюстраціи, важнымъ свидѣтельствомъ чему служитъ Соловецкая юсовая рукопись XVI в., одинаково проникнутая сильными элементами западными какъ въ текстѣ, такъ и въ изображеніяхъ, изъ которыхъ иныя слѣдуетъ признать за копіи съ гравюръ Лютерова Апокалипсиса 1534 г., о чемъ подробно сказано въ своемъ мѣстѣ; и затѣмъ, на протяженіи трехъ столѣтій, какъ уже замѣчено выше, идетъ цѣлый рядъ нашихъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ, болѣе или менѣе подвергшихся иноземному вліянію.

Сказать, что это вліяніе дѣйствовало у насъ только вредоносно, было бы одинаково несправедливо въ отношеніи и западныхъ оригиналовъ, и нашихъ копій, передѣлокъ и подражаній. Натурализмъ и художественная отдѣлка образцовъ могли дѣйствовать на нашихъ мастеровъ благотворно, въ той мѣрѣ, поскольку то и другое не противорѣчило самой сущности нашихъ иконографическихъ преданій, которыя въ глубинѣ ранняго византійскаго стиля, не только не пренебрегали ни тѣмъ, ни другимъ, но, по историческому развитію самыхъ формъ древнехристіанскаго и византійскаго искусства, не лишены были классическаго изящества античнаго стиля, насколько оно еще не утратилось въ эпоху первоначальнаго составленія этихъ пре-

даній. Это надобно замѣтить вообще о художественномъ стилѣ. Что же касается спеціально до апокалипсической иконографіи, то даже при полной готовности нашихъ мастеровъ переносить въ свои работы западные сюжеты изъ иностранныхъ печатныхъ Апокалипсисовъ XVI и XVII столѣтій, о которыхъ подробно сказано въ слѣдующей главѣ,—то всѣ ихъ усилія далеко не могли наложить иноземную печать въ томъ или другомъ Апокалипсисѣ на всю сполна его иллюстрацію, уже по той самой причинѣ, что въ имѣвшихся подъ руками у нихъ западныхъ изданіяхъ, состоявшихъ изъ ограниченнаго числа гравюръ, много до 24-хъ или 25-ти, они далеко не могли найти достаточнаго числа сюжетовъ для нашего Толковаго Апокалипсиса, который для каждой изъ 72 главъ требовалъ по миніатюрѣ. Потому обыкновенно оказывается западничество только въ немногихъ сюжетахъ, для которыхъ есть оригиналы въ печатной книгѣ; а все остальное, т. е. до трехъ четвертей миніатюръ, производится по своимъ домашнимъ источникамъ.

Впрочемъ, надобно знать, что не смотря на художественность западныхъ образцовъ въ стилѣ Возрожденія, они не могли не оказать у насъ свое вредоносное дѣйствіе, способствуя въ нашей апокалипсической иллюстраціи упадку иконографическихъ типовъ, оказавшемуся явственно уже въ Соловецкой юсовой рукописи XVI в., въ Тихонравовской № 5, половины XVII в., и приведши къ нарушенію основнаго принципа христіанской иконографіи—быть точнымъ истолкованіемъ текстовъ св. Писанія. Любопытный примѣръ такого нарушенія предлагаетъ во второй половинѣ XVII в. Подносный экземпляръ МДА. № 14, хотя относительно иконографическихъ типовъ и выправленный довольно старательно, по правиламъ Иконописнаго Подлинника.

Менѣе пострадали въ общемъ строѣ тѣ иллюстраціи, въ которыя только случайно вошло кое-что изъ иностранныхъ гравюръ, какъ напр. въ нѣкоторыхъ копіяхъ Чудовскаго Перевода, напр. въ Хлудовск. № 358, 1708 г., см. м. 30 [сн. 195].

Инымъ иллюстраціямъ въ отношеніи изящества западное вліяніе принесло болѣе пользы, какъ въ Апок. графа Уварова № 58, половины XVII в. и въ моемъ 1671 г., въ другихъ менѣе, какъ въ СПБ. № 229.

Самый лучшій образецъ вполнѣ традиціонной православной редакціи, которой стиль Возрожденія коснулся лишь настолько,

чтобы во всей красотѣ предъявить высокія качества иконографическаго преданія,—даетъ намъ мой юсовой Апок. XVI в.

Сказаннаго полагаю достаточнымъ для полнаго уразумѣнія двоякаго отношенія, въ какомъ наши апокалипсическія иллюстраціи состоятъ къ западнымъ. Первое, древнѣйшее отношеніе, хотя и анахроническое по времени сравниваемыхъ памятниковъ, ставитъ на одной ступени развитія и наши XVI-XVIII вв., и западные отъ X до XV в., не по особенностямъ въ редакціяхъ, зависящимъ отъ различія мѣстныхъ условій, а по традиціонной связи между тѣми и другими, возводимой къ одному и тому же источнику христіанской иконографіи; второе, позднѣйшее отношеніе ставитъ въ зависимость наши иллюстраціи, тоже отъ XVI по XVIII в., отъ западныхъ, сочиненныхъ въ стилѣ Возрожденія, какъ копіи отъ оригиналовъ и какъ болѣе или менѣе рабскія подражанія западнымъ образцамъ. Все, что̀ извлекается сравнительнымъ методомъ по первому отношенію, составляетъ неотъемлемую собственность нашихъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ, какъ продуктъ, возникшій на родной почвѣ исторической жизни русскаго народа; что̀ же выработано было у насъ во второмъ отношеніи, болѣе послужило къ упадку и тлетворному разложенію вѣками укорененнаго и твердо установившагося иконографическаго преданія, такъ какъ принципъ разрушенія средневѣковой старины въ пользу нововведеній господствовалъ уже въ принесенныхъ къ намъ съ запада оригиналахъ XVI и XVII вв., хотя и красивыхъ по внѣшнему, художественному исполненію, но лишенныхъ глубины и возвышенности смысла, какой въ раннихъ иллюстраціяхъ дается каждому изъ апокалипсическихъ видѣній. Образчикъ такой малосмысленной иллюстраціи предлагаетъ, напр., Лицевой Апокалипсисъ Титова въ Сборникѣ № 523, второй половины XVIII в., уже не Толковый, съ малымъ числомъ маніатюръ, расположенныхъ по 22-мъ главамъ нынѣ принятаго счета.

Впрочемъ, не смотря на разныя подновленія, вообще наши Лицевые Апокалипсисы, до позднѣйшихъ временъ удерживая въ значительномъ количествѣ традиціонные сюжеты въ широкихъ предѣлахъ 72-хъ главъ толковаго счета, съ миніатюрою для каждой, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ болѣе или менѣе господствующій характеръ традиціонной старины, хотя и при значительномъ уже упадкѣ иконографіи въ подробностяхъ.

Такимъ образомъ, сравнительно-историческій методъ, указывая намъ на сродство съ западомъ и на его вліяніе, вмѣстѣ съ тѣмъ очистилъ намъ поле изслѣдованій для точнѣйшаго опредѣленія всего того, что̀ составляетъ нашу неотъемлемую собственность, и чѣмъ наши иллюстраціи существенно отличаются отъ западныхъ.

Если бы въ литературѣ по всеобщей исторіи христіанской археологіи и искусства имѣлось сочиненіе объ апокалипсическихъ изображеніяхъ, содержащихся хотя бы въ наиболѣе важныхъ изъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ западныхъ, а также и въ другихъ памятникахъ искусства,—въ мозаикѣ, скульпурѣ и живописи; то для моихъ сравнительныхъ изслѣдованій достаточно было бы только̀ дѣлать ссылки на такое сочиненіе. Чтобы восполнить такой недостатокъ, я нахожусь вынужденнымъ предпослать подробнымъ описаніямъ нашихъ русскихъ иллюстрацій краткое обозрѣніе немногихъ западныхъ Апокалипсисовъ, какіе мнѣ извѣстны въ отдѣльныхъ изданіяхъ, а частію и въ самыхъ оригиналахъ. На этотъ предметъ назначается въ моемъ Введеніи цѣлая глава, IV-я. Здѣсь же нахожу нужнымъ бросить бѣглый взглядъ на нѣкоторые изъ апокалипсическихъ сюжетовъ, которые, будучи разсѣяны тамъ и сямъ, поодиначкѣ въ разныхъ памятникахъ искусства между изображеніями другаго содержанія, свидѣтельствуютъ о постоянномъ присутствіи апокалипсическаго элемента въ средневѣковомъ искусствѣ и поэзіи, начиная отъ древне-христіанскихъ представленій Агнца, отъ сказаній о Таинственной книгѣ, недоступной для смертныхъ, отъ Страшнаго суда и хожденій по Аду, Чистилищу и Раю, въ сопровожденіи ангела или кого другаго, и до чудовищныхъ фигуръ въ орнаментаціи романскаго стиля. Изъ многаго беру лишь нѣсколько примѣровъ, бо́льшею частію предложенныхъ мною въ снимкахъ, чтобы показать, какъ далеко въ глубокую христіанскую древность восходятъ нѣкоторыя представленія въ изслѣдуемыхъ мною русскихъ иллюстраціяхъ, и какимъ повсемѣстнымъ распространеніемъ пользуются они въ христіанскихъ странахъ. Къ этому присоединяю разныя данныя для исторіи иконографическихъ типовъ и формъ.

Начинаю съ слѣдующихъ выдержекъ изъ *Историческаго обзора Пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія Греческой Церкви*, Архіепископа Филарета. Изданіе второе, дополненное. Черниговъ 1864.

Изложивъ чинъ апостольской литургіи, архіепископъ продолжаетъ: «Частію въ объясненіе, а частію и въ дополненіе, присовокупляемъ еще здѣсь величественное изображеніе небеснаго тайнодѣйствія, какое читаемъ въ Апокалипсисѣ св. Іоанна. Тайновидецъ представляетъ собственно тайнодѣйствіе Церкви, торжествующей на небѣ; но изображеніе его такъ сходно съ чиномъ литургіи, совершаемой Церковью, подвизающеюся на землѣ, что всякій невольно признаетъ въ чинѣ небеснаго тайнодѣйствія, изображенномъ у Іоанна, предписанія для чина литургіи земной, современной тайновидцу-апостолу.

«Въ небесномъ храмѣ у тайновидца зримъ прежде всего Царя небесъ, ветхаго днями, но подобнаго Сыну человѣческому, сѣдящаго на престолѣ славы; двадцать четыре старца предстоятъ Царю по обѣимъ сторонамъ престола [Апок. I, 13. IV, 2-4]. Старцы облечены въ бѣлыя одежды и на главахъ ихъ златые вѣнцы; тамъ же зримъ седмь свѣтильниковъ и книгу запечатанную,—олтарь, и подъ нимъ души избіенныхъ за Слово Божіе [Апок. IV, 4. VI, 9]. «И я взглянулъ, говоритъ тайновидецъ, и се посреди престола и четырехъ животныхъ и посреди старцевъ стоялъ Агнецъ, какъ бы закланный, имѣющій седмь роговъ и седмь очей, кои суть седмь Духовъ Божіихъ, посланныхъ во всю землю. Четыре животныя и двадцать четыре старца пали предъ Агнцемъ [Апок. V, 6, 8]». Въ рукахъ каждаго старца тайновидецъ зритъ златыя чаши, полныя ѳиміама, и объясняетъ, что это—*молитвы святыхъ;* зритъ у каждаго старца гусли и въ объясненіе сего образа говоритъ далѣе: *и воспѣли новую пѣснь.* Сонмы ангеловъ, предстоящихъ престолу, сонмы избранныхъ изъ всѣхъ народовъ поютъ громкимъ гласомъ пѣсни хвалебныя Богу и Агнцу [Апок. V, 8, 11, 12. VII, 9, 10].

«Изъ сего изображенія тайнодѣйствія небеснаго мы извлекаемъ для себя такое понятіе о земномъ тайнодѣйствіи современныхъ апостолу вѣрныхъ. При тайнодѣйствіи первенствовалъ представитель-епископъ и занималъ тронъ, стоявшій въ передней странѣ святилища. Облеченный величіемъ Духа святаго, онъ представлялъ въ себѣ образецъ великаго первосвятителя Іисуса для вѣрныхъ и былъ первый совершитель тайны Іисусовой. По той и другой странѣ его стояли старцы-пресвитеры. Прочіе служители изображали ангеловъ-пѣвцовъ славы Божіей и слу-

жителей спасенія человѣческаго. Предъ тономъ епископа стоялъ престолъ жертвенный и за нимъ седмь свѣтильниковъ. Служители тайны—старцы облечены въ особыя бѣлыя одежды. И молитвы и хвалы прежде прочихъ возносятъ совершители тайны, сонмъ вѣрныхъ слѣдуетъ за ихъ гласами и поетъ хвалы Богу. Слова книги, запечатлѣнной для міра, но отверстной для вѣрныхъ, оглашаютъ предстоящихъ наставленіями. Среди молитвъ и хвалебныхъ гласовъ является на престолѣ жертвенномъ Агнецъ—вѣчная, умилостивительная жертва: для Него Богъ слышитъ молитвы и хвалы вѣрныхъ; Ему возносятся хвалебныя пѣсни вѣрными. Онъ явился на жертвенникѣ, и старцы поверглись предъ Нимъ, и дымъ ѳиміама вознесся къ Отцу, и пѣсни съ новою силою огласили храмъ Божій. Замѣтимъ еще одну принадлежность небеснаго тайнодѣйствія. Подъ олтаремъ Іоаннъ зритъ души избіенныхъ за Слово Божіе. Точно также, со временъ апостоловъ, подъ олтаремъ жертвеннымъ полагались мощи мучениковъ и православныхъ святыхъ мужей, или—точнѣе скажемъ—евхаристія совершалась надъ гробами св. мучениковъ. Тайновидецъ замѣчаетъ еще, что седмь роговъ и седмь очей Агнца суть седмь Духовъ Божіихъ, посланныхъ во всю землю, что Агнецъ, который среди престола, будетъ водить на живые источники водъ [Апок. V, 6. VII, 17]. Это изображаетъ намъ, что дѣйствія, совершаемыя при евхаристіи—не дѣйствія безплодныя, но они наполнены духа благодати и исполняютъ вѣрующихъ вѣрующихъ благодатію». Стр. 8—9.

«Въ исторіи Христіанской церкви читаемъ слѣдующее: «Блаженный Сатуръ, видѣлъ сіе видѣніе, которое и записалъ: и видѣли мы [съ Перпетуею] свѣтъ неизмѣримый и слышали гласъ совокупный, глаголющихъ непрестанно: *святъ*, *святъ*, *святъ*. И видѣли мы посреди сего мѣста человѣка сѣдаго, имѣющаго власы снѣжные, съ лицемъ юношескимъ. Направо и налѣво стояли двадцать четыре старца и за ними еще весьма многіе. Мы взошли съ великимъ удивленіемъ и стали предъ престоломъ; четыре ангела помогли намъ, и мы поклонились Ему, и Онъ осѣнилъ насъ въ лицо. А прочіе старцы сказали намъ: станемъ, и мы сотворили—миръ. И сказали намъ старцы: идите и играйте.» При совершеніи великой жертвы съ блаженными силами и мы вопіемъ и глаголемъ: святъ еси и пресвятъ, Ты, и единородный Твой Сынъ и

Духъ Твой Святый». Никто изъ Отцевъ Церкви такъ часто не повторялъ съ восторгомъ объ участіи людей въ семъ великомъ ангельскомъ пѣніи, какъ св. Златоустъ: «Что дивишься, говоритъ онъ, тому, что народъ молится вмѣстѣ съ священниками, когда онъ и съ горними силами воспѣваетъ священную оную пѣснь [святъ, святъ, святъ]?» Пѣніе сей ангельской пѣсни Златоустъ считаетъ между тѣми высокими преимуществами, которыя принадлежатъ христіанамъ только по благодати Христовой. «Прежде, говоритъ онъ, сей гимнъ пѣли только на небѣ; но когда благоволилъ Господь низойти на землю, Онъ принесъ сіе пѣніе и къ намъ. Іисусъ, Сынъ Отца щедротъ, Богъ истинный принесъ все обиліе благодати,— принесъ къ намъ небесныя пѣсни. Ибо то, что̀ говорятъ горѣ серафимы, Онъ повелѣлъ говорить и намъ: святъ, святъ, святъ». Стр. 27-28.

«Тайновидѣцъ Іоаннъ пишетъ: «слышалъ гласъ велій народа многа, на небеси глаголющаго: *аллилуіа, спасеніе и слава и честь Господу нашему*... И второе рѣша: *аллилуіа*... И падоша двадесять и четыре старцы и четыре животна, поклонишася Богови, стоящему на престолѣ, глаголюще: *амінь, аллилуіа*» [XIX, 1-6]. Подобное видѣніе видѣлъ пр. Іезекіиль и четыре животныя называются у него херувимами [Іез. X, 20]. По сей-то причинѣ пѣснь: *аллилуіа*, что̀ значитъ: *хвалите Господа*, называется пѣснію херувимскою, и всегда почиталась пѣснію торжественной, величественной и одною изъ самыхъ священныхъ. Херувимы составляютъ, по откровенію, второй чинъ между чинами ангеловъ. Они, какъ духи высшіе, ближайшіе къ Богу послѣ серафимовъ, по словамъ тайнозрителя, подтверждаютъ и оправдываютъ хвалу прочихъ сонмовъ ангельскихъ: *амінь*, аллилуіа». Стр. 29-30.

На основаніи великаго значенія для тайнодѣйствій Христіанской Церкви, объясненнаго архіепископомъ Филаретомъ, понятно, почему указанныя здѣсь апокалипсическія видѣнія съ древнѣйшихъ временъ занимаютъ первенствующее мѣсто въ изображеніяхъ, украшающихъ храмы, внутри ихъ въ мозаикахъ на аркѣ, отдѣляющей трибуну, и въ куполѣ, а съ наружной стороны въ изваяніяхъ на тимпанѣ церковныхъ вратъ.

Изъ мозаикъ укажу на римскія отъ V-го до IX в. См. Henry Barbet de Jouy, Les Mosaiques chrétiennes des basiliques et

des églises de Rome. Paris 1857.—Ciampini, Vetera monimenta. Romae 1690-1693, три тома.

Въ базиликѣ Maria Maggiore, 432-440 г., на большой аркѣ передъ абсидою, между Благовѣщеніемъ и Срѣтеніемъ, помѣщенъ щитъ или медаліонъ, въ которомъ, вмѣсто Господа Бога, сидящаго на престолѣ, виденъ только одинъ престолъ съ подушкою [ἑτοιμασία] *, какъ у насъ въ редакціи Филаретовскаго экземпляра XVI-го в. м. 1 [сн. 98]. На престолѣ, вмѣсто книги, лежитъ свитокъ, какъ и въ Codex Aureus [сн. 251], только еще свернутый и запечатанный семью печатями. Надъ свиткомъ два креста: одинъ съ діадимою, другой, бо́льшій, украшенъ драгоцѣнными камнями [crux gemmata]. По сторонамъ престола, въ медаліонахъ, апостолы Петръ и Павелъ, по грудь; окрестъ—четыре символическія животныя. Внизу начертаны греческія буквы Альфа и Омега, по Писанію: «Азъ есмь Альфа и Омега» I, 10. Снимокъ см. у Чампини I, табл. IL, при стр. 200.

Въ базиликѣ св. Павла внѣ римскихъ стѣнъ, на возобновленной послѣ пожара 1823 г. большой аркѣ, согласно съ рисункомъ у Чампини 1690 г. I, табл. LXVIII, съ мозаики 440-461 г., изображенъ Іисусъ Христосъ, въ колоссальномъ размѣрѣ, по грудь, десницею благословляетъ, въ лѣвой рукѣ держитъ жезлъ; окруженъ лучами сіянія и радугою, по Писанію: «И бѣ дуга окрестъ престола подобна видѣніемъ смарагдови». Вверху четыре символическія животныя; ниже, по сторонамъ Іисуса Христа, по ангелу съ жезлами, и двадцать четыре старца, по двѣнадцати на каждой сторонѣ, подносятъ свои діадимы Господу, руками, задрапированными въ одежду.

Въ баптистеріи Іоанна Предтечи мозаики на куполахъ 461-467 г. подробно объяснены мною въ слѣдующей главѣ, при описаніи м. 40 [сн. 260] Альтамировскаго Апок. XII в., усвоившей себѣ общую систему расположенія фигуръ ту же, что̀ и въ этихъ купольныхъ мозаикахъ. У Чампини, снимки I, табл. LXXIV и LXXV.

На аркѣ абсиды въ церкви св. Космы и Даміана мозаика 526—530 г. изображаетъ посреди, въ щитѣ или медаліонѣ, Агнца на престолѣ, надъ которымъ водруженъ крестъ; на ступени престола отверстая книга. По сторонамъ щита семь свѣ-

* Paul Durand, Étude sur l'Etimacia. Chartres et Paris. 1867.

тильниковъ, расположенныхъ по три и по четыре. Направо и налѣво по два ангела, стоятъ на облакахъ, въ бѣлыхъ одеждахъ. Окрестъ четыре символическія животныя; изъ нихъ Человѣкъ и Орелъ еще остаются, а остальныя два, т. е. Телецъ и Левъ, при реставраціи мозаики, исчезли, равно какъ и всѣ двадцать четыре старца, отъ которыхъ теперь видны только руки, покрытыя одеждою и держащія короны. Сн. смотр. у Чампини II, табл. XV.

Тотъ же сюжетъ, съ незначительными измѣненіями, изображенъ въ церкви св. Пракседы въ мозаикѣ на аркѣ трибуны, 817-824 г. Снимокъ см. у Чампини II, табл. XLVI.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о превосходной миніатюрѣ [сн. 251] въ латинск. рук., относящейся ко времени Императора Карла Лысаго и извѣстной подъ именемъ: Codex Aureus св. Эммерама, IX в., въ Мюнхенской Королевской библіотекѣ. Миніатюра изображаетъ поклоненіе двадцати четырехъ старцевъ св. Агнцу.

Все въ ней заслуживаетъ внимательнаго наблюденія и анализа, какъ древнѣйшее воспроизведеніе того первообраза, отъ котораго пошли лучшія изъ нашихъ апокалипсическихъ иллюстрацій. Небесное видѣніе отдѣлено, какъ часто и у насъ, стилизованнымъ полукругомъ неба, подъ которымъ, въ обоихъ нижнихъ углахъ, помѣщено по олицетворенію Земли и Моря, типы которыхъ даютъ традиціонную основу въ наибольшей чистотѣ сохранившимся у насъ изображеніямъ въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. мм. 25, 34, 40 [сн. 84], 46 и 70 [сн. 94]. Обѣ фигуры еще въ стилѣ античномъ и съ античными аттрибутами, которые уже въ моемъ Апок. забыты, именно Море, мужская фигура, какъ Нептунъ—съ трезубцемъ, и Земля съ двумя рогами Изобилія. Небесный полукругъ въ верхней своей части обведенъ концентрическими полосами небесныхъ сферъ, которыя, какъ показано выше, занимаютъ такое видное мѣсто въ фонахъ иллюстраціи Альтамировскаго Апок. XII в. и того же моего юсоваго XVI в. Тоже на фонѣ небесныхъ полосъ представленъ и здѣсь Агнецъ, и именно въ щитѣ или медаліонѣ, какъ въ римскихъ мозаикахъ, такъ и у насъ въ лучшихъ редакціяхъ, и особенно въ томъ же моемъ юсовомъ Апок. Щитъ обведенъ здѣсь, какъ настоящій медаліонъ, полосою съ латинскою надписью. Агнецъ не съ семью рогами, въ

крестномъ сіяніи, принадлежащемъ только Іисусу Христу. Онъ стоитъ еще не на книгѣ, а на хартіи или свиткѣ. который замѣняетъ книгу, по древнѣйшей иконографіи, восходящей ко временамъ стѣнописи катакомбъ. Передъ нимъ сосудъ, въ формѣ потира, съ тремя струями крови: западная примѣта, удержавшаяся на западѣ до позднѣйшихъ временъ, но не принятая въ нашихъ Лицевыхъ Апокк. Всѣ небесныя свѣтила стилизованы по древнему обычаю, и особенно ювелирно отдѣлана большая звѣзда, напоминающая принятыя у насъ въ разныхъ редакціяхъ. Престолы, съ которыхъ поднимаются старцы, служатъ оригиналомъ тѣхъ изъ употребляемыхъ въ нашихъ Апокк., которые отличаются формою стула безъ задка. Одежда старцевъ—хитонъ, или туника, съ гиматіемъ, или тогою, принята и у насъ для этихъ апокалипсическихъ лицъ. Существенное отличіе въ костюмѣ составляютъ древнія діадимы, которыя у насъ замѣняются коронами разной формы. Относительно старцевъ должно замѣтить, что здѣсь уже установился ихъ окончательный типъ, усвоенный и нашими иллюстраціями, тогда какъ въ Альтамировскомъ Апок. XII в., м. 40 [сн. 260] они представлены еще по античному стилю въ юношескомъ возрастѣ, безбородые и вовсе безъ діадимъ, иные даже въ короткомъ, по колѣна, одѣяніи.

Въ дополненіе къ вышеприведенному изъ мозаикъ и миніатюрной живописи, предлагаю два примѣра изъ скульптуры, грубой работы, довольно ранняго романскаго стиля. Оба въ рельефѣ *.

Одно изваяніе, относящееся къ I, II и III гл. Апок. [сн. 241 а], помѣщено въ тимпанѣ церкви въ La Lande-de-Cubzac [Gironde]. Рисунокъ до того безобразенъ, что трудно найти что-либо подобное въ нашихъ старинныхъ памятникахъ; это нѣчто среднее между топорнымъ издѣліемъ деревянныхъ игрушекъ и ранними ирландскими миніатюрами, составленными изъ стилизованныхъ формъ орнаментаціи. Неуклюжая фигура, съ чрезмѣрно длинными руками, должна означать Іисуса Христа; но она безъ сіянія. Въ правой рукѣ держитъ дискъ съ семью звѣздами; съ противоположной стороны отъ головы протянутъ обоюду острый мечь, остреемъ впередъ, какъ принято у насъ. Туника съ неумѣло протянутыми узкими складками подпояса-

* Caumont, Abécédaire ou Rudiment d' Archéologie (Architecture religieuse) 3-e edit 1854. Стр. 179 и 177.

на поясомъ съ длинными концами, на которыхъ начертано: zona aurea. Налѣво стоитъ Іоаннъ, обративъ лицо къ Іисусу Христу, закутанъ въ тогу, къ груди прижалъ рукою книгу. Около него въ два ряда семь апокалипсическихъ Церквей, по три и по четыре въ рядъ. Весь фонъ тимпана покрытъ орнаментомъ перепутанныхъ полосъ, украшенныхъ кружечками и оканчивающихся травными завитками, какъ въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ XIII или XIV в. заглавныя буквы и заставки. Вокругъ тимпана надпись: Iohes. VII eccliis. que. sunt. in...t. filiū ho... ter VII candelabra aurea. Внизу: principiū. sine. principio. finis. sine. fine. Такое же размѣщеніе всѣхъ семи Церквей въ одномъ изображеніи и рядами, одинъ рядъ подъ другимъ, принятое въ Англосакскомъ Апок. XII в. и въ Инкунабулахъ XV в., перешло и къ намъ, именно въ Соловецкомъ юсовомъ Апок. XVI в., сильно подвергшемся западному вліянію, м. 5 [сн. 61]. Что же касается до соединенія всѣхъ Церквей въ одной миніатюрѣ, но не рядами, а совершенно въ другомъ порядкѣ, то изъ прочихъ нашихъ редакцій оно принято у насъ въ обоихъ древнѣйшихъ моихъ Апок., и въ Апок. ранней редакціи XVII в. м. 4 [сн 2], и въ юсовомъ XVI в. м. 6.

Другое изваяніе, относящееся къ V, VI и VII гл. Апок. [сн. 241 б], помѣщено въ капители церкви St. Benoit-sur-Loire. Направо на жертвенномъ престолѣ стоитъ Агнецъ въ сіяніи, въ которомъ замѣтны перекладины креста, не доходящія до орбиты сіянія, какъ это принято въ древней иконографіи. Надъ Агнцемъ ангелъ, въ сіяніи, и около—дискъ, вѣроятно, «печать Бога Живаго», какъ и у насъ, на востокѣ, напр. въ Аѳонской Ерминіи, въ картин. 6 и 24. Подъ жертвеннымъ престоломъ помѣщены души умершихъ за Слово Божіе. Около стоитъ задрапированная фигура, въ приполіи держитъ двѣ изъ тѣхъ же душъ. Съ лѣвой стороны, бо́льшая часть капители занята четырьмя апокалипсическими Всадниками; между ними Смерть, миніатюрнѣе прочихъ, изображена въ видѣ обыкновеннаго человѣка, въ короткомъ кафтанѣ, по древнему обычаю, еще не допускавшему впослѣдствіи принятаго, обнаженнаго скелета. См. въ слѣд. главѣ этого Введенія въ Бамбергскомъ Апок. X в. м. 13, въ Англосакс. Апок. XII в. и въ Инкунабулахъ XV в. грав. 11 [сн. 266 а], въ Пражск. Апок. XIV в. на стр. 61

[сн. 261 в].—Позади Всадниковъ большая голова. съ ощерившеюся зубастою пастью, должна принадлежать Аду.

Къ священнымъ тайнодѣйствіямъ, засвидѣтельствованнымъ въ Откровеніи, принадлежитъ наложеніе печати Бога Живаго на челахъ рабовъ Божіихъ, VII, 2-8. Въ нашихъ иллюстраціяхъ это наложеніе печати изображается только въ моментъ дѣйствія, т. е. ангелъ начертываетъ на челѣ, но самое начертаніе остается не видимымъ. Только въ двухъ Апокк., и при томъ въ такихъ, которые много подвергались западному вліянію, именно: въ Соловецк. юсовомъ XVI-го в., въ м. 16 и въ Тихонрав. № 5, половины XVII-го в., въ мм. 26 и 51, на челахъ запечатлѣнныхъ означенъ четвероконечный крестъ. Тоже принято и въ 3-ей грав. при VII главѣ Апок. въ Нюренбергской Библіи 1483 г. Эту знаменательную примѣту я возвожу къ изображенію въ стеклянномъ медаліонѣ VII-VIII в. [сн. 240 в] *.

Теперь обращаюсь къ фрескамъ въ церкви св. Савина, относимымъ къ 1050-1150 г., на которыя я не разъ дѣлалъ ссылки въ описаніи иллюстрацій, относя эти фрески для краткости къ XII в. Онѣ подробно описаны, съ приложеніемъ раскрашенныхъ копій въ изданіи: Peintures de l'Église de st Savin, département de la Vienne. Texte par Mérimée, dessins par Gérard-Seguin. Paris 1844-1845, въ листъ большаго формата. Стѣнная живопись отъ времени довольно попортилась, мѣстами отвалилась вмѣстѣ съ штукатуркою; потому и въ копіяхъ, и въ описаніи много неопредѣленнаго, сбивчиваго и ошибочнаго, такъ какъ ни авторъ, ни копіистъ не были достаточно подготовлены къ анализу апокалипсическихъ видѣній и къ уразумѣнію стиля, въ какомъ видѣнія на стѣнахъ церкви св. Савина воспроизведены.

Апокалипсическіе сюжеты помѣщены въ преддверіи [vestibule]. Ихъ всего пять:

1) Іисусъ съ бородою въ крестномъ сіяніи, въ кругломъ, какъ принято у насъ, ореолѣ, сидитъ на престолѣ, на двухъ подушкахъ; обнаженныя ноги поставилъ на подножіе, обѣ руки распростеръ кверху.

2) IX, 1-10. Посреди студенецъ Бездны, круглый какъ кадка. Налѣво стоитъ ангелъ; въ правой рукѣ у него какая-то полоса

* Louisa Twining, Symbols and emblems. London 1852 г Табл. LXVI.

съ зубцами, въ родѣ пилы, въ которой Мериме старается угадать трубу или рогъ-Олифантъ; лѣвую руку онъ протянулъ вверхъ, указывая. Надъ жерломъ студенца помѣщенъ овальный предметъ, формою и величиною напоминаетъ щитъ: Мериме такъ и принимаетъ его за щитъ. Если все это вѣрно скопировано, съ удержаніемъ всѣхъ дефектовъ пострадавшей стѣнописи, то не слѣдуетъ ли въ щитѣ видѣть звѣзду, спадшую съ небесъ, а въ пилѣ—или данный ей ключъ студенца Бездны, или же остатки струящагося зигзагами дыма, который долженъ исходить изъ студенца? Изъ студенца же выпрыгиваютъ Пруги, попирая своими ногами низверженныхъ людей, въ замѣчательно изящномъ рисункѣ, воспроизводящемъ легкость и быстроту этихъ чудовищъ. Типъ ихъ, согласный Писанію и замѣчательно изящный [сн. 258 б], безъ сомнѣнія, ведетъ свое начало изъ источниковъ византійскихъ, потому что и у насъ онъ принятъ и распространенъ по разнымъ редакціямъ, но особенно удачно воспроизведенъ въ Апок. МПМ. № 156, начала XVII в. въ м. 31 [сн. 40]. О красотѣ лицъ Пруговъ г. Мериме дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, которое, рекомендуя его эстетическій вкусъ вообще, свидѣтельствуетъ о недостаткѣ элементарныхъ основъ въ пониманіи стилей Христіанской иконографіи: «N'y a-t-il pas là encore quelques traces de cet art grec si amoureux du beau, qu'il représentait Méduse même comme une vierge d'une noblesse idéale?» Стр. 97.

3) IX, 13-19. Ангелъ съ трубою не паритъ въ воздухѣ, а стоитъ на землѣ и трубитъ въ упоръ стоящимъ на водѣ четыремъ ангеламъ, которые, однако, ничѣмъ не связаны. Эта вода, т. е. рѣка Евфратъ, при которой по Писанію были они связаны, означена бѣлымъ пятномъ. Отъ этого пятна скачутъ воины на коняхъ, чудовищность которыхъ означена только змѣиною головою на концѣ хвоста одного изъ нихъ. Надъ всадниками, въ полукружіи ореола пустой престолъ безъ задка. Вообще вся эта фреска сильно пострадала отъ времени, и дефектность въ очеркахъ копіи даетъ Мериме обширное поле для разныхъ предположеній. Стр. 98-99.

4) XI, 19. XII, 1-6. Вверху полукругъ ореола съ изображеніемъ храма, въ видѣ однонефной базилики, окруженнаго стѣнами съ башнями. Затѣмъ бо́льшая часть картины представляетъ видѣніе о св. Женѣ съ Зміемъ. Св. Жена въ сіяніи, въ

бѣломъ одѣяніи и бѣлымъ же покрыта ея голова, а не простоволосая, какъ потомъ вообще было принято на западѣ. Она не стоитъ, а сидитъ на верхней округлости солнца, какъ и у насъ въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ Апокк. она тоже сидитъ на солнцѣ, напр. въ СПБ. Q, Отд. 1, № 441, XVIII в. м. 23 [копія краск. 23].—Ноги свои спустила она на серпъ луны, который писанъ на нижней половинѣ того же солнца. Она уже съ крыльями, хотя еще и держитъ на рукахъ своего Младенца, котораго принимаетъ отъ нее за руку ангелъ, слетающій изъ подъ сказаннаго полукружія. Съ правой стороны угражаетъ ей Змій, объ одной большой головѣ и о шести маленькихъ, которыя, въ видѣ стоящей дыбомъ гривы, поднимаются у него отъ шеи, какъ у звѣря въ Альтамировскомъ Апок. XII в. [сн. 259 а]. Копіистъ вмѣсто шести головокъ написалъ, по недоразумѣнію, девять роговъ, какъ это уже замѣтилъ, впрочемъ, и самъ Мериме. Общій видъ Змія, длинный и тонкій, съ пернатыми крыльями, такой же, что̀ и въ слѣдующей картинѣ, только тамъ онъ просто съ одною только большою головою, безъ маленькихъ. Налѣво, на престолѣ сидитъ юный безбородый Іоаннъ; откидываясь назадъ, онъ распростеръ руки, какъ бы въ изумленіи. Вся эта сцена совершается въ небѣ, потому что весь ея фонъ, снизу отдѣленный отъ земли горизонтальною линіею, усѣянъ звѣздами; только направо небо желтаго цвѣта дало бѣлую трещину, протянувшуюся вертикально, отдѣливъ, такимъ образомъ, св. Жену отъ Змія: это онъ своимъ хоботомъ, по Писанію, отторгъ третью часть звѣздъ небесныхъ. Мериме принимаетъ эту бѣлую полосу за рѣку, которую испустилъ изъ устъ своихъ Змій; впрочемъ, справедливо замѣчаетъ, что въ этой картинѣ мастеръ соединилъ вмѣстѣ нѣсколько послѣдовательныхъ моментовъ видѣнія, чѣмъ и объясняются въ изображеніи противорѣчія тексту. Стр. 99.

5) XII, 7-9. Брань Архангела Михаила и ангеловъ съ Зміемъ. Небесные воины одѣты по античному, въ туникахъ и тогахъ; типъ Змія напоминаетъ принятый у насъ въ редакціи СПБ. № 225 и Музейныхъ листовъ № 214, и въ Апок. графа Уварова № 58, всѣ три половины XVII в. Рисунокъ изящень по натуральности, группировкѣ и движенію фигуръ. Желая передать его весь [сн. 257 б], я приложилъ его по изданію Комона *,

* Abécédaire, стр. 194.

гдѣ онъ значительно меньшаго размѣра, чѣмъ въ монографіи Мериме.

Теперь предложу нѣсколько сравнительныхъ данныхъ для олицетвореній, которыя занимаютъ такое видное мѣсто въ апокалипсической иллюстраціи. Сюда же должно отнести и ангеловъ, поставленныхъ, или учрежденныхъ надъ стихіями.

Первое мѣсто даю здѣсь византійской миніатюрѣ изъ греческой рук. Псалтыри X в. въ Парижской Публичн. Библіот., изданной у меня по фотографіи [сн. 249]. Въ верхней части Моисей ночью ведетъ свой народъ по пустынѣ; въ нижней— Пропасть увлекаетъ Фараона въ Чермное море. Ночь, Пустыня, Пропасть и Чермное море представлены олицетворенными въ человѣческихъ фигурахъ, еще въ стилѣ античномъ. Пустыня, хотя въ совершенно другомъ переводѣ, еще сохранилась въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. въ одной миніатюрѣ вмѣстѣ съ Землею, м. 41 [сн. 85]. Море представлено не въ мужскомъ типѣ, какъ въ этомъ же моемъ Апок., согласно съ миніатюрою въ Codex Aureus, какъ замѣчено выше, а въ типѣ женскомъ, какъ это принято въ моемъ Апок. ранней редакціи, начала XVII в., и вообще распространено по другимъ нашимъ редакціямъ, начиная съ Филаретовско-Чудовской.

При этомъ должно замѣтить, что мужской типъ Нептуна съ трезубцемъ, для олицетворенія Воды, принятъ въ Hortus Deliciarum, въ миніатюрѣ, изображающей сотвореніе міра; а надъ Нептуномъ, въ полукружіи, изображена скачущая на чудовищѣ человѣческая фигура, съ растрепанными волосами; это, какъ свидѣтельствуетъ надпись, олицетвореніе Воздуха; окрестъ этого всадника представлены Вѣтры въ видѣ только однихъ головъ, которыя изъ своихъ ртовъ дуютъ [сн. 255]. Изъ нашихъ иллюстрацій Воздухъ олицетворенъ въ видѣ человѣческой фигуры, именно въ видѣ царя, который не ѣдетъ, а стоитъ на землѣ,—только въ Апок. МПМ. № 156, м. 65 [сн. 52].

Представленіе четырехъ Вѣтровъ въ видѣ только головъ, принятое въ этой миніатюрѣ въ Hortus Deliciarum XII в., такъ же какъ и въ Бамбергскомъ Апок. X в., м. 15, стало господствующимъ на западѣ въ апокалипсическихъ иллюстраціяхъ. Но рядомъ съ такимъ представленіемъ на западѣ же было нѣкогда и другое, составляющее характеристическую

особенность нашихъ иллюстрацій, въ отличіе отъ западныхъ. Это именно въ видѣ цѣлой человѣческой фигуры, обнаженной и съ крыльями, какъ напр. въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, м. 18, въ МПМ. № 156 того же времени, м. 21, въ СПБ. № 225, м. 19; иногда фигуры полуобнаженныя, какъ въ моемъ юсовомъ XVI в., м. 25, или же безъ крыльевъ, какъ въ редакціи Филаретовскаго экземпляра, м. 19. Типъ Вѣтра, въ видѣ крылатой человѣческой фигуры, обнаженной, восходитъ въ иконографіи къ очень раннему времени, чему служитъ доказательствомъ миніатюра изъ латинской рук. Исидора Испаленскаго въ Лаонской Библіот. IX в. [сн. 250], изображающая Космосъ *. Какъ у насъ въ Лицевыхъ Апокк. четыре ангела на четырехъ концахъ земли держатъ за туловище каждый изъ нихъ обнаженную фигуру Вѣтра; такъ и въ этой миніатюрѣ изъ центра круга поднимаются къ окружности четыре большаго размѣра фигуры, крестъ-на-крестъ, и каждая держитъ по двѣ другихъ размѣра мéньшаго, но не за туловище, а только за головы. Всѣ эти двѣнадцать фигуръ обнажены и съ небольшими крыльями, поднимающимися надъ головою отъ темени. Въ большой кругъ, объемлющій всѣ эти изображенія, вписаны два мéньшихъ, концентрическіе; въ центрѣ два квадрата, вставленные одинъ въ другой, служатъ подножіемъ для четырехъ бóльшихъ фигуръ. Во внутреннемъ кругѣ крестъ-на-крестъ надписано: κός—μος и mun—dus. Надъ фигурами каждой изъ четырехъ группъ означены имена вѣтровъ: eurus, notus и пр.

Тотъ же типъ обнаженныхъ фигуръ, крылатыхъ, а иногда и безкрылыхъ, усвоенъ въ лучшихъ нашихъ редакціяхъ для демона грома, молніи и разрушенія; а именно: въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, онъ летитъ, но безъ крыльевъ, м. 32 [сн. 15], въ МПМ. № 156, съ крыльями, м. 41 [сн. 44], въ Филаретовск. экземплярѣ, съ крыльями, м. 52 [сн. 105]; сверхъ того въ самыхъ миніатюрныхъ фигуркахъ, изъ которыхъ одна помѣщена въ ковчежцѣ, другая въ щитѣ; ту и другую держатъ въ рукахъ ангелы Молніи и Грома, въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. м. 58 [сн. 89].

Въ такихъ же щитахъ, съ загнутыми краями, помѣщены каждый изъ четырехъ Вѣтровъ, по какой-то древней редакціи,

* Edouard Fleury, Les manuscrits à miniatures de la bibliotheque de Laon. Laon 1863. pl. 3 bis.

сохранившейся въ иллюстраціи XVIII в. въ СПБ. Q, Отд. I, № 441, м. 11 [сн. 209 а]. Способъ представленія очень древній. Такъ же въ щитѣ возносятъ два ангела обнаженную фигуру Души, не смотря на усилія дьявола воспретить имъ [сн. 242 а], въ изваяніи на церковной капители романскаго стиля въ Rucqueville [Calvados] *.

Ангелы стихій вообще представляются у насъ одѣтыми въ тунику и тогу; но ангелъ Водный обыкновенно изображается обнаженный, какъ въ Филаретовск. экземплярѣ, м. 48, впрочемъ, иногда и одѣтый, какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 55 [сн. 24]. Особенно замѣчательно изображеніе Воднаго ангела въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в., въ античномъ типѣ олицетворенной Воды: онъ сидитъ на большой черепахѣ и съ рыбою въ рукѣ, м. 54.

Олицетворенія стихій, или стихійныхъ геніевъ по древнѣйшей иконографіи помѣщаются въ щитахъ, какъ напр. въ Библіи князя Лобковича, въ миніатюрѣ, изображающей сотвореніе міра. Взятое у меня оттуда олицетвореніе Дня [сн. 253 в], безъ сомнѣнія, ведетъ свое начало изъ одного общаго источника, вмѣстѣ съ ангелами Дня и Ночи, въ томъ же моемъ юсов. Апок. м. 31 [сн. 81].

Изъ символическихъ формъ, встрѣчающихся у насъ только въ позднѣйшихъ Апокк., но ведущихъ свое начало отъ очень ранняго времени, укажу на Древо Жизни, съ человѣческими головами вмѣсто плодовъ; именно: въ Барсовск. иллюстраціи № 113, XVIII в. м. 68 [сн. 191] и въ Апок. ОДП. № 100 инв., № 10, XIX в., м. 68 [сн. 239]. Изъ общаго съ этими памятниками источника взято такое же представленіе Древа Жизни съ плодами изъ человѣческихъ головъ, еще въ XII в. въ Hortus Deliciarum [сн. 256].

Для возведенія стилизаціи деревъ къ ея раннимъ источникомъ, привожу примѣры изъ Зальцбургскаго Антифонарія XI в. [сн. 253] ** и изъ стѣнописи во Франц. церкви св. Савина XII в. [сн. 258]. Слич. у насъ: въ моемъ Апок. ранней редакціи м. 50 [сн. 22], въ МПМ. № 156, м. 25 [сн. 37], оба начала XVII в.

* Caumont, Abécédaire, по изд. 1854 г. стр 172.

** Karl Lind, Ein Antiphonarium mit Bilderschmuck Wien. 1870. Изъ миніатюры, изображающей Марію Магдалину въ саду передъ явившимся ей по воскресеніи Іисусомъ Христомъ. Табл. XXXVII.

Иконографическіе типы характеризуются разными аттрибутами, между которыми костюмъ занимаетъ самое видное мѣсто. Для священныхъ лицъ въ нашей апокалипсической иллюстраціи принято двоякаго рода одѣяніе: античное, состоящее изъ хитона, или туники, и изъ гиматіона, или тоги, какъ напр. въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, м. 6 [сн. 4], и византійское, какъ подиръ, стихарь, или далматика, съ вшитыми золотыми полосами, съ бармами и поясомъ; напр. въ томъ же моемъ Апок. м. 3 [копія краск. 1].

Античное одѣяніе идетъ у насъ черезъ посредство византійскихъ оригиналовъ отъ источниковъ классическихъ, слѣды которыхъ сохранились въ нашихъ апокалипсическихъ иллюстраціяхъ даже въ способѣ закутывать фигуру въ тогу и драпировать; слич. напр. драпировку тогъ на Старцахъ въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. м. 13 [сн. 77], съ принятою въ рельефныхъ фигурахъ Брешіанскаго реликварія V в. [сн. 240 б] *, которая ведетъ свое начало отъ лучшихъ памятниковъ античной скульптуры, каковъ напр. Аристидъ въ Неаполитанскомъ музеѣ [сн. 240 а].

Въ лучшихъ нашихъ редакціяхъ господствуетъ типъ Еммануила. На основѣ древнехристіанской иконографіи, изображавшей Іисуса Христа въ античной фигурѣ изящно задрапированнаго юноши, типъ этотъ окончательно выработался въ стилѣ византійскомъ. Для образца предлагаю его [сн. 240 д] изъ изображеній, украшающихъ знаменитую Императорскую Далматику, которую прежде считали очень древнею, но въ настоящее время относятъ не ранѣе, какъ къ XII в **.

Ангелы представляются у насъ въ одной и той же апокалипсической иллюстраціи, какъ напр. въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи,—и въ античномъ одѣяніи, какъ въ Альтамировскомъ Апок. XII в. [снн. 259 б и 260], и въ византійскомъ, какъ въ византійской перегородчатой эмали на Лимбургскомъ реликваріи X-го в. [сн. 240 г] ***. Тотъ же самый византійскій типъ Архангела повторенъ въ XII в. въ Hortus Deliciarum [сн. 254]. При этомъ я долженъ замѣтить, что длинные концы крыльевъ въ моемъ снимкѣ не додѣланы за недостаткомъ мѣста въ форматѣ этого изданія.

* Odorici, Antichità cristiane di Brescia. 1845. Tav. V.

** Didron, Annales archéologiques, I, 152.

*** Тамъ же, XVIII, 42.

Полоса на отлетѣ [λῶρον, lorum], которую Архангелъ перекинулъ на руку въ видѣ ораря,—какъ остатокъ ранняго византійскаго костюма, у насъ сохранилась для Невѣсты Агнчей, по редакціи СПБ. № 225 и Музейныхъ листовъ № 214, м. 55 [сн. 129], а также и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ копіяхъ Филаретовско-Чудовской редакціи.

Къ остаткамъ далекой старины, въ принятомъ нашими лучшими редакціями костюмѣ, принадлежитъ перевязь обуви у щиколокъ, какъ напр. въ моемъ Апок. начала XVII в. на ногахъ ангеловъ, м. 5 [сн. 3]. Изъ древнихъ византійскихъ памятниковъ ту же подробность встрѣчаемъ напр. въ изображеніи пророка Даніила [сн. 252 б] на металлическихъ вратахъ базилики св. Павла, внѣ стѣнъ Рима, 1070 г., погибшихъ въ пожарѣ 1823 г. * Изъ позднѣйшихъ западныхъ памятниковъ сапоги съ ремнями, одинъ, разрѣшаемый отъ ремня, а другой уже снятый съ ноги [сн. 246 г] см. въ изображаніи Моисея при Неопалимой Купинѣ въ Biblia Pauperum, по рук. XIII в. **.

Въ отсутствіи полосъ на одѣяніи и бармъ вокругъ шеи въ иллюстраціяхъ, сильно проникнутыхъ западнымъ вліяніемъ, надобно видѣть не возвращеніе къ античному костюму, а не болѣе, какъ безсознательное усвоеніе костюма западнаго изъ позднѣйшихъ иностранныхъ источниковъ, какъ это уже принято у насъ и въ XVI в. въ Соловец. юсовомъ Апок.

И византійскій костюмъ потерпѣлъ у насъ въ томъ же столѣтіи отъ замѣтнаго подновленія, идущаго тоже съ запада, даже въ такихъ иллюстраціяхъ, которыя, впрочемъ, твердо держатся основъ византійской иконографіи. Такъ въ редакціи Филаретовской, какъ въ самомъ экземплярѣ старца Филарета, такъ и въ Хлудовск. копіи № 7, тоже XVI г., Емманулъ подпоясанъ поясомъ съ пряжкою [сн. 113 д], какъ это принято для костюма въ Апок. Лютера 1534 г. въ гравюрѣ, перешедшей въ Кіевское изданіе Копистенск. 1625 г. [снн. 271 а и б]. Въ Германіи, въ средніе вѣка, были въ большомъ употребленіи пояса съ пряжками, о чемъ, между прочимъ, свидѣ-

* Литографированныя копіи съ изображеній этихъ вратъ, откуда взятъ у меня снимокъ, изготовленныя Артуромъ Мартенсомъ, переданы мнѣ въ числѣ другихъ работъ этого неутомимаго труженика отцемъ Шарлемъ Кайэ.

** Laib u Schwarz, Biblia Pauperum. Zurich 1867. Табл. I.

тельствуетъ одна миніатюра XIV в., изображающая продажу ремней съ пряжками [сн. 246 в.] *.

Отличительная черта въ принятомъ у насъ типѣ діавола— дыбомъ поднимающіеся щетинистые волоса, иногда на лбу подвязанные околышемъ, хотя составляетъ особенность нашей иконографіи, но можетъ быть сличена съ нѣкоторыми соотвѣтствующими ей представленіями на западѣ; какъ напр. въ фигурѣ взятаго въ плѣнъ дикаря въ одномъ итальянскомъ рельефѣ XII в.; въ орнаментѣ изъ ковра XIV в. въ Регенсбургской ратушѣ, который я сближаю съ русскимъ орнаментомъ рукописнымъ, тоже XIV в.; сюда же отношу двѣ фигуры, стоящія впереди воиновъ, въ Житіи Бориса и Глѣба, по рук. XIV в. [сн. 244 а-г]; и наконецъ слич. растрепанные волосы низвергнутаго съ неба Люцифера въ Hortus Deliciarum [сн. 257 а]. Для адской пасти съ связаннымъ въ ней сатаною, тоже съ растрепанными волосами, слич. изображеніе изъ миніатюры въ Кедмонѣ, по Англосаксонск. рук. X в. въ Бодлеанской библіот. [сн. 242 б] **.

Для древнѣйшихъ преданій въ нашихъ апокалипсическихъ иллюстраціяхъ, по архитектурѣ привожу городъ съ высокими стѣнами и башнями, зданія въ формѣ базилики и съ куполомъ, сверхъ того купѣль на планѣ четвероконечнаго креста: городъ изъ мозаики базилики Maria Maggiore V в. и изъ миніатюры греческаго Евангелія по Россанской рук. VI в. [сн. 247 в-б] ***, а остальные три предмета изъ миніатюры Григорія Богослова, по греч. рук. IX в. въ Парижской публичн. библіот. [сн. 248]; при чемъ должно замѣтить, что въ этомъ знаменитомъ памятникѣ византійскаго искусства не разъ встрѣчаются зданія въ формѣ базилики, откуда явствуетъ, что форма эта вовсе не составляетъ характеристической принадлежности только западнаго искусства. Слич. у насъ, напр. въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, изображенія семи Церквей, м. 4 [сн. 2], въ моемъ юсовомъ XVI в. Горній Іерусалимъ, мм. 71 и 78

* Von der Hagen, Bildersaal Altdeutscher Dichter. Atlas. Berlin. 1856. Табл. XIII.

** Ferrario, Storia dei Romanzi di Cavalleria. Milano 1828, Atlante, tav. 17. Hugo Graf von Walderdorf, Regensburg, стр. 192, № 77. Срезневскаго, Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. СПБ. 1860, стр. 70. Twining, Symbols and Emblems. London, 1852 г. Табл. LXXXI.

*** Clampini, Vetera monimeta. Romae 1690. I, tab. LVII. Gebhardt u. Harnack, Evangeliorum codex graecus purpureus Rossanensis. Leipzig. 1880. Taf XIII.

[снн. 95 и 96] и зданіе для успокоенія праведныхъ, м. 48 [сн. 87]; Горній Іерусалимъ въ редакціи СПБ. № 225, половины XVII в. м. 65 [сн. 131], въ моемъ 1721 г. м. 73 [сн. 199], въ Тихонр. 1731-1736 г. м. 78.

Указателями древности двухъ главнѣйшихъ фасоновъ престола, или сѣдалища, одного съ овальнымъ задкомъ и другаго безъ задка, могутъ служить изображенія: для перваго—въ той же Россанской рукописи VI в. [сн. 247 а], а для втораго—престолы двадцати четырехъ Старцевъ въ миніатюрѣ изъ Codex Aureus IX в. [сн. 251].

Изъ утвари привожу въ снимкахъ для указанія древнѣйшихъ слѣдовъ въ нашей апокалипсической иллюстраціи только сосуды, одинъ—мѣдный изъ Парижской Публичной библіотеки, начала XIII в., и другой—въ изображеніи изъ миніатюры въ Библіи Карла Лысаго IX в. [снн. 246 а-б] *. Въ общихъ очертаніяхъ та же форма сосуда принята въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, для черпанія огорченной воды, м. 21 [сн. 9]; а въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. фіалы перепоясаны такою же полосою съ кружочками, какъ сосудъ въ названной Библіи IX в. Но въ миніатюрѣ 30 [сн. 80] для черпанія воды въ томъ же моемъ юсовомъ Апок. употребленъ уже ковшъ, или черпакъ; онъ замѣненъ ведромъ въ Апок. Тихонр. XVIII в., который, впрочемъ, представляетъ грубыя копіи съ этого моего Апок. Такъ же ведрами черпаютъ и носятъ ихъ на коромыслѣ въ иллюстраціи Апок. графа Уварова № 58, половины XVII в. м. 46 [сн. 154 в]. Въ Апок. Немирова XIX в. Чудовской редакціи, мастеръ, вмѣсто ковша, далъ въ руки черпающему воду серпъ, не понявъ перевода, съ котораго онъ снималъ копію, м. 23 [сн. 238 з].

Этимъ ограничиваю отрывочныя выдержки для сравнительно-историческаго метода. Конечно, многое изъ приведеннаго здѣсь касается вообще иконографіи, а не спеціально апокалипсической иллюстраціи; но это было мнѣ необходимо, потому что послѣднюю нельзя было изучать независимо отъ условій, при которыхъ составлялся вообще весь циклъ иконографическихъ представленій. Потому, при описаніи самыхъ рукописей, я нахожу нужнымъ иногда прибѣгать къ сравненію вообще

* Didron, Annales archéologiques. XIX, 153. Paul Lacroix et Ferdinand Seré, Le Livre d'or des Métiers. Paris, 1850. Стр. 108.

съ памятниками нашей русской иконографіи разнаго содержанія.

По согласію съ апокалипсическими сюжетами, особенно мнѣ оказались нужными изъ русскихъ рукописей: Сборникъ Новгородской Софійской библіотеки, № 1430, XVII в.. Житіе Василія Новаго XVII в. и Житіе Андрея Юродиваго, Петровскаго времени, обѣ рукописи принадлежатъ мнѣ [снн. 216-223].

По стилизаціи и другимъ общимъ качествамъ нашей иконографіи иллюстрація апокалипсическая ни чѣмъ не отличается отъ прочихъ памятниковъ древне-русскаго искусства. То же должно сказать и о принятомъ въ нашихъ Лицевыхъ Апокалипсисахъ полатномъ письмѣ, а также и о костюмѣ *.

Въ заключеніе этой главы надобно замѣтить о важномъ пробѣлѣ въ моихъ изслѣдованіяхъ по русскому Лицевому Апокалипсису. Я вовсе не касаюсь апокалипсическихъ изображеній русской иконописи на дскахъ и стѣнахъ. Такъ какъ этотъ матеріалъ, разсѣянный по разнымъ концамъ нашего отечества, еще не приведенъ въ извѣстность, и требуетъ спеціальныхъ подготовительныхъ работъ; то, изъ опасенія впасть въ односторонніе выводы, я заблагоразсудилъ не приводить тѣхъ немногихъ данныхъ, какія случайно привелось мнѣ узнать изъ этого матеріала.

---

* Для полатнаго письма см. Султанова: Образцы древне-русскаго зодчества въ миніатюрныхъ изображеніяхъ; изслѣдованіе по рук. XVI в. «Житіе Николая Чудотворца», въ Памятникахъ древней письменности, VIII, 1881 г. Для древне-русскаго костюма, въ сравненіи его съ византійскими источниками, см. Стасова: Замѣтки о древне-русской одеждѣ и вооруженіи, по поводу изданія Прохорова: Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и проч. СПВ. 1881. См. Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ. 1882. Январь.

IV

Продолженіе объ историко-сравнительномъ методѣ. Рукописные Апокалипсисы: Бамбергскій X в., Альтамировскій XII в., Англосаксонскій XII в. и одинаковой съ нимъ редакціи Инкунабулы XV в.; Пражскій XIV в. Старопечатные—въ Библіяхъ: въ Нюренбергской 1483 г. и Венеціанской 1492 г. Апокалипсисъ Альбрехта Дюрера 1498 г. Въ Лютеровой Библіи 1534 г. и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ. Въ лицевыхъ Библіяхъ: Ванъ-деръ-Борхта 582 г и Пискатора 1650 и 1674 г.

Бамбергскій Апокалипсисъ, рукопись Бамбергской Королевской библіотеки, X-XI в. На библіотечномъ ерлыкѣ, вложенномъ въ рукопись, значится: «A. II. 42. Eine Apokalypse mit beigebundenem Evangelistarium aus dem X Jahrhundert ganz entschieden deutschen Ursprungs». Въ каталогѣ Екка: «Apocalypsis cum pret. picturis. Item Evangelia per annum legi solita [Hic liber a Cunigunda Imp. eccl. coll. s. Stephani donatus esse traditur. Erat ligatura pretiosissima, quam ornabat in medio onyx insignis magnitudinis, quae ad thesaurum Monacensem a. 1803 mittebatur]. Ad init. s. XI [A. II. 42] 106 zol. I col. h. prg.» Iaeck, Vollständ. Beschreibung d. öffentlich. Biblioth. zu Bamberg 1831, I, стр. 311. Краткое описаніе рукописи и миніатюръ см. Christoph Gottlieb von Murr, Merkwürdigkeiten d. Fürstbischöfl. Residenzstadt Bamberg. Nürnberg 1799. Стр. 138-141. Waagen, Kunstwerke u. Künstler in Deutschland. Leipzig 1843. I, стр. 97 и слѣд. Schnaase, Geschichte der bildenden Künste. IV Band, 2 Abtheil.

Düsseldorf. 1854, стр. 474. Въ краткомъ указателѣ значится: «Eine Apokalypse mit beigebundenem Evangelistarium aus dem X. jahrhundert [A. 11. 42], ganz entschieden deutschen Ursprungs.Dieses Manuscript enthält 57 Bilder. die mit dem Texte der Apokalypse in Verbindung stehen oder sich an eine Evangelienstelle anreihen, nebst 4 ganz besonders schönen, grossen und 111 kleineren Initialen auf 106 in einer Columne geschriebenen Blättern. Es soll von der h. Kunigunde dem Collegiatstift von St. Stephan zu Bamberg geschenkt worden sein. Der Einband war damals ein äusserst kostbarer; der denselben einst zierende Onyx ist jetzt eine Zierde der kgl. Schatzkammer». Dr. Leitschuh, kgl. Bibliothekar, Führer durch die Königliche Bibliothek zu Bamberg. Bamb. 1878. Стр. 25. На окладѣ рукописи, по свидѣтельству Мурра, можно было прочесть изъ надписи, начертанной по золоту, слѣдующее: Henric et Kunigunt haec tibi munera promunt.

Къ началу XI в. рукопись эту относятъ потому только, что ранѣе этого времени св. Кунигунда не могла принести ее въ даръ монастырю св. Стефана; но по письму рукопись принадлежитъ къ X в. Слѣдуя библіотекарю Лейтшу, я отношу ее въ этой монографіи къ X в.

Драгоцѣнный окладъ, которымъ рукопись была украшена, и преданіе, соединяющее ее съ именемъ Императрицы Кунигунды, свидѣтельствуютъ, что этотъ превосходный памятникъ иконографіи и въ свое время пользовался особеннымъ отличіемъ, какъ одно изъ лучшихъ произведеній письменности и искусства. Вагенъ, по принятому имъ методу основываться въ своихъ наблюденіяхъ болѣе на внѣшней и технической сторонѣ художественныхъ произведеній, усматриваетъ въ иллюстраціи этой рукописи работу нѣмецкихъ мастеровъ, хотя допускаетъ и вліяніе византійское, ограничивая его тоже техникою. Но для сравнительнаго изученія нашей славяно-русской иконографіи Бамбергскій Апок. важенъ не столько по художественному исполненію, сколько по иконографическимъ сюжетамъ, которые, сохраняя въ себѣ раннія преданія, не только византійскія, но и вообще древнехристіанскія, предлагаютъ намъ во многомъ норму и мѣрило для опредѣленія и оцѣнки первоначальныхъ основъ нашего Лицеваго Апокалипсиса по его лучшимъ редакціямъ.

Въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ только одинъ текстъ Откровенія, латинскій, безъ толкованій; раздѣленъ не на 22 главы, какъ принято по новому счету, а на 50 группъ, съ такимъ же числомъ миніатюръ, изъ которыхъ каждая, какъ у насъ въ раннихъ редакціяхъ, слѣдуетъ за соотвѣтствующею ей группою текста.

Миніатюры писаны на однихъ листахъ съ текстомъ. Всѣ онѣ въ рамкахъ. Иногда занимаютъ всю страницу, иногда только половину ея, а въ другой половинѣ текстъ. Нѣкоторыя изъ большихъ раздѣлены линіею на двѣ части, какъ въ Англосаксонскомъ Апок. XII в. и графа Уварова № 58, половины XVII в. Фонъ миніатюръ золотой или цвѣтной, часто пурпуровый. Нимбы цвѣтные, синіе или зеленые.

Такъ какъ драгоцѣнный Бамбергскій кодексъ доселѣ еще не изданъ и его иллюстрація не описана, то я долженъ сдѣлать, по возможности, полное обозрѣніе ея по всѣмъ 50 миніатюрамъ, воспользовавшись самымъ оригиналомъ Бамбергской Королевской библіотеки.

1) I, 1-8. Іоаннъ, съ сѣдою бородою, въ позѣ, сходной съ принятою имъ въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, м. 1 [сн. 1]—принимаетъ въ покрытыя красною драпировкою руки книгу отъ Іисуса Христа, который по плеча выказывается справа изъ небеснаго сектора, составленнаго изъ округлыхъ полосъ, желтыхъ и голубой. Слич. въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней ред. м. 16 [сн. 8] и въ Апок. МПМ. № 156, м. 2 [сн. 32]. Іисусъ Христосъ въ юномъ типѣ Еммануила, въ крестномъ сіяніи, безбородый, волосы свѣтлокаштановые, гладкіе, сзади спускаются; надъ челомъ—безъ косички, или маленькой пряди, какъ принято у насъ убирать волосы Еммануила по древнему преданію. Въ голубой туникѣ, съ широкимъ воротомъ, безъ полосы или бармъ, поверхъ накинута пурпуровая тога.

2) I, 9-20. Іисусъ Христосъ въ типѣ Еммануила, безбородый, но въ простомъ сіяніи; на срединѣ чела спускается косичка коротенькихъ волосъ, какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 3 [копія краск. 1] и въ другихъ лучшихъ нашихъ редакціяхъ. Пурпуровый на немъ подиръ подпоясанъ золотымъ поясомъ; мечъ держитъ устами по его срединѣ, такъ что направо торчитъ рукоятка, а налѣво острее, какъ въ Пражскомъ Апок.

XIV', на стр. 292 [сн. 261 б]—особенность, не принятая въ нашихъ Апокк. Іисусъ Христосъ писанъ по золотому фону. стоитъ на сиреневомъ помостѣ, на которомъ семь свѣтильниковъ. Благословляющую десницу Христа окружаютъ семь звѣздъ. въ видѣ голубыхъ кружковъ, обведенныхъ красною косточкой. Іоаннъ здѣсь юный, безъ бороды.

3-6) II и III. Изъ этихъ четырехъ миніатюръ въ трехъ первыхъ помѣщено по двѣ церкви, а въ послѣдней одна. Всѣ онѣ безъ крестовъ: иныя стоятъ открыто. другія окружены городомъ въ его античной формѣ, въ высокихъ стѣнахъ съ башнями, какъ у насъ въ раннихъ редакціяхъ принято для Горняго Іерусалима, напр. въ моемъ юсов. Апок. XVI в. м. 71 [сн. 95]. На каждую изъ Церквей указываетъ Іоанну Іисусъ Христосъ, выступая изъ такого же, какъ сказано выше, небеснаго съ полосами сектора. Іисусъ Христосъ въ крестномъ сіяніи, безбородый; Іоаннъ въ старческомъ типѣ, сѣдой, съ бородою. Здѣсь и еще въ м. 1, этотъ старческій типъ Іоанна является, какъ исключеніе, согласный съ принятымъ въ нашихъ Апокк. Затѣмъ онъ представляется постоянно юнымъ и безбородымъ, какъ потомъ навсегда и удержалось это въ западной иконографіи.

7) IV, 1-8. Вверху, въ эллиптическомъ ореолѣ на радугѣ, украшенной драгоцѣнными камнями [gemmata: «подобна видѣніемъ смарагдови»], сидитъ безбородый, юный Іисусъ Христосъ въ крестномъ сіяніи: въ лѣвой рукѣ держитъ свитокъ, правою благословляетъ, ноги постановлены на круги, изъ которыхъ исходятъ внизъ «громы и гласы», въ видѣ палокъ, съ тупыми концами; слич. при томъ же текстѣ въ моемъ юсов. Апок.— въ видѣ клиньевъ, исходящихъ изъ подъ ореола внизъ, м. 16 [сн. 79]. Подъ Іисусомъ Христомъ помѣщено «море стекляно», въ видѣ большаго глаза, въ которомъ вмѣсто зрачка лицо en face безъ бороды: все это въ голубомъ монохромѣ. Слич. въ соборѣ Монреале на стѣнѣ изображеніе моря, съ лицемъ Нерея, на которое спускается отъ Господа Бога Духъ Святый, въ видѣ голубиномъ: «super faciem abyssi» *. По сторонамъ ореола съ Іисусомъ Христомъ, помѣщены четыре символическія животныя, безъ очей на крыльяхъ, а внизу 24 Старца, въ коронахъ,

* Jameson and Eastlake, The History of Our Lord. London 1864, I, 78.

босые, безъ сандалій, въ свѣтлоголубыхъ туникахъ и въ тогахъ разнаго цвѣта: то въ красныхъ, то въ желтыхъ, то въ синихъ. Каждый изъ нихъ держитъ свѣточъ, въ видѣ зеленоватаго рога, съ краснымъ пламенемъ, исходящимъ изнутри.

8) IV, 9. V, 1-5. Вся миніатюра по золоту, безъ отличія неба отъ земли. Вверху налѣво на престолѣ Іисусъ Христосъ, въ крестномъ сіяніи, безбородый, съ закрытою книгою, запечатанною семью золотыми печатями поверхъ черной доски оклада. Передъ нимъ, къ подножію престола Старцы полагаютъ свои вѣнцы, въ формѣ діадимы, которая здѣсь имѣетъ видъ молодаго мѣсяца, только съ круто загнутыми рогами; діадимы эти желтыя и голубыя. Надъ головами Старцевъ семь свѣтильниковъ, въ формѣ чашечки полушаріемъ, съ свѣтильною внутри. Внизу ангелъ бесѣдуетъ съ Іоанномъ. Оба въ зеленомъ сіяніи.

9) V, 6-14. Миніатюра раздѣлена горизонтальною линіею на двѣ половины. Въ верхней отверстыя ворота подъ римскою аркою въ стѣнѣ съ зубцами; по обѣ стороны воротъ по башнѣ съ окнами, которыя высоко поднимаются надъ этою стѣною. Зданіе такой формы имѣетъ здѣсь значеніе или Горняго Іерусалима, или особой формы престола, на которомъ, дѣйствительно, и стоитъ Агнецъ въ крестномъ сіяніи, съ двумя очами и семью рогами, которые, чуть-чуть сгибаясь, исходятъ отъ головы лучезарною звѣздою. По сторонамъ его шестокрылые серафимы, или ангелы, во весь ростъ, въ обычномъ одѣяніи, желтыя крылья ихъ оторочены полоскою съ очами. Въ нижней половинѣ ангелъ и юный Іоаннъ безъ бороды.

10-13) VI, 1-8. На каждой миніатюрѣ по Всаднику. Первый со стрѣлою, которую спускаетъ съ лука, второй съ мечемъ, третій съ обыкновенными вѣсами и четвертый—Смерть, не костлявая, обнаженная фигура, а въ видѣ красиваго молодаго человѣка въ кафтанѣ, съ пустыми руками; слич. на упомянутой выше капители St.-Benoit-sur-Loire [сн. 241 б]. Въ греческомъ Космѣ Индикопловѣ, по рукописямъ Ватиканской и Лаврентіанской, ранѣе IX в. *, Смерть, отворачивающаяся отъ Еноха, изображена въ видѣ тоже молодаго человѣка, но нага-

* О времени обѣихъ рукописей, какъ копій съ древнѣйшаго оригинала, см. Кондакова: Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей. Одесса 1876. Стр. 86 и слѣд.

го, только съ зеленымъ платомъ на чреслахъ: волоса на головѣ взъерошены: сидитъ на саркофагѣ.—Всѣ четверо Всадниковъ ѣдутъ на конѣхъ. у которыхъ рѣзко означены дѣторолныя части. для показанія. что это жеребцы. Передъ каждымъ изъ Всадниковъ на золотомъ фонѣ изображенъ Агнецъ въ крестномъ сіяніи, безъ роговъ. При первомъ и третьемъ Всадникѣ Агнецъ держитъ во рту большой перстень съ круглою печатію. какъ бы съ той самой. которою запечатана таинственная книга: при второмъ онъ съ книгою, при четвертомъ—съ пергаментною хартіею. у которой красные снурки.

14) VI. 9-17. Фонъ всей миніатюры изъ четырехъ четвероугольниковъ, двухъ золотыхъ и двухъ цвѣтныхъ, расположенныхъ шашками, крестъ-на-крестъ: цвѣтные изъ полосъ—дикой, синей и зеленой. Вверху на красномъ жертвенникѣ лежатъ на-крестъ орари или омофоры, въ видѣ бѣлыхъ полосъ съ черными крестиками. Подъ олтаремъ, или жертвенникомъ стоятъ юноши въ короткихъ туникахъ и въ портахъ, заправленныхъ въ высокіе сапоги [какъ у насъ въ Чудовской редакціи при главѣ XVII, по толковому счету]; иные одѣты поверхъ туники въ мантіи. У нѣкоторыхъ изъ нихъ перекинуты на шеѣ такіе же орари или омофоры, что̀ лежатъ на жертвенникѣ, у другихъ еще нѣтъ. Это—символическое объясненіе той одежды, которая даруется избіеннымъ за слово Божіе.

15) VII, 1-8. Миніатюра раздѣлена горизонтальною линіею на двѣ половины. По золотому фону, безъ означенія ни неба, ни земли, ни моря, въ каждой половинѣ стоятъ по два ангела. Самые Вѣтры не въ рукахъ у нихъ, т. е. они еще не удержаны ангелами, какъ принято въ нашихъ редакціяхъ; но помѣщены сами-по-себѣ, выступая изъ четырехъ угловъ миніатюры, и не въ цѣлыхъ фигурахъ, какъ принято у насъ, а только въ видѣ головъ въ голубомъ монохромѣ, дующихъ изъ своихъ устъ темные лучи вѣтра. Всѣ головы съ короткими рогами, въ видѣ длинныхъ стоячихъ ушей, соотвѣтствующихъ крыльямъ въ Лаонской миніатюрѣ IX в. [сн. 250].

16) VII, 9-17. Миніатюра раздѣлена на двѣ половины горизонтальною линіею. По золотому полю вверху на дикой горѣ стоитъ Агнецъ безъ роговъ, въ крестномъ сіяніи; передъ нимъ юноша съ зелеными вѣтвями. Въ нижней половинѣ стоитъ ангелъ съ безбородымъ Іоанномъ.

17) VIII, 1-6. Миніатюра опять двойная. Въ верхней половинѣ стоятъ семь ангеловъ и трубятъ въ трубы, которыя имѣютъ видъ нѣсколько согнутаго рога, зеленыя и голубоватыя. Въ нижней половинѣ жертвенникъ съ перекрещенными на немъ такими же двумя орарями или омофорами, какъ въ м. 14. Передъ нимъ стоитъ ангелъ, высыпая огонь внизъ изъ кадильницы съ цѣпочкою. Позади ангела стоитъ Іоаннъ, безбородый, съ книгою, правую руку приподнялъ съ распростертою дланью, какъ это принято и въ нашей иконографіи.

18) VIII, 7. Ангелъ трубитъ въ рогъ, стоя на зеленой травѣ; а внизу три полукруга, означающіе землю съ горами. Въ правомъ углу стоитъ Іоаннъ, безбородый.

19) VIII, 8-9. Почти то же.

20) VIII, 10-11. То же. Только прибавлена звѣзда Апсинѳосъ, въ стилизованной формѣ ювелирнаго издѣлія, изъ двухъ четвероугольниковъ, вставленныхъ одинъ въ другой; по ихъ угламъ шарики.

21) VIII, 12. Почти то же; только затмившаяся луна, въ видѣ подковы, близко напоминаетъ выше указанныя діадимы у Старцевъ, въ м. 8.

22) VIII, 13. При текстѣ: «et vidi et audivi vocem unius aquilae volantis per medium coeli», миніатюра узкая и продолговатая, вертикально раздѣлена на двѣ половины: въ лѣвой по дикому фону стоитъ безбородый Іоаннъ; въ правой по золотому фону писанъ орелъ, голубоватый, съ черными тѣнями и съ розовыми крыльями, въ зеленомъ сіяніи, отороченномъ полоскою изъ красной и черной линіи. Онъ стоитъ задомъ къ Іоанну, оборачивая къ нему голову. Вмѣсто ангела, также орелъ въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, м. 22 [сн. 10] и въ родственныхъ съ нимъ: въ МПМ. № 156 и въ Соловецк. юсовомъ.

23) IX, 1-12. На горѣ направо трубитъ ангелъ; подъ нимъ Іоаннъ, безбородый, смотритъ на выходящихъ изъ студенца Бездны Пруговъ, въ ихъ древнемъ типѣ, согласномъ съ Писаніемъ. Они четвероногія; человѣческія лица съ желтыми гривами, въ коронахъ; на туловища ихъ надѣты кольчуги, къ которымъ будто въ ювелирной работѣ прилажены крылья, стилизованныя на манеръ эмалевыхъ металлическихъ издѣлій, черезъ перо красныя и зеленыя; хвосты у Пруговъ съ змѣины-

ми головами. Студенецъ въ античной формѣ многоугольника, какъ у насъ въ лучшихъ редакціяхъ. Изъ него поднимается дымъ, въ стилизованной формѣ трехъ волнистыхъ линій. Царя ангеловъ Бездны, или Аваддона, нѣтъ вовсе.

24) IX, 13-21. Двойная миніатюра. Въ верхней половинѣ налѣво такой же съ орарями жертвенникъ, какъ въ мм. 14 и 17, а подъ нимъ, во всю ширину миніатюры, стилизованными завитками каллиграфическаго стиля, означены волны Евфрата. На нихъ четыре ангела связаны по рукамъ черными ремешками. Ихъ разрѣшаетъ трубящій ангелъ. Въ нижней половинѣ по падшимъ людямъ скачутъ всадники.

25) X, 1-8. Облачный ангелъ, безъ характеристическихъ признаковъ, приписываемыхъ ему въ текстѣ, въ обычной ангеламъ одеждѣ, въ голубоватой туникѣ и розовой тогѣ, держитъ открытую книгу передъ безбородымъ Іоанномъ. Правую ногу постановилъ онъ на море, которое въ видѣ четвероугольника, а лѣвую на землю, которая въ видѣ двухъ полукруглыхъ холмовъ: и четвероугольникъ и полукружія стоятъ отдѣльно, сами по себѣ, на линіи помоста, а не сложены въ натуральномъ сочетаніи ландшафта. Облачный ангелъ представляется въ обычныхъ одеждахъ иногда и у насъ, хотя рѣдко, напр. въ моемъ Апок. ранней редакціи, мм. 27 [сн 12] и 28.

26) X, 9. XI, 1-2. Вмѣсто покрытаго облаками, такъ же одѣтый ангелъ, какъ и въ предыдущей миніатюрѣ, подаетъ Іоанну книгу. Между ними церковь; у Іоанна въ рукѣ трость.

27) XI, 3-13. Миніатюра горизонтальною линіею раздѣлена на двѣ половины. Въ обѣихъ представлены Енохъ и Илія въ одинаковомъ видѣ. Лица ихъ цвѣту зеленаго въ монохромѣ, съ оттѣнками отъ свѣтлаго до чернаго; на нихъ вретища, въ видѣ кафтановъ, съ широкими рукавами, желтаго цвѣта, клетчатыя, будто сѣть или мрежа. Такія же клетчатыя вретища даны Еноху и Иліи въ одномъ нашемъ Апок., хотя и позднемъ, но сохранившемъ слѣды ранніхъ преданій; именно: въ СПБ. Q, Отд. I, № 141, м. 22 [сн. 208].—Извѣстный типическій характеръ въ волосахъ и бородѣ, установленный нашимъ Иконописнымъ Подлинникомъ, въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ не наблюденъ. Въ верхней половинѣ миніатюры оба они стоятъ другъ противъ друга; въ нижней писаны дважды: направо опять стоятъ также другъ противъ друга, а налѣво они пали,

и на нихъ налетаетъ Змій съ двумя лапами, но безъ крыльевъ, одноглавый, съ длинными стоячими ушами вмѣсто роговъ.

28) XI, 15-18. Направо въ такомъ же ореолѣ, какъ въ м. 7, сидитъ на золотой радугѣ Іисусъ Христосъ, въ крестномъ сіяніи, безбородый, въ лѣвой рукѣ держитъ на колѣнѣ открытую книгу, правою благословляетъ. Подъ ореоломъ безбородый Іоаннъ. Справа идутъ 24 Старца въ коронахъ. Надъ ними трубящій ангелъ.

29) XI, 19. XII, 1-6. Весь фонъ миніатюры состоитъ изъ небесныхъ полосъ или сферъ, горизонтально проведенныхъ, какъ это принято въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в., напр. м. 8 [копія краск. 9]. Самая средина миніатюры золотая; надъ нею проведены полосы розовая и синяя, а подъ нею зеленая въ тѣнь. Направо стоитъ церковь, въ формѣ базилики, а во вратахъ ея Кивотъ Завѣта, или арха, въ видѣ домика съ скатною крышею и треугольнымъ фронтономъ. По другую сторону стоитъ св. Жена на разложистомъ серпѣ молодаго мѣсяца, поставивъ ту и другую ногу отдѣльно на его рога. Около нея стоитъ ея сынъ, въ возростѣ отрока, какъ у насъ въ нѣкоторыхъ редакціяхъ, напр. въ СПБ. № 225, м. 32 [сн. 134 в]. Юноша весь обнаженъ, съ тщательно вырисованнымъ дѣторождымъ членомъ большаго размѣра: крайнѣ наивная подробность, которую слѣдовало бы признать рѣшительно неумѣстною, если бы она не была извиняема простодушнымъ усердіемъ выразить ту мысль, что это не Христосъ-младенецъ, а вообще Мужескій полъ, согласно толкованію Меѳодія, усвоенному и у насъ отъ Андрея Кесарійскаго: «Церковь есть болящаа и рождающаа искупленныя, якоже глаголетъ въ Исаіи Духъ: Прежде даже родити болѣвшей, и избѣже, и роди Мужескъ полъ» [LXVI, 7], по Кіевск. изд. Капистенскаго 1625 г. стр. 52. Св. Жена одѣта въ длинный подиръ, съ узкими рукавами съ поручами, украшенный, какъ принято и у насъ, полосами вокругъ ворота и спереди сверху донизу, и такъ же какъ а насъ, подпоясана. Она простоволосая, съ свѣтлыми русыми волосами, которые ниспадаютъ по обѣ стороны на грудь, у вверху на темени приподняты, по древнему обычаю, въ двѣ широкія космы, будто ленты въ бантѣ, и снизу перевязаны эти космы красною лентою. Голова ея выступаетъ по золотому солнцу, которое окружено зеленою полосою съ синими круж-

ками. Отъ головы ея идутъ 11 пурпуровыхъ лучей клиньями, и на каждомъ по золотому шарику: это 12 звѣздъ, изъ которыхъ одной, нижней, не видать за фигурою св. Жены, какъ не видать восьмаго угла въ угловатомъ сіяніи, принятомъ у насъ для Еммануила и Господа Саваоѳа. Двѣнадцать звѣздъ, не принятыя въ типѣ св. Жены въ нашихъ раннихъ редакціяхъ, появляются въ позднѣйшихъ, подвергшихся вліянію запада, гдѣ онѣ удерживаются отъ древнѣйшихъ временъ до печатныхъ Апокк. XVI и XVII в.—Св. Жена лѣвою рукою защищаетъ стоящаго около нея юношу-сына отъ Великаго Змія, который, подымаясь изъ нижней зеленой полосы въ золотую, угрожаетъ имъ обоимъ. Змій, зеленаго, краснаго и синяго цвѣта, изображенъ съ двумя лапами и двумя крыльями, которыя, въ стилѣ металлической работы, будто привинчены винтами, расположенными по прямолинейной полосѣ, надъ которою поднимаются пернатыя крылья. На длинной шеѣ у него, соразмѣрно туловищу, только одна настоящая голова, звѣриная, которая изъ пасти изрыгаетъ на св. Жену съ ея сыномъ огонь; но кромѣ того отъ длинной его шеи торчатъ на параллельно протянутыхъ тоже длинныхъ, но тоненькихъ шейкахъ, еще шесть маленькихъ головокъ, тоже звѣриныхъ, а на нихъ расположено десять роговъ, но безъ коронъ: на четырехъ по два рога и на двухъ по одному. Змій этотъ, слѣдовательно, семиглавый, хотя на большой и настоящей своей головѣ и лишенъ онъ аттрибутовъ, приписываемыхъ ему Писаніемъ, которыми снабжены только маленькія головки.

30) XII, 7. По золотому фону два ангела со щитами поражаютъ копьями каждый своего Змія, изображеннаго въ томъ же типѣ, что̀ и въ м. 29, только съ одною большою головою безъ маленькихъ. А стоятъ ангелы на радужныхъ полосахъ, розовой и дикой, которыми золотой фонъ отдѣляется отъ нижняго, темнаго. Опять слич. полосы въ моемъ юсов. Апок.

31) XII, 13-17. Та же св. Жена, только въ голубоватой туникѣ и пурпуровой тогѣ, и уже съ крыльями, желтыми; прическа волосъ и сіяніе съ звѣздами тѣ же. Она летитъ въ пустыню, которая, впрочемъ, ничемъ не означена, летитъ надъ землею, которая представлена по золотому полю, въ видѣ овальныхъ холмовъ дикаго цвѣта, постановленныхъ на прямой линіи; а снизу этой линіи, въ средній изъ холмовъ, снизу вверхъ

льетъ потокомъ воду изъ своей пасти тотъ же семиглавый Змій, что̀ и въ м. 29, только онъ раскрашенъ вдоль въ двѣ полосы, желтую и дикую, и каждая изъ нихъ стилизована орнаментами изъ насаженныхъ въ параллельныхъ линіяхъ кружковъ и точекъ—бѣлыхъ на желтой полосѣ и красныхъ на дикой. Слич. стилизованнаго Змія въ одной Англосаксонской рук. XI в. въ Британскомъ музеѣ [сн. 242 в] *.

32) XIII, 1-7. Первый Звѣрь, какъ Змій въ мм. 29 и 31, писанъ съ одною головою большою и шестью маленькими, исходящими изъ его шеи, на которыхъ десять роговъ, съ шарикомъ на каждомъ: какъ бы стилизація короны. Онъ выходитъ изъ воды, которая означена внизу миніатюры въ правомъ углу, въ видѣ волнистой массы, занимая точно такое же мѣсто, какъ въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, м. 54 [сн. 23]. Надъ водою стоитъ Іоаннъ, безбородый.

33) XIII, 11-18. Одноглавый Змій съ двумя лапами и крыльями, поднимаясь отъ воды, такъ же стилизованно означенной, какъ и въ м. 32 и въ моемъ Апок. м. 54,—обращаетъ свою пылающую огнемъ пасть къ толпѣ людей. Налѣво, въ нижнемъ углу стоитъ Іоаннъ, безбородый.

34) XIV, 1-5. На Сіонской горѣ, изображенной въ видѣ пирамиды изъ овальныхъ холмовъ, поставленныхъ рядами одни на другихъ, стоитъ Агнецъ въ крестномъ сіяніи. По сторонамъ горы люди; направо внизу, стоитъ Іоаннъ, безбородый.

35) XIV, 6-12. По золотому фону одинъ надъ другимъ летятъ три ангела.

36) XIV, 13-20. Вверху въ правомъ углу, изъ сектора небеснаго круга исходитъ благословляющая десница на Іисуса Христа, который, въ зеленомъ крестномъ сіяніи, въ голубой туникѣ и пурпуровой тогѣ, съ короною на головѣ, въ лѣвой рукѣ держитъ серпъ, а въ правой закрытую книгу. Онъ сидитъ не на престолѣ, а, согласно Писанію, на облакѣ, которое изображено въ видѣ свѣтложелтаго, неправильной фигуры, четвероугольника. Съ лѣвой стороны идетъ къ нему изъ церкви ангелъ; надъ церковью Іоаннъ, безбородый. Другой ангелъ, вышедшій изъ той же церкви, срѣзываетъ виноградъ, ростущій на тычинкахъ подъ церковью, а направо писана пшеница, каждый ея стебелекъ отдѣльно.

* Twining, Symbols and Emblems. London 1852, табл. LXXX.

37) XV, 1-8. XVI. 1. Миніатюра двойная, горизонтальною линіею раздѣлена на двѣ половины. точно такъ же, какъ соотвѣтствующая ей по содержанію въ Апок. графа Уварова № 58, половины XVII в. м. 42 [сн. 149]. Въ верхней половинѣ стоятъ семь ангеловъ, изъ которыхъ шестеро уже держатъ по фіалу, а седьмой только что его еще получаетъ отъ Человѣка [это одно изъ четырехъ символическихъ животныхъ], выказывающагося сверху изъ лѣваго угла. Фіалы имѣютъ форму роговъ. Слѣды этой ранней формы сохранились кое-гдѣ и у насъ; напр. въ моемъ Апок. начала XVII в. мм. 54, 57, 58 [снн. 23, 25 и 26], въ Тихонр. Апок. Петровскаго времени въ 8-ку [снн. 238 а, д]. Въ нижней половинѣ стоятъ люди въ короткихъ туникахъ и въ портахъ, засунутыхъ въ сапоги, на плеча накинуты мантіи. Они играютъ на арфахъ, очень тщательно вырисованныхъ, со струнами на колкахъ.

38) XVI, 2-7. Нижняя половина представляетъ длинный четвероугольникъ, очерченный прямыми линіями; онъ раздѣленъ вертикально прямыми линіями на три части: въ первой стоятъ люди, во второй половинѣ рыбы, плаваютъ, въ третьей, вдоль крайней боковой линіи, представлены источники водные въ видѣ полукружій; изъ нихъ параллельно проведены горизонтальныя линіи, извивающіяся волною. Надъ четвероугольникомъ стоятъ три ангела, и каждый льетъ изъ фіала въ свою часть: первый на людей, второй въ море, третій на рѣки и источники водные.

39) XVI, 8-16. Распредѣленіе сюжетовъ то же самое. Вверху стоятъ три ангела, а подъ ними три ихъ части, въ которыя они изливаютъ свои фіалы; а именно: четвертый ангелъ льетъ свой фіалъ на солнце, которое раскалилось до кирпичнаго цвѣта; страданіе солнца отъ зноя выражено въ его олицетвореніи, помѣщенномъ внутри его диска, въ видѣ юношеской фигуры по поясъ, въ клинообразномъ сіяніи солнечныхъ лучей; юноша широко задрапированъ, поднимаетъ къ лицу обѣ руки, закутываясь въ свою тогу. Фигура отличается античною красотою, писана въ кирпичномъ монохромѣ. Пятый ангелъ льетъ свой фіалъ на Звѣря, который поднимаетъ изъ подъ земли свою морду съ зіяющею пастью; около стоитъ человѣкъ, поднимая обѣ руки. Такъ представлено омраченіе Звѣринаго царства. Шестой ангелъ льетъ свой фіалъ на двоихъ апокалипсическихъ

животныхъ, которыя поднимаются изъ воды; у каждаго исходитъ изъ пасти по лягушкѣ, которыя написаны очень натурально и въ рисункѣ, и въ колоритѣ съ крапинами. Въ нижнемъ углу стоитъ Іоаннъ, безбородый.

40) XVI, 17-21. Седьмой ангелъ летитъ надъ городомъ и выливаетъ свой фіалъ на воздухъ, который изображенъ на зеленомъ фонѣ, въ видѣ большаго лавроваго листа, или эллиптическаго ореола, очерченнаго волнистою линіею, съ завостренными по обѣимъ концамъ углами, и положеннаго горизонтально. Слич. подобную стилизацію въ символическомъ представленіи воздуха, въ видѣ чаши или полукружія, въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, м. 60 [сн. 28]. Обѣ фигуры Воздуха, и въ Бамбергскомъ Апок., и въ моемъ, покрыты голубою краскою. Слич. болѣе сложное символическое изображеніе Воздуха у аббатиссы Геррады Ландспергъ въ Hortus Deliciarum, табл. 4 [сн. 255].

41) XVII, 1-20. Вверху, въ радужномъ фонѣ изъ полосъ голубой и свѣтлой, стоятъ: безбородый Іоаннъ и ангелъ, который указываетъ ему на Вавилонскую Любодѣйцу, помѣщенную ниже, въ фонѣ уже дикомъ, отдѣленномъ отъ нихъ золотою полосою. Любодѣйца сидитъ на Звѣрѣ съ одною головою большою и шестью маленькими, какъ въ м. 32. Волосы у Любодѣицы черные, такъ же убраны бантомъ и распущены, какъ у св. Жены, въ м. 29; въ зеленомъ сіяніи, такъ какъ по древнѣйшей иконографіи сіяніемъ увѣнчивается не только святость, но и власть вообще, а также и олицетворенія, слѣды чего сохранились въ моемъ юсов. Апок. XVI в. въ сіяніяхъ на головахъ Земли и Пустыни, м. 41 [сн. 85]. На Любодѣицѣ пурпуровый подиръ, съ золотыми полосами и поручами; въ лѣвой рукѣ держитъ она сосудъ, въ видѣ рога.

42) XVIII, 1-20. Вверху налѣво, изъ сектора небеснаго круга выказывается ангелъ съ распростертою десницею; подъ нимъ, отъ линіи лѣвой рамки миніатюры, вышелъ полукругъ: изъ него протянулась длань Господа Бога, съ исходящею отъ нея силою, въ видѣ трехъ оконечностей креста, концы которыхъ разщеплены клиньями. Внизу низпровергнутый вверхъ дномъ городъ, съ домами и башнями; по сторонамъ писаны толпы людей.

43) XVIII, 21-24. Верхняя часть радужная изъ двухъ по-

лосъ, малиновой и дикой, средняя золотая, нижняя—зеленоватое море. На немъ стоитъ ангелъ и опускаетъ въ воду жерновъ.

44) XIX, 1-10. Вверху въ ореолѣ юный Іисусъ Христосъ въ крестномъ сіяніи сидитъ на радугѣ, ноги постановилъ на другую радугу. Окрестъ его четыре символическихъ животныхъ. По сторонамъ по ангелу, трубятъ въ трубы. Внизу стоятъ Старцы въ коронахъ и молитвенно обращаютъ руки вверхъ. Безбородый Іоаннъ палъ передъ ангеломъ, который протягиваетъ къ нему руку.

45) XIX, 11-17. Небесное ополченіе изъ ангеловъ, съ самимъ Іисусомъ Христомъ во главѣ, какъ это принято у насъ во всѣхъ редакціяхъ, здѣсь представлено въ видѣ обыкновенныхъ воиновъ. Ихъ всего трое; ѣдутъ по линіи, которою верхняя часть миніатюры отдѣлена отъ нижней. Передній изъ этихъ всадниковъ—самъ царь на свѣтломъ конѣ, въ короткомъ зеленомъ кафтанѣ и пурпуровыхъ портахъ въ обтяжку, которыя, какъ чулки, замѣняютъ ему и сапоги; ноги въ стременахъ. Поверхъ кафтана пурпуровая мантія; на головѣ корона, въ древней формѣ діадимы. Лѣвой рукой держитъ узду, въ правой скипетръ, а мечъ во рту, такъ же какъ въ м. 2. Въ нижней части миніатюры двѣ птицы сидятъ на двухъ поверженныхъ царяхъ и клюютъ ихъ. Налѣво стоитъ ангелъ и трубитъ. Безбородый Іоаннъ указываетъ на пожиранье птицами.

46) XIX, 19-21. Вверху тоже воины, въ короткихъ кафтанахъ. Двое со щитами поражаютъ копьями Великаго Змія и Сатану, низвергнутыхъ въ темную пропасть, усѣянную язычками пламени. Сатана помѣщенъ распростертымъ на хвостѣ Великаго Змія, въ видѣ обнаженнаго человѣка, безбородаго; на головѣ у него волосы торчатъ дыбомъ, но не всѣ вмѣстѣ въ одинъ конусъ, какъ принято у насъ, а раздѣлены на нѣсколько мелкихъ прядей. Сатана связанъ по рукамъ, а ноги скованы. Третій воинъ, сверху же, какъ и тѣ двое, сидя на конѣ, низко наклонился съ него и поражаетъ мечемъ двоихъ человѣкъ, которые помѣщены направо отъ Змія и Сатаны.

47) XX, 1-10. Миніатюра раздѣлена горизонтально на двѣ половины: въ верхней—заключеніе Великаго Змія-Сатаны въ узы, въ нижней его отрѣшеніе отъ узъ: такое же соединеніе въ одной миніатюрѣ этихъ двухъ моментовъ, какъ въ моемъ

юсовомъ Апок. XVI, м. 66 [сн. 93], не принятое въ другихъ нашихъ редакціяхъ. Особенность описываемой иллюстраціи составляетъ здѣсь то, что связывается не одинъ только Змій и отрѣшается не одинъ только Сатана, какъ въ моемъ юсов. Апок., а оба раза тотъ и другой вмѣстѣ. Связываетъ ихъ обыкновенный ангелъ, и притомъ не цѣпями, а чернымъ ремнемъ, какъ въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, м. 67; а разрѣшаетъ уже не ангелъ, какъ въ моемъ юсов. Апок., а крылатый дьяволъ: онъ обнаженъ, и только сѣрая тога, спускаясь съ лѣваго плеча, прикрываетъ ему животъ; крылья у него черныя; волоса такіе, какъ у Сатаны, по описанію миніатюры 46-ой.

48) XX, 11-15. XXI, 1-8. Вверху, посреди, сидитъ на престолѣ Іисусъ Христосъ, безбородый, безъ сіянія; но вмѣсто того изъ-за головы его поднимаются три перекладины креста, формою и величиною такія, какія принято писать въ крестномъ сіяніи. Лицо, руки и ноги у него малиновыя; лѣвую руку протянулъ горизонтально съ распростертою дланью, въ правой держитъ большой четвероконечный крестъ. По сторонамъ въ верхнемъ ряду, стоятъ ангелы, въ нижнемъ сидятъ на престолахъ апостолы. Внизу, подъ Іисусомъ Христомъ, стоятъ два ангела, такъ же, какъ и онъ, малиновые, или огненные; они со свитками, на которыхъ писано поперекъ, какъ принято у насъ, а не вдоль, какъ впослѣдствіи на западѣ. Свитками здѣсь замѣнены книги въ нашихъ редакціяхъ, XX, 12. Подъ ангелами воскресаютъ изъ гробовъ люди; направо и налѣво толпы народа: это праведные и грѣшники; первыхъ принимаютъ ангелы, вторыхъ дьяволы. Въ углу, подъ грѣшниками, связанный Сатана въ томъ же типѣ, что̀ въ м. 46, а подъ праведниками, тоже въ углу, Іоаннъ, безбородый.

49) XXI, 9-27. Горній Іерусалимъ воздвигнутъ на планѣ круга. Въ высокихъ стѣнахъ его съ башнями, помѣщенными въ этой круглой фигурѣ на-крестъ, по три въ рядъ [всего 12 башенъ]—стоитъ Агнецъ въ крестномъ сіяніи, на свернутомъ и завязанномъ черными нитями свиткѣ. Внизу ангелъ лѣвою рукою ведетъ Іоанна, а въ правой держитъ трость для измѣренія стѣнъ и воротъ города Іерусалима. Также одинъ только Агнецъ помѣщенъ въ Горнемъ Іерусалимѣ и въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. м. 73.

50) XXII, 1-21. По золотому фону вверху небесныя сферы представлены въ двухъ полосахъ, розовой и лиловой. Іисусъ Христосъ, безбородый, въ крестномъ сіяніи, сидитъ на престолѣ, на подушкѣ; по сторонамъ по ангелу. Изъ подъ престола исходитъ рѣка; на ней три дерева, писаны въ стилизованной формѣ: одно съ тремя зелеными листами продолговатой формы, вмѣсто вѣтвей; на другомъ, вмѣсто вѣтвей же, на сучкахъ помѣщено по грибу, или зонтику голубаго цвѣта съ красненькими подвѣсками, состоящими изъ шарика на нити. Слич. подобную стилизацію деревъ во фрескахъ французской церкви св. Савина XII в. [сн. 258 а], а изъ нашихъ Апокк.—особенно въ МПМ. начала XVII в. № 156, мм. 25 и 28 [снн. 37 и 39].—Подъ деревами Іоаннъ палъ передъ ангеломъ.

Изъ пяти миніатюръ, украшающихъ приложенныя къ Бамбергскому Апокалипсису Евангельскія чтенія, обращу вниманіе на слѣдующее.

Въ изображеніи распятія Господня Іисусъ Христосъ представленъ юный, безбородый, какъ и во всѣхъ выше описанныхъ миніатюрахъ, на четвероконечномъ крестѣ, т. е. безъ перекладины для ногъ, и распятъ еще четырьмя гвоздями, по принятому у насъ, а не тремя, какъ пошло на западѣ съ XIII в.

Такой же юный Іисусъ Христосъ полагается и во гробъ.

Одна изъ мѵроносицъ у гроба Господня держитъ въ рукѣ вмѣстѣ съ ковчежцемъ кадильницу на цѣпочкѣ, по формѣ сходную съ принятою въ м. 17 Бамб. Апок.

Но особенно замѣчательна первая изъ пяти миніатюръ, слѣдующаго содержанія. На престолѣ сидитъ Императоръ, въ которомъ видятъ Генриха II. Въ правой рукѣ держитъ длинный золотой скипетръ, а лѣвою придерживаетъ на колѣняхъ державу, въ видѣ земнаго шара, съ золотымъ на немъ крестомъ. По обѣимъ сторонамъ Императора сидятъ по епископу, каждый, придерживая рукою его корону, какъ бы надѣваетъ ему на голову, или коронуетъ его. При этомъ надписано: Utere terreno coelesti postea regno. Внизу изображены четыре женскія фигуры, въ которыхъ олицетворяются народы или страны, подвластныя Императору, съ надписью: Distinctae gentes famulantur dona ferentes.

Тотъ же сюжетъ, съ нѣкоторыми измѣненіями въ переводѣ

представленъ на двухъ миніатюрахъ въ Евангеліи, переплетенномъ въ драгоцѣнный окладъ греческой работы, которое изъ сокровищницы Бамбергскаго Собора перенесено въ Мюнхенскую библіотеку. Его относятъ къ XI в., но стиль миніатюръ тотъ же самый, что̀ и въ описанной мною рукописи. Обѣ сказанныя миніатюры изданы въ очень хорошихъ копіяхъ красками и золотомъ у Штакке, въ его Deutsche Geschichte, 1881, I, при стр. 295. Копіи эти даютъ нѣкоторое понятіе о художественномъ достоинствѣ Бамбергскаго Апок. Одну изъ нихъ см. въ сн. 252 а, съ изображеніемъ олицетвореній Склавиніи, Германіи, Галліи и Рима. Она интересна для насъ, между прочимъ, и потому, что объясняетъ, принятымъ въ ранней иконографіи костюмомъ, ту полосу, которая проведена на стегнѣ Емманула, ѣдущаго на конѣ въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, м. 65 [сн. 30]. Такія же полосы приняты на обоихъ стегнахъ въ костюмѣ пророка Даніила [сн. 252 б] въ одномъ изъ изображеній на византійскихъ металлическихъ вратахъ базилики св. Павла, внѣ стѣнъ Рима, 1070 г., погибшихъ въ пожарѣ 1823 г.

Апокалипсисъ Альтамировскій, изъ библіотеки графа Альтамира, перешедшій въ 1870 г. во владѣніе Амбруаза Фирмена Дидо; рукопись XII в.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о составѣ этой рукописи и краткое описаніе всѣхъ 110 миніатюръ, ее украшающихъ, см. A. Bachelin, Description d'un commentaire de l' Apocalypse, manuscrit du XII-e siècle, compris dans la bibliothèque de son exellence le marquis d' Astorga, comte d' Altamira, duc de Sesa etc. avec figures noires et en couleurs. Paris 1869. Затѣмъ: Ambroise Firmin Didot, Des Apocalypses figurées manuscrites et xylographiques, Paris 1870; а также въ Декабрскомъ нумерѣ 1869 г. Bibliophile illustré. Въ каталогѣ Альтамировой библіотеки эта рукопись означена такъ: «Commentaire sur l' Apocalypse, en latin [attribué à Saint Béat, moine espagnol de l' ordre de Saint Benoit, abbé du monastère de Val-Gabado, en Asturie, ver la fin du VIII-e siècle] suivi d'un Commentaire sur les Prophéties de Da-

niel. Manuscrit du XII-e siècle, grand et fort in-fol. veau. [Ancienne reliure]».

Толковый Апокалипсисъ испанскаго монаха Беата [† 798] пользовался популярностью и славою въ Аквитанской школѣ писцовъ и иллюминаторовъ, по обѣимъ сторонамъ Пиринейскихъ горъ, въ сѣверной Испаніи и въ Гасконіи, и, какъ у насъ толкованіе Андрея Кесарійскаго на Апокалипсисъ, распространялся начиная съ конца VIII и до XIII в., включительно, въ множествѣ копій, изъ которыхъ многія были украшаемы миніатюрами. Изъ этихъ лицевыхъ Апокалипсисовъ особенною извѣстностью пользуются два. Одинъ изъ нихъ составленъ въ аббатствѣ св. Севера [Saint Sever] въ Гасконіи, во время аббата Монтане [Montaner], отъ 1028 по 1072 г., и иллюминованный монахомъ, по имени Гарсія; нынѣ находится въ Парижской Публичной библіотекѣ. Нѣсколько миніатюръ изъ него снято въ изданіи графа Бастара, Peintures et ornements des manuscrits; см. Вагена: Kunstwerke und Künstler in England und Paris, Berlin 1839, томъ III, стр. 272-274, и въ Revue archéologique, томъ II, стр. 698, статью Адріана Лонперье. Въ этой рукописи 75 миніатюръ; сюжеты ихъ отличаются крайнею малосложностью, часто изъ одной только фигуры. Другой Апокалипсисъ названъ выше, подъ именемъ Альтамировскаго. Онъ XII в., съ 110 миніатюрами, которыя отличаются бо́льшею многосложностью сюжетовъ и группировкою фигуръ. Въ обоихъ господствуетъ классическое преданіе, какъ вообще древнехристіанское, такъ и—Византійскаго стиля лучшей его эпохи. Графъ Бастаръ по художественному достоинству ставитъ Альтамировскій Апокалипсисъ наравнѣ съ знаменитою рукописью Hortus Deliciarum аббатиссы Геррады Ландспергъ *.

Къ толкованію монаха Беата въ Альтамировской рукописи приложено, въ концѣ, толкованіе блаженнаго Іеронима на пророчество Даніила, какъ это было принято и въ другихъ рукописяхъ Астурійскихъ и Гасконскихъ. Обычай присоединять къ Апокалипсису извлеченія изъ пророка Даніила, безъ сомнѣнія, ведетъ свое начало изъ Византіи; потому онъ оказался и у насъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Чудовской редакціи, имен-

* Въ письмѣ къ Башелену, который приводитъ его въ названномъ мною изданіи, на стр. 3-4.

по—Зайцевскаго, Титова № 528 и МПМ. № 4. Слич. также другую рук. Титова съ Лицевымъ Апокалипсисомъ очень поздней редакціи, № 523.

Изъ 110 миніатюръ только 74 относятся собственно къ Апокалипсису, именно мм. 24-97; начальныя же 23 мм., разнообразнаго содержанія, иллюстрируютъ вступленіе къ толкованію, составленное тѣмъ же монахомъ Беатомъ, а послѣднія 13 мм. относятся къ пророчеству Даніила, мм. 98-110.

Миніатюры разнаго размѣра. Однѣ въ величину большаго листа самой рукописи, другія въ половину его и менѣе, наконецъ есть и такія, которыя содержатъ только одну фигуру, обведенную рамкою.

Краткое описаніе всѣхъ 110 миніатюръ, дающее нѣкоторое понятіе, какъ о содержаніи ихъ, такъ и о художественномъ достоинствѣ, дано г. Башеленомъ въ упомянутой уже книгѣ. Я же, въ послѣдовательномъ порядкѣ миніатюръ, коснусь только тѣхъ изъ нихъ, которыя мнѣ нужны для сравнительнаго изученія русскаго Лицеваго Апокалипсиса.

Но сначала надобно сдѣлать общее замѣчаніе о цвѣтномъ съ золотомъ фонѣ, на которомъ въ Альтамировской рукописи писаны фигуры. Въ бо̀льшей части миніатюръ онъ состоитъ изъ горизонтальныхъ полосъ разнаго цвѣта, какъ это принято кое-гдѣ и въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ X в. Эта принадлежность очень ранняго стиля въ замѣчательной сохранности удержалась у насъ до XVI в., въ связи съ представленіемъ о небесныхъ сферахъ, какъ это показано въ своемъ мѣстѣ, въ описаніи моего юсоваго Апокалипсиса, гдѣ приведены и выдержки изъ Башелена о сказанныхъ цвѣтныхъ полосахъ.

Такъ какъ вступленіе состоитъ въ тѣсной связи съ самымъ Апокалипсисомъ, то полагаю не лишнимъ сдѣлать краткій перечень сюжетовъ нѣкоторыхъ изъ миніатюръ, которыми иллюстрировано это вступленіе. А именно: 1) врата въ мавританскомъ стилѣ, т. е. арка подковою; 2) Агнецъ у подножія креста; 3) Іисусъ Христосъ, царь славы; 4) Господь Саваоѳъ и Іоаннъ Богословъ; 5) Іоаннъ и ангелъ; 10) Господь Богъ, Іоаннъ и Орелъ; 11) во вратахъ, подъ аркою мавританскаго стиля, стоятъ рядомъ два архангела съ жезлами; между ними запечатанная печатями книга, которую они оба держатъ своими руками, какъ Іисусъ Христосъ и Господь Саваоѳъ въ Апок. МПМ. №

156, м. 13 [копія краск. 4]; надъ ними во внутреннемъ полѣ арки, или въ тимпанѣ, помѣщенъ символическій образъ Іоанна Богослова, въ видѣ человѣка въ туникѣ и тогѣ, держащаго въ рукахъ закрытую книгу; но онъ съ головою орла, въ сіяніи и съ распростертыми крыльями: эта миніатюра во весь листъ рукописи издана у Башелена въ копіи красками *; 12) Адамъ и Евва; 14) Авель; 15) жертвоприношеніе Авраамово; 16) Исаакъ; 17) Іаковъ и Лія; 18) Рахиль; 19) Давидъ: въ мм. 16-19 фигуры писаны на небольшихъ щитахъ, или въ медаліонахъ; 20) поклоненіе трехъ волхвовъ; 21) павлинъ, который своимъ клювомъ душитъ змія, обвившаго ему ноги своимъ хвостомъ: можетъ быть, символъ Христа, который поражаетъ апокалипсическаго Змія; 22) толкователи Апокалипсиса; ихъ восемь, такъ же какъ и въ рукописи св. Севера, гдѣ они поименованы въ надписяхъ: Ioannes, Hieronimus, Augustinus, Ambrosius, Fulgentius, Gregorius, Abringius, Hisiodorus; 23) Ноевъ ковчегъ, миніатюра въ высшей степени замѣчательная по представленію этого сюжета; она издана въ книгѣ г. Башелена, въ раскрашенной копіи: животныя, собранныя въ ковчегѣ, писаны въ мелкихъ четвероугольникахъ, расположенныхъ въ шесть ярусовъ, которые составляютъ самый ковчегъ, какъ домъ со скатною крышею. Между прочимъ, дважды изображено чудовище, съ одною большою головою и шестью маленькими, которыя въ видѣ гривы поднимаются на тоненькихъ шейкахъ отъ его головы и шеи [сн. 259 а], согласно съ представленіемъ Великаго Змія и Перваго Звѣря въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ, мм. 29 и 32. Надъ чудовищемъ, въ другомъ четвероугольникѣ, помѣщены двѣ крылатыя фигуры, съ человѣчьими головами—съ мужскою и женскою. Слич. у насъ райскихъ птицъ, а также Сирина и Алконоста.

Затѣмъ начинается иллюстрація собственно апокалипсическаго текста, которую уже можно вести въ параллель съ нашими Лицевыми Апокк.

24) Ангелъ стоитъ подъ аркою мавританскаго стиля, въ туникѣ, съ открытымъ воротомъ и широкими рукавами, и въ тогѣ, съ листомъ пергамента [сн. 259 б]. Сюжетъ этой миніатюры Башеленъ называетъ: L'Ange de l'Apocalypse, т. е.

* Миніатюру эту Башеленъ не точно опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: «L' Ange, saint Jean et l' aigle».

тотъ Ангелъ, который ведетъ Іоанна,—и такъ отзывается о ея стилѣ: «La pose de set ange rappelle les plus beaux ivoires byzantins».

25) I, 1-9. Въ этомъ первомъ видѣніи является Іоанну не Іисусъ Христосъ, какъ принято у насъ, а Господь Саваоѳъ, ветхій деньми, съ сѣдыми волосами и сѣдою бородою, по Писанію: «Апокалипсисъ Іисуса Христа, его же даде ему Богъ». Внизу при Іоаннѣ ангелъ и, вѣроятно, Прохоръ, котораго Башеленъ называетъ просто «un homme».

26) I, 10-20. Затѣмъ уже является Іоанну Іисусъ Христосъ *, окруженный херувимами. Іоанна сопровождаютъ семь человѣческихъ фигуръ, въ которыхъ можно видѣть олицетвореніе семи апокалипсическихъ церквей.

27) I, 10-20. Видѣніе семи звѣздъ, семи свѣтильниковъ и семи Церквей, въ видѣ жертвенниковъ, помѣщенныхъ подъ арками.

Между этою 27-ю м. и мм. 32-38, посвященными семи Церквамъ, помѣщены четыре миніатюры, составляющія принадлежность этой редакціи, которая апокалипсическому содержанію даетъ энциклопедическую обстановку въ сюжетахъ не только изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, но и изъ Космографіи. А именно: 28) географическая карта всей земли, по представленіямъ того времени, на двухъ листахъ, на оборотѣ 43-го и на лицевой сторонѣ 44-го; 29) двѣнадцать Апостоловъ, между ними Петръ съ ключами райскими; 30) статуя Навуходоносора и четыре чудовищныя животныя, по отношенію толкованія на Апокалипсисъ къ пророчеству Даніила; 31) Вавилонская Любодѣица на апокалипсическомъ Звѣрѣ, съ сосудомъ въ рукѣ.

40) V, 6-14 [сн. 260]. Великолѣпная миніатюра во весь листъ рукописи; издана въ очеркахъ у Башелена. Все таинственное видѣніе помѣщено въ кругломъ ореолѣ, который, какъ само небо, окруженъ полосою съ звѣздами, какъ бы тою нижнею звѣздною сферою, которою заканчиваются надъ землею прочія небесныя сферы. Сверху и снизу ореолъ поддерживаютъ по два парящихъ ангела. Въ самомъ центрѣ ореола помѣщенъ круглый щитъ; въ щитѣ стоитъ Агнецъ съ двумя рожками и натуральнымъ числомъ глазъ, въ крестномъ сіяніи, правою лапкою держитъ поднимающійся надъ нимъ крестъ, въ формѣ

* Башеленъ въ своемъ описаніи не характеризуетъ иконографически типы Божихъ ипостасей.

орденскаго, четвероконечный, съ одинаковой величины концами, который водруженъ на жезлѣ съ востреемъ на нижнемъ концѣ. Надъ щитомъ съ Агнцемъ, на подушкѣ, положенной на престолъ безъ задка, возсѣдаетъ Іисусъ Христосъ, бородатый, въ крестномъ сіяніи, въ туникѣ, съ открытымъ воротомъ и широкими рукавами, поверхъ тога; лѣвой рукою придерживаетъ на колѣнѣ закрытую книгу, правою благословляетъ. Окрестъ щита съ Агнцемъ стоятъ на ангельскихъ колесахъ четыре символическія фигуры Евангелистовъ, согласно съ типомъ Іоанна Богослова въ м. 11, т. е. человѣкъ въ туникѣ и тогѣ, съ закрытою книгою въ рукахъ, но всѣ съ крыльями и съ головами символическихъ животныхъ; именно: одинъ съ головою орлиною, другой съ тельчьею, третій съ львиною и четвертый съ человѣчьею. Между этими символами помѣщены, вмѣсто бородатыхъ старцевъ, юныя фигуры, числомъ шесть; изъ нихъ трое съ фіалами и трое играютъ на струнныхъ инструментахъ, въ родѣ гитары; четверо одѣты въ длинную тунику и тогу, другіе двое въ короткую тунику, по колѣна, и въ обуви съ ремнями у щиколокъ, какъ пророкъ Даніилъ на вратахъ св. Павла за стѣнами Рима, 1070 г. [сн. 252 б]. Изъ этихъ послѣднихъ одинъ, ставъ по западному обычаю на одно колѣно, подноситъ фіалъ, другой, скрестивъ ноги, сидитъ и играетъ на струнномъ инструментѣ. Внизу подъ ореоломъ стоятъ два молодыхъ человѣка въ туникахъ и тогахъ, безъ сіяній, и между собою бесѣдуютъ, вѣроятно—Іоаннъ и одинъ изъ Старцевъ, который здѣсь представленъ опять юношею. Всѣ эти юныя фигуры по своему классическому стилю восходятъ ко временамъ катакомбной живописи и къ скульптурѣ древнехристіанскихъ саркофаговъ. Что же касается до общаго плана въ распредѣленіи всѣхъ подробностей въ ореолѣ съ щитомъ и съ поддерживающими ореолъ ангелами, то все это цѣлое есть не что иное, какъ точное въ миніатюрѣ воспроизведеніе системы, какая была усвоена мозаистами для украшенія куполовъ и сводовъ въ самыхъ раннихъ изъ древнехристіанскихъ церквей. Такъ, напримѣръ, на мозаикахъ двухъ куполовъ Баптистерія, при Іоаннѣ Латеранскомъ въ Римѣ, V вѣка, и на сводѣ въ Равеннскомъ храмѣ св. Виталія 547 г., въ самомъ центрѣ купола помѣщенъ также Агнецъ въ щитѣ, который въ двухъ первыхъ окруженъ лавровымъ вѣнкомъ. На первомъ куполѣ отъ щита

спускаются гирлянды и другіе орнаменты изъ вѣтвей и цвѣтовъ, а между ними попарно птицы клюютъ плоды изъ вазъ; все это въ стилѣ Помпеянской живописи; на второмъ—растительные орнаменты соединяются съ геометрическими; ниже на парусахъ писаны павлины, стоящіе на шарахъ, а по обѣимъ ихъ сторонамъ по птицѣ на вѣтвяхъ; еще ниже, уже на стѣнахъ, четыре Евангелиста съ символическимъ животнымъ надъ каждымъ. Наконецъ на Равеннскомъ сводѣ щитъ съ Агнцемъ поддерживаютъ обѣими руками съ четырехъ сторонъ четыре ангела, стоящіе въ богатомъ лиственномъ орнаментѣ *. Если поднять Альтамировскую миніатюру надъ головою, то она произведетъ эффектъ такого же купола, или свода, съ Агнцемъ на щитѣ въ центрѣ и съ четырьмя Евангелистами по спускамъ. Древній обычай изображать Агнца въ щитѣ сохранился и у насъ въ нѣкоторыхъ редакціяхъ Лицеваго Апокалипсиса, напр. въ моемъ юсовомъ, мм. 45, 48 [сн. 87].

41) VI, 1-8. Четыре Всадника, съ четырьмя символическими фигурами Евангелистовъ, въ томъ же видѣ, какъ въ м. 40, и съ Агнцемъ въ щитѣ, расположены въ четырехъ горизонтальныхъ полосахъ разнаго цвѣта, но такъ, что въ первой полосѣ двѣ символическія фигуры и Агнецъ, а во второй—соотвѣтствующіе этимъ фигурамъ Всадники: одинъ съ лукомъ, другой съ мечемъ; въ третьей полосѣ другія двѣ символическія фигуры, а въ четвертой опять соотвѣтствующіе имъ третій Всадникъ съ вѣсами и Смерть, въ видѣ обыкновеннаго человѣка и съ пустыми руками, такъ же какъ въ Апок. Бамбергскомъ. Масти коней соотвѣтствуютъ тексту. Каждая изъ четырехъ символическихъ фигуръ Евангелистовъ схватываетъ стоящаго передъ нею на колѣняхъ человѣка въ сіяніи.

42) VI, 9-11. Души избіенныхъ за слово Божіе представлены въ видѣ голубей вокругъ жертвенника.

46) VII, 9. Почти во всю страницу изображена только колоссальная пальма; на ней помѣстился человѣкъ съ садовымъ ножемъ и срѣзываетъ вѣтви, въ соотвѣтствіе тексту: «и финицы въ рукахъ ихъ». Эта символическая пальма служитъ дополненіемъ къ предшествующей великолѣпной 45-ой миніа-

* Ciampini, Vetera monimenta. Romae 1690, I, tab. LXXIV et LXXV; II, tab. XVIII. См. также Henry Barbet de Jouy, Les mosaiques chrétiennes des basiliques et des églises de Rome. Paris 1857. Стр. 22 и слѣд.

тюрѣ, изображающей чествованіе Агнца, VII, 9-17. При этомъ надобно замѣтить, что изъ русскихъ редакцій символическая пальма встрѣчается только въ моемъ Апок. 1721 г. въ м. 15 [сн. 196], но при другомъ текстѣ: V, 5.

51) VIII, 13. При четвертомъ Ангелѣ съ трубою писанъ не ангелъ, а Орелъ, по Вульгатѣ: «et vidi et audivi vocem inius aquilae» и проч., какъ въ Бамбергск. Апок. м. 22, а изъ нашихъ редакцій въ моемъ начала XVII в. ранней редакціи, м. 22 [сн. 10] и въ родственныхъ съ нимъ Апокк.: МПМ. № 156 и Соловецк. юсов. Въ Альтамировской миніатюрѣ также помѣщены при Орлѣ дерева, какъ въ моемъ Апок. и МПМ.

52) IX, 1-6. Ключъ, данный упадшей съ неба звѣздѣ, держитъ человѣкъ, чтобы отпереть имъ студенецъ Бездны. По обѣимъ сторонамъ поражаютъ людей, по неточному выраженію Башелена «d'énormes scorpions», т. е. чудовищныя животныя, несогласныя съ типомъ, предложеннымъ въ текстѣ [IX, 7-10], точно также какъ у насъ въ Апок. МПМ. № 156, начала XVII в. м. 29, и въ моемъ ранней редакціи, м. 24 [копія краск. 2].

53) IX, 7-10. А здѣсь представлены уже точныя апокалипсическія подобія Пругамъ, по указанію текста, согласныя съ принятытъ типомъ и на западѣ, напр. во фрескахъ Франц. церкви св. Савина [сн. 258 б], и въ нашихъ редакціяхъ. Точно также и въ Апок. МПМ. № 156, послѣ пернатыхъ Пруговъ, еще разъ писаны Пруги по апокалипсическому подобію, м. 31 [сн. 40].

55) IX, 17-19. И эта миніатюра, изображающая отдѣльный эпизодъ съ четырьмя всадниками на чудовищныхъ коняхъ, съ львиными головами и змѣиными хвостами,—также соотвѣтствуетъ въ Апок. МПМ. № 156 отдѣльной миніатюрѣ съ тѣмъ же эпизодомъ, м. 33 [сн. 42].

Въ этихъ трехъ миніатюрахъ, почти рядомъ стоящихъ и въ западномъ Апок. XII в., и въ нашемъ начала XVII в., несомнѣнно лежитъ въ основѣ одна общая редакція, восходящая къ той отдаленной эпохѣ, когда оригиналъ Альтамировской копіи слагался въ стилѣ древнехристіанской иконографіи, усвоенной одинаково западомъ и востокомъ.

57) XI, 3-4. Здѣсь иллюстрирована еще особенность въ текстѣ, на которую въ нашихъ редакціяхъ не обращено вни-

маніе; но, по тѣсной связи иллюстраціи съ текстомъ, миніатюра эта въ духѣ нашей иконографіи. А именно: Енохъ и Илія стоятъ у двухъ масличныхъ деревъ, а вверху повѣшены золотыя лампады, по Писанію: «Сіи суть двѣ маслицы, и два свѣщника предъ Богомъ земли стояща», XI, 4.

62 и 63) XII. Видѣніе о св. Женѣ и Великомъ Зміи отличается иллюстраціею отъ нашихъ редакцій. Вокругъ головы св. Жены 12-ть звѣздъ, какъ и въ другихъ западныхъ Апокк.

66) Небольшая миніатюра, изданная въ снимкѣ у Башелена, съ изображеніемъ Лисы, которая пожираетъ Пѣтуха, еще разъ свидѣтельствуетъ о разнообразіи элементовъ, вошедшихъ въ составъ Альтамировской редакціи.

69) XIV, 14-20. Жатва пшеницы и винодѣліе представлены вмѣстѣ въ одной миніатюрѣ.

70) XV, 1-4. Передъ Агнцемъ, держащимъ крестъ, стоятъ семь ангеловъ, «имущихъ седмь язвъ послѣднихъ», представленныхъ въ видѣ чашъ оригинальной формы.

71) XV, 5-8. Затѣмъ еще разъ принимаютъ семь же ангеловъ уже семь фіаловъ, и именно отъ Орла. Оба момента, представленые здѣсь въ отдѣльныхъ миніатюрахъ, соединены въ одной, въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в., м. 51; именно: семь ангеловъ стоятъ съ широкими чашами, исполненными «язвъ послѣднихъ», а вверху еще семь ангеловъ получаютъ свои фіалы, и тоже отъ Орла.

Слѣдующія затѣмъ миніатюры не предлагаютъ ничего особенно важнаго для сравненія съ нашими редакціями. Въ осадѣ града или стана святыхъ, м. 91 [XX, 7-10], дѣйствуютъ не чудовищныя Песьи-Головы, какъ у насъ, а обыкновенные воины, хотя и въ присутствіи семиглаваго Звѣря, но подъ предводительствомъ Антихриста, держащаго въ рукѣ книгу его лживаго ученія. На Страшномъ судѣ въ мм. 93 и 94 [XX, 11-15] нѣтъ олицетвореній Смерти, Ада, Земли и Моря, которые отдаютъ своихъ мертвецовъ, а уже воскресшіе со страхомъ и ужасомъ являются передъ судящимъ ихъ Іисусомъ Христомъ; они держатъ книги, въ которыхъ писаны ихъ добрыя и злыя дѣла, какъ въ нашихъ редакціяхъ, подчинившихся западному вліянію, напр. въ моемъ Апок. 1671 г. м. 53.

Иллюстрація пророчества Даніилова, въ мм. 98-110, также не подходитъ своими сюжетами къ принятой у насъ въ ко-

піяхъ Чудовскаго Перевода по рукописямъ Зайцевскаго. Титова и МПМ. Въ ней содержатся: осада Іерусалима Навуходоносоромъ, толкованіе Навуходоносорова сна, три отрока въ пещи, Валтасаровъ пиръ и проч.

Въ заключеніе надобно замѣтить, что Альтамировскій Апок., не смотря на господствующій въ немъ характеръ древнехристіанской иконографіи и стиля классическаго, предлагаетъ уже и значительныя подновленія въ костюмѣ и архитектурѣ, отзывающейся характеромъ мавританскимъ и иногда съ присовокупленіемъ стрѣльчатой готики. Впрочемъ, эти позднѣйшіе наносы не нарушаютъ грандіознаго характера, которымъ проникнутъ весь составъ этого изящнаго памятника.

Англосаксонская редакція по лицевому Апокалипсису XII в. въ изданіи: The Apocalypse of S. Iohn. From a ms in the Bodleian library. Printed for the Roxburghe Club. London 1876 *. Рукопись въ 8-ку, на 23 лл. съ 92 мм. на лицевой сторонѣ и на оборотѣ каждаго листа. На каждой страницѣ по двѣ миніатюры въ одной рамкѣ, раздѣленной полосою на двѣ половины. Изъ русскихъ редакцій эта система принята въ нѣкоторыхъ миніатюрахъ Апок. графа Уварова № 58, половины XVII в., именно: въ мм. 13 и 42 [сн. 149]; въ другихъ горизонтальная линія, или полоса, отдѣляетъ небесное отъ земнаго, напр. въ мм. 20, 40, 48, 49 [сн. 150].

Латинскій текстъ помѣщенъ вмѣстѣ съ фигурами въ рамкахъ каждой миніатюры. Свитки съ надписями въ большомъ употребленіи; надписи начертаны по западному—вдоль свитковъ, а не поперекъ, какъ у насъ.

Ту же самую редакцію и по соединенію двухъ миніатюръ въ одной рамкѣ, раздѣленной горизонтальною линіею на двѣ половины, и по размѣщенію латинскаго текста изъ Откровенія съ толкованіемъ вмѣстѣ съ фигурами, и наконецъ по самымъ сюжетамъ почти одного и того же перевода, предлагаютъ

* Этимъ рѣдкимъ изданіемъ пользовался я у профессора Пипира, въ основанномъ имъ при Берлинскомъ университетѣ Христіанскомъ музеѣ.

намъ Инкунабулы лицеваго Апокалипсиса, около половины XV в. См. Monuments de la xylographie. Apocalypse. Premiere édition d'après le baron de Heinecken et cinquième d'apres Sotheby, reproduite en fac-simile par Adam Pilinski. Paris 1882. Амбруазъ Фирменъ Дидо, въ названной уже выше книгѣ: Des Apocalypses figurées manuscrites et xylographiques, Paris 1870,— вмѣстѣ съ литературою предмета и библіографическими указаніями, приводитъ подробное сличеніе сказанныхъ Инкунабулъ съ одною, ему принадлежащей, рукописью Ванъ-Гультемскою [Van Hulthem] XIV в., изъ которой явствуетъ, что эти старопечатные лицевые Апокк. суть не что иное, какъ копіи съ этой и другихъ той же редакціи рукописей. Эти оригиналы апокалипсическихъ Инкунабулъ восходятъ къ самымъ раннимъ произведеніямъ Англосаксонской школы, которая на широкой основѣ классическаго стиля византійской иконографіи разрабатывала средневѣковые элементы стиля романскаго. Именно этимъ самымъ и объясняется, почему въ сказанныхъ Инкунабулахъ, не смотря на пріемы романскаго стиля, и уже съ примѣсью готическаго, ученые давно замѣтили въ большомъ количествѣ явственныя залежи преданій византійской иконографіи *. Такимъ образомъ, общее происхожденіе изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ должно было привести къ сродству нѣкоторыя древнѣйшія принадлежности нашихъ редакцій съ оказавшимися въ западныхъ апокалипсическихъ Инкунабулахъ.

Въ основу своего сравнительнаго обозрѣнія я беру ксилографическій Апокалипсисъ, по изданію Пилинскаго 1882 г., не касаясь рукописи Ванъ-Гультемской, уже достаточно эксплуатированной въ названной книгѣ Фирмена Дидо, но, гдѣ нужно, привожу сравненія съ упомянутымъ Англосаксонскимъ Апокалипсисомъ, котораго г. Дидо вовсе не касается, но который въ той же мѣрѣ, какъ рукопись Ванъ-Гультемская, сходствуетъ съ Инкунабулами и служитъ тому и другому древнѣйшимъ источникомъ XII в.

Старопечатныхъ изданій Апокалипсическихъ Инкунабулъ библіографы насчитываютъ до шести. Въ пяти изъ нихъ, такъ же какъ и въ факсимиле Пилинскаго, по 48 лл. и только въ одномъ 50 лл. Какъ въ нашихъ лубочныхъ картинкахъ, гравюры оттиснуты только на одной сторонѣ листа, другая—чи-

* Chatto, History of wood engraving, изд. 2-е, стр. 64 и слѣд.

стая. По системѣ Англосаксонской редакціи, каждый листъ содержитъ въ одной рамкѣ два сюжета, раздѣленныхъ горизонтальною линіею, кромѣ гравюръ 5, 6, 7, 64 и 65, которыя занимаютъ всю рамку безъ ея раздѣленія на двѣ половины. Такимъ образомъ въ описываемомъ ксилографическомъ Апок. всего 91 гравюра на 48 лл.

Впрочемъ, собственно апокалипсическихъ гравюръ только 82, именно гравв. 5-89; первыя же 4 и послѣднія 5 содержатъ въ себѣ сюжеты изъ житія Іоанна Богослова, всего 9 гравюръ. Присоединеніе этого житія къ Откровенію, составляющее принадлежность редакціи Англосаксонской, принято какъ въ рукописи Ванъ-Гультемской XIV в., такъ и въ сказанномъ Англосаксонскомъ Апок. XII в. по изданію 1876 г., въ которомъ первыя 8 мм. содержатъ въ себѣ житіе Іоанна Богослова. Потому апокалипсическія Инкунабулы и называются: Historia Sancti Ioannis Evangelistae, ejusque visiones Apocalypticae *.

Въ нашей старинной письменности довольно распространены лицевыя рукописи: *Житія и Хожденія Іоанна Богослова*, бо́льшею частію въ листъ, но встрѣчаются и въ 4-ку, какова рукопись XVII в., изданная въ 1878 г. Обществомъ Любителей Древней Письменности, XXIII, № 79, съ предисловіемъ, содержащимъ въ себѣ библіографію этого предмета. Но нашъ Лицевой Апокалипсисъ ни въ одной изъ своихъ редакцій не внесъ въ свой составъ сюжетовъ изъ этого «Житія и Хожденія», развѣ за исключеніемъ пишущаго Прохора, напр. въ редакціи Чудовской, см. въ копіи по рук. Хлудова 1708 г. № 358, м. 2 [копія краск. 22]. Впрочемъ, ученикъ Іоанна Богослова могъ быть взятъ въ апокалипсическую иллюстрацію изъ лицеваго Евангелія, такъ какъ уже съ древнѣйшихъ временъ въ греческихъ Евангеліяхъ при Іоаннѣ Богословѣ помѣщается Прохоръ, пишущій книгу. См. копію красками изъ греч. рук. X-XI в. у архимандрита Амфилохія въ «Хожденіи» Евангелиста Іоанна, изд. Обществомъ Любит. Древн. Письм. 1878 г., XXXI, № 79. Впрочемъ, что касается до рукописей нелицевыхъ, то у насъ, какъ уже замѣчено въ

* По внесенію житія Іоанна Богослова въ Апокалипсисъ, къ той же Англосаксонской редакціи надобно отнести Лицевой Апок. на франц. языкѣ, половины XIII в., въ Парижской Публичн. библ. (Mss. franç. № 7013), Waagen, Kunstwerke u. Künstler in England u. Paris. Berlin 1839. III, 299-300.

I главѣ этого введенія, очень рано присовокуплялось къ толковому Апокалипсису: *Списаніе о житіи и дѣяніи* Апостола Іоанна Богослова, и притомъ вмѣстѣ съ извѣстною выдержкою изъ толкованія Ипполита папы Римскаго, подъ заглавіемъ: *Раздрѣшеніе*, или *разрѣшеніе неизреченнаго откровенія* и т. д. Напр. въ библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры: № 119 [1828] на бомбицинѣ XIV в.; № 83 [1827] XVI в.; № 84 [1830] XVI в. *. Таковъ же составъ рукописи Барсова № 113, XVI в. со вставкою миніатюръ XVIII в. только въ толковый Апокалипсисъ. Точно также при Соловецкомъ юсовомъ Апок. XVI в. и при моемъ 1721 г. приложено безъ миніатюръ сказанное «Житіе Іоанна Богослова».

Теперь обращаюсь къ самой иллюстраціи ксилографическаго Апокалипсиса въ послѣдовательномъ порядкѣ гравюръ. Но предварительно сдѣлаю слѣдующія общія замѣчанія.

По размѣру листовъ, Инкунабулы вдвое больше Англосаксонскаго Апок. XII в. и фигуры значительно крупнѣе; первыя въ большую 4-ку, а послѣдній въ 8-ку.

Письмо, такъ же какъ и въ Англосаксонскомъ Апок., помѣщаемое въ рамкахъ гравюръ, состоитъ изъ болѣе или менѣе сокращенныхъ выдержекъ изъ текста Откровенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ краткихъ толкованій, по редакціи отличающихся отъ принятыхъ въ нашихъ Апокк., и сверхъ того изъ надписей, въ которыхъ голословно именуется изображаемый предметъ.

Іоаннъ является постоянно въ юномъ типѣ, безъ бороды, а Іисусъ Христосъ постоянно же съ бородою и въ крестномъ сіяніи. Господа Саваоѳа вовсе нѣтъ, потому и вмѣстѣ съ Агнцемъ представленъ Іисусъ Христосъ. Въ Ванъ-Гультемскомъ Апок. XIV в. Іоаннъ—сѣдовласый старецъ и съ сѣдою же бородою; въ Англосаксонскомъ Апок. XII в. Іисусъ Христосъ въ юномъ типѣ, безъ бороды. Слѣдовательно, относительно этихъ типовъ наши лучшія редакціи согласуются не съ Инкунабулами, а съ ихъ древнѣйшими источниками.

5) I, 13-18. Іисусъ Христосъ держитъ въ устахъ мечъ не съ рукояти и не съ вострея, а посреди, такъ что онъ приходится поперекъ его лица; къ его ногамъ палъ Іоаннъ. По

* См. Описаніе Славянскихъ рукописей библіотеки Свято-Троицкой Сергіевой Лавры. Москва 1878, въ 3-хъ частяхъ.

сторону отъ этихъ двухъ фигуръ большаго размѣра, помѣщены въ миніатюрномъ видѣ семь Церквей, въ три ряда, съ ангеломъ въ каждой. Тоже и въ Англосакс. Апок. л. 3. Слич. изваяніе въ тимпанѣ романскаго стиля [сн. 241 а] и въ Соловецкомъ юсовомъ Апок. XVI в. м. 5 [сн. 61].

7) V. Между многочисленными фигурами помѣщены два щита: въ одномъ на престолѣ Іисусъ Христосъ, съ книгою и съ Агнцемъ, въ другомъ только одинъ Агнецъ съ книгою; въ обоихъ книга не запечатана: въ первомъ Агнецъ запустилъ свои лапки между страницами книги, во второмъ она совсѣмъ раскрыта съ начертанными на ея страницахъ словами: Vetus testamentum et novum.

8-11) VI, 1-8. При каждомъ изъ четырехъ Всадниковъ соотвѣтствующее ему символическое животное: при первомъ—Человѣкъ, у насъ Левъ; при второмъ—Левъ, у насъ Телецъ; при третьемъ—Телецъ, у насъ Человѣкъ, и только при четвертомъ и въ Инкунабулахъ, и у насъ—Орелъ. Смерть въ видѣ обыкновеннаго человѣка, безъ бороды, въ шляпѣ и въ коротком кафтанѣ, въ рукѣ держитъ чашу, изъ которой пламя поднимается языками, скачетъ на конѣ изъ адовой пасти [сн. 266 а]. Въ Англосаксонск. Апок. Смерть тоже обыкновенный человѣкъ, держитъ тоже чашу съ пламенемъ, но съ бородою и одѣтъ въ широкое одѣяніе, на головѣ шишакъ, который отъ макушки поднимается длиннымъ, какъ палка, завостреніемъ, или шпицемъ.

12) VI, 9-11. Подъ жертвенникомъ виднѣются обнаженныя фигуры воскресшихъ, которые были убіены за слово Божіе. Направо два ангела одѣваютъ двоихъ изъ нихъ. Тоже и въ Англосакс. Апок.

14) VII, 1-3. Посреди гравюры эллиптическая фигура, въ видѣ ореола, съ завостренными углами вверху и внизу. Это по надписи: Orbis terrae. Въ эллипсисѣ этомъ корабль на водѣ; внизу подписано: mare. Окрестъ эллипсиса четыре ангела; каждый держитъ по головѣ, вмѣсто цѣлой человѣческой фигуры, въ какихъ принято у насъ олицетворять Вѣтры. Тоже и въ Англосакс. Апок.

18) VIII, 7 [сн. 267 а]. При Первомъ Ангелѣ съ трубою, посреди гравюры, отъ верхней линіи рамки, спускается небо въ стилизованной формѣ полукружія съ облаками, изъ-за которыхъ

высунулись человѣческія головы, испускающія изъ устъ лучи; посреди головъ сверху спустилось переднею своею частію чудовище съ лапами, съ звѣриною мордою, изо рта которой торчатъ клинья. Тоже и въ Англосаксонск. Апок., только чудовище съ крыльями и съ надписью: tonitrua, а подъ этимъ словомъ: voces, л. 6 об. Это олицетворенія стихій природы, при чемъ tonitrua—клинья отличаются отъ voces—лучей. Смотр. символику клиньевъ у насъ въ Апок. МПМ. № 156 и въ моемъ юсовомъ XVI в., а также гласы, исходящіе изъ устъ головы въ моемъ Апок. 1671 г. м. 49 [сн. 226 б].

22) IX, 7-12 [сн. 266 б]. Передъ скачущимъ стадомъ крылатыхъ Пруговъ ѣдетъ на такомъ же точно Пругѣ всадникъ, одно крыло онъ подогнулъ подъ себя, а другое торчитъ позади его; въ рукѣ держитъ скипетръ изъ готической листвы. Это Царь Студенца Бездны, или Аваддонъ. Въ Англосакс. Апок. онъ съ крыльями, на конѣ, въ рукѣ держитъ почти такую же фигуру изъ листвы, но только въ крестообразномъ развѣтвленіи, л. 7 об.

25) X, 3-4 [сн. 267 б]. Іоаннъ сидитъ и пишетъ въ книгѣ, обращая лицо назадъ къ ангелу, который ему говоритъ. Вверху такое же символическое представленіе громовъ и гласовъ, что̀ въ грав. 18-ой, только чудовище безъ лапъ. Въ Англосакс. Апок. тоже, только головы съ волосами дыбомъ, какъ у дьяволовъ въ нашей иконографіи, и та же надпись: septem tonitrua, по Писанію: «И егда возгласиша седмь громовъ гласы своя, хотѣхъ писати» X, 4. Слич. въ Пражск. Апок. XIV в. на стр. 105 [сн. 263 а]. Въ нашихъ редакціяхъ эта подробность въ текстѣ не замѣчена. На западѣ ей придается особенный смыслъ въ толкованіи, какъ значится въ ксилограф. надписи: Per septem tonitrua VII virtutes intelliguntur.

26) X, 1-2, 5-11; XI, 1-2. Облачный Ангелъ представленъ въ видѣ обыкновеннаго ангела въ широкомъ одѣяніи; даетъ Іоанну трость и книгу.

27) XI, 3-6. Передъ Антихристомъ, сидящимъ на престолѣ, стоятъ Енохъ и Илія, въ широкихъ средневѣковыхъ костюмахъ, каждый подъ своимъ масличнымъ деревомъ, по Писанію: «сіи суть двѣ маслицы» XI, 4, какъ въ Альтамировск. Апок. XII в. м. 57, только безъ лампадъ.

31) XI, 13 [сн. 267 в]. Разрушеніе города и погибель людей.

Іисусъ Христосъ ниспосылаетъ свой гнѣвъ на Антихриста въ символическомъ видѣ чудовищной головы, о чемъ гласитъ помѣщенная при этомъ изображеніи надпись: Hic descendit ira Dei in Antichristum de coelo et interficit eum.

38) XII, 14. Ангелъ даетъ св. Женѣ крылья; одно уже онъ ей приладилъ за плечемъ, а другое еще только подаетъ. Тоже и въ Англосакс. Апок. Затѣмъ она уже летитъ въ пустыню.

42) XIII, 2 [сн. 268]. Змій передаетъ свою власть Первому Звѣрю. Вмѣсто коронъ, головы Звѣря окужены сіяніемъ по древнѣйшему обычаю.

52) XIV, 9-11. На жертвенникѣ чаша, позади которой пламя поднимается огненными языками, такъ же какъ и въ Англосакс. Апок. Только въ Инкунабулахъ надъ чашею стоитъ Агнецъ съ крестомъ. По Писанію: «и той имать пити отъ вина ярости Божія, вина нерастворена въ чаши гнѣва его» XIV, 10.

55) XIV, 15-20 [сн. 269 а]. Винодѣліе. Вмѣсто ангеловъ, какъ это принято вообще и у насъ и на западѣ, топчутъ виноградъ въ точилѣ дьяволы, равно какъ и въ Англосакс. Апок.

56 и 57) XV, 1-4. Такъ же, какъ и въ Англосакс. Апок. л. 16, на одномъ листѣ, раздѣленномъ горизонтальною линіею на двѣ части, въ верхней семь ангеловъ съ фіалами, а въ нижней играющіе на арфахъ. Точно такъ же раздѣлено у насъ въ Апок. графа Уварова, половины XVII в. № 58, м. 42 [сн. 149].

63) XVI, 10-11 [сн. 269 б]. Въ гравюрѣ иллюстрирована только одна черта событія: «Пятый Ангелъ излія фіалъ свой на престолъ звѣринъ», и только. Нѣтъ ни самого Звѣря, ни омраченія Звѣринаго царства, какъ это принято въ нашихъ редакціяхъ. Ангелъ, какъ и въ другихъ видѣніяхъ, съ трубою или съ фіаломъ, не паритъ въ небѣ, а стоитъ на землѣ или въ полатномъ письмѣ. Престолъ въ романскомъ стилѣ, украшенъ собачьими головами. Слич. въ Пражск. Апок. XIV в. на стр. 186 [сн. 265 в].

65) XVI, 17-21 [сн. 269 в]. Вверху въ четвероугольникѣ текстъ; надъ текстомъ въ ореолѣ Іисусъ Христосъ. По лѣвую сторону текста отъ земли поднимается крутая лѣстница изъ каменныхъ плитъ къ церкви, помѣщенной въ верхнемъ углу

У церкви на верхней плитѣ лѣстницы стоитъ Седмой Ангелъ и льетъ свой фіалъ внизъ на круглую башню, объятую пламенемъ; по землѣ разметаны развалины города. Направо изъ верхняго угла три звѣриныя головы испускаютъ изъ своихъ пастей разрушительную силу тремя снопами линій, подъ которыми падаютъ внизъ на развалины города круглыя монеты съ изображенными на нихъ лицами: любопытная подробность, въ которой уподобленіе, сказанное въ текстѣ, переведено въ дѣйствительность совершающагося событія. Слич. гласы и громы въ гравв. 18 и 25.

67) XVII, 3-18. Семиглавый Звѣрь идетъ не по водамъ, а по лугу. На немъ сидитъ Вавилонская Любодѣица, о костюмѣ которой будетъ сказано въ описаніи м. 70-ой. На встрѣчу ей по лугу же ангелъ несетъ на рукахъ Іоанна, въ размѣрѣ маленькаго мальчика: наивный переводъ въ лицахъ текста Вульгаты: «et abstulit me in spiritu in desertum»; у насъ и въ древн. редакціяхъ, какъ въ исправл.: «и веде мя въ пусто мѣсто духомъ». Вмѣсто Рима, толкованіе указываетъ здѣсь только отвлеченныя понятія: «Per haec VII capita Dyabolus intelligitur homines ad VII principalia peccata alliciens. per X cornua X regna» и т. д.

70) XIX, 1-6 [сн. 270 а]. Вверху надъ текстомъ Старцы въ коронахъ, съ парящими надъ ними ангелами, возносятъ пѣснопѣніе «аллилуіа» къ Іисусу Христу, сидящему въ ореолѣ. Подъ текстомъ въ ямѣ лежитъ Вавилонская Любодѣица въ широкомъ одѣяніи, рукава съ поручами, держитъ круглую фигуру въ видѣ диска, обведеннаго полосою; голова покрыта покрываломъ, но не въ коронѣ. Въ такомъ же почти костюмѣ, съ покрытою головою и съ такою же круглою фигурою она представлена и въ двухъ другихъ гравв., въ 66 и 67. Въ послѣдней, сидя на апокалипсическомъ Звѣрѣ, въ правой рукѣ она держитъ большой закрытый крышкою сосудъ, въ формѣ потира, а въ лѣвой ту же круглую фигуру. Въ этомъ кругѣ, обведенномъ полосою, надобно видѣть діадиму, какія въ Codex Aureus, Карла Лысаго, IX в., держатъ въ рукахъ Старцы [сн. 251], а также—и неполные круги въ Бамбергскомъ Апок. X в., м. 8.—Той же редакціи сожигаемая Любодѣица и въ Англосаксонскомъ Апок. XII в., но переводъ нѣсколько иначе: въ темномъ овалѣ, вырисовывающемся пламенными языками, распростерта прекрасная

женская фигура, въ бѣломъ одѣяніи, связана красными узами отъ головы до ногъ, будто спеленута.

71) XIX, 7-8. На престолѣ сидитъ у стола Невѣста Агнчія въ широкомъ одѣяніи, голова покрыта только покрываломъ, безъ короны. Къ ней на колѣни лѣзетъ Агнецъ. Три мужскія фигуры сидятъ за столомъ, на которомъ сосуды и хлѣбъ. Та же редакція въ Англосакс. Апок. опять отличается переводомъ. Къ Невѣстѣ Агнчей такъ же лѣзетъ на колѣни Агнецъ, но около нея стоитъ прекрасная юная фигура съ чашею въ рукѣ, а на столѣ лежатъ хлѣбы и рыбы.

Надобно замѣтить, что обѣ эти миніатюры въ Англосакс. Апок. въ одной рамкѣ, одна подъ другою, раздѣленныя горизонтальною линіею, на л. 18, равно какъ и въ Инкунабулахъ обѣ гравюры тоже одна подъ другою.

У насъ къ той же Англосаксонской редакціи низверженія Вавилонской Любодѣицы относится м. 56 [сн. 237 г] въ апокалипсич. иллюстраціи XVIII в. въ рук. Барсова № 113.

73) XIX, 11-16 [сн. 270 б]. Той же редакціи и почти того же перевода, что̀ въ Англосакс. Апок. на л. 19. Сюжетъ отличается глубокою стариною. «Вѣнцы мнози» означены оригинальнымъ способомъ, въ видѣ гирлянды не изъ коронъ, а изъ діадимъ, которыя представлены въ формѣ кружковъ, наложенныхъ другъ на друга; тоже и въ м. 76, XIX, 20-21. Господь Богъ съ мечемъ, исходящимъ изъ устъ его рукоятью впередъ, скачетъ на конѣ по крови, которая изливается изъ точила. Въ точилѣ стоитъ Іисусъ Христосъ въ крестномъ сіяніи съ мечемъ въ рукѣ, окруженный языками пламени, по Писанію: «той перетъ точило вина ярости и гнѣва Божія Вседержителева» XIX, 15. У насъ въ нѣкоторыхъ редакціяхъ въ этомъ же сюжетѣ изображается точило, только внизу; смотр. въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. м. 64 [сн. 97 е] и въ апокалипс. иллюстраціи XVIII в. по рук. Барсова, № 113, м. 58 [сн. 192 г].

Лицевой Апокалипсисъ, съ толкованіемъ, Пражскій XIV в., въ листъ; латинское письмо въ два столбца, на 301 стр. съ 84 мм. Факсимиле этого Апокалипсиса въ полномъ его видѣ,

съ письмомъ и миніатюрами, издано подъ заглавіемъ: Scriptum super Apocalypsim cum imaginibus (Wenceslai Doctoris). Codex Bibliothecae Capituli semper fidelis Metropolitani Pragensis in solemnem memoriam anni Iubilaei ab erecto Episcopatu Pragensi nongentesimi editus a S. F. Capitulo Metropolitano. Pragae 1873. Arte phototypica expressit Henricus Eckert.

Въ предисловіи къ изданію изложены нѣкоторые выводы о характерѣ и происхожденіи этого толкованія. «Est enim commentarius in Apocalypsim theologicis lectoribus haud ingratus, historicis autem acceptissimus. Namque auctor noster expositionibus suis decursum historiae ecclesiasticae et profanae inserit ita, ut in gestis singulis visiones Apostoli impletas esse demonstret». Толкованіе могло быть составлено не ранѣе 1206 г. и не позднѣе 1245; въ 1243 г. оно было уже написано. Происхожденія, по всей вѣроятности, германскаго: «Primum est, quod auctor de fonte historiarum suarum profitetur. Legimus enim pag. 13: «Historiae, in quibus haec primitus didicimus, in idioma teutonicum translatae fuerunt, quae modo latinis conscriptae sunt verbis». En isthic vestigium antiquissimi operis germanici. En auctorem in lingua ista optime versatum. Si dein ad historias ipsas, quae enarrantur, animum advertimus, per ordinem nobis praeter Imperatores et Pontifices Romanos producuntur reges «Alaricus», «Iesericus», «Hodoacharus»,—reges Gothorum, reges Francorum, Pipinus praeprimis et Carolus, in quos plurimum laudis impenditur [pag. 168-182], imperatores demum gentis Germanorum ab Ottone primo usque ad Fridericum secundum [cap. XVI-XXII]. In his vero omnes quae Henricum IV inter et Gregorium VII, et postea inter Fridericum I et Alexandrum III, et tandem inter Fridericum II et Gregorium IX controversiae agebantur, latius et diffusius exponuntur [cap. XIX-XXII]. In iis etiam aevi illius expeditiones cruciatorum dissertissimis explanantur verbis [cap. XVIII-XIX]. Si auctorem nostrum in enarrandis Germanorum gestis copiosiorem videmus, num fortuito ipsi accidit, ut fere nihil de Franco-Gallis et Italis sui temporis referat? Quid autem, si capite XX [pag. 241], ubi de secunda cruciatorum expeditione sermonem facit, Conradum [III] regem commemorat atque paenes eum «et regem Franciae», ita ut in illo regem quasi suum cernat et in altero peregrinum? Quid porro, si apostolorum gentium fere nemo uberioribus verbis nominatur praeter Sanctum Bonifacium apostolum

Germanorum? [Pag. 162, conf. 127]. Attendamus tandem in nominibus allatis scribendi rationem. Iesericus ille et Hodoacharus, Hermenhildus. Hildericus, Adalgisus cum Karolo, Widekindo, Godeschalco, Godefredo, Baldewino—quem alium nobis contestantur, nisi auctorem libri germanum? Quis denique fonte etiam germano commodius uti potuit, nisi ipse germanus?» По даннымъ, изложеннымъ въ предисловіи, неизвѣстнаго по имени автора этого толкованія на Апокалипсисъ надобно предполагать «inter Fratres minores sancti Francisci» *.

Что касается до рукописи Пражской, то она предлагаетъ уже копію съ этого толкованія, составленную въ первой половинѣ XIV в. и по всей вѣроятности въ Авиніонѣ, и тогда же украшенную миніатюрами, въ которыхъ надобно видѣть оригинальное произведеніе того времени. Въ половинѣ XV в. она была уже въ Прагѣ и составляла собственность «Wenceslai de Krumlow, doctoris decretorum, decani capituli Metropolitani Pragensis», а по смерти его, послѣдовавшей въ 1460 г., перешла въ библіотеку этого Капитула, гдѣ и доселѣ сохраняется.

Миніатюры въ рамкахъ изъ прямыхъ линій помѣщены на однѣхъ и тѣхъ же страницахъ съ письмомъ, составляя вмѣстѣ съ нимъ нераздѣльное цѣлое и подчиняя ему различную величину своихъ форматовъ. Только одна миніатюра писана во всю страницу, стр. 260; немного есть такихъ, при которыхъ письмо занимаетъ строки три или четыре, именно: на стр. 31, 33, 250 и 287; но обыкновенно наполняютъ онѣ половину страницы, четверть и даже менѣе, или во всю ширину страницы, разсѣкая оба столбца съ письмомъ, или же иногда внутри столбца; наконецъ иногда, будто по капризу мастера, является маленькій рисунокъ на полѣ при текстѣ, напр. на стр. 24, или внизу, на стр. 77. Исключеніе составляетъ миніатюра, изображающая Третьяго изъ четырехъ апокалипсическихъ Всадниковъ: длинная линія рычага вѣсовъ протянута во всю ширину обѣихъ страницъ, 58-ой и 59-ой, съ привѣшенными на этой линіи чашками вѣсовъ и другими фигурами, о чемъ подробнѣе будетъ сказано потомъ.

* Любопытно знать, въ какомъ отношеніи состоитъ къ этому Апокалипсису рукопись Университетской библіот. въ Бреслау, подъ названіемъ: Alexandri Minoritae Apocalypsis explicata. Иллюстрація ея отличается самостоятельною редакціею, судя по снимкамъ, изданнымъ у Шультца: Alwin Schultz, Das Höfische Leben zur Zeit der Minnesinger. Leipzig 1880. II, стр. 151, 187, 251, 291.

Иллюминаторъ этой рукописи, хотя еще не вполнѣ отказался отъ символовъ и стилизаціи древнехристіанской и романской иконографіи, и предлагаетъ очень любопытныя для этого предмета данныя, но уже принадлежитъ къ школѣ стиля готическаго, которая, съ пробужденіемъ интереса къ человѣческой личности и къ окружающей ее дѣйствительности, ищетъ новаго матеріала для творчества на пути подражанія природѣ и воспроизведенія образовъ видимаго міра и текущей жизни. Историческій комментарій францисканскаго монаха, съ точки зрѣнія схоластической теологіи католическаго склада, указывающій въ событіяхъ и судьбахъ средневѣковаго человѣчества исполненіе предсказаній пророчественнаго Откровенія, внушилъ иллюминатору мысль низвести выспреннія видѣнія апокалипсическія на почву исторической дѣйствительности, и всѣ отвлеченныя идеи о борьбѣ добра со зломъ и о судьбахъ Христіанской Церкви вообще—олицетворить, съ точки зрѣнія котолической, въ конкретныхъ образахъ извѣстныхъ историческихъ дѣятелей, императоровъ и папъ, пресловутыхъ гонителей христіанства и святочтимыхъ подвижниковъ и проповѣдниковъ, даже огуломъ разныхъ средневѣковыхъ народностей, отмѣченныхъ въ надписяхъ поименно. Напр. Diocletianus, Marcellinus, стр. 66; Iulianus Apostata, стр. 77; Theodericus rex, Anastasius imperator, Symachus, Ariani, стр. 99; Saxones, стр. 101; Felix papa, стр. 111; Bestia Bilizarius, стр. 118; Totila rex, стр. 122; Machometus, Sarraceni, стр. 148; Thuringi, Austrasii, Frisones, стр. 162; Philippus imperator, стр. 163; Innocentius papa et Lotarius imperator, стр. 239; Bestia Saladinus, стр. 242; Innocentius papa, стр. 250 и мн. др. Какъ вмѣсто чудовищной фигуры апокалипсическаго Звѣря въ этой иллюстраціи изображается то или другое историческое лицо, такъ и вмѣсто ангеловъ—епископы и архіепископы, напр. при каждой изъ семи апокалипсическихъ Церквей, стр. 13-24. Если согласно тексту долженъ дѣйствовать именно ангелъ, а толкованіе даетъ ему значеніе какой либо исторической личности, тогда иллюминаторъ прибѣгаетъ къ символической формѣ, такъ сказать, двойника, именно: изображается настоящій ангелъ съ крыльями, а отъ его шеи протягивается еще шея съ головою въ коронѣ или тіарѣ, т. е. принадлежащая царю или папѣ; весь же корпусъ такого двойника, съ руками, ногами и крыльями, одинаково принадлежитъ и ангелу и лицу

историческому, при чемъ въ надписяхъ означены имена такихъ двойниковъ. Такъ изображены напр. всѣ семь ангеловъ, изливающіе свои фіалы; напр. при Второмъ Ангелѣ надписано: Leo papa, стр. 182, при Третьемъ: Karolus imperator, стр. 183 [сн. 265 б], при Пятомъ: Otto imperator, стр. 186. По странному совпаденію подобный же пріемъ оказался и у насъ въ одномъ очень позднемъ Апок. съ раскольничьими поползновеніями, и именно въ нечестивомъ сочетаніи православнаго священника съ дьяволомъ: первый благословляетъ одного изъ толпы людей, а вторый полагаетъ ему на руку печать, въ рук. Тихонр. 1731-1736 г. м. 45 [сн. 237 в].

По символическому параллелизму между пророчествомъ и его исполненіемъ, Пражскій Апок. относится къ одному разряду съ такъ называемой Biblia Pauperum, и въ рукописяхъ и Инкунабулахъ *; а по внесенію историческихъ лицъ и событій, и интересовъ современной дѣйствительности въ мистическую сферу неземныхъ видѣній—можетъ быть сближенъ съ такими произведеніями средневѣковой литературы и искусства, высшимъ проявленіемъ которыхъ была Божественная комедія Данта **.

Апокалипсисъ раздѣленъ по принятому въ Вульгатѣ счету на 22 главы. Миніатюры помѣщены не передъ текстомъ съ толкованіями, а послѣ, какъ принято у насъ. Изображенія постоянно снабжены надписями двоякаго смысла—по тексту Откровенія и по историческому комментарію. Такъ какъ миніатюры не занумерованы ни въ рукописи, ни въ фототипическомъ изданіи ея, то для удобства въ справкахъ я выставляю за скобкою цыфру страницы, а не миніатюры.

11) I, 9-20 [сн. 261 а]. Іисусъ Христосъ, въ простомъ сіяніи, стоитъ на прямой линіи между семью свѣтильниками, съ колоссальнымъ ключемъ на плечѣ, какъ держатъ оружіе, и съ

* См изданія Камесины и Гейдера, въ Вѣнѣ 1863 г. и Лайба и Шварца, въ Цюрихѣ 1867 г.

** Въ образецъ фантастическихъ толкованій на Апокалипсисъ, расчитанныхъ на прорицанія о будущихъ судьбахъ католической церкви, укажу сочиненія аббата Іоакима, конца XII и начала XIII в., въ изданіяхъ, особенно замѣчательныхъ по оригинальности и изяществу иллюстраціи. Одно съ гравюрами, приписываемыми Маркантонію Раймонди: Ioachim Abbas, magnus propheta: Expositio in librum beati Cirilli de magnis tribulationibus et statu sanctae matris Ecclesiae. Explanatio figurata in Apochalypsim. Item tractatus de Antechristo magistri Ioannis parisiensis. Item tractatus de septem statibus Ecclesiae fratris Ubertini de Casali. Venetiis 1516. Другое съ гравюрами Іеронима Порро: Vaticinia sive Prophetiae Abbatis Ioachimi et Anselmi Episcopi Marsicani. Venetiis 1589.

семью звѣздами въ видѣ розарія, или четокъ, нанизанными на ремнѣ; ноги у него въ огнѣ, поднимающемся пламенными языками; изъ устъ исходятъ два меча рукоятями впередъ. Къ его ногамъ палъ Іоаннъ.

Какъ здѣсь, такъ и во всей этой иллюстраціи Іоаннъ изображенъ согласно нашей иконографіи—съ бородою, только не въ такой преклонной старости, какъ у насъ. Что же касается до типовъ Господа Бога, то здѣсь принятъ вездѣ только Іисусъ Христосъ съ бородою, но ни Еммануила, ни Господа Саваоѳа нѣтъ.

48) V, 6-14. Въ эллиптическомъ ореолѣ, съ углами вверху и снизу, на престолѣ стоитъ Агнецъ въ сіяніи, съ семью рогами въ видѣ гребня изъ спицъ; подъ Агнцемъ между его ногами стоитъ чаша, въ которую льется кровь изъ его чрева; лѣвою лапою касается открытой книги, къ которой, однако, привѣшено семь печатей. Налѣво у ореола стоятъ ангелы, а направо только четыре Старца [для всѣхъ не достало въ рамкѣ мѣста]; изъ нихъ трое лежатъ одинъ надъ другимъ, но въ разстояніи, будто на воздухѣ, но такъ что ноги постановили на вертикальную линію правой полосы рамки, будто въ такомъ положеніи идутъ они, лицемъ обратившись книзу, съ гуслями въ рукахъ. Надъ ними поднимается стоящая фигура четвертаго Старца съ рогомъ, который, по тексту, долженъ означать «фіалъ златый, полонъ ѳиміама». Всѣ четверо въ коронахъ.

58-59) VI, 5-6. Упомянутая выше миніатюра на двухъ страницахъ съ Третьимъ Всадникомъ. Она безъ рамки, тянется горизонтальною полосою по обѣимъ этимъ страницамъ, шириною въ вершокъ. Посреди ѣдетъ на конѣ Третій Всадникъ, съ лица, конь въ раккурсъ отъ головы и переднихъ ногъ. Отъ вѣсовъ, которые Всадникъ держитъ за рукоять, по обѣимъ страницамъ протянутъ въ прямую линію рычагъ; на лѣвой сторонѣ, т. е. на стр. 58-ой, привѣшено къ нему шесть чашекъ, какія бываютъ у вѣсовъ: въ каждой чашкѣ сидятъ, выставясь по грудь, люди въ шапкахъ колпакомъ, съ завостренной верхушкой; на правой сторонѣ, т. е. на стр. 59-ой, рычагъ пересѣкаетъ два дерева: одно виноградное съ гроздіемъ, другое маслина; а на самомъ концѣ рычага привѣшена чашка, въ которой помѣщенъ кругъ, съ начертаннымъ въ немъ четвероконечнымъ крестомъ: это динарій.

61) VI, 7-8. [сн. 261 в]. Смерть въ видѣ обыкновеннаго

человѣка, какъ въ Бамбергскомъ Апок. и въ другихъ раннихъ памятникахъ, въ широкомъ одѣяніи, съ бородою. Оригинальный типъ Ада ведетъ свое начало отъ одного общаго источника съ принятымъ у насъ въ Филаретовскомъ экземплярѣ, по рук. КДА. № 58, XVI в. м. 46 [сн. 113 в].

62) VI, 9-11. Для мучениковъ, убіенныхъ за Слово Божіе, взятъ не общепринятый моментъ ихъ воскресенія и одѣванія въ ризы, а самое мученіе и смерть отъ руки мучителя. Вверху изображенъ жертвенникъ съ положенными на немъ одеждами, въ видѣ драпированной ткани. Подъ жертвенникомъ лежитъ епископъ, за нимъ по поясъ стоятъ три человѣческихъ фигуры. Направо передъ двумя воинами стоитъ царь въ коронѣ, протянувъ мечъ надъ низверженнымъ епископомъ.

84) VIII, 8-9. Надъ бушующимъ моремъ, которое топитъ корабли съ народомъ, вверху изображена звѣриная голова, испускающая изъ своей пасти разрушительную силу, въ видѣ волнистыхъ линій. Смотр. подобныя же символическія фигуры въ Инкунабул. XV в., гравв. 18, 25 и 65, согласныя съ принятыми въ Англосакс. Апок. XII в.

87) VIII, 12. Вся миніатюра содержитъ только небо. На нижней линіи рамки стоитъ трубящій ангелъ съ своимъ двойникомъ епископомъ, который, однако, представленъ здѣсь въ полный ростъ, а не отъ шеи, какъ принято вообще въ этой иллюстраціи. Все поле миніатюры занято звѣздами и четырьмя кругами, изъ которыхъ два верхніе въ надписи названы луною и солнцемъ, а два нижніе—днемъ и ночью; во всѣхъ четырехъ линіею означена третья часть уязвленія, или затменія: кругъ луны съ лицомъ въ профиль, а кругъ ночи съ цѣлою головою. Слич. въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. м. 31 [сн. 81] и изображеніе дня и ночи при твореніи міра въ Библіи князя Лобковича, XIII в. [сн. 253 в].

89) VIII, 13 [сн. 262 а]. Представленъ не ангелъ, какъ обыкновенно является онъ здѣсь въ нашихъ редакціяхъ, согласно общепринятому тексту, а Орелъ, по Вульгатѣ: «et vidi et audivi vocem unius aquilae volantis per medium coeli»; такъ же какъ и въ Бамбергскомъ Апок. X в., а у насъ, какъ исключеніе, въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи м. 22, въ Апок. МПМ. № 156 того же времени, м. 28, и въ Соловецк. юсовомъ XVI в. м. 21 [снн. 10, 39 и 63].

92) IX, 1-11 [сн. 262 б]. Пруги, въ видѣ птицъ, съ человѣческими головами въ коронахъ; царь Бездны Аваддонъ, или Аполліонъ въ широкомъ одѣяніи и коронѣ, съ крыльями: пернатый типъ Пруговъ, только съ звѣриными мордами, и крылатый Аваддонъ у насъ въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 24 [копія краск. 2] и въ Апок. МПМ. № 156, м. 29; слич. въ Инкунаб. XV в. грав. 21.

99) IX, 12-19. Миніатюра раздѣлена горизонтальною полосою на двѣ половины. Въ верхней четыре ангела на водахъ Евфрата, но они не связаны. Въ нижней—передъ толпою пѣхотныхъ воиновъ скачутъ на чудовищныхъ животныхъ, съ змѣиными хвостами, два безобразные всадника, съ взъерошенными волосами, только въ однихъ туникахъ съ открытымъ воротомъ, босоногіе, задній съ копьемъ и щитомъ, передній съ мечемъ; по надписямъ это: Theodoricus rex и Anastasius imperator hereticі. Слич. въ Апок. МПМ. № 156 начала XVII в. м. 33 [сн. 42].

105) X, 1-11 [сн. 263 а]. Облачный Ангелъ въ обыкновенной одеждѣ, а не въ облачной, какъ и у насъ въ раннихъ редакціяхъ, напр. въ моемъ начала XVII в. мм. 27 [сн. 12] и 28. Это двойникъ, по принятой здѣсь системѣ; но съ однимъ только крыломъ. По другую сторону стоитъ Іоаннъ и вкушаетъ книгу, что̀ у насъ принято преимущественно въ иллюстраціяхъ, подвергшихся вліянію западному, начиная уже съ Соловецк. юсов. Апок. въ м. 26 [сн. 65]. Между ангеломъ и Іоанномъ символическое представленіе семи громовъ, по Писанію, такъ же какъ и въ Инкунабулахъ XV в., грав. 25, только въ иномъ видѣ. Вмѣсто головъ человѣческихъ и съ одною звѣриною, здѣсь изображены въ овальномъ чертежѣ семеро одѣтыхъ людей, съ епископомъ позади ихъ. Надъ оваломъ поднимается фигура пишущаго Іоанна. Подъ оваломъ подписано: septem tonitrua.

111) XI, 1-2. Церковь измѣряетъ жезломъ, стоя въ ней передъ жертвенникомъ—не Іоаннъ, а Felix papa, какъ гласитъ надпись, въ епископскомъ одѣяніи. По другую сторону жертвенника стоятъ на колѣняхъ молящіеся. Направо притворъ, тоже съ молящимися, но обращенными задомъ къ папѣ и олтарю, а налѣво внѣ церкви сидитъ Іоаннъ; передъ нимъ стоитъ ангелъ.

118) XI, 2-12. Енохъ и Илія вовсе опущены въ иллюстраціи этого Апокалипсиса. Мѣсто ихъ занимаютъ двое епископовъ. Налѣво они стоятъ, держа каждый по ключу колоссальной величины, направо въ верхнемъ углу они вознеслись на небо; внизу по срединѣ они же еще лежатъ убитые, а надъ ними съ мечемъ въ рукѣ стоитъ человѣческая фигура съ звѣриною головою; это по надписи: Bestia Bilizarius.

122) XI, 13. Городъ въ видѣ стѣны съ зубцами, а въ ней ворота между двумя башнями. На стѣнѣ народъ, впереди стоитъ царь съ мечемъ; это по надписи: Totila rex. Около падаетъ другая такая же стѣна, тоже съ людьми.

131) XII, 1-6. У за́мка съ зубчатою стѣною, какъ и далѣе на стр. 137, стоитъ на лунѣ св. Жена, еще безъ крыльевъ, въ простой туникѣ, простоволосая, въ коронѣ, безъ звѣздъ, на груди у ней солнце, вмѣсто того, чтобы стоять на немъ. Съ ея ладони поднимается на небо отрокъ въ туникѣ, безъ сіянія. Ангелъ, паря въ небѣ, принимаетъ отрока за руку. Направо стоитъ предложенный у меня въ снимкѣ Великій Змій, по пернатому типу согласный съ принятымъ въ моемъ юсов. Апок. XVI в. м. 66 [сн. 93]. Любопытна при хвостѣ его стилизованная форма отторгнутой части неба съ звѣздами, для выраженія текста: «И хоботъ его отторже третію часть звѣздъ небесныхъ», XII, 4 [сн. 264 а]. Слич. подобныя этому стилизованныя представленія у насъ: въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, м. 33 [сн. 16] и графа Уварова № 58, половины XVII в. м. 32 [сн. 153 в].

134) XII, 7-12. Великаго Змія, въ томъ же пернатомъ типѣ, но съ одною головою, поражаютъ въ шею два ангела и третій царь въ коронѣ, и всѣ вмѣстѣ вооружены они только однимъ колоссальнымъ копьемъ; позади ихъ воинъ съ мечемъ и щитомъ. Всѣ четверо стоятъ на длинномъ хвостѣ самаго Змія.

137) XII, 13-17 [сн. 263 б]. Великій Змій, изливающій изъ своей пасти потокъ, представленъ опять въ пернатомъ типѣ, какъ въ моемъ юсовомъ Апок. м. 66 [сн. 93]. Земля, поглащающая потокъ, изображена въ ландшафтномъ стилѣ горы съ пещерою, въ которую льется вода. Св. Жена въ томъ же типѣ, что̀ и на стр. 131, также съ солнцемъ на груди, только съ крыльями, и поверхъ туники имѣетъ широкое одѣяніе. Вмѣсто пустыни, она спаслась въ за́мокъ или башню, въ стилѣ города

съ зубчатыми стѣнами, какъ на стр. 122. Это можетъ означать монастырь, или даже и папскій дворецъ. Великій Змій одною лапою ткнулъ мечъ на низверженныхъ подъ нимъ двухъ человѣковъ. Это по Писанію: «Разгнѣвася змій на жену, и иде сотворити брань со оставшемъ сѣменемъ ея».

139) XIII, 1-3 [сн. 264 б]. Любопытенъ символическій чертежъ изъ семи клиньевъ, спускающихся вострыми концами отъ округлой полосы, которая въ видѣ романской арки осѣняетъ всѣ семь головъ Перваго Звѣря. Этимъ, вѣроятно, знаменуется и семь его роговъ, и увѣнчаніе ихъ діадимою, вмѣсто десяти вѣнцовъ. Одну изъ его головъ поражаетъ мечъ, по Писанію: «И видѣхъ едину отъ главъ его яко заколену въ смерть» XIII, 3. Вмѣсто того, въ миніатюрѣ одной латинской Псалтыри, по рук. XII в. раненая голова Звѣря означена только тѣмъ, что она безъ сіянія, тогда какъ прочія шесть головъ въ сіяніяхъ, по древнему обычаю [сн. 242 г] *. Этотъ моментъ въ видѣніи нашими редакціями не принятъ, кромѣ моего юсоваго Апок. XVI, въ м. 42 [сн. 97 б].—Передъ Звѣремъ три человѣка стоятъ на колѣняхъ и двое лежатъ.

157) XIV, 1-5. Св. Агнецъ въ сіяніи, но не въ щитѣ, какъ въ моемъ юсовомъ Апок. м. 45,—стоитъ въ живописной мѣстности надъ обрывомъ скалы; позади его по откосу горы поднимаются толпою люди; передъ нимъ внизу подъ скалою стоятъ играющіе на гусляхъ.

162) XIV, 6-7 [сн. 265 а]. Предложенный въ этомъ снимкѣ кладязь, съ надписью: fontes aquarum, занимаетъ средину продолговатой миніатюры. Налѣво въ эллиптическомъ съ углами ореолѣ стоитъ на колѣняхъ ангелъ, держа обѣими руками раскрытое и исписанное письмомъ на обѣихъ страницахъ «Евангеліе вѣчно благовѣстити живущимъ на земли и всякому племени и языку и колѣну и людемъ», XIV, 6. Отъ шеи ангела исходитъ безбородая голова въ епископской тіарѣ, по подписи это: Bonifacius, просвѣтитель германцевъ. По другую сторону кладязя—толпа просвѣщенныхъ имъ племенъ, передніе люди преклонились на одно колѣно, задніе стоятъ; это по надписи: Thuringi, Frisones и др.

169) XIV, 14-17. Миніатюра замѣчательна по крайней наивности въ неособлюденіи самыхъ элементарныхъ пріемовъ воз-

* Didron, Histoire de Dieu. Paris 1843, стр. 165.

душной перспективы. Іисусъ Христосъ, выступая изъ облака, въ обѣихъ рукахъ держитъ по серпу. правую поднялъ и протянулъ въ сторону, а лѣвою жнетъ пшеницу, которая отъ земли поднялась выше облака.

172) XIV, 20. Налѣво зданіе съ отворенными воротами; около стоитъ дерево. Отъ зданія, т. е. по Писанію «внѣ града», прошелъ волнистый потокъ крови: изъ него высунулись двѣ конскія головы; при той и другой на волнахъ крови стоятъ по человѣку, съ мечемъ въ правой рукѣ и съ уздою отъ конской морды въ лѣвой. Миніатюра замѣчательна потому, что вся она посвящена такому моменту, который въ нашихъ редакціяхъ присоединяется къ точилу, а въ позднѣйшихъ на западѣ и вовсе опускается.

180) XV, 5-8. Фіалы раздаетъ ангеламъ Телецъ, стоя внизу на пригоркѣ; надписано: Lucas.

183) XVI, 4 [сн. 265 б]. Два кладязя означаютъ источники водные: слич. у насъ въ Апокк. СПБ. № 225, половины XVII в. м. 46 [сн. 134 д] и Тихонр. 1731-1736 г. м. 56 [сн. 203]. Двойникомъ Третьяго Ангела, изливающаго свой фіалъ, является по надписи: Karolus imperator.

186) XVI, 10-11 [сн. 265 в]. Такъ же, какъ въ грав. 63-ей [сн. 269 б] Инкунаб. XV в. Англосаксонской редакціи, сокращенно означено помраченіе Звѣринаго царства въ изображеніи пустаго престола, но уже въ стилѣ готическомъ, а не въ романскомъ, какъ въ названной гравюрѣ. На этотъ пустой престолъ, съ надписью: sedes bestiae, Пятый Ангелъ льетъ свой фіалъ; отъ шеи его исходитъ голова двойника въ коронѣ, съ надписью: Otto imperator. Направо, ногами къ престолу лежатъ изображенные у меня въ снимкѣ два человѣка, съ высунутыми языками, по Писанію: «жваху языки своя отъ болѣзни», XVI, 10,—подробность, не встрѣченная мною ни въ одномъ изъ нашихъ лицевыхъ Апокк., кромѣ моего 1671 г. въ м. 45 [сн. 165].

193) XVI, 17-21. Надъ разрушающимся городомъ вверху паритъ чудовищная голова съ крыльями, какъ въ Англосаксонскомъ Апок. XII в. для означенія разрушительной силы громовъ и гласовъ; см. въ Инкунаб. XV в. гравв. 18, 25 и 65 [снн. 267 и 269 в].

201) XVIII, 1-20. Двѣ башни, по архитектурѣ сходныя съ представленною на стр. 137 [сн. 263 б]. Одна еще стоитъ, а

другая валится на сторону. На первой изъ-за зубцовъ стѣны выставились двѣ одѣтыя человѣческія фигуры съ звѣриными мордами; на зубцахъ послѣдней башни сидятъ три птицы, согласно Писанію: «Вавилонъ великій—жилище бѣсомъ и хранитель всякому духу нечисту, и хранилище всѣхъ птицъ нечистыхъ и ненавидимыхъ». То и другое наивно раздѣлено въ миніатюрѣ на отдѣльныхъ башняхъ.

213) XIX, 7 [сн. 265 г]. Таинственный символъ въ видѣніи Агнчаго брака представленъ въ идиллической сценѣ, въ которой юная женская фигура граціозно ласкаетъ барашка. На немъ нѣтъ и сіянія.

227) XIX, 11-16. Вмѣсто мистическихъ всадниковъ, изъ ангельскихъ ликовъ съ самимъ Господомъ Богомъ во главѣ ихъ, ѣдутъ на коняхъ два обыкновенные воина въ шишакахъ, одинъ царь въ коронѣ и духовное лице съ открытою головою, на которой выбрито гуменце. Передъ ними ѣдетъ просто царь же въ коронѣ, безъ сіянія, и только исходящій изъ устъ его мечъ рукоятью впередъ, указываетъ, что этотъ сюжетъ имѣетъ связь съ апокалипсическою иконографіею.

233) XIX, 19-21. Битва Звѣря и воинства его съ Господомъ Богомъ и воинствомъ небеснымъ здѣсь переведена на историческое событіе изъ крестовыхъ походовъ. Съѣзжаются двѣ конныхъ рати. Налѣво ѣдутъ цари въ коронахъ съ Первымъ Звѣремъ во главѣ, который представленъ въ видѣ человѣка въ широкой туникѣ съ звѣриною головою и съ мечемъ въ рукѣ. Это по надписи: Bestia 1. Soldanus Babilonis. Съ правой стороны на встрѣчу ѣдетъ другая рать: впереди воинъ съ копьемъ въ шишакѣ и царь съ мечемъ въ коронѣ. Это по надписи: Exercitus Baldewini regis.

238) XX, 1-3. Пропасть, въ которой заключены Змій и Сатана, представлена въ видѣ жерла колодязя круглой формы, какъ кадка. Изъ этого жерла, изъ пламени поднялись двѣ головы: одна звѣриная, другая человѣчья въ коронѣ. Эту послѣднюю связываетъ ангелъ цѣпью, подойдя къ жерлу. Слич. въ Бамбергск. Апок. X в. м. 47.

287) XXI, 10-27. XXII, 1-7. Горній Іерусалимъ довольно сложной конструкціи, въ видѣ базилики, соединяющей наружную сторону со внутренностью. Изъ божественныхъ типовъ въ немъ присутствуетъ только Агнецъ: слич. въ моемъ юсов.

Апок. XVI в. м. 73. Изъ подъ него исходитъ рѣка воды животныя, пересѣкаетъ своимъ потокомъ Древо Жизни, по Писанію: «Посреди стогны его и по обаполы рѣки древо животное»; наконецъ впадаетъ въ одну изъ дверей Горняго Іерусалима, которыя, какъ аркада съ романскимъ округленіемъ, поднимаются будто на широкой лѣстницѣ изъ 12 ступеней, выведенныхъ прямыми линіями, какъ пишутся ноты. Это по надписи: 12 fundamenta.

292) XXII, 11-15 [261 б]. Это послѣдняя миніатюра. Предложенное въ снимкѣ изображеніе Іисуса Христа въ ореолѣ, сидящаго на радугѣ съ мечемъ въ устахъ, взятымъ посреди его клинка,—помѣщено направо у самой рамки миніатюры. Налѣво передъ ореоломъ трое стоятъ на колѣняхъ, молитвенно сложивъ руки. За ними одинъ воинъ прокалываетъ мечемъ другаго; наконецъ въ лѣвомъ углу человѣкъ хватаетъ женщину, около нея дѣти. Это по надписи: vidua, въ соотвѣтствіе тексту: «обидяй да обидитъ еще, и скверный да осквернится еще».

Теперь перехожу къ апокалипсической иллюстраціи въ нѣкоторыхъ изъ старопечатныхъ изданій западныхъ, какими приходилось мнѣ пользоваться при сравнительномъ изученіи нашихъ редакцій.

Ксилографическій Лицевой Апокалипсисъ XV в. я уже разсмотрѣлъ въ связи съ древнею Англосаксонскою редакціею, которая только очень немного подновлена въ его переводахъ костюмами и готическимъ стилемъ архитектуры.

Апокалипсическая иллюстрація въ старопечатныхъ Библіяхъ XV в. носитъ на себѣ еще архаическій характеръ, унаслѣдованный изъ рукописей романскаго и готическаго періодовъ западной иконографіи. Привожу нѣсколько данныхъ изъ двухъ такихъ Библій. Въ обѣихъ число гравюръ при Откровеніи очень ограниченное; но чтобы размѣстить въ нихъ, по возможности, бо́льшее количество видѣній, мастера пользовались стариннымъ пріемомъ въ соединеніи въ одной рамкѣ нѣсколькихъ сюжетовъ, безъ всякаго наблюденія единства картины и элементарныхъ правилъ воздушной перспективы. Словомъ, это

переведенныя въ печать средневѣковыя миніатюры, которыхъ еще не коснулось новое вѣяніе возникавшаго тогда стиля Возрожденія. Въ обѣихъ Библіяхъ, одной нѣмецкой и другой итальянской, Откровеніе раздѣлено на 22 главы, какъ принято теперь и у насъ, а гравюры помѣщаются не послѣ соотвѣтствующаго имъ текста, а уже по новѣйшему обычаю передъ текстомъ. Замѣчательно, что въ той и другой, при нѣкоторомъ различіи въ переводахъ, одна и та же редакція, то же количество гравюръ и при тѣхъ же самыхъ главахъ. А именно: всего восемь гравюръ: первая передъ введеніемъ, а остальныя семь при главахъ: VI, VII, VIII, X, XII, XIII и XVII. Одна Библія напечатана въ Нюренбергѣ въ 1483 году на нѣмецкомъ языкѣ, другая въ Венеціи въ 1492, на итальянскомъ. Обѣ въ листъ. Въ первой гравюры раскрашены, во второй нѣтъ. Буду описывать по первой, приводя изъ второй нужные мнѣ варіанты *.

Первая гравюра раздѣлена на три части вертикально. Въ средней Іоаннъ въ типѣ безбородаго пишетъ въ книгѣ; направо онъ покланяется Іисусу Христу, сидящему на престолѣ между семью свѣтильниками, какъ это вообще принято въ началѣ лицевыхъ Апокалипсисовъ; направо мученіе св. Іоанна въ котлѣ, съ кипящимъ на пламени масломъ. Этимъ послѣднимъ изображеніемъ, давшимъ Альбрехту Дюреру сюжетъ, подъ названіемъ: Die Marter des heil. Iohannes **, въ его Лицевомъ Апокалипсисѣ,—Нюренбергская иллюстрація заявляетъ свою солидарность съ Инкунабулами XV в., а черезъ нихъ и съ древнѣйшею редакціею Англосаксонскою, которая присоединяетъ къ видѣніямъ Откровенія—изображенія, взятыя изъ «Житія Іоанна Богослова».

VI. Всѣ четыре Всадника изображены вмѣстѣ. Смерть въ видѣ обнаженнаго скелета, съ косою въ правой рукѣ и съ мечемъ въ лѣвой. Въ Венеціанскомъ изданіи только съ косою.

VII. Въ одной гравюрѣ соединено три сюжета, вертикально раздѣленные облаками. Налѣво ангелъ, стоя за жертвеннымъ

* Нюренбергскимъ изданіемъ я пользовался въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, а Венеціанскимъ въ Императорской Библіотекѣ въ Вѣнѣ. Это послѣднее на переплетѣ названо: Biblia di Malermi, а на первомъ листѣ киноварью озаглавлено: Biblia vulgare historiata.

** Heller, Das Leben und die Werke Albrecht Durers. Des zweiten Bandes dritte Abtheilung. Leipzig 1831, стр. 624.

престоломъ, держитъ для воскресшихъ мучениковъ за Слово Божіе синюю одежду, а внизу они уже одѣты въ разноцвѣтныя ризы. Далѣе четыре ангела, угрожая мечами, удерживаютъ Вѣтры, которые съ четырехъ концовъ этого отдѣла изображены въ видѣ дующихъ головъ. Направо толпа запечатлѣнныхъ ангеломъ, у которыхъ знакъ печати на челѣ изображенъ въ видѣ четвероконечнаго, съ равными концами, креста. Въ серединѣ у престола лежитъ человѣкъ, поражаемый небесною силою, которая исходитъ въ видѣ клиньевъ, какіе приняты въ Пнкунаб. XV в., а у насъ въ моемъ юсов. Апок. XVI в., въ Апок. МПМ. № 156. Что же касается до креста на челѣ, то, ведя свое начало отъ древнехристіанской иконографіи, напр. въ медаліонѣ VII-VIII в. [сн. 240 в], онъ принятъ у насъ уже въ XVI в. въ Соловецкомъ юсовомъ Апок., сильно подвергшемся западному вліянію, м. 16. Въ Венеціанскомъ изданіи эта подробность опущена.

VIII. Іисусъ Христосъ стоитъ за жертвенникомъ, по сторонамъ его семь ангеловъ съ трубами; ниже у жертвенника еще ангелъ, кадитъ кадиломъ на цѣпочкѣ. Сюда присоединены и еще другіе сюжеты, какъ и въ прочихъ гравюрахъ,

X. Облачный ангелъ уже въ одеждѣ изъ облаковъ и на двухъ колоннахъ съ капителями и базисами, вмѣсто ногъ. Іоаннъ безъ бороды, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сталъ на одно колѣно, принимая отъ ангела книгу. Тутъ же два ангела посѣкаютъ мечами людей и проч.

XII. Убіеніе Еноха и Иліи и вмѣстѣ съ этимъ св. Жена, спасающаяся отъ Великаго Змія. Св. Жена стоитъ на рогахъ молодаго мѣсяца, уже съ крыльями, въ эллиптическомъ ореолѣ съ языками пламени. Змій о двухъ лапахъ безъ крыльевъ; у него шесть головъ человѣчьихъ, а седьмая, главная—звѣриная. Всѣ головы въ коронахъ. Концемъ хвоста захватилъ онъ часть неба съ звѣздами. Надъ св. Женою, въ облакѣ, по грудь, ея Сынъ, въ крестномъ сіяніи, въ отроческомъ возрастѣ, съ двумя человѣческими фигурами по сторонамъ, тоже по грудь. Между нашими Апокалипсисами см. Тихонравовскій № 5, половины XVII в., сильно подвергшійся западному вліянію, м. 42 [сн. 156].

XIII. Первый Звѣрь, красный, о двухъ лапахъ, какъ и Змій, но изъ его семи головъ, на оборотъ, шесть звѣриныхъ и одна

человѣческая съ бородою. На головахъ десять роговъ; на рогахъ короны, числомъ семь, надѣты сверху, то есть, покрываютъ только концы роговъ, такъ что каждая изъ коронъ далеко не касается головы Звѣря. Въ правой лапѣ держитъ онъ скипетръ власти. Тутъ же вылѣзаетъ изъ земли и Второй Звѣрь. У Перваго Звѣря шеи всѣхъ семи головъ развѣтвляются отъ безобразно толстаго, мясистаго туловища, на тотъ же манеръ, какъ принято въ вышеупомянутомъ Апок. Тихонравова, мм. 50 и 64 [сн. 157 и копія краск. 17]. Въ изданіи Венеціанскомъ оказался замѣчательный варіантъ: у Перваго Звѣря тоже шесть головъ звѣриныхъ, но они безъ коронъ, а седьмая, человѣчья, помѣщенная въ серединѣ между ними, украшена папскою тіарою, трехъярусною, какая потомъ, какъ увидимъ, принята была для того же Перваго Звѣря въ Лютеровомъ Апокалипсисѣ 1534 г.

XVII. Гравюра соединяетъ нѣсколько сюжетовъ. На правой сторонѣ Іисусъ Христосъ протягиваетъ внизъ, вмѣсто серпа, косу: странное новшество, усвоенное, какъ увидимъ въ V главѣ этого Введенія, Діонисіемъ Фурноаграфіотомъ въ его Аѳонской Ерминіи.—На землѣ ангелъ косою же коситъ пшеницу, а не жнетъ серпомъ. Тутъ же другой ангелъ тянется вверхъ, чтобы снять гроздъ съ виноградной лозы. Лѣвая сторона гравюры занята Вавилонскою Любодѣицею, которая въ средневѣковомъ костюмѣ, съ сосудомъ въ рукѣ, переѣзжаетъ рѣку на апокалипсическомъ Звѣрѣ. Она ѣдетъ въ правую сторону. Передъ нею на колѣняхъ стоятъ люди разнаго званія. Посреди между этими обоими сюжетами еще два. Сверху ангелъ спускаетъ въ воду жерновъ, и на конецъ у самой жатвы стоитъ еще ангелъ съ ключемъ, а около изъ черной ямы высунулся по поясъ Сатана, съ звѣриною мордою; на лапахъ длинные когти, тѣло у него бѣлое, съ женскими грудями. Это ангелъ связываетъ или отрѣшаетъ Сатану. Всѣ эти сюжеты такъ сбиты и перепутаны между собою, что только при помощи текста Откровенія можно отдѣлить ихъ другъ отъ друга.

Не смотря на малочисленность гравюръ, эта иллюстрація предлагаетъ главнѣйшія черты той общепринятой впослѣдствіи западной редакціи, которая существенно отличается отъ нашихъ, и всякій разъ ясно даетъ о себѣ разумѣть, какъ скоро оказываетъ свое вліяніе на которую либо изъ этихъ послѣднихъ.

Перехожу къ эпохѣ Возрожденія, которая, усвоивъ ту же самую редакцію, дала ей полное развитіе въ настоящихъ уже картинахъ, съ наблюденіемъ правилъ живописнаго искусства, стремящагося къ подражанію природѣ въ изящныхъ формахъ, но утратившаго въ увлеченіи новыми художественными задачами всякое чутье къ символическому стилю апокалипсической иконографіи.

Первое мѣсто занимаетъ здѣсь гравированный на деревѣ Апокалипсисъ Альбрехта Дюрера 1498 года, на 15 листахъ, съ заглавнымъ еще листомъ, на которомъ изображенъ пишущій Іоаннъ Богословъ, а передъ нимъ Богородица съ младенцемъ Іисусомъ Христомъ *. Слѣдуя Нюренбергской Библіи 1483 г., Дюреръ къ апокалипсическимъ сюжетамъ присоединяетъ, какъ уже замѣчено выше, мученіе св. Іоанна, посвятивъ этому предмету особую гравюру.

Принятая Дюреромъ редакція и взглядъ на апокалипсическія видѣнія опредѣляются слѣдующими данными, которыя привожу въ послѣдовательномъ порядкѣ гравюръ, означая ихъ по нумераціи Барча.

62) I. Іоаннъ стоитъ на обоихъ колѣнахъ передъ Господомъ Богомъ, который простеръ правую руку, окруженную семью звѣздами. Изъ обоихъ очей его исходятъ пламенные языки, а изъ устъ—мечъ, остреемъ впередъ. Здѣсь Господь Богъ отличенъ аттрибутомъ Іисуса Христа—сіяніемъ, въ формѣ креста; но далѣе онъ является въ видѣ Господа Саваоѳа.

Сказаніе о семи церквахъ осталось у Дюрера безъ иллюстраціи. Гл. II и III.

63) V. Книга, которую Господь Богъ держитъ на колѣняхъ, раскрыта, хотя и съ семью еще печатями. Агнецъ, съ семью очами во лбу и съ семью, круто закругляющимися, рогами, стоитъ задними ногами на подножіи престола, а переднія положилъ на листы книги.

64) VI, 1-8. Всѣ четверо Всадниковъ на одной гравюрѣ, несутся на коняхъ въ прекрасной группѣ. Смерть не скелетъ, а въ видѣ костляваго старика, съ трезубцемъ въ рукахъ.

* Подробности см. Heller, Das Leben und die Werke Albrecht Dürer's. Des zweiten Bandes dritte Abtheilung. Leipzig 1831, стр. 623-632. Я ограничиваюсь немногими замѣчаніями, сколько нужно для моей цѣли.

65) VI, 9-11. Ангелъ стоитъ за жертвенникомъ, держа въ рукѣ одѣянія. По сторонамъ его по ангелу, тоже съ одеждою, и правый изъ нихъ подаетъ ее обнаженной женщинѣ: игривое нововведеніе, чуждое строгому стилю апокалипсическихъ видѣній. Рядомъ съ этою группою другой ангелъ одѣваетъ мущину.

66) VII, 1-8. Ангелъ въ облакахъ съ большимъ крестомъ для распятія, въ формѣ буквы Т. Внизу ангелы съ мечами, какъ въ Нюренбергскомъ изданіи 1483 г. Около еще ангелъ, помазуетъ печать на челѣ одному изъ стоящихъ передъ нимъ на колѣняхъ.

67) VII, 9-17. Вверху въ сіяніи Агнецъ, стоитъ на радугѣ, въ передней лапѣ держитъ на древкѣ хоругвь; изъ груди его изливается кровь въ потиръ, который держитъ нѣкто въ епископской шапкѣ. Окрестъ Агнца 24 Старца; внизу люди съ пальмовыми вѣтвями *.

68) VIII. Господь Богъ стоитъ за престоломъ, или жертвенникомъ, и раздаетъ обѣими руками ангеламъ трубы, какъ у насъ въ позднѣйшихъ редакціяхъ, подвергшихся вліянію западному. Тутъ же ангелъ съ кадильницею на цѣпочкѣ. Ниже двое ангеловъ трубятъ въ трубы. Между ними летитъ Орелъ, по Вульгатѣ замѣняющій ангела; онъ летитъ головою внизъ; изъ его клюва исходятъ слова: we ve ve.

69) IX, 13-21. Господь Богъ надъ жертвенникомъ. Подъ жертвенникомъ въ облакахъ ѣдутъ всадники на чудовищахъ. Внизу четыре ангела поражаютъ людей. Надобно замѣтить, что Дюреръ оставилъ безъ иллюстраціи начало этой главы, ст. 1-12, которое особенно богато разнообразіемъ символическихъ и чудовищныхъ представленій, какъ-то: звѣзда съ ключемъ и студенецъ Бездны, Пруги и Аваддонъ.

70) X. Направо вверху въ полукругѣ церковь. Внизу ангелъ въ одеждѣ изъ облаковъ, съ колоннами вмѣсто ногъ; подаетъ Іоанну открытую книгу, которую этотъ, стоя на колѣняхъ, вкушаетъ отъ нижняго ея угла.

Видѣніе о пророкахъ Енохѣ и Иліи, въ гл. XI, оставлено безъ иллюстраціи.

71) XII, 1-6. Окруженная лучами солнца стоитъ на серпѣ

* У Геллера эта гравюра помѣщена не на мѣстѣ—передъ Вавилонской Любодѣйцею, подъ заглавіемъ: Das Lamm auf dem Berg Zion, т. е. при гл. XIV, 1-5.

молодаго мѣсяца св. Жена, уже съ крыльями: голова покрыта платомъ; вмѣсто короны помѣщены въ два ряда 12 звѣздъ. Надъ нею два маленькихъ ангела, въ типѣ амурчиковъ, только одѣтыхъ, на пеленѣ возносятъ ея сына [безъ сіянія] вверхъ къ Господу Богу. Змій съ крыльями нетопыря и съ семью страшными мордами, очень изящно вырисованными, какъ у насъ въ Апок. МПМ. № 499, 1708 г. м. 34 [копія краск. 21]. Длинный хвостъ свой онъ вскинулъ къ небу, захватывая имъ третью часть звѣздъ.

72) XII, 7-12. Четверо ангеловъ, одинъ съ копьемъ, другой съ лукомъ и стрѣлою и двое съ мечами и щитами, ниспровергаютъ съ неба того же Змія.

73) XVII и XVIII. На четвероногомъ Звѣрѣ, съ семью чудовищными головами, сидитъ Вавилонская Любодѣица, съ великолѣпнымъ сосудомъ. Ей покланяются люди. Вверху въ облакахъ ангелъ съ жерновомъ *.

74) XIII, 1-13. XIV, 14. Оба Звѣря, Первый и Второй съ покланяющимися имъ. Вверху Господь Богъ въ облакахъ, съ серпомъ въ правой рукѣ.

Видѣнія о семи ангелахъ съ фіалами въ иллюстраціи опущены, а также и все остальное изъ гл. XIX.

75) XX, 1-3. XXII, 1-2. Ангелъ связываетъ Сатану, до половины высунувшагося изъ ямы, въ типѣ безобразнаго чудовища. Вверху на горѣ другой ангелъ показываетъ Іоанну Горній Іерусалимъ, по архитектурѣ сходный съ городомъ Нюренбергомъ.

Теперь обращаюсь къ иллюстраціи Лютерова Апокалипсиса, которымъ заключается его Библія: Biblia. das ist die gantze Heilige Schrifft. Deudsch auffs new zugerichtet D. Mart. Luth. Gedrückt zu Wittemberg durch Hans Lufft 1534, въ листъ. [Только Новый Завѣтъ изданъ въ Виттенбергѣ же еще въ 1522 г.]. О многочисленныхъ гравюрахъ на деревѣ, украшающихъ это изданіе, Грессе, въ своемъ Trésor de Livres rares et precieux 1859 г., говоритъ слѣдующее: «Les gravures en bois qui portent les monogrammes M. S. et S.

* Этотъ № 73 у Барча помѣщенъ не на мѣстѣ: ему надобно бы быть за слѣдующимъ № 74-мъ.

P. ne sont pas de Martin Schön, mais de Melchior Schwarzenberg et Pierre Salzburger» I, стр. 333. Георгъ Вольфгангъ Панцеръ въ своемъ Entwurt einer volstandigen Geschichte der deutschen Bibelübersetzung D. Martin Luthers von Iahr 1517 an bis 1581—приводитъ слѣдующее свидѣтельство о личномъ участіи Лютера въ составленіи сюжетовъ для этихъ гравюръ: «Christoph Walther, des Herrn Hans Luffts Corrector, wie er sich nennt, hat in dem Bericht von Unterschied der Biblien etc. Wittenb. 1563, ausdrücklich bemerkt, dass Luther die Figuren zum Theil selbst angegeben, wie man sie hat sollen reissen oder malen», по 2-му изд. Nürnberg 1791, стр. 306.

Изданіемъ Лютеровой Библіи 1534 года, по отличному экземпляру съ нераскрашенными гравюрами, я пользовался въ Императорской Вѣнской Библіотекѣ. У насъ въ Петербургѣ въ Императорской Библіотекѣ есть только перепечатка 1541, съ искусно раскрашенными гравюрами. Тѣ же самыя гравюры были приняты для Библіи на чешскомъ языкѣ, тоже въ листъ. Изъ двухъ экземпляровъ въ Вѣнской Библіотекѣ, озаглавленныхъ: Biblia Bohemica. Pragae 1549, одинъ не тронутый краскою, другой великолѣпно раскрашенъ [означенъ въ каталогѣ: 4. C. I]. Есть и позднѣйшія перепечатки Чешской Библіи, съ тѣми же гравюрами, напр. 1557 г.

Всѣхъ гравюръ въ Лютеровомъ Апокалипсисѣ 26, въ форматѣ приложенныхъ у меня снимковъ. Иногда случается на страницѣ по двѣ гравюры. Помѣщаются то передъ соотвѣтствующею имъ главою, то въ серединѣ ея. Размѣщены онѣ по главамъ въ такомъ порядкѣ.

ГРАВЮРЫ.	ГЛАВЫ.	ГРАВЮРЫ	ГЛАВЫ.
1	I.	14	X.
2	IV.	15	XI.
3	VI.	16	XII.
4		17	XIII
5		18	XIV.
6	VII.	19	
7	VIII.	20	XVI.
8		21	XVII.
9		22	XVIII.
10		23	XIX.
11		24	XX.
12	IX.	25	
13		26	XXI.

Иллюстрація Лютерова Апокалипсиса окончательно установила отличительный характеръ той западной редакціи, вліяніе которой отъ XVI в. и до позднѣйшихъ временъ болѣе или менѣе оказывалось въ составѣ нашихъ лицевыхъ Апокалипсисовъ, и при томъ не одной какой либо, а разныхъ редакцій. Потому, чтобы составить себѣ ясное понятіе о свойствахъ и объемѣ этого вліянія, надобно опредѣлить характеристическія черты Лютеровой иллюстраціи.

Сначала надобно замѣтить, что уже и сама она была составлена по образцу Апокалипсиса Альбрехта Дюрера, хотя въ другихъ переводахъ и съ нѣкоторыми отклоненіями въ редакціи, какъ это мы увидимъ изъ слѣдующаго обозрѣнія гравюръ въ отдѣльности.

1) Типъ Господа Бога не опредѣленъ нимбомъ, который относилъ бы Его къ той или другой изъ двухъ ипостасей. Одѣтъ въ тунику; подпоясанъ поясомъ съ пряжкою. Изъ очей исходитъ языками пламя, изъ устъ—мечъ остреемъ впередъ. Іоаннъ безбородый [сн. 271 а].

Сказаніе о семи Церквахъ, содержащееся въ гл. II и III, вовсе пропущено, какъ въ Дюреровомъ Апокалипсисѣ, такъ и въ другихъ позднѣйшихъ Лицевыхъ Библіяхъ.

3) Четверо Всадниковъ всѣ въ одной гравюрѣ. Смерть съ косою, не съ трезубцемъ, какъ у Дюрера.

4) Ангелъ стоитъ за престоломъ, или жертвенникомъ, и раздаетъ одежды воскресшимъ; другіе ангелы ихъ облачаютъ.

6) Вверху летитъ ангелъ съ большимъ крестомъ для распятія, въ формѣ буквы Т; внизу ангелы съ мечами. Вѣтры въ облакахъ въ видѣ дующихъ головъ.

7) Господь Богъ сидитъ на престолѣ за жертвенникомъ; по сторонамъ въ облакахъ семь ангеловъ, которые уже приняли свои трубы.

Видѣнія о семи ангелахъ, трубящихъ въ трубы, воспроизведены въ этой иллюстраціи съ особенною щедростью: на нихъ употреблено цѣлыхъ 6 гравюръ, 8-13, въ изящно скомпанованныхъ картинахъ, съ разнообразіемъ ландшафтной обстановки. Изъ нихъ по редакціи заслуживаютъ вниманія 11-я, 12-я и 13-я.

11) Надъ красивымъ ландшафтомъ, съ городомъ у рѣки, черезъ которую отъ городскихъ воротъ перекинутъ на аркахъ

мостъ, летитъ при четвертомъ трубящемъ ангелѣ не Орелъ, какъ у Дюрера по Вульгатѣ, VIII, 13, а Ангелъ, согласно съ Лютеровымъ текстомъ: «und ich sahe und horet einen Engel fliegen mitten durch den himel». Въ Пражскомъ изданіи 1549 г., хотя та же самая гравюра съ ангеломъ, но въ противорѣчіи тексту по Вульгатѣ: «A widêl gsem a slyssel gsem hlas gedné Orlice ana letij no prosredku nebe». [Сн. 272].

12) Пруги въ томъ самомъ типѣ кузнечиковъ или саранчи съ человѣческою головою, въ коронѣ и съ копьецомъ на хвостѣ [сн. 274 в], который черезъ гравюру Борхта, по изданію Пискатора, перешелъ въ наши иллюстраціи, подвергшіяся западному вліянію.

13) Внизу многолюдная сцена битвы, въ которой принимаютъ участіе и воины на чудовищныхъ коняхъ и четыре ангела, отрѣшенные на Евфратѣ отъ узъ. Вверху въ облакахъ на престолѣ возсѣдаетъ Господь Богъ передъ олтаремъ, или жертвенникомъ, отъ четырехъ угловъ котораго исходитъ пламя языками. Такъ изображено сказанное въ Писаніи: «и слышахъ гласъ единъ отъ четырехъ роговъ олтаря златаго сущаго предъ Богомъ» IX, 13.

14) Ангелъ въ одѣяніи изъ облаковъ, на колоннахъ вмѣсто ногъ. Безбородый Іоаннъ, стоя передъ нимъ на одномъ колѣнѣ, вкушаетъ открытую книгу, начиная отъ одного изъ-ея угловъ.

15) Задній планъ гравюры представляетъ внутренность обыкновенной западной базилики, съ олтаремъ и трибуною въ углубленіи и съ высокою кабедрою налѣво между столпами подъ аркою. Впереди, какъ бы на помостѣ передъ церковью, стоятъ налѣво два человѣка: это Енохъ и Илія. Они въ шапкахъ и нѣмецкихъ кафтанахъ, съ широкими рукавами, временъ Лютера, и только пламя, выходящее языками изъ устъ ихъ, некстати нарушаетъ ихъ буржуазный характеръ; съ правой же стороны, какъ въ старинныхъ «Символахъ и Емблемахъ», безцеремонно слагающихъ въ одно цѣлое дѣйствительность съ небывальщиною,—подступаетъ къ нимъ на четырехъ лапахъ чудовище въ папской тіарѣ, отъ которой по обѣ стороны его толстой шеи спускаются, въ родѣ лопастей, обычныя въ этой принадлежности папскаго орната—ленты, или пендиліи [сн. 274 а]. Изображеніе это въ текстѣ соотвѣтствуетъ 5-му ст. въ XI гл. Что въ этомъ чудовищѣ представленъ папа, свидѣтельствуетъ самъ Лютеръ въ толкованіи, помѣщенномъ на полѣ противъ текста этой главы:

[Thier] Der weltliche Babst infra Capitel XII: въ XII же главѣ, съ изображеніемъ Великаго Змія. преслѣдующаго св. Жену въ гравюрѣ 16-ой, приложено на полѣ примѣчаніе: Hie Kómpt der weltliche Bapst. Въ изданіи 1541 года папская тіара еще сохранилась на головѣ апокалипсическаго Звѣря въ 15-ой гравюрѣ во всей своей цѣлости; но въ Пражскомъ изданіи 1549 г., въ избѣжаніе скандала, подобіе тіары было нарушено тѣмъ, что ея верхушку выскоблили, такъ что подскобленное мѣсто въ величину этой верхушки осталось не заштрихованнымъ между линіями церковнаго помоста [сн. 274 б]. Впрочемъ, въ Вѣнскомъ экземплярѣ 1549 г., раскрашенномъ, по выскобленному пятну вновь реставрирована верхушка папской тіары, и сверхъ того для бóльшаго сходства, на ней явственнѣе означенъ четвероконечный крестъ линіями, а не шариками, какъ въ первыхъ оттискахъ гравюры. Слич. такую же тіару на Звѣрѣ и съ тѣмъ же изъяномъ въ Краковской Библіи 1561 г. * и въ другихъ позднѣйшихъ изданіяхъ. Еслибы кто задумалъ, по свидѣтельству корректора Вальтера, отыскивать между апокалипсическими гравюрами личное замышленіе самого Лютера, то прежде всего долженъ бы былъ остановиться на чудовищѣ въ папской тіарѣ, которое онъ же самъ и называетъ Мірскимъ Папою. Точно также въ любопытной пародіи на папство, подъ заглавіемъ: Romae Animale exemplum: in Apocaliptischen Figuren und Erklerungs-Besprechen über dieselbigen fürgestelt 1678 г. [безъ означенія мѣста изданія и только съ монограммами именъ автора и гравéра]—въ тѣхъ же обоихъ мѣстахъ Апокалипсиса, какъ и въ иллюстраціи Лютеровой, апокалипсическій Звѣрь истолкованъ папою, а въ гравюрахъ представленъ въ папской тіарѣ. Лютеровой 15-ой гравюрѣ соотвѣтствуетъ въ Romae Animale exemplum грав. 19-я, въ которой взятъ только другой моментъ изъ гл. XI, именно: какъ Звѣрь уже пожираетъ Еноха и Илію, стихъ 7 [сн. 274 г]. О другой гравюрѣ будетъ рѣчь впереди.

16) Св. Жена, хотя на самой землѣ, но стоитъ на сѣрпѣ молодаго мѣсяца, съ крыльями; на покрытой платомъ головѣ вмѣсто короны 12 звѣздъ.

* Стасовъ въ своей рецензіи сочиненія Ровинскаго о русскихъ народныхъ картинкахъ прилагаетъ снимокъ изъ Краковск. Библіи. См. Журналъ Министр. Народн. Просв. 1882 г. Октябрь, на стр. 380.

19) Жатва и винодѣліе съ подробностями; внизу одинъ изъ ангеловъ въ шляпѣ съ широкими полями и скругленнымъ донышкомъ. Вверху въ облакахъ олтарь, или жертвенникъ, на подобіе храма, во вкусѣ Возрожденія, съ отверстіями подъ арками. Изъ одного вылетаетъ ангелъ [сн. 273].

20) Всѣ семь ангеловъ, расположенные въ одномъ ландшафтѣ, изливаютъ на разные предметы свои фіалы. Между ними Пятый Ангелъ изливаетъ фіалъ «на престолъ Звѣринъ» XVI, 10. Звѣрь въ томъ же типѣ и въ той же папской тіарѣ, цѣлой въ раннихъ оттискахъ и безъ верхушки въ позднѣйшихъ, что̀ и въ грав. 15-ой. Звѣрь присѣлъ на роскошной подушкѣ съ кистями, положенной на низенькомъ престолѣ безъ задка, въ видѣ широкаго пьедестала. Этой гравюрѣ, въ Romae Animale exemplum соотвѣтствуетъ 32-я [сн. 274 д]. Въ великолѣпномъ зданіи, съ открытымъ верхомъ, на престолѣ подъ балдахиномъ, сидитъ мохнатый Звѣрь, въ ризѣ на плечахъ и въ папской тіарѣ на звѣриной мордѣ. Парящій вверху ангелъ льетъ на него свой фіалъ. Окружающіе Звѣря римскіе прелаты и между ними царь въ горностаевой порфирѣ приходятъ въ ужасъ отъ помраченія Звѣринаго царства.

21) Въ красивомъ ландшафтѣ, съ деревьями и городомъ въ отдаленіи, ѣдетъ на семиглавомъ Звѣрѣ Вавилонская Любодѣица, переправляясь черезъ ручей, въ великолѣпномъ одѣяніи, длинный шлейфъ котораго покрываетъ задъ Звѣря; въ рукѣ держитъ очень большой, изящно отдѣланный сосудъ. Передъ ней густая толпа колѣнопреклоненныхъ; между ними есть и цари въ коронахъ. Въ отдаленіи на равнинѣ виднѣются Іоаннъ съ ангеломъ, идутъ отъ города. Противъ текста, XVII, 1-4, на полѣ замѣчено: Hie zeiget er die Römische kirche jnn jrer gestalt und wesen, die verdampt sol werden. Противъ стиха 12: [Zehen Könige] Das sind die andern Könige, als Hungern, Behem, Poln, Franckreich.

23) Вся гравюра занята низверженнымъ въ адское пламя Великимъ Зміемъ, а вверху, надъ пламенными языками въ облакахъ, съѣзжаются двѣ враждебныя рати, въ видѣ обыкновенныхъ воиновъ, только всадники святой рати съ обнаженными головами, а ихъ предводитель съ мечемъ, исходящимъ изъ устъ рукоятью впередъ, имѣетъ на своей головѣ «вѣнцы мнози», что̀ выражено наложенными одна на другую тремя коронами, въ

томъ видѣ, какъ это принято въ Лицевой Библіи Борхта, гравированной въ 1582 г. [сн. 275 г], откуда перешло въ изданіе Пискатора. Эта трехъярусная корона существенно отличается отъ папской тіары, возложенной на голову апокалипсическаго Звѣря въ гравв. 15 и 20.

24) Въ видѣніи о связаніи и разрѣшеніи, XX, 1-3, принятъ не Змій, а Сатана въ оригинальномъ типѣ, не согласномъ съ преданіями нашей апокалипсической иконографіи [сн. 275 а]. Группа ангела съ Сатаною своею фантастичностью представляетъ рѣзкій контрастъ съ окружающимъ ее ландшафтомъ, въ которомъ города растилаются по широкой равнинѣ и поднимаются на гору между развѣсистыми деревьями.

25) Вмѣсто чудовищнаго ополченія Песьихъ-Головъ съ Гогомъ и Магогомъ, осаждаетъ старинный нѣмецкій городъ обыкновенная пѣхотная рать, вооруженная копьями и самострѣлами. Историческое содержаніе гравюры, въ стилѣ батальной живописи, соотвѣтствуетъ толкованію, помѣщенному на полѣ, противъ 7-го стиха XX-ой главы: «Die tausent iar mussen anfahen da dis buch gemacht, denn der Turck ist allererst nach tausent iaren komen, jnn des sind die christen blieben, und haben regiert, on des Teuffels danck. Aber nu wil Turck dem Bapst zu hülffe komen, und die Christen ausrotten, weil nichts helffen wil.» —При Гогѣ и Магогѣ замѣчено: «[Gog] Das sind die Turken, die von den Tattern herkomen, und die roten Inden helffen».

26) Точно такъ же и Горній Іерусалимъ принялъ въ этой иллюстраціи видъ обыкновеннаго нѣмецкаго города, въ родѣ Регенсбурга или Нюренберга; снаружи стѣны съ старинными башнями, а внутри крыши домовъ, въ безконечномъ множествѣ расположенныя по линіямъ улицъ, а посреди рѣка съ перекинутыми черезъ нея мостами. И помѣщенъ онъ на широкой равнинѣ, надъ которою поднимается утесъ съ стоящими на немъ Іоанномъ и ангеломъ.

По своему натурализму въ стилѣ Возрожденія, какъ ни противорѣчитъ Лютерова иллюстрація основнымъ преданіямъ нашей иконографіи, однако она произвела эпоху въ исторіи нашихъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ, и въ теченіе столѣтій, отъ XVI и до XVIII включительно, оказывала на нихъ свое вліяніе. Особенно сильно оно выразилось уже въ XVI в. въ Соловецкомъ юсовомъ Апок., въ которомъ, при общемъ господ-

ствѣ западнаго характера, нѣкоторыя миніатюры можно признать за копіи, съ небольшими измѣненіями, съ Лютеровыхъ гравюръ, какъ это подробно указано въ описаніи названной Соловецкой рук. Здѣсь же для примѣра привожу только м. 21 [сн. 63] и грав. 11 [сн. 272]; м. 42 [сн. 71] и грав. 19 [сн. 273]; м. 60 [сн. 75] и грав. 24 [сн. 275 а]. Въ XVII в. самую точную копію съ 1-ой грав. предлагаетъ на стр. 7-ой гравюра же въ изданіи Копистенскаго: *Святаго Отца нашего Андреа Архіепископа Кесаріа Каппадокійскіа Тлъкованіе на Апокалипсисъ*, Кіевъ 1625 [снн. 271 а, б]. Въ XVIII в. довольно точную копію Звѣря въ папской тіарѣ, съ двумя концами лентъ, подходящаго къ Еноху и Иліи, въ грав. 15 [сн. 274 а], предлагаютъ у насъ Апок. Хлудова № 358, 1708 г. въ м. 30 [сн. 195] и СПБ. Q, Отд. 1, № 441, въ м. 22 [сн. 208]. Въ лубочныхъ же нашихъ изданіяхъ копія съ послѣдняго сюжета оказалась еще въ XVII в., именно въ Апокалипсисѣ Прокопія [1646-1662 г.] грав. 15 *. Что касается до Соловецк. юсоваго Апок. XVI в., то онъ въ томъ же сюжетѣ даетъ апокалипсическому Звѣрю папскую тіару, но въ другомъ переводѣ, м. 29 [сн. 66].

Редакція, усвоенная апокалипсической иллюстраціи въ Лютеровой Библіи, принята и въ слѣдующихъ за тѣмъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, хотя и въ другой ландшафтной обстановкѣ и съ нѣкоторыми измѣненіями въ подробностяхъ, впрочемъ, безъ нарушенія главныхъ примѣтъ редакціи. Для примѣра беру слѣдующія четыре изданія.

Testamenti novi editio Vulgata. Lugduni 1558. Въ 16-ю д. листа.

Explicatio Apocalypsis Ioannis perspicua et brevis, tradita a Davide Chytraeo. Vitebergae 1563. Въ 8-ку.

Catholische Bibell, das ist alle bücher der H. Schrifft beide Alts und Newen Testaments: nach Alter in Christicher Kyrchen gehabter Translation trewlich verteutscht, und mit vielen heilsamen Annotaten erleuchtet durch D. Iohan Dietenberger. Cöln 1564. Въ листъ.

* «Стасовъ [разборъ стр 36] замѣчаетъ, что многія гравюры этого Апокалипсиса [особенно № 1, явленіе Господа съ мечемъ, исходящимъ изъ устъ и съ пламенѣющими глазами, Іоанну Богослову, посреди свѣтильниковъ], повидимому явное подражаніе гравюрамъ Виттенбергской Библіи 1541 г или одной изъ переиначенныхъ ея копій». Ровинскаго: Русскіе Граверы, Москва 1870. Стр. 272. Эта Библія, какъ уже замѣчено, есть перепечатка Лютеровой 1534 г.

Neue Künstliche Figuren Biblischer Historien grüntlich von Tobia Stimmer gerissen. Basel 1576. Въ 8-ку. Перепечатано въ Liebhaber-Bibliothek alter Illustratoren in Facsimile-Reproductionen. Gedruckt von Knorr u. Hirth in München *.

Такъ какъ эту же самую редакцію усвоивали себѣ тѣ изъ нашихъ Лицевыхъ Апокк., которые подвергались вліянію западному, то я предлагаю здѣсь краткій перечень ея главнѣйшихъ примѣтъ, въ порядкѣ главъ и стиховъ, по нынѣ принятому счету.

I, 9-20. Одѣяніе Господа Бога, пламя изъ очей Его и нѣкоторыя другія подробности.

II и III. Сказаніе о семи церквахъ въ иллюстрацію не введено. Потому въ нашихъ Апокк., усвоившихъ западную редакцію, относящіяся къ этимъ главамъ миніатюры сохраняютъ бо́льшую самостоятельность.

VI, 7-8. Смерть съ косою.

VI, 9-11. Раздаваніе одеждъ и облаченіе воскресшихъ мучениковъ за Слово Божіе.

VIII, 1-6. Господь Богъ, вручающій ангеламъ трубы, сидитъ или стоитъ за жертвенникомъ.

IX, 1-12. Пруги, въ видѣ саранчи или кузнечиковъ, съ человѣческою головою въ коронѣ.

IX, 13-21. Пламенные рога у олтаря, или рога съ пламенемъ.

X, 8-11. Іоаннъ вкушаетъ книгу, которую подаетъ ему Облачный Ангелъ.

XII, 1-6. Св. Жена стоитъ на серпѣ молодаго мѣсяца; на главѣ ея звѣзды.

XIV, 14-20. При жатвѣ и винодѣліе съ виноградными лозами и гроздіемъ.

XV глава оставлена безъ иллюстраціи, какъ и въ Лютеровомъ Апокалипсисѣ.

XIX, 11-21. Трехъярусная корона на Господѣ Богѣ, сидящемъ на конѣ.

XX, 7-10. Вмѣсто полчища чудовищныхъ Песьихъ-Головъ съ Гогомъ и Магогомъ, осаждаютъ городъ, или станъ Святыхъ, обыкновенные ратники.

* Число гравюръ въ этихъ изданіяхъ не одинаково, и въ томъ или другомъ изъ нихъ нѣкоторые изъ ниже указанныхъ сюжетовъ опущены. Такую же дюжинную редакцію Стасовъ указываетъ во Франкфуртской Библіи 1565 г. съ гравюрами Виргилія Солиса. Рецензія сочиненія Ровинскаго о рус. народн. картинкахъ въ Журналѣ Минист. Народн. Просв. 1882. Октябрь. Стр. 380.

Изъ четырехъ названныхъ изданій, бóльшее сходство съ иллюстраціею Лютерова Апокалипсиса, иногда доходящее до едва переиначенныхъ копій, предлагаетъ, именно, Catholische Bibell Дитенбергера, хотя и расчитанная на противудѣйствіе Лютеровой ереси. При этомъ оказалось въ ней такое же несогласіе между текстомъ и изображеніемъ, какое было замѣчено выше въ Чешской Библіи 1549 г. Именно: при 13-мъ стихѣ VIII главы взята изъ Лютерова Апокалипсиса гравюра съ Ангеломъ, а въ текстѣ переведено съ Вульгаты: «Und ich sahe und höret ein stimme eines adlers, der flog mitten durch den Himmel» и проч.

Гравюры 15 и 20 Лютеровой иллюстраціи, при главахъ XI и XVI, воспроизведены въ Catholische Bibell также въ довольно близкихъ копіяхъ, особенно грав. 20-я, а вмѣстѣ съ тѣмъ и апокалипсическій Звѣрь обѣихъ этихъ гравюръ; но, какъ и слѣдовало ожидать, съ него снята папская тіара, что̀, вмѣстѣ съ замѣченными выше подчистками въ Библіи Чешской, не оставляетъ сомнѣнія въ Лютеровомъ замыслѣ, наложившемъ печать на этотъ сюжетъ. Въ Апок. Хитрея и въ Лицевой Библіи Штиммера Звѣрь является также безъ папской тіары, равно какъ и въ гравюрахъ Борхта, вошедшихъ въ изданіе Пискатора, такъ что символическое сочетаніе папы съ апокалипсическимъ Звѣремъ, замѣченное нами еще въ Венеціанской Библіи 1492 г., составляетъ потомъ спеціальную примѣту Лютеровой иллюстраціи.

Перехожу къ Пискатору. Ровинскій въ своемъ сочиненіи: Русскія народныя картинки, говоритъ слѣдующее: «Появленіе большой Библіи Пискатора *, въ половинѣ XVII вѣка, составляетъ эпоху въ нашемъ гравированіи на деревѣ. Изъ нея копировали: Кіевскій монахъ Илья—картинки для своей Библіи, іерей Прокопій—картинки своего Апокалипсиса и лицеваго Отче нашъ [1646-1662], и мастеръ Григорій—рисунки для Апокалипсиса, вырѣзаннаго Коренемъ [1696]. Изъ этихъ гравюръ Прокопій копировалъ картинки Пискатора

* Piscator—латинскій переводъ нѣмецкой фамиліи Fischer.

почти въ ту же мѣру *; Илья уменьшилъ ихъ вчетверо, а Григорій вчетверо увеличилъ, при чемъ придалъ своимъ фигурамъ совершенно польскій характеръ: одѣлъ ихъ въ польскіе кафтаны и сдѣлалъ въ сочиненіи Пискатора столько измѣненій, что трудъ его можно назвать оригинальнымъ» V, стр. 16 **. И въ другомъ мѣстѣ: «Этотъ Пискаторъ тотъ самый, который въ 1631 году издалъ карту Россіи [исправленный переводъ карты, составленной по повелѣнію царя Бориса Годунова, и которую еще въ 1614 г. издалъ Hesselus Gerardus] и посвятилъ ее Царю Михаилу Ѳедоровичу. Первое изданіе лицевой Библіи Пискатора носитъ слѣдующее заглавіе: Theatrum Biblicum hoc est historiae sacrae veteris et novi testamenti tabulis aeneis expressae. Opus praestantissimorum hujus ac superioris seculi pictorum atque sculptorum, summo studio conquisitum et in lucem editum per Nicolaum Iohannis Piscatorem. Anno 1650, въ листъ, въ длину, отлично выполненное громадное изданіе, выгравированное по рисункамъ Гемскерка, Мартына Дево и др., подъ надзоромъ И. К. Вишера, граверами Садлерами и мн. другими. Картинки этой Библіи выходили до 1650 года тетрадками; въ этомъ году онѣ были соединены въ книгу, состоящую изъ 459 листовъ». При этомъ Ровинскій дѣлаетъ примѣчаніе: «Въ Библіи Пискатора рисунки заимствованы изъ другой древнѣйшей Библіи: Biblia ad Vetustissima exemplaria nunc recens castigata. Francoforti ad Moenum 1566. fol». IV, стр. 590-591.

Нѣсколько очень важныхъ дополненій къ изслѣдованію Ровинскаго о нашихъ старопечатныхъ Лицевыхъ Апокалипсисахъ, предлагаетъ Стасовъ въ рецензіи его сочиненія о «Русскихъ народныхъ картинкахъ», изданной въ Журналѣ Минист. Народн. Просв. 1882 г. Октябрь.

Кромѣ выше описаннаго Ровинскимъ изданія Паскатора, у нашихъ книжниковъ и мастеровъ XVII в. была подъ руками еще другая Лицевая Библія, не собранная отъ разныхъ граверовъ, но исполненная только однимъ лицомъ. Это былъ Петръ Ванъ-деръ-Борхтъ, родомъ изъ Брюсселя [1540-

* См. выше въ примѣчаніи мнѣніе Стасова объ источникѣ этого Апокалипсиса. Несомнѣнно только то, что апокалипсическій Звѣрь въ папской тіарѣ передъ Енохомъ и Иліею ведетъ свое начало отъ Апок. Лютерова въ грав. 15-ой, которая отмѣчена 1532 годомъ.

** Той же западной редакціи и Апокалипсисъ съ виршами, у Ровинскаго подъ № 819. См. кн. III, стр. 277.

1608] *. Книга также въ длину, но гравюры размѣромъ почти на половину меньше изданія Пискатора, съ мелкими фигурами. Начинается съ сотворенія міра и оканчивается Апокалипсисомъ. Съ начала и до конца большая часть гравюръ внутри рамки подписана именемъ гравера, иногда съ означеніемъ года; а именно: Borcht 1582, или Pe. v. Borcht, а иногда такъ: Pe. v. Boercht.

Мнѣ извѣстны два экземпляра Лицевой Библіи Борхта. Одинъ принадлежитъ мнѣ, другой находится въ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, подъ № 1103. Оба безъ выходнаго листа; тотъ и другой исписаны русскимъ письмомъ: Архивный исписанъ на всѣхъ оборотныхъ сторонахъ гравюръ выписками изъ Библіи и нотами съ текстомъ для пѣнія, почеркъ конца XVII в.; гравюры грубо раскрашены; въ моемъ же экземплярѣ сдѣланы приписки только по верхнимъ и нижнимъ полямъ гравюръ,и то кое-гдѣ, но тремя почерками разнаго времени: начала XVII в., второй половины XVII в. и половины XVIII в. Эти письменныя свидѣтельства даютъ намъ знать, что Библія Борхта, въ теченіе почти всего XVII в. была извѣстна въ мастерскихъ нашихъ иконописцевъ и граверовъ.

Въ экземплярѣ архивномъ вставленъ передъ Новымъ Завѣтомъ заглавный листъ позднѣйшей гравировки, съ изображеніемъ раскрытой книги, на обоихъ листахъ которой начертано: Testamentum novum hoc est Historiae, Miracula et Passio Domini nostri Iesu Christi. Iconibus expressa operâ et studio Petri van der Burght [sic] excudente Nicolao Iohannis Piscatore. Я не имѣлъ подъ руками Библіи Паскатора въ изданіи 1650 г., но въ позднѣйшемъ, мнѣ извѣстномъ 1674 г. **, при гравюрахъ Ветхаго и Новаго Завѣта бо́льшаго формата и разныхъ мастеровъ, Апокалипсисъ приложенъ въ гравюрахъ Петра Ванъ-деръ-Борхта, и потому онъ въ ме́ньшемъ форматѣ противъ остальной Библіи Пискатора, и сверхъ того отдѣленъ особымъ заглавіемъ: Visiones Apocalypticae.

Редакція Борхтова Апокалипсиса та же самая, которую я опредѣлилъ выше по западнымъ изданіямъ XVI в.; въ пере-

* François Brulliot, Dictionnaire de Monogrammes и проч. Munich 1817. Столб. 260, подъ № 1036.

** По сличенію, сдѣланному Стасовымъ, оба изданія, и 1650 г. и 1674, вполнѣ между собою сходствуютъ.

водахъ болѣе приближается къ иллюстраціи Лютеровой, но безъ папской тіары на Звѣрѣ. Для сравненія у меня приведены изъ Борхта слѣдующіе снимки:

VIII, 1-6. Господь Богъ, стоя за олтаремъ, раздаетъ ангеламъ трубы [сн. 275 б]. У Пискатора грав. 9.

IX, 13-21. Рога олтаря съ пламенемъ [сн. 275 в]. Изъ грав. по Пискатору 15-ой.

XIX, 17-21. «Вѣнцы мнози» на главѣ Господа Бога, сидящаго на конѣ [сн. 275 г]. Изъ грав. по Пискатору 25-ой.

Въ заключеніе я долженъ замѣтить, что въ приведенныхъ мною сравнительныхъ данныхъ, безъ всякаго сомнѣнія, недостаетъ многаго, что̀ со временемъ будетъ приведено въ извѣстность и съ пользою употреблено для объясненія нашихъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ.

V

Окончаніе о сравнительно-историческомъ методѣ. Аѳонская Ерминія иконописца іеромонаха Діонисія Фурноаграфіота.

Отсутствіе въ нашихъ Иконописныхъ Подлинникахъ наставленія, какъ изображать апокалипсическія видѣнія, я долженъ восполнить статьею объ этомъ предметѣ въ знаменитой Ерминіи, или Руководствѣ къ живописи [Ἑρμηνεία τῆς ζωγραφικῆς] Аѳонскаго иконописца Діонисія Фурноаграфіота, іеромонаха изъ Фурны, близъ Аграфы. Намѣренно испорченный текстъ этого греческаго памятника, подъ названіемъ: Ἑρμηνεία τῶν ζωγράφων, издалъ Симонидисъ въ Аѳинахъ въ 1853 г. Не имѣя подъ руками этого текста, я пользуюсь тремя переводами въ слѣдующихъ изданіяхъ. Manuel d'Iconographie chrétienne grecque et latine avec une introduction et des notes par M. Didron, traduit du manuscrit Byzantin, Le Guide de la Peinture, par le D-r Paul Durand, Paris 1845, стр. 237-261.—Ἑρμηνεία τῆς ζωγραφικῆς. Das Handbuch der Malerei vom Berge Athos aus dem handschriftlichen neugriechischen Urtext übersetzt, mit Anmerkungen von Didron d. Ae. und eigenen von Godeh. Schäfer, Trier 1855, стр. 240-261.—Ерминія, или наставленіе въ живописномъ искусствѣ, составленное іеромонахомъ и живописцемъ Діонисіемъ Фурноаграфіотомъ, 1701-1733 г. Переводъ съ греческаго А. П. [Епископа Порфирія], въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, 1868 г., іюнь, стр. 537-551.

Своею знаменитостью Діонисіева Ерминія обязана Дидрону, который приписываетъ ей высокое значеніе и древность происхожденія, относя Діонисія Фурноаграфіота къ XV или XVI в., а иконописца Мануила Панселина, художественными произведеніями котораго Діонисій пользовался при составленіи своей Ерминіи,—къ XII в. Шеферъ предложилъ свой переводъ значительно исправнѣе и осмотрительнѣе Дюранова; но во введеніи и примѣчаніяхъ принялъ на вѣру поверхностный взглядъ Дидрона и его ошибки въ изслѣдованіяхъ по апокалипсической иконографіи.

Вполнѣ научнымъ рѣшеніемъ вопроса о времени процвѣтанія Панселина и составленія Ерминіи, основаннымъ на знаніи дѣла и на строгой критикѣ, наука обязана Епископу Порфирію, котораго изслѣдованія по этому предмету изложены въ *Письмахъ о пресловутомъ живописцѣ Панселинѣ* въ тѣхъ же Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, 1867 г., октябрь и ноябрь. Время произведеній Панселина, отличающихся значительною искусственностью, относится, по этимъ изслѣдованіямъ, къ XVI в., а составленіе Ерминіи опредѣляется съ точностью двумя датами, именно 1701 и 1733 гг., которыми отмѣчены два произведенія Діонисія Фурноаграфіота. А именно: надъ окномъ церкви во имя Іоанна Предтечи въ Аѳонской Карeѣ сохранилась греческая надпись слѣдующаго содержанія: «Честный и божественный храмъ св. Іоанна Предтечи съ основаній воздвигнутъ и расписанъ ктиторомъ іеромонахомъ Діонисіемъ, уроженцемъ изъ *Фурны-тон-аграфонъ*, въ 1701 году»; вовторыхъ: въ Фурнѣ найдены стихи, сочиненные тѣмъ же Діонисіемъ, которые помѣчены 1733 годомъ. Лучшими изъ рукописей Ерминіи Епископъ Порфирій называетъ: Руссиковскую на Аѳонѣ XVIII в., Іерусалимскую XIX в., у тамошняго иконописца Ильи Бара́мке и Дидроновскую въ Парижѣ XIX в., и во всѣхъ нихъ указываетъ на множество варваризмовъ и нѣмецкихъ словъ, и на разные другіе признаки новѣйшаго происхожденія, какъ напр. венеціанскія и французскія бѣлила *.

Прежде чѣмъ приведу изъ Ерминіи описаніе: «Какъ изображается Апокалипсисъ», пользуясь всѣми тремя переводами, я долженъ сдѣлать слѣдующія необходимыя замѣчанія.

Вопервыхъ, апокалипсическія видѣнія расположены въ Ер-

* См. въ Труд. Кіевск. Духовн. Акад. 1867 г. Октябрь, стр. 140-145.

миніи по нынѣ принятому и согласному съ Вульгатою счету главъ и стиховъ: т. е. 22 главы, а не по толковому 72 главы, какъ въ нашихъ Лицевыхъ Апокк. Потому нѣсколько сюжетовъ, раздѣленныхъ у насъ на отдѣльныя миніатюры, Діонисій соединяетъ вмѣстѣ, иногда и такіе, которые уже и вовсе не состоятъ между собою въ связи; смотр. ниже въ картинахъ 12 и 13.

Вовторыхъ, ему рѣшительно не было извѣстно толкованіе Андрея Кесарійскаго, столько авторитетное для нашихъ составителей апокалипсической иллюстраціи; въ противномъ случаѣ онъ не сдѣлалъ бы той грубой ошибки, о которой будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. См. карт. 14.

Втретьихъ, вообще надобно замѣтить, что апокалипсическая иконографія Ерминіи оторвана отъ своихъ исконныхъ, основныхъ преданій, и многіе типы здѣсь или подновлены, или даже и искажены, подъ вліяніемъ западнымъ. Такъ напр. первому Звѣрю даны крылья въ картинахъ 12 и 18, какъ въ Лютеровомъ Апок.1534 г. грав. 15 [сн. 274 а]; ангелъ связываетъ не Змія, а Сатану въ карт. 22, какъ у Лютера въ грав. 24 [сн. 275 а]. Нѣтъ уже вовсе Еммануила, составляющаго неотъемлемую принадлежность нашихъ лучшихъ Апокалипсисовъ, не тронутыхъ западнымъ вліяніемъ. Вмѣсто того, дано преобладаніе Господу Савао҃у, который является 5 разъ, въ карт. 2, 7, 8, 10 и 20; Іисусъ Христосъ въ взросломъ типѣ,—6 разъ, въ карт. 1, 13, 17, 21, 23 и 24, и однажды въ младенческомъ, въ карт. 14.

Вчетвертыхъ, въ счетѣ главъ, по которому расположены изображенія, пропущены именно тѣ же самыя главы, что҃ и въ Лютеровомъ и во многихъ другихъ дюжинныхъ Апокалипсисахъ по западнымъ изданіямъ, именно: главы, II, III, V и XXII. Что же касается до главы XV-ой, оставленной безъ гравюръ въ западныхъ изданіяхъ, то она въ Аѳонскомъ руководствѣ приведена и съ ея текстомъ; но въ описаніи изображеній, какъ увидимъ, почти все взято изъ главы XIV-ой, которая, однако, въ счетѣ опущена. Такую же небрежность въ сопоставленіи изображенія тексту предлагаетъ и рубрика подъ главою IV-ою: въ изображеніи бо́льшая часть сюжетовъ взята изъ главы V-ой. Во всякомъ случаѣ, по примѣру западной редакціи, опущеніе сказанія о семи апокалипсическихъ Церквахъ

въ главахъ II и III и рѣки воды животныя съ древомъ животнымъ въ гл. XXII-ой, надобно признать существеннымъ недостаткомъ Аѳонскаго руководства.

Впятыхъ, такой же недостатокъ оказался въ опущеніи видѣнія объ Агнчемъ бракѣ и о св. Невѣстѣ, XIX, 7-10, которое составляетъ непремѣнную принадлежность всѣхъ нашихъ редакцій, равно какъ и древнѣйшихъ на западѣ, но которое въ дюжинной западной редакціи уже опускается.

Наконецъ, заслуживаетъ вниманія самое мѣсто, которое дано здѣсь Апокалипсису въ системѣ иконографическихъ сюжетовъ. Онъ помѣщенъ во второй части, въ отдѣлѣ, содержащемъ въ себѣ статьи, какъ изображаются Господскіе праздники, дѣла и чудеса Іисуса Христа по Евангелію, къ которымъ присоединены и Евангельскіе притчи. Далѣе слѣдуютъ три символическіе сюжета: Божественная литургія [ἡ θεία λειτουργία], преподаніе тѣла и крови Іисуса Христа Апостоламъ и Всякое дыханіе [τὸ πᾶσα πνοή], или Духовный соборъ; а затѣмъ помѣщено наставленіе, какъ изображается Апокалипсисъ, съ присовокупленіемъ двухъ согласныхъ съ нимъ по содержанію сюжетовъ, которыми и оканчивается этотъ отдѣлъ, именно: какъ изображается второе пришествіе Іисуса Христа и всеобщій и праведный судъ Господа нашего Іисуса Христа. Первый изъ этихъ сюжетовъ, какъ увидимъ, самимъ авторомъ наставленія вносится въ содержаніе апокалипсическаго видѣнія, въ главѣ XX Откровенія, а второй предлагаетъ то дальнѣйшее развитіе и осложненіе апокалипсическихъ видѣній, которое принято въ представленіи Страшнаго суда въ нашихъ Подлинникахъ, а изъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ въ тѣхъ позднѣйшихъ редакціяхъ, которыя подъ разными вліяніями уклонились отъ раннихъ апокалипсическихъ преданій, каковъ Тихонрав. Апок. № 5, половины XVII в., м. 75, и СПБ. № 229, Петровскаго времени, м. 79 *.

Весь Апокалипсисъ раздѣленъ въ Аѳонскомъ руководствѣ всего только на 24 картины въ слѣдующемъ видѣ и порядкѣ.

1) I. «Пещера; въ ней сидитъ Іоаннъ Богословъ, восхищенъ въ дусѣ, обернулся назадъ. За нимъ на облакахъ Іисусъ Христосъ въ бѣломъ стихарѣ, подпоясанъ золотымъ поясомъ, въ

* Снимокъ и описаніе по Подлиннику см. въ моихъ Историческихъ Очеркахъ II, стр. 133 и слѣд.

десницѣ держитъ семь звѣздъ; изъ устъ его исходитъ обоюдуострый мечъ. Окрестъ его семь свѣтильниковъ, и отъ всей его фигуры исходитъ великій свѣтъ».—Вмѣсто ореола и стилизованнаго неба приняты, по позднему ландшафтному стилю, облака, а исходящій отъ всего Іисуса Христа великій свѣтъ—особенность, чуждая нашимъ лучшимъ редакціямъ, является только въ позднѣйшихъ, тронутыхъ западнымъ вліяніемъ; см. въ Апок. Хлудова № 358, 1708 г. м. 2 [копія краск. 22] и гравюры въ Лютеровомъ Апок. 1534 г. и въ Кіевскомъ изданіи Копистенскаго 1625 [сн. 271 а и б].

2) IV. «Облака, а на нихъ на престолѣ сидитъ Безначальный Отецъ; въ десницѣ держитъ закрытую книгу, запечатанную семью печатями, и Агнецъ, съ семью рогами и семью очами, упирается передними ногами въ ту книгу. Передъ престоломъ семь зажженныхъ свѣтильниковъ и море, и окрестъ Евангелическіе тетраморфы *. По обѣ стороны сидятъ на золотыхъ престолахъ двадцать четыре Старца въ бѣлыхъ одеждахъ и золотыхъ вѣнцахъ; въ правой рукѣ держатъ каждый по золотому фіалу съ ѳиміамомъ, а въ лѣвой цитру **. Подъ Отцемъ паритъ ангелъ, распростеръ въ ту и другую сторону свои руки, какъ бы молитвы святыхъ воспринимаетъ».—По недосмотру изображеніе это отнесено здѣсь только къ IV-ой главѣ, тогда какъ бо́льшею частію заимствовано оно, какъ уже сказано, изъ V-ой. Стилизація неба и ореолъ опять замѣнены облаками.

3) VI, 1-8. «Гора. На землѣ лежатъ люди, одни мертвые, другіе живые въ ужасѣ. Надъ ними одинъ человѣкъ на бѣломъ конѣ, въ коронѣ, держитъ лукъ и стрѣляетъ стрѣлою въ людей; позади его другой человѣкъ на рыжемъ конѣ съ мечемъ ***; третій сидитъ на ворономъ конѣ и держитъ въ рукѣ вѣсы. Позади его еще Смерть на блѣднозеленомъ конѣ и держитъ большую косу» †.—Коса въ рукахъ Смерти признакъ позднѣйшихъ нашихъ редакцій, равно какъ и на западѣ. По лучшимъ и древнѣйшимъ Смерть, или съ пустыми руками, или держитъ серпъ [какъ и здѣсь въ варіантѣ еписк. Порфирія], трубу, палицу.

* У Порфирія: четыре знаменія Евангелистовъ.

** Такъ у Порфирія; у Шефера: Zithern, у Дюрана: harpe.

*** У Порфирія: держащій въ рукѣ великій мечъ.

† У негоже: сидящая на блѣдномъ конѣ и держащая большой серпъ.

4) VI, 9-11. «Жертвенникъ, и подъ нимъ души святыхъ мучениковъ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ воздѣтыми руками и очами къ небу; по обѣимъ сторонамъ ихъ по ангелу, бесѣдуютъ съ ними».—Изображеніе этого видѣнія болѣе подходитъ къ нашимъ хорошимъ редакціямъ, отличаясь отъ дюжинной западной, съ раздачею одежды и съ облаченіемъ обнаженныхъ фигуръ.

5) VI, 12-17. «Темная гора и множество людей, одни какъ цари, другіе какъ вельможи, а другіе изъ простаго народа [ὡς λαϊκοὶ], скрылись въ пещерахъ, а надъ ними небо, какъ хартія, свилось, и солнце черное, и луна какъ кровь, и звѣзды падаютъ съ небесъ».

6) VII, 1-8. «Земля и море, и на четырехъ углахъ четыре Вѣтра, и четыре ангела съ мечами возбраняютъ имъ дуть. Одинъ ангелъ удерживаетъ * сѣверный вѣтеръ [βορρᾶς], другой—южный [νότος], третій—западный [ζέφυρος] и четвертый—восточный [σάνηρος]. И съ восточной стороны поднялся на облакахъ еще ангелъ, въ одной рукѣ держитъ онъ «печать Бога живаго» (X), а другую простеръ къ четыремъ ангеламъ; и подъ ними другой ангелъ, онъ помазуетъ толпу людей».—Здѣсь соединены вмѣстѣ двѣ характеристическія черты: одна изъ дюжинной западной редакціи, другая по чистому византійскому преданію. Четыре ангела съ мечами, составляющіе обыкновенную принадлежность этого сюжета въ старопечатныхъ западныхъ Апокалипсисахъ XVI в., у насъ въ лучшихъ редакціяхъ безъ мечей, и не угрожаютъ Вѣтрамъ, а держатъ ихъ въ рукахъ, иногда даже въ вогнутыхъ щитахъ, или раковинахъ, какъ въ Апок. СПБ. Q, отд. 1, №·441, XVIII в. м. 11 [сн. 209 а]. Не принимаетъ ли здѣсь Аѳонская Ерминія западную редакцію, по которой Вѣтры олицетворяются не въ цѣлыхъ человѣческихъ фигурахъ, а только въ однѣхъ головахъ, даже безъ рукъ? По крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что во фрескахъ Ватопедскаго монастыря на Аѳонѣ, въ изображеніи четырехъ Вѣтровъ принята западная форма только одной головы, а не цѣлой фигуры. См. примѣчаніе Дидрона на стр. 267.—Что же касается до печати Бога живаго, то представленіе ея въ видѣ диска, съ монограммою Христа, вполнѣ соотвѣтствуя здѣсь тексту, есть примѣта очень древняя, по преданію византійской

* У Дюрана: reticut, у Шефера: hemmt, у Порфирія: держитъ.

иконографіи. Она удержалась и у насъ въ очень хорошей редакціи СПБ. Апок. № 225, половины XVII в. м. 19, и въ Музейныхъ листахъ № 214, того же времени; а изъ позднѣйшихъ: въ моемъ Апок. 1721 г. и въ Тихонр. 1731-6 г. м. 23.

7) VII, 9-17. «Много облаковъ, и на нихъ на престолѣ сидитъ Безначальный Отецъ, а окрестъ престола четыре Евангелиста, какъ четвероообразы [τετράμορφοι] *, вокругъ лики ангеловъ. Агнецъ отверзаетъ Евангеліе **, которое Отецъ держитъ на колѣняхъ. Подъ престоломъ много народу, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ финиковыми вѣтвями въ рукахъ. И по обѣ стороны престола двадцать четыре Старца, и около нихъ святый Іоаннъ; и одинъ изъ нихъ указываетъ ему на облаченныхъ въ бѣлыя одежды».—Заслуживаетъ вниманія ландшафтная характеристика въ указаніи множества облаковъ.

8) VIII. «Небо, и вверху сидитъ на престолѣ Безначальный Отецъ въ бѣлой одеждѣ. Вокругъ его семь ангеловъ, держатъ трубы [τρουμπέταις] и ему покланяются, и еще одинъ ангелъ держитъ передъ нимъ золотую кадильницу, отъ которой поднимается куреніе. И подъ нимъ облака, а въ нихъ четыре ангела, они трубятъ и смотрятъ внизъ; подъ ними еще ангелъ, онъ простеръ одну руку, а въ другой держитъ хартію и говоритъ: «горе, горе, горе живущимъ на земли отъ прочихъ гласовъ трубныхъ тріехъ ангелъ хотящихъ трубити». И по одну сторону его солнце, черное, а по другую сторону луна, и третья часть ея въ крови ***; и много звѣздъ, и третья часть ихъ черная, и подъ ними море, и огонь смѣшался съ его волнами; а среди моря гора, и она воспламенилась отъ огня †, и корабли и барки [βάρκαις] разбиты и ниспровергнуты. И внѣ моря много горящихъ деревъ и злаковъ. И около нихъ рѣка, а посреди ея большая звѣзда въ лучахъ, и у рѣки люди, одни пьютъ, другіе лежатъ мертвые».—Что̀ здѣсь соединено въ одной картинѣ, какъ въ плохой западной редакціи Апокалипсиса Титова, № 523, второй половины XVIII в., то даже въ Лютеровомъ Апок. 1534 г. еще раздѣлено на пять гравюръ, такъ же какъ во всѣхъ нашихъ толковыхъ редакціяхъ на пять же ми-

* У Порфирія: четырезрачныя знаменія Евангелистовъ; въ изданіи Копистенскаго 1625 г. четверозрачныя, а также и четвероообразныя.

** У Порфирія: книгу съ седмью печатями.

*** У него же: кровавая луна, которой лишь четвертая часть свѣтла.

† У него же: огнедышущая гора.

ніатюръ. Западные Апокалипсисы. въ изданіяхъ XVI и XVII столѣтій, даютъ намъ наглядное понятіе. какъ на одной гравюрѣ въ ландшафтной обстановкѣ бываетъ скомкано нѣсколько апокалипсическихъ видѣній различнаго содержанія. Я не рѣшаюсь думать, чтобы авторъ Ерминіи плохо былъ знакомъ съ текстомъ Откровенія Іоанна Богослова; но позволяю себѣ утверждать, что въ описаніи этой 8-й картины онъ такъ увлекся красотою ландшафтнаго склада, что забылъ о текстѣ и нарушилъ порядокъ въ подвигахъ первыхъ четырехъ ангеловъ: начавъ съ «единаго ангела, паряща посредѣ неба» [стихъ 13], онъ остановился прежде всего на уязвленіи трети свѣтилъ [ст. 12], потомъ перешелъ къ опустошенію на морѣ [ст. 8-9], затѣмъ сказалъ о пожженіи деревъ и злаковъ [ст. 7] и наконецъ о звѣздѣ Апсинѳосѣ, которую, впрочемъ, по имени не называетъ [ст. 10-11]; т. е. сначала идетъ подвигъ Четвертаго ангела, потомъ Втораго, далѣе—Перваго и наконецъ Третьяго.— Любопытны также варіанты у Порфирія въ ихъ противорѣчіи Писанію; по тексту: затмилась *третья часть* луны, по варіанту: *четвертая часть* луны свѣтла; по тексту: гора велика *огнемъ жегома;* въ варіантѣ—*огнедышущая.*

9) IX, 1-12. «Туманъ *, и надъ нимъ ангелъ, смотритъ внизъ и трубитъ въ трубу, а въ рукѣ держитъ замо̀къ **. Подъ нимъ большой студенецъ, и поднимается изъ него много дыма, отъ котораго помрачается солнце и воздухъ. И внутри студенца большая страшная Звѣзда, помраченная дымомъ. Изнутри выходятъ Пруги, и головы у нихъ какъ человѣчье лицо, волоса женскіе, зубы какъ у льва, на головахъ золотыя короны, брони на нихъ желѣзныя, хвосты какъ у скорпіона, на концѣ съ жаломъ, и крылья у нихъ какъ у змія ***. По обѣимъ сторонамъ студенца горы, и въ нихъ лежатъ † люди» .—Туманъ и омраченіе воздуха дымомъ свидѣтельствуютъ о вкусѣ къ ландшафтной живописи. Замо̀къ или ключъ въ рукѣ ангела составляетъ примѣту особой редакціи, у насъ не принятой. Типъ

* У Шеффера: Nebel, у Дюрана: nuages, у Порфирія: съ облаковъ ангелъ смотритъ на землю.

** У Шеффера: ein Schloss, у Дюрана: une clef, у Порфирія: ключъ.

*** У Шеффера: wie die der Schlangen; у Дюрана: comme des boucliers; у Порфирія: какъ крылья аспидовъ.

† У Шеффера: Menschen liegen; у Дюрана: des hommes qui s'y cachent; у Порфирія: скрываются люди.

Пруговъ, согласный Писанію, ведетъ свое начало отъ древняго преданія, общаго какъ западнымъ раннимъ редакціямъ, такъ и нашимъ; но царь-Ангелъ Бездны, Аваддонъ, или Аполліонъ, составляющій необходимую принадлежность этого видѣнія въ нашихъ лицевыхъ рукописяхъ, здѣсь опущенъ, согласно дюжинной западной редакціи позднѣйшаго времени.

10) IX, 13-21. «Небо, и надъ нимъ Безначальный Отецъ въ бѣломъ одѣяніи, сидитъ на престолѣ, а передъ нимъ золотой жертвенникъ. Направо отъ него ангелъ, трубитъ въ трубу и смотритъ внизъ. Подъ нимъ гора и четыре ангела побиваютъ людей. Между ангелами толпа воиновъ въ желѣзныхъ броняхъ, огненныхъ и свѣтлокрасныхъ *, и въ желѣзныхъ шлемахъ съ перьями **; сидятъ на коняхъ со львиными головами и змѣиными хвостами, оканчивающимися головою. Изъ устъ ихъ исходитъ огонь и дымъ. Передъ ними куча побитыхъ людей, а другіе бѣгутъ и оглядываются назадъ».—Перья на шлемѣ, чуждыя нашему традиціонному костюму, указываютъ здѣсь на вліяніе западное.

11) X. «Небо, а подъ нимъ море и земля ***. И ангелъ одѣтъ въ облако, и лицо его сіяетъ какъ солнце, которое испускаетъ лучи, и ноги его огненныя, и правой ногой ступилъ онъ на море, а лѣвой на землю. Въ одной рукѣ онъ держитъ малую книжицу †, другую руку простираетъ къ небу. Іоаннъ, преклонившись предъ нимъ на колѣни, пріемлетъ ту книжицу».

12) XI, 1-14. «Церковь, а въ ней жертвенникъ, и Іоаннъ измѣряетъ ее жезломъ, и подъ нею стоитъ Звѣрь; на головѣ у него діадима, онъ съ крыльями. И Енохъ и Илія въ облакѣ восходятъ на небо. И близъ церкви домá, и часть ихъ въ пламени ††, и въ нихъ мертвые люди, а другіе воздѣваютъ руки и очи къ небу».—Слѣдуя нынѣ принятому раздѣленію на 22 главы, здѣсь составитель этого описанія соединилъ вмѣстѣ два видѣнія: одно относится къ Облачному ангелу, а другое къ Еноху и Иліи, и потому неудачно смѣшалъ съ измѣряемой церковью разрушающійся городъ Антихриста. Въ нашихъ ре-

* У Порфирія: въ порфировыхъ мантіяхъ.

** У Шефера: mit Federbuschen [μὲ σφηνοὐτζια]; у Дюрана эта подробность пропущена, какъ и у Порфирія.

*** У Порфирія прибавлено: и дивный ангелъ.

† У Шефера: ein Buchlein, у Дюрана: un petit livre, у Порфирія: книгу.

†† У Порфирія: нѣкоторые изъ нихъ разрушены.

дакціяхъ по толковому дѣленію оба эти видѣнія строго отдѣляются одно отъ другаго. Звѣрь объ одной головѣ, пожирающій пророковъ, а не о семи, принятъ и у насъ въ лучшихъ редакціяхъ, напр. въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, м. 30 [сн. 13]; но крылья, искажая первоначальный его типъ, составляютъ позднѣйшую прибавку, принятую въ Лютеровомъ Апок. 1534 г. въ грав. 15 и 20, и оттуда перешедшую, какъ западная порча, и къ намъ, напр. въ Хлудовск. Апок. № 358, 1708 г. м. 30 [сн. 195].

13) XI, 15-19. «Господь Богъ Іисусъ Христосъ сидитъ на облакахъ на высокомъ престолѣ; вокругъ его лики ангеловъ, и двадцать четыре Старца передъ нимъ преклонились на колѣна. По правую руку его церковь, а въ ней Кивотъ Завѣта *, весь золотой; а подъ церковью много людей; и звѣзды, и сильный градъ падаетъ съ неба» **.—Этой позднѣйшей, вовсе не характеристичной редакціи, у насъ въ лучшихъ редакціяхъ противополагается символика ранняго иконографическаго преданія; смотр. напр. въ моемъ Апок. начала XVII в. м. 32 [сн. 15], гдѣ приведены изъ нашихъ Лицевыхъ Апокк. и другія соотвѣтствующія тому символическія представленія. Сверхъ того Кивотъ Завѣта, согласно толковому счету, входитъ въ одну главу, 33-ю [XI, 19. XII, 1-6], вмѣстѣ съ видѣніемъ о св. Женѣ, такъ же какъ и въ Бамбергск. Апок. X в. м. 29.

14) XII. «Всесвятая *** на облакѣ въ красномъ одѣяніи и съ ангельскими крыльями; вокругъ ея сіянія † двѣнадцать звѣздъ, и вся она съ головы до ногъ въ лучахъ солнечныхъ. И подъ ногами ея луна. Передъ нею красный Драконъ о семи головахъ, съ семью діадимами и десятью рогами; и изъ его устъ исходитъ какъ бы рѣка, и земля разверзлась и поглощаетъ ее. И за хвостомъ Дракона множество звѣздъ. И надъ Всесвятой два ангела, держатъ на пеленѣ Христа, какъ младенца, а вокругъ ихъ многія облака».—Ограничившись только текстомъ Откровенія и не зная толкованія на него Андрея Кесарійскаго, Аѳонскій описатель апокалипсическихъ изображеній впадаетъ здѣсь въ явное противорѣчіе съ этимъ толкователемъ,

* У Шефера: die Bundeslade ganz von Gold; у Дюрана: un coffre tout en or; у Порфирія: съ золотымъ ковчегомъ.

** У Порфирія: на нихъ [т. е. на людей] съ неба падаютъ молніи и градъ.

*** Такъ у Порфирія; тоже и у Шефера: die Heiligste; у Дюрана: la Sainte Vierge.

† У Порфирія: вокругъ вѣнда ея.

принятымъ у насъ въ основу въ Лицевыхъ Апокалипсисахъ. По Аѳонскому руководству св. Жена есть Богородица, а ея Младенецъ—Іисусъ Христосъ, тогда какъ по принятому у насъ толкованію, что̀ подробно объяснено во II главѣ этого введенія, это есть Церковь и рождаемые ею во спасеніе люди. Вмѣстѣ съ противорѣчіемъ толкованію, принятому у насъ отъ Андрея Кесарійскаго, Аѳонское руководство вноситъ въ этотъ сюжетъ примѣты дюжинной западной редакціи: двѣнадцать звѣздъ въ нимбѣ св. Жены и лучи солнца вокругъ всей ея фигуры.

15) XIII. «Земля и море. Изъ моря выходитъ семиглавый Звѣрь, и знатные люди ему покланяются. Передъ нимъ на землѣ другой мéньшій Звѣрь, съ двумя бараньими рогами. И надъ ними небо; изъ него сходятъ огонь и градъ».

16) XIV, 1-13. «Высокая гора. На ней на престолѣ стоитъ Агнецъ въ сіяніи *, ногою придерживаетъ красное знамя съ водруженнымъ на вершинѣ его крестомъ. И окрестъ престола Евангелическіе тетраморфы **, а по обѣимъ сторонамъ двадцать четыре Старца. И множество ангеловъ съ цитрами ***. И тутъ же многіе юноши † въ бѣлыхъ одеждахъ, устремили они руки и очи къ Агнцу. Подъ ними облака, и на нихъ три ангела, смотрятъ внизъ. Одинъ держитъ открытое Евангеліе и говоритъ ††: «Убойтеся Бога, и дадите ему славу, яко пріидетъ часъ суда его» [XIV, 7]. Другой съ правой стороны его указываетъ одною рукою внизъ, а въ другой держитъ хартію и говоритъ: «Паде, паде Вавилонъ градъ великій» [XIV, 8]. И еще ангелъ по лѣвую сторону простеръ одну руку, а въ другой держитъ хартію и говоритъ: «Иже аще кто поклоняется звѣрю и иконѣ его, и пріемлетъ начертаніе на челѣ своемъ или на руцѣ своей: и той имать пити отъ вина ярости Божія» [XIV, 9 и 10]. Подъ ними Вавилонъ въ развалинахъ».—Упо-

* У Шефера: nimbus, у Дюрана: un couronne, у Порфирія: вѣнецъ. Я предпочитаю переводъ Шефера, ибо Агнецъ короны не носитъ; *διάδημα* значитъ и сіяніе, и корона, какъ у насъ вѣнецъ.

** У Порфирія: четырезрачныя знаменія Евангелистовъ

*** Такъ у Порфирія; у Шефера: Zithern, у Дюрана: harpes.

† Такъ у Шефера: [viele Junglinge], но у Дюрана: grand nombre des vierges vêtues de blanc; по Вульгатѣ: virgines enim sunt [XIV, 4]. Но погречески: *παρθένοι γάρ εἰσιν*, не отъ существительнаго имени, а отъ прилагательнаго *παρθένος*, въ смыслѣ *παρθένιος*: дѣвственницы, по нынѣ принятому переводу, или унотою бо суть—по древнему. У Порфирія: дѣвственники.

†† У Порфирія: въ которомъ [т. е. въ Евангеліи] написано.

мянутые здѣсь аттрибуты Агнца—знамя и на немъ крестъ, ведутъ свое начало на западѣ съ древнѣйшихъ временъ и удерживаются въ старопечатныхъ лицевыхъ изданіяхъ; но въ нашихъ редакціяхъ не приняты.

17) XIV, 14-20. «Облака, на нихъ Іисусъ Христосъ въ вѣнцѣ, держитъ въ рукѣ острую и большую косу *, и, протягивая ее къ землѣ, коситъ. И еще ангелъ также держитъ косу и срѣзываетъ гроздіе и выжимаетъ его въ точилѣ, и выходитъ кровь вмѣсто вина. И надъ ними небо, надъ небомъ церковь и въ церкви олтарь; и изъ церковныхъ вратъ идетъ ангелъ, смотритъ на Христа, одну руку простеръ къ нему, а въ другой держитъ свитокъ и говоритъ: «Посли серпъ ** твой, и жни, яко пріиде часъ пожати» [XIV, 15]. И другой ангелъ идетъ отъ алтаря и смотритъ на того ангела, который собираетъ грозды, и одною рукою указываетъ на нихъ, а въ другой держитъ свитокъ и говоритъ: «Посли серпъ твой острый, и объемли грозды винограда земнаго» [XIV, 18].—Здѣсь двѣ примѣты указываютъ на сродство Аѳонскаго руководства съ западными старопечатными изданіями. Вопервыхъ, вмѣсто серпа большая коса, которую Іисусъ Христосъ не только держитъ въ рукѣ, но и спускаетъ ее на землю, чтобы ею косить: тоже самое видимъ въ Нюренбергской Библіи 1483 г., и въ Венеціанской 1492 г., въ гравюрѣ, соединяющей нѣсколько сюжетовъ въ гл. XVII, такъ что Аѳонскій авторъ въ этомъ случаѣ будто имѣлъ подъ руками то или другое изъ этихъ изданій, а не настоящій традиціонный Апокалипсисъ, принятый въ основу нашими редакціями. И на западѣ, начиная отъ Бамбергскаго Апок. X в., м. 36, и до Лютеровой Библіи 1534 г. и въ разныхъ позднѣйшихъ изданіяхъ, постоянно держитъ Господь Богъ не косу, а серпъ, какъ и въ нашихъ редакціяхъ; сказанныя же Библіи, Нюренбергская и Венеціанская, относясь къ особенной, самостоятельной редакціи во всемъ прочемъ, и здѣсь отличаются собственною примѣтою въ замѣнѣ серпа косою. Заслуживаетъ вниманія варіантъ у Порфирія: «держа въ рукѣ своей большой острый серпъ, и готовясь повергнуть его на землѣ для жатвы».

* У Шеффера: grosse Sense [τὸ δρέπανον]: er hält sie auf die Erde und mäht; у Дюрана: une grande faux tranchante; il la passe sur la terre et il moissonne; У Порфирія: держа въ рукѣ своей большой острый серпъ и готовясь повергнуть его на землю для жатвы.

** У Шеффера: Sichel, у Дюрана: faux, у Порфирія: серпъ.

Или такъ значилось въ оригиналѣ, которымъ пользовался нашъ Епископъ, или же онъ самъ заблагоразсудилъ исправить безсмысленное новшество, перешедшее въ стѣнную живопись Аѳонскую изъ какой нибудь нѣмецкой или итальянской гравюры, а оттуда внесенное въ Ерминію. Вовторыхъ, въ Аѳонскомъ руководствѣ, такъ же какъ и въ дюжиной западной редакціи, опущена одна подробность, постоянно удерживаемая въ нашихъ лицевыхъ Апокалипсисахъ, а равно и въ западныхъ древнѣйшихъ, напр. въ Пражскомъ XIV в. стр. 172, именно изображеніе коней въ кровавомъ потокѣ, согласно Писанію, XIV, 20.

18) XV и XVI. «Гора и много людей; одни лежатъ на землѣ, другіе въ безчувствіи, покрытые ранами, смотрятъ вверхъ. Посреди ихъ Антихристъ * сидитъ на престолѣ, и Звѣрь съ крыльями и въ коронѣ, и семиглавый Драконъ. Изъ ихъ устъ исходятъ три нечистые духа, какъ жабы. Около разрушенный городъ и море, и рѣки какъ кровь **, и великая рѣка Евфратъ изсохла. Вверху небо, и солнце испускаетъ длинные лучи на людей ***, а съ неба падаетъ градъ. Надъ небомъ Скинія Свидѣнія, и изъ нея исходятъ семь ангеловъ въ бѣлыхъ одеждахъ, подпоясаны золотыми поясами. И первый ангелъ льетъ свой сосудъ на землю и на людей, вторый въ море, третій въ рѣки, четвертый на солнце, пятый на престолъ Антихриста, шестый въ рѣку Евфратъ, седьмый на воздухъ».—Въ греческомъ оригиналѣ, равно какъ и у всѣхъ троихъ переводчиковъ, эта рубрика означана только главою XV-ою, изъ которой приведенъ первый стихъ. Я ставлю главы XV и XVI, потому что въ этомъ описаніи иллюстрирована вся XVI глава, а изъ XV-ой приведено немногое. Опять даются здѣсь крылья Звѣрю, согласно не съ Писаніемъ и нашимъ иконографическимъ преданіемъ, а съ западною редакціею, принятою въ Лютеровой Библіи 1534 г. и въ другихъ позднѣйшихъ.

19) XVII. «Семь вершинъ горы, на нихъ семиглавый Звѣрь съ десятью рогами. На Звѣрѣ сидитъ Жена въ тройной коронѣ и въ златотканныхъ одеждахъ. Въ правой рукѣ держитъ она золотой сосудъ и подноситъ десяти царямъ, которые сто-

* У Шефера: Antichrist, у Дюрана: Christ.

** Рѣкъ у Порфирія нѣтъ

*** Такъ у Порфирія; у Шефера: die Sonne hat grosse Strahlen, welche gegen die Himmel gerichtet sind; у Дюрана: le soleil, ayant de grands rayons, qui se dirigent vers les cieux.

ятъ и смотрятъ на него. Позади Звѣря князья и вельможи и великое множество народа. Надъ Женою надписано: «Вавилонъ великій, мати любодѣицамъ и мерзостемъ земскимъ» [XVII, 5].—Здѣсь надобно сдѣлать два очень важныхъ замѣчанія о двухъ примѣтахъ, свидѣтельствующихъ о самостоятельной редакціи, къ которой принадлежатъ обѣ эти примѣты. Вопервыхъ, здѣсь стоитъ Звѣрь не на морѣ, какъ принято у насъ и на западѣ, а на семи горныхъ вершинахъ, по тексту: «седмь главъ, горы суть седмь, идѣже жена сѣдитъ на нихъ»; равно какъ десять царей по тексту: «и десять роговъ, яже видѣлъ еси, десять царей суть», XVII, 9 и 12. Вовторыхъ, на Любодѣицѣ тройная, или трехъярусная корона, такъ же какъ и у насъ въ Филаретовско-Чудовской редакціи, м. 53, и въ многочисленныхъ позднѣйшихъ копіяхъ. У насъ эта послѣдняя примѣта является особнякомъ, такъ какъ Любодѣица ѣдетъ по морю; въ Аѳонскомъ руководствѣ подобію папской тіары соотвѣтствуетъ и символика семи горныхъ вершинъ, знаменующихъ семихолмный Римъ.

20) XVIII и XIX, 1-6. «Земля и горы и море и городъ, сожигаемый огнемъ *, и пламя поднимается на воздухъ. Вдали стоятъ цари и вельможи и купцы, смотрятъ на городъ и плачутъ, одни рвутъ на головѣ волосы, другіе бьютъ въ перси свои, еще другіе обращаютъ руки и очи вверхъ; тутъ же много и другаго народа. Надъ ними небо, и изъ него спускается ангелъ, окруженъ яркимъ сіяніемъ, правою рукою онъ указываетъ на городъ, въ лѣвой держитъ хартію и говоритъ: «Паде, паде Вавилонъ великій» [XVIII, 2]. И близъ него другой ангелъ на облакѣ, бросаетъ въ море камень, какъ жерновъ, и держитъ хартію, и говоритъ: «Тако стремленіемъ ввержень будетъ Вавилонъ градъ великій, и не имать обрѣстися ктому» [XVIII, 21]. И подъ этими ангелами другія темныя облака, которыя извергаютъ градъ и огонь на море и землю. И надъ небомъ сидитъ на престолѣ Безначальный Отецъ, и подлѣ престола два ангела держатъ хартію, и тотъ, который направо, говоритъ: «Пойте Господу нашему вси раби его» [XIX, 5]; а тотъ, который налѣво, говоритъ: «И боящіися его, и маліи и велиціи» [XIX, 5]. И окрестъ престола Евангелисты въ тетра-

* У Порфирія: *Пылаютъ горы, земля, море и городъ.*

морфѣ *, и лики ангеловъ, и множество другихъ ** въ бѣлыхъ одеждахъ, держатъ хартіи и говорятъ: «Аллилуіа: спасеніе и слава и честь и сила Господу нашему; яко судилъ есть Любодѣицу велику, яже посмради землю любодѣяніемъ своимъ, и отмстилъ кровь рабовъ своихъ отъ руки ея, Аллилуіа» [XIX, 1 и 2]. И двадцать четыре Старца покланяются ему и говорятъ: «Аминь, Аллилуіа» [XIX, 4].

21) XIX, 11-21. «Небо отверсто, изъ него явился на облакахъ Христосъ; онъ сидитъ на бѣломъ конѣ, въ багряной одеждѣ, съ вѣнцомъ на головѣ, и изъ устъ его исходитъ острый и великій мечъ, а надъ нимъ написано: «Іисусъ Христосъ, Слово Божіе, Царь царемъ и Господь господемъ» [XIX, 13 и 16]. За нимъ слѣдуетъ его воинство, на бѣлыхъ коняхъ, въ бѣлыхъ одеждахъ и золотыхъ шлемахъ, подпоясаны золотыми поясами, съ вострыми мечами. А передъ ними цари и вожди и воины, на черныхъ коняхъ съ мечами, бѣгутъ, какъ побѣжденные ***, озираясь назадъ. Другіе распростерты по землѣ убитые. Плотоядныя птицы пожираютъ ихъ трупы. И надъ ними стоитъ ангелъ на солнцѣ, смотритъ на птицъ и говоритъ въ своей хартіи: «Пріидите и соберитеся на вечерю великую Божію, да снѣсте плоти царей и плоти крѣпкихъ» [XIX, 17 и 18]. И около побѣжденныхъ людей адъ и огненная рѣка, и два ангела низвергаютъ въ нее семиглаваго Звѣря и Антихриста».

22) XX, 1-10. «Небо и изъ него вышелъ ангелъ; въ одной рукѣ держитъ онъ ключъ, а другою взялъ дьявола, и ниспровергъ его въ всепожирающій адъ».—Здѣсь принята западная редакція въ замѣнѣ апокалипсическаго Змія дьяволомъ, какъ у Лютера въ грав. 24-ой, [сн. 275 а], перешедшей въ Соловецкій юсов. Апок. XVI в., м. 60 [сн. 75]. У насъ, согласно Писанію, ангелъ связываетъ Великаго Змія, а разрѣшаетъ его въ видѣ Сатаны. Слич. въ моемъ юсовомъ Апок. XVI, мм. 3 и 66 [сн. 93].

23) XX, 11-15. «Христосъ сидитъ на бѣломъ престолѣ, и вокругъ его лики ангеловъ и т. д., остальное, какъ во Второмъ

* У Порфирія: *четырезрачныя знаменія Евангелистовъ.*

** У Порфирія: *многочисленныя души.*

*** Такъ у Порфирія; у Шефера: auf hohen Pferden sitzen und Schwerter halten; wie Siegreiche rennen sie; у Дюрана: montés sur des chevaux de haute taille. Ils portent des épées; comme des hérauts de victoire.

Пришествіи». Предлагаю здѣсь описаніе этого предмета: «Христосъ въ бѣлой одеждѣ сидитъ на огнезрачныхъ и херувимскихъ престолахъ, блистая какъ молнія среди солнца, луны и звѣздъ, а передъ нимъ его знаменіе, т. е. крестъ; одесную его, яко царица, рождшая его, приснодѣва Богородица. Окружаемый архангельскими и ангельскими небесными воинствами, съ псалмами и пѣснями и органами, во славѣ грядетъ на облакахъ небесныхъ и благословляетъ своими пренепорочными руками *, а на персяхъ имѣетъ открытое Евангеліе, и глаголетъ: «Пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе»; также: «идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный» [Матѳ. XXV, 34 и 41]. А надъ нимъ написано: «Іисусъ Христосъ, слава и радость праведныхъ». Всѣ святые, божественною силою его воспарившіе отъ земли на небо, на облакахъ встрѣчаютъ его въ такомъ порядкѣ: 1) ликъ Апостоловъ, 2) ликъ Праотцевъ, 3) ликъ Патріарховъ, 4) ликъ Пророковъ, 5) ликъ Святителей, 6) ликъ Мучениковъ, 7) ликъ Преподобныхъ, 8) ликъ благочестивыхъ Царей, 9) ликъ Мученицъ и преподобныхъ женъ. И каждый изъ нихъ несетъ свою добродѣтель въ видѣ вѣтви въ рукахъ **. Подъ ними паритъ ангелъ и трубитъ въ послѣднюю трубу. Подъ нимъ земля съ городами и селеніями ***; также и море съ кораблями и ладьями; и они мгновенно отдаютъ своихъ мертвецовъ. И мертвые, воставшіе изъ гробовъ и отъ водъ, въ изумленіи отлучаются одни отъ другихъ † и подъемлются въ облакахъ. Одни идутъ предъ лице Господа, другіе остаются на мѣстѣ судномъ. И вдали пророки съ хартіями, и глаголютъ: Исаія: «Господь на судъ пріидетъ на старѣйшины людей и съ князи ихъ» [III, 14]; Іоиль: «Да востанутъ и взыдутъ вси языцы на юдоль Іосафатову» [III, 12]; Даніилъ: «Мнози отъ спящихъ въ земнѣй персти востанутъ, сіи въ жизнь вѣчную, а оніи во укоризну и стыдѣніе вѣчное» [XII, 2].—По ликамъ святыхъ разнаго чина, съ этой

* У Шефера: mit seinen ganz unbefleckten Händen; у Дюрана: de ses mains toutes-puissantes.

** *И каждый изъ нихъ—вѣтви въ рукахъ.* Такъ у Шефера и Дюрана, но у Порфирія все это опущено.

*** У Шефера: und anderen Wohnungen; у Дюрана: et ses autres richesses.

† Такъ у Шефера; у Порфирія: *выходятъ изъ гробовъ и изъ водъ въ великомъ изумленіи, отдѣльно одинъ отъ другаго;* у Дюрана: ils sont remplis de crainte, et leur expression est très différente.

редакціей, до нѣкоторой степени, согласуется принятая въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, м. 72; что же касается до ландшафтнаго представленія земли и моря, усвоеннаго въ Аѳонскомъ руководствѣ, въ стилѣ позднѣйшихъ западныхъ иллюстрацій, то у насъ этому способу представленія во всѣхъ хорошихъ редакціяхъ противополагаются символическія олицетворенія моря и земли въ видѣ человѣческихъ фигуръ.

24) XXI. «Городъ Іерусалимъ украшенъ драгоцѣнными камнями, какъ позлащенный четвероугольникъ *, съ двѣнадцатью вратами: на востокъ трое воротъ, на сѣверъ трое воротъ, на югъ трое воротъ, на западъ трое воротъ. И при каждыхъ вратахъ стоитъ ангелъ, съ золотымъ жезломъ въ правой рукѣ и съ печатью Бога живаго въ лѣвой (X). Св. Іоаннъ стоитъ на высокой горѣ и смотритъ на Іерусалимъ. Надъ нимъ разверзлось небо, и Іисусъ Христосъ сидитъ на престолѣ, отъ котораго исходитъ необычайный свѣтъ на городъ; вокругъ Христа лики ангеловъ и святыхъ, и двадцать четыре Старца. Ангелъ съ неба смотритъ на Іоанна и указываетъ ему на городъ и говоритъ въ хартіи: «Се скинія Божія» [XXI, 3]. И другой ангелъ держитъ золотую трость и измѣряетъ ею святый градъ Іерусалимъ».—Въ этомъ описаніи, впрочемъ, не представляющемъ ничего особеннаго, останавливаетъ на себѣ вниманіе выраженіе: какъ позлащенный четвероугольникъ, которое напоминаетъ болѣе живопись на стеклѣ въ одной французской церкви 1606 г. [сн. 227 б], нежели архаическую форму Горняго Іерусалима, принятую въ нашихъ лучшихъ редакціяхъ, еще по преданію античному [снн. 247 б, в]. Вмѣсто одного только Агнца, по Писанію [XXI, 22], какъ въ моемъ юсов. Апок. XVI в., м. 73, здѣсь, по позднѣйшему представленію, Горній Іерусалимъ наполненъ множествомъ лицъ, какъ напр. въ Чудовскомъ Переводѣ, м. 67 [сн. 119].

Къ переводу Аѳонскаго текста Дидронъ приложилъ обширныя примѣчанія иконографическаго содержанія, которыя сполна удержалъ въ своемъ изданіи и Шеферъ. Хотя примѣчанія эти предлагаютъ нѣсколько полезныхъ данныхъ вообще для сравнительнаго изученія апокалипсической иконографіи, но мало объясняютъ характеръ и достоинство редакціи Аѳонской. Я нахожу нужнымъ привести здѣсь только то, что̀ говоритъ Ди-

* Такъ у Шефера: als ein vergoldetes Viereck; у Дюрана это пропущено.

дронъ объ отличіи нашего православнаго востока отъ католическаго запада, по отношенію къ Лицевымъ Апокалипсисамъ. Не располагая достаточными свѣдѣніями въ историческомъ развитіи апокалипсической иконографіи на западѣ и будучи введенъ въ заблужденіе плохою редакціею Аѳонскою, онъ въ своей католической ревности приходитъ къ вовсе не заслуженному порицанію византійскаго способа представленія священныхъ предметовъ. А именно.

По поводу обоюдуостраго меча въ картинѣ 1-ой Дидронъ замѣчаетъ: «Le glaive à deux tranchants qui sort de la bouche du Christ a été figuré de deux maniére. Tantôt c' est un double glaive sortant, à droite et à gauche, de la bouche divine, qui le retient par la pointe. Tantôt c' est une épée seule, mais coupant des deux côtée, et que Dieu semble tenir entre ses dents. Le Christ est figuré ainsi sur un vitrail du XIII siècle qui est dans la cathédrale de Bourges; on le voit avec deux glaives sur une sculpture encastrée dans le mur du latéral gauche, à la cathédrale de Paris. Nous avons constaté qu' un sentiment de dureté, de cruauté même, attristait très-souvent les représentations figurées des Grecs; chez nous, surtout en Franse, c'est le contraire. Ainsi, dans l'ancienne église collégiale de Champeaux, prés de Melun, on voit sur un vitrail le Christ jugeant le monde. Le glaive apocalyptique sort de la bouche de Dieu; mais il est unique et non double, et il est tourné à gauche, du côté des damnés. A droite, du côté des élus, ce n'est pas le second glaive qui s'échappe de la bouche de Dieu, mais une branche de lis chargés de fleurs». Стр. 240. Это порицаніе византійскаго искусства въ жестокости вовсе къ нему не относится. Наши Лицевые Апокалипсисы никогда не изображаютъ Іисуса Христа или Еммануила съ двумя мечами, а всегда съ однимъ, который исходитъ изъ устъ впередъ остреемъ. Два меча, одинъ исходящій направо, другой налѣво, есть именно примѣта западная, какъ напр. въ Пражскомъ Апок. XIV в. стр. 11 [сн. 261 а], гдѣ оба они касаются головы Іисуса Христа остреями, а идутъ впередъ рукоятями. Западную же примѣту составляетъ способъ держанія меча въ зубахъ поперекъ, такъ что съ одной стороны торчитъ острее, а съ другой рукоять; см. въ томъ же Пражск. Апок. стр. 299 [сн. 261 б], согласно съ Бамбергскимъ Апок. X в. м. 2. Что же касается до приведенной Дидрономъ лиліи, то эта прибав-

ка относится къ сентиментальнымъ измышленіямъ готическаго стиля. При сравненіи нашей иконографіи съ западною надобно строго отличать въ послѣдней періоды: романскій, готическій и Возрожденія, чего, впрочемъ, Дидронъ не дѣлаетъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ Аѳонскому Апокалипсису.

Въ картинѣ 2-ой, по поводу тетраморфовъ, Дидронъ порицаетъ Византійское искусство въ нелѣпости и чудовищности. Воздавъ западному искусству справедливость въ натуральности, онъ продолжаетъ: «Quant aux Grecs, voisins de l' Asie, où les monstruosités symboliques ont pris naissance, où les dieux portent plusieurs bras, ils n' ont pas reculé devant l'absurde; ils ont trouvé tout simple qu' un boeuf eût des ailes, et même qu' il en eût trois paires. Il y a mieux: par amour pour l'allégorie hors de nature, ils ont menti au texte sacré. C'est Ezéchiel qui parle des tetramorphes des animaux à quatre têtes, et non Saint Jean; Saint Jean donne six ailes à ses animaux, mais une tête seulement. Cependant, dans ce passage de l' Apocalypse qu' ils traduisent en peinture, les Grecs donnent quatre têtes à chacun des attributs». Стр. 241. Сначала замѣчу здѣсь непонятное мнѣ противорѣчіе: сначала сказано въ укоризну Грекамъ, что они по азіатскому взгляду на вещи даютъ Тельцу три пары крыльевъ, а потомъ дается совѣтъ не удаляться отъ Писанія и слѣдовать Евангелисту Іоанну, который даетъ символическимъ животнымъ тоже по шести крыльевъ. Аѳонское руководство въ описаніи Апокалипсиса не даетъ точнаго понятія, какъ здѣсь надобно понимать Евангелическіе тетраморфы, или Евангелистовъ, какъ тетраморфы [τετράμορφοι], то есть, въ первоначальномъ ли смыслѣ тетраморфа въ видѣ одной фигуры, сложенной изъ всѣхъ четырехъ символическихъ животныхъ *, какъ въ данномъ случаѣ понимаетъ Дидронъ, или—что по моему гораздо вѣроятнѣе, въ смыслѣ отдѣльно взятыхъ четырехъ Евангелистическихъ символовъ, почему они и называются въ Аѳонскомъ руководствѣ Евангелическими тетраморфами. Какъ бы то ни было, но ограничивать областью византійскаго искусства употребленіе символической формы, сложенной изъ человѣческой фигуры съ крыльями и изъ головы животнаго, и заключить отсюда о нелѣпой чудовищности этого искусства—значитъ не знать исторіи иконографіи вообще, какъ восточной, такъ и западной. Этотъ

* Westwood, Fac-similes of the miniat. a ornam. London 1868, pl. 20.

символъ одинаково принадлежитъ не только востоку, но и западу, какъ въ стилѣ романскомъ, такъ даже и въ готическомъ. Никто изъ знатоковъ искусства не отказываетъ въ изяществѣ миніатюрамъ знаменитой Страсбургской рукописи Hortus Deliciarum XII в., и однако въ ней не только принятъ Евангелистическій тетраморфъ, но ему дано особенное примѣненіе въ нѣсколько измѣненной формѣ: это животное съ четырьмя головами—орлиной, тельчьей, львиной и человѣчьей, на которомъ сидитъ апокалипсическая св. Жена, т. е. Церковь [сн. 243 б]*. Въ западномъ Апокалипсисѣ по нѣкоторымъ изъ древнѣйшихъ лицевыхъ редакцій, съ точки зрѣнія Дидрона, заслуживали бы Евангелистическіе символы бо́льшаго порицанія въ искаженіи природы и въ чудовищности, нежели въ нашихъ. Тамъ каждый изъ нихъ состоитъ изъ человѣческой фигуры и изъ головы того или другаго изъ четырехъ животныхъ, какъ напр. въ Альтамировскомъ Апок. XII в. м. 40 [сн. 260], въ Пражскомъ Апок. XIV в. стр. 31 и 32. Что же касается до нашихъ Лицевыхъ Апокк., то въ нихъ символическія фигуры не составныя, а цѣльныя, т. е. просто то или другое животное, то́лько съ крыльями; а какъ орелъ уже по своей природѣ снабженъ крыльями, то является совсѣмъ въ натуральномъ видѣ, тогда какъ въ названной миніатюрѣ Альтамировскаго Апок. изображенъ человѣкъ съ орлиною головою. Вообще отыскивать нелѣпое и чудовищное въ символическомъ стилѣ—значитъ не понимать иконографіи.

Въ примѣчаніи къ картинѣ 14-ой, по поводу Богородицы и Христа-Младенца, помѣщенныхъ здѣсь, какъ показано, въ противность нашему греко-русскому апокалипсическому преданію, Дидронъ открываетъ еще новую слабую сторону въ греческой иконографіи, именно невниманіе и неуваженіе къ тексту, воспроизводимому въ изображеніи. «Les Grecs, говоритъ онъ, sont prompts au symbolisme; ils font, immédiatement et sans transition, l'application à la vierge Marie de touts les attributs qui distinguent la femme mystérieuse de l' Apocalypse. Chez nous, on est ordinairement plus fidèle au texte, et on laisse à chacun le mérite de faire l'application symbolique. L' enfant que l'ange enlève au ciel est assez souvent sans le nimbe crucifère qui devrait le caractériser, puisque cet enfant est Iésus; et la femme ailée n'a

* Twining, Symbols and Emblems, табл. II.

pas toujour le nimbe, attribut qui lui appartient cependant, puisque s'est la Uierge. On s'en est tenu à la lettre; sans le découvrir, on se contente de laisser deviner le symbole». Стр. 250. Я даже не понимаю, въ чемъ тутъ состоитъ причина обвиненія Грековъ. Обвинитель самъ утверждаетъ, что въ этомъ видѣніи должны быть представлены Божія Матерь и Іисусъ-Младенецъ, но что на западѣ иногда оба эти типа означены не ясно, тогда какъ здѣсь они опредѣлены во всей точности. Но такъ какъ и обвинитель и обвиняемые въ данномъ случаѣ одинаково ошибаются, и ошибка въ Аѳонское руководство внесена изъ позднѣйшихъ иллюстрацій западныхъ, то только этихъ послѣднихъ и можетъ касаться обвиненіе Дидрона, однако не въ томъ смыслѣ, какой онъ даетъ своему обвиненію. Что касается до нашего Лицеваго Апокалипсиса по его лучшимъ редакціямъ, то, слѣдуя толкованію Андрея Кесарійскаго, всѣ онѣ изображаютъ въ св. Женѣ Церковь, а не Богородицу, что̀ принято и на западѣ въ раннихъ редакціяхъ, и сверхъ того вошло въ основу символическаго представленія Христіанской Церкви въ противоположность Іудейской синагогѣ, въ видѣ двухъ женщинъ, стоящихъ по сторонамъ распятія. Въ такомъ же точно типическомъ представленіи Церкви съ знаменіемъ и потиром и съ текстомъ изъ Апок., относящимся къ св. Женѣ [XII , изображена она въ миніатюрѣ Кремсмюнстерской рукописи XIV в. [сн. 243 а] *. Если же Дидронъ хочетъ бросить тѣнь вообще на толкованія св. Писанія, съ которыми греческіе и русскіе миніатюристы соображаются въ своихъ иллюстраціяхъ, то это была общая система представленія апокалипсическихъ сюжетовъ и на западѣ, гдѣ встрѣчаемъ Лицевые Апокк.: Альтамировскій XII в. съ толкованіемъ монаха Беата, Пражскій XIV в. съ разными ухищреніями Францисканскаго толкователя, проведенными по всей иллюстраціи этой рукописи, наконецъ Инкунабулы XV в., по древнѣйшей редакціи, съ постоянными толкованіями, которыя вмѣстѣ съ текстомъ помѣщаются въ самыхъ рамкахъ гравюръ. Строгое наблюденіе текста и, по возможности, точная передача его въ изображеніяхъ составляетъ основную черту нашего греко-русскаго Лицеваго Апокалипсиса во всѣхъ его хорошихъ редакціяхъ; въ ошибкахъ же противъ св. Писанія Дидронъ долженъ бы обвинить тѣхъ составителей

* Heider, Beiiage zur Christlichen Typologie. Wien 1861, табл. IV.

западныхъ Апокалипсисовъ, которые стали уклоняться отъ иконографическаго преданія, общаго для всего христіанскаго міра, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ. Впрочемъ, столько же заслуживаетъ обвиненія въ этомъ отношеніи и самъ обвинитель, когда въ своей Исторіи Господа Бога онъ рѣшительно утверждаетъ, что «la femme apocalyptique est dont bien la figure de la Uierge Marie, comme nous l'a déjà montré le vitrail de Moulins» *.

Особенно невыгодно пришлось Дидрону поплатиться за примѣчаніе къ картинѣ 17-ой, по поводу к о с ы, которою, согласно съ редакціею Нюренбергской и Венеціанской Библій, конца XV в., замѣненъ здѣсь постоянно принятый во всѣхъ нашихъ Лицевыхъ Апок. серпъ, такъ же какъ и въ древнѣйшихъ и лучшихъ редакціяхъ западныхъ. Этотъ частный случай, противный преданію греко-русской апокалипсической иконографіи, Дидронъ возвелъ въ общее правило, опредѣливъ его въ слѣдующихъ словахъ: «Au lieu d'une faux [у Шефера: statt einer Sense], c'est une faucille [у Шефера: eine Sichel], que nos artistes mettent entre les mains du Fils de l'homme: ainsi le voit-on dans un vitrail de la Sainte-Chapelle, à la rose occidentale; ainsi est-il dans un vitrail de la cathédrale d'Auxerre, au latéral du choeur; ainsi Jean Cousin l'a-t-il figuré dans son Iugement dernier. Non-seulement le Christ, mais les anges eux-mêmes qui réveillent les morts sont armés de faucilles dans le tableau de Cousin. La faux que les Grecs donnent au Christ est plus noble. Chez nous, l'ange qui coupe les raisins, et auqual le Guide attribue une faux, ne tient pas même toujours une faucille; il a quelquefois une simple serpette» [у Шефера: ein einfaches Gartenmesser].

Послѣ всего сказаннаго едва ли нужно распространяться о томъ, что описанный въ Ерминіи Лицевой Апокалипсисъ относится къ такой дюжинной и испорченной западнымъ вліяніемъ редакціи, что о немъ вовсе не слѣдовало бы и говорить здѣсь, если бы это Аѳонское руководство еще не пользовалось и доселѣ незаслуженною репутаціею православнаго Уложенія нашей восточной иконографіи.

* Didron, Histoire de Dieu, Paris 1843, стр. 141.

VI

Общее обозрѣніе редакцій Русскаго Лицеваго Апокалипсиса.

Въ лицевыхъ рукописяхъ, а также и въ старопечатныхъ изданіяхъ съ гравюрами, надобно отличать редакцію отъ перевода. Редакція опредѣляется такими основными, характеристическими признаками, которые исключительно принадлежатъ той или другой иллюстраціи, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ, и, распространяясь на цѣлый рядъ, болѣе или менѣе близкихъ къ оригиналу лицевыхъ копій, распредѣляютъ весь изслѣдуемый матеріалъ на разряды. Признаки эти состоятъ: въ выборѣ извѣстныхъ сюжетовъ и въ способѣ ихъ представленія, въ отношеніи ихъ къ тексту и, наконецъ, въ самомъ количествѣ миніатюръ или гравюръ, а иногда и въ ихъ форматѣ. Переводами называются болѣе или менѣе переиначенныя копіи. Если въ нихъ удерживается почти тотъ же рисунокъ, то переводы такъ и называются копіями, какова напр. моя рукопись 1705 г. въ отношеніи къ моему же юсовому Апок. XVI в. Если же, при удержаніи всѣхъ основныхъ признаковъ редакціи, миніатюры отличаются другимъ размѣщеніемъ подробностей сюжета, выпускомъ нѣкоторыхъ или прибавленіями коекакихъ новыхъ, то такую копію называютъ переводомъ, каковъ напр. Чудовскій Переводъ 1638 г., относящійся къ редакціи Филаретовскаго экземпляра.

За исключеніемъ списковъ редакціи Филаретовско-Чудовской, между всѣми прочими, извѣстными мнѣ Лицевыми Апокалипсисами, вполнѣ рабскихъ копій не замѣчается. Каждый изъ

нихъ отличается отъ принятыхъ имъ основъ извѣстной редакціи не только самостоятельностью переводовъ, но и внесеніемъ своихъ особенностей въ тотъ или другой сюжетъ. Это же надобно сказать даже и о такихъ близкихъ копіяхъ, какъ названная выше моя рукопись 1705 г., или какъ Апокк. СПБ. F, Отд. I, № 70 и Синод. Библіот. № 106 [по прежн. катал. № 5], при родственномъ имъ, по редакціи, Подносномъ экземплярѣ МДА. № 14, всѣ три второй половины XVII в.

Вообще должно сказать, что неисчерпаемое разнообразіе въ подробностяхъ, предлагаемое иллюстраціями даже одной и той же редакціи, свидѣтельствуя о богатствѣ матеріаловъ, имѣвшихся подъ руками у нашихъ иконописцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ въ пользу ихъ бо́льшей самодѣятельности и даже, до извѣстной степени, свободы въ изобрѣтеніи, нежели какъ объ этомъ полагаютъ.

Разнообразіе матеріаловъ осложняется источниками, отъ которыхъ они исходятъ; именно: или изъ родственныхъ преданій византійской иконографіи, или отъ вліянія западныхъ иллюстрацій позднѣйшаго стиля эпохи Возрожденія, или же наконецъ, отъ собственнаго изобрѣтенія самихъ иконописцевъ нашихъ.

Хотя, какъ уже сказано выше, западное вліяніе замѣтною полосою проходитъ черезъ всю исторію нашего Лицеваго Апокалипсиса, начиная съ XVI в., однако оно никогда не составляло у насъ основнаго принципа для происхожденія и образованія самостоятельной редакціи, а входило, какъ болѣе или менѣе распространенный элементъ, уже въ готовыя редакціи, составленныя первоначально внѣ условій этого вліянія, и бо́льшею частію ограничивалось оно, какъ уже замѣчено прежде, очень немногими апокалипсическими сюжетами, а особенно— костюмомъ и внесеніемъ натурализма и искусственныхъ пріемовъ живописи. Словомъ, западная примѣсь составляетъ у насъ признакъ не редакціи, а переводовъ, даже напр. въ такихъ олатыненныхъ иллюстраціяхъ, какъ Соловецкій юсовой Апок. XVI в. и Тихонрав. № 5 половины XVII в.

Точно также и личное участіе мастера, выражаемое въ складѣ и по́шибѣ той или другой изъ нашихъ иконописныхъ школъ, ограничивается преимущественно видоизмѣненіемъ переводовъ, не касаясь существа самой редакціи, которая была уже дана преданіемъ.

Впрочемъ, на долю личной самодѣятельности мастера предоставлялось собирать въ одно цѣлое матеріалы разнаго происхожденія и давать имъ единство внѣшняго по́шиба, дополнять одну редакцію другой, буде въ его оригиналѣ не доставало какихъ либо миніатюръ, или замѣнять одинъ переводъ другимъ, который почему либо казался лучше, и наконецъ прибѣгать и къ собственному изобрѣтенію, особенно въ тѣхъ случаяхъ, если оригиналъ отъ ветхости былъ не разборчивъ, или негдѣ было позаимствоваться для недостающей въ немъ миніатюры.

Такъ какъ наши Лицевые Апокалипсисы дошли до насъ въ рукописяхъ очень позднихъ, не ранѣе XVI в., а содержатъ они въ себѣ, даже и по рукописямъ позднѣйшимъ, явственные слѣды древней иконографіи, то, основываясь на принципѣ преданія, господствующемъ въ исторіи нашего отечества, надобно признать за непремѣнный фактъ, что и въ самыхъ раннихъ изъ нашихъ апокалипсическихъ иллюстрацій мы имѣемъ передъ собою не первоначальныя редакціи въ ихъ оригиналѣ, а только болѣе или менѣе измѣненные переводы.

Сверхъ того, преданіе, прикрѣпленное къ хрупкому проводнику пергаментной или бумажной рукописи, не могло въ теченіе столѣтій оставаться въ своей неприкосновенной цѣлости и сохранности; потому уже и въ древнѣйшихъ переводахъ мы должны были получить не полную и цѣльную редакцію, проникнутую единствомъ принятой въ основу системы, а только останки ея съ разными пробѣлами, которые были дополнены изъ какихъ либо другихъ, до насъ не дошедшихъ редакцій.

Еслибы мы раздѣлили всѣ редакціи нашихъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ на простыя или несложныя и на составныя изъ разныхъ редакцій, то уже ни въ одномъ изъ нихъ не нашли бы редакціи несоставной, развѣ за исключеніемъ моего Апок. начала XVII в.; но и онъ, вопервыхъ, неполный, а вовторыхъ, дополняется онъ существенными сюжетами по родственному съ нимъ Апок. МПМ. № 156.

И дальнѣйшее развитіе редакцій, уже очевидное для насъ по документальному свидѣтельству самыхъ рукописей, на разстояніи отъ XVI до XVIII в., совершалось путемъ осложненія. Такъ напр. редакція моего Апок. начала XVII в. осложнилась въ иллюстраціи Соловецк. юсовой рукописи внесеніемъ нѣ-

сколькихъ сюжетовъ изъ редакціи Лютерова Апок. 1534 г., и сверхъ того—вообще западнымъ вліяніемъ въ передѣлкѣ переводовъ; редакція Филаретовскаго экземпляра осложнилась въ Чудовскомъ Переводѣ 1638 г., а этотъ послѣдній—въ оригинальныхъ передѣлкахъ Петровскаго времени, СПБ. № 299 и Амфилохіевск. № 31, и наконецъ въ такихъ самостоятельныхъ копіяхъ, каковы МПМ. № 499 и Хлудовск. № 358, оба 1708 г.

Таково широкое поприще зыбкой почвы, на которомъ приходилось строить систему редакцій Русскаго Лицеваго Апокалипсиса. Чтобы не вдаваться въ предположенія о происхожденіи редакцій и чтобы потомъ не дѣлить предполагаемыхъ редакцій на подредакціи, а эти послѣднія еще на дробныя грани, я предпочелъ рубрики моего подробнаго описанія распредѣлить по рукописямъ, а не по редакціямъ, за исключеніемъ редакціи Филаретовско-Чудовской, которая была мнѣ указана свидѣтельствомъ самыхъ рукописей. И тѣмъ удобнѣе оказалась эта система, что нѣкоторыя изъ редакцій и подредакцій имѣютъ своими представителями всего только по одному экземпляру, какъ напр. Апокк. графа Уварова № 58, Тихонрав. № 5, мой 1671 г.

Такимъ образомъ, въ принятой мною стистемѣ во всей очевидности является передъ нами необычайное разнообразіе иллюстрацій, свидѣтельствующее о богатыхъ вкладахъ, какіе нашъ Лицевой Апокалипсисъ вноситъ въ исторію русской иконописи.

Чтобы читателю удобнѣе и яснѣе было слѣдить за характеристиками редакцій въ моемъ описаніи рукописей, я долженъ сдѣлать общее обозрѣніе всего изслѣдованнаго мною матеріала.

Лицевой Апокалипсисъ раздѣляетъ общую судьбу съ другими произведеніями нашей иконописи. Чѣмъ древнѣе иллюстраціи, тѣмъ богаче онѣ традиціоннымъ содержаніемъ и тѣмъ самостоятельнѣе; чѣмъ позднѣе, тѣмъ бѣднѣе въ отношеніи иконографическомъ, и тѣмъ болѣе теряютъ свою самостоятельность въ рабскомъ копированіи, неудачномъ экклектизмѣ и въ безразборчивомъ усвоеніи западныхъ сюжетовъ и стиля.

Наиболѣе раннія византійскія преданія апокалипсической иконографіи, въ ихъ чистотѣ и въ значительномъ изобиліи, сохранились у насъ въ трехъ рукописяхъ: въ моей начала XVII в., въ Музейной № 156, того же времени, и въ моей же юсовой XVI в. Когда я указываю на лучшія качества апока-

липсической иллюстраціи, надобно постоянно обращаться за подробностями къ описанію этихъ трехъ рукописей. Понятіе, извлекаемое изъ нихъ о древнѣйшемъ византійско-русскомъ Лицевомъ Апокалипсисѣ, только по частямъ дополняется единичными данными въ нѣкоторыхъ изъ прочихъ рукописей.

Чертою, отдѣляющею у насъ цвѣтущій періодъ апокалипсической иллюстраціи отъ ея паденія, надобно принять половину XVII в.

Паденіе иконографическаго преданія и безсодержательность сопровождались, или внѣшнею прикрасою и искусственностью, или же неряшествомъ исполненія, низводящимъ иконопись до топорнаго по́шиба безобразнѣйшихъ изъ лубочныхъ картинокъ.

Впрочемъ, какъ исключеніе, обязанное случайно застрявшимъ древнимъ образцамъ для нѣкоторыхъ изъ миніатюръ, иныя и изъ самыхъ позднихъ иллюстрацій имѣютъ немаловажное значеніе для открытія древнѣйшихъ слѣдовъ апокалипсической иконографіи, каковы напр. XVIII в. въ рук. Барсова № 113 и СПБ. Q, Отд. I, № 441.

Какъ бы нарочно въ оправданіе метода, допускающаго анахроническій порядокъ въ изслѣдованіи нашихъ традиціонныхъ памятниковъ, мнѣ приходится начинать свое обозрѣніе съ рукописей не XVI в., а начала XVII-го.

Это мой Апок. ранней редакціи и родственный съ нимъ МПМ. № 156.

Оба эти памятника, согласные между собою въ всемъ существенномъ, отличаются другъ отъ друга очерками и раскраскою въ переводахъ, хотя одной и той же редакціи, и нѣкоторыми сюжетами, которыми они дополняютъ другъ друга. Очевидное сродство ихъ указываетъ на единство ихъ происхожденія отъ такого оригинала, въ которомъ находили себѣ мѣсто сюжеты, отсутствующіе то въ той, то въ другой иллюстраціи.

Оригиналъ этотъ, какъ уже было сказано въ I главѣ введенія, отличался особенною редакціею Толковаго Апокалипсиса, переведенною съ греческаго, которая замѣтно выдѣляется изъ общепринятой у насъ въ старину. Иллюстрація размѣщалась въ немъ оригинальнымъ порядкомъ, тоже чуждымъ всей остальной массѣ изслѣдованныхъ здѣсь памятниковъ, за исключеніемъ рукописи графа Уварова № 58, и число миніатюръ

не ограничивалось 72-мя главами Толковаго Апокалипсиса. Иконографія въ отношеніи типовъ, символики, стилизаціи и вообще по способу представленія и по отношенію изображеній къ тексту и толкованіямъ—представляла въ себѣ очевидные признаки отдаленной старины.

Все это вполнѣ явствуетъ изъ обоихъ Апокалипсисовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, съ тою только разницею, что всѣ сказанные признаки въ бо́льшей чистотѣ сохранились въ моей рукописи, тогда какъ Музейная, существенно восполняя ее нѣкоторыми сюжетами, вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ осложненія, заимствованныя изъ другихъ источниковъ, какъ это бываетъ въ редакціяхъ составныхъ, и кромѣ того не содержитъ уже въ себѣ многихъ характеристическихъ сюжетовъ, которыми иллюстрація моей рукописи предъявляетъ права на свое отдаленное происхожденіе.

Предполагаемый оригиналъ обоихъ этихъ памятниковъ начала XVII в. существовалъ уже прежде чѣмъ была составлена въ XVI в. иллюстрація Соловецкой юсовой рукописи № 1 [по новой нумераціи № 159], чему служатъ доказательствомъ, кромѣ сродства сюжетовъ, всѣ надписи на миніатюрахъ, взятыя почти слово въ слово изъ той оригинальной редакціи Толковаго Апокалипсиса, которая принадлежитъ только этимъ двумъ рукописямъ начала XVII в. Что же касается до текста и толкованій въ Соловецкой юсовой рук., то они, какъ уже показано въ I главѣ этого введенія, отличаются еще бо́льшею оригинальностью, чѣмъ принятые въ тѣхъ обѣихъ рукописяхъ, и составляютъ особенно рѣзкое исключеніе изъ всѣхъ прочихъ рукописей Лицеваго Апокалипсиса самыми крупными латинизмами, при мѣстныхъ примѣтахъ югозападной русской рѣчи и съ полонизмами въ глоссахъ XVII в.

Хотя, какъ замѣчено въ той же I главѣ введенія, Соловецкая иллюстрація не принадлежитъ самой рукописи и вставлена въ нее потомъ, но вполнѣ согласна съ нею по своему крайне западному характеру, какъ по сюжетамъ, частію заимствованнымъ изъ Лютерова Апок. 1534 г., такъ и по костюмамъ и обработкѣ переводовъ въ стилѣ Возрожденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по упадку иконографическаго преданія. Такъ что съ перваго взгляда эта иллюстрація кажется ничего не имѣющею общаго съ принятою въ обѣихъ рукописяхъ начала XVII в., и только

внимательный анализъ общаго о́стова сюжетовъ, за освобожденіемъ его отъ западныхъ наносовъ, заставляетъ возводить ее къ общему съ обѣими послѣдними оригиналу.

Само собою разумѣется, что бо́льшее сходство представляетъ Соловецкая иллюстрація съ моею, нежели съ Музейною, какъ болѣе отклонившеюся отъ первоначальнаго источника.

Что же касается до олатыненной редакціи текста и толкованій Соловецкой рукописи, то настоящую къ нимъ иллюстрацію мы находимъ въ Тихонравовской рук. № 5, въ которой миніатюры, тоже вставныя, какъ и въ Соловецкой, и такъ же сильно проникнутыя западнымъ вліяніемъ, имѣютъ на себѣ надписи именно изъ этой олатыненной редакціи, и еще съ примѣсью латинскаго письма. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тихонравовская иллюстрація отчасти имѣетъ сходство съ Соловецкою и по редакціи нѣсколькихъ переводовъ, хотя и не содержитъ въ себѣ копій съ гравюръ изъ Лютерова Апок., какъ эта послѣдняя.

Таковъ запутанный въ нѣсколько концовъ узелъ тѣхъ нитей, которыми связаны между собою названныя здѣсь пять рукописей; именно: моя, Музейная, Соловецкая, Уваровская и Тихонравовская. Спеціально о двухъ послѣднихъ будетъ рѣчь впереди; теперь же онѣ мнѣ нужны только для приведенія ихъ въ связь съ тремя прочими.

Къ разрѣшенію этого узла намѣчаются слѣдующіе пути.

По иллюстраціи и надписямъ на миніатюрахъ, рук. Тихонравова № 5, состоя въ родствѣ съ Соловецкою, вмѣстѣ съ нею должна быть отнесена къ югозападной школѣ русской иконописи.

Къ той же школѣ надобно отнести Апок. графа Уварова № 58, какъ по иллюстраціи, отдѣланной въ западномъ стилѣ, такъ и по письму, содержащему самую раннюю между нашими Лицевыми Апокалипсисами копію съ Кіевскаго изданія Копистенскаго, составленную умѣвшимъ писать погречески. Копіистъ могъ принадлежать къ ученому братству тѣхъ книжниковъ, которымъ мы обязаны этимъ изданіемъ 1625 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по внѣшнему отношенію иллюстраціи къ тексту и толкованіямъ, рукопись графа Уварова состоитъ въ сродствѣ съ редакціею сказаннаго моего Апок. начала XVII в.

Отсюда надобно заключить, что эта послѣдняя редакція Лицеваго Апокалипсиса пользовалась извѣстностью въ югозападной

Россіи, и уже въ XVI в. послужила основою для передѣлокъ на западный манеръ, какъ свидѣтельствуетъ Соловецкая рукопись.

На основаніи приведенныхъ доводовъ можно было бы назвать предполагаемый здѣсь оригиналъ вообще редакціею юго-западною и отнести его къ тѣмъ сокровищамъ греко-русской иконописи ранняго періода, блистательный образецъ которыхъ мы имѣемъ въ Кіевской Лицевой Псалтыри 1387 г., въ библіотекѣ Общества Любителей Древней Письменности.

Редакція эта была перенесена и на сѣверъ, о чемъ свидѣтельствуетъ языкъ и грамматика обѣихъ рукописей, и моей и Музейной, чуждые югозападныхъ признаковъ; но тамъ она не могла распространиться, будучи вытѣснена другою, господствовавшею у насъ въ старину редакціею Толковаго Апокалипсиса и вовсе другими иллюстраціями.

По древности первое мѣсто между памятниками такого рода занимаетъ моя юсовой Апок. XVI в.

Миніатюры, за малымъ исключеніемъ, подчинены въ этомъ памятникѣ уже числу главъ Толковаго Апокалипсиса той общепринятой, господствовавшей редакціи, которая указана въ I главѣ этого введенія. Онѣ уже не сливаются съ текстомъ и толкованіями, какъ въ выше приведенной редакціи по моему Апок. начала XVII в., а отдѣлены на особыхъ страницахъ и обведены довольно красивыми рамками. Въ противоположность крупному размѣру немногихъ фигуръ въ миніатюрахъ первой редакціи, эта отличается отъ всѣхъ прочихъ, мнѣ извѣстныхъ, необычайною многосложностью сюжетовъ, принятою въ тѣхъ видахъ, чтобы, сколько возможно, полнѣе исчерпать въ каждой миніатюрѣ всѣ подробности текста каждой изъ 72-хъ главъ Толковаго Апокалипсиса. По внѣшности—это главная примѣта редакціи, въ соединеніи съ миніатюрностью фигуръ, обусловливаемой ихъ многочисленностью при маломъ форматѣ рукописей, въ 4-у, усвоенномъ для этой редакціи.

При крайней точности въ воспроизведеніи подробностей текста, въ иллюстраціи господствуютъ во всей чистотѣ древнія преданія византійской иконографіи въ типахъ, символикѣ и стилизаціи; предпочтительно передъ прочими редакціями, распространена система олицетвореній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ повсюду принятъ и ландшафтъ съ горами и лѣсами и съ очень изящнымъ плоскимъ письмомъ разнообразной архитектуры.

Для удовлетворительнаго выполненія всѣхъ сказанныхъ задачъ требовались довольно значительныя художественныя средства, какими должна была владѣть благоустроенная школа иконописи, располагавшая разными пособіями для художественнаго развитія по образцамъ мѣстнымъ и иноземнымъ. Потому-то эта редакція, представителемъ которой оказывается мой юсовой Апок. XVI в., даетъ намъ классическій образецъ гармоническаго сліянія византійской иконографіи съ изяществомъ западнаго стиля Возрожденія, который, въ своихъ общихъ принципахъ, не противорѣча стилю античному, оказался въ согласіи съ изяществомъ искусства византійскаго, поскольку это послѣднее въ своихъ художественныхъ формахъ ведетъ свое начало отъ античнаго.

Если бы потребовалось опредѣлить происхожденіе этой редакціи извѣстною мѣстностью, то я назвалъ бы ее Новгородскою.

По художественному исполненію, въ тѣсной его связи съ внутренними иконографическими качествами, я признаю мой юсовой Апок. самымъ изящнымъ изъ всѣхъ прочихъ, какіе только мнѣ пришлось имѣть подъ руками между русскими рукописями.

И однако не этой превосходной редакціи суждено было господствовать въ послѣдующемъ развитіи нашего Лицеваго Апокалипсиса. Архаизмы, какъ залежи древнихъ пластовъ многовѣковой формаціи, уже становившіеся не вразумительными для позднѣйшихъ поколѣній, какъ это свидѣтельствуетъ моя же копія 1705 г., за тѣмъ крайняя многосложность сюжетовъ въ очень миніатюрныхъ фигуркахъ, наконецъ изящество формы, повсюду господствующее, будучи неразрывно слито съ подробностями самаго сюжета: все это могло крайне затруднять копіистовъ и подражателей, какъ это явствуетъ изъ копіи XVIII в. Тихонравова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мало бы удовлетворяло старинныхъ чтителей иконописи, которые уже значительно ограничили кругъ своихъ воззрѣній на византійскія православныя преданія, и въ массѣ неудобопонятныхъ имъ архаизмовъ могли бы видѣть только странность и даже нововведеніе.

Благочестивымъ потребностямъ нашихъ предковъ могла удовлетворить такая редакція, которая, за удаленіемъ неудобопо-

нятныхъ архаизмовъ, символики и стилизаціи, въ надлежащей ясности и достаточной полнотѣ, но безъ обременительныхъ для вниманія подробностей, изображала бы апокалипсическія видѣнія съ подобающею византійскому стилю строгостью, не нарушая его чистоты западными соблазнами.

Въ этихъ видахъ было сдѣлано два очень удачныхъ опыта, на основѣ и въ предѣлахъ національнаго византійскаго преданія, но уже и съ нѣкоторыми подновленіями. Одинъ дошелъ до насъ отъ XVI в. въ редакціи Филаретовскаго экземпляра, по Соловецкой рук. въ КДА. № 58 [по новому катал. № 158] и по Хлудовск. № 7, и затѣмъ въ 1638 получилъ видоизмѣненіе въ Чудовскомъ Переводѣ, по свидѣтельству копіи Зайцевскаго XVII в. Другой опытъ оказался въ редакціи СПБ. рук. № 225 и въ Музейныхъ листахъ № 214, то и другое половины XVII в., безъ сомнѣнія, копіи болѣе стараго оригинала.

Обѣ эти редакціи, составляющія какъ бы второй періодъ въ исторіи нашего Лицеваго Апокалипсиса, пользовались въ старину бо́льшею передъ всѣми прочими популярностью, чему свидѣтельствомъ служатъ дошедшіе отъ той и другой отдѣльные безъ текста листы съ миніатюрами, которыя въ дюжинномъ производствѣ изготовлялись для рукописей Толковаго Апокалипсиса.

Впрочемъ, редакція Филаретовская, и особенно въ ея Чудовскомъ Переводѣ, болѣе пришлась по вкусу грамотнымъ людямъ и получила повсемѣстное распространеніе во множествѣ передѣлокъ и копій, отъ XVII в. и до XIX-го включительно. Это редакція сѣверная; въ XVI в. оказалась она уже въ Соловецкомъ монастырѣ, какъ свидѣтельствуетъ экземпляръ старца Филарета, иконника, а по Чудовскому Переводу 1638 г. должна она быть пріурочена къ Москвѣ. Сравнительно съ Филаретовскимъ экземпляромъ и съ копіею Хлудовскою № 7, этотъ Чудовской Переводъ, съ нѣкоторыми характеристическими примѣтами, предлагаетъ уже болѣе систематическую выправку разныхъ иконографическихъ типовъ.

Редакція СПБ. рук. № 225 и Музейныхъ Листовъ № 214 оставила значительно менѣе слѣдовъ своего вліянія въ исторіи нашего Лицеваго Апокалипсиса. Отличаясь художественными пріемами симметріи и особеннаго линейнаго расчета въ изящной постановкѣ фигуръ, свидѣтельствующей о нѣкоторомъ

эстетическомъ чутьѣ, редакція эта, хотя по иконографіи и удовлетворяла принципамъ византійскаго преданія, но во внѣшнемъ исполненіи казалась слишкомъ оригинальною и затѣйливою, чтобы соперничествовать съ простотою и строгостью стиля Филаретовско-Чудовской редакціи.

Потому эта послѣдняя и является главнѣйшимъ двигателемъ въ послѣдующемъ за симъ новомъ періодѣ историческаго развитія нашего Лицеваго Апокалипсиса. Она осложнялась сильнымъ западнымъ вліяніемъ въ редакціи СПБ. рук. № 229, вмѣстѣ съ Амфилохіевскою копіею № 31; или же служила канвою, по которой тамъ и сямъ вставлялись ветхія заплаты изъ драгоцѣнныхъ останковъ ранняго византійскаго преданія, какъ напр. въ рук. СПБ. Q, Отд. I, № 441. Она же оказывалась главнѣйшимъ элементомъ въ такихъ составныхъ редакціяхъ, какъ принятая въ Подносномъ экземплярѣ МДА. № 14, наконецъ дала она цѣлый рядъ замѣчательно изящныхъ копій, съ разными дополненіями и видоизмѣненіями, какъ въ рук. МПМ. № 499 и Хлудовск. № 358, обѣ 1708 г., не говоря уже о безчисленномъ множествѣ копій дюжинныхъ, между которыми особенную извѣстность пріобрѣли такъ называемыя Поморскія.

Господствуя въ иконописныхъ мастерскихъ поздняго времени, она сопутствовала паденію въ нихъ нормальнаго отношенія изображеній къ тексту, давая свою иллюстрацію для Толковаго Апокалипсиса разныхъ редакцій: сначала для однотолковаго, потомъ для троетолковаго, затѣмъ для копій съ Кіевскаго изданія Копистенскаго 1625 г., и наконецъ для нынѣ принятаго печатнаго текста Откровенія, или съ толкованіемъ изъ старинной распространенной въ рукописяхъ редакціи, или и вовсе безъ толкованія.

Одновременно съ возникновеніемъ на сѣверо-востокѣ и съ распространеніемъ редакцій національнаго византійскаго направленія, т. е. Филаретовско-Чудовской и рук. СПБ. № 225 съ Музейными Листами № 214, въ югозападной Руси продолжало господствовать направленіе иноземное, въ стилѣ Возрожденія. Въ слѣдъ за иллюстраціею Соловецкой юсовой рук. XVI в., насквозь проникнутою западнымъ вліяніемъ, Кіевское изданіе Копистенскаго 1625 г. предлагаетъ намъ между украшающими эту книгу изображеніями точную копію съ гравюры изъ Лютерова Апокалипсиса 1534 г. [сн. 271].

Представителями того же западнаго направленія въ половинѣ XVII в., впрочемъ, еще на крѣпительной закваскѣ коренныхъ преданій ранней апокалипсической иконографіи, являются упомянутыя уже выше двѣ драгоцѣнныя рукописи: графа Уварова № 58 и Тихонравова № 5. Каждая изъ нихъ заявляетъ неотъемлемыя права на самостоятельную редакцію, хотя по родословію я и отнесъ ту и другую къ группѣ моего Апок. начала XVII в., МПМ. № 156 и Соловецк. юсовой рук. XVI в.

Уваровская рук., съ текстомъ по изданію Копистенскаго, но при раздѣленіи стиховъ, какъ уже замѣчено, по системѣ ранней редакціи, и соотвѣтственно этому въ дробности сюжетовъ по отдѣльнымъ миніатюрамъ, превышающей число главъ Толковаго Апокалипсиса,—предлагаетъ самую оригинальную иллюстрацію, которая обнаруживаетъ укоренившееся уже у насъ западное направленіе, какъ по довольно свободному замыслу въ сюжетахъ, не стѣсняемому традиціонной рутиною, такъ по живописному исполненію, не лишенному художественныхъ эффектовъ изящнаго вкуса, какъ напр. въ мм. 10 и 43 [копіи краск. 15 и 16].

Иллюстрація Тихонравовской рукописи, относясь къ редакціямъ составнымъ, предлагаетъ, при единствѣ стиля, безпримѣрную по своимъ противорѣчіямъ смѣсь западныхъ костюмовъ и цѣлыхъ сюжетовъ съ маститыми останками ранней иконографіи, не только сходными съ принятыми въ моихъ Апокк., и ранней редакціи, начала XVII в., и въ юсовомъ XVI в., но и съ такими оригинальными, которые могутъ дать существенное дополненіе обѣимъ этимъ иллюстраціямъ, какъ напр. въ м. 64 [копія краск. 17].

По стилю эта редакція болѣе иконописная, нежели Уваровская, въ которой, какъ сказано, преобладаетъ живопись. Непосредственные западные оригиналы, оказавшіе вліяніе на ту и другую, остались мнѣ неизвѣстными. Для той и другой были не одни тѣ же, что̀ указываетъ на разные пути этого вліянія, которое, будучи принято гораздо ранѣе, успѣло уже получить традиціонную силу въ тѣхъ школахъ, откуда вышли эти редакціи.

Уже болѣе ясный и позднѣйшій слой западнаго вліянія представляетъ моя рукопись 1671 г., въ которой кос-гдѣ ландшафтъ и палатное письмо, очевидно, взяты изъ Лицевой Биб-

ліи Борхта 1582 г., или изъ позднѣйшаго изданія Пискатора 1650 г. По стилю иллюстація моего Апок. отчасти сходствуетъ съ Уваровскою № 58; но вообще отдаетъ предпочтеніе очеркамъ мѣстными красками и кое-гдѣ пользуется густою гвашью [копія краск. 18], тогда какъ въ Уваровской господствуютъ черные очерки, раскрашенные легкою акварелью.

По времени, мой Апок. 1671 г. представляетъ, сколько мнѣ извѣстно, самую раннюю изъ такихъ сѣверныхъ редакцій, которая попорчена западнымъ вліяніемъ, отразившимся въ упадкѣ иконографическаго преданія относительно нѣкоторыхъ типовъ и въ отсутствіи символическихъ олицетвореній. Впрочемъ, она отличается и многими положительными качествами, какъ по оригинальному отношенію миніатюръ, уже не къ одноголковому, а къ троетолковому Апокалипсипсу, такъ и по разнымъ подробностямъ во многихъ миніатюрахъ, дающимъ ей право на самостоятельную редакцію, которая своими сюжетами даетъ существенный вкладъ въ національную иконографію нашего Лицеваго Апокалипсиса.

Во второй половинѣ XVII столѣтія недовольство иноземнымъ направленіемъ въ апокалипсическихъ иллюстраціяхъ, получившимъ осѣдлость въ юго-западной Руси и оттуда начинавшимъ распространяться и на сѣверо-востокъ, оживило въ ревнителяхъ православія потребность дать болѣе широкій просторъ настоящей византійско-русской апокалипсической иконографіи, которая, при имѣвшихся еще на лицо богатыхъ матеріалахъ, казалась значительно урѣзанною въ предѣлахъ Филаретовско-Чудовской редакціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ—укрѣпить колеблющіяся основы преданія, подчинивъ ихъ единству системы по выработаннымъ, при посредствѣ Иконописнаго Подлинника, правиламъ въ представленіи надлежащаго образа и подобія въ типахъ и вообще благочинія въ аттрибутахъ, костюмѣ и разныхъ подробностяхъ, и всему дать подобающее благолѣпіе и красоту, въ противодѣйствіе живописнымъ соблазнамъ олатыненныхъ иллюстрацій.

Задача эта была выполнена въ редакціи Московскихъ иконописцевъ, которую по лучшей изъ копій я называю редакціею Подноснаго экземпляра, по рук. МДА. № 14. Кромѣ того мнѣ извѣстны еще двѣ копіи: одна въ Московской Синодальной библіот. № 106 [по прежн. катал. № 5] и

другая СПБ. F, Отд. I, № 70. Всѣ три въ л. второй половины XVII в.

Какъ компиляція изъ разныхъ источниковъ, иллюстрація эта вышла сборная или составная, но съ преобладаніемъ элементовъ Филаретовско-Чудовской радакціи и частію СПБ. № 225 и Музейныхъ листовъ № 214. Хотя символическіе архаизмы, еще господствующіе въ моихъ Апокк., по рук. начала XVII в. и по юсовой, были уже устранены, но стилизація неба и нѣкоторые другіе пріемы ранняго стиля по мѣстамъ удерживаются, ради благолѣпія, впрочемъ не систематически, какъ въ старыхъ редакціяхъ, въ силу господствующаго въ нихъ традиціоннаго принципа. Вмѣстѣ съ тѣмъ допускается и ландшафтъ съ облачнымъ небомъ, зелеными лугами и деревьями, обязанный своимъ изяществомъ живописному стилю западныхъ образцовъ. Но все существенное въ иконографіи согласовано съ правилами православно-русскаго преданія, сколько это было для того поздняго времени возможно; какъ напр. въ ореолахъ, въ употребленіи сіяній—простаго, крестнаго и угловатаго, въ покроѣ и орнаментахъ святительскихъ ризъ и проч.

Это уже не наивная ранняго стиля редакція, которая православна потому, что иначе она и быть не можетъ, а обдуманная, намѣренно стремящяяся быть консервативною, и потому въ иныхъ подробностяхъ, какъ напр. въ сіяніяхъ, она безукоризненнѣе иллюстрацій старыхъ, которыя иногда простое сіяніе смѣшиваютъ съ крестнымъ и угловатымъ, но въ другихъ случаяхъ она дѣлаетъ крупныя промахи, которые не возможны въ раннее время, когда привычнѣе относились къ преданію, какъ напр. помѣщеніе только шести свѣтильниковъ по сторонамъ Еммануила вмѣсто семи, по рук. МДА. № 14, м. 3 [копія краск. 19].

Самая выправка изображаемыхъ типовъ по Иконописному Подлиннику указываетъ уже на появленіе этой редакціи въ эпоху не процвѣтанія византійско-русскаго стиля, а его упадка, такъ какъ самъ Подлинникъ возникъ для поддержанія и укрѣпленія уже замѣтно разшатавшагося у насъ иконописнаго преданія.

При этомъ надобно знать, что когда я говорю о несомнѣнномъ вліяніи Иконописнаго Подлинника на редакцію Подноснаго экземпляра, то я разумѣю не апокалипсическіе сюжеты,

такъ какъ они въ это руководство вовсе не внесены, а отдѣльные типы Божества, ангеловъ, праотцевъ и пророковъ, апостоловъ, святителей, царей и князей и т. д.

Большой форматъ, принятый для миніатюръ во всѣхъ трехъ копіяхъ, давалъ мастерамъ надлежащій просторъ и для многолюдныхъ сюжетовъ мелкаго рисунка, и для фигуръ крупнаго размѣра, помѣщаемыхъ не болѣе какъ по двѣ, по три, или даже и по одной на нѣкоторыхъ изъ миніатюръ, которыя тогда получаютъ видъ какъ бы иконы на дскѣ-пядьницѣ.

По внѣшнему исполненію эта редакція въ Подносномъ экземплярѣ даетъ намъ образчикъ самаго изящнаго стиля, какой во второй половинѣ XVII в. могъ выработаться въ мастерскихъ Московскихъ иконописцевъ, воспитавшихъ свой вкусъ и художественную технику при посредствѣ образцовъ не только восточной, византійско-русской иконографіи, но и западной живописи. Въ рисункѣ и колоритѣ они руководствовались уже чувствомъ изящнаго и тѣмъ художественнымъ тактомъ, который, какъ въ иллюстраціи моего юсоваго Апок. XVI, стремясь къ возсозданію идеальной красоты, умѣетъ однако воздерживаться отъ излишествъ свѣтской живописи, не умѣстной для апокалипсическихъ видѣній.

Впрочемъ, прекрасная внѣшность уже не всегда соотвѣтствуетъ въ Подносномъ экземплярѣ самому содержанію, такъ какъ Толковый Апокалипсисъ въ немъ испещренъ такими грубыми, иногда до безсмыслицы, ошибками, что, видимо, мастера уже не понимали всего того, что̀ изображали; потому и въ самыхъ миніатюрахъ встрѣчаются разныя противорѣчія не только тексту рукописи, но иногда и начертаннымъ на нихъ же самихъ надписямъ.

Каковы бы ни были причины, только редакція Подноснаго экземпляра, оставивъ по себѣ немногія копіи, не только не произвела эпохи въ исторіи нашего Лицеваго Апокалипсиса, но и не внесла ничего отъ себя въ послѣдовавшія затѣмъ редакціи.

Между тѣмъ, отъ Петра Великаго, въ теченіе всего XVIII в. благочестивые предки наши продолжали пробавляться, или копіями съ старинныхъ списковъ разныхъ редакцій, или передѣлками господствовавшей изъ нихъ—Филаретовско-Чудовской, или же наконецъ новыми болѣе или менѣе самостоятельными произведеніями, не лишенными историческаго интереса по

тщетнымъ усиліямъ. къ какимъ мастера должны были прибѣгать, чтобы спасти отъ конечной гибели все болѣе приходившую въ упадокъ апокалипсическую иллюстрацію.

Изъ копій съ старыхъ редакцій особенно замѣчательны, сколько мнѣ извѣстно, двѣ. Одна въ моей рукописи 1705 г., по странной случайности. сдѣланная съ принадлежащей мнѣ же юсовой рук. XVI. Нѣкоторыя измѣненія противъ оригинала предлагаютъ въ этой копіи очень полезныя данныя для исторіи иконографіи; многочисленныя же надписи для объясненія сюжетовъ, ставшихъ уже въ началѣ XVIII в. невразумительными архаизмами, даютъ намъ любопытное свидѣтельство о томъ, какъ въ эту позднюю эпоху мастера понимали преданія ранних иллюстрацій.

Такими же объяснительными надписями, говорящими въ пользу живучести этихъ преданій въ нашихъ старинныхъ мастерскихъ, снабжена и иллюстрація XVIII в. въ Барсовской рукописи XVI в. подъ № 113, составляющая копію съ какого-то, мнѣ неизвѣстнаго, оригинала очень древней и вполнѣ самостоятельной редакціи. Не смотря на невзрачную внѣшность въ грубыхъ очеркахъ съ убогою раскраскою, иллюстрація эта на широкихъ основахъ національнаго византійскаго преданія, предлагаетъ драгоцѣнныя данныя для апокалипсической иконографіи, въ ея связи съ ранними византійскими слѣдами въ памятникахъ средневѣковаго искусства на западѣ.

Изъ самостоятельныхъ передѣлокъ Филаретовско-Чудовской редакціи на западный ладъ предлагаетъ намъ группа, которую, чтобы не увеличивать дюжинными экземплярами копій, я ограничиваю только четырьмя рукописями. Во главѣ ихъ, какъ высшее развитіе всей группы, ставлю рук. СПБ. № 229 [изъ Древлехранилища Погодина]. Основныя черты Филаретовско-Чудовской редакціи еще въ очевидности явствуютъ въ рукк. Вахрамѣева и СПБ. Q, Отд. I, № 46, хотя уже въ другихъ переводахъ и съ примѣсью западныхъ сюжетовъ; онѣ значительно теряются на невнимательный взглядъ въ рук. Архимандрита Амфилохія подъ довольно изящною внѣшнею отдѣлкою, напоминающею кое-гдѣ гравюрный стиль иноземныхъ лицевыхъ изданій.

Наконецъ та же передѣлка, въ томъ же стилѣ западнаго искусства, но съ особенною манерою, давшею всѣмъ миніатю-

рамъ утомительное однообразіе, является въ названной рук. СПБ. № 229, передѣлка, принаровленная къ точной копіи Толковаго Апокалипсиса по Кіевскому изданію Копистенскаго 1625 г.; причемъ не только скопированы гравюры этого изданія, но и прибавочная въ немъ «Повѣсть о нѣкоемъ мужѣ, очерненномъ согрѣшеніями» послѣ главы 48-ой — иллюстрирована нарочно составленною для того миніатюрою, 54-ою [сн. 183].

Самыя замѣчательныя изъ копій Филаретовско-Чудовской редакціи, съ любопытными видоизмѣненіями въ переводахъ:

МПМ. № 499, 1708 г.

Хлудова № 358, 1708 г., съ текстомъ по изданію Копистенскаго.

СПБ. Q, Отд. I, № 441, XVIII в., одна иллюстрація безъ текста.

Къ самостоятельнымъ редакціямъ принадлежатъ слѣдующіе Апокалипсисы, въ которыхъ недостатки въ иконографическомъ отношеніи восполняются, то западными сюжетами, то собственнымъ изобрѣтеніемъ, болѣе или менѣе удачнымъ, при чемъ западные костюмы перемѣшены съ русскими національными и архитектура Возрожденія и рококо съ деревянными постройками топорнаго издѣлія, или же съ фантастическими вымыслами небывалыхъ зданій.

Редакція съ самымъ бо́льшимъ числомъ миніатюръ, при Толковомъ Апокалипсисѣ по изданію Копистенскаго 1625 г., оказалась въ рук. князя Вяземскаго № 141, съ 253 мм., и Дюмушеля съ 246 мм., обѣ Петровскаго времени, съ небольшимъ различіемъ въ переводахъ. Въ соотвѣтствіе принятому тексту, та же «Повѣсть о нѣкоемъ мужѣ» при главѣ 48-ой въ обѣихъ рукописяхъ иллюстрирована въ двухъ миніатюрахъ: въ рук. князя Вяземскаго мм. 160 и 162, у Дюмушеля мм. 132 [сн. 233] и 133.

Замѣчательно безсодержательную иллюстрацію, хотя и въ 74-хъ миніатюрахъ, предлагаетъ рук. Тихонравова въ 8-у, Петровскаго времени.

Изъ позднѣйшихъ самая занимательная по оригинальности и разнообразію сюжетовъ дошла до насъ въ двухъ, значительно различествующихъ между собою, переводахъ: въ моей рукописи 1721 г. и въ рук. Тихонравова 1731-1736 г. Въ той и другой безразборчивая смѣсь древнихъ преданій съ разными новѣйшими измышленіями и благообразныхъ иконописныхъ типовъ съ фантастическими фигурами.

Рук. графа Уварова № 129 [Царск. № 7], XVIII в., отличающаяся неестественными изгибами горныхъ утесовъ, содержитъ въ себѣ разные западные сюжеты изъ Лицевой Библіи Борхта 1582 г., вѣроятно, чрезъ посредство позднѣйшаго изданія Пискатора.

Рук. Титова № 523, второй половины XVIII в., съ текстомъ по новому печатному изданію, безъ толкованій, и съ дѣленіемъ на 22 главы, предлагаетъ въ числѣ 20 миніатюръ въ живописномъ стилѣ самыя дюжинныя издѣлія, по западной системѣ соединенія нѣсколькихъ апокалипсическихъ видѣній въ одной миніатюрѣ.

Какъ образчики крайняго паденія апокалипсической иконографіи, указываю на двѣ рукк. МПМ. № 13, въ 16-ю д. л. XVIII в. и № 500, въ 4-ку, XIX в., см. м. 38 [сн. 215].

Каждая изъ редакцій, указанныхъ въ этомъ общемъ обозрѣніи, отличается отъ другихъ массою характеризующихъ ее признаковъ, которые подробно излагаются въ моемъ описаніи рукописей.

Все разнообразіе этихъ признаковъ подводится къ двумъ главнѣйшимъ разрядамъ, изъ которыхъ одинъ, ранній, обнимаетъ иконографическія преданія византійскаго происхожденія, и другой, поздній, содержитъ въ себѣ западныя вліянія, начиная съ эпохи Возрожденія. Оба эти элемента русскаго Лицеваго Апокалипсиса, какъ показано, являются уже въ самыхъ раннихъ изъ дошедшихъ до насъ рукописей, и затѣмъ въ продолженіе слѣдующихъ столѣтій не перестаютъ давать разнообразное содержаніе его многочисленнымъ редакціямъ.

Изъ предложеннаго мною общаго обозрѣнія явствуетъ, что исторія нашего Лицеваго Апокалипсиса состоитъ не въ послѣдовательномъ преуспѣяніи изъ вѣка въ вѣкъ, а въ случайномъ чередованіи и перевѣсѣ тѣхъ или другихъ элементовъ изъ этихъ двухъ противоположныхъ другъ другу разрядовъ. Историческій процессъ совершался не силою внутренняго роста изъ творческаго зерна вдохновенія, а механически, посредствомъ внѣшняго наслоенія. Вся работа состояла въ прилаживаніи готоваго матеріала къ новымъ подѣлкамъ, въ бо́льшемъ или меньшемъ его видоизмѣненіи и переиначеньѣ. Иныя изъ попытокъ XVII в. являютъ нѣкоторые проблески самостоятельности, но, какъ рѣдкія исключенія, не оставляютъ по себѣ

благотворнаго вліянія на массу иллюстрацій, въ которыхъ господствуетъ болѣе ремесленное мастерство, а не художество.

Потому все производство мастеровъ главнѣйшимъ образомъ состояло въ зависимости отъ имѣвшихся у нихъ подъ руками образцевъ, которыми они пользовались цѣликомъ, или по частямъ, дополняя одинъ другимъ, сокращая или распространяя.

Пользуясь образцами византійскаго происхожденія, они держались на высотѣ чистаго иконографическаго преданія, оставивъ намъ драгоцѣнныя данныя для исторіи настоящаго иконографическаго стиля въ типахъ Божества, въ символикѣ, стилизаціи, архитектурѣ и, вообще, въ разныхъ подробностяхъ костюма, какъ это обстоятельно показано въ описаніи рукописей: моей начала XVII в., МПМ. № 156, моей юсовой XVI в., Филаретовской XVI в., СПБ. № 225 и Музейныхъ листовъ № 214, а частію и нѣкоторыхъ другихъ.

Пользуясь образцами западнаго происхожденія, мастера усвоивали себѣ живописную манеру, а вмѣстѣ съ нею и невниманіе къ существеннымъ задачамъ апокалипсической иллюстраціи, вполнѣ опредѣленнымъ византійскою иконографіею. Такимъ образомъ паденіе иконографическаго преданія обнаруживается уже въ самой ранней изъ нашихъ рукописей, подвергшихся западному вліянію, именно въ Соловецкой юсовой XVI в., и обнаруживается во всей своей силѣ, и затѣмъ въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ вліяніе это продолжаетъ оказывать свое вредное дѣйствіе, даже и въ такихъ цѣнныхъ редакціяхъ, какъ Уваровская № 58, Тихонравовская № 5, моя 1671 г., не говоря уже о прочихъ, въ которыхъ западная примѣсь, не переставая, какъ червь, подтачивать традиціонныя основы апокалипсической иллюстраціи, болѣе и болѣе клонила ее къ окончательному паденію въ невѣжественныхъ подѣлкахъ, въ которыхъ непониманіе текста соединяется съ крайней неумѣлостью въ техническомъ исполненіи.

Только благодаря копіямъ Филаретовско-Чудовской редакціи XVIII и XIX в. не изсякла у насъ въ конецъ апокалипсическая иконографія. Этимъ объясняется уваженіе, которымъ пользуются такъ называемые Поморскіе экземпляры.

VII

Апокалипсическая иконографія. Ея существенныя качества. Отличіе стиля иконографическаго отъ живописнаго.

Для того, чтобы было легче и удобопонятнѣе слѣдить за подробностями въ слѣдующемъ за симъ описаніи лицевыхъ рукописей, я нахожу небезполезнымъ предложить общее понятіе объ апокалипсической иконографіи въ ея лучшемъ традиціонномъ стилѣ, поскольку это возможно было сдѣлать на основаніи русскаго матеріала, бывшаго у меня подъ руками.

Понятія и взгляды на иконографію съ точки зрѣнія эстетической опредѣлились, какъ слѣдуетъ, только съ тѣхъ поръ, когда музеи и галлереи, разширивъ свой художественный объемъ, дали почетное мѣсто произведеніямъ стиля древнехристіанскаго, византійскаго, романскаго, готическаго, и къ твореніямъ прославленныхъ знаменитостей присоединили массу издѣлій безъименнаго происхожденія, имѣющихъ интересъ столько же художественный, какъ и бытовой. Такимъ образомъ бездна, отдѣлявшая искусство отъ ремесла, наполнилась необозримымъ множествомъ произведеній, послужившихъ живою связью между тѣмъ и другимъ въ постепенномъ переходѣ отъ практическаго значенія церковной или домашней утвари и костюма къ проблескамъ творческаго духа, налагавшаго художественную печать въ ихъ воспроизведеніи. Тогда же получили свою цѣну— и ремесленныя работы въ изваяніяхъ на древнехристіанскихъ

саркофагахъ, или въ мозаикахъ, украшающихъ куполы, арки и своды византійскихъ храмовъ, и чудовищные орнаменты романскихъ капителей или заглавныхъ буквъ ирландскаго письма, и грубыя копіи съ погибшихъ оригиналовъ въ иллюстраціи рукописей.

Нигдѣ не оправдывается до такой очевидности, какъ въ миніатюрѣ, ученіе новѣйшей эстетики, что искусство не для искусства, а имѣетъ, какъ и всякое ремесло, свое служебное назначеніе, и именно въ томъ только случаѣ, когда задача иллюстраціи состоитъ въ возможно точной передачѣ сопровождаемаго ею текста и въ точномъ, дословномъ его истолкованіи. Таковою является она въ лучшихъ редакціяхъ Лицеваго Апокалипсиса.

Уклонившись отъ этой задачи, миніатюра можетъ достигнуть высокаго значенія въ художественномъ отношеніи, но станетъ не болѣе какъ миніатюрною картинкою, которая уже потеряла прямую связь съ украшаемою ею рукописью. Таковы напр. знаменитыя иллюстраціи Жана Фуке въ Молитвенникѣ Брентано и Мемлинга въ Бревіаріи Гримани. Въ такомъ же отношеніи къ лучшимъ нашимъ Лицевымъ Апокалипсисамъ состоятъ апокалипсическія гравюры Альбрехта Дюрера и въ Лютеровой Библіи 1534 г.

Стиль Возрожденія, высвободивши творческую фантазію изъ подъ опеки церковной, порвалъ навсегда родственную связь между миніатюрою и св. Писаніемъ. Иконопись уступила свое мѣсто живописи и принципъ религіознаго преданія остался на заднемъ планѣ.

Искусство на западѣ открыло для себя новые пути къ высшему развитію въ подражаніи природѣ и въ воспроизведеніи дѣйствительности, то есть, на той же животворной почвѣ, на которой нѣкогда возникли величайшія произведенія античнаго классицизма.

Между тѣмъ наши Лицевые Апокалипсисы, не смотря на вліяніе на нѣкоторые изъ нихъ живописнаго стиля, въ громадномъ большинствѣ своемъ остались вѣрны церковному преданію, даже до текущаго столѣтія.

Это былъ не застой, не лѣнивое косненіе, чему служитъ свидѣтельствомъ масса дошедшихъ до насъ памятниковъ разнообразныхъ редакцій, а консерватизмъ, обращенный къ

прямому, непосредственному источнику религіознаго вдохновенія— къ св. Писанію.

Искусство свѣтское, или мірское должно было идти впередъ своимъ путемъ, и уже не возвращаться къ Апокалипсису. Только искусство церковное, въ стилѣ иконографическомъ, могло во всемъ подобающемъ величіи воспроизвести таинственныя видѣнія Откровенія Іоанна Богослова.

Въ этомъ принципѣ, данномъ самою исторіею художественныхъ стилей, полагается основа эстетической критики для апокалипсической иллюстраціи.

Въ иконѣ, такъ же какъ и въ миніатюрѣ, изящество подчинено практическимъ цѣлямъ; но все же миніатюристъ, сколько бы ни былъ онъ преданъ служенію воспроизводимаго имъ текста, можетъ съ бо́льшею свободою располагать своими творческими способностями. Въ иконѣ мастеръ ограничивается установленнымъ типомъ, и, какъ священный предметъ чествованія, не смѣетъ онъ его измѣнять по собственному домыслу. Миніатюристъ, воодушевляясь религіозными идеями на чтеніи Писанія, бываетъ вынужденъ доискиваться подходящаго къ тексту образа и подобія, согласно толкованію Отцевъ Церкви. Икона—уже готовый результатъ поисковъ и соображеній, т. е. того самодѣятельнаго процесса, который составляетъ существенную задачу миніатюриста.

Въ иконѣ главное и единое—это изображеніе; въ лицевой рукописи главное и существенное—текстъ и его толкова́ніе; что же касается до миніатюръ, то, въ разнообразіи ихъ редакцій и переводовъ, свидѣтельствующемъ о свободѣ въ вымыслахъ, онѣ болѣе или менѣе исчерпываютъ идеи Писанія, подходятъ къ нимъ съ той или другой стороны, болѣе или менѣе удачно приноравливаются къ нимъ, въ различной степени ясности намекаютъ на нихъ, болѣе или менѣе допускаютъ въ свой составъ постороннія подробности, не намѣченныя въ словахъ текста, но нужныя для воспроизведенія указываемаго въ немъ образа.

Такимъ образомъ миніатюры даютъ лучшее понятіе о разнообразіи и видоизмѣненіяхъ иконографическаго преданія, нежели иконы, которыя по своему практическому назначенію болѣе подчинены неизмѣняемости, охраняемой Номоканономъ и религіознымъ обрядомъ. Икона предназначена только для моли-

твы; миніатюру же разсматривали въ часы благоговѣйнаго досуга, ее, такъ сказать, читали безграмотные, а грамотные сличали изображеніе съ прочитаннымъ текстомъ и провѣряли, и тѣмъ болѣе углублялись въ Писаніе и уясняли его себѣ.

Судя по древнѣйшимъ остаткамъ, сохранившимся до поздняго времени въ нашихъ Лицевыхъ Апокалипсисахъ, по существу своему согласныхъ съ свидѣтельствомъ западныхъ художественныхъ памятниковъ отъ V до XII в., надобно полагать, что начала апокалипсической иконографіи восходятъ ко времени, задолго предшествовавшему эпохѣ иконоборства, а послѣдующее затѣмъ развитіе ея, шедшее прежнимъ путемъ, уже не согласовалось съ основными положеніями православнаго иконописнаго устава. Въ одномъ изъ правилъ Никейскаго собора [787 г.] означено: «Не изобрѣтеніе [ἐφεύρεσις] живописцевъ производитъ иконы, а ненарушимый законъ и преданіе [θεσμοθεσία καὶ παράδοσις] православной Церкви; не живописецъ, а святые отцы изобрѣтаютъ и предписываютъ: очевидно имъ принадлежитъ сочиненіе [διάταξις]; живописцу же только исполненіе [τέχνη]» *. Разнообразіе въ изображеніи типовъ Божества и небесныхъ ликовъ и силъ по разнымъ редакціямъ Лицеваго Апокалипсиса и слѣдующая затѣмъ выправка оныхъ по нашему Иконописному Подлиннику, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще бо́льшее разнообразіе въ содержаніи каждой изъ миніатюръ по разнымъ рукописямъ—свидѣтельствуютъ, что въ раннихъ остаткахъ апокалипсической иконографіи мы должны видѣть не одно исполненіе [τέχνη] изобрѣтеннаго Отцами Церкви, но и цѣлый рядъ творческихъ попытокъ къ полнѣйшему и точнѣйшему воспроизведенію видѣній Іоанна Богослова въ всей ихъ необычайной выспренности и отвлеченной отъ дѣйствительнаго міра таинственности. Въ этой религіозно-художественной работѣ надобно видѣть образецъ того творческаго броженія элементовъ, изъ которыхъ наконецъ должна была отлиться въ опредѣленную форму иконописная норма, предписываемая въ правилахъ Никейскаго собора.

Въ пользу той же древности начатковъ апокалипсической иллюстраціи, предшествующихъ эпохѣ иконоборства, свидѣтельствуютъ олицетворенія природы, такъ сильно распростра-

* См. въ моей монографіи о Русской иконописи, въ Сборникѣ Общества Древне-русскаго искусства на 1866 г. стр. 43

ненныя въ моей юсовой рукописи XVI в., обнаженные ангелы въ качествѣ духовъ въ Барсовской иллюстраціи XVIII в. № 113, а частію—въ Филаретовской редакціи по Соловецкой рук. XVI в., въ Подносномъ экземплярѣ по рук. МДА. № 14, м. 3 [копія красками 19]; далѣе—ангелы, поставленные надъ стихіями, особенно въ моемъ же юсовомъ Апок., и демоны разрушенія и гибели въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи и въ Филаретовской редакціи по Соловецкой рук. XVI в.; наконецъ во всѣхъ редакціяхъ въ непремѣнное исполненіе указаній Откровенія Іоанна Богослова—неоднократное представленіе Іисуса Христа въ типѣ Агнца. Этотъ послѣдній типъ былъ особенно распространенъ въ древнехристіанскомъ искусствѣ, но потомъ отвергнутъ и возбраненъ въ византійской иконописи, въ силу 82 правила VI Вселенскаго Собора: «На нѣкоторыхъ честныхъ иконахъ изображается, перстомъ Предтечевымъ показуемый, Агнецъ, который принятъ во образъ благодати, чрезъ законъ показуя намъ истиннаго Агнца, Христа Бога нашего. Почитая древніе образцы, преданные Церкви, какъ знаменія и предначертанія истины, мы предпочитаемъ благодать и истину, пріемля оную, яко исполненіе закона. Сего ради, дабы и искусствомъ живописанія очамъ всѣхъ представляемо было совершенное, *повелѣваемъ отнынѣ образъ Агнца, внемлющаго грѣхи міра, Христа Бога нашего, на иконахъ представлять по человѣческому естеству, вмѣсто ветхаго Агнца*, да чрезъ то, созерцая смиреніе Бога-Слова, приводимся къ воспоминанію *житія Его во плоти*, Его страданія и спасительныя смерти, и симъ образомъ совершившагося искупленія міра» *.

Итакъ, Откровеніе Іоанна Богослова было единственнымъ и по своей глубинѣ и таинственности неизсякаемымъ источникомъ для художественнаго воодушевленія. Руководствомъ къ уразумѣнію этого Писанія служили толкователи, изъ которыхъ у насъ на востокѣ былъ принятъ Андрей Кесарійскій. Во второй главѣ этого Введенія подробно объяснена зависимость апокалипсическихъ иллюстрацій отъ текста и толкованій. Теперь слѣдуетъ показать, какъ умѣли пользоваться этою зависимостью миніатюристы, соглашая свободу своихъ художественныхъ замысловъ съ указаніями Писанія.

Уже въ самомъ предисловіи Толковаго Апокалипсиса Ан-

* Тамъ же, стр. 45-46, 77.

дрея Кесарійскаго, помѣщаемомъ во всѣхъ нашихъ лицевыхъ рукописяхъ, опредѣляется въ слѣдующихъ словахъ методъ для уразумѣнія текста, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для способа его представленія въ иконописи: «Первѣе убо, якоже вѣси и самъ, всяческое богодухновенное писаніе, яко тричастну человѣку сущу, тречастное отъ Божественныя благодати даровася. И сего аки нѣкое тѣло, писмя, и по чувству [*глосса* внѣшнему] Исторія есть: аки же душа, τροπολογία, си естъ, образословіе [*глосса*: прикладаи], изъ чувственныхъ на умная преводящее чтущаго. А яко же духъ, ἀναγωγη, възвожденіе и зрѣніе будущыхъ и высочайшыхъ явися», по изданію Копистенск. 1625 г *.

Это толкованіе, принятое для св. Писанія, еще съ первыхъ вѣковъ христіанства, господствовало въ теченіе среднихъ вѣковъ. Теоретически объясняетъ его Дантъ въ своемъ Convito, tract. II, cap. I, а на практикѣ примѣняетъ въ Божественной Комедіи. Нѣсколько ранѣе Данта, ту же теорію принимаетъ епископъ Вильгельмъ Дюранъ, второй половины XIII в., въ основу ученія о церковной архитектурѣ, утвари, иконописи и вообще о церковномъ обиходѣ и богослуженіи, въ своемъ знаменитомъ: Rationale Devinorum officiorum **.

Надобно знать, говоритъ онъ, что предметы, содержащіеся въ Писаніи, суть или нравственные, или мистическіе. Нравственные воспитываютъ нравственность, мистическіе же суть предметы иносказательные, которые означаютъ нѣчто иное, нежели то, что̀ говоритъ буква. И затѣмъ, слѣдуя Боэцію и блаженному Іерониму, устанавливаетъ онъ основанія и точки зрѣнія, по которымъ слѣдуетъ объяснять или толковать священные предметы, составляющіе содержаніе его Rationale Divinorum officiorum. Въ Писаніи слѣдуетъ открывать смыслъ исто-

* Для ясности прилагаю латинскій переводъ по Патрологіи Минья: «Primum igitur, ut tu ipse quoque non ignarus, universa Scriptura divinitus inspirata, quae homini, qui ex tribus distinctis partibus conflatur, non absque singulari Dei beneficio obtigit, tripartita est. Hujus veluti corpus est littera, externaque historia: anima vero, tropologia: haec enim per ea quae sub sensum veniunt, ad illa deducit lectorem quae mente tantum conspiciuntur: spiritus autem locum anagoge, hoc est rerum futurarum longissimeque a sensu positarum theoria, sibi vindicat». Patrologiae Graecae, tomus CVI, столб. 218.

** Durandi [иначе: Duranti] Rationale Divini Officii. Mogunt. 1459, въ л. Французскій переводъ съ подробными объясненіями издалъ Шарль Бартелеми въ 1854 г. въ пяти частяхъ. См. Piper, Einleitung in die monumentale Theologie, 1867 г. стр. 623 и слѣд., и въ моей монографіи: «Странствующія повѣсти и разсказы», въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1874 г.

рическій, аллегорическій, тропологическій и анагогическій, то есть, возносящій душу въ высшія сферы, отвлекающій отъ всего земнаго. По Боэцію, всякое священное изреченіе можетъ быть употреблено въ смыслѣ историческомъ или аллегорическомъ, или же въ томъ и другомъ вмѣстѣ, и слѣдуя блаженному Іерониму, мы должны изслѣдовать Писаніе троякимъ способомъ: вопервыхъ, по буквѣ, вовторыхъ, по аллегоріи, то есть, по смыслу духовному, и втретьихъ, по пріобщенію будущимъ благамъ, или анагогически. Исторія опредѣляетъ смыслъ словъ въ приложеніи къ самому событію, то есть, когда что-либо повѣствуется такъ, какъ было на самомъ дѣлѣ, напримѣръ,—что Израильтяне, избавившись отъ Египетскаго рабства, воздвигли храмъ Господу Богу. Аллегорія бываетъ тогда, когда слово говоритъ уму иное, нежели что̀ означаетъ само по себѣ. Если относится къ предмету видимому, то это просто аллегорія, если же къ невидимому и небесному, то называется анагогіею. Такъ напримѣръ въ смыслѣ мистическомъ: народъ Израильскій, освобожденный кровію Агнца отъ Египетскаго рабства, знаменуетъ Церковь, исторгнутую отъ рабства сатаны страстями Іисуса Христа. Нравственный смыслъ опредѣляется приложеніемъ рѣчи къ нравамъ, въ видѣ нравственнаго изреченія для исправленія нашего и руководства, какъ, напримѣръ, въ изреченіи: «Да избіетъ въ насъ самихъ Давидъ Голіафа» — то есть: да покоритъ смиреніе нашу гордость. Смыслъ анагогическій названъ такъ потому, что возводитъ мысль отъ предметовъ видимыхъ къ невидимымъ и сверхчувственнымъ, такъ, напримѣръ, изреченіе, что въ первый день сотворенъ свѣтъ— означаетъ предметъ невидимый, именно природу ангельскую, въ началѣ міра созданную. Анагогическій смыслъ возводитъ насъ горѣ, къ Церкви и Небу, и можетъ быть выражаемъ въ рѣчи ясной, или мистической, о воздаяніи въ будущемъ и о будущей жизни въ небесахъ. Въ рѣчи ясной напримѣръ: «Блаженни чистые сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ». Въ рѣчи мистической: «Блаженны измывающіе одежду свою въ крови Агнца, ибо соберутъ они плодъ отъ Древа Жизни и внидутъ во градъ вратами». Это означаетъ: Блаженны тѣ, которые очищаютъ свои мысли, дабы узрѣть Господа Бога, иже есть путь, истина и животъ, и при посредствѣ ученія, то есть, по примѣру св. Отцевъ, внидутъ они въ царство небесное. Также:

Іерусалимъ исторически означаетъ земной городъ этого имени, куда ходятъ на поклоненіе паломники, аллегорически—торжествующую или воинствующую Церковь, морально—всякую благовѣрную душу, и, наконецъ, анагогически—небесное наше отечество или Горній Іерусалимъ.

Самое полное приложеніе эта теорія находила себѣ въ таинственно-пророческомъ и анагогическомъ, или *выспреннемъ* содержаніи видѣній св. Откровенія; и согласно тому, неразрывнымъ, мистическимъ сочетаніемъ смысловъ: буквальнаго, или историческаго, переноснаго и анагогическаго—опредѣлился многосложный составъ апокалипсической иллюстраціи, и высокій, такъ сказать, выспренній тонъ ея иконографическаго стиля. Стиль Возрожденія, ограничившись живописнымъ воспроизведеніемъ только исторической ея стороны, съузилъ и обрѣзалъ ея смыслъ на цѣлыя двѣ трети, и уже тѣмъ самымъ оказалъ свою несостоятельность и непригодность въ приложеніи къ Апокалипсису. Иллюстрація много выиграла въ натурализмѣ и изяществѣ, за то поплатилась богатствомъ содержанія и глубиною религіозныхъ идей.

Въ отношеніи самаго акта художественнаго творчества всѣ разнообразныя редакціи ранняго иконографическаго стиля представляютъ намъ какъ бы одно великое произведеніе, въ осязательныхъ образахъ раскрывающее смѣлые полеты фантазіи —разными путями и съ разныхъ точекъ зрѣнія достигнуть той высоты творческаго воодушевленія, которую недоступнымъ свѣтомъ озаряютъ ей таинственныя видѣнія Іоанна Богослова.

То же зерно св. Писанія, изъ котораго зачались древнія редакціи, не переставало оказывать свою зиждительную силу и въ теченіе всей исторіи нашего Лицеваго Апокалипсиса, развѣтвляя его до безконечности на молодыя отрасли въ позднѣйшихъ редакціяхъ и въ переводахъ той или другой изъ миніатюръ въ отдѣльности.

Чѣмъ далѣе отвлекалась творческая фантазія отъ видимой природы и ежедневной дѣйствительности, чѣмъ неудержимѣе устремлялась она къ необычайному, необъятному и недомыслимому, тѣмъ доступнѣе становилась для нея возможность передать въ соотвѣтственныхъ и подобающихъ образахъ таинственное содержаніе апокалипсическихъ видѣній.

Но такъ какъ художественная форма, хотя бы и для выра-

женія безпредѣльнаго и по существу своему невыразимаго, все же не имѣетъ какихъ-либо необычайныхъ на то способовъ, а пользуется очень ограниченными и въ точности опредѣленными очертаніями, какими только и вообще можетъ располагать искусство; то задачею миніатюристовъ было изыскивать и вырабатывать подходящія для своей цѣли иконографическія формы. Въ этомъ и состояли ихъ творческія попытки, давшія намъ такое разнообразіе въ редакціяхъ и переводахъ.

Напротивъ того, иллюстраціи въ стилѣ Возрожденія, какъ указано въ IV главѣ этого Введенія, при всемъ богатствѣ источниковъ, открытыхъ для этого стиля въ натурализмѣ и живописности, представляютъ крайнее однообразіе въ вымыслѣ и безпомощную бѣдность содержанія. Ослабленіе творческой энергіи, направленной только къ живописному воспроизведенію св. Писанія, наглядно обнаружилось и въ ограниченномъ количествѣ гравюръ, по принятому въ Вульгатѣ счету главъ св. Откровенія.

Господствующій въ апокалипсической иконографіи способъ выраженія состоитъ въ символизмѣ, на той ступени его полнаго процвѣтанія, на которой онъ оказался въ стилѣ древнехристіанскомъ и въ византійскомъ лучшей эпохи. Согласно маститому содержанію Откровенія Іоанна Богослова, къ этой же отдаленной эпохѣ христіанскаго искусства относятся въ лучшихъ редакціяхъ костюмы, полатное письмо, утварь и вообще бытовая обстановка, уже освященная преданіемъ для символическаго стиля, который такимъ образомъ не нарушается новизною современной дѣйствительности въ живописныхъ формахъ, какъ это напримѣръ доведено было въ XVI в. до крайняго безвкусія въ лицевой литературѣ такъ называемыхъ символовъ и эмблемъ, перенесенныхъ въ XVIII в. и въ нашу литературу *.

Рѣзкіе образцы неумѣстности эпизодовъ изъ позднѣйшаго быта въ замкнутомъ кругу апокалипсическихъ видѣній предлагаютъ намъ, напр. Соловецкій юсовой Апок. XVI в. въ сценѣ похоронъ, м. 20, Тихонравовскій № 5, половины XVII в. въ живописцахъ, которые рисуютъ икону Звѣриную, м. 50

* Амбодика: Избранные Емблемы и Символы, Спб. 1788. Слич. Амстердамское изданіе 1705 г. по повелѣнію Петра Великаго. Въ томъ же эмблематическомъ стилѣ см. иллюстрацію XVIII в. къ произведеніямъ Державина въ изданіи Академіи наукъ, подъ редакціею Грота.

[сн. 157], Тихонравовскій же 1731-1736 г. въ обрядѣ крещенія младенца въ купѣли, м. 72 [сн. 206]. Сюда же относятся позднѣйшіе костюмы духовенства, князей и наконецъ вообще одѣяніе на нѣмецкій покрой, принятое у насъ въ разныхъ новыхъ редакціяхъ, или на покрой русскій національный, а также и полатное письмо въ стилѣ западномъ или русскомъ, утварь и проч.

Въ иконографіи на первомъ планѣ не художественные интересы, а созерцаніе св. Писанія очами фантазіи въ высокомъ подъемѣ религіознаго восторга, къ которому устремлялся иконописецъ, слѣдуя призыву самаго тайновидца въ горній міръ его видѣній: «Быхъ въ дусѣ» [ἐγενόμην ἐν πνεύματι] Апок. I, 10. IV, 2, что̀ въ Лицевомъ Апокалипсисѣ изображается представленіемъ, какъ ангелъ возводитъ Іоанна въ небесныя сферы; см. въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, м. 5 [сн. 3]. Чтобы быть вѣрною Писанію, въ эти же горнія сферы должна была возносить фантазію и апокалипсическая иллюстрація.

И такъ главное и существенное для творческой фантазіи вознесено на небо. Это видѣнія по преимуществу небесныя. Тамъ источникъ, тамъ начало и конецъ всему совершающемуся на землѣ. Оттуда нисходятъ на нее гласы, громы и сокрушительныя силы. Все благословляемое Богомъ и святое подъемлется въ небо, и на землѣ торжествуетъ и безчинствуетъ только одно зло, которое тутъ же въ пропастяхъ и разщелинахъ земныхъ находитъ себѣ возмездіе въ пламени «горящаго озера».

Все необычайно и сверхъестественно. Фантазія живетъ и дѣйствуетъ въ мірѣ чудесъ, гдѣ возможно все небывалое и несбыточное. Потому и небо, изображаемое въ древнѣйшихъ и лучшихъ редакціяхъ, вовсе не то, какое мы видимъ, и земля не та, къ какой мы привыкли.

При этомъ надобно замѣтить, что и въ старыхъ редакціяхъ, усвоившихъ себѣ систему подробной разработки сюжетовъ, какъ въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в., возможно живописное представленіе земныхъ сценъ, напоминающее дѣйствительность; но все существенное, т. е. небесное и сверхъестественное, имѣетъ и здѣсь тотъ же выспренній, символическій характеръ, что̀ и въ другихъ лучшихъ редакціяхъ.

Земное постоянно отдѣляется отъ небеснаго, но не воздушною атмосферою и не облаками; потому что апокалипсическая

иконографія вовсе не понимаетъ перваго и не нуждается въ послѣднемъ. Когда текстъ называетъ ей воздухъ или аеръ [XVI, 17], она представляетъ его или въ видѣ цвѣтной продолговатой фигуры, на подобіе листа, какъ въ Бамбергскомъ Апок. X в. м. 40, или полукругомъ въ видѣ чаши, какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 60 [сн. 28], или олицетвореніемъ въ человѣческой фигурѣ, какъ въ Апок. МПМ. № 156, м. 65 [сн. 52], или въ чудовищѣ, какъ въ Hortus Deliciarum XII в. [сн. 255]. Потому же и вѣтры во всѣхъ нашихъ редакціяхъ изображаются олицетворенными въ человѣческихъ фигурахъ. Что же касается до облака, когда оно нужно, то, какъ сѣдалище, принимаетъ оно неестественную форму, напр. въ Бамбергскомъ Апок. м. 36 [XIV, 14], или въ вознесеніи Еноха и Иліи [XI, 12] является въ видѣ чудовища, во чревѣ котораго лежатъ пророки, какъ Іона во чревѣ кита, именно въ моемъ Апок. начала XVII в. м. 31 [сн. 14].

Облака, на которыхъ слетаютъ ангелы на землю или парятъ надъ нею, принадлежатъ живописному стилю, уклоняющемуся отъ простоты и строгости стиля иконографическаго. Впрочемъ, какъ стилизованная волнистая линія въ однообразныхъ завиткахъ, допускаются они и иконографіею, въ видѣ отброчки или бордюра линіи, отдѣляющей небо отъ земли, но такъ чтобы выгибы облаковъ не нарушали гладкаго обрѣза неба, будучи обращены къ верху, т. е. въ самомъ небѣ, а не снаружи его.

Предѣлы неба опредѣляются геометрически, и именно линіями, или прямыми и круглыми, къ низу выпуклыми, или вогнутыми въ видѣ арки. Выпуклыя означаютъ часть небеснаго круга, вогнутыя—куполъ небеснаго свода, и тогда миніатюра получаетъ видъ храма въ византійскомъ или романскомъ стилѣ. Небесный кругъ является, или въ своемъ сегментѣ, или въ секторѣ. Иногда небесная линія выведена широкою волною съ крупными выгибами, какъ напр. въ Апок. МПМ. № 156, м. 34 [сн. 43]. Небо состоитъ изъ концентрическихъ полосъ, означающихъ небесныя сферы; полосы эти, въ лучшихъ экземплярахъ, разнаго цвѣта; такія же полосы приняты и въ прямолинейной архитектурѣ неба. Эти цвѣтныя сферы даютъ подобающій фонъ видѣніямъ Откровенія, въ древнѣйшихъ Апокк.: въ Бамбергскомъ X в., въ Альтамировскомъ XII в., а у насъ

преимущественно въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в., вообще въ самомъ замѣчательномъ изъ всѣхъ нашихъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ по богатству и разнообразію небесной архитектуры.

Очень важное исключеніе въ этомъ же моемъ Апок. относительно цвѣтныхъ полосъ, предлагаетъ м. 8 [копія краск. 9], въ которой эти полосы составляютъ фонъ для щита съ Адомъ, Сатаною и Смертью, исключеніе, объясняемое символическимъ сочетаніемъ идей, какъ показано въ своемъ мѣстѣ.

За отсутствіемъ ландшафтной обстановки, иногда весь фонъ миніатюры и для небеснаго и для земнаго бываетъ сплошной золотой, какъ напр. въ Бамбергскомъ Апок. X в., или же вмѣсто того, въ иллюстраціи убогой—просто бѣлое поле бумаги, какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи.

Небесныя сферы, будучи освящаемы присутствіемъ Божества съ ангелами, херувимами, крылатыми колесами и четырьмя символическими животными [τέσσαρα ζῶα], осложняются въ своей архитектурѣ геометрическими фигурами, состоящими изъ круговъ и квадратовъ, или въ одиночку, или въ сочетаніи круговъ съ квадратами и въ наложеніи крестъ-на-крестъ одного квадрата на другой, въ слѣдствіе чего образуется многоугольникъ въ видѣ звѣзды; иногда такой многоугольникъ слагается съ кругомъ. Фигуры эти, называемыя ореоломъ, служатъ, какъ святая святыхъ, вмѣстилищемъ для Божества. Стороны квадратовъ или прямолинейныя, или же нѣсколько вогнуты внутрь. См. напр. въ моемъ Апок. ранней ред. м. 65 [сн. 30], въ Апок. МПМ. № 156, мм. 14, 24 и 32 [снн. 35, 36 и 41]. Изъ такихъ же наложенныхъ другъ на друга квадратовъ составляется угловатое сіяніе, или угловатый нимбъ.

Эти угловатыя фигуры ореола восходятъ своимъ началомъ къ первымъ вѣкамъ христіанской иконографіи. Такъ напр. между орнаментами въ развалинахъ Центральной Сиріи встрѣчается на двухъ квадратахъ, положенныхъ углами крестъ-накрестъ, въ кругу, монограмма Іисуса Христа. Фигуру эту графъ Воге относитъ къ IV в. См. Syrie Centrale. Architecture du I-r au VII-me siècle. Par le Comte Melch. de Vogué. Paris 1865. Табл. 100 [Deir Seta].

Древнѣйшую форму ореола представляетъ просто щитъ, употребляемый въ древнехристіанскихъ саркофагахъ для фигуръ усопшихъ, которые въ нихъ похоронены. Та же форма

щита принята была въ византійскомъ искусствѣ для медаліоновъ съ изображеніями Іисуса Христа. Богоматери и т. д., а въ апокалипсической иконографіи, напр. въ моемъ Апок. ранней ред. м. 1 [сн. 1]. Еще съ древнѣйшихъ временъ особенно пользовался для своего вмѣстилища щитомъ св. Агнецъ, что особенно распространено въ моемъ юсов. Апок. XVI в. [снн. 87 и 91], который вмѣстѣ съ тѣмъ богатъ и вообще разнообразными формами ореоловъ.

Вообще отдѣленіе сюжетовъ линіями, вмѣсто ландшафта, принято въ древнихъ редакціяхъ, какъ напр. Пустыня съ св. Женою въ моемъ Апок. ранней ред. м. 36 [сн. 17], въ иллюстраціи XVIII в. по рук. Барсова № 113. м. 35 [сн. 192 в].

Къ украшеніямъ неба относятся стилизованныя звѣзды, въ видѣ ювелирныхъ издѣлій разной формы, и солнце и мѣсяцъ съ человѣческими лицами—древнѣе въ профиль, позднѣе съ лица, а еще древнѣе съ цѣлыми человѣческими фигурами, изображающими Аполлона и Діану.

Есть редакціи, въ которыхъ, за немногими исключеніями, постоянно помѣщается при небесномъ и земное, какъ въ моемъ юсовомъ Апок., въ Филаретовско-Чудовской ред. и въ СПБ. № 225 и Музейн. лист. № 214, и есть такія, въ которыхъ однѣ миніатюры содержатъ только небесное и святое, а другія земное или же кромѣшнее и дьявольское, какъ въ моемъ Апок. ранней ред. и частію въ МПМ. № 156.

Въ противоположность небесной святынѣ въ ея архитектурномъ размѣщеніи отличаются суровою простотою миніатюры съ апокалипсическими чудовищами, какъ напр. въ моемъ Апок. ранней ред. мм. 38, 39, 47, 58, 59 [снн. 18, 19, 21, 26 и 27], изъ которыхъ послѣдняя представляетъ дьявольскую сцену въ архитектурномъ помѣщеніи омраченнаго пространства, которое очеркнуто овальною линіею; въ Апок. МПМ. № 156, мм. 31, 33, 63, 64 [снн. 40, 42, 50 и 51], изъ которыхъ послѣдняя миніатюра состоитъ только изъ симплегмы Великаго Змія съ Первымъ Звѣремъ. Сюда же слѣдуетъ отнести симплегму Гога и Магога, которая составляетъ отличительную черту Чудовскаго Перевода.

Пораженіе Великаго Змія и его дьявольскаго полчища особенно иконографично представлено въ моемъ юсовомъ Апок. м. 40 [сн. 84] и въ Соловецкомъ юсовомъ, м. 33 [сн. 68].

Великій Змій, поднимаясь до звѣздной сферы, дѣлаетъ въ ней проломъ, увлекая своимъ хвостомъ третью часть звѣздъ вмѣстѣ съ осколкомъ небесной тверди: представленіе, принятое во многихъ редакціяхъ. XII, 4.

Слѣдуя тому же представленію о небѣ, какъ о твердой массѣ, во всѣхъ редакціяхъ принято изображать его въ видѣ свитка или хартіи, когда оно, по Писанію, свивается, VI, 14.

Кромѣ ангеловъ, низпосылаемыхъ съ трубами и фіалами, небо сообщается съ землею посредствомъ гласовъ, громовъ и другихъ явленій милостивыхъ для праведниковъ и сокрушительныхъ для зла и грѣха. Непрестанно оглашается зданіе небесныхъ сферъ грозными и торжественными звуками и молитвеннымъ пѣснопѣніемъ. Тамъ даже и *олтарь глаголющь* [по древнему чтенію] XVI, 7, и отъ четырехъ роговъ его исходитъ голосъ, IX, 13 [снн. 97 а, 275 в]. Такъ какъ по толкованію и самый звукъ не только слышенъ, но и виденъ: «и обратихся видѣти гласъ, иже глаголаше со мною» I, 12: то всѣ нисходящія на землю силы, подлежащія и зрѣнію и слуху, одинаково представляются въ разныхъ символическихъ знакахъ и олицетвореніяхъ, которые усугубляютъ необычайность изображаемаго видѣнія, а для небесныхъ сферъ служатъ украшеніемъ, какъ орнаменты въ архитектурѣ. Такими знаками и олицетвореніями особенно изобилуютъ оба мои Апок., юсовой и ранней редакціи и МПМ. № 156, какъ подробно объяснено это въ самомъ описаніи этихъ рукописей; а изъ западныхъ редакція Англосаксонская, по рук. XII в. и въ Инкунабулахъ XV в. [снн. 267, 269 в].

Что касается до нижней или земной половины изображеній, то она, или живописуется въ подробности, какъ въ моемъ юсовомъ Апок., или сокращается до энергическихъ намековъ при помощи стилизаціи и символовъ, при чемъ миніатюра получаетъ видъ іероглифа, какъ напр. въ моемъ Апок. ранней редакціи, мм. 21, 60 [снн. 9 и 28]. Такой же іероглифическій способъ представленія принятъ и въ воздушномъ пространствѣ, напр. въ томъ же Апок. м. 22 [сн. 10]. Замѣна ландшафта символическимъ сокращеніемъ допускается и въ подробной редакціи моего юсоваго Апок., напр. м. 41 [сн. 85].

Символическое сокращеніе ландшафта совершается при помощи стилизованныхъ формъ, условно означающихъ

изображаемый предметъ. Это только намекъ. а не живописное представленіе, иногда въ видѣ орнамента. Такъ напр. въ моемъ Апок. ранней редакціи море въ видѣ сектора въ нижнемъ углу миніатюры, м. 54 [сн. 23], виноградъ въ формѣ архитектурныхъ столбиковъ съ орнаментными перемычками, м. 50 [сн. 22]; въ Апок. МПМ. № 156, дерева въ видѣ колоссальныхъ цвѣтовъ и грибовъ. Подобныя стилизованныя формы указаны мною въ Бамбергскомъ Апок. X в., въ Зальцбургскомъ Антифонаріи XI в.. во фрескахъ церкви св. Савина XII в. [снн. 253 а, 258 а].

Благоговѣйное усердіе миніатюриста передать въ образахъ каждую строку св. Писанія осложняетъ содержаніе миніатюры и усиливаетъ необычайность изображенія. Приписывая реальный смыслъ даже риторическому уподобленію, какъ уже указано во II главѣ этого Введенія, онъ даетъ въ уста Господу Богу трубу, IV, I; вмѣсто крупнаго града. падающаго съ неба, рисуетъ монеты, XVI, 21, какъ въ Инкунабулахъ XV в. грав. 65 [сн. 269 в]; или влагаетъ ангелу въ руки мельничный жерновъ, XVIII, 21.

Иногда самое изреченіе Писанія имѣетъ значеніе не собственное, а переносное, какъ напр. X, 4, и тогда по одной редакціи удерживается смыслъ буквальный, т. е. изображаются въ стилизованныхъ олицетвореніяхъ семь громовъ, какъ въ Англосаксонскомъ Апок. XII в. и въ Инкунабулахъ. грав. 25 [сн. 267 б], а по другой редакціи въ смыслѣ переносномъ это семь добродѣтелей или семь проповѣдниковъ, какъ въ Пражскомъ Апок. XIV в. стр. 139 [сн. 263 а].

По принятымъ у насъ редакціямъ Енохъ и Илія изображаются только въ смыслѣ историческомъ, какъ праотцы въ усвоенныхъ имъ типахъ, но въ переносномъ значеніи по Писанію— «сіи суть двѣ маслицы и два свѣщника предъ Богомъ земли стоящаго» XI, 4, и потому по редакціи Аквитанской въ Альтамировскомъ Апок. XII в., м. 57. аллегорическими и тропологическими аттрибутами имъ служатъ двѣ оливы съ лампадами.

Но такъ какъ этимъ праотцамъ предназначена трехдневная смерть и воскресеніе, то оба они, раздѣляя судьбу Іоны, своимъ заключеніемъ во чревѣ чудовища, въ смыслѣ анагогическомъ, должны быть выразителями того же символическа-

го прообразованія, какъ и пророкъ Іона. См. въ моемъ Апок. ранней редакц. м. 31 [сн. 14].

Иногда природѣ видимой чрезъ посредство условной стилизаціи дается смыслъ переносный и анагогическій. Такъ напр. Древо Жизни вмѣсто обыкновенныхъ плодовъ произращаетъ человѣческія головы въ иллюстраціи XVШ в. по рук. Барсова № 113, м. 68 [сн. 191] и въ Апок. ОДП. № 100 инв., № 10, XIX в. м. 68 [сн. 239], согласно съ представленіемъ въ Hortus Deliciarum XII в. [сн. 256].

Подробныя характеристики типовъ добра и зла, типовъ божественныхъ, ангельскихъ, дьявольскихъ и звѣриныхъ изложены въ самыхъ описаніяхъ рукописей. Здѣсь ограничиваюсь немногими общими выводами.

Иконописныя изображенія, указываемыя миніатюристу въ видѣніяхъ Откровенія, стоятъ еще внѣ иконографическаго цикла Евангельскихъ событій. Тутъ нѣтъ еще ни Рождества Іисуса Христа, ни Крещенія Его, ни Преображенія, ни Тайной Вечери, ни Страстей Господнихъ, ни даже Его Воскресенія. Откровеніе объемлетъ судьбы человѣчества и всего міра въ главныхъ моментахъ борьбы добра и зла, между двумя крайними предѣлами бытія, изъ которыхъ одинъ восходитъ къ Древнему Змію и его низверженію съ неба вмѣстѣ съ отпадшими небесными ликами, а другой предрекается въ будущемъ истребленіи всего земнаго, въ послѣднемъ днѣ Страшнаго суда и въ райскомъ упокоеніи праведныхъ въ Горнемъ Іерусалимѣ.

Не касаясь земной жизни Іисуса Христа, Откровеніе не вноситъ въ видѣнія и Богоматери, но, учреждая высокій идеалъ Христіанской Церкви, представляетъ ее въ типахъ св. Жены, преслѣдуемой Древнимъ Зміемъ, гл. XII, и—Невѣсты Агнчей, XIX, 7 и 8. Это символическіе образы первыхъ вѣковъ христіанской иконографіи, когда циклъ церковныхъ праздниковъ не могъ еще опредѣлиться; но св. великомученики чествуются, какъ души избіенныхъ за Слово Божіе, и имъ дается одежда, которая для иконографіи должна была служить аттрибутомъ въ установленіи ихъ типа въ связи съ археологіею саркофага и жертвенника, VI, 9-11; см. въ Бамбергск. Апок. X в. м. 14, въ моемъ ранней редакціи м. 16 [сн. 8]. Праотцы, пророки и апостолы въ видѣніяхъ также присутству-

ютъ, но церковная іерархія ограничивается двадцатью четырьмя Старцами [οἱ εἰκοσιτέσσαρες πρεσβύτεροι]. Небесную литургію совершаютъ ангелы въ соприсутствіи старцевъ, или пресвитеровъ, и торжественнымъ славословіемъ аллилуіи оглашаются небесныя сферы отъ «народа многа на небеси». IV, V, VIII, 1-5, XIX, 1-6.

Древнѣйшія и лучшія редакціи предлагаютъ иконографію въ строгихъ предѣлахъ, указанныхъ текстами Откровенія, сколько можно судить даже и по значительно позднимъ памятникамъ, на западѣ, X-XII вв., и особенно у насъ, не ранѣе XVI в., которые должны были уже внести въ свой составъ нѣкоторыя подновленія, но не настолько, чтобы низойти съ высоты идей и воззрѣній отвлеченнаго и выспренняго строя таинственныхъ видѣній. Паденіе иконографіи въ редакціяхъ позднѣйшихъ оказывается въ произвольномъ толкованіи текста, въ излишней примѣси и въ разныхъ недомыслахъ. Таковы напр. украшеніе головы апокалипсическаго Звѣря папскою тіарою въ Лютеровомъ Апок. 1534 г. и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ; замѣна св. Жены Божіею Матерью въ Аѳонской Ерминіи іеромонаха Діонисія; изображеніе Іисуса Христа стоящимъ во гробѣ, въ Чудовскомъ Переводѣ 1638 г. м. 71 [сн. 124 б], или съ рѣзкимъ указаніемъ на Страсти Господни,—открывшимъ свой обнаженный бокъ, прободенный копіемъ. въ Подносномъ экземплярѣ по рук. МДА. № 14, м. 67. На западѣ уже въ XIV в. въ стилѣ готическомъ апокалипсическая иконографія потерпѣла крушеніе во всей своей системѣ, будучи перелицована на католическій ладъ со введеніемъ лицъ и событій средневѣковой исторіи, а у насъ въ позднее время и совсѣмъ она изсякла, будучи низведена до кощунственныхъ каррикатуръ, на манеръ нѣмецкой пародіи Romae Animale exemplum 1678 г., въ безсмысленныхъ подѣлкахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Раскольничьихъ Апокалипсисовъ. Какъ библіографическіе куріозы, не имѣющіе никакого отношенія къ иконографіи, они оставлены мною безъ вниманія. Для меня въ этомъ случаѣ замѣчательно только совпаденіе нашихъ ревнителей старообрядства съ католическимъ фанатизмомъ и протестантскимъ высокомѣріемъ въ произвольномъ и легкомысленномъ отношеніи къ св. Писанію.

Отсылая читателя къ подробнымъ изслѣдованіямъ разныхъ

апокалипсическихъ типовъ въ описаніи самыхъ рукописей, здѣсь долженъ я коснуться одного изъ главнѣйшихъ пунктовъ въ исторіи иконографіи. именно по вопросу о томъ, въ какомъ образѣ и подобіи, по указанію текстовъ, представляется Господь Богъ въ лучшихъ и древнѣйшихъ редакціяхъ.

Согласно съ таинственностью видѣній указанія эти давались иконографіи въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ, съ бо́льшею или меньшею опредѣлительностью. А именно:

Подобенъ Сыну человѣческому, 1, 13. XIV, 14.

Сѣдяй бѣ подобенъ видѣніемъ камени іаспису и сардинови, IV, 3.

Слово Божіе, XIX, 13.

Іисусъ, корень и родъ Давидовъ, и звѣзда утренняя и денница, XXII, 16.

Святый истинный, имѣяй ключъ Давидовъ, III, 7.

Свидѣтель вѣрный и истинный, начатокъ созданія Божія, III, 14.

Богъ, VIII, 2.

Гласъ глаголющъ, XVI, 1. XXI, 3.

Кромѣ того названъ Духъ [πνεῦμα] въ изреченіи: «Духъ и Невѣста глаголютъ», XXII, 17.

Самыя точныя указанія даются о св. Агнцѣ, образъ котораго во всей ясности выступаетъ въ разныхъ видѣніяхъ Откровенія.

Таинственныя представленія текстовъ о Божественныхъ ипостасяхъ послужили причиною къ различію редакцій въ принятіи того или другаго изъ иконографическихъ типовъ Господа Бога.

Редакціи древнѣйшія, какъ на западѣ, такъ и у насъ, состоя въ ближайшемъ согласіи съ символическими и мистическими образами первыхъ вѣковъ христіанскаго міровоззрѣнія, даютъ господство самымъ раннимъ типамъ, присовокупляя къ архаическому символу Агнца идеальный образъ юнаго Іисуса Христа, выработанный въ античномъ стилѣ искусства катакомбъ и самыхъ раннихъ мозаикъ, и потомъ облеченный въ царственное величіе Еммануила въ стилѣ византійскомъ.

Этотъ послѣдній типъ составляетъ существенную принадлежность нашего Лицеваго Апокалипсиса по всѣмъ его редакціямъ, какъ по древнимъ, такъ и по новѣйшимъ, за исключеніемъ сильно попорченныхъ западнымъ вліяніемъ. Само собою разу-

мѣется, что при Еммануилѣ приняты у насъ уже и другіе типы Господа Бога въ однихъ и тѣхъ же рукописяхъ, не только въ новыхъ, но и въ старыхъ, т. е. Господь Саваоѳъ и иконописный типъ Іисуса Христа въ зрѣломъ возрастѣ съ бородою.

При этомъ должно замѣтить, что Еммануилъ удержался у насъ до позднѣйшихъ временъ только въ первыхъ главахъ Апокалипсиса, имѣющихъ предметомъ семь Церквей, гл. I-III; въ другихъ же мѣстахъ замѣненъ тѣмъ или другимъ изъ прочихъ двухъ типовъ. Смотр. напр. новыя дюжинныя копіи Чудовскаго Перевода и мой Апок. 1721 г.

Въ самыхъ раннихъ. изъ извѣстныхъ мнѣ. западныхъ Апокк. Господь Саваоѳъ еще отсутствуетъ, напр. въ Бамбергскомъ X в., Англосаксонскомъ XII в., а равно и въ послѣдовавшихъ отъ редакціи этого послѣдняго Инкунабулахъ XV в.

Тамъ, гдѣ Господь Богъ является вмѣстѣ съ Агнцемъ, гл. IV-VIII, оказалась уже довольно рано потребность въ замѣнѣ архаическаго Еммануила типомъ Господа Саваоѳа, чтобы отличить обѣ Божественныя ипостаси. Впрочемъ, иныя изъ древнѣйшихъ редакцій въ этомъ случаѣ ограничиваются только Агнцемъ, или же для IV гл. Апокалипсиса изображаютъ Еммануила.

Кромѣ другихъ аттрибутовъ, всѣ эти три типа отличаются между собою сіяніемъ, или нимбомъ. Кромѣ простаго и крестнаго сіяній, общихъ у насъ съ западомъ, наша восточная иконографія выработала, въ соотвѣтствіе угловатому ореолу, угловатое же сіяніе. Сверхъ того въ моемъ Апок. ранней редакціи и въ Соловецкомъ юсовомъ принято сіяніе двойное, состоящее изъ двухъ концентрическихъ круговъ, встрѣчающееся на западѣ, впрочемъ не часто.

Чѣмъ редакція древнѣе, тѣмъ возможнѣе и обыкновеннѣе смѣшеніе сіяній въ аттрибутахъ того или другаго изъ божественныхъ типовъ; т. е. Еммануилъ является не только въ своемъ собственномъ сіяніи, угловатомъ, по иконописи восточной, какъ Господь Саваоѳъ, но и въ крестномъ, какъ Іисусъ Христосъ, а также и въ простомъ; Господь Саваоѳъ—или въ своемъ собственномъ—угловатомъ, или въ простомъ, и наконецъ Іисусъ Христосъ въ его иконописномъ подобіи съ бородою—не только въ своемъ собственномъ—крестномъ, но и въ простомъ, и тогда онъ мало отличается отъ Господа Саваоѳа.

Это смѣшеніе сіяній, отъ чего бы оно ни происходило, наглядно выражаетъ какъ бы колебаніе апокалипсической иконографіи въ изображеніи типовъ Божественныхъ ипостасей, которыхъ таинственное обозначеніе въ текстахъ Откровенія могло приводить иконописца въ недоумѣніе.

Мы имѣемъ точныя свидѣтельства, что это колебаніе было впослѣдствіи нашими мастерами замѣчено, и смѣшеніе сіяній было устранено, какъ это явствуетъ изъ сравненія моего юсоваго Апок. XVI в. съ моею же копіею 1705 г., и Филаретовскаго экземпляра XVI в. съ Чудовскимъ Переводомъ по рукк. XVII в. Эту выправку я отношу къ однообразію системы, принятой въ нашихъ Иконописныхъ Подлинникахъ, которые своею цензурою, искореняя дѣйствительныя погрѣшности, принесли и долю вреда, стѣснивъ художественную свободу слишкомъ узкими предѣлами и бросивъ тѣнь на болѣе широкое и привольное развитіе древнѣйшей иконографіи.

Вообще надобно сказать, что безусловное уваженіе, какимъ пользуется Иконописный Подлинникъ у невѣжественныхъ мастеровъ и ученыхъ спеціалистовъ, принадлежитъ къ застарѣлымъ предразсудкамъ. Подлинникъ есть явленіе довольно позднее; это было сентиментальное возвращеніе къ старинѣ, которую уже плохо понимали и сами его составители, чему очевидное доказательство представляетъ, какъ уже показано въ V главѣ этого Введенія, Аѳонская Ерминія іеромонаха Діонисія. Иконописная норма, предписанная Стоглавомъ и приведенная у насъ въ исполненіе въ Подлинникѣ, не выдерживается въ типахъ и общемъ строѣ нашихъ древнѣйшихъ редакцій Лицеваго Апокалипсиса, а въ позднѣйшихъ она сопутствуетъ ослабленію и упадку преданія.

Впрочемъ, уже и между самыми ранними рукописями нашего Лицеваго Апокалипсиса, при господствѣ архаической иконографіи Господа Бога. мы встрѣчаемъ и жалкое ея паденіе подъ вліяніемъ западнымъ, именно въ Соловецкомъ юсовомъ Апок. Въ немъ Еммануилъ не встрѣчается уже ни разу, а типы Іисуса Христа съ бородою и Господа Саваоѳа ничѣмъ не отличены за полнымъ отсутствіемъ сіяній крестнаго и угловатаго.

Архаическое представленіе прочихъ изъ вышеприведенныхъ текстовъ Откровенія см. въ описаніи моего юсоваго Апок. XVI в., а также и объ изображеніи треипостаснаго Господа Бога

въ трехъ лицахъ, при чемъ Духъ Святый писанъ въ типѣ Еммануила, м. 15 [сн. 78]. Въ позднѣйшихъ редакціяхъ является, или Троица въ видѣ трехъ ангеловъ, какъ въ Уваровск. Апок. № 58, половины XVII в. м. 25, или Отечество въ редакціи Подноснаго экземпляра, по рук. МДА. №14, XVII в. м. 67.

Изъ прочихъ священныхъ типовъ я долженъ упомянуть здѣсь объ Іоаннѣ Богословѣ, какъ потому, что онъ постоянно является въ миніатюрахъ свидѣтелемъ совершающихся передъ его очами видѣній, такъ и особенно потому, что по двумъ его типамъ существенно отличаются между собою иконографія западная и византійско-русская. На западѣ съ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ временъ принятъ для него типъ безбородаго юноши, у насъ—сѣдовласаго старца самыхъ преклонныхъ лѣтъ, съ бородою клиномъ и съ лысиною, во всѣхъ лучшихъ редакціяхъ, согласно съ Иконописнымъ Подлинникомъ *. Юный типъ относится къ идеальнымъ фигурамъ древнехристіанскаго искусства, старческій соотвѣтствуетъ историческому принципу византійской иконографіи. Различіе между тѣмъ и другимъ еще удержано въ Бамбергскомъ Апок. X в., гдѣ встрѣчаются оба эти типа. Въ оправданіе господствующаго на западѣ юнаго типа было составлено тамъ схоластическое ученіе, которое теологъ XVI в. Іоаннъ Моланъ ** приводитъ въ слѣдующихъ словахъ: «Penultimo loco dicendum est de Ioanne Evangelista. Quem etiam Romani imberbem pingunt: apud quos tamen, eorum more, cum barbis cernuntur Augustinus, Hieronymus, Ambrosius, Franciscus et alii sancti. Hujus igitur picturae dandae sunt rationes. Nequae enim unam, sed plures collegit Petrus Sutor, Carthusianus Parisiensis: «Dicimus, inquit, adversarium inaniter pictores vellicare, quod juvenem, imberbem et inelegantem depingere soleant. Siquidem pictores ipsi in hac parte potius laudati sunt, quippe qui deningant prudenter, apte et accommodate, Ioannem juvenem et imberbem, partim propter aetatem, quia adolescens erat tempore coenae, partim propter perpetuam virginitatem, partim denique ad proponendum juvenibus exemplum, ut instar Ioannis florem juventutis Christo consecrare et divinis obsequiis seipsos dedere studeant».

* Строгановскій Лицевой Подлинникъ. Москва 1869. Изображеніе подъ 26-мъ сентября.

** De Historia ss. imaginum et picturarum, по изданію Natalis'a Paquot. Lovanii 1771. Стр. 398-399.

Таинственной необычайности небесныхъ и адскихъ силъ, наполняющихъ видѣнія св. Откровенія, соотвѣтствуетъ и необычайная обстановка въ полатномъ письмѣ и въ бытовыхъ принадлежностяхъ. Въ древнѣйшихъ редакціяхъ все это отзывается маститыми архаизмами отъ далекихъ временъ, все отвлекаетъ фантазію отъ окружающей дѣйствительности и рисуетъ ей образы первыхъ вѣковъ христіанства, частію взятые еще изъ античнаго міра и уже невѣдомые на самомъ дѣлѣ ни мастерамъ, которые ихъ воспроизводили, ни читателямъ, которые ихъ созерцали.

Судя по болѣе или менѣе удачнымъ копіямъ и передѣлкамъ, какія дошли до насъ въ рукописяхъ, восходящихъ не далѣе XVI в., мы только гадательно можемъ составить себѣ представленіе о высокомъ художественномъ достоинствѣ ихъ византійско-русскихъ оригиналовъ Лицеваго Апокалипсиса. Сравнительно-историческія наблюденія приводятъ насъ къ заключенію, что оригиналы эти должны были относиться къ разряду изящныхъ произведеній византійской и романской иконографіи отъ IX до XII в., каковы напр. миніатюры въ греческихъ рукк. Григорія Богослова и Псалтыри въ Парижской Публичной Библіотекѣ, въ Codex Aureus св. Эммерама, въ Бамбергскомъ, Англосаксонскомъ, Альтамировскомъ и Сан-Северовскомъ Апокалипсисахъ, въ Hortus Deliciarum аббатиссы Геррады Ландспергъ и проч.

Наши миніатюры представляютъ постоянную борьбу неумѣлой техники и бѣдности воображенія съ высокимъ изяществомъ классическаго стиля византійскаго искусства и съ богатымъ содержаніемъ иконографическаго преданія. Потому изъ уровня рутинной посредственности постоянно возникаютъ художественные образы, или же такіе маститые архаизмы, какіе антикварій можетъ указать только въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ стиля древне-христіанскаго, византійскаго или романскаго. Во всякомъ случаѣ надобно признаться, что красота въ нашихъ апокалипсическихъ иллюстраціяхъ только относительная, какъ остатокъ художественныхъ оригиналовъ, неумѣло переданныхъ, иногда въ грубой и искаженной формѣ. Вообще наши иконописцы погрѣшали въ подробностяхъ, не умѣя въ точности ихъ копировать, но удерживали общія линіи рисунка въ симметрическихъ и параллельныхъ размѣщеніяхъ и въ дру-

гихъ изящныхъ пріемахъ, какіе были имъ подъ силу; см. напр. въ моемъ Апок. ранней редакціи м. 30 [сн. 13]. Впрочемъ, судя по моему юсов. Апок. XVI в., можно заключить, что еще и въ это довольно позднее время мастера наши въ значительной степени умѣли уберечь античную и византійскую красоту не только въ общихъ очертаніяхъ, но и въ обработкѣ подробностей, напр. въ м. 53 [копія краск. 11].

Многое, что̀ считалось въ нашей иконописи доморощенной грубостью и варварствомъ въ сравненіи съ натуральностью живописнаго стиля, должно быть разсматриваемо, какъ общее достояніе всего средневѣковаго романскаго стиля; какъ напр. противная законамъ природы стилизація неба и облаковъ, горъ, рѣкъ и деревъ, наивное размѣщеніе сюжета, раздѣленное на перегородки прямыми или кривыми линіями, и многіе другіе условные пріемы, нарушающіе натуральность изображаемыхъ предметовъ. Тѣ же погрѣшности встрѣчаются и въ такихъ высоко изящныхъ иллюстраціяхъ, какъ Бамбергскій Апокалипсисъ X в. и Hortus Deliciarum XII в.

Постепенное искаженіе античной красоты и натуральности искусства древне-христіанскаго и византійскаго, происшедшее отъ неумѣлости средневѣковыхъ мастеровъ, само собою выработалось въ новыя формы стиля романскаго на западѣ и соотвѣтствующаго ему у насъ византійско-русскаго, въ которыхъ погрѣшности противъ натуры очень удачно были стилизованы, или какъ символическій знакъ, или же какъ условный орнаментъ. Искусство въ своемъ историческомъ развитіи, хотя и въ неумѣлыхъ рукахъ безыменныхъ мастеровъ, подчинялось той же стихійной силѣ, которою пользуется природа, созидая изъ разрушенія умирающихъ организмовъ новыя жизни, подобно тому, какъ изъ античныхъ развалинъ возникали средневѣковыя созиданія. Это законъ исторической эстетики, согласный съ законами природы и человѣческаго духа. Творческая мысль, при неумѣніи подражать природѣ, не перестаетъ предъявлять надъ нею свое господство, налагая на безобразно и насильственно расторгнутые ея члены печать затѣйливой неестественности фантастическаго орнамента и условнаго знака, которому дается свой смыслъ.

Такимъ образомъ, стилизація вмѣстѣ съ орнаментомъ относятся къ одному разряду художественныхъ формъ той от-

даленной эпохи средневѣковаго искусства, когда въ немъ господствовали неестественныя сочетанія разрозненныхъ членовъ видимой природы, подчиняемыя геометрическимъ очертаніямъ. И стилизація и орнаментъ преимущественно принадлежатъ искусству, стоящему внѣ условій живописнаго стиля. Изъ этихъ же обѣихъ формъ главнѣйшимъ образомъ выработались символическіе знаки, напр. крестъ, ореолъ, сіяніе, клинья для означенія гласовъ, громовъ и разныхъ силъ и т. п.

Самое содержаніе апокалипсическихъ видѣній требовало для внѣшняго ихъ выраженія символическихъ образовъ, а принятая въ Толковыхъ Апокалипсисахъ система толкованія обязывала иконописцевъ въ этихъ символахъ видѣть смыслъ тропологическій и анагогическій.

Подражаніе природѣ заставляло живописцевъ переводить символъ на естественное выраженіе въ предѣлахъ натурализма и тѣмъ постоянно нарушать таинственность изображаемаго сюжета. Тогда стилизація уступала уже свое мѣсто правильному ландшафту и исторической картинѣ.

Переходъ этотъ неособенно чувствителенъ въ сюжетахъ историческихъ, напр. изъ Ветхаго и Новаго Завѣта; но для сюжетовъ мистическихъ и символическихъ, каковы видѣнія св. Откровенія—онъ гибеленъ въ художественномъ отношеніи. При натурализмѣ пропадаетъ все обаяніе таинственной идеи, ищущей себѣ выраженія въ загадкѣ символическихъ знаменій, которыя въ замкнутыхъ предѣлахъ условной стилизаціи должны быть выгораживаемы изъ области дѣйствительной жизни и видимой природы.

Въ стилизованной изъ символическихъ знаковъ миніатюрѣ подробности слагаются въ одно цѣлое не по правиламъ ландшафтной или исторической живописи, а по общему имъ всѣмъ смыслу, который имъ даетъ изображаемый ими текстъ, распредѣляя ихъ, какъ отдѣльныя предложенія въ рѣчи. Это та же система, которую видимъ еще въ стѣнописи катакомбъ и въ изваяніяхъ древне-христіанскихъ саркофаговъ. Отдѣльные сюжеты или стоятъ другъ возлѣ друга, безъ всякой видимой связи, или же разграничены между собою горизонтальными и вертикальными линіями, или наконецъ размѣщены въ кругахъ и другихъ геометрическихъ фигурахъ, какъ орнаменты въ архитектурѣ, подчиненные правиламъ параллелизма и симметріи. См.

напр. въ моемъ Апок. ранней редакціи мм. 4, 21. 22, 36 [снн. 2, 9, 10, 17], въ моемъ юсовомъ мм. 31, 40, 41, [снн. 81, 84, 85].

Стиль Возрожденія, не смотря на геніальность Альбрехта Дюрера и Лютера, нанесъ рѣшительный ударъ апокалипсической иконографіи, можно сказать, подточилъ ее въ корнѣ; изъ таинственнаго видѣнія сдѣлалъ сцену для историческихъ и бытовыхъ явленій, небесное низвелъ на улицу и на площадь, и необъятное втиснулъ въ рамку ландшафта; все же сверхъестественное, весь необычайный и нечеловѣческій персоналъ въ этой ежедневной обстановкѣ дѣйствительности получилъ видъ замаскированныхъ фигуръ, какія въ фантастическихъ представленіяхъ машинистъ пускаетъ на театральныя подмостки, обставленныя декораціями.

Еще къ первой половинѣ XV столѣтія относится одно изъ величайшихъ произведеній искусства, которое, далеко опередивъ свой вѣкъ высокими качествами живописнаго натурализма и блистательнаго техническаго исполненія, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и рѣшительное уже паденіе апокалипсической иконографіи. Читатель, вѣроятно, догадывается, что я говорю о Поклоненіи св. Агнцу, которое изобразилъ въ своемъ знаменитомъ складнѣ Іоаннъ Ванъ-Эйкъ для олтаря въ Гентскомъ соборѣ *.

Совершивъ громадные успѣхи на пути своего быстраго развитія въ послѣднія четыре столѣтія, возрожденное искусство съ обновленіемъ своихъ идей и задачъ обновилось и въ соотвѣтственномъ имъ внѣшнемъ выраженіи, въ художественныхъ пріемахъ и техникѣ. Новый стиль уже не согласовался съ религіознымъ вдохновеніемъ господствовавшаго нѣкогда искусства церковнаго, и всего менѣе могъ быть примѣненъ къ художественному воспроизведенію Откровенія Іоанна Богослова. Потому позднѣйшія попытки въ апокалипсической иллюстраціи на западѣ въ печатныхъ изданіяхъ XVI и XVII столѣтій, какъ показано въ IV главѣ этого Введенія, вовсе не соотвѣтствуютъ высоко эстетическому вкусу тѣхъ временъ; напротивъ представляютъ онѣ крайнее безвкусіе въ противной смѣси иконографическаго съ живописнымъ и выспренней таинственности

* Waagen, Handbuch der deutschen und niederlandischen Malerschulen. Stuttgart 1862. I, стр. 82 и слѣд.

съ пошлою обстановкою современнаго быта, и должны быть отнесены не столько къ исторіи Лицеваго Апокалипсиса, сколько къ библіографіи тѣхъ иллюстрированныхъ изданій, которыя отъ XVI и до XVIII столѣтія были сильно распространены, ради мечтательной сентиментальности и праздной игры фантазіи, подъ именемъ разныхъ Символовъ и Эмблематъ, на которые я уже указалъ выше.

Апокалипсическая иллюстрація послѣднихъ столѣтій на западѣ погрѣшаетъ въ самомъ существенномъ принципѣ эстетической критики: она представляетъ не гармоническое сочетаніе формы съ идеею, а рѣшительный между ними разладъ. Это произошло не потому только, что живописная форма со всѣми своими художественными пріемами не годилась для символическаго и мистическаго содержанія св. Откровенія, но особенно потому что художники утратили желаніе и способность понимать эту книгу св. Писанія, рѣшительно не могли. уже, какъ это было прежде, старательно вникать въ каждый ея стихъ, въ каждое слово, а вмѣстѣ съ тѣмъ утратили и религіозное вдохновеніе, откуда только и возможно было почерпать животворныя идеи для истинно художественныхъ созданій этого рода.

И такъ, съ точки зрѣнія эстетической критики, только тѣ изъ апокалипсическихъ иллюстрацій могутъ вполнѣ удовлетворить чувству изящнаго, въ которыхъ господствуетъ стиль иконографическій. Онѣ предлагаютъ самое гармоническое сліяніе таинственныхъ идей съ символическими формами, и уже по самому назначенію своему—состоять при текстѣ, какъ его наглядное толкованіе, онѣ, вмѣстѣ съ воспроизводимымъ ими въ образахъ св. Писаніемъ, являютъ такое нераздѣльное цѣлое, какого не представляетъ ни одна изъ прочихъ лицевыхъ книгъ религіознаго содержанія.

ОПИСАНІЕ РУКОПИСЕЙ

I

Рукопись профессора Буслаева, въ 4-ку, на 244 лл., собственно Апокалипсисъ [ранней редакціи] на лл. 82-244, съ 73 мм.; начала XVII в.

Не ранѣе XVIII вѣка въ одномъ переплетѣ изъ дерева, покрытаго тисненою кожей чернаго цвѣта, были соединены двѣ отдѣльныя рукописи: Лицевой Толковый Апокалипсисъ и сборникъ житій святыхъ и легендъ, помѣщенный въ первой половинѣ книги на лл. 1-81, слѣдующаго содержанія: Палладія мниха слово о второмъ пришествіи Христовѣ, житіе Марка Фряческаго, житіе Мартиніана, слово о кающемся бѣсѣ отъ Патерика, сказаніе о Казанской иконѣ Божіей Матери и похвала великомученику Никитѣ. Во время переплетанія книги листы той и другой рукописи были перебиты. Продолженіе сказанія о Казанской иконѣ, между листами 59 и 60, попало въ Апокалипсисъ на лл. 206-211, что же касается до самаго Апокалипсиса, то онъ пострадалъ въ началѣ и особенно на концѣ. Въ самомъ началѣ попали не на свое мѣсто мм. 6 и 7, писанныя на лицевой сторонѣ и оборотѣ листа 82, которымъ начинается Апокалипсисъ. На концѣ, за листомъ 218 [съ м. 66, при гл. 59, стих. 246 и 247] должны слѣдовать лл. 234-242 [отъ стиха 248 по 256] и потомъ уже самый конецъ Апокалипсиса, отъ стиха 257-го, на лл. 219-233. Послѣдніе два листа, 243 и 244, безъ текста, содержатъ только мм. 71, 72 и 73-ю, изъ которыхъ 72-я пи-

сана но оборотѣ 243-го л. и на лицевой сторонѣ 244-го, а 71-ая на лицевой сторонѣ 243-го и 73-я на оборотѣ 244-го.

Когда переплетчикъ уравнивалъ листы книги, то нѣсколько обрѣзалъ по краямъ рисунокъ миніатюръ, что̀, впрочемъ, не причинило имъ особеннаго ущерба.

По тексту Толковаго Апокалипсиса эта моя рукопись вмѣстѣ съ МПМ. № 156, тоже начала XVII в., предлагаютъ самостоятельную редакцію, какъ въ переводѣ на славянскій языкъ, такъ и въ удержаніи нѣкоторыхъ варіантовъ греческаго текста, не согласныхъ съ общепринятымъ у насъ чтеніемъ.

Главнѣйшая примѣта этой самостоятельности въ редакціи оказывается въ 13 стихѣ VIII главы [по Толковому Апок. гл. 25], въ которомъ, упоминаемый во всѣхъ прочихъ нашихъ Апокк., Ангелъ замѣняется Орломъ. А именно:

Въ исправленномъ текстѣ: «и видѣхъ и слышахъ единаго *Ангела* паряща посредѣ небесе, глаголюща гласомъ великимъ» и пр., согласно съ чтеніемъ въ пергаминной рук. Румянцевскаго музея № 8, XIII-XIV в.: «и видѣхъ и слышахъ единъ *ангелъ* прящеся»; въ Соловецк. экземплярѣ Филарета иконника: «единаго *отъ ангелъ* паряща», въ моемъ юсовомъ XVI в. такъ же. Въ подлинникѣ: Καὶ εἶδον καὶ ἤκουσα ἑνὸς ἀγγέλου πετομένου ἐν μεσουρανήματι, λέγοντος φωνῇ μεγάλῃ.

Въ отличіе отъ этого чтенія въ описываемой рукописи: «такоже видѣхъ и слышахъ, единому *орлу* посредѣ *ранимате* глаголющи гласомъ великимъ»; въ Апок. МПМ.: «видѣхъ и слышахъ единому *орлу* посреди *ренимате* парящу, и глаголюще великимъ гласомъ». Согласно съ варіантомъ: ἑνὸς ἀετοῦ πετομένου ἐν μεσουρανήματι, принятымъ въ латинской Вульгатѣ, а также и въ лицевыхъ Апокк. западныхъ, какъ напр. въ Бамбергскомъ X вѣка, при м. 22, въ Пражскомъ XIV в., стр. 88, при м. на стр. 89 и въ позднѣйшихъ католическихъ. Именно: et vidi et audivi vocem unius aquilae volantis per medium coeli. Что въ редакцію сказанныхъ двухъ Апокк., моего и МПМ., орелъ вошелъ не изъ латинскаго текста, а изъ греческаго, видно изъ того, вопервыхъ, что *посредь ранимате* [вар. *ренимате*] есть безграмотный переводъ греческаго: ἐν μεσουρανήματι, и, вовторыхъ, дательный самостоятельный: *единому орлу парящу*—соотвѣтствуетъ въ греческомъ родительному.

Соловецкій юсовой Апок., какъ сказано въ I главѣ Введенія,

отличается своею особенною редакціею въ текстѣ; но, какъ впослѣдствіи увидимъ. по миніатюрамъ онъ состоитъ въ зависимости отъ редакціи моего Апок.. теперь описываемаго. Потому и въ Соловецкомъ Апок. удержанъ орелъ, но только въ надписи надъ изображеніемъ въ миніатюрѣ: *видѣхъ посреди небеси орла паряща и глаголюща*, м. 21. Что же касается до текста этой рукописи, то въ немъ согласно со всѣми прочими: «и видѣхъ и слышахъ единого *ангела* паряща»: но при этомъ почеркомъ того же XVI в. глосса: *едину орълицу*, прибавленная какъ бы для того, чтобы согласовать текстъ съ изображеніемъ и надписью въ миніатюрѣ.

Надобно замѣтить, что и въ изданіи Каписстенскаго 1625 г. при общепринятомъ въ нашихъ текстахъ ангелѣ помѣщенъ въ глоссѣ варіантъ редакціи моего Апок. А именно: «и видѣхъ и слышахъ единаго ангела паряща въ-посредѣ небесій»; на полѣ глосса: *орла*.

Теперь обращаюсь къ другимъ особенностямъ текста въ описываемомъ Апок.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить ту странность, что толкованіе приписывается въ немъ не Андрею Кесарійскому, а Василію Великому, какъ значится въ самомъ заглавіи: «Иже во святыхъ отца нашего Василія Великаго архіепископа Кесарія Каппадокійскія сказаніе Апокалипсіи святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова».

Особенности текста состоятъ изъ примѣтъ болѣе или менѣе важныхъ, такъ какъ однѣ касаются редакціи самаго перевода съ греч. подлинника, другія ограничиваются отдѣльными реченіями, которыя замѣняютъ или дополняютъ собою слова, принятыя въ другихъ рукописяхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Апок. МПМ. № 156 сходится съ описываемымъ, будетъ замѣчено.

Начинаю съ примѣтъ важнѣйшихъ.

Вопервыхъ, XII, 15. «И изложи змій отъ устъ своихъ вслѣдъ жены воду яко рѣку, да *тою рѣкою носиму сотворитъ*»; согласно съ греч. подлинникомъ и съ Вульгатою: Καὶ ἔβαλεν ὁ ὄφις ἐκ τοῦ στόματος αὐτοῦ ὀπίσω τῆς γυναικὸς ὕδωρ ὡς ποταμόν, ἵνα ταύτην ποταμοφόρητον ποιήσῃ: Et misit serpens ex ore suo post mulierem aquam tanquam flumen, ut eam faceret trahi a flumine; такъ же и въ Пражск. XIV в.: ut faceret eam trahi a flumine. Во всѣхъ прочихъ, извѣстныхъ мнѣ, лицевыхъ Апокк. греч.

ἵνα ταύτην ποταμοφόρητον ποιήσῃ—переведено: «да ю въ рѣцѣ утопитъ» или «потопитъ», какъ напр. въ Соловецк. юсовомъ и въ Соловецк. же экземплярѣ Филарета иконника, въ моемъ юсовомъ и въ др., согласно съ древнѣйшимъ чтеніемъ въ Румянц. рук. XIII-XIV в.; а также и въ Апок. МПМ. № 156: «И изложи змій изъ устъ своихъ воду, яко рѣку, *хотяше жену потопити*», хотя и въ измѣненномъ оборотѣ. Но въ изданіи Копистенскаго 1625 г. согласно съ варіантомъ описываемаго Апок.: «И изверже ужъ изъ устъ своихъ за женою воду яко рѣку: да сію *сътворитъ рѣкою похищенную*». Что же касается до текста исправленнаго, то въ немъ хотя и значится общепринятое чтеніе: «да ю въ рѣцѣ потопитъ», но въ переводѣ, изданномъ при славянскомъ текстѣ по благословенію Святѣйшаго Синода, принятъ варіантъ, болѣе согласный съ приведеннымъ изъ описываемаго Апок., именно: «И пустилъ змѣй изъ пасти своей въ слѣдъ жены воду какъ рѣку, *дабы увлечь ее рѣкою*» [ἵνα ταύτην ποταμοφόρητον ποιήσῃ, ut eam faceret trahi a flumine].

Вовторыхъ, XIX, 2. Иносказательное представленіе Вавилона въ образѣ Любодѣицы, согласное съ иконографическимъ обычаемъ классическаго и древнехристіанскаго искусства олицетворять городъ въ видѣ женщины, въ коронѣ изъ городской стѣны *, разложилось въ варіантахъ апокалипсич. текста на свои составныя части, т. е. на городъ и Любодѣицу: такъ что по одной редакціи принято въ нашихъ текстахъ слово *градъ*, а по другой—*Блудница* или *Любодѣица*. По господствующей въ нашихъ Лицевыхъ Апокк. редакціи принято чтеніе первое, начиная съ древнѣйшихъ рукк., обѣихъ Соловецкихъ, въ юсовой и въ экземплярѣ Филарета иконника, въ Хлудовской [всѣ три XVI в.], согласно съ чтеніемъ въ Румянц. Апок. XIII-XIV в.: «Яко судилъ еси *граду*, иже просмради [вар. посмради] землю любодѣяніемъ своимъ». Что же касается до описываемой рук., то въ ней принятъ варіантъ второй редакціи: «яко осудилъ *блудницу* великую, иже просмрадила землю блуженіемъ ея»,

* Напр. въ греческ. свиткѣ «Іисусъ Навинъ» въ Ватиканск. библіот. VI в. изображеніе городовъ Гаваона и Іерихона въ видѣ женщинъ, въ коронахъ изъ городской стѣны; см. снимки въ моей монографіи *о Русской иконописи* въ Музейномъ Сборникѣ на 1866 г. при стр. 84, и у Кондакова въ Исторіи Византт. искус. и иконогр. по миніат. Одесса 1877, таб. II. На консульскихъ диптихахъ позади сидящаго на престолѣ консула изображаются стоящими двѣ женскія фигуры въ шлемахъ. Это Римъ и Византія.

равно какъ и въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в.: «яко судилъ есть *любодѣицы* великой. иже посмради землю любодѣяніемъ своимъ»; такъ же въ изд. Копистенскаго 1625 г. «яко осуди *блудницу* великую». и въ исправленномъ: «яко судилъ есть *любодѣицу* велику»: согласно съ греч. оригиналомъ и Вульгатою: ὅτι ἔκρινε τὴν πόρνην τὴν μεγάλην: judicavit de meretrice magna, какъ и въ Пражскомъ Апок. XIV в. Надобно замѣтить, что обѣ эти редакціи различаются между собою и по формѣ глагола: по первой онъ во 2-мъ лицѣ, по второй— въ 3-мъ.

Втретьихъ. XVI, 7. «И слышахъ *жертвеннику глаголющу:* ей Господи Боже Вседержителю, истинныи и праведныи *судьбы* твоя»; въ Хлудовск. и въ экземп. Филар. иконника, согласно съ Румянц. рук. XIII-XIV в.: «И слышахъ *олтарь глаголющь.... суди* твои»; въ моемъ юсовомъ: «и слышахъ *другаго отъ олтаря* глаголюща.... *судъ* твой»; въ Соловецк. юсовомъ: «*иного ангела изъ олтаря* глаголюща.... *судьбы* твоя»; у Копист.: «и слышахъ изъ *жрѣтовника* глаголющаго.... *суди* твои»; въ Апок. МПМ.: «*отъ олтаря* глаголюща»; наконецъ въ исправл.: «и слышахъ *другаго* отъ олтаря глаголюща... *суди* твои»; καὶ ἤκουσα ἐκ τοῦ θυσιαστηρίου λέγοντος. По одному варіанту говоритъ самъ олтарь, согласно съ толкованіемъ, по описываемой рукописи: «овогда олтаря Христа сказаетъ»; по Копист. «Жрѣтовникъ, иногда убо Христа знаменуетъ»; по другому варіанту говоритъ нѣкто отъ олтаря или изъ олтаря. Описываемая рукопись держится перваго варіанта и отличается отъ прочихъ чтеній по изложенію, а именно: вопервыхъ, пользуется дательнымъ самостоятельнымъ и, вовторыхъ, вмѣсто *олтаря*, какъ здѣсь, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, употребляетъ *жертвенникъ* [у Копист. *жрѣтовникъ*].

Обращаюсь къ примѣтамъ, болѣе мелкимъ, изъ которыхъ однѣ свидѣтельствуютъ о древнѣйшей основѣ въ языкѣ текста, другія о нѣкоторой свободѣ, съ какою эта редакція относится къ тексту, вставляя какое нибудь реченіе, или замѣняя одно другимъ, и вообще придавая церковно-славянскимъ формамъ болѣе разговорный характеръ русской рѣчи, какъ въ этимологическомъ, такъ и въ синтаксическомъ отношеніи.

Примѣты эти я не буду дѣлить по рубрикамъ, а приведу въ послѣдовательномъ порядкѣ самаго текста. Только замѣчу пре-

дварительно, что, не смотря на сказанныя подновленія древняго текста, все же оказываются въ этой рукописи очень явныя слѣды его, указывающіе на болгарское происхожденіе. Это собственно замѣтно въ переходѣ первоначальнаго ѫ въ *у*, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ порусски употребляется *я* [вм. ѧ], и именно въ словѣ *тысяща*; напр. «бѣ число ихъ тмы тмами и *тысуща тысущь*; V, 11; *тысущницы*, VI, 15; т. е. тысѫща тысѫщь, тысѫщьници.

Такіе болгаризмы особенно бросаются въ глаза при господствующемъ въ этой рукописи строѣ чисто русскаго говора, какъ напр. въ формахъ *ражающи*, *побъженыя*, и т. п., вм. *раждающи*, *побѣжденыя*.

Итакъ, обращаюсь къ примѣтамъ.

I, 18. *Имамы ключа адовы;* въ господствующей редакціи: *имамь ключа* [двойств. число] *смерти и аду;* въ исправл. «имамъ ключи [множ. число] ада и смерти».

IV, 7. «Третіе животно *имѣетъ* лице *человѣче*»; въ другихъ рукк., напр. по моему юсовому Апок.: «третіее *имы* лице *яко человѣкъ*»; въ испр.: «третіе животно *имущее* лице *яко человѣкъ*».

IV, 8. «Четыре животна *едина* [вм. *едино*] *по единомъ* имѣя по шести крылъ»; въ оригиналѣ: ἓν καθ' ἓν; въ другихъ рукк. и въ исправл. «едино *кождо* [или *коеждо*] ихъ».

VI, 8. «Конь гнѣдъ», въ Апок. МПМ. *бѣлъ*; въ другихъ рук., по господствующей редакціи, *блѣдъ*, какъ и въ исправл., и только въ Солов. юсов. «конь *плавь*».

VI, 11. «*Сработницы* ихъ»; во всѣхъ прочихъ и въ испр. «клеврети ихъ»; но у Копистенскаго въ изд. 1625 г. при словѣ *клеврети*, глосса: *срабницы*.

VI, 12. «Яко *мѣхъ* власянъ», какъ и Апок. МПМ.; въ греч., какъ и въ Вульг.: «ὡς σάκκος τρίχινος, tanquam saccus cilicinus; въ господствующей редакціи и въ исправл. «*вретище* власяно».

VI, 12. «*Пупки* своя», вмѣсто общепринятаго *пупы*; но въ Апок. МПМ. «неплодныя плоды», ближе къ Солов. юсовому: «первыя плоды своя».

VI, 14. «И всяка гора *и холмъ* и островъ»; *и холмъ*—прибавлено только въ этой рук., чего въ другихъ нѣтъ, какъ и въ подлинникѣ: καὶ πᾶν ὄρος καὶ νῆσος.

VI, 15. «Въ пещерахъ и *въ разсѣлехъ каменыхъ*»; въ Апок.

МПМ. съ незначительнымъ измѣненіемъ: «и *въ разстлинахъ каменныхъ*»; но въ Румянц. «въ камени горьстѣмь». равно какъ и въ прочихъ Лицевыхъ Апокк. и въ исправл.: «въ камени [или «въ каменіи»] горстѣмъ»: εἰς τὰ σπήλαια καὶ εἰς τὰς πέτρας τῶν ὀρέων.

XI, 8. «И трупа ихъ оставитъ на *площади* града великаго, еже зовется духовно *Содома* Египетъ». Въ этомъ текстѣ заслуживаютъ вниманіи два реченія: вопервыхъ, общепонятное *на площади*, вм. *на стогнахъ*, которое въ однихъ рукописяхъ принимаетъ искаженный видъ: *на стегнахъ*, а въ другихъ это искаженіе осмысливается въ формѣ: *на стенахъ* или *на стѣнахъ*: сверхъ того въ иныхъ рукк. принято тоже общепонятное: *на площади*, а въ иныхъ замѣняется еще новыми варіантами, какъ будетъ сей часъ показано въ самыхъ выдержкахъ изъ разныхъ чтеній. Вовторыхъ, употреблено настоящее названіе *Содомъ* [ошибочно *Содома*, съ пропускомъ союза *и*], тогда какъ въ другихъ рукк., по странной случайности, въ ошибкѣ какого-то древнѣйшаго оригинала, отъ котораго онѣ пошли, слово *Содомъ* сначала исказилось въ *Едомъ*, и потомъ некстати осмыслилось въ *Едемъ*, такъ что въ этомъ отношеніи описываемая рукопись выдѣляется изъ прочихъ болѣе правильнымъ оригиналомъ, съ которымъ согласны тексты, исправленные въ Соловецк. юсовомъ Апок. и въ нынѣ принятомъ. Вотъ самыя выдержки изъ разныхъ текстовъ. Въ Румянц. XIII-XIV в.: «и трупа ею оставить и *на цѣстахъ* града великаго иже нарѣцаетса [sic] духовное *Едемъ* Египетъ»; въ Хлудовск. Апок. XVI в.: и трупа [въ рук. описка: *труба*] ею оставить *на стенахъ* града великаго, иже нарицаеться духовно *Едомъ*, Египетъ»; въ экземплярѣ Филарета иконника: «и трупа ею оставить *на площади* града великаго, иже нарицаеться духовно *Едемъ* и Египетъ»; въ моемъ юсовомъ: *на площади*, глосса: на *стегнахъ*, потомъ поправлено: *на стогнахъ*,—*Едемъ*; въ Апок. МПМ.: «и трупы ихъ оставитъ *на поли* града великаго, иже нарицается духовно *Едомъ* и Егупетъ»; въ Соловецк. юсовомъ: «и трупа ею оставить *на улицахъ* града великаго, иже нарицается духовный *Содомъ* и Егупеть»; наконецъ въ исправл. *на стогнахъ* и *Содомъ*.

XII, 3. XIII, 1. XIX, 12. Употреблено во множ. числѣ *увясла*, вм. вѣнцы, не только на главахъ Змія и Перваго Звѣря, но и *увясла многа*, вм. «вѣнци мнози», на главѣ божественнаго

Всадника. Что же касается до 24-хъ Старцевъ и до св. Жены, преслѣдуемой Зміемъ, то короны на главахъ ихъ названы: *вѣнцами*, IV, 4. XII, 1. Во всѣхъ прочихъ, мнѣ извѣстныхъ, Лицевыхъ Апокк. употребляется только *вѣнецъ*, а не *увясло*. Въ изданіи Копистенск. принято греческое: *діадима*.

XIII, 18. Въ толкованіи этого стиха собственное имя Βενέδικτος, Benedictus, писано съ *Б*, вм. *В*, по латинскому произношенію, въ искаженной формѣ: *Белеликстъ*, также какъ и въ Апок. МПМ., а равно и въ Хлудовск XVI в.: *Бѣнеликтъ*, и, само собою разумѣется, въ олатыненномъ Соловецк. юсовомъ Апок. XVI же в.: *Бенедиктосъ*. Что же касается до большинства рукописей, то въ нихъ принято произношеніе греческое; напр. въ Румянц. рук. XIII-XIV в. *Велѣникотъ*, и въ такомъ же искаженіи въ Филаретовск. экземплярѣ и въ моемъ юсов. Апок.: *Веленикотъ*.

XIV, 18. «Яко созрѣша [опискою: *созрѣста*] *стафили* земскія»; грецизмъ: σταφυλαὶ, который во всѣхъ прочихъ, мнѣ извѣстныхъ, чтеніяхъ переведенъ: въ Румянц. XIII-XIV в. *грезнови*, въ другихъ рук. XVI в. *грезнове*, *грезновіе*, *гроздове*; въ исправл. *грозды*, а у Копистенск. «яко създрѣша *ягоды* его».

XIV, 19 и 20. XIX, 15. Вмѣсто слова: *точило*, принятаго во всѣхъ прочихъ Лицевыхъ Апок., здѣсь употреблено: *тѣскъ*, и именно только въ текстѣ самаго Откровенія; что касается до толкованія при означенныхъ стихахъ, то въ немъ стоитъ общепринятое: *точило*.

Начиная съ гл. XVI-ой, слово *фіалъ*, вообще принятое въ нашихъ Апокк. въ муж. родѣ, здѣсь имѣетъ форму имени женск. рода: *фіала*, согласно съ греч. φιάλη, лат. phiala, также какъ и у Копистенск. въ издан. 1625 г. Въ древнѣйшихъ текстахъ это слово тоже женск. рода, но въ формѣ на *ь*: *фіаль*, какъ оно значится въ Румянц. рук. XIII-XIV в., что̀ перешло и въ ранніе Лицевые Апокк. XVI в. Напр. XVI, 2: въ Хлудовск. *фіаль свою*, но въ Филарет. и въ моемъ юсовомъ на *ѣ* въ женск. родѣ: *фіалѣ* или «*фіялѣ* свою» [какъ иногда, въ видѣ исключенія, и въ описываемомъ моемъ Апок.], а въ Соловецк. юсовомъ уже: *фіаль свой*.

XVI, 8 и 9. «*Ожещи* огнемъ человѣки, и *изварившася* человѣцы зноемъ великимъ»; въ другихъ чтеніяхъ, какъ въ Филарет. экземплярѣ и въ моемъ юсовомъ: «*опалити* человѣки огнемъ,

и *ознощася* человѣцы зноемъ великимъ»: въ Соловецк. юсовомъ: «*озноятн* человѣкы *ведромь и огнемь*. и ознощася человѣци *ведромь* великымь»: въ исправл. *опалятн—опалнщася—зноемъ великимъ*.

XVII. 4. «Имущу чашу злату въ руцѣ своей полну *гнусовъ и нечистотъ и любодѣйства земскаго*»: въ прочихъ чтеніяхъ, даже въ Солов. юсовомъ. согласно съ исправл. «полну мерзости и сквернъ любодѣянія ея».

XVIII, 3. «И купцы земстіи *отъ силы и сверѣънія* ея обогатѣша»; въ Апок. МПМ. такъ же: въ прочихъ чтеніяхъ, равно какъ и въ Солов. юсовомъ: «и купци *отъ льсти сверѣънія* ея обогатѣша»: въ исправл. *отъ силы пищи ея;* въ русскомъ переводѣ по благословенію Святѣйшаго Синода: *отъ великой роскоши ея;* καὶ οἱ ἔμποροι τῆς γῆς, ἐκ τῆς δυνάμεως τοῦ στρήνου αὐτῆς ἐπλούτησαν. Слич. XVIII, 9: «Иже съ нею съблудивша и *свербъвшіе*»; въ Апок. МПМ. такъ же: въ другихъ чтеніяхъ: *разсверѣъпъвше* [или *развернъпъвше*]; въ испр. *разсвирѣъпъвшіи:* οἱ μετ' αὐτῆς πορνεύσαντες καὶ στρηνιάσαντες.

XVIII, 14. «И овоща *желаннаго* душа твоея»; въ Апок. МПМ. такъ же *желаннаго;* въ прочихъ чтеніяхъ: «и овоща *похоти* [въ Солов. овощія похотѣніи] душа твоея»; въ испр. «и овощи *похотей* души твоея;» καὶ ἡ ὀπώρα τῆς ἐπιθυμίας τῆς ψυχῆς σου.

XIX, 13. «*Оболчень* ризою *багряною, повапленою кровію*»: такъ же и въ Апок. МПМ. *багряною, повапленною;* прочія чтенія предлагаютъ другую редакцію съ незначительными варіантами: въ Румянц. Апок. XIII-XIV в. «*оболчень* въ ризы *червлены* кровью;» въ Хлудовск. такъ же, только *облеченъ*; въ моемъ юсовомъ и Филар. иконника: «*оболчень* въ ризы *бѣлы*, очервлены кровію»; въ Солов. юсовомъ: «*облеченъ* въ ризы *очрьвены* кровію»; наконецъ въ исправл. «облеченъ *въ ризу червлену* кровію».

XX, 1. «И *верігу* въ руцѣ его;» такъ же и въ Апок. МПМ; въ прочихъ чтеніяхъ. начиная отъ Румянц. XIII-XIV и до исправленнаго: *уже*, а въ Соловецкихъ обоихъ, и Филарет. и юсовомъ—смягченно: *юже*.

XXI, 6. «Алфа и *Онъ*»; въ прочихъ чтеніяхъ: «Алфа и Ω», или *Омега*.

XXI, 21. «*Широта градная* яко злато чисто есть, яко стькло *озаряющи*»; въ Солов. юсовомъ: «*постланіе* путей граду злато

чисто, яко стькло *пресвѣтло»*; въ прочихъ чтеніяхъ: «*путь* граду злато чисто, яко стькло [или стекло] лѣщася», но въ толкованіи этого стиха, вмѣсто *путь:* «*постланіе* граду», а въ моемъ юсовомъ искажено: *поставленіе*. Въ исправл. «стогны града злато чисто, яко стекло пресвѣтло»; καὶ ἡ πλατεῖα τῆς πόλεως, χρυσίον καθαρόν, ὡς ὕαλος διαυγής.

Въ заключеніе о варіантахъ надобно присовокупить, что иногда стихъ Откровенія и относящееся къ тому же стиху толкованіе не выдерживаютъ согласія въ употребленіи одного и того слова, которое стоитъ въ Откровеніи и должно бы было въ томъ же видѣ повториться въ толкованіи. Такъ напр., въ текстѣ стоитъ: «и всякъ *островъ* бѣжа,» а въ толкованіи это реченіе, принятое въ новѣйшихъ чтеніяхъ, замѣнено древнѣйшимъ: «*Отокъ* церкви мѣнитъ» XVI, 20; въ текстѣ, какъ показано выше, *увясла*, въ толкованіи *вѣнцы*, XII, 3. XIII, 1. XIX, 12; тоже было уже замѣчено въ текстѣ *тѣскъ*, а въ толкованіи оно замѣнено общепринятымъ *точило*, XIV, 19 и 20. XIX, 15.

Такое разногласіе происходитъ отъ того, что текстъ описываемаго Лицеваго Апок. первоначально былъ сложенъ изъ двухъ различныхъ редакцій: самое Откровеніе Іоанна Богослова взято изъ одной редакціи, отличительныя черты которой явствуютъ изъ приведенныхъ варіантовъ, а толкованіе—изъ другой, согласной съ общепринятымъ чтеніемъ, начиная отъ Румянц. рук. XIII-XIV в. Вотъ еще примѣръ.

XI, 19. «Явися *кивотъ* завѣта Божія»; въ Апок. МПМ., а также у Копист. и въ исправл. тоже *кивотъ;* но въ Румянц. и въ Хлудовск. *крабій*, и именно это же самое слово принято и въ толкованіи описываемой рукоп. при означенномъ стихѣ Откровенія: «отверзеніемъ небу и видѣніемъ *крабія* уготованная благая святымъ открываются». Оба эти варіанта видимо обращали на себя вниманіе нашихъ старинныхъ писцовъ; потому хотя въ Филарет. Апокалипсисѣ и въ моемъ юсовомъ, и въ текстѣ и въ толкованіи стоитъ *кіотъ* [вм. *кивотъ*], но въ моемъ въ обоихъ случаяхъ помѣщена при немъ на поляхъ глосса: *крабій*, а въ Филарет., въ самомъ текстѣ: *кіотъ*, а въ толкованіи: *крабіа кіота*, т. е. въ строку оба слова, но такъ, что впереди стоитъ *крабіа*, какъ чтеніе первоначальное. Что̀ касается до Солов. юсоваго Апок., то въ немъ свой особенный варіантъ, о которомъ будетъ сказано въ описаніи этой рукописи.

Въ заключеніе выше приведенныхъ выдержекъ. позволю себѣ замѣтить. что, по согласію многихъ варіантовъ съ принятыми въ изданіи Копистенскаго, мой Апокалипсисъ начала XVII в.. въ его первоначальномъ оригиналѣ, можетъ быть отнесенъ къ южнорусской школѣ. давшей впослѣдствіи это изданіе 1625 г.

Надписи въ миніатюрахъ моего Апокалипсиса постоянно согласуются съ текстомъ. принятымъ въ самой рукописи. когда онѣ берутся изъ Откровенія: напр. въ м. 36 [сн. 17] съ примѣтою: *да тою рѣкою носиму сотворитъ*. Потому если одинъ изъ выше приведенныхъ варіантовъ встрѣчается въ надписяхъ. то онъ согласуется съ текстомъ Откровенія, а не толкованія. Напр. *увясла*, а не *вѣницы* въ мм. 37 и 38 [сн. 18].

При этомъ должно обратить вниманіе еще на то, что въ надписяхъ иногда встрѣчаются формы разговорныя и подновленныя, коимъ въ текстѣ Откровенія и въ толкованіяхъ соотвѣтствуютъ книжныя; напр. *книга* и *бракъ* въ единст. числѣ, вм. множ. числа: *книгы* и *браци*. Въ м. 28: *И пріяхъ книгу отъ руки ангеловы* и проч.; въ м. 64: *О брацѣ тайнѣ и о вечери Агньца Божія*—взято изъ заглавія толкованія: *О брацѣхъ тайныхъ и о вечери Агньца*.

Толковый Апокалипсисъ принятъ въ этой рук. въ сокращенномъ видѣ, болѣе согласномъ съ интересами Лицеваго памятника. Сокращенію было подвергнуто не одно толкованіе, но довольно часто встрѣчаются пропуски и въ самомъ текстѣ Откровенія, впрочемъ, такіе, которые не нарушаютъ общаго смысла.

Теперь перехожу къ отношенію между миніатюрами и Писаніемъ. Сначала замѣчу, что миніатюры писаны на той же бумагѣ, что̀ и текстъ съ толкованіемъ, иногда на одной и той же страницѣ съ ними, а иногда на одной сторонѣ листа изображеніе, на другой—письмо; впрочемъ, есть и такія миніатюры, которыя писаны на обѣихъ сторонахъ одного и того же листа, именно: мм. 6 и 7, 29 и 30, 39 и 40, 49 и 50, и наконецъ на лл. 243 и 244: мм. 71 и 72 и 72 и 73; особенно много такихъ миніатюръ, у которыхъ задняя сторона листа чистая, не занятая письмомъ, а именно: мм. 1, 2, 3, 4, 17, 18, 19, 37, 38, 46, 47, 48, 59 на л. 186, 62, 63, 66, 69 и 70. Надписи на миніатюрахъ и письмо текста и толкованія принадлежатъ одной и той же рукѣ. Кромѣ того, отношеніе изображеній къ Писа-

нію въ этой рукописи до такой степени близкое и непосредственное, какого не замѣчается ни въ одномъ изъ прочихъ, извѣстныхъ мнѣ, русскихъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ, не исключая и столь родственнаго съ этою рукописью Апокалипсиса МПМ. № 156. Уже одно это качество выдвигаетъ ее изъ всѣхъ прочихъ, какъ явленіе исключительное, относящееся къ очень ранней редакціи.

Взаимная связь изображеній съ Писаніемъ, доходящая до нераздѣльности одного отъ другаго, оказывается въ слѣдующемъ.

1) Во всѣхъ другихъ нашихъ лицевыхъ Апокалипсисахъ изображеніе помѣщается отдѣльно отъ текста, или на особой страницѣ, или же если и на той же, на которой написанъ текстъ, то все же отдѣльно отъ него, въ отчеркнутой рамкѣ. Напротивъ того, здѣсь изображеніе иногда входитъ внутрь самаго письма, раздвинувъ его строки, чтобы занять между ними свое мѣсто; напр. мм. 14 и 54 [снн. 6 и 23].

2) Иногда помѣщается оно въ верхней половинѣ страницы передъ письмомъ, какъ заставка, или въ нижней половинѣ, какъ cul-de-lampe, когда состоитъ изъ одной фигуры, и именно изъ летящаго ангела, мм. 44 [сн. 20] и 45.

3) Иногда миніатюра съ надписью замѣняетъ собою слова самаго текста, которыя въ этомъ случаѣ въ немъ уже опущены. Въ этомъ случаѣ надпись на миніатюрѣ продолжаетъ прерванный текстъ, служа звеномъ, соединяющимъ его съ текстомъ, слѣдующимъ за нимъ. Такова м. 5 [сн. 3] на л. 105-мъ, соединяющая своею надписью стихи 1 и 2 въ гл. IV-ой. По исправл. тексту читается это мѣсто такъ:

«1. По сихъ видѣхъ: и се двери отверсты на небеси, и гласъ первый, егоже слышахъ яко трубу глаголющъ со мною, глаголя: взыди сѣмо, и покажу ти, ему же подобаетъ быти по сихъ.

«2. *И абіе быхъ въ дусѣ*: и се престолъ стояше на небеси, и на престолѣ сѣдящъ.

Слова эти въ описываемой рукописи начинаются на оборотѣ л. 104-го, въ нижнихъ четырехъ строкахъ и оканчиваются на оборотѣ л. 105-го, въ верхнихъ двухъ строкахъ; лицевую же сторону этого 105-го листа занимаетъ сказанная миніатюра. Итакъ:

Л. 104 об. «По сихъ видѣ двери отверсты. и гласъ слышахъ яко трубѣ глаголющи, со мною глаголя: взыди сѣмо. покажю ти, имъ же подобаетъ быти по сихъ».

Затѣмъ на лицевой сторонѣ л. 105 помѣщена м. 5 [сн. 3], и надпись въ ней содержитъ начало слѣдующаго стиха: *абіе быхъ въ дусѣ.*

Л. 105 об. «И се престолъ стояше на небеси. а на престолѣ сѣдяй».

4) Хотя во всей моей рукописи встрѣчается такой разительный примѣръ замѣны текста миніатюрою только одинъ, но можно предполагать, что первоначально въ этой редакціи было ихъ довольно, согласно системѣ тѣхъ лицевыхъ рукописей, въ которыхъ весь текстъ состоитъ только изъ надписей на миніатюрахъ, какъ это принято въ Англосаксонскомъ Апок. XII в. и въ Пнкунабулахъ XV в. Остатокъ этой системы надобно видѣть въ тѣхъ мм. описываемой рук., въ которыхъ длинныя надписи предлагаютъ почти дословное повтореніе текста; напр. м. 36 [сн. 17] XII, 6. 15-16; мм. 37 и 38 [сн. 18] XIII, 1-2; и притомъ, какъ указано выше, съ варіантами, принятыми въ самомъ Откровеніи, а не въ толкованіи.

Наконецъ 5). Изображенія въ этой рук. не только состоятъ въ нераздѣльной связи съ Писаніемъ вообще, что̀ показано въ предыдущихъ 4-хъ пунктахъ, но, какъ иллюстрація именно Толковаго Апокалипсиса, входятъ они существеннымъ элементомъ въ самый составъ толкованія и представляютъ соединительное звено между текстомъ и его комментаріемъ.

Чтобы объяснить это существенное качество описываемой редакціи, надобно первоначально обратить вниманіе на то, что отъ всѣхъ прочихъ, мнѣ извѣстныхъ, русскихъ Апокк., за исключеніемъ только одного [рук. гр. Уварова № 58], отличается она самою системою въ помѣщеніи толкованія при текстѣ Откровенія. Во всѣхъ другихъ Лицевыхъ Апокк. принято за правило помѣщать толкованіе послѣ каждаго изъ 311 стиховъ, на которые раздѣлено въ нихъ Откровеніе Іоанна Богослова. Только въ описываемой рукописи, да въ упомянутомъ сей часъ № 58 гр. Уварова, половины XVII в., усвоенъ другой порядокъ. Всѣ стихи Откровенія раздѣлены на группы, большею частію соотвѣтствующія 72-мъ главамъ Толковаго Апок., и въ каждой группѣ сначала идутъ подъ рядъ всѣ

стихи этой группы, не прерываемые вставкою толкованія послѣ каждаго изъ нихъ, какъ это принято въ другихъ Апокк., а вслѣдъ за тѣмъ идетъ соотвѣтствующій тѣмъ стихамъ рядъ толкованій, въ томъ же порядкѣ и занумерованный тѣми же числами, что̀ и стихи: такъ что въ каждой группѣ дважды повторяется одна и та же нумерація, сначала для стиховъ Откровенія и потомъ для соотвѣтствующаго имъ ряда толкованій, тогда какъ во всѣхъ прочихъ рукк. съ начала до конца идетъ только одна нумерація, безъ перерыва, потому что занумерованы только стихи, и при каждомъ изъ нихъ стоитъ его толкованіе.

Раздѣленіе каждой группы на два отдѣла, на стихи и толкованія, принятое въ моемъ Апок. ранней редакціи и въ Уваровскомъ № 58, менѣе удобно для чтенія, нежели по системѣ прочихъ Апокк., но за то было оно примѣнено отлично къ помѣщенію лицевыхъ изображеній. А именно: въ обѣихъ сказанныхъ рукк. миніатюра помѣщается не въ концѣ группы или главы, какъ это принято въ другихъ старыхъ Лицевыхъ Апокк., а въ самой серединѣ группы, т. е. между рядомъ стиховъ и соотвѣтствующимъ ему рядомъ толкованій, такъ что миніатюрою, какъ звеномъ, соединяются между собою оба эти ряда. Въ такъ расположенной лицевой рук. читатель сначала прочитываетъ стихи св. Писанія, затѣмъ усвоиваетъ ихъ въ своемъ воображеніи по очертаніямъ въ миніатюрѣ, и потомъ уясняетъ ихъ смыслъ по слѣдующему за миніатюрою толкованію. Напримѣръ, м. 60 [сн. 28] помѣщена въ группѣ, соотвѣтствующей главѣ 52 и озаглавленной числомъ этой самой главы [XVI, 17-21], по Толковому Апок. стихи 300-304; по описываемой рук. лл. 192 и 193.

На лицевой сторонѣ 192-го л. помѣщены въ непрерывномъ порядкѣ только самые стихи Откровенія [XVI, 17-21], изъ коихъ каждый занумерованъ въ послѣдовательномъ порядкѣ: 300, 301, 302, 303 и 304.

На оборотѣ того же 192-го л. писана сказанная м. 60.

И наконецъ, на лицевой сторонѣ и на оборотѣ 193-го л. слѣдуетъ толкованіе на каждый стихъ отдѣльно, и потому раздѣленное по той же нумераціи, какъ и стихи, на статьи, означенныя числами: 300, 301, 302, 303 и 304.

Затѣмъ идетъ новая группа, сосредоточенная на м. 61 [XVII,

1-5]. и въ томъ же порядкѣ: сначала подъ рядъ стихи 305-308. потомъ миніатюра и. наконецъ. толкованіе подъ тою же нумераціею 305-308. и т. д.

При этомъ надобно замѣтить, что заглавіе каждой изъ 72-хъ главъ Толковаго Апок. принято въ этой рук. помѣщать не передъ текстомъ Откровенія. а передъ толкованіемъ. такъ что даже и начинается въ ней самый Апокалипсисъ безъ всякаго заглавія, потому только, что начинается текстомъ. именно съ 3-го стиха 1-ой гл. по простому счету. Что же касается до выше приведеннаго заглавія: *Иже во святыхъ Отца нашего Василія Великаго* и пр., то оно помѣщено передъ извѣстнымъ посланіемъ Андрея Кесарійскаго: *къ брату и причетнику*, и затѣмъ идетъ уже не текстъ. какъ въ другихъ редакціяхъ, а толкованіе первыхъ 8 стиховъ. по толковому счету, а по простому I, 1-9.

Такимъ образомъ, согласно принятой системѣ помѣщать заглавія послѣ текста. и именно передъ толкованіемъ, миніатюра, заключая собою текстъ, стоитъ или передъ заглавіемъ, которымъ на слѣдующей страницѣ начинается толкованіе, или же сама она составляетъ это заглавіе, которое дословно и помѣщается на ней въ видѣ надписи, или внизу изображенія, какъ въ мм. 22 и 44 [снн. 10 и 20], или же вверху, какъ въ мм. 19 и 21 [сн. 9]. Иногда заглавіе повторяется дважды, разъ—передъ толкованіемъ и другой—на самой миніатюрѣ, и притомъ, или дословно, какъ въ м. 48, или въ сокращеніи, какъ въ м. 33 [сн. 16].

Изъ этихъ пяти пунктовъ явствуетъ. что иллюстрація въ описываемой рукописи составляетъ не только посредствующее звено между текстомъ и толкованіемъ, но и нераздѣльную часть то того, то другаго, съ одной стороны входя своими очерками въ самое письмо текста, или замѣняя его своими надписями, а съ другой стороны тоже въ надписяхъ предлагая заглавіе толкованія.

Замѣчательное исключеніе изъ принятой въ этой рук. системы представляетъ м. 25. Надпись въ ней взята не изъ текста Откровенія, но и не изъ заглавія толкованія, а изъ самаго толкованія, и такое именно объясненіе, съ которымъ Андрей Кесарійскій не соглашается, какъ это показано ниже въ описаніи самой миніатюры.

Кромѣ миніатюръ, не на мѣстѣ помѣщенныхъ при переплетаніи разбитой рукописи, о чемъ будетъ рѣчь впереди, замѣтное исключеніе изъ принятой системы представляютъ двѣ миніатюры: вопервыхъ, 5-я [сн. 3], которая, какъ объяснено выше, замѣняетъ собою текстъ и потому стоитъ въ 10-ой главѣ Толковаго Апок., не между обоими рядами, составляющими характеристическую группу, а своею надписью занимаетъ надлежащее мѣсто въ первомъ изъ нихъ, и, вовторыхъ, м. 4 [сн. 2] со всѣми семью ангелами семи апокалипсич. Церквей, которая помѣщена впереди всего отдѣла объ этомъ предметѣ, обнимающаго двѣ главы по простому счету, II-ю и III-ю, и семь главъ по толковому: 3-9, изъ коихъ каждая, какъ принято въ этой рукописи, начинается рядомъ стиховъ текста, и затѣмъ слѣдуетъ соотвѣтственный ему рядъ толкованій; только въ промежуткѣ между этими рядами нѣтъ изображеній того или другаго изъ семи ангеловъ, для которыхъ во всѣхъ другихъ Апокк. назначается по миніатюрѣ.

Сверхъ того еще семь главъ оставлены безъ миніатюръ, хотя въ каждой главѣ наблюдена та же система въ группировкѣ стиховъ Откровенія и соотвѣтствующихъ имъ толкованій; а именно главы:

21-я, имѣющая содержаніемъ видѣніе всѣхъ вмѣстѣ семи ангеловъ съ трубами и одного съ кадильницею, VIII, 1-6.

22-я, Первый ангелъ съ трубою, VIII, 7.

23-я, Вторый ангелъ съ трубою, VIII, 8-9.

32-я, Седмый ангелъ съ трубою, XI, 15-18.

38-я, Оба апокалипс. Звѣря, вмѣстѣ и дьяволъ, полагающій печать на челѣ слугъ Антихристовыхъ, XIII, 18.

39-я, Агнецъ на престолѣ со множествомъ праведныхъ, XIV, 1-5.

54-я, Вавилонская Любодѣица, пьяная, XVII, 6-18.

Равномѣрно, послѣ м. 66-ой, отъ л. 219 и до конца рукописи, гдѣ, какъ уже сказано, листы перебиты, письмо идетъ сплошное по главамъ, состоящимъ изъ группъ той же системы, но такъ же безъ миніатюръ, а гдѣ онѣ и попадаются, то помѣщены безъ всякаго порядка, что̀ замѣчено ниже въ описаніи самыхъ миніатюръ.

Наконецъ, какъ послѣднія три миніатюры, коими оканчивается рукопись, стоятъ сами по себѣ, не внесенныя въ об-

щепринятую въ этой редакціи группу стиховъ Откровенія и толкованій, такъ и начинается Апокалипсисъ не письмомъ, а изображеніями на лл. 82 и 83, изъ которыхъ на первомъ лицевая сторона и оборотная заняты миніатюрами 6-ой и 7-ой, а на второмъ—лицевая сторона чистая, а на оборотѣ м. 1-я.

Отличительною чертою этой редакціи принято во многихъ случаяхъ раздѣленіе одного и того же сюжета на двѣ и даже на нѣсколько миніатюръ, что̀ по другимъ редакціямъ изображается въ одной миніатюрѣ: такъ что въ одной главѣ или группѣ оказывается не одна, а двѣ или нѣсколько миніатюръ, слѣдующихъ непосредственно одна за другою. А именно:

Въ гл. 12-ой мм. 10 и 11. V, 6-14.

Въ гл. 19-ой мм. 18 и 19. VII, 1-8.

Въ гл. 26-ой мм. 23 и 24. IX, 1-12.

Въ гл. 30-ой мм. 29 и 30. XI, 3-10.

Въ гл. 33-ей мм. 33 и 34. XII, 1-6.

Въ гл. 36-ой мм. 37, 38, 39, 40 и 41, цѣлыхъ пять миніатюръ одна за другой, на лл. 160-163. XIII, 1-10.

Въ гл. 42-ой мм. 45, 46 и 47. XIV, 9-13.

Въ гл. 51-ой мм. 58 и 59. XVI, 12-16.

Въ гл. 57-ой мм. 63 и 64. XIX, 1-10.

Начиная съ миніатюры 67 и до послѣдней 73, какъ уже сказано, листы въ рукописи перебиты, такъ что нельзя въ точности подвести миніатюры къ главамъ Толковаго Апок.; притомъ, какъ подробно означено выше въ описаніи самыхъ миніатюръ, между ними есть такія, изъ которыхъ одна соотвѣтствуетъ нѣсколькимъ главамъ, какъ мм. 68 и 72, или же на оборотъ нѣсколько изображеній, разрозненныхъ между собою, должны бы стоять вмѣстѣ и относиться къ одной главѣ, какъ мм. 67 и 68 и потомъ мм. 71 и 73.

Что же касается до мм. 6 и 7, помѣщенныхъ въ самомъ началѣ описываемаго Апок., то по содержанію, IV, 1-11, обѣ онѣ должны бы стоять въ главѣ 10-ой, между рядомъ текстовъ и рядомъ толкованій, на мѣстѣ, занятомъ миніатюрою 8-ю, которая по сюжету относится къ гл. V, стихи 1 и 6, по простому счету, и потому, вмѣстѣ съ м. 9, должна принадлежать къ 11-ой гл. по счету толковому.

Обращаясь теперь къ общей характеристикѣ лицевыхъ изображеній, сначала я долженъ замѣтить, что три изъ нихъ бы-

ли уже изданы въ моихъ Историч. Очеркахъ, II, стр. 138, 147, 314 и 325, именно мм. 37, 41 и 70, и изъ м. 71 олицетвореніе моря въ женской фигурѣ.

Всѣхъ миніатюръ 73. Хотя это число подходитъ близко къ нормальному, т. е. къ 72-мъ, по числу главъ Толковаго Апокалипсиса; но, какъ показано выше, многія главы оставлены въ этой рукописи безъ изображеній, и цыфра 73 объясняется тѣмъ, что при нѣкоторыхъ главахъ по двѣ и по нѣскольку миніатюръ. Потому этотъ Лицевой Апок. принадлежитъ къ разряду такихъ редакцій, въ которыхъ число миніатюръ не подчиняется числу главъ, чѣмъ онъ и отличается существенно отъ сильно распространенной у насъ во множествѣ списковъ редакціи Филаретовско-Чудовской. Сверхъ того, надобно замѣтить, что кромѣ этихъ 73-хъ мм., на лицевой сторонѣ 112 л. и на оборотѣ 133-го, повторены въ однихъ только очеркахъ, безъ красокъ, м. 17 [л. 120] и м. 23 [л. 135 об.], по ошибкѣ мастера, какъ это и означено скорописью XVII вѣка на послѣднемъ изъ этихъ очерковъ: *помышался иконописецъ*.

Надписи на мм., какъ краткія, такъ и продолженныя, писаны киноварью.

Миніатюры вовсе не обведены никакими рамками, и потому, состоя въ тѣснѣйшей связи и съ текстомъ Откровенія и съ его толкованіемъ, тѣмъ удобнѣе, безъ этого линейнаго разграниченія, могли быть вводимы въ составъ того и другаго.

Уже при бѣгломъ взглядѣ на иллюстрацію описываемаго Апок. бросается въ глаза крайняя малосложность содержанія, которою онъ рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ редакцій. Все вниманіе мастера устремлено на то, чтобы схватить главную мысль Писанія и энергически ее выразить, кратко и сжато, въ немногихъ очеркахъ крупнаго размѣра, бѣгло, но привычною рукою набросанныхъ и слегка и наскоро раскрашенныхъ очень небогатымъ колоритомъ, но съ нѣкоторымъ тактомъ, и довольно часто въ монохромахъ.

Вопервыхъ, въ миніатюрѣ опускается все то, что̀ само собою разумѣется и безъ чего она не только можетъ обойтись, нисколько не нарушая главной мысли, но и съ бо́льшею энергіею должна ее выставить, отбросивъ, такъ сказать, общія мѣста, повтореніе которыхъ въ цѣломъ рядѣ миніатюръ того или другаго изъ разныхъ отдѣловъ Апокалипсиса занимаетъ столь-

ко мѣста въ другихъ редакціяхъ. Такъ Агнецъ съ книгою помѣщенъ всего только дважды: одинъ разъ при Господѣ Саваоѳѣ, м. 8, и другой—самъ по себѣ, одинъ на престолѣ, м. 10, и болѣе уже не повторяется въ цѣломъ рядѣ видѣній, являющихся при каждомъ снятіи одной изъ семи печатей; см. мм. 12-19. Въ миніатюрахъ, относящихся къ отдѣлу о семи ангелахъ, поочередно трубящихъ въ трубу, нѣтъ ни одного изъ нихъ: они подразумѣваются, и изображены только различныя видѣнія, вызываемыя трубнымъ гласомъ; см. мм. 21-26. Фигура Іоанна Богослова, или одного, или съ ведущимъ его ангеломъ, въ другихъ редакціяхъ составляетъ обычную принадлежность почти каждой миніатюры, для выраженія той общей мысли, проходящей черезъ все Откровеніе, что изображаемое видѣніе совершается передъ глазами самого Евангелиста. Здѣсь же помѣщенъ онъ всего семь разъ, только въ тѣхъ случаяхъ, когда принимаетъ онъ личное участіе въ изображаемыхъ событіяхъ, именно: въ мм. 1, 2, 3, 5, 28, 61 и 63 [снн. 1, 3, 29 и копія краск. 1].

Вовторыхъ, иногда одна фигура замѣняетъ собою цѣлое видѣніе, которое въ другихъ редакціяхъ даетъ богатое содержаніе для цѣлой картины. Таковы напр. ангелы въ мм. 44 и 54 [снн. 20 и 23]: первый проповѣдуетъ паденіе Вавилона, но самаго города нѣтъ; второй льетъ фіалъ въ правый уголъ страницы, занятый краснымъ полукругомъ, который долженъ означать море; по другимъ редакціямъ Вавилонъ и море съ рыбами и кораблями составляютъ главный сюжетъ этихъ миніатюръ. Всѣ ангелы семи апокалипсич. Церквей сгруппированы на одной м. 4 [сн. 2], согласно съ нѣкоторыми изъ западныхъ редакцій, какъ показано въ описаніи этой миніатюры. Каждый ангелъ у своей Церкви, безъ всякихъ характеристическихъ между собою отличій, кромѣ соотвѣтствующихъ надписей на свиткахъ; въ другихъ редакціяхъ каждому изъ нихъ посвящается по миніатюрѣ, съ болѣе или менѣе подробною обстановкою, по указанію текста.

Втретьихъ, иногда цѣлое событіе сокращается его результатомъ, въ краткомъ намекѣ, имѣющемъ видъ іерогрифа, напр. намекается мертвецомъ въ саркофагѣ объ умирающихъ отъ огорченной воды, м. 21 [сн. 9], или двумя половинками дверей—о разрушеніи цѣлаго города отъ землетрясенія, м. 60

[сн. 28]. Эта послѣдняя форма внесена въ м. 58 [сн. 89] моего юсоваго Апок. XVI в., какъ символическій знакъ, который въ смыслѣ дверей ада помѣщается въ изображеніи Воскресенія Іисуса Христа, по Византійскому переводу Схожденія во адъ.

Вчетвертыхъ, все вниманіе свое обращаетъ иконописецъ только на сюжетъ, обозначаемый самымъ текстомъ, и, желая выразить его съ энергическою краткостью, не знаетъ и не хочетъ знать никакихъ ландшафтныхъ условій картины, ни синевы неба съ фигурными массами облаковъ, ни земли съ ея зеленою растительностью. Полатное письмо или дерева онъ допускаетъ въ свои миніатюры только тогда, когда то или другое настоятельно требовалось для выраженія главнаго смысла изображаемаго имъ событія; но и въ этомъ случаѣ онъ не подчиняется законамъ природы, и, будто протестуя противъ нихъ, пишетъ дерево, не коренящееся въ своей почвѣ, а висящее на воздухѣ съ срубленнымъ стволомъ, какъ въ мм. 22, 34 и 63 [снн. 10 и 29].

И землю и небо замѣняетъ ему бѣлое поле бумаги, соотвѣтствующее золотому фону древнѣйшихъ миніатюръ, какъ напр. въ Бамбергскомъ Апок. X в. На этомъ бѣломъ пространствѣ, безъ всякаго устоя или почвы, помѣщаются и полатное письмо и фигуры, будто онѣ повисли на воздухѣ; напр. церковь съ Кивотомъ Завѣта, м. 32 [сн. 15]; всѣ четыре Всадника, мм. 12-15 [снн. 6 и 7]; подходящіе къ жертвеннику мученики, м. 16 [сн. 8].

Если, по указанію текста, нуженъ ландшафтъ, то мастеръ подчиняетъ его своимъ условнымъ пріемамъ, не согласнымъ съ правилами живописи. Такъ пустыню, куда скрывается св. Жена отъ Змія, онъ помѣстилъ въ верхнемъ углу миніатюры, отчеркнувъ пространство черною линіею, которое наполнилъ кустами, м. 36 [сн. 17]. Станъ святыхъ отдѣлилъ онъ отъ нижнихъ фигуръ узкою полосою, м. 70, [копія краск. 3]. Хотя иногда и допускаетъ онъ равнину, но для изображенія земли вообще предпочитаетъ гору, которою умѣетъ съ художественнымъ тактомъ пользоваться, давая ей назначеніе пьедестала для одной фигуры, м. 27 [сн. 12], или и для цѣлой группы, м. 30 [сн. 13]. Въ изображеніи водъ онъ не стѣсняется условіями природы, и пишетъ рѣку безъ береговъ съ черпа-

ющими изъ нея воду, м. 21 [сн. 9], или море въ видѣ отчеркнутаго округлою линіею угла страницы, м. 54 [сн. 23].

Оригиналенъ пріемъ старинныхъ ландкартъ, который онъ употребилъ для изображенія рѣки въ гористыхъ берегахъ, м. 55 [сн. 24].

Вовсе не нуждается онъ, какъ сказано, ни въ сводѣ небесномъ, ни въ облакахъ. Небо допускаетъ онъ въ свою иконопись, только какъ вмѣстилище Господа Бога, съ его небесными силами, и для выраженія этой мысли находитъ для себя вполнѣ достаточнымъ символическую форму ореола, или въ видѣ круга, или двухъ квадратовъ, положенныхъ другъ на друга углами на-крестъ и обведенныхъ кругами, м. 65 [сн. 30], или же—четверть круга, т. е. секторъ, изъ котораго простирается благословляющая десница, м. 16 [сн. 8]. Когда, по указанію текста, онъ долженъ изобразить небо, то, забывая о его необъятности, представляетъ его себѣ, какъ твердую массу, которую можно расколоть на части, какъ это дѣлаетъ Змій своимъ хвостомъ, мм. 33 и 34 [сн. 16], или же какъ вретище, которое можно растягивать и свивать въ свитокъ, м. 17. Послѣдняя черта усвоена и всѣми другими редакціями.

Неумѣнье живописать облака наши старинные мастера прикрывали разными условными пріемами въ стилизованныхъ формахъ, рѣзкіе образцы которыхъ читатель можетъ видѣть напр. въ Апокк. МПМ. № 156 и графа Увар. № 58. Облаковъ, какъ принадлежности ландшафта, описываемая рукопись не допускаетъ; если же наличность ихъ требуется по указанію текста, то иконописецъ прибѣгаетъ къ посредству архаическихъ формъ символическаго характера. Такъ Облачнаго ангела онъ не одѣваетъ въ завитки клубящихся облаковъ, какъ это принято въ позднѣйшихъ редакціяхъ, а облекаетъ его всего, въ видѣ ореола, щитомъ, наполненнымъ разноцвѣтными пятнами, мм. 27 и 28 [сн. 12]. Облаку, въ которомъ поднимаются на небо Енохъ и Илія, онъ далъ чудовищную форму животнаго съ звѣриною головою, м. 31 [сн. 14], о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Итакъ малосложность сюжета при малочисленности лицъ и при особенной бѣдности въ полатной и ландшафтной обстановкѣ составляетъ отличительное качество, которымъ эта редакція выдѣляется изъ всѣхъ прочихъ. Крайнюю противоположность

ей по чрезмѣрной сложности и богатству сюжета, по многоличности и ландшафтности представляетъ иллюстрація моего юсоваго Апок. XVI в. Всѣ остальныя редакціи занимаютъ средину между этими обѣими.

Замѣтное исключеніе въ описываемой рукописи предлагаетъ многоличная и очень сложная м. 72, раздѣленная на три яруса. Впрочемъ, вмѣстѣ съ другими, относится она къ ранней редакціи, потому что согласуется съ принятою въ Соловецк. юсов. Апок. XVI, м. 64.

Перехожу къ иконографіи.

Сіяніе вокругъ головы употребляется троякое: простое, крестное и двойное, т. е. состоящее изъ двухъ концентрическихъ круговъ, простыхъ, безъ перекрестія, напр. въ м. 8 [сн. 237 а]. Это послѣднее, кромѣ описываемаго Апок., принято еще только въ Соловецк. юсовомъ XVI в.

Двойное сіяніе, которымъ редакція моего Апок., вмѣстѣ съ Соловецкимъ юсовымъ, отличается отъ всѣхъ прочихъ, мнѣ извѣстныхъ, ведетъ свое начало еще отъ иконографіи Византійской, какъ это можно видѣть напр. въ Византійскомъ эмалевомъ изображеніи Архангела на Лимбургскомъ реликваріи X в. [сн. 240 г] *; въ западномъ искусствѣ оно тоже употреблялось, хотя и не часто, до XIII и XIV в., кажется, преимущественно въ Италіи. Для примѣра указываю на Сіенскую Мадонну del Voto, XIII в. [сн. 237 б] **.

Съ другой стороны, ни въ моемъ Апок., ни въ Соловецкомъ юсовомъ, вовсе не принято сіяніе угловатое, которое составляетъ непремѣнную принадлежность всѣхъ прочихъ лучшихъ редакцій нашихъ.

Крестное сіяніе въ моемъ Апок. постоянно отмѣчается буквами о—ѡ—н, по буквѣ на каждомъ изъ трехъ концевъ перекрестія; то есть, греч. ὁ ὤν.

Сіяніе простое и крестное обыкновенно покрываются желтою краскою, замѣняющею здѣсь золото; но однажды, какъ слѣдъ отдаленной старины, оно покрыто краскою зеленой, именно вокругъ головы св. Жены въ м. 36 [сн. 17], но въ двухъ другихъ мм. у нея сіяніе желтое, мм. 33 и 34 [сн. 16].

* Didron, Annales archéologiques. XVIII, 42.

** Rosini, Storia della pittura Italiana. Pisa 1848. I, 129.

Въ сіяніи двойномъ внутренній кругъ желтый. а внѣшній бѣлый, отдѣлены же они зеленою полосою въ тѣнь.

Ореолъ употребляется только круглый; эллиптическаго нѣтъ. Но для означенія наивыспренняго величія, на ореолъ изъ двойнаго круга положены углами на́-крестъ два квадрата, и въ такомъ осмиконечномъ ореолѣ, по формѣ одинаковомъ съ угловатымъ сіяніемъ, изображенъ Господь. какъ *Слово Божіе*, возсѣдающій на бѣломъ конѣ, м. 65 [сн. 30].

Фигура изъ двухъ квадратовъ, положенныхъ на́-крестъ, съ кругомъ внутри, ведетъ свое начало отъ глубокой древности. Она употреблена, напр., какъ замѣчено въ VII гл. Введенія, для монограммы Іисуса Христа, въ одномъ архитектурномъ орнаментѣ IV в., между развалинами Центральной Сиріи *.

Для иконографіи Господа Бога описываемая рук. предлагаетъ слѣдующія статистическія данныя.

Согласно древнѣйшимъ редакціямъ преобладаетъ Іисусъ Христосъ передъ Господомъ Саваоѳомъ, который писанъ только однажды, въ двойномъ сіяніи, м. 8 [сн. 237 а], и то не одинъ, а съ Агнцемъ.

Іисусъ Христосъ встрѣчается семь разъ.

Три раза Онъ писанъ въ возмужаломъ типѣ съ бородою, мм. 1, 64—вмѣсто Агнца, съ надписью: *О брацѣ тайнѣ и вечери Агнца Божія*, и 73—на Страшномъ судѣ.

Пять разъ въ типѣ Еммануила, и при томъ: три раза въ крестномъ сіяніи, мм. 3, 6, 20; одинъ разъ—въ двойномъ, м. 48—съ серпомъ въ рукѣ, и одинъ разъ въ сіяніи простомъ, какъ Слово Божіе, на конѣ, м. 65.

Агнецъ—дважды, оба раза въ простомъ сіяніи: одинъ разъ, какъ указано, съ Господомъ Саваоѳомъ, м. 8, и другой разъ—одинъ на престолѣ съ книгою, м. 10.

Благословляющая десница—однажды, м. 16 [сн. 8], при избіенныхъ за Слово Божіе.

Духа Святаго въ этой иллюстраціи не встрѣчается.

Юношескій типъ Еммануила, безъ бороды, рѣзко отличается отъ возмужалаго типа I. X. съ бородою; слич. мм. 3 и 1 [копія краск. 1 и сн. 1]. У Еммануила волосы на головѣ короткіе, сверху спускаются гладко и только у висковъ немного завиваются, а надъ серединою чела ниспадаютъ **косичкою** изъ

* Comte Melch. de Vogué, Syrie Centrale. Paris 1865. Табл. 100.

короткихъ и рѣдкихъ волосковъ, мм. 3 и 6 [сн. 4]. Та же самая прическа у Еммануила на далматикѣ, приписываемой Карлу Великому, но относящейся къ XII в. [сн. 240 д] *.

У ангеловъ волосы вьются кудрями вокругъ лица и кудрями же спускаются на затылокъ, а иногда и ниже, до плечъ. Надъ челомъ одинъ рядъ кудрей отдѣляется отъ прочихъ волосъ діадимою, которая иногда теряется въ очеркахъ кудрей, но бо́льшею частію явственна, какъ въ мм. 5, 9, 35, 44, 55 [снн. 3, 5, 20 и 22]; изъ семи ангеловъ семи Церквей особенно замѣтна на ангелахъ: въ углу наверху и у самаго края направо, м. 4 [сн. 2]; на м. 55 [сн. 24] у летящаго съ фіаломъ. Но развивающихся по сторонамъ обоихъ ушей лентъ или тороковъ, иначе называемыхъ слухами, нѣтъ ни у одного изъ ангеловъ.

Іоаннъ Богословъ—маститый старецъ, съ большимъ челомъ, которое еще увеличивается лысиною; волосы сзади короткіе; борода не велика, клиномъ; на челѣ глубокія морщины, мм. 1, 2 и 3 [сн. 1 и копія краск. 1].

Одѣяніе какъ Господа Бога во всѣхъ его типахъ, такъ и ангеловъ, по покрою вообще то же самое, что̀ и на всѣхъ Старцахъ, праведныхъ и вообще на фигурахъ, составляющихъ толпу людей. Это именно одѣяніе античное, т. е. хитонъ, или туника, съ простымъ воротомъ и съ широкими рукавами, и гиматіонъ, или тога; напр. на I. X. и Еммануилѣ, въ мм. 1 и 6 [сн. 1 и 4], на ангелахъ въ мм. 50 [сн. 22], 66 [сн. 31]; т. е. одѣяніе точно того же покроя, какое дано напр. ангелу въ Альтамировскомъ Апок. XII в. м. 24 [сн. 259 б].

Рѣже встрѣчается нарядъ царственный, въ византійскомъ вкусѣ, съ желтыми, т. е. золотыми, полосами и того же цвѣта поясомъ и бармами; напр. на Еммануилѣ, м. 3 [копія краск. 1], на Невѣстѣ Агнчей, м. 63 [сн. 29], на семи ангелахъ въ процессіи съ фіалами, м. 52, на ангелѣ, м. 5 [сн. 3]. Только на Еммануилѣ, возсѣдающемъ на конѣ, рукава подира узкіе съ поручами изъ такихъ же желтыхъ полосъ, м. 65 [сн. 30].

Въ этой же м. 65 слѣдуетъ обратить вниманіе на одну подробность въ одѣяніи Еммануила. Это—въ соотвѣтствіе тексту о надписи на стегнѣ—полоса, напоминающая подобное же

* Didron, Annales archéologiques. I, 152. Glückselig, Christus-Archaologie. Prag 1862, стр. 141.

украшеніе въ византійскомъ костюмѣ очень ранней эпохи, какъ указано въ описаніи этой миніатюры.

Какъ полосы, такъ и поясъ и бармы усѣяны кружка́ми, обыкновенно въ одинъ рядъ, которые должны означать драгоцѣнные камни.

І. Х., Еммануилъ и Господь Саваоѳъ. а также и Іоаннъ Богословъ, съ босыми ногами, только въ м. 65 Еммануилъ въ желтой обуви.

Ангелы постоянно обуты въ желтую обувь, а также св. Жена, Невѣста Агнца и Вавилонская Любодѣица.

Крылья у ангеловъ желтыя. Ни у ангеловъ и херувимовъ, ни у символич. животныхъ, нѣтъ на крыльяхъ очей, упоминаемыхъ въ текстѣ.

Изображеніе св. Агнца отступаетъ отъ указаній текста. У него не семь очей, а только два, изъ коихъ въ профиль видно только одно око; тоже вмѣсто семи роговъ, на м. 8 только два, а на м. 10, напротивъ того, уже одиннадцать, которые въ видѣ клиньевъ поднимаются по головѣ и шеѣ до самаго хребта, будто гребень съ завостренными зубьями.

Между святыми типы Еноха и Иліи, въ мм. 29, 30 и 31 [снн. 13 и 14], отличаются своими характеристическими чертами, удерживаемыми и въ другихъ лучшихъ редакціяхъ нашихъ, а въ послѣдствіи для Иліи пророка принятыми и въ Иконописномъ Подлинникѣ, подъ 20 числомъ іюля: «Подобіемъ старъ и сѣдъ, власы косматъ, брада продолговата до персей и терхава, аки праотца Авраама,.... риза на немъ милоть, или шуба, выворотъ мохнатъ козлій», по *Сводному Иконописному Подлиннику*, изданному Филимоновымъ, по его же рукописи XVIII в. Москва 1874, стр. 395-396. Енохъ отличается отъ Иліи гладкими волосами и широкою круглою бородою, и вмѣсто милоти на немъ обыкновенное одѣяніе.

Св. Жена, какъ олицетвореніе Церкви, писана въ пурпуровомъ монохромѣ, дважды, когда она летитъ на крыльяхъ, въ широкой туникѣ, мм. 34 и 36 [сн. 17], и однажды безъ крыльевъ, съ младенцемъ, одѣянная солнцемъ, въ типѣ, принятомъ для иконы Знаменія Богородицы, м. 33 [сн. 16]. Голова у ней покрыта покрываломъ, а не простоволосая, какъ принято на западѣ, безъ короны и безъ 12 звѣздъ, сказанныхъ въ текстѣ.

Адъ изображается въ двухъ типахъ, вопервыхъ, въ видѣ полуобнаженной человѣческой фигуры съ всклоченными на головѣ короткими волосами и съ короткою бородою, м. 15 [сн. 7], и вовторыхъ, въ видѣ чудовища съ двумя звѣриными мордами, одна на мѣстѣ головы, другая на заду, мм. 68 и 73, смѣшиваясь съ изображеніемъ сатаны въ м. 67. Первый типъ древнѣе, такъ какъ носитъ на себѣ слѣды античнаго идола. Онъ и писанъ желтымъ монохромомъ, будто позлащенное языческое божество.

Тѣмъ же античнымъ характеромъ отличается и типъ Аваддона, или Аполліона, и въ желтомъ же монохромѣ, только въ коронѣ и съ крыльями, м. 24 [копія краск. 2]. Этотъ же типъ принятъ и въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. м. 32 [сн. 82]. Въ другихъ редакціяхъ Аваддонъ изображается въ видѣ чудовища или дьявола, или же, какъ настоящій царь ангеловъ Бездны, въ царскомъ нарядѣ, какъ въ Подносномъ экземплярѣ МДА. м. 27 [сн. 175 б].

Сатана, когда онъ отличается отъ Ада, имѣетъ типъ общій съ дьяволами. Это человѣческая фигура, обнаженная, въ темномъ монохромѣ, съ человѣческимъ же лицемъ, волосы на головѣ высоко поднимаются завостреннымъ дыбомъ: притомъ, самъ Сатана съ длинною и окладистою бородою и безъ крыльевъ, м. 69, а дьяволы—безъ бородъ, иногда съ крыльями, мм. 38 и 62, иногда безъ крыльевъ, м. 71.

Отпадшій ликъ ангеловъ, м. 35, отличается воинскимъ костюмомъ, съ крыльями, а характеристическая примѣта дьяволовъ—волоса дыбомъ—составляетъ принадлежность шишака, какъ у воиновъ на м. въ «Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ» XIV в. [сн. 244 а].

Первый Звѣрь изображается въ четырехъ видахъ: вопервыхъ, какъ четвероногое животное о семи головахъ, писанныхъ въ одинъ рядъ, когда онъ только что выступилъ изъ моря, м. 37 [въ м. 61 по ошибкѣ о шести головахъ]; вовторыхъ, какъ человѣкообразное чудовище, объ одной звѣриной головѣ, когда онъ стоитъ надъ пропастью, м. 40, въ панданъ съ Антихристомъ, м. 41; втретьихъ, тоже въ типѣ человѣкообразнаго чудовища, но одѣтаго въ длинную или короткую рубаху, иногда съ отвислыми грудями, и притомъ или о семи головахъ, мм. 38 и 59 [снн. 18 и 27], или объ одной, м. 47 [сн. 21]; наконецъ,

вчетвертыхъ, въ видѣ царя Антихриста. въ византійскомъ нарядѣ, т. е. съ желтыми или золотыми полосами, въ царской мантіи поверхъ, и въ коронѣ, въ м. 41. въ панданъ къ сказанному выше типу чудовища въ м. 40. Въ м. 57 [сн. 25], съ надписью: *Царство звѣрю омрачаетъ*, писанъ именно этотъ царственный типъ Антихриста, коему въ Соловецк. юсовомъ Апок. XVI в. въ м. 49 [копія краск. 5] той же редакціи соотвѣтствуетъ типъ звѣриный.

Второй Звѣрь имѣетъ видъ чудовищнаго животнаго объ одномъ кривомъ рогѣ. а не агнца, м. 42.

Великій Змій изображается безъ крыльевъ. и притомъ или также и безъ ногъ. мм. 33, 34, 36 [снн. 16 и 17], или съ ногами, въ м. 39 [сн. 19] съ двумя. а въ м. 59 [сн. 27] съ четырьмя. Постоянно съ семью головами. расположенными или по прямой линіи въ рядъ, мм. 33, 34 и 36, или въ группѣ, мм. 39 и 50.

Змій всегда безъ роговъ, а Первый Звѣрь представленъ съ рогами только однажды, въ м. 37.

Гогъ и Магогъ, какъ цари полчища Песьихъ-Головъ, имѣютъ на своихъ сабачьихъ мордахъ короны, одѣты въ византійскій нарядъ съ полосами; сидятъ рядомъ на престолѣ, а ихъ воины, пожирающіе праведниковъ, обнажены, только препоясаны, иные изъ нихъ съ грудями, будто самки. м. 70 [копія краск. 3]. Тѣ же Гогъ и Магогъ представлены обнаженными, когда они на пути черезъ Евфратъ сцѣпились руками другъ съ другомъ, м. 58 [сн. 26]. Эта симплегма, хотя въ измѣненномъ видѣ, не забыта и въ позднѣйшихъ Апокк. редакціи Чудовской, въ мм. при главахъ 47, 51 и 63.

Пернатый типъ Пруговъ, въ м. 24 [копія краск. 2], нѣсколько согласный съ принятымъ въ Пражск. Апок. XIV, стр. 92 [сн. 262 б], только не съ человѣческими головами, какъ въ этомъ послѣднемъ, а съ звѣриными, и почти того же перевода, что̀ въ Апок. МПМ. № 156, м. 29,—не согласуется съ указаніемъ, даннымъ въ текстѣ IX, 7-10, по причинѣ, объясненной въ описаніи Апок. МПМ. № 156, въ мм. 29, 31 и 33.

Типъ Смерти не въ позднѣйшемъ видѣ скелета съ черепомъ, а въ тѣлѣ, хотя и костлявомъ и съ обыкновенною живою головой, съ носомъ, ушами, глазами и проч., какъ и въ другихъ редакціяхъ, но существенно отличается отъ этихъ послѣднихъ

тѣмъ, что не имѣетъ при себѣ никакого орудія, ни въ рукахъ, ни за плечами въ кошелѣ, мм. 15 и 23 [снн. 7 и 11]. Это признакъ глубокой старины. Въ Бамбергск. Апок. X в. Смерть изображена въ видѣ молодаго человѣка, въ одеждѣ, и съ пустыми руками, м. 13; такъ же и въ Альтамировск. Апок. XII, м. 41, а въ Англосаксонскомъ XII в. и въ Инкунабулахъ XV в. въ видѣ бородатаго человѣка съ сосудомъ въ рукѣ, изъ котораго поднимается языками пламя; наконецъ, въ Пражскомъ XIV в., хотя въ видѣ тоже обыкновеннаго человѣка въ одеждѣ, но уже съ мечемъ въ рукѣ. У насъ во всѣхъ прочихъ редакціяхъ дается Смерти не одинаковое оружіе: то серпъ, то труба, то палица, то, наконецъ, коса и даже ружье. Въ м. 15, вмѣсто клячи, сидитъ она на львѣ.

Перехожу къ утвари. Она даетъ указанія для опредѣленія болѣе или менѣе ранняго происхожденія иллюстраціи, и сверхъ того въ нѣкоторыхъ случаяхъ служитъ существеннымъ дополненіемъ къ характеристикѣ типовъ.

Вѣнцы, или короны, по рук. *увясла*, представляютъ въ своей формѣ значительное разнообразіе по различію типовъ, для которыхъ они служатъ аттрибутами. Короны, въ формѣ невысокаго кокошника, сходныя съ персидскими и древне-русскими, какъ архаизмъ, приняты для Пруговъ, Аваддона, или Аполліона, для Великаго Змія и для Антихриста, мм. 24, 33, 34, 29, 31, 41, 68 [копія краск. 2; снн. 16, 14]; кромѣ того, какъ архаизмъ же, на Царѣ-Звѣрѣ, въ типѣ Антихриста, корона многогранная, напоминающая древнія короны западныя, м. 57 [сн. 25]. У 24-хъ Старцевъ короны или въ формѣ шапки, какъ митры, или съ городами, а также и многогранныя, мм. 7 и 8, а въ м. 11 они всѣ въ шапкахъ, или митрахъ. У царей на Страшномъ судѣ: на одномъ въ формѣ шапки, а на двоихъ о трехъ городахъ, м. 72. На Вавилонской Любодѣицѣ—о трехъ городахъ, м. 61, а на Невѣстѣ Агнца—о многихъ, м. 63 [сн. 29]. На Словѣ Божіемъ, возсѣдающемъ на конѣ, тоже многогранная, и въ одинъ ярусъ, м. 65 [сн. 30], а не многоярусная, на подобіе папской тіары, какая вошла въ наши позднѣйшіе Апокк. съ запада. На Гогѣ и Магогѣ, какъ царяхъ, короны тоже городами, но только о трехъ городахъ, мм. 58 и 70 [сн. 26 и копія краск. 3], какъ и на олицетвореніи Моря, м. 71; на двухъ птицахъ—о многихъ городахъ, м. 66 [сн. 31].

Цари, тѣсною толпою стоящіе позади Вавилонской Любодѣицы, всѣ въ коронахъ шапкою, только трое переднихъ отличаются отъ прочихъ: двое въ коронахъ о трехъ городахъ, и одинъ въ шапкѣ же, но съ завостренною макушкою, въ родѣ шишака, м. 61.

Фіалы напоминаютъ своею формою рога, которые въ старину и у насъ, и на западѣ, замѣняли собою кубки и чаши, почему и приняты, какъ фіалы, въ Бамбергскомъ Апок. X вѣка, м. 37; въ Пражск. XIV в. тоже, напр. на стр. 183 [сн. 265 б]. Въ описываемой рук. эта первоначальная форма рóга иногда довольно явственно сохраняется, какъ въ мм. 48, 54, 57, 58 [снн. 23, 25, 26]—именно для фіаловъ въ рукахъ у ангеловъ, и въ м. 61 дважды для чашъ съ виномъ у Вавилонской Любодѣицы и у замѣняющей ее же, пьяной женщины; иногда эта форма переходитъ въ сосудъ съ донышкомъ мм. 52, 53; иногда вмѣсто донышка продолговатая рукоять, м. 55 [сн. 24].

Фіалъ для ѳиміама въ видѣ чашки, или плошки, въ м. 11, по своей формѣ сходенъ съ свѣтильниками въ томъ же Бамбергскомъ Апок. м. 8.

Два сосуда, одинъ для черпанья воды, м. 21 [сн. 9], другой на трапезѣ Невѣсты Агнчей, м. 63 [сн. 29], отличаются замѣчательно древнею формою, удержанною въ средніе вѣка и на западѣ [сн. 246 а, б].

Необычайная форма вѣсовъ, или мѣрила, м. 14 [сн. 6], составляетъ исключительную принадлежность только этой рукописи.

Какъ архаизмъ, употребленъ свитокъ вмѣсто книги, въ рукѣ I. X., м. 1 [сн. 1]. Что же касается до книги, то она писана на древній манеръ, съ означеніемъ въ раккурсѣ ея толщины; обыкновенно въ окладѣ, мм. 1, 10, 20.

Гусли изображены въ видѣ полукруга, который внутри вырѣзанъ округлою же линіею, безъ струнъ, м. 51.

Изъ орудій должно замѣтить слѣдующія. Адъ держитъ въ рукѣ мечъ безъ эфеса, но съ шишкою у рукояти, м. 15 [сн. 7]; такое же оружіе отняли ангелы у адскихъ всадниковъ, м. 26; у Аваддона въ рукѣ рогъ или труба, м. 24 [копія краск. 2], какъ у Смерти въ иныхъ редакціяхъ. Песьи-Головы вооружены или топорами, м. 46, или булавами, м. 70 [копія краск. 3]. Посохъ у Змія и Звѣря съ зубцами и клюка у Сатаны съ за-

востренною закорючкою, мм. 39, 40, 47, 67 и 69 [сн. 19 и 21], расчитаны на дьявольскія ухищренія для терзанія грѣшниковъ, какъ это принято и на западѣ въ изображеніяхъ Страшнаго суда. Въ другихъ редакціяхъ эти орудія замѣняются простою клюкою или посохомъ, а также дубиною. Четвероконечный крестъ на этомъ адскомъ орудіи, встрѣчаемый въ Апок. Тихонравова, въ 8-ку, Петровск. времени, относится къ раскольничьимъ безсмыслицамъ, мм. 39, 40 и 53.

Всадники не употребляютъ стременъ. Сидятъ на сѣдлахъ съ высокими луками по обѣ стороны, т. е. и спереди и сзади, какъ это принято было и на западѣ, мм. 14, 65 [сн. 6 и 30] *. Хвосты у коней Еммануила и его ангельскаго воинства у самаго зада завязаны узломъ, м. 65 [сн. 30]: но у коней апокалипс. Всадниковъ, мм. 12-14, этотъ обычай не принятъ, такъ же какъ и у коней отпадшаго лика, м. 35. Замѣчательно; что точно такъ же по сану всадниковъ ихъ кони отличаются узломъ на хвостѣ или отсутствіемъ его и въ моемъ юсов. Апок. XVI в. Въ нашей иконографіи завязанный узломъ хвостъ коня встрѣчается еще въ XII в.; напр. во фрескѣ, изображающей св. Георгія Побѣдоносца въ церкви его имени въ Старо-Ладожской крѣпости **.

Для исторіи обуви надобно обратить вниманіе на слѣдующія подробности. Головы у сапоговъ, т. е. на ступнѣ, постоянно очерчиваются линіею, которая отъ щиколки идетъ внизъ, и потомъ завертываетъ угломъ, и вдоль всей ступни горизонтально отдѣляетъ высокую подошву. Это общій признакъ и другихъ раннихъ произведеній нашей иконописи, равно какъ и столь же постоянно наблюдаемый обычай отдѣлять головы сапоговъ у самой ступни отъ голенища ремнемъ или вообще подвязкою, намѣчаемою двумя параллельными линіями. Иногда эта подвязка, очевидно, стягиваетъ складками голенище, м. 5 [сн. 3]; иногда она перемыкаетъ сапогъ, м. 14 [сн. 6]; она не забывается даже при длинномъ одѣяніи, и виднѣется изъ-подъ подола, м. 31, 36 [снн. 14 и 17]; наконецъ, по навыку къ помѣщенію этой подробности, ошибкою провелъ иконописецъ двѣ

* Напр. сѣдло на конѣ, на которомъ ѣдетъ Императоръ Максимиланъ въ гравюрѣ Бургмаира 1508 г., въ Kriegsvolker im Zeitalter der Landsknecht, изд. Wawra in Wien 1881. Тетр. I, рисун. I.

** Снимокъ см. у Прохорова, Христіанскія Древности и Археологія. Спб 1871, тетр. 3.

параллельныя линіи на одной изъ обнаженныхъ ногъ Еммануила, м. 3 [копія краск. 1]. Такіе ремни на сапогахъ издавна были приняты въ иконографіи, и византійской, и западной. Такъ на металлическихъ вратахъ базилики св. Павла внѣ стѣнъ Рима, византійской работы, въ изображеніи пророка Даніила ремни перемыкаютъ высокіе сапоги между головами и голенищами [сн. 252 б]. Одинъ изъ сапоговъ тоже на Даніилѣ, между фресками XII в. въ упомянутой выше Старо-Ладожской церкви св. Георгія, обвитъ по всему голенищу до щиколки ремнемъ *, такъ же какъ и у Моисея, разувающагося передъ Неопалимою Купиною, въ нѣмецкой лицевой рукописи, Biblia Pauperum, XIII в., надѣтый сапогъ обвитъ ремнемъ, а на снятомъ сдѣланъ разрѣзъ въ голенищѣ съ продѣтымъ въ петли ремнемъ, которымъ голенище стягивается [сн. 246 г] **.

Вмѣсто цѣпи, въ описываемой иллюстраціи, ангелъ связываетъ Змія ремнемъ, м. 67, такъ же какъ и въ Апок. МПМ. № 156, м. 74, согласно съ древнѣйшею редакціею Бамбергскаго Апок. X в. м. 47.

Иногда, какъ исключеніе, встрѣчается и русскій костюмъ, напр. для бояръ при Антихристѣ, въ мм. 29, 31 [сн. 14].

Полатное письмо предлагаетъ двѣ формы храмовъ, форму базилики и форму купольную, мм. 4, 70 [сн. 2, копія краск. 3]. Церкви только одноглавыя, мм. 4, 16, 32, 49, 52, 60 и 70 [снн. 2, 8, 15, 28 и копія краск. 3]. На главахъ кресты осмиконечные, потому что только эта форма креста и принята въ рукописи, напр. въ м. 19, для означенія «Печати Бога Живаго». Какъ исключеніе, церковь въ «Станѣ святыхъ» безъ креста, м. 70; но въ мм. 49 и 52 крестовъ не видать потому, что верхъ обоихъ листовъ обрѣзанъ. Что же касается до базиликъ, то онѣ безъ крестовъ.

Сѣнь употребляется двоякая, или въ византійскомъ и романскомъ стилѣ съ круглымъ куполомъ и римскою аркою, м. 4 [сн. 2], или съ аркою, приподнятою вверху угломъ, который составляетъ переходъ отъ стиля византійско-романскаго къ готическому, мм. 70, 71 и 72.

Престолы безъ задка древней формы и безъ подушекъ,

* Снимокъ см. у Прохорова ibid., тетр. 2.

** Laib und Schwarz, Biblia Pauperum nach d. Original in d. Lyceumsbibliothek zu Constanz. Zürich 1867, Tab. I.

обыкновенно съ подножіемъ въ видѣ плиты, мм. 3, 6, 38, 57, 63, 64 [копія краск. 1 и снн. 4, 18, 25, 29]; но на Страшномъ судѣ подъ I. X.—съ подушкою, м. 72. Какъ исключеніе, престолы съ задками, въ мм. 7 и 70. Древнѣйшіе образцы той и другой формы VI и IX вв. см. въ снн. 247 а, 251.

Студенецъ, или колодязь, тоже древней формы, античнаго стиля, шестигранный, изъ желтаго мрамора, м. 24 [копія краск. 2].

Перехожу къ символикѣ этой редакціи. Хотя не встрѣчается здѣсь того обилія и разнообразія символическихъ фигуръ и олицетвореній, какое содержитъ въ себѣ иллюстрація моего юсоваго Апок. XVI в.; однако то немногое, что̀ сохранилось въ описываемой рук., отличается необыкновенною оригинальностью и архаичностью.

Даже такое символическое олицетвореніе, какъ *Ангелъ Водный*, которое при гл. 48 [XVI, 4-7] во всѣхъ прочихъ редакціяхъ является въ видѣ обнаженнаго генія, здѣсь представленъ обыкновеннымъ ангеломъ, въ одеждѣ, м. 55 [сн. 24], какъ бы въ соотвѣтствіе *Ангелу Облачному*, который одѣтъ, какъ и Ангелъ Водный, въ тунику и тогу, а не въ волнистыя облака, мм. 27 и 28 [сн. 12].

За то мы встрѣчаемъ слѣдующіе драгоцѣнные факты.

Пурпуровая фигура у кивота въ отверстіи храма испускаетъ изо рта зигзаги молніи, и подъ нею летитъ, но безъ крыльевъ, черная фигура, м. 32 [сн. 15]: это олицетворенія молніи и гласовъ и громовъ, соединенныя здѣсь вмѣстѣ, и, какъ архаизмы, являющіяся порознь въ моемъ юсовомъ Апок., въ Тихонр. половины XVII в. и въ редакціи Филарета иконника, какъ указано ниже въ описаніи этой миніатюры.

Такая же пурпуровая фигура, испускающая тоже изо рта зигзаги, писана въ звѣздѣ Апсинѳосъ, м. 21 [сн 9].

Обѣ эти фигуры, въ пурпуровомъ монохромѣ, безъ крыльевъ; обѣ обнажены съ праваго плеча, а съ лѣваго задрапированы тогою, которая складками упадаетъ съ лѣвой руки, тогда какъ правая протянута съ раскрытою дланью. Очевидно, это одинъ и тотъ же типъ стихійнаго генія, въ античномъ стилѣ; только геній звѣзды безъ сіянія, а стоящій въ храмѣ у кивота—въ желтомъ сіяніи

Воздухъ, или *аеръ*, какъ значится въ текстѣ, изображенъ

въ видѣ голубой чаши. въ которую ангелъ изливаетъ свой фіалъ, м. 60 [сн. 28]. Этому символическому образу соотвѣтствуютъ въ Бамбергскомъ Апок. X в. голубая же фигура въ формѣ листа, м. 40, а въ Hortus Deliciarum XII в.—полусфера съ всадникомъ на чудовищѣ. съ надписью: aer [сн. 255].

Облако, въ которомъ поднимаются Енохъ и Илія, имѣетъ видъ какъ бы чрева Звѣря, который пожралъ ихъ и знакъ котораго отмѣченъ звѣриною головою этого чудовищнаго облака, получающаго здѣсь символическое значеніе кита, поглотившаго Іону, м. 31 [сн. 14].

Въ противоположность этому символу, дымъ вѣчнаго мученія поклоняющихся Звѣрю представленъ въ видѣ краснаго облака, поднимающагося вверхъ, съ человѣческими фигурами, которыя, въ киноварномъ монохромѣ, въ изящно скомпанованной группѣ именно поклоняются стоящему внизу Звѣрю, м. 47 [сн. 21].

Къ отличительнымъ же чертамъ этой древней редакціи относится символическое представленіе: «Избіенныхъ за слово Божіе» [коимъ даны будутъ одежды]—въ видѣ череповъ, лежащихъ на олтарѣ, соотвѣтствующихъ частицамъ св. мощей въ антиминсѣ, м. 16 [сн. 8].

Что касается до олицетворенія Моря, то, какъ объяснено ниже въ описаніи м. 71, оно относится къ тѣмъ редакціямъ, въ которыхъ принята фигура не мужская, а женская, и при томъ—обнаженная, какъ античная θάλασσα въ Парижской греческой Псалтыри X вѣка [сн. 249].

Олицетворенія Земли въ этой рукописи нѣтъ, а четыре Вѣтра, въ образѣ обнаженныхъ крылатыхъ фигуръ съ трубами, приняты и здѣсь почти въ томъ же видѣ, какъ они встрѣчаются во всѣхъ прочихъ нашихъ Апокалипсисахъ, съ незначительными варіантами.

Хотя солнце и мѣсяцъ и въ другихъ редакціяхъ оживотворяются изображеннымъ въ каждомъ изъ этихъ свѣтилъ человѣческимъ лицомъ, обыкновенно съ лица; но въ этой рук., не только тоже съ лица, какъ въ м. 66 [сн. 31], но и по древнѣйшему представленію, въ профиль, и притомъ такъ, что лица будто выглядываютъ наружу изъ-за драпировки, м. 22 [сн. 10].

Къ оригинальнымъ особенностямъ этой рук. относится стран-

ное умноженіе символическихъ животныхъ, съ головами въ сіяніяхъ, по сторонамъ Еммануила, сидящаго на престолѣ, м. 6 [сн. 4]. Не семь ли это Духовъ, присоединенныхъ къ обычнымъ четыремъ символическимъ животнымъ?

Символическому міровоззрѣнію и отношенію къ природѣ соотвѣтствуютъ особые пріемы, посредствомъ которыхъ наивный иконописецъ подчиняетъ натуральность условнымъ формамъ стилизаціи. А именно.

Четверть небеснаго круга, изъ котораго простирается благословляющая десница, онъ наполняетъ линіями, идущими параллельно другъ другу, для означенія небесныхъ сферъ, м. 16 [сн. 8]. Это одинъ изъ признаковъ глубокой древности *.

Виноградныя лозы, которыя, по указанію текста, ангелъ срѣзываетъ серпомъ, имѣютъ видъ архитектурныхъ столбиковъ съ перемычками, въ родѣ тѣхъ, какіе писецъ въ старину выводилъ для своихъ заглавныхъ буквъ византійскаго стиля, м. 50 [сн. 22].

Въ м. 66 [сн. 31] хотя довольно живописно рисованы птицы, но стилизованная отдѣлка хвоста и лапъ и особенно крыльевъ, тамъ гдѣ они соединяются съ туловищемъ, даетъ этимъ фигурамъ характеръ металлическаго издѣлія. Сверхъ того короны, которыми увѣнчаны два орла въ ознаменованіе ихъ царскаго сана, переносятъ ихъ обоихъ изъ области природы въ разрядъ геральдическихъ знаковъ для щита.

Семи головамъ Змія иногда даетъ иконописецъ самое неестественное сочетаніе, расположивъ ихъ прямолинейною полосою и приладивъ ихъ плотно другъ къ дружкѣ, будто въ заглавной буквѣ или рельефѣ тератологическаго стиля, мм. 33 и 36 [снн. 16 и 17].

Для довершенія сходства съ буквеннымъ орнаментомъ, во второй изъ этихъ двухъ миніатюръ Змій изъ всѣхъ своихъ семи пастей изливаетъ воду въ стилизованной формѣ каллиграфическихъ росчерковъ, внизу свивающихся вмѣстѣ въ завитокъ.

Въ каллиграфической же формѣ писаны духи нечистые, *яко*

* Слич. у Дидрона въ Histoire de Dieu на стр. 56 такую же стилизацію неба изъ рук. Парижск. публичн. библіот. Liber precum, IX вѣка. Слич. также въ Бамбергск. Апок. X в. м. 1 и друг.

жабы, выходящіе изъ семи пастей Змія, расположенныхъ симметрически, м. 59 [сн. 27].

Въ стилѣ рельефа грубой работы раннихъ среднихъ вѣковъ. короны на семи головахъ Змія и на Гогѣ и Магогѣ не надѣты, а прилажены сзади. будто пластинки, мм. 33. 58 и 70 [снн. 16, 26 и копія краск. 3]. Точно такъ же прилажена корона къ головѣ Александра Македонскаго. возносящагося на грифонахъ, въ одномъ изъ прилѣповъ Димитріевскаго собора во Владимірѣ-на-Клязьмѣ *.

Наконецъ сюда же присовокупляю уже упомянутыя выше условныя формы стилизаціи въ представленіи ландшафта въ видѣ срубленнаго дерева, мм. 22 [сн. 10] и 34, или старинной ландкарты м. 55 [сн. 24].

Что подобными стилизованными формами описываемая редакція восходитъ къ глубокой старинѣ, свидѣтельствуетъ принятое въ ней, уже замѣченное выше, изображеніе моря въ видѣ отчеркнутаго округлою линіею угла страницы въ м. 54 [сн. 23]. Ниже, въ описаніи этой миніатюры такой же точно стилизованный пріемъ указанъ мною въ Бамбергскомъ Апок. X вѣка, м. 32.

Такимъ образомъ, въ простомъ, малосложномъ рисункѣ, безъ наблюденія правилъ натуральности и подчиняя природу формамъ условной стилизаціи. миніатюристъ, чтобы точнѣе выразить главную сущность текста, собираетъ на бѣломъ листѣ бумаги нѣсколько фигуръ, бо́льшею частію символическаго характера, разрозненныхъ между собою на видъ и даже не соединенныхъ вмѣстѣ хотя бы линіями рамки, но составляющихъ одно цѣлое только по смыслу: такъ что миніатюра получаетъ видъ группы отдѣльныхъ іероглифовъ или знаковъ шарады, которые надобно разгадывать, какъ напр. мм. 21, 22, 32, 33, 34, 47, 60 [снн. 9, 10, 15, 16, 21, 28]. Или, не стѣсняясь условіями пространства и времени, группируетъ въ одно цѣлое нѣсколько сюжетовъ, которые въ другихъ редакціяхъ отдѣлены другъ отъ друга и составляютъ цѣлый рядъ миніатюръ; и такимъ образомъ, вмѣсто нѣсколькихъ картинъ разнообразнаго

* Графа С. Г. Строганова, Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, Москва 1849, табл. XI Его же Русское искусство Е. Віолле-ле-Дюкъ и архитектура въ Россіи, Спб. 1878, табл. XVI. Графа Уварова, Взглядъ на архитектуру XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ, въ Трудахъ археолог. съѣзда. Москва 1871.

содержанія, онъ предлагаетъ фронтисписъ изъ массы полатнаго письма съ головами ангеловъ, какъ въ м. 4 [сн. 2]; или же наконецъ, не затрудняя себя живописаніемъ обстановки, замѣняетъ ландшафтъ строками самаго текста, между рядами которыхъ, въ мм. 14 и 54 [сн. 6 и 23], пишетъ апокалипсическаго Всадника или парящаго ангела.

При іероглифическомъ сокращеніи сюжета въ малосложную форму, символизмъ этого Апокалипсиса даетъ изображеніямъ господствующій характеръ загадочности, соотвѣтственно самому смыслу Писанія: такъ что изображенныя въ лицахъ видѣнія только намекаютъ на ихъ таинственный смыслъ, не дерзая поднять съ него завѣсу посредствомъ живописнаго изложенія подробностей. Въ созерцаніи выспренняго видѣнія воображеніе должно отрѣшаться отъ дѣйствительности, и потому чѣмъ менѣе иконописецъ обращалъ вниманія на условія внѣшней природы и на мелочи житейскаго быта, тѣмъ вѣрнѣе достигалъ своей цѣли.

Теперь я долженъ сказать о *стилѣ* этой иллюстраціи.

Въ немъ господствуетъ смѣсь грубой наивности раннихъ среднихъ вѣковъ съ изяществомъ классическаго искусства, унаслѣдованнымъ нами отъ древнехристіанской иконографіи черезъ Византію. Было уже достаточно указано на элементъ средневѣковый въ стилизованныхъ формахъ, сближающихъ миніатюру съ каллиграфіею и рельефомъ тератологическаго стиля. Остается сказать объ античномъ изяществѣ.

Не смотря на неумѣлость изображать натурально и правильно формы человѣческой фигуры, какъ въ ея спокойномъ положеніи, такъ и въ движеніяхъ, все же античное преданіе довольно ясно выказывается иногда въ изящной постановкѣ фигуры и особенно въ *драпированіи* ея густыми, широкими складками тоги на античный манеръ, какъ напр. по нагому тѣлу въ символической фигурѣ звѣзды Апсинѳосъ, м. 21 [сн. 9], поверхъ туники—на Еммануилѣ, м. 6 [сн. 4], на Облачномъ ангелѣ, м. 27 [сн. 12]. Сверхъ того, по античному же драпировка подчиняется членамъ тѣла и ихъ движеніямъ, какъ напр. въ обѣихъ послѣднихъ фигурахъ складки туники на правой рукѣ: у Еммануила на опущенную руку внизъ по локоть ткань туники спустилась гладко и обвисла складками отъ локтя до благословляющей десницы, между тѣмъ какъ у Об-

лачнаго ангела отъ поднятой вверхъ длани складки спускаются внизъ по всей рукѣ, падая и на плечо. Въ м. 36 [сн. 17] одѣяніе вытягивается, или же собирается въ складки, подчиняясь членамъ тѣла летящей св. Жены, или въ м. 58 [сн. 26]— летящаго ангела. Необыкновенно изящно задрапированъ летящій ангелъ въ тогу съ ногами и руками, общій очеркъ которыхъ чувствуется сквозь обильныя складки. м. 44 [сн. 20]. Точно такъ же задрапированныя ноги у другихъ летящихъ ангеловъ въ раккурсѣ кажутся будто спеленутыми, мм. 54, 55 и 57 [снн. 23, 24 и 25].

Мастерская группировка фигуръ въ нѣкоторыхъ миніатюрахъ принадлежитъ также къ раннимъ слѣдамъ античнаго изящества, которое въ этомъ случаѣ состояло въ подчиненіи рисунка гармоническому сочетанію линій по правиламъ прямолинейности, параллельности и симметріи, и притомъ не для того только, чтобы сгруппировать части въ одно стройное цѣлое, но и для того, чтобы игрою линій дополнить самый смыслъ рисунка.

Такъ въ м. 5 [сн. 3] мысль текста, составляющаго надпись: *абіе быхъ въ духѣ*—выражена въ группѣ двухъ фигуръ. Ангелъ увлекаетъ Іоанна вверхъ, обнимая его правой рукой, а лѣвую поднявъ съ простертою дланью, какъ бы указываетъ на горній путь въ высшія сферы. Уже съ перваго взгляда вы чувствуете необыкновенную подвижность и живость въ рисункѣ; но, анализируя подробности, легко замѣтите, что стремительность сказаннаго подъема означена прямыми линіями, положенными въ основу рисунка. Линіи эти поднимаются слѣва направо, отъ Іоанна къ ангелу, потому что ангелъ подъемлетъ Іоанна. Главная линія ведетъ вверхъ отъ правой руки ангела черезъ глаза Іоанна до большаго пальца лѣвой руки ангела, и захватываетъ на своемъ пути главную же мысль миніатюры— поднятіе снизу и стремленіе вверхъ. Притомъ эта линія дѣлаетъ острый уголъ съ другою, которая идетъ отъ правой же руки ангела и проходитъ головы обѣихъ фигуръ. Линіи эти не такъ бы легко остановили на себѣ вниманіе, если бы имъ не соотвѣтствовали двѣ другія внизу, исходящія тоже изъ одного пункта и тоже составляющія острый уголъ. Онѣ образуются нижнимъ краемъ тоги Іоанна и двумя длинными складками тоги ангела, сливающимися съ этимъ краемъ. Стороны

нижняго угла составляютъ до извѣстной степени параллель съ сторонами верхняго. а надъ всѣми прочими линіями господствуетъ голова ангела вмѣстѣ съ крыльями, которыя, давая единство всѣмъ частямъ, осѣняютъ возносимаго Іоанна.

Еще очевиднѣе сказанное изящество линій въ безподобной группѣ, которая, будто монументъ на пьедесталѣ, воздвигнута на вершинѣ горы изъ трехъ фигуръ: изъ Еноха съ Иліею и Перваго Звѣря, который ихъ пожираетъ, м. 30 [сн. 13]. Стороны угла, образуемыя линіями обоихъ праотцевъ и чудовища, составляютъ параллель съ сторонами утеса. которыми какъ бы символически отдѣляются и противополагаются святое отъ нечестиваго и жертва отъ мучителя. Голова Иліи господствуетъ надъ группою, какъ краеугольный пунктъ, а руки Еноха падаютъ внизъ въ противоположность идущимъ вверхъ лапамъ апокалипсическаго животнаго. Будь постановлена эта группа на ровной плоскости, она потеряла бы въ изяществѣ за отсутствіемъ монументальнаго характера, очеркнутаго симметріею и параллелизмомъ линій.

Тотъ же артистическій пріемъ въ монументальной постановкѣ фигуры на пьедесталѣ принятъ въ изображеніи Облачнаго ангела, м. 27 [сн. 12]. Окруженный облачною сферою стоитъ онъ, какъ статуя, на вершинѣ утесистой горы, въ которой по условной стилизаціи помѣщено море съ островомъ.

Замѣченная въ этой иллюстраціи художественная игра линій особенно распространена въ редакціи Апокалипсисовъ СПБ. № 225 и МПМ. № 214, оба половины XVII в.

Старинные копіисты, при недостаткѣ артистическаго образованія, погрѣшали въ воспроизведеніи подробностей рисунка, но легко могли удерживать общее ихъ распредѣленіе, отличавшееся античнымъ изяществомъ въ главныхъ планахъ, которые подчинялись нѣкоторымъ геометрическимъ пріемамъ.

Движенія фигуръ и жесты, сравнительно съ древнехристіанскимъ искусствомъ и средневѣковымъ на западѣ, отличаются однообразіемъ. Особенно часто встрѣчается одинъ жестъ, который въ старину сильно господствовалъ и на западѣ. Это—раскрытая ладонь протянутой или приподнятой руки, правой или лѣвой, иногда и обѣихъ вмѣстѣ. Жестомъ этимъ выражаются самыя разнообразныя мысли и душевныя движенія. Его употребляетъ напр. только что упомянутый ангелъ, который воз-

водитъ Іоанна вверхъ, м. 5 [сн. 3]. Адъ при Смерти, м. 15 [сн. 7]. ангелъ посреди четырехъ Вѣтровъ, м. 18, Геній звѣзды Апсинѳосъ, м. 21 [сн. 9]. Смерть. бѣгущая отъ людей, ее призывающихъ, м. 23 [сн. 11]. Облачный ангелъ, м. 27 [сн. 12], Геній при Кивотѣ Завѣта. м. 32 [сн. 15]. Еммануилъ, ѣдущій на конѣ, м. 65 [сн. 30]. Иногда фигура высвобождаетъ свою открытую ладонь изъ густо задрапированной тоги, какъ въ группѣ изваряющихся отъ зноя, м. 56, или—спуская одну руку къ гуслямъ, другую приподнимаетъ съ раскрытою же ладонью, м. 51.

Св. Жена, преслѣдуемая Зміемъ, простираетъ обѣ руки съ раскрытыми ладонями, какъ на иконѣ Знаменія Богородицы, м. 33 [сн. 16].

Просящіе протягиваютъ обѣ руки впередъ, тоже съ раскрытыми ладонями; какъ напр. души убіенныхъ за Слово Божіе, м. 16 [сн. 8]; св. Жена, летящая въ пустыню, мм. 34 и 36 [сн. 17]; Богородица и Іоаннъ Крестителъ по сторонамъ Спасителя, м. 72.

Енохъ и Илія, обличая Антихриста, поднимаютъ правую руку съ протянутымъ указательнымъ перстомъ; въ отвѣтъ на то Антихристъ обращаетъ къ нимъ открытую ладонь лѣвой руки, мм. 29 и 31 [сн. 14].

Сокрушающіеся прикладываютъ руку къ щекѣ, или голую, какъ одинъ въ толпѣ при разрушеніи города, м. 60 [сн. 28], или задрапированную въ складки тоги, какъ двое въ толпѣ, чувствуя себя недостойными отверсти книгу, м. 9 [сн. 5], одинъ изъ тѣхъ, кои отъ страданія взыщутъ смерти, м. 23 [сн. 11], или—одѣтую въ спущенный рукавъ, какъ одинъ изъ пожираемыхъ Песьими-Головами, м. 70 [копія краск. 3].

Летящій ангелъ, проповѣдуя паденіе Вавилона, обѣ руки поднимаетъ къ лицу, задрапированныя въ складки тоги, м. 44 [сн. 20].

Рисунокъ иллюстраціи крупный, соотвѣтственный малосложности сюжетовъ, выведенъ по большой части въ толстыхъ и рѣзкихъ очеркахъ бойкою и привычною рукою. Что касается колорита, то мастеръ располагалъ шестью красками: желтою, зеленою, синею, пурпуровою, киноварью и черниломъ. Очерки размалевывалъ онъ акварелью, оставляя для бѣлаго цвѣта чистый фонъ бумаги; налагалъ болѣе или менѣе густую краску,

отчего она выходила темнѣе или свѣтлѣе, изъ синей голубая, или изъ пурпуровой розовая; иногда соединялъ двѣ краски вмѣстѣ, именно желтую съ черною, или синюю съ зеленой. Золота не употреблялъ, замѣняя его желтою краскою, напр. въ сіяніи, коронахъ, дорогой утвари, въ престолахъ, въ крыльяхъ ангеловъ, въ изображеніи истукановъ,—для типовъ Ада, Аваддона и четырехъ Вѣтровъ, мм. 15, 24 и 18 [сн. 7 и копія краск. 2].

Въ согласіе съ рисункомъ, иногда переходящимъ въ каллиграфическій или скульптурный орнаментъ, и самый колоритъ очень часто имѣетъ орнаментальный или декоративный характеръ, въ видѣ цвѣтнаго рельефа, размалеваннаго сплошь какою нибудь одною краскою, именно въ такъ называемыхъ монохромахъ. Хотя монохромы встрѣчаются и въ другихъ редакціяхъ, но значительно рѣже, чѣмъ въ описываемой иллюстраціи, и составляютъ одинъ изъ признаковъ ея древности, такъ какъ восходятъ они къ очень раннему времени, напр. встрѣчаются уже въ Бамбергскомъ Апок. X вѣка.

Кромѣ Сатаны и дьяволовъ, которые вообще и въ другихъ редакціяхъ, какъ и въ этой, пишутся въ темныхъ монохромахъ, и кромѣ упомянутыхъ выше типовъ златаго истукана, желтаго цвѣта, находятся здѣсь монохромы зеленые: для символич. животныхъ съ херувимами, м. 6 [сн. 4], для Пруговъ—только короны желтыя, м. 24 (копія краск. 2); пурпуровые: для звѣзды Апсинѳосъ, м. 21 [сн. 9], для адскихъ воиновъ, м. 26, для Генія грома и молніи, м. 32 [сн. 15], для св. Жены, мм. 33, 34 и 36 [сн. 16 и 17]; желтый монохромъ для мертвеца съ саркофагомъ при звѣздѣ Апсинѳосъ, м. 21 [сн. 9]. Темный монохромъ падшихъ ангеловъ, м. 35, соотвѣтствуетъ въ Апок. МПМ. № 156—зеленому, м. 42 [сн. 45].

Миніатюристъ иногда очень удачно пользуется колоритомъ для выраженія мысли изображаемаго сюжета. Такъ омраченіе Звѣринаго царства обозначилъ онъ темнымъ фономъ, отдѣливъ его прямою линіею отъ свѣтлой области, въ которой паритъ ангелъ съ фіаломъ, м. 57 [сн. 25]: художественный пріемъ, удержанный и въ Соловец. юсовомъ Апок. XVI в., м. 49 (копія краск. 5). Мѣсто нечистыхъ духовъ и Армагеддонъ—въ темномъ монохромѣ, м. 59 [сн. 27].

Остается сказать о нѣкоторыхъ неточностяхъ и противорѣ-

чіяхъ тексту, которыхъ. впрочемъ. очень немного. Вотъ все, что я могъ замѣтить.

Отсутствіе крыльевъ у ангеловъ семи Церквей, м. 4 [сн. 2].

Апокалипсическая книга—безъ печатей, какъ она изображается очень обыкновенно въ средневѣковыхъ Апокк. на западѣ, мм. 8 и 10.

Солнце пурпуровое. тогда какъ по тексту оно черное, м. 17.

Народъ безъ финиковъ въ рукахъ, м. 20.

Облачный ангелъ обѣими ногами стоитъ на горѣ, тогда какъ по тексту онъ поставилъ правую ногу на морѣ, а лѣвую на землѣ, м. 27 [сн. 12].

Изъ всего сказаннаго объ иллюстраціи этого Апок. оказывается, что она принадлежитъ къ самой ранней эпохѣ, какъ по общему своему характеру, такъ и по множеству подробностей, изъ которыхъ многія относятся не только къ XIV или XII в., но даже къ X в., какъ это свидѣтельствуется сличеніемъ съ западными Лицевыми Апокалипсисами и другими иконографическими памятниками.

Въ этой рукописи мы имѣемъ исправную, хотя и довольно грубую копію съ очень стараго изящнаго оригинала. Разнообразіе иконографическихъ варіантовъ есть несомнѣнный признакъ старины, предшествующей установленному Иконописнымъ Подлинникомъ единству типовъ и ихъ аттрибутовъ. Единственный слѣдъ подновленія, бросающійся въ глаза въ этой иллюстраціи, это осмиконечный крестъ, упорно удерживаемый и ни разу не замѣненный его древнѣйшею четвероконечною формою. Эта намѣренность въ выборѣ креста восмиконечнаго вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о восточномъ характерѣ иллюстраціи, въ отличіе отъ западнаго обычая употреблять крестъ четвероконечный.

Существенное дополненіе къ выясненію вопроса о томъ древнѣйшемъ источникѣ, откуда пошла редакція описываемаго Апок., предлагаютъ намъ двѣ рукописи, хотя уже значительно подновленныя, но состоящія въ очевидномъ сродствѣ съ этою. Вопервыхъ, рукопись МПМ. № 156, начала XVII в., которая частію повторяетъ ее съ весьма незначительными варіантами въ переводахъ, частію же дополняетъ, и вовторыхъ. Соловецкая юсовая рук. XVI в.. Казанск Дух. Акад. № 1 [новый

№ 159], въ которой та же древняя редакція подверглась полнѣйшей переработкѣ подъ обновляющимъ вліяніемъ западнаго искусства XVI вѣка. Нужно было много времени, чтобы простота и суровость маститой редакціи, сохранившейся въ бо́льшей чистотѣ въ моемъ Апок. начала XVII в., успѣли утратить свою оригинальность и архаичность и переработаться заново вовсе въ другія формы, согласныя съ иными требованіями искусства, уже значительно развитаго.

Одна и та же редакція, очень ранняго происхожденія, въ моей рук. и въ рук. МПМ. № 156—носитъ на себѣ рѣшительный характеръ православнаго, греко-русскаго стиля, а въ рукописи Соловецкой—характеръ, несомнѣнно и до полной очевидности западный, и именно нѣмецкій, какъ показано въ описаніи этой послѣдней.

---

1) I, 1 [сн. 1]. Вверху направо въ кругломъ щитѣ, по чресла, I. X. съ бородою, въ крестномъ сіяніи, правою рукою благословляетъ, въ лѣвой—свернутый свитокъ; на I. X. пурпурная туника, или хитонъ, съ широкими рукавами, воротъ ничѣмъ не обшитъ, но отъ плеча по груди идетъ полоса древняго костюма; поверхъ накинута на лѣвое плечо тога, подобранная подъ правую руку. Отъ щита излетаетъ ангелъ и подаетъ Іоанну толстую книгу въ окладѣ; на ангелѣ верхъ красный, исподъ зеленый, съ желтыми бармами на воротѣ. Въ его волосахъ едва замѣтенъ очеркъ діадимы; кудрями спускаются они по обѣ стороны до плечъ. Іо., лысый и сѣдой, съ бородою клиномъ, по своей позѣ напоминаетъ такое же его изображеніе въ Бамбергск. Апок. м. 1. На немъ верхъ зеленый, исподъ пурпуровый. Въ надписи заимствовано изъ толкованія, въ которомъ значится: *Апокалипси убо есть сокровенныхъ таинъ откровеніе.*

2) I, 9. Іо. на островѣ Патмосѣ сидитъ при входѣ въ пещеру, между скалами. Правую руку прикладываетъ къ груди, лѣвую спряталъ въ спустившійся рукавъ. Надписано славянскими буквами испорченное греч. слово: *о фелог.* См. тотъ же переводъ въ Апок. МПМ. № 156, м. 2 [сн. 32].

3) I, 10-20 [см. копію красками 1]. І. Х. въ типѣ Эммануила, т. е. юный, но въ сіяніи крестномъ, а не въ угловатомъ, какое обыкновенно дается этому типу въ другихъ рукк. Волосы короткіе, по срединѣ лба спускается маленькая косичка, согласно древнему типу. Въ бѣломъ подирѣ съ зеленоватымъ отливомъ, рукава широкіе. Бармы, двѣ полосы отъ плечъ до пояса, самый поясъ и коймы рукавовъ—желтые, т. е. золотые: ноги розовыя, согласно тексту: «подобны хальколиванѹ, яко же въ пещи разжженны»: по щиколкѣ правой ноги проведены параллельно двѣ черныя линіи, вѣроятно, по ошибкѣ, какъ замѣчено выше, когда было говорено объ обуви въ иллюстраціи этой рук.—Пурпуровый мечъ исходитъ не изъ устъ его, а отъ ланиты; сидитъ на престолѣ безъ задка и безъ подушки; правую ногу постановилъ на голову падшаго передъ нимъ Іоанна, согласно тексту этой рук.: *падохъ подъ ногама его*, а не «къ ногама его», какъ въ исправл. текстѣ. Въ десницѣ не держитъ семи звѣздъ, по стиху 16, а опускаетъ ее внизъ къ Іоанну, согласно стиху 17: «и положи десницу свою на мнѣ». По сторонамъ семь свѣтильниковъ.

4) II и III [сн. 2]. Вмѣсто того, чтобы каждому изъ ангеловъ семи Церквей посвятить отдѣльную миніатюру, какъ это принято у насъ во всѣхъ редакціяхъ, здѣсь всѣ семь ангеловъ соединены въ одной миніатюрѣ, такъ же какъ и въ Соловецк. юсовомъ Апок. XVI в. м. 5 [сн. 61]: согласно съ тѣми изъ раннихъ западныхъ иллюстрацій, которыя тоже помѣщаютъ всѣхъ семерыхъ ангеловъ въ одной миніатюрѣ, каковы: Англосаксонскій Апок. XII в. и той же редакціи Инкунабулы XV в., согласно съ скульптурными изображеніями романскаго стиля [сн. 241 а]. У нѣкоторыхъ изъ ангеловъ замѣтны въ волосахъ діадимы. При каждомъ развернутый свитокъ съ надписью, кромѣ ангела Ефесской церкви, у котораго, за недостаткомъ мѣста съ краю листа, вовсе нѣтъ свитка, и сверхъ того рядомъ съ нимъ у ангела церкви Сардійской, хотя и есть свитокъ, но безъ надписи, потому что мастеръ, по ошибкѣ, замазалъ его розовою краскою, какъ архитектурную часть зданія, надпись же помѣстилъ на стѣнѣ подъ окномъ. Заслуживаетъ вниманія стиль полатнаго письма. Двѣ церкви одноглавыя: только на нихъ и есть кресты, оба осмиконечные. Многоглавыхъ нѣтъ. Двѣ напоминаютъ форму древнихъ базиликъ; еще на верху одной по-

мѣщена на колоннахъ сѣнь въ формѣ купола, какія встрѣчаются въ раннихъ византійскихъ миніатюрахъ. Впереди зданій откосы на столбахъ, а также -арка, однимъ концомъ упирающаяся на столбъ Капители колоннъ въ формѣ полушарій. Окна закруглены аркою: но двери двухъ родовъ: аркою и о четырехъ углахъ. Надписи на свиткахъ взяты изъ текста самого Откровенія, иныя согласно съ принятымъ въ рук., иныя -съ исправленнымъ; но при церкви Смирнской взято изъ толкованія. Надобно замѣтить, что ни у одного изъ ангеловъ не видно крыльевъ. У шести изъ нихъ крылья могли быть заслонены полатнымъ письмомъ и надписями; но у находящагося въ верхнемъ углу налѣво они должны бы быть видны.

5) IV, 2 [сн. 3]. Ангелъ съ діадимою въ волосахъ, ведетъ Іоанна, положивъ ему на плечо правую руку, а лѣвую протянулъ съ распростертою ладонью. Вокругъ во́рота, на подолѣ и на широкихъ рукавахъ зеленой туники желтыя полосы; поверхъ черезъ плечо накинута пурпуровая тога. Обѣ фигуры составляютъ изящную группу, подчиненную артистически расположеннымъ линіямъ членовъ тѣла и драпировки. Надпись на этой м.: *ибіе быхъ въ дусѣ*, дастъ разумѣть. что изображеніе съ соотвѣтствующею надписью непосредственно входитъ здѣсь въ самый текстъ, составляя его неотъемлемую часть; потому что оборотъ 104-го листа оканчивается послѣдними словами 1-го стиха главы IV: *подобаетъ быти по сихъ*; затѣмъ лицевую сторону 105-го листа занимаетъ эта миніатюра съ сказанною надписью, взятою изъ первыхъ словъ стиха 2-го, а на оборотѣ миніатюры слѣдуетъ уже продолженіе: *и се престолъ стояше на небеси*. Тотъ же переводъ рисунка въ МПМ. № 156, м. 10.

6) IV, 1-9 [сн. 4]. І. Х. въ типѣ Еммануила, но въ крестномъ сіяніи, на челѣ съ косичкою; весь желтый, т. е. золотой, и одѣяніе, и руки, и ноги. и волосы, и даже оттѣнки на лицѣ, а также и престолъ: будто золотое изваяніе. въ соотвѣтствіе тексту: «подобенъ видѣніемъ камени іаспису и сардинови». По обѣимъ сторонамъ отверстыя двери, тоже желтыя, обрѣзаны верхнимъ окружіемъ ореола: за ними радуга. Странную особенность представляетъ здѣсь умноженное число символическихъ животныхъ: ихъ всѣхъ одиннадцать. кромѣ двухъ еще херувимовъ, и сверхъ того головы львиныя имѣютъ стилизованную фигуру съ человѣческимъ лицомъ. а вмѣсто головъ тельчихъ

-какія-то чудовищныя, будто драконовы. Всѣ эти фигуры писаны въ монохромѣ зеленою краскою. Ни коимъ образомъ нельзя видѣть въ этихъ одиннадцати символахъ умноженіе извѣстныхъ четырехъ евангелистическихъ животныхъ, вопервыхъ уже потому, что такого самопроизвола не встрѣчается ни въ одномъ изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ русскихъ Лицевыхъ Апокк., даже и такихъ, которые значительно искажены по недомыслію и невниманію. Вовторыхъ, именно въ текстѣ при этой самой миніатюрѣ, съ особенною подробностью описываются типы сказанныхъ евангелистическихъ символовъ, стих. 6-8: слѣдовательно, невниманія или намѣреннаго отклоненія отъ Писанія въ такомъ архаическомъ памятникѣ, какъ этотъ Лицевой Апок. ранней редакціи, рѣшительно невозможно допустить. Чтобы объяснить эту странность, я долженъ прибѣгнуть къ слѣдующему предположенію, основываясь на цыфрѣ одиннадцать. Изъ этого числа надобно вычесть четыре евангелистическихъ символа: остается семь на долю «седми духовъ Божіихъ», упомянутыхъ въ соотвѣтствующемъ миніатюрѣ текстѣ. стих. 5. Типологія этихъ Духовъ Божіихъ имѣетъ въ нашихъ лицевыхъ Апокк. свою исторію. Они изображаются, или въ видѣ обыкновенныхъ ангеловъ. какъ въ моемъ юсов. Апок. XVI в., или въ видѣ обнаженныхъ крылатыхъ геніевъ, человѣкоподобныхъ, какъ въ раннихъ иллюстраціяхъ именно по редакціи Филаретовско-Чудовской, мм. 2, 7 [сн. 99], такъ и въ позднѣйшихъ, именно въ замѣчательномъ по своей редакціи Лицевомъ Апок. Барсова, XVIII в., но съ текстомъ XVI в., мм. 3-9 [сн. 187]. Не приняли ли они въ описываемой миніатюрѣ форму символическихъ животныхъ?—По сюжету эта миніатюра съ слѣдующею составляетъ одно цѣлое.

7) IV, 4-6. 10-11 Наклоняясь съ престоловъ. снабженныхъ округлыми задками, 24 Старца, не въ бѣлыхъ, какъ значится въ текстѣ, а въ цвѣтныхъ одеждахъ, какъ это принято и въ другихъ древнѣйшихъ рукк., полагаютъ свои вѣнцы вокругъ семи свѣтильниковъ. Внизу подъ свѣтильниками красная масса, расходящаяся по краямъ языками, означаетъ «море стекляно, подобно кристалу». Всѣ вѣнцы шапками, кромѣ двухъ. о трехъ городахъ.

8) V, 1. 6. [сн. 237 а]. Въ ореолѣ, окруженномъ желтою полосою съ херувимами. но безъ четырехъ символич. живот-

ныхъ, о коихъ сказано въ текстѣ, на розовомъ престолѣ, безъ задка, поставивъ ноги на розовую же скамейку, сидитъ Господь Саваоѳъ, въ двойномъ сіяніи, съ закрытою книгою въ лѣвой рукѣ, а правою благословляетъ. Агнецъ безъ всякихъ отличительныхъ аттрибутовъ, стоя задними ногами на томъ же престолѣ, передними касается книги. По сторонамъ ореола сидятъ на престолахъ Старцы, снявъ съ головы короны. Внизу стоитъ толпа юныхъ фигуръ.

9) V, 2-5 [сн. 5]. Надпись содержитъ въ себѣ стихи 2 и 3. Ангелъ, раскрывъ ладонь лѣвой руки, а правую обращая внизъ, господствуетъ надъ толпою. въ которой двое, обернувъ руку складками тоги, выражаютъ своими жестами печаль; изъ нихъ одинъ прикладываетъ такъ задрапированную руку къ щекѣ, другой еще только поднимаетъ. Здѣсь плачутъ многіе, согласно тексту рукописи: *плакахуся ихъ мнози, и азъ плакахся много*, какъ и въ другихъ рукк., а въ Подносномъ экземплярѣ МДА. даже только: *плакахуся мнози;* что же касается до исправл. текста, то въ немъ наоборотъ только: «азъ плакахся много».

10 и 11) V, 6-14. Первая миніатюра: въ ореолѣ, окруженномъ полосою съ ангелами, стоитъ на престолѣ Агнецъ, въ простомъ сіяніи, съ 11-ю рогами, вм. семи, расположенными гребнемъ отъ головы по шеѣ, и не съ семью очами, а съ двумя, изъ коихъ въ профиль видно только одно. На престолѣ книга въ окладѣ, но безъ печатей. Окрестъ престола головы четырехъ символич. животныхъ въ сіяніяхъ. Той же редакціи въ упомянутомъ Апок. МПМ. м. 14 [сн. 35], но въ другомъ переводѣ.—Вторая миніатюра: 24 Старца, преклонившись съ своихъ престоловъ съ округлыми задками, полагаютъ около себя свои вѣнцы, въ той же формѣ шапки, и «фіалы златы, полны ѳиміама», въ видѣ чашки или той же шапки, обращенной верхушкою внизъ. Та же форма чашки въ Бамбергск. Апок. X вѣка, только будто плошка, съ свѣтильною посреди, принята для каждаго изъ семи свѣтильниковъ, м. 8.

12) VI, 1-2. Всадникъ на дикомъ или сѣромъ конѣ, въ коронѣ о пяти городахъ, въ короткомъ зеленомъ кафтанѣ съ поручами на узкихъ рукавахъ; со шнурами на груди въ два ряда; подпоясанъ широкимъ поясомъ; на плечахъ красная мантія, развѣвающаяся по вѣтру назадъ; въ узкихъ дикихъ панталонахъ, засунутыхъ въ высокіе красные сапоги; въ лѣвой

рукѣ лукъ, въ правой стрѣла. О коняхъ со сбруею, какъ этого всадника, такъ и слѣдующихъ двухъ см. м. 65.

13) VI, 3-4. Всадникъ на красномъ, т. е. по тексту на *рыжемъ* конѣ, съ обнаженною головою, въ длинномъ зеленомъ одѣяніи, съ желтыми поручами, поясомъ и полосою на подолѣ, съ плечъ развивается назадъ пурпуровая мантія. Сапоги желтые. Въ рукахъ не держитъ никакого оружія, тогда какъ по тексту у него «мечъ великій».

14) VI, 5-6 [сн. 6]. Миніатюра помѣщена внутри самого текста. Всадникъ по тексту на *ворономъ* конѣ, съ обнаженною головою; нижняя одежда и панталоны, засунутыя въ желтые сапоги—пурпуроваго цвѣта, съ желтыми бармами и поручами; поверхъ черезъ плечо зеленая тога. Въ лѣвой рукѣ держитъ мѣрило, или вѣсы, особой формы, не принятой ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ русскихъ Лицевыхъ Апокк., и спускаетъ мѣрило внизъ, а не поднимаетъ вверхъ, какъ это вообще наблюдается.

15) VI, 7-8 [сн. 7]. Вмѣсто коня, Смерть ѣдетъ на львѣ, чѣмъ эта редакція отличается отъ всѣхъ прочихъ. Въ рукахъ ничего не держитъ. У льва конецъ хвоста стилизованъ формою цвѣтка или кисти, какъ въ скульптурныхъ и каллиграфическихъ орнаментахъ средневѣковыхъ памятниковъ. Подо львомъ животное; позади замѣчательный типъ Ада, въ видѣ обыкновеннаго человѣка, сверху обнаженъ, книзу запеленутъ какою-то тонкою тканью, на плечѣ держитъ мечъ, у рукояти безъ выступающаго эфеса. Адъ весь желтый, будто античный золотой истуканъ.

16) VI, 9-11 [сн. 8]. Относится не къ тѣмъ редакціямъ, въ коихъ по тексту изображаются только «души избіенныхъ за слово Божіе» въ видѣ толпы юношей, какъ напр. въ Чудовск. ред., а къ такимъ, въ коихъ приняты и ихъ кости, какъ напр. въ моемъ юсов. Апок. XVI, въ моемъ 1671 г. и въ другихъ, усвоившихъ западные оригиналы. Но описываемая миніатюра существенно отличается отъ редакціи послѣдней именно тѣмъ, что кости лежатъ не подъ жертвенникомъ, какъ стоитъ въ текстѣ и этой рукописи, а на самомъ жертвенникѣ, въ видѣ трехъ череповъ или мертвыхъ головъ. Очень важная особенность этой редакціи, состоящая въ связи съ священнымъ преданіемъ объ антиминсѣ, заступающемъ мѣсто

мощей великомучениковъ въ древнехристіанскихъ саркофагахъ. Слич.. вмѣсто того, орари на жертвенникѣ въ Бамбергскомъ Апок. X в., м. 14. Передъ жертвенникомъ, приставленнымъ къ церкви, стоитъ толпа воскресшихъ, которые уже одѣты въ бѣлыя ризы съ зеленоватыми тѣнями, въ молитвенной позѣ передъ благословляющею десницею, исходящею изъ сектора стилизованной небесной сферы, какъ она представлена въ Бамбергскомъ Апок. X в., м. 1.—Той же редакціи и почти въ томъ же переводѣ м. 19 въ сказанномъ Апок. МПМ.

17) VI, 12-17. Вверху два ангела держатъ по обоимъ краямъ свитокъ неба; на немъ луна киноварнаго цвѣта, по тексту «яко кровь», и солнце—пурпуроваго, но по тексту рукописи: *черно быть*, *яко мѣхъ власянъ*, въ исправл.: «мрачно бысть, яко вретище власяно». Съ небеснаго свитка низвергаются два потока, бурые съ краснымъ, на двѣ группы людей, помѣщенныхъ подъ горою въ двухъ пещерахъ. Всѣ они съ открытыми головами, потому упомянутыхъ въ текстѣ царей, отличающихся въ иконописи коронами, между ними не замѣтно. Тотъ же переводъ въ Апок. МПМ., м. 20.

18) VII, 1-2. Нѣтъ ни земли съ четырьмя углами, ни обтекающаго ее моря. Всѣ фигуры писаны на бѣломъ фонѣ бумаги. По четыремъ угламъ страницы стоятъ четыре ангела, и каждый изъ нихъ держитъ извѣстное олицетвореніе вѣтра въ видѣ обнаженнаго крылатаго юноши съ трубою, въ желтомъ монохромѣ. Посреди стоитъ ангелъ, исподъ зеленый съ желтыми полосами, поясомъ и проч., поверхъ киноварная тога. Онъ съ пустыми руками, безъ «Печати Бога Живаго». Почти тотъ же переводъ въ Апок. МПМ., м. 21.

19) VII, 2-8. Стоитъ многолюдная толпа народа съ царемъ во главѣ ея, помѣщенномъ посреди. Надъ нею господствуетъ ангелъ, въ простой туникѣ голубоватаго цвѣта съ киноварною тогою. Въ лѣвой рукѣ держитъ свитокъ съ надписью: *не вредите земля и море* (sic) и проч. стих 3, а въ правой осмиконечный крестъ, коимъ печатлѣетъ чело одного изъ толпы. Это *печать Бога жива*, какъ толкуется по рук.: *сіи рѣчь крестъ Христовъ*. Потому вверху надъ головою ангела надпись: *сто тысящь и четыредесять и четыре тысящи исцѣлѣвши отъ рань вѣрою въ Христа*, заимствованная изъ заглавія 19-ой гл. Толков. Апокалипсиса.

20) VII, 9-17. Въ ореолѣ, окруженномъ полосою съ семью ангелами, трубящими въ трубы, возсѣдаетъ на престолѣ, безъ задка, I. X. въ типѣ Еммануила, въ крестномъ сіяніи. Лѣвою рукою придерживаетъ закрытую книгу, правою благословляетъ. Окрестъ престола по символическому животному, каждое съ книгою. Еммануилъ замѣняетъ здѣсь упоминаемаго въ текстѣ Агнца. По сторонамъ ореола и внизу «народъ многъ», но безъ «финиковъ» въ рукахъ.

21) VIII, 10-11 [сн. 9]. Вверху надпись составляетъ заглавіе 24-ой главы Толковаго Апок., относясь одинаково и къ миніатюрѣ и къ слѣдующему за нею толкованію. Звѣзда Апсинѳосъ (полынь), по тексту «звѣзда велика горящи яко свѣща», въ видѣ большаго круга съ полуобнаженною фигурою духа или генія этого свѣтила: все окрашено въ пурпуровомъ монохромѣ. Что сила звѣзды смертельная, означено тѣмъ, что исходящая загзагами отъ пурпуроваго круга молнія того же цвѣта падаетъ на саркофагъ съ мертвецомъ: то и другое въ желтомъ монохромѣ. Внизу самая вода, огорченная звѣздою. Черпаніе ея указываетъ на непосредственную причину смерти. Форма сосуда самая древняя изъ всѣхъ, какія встрѣчаются въ прочихъ нашихъ Апокк., за исключеніемъ Соловецк. юсоваго Апок. XVI. Эту форму слич. съ мѣднымъ сосудомъ въ Парижской публич. библіот. XIII в., а этотъ послѣдній съ изображеніемъ въ миніатюрѣ изъ Библіи Карла Лысаго IX в., въ той же библіотекѣ [снн. 246 а и б].—Миніатюра эта, отличающаяся необычайными архаизмами, принадлежитъ къ замѣчательнымъ фактамъ въ исторіи византійско-русской иконографіи. Что̀ по другимъ редакціямъ изображено въ ландшафтѣ, менѣе или болѣе удовлетворительномъ, напр. въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. м. 30 [сн. 80], то здѣсь представлено въ отдѣльныхъ символахъ, которые сгруппированы будто въ шарадѣ, которую слѣдуетъ отгадывать, руководствуясь текстомъ.

22) VIII, 12-13 [сн. 10]. По тексту, принятому въ рук. *такоже видѣхъ и слышахъ единому орлу* и пр., вм. исправленаго: «и видѣхъ и слышахъ *единаго ангела*» и пр., эта миніатюра, равно какъ и въ Апок. МПМ. м. 28 [сн. 39] и въ Соловецк. юсовомъ XVI в. м. 21 [сн. 63], относятся къ той самостоятельной редакціи, которая приняла орла, вм. ангела, согласно съ древнѣйшими западными редакціями, какъ напр.

въ Бамбергскомъ Апок. X вѣка м. 22, въ Пражскомъ XIV в. на стр. 89 [сн. 262 а]; тогда какъ всѣ прочіе славяно-русскіе Апокк., какіе только мнѣ извѣстны, согласно общепринятому у насъ въ старину тексту, удержанному и въ исправленномъ, изображаютъ ангела, а не орла. Въ описываемой миніатюрѣ надъ орломъ пурпуровое солнце и желтая луна, съ профилемъ задрапированнаго лица въ каждомъ изъ этихъ свѣтилъ и съ линіею, отдѣляющею, по тексту, третью часть и солнца, и луны. Орелъ летитъ къ дереву, но оно не растетъ на почвѣ, а, будто рисунокъ въ гербаріи, наложено на бумагу съ обрубленнымъ стволомъ, и такимъ особнякомъ своимъ дополняетъ это собраніе отдѣльныхъ сюжетовъ, не связанныхъ въ цѣлое средствами живописи, но подчиненныхъ общей мысли, выраженной въ заглавіи Толковаго Апок., которое предлагаетъ надпись на миніатюрѣ: *како четвертый ангелъ* и пр.

23) и 24) IX, 1-12. Обѣ эти миніатюры, помѣщенныя рядомъ, т. е. на оборотѣ 135 л. и на лицевой сторонѣ листа 136-го, составляютъ одно цѣлое въ картинѣ одного и того же сюжета, но такъ что м. 24-я предлагаетъ начало и конецъ видѣнія, а 23-я только эпизодъ изъ нея. Итакъ сначала: 24) IX, 1-5, 7-11 [копія краскамн 2]. Синяя звѣзда спускаетъ зеленовато-синій потокъ въ студенецъ, въ античной формѣ шестигранаго водоема изъ желтаго мрамора. Нѣтъ упоминаемыхъ въ текстѣ и принятыхъ въ другихъ редакціяхъ—ни дыма, ни ключа. Пруги—чудовища съ звѣриными головами, а не съ человѣческими, какъ въ другихъ редакціяхъ, съ звѣриными же лапами и пернатыми крыльями, въ зеленомъ монохромѣ, будто сдѣланныя изъ бронзы, только короны желтыя, т. е. золотыя, въ формѣ асирійскихъ или персидскихъ. Слич. пернатый типъ Пруговъ въ Пражск. Апок. XIV в. на стр. 92 [сн. 262 б]. Царь Ангелъ Бездны, или Аваддонъ, какъ античный истуканъ, сходенъ съ типомъ Ада въ м. 15, только съ крыльями и въ такой же коронѣ, какъ на Пругахъ, желтый монохромъ, только какое-то орудіе въ лѣвой рукѣ зеленаго цвѣта, а въ правой —желтая же труба.—Потомъ 23) IX, 6 [сн. 10]. Толпа мучимыхъ Пругами прибѣгаютъ къ Смерти, которая отъ нихъ удаляется. У ней тоже въ рукахъ ничего нѣтъ, какъ и въ м. 15.—Обѣ эти мм. удержаны въ той же редакціи въ Апок. МПМ., мм. 29 и 30.

25) 13-16. Шестый Ангелъ, широко закутанный въ киноварную тогу, разрѣшаетъ отъ узъ четырехъ ангеловъ, связанныхъ на рѣкѣ Евфратѣ. Они тоже въ тогахъ, но безъ сіяній. Надъ ними надпись: *сія четыре ангели привязани въ веселіи Божія видѣнія*, заимствована изъ толкованія: *сія четыре ангелы глаголютъ нѣцыи Михаила, Гаврiила, Урила* [вм. *Уріила*], *Рафаила, иже суть привязани въ веселіи Божія видѣнія.* Впрочемъ, самъ Андрей Кесарійскій этого мнѣнія не признаетъ: *азъ же мню, яко сіи суть отъ злыхъ демонъ привязанныхъ въ Христовѣ пришествіи* и проч. Потому, слѣдовательно, ангелы эти и лишены сіяній. Такимъ образомъ миніатюра эта въ себѣ самой представляетъ противорѣчіе между надписью изъ толкованія, не допускаемаго Андреемъ Кесарійскимъ, и отсутствіемъ сіяній на ангелахъ, согласно съ ученіемъ этого толкователя.

26) IX, 17-21. Два ангела, въ красныхъ широкихъ одеждахъ, оба въ сіяніяхъ, летятъ по воздуху, съ оружіемъ въ обѣихъ рукахъ: въ правой кривая сабля съ эфесомъ, а въ лѣвой мечъ безъ эфеса, какъ у Ада въ м. 15. Они сражаются съ толпою всадниковъ, которые скачутъ имъ на встрѣчу, на коняхъ съ звѣриною мордою и съ хвостомъ, оканчивающимся змѣиною головою. Воины въ латахъ, но съ открытою головою и безъ всякаго оружія. Надобно полагать, что сказанные мечи принадлежали имъ, но ангелы ихъ обезоружили, почему и держатъ эти мечи въ лѣвой рукѣ, опустивъ внизъ, тогда какъ кривыя сабли поднимаютъ вверхъ, чтобы съ размаху поражать враговъ. Всѣ эти всадники съ чудовищными своими конями писаны въ пурпуровомъ монохромѣ. Позади ихъ слѣдуетъ толпа, впереди убѣгаетъ другая.

27) X, 1-7 [сн. 12]. Облачный Ангелъ изображенъ въ его древнѣйшемъ типѣ, какой даетъ намъ Бамбергск. Апок. X вѣка въ м. 25, т. е. въ обыкновенной одеждѣ ангела и съ обыкновенными ногами, а не въ мелкихъ волнистыхъ облакахъ, замѣняющихъ тунику, и не съ колоннами, вмѣсто ногъ, какъ это принято въ позднѣйшихъ редакціяхъ и на западѣ, и у насъ. Въ Пражскомъ Апок. XIV в. Облачный Ангелъ тоже въ обыкновенной одеждѣ, но ноги у него уже колонны съ пьедесталами, стр. 105 [сн. 263 а]. Лице Ангела въ описываемой рукописи тоже обыкновенное, а не красное съ лучами вокругъ, какъ въ иныхъ редакціяхъ, для согласованія съ текстомъ:

«лице его яко солнце». Обыкновенное сіяніе обведено вокругъ радугою. Въ лѣвой рукѣ держитъ ангелъ открытую книгу, правую поднялъ съ раскрытою дланью. Что касается до облака, которымъ ангелъ долженъ быть облаченъ, то это выражено большимъ кругомъ, окаймленнымъ киноварью и наполненнымъ бурыми, синими и красноватыми пятнами, изъ за которыхъ выступаетъ рисунокъ этого ангела. Какъ статуя на пьедесталѣ, стоитъ онъ на вершинѣ горы, обѣими ногами на землѣ, не согласно съ текстомъ, по коему онъ «постави ногу свою десную на мори, а шуюю на земли». Впрочемъ, по склону горы изображено и море съ островомъ.

28) X, 8-21. XI, 1-2. Такой же ангелъ, тоже въ своихъ одеждахъ, въ такомъ же кругу, и почти въ той же позѣ, что̀ въ предыдущей миніатюрѣ. Но онъ стоитъ у церкви, по другую сторону которой еще ангелъ, съ кадиломъ на цѣпочкѣ. Ниже стоитъ Іо., безъ сіянія, простирая руку къ Облачному Ангелу, чтобы принять отъ него книгу. На верху надпись: *и пріяхъ книгу* [по новому вм. древн. *книгы*] *отъ руки ангеловы и снѣдохъ ю* и проч. Потому противъ обыкновенія, принятаго въ этомъ Апок., и помѣщенъ здѣсь Іо. Тотъ же древній типъ Облачнаго Ангела удержанъ и въ Апок. МПМ. м. 35.

29) XI, 3-10. Нѣсколько въ большемъ размѣрѣ тотъ же рисунокъ, что̀ и въ нижней части миніатюры 31-ой [сн. 14], т. е. Енохъ и Илія стоятъ передъ Антихристомъ, въ царскомъ одѣяніи, съ толпою слугъ, только безъ развалинъ города, помѣщенныхъ въ м. 31. Надпись: *Енохъ и Илія обличаютъ Антихриста. Огнь исходитъ изъ устъ ихъ и поястъ враги ихъ.* Но этого огня, обыкновенно изображаемаго въ другихъ редакціяхъ въ видѣ лучей или полосъ, исходящихъ изъ устъ ихъ, здѣсь не означено. Снимокъ см. въ моихъ Историч. Очерк. II, стр. 325.

30) XI, 7 [сн. 13]. На вершинѣ горы группа изъ трехъ фигуръ, изящно скомпанованная, будто монументъ на пьедесталѣ. Одноглавый Звѣрь, взбѣгая на вершину, разѣваетъ пасть, чтобы пожрать Илію, позади котораго по другую сторону горы низвергается съ вершины Енохъ, головою внизъ. Надъ группою надписано: *Егда скончаются пророчествія ихъ, и звѣрь, восходя отъ бездны, сотворитъ съ ними брань, и убіетъ я по божію оставленію.* Надобно замѣтить, что послѣд-

нихъ двухъ словъ нѣтъ въ текстѣ ни этой рук.. ни въ исправленномъ.

31) XI, 11-14 [сн. 14]. Воскресшіе Енохъ и Илія стоятъ передъ Антихристомъ и его слугами. Какъ въ этой миніатюрѣ, такъ и въ двухъ предыдущихъ. оба пророка отличаются другъ отъ друга своимъ типомъ по бородѣ и волосамъ и по одеждѣ. Оба босоногіе. У Иліи борода длинная клиномъ, волоса на головѣ тоже длинные. взъерошены вихрами: у Еноха борода большая. окладистая. закругленная: волоса короткіе, гладко спускаются. На обоихъ нижнее одѣяніе одинаково. туника съ широкими рукавами. но на Иліи поверхъ надѣта милоть въ видѣ пурпуровой мантіи, подбитой мѣхомъ, а на Енохѣ одна только туника. Позади праотцевъ развалины города, подъ которыми гибнутъ люди. Антихристъ одѣтъ въ царскія одежды. Внизу подиръ, съ желтыми, т. е. золотыми, полосами. поясомъ и поручами, поверхъ мантія. Въ этой миніатюрѣ подиръ зеленый, мантія пурпуровая, а въ 29-ой наоборотъ. Вверху облако, въ которомъ въ лежачемъ положеніи возносятся на небо оба праотца. Имѣетъ оно формучудовища. съ головою звѣриною, а можетъ быть, и рыбьею, потому что безъ ушей. Особенность редакціи, въ высшей степени важная для исторіи древнехристіанской символики, сближающая это апокалипсическое видѣніе съ Іоною во чревѣ кита.

32) XI, 19 [сн. 15]. Въ воздухѣ, т. е. на фонѣ бѣлой бумаги, стоитъ желтая одноглавая церковь съ осмиконечнымъ крестомъ и съ округлымъ выступомъ олтаря. По черному фону отверстыхъ ея вратъ, въ формѣ арки, выступаетъ желтаго же цвѣта «Кивотъ Завѣта», по тексту въ этой рук. [и по исправленному], или *крабій*, по толкованію. Надъ Кивотомъ поднялась символическая фигура Молніи, въ пурпуровомъ монохромѣ, именно: юный безбородый геній въ буромъ сіяніи, по обнаженному тѣлу его на плечо накинута тога; правую руку поднялъ съ распростертою ладонью: изъ устъ испускаетъ киноварные зигзаги молніи. Изъ подъ церкви летитъ безъ крыльевъ другая символическая же фигура. въ видѣ обнаженаго юноши, въ дикомъ монохромѣ съ трубою, какъ олицетвореніе страшныхъ гласовъ и грома. града и труса. Тотъ же типъ этой символич. фигуры принятъ и въ Апок. МПМ. м. 41 [сн. 44]. Оба олицетворенія въ описываемой миніатюрѣ

соотвѣтствуютъ толкованію: *Отверзеніемъ небу и видѣніемъ крабія уготованная благая святымъ открываются тогда, егда на беззаконныя и нечестивыя—гласи страшніи и молніи и громи пріидутъ, яко градъ геенскія муки и трусомъ прелагая.* Эти символическія изображенія ранней редакціи сравн. въ моемъ юсовомъ Апок. XVI, м. 58 [сн. 89], въ Апок. Тихонравова № 5, половины XVII в. мм. 17 и 19 [сн. 155 а, б], въ Соловецк. Апок. старца Филарета XVI в. м. 52 [сн. 105].

33 и 34) XII, 1-6. Обѣ мм. отнесены къ одному общему имъ тексту, и составляютъ какъ бы одно цѣлое, будучи помѣщены, одна на оборотѣ 153 листа, а другая на лицевой сторонѣ слѣдующаго за нимъ 154-го.—33) XII, 1-5 [сн. 16]. Такъ какъ по тексту «жена облечена въ солнце», то весь солнечный кругъ, съ сидящею въ немъ на престолѣ св. Женою, представляетъ пурпуровый монохромъ, только у Жены лицо бѣлое и сіяніе желтое, а у Младенца не только сіяніе [простое] желтое, но и одежда. Подъ ногами Жены желтая же луна. Хотя св. Жена съ Младенцемъ на груди представлена въ типѣ Знаменія Богородицы, самомъ древнемъ изъ дошедшихъ до насъ типовъ Богородичныхъ, такъ какъ подобное изображеніе встрѣчается еще въ стѣнной живописи Римскихъ катакомбъ *; однако въ описываемой мною редакціи, согласно толкованію Меѳодія, принятому и Андреемъ Кесарійскимъ, Жена эта признается за Церковь, а не за Богородицу, на что̀ указываетъ самая надпись на миніатюрѣ: *Прогоненіе Церковно,* взятая изъ заглавія 33-ей главы Толковаго Апок., которое по Копистенскому значится такъ: «О гоненіихъ Церкве первыхъ и иже при Антихристѣ». На западѣ первоначально означаетъ эта Жена тоже церковь, но потомъ смѣшивается съ Богородицею и называется ея именемъ, что̀ переходитъ и въ наши Лицевые Апокк., попорченные западнымъ вліяніемъ. Въ одѣяніи св. Жены должно обратить вниманіе на то, что, какъ здѣсь, такъ и въ слѣдующихъ мм. 34 и 36, она по греко-славянскому обычаю съ покрытою головою, равно какъ и въ другихъ нашихъ редакціяхъ, чуждыхъ вліянію западному. Напротивъ того, на западѣ уже съ древнѣйшихъ временъ она изображается съ открытою головою и даже, какъ въ Бамбергск. Апок. X вѣка, съ особеннымъ уборомъ волосъ, м. 29. Что касается до Семигла-

* Lehner, Die Marienverehrung in den ersten Jahrhunderten. Stuttgart 1881. Табл. I, 18.

ваго Змія, то, какъ въ этой м. 33-ей, такъ и въ слѣдующихъ мм. 34 и 36, онъ представленъ безъ роговъ, безъ ногъ и безъ крыльевъ; въ первыхъ двухъ онъ зеленый и въ коронахъ на головахъ, той же формы, что̀ на Пругахъ, Аваддонѣ и Антихристѣ, въ мм. 24, 29 и 31, а въ м. 36—пурпуровый и безъ коронъ; сверхъ того въ мм. 33 и 36 головамъ Змія дана древняя стилизованная форма, по которой всѣ онѣ писаны въ одну прямую линію, плотно присоединенныя одна къ другой. Согласно тексту по рукописи: *и хоботомъ своимъ влечаше третину звѣздъ небесныхъ* [въ исправл. «и хоботъ его отторже третію часть звѣздъ небесныхъ»], въ мм. 33 и 34, своимъ хвостомъ онъ захватилъ розовый край неба съ черными звѣздами. Древняя подробность, которой соотвѣтствуетъ въ Апок. графа Уварова № 58, половины XVII в., м. 32 съ изображеніемъ Змія, повисшаго на грядѣ облаковъ [сн. 153 в]. Сравн. въ раннихъ памятникахъ и на западѣ, напр. въ стѣнной живописи французской церкви св. Савина XII вѣка, гдѣ Змій своимъ хвостомъ отторгаетъ цѣлую полосу неба, по которому писана св. Жена; но особенно любопытна затѣйливая стилизованная форма въ видѣ шара на хвостѣ Змія, съ звѣздами въ нѣсколько рядовъ внутри шара, въ Пражск. Апок. XIV в., стр. 131 [сн. 264 а].—Теперь обращаюсь къ м. 34-ой, при XII, 6. Таже Жена въ пурпуровомъ монохромѣ и даже съ пурпуровымъ лицемъ, но уже съ крыльями, по стиху 14-му, и въ желтомъ сіяніи, въ той же самой позѣ, какъ въ м. 36, летитъ отъ Змія въ пустыню, которая намѣчена вверху въ лѣвомъ углу въ видѣ дерева, такъ же срубленнаго съ корня, какъ въ м. 22. Направо поднимается вышеописанный Змій.

35) XII, 7-12. Вверху ангелы на коняхъ, съ копьями, и одинъ съ мечемъ, поражаютъ отпадшихъ ангеловъ, которые, уже превратившись въ дьяволовъ, тоже на коняхъ съ копьями, низвергаются въ черную пропасть земную. Вся группа этихъ всадниковъ писана въ монохромѣ дымчатаго цвѣта. На нихъ латы съ круглыми завитками на плечахъ; волоса дыбомъ, будто шишаки, подобраны на лбѣ околышемъ, по сторонамъ лица̀ полосы, будто наушники. Слич. въ Солов. юсовомъ Апок. XVI в. м. 33.

36) XII, 13-17 [сн. 17]. Крылатая Жена, вся въ пурпуровомъ монохромѣ, только въ зеленомъ сіяніи, согласно съ стилемъ

древнехристіанской иконописи, спасается отъ Змія въ пустыню. Вмѣсто одного только дерева, какъ въ м. 34, здѣсь пустыня означена стилизованнымъ пріемомъ изъ набросанныхъ кустовъ, отчеркнутыхъ въ лѣвомъ углу линіею, имѣющею смыслъ надежной спасительной преграды. Замѣченная выше стилизація въ прямолинейномъ, будто нанизанномъ, размѣщеніи головъ Змія, усиливается здѣсь каллиграфическими завитками семи линій, означающихъ воду, изливаемую изъ семи пастей Змія въ черную пропасть земную. Той же редакціи въ Апок. МПМ. м. 43.

Слѣдующія затѣмъ пять миніатюръ 37-41, помѣщенныя на лл. 160-163, всѣ рядомъ одна за другой, составляютъ нераздѣльное цѣлое, какъ бы одна миніатюра, потому и занимаютъ мѣсто между группою текстовъ, XIII, 1-10, и ихъ толкованіемъ, составляющими, такимъ образомъ, 36-ю гл. Толковаго Апок., но такъ что м. 37 писана на лицевой сторонѣ 160 листа, на которой оканчивается текстъ этого отдѣла, а м. 41 писана на лицевой же сторонѣ 163 листа, на оборотѣ коего начинается толкованіе. Сверхъ того мм. 38 и 39, писанныя на оборотѣ л. 161 и на лицевой сторонѣ 162-го, и по единству композиціи въ самомъ рисункѣ составляютъ одну миніатюру, какъ это и сдѣлано въ Апок. МПМ. въ м. 45 той же редакціи, тогда какъ здѣсь она раздѣлена на двѣ страницы. Въ этихъ мм. Первый Звѣрь является въ троякомъ видѣ: сначала въ своемъ настоящемъ звѣриномъ видѣ въ м. 160, потомъ одѣтый въ тунику въ м. 38, и наконецъ въ царственномъ типѣ Антихриста въ м. 41. И такъ:

37) XIII, 1-4 [сн. смотр. въ моихъ Истор. Очерк. II, стр. 314]. На зеленомъ морѣ стоитъ Звѣрь, съ семью звѣриными головами, но безъ роговъ и вѣнцовъ, сказанныхъ въ текстѣ; онъ весь пурпуровый и только оконечности ногъ его отъ икоръ, отдѣленныя прямыми линіями, отличаются отъ прочаго тѣла дымчатымъ цвѣтомъ, соотвѣтственно тексту: «нозѣ ему яко медвѣди». Шеи головъ его снабжены гривами, вѣроятно, для намека на подобіе льву, хотя въ текстѣ означено только: «уста его яко уста львова». Направо отъ моря просто на фонѣ бѣлой бумаги толпа людей покланяются Звѣрю. Надпись надъ Звѣремъ: *и видѣхъ отъ моря звѣрь восходящъ* и пр., содержитъ стихи 1 и 2. Какъ въ ней, такъ и въ текстѣ рукописи замѣчательная примѣта редакціи: *10 увясль*, вм. «10 вѣнецъ», какъ въ другихъ Апокк.—Той же редакціи въ Апок. МПМ. м. 44.

38) XIII, 1-4 [сн. 18]. Опять та же длинная надпись и съ тою же въ текстѣ примѣтою, надъ тѣмъ же Звѣремъ; но онъ уже сидитъ на престолѣ, въ долгой туникѣ, бѣлой съ зеленоватыми тѣнями, рукава короткіе, не дошли до локтей. Налѣво, какъ значится въ надписи: *сіи людіе пріемлютъ печать отъ бѣса*, по указанію стиха 16-го. Дьяволъ безъ бороды и съ крыльями, въ отличіе отъ бородатаго и безкрылаго Сатаны, см. м. 69.—Той же редакціи въ Апок. МПМ. м. 45.

39) XIII, 2 [сн. 19]. Въ дополненіе къ предыдущей миніатюрѣ, изображенному въ ней Первому Звѣрю даетъ свой престолъ, а также и свою силу и власть, въ видѣ посоха, Великій Змій, семиглавый, пурпуроваго цвѣта, тоже безъ роговъ и коронъ и безъ крыльевъ, какъ въ мм. 33, 34 и 36, но съ двумя лапами, вѣроятно, для того, чтобы вложить въ нихъ сказанный посохъ, въ видѣ граблей, заслуживающій вниманіе по своей формѣ, напоминающей адскія орудія, какія западное искусство давало дьяволамъ для терзанія грѣшниковъ. Слич. мм. 40, 47, 67 и 69. Позади Змія толпа людей. Той же редакціи въ Апок. МПМ. м. 45.

40) XIII, 4-10. Тотъ же Первый Звѣрь, но уже обнаженный и съ одною головою, безъ короны и роговъ, дымчатаго цвѣта, поднялся надъ черною пропастью, держа въ своихъ лапахъ полученный имъ отъ Змія посохъ сказанной формы. Передъ нимъ преклоняются люди. Слич. въ Апок. МПМ. м. 47.

41) XIII, 3. Такъ какъ Первый Звѣрь, по толкованію, есть Антихристъ: *дати имать сатана всю силу свою Антихристу*; то, въ панданъ къ предыдущей миніатюрѣ, здѣсь изображенъ самъ Антихристъ въ томъ же царственномъ типѣ, какъ въ мм. 29 и 31, только въ особенно величавой позѣ, съ протянутымъ указательнымъ перстомъ приподнятой правой руки. Толпа людей чествуютъ и его и стоящаго рядомъ на другой миніатюрѣ двойника его, Перваго Звѣря, преклоняя головы на обѣ стороны. Надпись взята изъ текста: *почудися вся земля въ слѣдъ Звѣри* [древн. форма, вм. *Звѣря*]. Звѣремъ названъ здѣсь Антихристъ.

42) XIII, 11-17. Изъ горной разсѣлины вышла на половину совсѣмъ черная фигура Втораго Звѣря, или Агнца Неправеднаго, съ однимъ кривымъ рогомъ, лапы его съ длинными острыми когтями. Передъ нимъ преклоняются люди. Той же редакціи въ Апок. МПМ. м. 46.

43) XIV, 6-7. Летитъ ангелъ съ Евангеліемъ въ рукахъ, весь закутанъ въ пурпуровую тогу, только виденъ правый рукавъ его зеленой туники. Внизу стоитъ толпа людей. Той же ред. въ Апок. МПМ. м. 49.

44) XIV, 8 [сн. 20]. Летитъ Вторый Ангелъ, уже совсѣмъ запеленутъ въ пурпуровую тогу, и руки, которыя онъ поднимаетъ къ лицу, широко задрапированы ею же. Писанъ на той же страницѣ, на которой начинается толкованіе стиха 8-го, будто заставка, которая полагается въ верху страницы. Надобно замѣтить, что на снимкѣ съ этой миніатюры снято только заглавіе 41-ой главы. Въ слѣдъ за нимъ на той же страницѣ помѣщено самое толкованіе: *Вавилона менитъ симъ именемъ всего міра смѣшеніе, житейское смущеніе вино же и ярость любо*—, а далѣе идетъ уже на слѣдующемъ листѣ. Той же ред. въ Апок. МПМ. м. 50.

Далѣе три мм.: 45, 46 и 47, помѣщены между отдѣломъ текста, XIV, 9-13, и его толкованіемъ, но такъ что м. 45 подъ текстомъ на оборотѣ л. 171, а мм. 46 и 47—на оборотѣ 172 листа и на лицевой сторонѣ 173-го, обѣ же другія стороны того и другаго листа остались чистыми, и толкованіе этого отдѣла текста, составляющаго 42-ю гл. Толковаго Апок., начинается уже на л. 174.

45) XIV, 9. Летитъ Третій Ангелъ, во всемъ сходный съ предыдущимъ.

46) XIV, 12. Со свиткомъ въ рукѣ стоитъ ангелъ въ зеленой туникѣ и пурпуровой тогѣ. Передъ нимъ толпа святыхъ, головы въ сіяніи. Одни обращаются къ нему, другіе пали. За ними двое изъ Песьихъ-Головъ, въ типѣ, согласномъ съ принятымъ въ м. 71, только безъ препоясанія, въ рукахъ держатъ топоры: соотвѣтствуетъ толкованію: *святіи здѣ вскорѣ мало претерпѣвше*. Вверху надпись, содержитъ стихъ 12 сполна.— Той же редакціи въ Апок. МПМ. м. 53.

47) XIV, 9-11 [сн. 21]. Звѣрь, объ одной головѣ съ гривою, въ короткой по колѣна туникѣ и съ короткими узкими рукавами по локоть, стоитъ, держа въ лѣвой лапѣ тотъ же самый посохъ, который замѣченъ былъ въ мм. 39 и 40. По бѣлой туникѣ брошены зеленоватыя пятна, вѣроятно, для подобія рыси, по тексту, XIII, 2. Дьяволъ, весь дымчатый, налагаетъ печать преклоняющимся передъ нимъ людямъ. Надъ этою группою,

для означенія: «дымъ мученія ихъ»—принятъ замѣчательный, по своей архаичности, способъ представленія, составляющій, вмѣстѣ съ Апок. МПМ. въ м. 52 [сн. 46], отличительную особенность ранней редакціи. Надпись взята въ сокращеніи изъ стиховъ 9 и 11.

48) XIV, 14-16. Въ зеленомъ ореолѣ, окруженномъ того же цвѣта полосою съ четырьмя символич. животными и шестью ангелами [вмѣсто семи], возсѣдаетъ на пустомъ пространствѣ [по тексту «на облацѣ»], Еммануилъ въ двойномъ сіяніи, не крестномъ, безъ вѣнца на головѣ, сказаннаго въ текстѣ; въ желтой, т. е. золотой, одеждѣ, состоящей изъ туники съ широкими рукавами и изъ тоги; лѣвою рукою придерживаетъ книгу въ окладѣ, въ правой—пурпуровый серпъ. Каждый изъ упомянутыхъ шести ангеловъ держитъ въ рукѣ фіалъ античной формы въ видѣ рога, съ отрубленнымъ концемъ. Въ Бамбергск. Апок. X вѣка эти фіалы имѣютъ еще первоначальный видъ настоящаго рога, м. 37, равно какъ и въ Пражскомъ XIV; смотр. напр. на стр. 183 [сн. 265 б].—Къ особенностямъ описываемой мною редакціи принадлежитъ сокращенное представленіе этого видѣнія, ограничивающееся только областью горнею, выспреннею, которая вся сосредоточена въ ореолѣ, потому и не изображенъ, по стиху 16, серпъ, брошенный на землю, какъ это принято въ иныхъ редакціяхъ, или самая жатва, какъ въ другихъ. Надпись въ описываемой миніатюрѣ, взятая изъ заглавія этой 43-ей гл. Толковаго Апок.: *Сѣдяй на облацѣхъ серпомъ скончеваетъ прозябающая землю*—соотвѣтствуетъ выспреннему тону всего изображенія.

Затѣмъ на лицевой сторонѣ и на оборотѣ л. 178 помѣщены двѣ мм., 49 и 50, между отдѣломъ текста XIV, 17-20 и его толкованіемъ, составляющими 44-ю гл. Толковаго Апок.

49) XIV, 17-18. Изъ вратъ церкви, объ одной главѣ, выходятъ одинъ за другимъ три ангела, изъ которыхъ средній держитъ въ десницѣ серпъ желтаго цвѣта.

50) XIV, 19-20 [сн. 20]. Необыкновенно энергичное, по своей малосложной простотѣ и архаической стилизаціи, изображеніе это, вмѣстѣ съ м. 56-ю [сн. 48] въ Апок. МПМ., составляя отличительную примѣту ранней редакціи, принадлежитъ къ замѣчательнымъ фактамъ въ исторіи нашей иконописи. Четвероугольное продолговатое точило, въ формѣ античнаго и древне-

христіанскаго саркофага, наполнено какою-то дымчатою содержимостью съ красными и черными пятнами. Надъ нимъ стоитъ ангелъ въ античномъ же одѣяніи изъ широкой туники и тоги, и обѣими руками направляетъ серпъ, чтобы срѣзывать «виноградъ земскій», который поднимается изъ-за точила въ стилизованной формѣ пяти тростей, съ суставами изъ колѣньевъ желтаго и киноварнаго цвѣта, при чѣмъ каждое колѣно отдѣляется перемычкою изъ трилистника, тоже желтою или красною, и такимъ же трилистникомъ завершается каждая изъ тростей, будто столбики въ орнаментаціи заглавныхъ буквъ. Въ Апок. МПМ. эта оригинальная стилизованная форма замѣнена уже болѣе натуральными кустами какого-то длиннолиственнаго злака. Направо скачетъ отъ точила миніатюрный всадникъ, въ соотвѣтствіе тексту: «до уздъ конскихъ».

51) XV, 1-4. На полукружіи, означающемъ «море стекляное», стоитъ толпа играющихъ на гусляхъ.

52) XV, 5-8. XVI, 1. Изъ вратъ одноглавой церкви вышла процессія ангеловъ съ фіалами. Ангелы безъ тогъ, одѣты въ бѣлые подиры съ свѣтлозелеными тѣнями, обшитые по подолу и широкимъ рукавамъ желтыми полосами, съ поясомъ и бармами того же цвѣта. Фіалы въ видѣ чаши или потира съ донышкомъ; слич. другую ихъ форму въ м. 48. Вверху надпись: *Ангеломъ власть исполнити Господня гнѣва чашу.*—Сюжетъ, раздѣленный въ описываемомъ памятникѣ на двѣ мм., 51 и 52, составляетъ одну миніатюру въ Апок. МПМ. м. 57, такъ что ангелы съ фіалами занимаютъ ея верхнюю часть, а играющіе на гусляхъ—нижнюю. Такъ же и въ Апок. графа Увар. № 58 половины XVII в., м. 42 [сн. 149], гдѣ обѣ эти группы отдѣлены горизонтально прямою линіею, какъ бы два самостоятельные рисунка, написанные на одной страницѣ, согласно съ системою, принятою въ Англосакс. редакціи; смотр. въ Инкунаб. XV в. гравв. 56 и 57.

53) XVI, 2. Вверху паритъ Первый Ангелъ, изливая на гору красное изъ краснаго же фіала; такъ же, какъ и въ слѣдующихъ мм., ангелъ закутанъ въ тогу, какъ въ м. 54. Подъ горою толпа людей въ тогахъ. Надпись: *како первый чашь изліянь бысть гной на отступницѣхъ.* Иностранное слово фіалъ здѣсь переведено чашею, какъ и далѣе.

54) XVI, 3 [сн. 23]. Вторый Ангелъ писанъ внутри самого

текста, закутанъ въ красную тогу. изъ подъ которой виденъ только рукавъ свѣтлозеленой туники. Писанъ въ раккурсъ, какъ и въ слѣдующихъ мм. 55, 57 и 60. Льетъ красное на море изъ фіала странной формы, можетъ быть. происшедшей отъ неудачно исполненнаго раккурса, въ которомъ былъ нарисованъ въ оригиналѣ рогъ. Море, краснаго цвѣта, въ стилизованномъ пріемѣ занимаетъ уголъ миніатюры: черта отдаленной древности, восходящая къ Бамбергскому Апок. X вѣка, гдѣ въ м. 32, при XIII, 1-7, точно также только часть праваго угла стилизованно намѣчена оваломъ моря, изъ котораго выходитъ Первый Звѣрь.

55) XVI, 4-6 [сн. 24]. Миніатюра писана подъ текстомъ, на одной съ нимъ страницѣ. Третій Ангелъ, такъ же закутанный, какъ въ м. 54, изливаетъ свой фіалъ въ рѣку, которая, будучи вся покрыта киноварью, течетъ широкою полосою, между двухъ желтыхъ полосокъ, значительно уже, съ горами по обѣ стороны. Все это въ совокупности, вмѣсто живописнаго ландшафта, имѣетъ видъ старинной географической ландкарты. Надъ рѣкою стоитъ ангелъ Водный, но не обнаженный, какъ въ другихъ редакціяхъ въ видѣ генія водъ, а въ своей обыкновенной одеждѣ античнаго покроя, и держитъ въ рукѣ свитокъ, въ которомъ писано: *Праведенъ еси, Господи*. Надобно замѣтить, что фіалъ отличается здѣсь по своей формѣ отъ указанныхъ выше, приближаясь къ изображенному въ м. 60.

56) XVI, 8-9. Паритъ Четвертый Ангелъ и изливаетъ свой фіалъ на толпу людей, стоящихъ внизу. На одной высотѣ съ ангеломъ къ краю страницы красный полукругъ солнца. Надпись: *Четвертою чашею зноемъ изваряются человѣцы*, согласно съ текстомъ въ рукописи: *изваришася человѣцы зноемъ великимъ*; въ исправл. «опалишася».

57) XVI, 10-11 [сн. 25]. Миніатюра раздѣлена горизонтально проведенною прямою линіею на двѣ неравныя половины. Въ верхней, мéньшей половинѣ, по бѣлому фону бумаги паритъ ангелъ, попрежнему запеленутый въ тогу, и изливаетъ фіалъ свой. Нижняя половина, соотвѣтствующая тексту: «излія фіалъ свой на престолъ звѣринъ: и бысть царство его омрачено» —представляетъ это царство на свѣтлодымчатомъ фонѣ, которымъ покрыта бѣлая бумага всей этой нижней половины, начиная отъ разграничивающей линіи и до самаго низа миніа-

тюры. Та же самая редакція съ прямою линіею, отдѣляющею омраченное царство, принята и въ Соловецк. юсовомъ Апок. XVI в., м. 49 [копія краск. 5]. Въ описываемой мною рукописи, въ дымчатомъ монохромѣ направо сидитъ на престолѣ безъ задка, поставивъ ноги на скамью, царь въ такихъ же одеждахъ, въ какихъ мы видѣли Антихриста въ мм. 29, 31 и 41, только въ коронѣ многогранной. Передъ нимъ стоитъ толпа его слугъ. По другимъ редакціямъ въ омраченномъ царствѣ изображается апокалипс. Звѣрь; но здѣсь—самъ Антихристъ, по толкованію: *сирѣчь на царьство Антихристово, омрачити его, яко не имущее свѣта праведнаго солнца*. На верху надпись: *язва пятая, царство звѣрю омрачаемо*.

58) XVI, 12 [сн. 26]. Вверху летитъ Шестый Ангелъ, свободнѣе одѣтъ въ тогу, такъ что высунулъ ногу наружу; льетъ изъ фіала внизъ къ стоящимъ на рѣкѣ Евфратѣ Гогу и Магогу. Оба они въ коронахъ о трехъ городахъ, какъ и далѣе въ м. 71; обратившись мордами другъ къ другу, сцѣпились своими лапами, будто обнимаются. Развитіе этой же самой группы представляетъ Чудовская редакція въ характеристической симплегмѣ, которая потомъ повторяется во множествѣ позднѣйшихъ копій, въ мм. при главахъ 47, 51 и 63 Толковаго Апок. По другую сторону изъ-за горъ вылѣзаетъ полчище Гога и Магога, состоящее изъ чудовищнаго народа Песьихъ-Головъ, согласно толкованію: *Гога и Магога менитъ отъ западныхъ странъ прельхаша Евфратскую рѣку оскудѣвши повелѣніемъ Божіимъ*.

59) XVI, 13-16 [сн. 27]. Двойная миніатюра, т. е. на двухъ страницахъ рядомъ, именно на оборотѣ 189 листа и на лицевой сторонѣ 190-го, составляетъ одно цѣлое, такъ что рисунокъ переходитъ съ одной страницы на другую. Надъ миніатюрою писанъ и самый текстъ по обѣимъ страницамъ на пустыхъ мѣстахъ, оставленныхъ рисункомъ. Вмѣсто трехъ апокалипсич. чудовищъ, сказанныхъ въ текстѣ, присутствуютъ только два, именно: Змій краснаго цвѣта въ пятнахъ, безъ крыльевъ, но съ четырьмя лапами, изъ коихъ видны только три; о семи головахъ безъ коронъ и роговъ, на шеѣ грива спускается на три килы, какъ бы женскія груди [слич. у одной фигуры изъ Песьихъ-Головъ, м. 70], и во вторыхъ, Первый Звѣрь въ томъ же типѣ и одѣяніи, какъ въ м. 38; но Втораго Звѣря, или

лжепророка нѣтъ. Вся миніатюра писана въ два цвѣта—киноварью и дымчатою краскою съ чернымъ. Надъ колоссальною фигурою краснаго Змія, начиная отъ шеи и почти до конца хвоста, очеркнуто округлою линіею пространство, въ которомъ въ дымчатомъ монохромѣ писаны Вторый Звѣрь и дьяволы по сторонамъ полатнаго письма: все это—будто стеклянный пузырь, наполненный мутною жидкостью съ фантастическими фигурами. Это «мѣсто, нарицаемое еврейски Армагеддонъ» [въ описываемой рук. *Армайдеонъ*], по толкованію: *еже есть сѣчище, еже ся сказаетъ сѣкаемая, ту бо языцы собирающеся сѣкутъ, діявола имуще воеводу, еже ся радуетъ о человѣческихъ кровѣхъ.* По тексту всѣ три апокалипсическія чудовища извергаютъ изъ своихъ устъ «духи три нечистыя, яко жабы»; но здѣсь извергаетъ ихъ только одинъ Змій, и не три, а цѣлый десятокъ, и сверхъ того, не въ видѣ жабъ, какъ это вообще принято въ другихъ редакціяхъ, а въ особенной стилизованной формѣ каллиграфическаго узора. Но такъ какъ по тексту это «суть бо дуси демонстіи», которые должны собрать на мѣсто Армагеддонъ царей всея вселенныя, то по другую сторону полатнаго письма дѣйствительно стоятъ ровно только три дьявола, изъ которыхъ передній подноситъ Звѣрю посохъ. Если изъ этой миніатюры взять только Звѣря и Змія, поднявъ послѣднему хвостъ, то такая симплегма получила бы сходство съ затѣйливымъ изображеніемъ въ видѣ орнамента, составляющимъ сюжетъ м. 64 въ Апок. МПМ. [сн. 51].

60) XVI, 17-21 [сн. 28]. Седьмый Ангелъ, туго запеленутый въ тогу, изливаетъ фіалъ свой «на воздухъ» [въ рук. *на аеръ*], который написанъ въ видѣ чаши изъ-зелена голубаго цвѣта: особенность редакціи, относящаяся къ отдаленной старинѣ. Въ Бамбергскомъ Апок. X вѣка, при томъ же текстѣ, воздухъ изображенъ въ формѣ листа, какъ бы лавроваго, съ волнистымъ обрѣзомъ по краямъ, положеннаго горизонтально, т. е. поперекъ, и цвѣта тоже голубаго, м. 40. Въ Hortus Deliciarum аббатиссы Геррады Ландспергъ XII в., въ одной изъ миніатюръ, изображающихъ твореніе міра, воздухъ представленъ въ такой же полусферѣ, какъ чаша въ описываемой рукописи, только собственно воздухъ, съ надписью aer, изображенъ въ этой полусферѣ въ видѣ человѣческой фигуры, скачущей на чудовищѣ, а по сторонамъ четыре головы вѣтровъ [сн. 255].—

Вверху налѣво стоитъ церковь съ престоломъ у ея вратъ. Отъ главы ея исходитъ зигзагами красная молнія, отъ стѣны и снизу—разрушительная сила землетрясенія съ градомъ въ видѣ темныхъ лучей съ красными пятнами, согласно тексту: «и быша блистанія и громи и гласи, и бысть трусъ великъ... и градъ великъ, яко талантесъ». Подъ церковью стоитъ въ волненіи и скорби толпа людей; около нихъ низвергаются двѣ половинки дверей, которыми въ энергической краткости символически выражается мысль текста: «гради язычестіи падоша». Тотъ же энергическій символъ нашею иконографіею принятъ для означенія разрушенныхъ вратъ адскихъ въ изображеніи Сошествія Христа во адъ. Въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. этотъ условный знакъ помѣщенъ въ видѣ какъ бы двухъ лѣстницъ, торчащихъ изъ облаковъ, вмѣстѣ съ трубами, лучами и клиньями, м. 58 [сн. 89].

61) XVII, 1-5. Вверху на скалѣ ангелъ указываетъ Іоанну внизъ. Какъ рѣдкое исключеніе, является здѣсь этотъ апостолъ потому, что обращеніе къ нему ангела съ объясненіемъ занимаетъ видное мѣсто въ текстѣ. Подъ горою въ долинѣ по зеленому морю ступаетъ своими лапами, съ длинными и острыми когтями, апокалипс. Звѣрь, весь красный, съ красными же пятнами, о шести головахъ [вм. семи], прижатыхъ одна къ другой по прямой линіи, какъ головы Змія въ мм. 33 и 36 [снн. 16 и 17], безъ коронъ и роговъ. На Звѣрѣ сидитъ Вавилонская Любодѣица въ красномъ подирѣ, съ желтыми полосами на широкихъ рукавахъ, на подолѣ и отъ ворота до самаго низа напереди, съ бармами и поясомъ того же цвѣта; голова покрыта бѣлымъ платомъ, въ коронѣ о трехъ городахъ, какъ и на царяхъ во главѣ толпы, во множествѣ стоящей позади ея. Въ рукѣ держитъ чашу, сходную по формѣ съ фіаломъ въ м. 58 [сн. 26]. Передъ Любодѣицею въ лѣвомъ углу присѣдаетъ пьяная жена, у которой голова покрыта зеленымъ платомъ. Въ рукѣ держитъ чашу въ формѣ фіала въ м. 54 [сн. 23]. Вверху надпись: *Мати любодѣицамъ и мерзостемъ земскимъ.*

62) XVIII. Парящій вверху ангелъ, закутанный въ красную тогу, держитъ въ рукахъ «камень великъ, яко жерновъ», круглый, но безъ отверстія въ центрѣ, какъ это вообще принято въ другихъ редакціяхъ, для полнаго уподобленія жернову. Два

другіе такіе же камня лежатъ уже въ морѣ. Направо на берегу городъ Вавилонъ, по тексту «жилище бѣсомъ»: потому въ полатномъ письмѣ писаны два дьявола безъ бородъ, крылатые; они въ смятеніи отъ разрушенія стѣнъ и зданій. Между тѣмъ изъ воротъ выходитъ толпа праведныхъ, по тексту: *изыдите изъ нея людіе мои, да не причаститеся грѣхомъ ея.* Другая толпа внѣ города въ печали и скорби, согласно стихамъ 15-19. Той же редакціи въ Апок. МПМ. м. 62 [сн. 54].

Затѣмъ въ рук. не достаетъ листовъ съ текстомъ XIX, 1-10, соотвѣтствующимъ 56 и 57 главамъ Толковаго Апок.; но миніатюры, относящіяся къ тексту, сохранились на оборотѣ 212 листа и на лицевой сторонѣ 213-го, именно 63-я и 64-я, на оборотѣ которой начинается толкованіе утраченнаго текста. Надобно знать, что по тексту содержаніе миніатюры 64-ой предшествуетъ миніатюрѣ 63-ей.

63) XIX, 7-10 [сн. 29]. Невѣста Агнчія въ пурпуровомъ одѣяніи, съ желтыми полосами и бармами; голова покрыта бѣлымъ платомъ, въ коронѣ городами и въ сіяніи. Сидитъ на престолѣ безъ задка, ноги постановила на подножіе. Около, для означенія брачной вечери, стоитъ желтый сосудъ той же древней формы, что и въ м. 21. Вокругъ св. Невѣсты деревья, срѣзанныя съ корня, какъ въ м. 22, окрашенныя въ два цвѣта —пурпуровый и зеленый. Подъ подножіемъ растетъ трава пучками. Все это пространство съ Невѣстою и уготованною вечерею, какъ райское святилище, окружено овальною линіею. Іоаннъ съ ангеломъ стоятъ внѣ этого заповѣднаго вмѣстилища; но потомъ Іоаннъ, падши передъ св. Невѣстою, удостоивается коснуться подножія ея престола, внимая словамъ ея, по тексту: «и глагола ми» и пр. Евангелистъ принятъ въ этой миніатюрѣ потому, что является дѣйствующимъ лицомъ въ видѣніи. Надпись взята изъ стиховъ 7, 8 и 9. Той же редакціи въ Солов. юсовомъ Апок. XVI в. м. 56 [копія краск. 7] и въ Тихонр. половины XVII в. м. 68 [сн. 159]; но въ Апок. МПМ. м. 70 [сн. 56]—отличается.

64) XIX, 1-7. Въ зеленоватомъ ореолѣ І. Х. въ крестномъ сіяніи сидитъ на желтомъ престолѣ съ подножіемъ и въ желтыхъ же ризахъ античнаго покроя, лѣвою рукою придерживая на колѣняхъ книгу, а десницею благословляя. По сторонамъ по херувиму. Этотъ зеленоватый ореолъ окруженъ того же цвѣ-

та полосою, въ которой тѣмъ же монохромомъ, равно какъ упомянутые два херувима, писаны пять ангеловъ, но четырехъ символ. животныхъ, сказанныхъ въ текстѣ, нѣтъ. Ниже въ той же полосѣ, молитвенно простирая руки, преклоняются, по тексту: «глаголюще: аминь: аллилуіа» старцы и безбородые юноши въ бѣлыхъ одеждахъ съ зеленоватыми тѣнями; согласно сказанному въ текстѣ: «Пойте Богу нашему.... и маліи и велицыи». Надпись взята изъ заглавія 56-ой главы Толковаго Апок., именно: *О брацѣ тайнѣ и о вечери Агнца Божія*. Форма въ единст. числѣ *о брацѣ*—новая, вм. древней во множ. числѣ: *о брацѣхъ*, какъ и значится въ текстѣ описываемой рукописи.

65) XIX, 11-16 [сн. 30]. Двойная миніатюра, т. е. на двухъ страницахъ, на оборотѣ 215 листа и на лицевой сторонѣ 216-го. Изображеніе видѣнія начинается съ этой послѣдней страницы. По двойному, круглому ореолу, красному и зеленому, начертаны еще два квадрата, одинъ зеленый, другой пурпуровый, составляющіе обычную форму осмиконечнаго нимба, или сіянія. Все это вмѣстѣ составляетъ ореолъ, какъ бы высшаго чина, въ ознаменованіе безпримѣрно торжественнаго явленія, представшаго въ этомъ необычайномъ окруженіи. Это само *Слово Божіе*, въ образѣ всадника на бѣломъ конѣ, въ типѣ Емманула, но въ простомъ сіяніи и въ коронѣ городами, въ одинъ ярусъ, а не *вѣнцы мнози*, какъ значится въ текстѣ, и какъ это стало у насъ изображаться въ иллюстраціяхъ, подвергшихся западному вліянію [сн. 275 г]. Облеченъ въ пурпуровый подиръ, въ соотвѣтствіе тексту: «въ ризу червлену кровію», съ желтыми поручами на узкихъ рукавахъ, съ такого же цвѣта бармами, поясомъ и полосою на подолѣ. Сверхъ того такая же желтая полоса съ кружками только, а не съ надписью, нашита на подирѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ покрываетъ стегно, согласно тексту: «и имать на ризѣ и на стегнѣ своемъ имя написано: Царь царемъ и Господь господемъ». Точно такую же полосу на стегнѣ отъ краевъ тоги можно видѣть въ костюмѣ очень раннихъ памятниковъ иконографіи. Такъ напр. въ одѣяніи четырехъ женскихъ фигуръ, аллегорически изображающихъ Склавинію, Германію, Галлію и Римъ въ миніатюрѣ латинск. Евангелія Императора Генриха II, X-XI в. [сн. 252 а]. Эта древнѣйшая черта удержана въ Солов. рук. Филарета иконни-

ка и въ Хлудовск. Апок. № 7 [по I прибавл. къ каталогу] XVI в. м. 58.—Отъ лапиты божественнаго всадника, а не изъ устъ, какъ сказано въ текстѣ, исходитъ мечъ, остреемъ обращенный впередъ. Надписи: по сторонамъ всадника: *Слово—Божіе*, вверху: *сядетъ судіи* [древняя форма, вм. *судія*] *истинный отмстити врагомъ въ ярости гнѣва Божія*. На другой страницѣ, на оборотѣ 215 листа, изображены ангелы, скачущіе вслѣдъ за нимъ въ бѣлыхъ ризахъ съ зеленоватыми тѣнями; въ рукахъ держатъ красныя копья. У всѣхъ у нихъ равно какъ и у ихъ предводителя, кони бѣлые, сѣдла съ очень высокими луками, и спереди и сзади, такъ же какъ это принято въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. и во многихъ другихъ нашихъ Апокк., согласно западному обычаю, державшемуся до позднѣйшихъ временъ. Подъ сѣдлами—потники съ подпругами. Хвосты у коней у самаго зада завязаны узломъ. Такія же сѣдла съ потниками и подпругами и у трехъ апокалипсич. всадниковъ, только хвосты у коней не завязаны, мм. 12-14.—Надпись надъ ангелами: *Воинства небесная послѣдоваху* [форма древняя] *ему на конихъ бѣлыхъ*.

66) XIX, 17-18 [сн. 31]. На красномъ солнцѣ стоитъ ангелъ въ одѣяніи античнаго покроя, въ зеленоватой туникѣ и красной тогѣ, со свиткомъ въ правой рукѣ. Въ свиткѣ писано: *Соберитеся человѣцы въ волю Божію и въ разумъ истинный;* взято изъ толкованія. По обѣимъ сторонамъ его по три птицы, разнаго цвѣта; изъ нихъ двѣ внизу на вѣтвяхъ съ цвѣтами, у обѣихъ надъ головами короны съ городами. Той же редакціи въ Апок. МПМ. м. 72.

67) XX, 1-3. Ангелъ слетаетъ съ неба и, не касаясь земли, связываетъ Змія ремнями, на концѣ которыхъ замо́къ, въ правой рукѣ держитъ ключъ. Ремень же, вмѣсто цѣпи, принятъ и въ Апок. МПМ. м. 74, согласно съ Бамбергскимъ Апок. X в., м. 47. Змій краснаго цвѣта, изъ черной пропасти выставилъ четыре изъ своихъ головъ, безъ роговъ и коронъ. Около другая черная пропасть. На ней стоитъ Сатана, въ типѣ Ада, принятомъ въ м. 68, темноватая человѣческая фигура съ звѣриною мордою вмѣсто головы, и съ такою же мордою на заду, въ рукѣ держитъ клюку, которая, сверху изгибаясь оваломъ, оканчивается вострымъ зубцомъ въ формѣ, принятой для змѣинаго жала: тотъ же пріемъ для выраженія ухищреній злобы

въ орудіяхъ адской муки, что̀ въ мм. 39. 40 и 47. Слич. м. 69.

68) XIX, 19-20. Двойная миніатюра на оборотѣ 238 листа и на лицевой сторонѣ 239-го, хотя въ рукописи слѣдуетъ за означенными стихами, но по содержанію и по надписямъ относится и къ текстамъ: XX. 10, 14 и XXI. 8. Вверху ангелы поражаютъ копьями царя Антихриста, его войско и слугъ, а нижняя половина вся изображаетъ огненное озеро, въ которомъ по красному фону писаны низверженные въ него обнаженные грѣшники, между которыми на первомъ планѣ выступаетъ апокалипсическій Звѣрь о семи головахъ, Антихристъ въ царскомъ одѣяніи, Адъ, по типу сходный съ Сатаною въ м. 67, Смерть и Сатана съ дьяволами въ ихъ общепринятомъ типѣ. Надписи: *Ятъ бысть звѣрь и съ нимъ лживый пророкъ* и пр. изъ текста XIX, 20; *Смерть и Адъ ввержени быста въ езеро огненное*— изъ XX, 14; *Страшливымъ и невѣрнымъ чародѣющимъ*—изъ XXI, 8. Фигуры, помѣщенныя надъ огненнымъ озеромъ, а также и тѣ, которыя въ него только еще низвергаются сверху, писаны натуральными колерами, находящіяся же въ огнѣ писаны въ красномъ монохромѣ, кромѣ самыхъ главныхъ, выступающихъ натуральною раскраской изъ огненной массы; это именно Смерть и Адъ на одной страницѣ, и Первый Звѣрь и Сатана съ однимъ дьяволомъ—на другой. Такое сочетаніе натуральныхъ цвѣтовъ съ монохромомъ даетъ миніатюрѣ довольно художественный колоритъ. По редакціи согласно съ Апок. МПМ. въ м. 73 [сн. 57].

69) XX, 3 и 7. Эта м. собственно лишняя, потому что содержитъ въ себѣ второй моментъ изъ двухъ изображенныхъ въ м. 67, а именно: надъ черною бездною стоитъ Сатана, «разрѣшенный отъ темницы своей», но уже въ своемъ настоящемъ типѣ, не съ звѣринымъ рыломъ, а съ человѣческимъ лицомъ, съ обычными волосами дыбомъ и съ длинною бородою, отличающею его отъ дьяволовъ, которые по этой редакціи, какъ и по многимъ другимъ, пишутся безъ бороды, слич. мм. 38, 62. Но къ заду Сатаны въ описываемой миніатюрѣ придѣлана звѣриная морда. Въ рукахъ держитъ онъ такую же клюку, какъ въ м. 67; безъ крыльевъ.

70) XX, 7-9 [копія красками 3]. Налѣво, не просто на воздухѣ, какъ принято обыкновенно въ этой рук., а на двухъ ли-

ніяхъ, означающихъ почву, поднимается полатное письмо, изображающее «станъ святыхъ», съ одноглавою церковью безъ креста, а также съ зданіемъ въ формѣ базилики: вверху поднимается византійская сѣнь, но ея арка, поддерживающая куполъ, въ верхней линіи приподнята вострымъ угломъ, который служитъ переходомъ романскаго стиля въ готическій. Въ уровень съ полатнымъ письмомъ на престолѣ, означенномъ округлыми полосами, сидятъ Гогъ и Магогъ, въ царскомъ одѣяніи, именно въ бѣлыхъ подирахъ съ желтыми, т. е. золотыми, бармами и полосами на широкихъ рукавахъ и вдоль подира: на головахъ желтыя же короны, о трехъ городахъ, но не надѣты, а только приставлены сзади, какъ корона на Александрѣ Македонскомъ въ рельефахъ Димитріевскаго Собора во Владимірѣ-на-Клязьмѣ XII в., какъ указано выше въ общемъ обозрѣніи. Только одинъ изъ этихъ воеводъ съ гривою. Внизу Песьи-Головы пожираютъ святыхъ. Эти чудовища, дымчатаго цвѣта, какъ и ихъ предводители, отличаются отъ нихъ тѣмъ, что по голому тѣлу только препоясаны; одно изъ нихъ на груди имѣетъ четыре женскихъ груди [слич. м. 59], въ рукѣ держитъ оружіе въ родѣ булавы. Красныя черты, накинутыя по миніатюрѣ, означаютъ «огонь съ небеси», который поѣдаетъ этихъ чудовищъ; потому и нѣтъ ни одной изъ такихъ черточекъ на святыхъ.

71) XVIII. XX, 13. Это собственно повтореніе миніатюры 62, т. е. изображаетъ запустѣніе и разрушеніе Вавилона, но другой редакціи. Такъ же падаютъ зданія съ двумя въ нихъ дьяволами, безъ бородъ, но и безъ крыльевъ; изъ воротъ города выходитъ толпа святыхъ на встрѣчу къ ангелу. Другой ангелъ на лету бросаетъ «камень великъ яко жерновъ», пурпуроваго цвѣта и безъ отверстія въ центрѣ, какъ и въ м. 62; камень падаетъ въ море на корабль съ людьми.—За тѣмъ въ нижней части моря, по которому писаны рыбы, помѣщено изображеніе, которое въ первоначальной редакціи должно было составить самостоятельную миніатюру, по сюжету не имѣющую связи съ верхнею частію, тотчасъ описанною. На это указываетъ и самая надпись, помѣщенная вверху миніатюры, надъ Вавилономъ, но взятая изъ 13 стиха XX главы: *и даетъ море мертвеца, иже въ немъ*. Это именно олицетвореніе моря въ видѣ юной женской фигуры, обнаженной по поясъ, и затѣмъ препоясан-

ной драпировкою. Она въ коронѣ о трехъ городахъ; поднятыми вверхъ руками держитъ надъ головою ладью съ мертвецами въ бѣлыхъ саванахъ съ кукулями. Снимокъ съ этой фигуры см. въ моихъ Историческихъ Очеркахъ, II, при стр. 138 [1, а]. Въ нашихъ лицевыхъ Апокк. море олицетворяется или въ женской фигурѣ, и притомъ въ полуобнаженной, напоминающей очень раннія представленія византійской иконографіи [сн. 249], или въ мужской. Опредѣляемая мною редакція усвоила себѣ первое изъ этихъ двухъ олицетвореній, въ чемъ согласуется съ нею редакція Филаретовско-Чудовская, м. 64, распространенная во множествѣ позднѣйшихъ копій. Второе олицетвореніе принято въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в.

72) XX, 11. Двойная миніатюра на двухъ страницахъ, именно на оборотѣ 243 листа и на лицевой сторонѣ 244-го, такъ что не только сюжетъ, но и рисунокъ переходитъ съ одной страницы на другую. Это верхняя часть Страшнаго суда, содержащая въ себѣ Божественнаго Судію съ праотцами, апостолами, съ Божіей Матерью и святыми, а также рай и Горній Іерусалимъ. Все это расположено въ трехъ ярусахъ, раздѣленныхъ между собою прямыми линіями. Въ верхнемъ ярусѣ, посреди, на самомъ сгибѣ рукописи, въ зеленомъ ореолѣ, по коему по обѣимъ сторонамъ писано въ монохромѣ по два ангела, вмѣсто четырехъ символическихъ животныхъ,—возсѣдаетъ на желтомъ престолѣ, въ желтыхъ же ризахъ античнаго покроя, І. Х. съ бородою, въ крестномъ сіяніи, лѣвою рукою придерживаетъ раскрытую книгу, десницею благословляетъ. Надъ ореоломъ солнце и мѣсяцъ по зеленому же полю. По сторонамъ ореола стоятъ Богородица и Іоаннъ Креститель, съ ликами ангеловъ позади ихъ. Налѣво у самаго края страницы отдѣлено отвѣсною прямою линіею въ четвероугольникѣ полатное письмо Горняго Іерусалима, состоящее изъ однихъ вратъ, изъ жертвенника подъ сѣнію, изъ завѣсы и изъ разныхъ теремовъ вверху, надъ которыми, по обычаю византійской живописи, протянута драпировка изъ красной ткани. Арки надъ вратами и сѣнію вверху завостряются вострымъ угломъ, какъ въ мм. 70 и 71. У ореола надпись: *Судія страшный*. Средній ярусъ занятъ двѣнадцатью апостолами, которые съ закрытыми книгами въ рукахъ сидятъ на престолахъ безъ задковъ, и только налѣво, у края страницы, подъ Горнимъ Іерусалимомъ, ему

въ соотвѣтствіе писанъ подъ широкою аркою рай, въ образѣ трехъ праотцевъ, Авраама, Исаака и Іакова, сидящихъ на одномъ длинномъ престолѣ, безъ задка. Позади ихъ полукруги сіяній даютъ разумѣть о толпѣ фигуръ. Надпись надъ головами святыхъ лицъ этого втораго яруса: *Уготованныхъ на престолѣхъ сохранышихъ Христово исповѣданіе. и судъ данъ бысть имъ и сѣдоша на нихъ*, и далѣе изъ 11 стиха XX гл. *И видѣхъ престолъ бѣлъ и сѣдящаго на немъ, ему же* [въ исправл. *его же*] *отъ лица бѣжа небо и земля и мѣсто не обрѣтеся има* [въ исправл. *имъ*], а затѣмъ: *и человѣцы пріяша праведенъ судъ кождо по дѣломъ своимъ*. Въ нижнемъ ярусѣ стоятъ святые группами по ихъ чинамъ, означеннымъ въ надписяхъ. Середняя группа, *ликъ православныхъ царей*, изъ трехъ фигуръ, въ коронахъ разной формы, царь посреди въ коронѣ шапкою, по сторонамъ его—въ коронахъ о трехъ городахъ. Направо *ликъ святыхъ*, на лѣво *ликъ мучениковъ* и *ликъ мученицъ*. Миніатюра эта одной редакціи съ 64-ою въ Соловецк. юсовомъ Апок. XVI в., сохранившеюся только въ отрывкѣ. Раздѣленіе святыхъ на лики въ Горнемъ Іерусалимѣ принято въ редакціи Чудовскаго Перевода 1638 г., м. 67 [сн. 119]; сверхъ того ликъ царей въ такой же группѣ и съ различіемъ въ коронахъ встрѣчаемъ въ Подносномъ экземплярѣ МДА. № 14, м. 68 [сн. 174].

73) XX, 13. На склонѣ горы Смерть, вся бѣлая, и Адъ, весь черный, съ двумя звѣриными головами, одна на своемъ мѣстѣ, другая на заду—держатъ саркофагъ съ мертвецами въ бѣлыхъ саванахъ и кукуляхъ. Изъ-за горы поднимается толпа мертвецовъ въ такомъ же одѣяніи. Надпись: *Смерть и адъ даша сущая въ нихъ мертвеци*.—То, что въ другихъ редакціяхъ соединено вмѣстѣ, здѣсь раздѣлено на двѣ миніатюры, именно: Море, отдающее мертвецовъ въ м. 71, и Смерть и Адъ—въ описываемой миніатюрѣ. Сверхъ того надобно замѣтить, что всѣ три послѣднія мм., соединяемыя въ другихъ редакціяхъ въ одну, какъ въ Чудовскомъ Переводѣ, м. 64, въ Подносномъ экземплярѣ МДА. № 14, м. 65 [копія краск. 20], здѣсь помѣщены всѣ рядомъ, не отдѣленныя одна отъ другой текстомъ, на лл. 243 и 244. Но ближе всего къ описываемой миніатюрѣ, съ присоединеніемъ къ ней олицетворенія моря изъ м. 71, оказывается м. 77 въ Апок. МПМ. [сн. 58]. Въ этой послѣдней Море тоже въ видѣ женщины, обнаженной по поясъ, и тоже

въ ладьѣ держитъ мертвецовъ. а не въ саркофагѣ; помѣщена же она внизу между Смертью и Адомъ: сверхъ того, для намека на Страшный судъ, надъ ними въ ореолѣ присутствуетъ Божественный Судія: такъ что если изъ этой миніатюры изъять олицетвореніе моря и Судію, то въ ней останется то же, что̀ въ описываемой здѣсь м. 73-ей.

II

Рукопись Московскаго Публичнаго Музея № 156 (Большаковская), въ л. на 271 лл.; собственно Апокалипсисъ на 161-271 лл., съ 81 мм.; начала XVII в.

Первая половина рукописи, на лл. 1-159, содержитъ Псалтырь съ толкованіемъ Аѳанасія Александрійскаго. Обѣ эти толковыя книги, отличающіяся между собою почеркомъ, первоначально составляли двѣ отдѣльныя рукописи и только въ послѣдствіи были соединены вмѣстѣ въ одномъ переплетѣ. Въ Псалтыри тоже помѣщены миніатюры, но всего двѣ: въ одной изображенъ св. Аѳанасій, въ другой Царь Давидъ.

Мы уже знаемъ, что этотъ Музейный Апокалипсисъ, какъ по тексту, такъ и по иллюстраціи, относится, вмѣстѣ съ моимъ, тоже начала XVII в., къ одной и той же очень ранней редакціи, существенно отличающейся отъ всѣхъ прочихъ, мнѣ извѣстныхъ, за исключеніемъ Соловецкой юсовой рукописи. Характеристическая замѣна Ангела Орломъ, и въ текстѣ и въ изображеніи [VIII, 13], принята и въ этомъ Апок., какъ и въ моемъ; см. въ описаніи м. 28.

Впрочемъ, хотя во многихъ случаяхъ Музейный текстъ согласуется съ принятымъ въ моемъ Апок., въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, какъ это уже мною показано; однако между этими обоими текстами оказывается и значительная разность,

и притомъ такъ, что всякій разъ, какъ только Музейный Апок. отступаетъ отъ моего, онъ слѣдуетъ общераспространенному тексту, котораго ранній списокъ я привожу по Румянцевской рук. XIII-XIV в. № 8. Иногда, впрочемъ, встрѣчаются въ Музейныхъ варіантахъ подновленія и описки. Тогда мой Апок. по бо́льшей части ближе къ Румянцевскому.

Въ приведенныхъ для примѣра выпискахъ держусь счета стиховъ Толковаго Апок., какъ онъ принятъ вообще; но такъ какъ Музейный постоянно отстаетъ, то цыфры его стиховъ ставлю въ скобкахъ.

26 (21) въ толкованіи. Мой: «діяволя сѣянія»; Муз. «діаволя осѣненія»; Рум. «сѣянія»; Филар. «сѣяніа»; Хлуд. «сіянія»; мой юсов. «зіянія».

28 (23). Мой: «Антипа свѣдѣтель мой вѣрный»; Муз. «Антипасъ мученикъ мой вѣрный»; Рум., Филар., Хлуд. «мученикъ»; мой юсов. «ученикъ», глоссы: «свѣдѣтель, мученикъ»; испр. «Антипасъ свидѣтель мой вѣрный» II, 13.

42 (37). Мой: «въ кій часъ»; Муз. «въ кій годъ»; Рум. и всѣ другіе: «годъ»; испр. «въ кій часъ» III, 3.

51 (46) въ толкованіи. Мой: «яко самъ сію сказаетъ истинна»; Муз. «яко сама уснискается»; Рум. и всѣ другіе: «самъ усійска есть истина»; то есть: ὅτι αὐτός οὐσιώδης ἐστὶν ἀλήθεια.

56 (51) въ толкованіи. Мой: «се имать питѣяся тѣмъ имъ же ти ся питѣютъ»; Муз. «питаяся—питаются»; Рум. «питѣяся тѣмь, имь же тѣ ся питѣють»; Филар. «сей имать пѣтиястемъ имже ся питѣють»; Хлуд. «се имать питія истѣмъ имъ же ти питѣются»; мой юсов. «сей имать пити ясти (глос. питаяся) имже тѣ ся питѣютъ».

67 (62) въ толк. Мой: «началуемыя врагы»; Муз. «на чаемыя побѣдныя силы»; Рум. «на чюемыя врагы»; Филар. «на чювственныя»; мой юсов. «на чювственныя [глос. «на чаемыя»] враги».

70 (65). Мой: «отверсти книги сія»; Муз. «разгнути», какъ и въ другихъ и въ испр. V, 2. 3.

70 (65) въ толк. Мой: «ни ангели ни санъ»; Муз. «ни ангели ни санти»; Рум. «ни санти»; мой юсов. «ни санити», глос. «сами»; Филар. «ни самити»; Хлуд. «ни саміи ти».

79 (73). Мой: «конь сѣръ»; Муз. «серепъ», какъ и Рум., Филар. и Хлуд.; мой юсов. «сѣръ», глос. «бѣлъ»; испр. «бѣлъ» VI, 2.

85 (79). Мой: «конь гнѣдъ»; Муз. «бѣлъ»; Рум. и всѣ прочіе: «блѣдъ».

86 (80) въ толк. Мой: «и о самитѣхъ святыхъ»; Муз. «и древнихъ святыхъ»; Рум. «древнихъ сантѣхъ святыхъ»; Филар. и друг. «древнихъ святыхъ».

89 (83). Мой: «не скорботъно свитокъ свивается»; Муз. «не скоро бо свитокъ свивается»; Рум. «не скорботно бо свитокъ развивается»; Филар. «ни скробътно—развивается»; Хлуд. и мой юсов. «не скроботно—свивается».

90 (84) въ толк. Мой: «при Успесьянѣ»; Муз. «при Максиміянѣ»; Рум. «при Евъспасіянѣ»; Филар. «при Успѣсіянѣ»; Хлуд. «пріеспасіанѣ»; мой юсов. «при есписіянѣ».

119 (113). Мой: «ни отъ чарованій своихъ»; Муз. «и отъ корене ихъ»; Рум. и друг. «ни отъ корене ихъ»; испр. «ни отъ волхвованій своихъ» IX. 21.

151 (139). Мой: «за слово свѣдѣнія его»; Муз. «за слово ученія его»: Рум. «за слово мученія ихъ»; друг. «за слово ученія»; испр. «словомъ свидѣтельства своего» XII, 11.

Существенное различіе между моимъ Апок. и Музейнымъ состоитъ въ самой системѣ расположенія стиховъ Откровенія и соотвѣтствующихъ имъ толкованій, а также и въ помѣщеніи миніатюръ. Въ Музейномъ Апок. система та же самая, что и во всѣхъ прочихъ Апокк.; то есть, за каждымъ стихомъ слѣдуетъ его толкованіе, при чемъ то и другое только однажды отмѣчено числомъ. Потому миніатюра стоитъ не между текстомъ и его толкованіемъ, какъ въ моемъ Апок., а внѣ группы стиховъ, изъ коихъ каждый снабженъ своимъ толкованіемъ; сверхъ того, не по общепринятой у насъ системѣ полагать миніатюру непремѣнно послѣ соотвѣтствующей ей группы текста, съ толкованіемъ, а бо̀льшею частію передъ этою группою, можетъ быть, потому, что въ первоначальной редакціи миніатюры стояли передъ толкованіемъ, какъ это и сохранилось въ моемъ Апок. Иногда, впрочемъ очень рѣдко, миніатюры помѣщены посреди соотвѣтствующей имъ группы текстовъ съ толкованіемъ, какъ мм. 4, 5, 6, 7; иногда и послѣ, напр. м. 16 со Вторымъ Всадникомъ, м. 27 съ однимъ изъ трубящихъ ангеловъ, тогда какъ прочія мм. со Всадниками и трубящими ангелами помѣщены передъ соотвѣтствующими имъ группами, мм. 15, 17, 18, 25, 26 и друг.

Впрочемъ, такъ же какъ и въ моемъ Апок., такія группы не всегда опредѣляются размѣромъ главы Толковаго Апок., но иногда только ея частію; потому и число мм. не 72, по числу главъ, а 81.

Миніатюры обрамлены линіями, какъ и въ другихъ Апок.; потому непосредственная связь между изображеніемъ и текстомъ, оказывающаяся въ моей рук., здѣсь уже нарушена.

Къ оригинальности описываемаго памятника принадлежитъ разный форматъ миніатюръ. Большая часть ихъ въ 4-у на одной страницѣ съ текстомъ, всего до 51 мм., остальныя 30 мм. писаны во весь листъ безъ текста, за исключеніемъ 12-ой и 55-ой, съ текстомъ надъ рамкою.

Надписей на изображеніяхъ нѣтъ никакихъ.

Число миніатюръ въ раннемъ оригиналѣ, отъ котораго пошли оба Апокк., мой и Музейный, опредѣлить едва ли возможно. Во всякомъ случаѣ предлагаю слѣдующія данныя для рѣшенія этого вопроса.

Вопервыхъ, Музейный Апок., безъ сомнѣнія, восполняетъ иллюстрацію моего въ тѣхъ главахъ по Толковому Апок.. при которыхъ въ моемъ миніатюры пропущены, а въ Музейномъ онѣ оказываются. Именно:

М. 24 при гл. 21 [VIII, 1-6].
М. 25 при гл. 22 [VIII, 7].
М. 26 при гл. 23 [VIII, 8-9].
М. 40 при гл. 32 [XI, 15-18].
М. 48 при гл. 39 [XIV, 1-5].
М. 67 при гл. 54 [XVII,6-18].

Что касается до гл. 38 [XIII, 18], то хотя въ моемъ Апок. при ней тоже миніатюра опущена, но она помѣщена въ другомъ мѣстѣ, 41-я, коей въ Музейномъ соотвѣтствуетъ 47-я.

Вовторыхъ, въ Музейномъ есть еще лишнія четыре мм.: 31, 58, 78 и 81, коимъ нѣтъ соотвѣтствующихъ въ моемъ.

Втретьихъ, нѣсколько миніатюръ Музейныхъ соединены въ одной моей, а именно: шесть Музейныхъ, вмѣсто семи. по числу ангеловъ семи Церквей [пропущена Церковь Сардійская], мм. 4-9, въ одной моей, м. 4; три Музейныхъ. мм. 75, 79 и 80—въ одной же моей, м. 72.

Вчетвертыхъ, наоборотъ, нѣсколько моихъ соединены въ одну Музейную, а именно:

МОЙ АПОК	МУЗЕЙНЫЙ	МОЙ АПОК.	МУЗЕЙНЫЙ.
Мм. 6 и 7	11.	Мм. 38 и 39	45.
Мм. 32, 33 и 34	41.	Мм. 51 и 52	57.

Впятыхъ, три въ моемъ Апок., которымъ соотвѣтствующихъ нѣтъ въ Музейномъ, мм. 11. 40 и 41.

Кромѣ того въ Музейномъ, при XVI, 3, вовсе пропущена миніатюра; но въ моемъ она есть, 54. именно Вторый Ангелъ съ фіаломъ.

И наконецъ, въ моемъ, по ошибкѣ, повторенъ сюжетъ въ двухъ мм., въ 62 и 71, коимъ соотвѣтствуетъ въ Музейномъ м. 68.

Не принимая въ расчетъ это послѣднее повтореніе въ моемъ Апок., должно насчитываться въ предполагаемомъ оригиналѣ до 89 миніатюръ. Впрочемъ, число это можетъ быть нѣсколько сокращено на томъ основаніи, что въ моемъ Апок. иногда одинъ сюжетъ изображается на двухъ страницахъ, составляя одну только миніатюру, какъ показано выше, въ описаніи этого памятника; между тѣмъ какъ въ Музейномъ этого ни разу не встрѣчается. Мало того. Когда въ моемъ на двухъ страницахъ писаны миніатюры такъ, что лѣвая по сюжету должна идти вслѣдъ за правой, хотя по счету миніатюръ ей предшествуетъ; тогда въ Музейномъ нумерація идетъ какъ слѣдуетъ. А именно: въ Музейномъ мм. 29 и 30, а въ моемъ имъ соотвѣтствуютъ 24 и 23, потому что 23-я писана на оборотѣ листа 135-го, а 24-я на лицевой сторонѣ 136-го. Точно такъ же—въ Музейномъ мм. 52 и 53, а въ моемъ 47 [лицев. сторона 173-го л.] и 46 [оборотъ 172-го].

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ не подлежитъ самнѣнію, что опредѣляемая мною теперь редакція въ числѣ миніатюръ не подчинялась числу главъ Толковаго Апок., и содержала ихъ болѣе 72-хъ. Это явствуетъ изъ того, что разныя подробности, входящія въ составъ изображенія при той или другой изъ 72-хъ главъ по другимъ редакціямъ, составляютъ здѣсь самостоятельную миніатюру; а именно:

ВЪ МОЕМЪ АПОК.	ВЪ МУЗЕЙНОМЪ.	ВЪ МОЕМЪ АПОК.	ВЪ МУЗЕЙНОМЪ.
5	10.	37	44.
10	14.	45, 46 и 47	51, 52 и 53.
25 и 26	32 и 33.	66	72.
29 и 30	36 и 37.	67 и 69	74 и 76.

Сверхъ того м. 31 въ Музейномъ Апок. содержитъ въ себѣ эпизодъ изъ м. 24 въ моемъ.

Очевидное сродство обоихъ этихъ Апокк., по редакціи, а часто и въ самыхъ переводахъ, оказалось въ слѣдующихъ мм.:

музейный.	мой.	музейный.	мой.
2 [сн. 32] .	2	44 . . .	37.
10 . .	5 [сн. 3].	45 . .	38 и 39 [сн 18 и 19].
12 [сн. 34], только низъ		46 . . .	42.
. . .	9 [сн. 5].	47 . . .	40.
14 [сн 35] .	10	49 . . .	43.
19 . . .	16 [сн. 8].	50 . . .	44 [сн 20].
20 . . .	17	51 . . .	45
21 . . .	18	52 [сн. 46] .	47 [сн. 21].
28 [сн. 39] .	22 [сн. 10].	53 . . .	46.
29 . . .	24 [копія краск. 2].	56 [сн 48] .	50 [сн. 22].
30 . . .	23 [сн 11].	57 . . .	51 и 52.
32 [сн. 41], только низъ.		68 [сн. 54] .	62.
. . .	25	72 . . .	66 [сн. 31].
35 . . .	27 [сн. 12] и 28.	73 [сн. 57] .	68.
41 [сн. 44] .	32, 33 и 34 [снн. 15 и 16].	77 [сн. 58], только низъ.	
43 . . .	36 [сн 17]		71 и 73

Сродство это обнимаетъ въ Музейномъ Апок. 29 мм. изъ 81, т. е. болѣе трети всей иллюстраціи, а въ моемъ 34 мм. изъ 73, т. е. безъ малаго половину.

При этомъ должно замѣтить, что въ числѣ приведенныхъ миніатюръ содержатся и всѣ тѣ, которыми характеризуется оригинальность опредѣляемой мною ранней редакціи; а именно:

Жертвенникъ съ тремя черепами, м. 19, въ моемъ м. 16.

Орелъ вмѣсто ангела, м. 28, въ моемъ 22.

Смерть безъ всякаго оружія, м. 30, въ моемъ 23.

Облачный ангелъ въ обычномъ одѣяніи, а не въ облакахъ, м. 35, въ моемъ 27 и 28.

Первый Звѣрь въ одеждѣ, м. 45, въ моемъ 38.

Дымъ мученія въ видѣ пламеннаго облака съ группою мучащихся въ немъ, м. 52, въ моемъ 47.

Ангелъ съ серпомъ при точилѣ, м. 56, въ моемъ 50.

Наиболѣе замѣтное различіе въ редакціяхъ обоихъ этихъ Апокк. оказалось въ слѣдующихъ мм.:

музейный.	мой.	музейный.	мой.
3	3 [копія краск. 1].	15	12.
4—9	4 [сн. 2].	16	13.

17	14 [сп. 6].	55 [сн. 47]	49.
18	15 [сп. 7].	60 [сн. 49] . . .	55 [сн. 24].
27 [сн. 38]	21 [сн. 9].	61	56.
34 [сн. 43]	27 [сн. 12].	62	57 [сн. 25].
36	29.	63 [сн. 50]	58 [сн. 26].
37	30 [сн. 13].	64 [сн. 51] . . .	59 [сн. 27].
39	31 [сн. 14].	65 [сн. 52] . . .	60 [сн. 28].
54	48.	69 [сн. 55] . . .	64.

Особенно важныя изъ этихъ различій состоятъ въ слѣдующихъ примѣтахъ.

Вопервыхъ, Музейный Апок. относится къ редакціямъ, въ которыхъ каждому изъ ангеловъ семи Церквей посвящается по отдѣльной миніатюрѣ, мм. 4-9, въ моемъ же всѣ они соединены въ одной, м. 4.

Вовторыхъ, самыя характеристическія черты ранней редакціи, во всей рѣзкости и яркости удержанныя въ моемъ Апок., уже не сохранились въ Музейномъ; а именно:

Звѣзда Апсинѳосъ съ геніемъ внутри ея и саркофагъ съ мертвецомъ, м. 21, Музейн. 27.

Облачный ангелъ въ его обычномъ одѣяніи, но одѣтый сферою и стоящій на горѣ, какъ на пьедесталѣ монументъ, м. 27, Музейн. 34.

Такъ же на вершинѣ горы Енохъ и Илія, пожираемые Звѣремъ, м. 30, Музейн. 37.

Они же во чревѣ облака, снабженнаго звѣриною головою, м. 31, Музейн. 39.

Царство Звѣря, омраченное тьмою, м. 57, Музейн. 62.

Наконецъ, нѣкоторые изъ варіантовъ Музейнаго Апок., означенныхъ въ выше приведенной таблицѣ, отличаются такою архаичностью, что съ нѣкоторыми другими миніатюрами этого памятника служатъ драгоцѣннымъ дополненіемъ къ моему Апок. для опредѣленія древнѣйшей иллюстраціи нашихъ лицевыхъ Апокалипсисовъ. Предлагаю общій перечень всѣхъ ихъ вмѣстѣ, съ указаніемъ ихъ особенностей.

Жертвенникъ, или престолъ съ херувимомъ, въ ореолѣ, м. 24 [сн. 36]. Это—ἑτοιμασία, о чемъ будетъ еще рѣчь впереди.

Замѣчательная по слѣдамъ глубокой древности стилизація деревъ, м. 25 [сн. 37], о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Уподобленія Пругомъ, м. 31 [сн. 40], въ типахъ древнѣйшей редакціи изящнаго византійскаго стиля, усвоенныхъ

и западною иконографіею; слич. во фрескахъ франц. церкви св. Савина XII в. [сн. 258 б]; и вмѣстѣ съ этою миніатюрою другая такой же древнѣйшей редакціи, изображающая вражьихъ всадниковъ на чудовищахъ въ видѣ львовъ, м. 33 [сн. 42].

Обѣ эти мм., дополняющія мой Апок. ранней редакціи, вмѣстѣ съ м. 29 [въ моемъ Апок. м. 24]—представляютъ самое близкое сродство съ Альтамировск. Апок. XII в., въ мм. 52, 53 и 55, какъ это указано въ описаніи самыхъ миніатюръ.

Два жертвенника, или престола въ ореолахъ, одинъ съ книгою [ἑτοιμασία], другой подъ сѣнію, м. 32 [сн. 41].

Еммануилъ, въ крестномъ сіяніи въ ореолѣ, съ неба благословляетъ обѣими руками стоящихъ внизу на землѣ Еноха и Илію, м. 38.

I. X. стоитъ на пьедесталѣ, замѣняя собою св. Агнца, м. 48, о чемъ будетъ еще сказано послѣ.

Ангелъ, имый область на огни, м. 55 [сн. 47].

Фіалы вручаетъ ангеламъ Левъ, м. 58; въ моемъ юсовомъ Апок. вручаетъ Орелъ, м. 51, какъ въ Апок. Альтамировск. м. 71.

Чудовищныя фигуры Гога и Магога на коняхъ, м. 63 [сн. 50], въ типѣ, отличающемся отъ принятаго въ моемъ Апок., мм. 58 и 70 [сн. 26 и копія краск. 3].

Чудовищная фигура, будто орнаментъ, составленная изъ двухъ апокалипсич. животныхъ, м. 64 [сн. 51], въ которой сокращенъ многоличный сюжетъ миніатюры 59 [сн. 27] моего Апок.

Олицетвореніе воздуха въ человѣческой фигурѣ, м. 65 [сн. 52], какъ въ Hortus Deliciarum аббатиссы Геррады Ландспергъ XII в. [сн. 255]. Мой же Апок. въ этомъ сюжетѣ, м. 60 [сн. 28], сходствуетъ съ Бамбергскимъ X в., м. 40.

Вавилонская Любодѣица пируетъ за столомъ съ своими слугами, м. 67 [сн. 53]. Слич. въ моемъ юсовомъ Апок. м. 47 [сн. 86].

Она же повержена въ пламень, м. 69 [сн. 55]; слич. въ моемъ юсовомъ Апок. м. 60. Раннее представленіе этого сюжета см. въ Англосаксонскомъ Апок. XII в., удержанное и въ Инкунабулахъ XV в., грав. 70 [сн. 270 а], а у насъ той же редакціи въ иллюстраціи XVIII в., въ рук. Барсова № 113, м. 56 [сн. 237 г].

Горній Іерусалимъ, м. 79 [сн. 59].

Сверхъ того, м. 14 [сн. 35], съ Агнцемъ въ ореолѣ, по переводу древнѣе миніатюры 10-ой въ моемъ Апок., хотя обѣ одной редакціи, а въ м. 77 [сн. 58] группа въ изящной симметріи, состоящая изъ Ада съ Смертію и изъ олицетворенія моря внизу между ними обоими,—въ моемъ Апок. разрознена на составныя ея части, такъ что Адъ со Смертію помѣщенъ въ м. 73, а олицетвореніе моря—въ м. 71, въ которой повторенъ сюжетъ миніатюры 62-ой, съ присовокупленіемъ этого олицетворенія. Первоначальная редакція должна была содержать въ себѣ изображеніе, болѣе согласное съ переводомъ Музейнымъ, съ которымъ должна была сходствовать въ Соловецкомъ юсовомъ Апок. м. 63; но отъ нея сохранилась только надпись съ немногими фигурами.

По раздѣленію сюжетовъ въ мм. 29, 31 [сн. 40] и 33 [сн. 42] описываемая иллюстрація, какъ сказано, относится къ древнѣйшей редакціи, согласной въ этомъ отношеніи съ Аквитанской, которая принята въ Альтамировскомъ Апок. XII в., мм. 52, 53 и 55, какъ показано въ IV гл. Введенія, стр. 99. Въ моемъ Апок. это раннее преданіе уже не удержано.

Доселѣ я сравнивалъ обѣ иллюстраціи по системѣ раздѣленія сюжетовъ на отдѣльныя миніатюры. Теперь обращаюсь вообще къ иконографіи. И въ этомъ отношеніи Музейный Апок. представляетъ, или близкое сходство съ моимъ, или же такія отклоненія, которыя частію принадлежатъ какой-то другой, столь же древней редакціи, какова и въ моемъ, но отъ него отличающейся, а частію—очевидныя подновленія. Такъ что обѣ эти рукописи идутъ не безпосредственно отъ одного общаго имъ оригинала, но заставляютъ предполагать въ ихъ родословіи раздѣленіе на двѣ фамиліи, происшедшее еще въ ту пору, когда въ той и другой въ одинаковой силѣ господствовала ранняя иконографія съ ея стилистическими особенностями. Все согласное въ обѣихъ иллюстраціяхъ должно быть отнесено къ первоначальной редакціи, а все архаичное, чѣмъ отличается Музейная иллюстрація отъ моей, можетъ быть объяснено не иначе, какъ сказаннымъ развѣтвленіемъ этой редакціи на двѣ родственныя фамиліи. И затѣмъ уже рукопись Музейная подчинилась бо́льшему подновленію, чѣмъ моя, хотя обѣ принадлежатъ почти къ одному и тому же довольно позднему времени.

Кромѣ вышеприведенныхъ сравненій обѣихъ иллюстрацій по отдѣлымъ миніатюрамъ, сказанное явствуетъ изъ слѣдующихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ анализа вообще самаго способа представленія, который принятъ въ той и другой.

Малосложность и простота композиціи, господствующая въ моемъ Апок., очень часто встрѣчается и въ Музейномъ, а именно: въ мм. 14 [сн. 35], 28 [сн. 39], 31 [сн. 40], 33 [сн. 42], 44, 50, 51, 56 [сн. 48], 59, 63 [сн. 50] и въ м. 64 [сн. 51]. Сокращеніе многоличнаго сюжета, принятаго въ моемъ Апок., м. 59 [сн. 27], доведено до симплегмы двухъ апокалипсич. чудовищъ, имѣющей форму тератологическаго орнамента, м. 64 [сн. 51]. Въ м. 66 при Вавилонской Любодѣицѣ нѣтъ ни Іо., ни ангела, которые оба присутствуютъ въ моемъ, м. 61.

Раздѣленіе на двѣ миніатюры такихъ сюжетовъ, кои по другимъ редакціямъ соединены въ одной, часто встрѣчающееся въ моемъ Апок., иногда въ тѣхъ же самыхъ сюжетахъ принято и въ Музейномъ, именно въ мм. 29 и 30, 52 и 53, соотвѣтствующихъ въ моемъ миніатюрамъ 24 и 23, 47 и 46, какъ уже показано выше [снн. 46, 11 и 21]. Сюжетъ для м. 10, въ моемъ м. 5 [сн. 3], выдѣленъ для особой миніатюры въ обоихъ Апокк., тогда какъ въ другихъ редакціяхъ онъ входитъ въ одну миніатюру, объемлющую содержаніе всей главы IV по простому счету. Но съ другой стороны, Музейная рукопись вообще противъ разложенія сюжета на двѣ или нѣсколько миніатюръ, очень обыкновенное въ моей, и потому, какъ замѣчено выше, соединяетъ въ одной миніатюрѣ двѣ и три моего Апок., именно въ мм. 11, 41, 45 и 57.

Мой Апок. вовсе не знаетъ ни неба, ни облаковъ, и допускаетъ то и другое только въ крайнихъ случаяхъ. Въ Музейномъ тоже много миніатюръ безъ неба и облаковъ, а именно: 15, 16, 17, 18, 43, 44, 45, 47, 50, 52, 53, 54, 61, 66, 71, 73, 76 [снн. 46, 57]. Но вмѣстѣ съ тѣмъ часто допускается и небо съ облаками, и притомъ всегда въ стилизованной формѣ завитковъ, симметрически расположенныхъ полосъ, пересѣкаемыхъ посреди выемкою въ видѣ романской арки, и вся эта стилизація, раскрашенная тоже полосами или пятнами синяго, зеленаго и краснаго цвѣтовъ, вмѣстѣ съ круглыми и угловатыми ореолами, съ звѣздами замысловатой ювелирной выдѣлки, наконецъ съ клиньями, точками, шариками и другими геоме-

трическими фигурами, производитъ оригинальное впечатлѣніе самаго затѣйливаго орнамента, въ которомъ наивный иконописецъ старался выразить свое благоговѣніе къ небу и къ наполняющимъ его горнимъ чинамъ, силамъ и гласамъ, о которыхъ повѣствуетъ Откровеніе Іоанна. См. мм. 2, 13, 19, 20, 34, 35, 39, 55, 60, 70 [снн. 32, 43, 47. 49. 56, коп. краск: 4].

Эта особенность въ изображеніи стилизованнаго неба съ ювелирными звѣздами, которою Музейный Апок. отличается отъ моего, относится къ очень раннему времени и принадлежитъ не личному вымыслу русскихъ мастеровъ, а заимствована изъ той родственной фамиліи, которая выдѣлилась, какъ замѣчено выше, изъ однаго общаго источника съ тою, отъ которой пошелъ мой Апок. Для примѣра привожу образчикъ подобной стилизаціи неба и звѣздъ изъ Codex Aureus св. Эммерама IX в. въ сн. 251.

При отсутствіи неба и облаковъ, мой Апок. обходится и безъ земнаго ландшафта. Бѣлая бумага замѣняетъ ему золотой фонъ, и на ней, будто въ воздухѣ, повисли идущія и стоящія фигуры, а также и срубленныя съ корня дерева. Музейная иллюстрація пользуется ландшафтомъ и подчиняется нѣкоторымъ его условіямъ, болѣе доступнымъ недалекому умѣнью мастера. Въ моемъ Апок. ангелъ летитъ надъ строками текста, будто заставка, м. 44 [сн. 20], въ Музейномъ—надъ землею, м. 50. По характеристической примѣтѣ, состоящей въ Орлѣ, вмѣсто Ангела, оба Апокалипсиса одной редакціи, но переводы того и другаго совершенно различные: въ моемъ, м. 22 [сн. 10], брошены на бѣлую бумагу только разрозненные элементы сюжета, а въ Музейномъ они сгруппированы въ ландшафтной обстановкѣ, м. 28 [сн. 39]. Стилизованные столбики въ видѣ архитектурныхъ или каллиграфическихъ колоннокъ, долженствующіе означать виноградъ въ моемъ Апок., м. 50 [сн. 22], принимаютъ видъ кустарника въ Музейномъ, м. 56 [сн. 48]. Паденіе Іоанна къ стопамъ Господа Бога по моему Апок. совершается въ безпредѣльномъ пространствѣ, которое означено для воображенія фономъ бѣлой бумаги, м. 3 [копія краск. 1], по Музейному—на пригоркѣ, на которомъ стоитъ I. X., поставивъ ногу на голову падшаго ницъ Іоанна, м. 3. Къ ангелу, созывающему птицъ, по моему Апок., тоже въ безпредѣльномъ пространствѣ, м. 66 [сн. 31], въ Музейномъ присовокупленъ

внизу ландшафтъ съ землею, на которой лежатъ люди, терзаемые птицами, м. 72. По моему Апок. ангелы съ фіалами летятъ по бѣлому полю бумаги, въ Музейномъ—ангелъ, стоя на землѣ, не только на нее же изливаетъ свой фіалъ, м. 59, но даже и на самое солнце, м. 61, для чего онъ только поднялся на гору.

Ландшафтность въ Музейномъ Апок. могла произойти не отъ одного только подновленія, но и на основаніи древняго преданія, такъ какъ она не только допускалась, но и была весьма распространена въ греческой и латинской иконографіи и особенно въ миніатюрахъ съ самыхъ раннихъ временъ; напр. въ греч. книгѣ Бытія V вѣка въ Вѣнской Библіот., въ греч. Псалтыри X в. въ Парижск. Публичн. Библіот. Изъ эпохи болѣе поздней см. въ Пражскомъ Апок. XIV в. миніатюру на л. 183 съ изображеніемъ ангела, который, какъ и въ Музейномъ, изливаетъ свой фіалъ, стоя на землѣ [сн. 265 б]. У насъ въ стѣнной иконописи Димитріевскаго собора во Владимірѣ-на-Клязьмѣ два ангела съ трубами стоятъ у подножія горы, одинъ трубитъ въ землю, а другой въ море *.

Для ландшафта нужны деревья; потому Музейная иллюстрація даетъ имъ гораздо больше мѣста, нежели моя, и они не съ срубленными стволами, а, какъ слѣдуетъ, коренятся на своей почвѣ. Но этимъ растеніямъ дается здѣсь видъ колоссальныхъ сравнительно съ другими фигурами травъ и цвѣтовъ, а также и грибовъ, и при этомъ безъ всякаго вниманія къ натуральности колорита, напр. съ красными стволами и синими вершинами, или на оборотъ съ синими стволами и красными вершинами, или же на красныхъ стволахъ зеленыя листья съ красными завитками. См. мм. 20, 25, 28, 47, 70 [снн. 37, 39, 56]. Такія стилизованныя формы растительности по стилю своему соотвѣтствуютъ средневѣковому орнаменту, каллиграфическому или скульптурному. Первоначально пошли онѣ отъ болѣе натуральнаго воспроизведенія природы, но мало-по-малу, по мѣрѣ искаженія античнаго изящества, усвоили себѣ этотъ условный стиль. Въ Бамбергскомъ Апок. X в., м. 50, Древо Жизни представлено въ стилизованной формѣ трехъ сучковъ, идущихъ отъ одного ствола, и на каждомъ по голу-

* Графа С. Г Строганова, Дмитріевскій Соборъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ [1194-1197]. Москва 1849. Табл. XVI.

бому грибу или зонтику съ красными подвѣсками изъ тонкой нити съ шарикомъ на концѣ. Такое же дерево, тоже съ подвѣсками, только грибъ принимаетъ форму колокольчика или наперстка, встрѣчается въ изображеніи Сотворенія міра и исторіи первыхъ человѣковъ, между фресками франц. церкви св. Савина XII в., см. сн. 258 а.

Существенное различіе по редакціямъ представляется между Музейнымъ Апок. и моимъ въ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ, извлекаемыхъ изъ иконографіи Господа Бога въ Музейной иллюстраціи. А именно.

I. X. съ бородою, въ крестномъ сіяніи, 7 разъ: мм. 1, 3—между семью свѣтильниками, 35—при Облачномъ ангелѣ, 48, 69 [сн. 55], 71—на конѣ, въ одномъ вѣнцѣ, а не во многихъ, 75—надъ Апостолами.

Еммануилъ, въ крестномъ сіяніи, 2 раза: мм. 38—по поясъ, благословляетъ Еноха и Илію, 41—при св. Женѣ и Зміи [сн. 44].

I. X. въ простомъ сіяніи 5 разъ: мм. 40, 54, 77—при отданіи мертвецовъ [сн. 58], 79—съ надписью ΙϹ. ΧϹ , въ Горнемъ Іерусалимѣ [сн. 59], 80—при рѣкѣ Воды Животной. Можетъ быть тоже I. X., въ простомъ же сіяніи, подъ сѣнію, при Водномъ ангелѣ, м. 60 [сн. 49].

Господь Саваоѳъ, въ угловатомъ сіяніи, изъ двухъ квадратовъ—синяго и краснаго, одинъ самъ по себѣ, встрѣчается дважды, въ мм. 11 и 12. Въ моемъ Апок. угловатое сіяніе не принято.

I. X. и Господь Саваоѳъ вмѣстѣ, одинъ разъ, м. 13 [копія краск. 4].

Агнецъ однажды, м. 14 [сн. 35], не съ семью очами, но съ семью рогами, расположенными гребнемъ. Безъ книги.

Въ мм. 13 и 48 замѣняетъ Агнца Іисусъ Христосъ.

Благословляющая десница 4 раза: мм. 19, 60 [сн. 49], 80 и 81.

Престолъ безъ сидящаго на немъ Господа Бога, дважды, въ мм. 24 [сн. 36] и 32 [сн. 41]. Эта святыня, извѣстная подъ именемъ Уготовленія [ἑτοιμασία] восходитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ византійской иконографіи еще въ мозаикахъ *,

* Подробности объ этомъ предметѣ см. Paul Durand, Étude sur l' Etimacia. Chartres et Paris 1867. Слич. изображенія 16-ое и 18-ое.

а у насъ удерживается до позднѣйшихъ временъ. Она должна была занимать мѣсто въ Апокалипсисѣ особенно потому, что въ текстѣ Откровенія очень часто не называется Господь Богъ по имени, а только указывается на Его таинственное пребываніе въ томъ или другомъ видѣніи. Потому этимъ Уготовленіемъ редакція Музейной иллюстраціи существенно отличается отъ моей, въ которой оно не принято; но редакціею Филаретовско-Чудовскою усвоено.

Крылатыя колеса, коихъ нѣтъ въ моемъ Апок., встрѣчаются здѣсь нѣсколько разъ; см. мм. 1, 14 [сн. 35], 54. Они приняты и въ другихъ редакціяхъ.

Въ одѣяніи Господа Бога и ангеловъ приняты оба наряда, и античный изъ туники съ тогою, особенно у ангеловъ, и византійскій, царственный изъ подира, или стихаря, съ полосами и бармами. Ангелы обыкновенно одѣты въ красное съ синимъ, и съ желтыми крыльями, какъ исключеніе—съ бѣлыми, м. 71. Иногда они задрапированы отъ шеи до ногъ, какъ въ моемъ Апок., напр. въ мм. 49, 51.

Сіяніе обыкновенно желтое, т. е. золотое, но, какъ архаизмъ, иногда допущено и цвѣтное: у І. Х. розовое, или свѣтло-пурпуровое въ м. 79, красное въ м. 80—оба простыя; у ангеловъ, ѣдущихъ на коняхъ—красное въ м. 71.

Величавое спокойствіе, наблюдаемое въ нашей иконописи въ типахъ Господа Бога, нарушается здѣсь иногда поворотомъ въ сторону, какъ напр. въ изображеніи Іисуса Христа въ мм. 35 и 54.

Кресты, именно на церквахъ, приняты двоякой формы: и четвероконечные въ мм. 4, 5, 8, и осмиконечные въ м. 7, иногда церкви и безъ крестовъ.

Печать Бога живаго ангелъ полагаетъ осмиконечнымъ крестомъ, м. 22, такъ же какъ и въ моемъ Апок., м. 19.

Изъ прочихъ иконографическихъ типовъ сходны въ Музейной иконографіи съ принятыми въ моей:

Іоаннъ Богословъ, м. 2 [сн. 32]; только по ошибкѣ здѣсь онъ въ крестномъ сіяніи.

Илія и Енохъ въ своихъ обычныхъ иконописныхъ подобіяхъ, мм. 36 и 38.

Великій Змій, мм. 41 [сн. 44], 43, 45.

Первый Звѣрь двоякаго вида: или какъ есть—неодѣтый, м.

44, или одѣтый въ тунику, мм. 45, 52 [сн. 46]; но соотвѣтствіе между нимъ и Антихристомъ при м. 47 не выражено, какъ въ моемъ Апок., мм. 40 и 41. Впрочемъ, въ омраченномъ царствѣ сидитъ на престолѣ царь, т. е. Антихристъ, м. 62, какъ въ моемъ, м. 57 [сн. 25], а не Звѣрь, какъ въ Соловецкомъ юсовомъ, м. 49 [копія краск. 5].

Короны у Змія и Перваго Звѣря, въ отличіе отъ моего Апок., помѣщаются только на двухъ верхнихъ главахъ, а не на каждой изъ семи. мм. 44, 45.

Демонъ грома и молніи, а также и разрушенія вообще, летитъ на крыльяхъ, м. 41 [сн. 44]; въ моемъ тотъ же типъ, только безъ крыльевъ, м. 32 [сн. 15].

Олицетвореніе Моря въ женской фигурѣ, м. 77 [сн. 58].

Первый изъ четырехъ апокалипсич. Всадниковъ отличается позднѣйшимъ костюмомъ. Онъ въ венгеркѣ со шнурами, м. 15, такъ же какъ и въ моемъ Апок. м. 12.

Существенное дополненіе къ моему Апок. предлагаютъ, какъ уже замѣчено выше, слѣдующіе типы: Вражьи Всадники на чудовищахъ, м. 33 [сн. 42]; Гогъ и Магогъ на коняхъ, м. 63 [сн. 50]; Пруги въ двоякомъ типѣ: въ м. 29 они пернатые, а въ 31 [сн. 40]—чудовища съ человѣчьими головами—одного происхожденія съ типомъ, принятымъ въ средніе вѣка на западѣ, какъ напр. въ фрескахъ франц. церкви св. Савина [сн. 258 б]; и наконецъ олицетвореніе воздуха въ видѣ царя, м. 65 [сн. 52].

Полатное письмо новѣе, чѣмъ въ моемъ Апок., и не такъ разнообразно, напр. въ архитектурѣ храмовой, мм. 4-9 [сн. 33], въ моемъ м. 4 [сн. 2]. Впрочемъ, Горній Іерусалимъ изображенъ не съ наружной стороны, а со внутренней, м. 79 [сн. 57], какъ и въ моемъ, м. 72; а по столпамъ или башнямъ подходитъ къ стилю въ мм. 71 и 78 моего юсоваго [снн. 95 и 96].

Престолы, или сѣдалища употребляются, и безъ спинокъ, м. 75, и со спинками, м. 36.

Что касается до утвари, то въ ней хотя и наблюдается иногда древнее преданіе, какъ напр. толстота книги, м. 12, высокія подошвы у сапоговъ, мм. 4-9 [сн. 33]; ангелъ связываетъ Змія не цѣпью, а ремнемъ, м. 74, какъ въ моемъ Апок. м. 67, согласно съ Бамбергск. Апок. X в., м. 47; сосуды древней

формы въ мм. 27 и 67 [снн. 38 и 53], но не такой, какъ въ моемъ, въ мм. 21 и 63 [снн. 9 и 29]. Но вообще же замѣчается подновленіе. Такъ короны встрѣчаются только двоякаго сорта, шапками и городами, а древней формы, съ прямымъ обрѣзомъ, напоминающей корону персидскую—уже нѣтъ. Фіаловъ въ видѣ рога, какъ въ моемъ Апок., мм. 54, 57 [снн. 23 и 25], въ Музейномъ тоже нѣтъ, но еще удержана форма высокаго стакана, какъ обрѣзъ рога, въ тѣхъ фіалахъ, которые несутъ ангелы въ рукахъ, м. 57, какъ въ моемъ, мм. 48, 58 [сн. 26]; когда же изъ нихъ льютъ, то иногда по формѣ они согласны съ принятыми въ моемъ, съ донышками, м. 59, какъ въ моемъ м. 52, иногда же—съ двумя ручками внизу, приспособленными только на то, чтобы изъ нихъ выливать, держа отверстіемъ внизъ, но уже не ставить, м. 60 [сн. 49], именно въ той же формѣ, какая принята въ редакціи Подноснаго экземпляра МДА. № 14, XVII в., м. 48 [сн. 175 в]. У Вавилонской Любодѣицы въ рукѣ сосудъ въ упомянутой выше формѣ стакана, м. 66.

Въ моемъ Апок. вовсе нѣтъ кадильницъ, а есть только фіалы для ѳиміама въ видѣ чашки, м. 11; въ Музейномъ апокалипсич. Старцы держатъ кадильницы съ ручками, м. 13 [копія краск. 4].

Иногда одинъ и тотъ же типъ принятъ и въ древнемъ его видѣ, и въ подновленномъ. Смерть въ м. 30 съ пустыми руками, какъ въ моемъ Апок., мм. 15 и 23 [снн. 7 и 11], а въ м. 18 уже стрѣляетъ изъ ружья. Облачный ангелъ въ м. 35 одѣтъ въ свои обычныя ризы, какъ въ моемъ Апок. мм. 27 [сн. 12] и 28, а въ м. 34 [сн. 43]—въ одеждѣ изъ облаковъ.

Изъ опущеній слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Третій изъ четырехъ апокалипс. Всадниковъ безъ мѣрила, или вѣсовъ, м. 17; пустыня безъ св. Жены, которая должна бы въ ней скрываться, м. 43, тогда какъ въ моемъ Апок.—съ св. Женою, м. 36 [сн. 17]; наконецъ м. 42 [сн. 45] вовсе не докончена.

Рисунокъ въ Музейномъ Апок. грубѣе, чѣмъ въ моемъ, и неряшливѣе, мельче въ размѣрѣ и толще въ очеркахъ. Но въ композиціи, кромѣ указаннаго выше, представляетъ слѣды изящества своего оригинала.

Встрѣчается скульптурный пріемъ въ постановкѣ фигуры на пьедесталѣ, имѣющемъ форму плиты или скамейки. Такъ

ангелъ стоитъ на такомъ пьедесталѣ, утвержденномъ на двухъ вершинахъ скалы, м. 22; также на пьедесталѣ I. X., м. 48.

Ангелъ Облачный держитъ въ рукахъ радугу, надъ головою, какъ античная фигура покрывало, м. 34 [сн. 43]. Слич. Ночь въ греч. Псалтыри X в. [сн. 249].

О затѣйливой стилизаціи въ ландшафтѣ было уже сказано выше. Въ добавленіе укажу здѣсь на стилизованный конецъ хвоста у Перваго Звѣря въ формѣ красной лиліи, м. 37.

Изъ художественныхъ пріемовъ господствуетъ самый элементарный, именно симметрія, особенно въ стилизаціи неба. Онъ же даетъ характеръ орнамента: симплегмѣ двухъ апокалипсич. чудовищъ. м. 64 [сн. 51], а также Звѣрю, на которомъ сидитъ Вавилонская Любодѣица, м. 66, и группѣ, состоящей изъ Ада, Смерти и Моря, которые отдаютъ мертвецовъ, м. 77 [сн. 58].

Симметрическую стройность рисунку въ миніатюрахъ съ упомянутыми выше фигурами Облачнаго ангела и Іисуса Христа, мм. 34 [сн. 43] и 48, придаетъ арка стилизованнаго неба, подъ которою они стоятъ, и особенно I. X, какъ изваянный монументъ, на пьедесталѣ.

Соотвѣтственно грубому рисунку и колоритъ бѣдный, изъ грубыхъ цвѣтовъ синяго съ зеленымъ и желтаго съ краснымъ, а иногда розоваго. Особенно тяжело сочетаніе въ перемежку синяго и зеленаго съ краснымъ для стилизованнаго неба.

Монохромы такъ же господствуютъ, какъ и въ моемъ Апок. А именно: въ бѣломъ монохромѣ: Господь Саваоѳъ мм. 11 и 12; I. X. и Господь Саваоѳъ вмѣстѣ м. 13, Агнецъ м. 14; I. X. м. 35, олицетвореніе воздуха м. 65; въ зеленомъ—демонъ грома и молніи м. 41, падшіе ангелы м. 42, Вторый Звѣрь м. 46, дьяволы м. 53; въ красномъ—фигуры въ дымѣ мученія м. 52, Любодѣица въ пламени м. 69, поверженные въ озеро огненное м. 73.

Приведенная мною м. 13 въ 4-ой копіи красками достаточно показываетъ, до какой степени грубое сочетаніе колеровъ съ бѣлымъ монохромомъ Господа Саваоѳа и Іисуса Христа можетъ привести къ удовлетворительнымъ результатамъ въ воспроизведеніи суроваго величія и строгости, соотвѣтственно таинственнымъ и страшнымъ видѣніямъ Откровенія.

1) I, 1. Вверху сѣрозеленый ореолъ, окруженный синею полосою; окрестъ съ четырехъ сторонъ въ красныхъ углахъ по символическому животному. Въ ореолѣ I. X., въ крестномъ сіяніи, возсѣдаетъ на лучахъ, съ открытою книгою, въ коей писано: *пріидите благословеніи*; ноги постановилъ на два крылатыя колеса.—Внизу на землѣ стоитъ ангелъ и вручаетъ Іоанну книгу.

2) I, 9 [сн. 32]. Іо. на островѣ Патмосѣ сидитъ на окраинѣ пещеры; по лицу, одѣянію и позѣ во всемъ сходенъ съ изображеннымъ въ м. 2 моего Апок. ран. ред., даже рукавъ на лѣвой рукѣ спущенъ, какъ тамъ; только отличается крестнымъ сіяніемъ, необычнымъ для Іо. Сверхъ того вверху, въ правомъ углу секторъ зеленаго неба, съ зелеными же клинообразными лучами, изъ коихъ середніе перемкнуты шаромъ. Это гласы и силы благодати, нисходящіе на Іо. По зеленому сектору идетъ красная полоса, отдѣляющая завитки облаковъ отъ звѣзды. Слич. подобный этому секторъ небеснаго круга, а также стилизованные лучи божественныхъ силъ въ Бамбергскомъ Апок. X в. мм. 1 и 42.—Этого неба во 2-ой м. моего Апок. нѣтъ.

3) I, 10-17. Между семью свѣтильниками стоитъ на пригоркѣ I. X., постановивъ правую ногу на главу падшаго ницъ Іо. Отъ лица его исходитъ мечъ; въ правой рукѣ держитъ шаръ съ семью звѣздами и ключъ, свѣсившійся на ремешкѣ.—Вверху сѣрое небо, обведенное снизу зеленою полосою.

4-9) II и III [сн. 33]. Посреди полатнаго письма, довольно изящнаго, но по стилю позднѣе, чѣмъ въ моемъ Апок. м. 4, стоятъ на каждой м. по ангелу, во вратахъ церкви, а одинъ, въ м. 9, отходитъ отъ воротъ. Ихъ всего шесть, такъ какъ миніатюры съ Церковью Сардійскою недостаетъ. Каждый изъ нихъ въ одной рукѣ держитъ развернутый свитокъ безо всякаго на немъ письма, другую же руку протянулъ съ раскрытою ладонью. На Церквахъ четвероконечные кресты, въ мм. 4, 5 и 8, однажды осмиконечный, въ м. 7, а въ мм. 6 и 9 вовсе безъ крестовъ. Вверху ничего нѣтъ, ни даже неба. Нѣтъ также и Іо.

10) IV, 2. Ангелъ, обнявъ Іо., правой рукой ведетъ его по землѣ, указывая вверхъ пальцемъ протянутой лѣвой руки, въ объясненіе текста: «абіе быхъ въ дусѣ». Переводъ тотъ же, что̀ въ моемъ Апок. м. 5 [сн. 3], съ тою только разницею, что

въ этой послѣдней земли нѣтъ, и ангелъ указываетъ не пальцемъ, а раскрытою ладонью.

11) IV, 1-11. Въ синемъ ореолѣ, наполненномъ херувимами, возсѣдаетъ въ небѣ безъ престола Господь Саваоѳъ съ книгою, между двумя половинками желтыхъ дверей. Онъ весь бѣлый, и только угловатое сіяніе раскрашено въ перемежку синими и красными углами. Подъ ореоломъ семь свѣтильниковъ; ниже по обѣимъ сторонамъ сидятъ на престолахъ Старцы, изъ коихъ передніе на правой сторонѣ горизонтально протягиваютъ правыя руки съ раскрытою ладонью, а на лѣвой—лѣвыя. На Старцахъ короны двухъ видовъ, какъ принято и въ другихъ редакціяхъ: шапкою и съ городами. Въ моемъ Апок. этотъ сюжетъ раздѣленъ на двѣ мм., 6 и 7.

12) V, 2-4 [сн. 34]. Вверху въ зеленомъ ореолѣ, съ синею полосою и красными углами, на радугѣ возсѣдаетъ Господь Саваоѳъ съ книгою, которую онъ высоко держитъ въ правой рукѣ; тоже весь бѣлый, только углы сіянія въ перемежку синіе и красные. Внизу толпа народа, а надъ нею по поясъ поднимается фигура ангела. Эта нижняя половина одной редакціи съ м. 9 моего Апок. [сн. 5], только менѣе изящна и подновлена, напр. въ способѣ, какъ закутаны драпировкою руки у нѣкоторыхъ изъ фигуръ.

13) V, 7-10 [копія краск. 4]. И ореолъ и все небо съ облаками синіе, только углы съ четырьмя символич. животными красные. Въ ореолѣ стоятъ совсѣмъ бѣлые, т. е. нераскрашенные, Господь Саваоѳъ и I. X., принимающій отъ него книгу. Сочетаніе синяго съ краснымъ и бѣлымъ даетъ этой части характеръ суровый. Внизу склоняются съ престоловъ Старцы, съ открытыми головами, и съ кадильницами въ рукахъ; коронъ около нихъ нѣтъ. Одѣты они въ синія и красныя одѣянія. Заслуживаетъ здѣсь вниманія замѣна Агнца Іисусомъ Христомъ. Слич. въ Альтамировскомъ Апок. XII в. м. 11, въ которой такимъ же образомъ два ангела, стоя рядомъ, держатъ одну книгу.

14) V, 6. 12 [сн. 35]. Въ зеленомъ ореолѣ, окруженномъ синею полосою съ ангелами, а по сторонамъ съ красными символич. животными, стоитъ на красномъ престолѣ бѣлый Агнецъ съ семью клинообразными рогами, въ перемежку—синими и красными, въ простомъ сіяніи, но число глазъ натуральное,

не умноженное до семи. Книги на престолѣ нѣтъ. Надъ Агнцемъ въ ореолѣ два крылатыя колеса: на каждомъ крылѣ по одному глазу. Хотя эта м. по редакціи сходствуетъ съ м. 10 въ моемъ Апок., но по переводу древнѣе и типичнѣе ея.

15-18) VI, 2-8. На каждой м. только по всаднику, безъ неба и другихъ подробностей. Всѣ они подновлены. Первый всадникъ въ коронѣ и съ лукомъ, въ синей венгеркѣ со шнурами и въ красной мантіи. Второй—съ открытою головою, съ копьемъ; третій тоже съ открытою головою, но безъ вѣсовъ: этотъ недосмотръ представляетъ исключеніе изъ всѣхъ хорошихъ редакцій Лицеваго Апок. Наконецъ Смерть, съ головою обыкновенною, а не съ черепомъ, только руки и ноги тонки, на клячѣ безъ сѣдла, съ кошелемъ, наполненнымъ смертоносными орудіями, съ косою на плечѣ и съ ружьемъ въ рукахъ, изъ котораго она стрѣляетъ, обращаясь назадъ: очевидный признакъ позднихъ редакцій.

19) VI, 9-11. Той же редакціи, что̀ и м. 16 въ моемъ Апок.; такъ же на жертвенникѣ лежатъ три бѣлые черепа, только жертвенникъ красный, а не желтый; такъ же къ нему подходятъ фигуры, только бѣлое ихъ одѣяніе кое-гдѣ обагрено кровію мученическою; такъ же надъ ними благословляющая рука, только не изъ небеснаго сектора, а изъ стилизованнаго облака съ клинообразнымъ сіяніемъ и съ точками, означающими звѣзды.

20) VI, 12-17. Вверху два ангела держатъ по сторонамъ свитокъ синяго неба съ красными солнцемъ и луною, въ дискахъ коихъ начертано по лицу. Внизу го́ры; въ двухъ пещерахъ скрываются люди. Той же редакціи, что̀ и м. 17 въ моемъ Апок., только между солнцемъ и луною большая звѣзда въ черномъ абрисѣ изъ линій и точекъ, а по бокамъ ея по стилизованному облаку съ клиньями; сверхъ того на горѣ деревья, писанныя черниломъ въ стилизованной формѣ травъ и цвѣтовъ.

21) VII, 1-2. По четыремъ угламъ земли написаны четыре ангела въ красныхъ одѣяніяхъ; каждый держитъ обнаженную фигуру Вѣтра, крылатую, съ трубою, розоваго цвѣта. Посреди ихъ еще ангелъ. Той же редакціи, что̀ и м. 18 въ моемъ Апок., только все это писано на охряномъ грунтѣ земли, которая окружена синею полосою моря; тогда какъ въ моемъ Апок. безъ означенія земли и моря, а просто на бѣломъ полѣ бумаги.

22) VII, 2-4. На двухъ вершинахъ скалы стоитъ ангелъ на четвероугольномъ подножіи; держитъ крестъ о восьми концахъ. Изъ подъ горы подходятъ къ ангелу толпою люди; впереди ихъ царь въ коронѣ.

23) VII, 4-17. Вверху по синему фону въ ореолѣ возсѣдаетъ I. X. въ крестн. сіяніи: подъ Нимъ въ небѣ же съ обѣихъ сторонъ преклонились къ его ногамъ ницъ два ангела. Внизу стоитъ толпа; посреди ея царь въ коронѣ.

24) VIII, 1-6 [сн. 36]. Эта м., соотвѣтствующей коей нѣтъ въ моемъ Апок., безъ сомнѣнія, относится къ ранней редакціи. Вверху въ синемъ ореолѣ красный престолъ; надъ нимъ херувимъ. Кругомъ по синей же полосѣ семь ангеловъ въ красныхъ одеждахъ, съ трубами. Углы красные. Внизу ангелъ возжигаетъ кадило, потомъ онъ же подходитъ къ жертвеннику, надъ коимъ киворій, или сѣнь. И жертвенникъ и киворій красные.

25) VIII, 7 [сн. 37]. Эта м. служитъ также къ воспроизведенію ранней редакціи, дополняя мой Апок., въ коемъ соотвѣтствующаго этому рисунку нѣтъ. Ангелъ съ трубою писанъ по буросинему небу съ краснымъ солнцемъ. Внизу на горахъ, вмѣсто деревьевъ, только колоссальные травы и цвѣты, изъ коихъ средній въ видѣ гриба долженъ означить развѣсистое дерево, а лѣвый—дерево же съ вѣтвями вверхъ: у обоихъ красные стволы и синія вершины; направо же большой букетъ вовсе не раскрашенъ, оставленъ въ черномъ очеркѣ, какъ въ приложенномъ снимкѣ. Въ стилизаціи этой миніатюры очевидны слѣды глубокой древности, какъ показано въ введеніи къ этому Апок.

26) VIII, 8-9. Кверху тоже, т. е. ангелъ съ трубою по буросинему небу, съ краснымъ солнцемъ. Внизу море съ кораблями и рыбами. Посреди горящая масса горы, высоко поднимающая свое пламя и покрывающая имъ на половину все море. Соотвѣтствующаго этому рисунку въ моемъ Апок. опять нѣтъ.

27) VIII, 10-11 [сн. 38]. По синему небу съ желтымъ солнцемъ писанъ ангелъ въ красномъ одѣяніи съ желтыми крыльями. Внизу по желтой землѣ рѣка синяя, съ двумя синими же притоками. У рѣки толпа; передняя фигура, можетъ быть, женская, засучивъ по локоть рукавъ, черпаетъ воду сосудомъ

не той древней формы, какъ въ моемъ Апок., м. 21 [сн. 9]. На рѣку падаетъ звѣзда Апсинѳосъ, розоваго цвѣту, по принятому въ этомъ Апок. рисунку для звѣздъ. Въ этой миніатюрѣ уже утраченъ ранній, архаическій и символическій стиль, который замѣченъ нами въ соотвѣтствующемъ ей рисункѣ моего Апок., м. 21 [сн. 9].

28) VIII, 12-13 [сн. 39]. Эта м., одной редакціи съ м. 22 моего Апок. [сн. 10], основана на текстѣ: *и видѣхъ и слышахъ единому орлу посреди ренимате* [въ моемъ Ап. *ранимате*] *парящу и глаголюще великимъ гласомъ*, согласно по редакціи съ принятымъ въ моемъ Апок., т. е. вмѣсто *ангела* читается *орелъ*. Но переводъ рисунка другой: разрозненнымъ фигурамъ, брошеннымъ по бѣлому полю бумаги, какъ начертано въ моемъ Апок.—здѣсь дана обстановка ландшафтная, съ синимъ небомъ, на которомъ красное солнце и желтая луна, а между ними ангелъ съ трубою; внизу же желтыя горы; на нихъ налѣво колоссальное растеніе на синемъ стеблѣ съ краснымъ цвѣткомъ; направо надъ горою поднимается орелъ, писанный только чернильнымъ очеркомъ, съ хохломъ въ видѣ короны. Слич. короны на орлахъ въ моемъ Апок. ранней ред., м. 66 [сн. 31].

29) IX, 1-5, 11. Вверху такъ же, какъ въ предшествующей м. Внизу рисунокъ той же редакціи, что̀ и въ моемъ Апок. м. 24 [копія краск. 2]. Посреди стоитъ Студенецъ Бездны, той же шестиугольной формы; такъ же нѣтъ ключа; около Студенца въ томъ же пернатомъ типѣ, съ двумя крыльями, Пруги, и тоже только три фигуры, но не зеленыя, а красныя. Направо стоитъ Аваддонъ, или Аполліонъ, въ томъ же типѣ крылатаго человѣка, такъ же обнаженъ и о чреслахъ препоясанъ, только не желтый, а бѣлый, лѣвой рукой держитъ на плечѣ такое же скривленное орудіе, только правая протянута впередъ, а не съ трубою, какъ въ моемъ Апок. Но короны на Пругахъ и Аваддонѣ формы позднѣйшей, изъ листовъ съ углами. Въ Пругахъ здѣсь представлено не апокалипсическое ихъ подобіе, согласное съ текстомъ, а вообще животныя, которыя должны въ колоссальномъ видѣ означать саранчу или кузнечиковъ. Такъ и въ Альтамировскомъ Апок. XII в. въ м. 52 представлены только колоссальные скорпіоны, въ отличіе отъ апокалипсическаго подобія ихъ, которое предложено въ м. 53.

30) IX, 6. Той же редакціи, что̀ и въ моемъ Ап. м. 23 [сн.

11]. Передъ толпою идетъ Смерть, такъ же съ пустыми руками, такъ же согнула правую руку. Сходство въ редакціи усиливается еще и тѣмъ, что сюжеты съ Пругами и Смертью, соединяемые по другимъ редакціямъ въ одной миніатюрѣ, здѣсь, какъ и въ моемъ Апок., раздѣлены на двѣ мм., 24 и 23.

31) IX, 7-10 [сн. 40]. Стадо Пруговъ. Во всемъ отличаются отъ тѣхъ, которые на м. 29 окружаютъ Студенецъ Бездны. Идутъ они по зеленому полю, одни красные, другіе желтые, но головы не раскрашены; короны желтыя; хвосты оканчиваются красными змѣиными головами: типъ, во всемъ сходный съ принятымъ во фрескахъ франц. церкви св. Савина [сн. 258 б] XII в., только человѣческія лица въ профиль, а не съ лица, какъ во франц. фрескахъ. Эта м. предлагаетъ существенное дополненіе къ моему Апок. Она составляла необходимую принадлежность редакціи, въ отдѣлѣ, означенномъ въ обѣихъ этихъ рукк. подъ рубрикою: *Подобія пругомъ*, по моей рукописи, или *Уподобленія пругомъ*, по Музейной; но въ моей эта миніатюра пропущена, а въ Музейной она сохранилась отъ первоначальной редакціи, согласной въ этомъ случаѣ съ Альтамировск. Апок. XII, м. 53, которая въ томъ же самомъ типѣ предлагаетъ четверыхъ Пруговъ, сверхъ упомянутыхъ выше колоссальныхъ скорпіоновъ, или, какъ здѣсь, пернатыхъ животныхъ, м. 29.

32) IX, 13-15 [сн. 41]. Вверху два ореола, оба зеленые; въ каждомъ по красному престолу, или жертвеннику. Направо престолъ съ книгою, около ангелъ съ трубою; налѣво—пустой, подъ сѣнію, или киворіемъ. Надъ жертвенникомъ паритъ херувимъ. Этотъ лѣвый ореолъ по зеленому покрытъ краснымъ четвероугольникомъ, упирающимся въ синюю полосу, которая окружаетъ ореолъ, а изъ-подъ синей полосы окрестъ выходятъ четыре угла, красные, какъ бы отъ другаго четвероугольника, подложеннаго подъ круглый ореолъ. Такимъ образомъ два четвероугольника, наложенные одинъ на другой, крестъ-на-крестъ углами, представляютъ какъ бы угловатое сіяніе, какъ и въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 65 [сн. 30], принятое для Господа Саваоѳа и нѣкоторыхъ другихъ типовъ. Эта верхняя часть составляетъ особенность описываемой рукописи; что же касается до нижней, то она той же редакціи и того же состава, какъ цѣлая м. 25 моего Апок., изображающая разрѣ-

шеніе четырехъ ангеловъ на рѣкѣ Евфратѣ. Передъ ангеломъ четыре фигуры, изъ коихъ только передняя съ крыльями и въ сіяніи. Ангелъ беретъ ее за руку, т. е. разрѣшаетъ отъ узъ. Въ моемъ Апок. ангелы, связанные при Евфратѣ, всѣ безъ сіянія.

33) IX, 17 [сн. 42]. По красному полю скачутъ всадники въ зеленыхъ кольчугахъ, безъ оружія, но въ коронахъ, на желтыхъ львахъ. Изъ устъ всадниковъ и изъ львиныхъ пастей пышетъ поломя. Эта м. служитъ дополненіемъ къ предполагаемой древней редакціи, соотвѣтствуя вышеописанной съ подобіями Пруговъ, м. 31. Тотъ же самый сюжетъ составляетъ особую миніатюру, 55-ю, и въ Альтамировск. Апок. XII: четверо всадниковъ ѣдутъ на чудовищахъ съ львиными головами. Слич. также въ Пражск. Апок. XIV в. стр. 99. Въ моемъ Апок. этому сюжету соотвѣтствуетъ м. 26-я, совсѣмъ другой редакціи.

34) X, 1-2 [сн. 43]. Въ представленіи Облачнаго ангела принята здѣсь редакція, существенно отличающаяся отъ моего Апок., мм. 27 [сн. 12] и 28. Ангелъ здѣсь одѣтъ уже въ облака, мелкіе завитки которыхъ даютъ видъ вывороченной шубы синяго цвѣта. Синее небо, пересѣкаемое зеленоватою полосою, посреди выгибается въ параллель синей же радугѣ, отороченной красными полосками. Ангелъ держитъ радугу за оба ея конца, будто покрывало, развивающееся надъ головою, какъ это принято въ античныхъ фигурахъ, усвоенныхъ византійскою иконографіею для аллегорическихъ сюжетовъ, напр. Ночь въ греч. Псалтыри X в. [сн. 249] *. У ангела босыя ноги, а въ моемъ Апок.—въ сапогахъ. Верхняя часть этой м. замѣчательна по симметрическому расположенію.

35) X, 10. Вверху въ синемъ ореолѣ на красномъ престолѣ сидитъ I. X. въ крестномъ сіяніи, весь бѣлый, обратился въ бокъ, лѣвую ладонь простеръ, десницею благословляетъ. Ореолъ на красномъ небѣ, покрытомъ полосами синихъ облаковъ, которыя въ свою очередь перерѣзываются полосою зеленою, а посреди выемка краснаго цвѣта. Внизу Облачный ангелъ, но одѣтъ въ своихъ обычныхъ ризахъ, какъ и въ моемъ Апок., мм. 27 и 28, босоногій, стоитъ правою ногой на морѣ,

* Слич. тоже *Ночь* въ миніатюрѣ, изображающей Пророка Исаію, въ той же рукописи Парижск. Публ. библ. Снимокъ см въ моей монографіи о русской иконописи, въ Сборникѣ Общ. Древнерус. Искус при Моск. Публ. Муз. 1866 г , стр. 63.

лѣвою на землѣ и подаетъ Іоанну книгу. Замѣчательно, что по типу ангела эта м., отличаясь отъ 34-ой. согласна съ моимъ Апок.

36) XI, 5. Безъ неба. На престолѣ сидитъ Антихристъ въ видѣ царя, въ коронѣ, исподняя риза красная, мантія синяя: позади его толпа людей. Противъ него стоятъ Енохъ и Илія, въ своихъ обычныхъ иконописныхъ типахъ: у Иліи волосы растрепаны; на немъ милоть. Ихъ обличеніе означено красными струями, исходящими изъ ихъ устъ къ Антихристу. Оба босые. Эта м., какъ и слѣдующія три: 37, 38 и 39, по редакціи отступаетъ отъ моего Апок., мм. 29, 30, 31.

37) XI, 7. Безъ неба. Изъ пещеры выходитъ красный Звѣрь, отличающійся здѣсь пушистымъ концемъ хвоста, будто красная линія, — и пожираетъ Илію, который упалъ на Еноха. По размѣщенію фигуръ отличается отъ м. 30 [сн. 13] моего Апок.

38) XI, 11. Вверху по синему небу, въ красномъ орсолѣ, верхняя часть коего отрѣзана верхнею линіею рамки миніатюры, выступаетъ по поясъ Еммануилъ, въ крестномъ сіяніи, обѣими руками благословляетъ стоящихъ внизу на землѣ Еноха и Илію.

39) XI, 12-13. Вверху синее небо, пустое, внизу съ овальною выемкою по срединѣ. Въ симметрическомъ размѣщеніи, къ этой выемкѣ снизу поднимаются въ облакѣ Енохъ и Илія, по поясъ. На землѣ сокрушается городъ, давя своими развалинами людей. Около стоитъ Антихристъ, въ видѣ царя, съ безбородымъ человѣкомъ, который указываетъ ему на возносящихся. Достаточно сравнить эту м. съ м. 31 [сн. 14] моего Апок., чтобы видѣть, какъ Музейн. Апок. въ нѣкоторыхъ рисункахъ отклонился уже отъ раннихъ иконографическихъ представленій и замѣнилъ ихъ новѣйшими переводами.

40) XI, 15-18. На бѣломъ фонѣ бумаги синій ореолъ съ синею же кругомъ полосою, по сторонамъ по два красныхъ угла, своими вершинами направленные книзу. Въ ореолѣ возсѣдаетъ на престолѣ І. Х., въ простомъ сіяніи, съ открытою книгою, десницею благословляетъ. Ниже по обѣимъ сторонамъ 24 Старца, съ обнаженными головами передъ Нимъ преклоняются. Около нихъ нѣтъ ни коронъ, ни престоловъ, на коихъ они

сидѣли. Соотвѣтствующаго этому рисунку въ моемъ Апок. нѣтъ.

41) XI, 19. XII, 1-6. [сн. 44]. Эта м. соотвѣтствуетъ въ моемъ Апок. тремъ мм.: 32, 33 и 34 [снн. 15 и 16]. Вверху по синему небу летитъ обнаженная фигура сѣрозеленаго цвѣта, съ крыльями, и трубитъ. Въ м. 32 [сн. 15] моего Апок. ей соотвѣтствуетъ такая же фигура, только безъ крыльевъ: но она летитъ отъ Кивота, въ коемъ красная фигура стихійнаго демона испускаетъ изъ устъ красную же молнію зигзагами, тогда какъ на Музейн. м. въ желтомъ храмѣ съ синими куполами и съ синей крышею находится въ обычной цвѣтной одеждѣ I. X. въ типѣ Еммануила, но въ крестномъ сіяніи. Такимъ образомъ, вмѣсто символической фигуры моего Апок., принятъ здѣсь Еммануилъ, въ качествѣ сына Св. Жены. Сама Жена стоитъ на киноварномъ солнцѣ безъ младенца, тогда какъ въ 33 м. [сн. 16] моего Апок. она удерживаетъ еще древне-христіанскій типъ временъ живописи катакомбъ. Типъ Великаго Змія тотъ же, что и въ моемъ Апок. м. 33, только безъ коронъ, какъ въ моемъ на м. 36 [сн. 17], но уже съ двумя ногами, а не безногій, какъ въ моемъ, и сверхъ того съ ушами и маленькими рожками. Высоко поднялъ онъ хвостъ для того, чтобы отторгнуть съ неба третью часть звѣздъ, тогда какъ въ моемъ Апок. онъ опускаетъ его для той же цѣли внизъ. На Св. Женѣ верхняя одежда и платъ на головѣ малиновые, исподъ синій. Змій пурпуровый.

42) XII, 7-8 [сн. 45]. Хотя типы и одежда ангеловъ, а также и низверженныхъ демоновъ, сходствуютъ съ изображенными въ м. 35 моего Апок.; но, вопервыхъ, оба перевода разные, потому что въ Музейной м. ангелы скачутъ одинъ за другимъ по небу, а дьяволы заключены уже въ черной пропасти, и число тѣхъ и другихъ ограничено, только по три фигуры, тогда какъ въ моемъ Апок. вверху по фону бѣлой бумаги группа изъ восьми ангеловъ, а внизу такая же группа дьяволовъ, высоко поднимающаяся надъ черною бездною; во-вторыхъ, Музейная м. не только сдѣлана неряшливѣе, но и не докончена: ни у ангеловъ, ни у дьяволовъ не написано оружіе, хотя положеніе рукъ указываетъ, что онѣ должны бы держать его, сверхъ того кони у ангеловъ безъ уздъ. Въ волосахъ ангеловъ нѣтъ діадимъ, но завитки кольчугъ на плечахъ

дьяволовъ такіе же, что̀ и въ моемъ Апок. Зеленоватый монохромъ адскихъ всадниковъ даетъ имъ видъ бронзовыхъ фигуръ.

43) XII, 14-16. Безъ неба. По фону желтой горы, пурпуровый Змій, безъ крыльевъ и безъ коронъ на семи его главахъ, какъ въ м. 41, изливаетъ воду синими потоками. Вверху надъ горою весь лѣвый уголъ, между линіями горы и верхней рамки, отдѣленъ изгибающеюся полосою жидкой киновари. Внутри этого четвероугольнаго пространства, описаннаго лѣвымъ угломъ рамки, оконечностями горы и сказанною полосою, поднимаются на горѣ два дерева съ зелеными стволами и такими же вершинами. Это пустыня, куда должна скрыться Св. Жена, но ея тамъ нѣтъ. Слич. огороженное пространство высоко надъ горою, тоже для пустыни, но съ Св. Женою, въ моемъ Апок., м. 36 [сн. 17]. Обѣ мм. очевидно одной редакціи.

44) XIII, 1-4. Безъ неба. Краснаго цвѣта Звѣрь, изрѣдка съ черными штрихами, съ семью рогатыми головами, изъ коихъ только двѣ верхнія въ коронахъ, стоитъ на четырехъ медвѣжьихъ ногахъ чернаго цвѣта. Той же редакціи, что̀ и въ моемъ Ап. м. 37.

45) XIII, 2. 14-16. Безъ неба. Великій Змій вручаетъ Первому Звѣрю посохъ свой власти. Змій пурпуровый, о двухъ лапахъ, безъ крыльевъ, какъ и прежде, о семи главахъ, изъ коихъ только верхняя въ коронѣ. Онъ на воздухѣ; длинный хвостъ поднялъ вверхъ высоко, почти въ уровень съ головою. Звѣрь сидитъ на красномъ престолѣ, лапы постановилъ на скамейку. По типу и одѣянію онъ вполнѣ сходствуетъ съ изображеннымъ въ м. 38 моего Апок. [сн. 18] и точно также отличается отъ типа, принятаго въ м. 44 [въ моемъ Апок. м. 37]. Именно: хотя у него семь зеленоватыхъ головъ, изъ коихъ двѣ верхнія въ коронахъ, но онъ одѣтъ такъ же, какъ и въ моемъ Апок., въ свѣтлозеленомъ одѣяніи, будто ряса, съ широкими рукавами, доходящими только до локтей. Отъ локтей до кисти виднѣется желтый подрясникъ съ узкими въ обтяжку рукавами и поручами. Верхняя одежда подпоясана такъ, что съ пазухи спускается къ животу тремя широкими фестонами, будто у него что-нибудь за пазухою лежитъ: характеристическая подробность, принятая и въ моемъ Апок., м. 38. На всѣхъ четырехъ лапахъ его когти. Передъ Звѣремъ

преклоняется толпа людей, помѣщенная подъ Зміемъ. Этой м. соотвѣтствуютъ въ моемъ Апок. двѣ, 38 и 39, той же редакціи [снн. 18 и 19].

46) XIII, 11. Подъ синими завитками облаковъ, внизу изъ желтой земли вылѣзаетъ Вторый Звѣрь, объ одной головѣ, весь зеленый. Передъ нимъ толпа людей, изъ коихъ передній протягиваетъ къ нему правую руку. По редакціи согласно съ м. 42 моего Апок.

47) XIII, 14-18. Безъ неба. Внизу желтая гора, спускающаяся съ правой стороны на лѣвую. Направо на горѣ стоитъ синее дерево съ краснымъ стволомъ; налѣво при подошвѣ горы стоитъ тотъ же Первый Звѣрь, что̀ въ м. 45, но обнаженный, весь бѣлый съ охряными оттѣнками, объ одной звѣриной головѣ съ длиннымъ краснымъ языкомъ; на лапахъ когти; на заднихъ ногахъ стоитъ, а въ переднихъ, какъ въ рукахъ, держитъ посохъ. Передъ нимъ стоитъ толпа людей, изъ коихъ переднему помазуетъ дьяволъ печать. Отъ части согласно по редакціи съ м. 40 моего Апок., но безъ соотвѣтствія этого Звѣря съ Антихристомъ, какъ это означено въ м. 41 моего же Апок.

48) XIV, 1-5. Подъ синею полосою неба съ овальною выемкою посреди, внизу на землѣ стоитъ I. X., въ крестномъ сіяніи, на пьедесталѣ, между двумя толпами людей; десницею благословляетъ, въ лѣвой рукѣ держитъ открытую книгу. По другимъ редакціямъ принято изображать здѣсь не I. X., а Агнца, согласно тексту: «се агнецъ стояше на горѣ Сіонстей»; но здѣсь сюжетъ взятъ изъ толкованія: «Агнецъ есть во истину Христосъ». Соотвѣтствующаго этому рисунку въ моемъ Апок. нѣтъ, и онъ, можетъ быть, относится къ ранней редакціи обѣихъ этихъ рукописей.

49) XIV, 6-7. Къ двумъ толпамъ, стоящимъ на землѣ, летитъ сверху ангелъ въ красномъ одѣяніи, съ закрытою книгою въ рукахъ. И самая поза ангела, летящаго слѣва на право, и драпировка, которая, узко спеленавъ ноги, оканчивается острымъ угломъ, указываютъ на одинаковую редакцію съ м. 43 моего Апок., хотя въ послѣдней только одна толпа стоящихъ, а не двѣ.

50) XIV, 8. Безъ неба. Только летитъ ангелъ, въ красномъ одѣяніи, и больше ничего; внизу красная полоса земли.

Вполнѣ согласно съ м. 44 моего Апок. [сн. 22], и руки ангела такъ же покрыты концами драпировки, спускающимися внизъ. Только въ моемъ Апок. нѣтъ земли.

51) XIV, 9. Подъ синею полосою неба летитъ надъ толпою такой же ангелъ, и такъ же драпированъ: только держитъ восьмиконечный крестъ, но не голыми руками, а покрытыми драпировкою. Внизу свѣтлозеленая земля. Въ моемъ Ап. только одинъ ангелъ по бѣлому полю бумаги, безъ креста, м. 45.

52) XIV, 9-11 [сн. 46]. Безъ неба. Звѣрь сидитъ на престолѣ съ посохомъ, въ такомъ же одѣяніи, что̀ и на м. 45, только съ узкими рукавами, и подпоясанъ безъ спусковъ пазухи; но объ одной головѣ, которая вовсе не раскрашена, а по бѣлому одѣянію наведены свѣтлосинія тѣни. Передъ нимъ по свѣтлозеленой землѣ преклоняется толпа людей въ красныхъ и синихъ одеждахъ. Надъ ними въ воздухѣ клубъ пламени съ мучащимися, написанными въ очеркахъ по красному фону огня. Той же редакціи, что̀ и м. 47 [сн. 21] моего Апок., особенно въ оригинальномъ представленіи дыма мученія, хотя и другой переводъ.

53) XIV, 12. Безъ неба. На бурозеленой землѣ передъ стоящимъ ангеломъ съ развернутымъ свиткомъ въ рукѣ преклоняется толпа людей. Ихъ побиваютъ зеленоватые дьяволы. Той же редакціи, что̀ въ моемъ Апок. м. 46, только, вмѣсто топоровъ, въ Музейномъ они держатъ палицы въ родѣ булавы.

54) XIV, 14-15. Безъ неба. Въ зеленомъ ореолѣ, окруженномъ синею полосою и съ красными углами окрестъ, сидитъ на радугѣ I. X., въ коронѣ и простомъ сіяніи; обратился въ сторону, въ лѣвой рукѣ держитъ серпъ, десницею благословляетъ; ноги постановилъ на два крылатыя колеса. Внизу стоитъ ангелъ передъ желтою церковью съ синими куполами и такими же главами, безъ крестовъ; протянулъ впередъ правую ладонь. Отличается по редакціи отъ соотвѣтствующей ей м. 48 моего Апок.

55) XIV, 17-18 [сн. 47]. Вверху по синему небу, обведенному снизу стилизованною полосою облаковъ, зеленоватая церковь съ желтыми башнями и такими же вратами; ангелъ, безъ серпа, обратился къ церкви. Внизу другой ангелъ, «имый область на огни», стоитъ между поднимающимся краснымъ пламенемъ изъ праваго угла и между краснымъ жертвенникомъ

подъ сѣнію съ синими столбами и розовымъ верхомъ. Соотвѣтствующая этой м. въ моемъ Апок. м. 49 другой редакціи.

56) XIV, 19-20 [сн. 48]. Той же редакціи, что́ и м. 50 [сн. 22] моего Апок. Та же форма точила, такъ же подошелъ ангелъ, нѣсколько наклоняясь; только вмѣсто стилизованныхъ столбиковъ срѣзываетъ онъ какой-то высокій и тонкій кустарникъ. Безъ всадника.

57) XV, 1-4. Вверху по синему небу идутъ ангелы въ бѣлыхъ ризахъ съ голубоватымъ отливомъ и съ желтыми крыльями, держатъ въ рукахъ фіалы, въ формѣ стакановъ съ разширеннымъ отверстіемъ, будто обрѣзанный рогъ; слич. въ моемъ Апок. мм. 48, 58 [сн. 26]. Внизу на облакахъ толпа играющихъ на гусляхъ, въ разноцвѣтныхъ одеждахъ. Въ этой м. соединено въ два ряда то, что̀ въ моемъ Апок. раздѣлено на двѣ мм., 51 и 52, какъ и въ Увар. Апок. половины XVII в. № 58, м. 42 [сн. 149], въ которой оба упомянутые ряда фигуръ перегорожены двумя линіями рамки. Слич. въ Инкунабулахъ XV в., Англосаксонской редакціи гравв. 56 и 57.

58) XV, 5-8. У церкви стоятъ ангелы, въ такихъ же ризахъ, какъ въ м. 57; у передняго фіалъ. Изъ сектора синяго неба выступило одно изъ символич. животныхъ, именно Левъ, держитъ въ лапахъ еще фіалъ, чтобы вручить другому ангелу. Въ моемъ Апок. нѣтъ миніатюры, соотвѣтствующей этой.

59) XVI, 2. Первый ангелъ стоитъ на желтой землѣ и льетъ на нее изъ своего фіала, и только. Въ моемъ Апок., м. 53, иначе; но сокращеніе сложнаго сюжета въ одной фигурѣ составляетъ одинаковую принадлежность обоихъ Апокк. Фіалъ въ видѣ чаши съ донышкомъ, какъ въ моемъ Апок., м. 52.

60) XVI, 4-7. [сн. 49]. По редакціи отличается отъ м. 55 [сн. 24] моего Апок. Третій ангелъ изливаетъ свой фіалъ. Внизу Водный ангелъ, не обнаженный, а въ одѣяніи, какъ и въ моемъ Апок., и такъ же со свиткомъ. Кругомъ его все пространство покрыто красною краскою, не только рѣки и источники, но и земля. Надъ нимъ изъ стилизованнаго сектора синяго неба съ облаками, гласами, сіяніями и свѣтилами, простерта благословляющая десница. Внизу налѣво за краснымъ жертвенникомъ и подъ красною же сѣнію стоитъ какая-то фигура, молитвенно простирающая руки, какъ бы подъ благо-

словеніе небесной десницы. Фигура эта по типу напоминаетъ I. X., но въ простомъ сіяніи; въ текстѣ соотвѣтствуетъ словамъ: «и слышахъ другаго отъ олтаря глаголюща: ей, Господи» и пр.; въ Румянц. Апок. XIII-XIV в.: *слышахъ олтарь глаголющь;* но по толкованію это долженъ быть I. X.: по тому же Румянц. Апок. *овогда олтарь Христа являетъ;* по Соловецк. юсовому: *овогда олтарь Христа сказуетъ.*

61) XVI, 8-9. Безъ неба. Четвертый ангелъ, стоя на горѣ, льетъ свой фіалъ на красное солнце. Внизу подъ нимъ толпа опаляемыхъ зноемъ. Въ моемъ Апок. ангелъ летитъ по воздуху, и льетъ изъ фіала не на солнце, а прямо на толпу, м. 56.

62) XVI, 10-11. Безъ неба. Пятый ангелъ льетъ свой фіалъ на царя въ коронѣ и на престолъ, на коемъ онъ сидитъ. Передъ царемъ стоитъ толпа людей. Въ моемъ Апок. м. 57 [сн. 25] другой редакціи, съ изображеніемъ омраченія, принятымъ и въ Солов. юсов. Апок., м. 49 [копія краск. 5].

63) XVI, 12 [сн. 50]. Шестый ангелъ льетъ фіалъ свой на двухъ всадниковъ, ѣдущихъ по розовому полю на желтыхъ коняхъ, безъ сѣделъ и уздъ. Это Гогъ и Магогъ, обнаженныя фигуры въ монохромѣ зеленовато-свѣтло-дикаго цвѣта, въ коронахъ, безъ оружія; на лапахъ ихъ ногъ и рукъ когти. Въ моемъ Апок. м. 58 [сн. 26] другой редакціи Музейная отличается такимъ же раннимъ характеромъ, какъ и моя.

64) XVI, 13 [сн. 51]. Вмѣсто многоличнаго, обстоятельнаго изображенія, соотвѣтствующаго тексту, какъ принято въ м. 59 [сн. 27] моего Апок., здѣсь предложенъ будто орнаментъ архаическаго стиля, состоящій изъ сочетанія Великаго Змія съ Первымъ Звѣремъ, въ красномъ монохромѣ. Это тоже самостоятельная редакція, очень ранняя, судя по стилю и энергичности краткаго намека на сложный сюжетъ, какъ бы сокращеніе 59-ой м. моего Апок., ограничившееся только двумя апокалипс. чудовищами, приведенными въ симметрическомъ орнаментѣ.

65) XVI, 17-21 [сн. 52]. Опять отличается редакціею отъ м. 60 [сн. 28] моего Апок. По синему небу желтая церковь съ красными архитравами и главою. Седьмый ангелъ, въ красномъ одѣяніи, льетъ свой фіалъ на воздухъ, или аеръ, олицетворенный въ видѣ царя, въ коротенькомъ кафтанѣ, стоящаго у

падающихъ стѣнъ Вавилона. Царь весь бѣлый, только его кафтанъ начинаетъ краснѣть отъ изливаемаго на него краснаго потока. Толпа въ разноцвѣтномъ одѣяніи. Олицетвореніе воздуха въ человѣческой фигурѣ слич. въ Hortus Deliciarum аббатиссы Геррады Ландсбергъ XII в [сн. 255].

66) XVII, 1-15. Безъ неба и безъ Іо. и ангела. На синемъ морѣ съ желтыми горами позади, на красномъ четвероногомъ Звѣрѣ съ семью главами, изъ коихъ только верхняя въ коронѣ, сидитъ Вавилонская Любодѣица, въ коронѣ же и въ красномъ одѣяніи, въ рукѣ держитъ, вмѣсто фигурнаго сосуда, небольшой стаканъ съ ободкомъ, бѣлый. Позади ея толпа въ коронахъ, изъ коихъ одна имѣетъ форму круглой шапки. Переводъ этой м. отличается отъ соотвѣтствующихъ ей въ другихъ редакціяхъ тою характеристическою особенностью, что апокалипс. Звѣрь, по обѣ стороны сидящей на немъ Блудницы, на одинаковую высоту поднимаетъ свою шею съ головами и свой длинный хвостъ, будто симметрическій орнаментъ въ заглавной буквѣ, или въ скульптурномъ прилѣпѣ.

67) XVII, 6 [сн. 53]. Вавилонская Любодѣица пируетъ за столомъ съ своими слугами, изъ коихъ на одной сторонѣ мужчины, на другой женщины. Вся храмина зеленоватая, отверстіе подъ фигурною вырѣзкою—красное; доска стола не раскрашена, а вся нижняя часть подъ доскою—желтая. Утварь на столѣ синяя, между прочимъ сосудъ древней формы; слич. въ моемъ Апок. мм. 21 и 63 [снн. 9 и 29]. Любодѣица въ красномъ одѣяніи, прочія фигуры въ красномъ и синемъ. Головы не раскрашены. Соотвѣтствующаго этому рисунку въ моемъ Апок. ранней ред. нѣтъ, но въ моемъ юсовомъ—есть, м. 47 [сн. 86].

68) XVIII, 1-2. 4. 21 [сн. 54]. Той же редакціи, что̀ и м. 62 моего Апок., съ тою только разницею, что тамъ одинъ ангелъ паритъ въ воздухѣ съ камнемъ, а здѣсь два ангела: одинъ съ жерновомъ, вмѣсто камня, величиною и крѣпостью «яко жерновъ», и другой ангелъ, который «возопи» о паденіи Вавилона; сверхъ того такой же жерновъ въ Музейной м. данъ безъ всякой надобности одному изъ дьяволовъ въ стѣнахъ разрушающагося Вавилона, тогда какъ въ моемъ Апок. онъ съ пустыми руками, и наконецъ въ моемъ же толпа праведниковъ выходитъ изъ вратъ Вавилона къ другой толпѣ, стоящей внѣ

города, а въ Музейномъ написана только эта послѣдняя толпа, выходящихъ же изъ воротъ, ни самыхъ воротъ вовсе нѣтъ. Обрѣзъ неба синій съ красною полосою. Въ полатномъ письмѣ только столпы и архитравы раскрашены желтымъ, краснымъ и синимъ, вся же середина дикаго цвѣта, по коему дьяволы писаны очерками. Внизу по желтой землѣ синее море съ краснымъ жерновомъ.

69) XIX, 1-7 [сн. 55]. Вверху ореолъ и все небо съ ангелами синее; кругомъ синяго ореола полоса пурпуровая, углы киноварные. I. X. въ крестномъ сіяніи, съ открытою книгой. Внизу преклонился народъ многъ, вопіющій аллилуіа. Въ желтой горѣ пропасть, надъ нею въ пламени Великая Лубодѣица, согласно съ редакціею Англосаксонскаго Апок. XII, которая у насъ удержалась до позднѣйшихъ временъ, именно въ Апок. Барсова XVIII ранней редакціи, м. 56 [сн. 237 г]; слич. въ моемъ юсовомъ мм. 60 и 62. Подробнѣе объ этой редакціи см. въ описаніи упомянутаго Апок. Барсова при названной м. 56. Въ моемъ Апок., м. 64, другая редакція, безъ Любодѣицы, только одно видѣніе небесное, безъ земнаго и грѣховнаго, окруженное ореоломъ.

70) XIX, 7-9 [сн. 56]. Небо синее, обведенное снизу красною полосою въ три арки. Дерева съ красными стволами, вѣтви въ видѣ листьевъ—зеленыя, завитки—красные. Св. Жена на желтомъ престолѣ, въ пурпуровомъ одѣяніи; Іо. въ синемъ, ангелъ въ красномъ. Нѣтъ стола съ утварью, принятою въ моемъ Ап., м. 63 [сн. 29] и въ другихъ редакціяхъ, и вообще эта Музейная м. по переводу отличается отъ моей, которая въ бо́льшей точности передается въ Соловецк. юсов., м. 56 [копія краск. 7] и въ Тихонр., м. 68 [сн. 159].

71) XIX, 11-16. Вверху по бѣлой бумагѣ розовый ореолъ съ красными углами окрестъ; въ ореолѣ вписанъ синій квадратъ, въ той же формѣ, какъ на м. 77; въ квадратѣ, на черномъ конѣ, а не на бѣломъ, какъ предписываетъ текстъ, возсѣдаетъ I X., въ его обыкновенномъ типѣ; въ обыкновенной коронѣ, а не «вѣнцы мнози», какъ въ текстѣ; въ крестномъ сіяніи краснаго цвѣта. Отъ лица Его исходитъ мечъ, который держитъ Онъ лѣвой рукою. Голова не раскрашена. Внизу по розовому полю на бѣлыхъ коняхъ ѣдутъ ангелы въ бѣлыхъ одеждахъ и съ бѣлыми же крыльями, а не съ желтыми, какъ

принято вообще въ этомъ Апок.; въ красныхъ сіяніяхъ, а не въ желтыхъ, какія въ немъ же даны имъ постоянно. И у І. Х., и у ангеловъ красныя сѣдла съ высокою лукою и спереди и сзади; безъ стременъ. Въ моемъ Апок. сюжетъ этотъ раздѣленъ на два листа, м. 65 [сн 30], и въ ореолѣ, вмѣсто одного квадрата, два, положенные крестъ-на-крестъ, какъ угловатое сіяніе Господа Саваоѳа, а І. Х. въ типѣ Еммануила, въ простомъ сіяніи.

72) XIX, 17-18. Вверху полоса синяго неба. Ангелъ стоитъ на красномъ солнцѣ съ свиткомъ въ лѣвой рукѣ. Къ нему летятъ птицы, синяя и двѣ свѣтло-зеленыя. Внизу по желтой землѣ лежатъ люди; къ нимъ подлетаютъ птицы и выклевываютъ имъ глаза. По редакціи родственна съ м. 66 [сн. 31] моего Апок., только подновлена въ стилѣ и съ прибавленіемъ лежащихъ людей.

73) XIX, 20. XX, 10, 14. XXI, 8 [сн. 57]. Безъ неба. Вверху четыре ангела стоятъ надъ огненнымъ озеромъ, направивъ въ глубь его свои копья. Надъ огнемъ по обѣ стороны по толпѣ людей въ цвѣтныхъ одеждахъ. Царь съ конемъ низвергается въ огонь: обѣ эти фигуры также еще раскрашены, а все остальное, что̀ писано ниже, очеркнуто только черниломъ по красному фону пламени, а именно: тотъ же царь, оба Звѣря, Первый и Вторый, Песьи-Головы, Адъ и обнаженныя фигуры мучащихся. Одной редакціи съ м. 68 въ моемъ Апок.

74) XX, 1-3. Вверху зеленая полоса неба. Внизу по желтой горѣ писана пещера; на черномъ ея фонѣ—го́ловы и туловище Змія, какъ въ моемъ Апок., м. 67. Къ нему подлетаетъ ангелъ, держа въ лѣвой рукѣ ключъ, а въ правой, вмѣсто цѣпи—ремень. Въ моемъ Апок. тоже ремень вмѣсто цѣпи, какъ и въ Бамбергскомъ X в., м. 47.

75) XX, 4. Вверху въ синемъ ореолѣ, обведенномъ розовою полосою съ красными углами и синими завитками облаковъ, возсѣдаетъ на желтомъ престолѣ І. Х. въ крестномъ сіяніи, съ раскрытою книгою; правую руку приложилъ къ груди. Внизу на желтыхъ же престолахъ, по обѣ стороны въ два яруса, сидятъ двѣнадцать апостоловъ съ непокрытыми головами; у каждаго по книгѣ. Съ той и другой стороны передніе изъ нихъ протягиваютъ раскрытыя ладони. Этотъ сюжетъ, какъ эпизодъ, вошелъ въ м. 72 моего Апок.

76) XX, 7. Безъ неба. По желтой землѣ въ черной ямѣ сидитъ черный Сатана, въ его обыкновенномъ типѣ. Это тотъ же Великій Змій, но «разрѣшенъ», какъ «сатана». Выше его направо черные же Гогъ и Магогъ въ желтыхъ коронахъ поднимаются надъ толпою людей.

77) XX, 11-13 [сн. 58]. Вверху по зеленоватому небу ореолъ того же цвѣта, окруженный розовою полосою; внутри, какъ и въ м. 71, квадратъ, только красный, по которому на бѣломъ престолѣ возсѣдаетъ I. X. въ простомъ сіяніи. Внизу желтая гора съ зеленымъ моремъ. Колоссальныя фигуры бѣлой Смерти и чернаго Ада держатъ саркофагъ съ мертвецами въ бѣлыхъ саванахъ. Между этими фигурами внизу изъ воды выступаетъ Море, въ видѣ обнаженной по чресла женщины въ коронѣ, надъ головой держитъ лодку съ мертвецами же въ бѣлыхъ саванахъ. Нижняя часть этой м. составлена изъ двухъ сюжетовъ, которые въ моемъ Апок. отдѣльно взяты и раздѣлены на двѣ мм., 71 и 73. Хотя переводы въ обоихъ этихъ Апокк. разные, но происхожденіе ихъ редакціи отъ одного ранняго источника не подлежитъ сомнѣнію. Существенное отличіе Музейной м. состоитъ въ верхней ея части, которой нѣтъ ни въ той, ни въ другой миніатюрѣ моего Апок.; сверхъ того, какъ указано въ своемъ мѣстѣ, м. 71, по ошибкѣ, соединяетъ олицетвореніе моря съ сюжетомъ миніатюры 62-ой.

78) XXI, 9. Іо. и ангелъ стоятъ на розовой землѣ.

79) XXI, 10-27 [сн. 59]. На желтой землѣ стоятъ Іо. и ангелъ съ тростью въ рукѣ. По архитектурѣ Горній Іерусалимъ отличается отъ принятаго въ моемъ юсов. Апок. XVI в., мм. 71, 78 [снн. 95 и 96], но столпы на углахъ такіе же, какъ въ м. 71. Средина полатнаго письма бѣлая, по которой на желтомъ престолѣ возсѣдаетъ I. X. въ вѣнцѣ и въ розовомъ простомъ сіяніи, въ цвѣтныхъ ризахъ, съ раскрытою книгою. Верхи бѣлыхъ стѣнъ обведены розовыми и синими полосами. Позади Іисуса Христа храмъ съ красною верхушкою и желтыми куполами; направо синяя башня и розовая сѣнь, налѣво зданіе съ желтымъ фасадомъ и синею боковою стороною. Соотвѣтствующаго этому рисунку въ моемъ Апок. нѣтъ; такъ что въ изображеніи Горняго Іерусалима Музейный Апок. служитъ дополненіемъ къ моему.

80) XXII, 1-2. Вверху по синему небу ореолъ изъ трехъ

концентрическихъ круговъ. Въ ореолѣ на желтомъ престолѣ возсѣдаетъ I. X. въ красномъ простомъ сіяніи, съ открытою книгою; десницею благословляетъ. Отъ ореола исходитъ синяя рѣка, направляясь внизъ въ правую сторону. По лѣвую сторону рѣки стоитъ Іо., по правую толпа людей. Земли нѣтъ.

81) XXII, 16-21. Вверху въ лѣвомъ углу изъ сектора синяго неба съ красною полосою простирается благословляющая десница. Внизу стоитъ Іо. Къ нему летитъ съ неба ангелъ. По другую сторону толпа людей.

III

Рукопись Казанской Духовной Академіи, изъ библіотеки Соловецкаго монастыря, № I [по новому каталогу № 159], въ 4-ку, на 375 лл.; собственно Апокалипсисъ на I-216 лл съ 65 мм., юсовой; XVI в. [Соловецкій юсовой].

Краткія свѣдѣнія объ этой рукописи см. въ *Описаніи рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи*. Часть I. Казань 1881. Стр. 203-207. № 159 [№ 1 Анзерскаго скита].

Въ XVII вѣкѣ Апокалипсисъ этотъ былъ переплетенъ въ кожу съ другою рукописью XVII в., содержащею въ себѣ: «Хождение и труди и болѣзни великаго проповѣдника божія апостола Христова Іоанна богослова», лл. 217-375. На переплетѣ приклеена на ярлычкѣ надпись почеркомъ Петровскаго времени: «Апокалиѱисъ толковои влицахъ». Въ 1654 году рукопись эта еще не принадлежала Соловецкому монастырю и находилась въ Костромскомъ Галичѣ, какъ свидѣтельствуетъ на первомъ листѣ ея слѣдующая купчая запись: «р҃ѯв г. ѳеваралия въ з҃ де. сю кн҃гу апалеѯись [sic] влицех продал галичанин парѳен тихонов сн҃ъ кадниковъ галичанинуж посадцкому чл҃ку івану богданову сн҃у свѣчнику безвыкупно а взялъ за сию кн҃гу полтора рубли дн҃гъ а кто учнет в сию кн҃гу вступатца и мнѣ парѳену сю книгу очищати убытка никакова не учинит а подписал писал [sic] сю кн҃гу по ево парѳенову веленью галицкой площадной подъячей ромашка новоторжцевъ».

Толковый Апокалипсисъ писанъ крупнымъ полууставомъ XVI вѣка, въ четвертку съ большими полями, на которыхъ

приведены глоссы и нѣкоторыя примѣчанія рукою того же писца, и тоже полууставомъ, но мелкимъ. Въ текстѣ помѣчены киноварными точками тѣ слова, къ которымъ относятся на поляхъ глоссы. Кромѣ того, на поляхъ же кое-гдѣ сдѣланы краткія замѣтки на ополяченномъ югозападномъ русскомъ языкѣ скорописью XVII в., которыя свидѣтельствуютъ, что до 1654 года Апокалипсисъ находился въ югозападной Руси.

Тамъ же, на югозападѣ былъ онъ и составленъ. Какъ редакція самого текста, такъ и правописаніе, а отчасти и начертаніе буквъ и орнаментація рукописи, носятъ на себѣ характеръ южнославянскаго происхожденія, но уже значительно видоизмѣненный въ рукахъ русскихъ писцовъ югозападной школы, которая наложила свой отпечатокъ во множествѣ примѣтъ русскаго говора. Исправленный по оригиналамъ текстъ, отличающійся отъ принятаго во всѣхъ прочихъ, извѣстныхъ мнѣ, Лицевыхъ Апокк., и довольно систематически выдержанное правописаніе ставятъ эту рукопись въ разрядъ такихъ, которыя были принимаемы для старопечатныхъ книгъ нашихъ югозападныхъ типографій.

Изъ буквъ, кромѣ ѯ, заслуживаетъ вниманія буква Ч, начертанная на подобіе старинной славянской цыфры для означенія 90, именно на л. 74, въ толкованіи стиха 84: Четвертое животное. Передъ гласными обыкновенно становится десятиричное *і*, а не осмиричное, напр. *Зміи*, а не *Змии*. Омикронъ въ словѣ *окрестъ* пишется съ крестомъ внутри, а омега въ словѣ *очи*—съ точкою въ каждомъ изъ обоихъ оваловъ этой буквы.

Запятая постоянно ставится черниломъ, а точка киноварью.

Двѣ заставки, начертанныя только киноварью, носятъ на себѣ характеръ южнославянскихъ рукописей. Одна предъ предисловіемъ Андрея Кесарійскаго имѣетъ видъ ленты изъ густо сплетенныхъ ремней, другая передъ началомъ самого Откровенія въ формѣ четвероугольника изъ протянутыхъ въ три ряда цѣпей съ продолговатыми звеньями.

Миніатюры, числомъ 65 *, первоначально не принадлежали къ рукописи. Онѣ на другой бумагѣ, и по формату значительно

* Въ самой рукописи старинною буквенною нумерацією насчитано ихъ только 63, потому что число 57 повторено на двухъ миніатюрахъ, а на оторванномъ листѣ съ двумя миніатюрами, писанными, какъ исключеніе, на обѣихъ его сторонахъ, сосчитано не двѣ миніатюры, а одна. См. въ самомъ описаніи мм. 63 и 64.

больше, хотя тоже въ четвертку. Когда вклеили ихъ въ рукопись, то надобно было многія изъ нихъ загнуть съ наружняго края и внизу, по малой мѣрѣ на палецъ. Въ такомъ согнутомъ видѣ остаются онѣ и доселѣ. Хотя помѣщены онѣ на своихъ мѣстахъ, но только приблизительно, по общему смыслу, а не въ соотвѣтствіи главамъ и стихамъ текста, какъ въ другихъ Лицевыхъ Апокалипсисахъ, въ которыхъ текстъ размѣщается такъ, чтобы дать надлежащее мѣсто соотвѣтствующей ему миніатюрѣ. Сверхъ того, м. 7 вставлена и вовсе не на мѣстѣ. Самыя надписи на миніатюрахъ, какъ увидимъ, пользуются редакціею, отличающеюся отъ принятой въ самой рукописи. Впрочемъ, какъ по господствующему характеру содержанія и стиля въ изображеніяхъ, такъ и по смѣси южнославянскихъ примѣтъ съ югозападными русскими въ надписяхъ, миніатюры, по своему происхожденію, должны относиться къ той же мѣстности и той же школѣ, которымъ принадлежитъ и рукопись. Изъ буквъ, употребляемыхъ въ надписяхъ, заслуживаетъ вниманіе греческая Σ, вмѣсто славянской С, въ словахъ Σѣ и Σедмый, мм. 12 и 52.

Обращаюсь къ подробной характеристикѣ языка и правописанія и вообще редакціи текста и толкованій описываемаго мною Соловецкаго юсоваго Апок. *

Въ основу принято правописаніе южнославянское, которое даетъ себя знать своими отличительными примѣтами почти въ каждой строкѣ.

О большомъ юсѣ было уже упомянуто, но онъ вообще употребляется уже неправильно, смѣшиваясь съ буквою *у*, какъ въ старопечатныхъ книгахъ и въ рукописяхъ, завѣдомо русскихъ, XVI вѣка, напр. въ моемъ юсовомъ Апок.; впрочемъ, какъ архаизмъ, принятъ въ словахъ тысѧща и тысѧщникъ: тысѧща тысѧщь 76, тысѧщници 90, что̀ удержалось и въ господствующей редакціи, или съ ѧ, или съ перемѣною юса на *у*, а не на *я*; въ моемъ юсовомъ: *тысуща тысущами*, тысѧницы; но въ Хлудовск. XVI в. уже *тысяща*, *тысящами*, *тысящницы*, согласно съ Румянц. XIII-XIV в., въ коемъ буквами писано: только второе мѣсто *тысящници*, а первое означено цыфрами. Большой

* Приводимыя въ цитатахъ арабскія цыфры означаютъ стихи по счету Толковаго Апок.; а гдѣ дѣлается ссылка на исправл. изданіе, тамъ, по принятому обычаю, передъ арабскою цыфрою ставится римская.

юсъ, смягченный, въ описываемой рук. вовсе не употребляется, какъ вообще и въ другихъ юсовыхъ памятникахъ того времени.

Полугласныя *ъ* и *ь* поболгарски ставятся послѣ группы согласныхъ съ плавною; напр. *трѣпѣти*, *прѣвый*, *отвръзе* и *отвръзается;* поболгарски же смѣшиваются между собою, какъ видно въ послѣднемъ словѣ, или напр. *жизнъ* вм. *жизнь* 94; иногда *естъ* вм. *есть*. Но особенно часто по сербскому правописанію на концѣ словъ ставится *ь* вм. *ъ*. Примѣровъ этому увидимъ много въ приводимыхъ далѣе цитатахъ.

Впрочемъ, одной изъ главныхъ примѣтъ сербскаго письма, состоящей въ замѣнѣ буквы *я* буквою *е*, въ описываемой рук. не встрѣчается.

Буква *ѣ* употребляется неправильно согласно русскому произношенію.

Иногда поюжнославянски *и* вм. *ы*: тисѧщѫ 183; *нинѣ*, вм. *нынѣ*, въ примѣчаніи на полѣ противъ стиха 174.

Послѣ гласныхъ очень часто употребляется несмягченное *а* вм. *я;* напр. *пріати*, *веліа*, *прозябающаа*, *поаху*.

Иногда попадаются случайно застрявшіе архаизмы, какъ напр. форма полнаго склоненія именъ прилагат.: *въ каменіи горьстѣимъ* вм. *горьстьемь*, 90; преходящ. время въ продолженной формѣ: *исхождааху* 61.

Принявъ болгарскую основу, русскій писецъ XVI вѣка внесъ въ правописаніе мѣстный говоръ, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣтъ.

Смѣшеніе буквъ *в* и *у;* напр. *вже* вм. *уже* 262, и наоборотъ: *усходу* 92, *у жизнь* 94, *увръженъ* 149, *у тобѣ* (три раза) 235, вм. *всходу*, *въ жизнь*, *вврѣженъ*, *въ тобѣ*.

Буква *о* вм. *е;* напр. *тобе*, *собе*, въ числительномъ *чотыри* въ заглавіи главъ 19 и 39, и даже *чотори* въ словѣ Андрея Кесарійскаго; *стромленіемъ* вм. *стремленіемъ* 235; въ суффиксахъ и флексіяхъ: *аньцова* 240, 291; *сидящому* 236.

Твердое *ы* вм. *и*, особенно послѣ *р: рымскіи* 156, *смотры* въ глоссѣ къ стиху 255; *отрыцающаася* въ заглавіи гл. 16-ой; но и послѣ другихъ буквъ, напр. *непостыжимаго* 243.

Иногда, хотя рѣдко, смягчаются *д* и *т* въ *ж* и *ч;* напр. *побѣжаяй* 26, *свѣчнаго* 295, тогда какъ въ моемъ юсовомъ: *побѣждаяй*, *свѣщнаго*. Въ заглавіи 39-ой гл. *межи* вм. *между*.

Въ склоненіи именъ прилагат. и мѣстоименій, родит. падежъ единст. числа: въ муж. и средн. родѣ на-*его* или-*ого*, вм.-*аго* или-*яго*: вѣдущего 57, *невѣрного* въ глоссѣ къ ст. 202; въ женск. родѣ на-*ое* или-*ее*, вмѣсто-*ыя* или-*ія*: *всякое козни* 235; въ заглавіяхъ главъ 14-ой, 15-ой и 16-ой: *отрѣшеніе второе печати*,—*третее печати*,—*четвертое печати*.

Въ спряженіи глаголовъ: *внимаимо*, вм. *внимаемъ*, въ примѣчаніи къ стиху 174.

По синтаксису надобно замѣтить слѣдующія особенности мѣстнаго характера.

Передъ союзомъ *ни* въ слитномъ отрицательно-раздѣлительномъ предложеніи вставляется еще союзъ *а*; напр. *еже не поклонишася звѣри* [древн. вм. *звѣрю*], *а ни образу его*; въ Соловецк. Филар. и въ моемъ юсовомъ: *звѣри, ни тѣлеси его* 255; въ исправл. «иже не поклонишася звѣрю, ни иконѣ его» XX, 4. *И смерти не будеть к тому, ни плача* (глос. *а ни посту*), *а ни вопля и ни болѣзни* 266; въ исправл.—«ни плача, ни вопля, ни болѣзни» XXI, 4. *Не въстребуютъ свѣща отъ свѣтилника, а ни свѣта слънечнаго* 295; въ исправл. «не потребуютъ свѣта отъ свѣтильника, ни свѣта солнечнаго» XXII, 5.

Союзъ *бы* и *абы*, вмѣсто *быхъ*, *быша* и проч.; напр. *Богъ бо далъ есть въ ср҃ца ихъ абы творили что ся любить ему, и дали бы ц҃рство ихъ звѣрю* 219; въ исправл. «Богъ бо далъ есть въ сердца ихъ, сотворити волю его, и сотворити едину волю, и дати царство свое звѣрю» XVII, 17; согласно съ господствующею редакціею, начиная отъ Румянц. Апок. XIII-XIV в., въ коемъ читается: *Богъ бо далъ есть въ ср҃ца ихъ створити волю его. и створити едину волю. и дати царство ихъ звѣри:* согласно съ греч. подлинникомъ: ὁ γὰρ Θεὸς ἔδωκεν εἰς τὰς καρδίας αὐτῶν ποιῆσαι τὴν γνώμην αὐτοῦ, καὶ ποιῆσαι μίαν γνώμην, и проч. Но въ описываемой рук., въ этомъ текстѣ, сверхъ *абы* и *бы*, заслуживаетъ вниманіе придаточное предложеніе: *что ся любить ему*, т. е. *что ему любится*, или *полюбится*, согласно Вульгатѣ: ut faciunt quod placitum est illi.

Къ такимъ же разговорнымъ выраженіямъ, какъ это послѣднее, надобно отнести: *сѣбылося есть* 201; въ исправл. *бысть* XVI, 17; въ греч. γέγονε, въ Вульгатѣ: factum est.

Еще въ глоссѣ къ стиху 123: *присяга мьла бы быти ч҃ку такимъ обычаемъ*.

Мѣстный говоръ въ отдѣльныхъ реченіяхъ:

Улица вм. стогна, площадь и цеста: *и трупа ею оставить на улицахъ града великаго* 132; въ Филарет. *на площади;* въ моемъ юсовомъ: *на площади,* съ глоссою: *на стогнахъ;* въ Хлудовскомъ XVI в. *на стенахъ,* ошибкою вм. *стогнахъ;* въ Румянц. XIII-XIV в. *на цѣстахъ;* въ исправл. «на стогнахъ» XI, 8.

Льгота: *чистоты ради и льготы,* въ толкованіи стиха 178; въ господствующей редакціи: *чистоты дѣля и легости;* но въ Румянц. XIII-XIV в. вмѣсто *легости* опискою: *нагости.*

Загонъ вм. стадія: *загоновь* [глос. *стадии*] тиѳщіѫ *и шесть соть* 183; въ господств. редакц. и въ исправл. *отъ стадій* XIV, 20.

Ведро вм. огонь и зной: *и дано бысть ему озноити чл҃ы ведром, а огнемь* [внесено, вѣроятно, изъ глоссы]. *и озноишася чл҃вци ведромь великым* 195; въ господств. редакц. и въ исправл. *огнемъ—зноемъ* XVI, 8 и 9.

Птаха и стражище: *стражище* * *всякыхъ птахъ* 221, и въ толкованіи къ этому стиху: *обычай бо есть звѣремъ же и птахамъ*; въ господств. редакц. и въ исправл. *хранилище всѣхъ птицъ* XVIII, 2.

Добытокъ, слово добавленное,котораго въ господств. редакц. нѣтъ: *и от добытька скота и овець* 229; въ прочихъ только: *и скота и овецъ* XVIII, 13.

Бедро вм. стегно: *и на бедрахъ своих* 247, въ господств. редакц. *на стегнѣ своемъ*, какъ и въ исправл. XIX, 16.

Погрѣхъ, въ господств. редакц. *грѣхъ*, и сверхъ того *зимный* смѣшивается съ *земный*: *и не будеть погрѣха зимнаго тамо, нудяща животнаго дрѣва* и проч., въ толкованіи стиха 291. Въ Хлудовск. XVI в. *не будеть бо грѣха зимнаго ту;* въ моемъ юсовомъ: *не будеть бо грѣха и зимы много ту;* но въ Филарет. XVI в. *не будеть бо грѣха ту земнаго*, согласно съ Румянц. XIV в. *не будеть бо ту грѣха земнаго*. Οὐ γὰρ ἁμαρτίας ἔσται χειμὼν ἐκεῖ; neque enim peccati hyems и проч.

Увоиметь, вм. *уиметъ* и *отъиметъ* въ господств. редакц., и сверхъ того прибавлено слово вещь: *и аще кто увоиметь словесь сущихъ пророчьствіа книгъ сихъ. да увоиметь богъ часть его от книгь животныхъ и от града святаго. и от тѣх вещеи еже написанны суть* 310; въ исправл. «и аще кто отъиметъ отъ

* Въ рук. написано сначала *стражилище*, но потомъ *ли* зачеркнуто киноварью.

словесъ книги пророчествія сего, отъиметъ Богъ часть его отъ книги животныя, и отъ града святаго, и написаныхъ въ книзѣ сей» XXII, 19.

Въ глоссахъ на поляхъ страницъ:

Пеленъ вм. пелынь или полынь, при словѣ *аспинь* [т. е. Апсинѳосъ] 110 [VIII, 11].

Баня, польское слово въ смыслѣ кувшина или сосуда, при словѣ *фіялъ* или *фіалъ* 188, 191, 271 и во всѣхъ другихъ мѣстахъ.

Обѣятіе, клѣти и сватьбы при словахъ: *лоно, чрѣтоги* и *браки*, въ толкованіи стиха 240 [XIX, 9]: *а другоичи яко лоно авраамле. иногда же яко чрѣтоги и браки.*

Мѣстоименіе *етеръ*, какъ невразумительное для читателей, постоянно объясняется глоссою нѣкій, нѣкое, нѣціи; напр. 20, 105, 113. Такъ же и слово *языкъ*, смотря по значенію, имѣетъ при себѣ глоссу, или народъ 137, или же невѣрніи, т. е. язычники, 119, 186.

Вообще видно, что списатель рукописи былъ не простой писецъ, а человѣкъ по своему времени образованный, ясно понимавшій то, что̀ писалъ, и заботился о ясности писанія и о вразумленіи своихъ читателей, и сверхъ того сознательно держался въ своей работѣ извѣстной системы.

Когда рѣчь идетъ о семи Церквахъ съ семью ангелами, тогда при словѣ *церковь* всякій разъ онъ ставитъ глоссу съборъ или соборъ [главв. II и III].

При словахъ *истина* и *истинный*, ставитъ глоссы: рѣснота и рѣснотивный 119, 131.

Иногда глоссу вноситъ онъ въ текстъ и ставитъ ее не позади объясняемаго ею слова, а передъ нимъ, потомъ зачеркиваетъ ее и выноситъ на поле. Такъ въ текстѣ: *и посли седми съборомь црквамь иже суть во асіи*—глоссу: *съборомь*, онъ зачеркнулъ и написалъ вновь на полѣ: *соборомъ* 9 [I, 11]; въ текстѣ: *облечень въ одежду царску в подирь*—глоссу: *въ одежду царску*, онъ опять зачеркнулъ, и опять выставилъ ее на полѣ.

Теперь перехожу къ болѣе существеннымъ принадлежностямъ этой оригинальной редакціи, заслуживающей особеннаго вниманія, какъ по своей выправленности и тщательной обработкѣ, такъ и по важнымъ даннымъ для исторіи древне-русской письменности, которыя въ этомъ памятникѣ состоятъ въ связи съ иконографіею.

Къ особенно крупнымъ, отличительнымъ признакамъ этой редакціи, рѣзко бросающимся въ глаза, принадлежатъ латинизмы, употребляемые какъ въ текстѣ, такъ и въ глоссахъ на поляхъ.

Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ стихъ 116 [IX, 11]: *имуще над собою цр҃я ангела бездны ему же имя еурейскыи аввадонъ. а греческыи апполионъ. а латинъскыи ексътерминаньс. рускыи же глаголется пагꙋба.* Въ господств. редакц. безъ латинскаго термина: въ Румянц. XIII-XIV в. *имуще надъ собою цр҃я анѣла бездны. имя ему еврѣискы аввадонъ. а гречьскы глась имать губя*; въ Хлудовск. XVI в. *имя ему еврѣиски аввадань* [sic]. *а гречески имя глась имать губя*; въ Филарет. *еврейскіи аввадон. а гречскі имя имат агголион* [sic] *губя их*; въ моемъ юсовомъ: *евреиски аввадонъ, а еллински аполлионъ. а грѣчески имя имать гꙋбяи;* въ исправл. «и имѣли надъ собою царя аггела бездны, ему же имя евреиски, Аваддонъ, а еллински, Аполлѵонъ».

Изъ этого классическаго мѣста для исторіи нашихъ Толковыхъ Апокк. надобно заключить, вопервыхъ, что писецъ имѣлъ подъ руками Вульгату, въ которой читается: nomen hebraice Abaddon, graece autem Apollyon: latine habens nomen Exterminans; вовторыхъ, что онъ былъ русскій, потому что слово пагꙋба называетъ русскимъ, а не вообще славянскимъ, что̀ понималъ уже Памва Берында, объяснивъ въ своемъ Лексиконѣ слово *Аваддонъ: словенски: губяй, или пагуба;* и наконецъ втретьихъ, что писецъ былъ изъ югозападной Руси, потому что говорилъ: *еурейски*, а не *еврейски*.

Еще латинизмы. Въ текстѣ:

Арха, arca: *и явися арха завѣта его* 139: et visa est arca testamenti ejus, Вульг. XI, 19; въ другихъ редакц. или славянское *крабій*, или греческ. *кивотъ*: καὶ ὤφθη ἡ κιβωτὸς τῆς διαθήκης τοῦ Κυρίου.

Въ глоссахъ:

Ценьтнарьскіи, centenarius, на полѣ противъ стиха 205 [XVI, 21]: *и град великыи яко таланьтскии:* καὶ χάλαζα μεγάλη ὡς ταλαντιαία; въ Вульг.: et grando magna sicut talentum. У Памвы Берынды въ Лексиконѣ: *талантъ: цетнар*. Въ польск.: *цетнар* и *центнар*.

При наименованіи 12 камней, которыми украшены основа-

нія стѣнъ Горняго Іерусалима [XXI, 19 и 20], не только приведены въ глоссахъ на полѣ страницы латинскія формы, но предварительно означено: *сеже полатине*, при стихѣ 282. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ формъ:

зафиръ	[sapphirus]	при греч.	самфиръ	[σάπφειρος]
кальцедонъ	[chalcedonius].		халкидонъ	[χαλχηδών]
сардіусъ	[sardius].		саръдии	[σάρδιος]
берилъ	[beryllus].		верилъ	[βήρυλλος]
топазіусъ	[topazius].		топазіонъ	[τοπάζιον]
іацинькть	[hyacinthus].		акинѳъ	[ὑάκινθος]

Къ латинизмамъ же, взятымъ изъ Вульгаты, надобно отнести глоссу: едину орлицу, при словѣ: *анѥла*, въ текстѣ: *и видѣхъ и слышах единого анѥла парящца посреди небесъ*, 112 [VIII, 13]; въ Вульг.: audivi vocem unius aquilae volantis per medium coeli. Въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакц. и въ Апок. МПМ. № 156: *единому орлу*, и притомъ въ самомъ текстѣ. Выше приведенную глоссу: *едину орлицу*—слич. съ текстомъ Чешской Библіи по изданію 1549 г., снабженному гравюрами Лютеровой Библіи 1534 г.: «A widêl gsem a slyssel gsem hlas gedné Orlice ana letij po prosredku nebe»; хотя въ гравюрѣ Чешской Библіи тотъ же ангелъ, а не орелъ, что̀ и въ Лютеровой Библіи, и тѣже ve ve ve по сторонамъ его. См. въ описаніи моего Апок. ранней ред.

Что касается до латинизма бенедиктось [Benediktus] въ толкованіи при стихѣ 167 [XIII, 18], то онъ въ испорченномъ видѣ принятъ не только въ выше упомянутомъ моемъ Апок. ранней родакц. и въ Апок. МПМ. въ формѣ *белеликтъ*, но и въ Хлудовск. XVI в. *бѣнеликтъ*, не смотря на то, что этотъ послѣдній Апок. относится къ господствующей редакціи, въ которой значится по Румянц. рук. XIII-XIV в. *велѣникотъ*, а въ Филарет. и въ моемъ юсовомъ *веленикотъ*. См. въ описаніи моего Апок. ранней ред.

Наконецъ, если не прямо къ латинизмамъ, то къ нововведеніямъ западнаго происхожденія надобно отнести форму лампа [а не *лампада*, греч. λαμπάς, λαμπάδος; лат. lampas, lampadis], вмѣсто *свѣща*, какъ въ господств. редакціи, и *свѣщникъ*, какъ въ исправл. текстѣ. А именно: «и седмь лампь горящихъ» 62 [IV, 5]; въ Вульг. et septem lampades ardentes; καὶ ἑπτὰ λαμπάδες πυρὸς καιόμεναι ἐνώπιον τοῦ θρόνου.

Редакція этого Апок., выправленная, обдуманная и систематически обработанная, отличается точностью въ переводѣ иноземныхъ словъ на славяно-русскія и ясностью выражаемыхъ ими понятій.

Особенно характеристичны для точности въ переводѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится о Великомъ Зміи. Въ греч. текстѣ и въ латинск. Вульгатѣ онъ отличается наименованіемъ *Драконъ* [δράκων, draco] отъ *змія* вообще [ὄφις, serpens]. Но у насъ въ господств. редакціи то и другое переводится однимъ и тѣмъ же словомъ *змій*; но чтобы отличить видовое понятіе отъ родоваго, то для ὄφις и serpens иногда употребляется женская форма *змія*, а для δράκων, draco—мужск. форма *змій*. Что же касается до текста исправленнаго, то въ немъ не наблюдается и этого отличія въ грам. родѣ, и ставится въ обоихъ случаяхъ форма *змій*, такъ же въ моемъ Апок. начала XVII в. и въ Апок. МПМ. № 156. Напротивъ того въ описываемой рук., равно какъ и въ редакціи Копистенскаго, столько же исправленной и обдуманной, *драконъ* переводится словомъ змій, а ὄφις, serpens—въ описываемой рук. словомъ гадъ, а у Копистенскаго—словомъ ужъ. А именно: въ описыв. рук. *и съвръженъ бысть змій великый и гад древній* 149 [XII, 9]; въ Румянц. XIII-XIV в. *и вложенъ бысть великій змій, и змій древній;* такъ же въ обоихъ случаяхъ *змій* въ Апокк. XVI в., въ Филарет., Хлудовск. и въ моемъ юсовомъ, равно какъ и въ Острожск. Библіи 1581 г. и въ Московской 1663 г.: *и вложенъ бысть змій великій, змій древній*, съ тою только разницею, что въ первой употребляется по древнему правописанію *и* безъ краткой. Въ греч. καὶ ἐβλήθη ὁ δράκων ὁ μέγας, ὁ ὄφις ὁ ἀρχαῖος; въ Вульг.: et projectus est draco ille magnus, serpens antiquus. Въ другомъ мѣстѣ: въ описыв. рук. *и ят змία гада древняго* 254 [XX, 2]; въ Румянц. *и ять змія и зьмію древнюю*, какъ и въ сказанныхъ Апокк. XVI в., а также и въ Острожск. Библіи 1581 г. и въ Московской 1663 г.: *и ять зміа, змію древнюю*. Въ греч. καὶ ἐκράτησε τὸν δράκοντα, τὸν ὄφιν τὸν ἀρχαῖον; въ Вульг. et apprehendit draconem serpentem antiquum. Въ изданіи Копистенскаго, первое мѣсто: *и свержень бысть змій великій, ужъ древній*; второе: *и удержа змія, ужа онаго древнего;* и въ обоихъ мѣстахъ для точности приведены на поляхъ греч. глоссы: въ первомъ при *змій*—глосса славянскими буквами: *драконъ*, при *ужъ*—ὄφις; во второмъ мѣстѣ при

словѣ *змія—δράκοντα* при словѣ *ужа—τὸν ὄφιν*. Точность въ переводѣ, которую имѣютъ въ виду обѣ редакціи, и въ описываемой рук., и въ изданіи Копистенскаго, находитъ себѣ въ этомъ случаѣ оправданіе въ русскомъ переводѣ, издаваемомъ по благословенію Святѣйшаго Синода. Первое мѣсто переведено такъ: «И низверженъ былъ великій *драконъ*, древній *змѣй*»; второе: «Онъ взялъ *дракона*, *змѣя* древняго».

Очевидная намѣренность въ исправленіи текста и систематическая выдержанность въ употребленіи разъ избраннаго реченія оказываются въ тѣхъ трехъ мѣстахъ, гдѣ въ толкованіи принято въ господствующей редакціи латинское слово sanctus, въ болѣе или менѣе искаженныхъ формахъ, начиная отъ *сантъ* въ единств. числѣ, и до *санти*, *санити*, *сами*, *самити* и *саміи ти*, во множ. числѣ. Это именно въ толкованіяхъ къ стихамъ 70, 86 и 242 [V, 2-3; VI, 9-10 и XIX, 11-12]. Исправитель описываемой рукописи, хотя и зналъ полатыни, какъ уже это было показано, однако не исправилъ сказанныхъ мѣстъ ни по греческому, ни по латинскому оригиналу. Вмѣсто того, видя въ имѣющейся у него подъ руками рукописи подобныя вышеприведеннымъ искаженныя формы, и не догадавшись, что это искаженные латинизмы, не справился съ подлинниками, и ограничился только личною догадкою, исправивъ *санити* и тому подобное, на прилагательное сановитъ и на существительное того же корня: сановникъ. А именно.

V, 2-3. *Ни ангели, ни сановникы кои изшедшеи ис плоти сея, ни человѣци сѫщеи въ плоти не могуть* и проч.; въ Румянц. XIII-XIV в. *ни ѧнгели ни санти. ни ишедше ис плоти своея. ни человѣци во плѣти суще*; въ Филарет. *ни самити*, въ Хлудовск. XVI в. *ни саміи ти*, въ моемъ юсов. *ни санити*, глосса: *сами*; въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакц. *ни санѣ*, въ МПМ. № 156 *ни санти*. Слич. лат. neque angelos, neque homines in carne adhuc degentes, neque sanctos corpore jam exutos; греч. μήτε ἀγγέλους, μήτε ἀνθρώπους τοὺς ἐν σαρκὶ ὄντας, μήτε τοὺς ἐκ σαρκὸς ἀποδεδημηκότας ἁγίους и пр. Въ изданіи Копистенскаго: «яко ниже аггели, ниже человѣци въ плоти сущіи, ниже исплоти изшедшіи *святіи*, извѣстное божественныхъ судебъ постигошя вѣденіе».

VI, 9-10. *И древних сановитыхъ может прилежати*; въ Румянц. XIII-XIV в. при латинизмѣ [sanctis] внесена въ текстъ

глосса *святыхъ*: *и се о скончавшихъся первѣе пророцѣхъ сантѣхъ святыхъ можетъ прилежати;* такъ же и въ моемъ ранней редакціи, только съ искаженіемъ латинизма: *и о самитѣхъ святыхъ;* но въ МПМ. № 156 вовсе безъ латинизма: *о скончавшихся пророцѣхъ и древнихъ святыхъ можетъ прилежати,* какъ и въ Филарет. и въ моемъ юсовомъ. Слич. лат. hanc quintam prophetis jamdudum ante consummatis caeterisque sanctis accommodent oportet; греч. καὶ ταύτην εἰκότως τοῖς προτελειωθεῖσι προφήταις καὶ λοιποῖς ἁγίοις ἐφαρμόσει. Въ изданіи Копист.: «и сіе въ лѣпоту предскончавшимъся пророкомъ и прочіимъ *святымъ* съпричтетъ».

XIX, 11-12. *Яко же рече етеръ* [глосса *нѣкій*] *сановитъ, и побѣдиши егда ти начнут сѫдити;* въ Румянц. XIII-XIV в.: *яко же рече етеръ сантъ, и побѣдиши егда ти начнуть судити,* какъ и въ прочихъ Апокк. XVI в. *сантъ*, а въ моемъ ранней редакц. *санто,* и только въ Филарет. *списатель: яко же рече етерь списатель.* Вѣроятно, латинизмъ [sanctus] вошелъ въ ту сокращенную греческую редакцію, которая была принята въ нашихъ Толк. Апокк. Въ полной сказано иначе: juxta illud Prophetae et vinces cum judicaris; ὥς φησιν ὁ Δαβίδ. καὶ νικήσεις ἐν τῷ κρίνεσθαί σε. Въ изданіи Копист. «яко же глаголетъ Давидъ: и побѣдиши внегда будеши судити».

Такая же задача предстояла составителю опредѣляемой мною рукописи въ исправленіи грецизмовъ [οὐσιώδης и οὐσίας], принятыхъ въ господствующей редакц. въ толкованіяхъ къ стихамъ 51 и 142 [III, 14 и XII, 3]. Въ первомъ мѣстѣ онъ вовсе опустилъ грецизмъ, а во второмъ исправилъ по личному разумѣнію, безъ справки съ подлинникомъ. А именно:

III, 14. *Паче же яко самъ есть истинна, и взыскаетъ ю;* въ Румянц. XIII-XIV в. *паче же яко самъ усиска есть истина;* такъ же и въ Апокк. XVI в. *самъ усійска есть истинна;* но въ моемъ начала XVII в. ранней редакц. *паче яко самъ сію сказаетъ истинна,* а въ МПМ № 156: *паче же яко сама уснискается.* Слич. μᾶλλον δὲ ὅτι αὐτός οὐσιώδης ἐστὶν ἀλήθεια. Въ изданіи Копист.: «паче же яко той *существенная* есть истинна».

XII, 3. *Чермьность ангельскаю сіаніа;* при этомъ глосса: *ангельскія лусія;* въ Румянц. XIII-XIV в.: *чермность ангельскыя усья;* въ Апокк. XVI в. *усія;* но въ моемъ ранней редакц.: *чермность ангельски восіяюще,* а въ МПМ. № 156: *чермность убійство его и кровопійство.* Слич. ἢ διὰ τὸ πυρῶδες τῆς ἀγγελικῆς οὐσίας.

Въ изданіи Копист.: «черменъ же сей: или за убійственное его и кроворадостное, или за огненное аггельскаго *существа*».

Нѣкоторыя изъ поправокъ касаются тѣхъ же самыхъ словъ, ошибочныхъ, непонятныхъ или неточныхъ, которыя замѣнены и въ нынѣ принятомъ исправленномъ текстѣ тѣми же или почти тѣми же словами. Напр.

XVII, 9. *Седмь главь. седмь горъ есть*, 214. Въ господст. ред. почему-то очень давно ошибкою замѣнено было слово *горъ* словомъ *родъ*, которое уже принято въ Румянц. XIII-XIV в. *семь главъ. 7 родъ есть, идеже жена сѣдитъ на нихъ*, и такъ осталось въ позднѣйшихъ копіяхъ: *родъ* или *родовъ*. Въ исправл. «седмь главъ, горы суть седмь»; у Копистенск. «седмъ главъ, седмъ горъ естъ». Въ оригиналѣ: αἱ ἑπτὰ κεφαλαί, ἑπτὰ ὄρη εἰσίν; septem capita, septem montes sunt.

Начало или начатокъ [ἡ ἀρχή, principium] вмѣсто *властель*, III, 14. *Начало созданію божію* 51; въ исправл. «начатокъ созданія божія»: ἡ ἀρχὴ τῆς κτίσεως τοῦ Θεοῦ. Въ господств. редакціи, начиная отъ Румянц. XIII-XIV в. *властель созданью божію*.

Образъ [ἡ εἰκών], когда говорится объ изображеніи Перваго Звѣря, постоянно вмѣсто принятаго въ господств. редакціи слова *тѣло*, XIII, 14 и 15. XIV, 9. XIX, 20; а именно: въ господств. редакц.: *тѣло Звѣреви, тѣлу Звѣриному* и проч.; въ описываемой рук.: *образъ Звѣринъ, образу Звѣриному;* въ исправлен. *и образъ Звѣрю, образу Звѣриному*, и грецизмъ *икона Звѣрина* и проч.

Замѣчательная особенность, которою эта редакція отличается, какъ отъ древней господствующей, такъ отъ исправленной, оказывается въ видѣніяхъ о городѣ Вавилонѣ и олицетворяющей его Любодѣицѣ. Въ описаніи моего Апок. начала XVII в. было уже замѣчено, что Соловецкій юсовой Апок. относится къ тому разряду, въ которомъ, въ гл. XIX, ст. 2, принято чтеніе съ градомъ, а не съ Любодѣицей; то есть: *яко судилъ есть градѫ велику, иже посмради землю любодѣяніемъ своимъ*, 236. Въ сказаніи объ этомъ, такъ сказать, раздвояющемся въ олицетвореніи предметѣ, представлялось не разъ указывать на него мѣстоименіемъ въ согласованіи съ нимъ имени прилагательнаго или причастія. Въ греч. подлинникѣ и для города, и для его олицетворенія употребляется одинъ и тотъ же родъ, то есть, женскій, потому что ἡ πόλις женскаго рода.

У насъ, какъ въ исправл. редакціи, такъ и въ древней господствующей, смотря по смыслу, употребляется то муж. родъ, то женскій, что̀ особенно необходимо въ гл. XVIII. Что же касается до описываемой рукописи, то въ ней постоянно только родъ мужскій. Напр. въ исправлен.: «Сего ради во единъ день пріидутъ язвы *ей*, смерть и плачь и гладъ: и огнемъ *сожжена* будетъ, яко крѣпокъ Господь Богъ судяй *ей*. И возрыдаютъ и восплачутся *ея* цари земстіи, любы дѣявшіи *съ нею* и развсирѣпѣвшіи, егда узрятъ дымъ запаленія *ея*» XVIII, 8 и 9. Въ господств. редакціи, напр. по Румянц. рук. XIII-XIV в. *пожьжена—и възрыдають и въсплачються ея цари земьстіи и створшіи съ нею любы*. Въ описываемой же рук. *огнемъ пожжень будеть—сътворшеи с нимь любы и разьсверѣпевше*, 226 и 227.

Въ заключеніе остается привести еще нѣсколько варіантовъ, характеризующихъ описываемую редакцію.

1, 9. *Въ островь*, господств. ред. *въ отоцъ* 8; такъ и въ другихъ мѣстахъ постоянно *островъ*, какъ и въ исправл., вмѣсто *отокъ*.

1, 10. *Быхъ въ истѫпленіи духом въ день неделныи* 9; въ господств. ред. *быхъ въ дусь*, какъ и въ исправл., согласно съ греч. ἐν πνεύματι.

II, 9. *И трѣпиши руганіе от глаголющихъ себе іоудея быти* 24: вм. *руганіе*, въ господств. ред. грецизмъ *власфимія*, въ исправл. *хулы*.

II, 11. Въ толкованіи: *побѣдить діаволя шатаніа* 26; въ Румянц. *побѣдить дьяволя сѣянія*; въ Филарет. *сѣяніа*, въ Хлудовск. XVI в. *сіянія*, въ моемъ юсов. *зіянія*; въ моемъ XVII в. ранней ред. *сѣянія*, въ МПМ. № 156 *осѣненія*. Въ изданіи Копистенск. «побѣждаяй діаволская подъсѣянія»; греч. νικῶν τὰς διαβολικὰς ὑποσπορὰς.

II, 18. Въ толкованіи: *разумѣваемыя масти* 32; въ господств. ред. *крижмы*; у Копистен. «умнаго мѵра»; въ греч. τοῦ νοητοῦ μύρου.

II, 21. *И дахъ ей час да покается* 34; въ Румянц. XIII-XIV в. *и дахъ ей лѣто да покаеться;* въ Хлудовск. XVI тоже *лѣто*, въ Филар. *лѣта*; въ моемъ юсов. *врѣмя*, какъ и въ исправл.

IV, 5. *Блисканіа* 61, какъ и въ другихъ мѣстахъ, вм. *молнія*.

VI, 2. *Се конь бѣлъ* 79, какъ и въ испр.; въ господств. ред. *серенъ* или *сѣръ*.

VI, 8. *Конь плавь* 85; въ господств. ред. и въ исправл. *блъдъ*.

VI, 13. *Отметающи первыя плоды своя* 88; въ господств. ред. и въ исправл. *пупы своя*.

VI, 14. *И небо спрятася* 89; въ господств. ред. и въ исправл. *отлучися*.

IX, 14-16. Въ толкованіи: *еже бъ въ ветсей сѣни*; въ господств. ред. *въ ветсѣй скиніи*, 117.

X, 1. Въ толкованіи: *видѣніе же его являеть небесное различіе*, 120; въ Румянц. XIII-XIV в. *ангельское видѣніе являеть небеснымъ зрачіемъ*; въ моемъ юсовомъ тоже *зрачіемъ*, но въ Филарет. уже *зраченіемъ*, а въ Хлудовск. XVI *различіем*, равно какъ въ моемъ XVII в. ранней ред. и въ МПМ. № 156. У Кописте нск. согласно съ греч. подлинникомъ: «сими бо небесное, и различное въ добродѣтелехъ, и свѣтлое аггелскаго существа же и свѣденія, показуется».

XI, 2. *Сѣнь же сущꙋю внѣтрьюду цркве изнеси внѣюду*, 129. Вмѣсто *сѣнь*, въ господств. редакц. и въ исправлен. *дворъ*. У Кописте нск. «и дворъ [сирѣч притворъ] иже естъ извнѣ храма, изверзи вонъ»; не довольствуясь объясненіемъ въ скобкахъ, ученый авторъ при словѣ *дворъ* вынесъ на поле глоссу *сѣнь*. Въ оригиналѣ: τὴν αὐλὴν τὴν ἔξωθεν τοῦ ναοῦ, ἔκβαλε ἔξω; atrium autem quod est foris templum, ejice foras.

XIV, 19. *И пусти ангель серпъ свои* 182; въ господств. ред. и въ исправл. *положи*, въ моемъ Апок. ранней ред. *изложи*.

XVI, 20. *И вся островы преминуша*, съ глоссою на полѣ: *бежаша*, 204; въ господств. ред. *и всякъ отокъ бѣжа*; въ испр. «и всякъ островъ бѣжа».

XVIII, 6. *И чашю юже смѣси вамь, смѣсите жь ему сугꙋбо* 224; въ господств. ред. и въ исправл. *чрѣпа—чрѣплите* или *черпа—черплите*; въ моемъ Апок. ранней ред. *в чаши ея в нейже растворите ей сугубо*.

XVIII, 12. *И сирика* [въ оригин. σηρικοῦ, serici] *и червлени* 228; въ Румянц. XIII-XIV в. *и шика и червлени*, какъ въ другихъ позднѣйшихъ копіяхъ, но въ моемъ юсовомъ *сирка* [вм. *сирика*]; въ исправл. *и шелка, и червени*.

XIX, 11 и 14. *И се конь бѣль,—на конех бѣлыхь*, 242 и 245; такъ же и въ исправл; но въ господств. ред. *конь серенъ, на коних сереныхъ*; впрочемъ, въ моемъ юсовомъ: *конь бронъ, на конехъ бронныхъ*.

XX, 3. *Отрѣшену быти въ малый час*, 254; въ господств. ред. *въ мало лѣтъ*; въ моемъ Апок. ранней ред. *на мало лѣтъ*; въ исправл. «на мало время».

XX, 4. *И видѣхъ душа усѣкновенныхъ*, 255; въ господств. ред. и въ исправл. *растесаныхъ* или *растесанныхъ*.

XX, 11. Въ толкованіи къ ст. 259: *иже сътворить въ свѣтлѣхъ удѣ стыхъ. на сихъ седяи:* замѣчательно, что это же искаженіе *удѣ стыхъ* принято и въ моемъ Апок. ранней редакц.: *иже сотворит въ свѣтлыхъ удѣхъ стыхъ написанныхъ* [sic]. Это *удѣ* или *удѣхъ* пошло отъ формы *угодѣхъ* въ очень темномъ, испорченномъ чтеніи, которое уже въ Румянц. XIII-XIV в. значится такъ: *иже створить въ свѣтлы угодѣхъ святыхъ на сихъ сѣдая*; въ моемъ юсовомъ: [*престолъ бѣлый, имъ является божій покой*]. *иже сотворить во свѣтлыхъ угодехъ святыхъ. на сихъ сѣдяя;* въ Хлудовск. XVI в. *иже сотворитъ свѣтлыхъ угодихъ святыхъ*, а въ Филарет. *иже сотворит свѣтлых угодници святыхъ*. У Копистенск.: «чрезъ престолъ бѣлый, упокоеніе Божіе является, еже въ свѣтлыхъ добродѣтелми святыхъ сътворитъ, на сихъ сѣдяй»: διὰ τοῦ θρόνου τοῦ λευκοῦ δηλοῦται ἡ ἀνάπαυσις τοῦ Θεοῦ. ἥν ἐν τοῖς λαμπροῖς ταῖς ἀρεταῖς ἁγίοις ποιήσεται τούτοις ἐνθρονιζόμενος.

XX, 14. *Смерть и адъ утверѣжена быста въ езеро огненое* 265; въ господств. ред. *положена*, въ исправл. *вверженa*.

XXI, 21. *И постланіе путей граду злато чисто, яко стькло пресвѣтло* 284; въ господств. ред. *путь граду;* въ исправл. «стогны града»; въ греч. καὶ ἡ πλατεῖα τῆς πόλεως.

XXII, 2. *И листвіе древу въ здравіе языкомь* [глосса: *народомъ*] 293; въ господств. ред., равно какъ и въ исправл. *въ исцѣленіе*; но въ Румянц. XIII-XIV в. это мѣсто испорчено: *и листвіе древу въ истлѣніе язъкомъ*, откуда вошло и въ Хлудовск. XVI в. *во истлѣніе*.

XXII, 15. *Идолослужители* 304, какъ и въ исправл.; въ господств. ред. *идолатри*; но въ Румянц. опять ошибка: *идололатели*, съ надписаннымъ *дѣ* надъ слогами—*лола*—, что̀ надобно читать: *идолодѣлатели*, очевидно искажено изъ *идолатри*.

XXII, 17. *Женихъ* [глосса: *духъ*] *и невѣста*, 308; въ господств. ред. и въ исправл.: *и духъ и невѣста*, согласно съ греч. καὶ τὸ πνεῦμα καὶ ἡ νύμφη λέγουσιν, и съ Вульгатою: et spiritus et sponsa dicunt.

Теперь перехожу къ замѣткамъ, содержащимъ въ себѣ не объяснительныя глоссы, а разныя мысли, возбужденныя при чтеніи стиховъ Откровенія и толкованій на нихъ. Замѣтки эти, какъ уже сказано выше, разнаго времени: однѣ XVI вѣка и писаны тою же рукою, что̀ вся рукопись Толковаго Апок., другія—скорописью XVII в.

Замѣтки XVI в., въ связи съ вышеприведенными латинизмами этой рукописи, даютъ вѣрное понятіе объ отношеніи списателя къ латинству. Онъ находилъ для себя нисколько непредосудительнымъ пользоваться Вульгатою въ отношеніи грамматическомъ и не брезговалъ латинскими словами, внося ихъ въ текстъ Откровенія и въ толкованія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ дѣлѣ религіозной совѣсти строго держался православія, отдѣляя его отъ католичества и ересей, и преслѣдовалъ отступниковъ отъ православія.

Такое отдѣленіе вопросовъ религіозныхъ отъ письменности бросаетъ надлежащій свѣтъ и на иллюстрацію этого Апокалипсиса, проникнутую, какъ увидимъ, сильнымъ вліяніемъ западнымъ, которое, однако, не могло вмѣняться въ постыдное отступничество и въ ересь, поскольку касалось оно только искусства, а не догматовъ исповѣданія.

Итакъ, вотъ замѣтки XVI вѣка.

Къ толкованію стиха 36 [II, 23-25]. «Се подобно латинником, отвращающим слабых отъ православіа».

Къ толк. ст. 83 [VI, 6]. «И се подобное приступающим к латинъской вѣре».

Къ толк. ст. 174 [XIV, 11]. «Внимаимо собѣ да не оригену еретику проклятому послѣдующе. речем в собѣ еже муце конец имат быти якоже нѣціи нинѣ отъ еретикь сия глаголютъ».

Къ толк. ст. 182 [XIV, 19]. «Гнѣвь на отступникох православіа еже имат быти».

Къ толк. ст. 191 [XVI, 2]. «Смотри. и нынѣшніи отступници. таажде имуть прияти неизмѣнно».

Къ толк. ст. 223 [XVIII, 4-5]. «Зри како повелѣваеть бѣгати иновѣрных и еретиковь иже бога прогнѣвають».

Наконецъ привожу замѣтки югозападнаго письма XVII в. съ полонизмами, свидѣтельствующія, какъ сказано выше, что описываемая рукопись находилась еще тогда въ югозападной

Руси, прежде чѣмъ была засвидѣтельствована Галицкимъ площаднымъ подъячимъ въ купчей записи 1654 года.

При стихѣ 31 [II, 17]. «Ласка невымовная».

При стихѣ 53 [III, 17]. «Зри недбалцов»; то есть, польск. *недбалецъ* [niedbalec]—нерадивый, небрежный, а здѣсь именно: *обумаренный въ вѣрѣ*, ни студенъ, ни горячъ, а только тепловатъ, т. е. равнодушенъ, или *двоедушенъ*, какъ истолковано въ глоссѣ тою же позднѣйшею рукою слово *обумарен* въ ст. 52 [III, 16].

При стихѣ 88 [VI, 13]. «Читал пильно».

Время обратиться къ иллюстраціи. Мы уже знаемъ, что первоначально она была сама по себѣ, и потомъ вставлена между листами рукописи переплетчикомъ, но по времени составленія относится такъ же къ XVI вѣку. Не смотря на свою независимость отъ письма рукописи, она состоитъ съ нимъ во внутреннемъ сродствѣ по мѣсту происхожденія и по единству школы, которая какъ въ письмѣ, такъ и въ миніатюрахъ одинаково относилась къ преданію, исправляя его на основаніи разныхъ пособій, не только греко-восточныхъ, но и особенно западныхъ. Выше указаннымъ латинизмамъ въ письмѣ соотвѣтствуетъ масса сюжетовъ, заимствованныхъ въ иллюстрацію изъ западныхъ источниковъ, такъ что вліяніе запада на иллюстрацію оказалось еще сильнѣе, чѣмъ на письмо, и насколько выдержано единство системы, какъ мы видѣли, въ письмѣ, настолько же, если еще не болѣе, оно выдержано въ композиціи и стилѣ миніатюръ. Однимъ словомъ, какъ въ письмѣ, такъ и въ иллюстраціи этого памятника мы видимъ плодъ обдуманной, сознательной работы, которая идетъ неуклонно по намѣренно избранному пути, внимательно опознаваясь въ массѣ матеріаловъ, чтобы не хвататься за что̀ ни попало, какъ это часто случалось въ другихъ Лицевыхъ Апокк., а съ разсужденіемъ выбирать и помѣщать только то, что̀ оказывалось нужнымъ для единства системы, и всему принятому давать видъ, согласный съ усвоеннымъ стилемъ.

Такимъ образомъ, какъ въ письмѣ, такъ и въ иллюстраціи Соловецкаго юсоваго Апокалипсиса надобно видѣть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ опытовъ той ученой школы, которая задалась мыслію объ исправленіи старинныхъ памятниковъ нашей письменности и частію иконографіи. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, пособія западной Европы, которыми эта школа

между прочимъ пользовалась, болѣе принесли пользы письменности и литературѣ, нежели иконографіи.

Въ иллюстраціи Соловецкаго юсоваго Апок. господствуютъ два главнѣшіе элемента: вопервыхъ, древнее преданіе, по которому она оказывается родственною съ иллюстраціею моего Апок. начала XVII в. ранней редакціи, а черезъ него и съ Апок. МПМ. № 156, и вовторыхъ, преобладаніе западныхъ сюжетовъ, обработанныхъ въ западномъ же стилѣ, подъ уровень котораго подведено и все остальное, хотя заимствованное изъ источниковъ греко-славянскихъ.

Сначала о сродствѣ Соловецкой иллюстраціи съ моею ранней редакціей. Такъ какъ оба сказанные элемента въ иллюстраціи Соловецкой взаимно проникаютъ другъ друга, то сродство это возможно было только по одинаковости редакціи, а не по точному сходству въ переводахъ.

Вопервыхъ, одна и та же редакція оказывается въ слѣдующихъ миніатюрахъ, къ перечню которыхъ присовокупляю родственныя и въ Апок. МПМ. № 156.

СОЛОВЕЦКІЙ.	МОЙ	МУЗЕЙНЫЙ
2	1 [сн. 1].	
3	2	2 [сн. 32].
5 [сн. 61]	4 [сн. 2].	
6	5 [сн. 3].	10.
8	9 [сн 5].	12 [сн. 34], только низъ.
15	17	20.
16	19.	
21 [сн. 63], только по Орлу	22 [сн. 10].	28 [сн. 39].
23	23 [сн. 11].	30.
28	29.	
31	32 [сн. 15]	41 [сн. 44].
32 [сн. 67]	33 [сн 16]	
36 [сн. 69]	38 и 39 [снн. 18 и 19].	45.
37	42	46.
43 [сн. 72]	52	57.
44	51	
45	53.	
47, только Водный ангелъ.	55 [сн. 24].	
49 [копія краск. 5].	57 [сн. 25].	
56 [копія краск. 7].	63 [сн. 29].	
58	66 [сн. 31].	72.
64	72.	

Изъ этой сравнительной таблицы трехъ Апокк. выводятся слѣдующіе результаты:

Миніатюръ, сходныхъ съ моимъ Апок. ранней редакціи, насчитывается—въ Соловецкомъ 22 на 65, а въ Музейномъ, какъ показано въ своемъ мѣстѣ, 29 на 81: пропорція сходныхъ почти одна и та же, т. е. около трети.

Соловецкія миніатюры сходны только съ такими изъ Музейныхъ, которыя въ свою очередь сходны съ миніатюрами моего Апок.; но нѣтъ ни одной миніатюры въ Соловецкомъ Апок., которая помимо моего была бы сходна съ иллюстраціею Музейною. Слѣдовательно, Соловецкая иллюстрація состоитъ не въ прямомъ родственномъ отношеніи къ Музейной, а только при посредствѣ моего Апок.

Сверхъ того сродство Соловецкой иллюстраціи съ моею усиливается цѣлыми восемью миніатюрами, которыя въ Музейной относятся къ другой редакціи.

Самыя важныя примѣты, которыми иллюстрація Соловецкаго и моего Апокк. отличается по редакціи отъ Музейной, оказываются въ трехъ миніатюрахъ, а именно:

Всѣ семь ангеловъ семи апокалипсическихъ Церквей на одной миніатюрѣ, въ Солов. м. 5 [сн. 61], въ моемъ м. 4 [сн. 2]. Въ Музейномъ Апок. для каждаго ангела особая миніатюра.

Для омраченнаго царства миніатюра раздѣлена горизонтально на двѣ половины, и нижняя покрыта темною краскою, въ Солов. м. 49 [копія краск. 5], въ моемъ м. 57 [сн. 25].

На Страшномъ судѣ фигуры писаны въ три яруса, и, сколько можно судить по Соловецкому отрывку, въ томъ же порядкѣ, въ Солов. м. 64, въ моемъ м. 72.

Если первоначальный источникъ, отъ котораго пошли всѣ эти три Апокк., раздѣлился на двѣ родственныя линіи, то Соловецкій вмѣстѣ съ моимъ принадлежитъ къ одной линіи, а Музейный къ другой.

Къ главнѣйшимъ примѣтамъ предполагаемой первоначальной редакціи принадлежатъ слѣдующія:

По сюжетамъ—замѣна ангела Орломъ, въ Солов. м. 21 [сн. 63], въ моемъ м. 22 [сн. 10], въ Музейн. м. 28 [сн. 39].

По отношенію изображеній къ тексту—дробленіе одной и той же главы Толковаго Апок. на двѣ миніатюры [иногда и болѣе], или выдѣленіе изъ главы эпизодовъ для отдѣльныхъ миніатюръ. Такъ напр. изъ гл. 10-ой: *Абіе быхъ въ дусѣ* [IV, 2]: въ Солов. м. 6, въ моемъ м. 5 [сн. 3], въ Музейн. м. 10; изъ гл. 26-ой,

о Пругахъ: *Взыщутъ человѣцы смерти* [IX, 6]: въ Солов. м. 23, въ моемъ м. 23 [сн. 11], въ Музейн. м. 30. Такимъ образомъ выдѣленныя изъ одной главы двѣ мм. въ Солов. и моемъ Апокк.—соотвѣтствуютъ въ Музейномъ Апок. только одной миніатюрѣ. Такъ при гл. 33-й въ моемъ Апок. мм. 32 и 33, въ Солов. мм. 31 и 32, а въ Музейномъ только м. 41; при гл. 45 въ моемъ Апок. мм. 52 и 51, въ Солов. мм. 43 и 44, а въ Музейномъ только м. 57.

Вовторыхъ, сродство Соловецкаго Апок. съ моимъ оказывается въ способѣ помѣщенія миніатюръ на листахъ.

Какъ въ моемъ, такъ и въ Соловецкомъ миніатюры помѣщаются не только на одной страницѣ, какъ это принято обыкновенно, но и на двухъ страницахъ, лицомъ къ лицу, т. е. направо и налѣво, т. е. миніатюры двойныя, каковы въ Солов. Апок. мм. 9, 17, 33 [сн. 68], 36 [сн. 69], 41, 42 [сн. 71], 51 и 59. Съ послѣднею изъ этихъ миніатюръ слич. въ моемъ Апок. м. 68. Въ Музейн. Апок. всегда соединяются двойныя миніатюры въ простую, на одной страницѣ, какъ напр. въ м. 45-ой соединены двѣ моего Апок. мм. 38 и 39 [снн. 18 и 19], коимъ соотвѣтствуетъ въ Соловецкомъ выше означенная двойная м. 36 [сн. 69].

Иногда такое размѣщеніе сюжетовъ на двойной миніатюрѣ условливается въ моемъ Апок. выше сказаннымъ дѣленіемъ главы Толковаго Апок. на эпизоды. Такъ при гл. 42 [XIV, 9—12] въ моемъ Апок. двойная миніатюра, которую можно было принять за двѣ, мм. 46 и 47 [сн. 21], изъ которыхъ первая входитъ во вторую, какъ ея эпизодъ; такъ и въ Солов. Апок., хотя вовсе другой редакціи, соотвѣтствующія этимъ миніатюры 40 [сн. 70] и 41 такъ раздѣляютъ между собою содержаніе сказанной главы, что м. 40-я составляетъ эпизодъ миніатюры 41-ой.

Но самое замѣтное согласіе по размѣщенію сюжета предлагаетъ отрывокъ Соловецкой рукописи съ дефектными мм. 63 и 64, которыя сверхъ обычая и писаны на обѣихъ сторонахъ одного и того же листа: на одной сторонѣ въ три яруса фигуры на Страшномъ судѣ, какъ упомянуто выше, въ м. 64, а на другой, въ м. 63, Смерть и Адъ [земля и море] отдаютъ мертвецовъ: точно такъ же раздѣлено, какъ и въ моемъ Апок. на лицевой и оборотной сторонѣ въ мм. 72 и 73.

И тѣмъ разительнѣе это сходство въ размѣщеніи, что всѣ прочія двойныя миніатюры въ Солов. Апок. писаны только на одной сторонѣ двухъ листиковъ, направо и налѣво, а исподъ того и другаго остается бѣлымъ. Это произошло отъ того, что Соловецкая иллюстрація уже отвлечена изъ текста и не состоитъ съ нимъ въ связи; между тѣмъ какъ въ моемъ Апок. заднія стороны, какъ простыхъ, такъ и двойныхъ миніатюръ, исписаны текстомъ, за незначительнымъ исключеніемъ.

Втретьихъ, въ тѣсной связи съ предыдущей оказывается еще одна сходная примѣта, которая сама по себѣ не имѣла бы особеннаго значенія, но, состоя въ группѣ съ другими примѣтами, не только усиливаетъ сходство между обоими сравниваемыми памятниками, но и бросаетъ свѣтъ на генеологію ихъ родственнаго отношенія. А именно. Въ моемъ Апок., по тѣснѣйшей связи миніатюръ съ письмомъ, иконописецъ не могъ окружить ихъ рамками, такъ какъ онѣ иной разъ входили у него въ самыя строки писанія, или даже замѣняли своею надписью текстъ Откровенія и заглавіе главъ Толкованія. Что же касается до иллюстраціи Соловецкой, то она, будучи отлучена отъ текста, какъ самостоятельное цѣлое, отъ него не зависящее по своему внѣшнему составу, вовсе не могла налагать такихъ условій, чтобы миніатюры оставались безъ рамокъ: однако и въ ней рамокъ нѣтъ, такъ же какъ въ моемъ Апок., а это такая исключительная примѣта, которою эти два Апокк. отличаются отъ всѣхъ прочихъ, за исключеніемъ Тихонравовскаго половины XVII в. № 5, но и это исключеніе, какъ увидимъ послѣ, объясняется преемственностью въ происхожденіи этого послѣдняго памятника. Изъ указанной мною примѣты надобно заключить, что въ первоначальной редакціи, отъ которой пошли обѣ иллюстраціи, и моя и Соловецкая, рамокъ не было въ слѣдствіе объясненной выше тѣсной связи между миніатюрою и письмомъ, что̀ и удержалось въ бо́льшей сохранности въ моемъ Апок., а въ Соловецкомъ оказалось только внѣшнимъ слѣдомъ ранняго преданія, уже потерявшимъ свой смыслъ.

Наконецъ, вчетвертыхъ, наиближайшее сродство Соловецкой иллюстраціи съ моимъ Апок. состоитъ въ ея надписяхъ. Какъ уже было сказано, миніатюры не принадлежатъ къ рукописи Соловецкой, и вставлены въ нее изъ другой бо́льшаго размѣра,

и съ текстомъ не той редакціи, которая принята въ рукописи Соловецкой, а той самой, которая сохранилась съ ея характеристическими отличіями въ моемъ Апок. Это явствуетъ до полнѣйшей очевидности въ надписяхъ Соловецкой иллюстраціи, которыя, какъ это подробно объяснено въ слѣдующемъ за симъ описаніи миніатюръ, рѣшительно отличаются отъ текста Соловецкаго и вполнѣ согласуются съ принятымъ въ моемъ Апок. Смотр. напр. мм. 6, 7, 8, 19, 20, 29, 31, 32, 35, 38, 48 и друг.

Такимъ образомъ, Соловецкая иллюстрація XVI вѣка своимъ сродствомъ и даже своею зависимостію отъ моего Апок. XVII вѣка, отодвигаетъ этотъ послѣдній памятникъ на столѣтіе назадъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ, что уже въ XVI вѣкѣ была подновлена какая-то очень старая редакція Лицеваго Толковаго Апок. съ самостоятельнымъ оригинальнымъ текстомъ и съ миніатюрами ранняго иконописнаго стиля, состоявшими въ тѣснѣйшей связи съ текстомъ, согласно первоначальному и существенному ихъ назначенію служить толкованіемъ писанію и грамотою для безграмотныхъ.

Въ наибольшей чистотѣ сохранилась эта редакція въ моемъ Апок.; что же касается до Соловецкой иллюстраціи, то въ ней подъ руками мастеровъ югозападной Руси XVI вѣка она должна была принять рѣзкій отпечатокъ ученой школы того времени.

Отпечатокъ этотъ былъ уже наложенъ на самыя надписи Соловецкой иллюстраціи. Хотя, какъ уже сказано, по реченіямъ и вообще по тексту онѣ сходствуютъ съ редакціею письма въ моемъ Апок.; однако онѣ уже были переписаны писцомъ, который иначе произносилъ слова и пользовался другимъ правописаніемъ, соединяя признаки южнославянскаго письма съ говоромъ югозападной Руси, почти такъ же, какъ принято въ Кіевскомъ изданіи Копистенскаго 1625 г., такъ что по грамматическому характеру, надписи сближаются съ письмомъ всей рукописи Соловецкаго Апок., и вмѣстѣ съ нимъ должны быть отнесены къ одной и той же мѣстности и къ той же школѣ, которая потомъ дала намъ и сказанное изданіе Копистенскаго.

Такова внутренняя солидарность Соловецкаго письма съ миніатюрами, хотя онѣ первоначально и не принадлежали къ одной съ нимъ рукописи.

Указываю грамматическія примѣты сказанныхъ надписей, которыя въ слѣдующемъ за симъ описаніи приводятся сполна. Вопервыхъ, древнія формы: *судіи* вм. *судія* м. 57; повелительн. наклон. *пріидѣте*, *соберѣтеся* м. 58; потомъ, поюжнославянски: *покрійте* вм. *покрыйте* м. 15, *слонца* вм. *солнца* м. 21, *светыхъ* вм. *святыхъ* м. 40, *тисущникъ* вм. тысѧщникъ или *тысящникъ* м. 58; твердыя буквы вм. мягкихъ поюгозападному: *конъ* вм. *конь* мм. 10 и 12, *кровъ* вм. *кровь* мм. 19 и 46, *црквъ*, *олтарѣ*, вм. *церковь*, *олтарь* м. 27, *седмъ* вм. *седмь* мм. 35 и 43, *звѣръ* вм. *звѣрь* м. 37, *градущіи* и *граду*, вм. *грядущіи* и *гряду* мм. 17 и 65, *на вечеру* вм. *на вечерю* м. 58, род. пад. *великого* м. 58; вообще порусски: *о* вм. *ъ: во* вм. *въ* мм. 12, 15, 59; *вовержена* вм. *ввержена* м. 59; полногласіе: *воронъ* вм. *вранъ* м. 12. Въ начертаніи буквъ встрѣчаются элементы, и греческій и латинскій: греческій въ буквѣ Σ вм. Ϲ: Σε м. 12 и Σѣдмый м. 52, а въ м. 21 слова: *горе*, *горе*, *горе*, написаны почеркомъ олатыненнымъ.

Кромѣ этой олатыненной надписи, написанной чернилами, всѣ остальныя писаны киноварью.

Какъ письмо Соловецкаго Апок. систематически выправлено и значительно подчинено вліянію Вульгаты, такъ и иллюстрація представляетъ замѣчательную ровность и единство стиля искусственнаго, образовавшагося подъ вліяніемъ западнымъ. Ранній слой архаической редакціи, открываемый при посредствѣ моего Апок., такъ замалеванъ здѣсь новыми чертами западнаго стиля, что только самымъ копотливымъ анализомъ можно было вызвать изъ подъ этихъ позднѣйшихъ подмалевокъ первональный типъ изображеній, которыя вмѣстѣ съ принятыми въ моемъ Апок. идутъ отъ древнѣйшаго источника.

Ученая школа, въ которой составилась эта иллюстрація, могла располагать разными пособіями западнаго происхожденія, можетъ быть, и рукописными, но, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе старопечатными. Изъ послѣднихъ первое мѣсто дано было Апокалипсису Лютерову, гравюры котораго оказали очевидное вліяніе на нѣкоторыя изъ миніатюръ Соловецкаго юсоваго Апокалипсиса.

Въ слѣдующемъ за симъ описаніи миніатюръ подробно объяснена бо́льшая или меньшая зависимость нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ гравюръ Лютерова Апок.; здѣсь же ограничусь только сравнительнымъ перечнемъ тѣхъ и другихъ.

МИНІАТЮРЫ СОЛОВЕЦК. АПОК.	ГРАВЮРЫ ЛЮТЕРОВА АПОК.	МИНІАТЮРЫ СОЛОВЕЦК. АПОК	ГРАВЮРЫ ЛЮТЕРОВА АПОК.
21 [сн. 63]	11 [сн. 272].	51 [сн. 74 а]	20.
22 [сн 64]	12	53 [копія краск 6]. . . .	21.
26 [сн 65]	14.	54	11 [сн. 272].
29 [сн. 66]	15 [сн.274 а]	57 [сн. 74 б]	23.
31	16.	59 [сн 74 б] . . .	23.
32 [сн. 67]	16.	60 [сн. 75].	24 [сн. 275 а].
39	11 [сн. 272].	61	24 [сн. 275 а].
42 [сн. 71]	19 [сн 273].	62 [сн. 72]	25.

Нѣкоторыя изъ этихъ Соловецкихъ миніатюръ такъ близки къ Лютеровымъ оригиналамъ, что могутъ быть названы копіями съ нихъ, при самыхъ незначительныхъ измѣненіяхъ; напр. м. 42 [сн. 71] копія съ грав. 19-ой; м. 60 [сн. 75] копія съ грав. 23-ей; ландшафты въ мм. 21 [сн. 63] и 39 копіи съ грав. 11-ой. Другія миніатюры раздѣляютъ сюжетъ гравюры по частямъ, нарушая ея цѣлость; такъ двѣ мм. 31 и 32 [сн. 67] заимствованы изъ одной грав. 16-ой; наконецъ иныя удерживаютъ только какую нибудь характеристическую подробность, оставаясь во всемъ прочемъ независимыми отъ вліянія Лютеровой иллюстраціи; какъ напр. папская тіара на головѣ Перваго Звѣря м. 29 [сн. 66], можетъ быть, подъ вліяніемъ грав. 15-ой; подушка съ кистями, на которой лежитъ Вторый Звѣрь, или Агнецъ Неправедный, м. 51 [сн. 74 а] изъ грав. 20-ой, въ которой на такой же подушкѣ покоится Первый Звѣрь въ папской тіарѣ.

Впрочемъ, на долю рѣшительнаго вліянія Лютерова Апок., внѣ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ отнести только тѣ миніатюры, которыя до полной очевидности предлагаютъ копіи съ Лютеров. гравюръ; что же касается до прочихъ миніатюръ, хотя и согласныхъ съ этими послѣдними по западной редакціи разныхъ подробностей, то такое сходство можетъ быть отнесено на общій счетъ одинаковыхъ источниковъ западныхъ и вообще западнаго стиля редакцій какъ Соловецкой иллюстраціи, такъ и Лютеровыхъ гравюръ: о чемъ подробнѣе будетъ рѣчь впереди.

Такимъ образомъ, какъ текстъ Толковаго Апок. въ Соловецкой рук. помутился наносами католической Вульгаты, такъ и иллюстрація подверглась вліянію западному, и притомъ особенно изъ такого нѣмецкаго изданія, въ которомъ сюжеты гравюръ носятъ на себѣ печать личнаго участія самого Лютера.

Замѣчательно любопытное сочетаніе такихъ двухъ противо-

положныхъ элементовъ западной цивилизаціи, какъ католичество и лютеранство, въ одномъ и томъ же памятникѣ русской письменности и искусства XVI вѣка.

Само собою разумѣется, что за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ нельзя рѣшить, какимъ заграничнымъ изданіемъ пользовался мастеръ Соловецкой иллюстраціи, нѣмецкимъ ли оригиналомъ 1534 г., или изданіями позднѣйшими, или же перепечатками тѣхъ же Лютеровыхъ гравюръ въ Библіи Чешской по первому изданію 1549 г., или 1557 г., или по какому позднѣйшему, какъ въ Библіи Краковской 1561 г. Если основать рѣшеніе этого вопроса на папской тіарѣ въ Соловецк. м. 29 [сн. 60], то ея цѣльный видъ, безъ подчистки ея верхушки, можетъ быть отнесенъ только къ раннему изданію 1534 года [снн. 274 а, б]. Подробности см. въ V гл. Введенія.

Не смотря на очевидную зависимость указанныхъ миніатюръ Соловецкаго Апок. отъ Лютеровыхъ гравюръ, иногда доходящую до подчиненнаго отношенія копіи къ оригиналу, все же нашъ мастеръ относился къ своимъ западнымъ образцамъ до нѣкоторой степени самостоятельно, внося въ нихъ много своего по собственному разумѣнію. Любопытный примѣръ усвоенія чужеземнаго матеріала съ нѣкоторыми существенными видоизмѣненіями предлагаетъ м. 42 [сн. 71], скопированная съ 19 грав. [сн. 273]. Иногда, пользуясь Лютеровымъ Апок., нашъ мастеръ не забываетъ и своихъ національныхъ преданій, и старается совмѣстить западную новизну съ родною стариною.

Въ этомъ отношеніи замѣчательно подчиненіе западнаго матеріала ранней славяно-русской редакціи, дошедшей до насъ въ моемъ Апок. Такъ въ м. 21 [сн. 63] ландшафтъ 11-ой грав. [сн. 272] служитъ обстановкою для Орла, которымъ въ сказанной редакціи замѣняется Ангелъ, тогда какъ въ гравюрѣ, согласно Лютерову тексту, принятъ Ангелъ, а не Орелъ. Матеріалъ Лютеровой грав. 16-ой раздѣленъ на двѣ мм. 31 и 32 [сн. 67] по редакціи моего же Апок., въ мм. 32 и 33 [снн. 15 и 16].

Наибольшей свободою въ пользованіи чужимъ образцомъ достигаетъ мастеръ тогда, когда, отказываясь отъ завѣщаннаго стариною преданія, онъ усвоиваетъ себѣ не самый переводъ гравюры, а ея общую редакцію и ея новѣйшій стиль. Такъ въ м. 62 [сн. 62] традиціонный фантастическій сюжетъ съ чудо-

вищнымъ ополченіемъ Гога и Магога, какъ въ моемъ Апок., м. 70 [копія краск. 3]—замѣненъ изображеніемъ обыкновенной осады города въ стилѣ батальной живописи, въ какомъ этотъ сюжетъ представленъ въ 25 грав. Лютерова Апок.

Было уже замѣчено, что кромѣ Лютеровой Библіи мастеръ Соловецк. иллюстраціи пользовался и другими западными источниками и присматривался къ нимъ такъ внимательно, что усвоилъ себѣ изъ нихъ какъ способъ представленія, такъ и внѣшній художественный стиль.

Сюжеты въ слѣдующихъ миніатюрахъ носятъ на себѣ характеръ вообще западныхъ Апокк., установившійся довольно рано, уже въ XII в., и унаслѣдованный до XVI и даже XVII вѣка.

М. 14 [сн. 62]. Ангелы даютъ обнаженнымъ фигурамъ воскресшихъ мучениковъ одѣянія и ихъ облачаютъ. Въ Англосаксонскомъ Апок. XII в. изображенъ жертвенникъ въ видѣ длиннаго стола, или саркофага, который нѣкогда замѣнялъ собою олтарь; за нимъ стоитъ ангелъ, а подъ нимъ души пострадавшихъ за слово Божіе. Направо у жертвенника двое изъ этихъ послѣднихъ, уже воскресшіе, стоятъ обнаженные; ихъ одѣваютъ два ангела. Въ Инкунабулахъ XV в., въ грав. 12, тоже два ангела облачаютъ двухъ изъ мучениковъ за слово Божіе; рубашки, надѣваемыя съ головы, еще не успѣли спуститься до низу, оставляя открытыми задницы обоихъ; у одного уже высвободилась наружу голова, у другаго она еще покрыта надѣваемою рубашкою. Внизу такія же души, но еще обнаженныя, возстаютъ изъ гробовъ. По Нюренбергскому изданію Библіи 1483 г. и Венеціанскому 1492 г., при главѣ VII, за жертвенникомъ стоитъ ангелъ съ одеждами; подъ жертвенникомъ стоятъ воскресшія души уже одѣтыя. У Лютера въ 4-ой грав. тоже ангелъ съ одеждами для обнаженныхъ душъ; наконецъ у Пискатора, перепечатавшаго Лицевой Апокалипсисъ Борхта 1582 г., ангелъ, стоя позади жертвенника, раздаетъ двумъ ангеламъ одежды; подъ жертвенникомъ лежитъ множество душъ; а внизу на землѣ другіе ангелы одѣваютъ обнаженныхъ, грав. 6. Слич. въ моихъ Апокк., юсовомъ м. 23, и 1671 г. м. 16.

М. 22 [сн. 64], заимствованная изъ Лютеровой грав. 12-ой, съ Пругами въ видѣ саранчи [сн. 274 в], которая, какъ у насъ, такъ и на западѣ въ позднѣйшихъ апокалипсич. изображеніяхъ,

замѣнила традиціонныя чудовища, согласныя съ текстомъ Откровенія. У Пискатора въ грав. 14-ой они въ видѣ тѣхъ же насѣкомыхъ, сходны по общему рисунку съ Лютеровыми, только крылья не угловатыя, какъ у Лютера, а закругленныя.

М. 26 [сн. 65]. Іоаннъ вкушаетъ книгу, держа во рту одинъ изъ угловъ ея, и Облачный ангелъ, вмѣсто ногъ, стоитъ на колоннахъ, изъ-подъ базисовъ которыхъ виднѣются его обнаженныя ступни: то и другое въ томъ же видѣ и у Лютера, грав. 14. Въ Пражск. Апок. XIV, стр. 105, Іоаннъ тоже вкушаетъ книгу, а Облачный ангелъ, хотя еще и въ обыкновенномъ одѣяніи, а не изъ облаковъ, но, вмѣсто ногъ, тоже колонны, только изъ-подъ базисовъ ихъ ничего не видать [сн. 263 а]. Что касается до изданія Пискатора, то въ немъ согласно съ Лютеров. грав.

М. 42 [сн. 71], заимствованная изъ Лютеровой грав. 19 [сн. 273], сколько мнѣ извѣстно, впервые въ исторіи нашихъ Лицевыхъ Апокк. предлагаетъ западный сюжетъ винодѣлія, котораго не знаютъ собственно русскія иллюстраціи и упорно отступаютъ въ этомъ только случаѣ отъ своего основнаго принципа неуклонно слѣдовать тексту писанія. Напротивъ того на западѣ, согласно 18-20 стихамъ XIV-ой гл. Откровенія, съ самыхъ раннихъ временъ и до позднѣйшихъ постоянно въ иллюстраціи этого текста изображается виноградъ и винодѣліе.

Изъ отдѣльныхъ предметовъ утвари и костюма, внесенныхъ съ запада, обращаю вниманіе на слѣдующіе:

Коса, которую держитъ Смерть, мм. 13 и 23; по другимъ лучшимъ редакціямъ нашимъ Смерть или съ пустыми руками, или держитъ серпъ, трубу, или же какое другое орудіе. Такъ было въ старину и на западѣ; но въ послѣдствіи первенство отдано было косѣ, которая стала не только постояннымъ атрибутомъ апокалипсической Смерти, но замѣняетъ собою серпъ даже въ рукахъ Господа Бога, который отдаетъ ее ангелу, и этотъ послѣдній не серпомъ жнетъ пшеницу, а коситъ ее косою, какъ въ Нюренбергской Библіи 1483 г. и въ Венеціанской 1492 г. при главѣ XVII. См. въ IV гл. Введенія.

Шляпа съ широкими полями, въ родѣ нынѣ употребляемыхъ, м. 48 [сн. 73], принадлежность костюма, очень обыкновенная въ западномъ костюмѣ XVI в., какъ свидѣтельствуютъ живопись и гравюры того времени. Смотр. ангела въ

шляпѣ съ широкими полями въ Лютеровой грав. 19-ой [сн. 273].

Одѣяніе Вавилонской Любодѣицы съ длиннымъ шлейфомъ, м. 53 [копія краск. 6], какъ въ Лютеровой грав. 21-ой.

Четвероугольная подушка съ кистями, въ м. 51 [сн. 74 а], какъ въ Лютеровой грав. 20-ой. Въ изданіи Пискатора такая же подушка въ видѣ скамейки на ножкахъ, грав. 22.

Папская тіара на головѣ Перваго Звѣря, въ м. 29 [сн. 66], такъ же какъ у Лютера въ гравв. 15 [сн. 274 а] и 20, согласно толкованію, которое самъ реформаторъ помѣстилъ на полѣ страницы противъ текста въ главѣ XI, при словѣ Thier: «Der weltliche Bapst», и потомъ въ главѣ XIII, тоже на поляхъ: «Das dritte Wehe der Bepstliche grewel im weltlichen wesen» — «Das Thier ist das Romisch Reich uud thet solchs da es noch Heidnisch var. Der Bapst richtet Reich wieder an». Впрочемъ, надобно знать, что еретическое сближеніе Римскаго папы съ апокалипсич. Звѣремъ еще задолго до Лютеровой Библіи внушало художникамъ мысль короновать этого Звѣря папскою тіарою. Такъ въ томъ же Венеціанскомъ изданіи Библіи 1492 г., при XIII главѣ Откровенія, изображенъ въ гравюрѣ Первый Звѣрь съ семью главами, изъ которыхъ шесть звѣриныя безъ коронъ, а седьмая, посреди ихъ, съ человѣчьею головою въ трехъярусной папской тіарѣ. Въ Соловецкую иллюстрацію это сближеніе Перваго Звѣря съ Римскимъ Первосвященникомъ перешло не изъ Венеціанской Библіи, съ рисунками которой она ничего не имѣетъ общаго, а, вѣроятно, изъ Лютеровыхъ гравюръ, которыя, какъ указано, вообще имѣли на нее сильное вліяніе. Сверхъ того, въ нашихъ позднѣйшихъ Апокк. еще очевиднѣе, чѣмъ въ Соловецкомъ, удерживается Лютеровъ типъ Перваго Звѣря, воспроизведенный въ копіи съ выше указанной 15 грав. [сн. 274 а]; а именно: въ Хлудовск. № 358, 1708 г., м. 30 [сн. 195] и въ Апок. СПБ. Q, отд. I, № 441, XVIII в., м. 22 [сн. 208]. Что же касается до Соловецкой м. 29 [сн. 60], то Звѣрь постановленъ въ ней уже на дыбы, а папская тіара на головѣ его безъ двухъ лопастей, или лентъ, составляющихъ ея неотъемлемую принадлежность.

Въ отличіе отъ папской тіары на главѣ Господа Бога, возсѣдающаго на конѣ, помѣщена многоярусная корона, состоящая изъ трехъ или нѣсколькихъ коронъ одна надъ дру-

гою, мм. 57 и 59 [сн. 74 б], согласно съ принятою въ Лютеровомъ Апок. въ грав. 23, откуда перешла въ Библію Борхта 1582 г. [сн. 275 г], и потомъ черезъ посредство изданій Пискатора довольно часто была усвояема въ нашихъ позднѣйшихъ Лицевыхъ Апокк., напр. въ Тихохрав. въ 8-ку Петровск. времени, м. 61 [сн. 238 г].

Такой памятникъ русской письменности, какъ Соловецкій Апок., проникнутый столь сильнымъ вліяніемъ чисто западнаго позднѣйшаго стиля, представляетъ очень мало поживы для исторіи нашей иконографіи, какъ въ ея раннихъ древнехристіанскихъ источникахъ, такъ и въ особенностяхъ византійскаго характера.

Типъ Еммануила въ этой иллюстраціи не встрѣчается ни разу.

Нѣтъ также и Духа Святаго.

І. Х. и Господь Саваоѳъ мало отличаются между собою своими типическими примѣтами, такъ какъ въ этомъ Апок. вовсе нѣтъ ни крестнаго сіянія, ни угловатаго, а Имъ обоимъ дается сіяніе простое, и при томъ или въ два круга, или въ одинъ. Если принять за отличительную примѣту Іисуса Христа каштановые волосы и бороду, то изображеніе его встрѣчается шесть разъ, въ мм. 2, 4 [сн. 60], 42 [сн. 71], 55, 57 и 59 [сн. 74 б]. Господь Саваоѳъ встрѣчается трижды: въ м. 7 Онъ одинъ, а въ мм. 9 и 17 съ св. Агнцемъ. Этотъ послѣдній одинъ встрѣчается только однажды, въ м. 38. Господь Саваоѳъ и Агнецъ имѣютъ двойное сіяніе, т. е. въ два круга, а І. Х. иногда двойное, иногда простое, т. е. въ одинъ кругъ.

По этому двойному сіянію Соловецкая иллюстрація опять сходствуетъ съ принятою въ моемъ Апок. ранней редакціи, напр. въ м. 8 [сн. 237 а].

Кресты господствуютъ четвероконечные, безъ сомнѣнія, не по преданію древнехристіанскому, а подъ вліяніемъ позднихъ западныхъ образцовъ. Такъ въ м. 16 ангелъ держитъ четвероконечный крестъ въ рукѣ, и такой же формы кресты начертаны на челѣ праведныхъ. Такіе же кресты на церквахъ въ мм. 27, 31.

Солнце, въ которомъ является св. Жена, въ м. 32 [сн. 67], имѣетъ форму продолговатаго овальнаго ореола съ сіяніемъ въ видѣ извивающихся языковъ пламени, форма, заимствованная

отъ запада. Въ такомъ же ореолѣ св. Жена въ Венеціанской Библіи 1492 г. при гл. XII, а въ XVII в. въ изданіи Пискатора въ грав. 18.

Упомянутые языки пламени, на западный манеръ, окружаютъ въ описываемой иллюстраціи и вообще дискъ солнца, въ мм. 48, 50.

Что же касается до самаго типа св. Жены, то по распростертымъ рукамъ, напоминая фигуры молящихся въ живописи катакомбъ и въ барельефахъ саркофаговъ, онъ сходствуетъ съ принятымъ въ моемъ Апок. ранней ред. м. 33 [сн. 16].

Типъ ангеловъ подновленъ западнымъ вліяніемъ, и въ головномъ уборѣ, и въ одѣяніи, и въ крыльяхъ. Волосы у нихъ не въ кудряхъ, а гладкіе, иной разъ имѣютъ видъ остриженныхъ головъ у католическихъ монаховъ. Нѣтъ ни діадимъ, ни тороковъ, или слуховъ. Крылья раскрашены разноцвѣтными полосами, вдоль крыла: красною и зеленою, или вишневою, синею и красною, или зеленою, красною, синею и вишневою, или вишневою и желтою.

Впрочемъ, по Водному ангелу, который не обнаженъ, какъ геній, а одѣтъ въ свои ризы, Соловецкая иллюстрація, въ м. 47, опять согласуется съ принятою въ моемъ Апок. м. 55 [сн. 24].

Въ типахъ Иліи и Еноха хотя соблюдено нѣкоторое традиціонное между ними различіе, но оба они одѣты уже въ какія-то монашескія рясы верблюжьяго цвѣта; сверхъ того волосы у Иліи не взъерошенные, какъ принято у насъ, а гладко спускаются съ его широкаго лба по обѣ стороны, мм. 28 и 29 [сн. 66].

Типъ дьяволовъ двоякій: одинъ согласуется съ общепринятымъ у насъ, т. е. человѣкообразная фигура съ щетинистыми волосами дыбомъ, въ видѣ каски, м. 33 [сн. 68], а другой, на западный манеръ, въ видѣ фантастическихъ чудовищъ, м. 54.

Западный типъ Сатаны, мм. 60 [сн. 75] и 61, взятъ, какъ уже указано, изъ Лютеровой гравюры 24-ой [сн. 275 а].

Изъ Лютеровой же гравюры 12-ой взятъ и типъ Аваддона, м. 22 [сн. 64].

Архаическое соединеніе семи головъ апокалипсическаго Звѣря, на которомъ сидитъ Вавилонская Любодѣица, м. 53 [копія краск. 6], по стилю относится къ одной редакціи съ мм. 33,

36 и 61 моего Апок. [сн. 16 и 17]. Впрочемъ, Первый и Вторый Звѣри носятъ на себѣ вообще характеръ позднѣйшій западный, мм. 29 [сн. 66] и 51 [сн. 74 а].

Осталось неизвѣстнымъ, въ какихъ типахъ были представлены Адъ, Земля и Море, которымъ, судя по надписи, слѣдовало быть въ м. 63, оторванной въ той части ея, гдѣ были они изображены.

Къ характеристическимъ особенностямъ принадлежатъ слѣдующія:

Первое мѣсто между ними занимаетъ, въ 1-ой м., внесеніе въ апокалипсич. иллюстрацію Моисея, которому ангелъ подаетъ скрижали. Изъ всѣхъ, мнѣ извѣстныхъ, русскихъ Апокк. только въ одномъ Тихонрав. Апок. половины XVII в., № 5, посвящается этому ветхозавѣтному лицу тоже особенная миніатюра, именно 4-я.

I. X. держитъ свитокъ, вмѣсто книги, м. 2, какъ въ моемъ Апок. ранней редакц. м. 1 [сн. 1].

Онъ же въ м. 4. [сн. 60] въ правой рукѣ держитъ семь звѣздъ, какъ въ Лютеровой грав. 1-ой [сн. 271 а], что̀ принято въ нашихъ позднѣйшихъ редакціяхъ, напр. въ Хлудовск. Апок. № 359, 1708 г., м. 23 [копія краск. 22].

Въ той же 4-ой м., въ лѣвой рукѣ I. X. держитъ три ключа, а не два.

Наложеніе печати отъ ангела оставляетъ на челѣ знакъ креста, м. 16, а отъ дьявола знакъ чернаго пятна, м. 41. Хотя начертаніе креста на челѣ встрѣчается еще въ древнехристіанской иконографіи [сн. 240 а], но въ Соловецкую иллюстрацію эта особенность взята, вѣроятно, изъ какого нибудь западнаго источника. Слич. въ Нюренбергской Библіи 1483 г. грав. 3 при гл. VII.

Изъ четверыхъ апокалипсич. Всадниковъ первые три въ сіяніяхъ, мм. 10, 11 и 12.

Вмѣсто олтаря, или же самого Іисуса Христа, который по толкованію знаменуется символомъ олтаря, при стихѣ 7 гл. XVI, изображенъ ангелъ, м. 47, согласно съ принятымъ въ Соловецк. рукописи текстомъ.

Въ самый торжественный моментъ провозглашенія аллилуіи старцы нарушаютъ церемоніалъ, позабывъ снять съ своихъ головъ вѣнцы, м. 55.

Ангелъ держитъ открытое Евангеліе, обративъ его листами къ себѣ, а не отъ себя, какъ принято у насъ въ другихъ редакціяхъ, м. 39.

Когда книга открыта, то на ея страницахъ принято у насъ начертывать настоящее писаніе, т. е. текстъ, который можно прочесть. Вмѣсто того въ мм. 26 и 55 на листахъ книги писаны только для виду какія-то черты и каракули, а не буквы и слова.

Разсмотрѣвъ въ подробности матеріалъ, или содержаніе Соловецкой иллюстраціи, обращаюсь теперь къ ея стилю.

Не смотря на смѣсь такихъ противоположныхъ элементовъ, каковы Лютеровъ Апок. и другіе западные источники, съ одной стороны, и архаическое преданіе ранней русской редакціи моего Апок., иллюстрація эта представляетъ не случайный сборникъ разнохарактерныхъ копій, не соотвѣтствующихъ одна другой, а довольно стройное цѣлое, выдержанное въ одномъ стилѣ, какъ бы произведеніе сознательнаго художества, въ извѣстной степени подчиненное личному замыслу мастера. Вмѣстѣ съ матеріаломъ мастеръ усвоилъ уже себѣ и западный стиль и настолько имъ овладѣлъ, что все заимствованное изъ византійско-русскихъ преданій умѣлъ подновить въ стилѣ всей иллюстраціи, устранивъ изъ этихъ преданій всѣ архаическія формы символовъ и стилизаціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не рабски подчинился и Лютеровымъ гравюрамъ, измѣняя и дополняя свои копіи съ нихъ нѣкоторыми особенностями нашей національной иконографіи, усвоенной русскими Апокалипсисами, какъ напр. въ мм. 42 [сн. 71], 53 [копія краск. 6].

Хотя, какъ замѣчено выше, Соловецкая иллюстраціи не могла быть составлена ранѣе первыхъ изданій иллюстраціи Лютеровой въ нѣмецкой Библіи 1534 г., но она по своему стилю, хотя рѣшительно западному, отличается отъ стиля Лютеровыхъ гравюръ, что̀ легко можетъ усмотрѣть всякій изъ выше приведеннаго сличенія Соловецкихъ копій съ Лютеровыми оригиналами.

Слѣдовательно, въ той школѣ, гдѣ была составлена описываемая мною иллюстрація, западный стиль уже настолько утвердился и окрѣпъ уже въ первой половинѣ XVI в., что могъ выдержать свою самостоятельность даже подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ, какое произведено было на эту иллюстрацію Люте-

ровымъ Апок. Къ тому времени, которое предшествовало этому вліянію, надобно отнести и взаимную ассимиляцію древняго и новаго, своего и чужаго, византійско-русскаго и западнаго, о которой было выше сказано. Лютеровы гравюры были далеко не единственнымъ источникомъ западнымъ для мастера Соловецкой иллюстраціи, а только дополненіемъ уже къ готовому матеріалу, тоже въ западномъ стилѣ обработанному въ той школѣ, къ которой онъ принадлежалъ.

Стиль Соловецкой иллюстраціи есть западный, но не тотъ древній, каковъ въ Бамбергскомъ, Англосаксонскомъ, Альтамировомъ и въ другихъ раннихъ Апокк. западныхъ, еще не утратившихъ своего древнехристіанскаго и византійскаго сродства съ нашими лучшими редакціями, а стиль западный позднѣйшій, эпохи Возрожденія, когда иконопись уже уступила свое мѣсто живописи. Это стиль не иконописный, а уже живописный.

Соловецкая иллюстрація не знаетъ уже ни символовъ, ни стилизаціи, не допускаетъ ничего условнаго и недосказаннаго, таинственно подразумѣваемаго подъ традиціонными знаками, которые должны не живописать апокалипсическое видѣніе, а только намекать на него, какъ іероглифъ. Напротивъ того, каждое видѣніе изображено въ видѣ исторической картины въ соотвѣтствующемъ сюжету ландшафтѣ, съ зелеными полями, на которыхъ растутъ деревья или раскинулся городъ у рѣки, а черезъ рѣку изъ-подъ башни отъ городскихъ воротъ идетъ мостъ, мм. 21 [сн. 63], 30, 39, 54. Чествованіе Вавилонской Любодѣицѣ происходитъ подъ развѣсистыми деревьями, м. 53 [копія краск. 6]. Видѣніе св. Жены съ Зміемъ совершается на зеленомъ лугу съ лѣсомъ, замѣняющимъ пустыню, куда должна скрыться эта Жена, м. 34. На зеленомъ же лугу стоитъ Змій и въ м. 32 [сн. 67], хотя своимъ хвостомъ и совлекаетъ съ неба третью часть звѣздъ. Группа скученныхъ между собою семи Церквей съ ангелами, имѣющая видъ символическаго фронтисписа въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 4 [сн. 2], здѣсь разбита на семь отдѣльныхъ картинокъ одна надъ другой, изъ которыхъ каждая представляетъ на зеленомъ лугу отдѣльно отъ прочихъ одну изъ семи Церквей съ ея ангеломъ, м. 5 [сн. 61].

Когда нужно изобразить небо, оно пишется не символиче-

скими знаками въ видѣ полукружія или ореола, а какъ обыкновенное въ ландшафтахъ небо, съ синеватыми облаками, не въ стилизованной формѣ симметрическихъ завитковъ каллиграфическаго стиля, какъ въ другихъ нашихъ редакціяхъ, а въ довольно натуральномъ видѣ широко клубящихся массъ, которыя отдѣляютъ небесное отъ земнаго, какъ въ западной живописи XV или XVI в.

Натурализмъ замѣнилъ уже традиціонную рутину иконографическихъ пріемовъ и символовъ, и все необычайное и чудовищное, столько подручное для стиля византійско-романскаго, низводится уже до обыкновенной дѣйствительности. Полчище Гога и Могога и осада стана святыхъ, изображаемыя въ другихъ нашихъ Апокалипсисахъ въ этомъ средневѣковомъ, тератологическомъ стилѣ, здѣсь представлены уже въ новѣйшемъ вкусѣ исторической живописи, мм. 50 и 62 [сн. 76].

Ненужныя подробности изъ дѣйствительности, пригодныя для ландшафта, нарушаютъ иногда таинственность и выспренность видѣнія. Такъ напр. вовсе неумѣстенъ корабль на морѣ, изъ котораго выходитъ Первый Звѣрь, м. 35; тоже только для внѣшней прикрасы изображены похороны въ видѣніи звѣзды Апсинѳоса, м. 20.

Для удовлетворенія условіямъ картинности иногда жертвуется существенными законами иконописнаго приличія. Такъ люди, которые должны бы поклоняться св. Агнцу, стоятъ къ нему задомъ, обратившись лицомъ къ зрителю, какъ актеры въ театрѣ, и самъ Агнецъ изъ небесной области низведенъ на землю и помѣщенъ на холмѣ, по западному обычаю, м. 38.

Полатное письмо, составленное подъ вліяніемъ позднѣйшаго западнаго стиля, не представляетъ въ себѣ ничего особеннаго. Тому же вліянію подчиненъ и рисунокъ Кивота Завѣта, заимствованный изъ 16 грав. Лютерова Апок.

Фряжская листва съ цвѣтами въ райскомъ жилищѣ св. Жены, м. 56 [копія краск. 7], писана во вкусѣ западныхъ орнаментовъ, усвоенныхъ въ Инкунабулахъ XV вѣка, напр. въ Гутенберговой Библіи 1455 г. и въ Маинцкой 1462 г. *.

Человѣческія фигуры коротки и круглолицы, что̀ придаетъ имъ полноту, иногда доходящую до одутлости, чѣмъ особен-

* Noel Humphreys, A history of the art of printing. London, 1867. Табл. 14 и 17.

но рѣзко отличается стиль описываемой иллюстраціи отъ Лютеровыхъ гравюръ, и именно въ копіяхъ съ нихъ.

Лица, не только юныя, но и старческія, по бѣлому фону наведены легкимъ румянцемъ, сообщая старцамъ моложавость и вообще всѣмъ фигурамъ что-то слащавое.

Эта полнота и изнѣженность, которыми мастеръ стремился выразить красоту, налагаютъ на всѣ фигуры печать однообразія, лишеннаго всякой характерности, и, будучи чужды строгому стилю нашей иконописи, сближаютъ описываемую иллюстрацію съ западною миніатюрною живописью XV вѣка.

Въ Соловецкомъ Апок., такъ же какъ и въ моемъ ранней редакціи, фигуры писаны въ крупномъ размѣрѣ, а не мелкія, какъ напр. въ редакціи Филаретовско-Чудовской, или въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в.

Рисунокъ выведенъ очень бойко, широкими чертами; раскрашенъ акварелью. Мастеръ имѣлъ подъ руками довольно разнообразный запасъ красокъ и пользовался имъ не скупясь; потому не прибѣгалъ къ разведенію водой одной и той же краски, чтобы разнообразить тѣмъ колоритъ и оттѣнять бо́льшею и меньшею густотою, а разнообразилъ колоритъ разными красками, какими могъ располагать, какъ напр. въ полосахъ, которыми покрывалъ крылья ангеловъ, какъ было объ этомъ упомянуто выше.

Въ противоположность другимъ нашимъ редакціямъ, которыя отличаются неразборчивостью въ употребленіи красокъ, употребляя колоритъ не соотвѣтствующій природѣ вещей, какъ напр. въ Апок. МПМ. № 156, мастеръ описываемой иллюстраціи, держась стиля живописнаго, руководствуется подражаніемъ природѣ, и каждому предмету хочетъ дать его настоящій колоритъ, будь то облако, вода, или зеленое дерево съ темнымъ стволомъ.

Землю онъ покрываетъ обыкновенно зеленымъ лугомъ, и вообще предпочитаетъ равнину горамъ.

Впрочемъ, дѣлаетъ онъ уступку иконописной рутинѣ въ употребленіи золота. Сіянія, утварь, какъ-то: кадильницы, короны, подсвѣчники, трубы, стремена, а также звѣзду Апсинѳосъ, пояса и полосы въ одеждѣ, покрываетъ онъ золотомъ, по которому обыкновенно проводитъ киноварью линіи и орнаменты, употребляя при этомъ гвашь.

Замѣчательный образчикъ колорита по темному фону предлагаетъ м. 49 [копія краск. 5], для разнообразія въ краскахъ см. м. 53 [копія краск. 6].

Монохромъ, какъ стилизованный пріемъ архаическаго стиля, вовсе исключенъ въ иллюстраціи Соловецкой, какъ форма не нужная въ стилѣ, соотвѣтствующемъ подражанію природѣ.

Исключеніе представляетъ здѣсь рисунокъ ватаги дьяволовъ, сгруппированныхъ по темному фону очеркомъ колоссальной фигуры Великаго Змія, м. 33 [сн. 68].

Въ заключеніе надобно сказать объ одной очень крупной особенности, которою стиль этой иллюстраціи отличается отъ прочихъ нашихъ редакцій, за исключеніемъ моего юсоваго Апок. XVI в. и Апок. графа Уварова, № 58, половины XVII в. Это именно стремленіе выразить, сколько возможно, натурально нравственное и физическое состояніе человѣка, его печаль, отчаяніе, страданіе, или же спокойствіе сна и безмятежность смерти праведныхъ и т. п.; смотр. напр. мм. 45, 48 [сн. 73], 52, 4 [сн. 60], 40 [сн. 70]. Эти тонкости живописнаго стиля, навѣянныя западнымъ вліяніемъ, вообще оставались внѣ интересовъ нашихъ мастеровъ, украшавшихъ миніатюрами другіе русскіе Апокк., да были имъ и не по силамъ.

Наконецъ, еще разъ обращаюсь къ надписямъ, чтобы завершить предложенную мною характеристику западнаго стиля, господствующаго въ Соловецкой иллюстраціи. Дѣло касается теперь не содержанія надписей, а ихъ внѣшней формы. У насъ въ старину вообще, равно какъ и во всѣхъ Апокалипсисахъ настоящаго греко-русскаго стиля, принято писать надписи строками поперекъ широкой хартіи. Въ иллюстраціи Соловецкой иногда удерживается этотъ національный обычай, напр. въ м. 5 [сн. 61], но вообще принятъ обычай западный, вмѣсто широкаго свитка, употреблять длинную и узкую полосу, въ видѣ ленты, и писать надпись строками вдоль такой ленты, иногда даже въ одну строку, какъ напр. въ мм. 39, 40 [сн. 70], 41, 47. Уже одна эта лента, постоянно бросающаяся въ глаза, служитъ для Соловецкой иллюстраціи какъ бы ярлыкомъ, или вывѣскою ея западнаго стиля.

Не смотря на подробное изслѣдованіе этой иллюстраціи, здѣсь предложенное, мнѣ нужно будетъ еще разъ обратиться къ ней, чтобы добавить это изслѣдованіе нѣкоторыми весьма суще-

ственными положеніями, касающимися ея происхожденія. Это будетъ сказано въ описаніи Тихонравовскаго Апок., № 5, половины XVII в., состоящаго въ тѣсномъ сродствѣ съ этимъ Соловецкимъ юсовымъ Апок.

---

1) Въ самомъ началѣ рукописи, передъ сказаніемъ Андрея Кесарійскаго объ Апокалипсисѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. стоитъ изображеніе Андрея Кесарійскаго, м. 3, помѣщено слѣдующее характеристическое изображеніе. Наверху въ правомъ углу небо, состоящее изъ округлыхъ полосъ, синихъ и голубыхъ. Изъ нихъ до половины выказывается ангелъ. Онъ подаетъ фигурѣ въ сіяніи, стоящей внизу налѣво, скрыжали, въ формѣ двухъ досокъ, округленныхъ сверху и положенныхъ одна на другой. Надъ фигурою надпись: *Моисей*. На верхней скрыжали черниломъ начертано еврейское письмо, позднѣйшею рукою. Это ветхозавѣтное лицо, принятое и въ Тихонр. Апок. половины XVII в., м. 4, составляетъ особенность Соловецкаго Апок.

2) I, 1. Тотъ же переводъ, что̀ и въ моемъ Апок., м. 1 [сн. 1], только подновленъ. I. X. такъ же десницею благословляетъ, а въ лѣвой рукѣ держитъ свитокъ, но въ сіяніи простомъ и въ синемъ ореолѣ. Іо., въ той же самой позѣ, только беретъ книгу голыми руками, тогда какъ въ моемъ Апок. спускающаяся отъ рукъ драпировка даетъ разумѣть, что въ первоначальномъ оригиналѣ этою драпировкою онъ покрывалъ свои руки для принятія въ нихъ святыни. Въ моемъ Апок. ангелъ съ желтыми, т. е. золотыми, крыльями, здѣсь—съ зелеными. Надпись та же: *Посла Господь ангеломъ* и пр., но надъ Іо. надписи нѣтъ.

3) I, 9. Тотъ же переводъ, что̀ и въ моемъ Апок., м. 2, и въ Апок. МПМ. м. 2 [сн. 32], и въ такой же одеждѣ—низъ красный, верхъ зеленый. Надпись: *С. Іоанъ Феологъ во острови патме*.

4) I, 10-20 [сн. 60]. Господь, означенный въ текстѣ: «подобенъ сыну человѣчу»—изображенъ въ типѣ и костюмѣ западнаго стиля. По бѣлой, съ зеленымъ оттѣнкомъ, туникѣ наброшена, начиная отъ колѣнъ, тога, какъ принято въ классиче-

скомъ искусствѣ драпировать Зевса, или Юпитера. Въ десницѣ по тексту держитъ семь звѣздъ—особенность, которою Солов. Апок. отличается отъ моего и МПМ.; въ лѣвой держитъ ключи, и не два, какъ указано въ текстѣ: «ключи ада и смерти», а три, хотя въ самомъ текстѣ Солов. рукописи значится двойств. число *ключа*. На головѣ вѣнецъ, не указанный текстомъ, и волосы не бѣлые «аки ярина бѣлая, яко же снѣгъ», а съ коричневымъ оттѣнкомъ. Глаза отъ бровей покрыты сплошь киноварью, по тексту: «очи его яко пламень огненъ»: подробность, которая опускается въ нашихъ старыхъ редакціяхъ и принята только въ позднѣйшихъ, отличающихся западнымъ вліяніемъ. Сіяніе на головѣ простое. Іо. палъ, но не къ ногамъ Господа Бога, а отворотившись отъ него къ зрителямъ, и смежилъ очи, будто спитъ: «яко мертвъ»—сказано въ текстѣ. Надписи по сторонамъ главы Господа Бога: *Видѣхъ посреди светилникъ златыхъ подобие сына человѣча яко трубу глаголющу*—и: *отъ устъ его оружіе обоюду остро исходяще;* но въ текстѣ этой рук.: *изъ устъ его мечь обоюдъ̀остръ исходя*. Надъ Іо. надписано: *падохъ предъ ногама его яко мертвъ;* но въ самой рук. *при ногу его*; во моемъ Апок. *подъ ногама его;* въ исправл. *къ ногама его*.

5) II и III [сн. 61]. Всѣ ангелы семи Церквей на одной миніатюрѣ, какъ въ моемъ Апок., м. 4 [сн. 2]. И по надписямъ, и по порядку въ размѣщеніи ангеловъ очевидно, что обѣ эти мм. одной редакціи, но Соловецкая отличается отъ моей рѣшительно другимъ переводомъ, какъ въ типахъ ангеловъ, такъ и въ архитектурѣ храмовъ, и особенно въ ландшафтномъ стилѣ помѣщенія каждой Церкви на своемъ собственномъ, отдѣльномъ участкѣ зеленой почвы. Это не стилизованный фронтисписъ, какъ въ моемъ Апок., а собраніе на одномъ листѣ отдѣльныхъ картинокъ, въ которыхъ семь Церквей расположены рядами, помѣщенными одинъ подъ другимъ, какъ въ рельефѣ романскаго стиля [сн. 241 а], въ Англосаксонск. Апок. XII в., на л. 3 и въ Инкунаб. XV в., грав. 5.

6) IV, 2. Той же редакціи, что̀ въ моемъ Апок. м. 5 [сн. 3], только въ подновленномъ переводѣ. Ангелъ такъ же распростеръ лѣвую ладонь, но приподнялъ ее значительно выше, чѣмъ нарушены изящныя линіи первоначальнаго рисунка, и вообще вся группа, потерявъ свой пластическій монументаль-

ный характеръ, подчинилась стилю ландшафтному. Іо. идетъ еще по зеленому полю, а увлекающій его ангелъ уже поднимается на воздухѣ, хотя и положилъ правую руку на плечо его. И надпись та же: *абие быхъ въ дуси*, но, разумѣется, не имѣетъ той солидарности съ текстомъ рукописи, какая показана въ моемъ Апок., и сверхъ того она даже и не соотвѣтствуетъ вовсе тексту своей рукописи, въ коей значится такъ: *абіе же взятъ быхъ въ дусь*. Надобно замѣтить, что эта миніатюра служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ свидѣтельствъ сродства Соловецкаго Апок. съ моимъ по ихъ родоначальной редакціи. Вопервыхъ, она, какъ эпизодъ, выдѣлена изъ цѣлой главы Толковаго Апокалипсиса, именно 10-ой, и вовторыхъ, въ обоихъ Апокк. она слѣдуетъ за миніатюрою съ семью ангелами.

7) IV, 1-11. V, 1. Въ зеленомъ ореолѣ, окруженномъ синею полосою съ херувимами, возсѣдаетъ на желтомъ престолѣ Господь Саваоѳъ, съ непокрытою головою, сѣдовласый и съ большою, сѣдою же бородой, но не въ осмиконечномъ, угловатомъ сіяніи, а въ обыкновенномъ, только двойномъ, изъ двухъ концентрическихъ круговъ, отдѣленныхъ между собою тѣневою полосою, какое иногда встрѣчается и въ моемъ Апок. Десницею благословляетъ, лѣвою рукой держитъ на колѣняхъ книгу съ семью печатями, которыя торчатъ по обѣ ея стороны, въ видѣ золотыхъ шариковъ на стебелькахъ. Окрестъ престола четыре символич. животныхъ. По обѣимъ сторонамъ ореола и до самаго низу миніатюры склоняются съ престоловъ Старцы, держа въ рукахъ свои короны. Подъ ореоломъ семь свѣщниковъ. Подъ ними въ самомъ низу пригорокъ и зеленаго цвѣта «стклянное море». Надпись: *и се престолъ стояше на небеси. и на престоле сѣдяй подобенъ виденіемъ камени самфиру и аспиду и сардію. и округъ престола дуга подобна видѣнію измарагду*. Но въ самомъ текстѣ этой рук. нѣсколько иначе: *и се престолъ стояше на небесѣхъ и на престолѣ единъ сѣдяи. и тои бѣ еже сѣдя подобенъ виденіемъ камени аспиду и сардиови. и дуга бѣ окресть престола. такожде виденіемъ, яко камень змарагдъ*. Эта одна м. соотвѣтствуетъ въ моемъ Апок. тремъ, совершенно иной редакціи, мм. 6, 7 и 8.

8) V, 2-4. Той же редакціи, что̀ и въ моемъ Апок. м. 9 [сн. 5], и опять въ подновленномъ переводѣ. Группа нару-

шена тѣмъ, что ангелъ стоитъ будто надъ головами толпы людей, а не по поясъ сзади, какъ въ моемъ. Внизу направо двое тѣми же жестами выражаютъ печаль и такъ же укутываютъ свои руки драпировкою, но крайняя фигура, которой нѣтъ въ моемъ, прикладываетъ къ щекѣ руку голую. Наконецъ, та же самая надпись, что̀ въ моемъ. Что же касается до текста описываемой рук., то онъ противорѣчитъ миніатюрѣ: въ немъ стоитъ только: *и азъ плакахся много*, а *плакахуся ихъ мнози*— вовсе нѣтъ; тогда какъ въ миніатюрѣ сокрушаются многіе другіе, а Іоаннъ отсутствуетъ.

9) V, 6-9. Миніатюра на двухъ страницахъ. Вверху посреди въ зеленомъ ореолѣ, окруженномъ голубовато-дикою полосою съ ангелами, возсѣдаетъ на престолѣ Господь Саваоѳъ въ томъ же типѣ, какъ и въ м. 7, тоже въ двойномъ сіяніи и съ такою же книгою и печатями на ней. Около на престолѣ стоитъ на заднихъ лапкахъ Агнецъ, о семи рогахъ и о семи очахъ, которыя у него только на головѣ, а не разсѣяны по всему туловищу; передними лапками прикасается къ одной изъ печатей книги. Окрестъ престола четыре символич. животныхъ съ книгами. По обѣимъ сторонамъ ореола и внизу сидятъ на престолахъ Старцы въ бѣлыхъ одеждахъ и золотыхъ коронахъ, и играютъ на гусляхъ. Въ разныхъ мѣстахъ, вверху и внизу стоятъ «Фіалы златы, полны ѳиміама», отъ котораго надъ ними поднимается дымъ.

10) VI, 1-2. На бѣломъ конѣ Всадникъ въ коронѣ и сіяніи, въ лѣвой рукѣ держитъ мечъ, въ правой стрѣлу. Надпись: *и видѣхъ се конь бѣлъ. седяй на нем имѣяй лукъ, и дасться ему венецъ, и изыде побѣждаяй да побѣдитъ*; не согласно съ текстомъ рукописи: *и видѣхъ се конь бѣлъ, и сѣдяй на немъ имѣяше лукъ. и дань бысть ему вѣнець. и изыиде премогая да побѣдить.*

11) VI, 3-4. На рыжемъ конѣ вторый Всадникъ, съ открытою головою, тоже въ сіяніи, съ копьемъ въ рукѣ, ноги въ стременахъ. Надпись: *и изыиде инъ конь рыж, седящему на нем дасться ему взяти миръ отъ земля, да другъ друга заколет, и дасться ему оружіе веліе.* Согласно съ моею рук., а не съ Соловецкою, въ коей *да убіетъ*, вм. *заколет.*

12) VI, 5-6. На коричневомъ конѣ третій Всадникъ, тоже съ открытою головою и въ сіяніи, въ лѣвой рукѣ держитъ мѣрило, не поднимая его вверхъ, какъ въ иныхъ редакціяхъ. Въ

моемъ Апок. всѣ эти трое Всадниковъ безъ сіяній. Надпись: *Σе конь воронъ, и седяй на нем имѣяй мѣрило во руцѣ своей.* съ греч. буквою Σ, съ замѣною буквы *ь* буквою *ъ* въ словѣ *конь*, и съ рус. формами *воронъ* и *во*—соединяетъ въ себѣ русское и южнославянское письмо съ погреченнымъ почеркомъ. Но по тексту опять согласно съ моею рук., въ которой тоже *конь воронъ* и *имѣяй мѣрило* [въ исправл. *имѣяше*], тогда какъ въ Соловецкой: *и се конъ вранъ и сѣдяй на нем дръжаше мѣрило въ руцѣ своей.*

13) VI, 7-8. На желтой клячѣ сидитъ костлявая Смерть съ косою въ рукахъ, въ моемъ Апок. съ пустыми руками, м. 15 [сн. 7]. Внизу направо адская пасть съ грѣшниками, а остальное пространство занято разными звѣрями, отличающимися другъ отъ друга цвѣтомъ; но пожираемыхъ этими звѣрями нѣтъ. Надпись: *видѣх се кон блѣдъ, седяй на нем имя ему смерть. и дасться ему власть на четверти земля убити оружіемъ и гладомъ и смертію и звѣрми земными* не согласно съ рук., въ коей: *конь плавь... и дана бысть ему область над четырьми странами земля.* Въ моей рук. тоже *на четверти земля*, только: *конь гнѣдъ.*

14) VI, 9-11 [сн. 62]. Относится къ редакціи облаченія обнаженныхъ душъ въ видѣ взрослыхъ фигуръ, принятой на западѣ. Надпись опять согласуется болѣе съ моею рук.: *подъ жертвенникомъ душа заколенныхъ* [рус. форма, вм. *закланныхъ*], нежели съ Соловецкой, въ коей: *под олтарем душа человѣкъ изъбіеныхъ*, какъ и въ исправл.: *подъ олтаремъ души избіенныхъ.* Смотр. въ моемъ Апок. 1671 г. м. 16.

15) VI, 12-17. Одной редакціи съ м. 17 моего Апок., только между подновленіями перевода слѣдуетъ замѣтить, что свитокъ неба съ обѣихъ сторонъ ангелы навиваютъ на скалки. Въ надписи текстъ сокращенъ: *Видѣхъ небо яко свитокъ свиваемо, и быст трусъ великъ, и всяка гора и холми и острови отъ мѣстъ своихъ двигнушася и всякъ народъ скрышася во пещерахъ и разсѣлинах каменѣх глаголюще горамъ и каменію, падите и покрійте насъ отъ лица сѣдящаго на престоле:* съ рус. формою *во* вм. *въ* и съ южнослав. *покрійте* вм. *покрыйте*. Въ текстѣ Солов. рук.: *въ пещерах и въ камени горыстѣимъ... съкрыите ны*; но въ моей: *въ разсѣлехъ*, при чемъ въ Апок. МПМ. варіантъ: *въ разсѣлинахъ.*

16) VII, 1-4. Въ этой миніатюрѣ соединены сюжеты двухъ моего Апок., именно 18-ой и 19-ой, и притомъ такъ, что изъ м. 18-ой ангелы съ Вѣтрами стоятъ по угламъ страницы, а средина занята тѣмъ, что̀ составляетъ содержаніе всей м. 19-ой. Ангелъ также держитъ въ лѣвой рукѣ свитокъ, но безъ надписи, а въ правой крестъ, но не осмиконечный, какъ въ моемъ, а четвероконечный, и также запечатлѣваетъ печатью чело одному изъ толпы, во главѣ которой тоже стоитъ царь въ коронѣ. Но особенность, которою эта м. отличается отъ всѣхъ прочихъ редакцій, состоитъ въ томъ, что нѣкоторые изъ толпы имѣютъ у себя на челѣ дѣйствительное начертаніе четвероконечнаго креста. Примѣта эта очень древняго происхожденія. Какъ «печать дара Духа Святаго», т. е. знаменіе крещенія, такой же четвероконечный крестъ начертанъ на челѣ одной безбородой юношеской фигуры, изображенной по поясъ въ медаліонѣ VII-VIII в. [сн. 240 в]. Смотр. въ Апок. Тихонрав. половины XVII в., № 5, мм. 26 и 51.

17) VII, 9-17. VIII, 2-5. На двухъ страницахъ. Вверху посреди въ ореолѣ Господь Саваоѳъ, съ запечатанною книгою и съ Агнцемъ такъ же, какъ въ м. 9, только въ полосѣ, окружающей ореолъ, изображены семь ангеловъ съ трубами. Внизу подъ ореоломъ ангелъ съ кадильницею, которую онъ «наполни отъ огня, сущаго на олтари»; на этомъ олтарѣ помѣщенъ и самый огонь въ видѣ красной массы, и тутъ же лежитъ крестъ. По сторонамъ ангела 24 Старца склонились съ своихъ престоловъ; одинъ изъ нихъ, что̀ направо, обращается къ Іо. съ слова̀ми, по тексту VII, 13. Надпись: *Двадесять и четыри стареці*, и—*Іоанъ*. Вверху по обѣимъ сторонамъ ореола несмѣтное множество народа съ финиковыми вѣтвями въ рукахъ, для изображенія котораго и потребовалась двойная миніатюра. Надпись: *Сіи суть градущіи отъ скорби великія иже испраша різы своя и убѣлиша кровію агньчею*, по VII, 14. Форма *градущіи*, вм. *грядущіи*, указываетъ на югозападное произношеніе. Что касается до громадной толпы св. мучениковъ, занимающихъ почти всю лѣвую страницу этой двойной миніатюры, то въ этомъ съ Соловецкимъ Апок. замѣчательнымъ образомъ сближается въ Тихонр. Апок. м. 28.

18) VIII, 7. Вверху надъ облаками летитъ Первый Ангелъ и трубитъ въ трубу. Изъ подъ облаковъ стремятся внизъ ки-

новарныя и пурпуровыя полосы, а частію и желтыя съ киноварными и пурпуровыми пятнами. Внизу зеленое поле съ тремя деревьями въ позднемъ ландшафтномъ стилѣ. Надпись: *Первый ангелъ потруби. быша гради и огнь смѣшеный с кровію.* Въ текстѣ Солов. рук., какъ здѣсь, такъ и далѣе: *въструби*, но въ моей рук. *потруби.*

19) VIII, 8-9. Вверху летитъ и трубитъ въ трубу Вторый Ангелъ надъ красною массою огня съ темными полосами дыма, которая поднимается отъ моря. Самое море тоже частію покрыто киноварною полосою огня, идущею къ кораблю съ мертвыми уже корабельщиками. Надпись: *Вторый ангелъ потруби и вверженa бысть въ море гора жгома, и бысть третина моря кровъ* [югозападн., вм. *кровь*]: измѣненъ смыслъ текста: въ исправл. «яко гора велика огнемъ жегома», какъ и въ Солов. рук.; но далѣе: *и обратися третяя часть моря въ кровь*, въ исправл. тоже «третія часть»; тогда какъ въ моей рук. согласно съ надписью: *и бысть третина моря кровь.*

20) VIII, 10-11. Особенно бросается въ глаза композиціею въ живописномъ ландшафтномъ стилѣ. Вверху Третій Ангелъ трубитъ въ трубу. Внизу по зеленому полю течетъ синеватая съ бѣлымъ отливомъ рѣка. Въ нее падаетъ золотая звѣзда. Это Апсинѳосъ, по тексту описываемой рук. *аспінь*, въ глоссѣ *пелень*, хотя далѣе *пелынь*, вм. *полынь*. Отъ звѣзды поднимается пламя. По сторонамъ рѣки четыре человѣческія фигуры: одна черпаетъ воду кувшиномъ, другая пьетъ тоже изъ кувшина, а двѣ лежатъ уже мертвыя, обѣ одѣты. Направо городъ; у города лежитъ еще мертвецъ, и тутъ же изъ города выходитъ похоронная процессія, сопровождающая гробъ на носилкахъ, покрытый вишневаго [т. е. пурпурнаго] цвѣта покрываломъ, съ наложеннымъ на него большимъ золотымъ крестомъ. Надпись: *Третій ангелъ потруби и паде отъ небеси звѣзда горяща на источники водныя, и бысть третина водъ пелынь и множество умроша отъ воды яко огорчишася;* согласно съ моей рук.: *и бысть третина воды полынь и множество умроша отъ воды яко огорчишася,* а не съ описываемой рук., въ которой: *и бысть третяя часть вод, яко пелынь. и мнози от человѣкъ умроша от воды яко горки быша;* въ исправл. такъ же: «третія часть водъ» и «яко горьки бѣша». Слич. древнѣйшія редакціи этой слишкомъ подновленной миніатюры: краткую—въ моемъ Апок. ран-

ней редакц. м. 21 [сн. 9], и подробную—въ моемъ же юсовомъ XVI в., м. 30 [сн. 80].

21) VIII, 12-13 [сн. 63]. Миніатюра эта въ высшей степени важна для характеристики описываемаго Апокалипсиса. Вся она, въ ландшафтномъ стилѣ, представляетъ копію съ 11-ой гравюры Апокалипсиса въ Лютеровой Библіи 1534 г. [сн. 272]; но и вмѣстѣ съ тѣмъ отклоняется отъ этого рисунка въ одной существенной примѣтѣ, которую беретъ изъ редакціи моего Апок. начала XVII в., м. 22 [сн. 10], и Апок. МПМ. № 156, м. 28 [сн. 39], именно замѣняетъ Лютерова Ангела Орломъ ранней иллюстраціи апокалипсической. Такимъ образомъ, въ Лютеровой гравюрѣ посреди неба летитъ Ангелъ, съ надписью по сторонамъ ve ve ve, согласно тексту: «Und ich sahe und höret einen Engel fliegen mitten durch den himel», чѣмъ и отличается, между прочимъ, Лютеровъ текстъ отъ Вульгаты и раннихъ лицевыхъ Апокк. западныхъ, напр. Бамбергскаго X в., Пражскаго XIV и мн. друг., въ которыхъ принятъ Орелъ, а не Ангелъ. Лютерова гравюра съ Ангеломъ перепечатана вмѣстѣ со всѣми другими и въ старопечатной Чешской Библіи 1549 г., но съ явнымъ противорѣчіемъ тексту, согласному съ Вульгатой: A widěl gsem a slyssel gsem hlas g e d n é Orlice ana letij po prosredku nebe»: «audivi vocem unius aquilae volantis per medium coeli» VIII, 13. Ландшафтъ Соловецкой миніатюры, скопированный съ Лютеровой гравюры, согласуясь съ нимъ въ общемъ рисункѣ и въ распредѣленіи его частей, кое-гдѣ отступаетъ только въ подробностяхъ, которыя миніатюристъ опускалъ, сглаживалъ или, не понимая ихъ значенія, искажалъ. Такъ напр. арки быковъ, на коихъ построенъ мостъ, очутились у него выше помоста, какъ отверстія въ парапетѣ. Надписей въ миніатюрѣ три. Одна надъ Четвертымъ Ангеломъ: *Четвертый ангелъ потруби и уязвися третина слонца, и третина луны и третина звѣздъ:* форма *слонце* или *слоньце*—южнославянская; слич. древнеболгарск. *слѣньце*. Другая надпись при Орлѣ: *видѣхъ посреди небеси орла парящца и глаголюща;* но она вмѣстѣ съ изображеніемъ, согласуясь съ текстомъ моего Апок. и Апок. МПМ., противорѣчитъ тексту Солов. рукописи, въ которомъ значится: *и видѣхъ и слышах единого ангела парящца.* Впрочемъ, при этомъ другою рукою, но тоже стараго почерка, на полѣ помѣщена глосса: *едину орълицу.* Третья над-

пись подъ орломъ, но не киноварью, какъ всѣ другія въ этой рукописи, а черниломъ, и сверхъ того заглавными буквами олатыненнаго почерка: *Горе Горе Горе*. Хотя форма буквъ въ стилѣ гражданской печати, введенной Петромъ Великимъ, но здѣсь онѣ безспорно принадлежатъ ко времени составленія самыхъ миніатюръ, т. е. къ XVI в., потому что вторая надпись, киноварная, своимъ послѣднимъ словомъ прикрываетъ букву *Г* этого олатыненнаго шрифта въ словѣ *Горе*.

22) IX, 1-5 [сн. 64]. Составлена по рисунку 12 гравюры Лютерова Апок. Вверху направо трубитъ Пятый Ангелъ. Внизу по зеленому лугу большая круглая яма, черная, обложена желтыми камнями. Въ нее пала золотая звѣзда съ ключемъ, который величиною гораздо больше ея. Изъ ямы вылетаютъ Пруги въ той формѣ саранчи [сн. 274 в], которая потомъ принята во многихъ нашихъ позднѣйшихъ Апокк. Направо фантастическая фигура Аваддона съ звѣриною головою, съ рогами и съ крыльями нетопыря. Изъ ямы поднимается дымъ, который застилаетъ солнце. Надпись: *Пятый ангелъ потруби, спаде звѣзда на землю имѣяй ключь бездны, изыдоша отъ куренія дыма пружіе вредити люди, и слнце померче.* Въ текстѣ рукописи: *ключь стѫденца бездны... отъ дыма же стѫденечнаго пруз*и.

23) IX, 6. Налѣво идетъ въ гору костлявая Смерть съ косою, а позади ея направо въ долинѣ слѣдуетъ за нею толпа людей съ царемъ во главѣ. Это не что иное какъ подновленный переводъ редакціи моего Апок. м. 23 [сн. 11], съ прибавленіемъ царя и косы у смерти. Даже та же самая надпись съ незначительными отмѣнами въ правописаніи: *во дни оны взыщуть человѣци смерти и не обрящуть ея, и вождельють умрети и смерть бежит отъ нихъ;* въ текстѣ Солов. рук.: *и не имуть обрѣсти ея*. Самое выдѣленіе этого эпизода, какъ отдѣльнаго сюжета для миніатюры изъ гл. 26 Толковаго Апок., имѣющей предметомъ Пруговъ, говоритъ въ пользу солидарности этой миніатюры съ редакціею моего Апок. и МПМ. № 156.

24) IX, 14-15. Между зелеными лугами, на бѣлыхъ струяхъ рѣки съ дикими полосами, стоятъ четыре ангела въ сіяніяхъ, въ моемъ Апок., м. 25,—безъ сіяній; варіантъ, основанный на различномъ толкованіи текста, какъ это показано въ описаніи этой послѣдней миніатюры моего Апок. Всѣ четыре связаны они по рукамъ веревкою, которую развязываетъ подо-

шедшій къ нимъ ангелъ. Надпись: *Раздрѣшеніе четырехъ ангеловъ.*

25) IX, 15-21. Всадники въ шишакахъ и нѣкоторые съ бердышами ѣдутъ по зеленому полю на чудовищахъ съ львиными головами, изрыгающими пламя и съ змѣиными головами на концѣ хвостовъ. Ихъ поражаетъ кривою саблею ангелъ; отъ другаго ангела видны только красныя его крылья. Отъ всадниковъ бѣжитъ толпа людей. Надпись: *Число воинъ двоицею десяточисленно тмы тмами,* какъ и въ текстѣ описываемой рук.

26) X, 1-11 [сн. 65]. Бѣлое съ дикими полосами море приливаетъ къ зеленому лугу. Облачный ангелъ въ позднѣйшей одеждѣ изъ облаковъ, а ноги въ видѣ двухъ красныхъ колоннъ, изъ-подъ пьедесталовъ которыхъ, будто изъ-подъ панталонъ, выказываются пальцы обнаженныхъ ступней. Крылья вишневаго и желтаго цвѣтовъ; надъ золотымъ сіяніемъ вокругъ головы—радуга изъ пяти разноцвѣтныхъ полосъ. Согласно тексту постановилъ онъ ногу свою правую на морѣ, а лѣвую на землѣ. Правую руку поднимаетъ, а лѣвою подаетъ Іоанну раскрытую книгу, обѣ страницы которой, по небрежному отношенію къ писанію позднѣйшаго живописнаго стиля, исписаны какими-то каракулями въ родѣ еврейскаго письма. Іо., принимая книгу обѣими руками, беретъ въ ротъ одинъ изъ нижнихъ угловъ ея, чтобы откусить, согласно тексту: «пріяхъ книгу отъ руки ангела и снѣдохъ ю». Надпись: *Видѣхъ ангела облечена во облакъ, и дуга на главѣ его, нози аки столпа мядена* [sic], *и дасть ми книжицу снѣсти разыбену.* Облачный костюмъ ангела съ колоннами и пояденіе книги согласно съ редакціею 14-ой гравюры Лютерова Апок.

27) XI, 1. Церковь о пяти верхахъ, съ четвероконечными крестами на шарахъ, а одинъ сверхъ того какъ бы на серпѣ луны; архитектура подновлена. Надъ вратами церкви паритъ ангелъ, вручая Іоанну длинную золотую трость. Надпись: *Дана бысть ми трость подобна жезлу и речено ми востани измѣри церковъ божію и олтарь*: югозападное твердое произношеніе на *ъ*, вм. *ь*, въ словахъ: *церковъ* и *олтарь*.

28) XI, 5. То же самое расположеніе фигуръ, что̀ и въ моемъ Апок., м. 29, а также нижняя часть м. 31 [сн. 14]; даже въ головахъ Еноха и Иліи соблюдены до нѣкоторой степени тѣ же черты типическаго характера: Енохъ съ короткими во-

лосами и короткою бородою каштановаго цвѣта; Илія сѣдой съ длинною бородою и длинными волосами, но безъ вихровъ. Что же касается до костюма, какъ праотцевъ, такъ и Антихриста съ толпою его слугъ, то онъ подновленъ. Енохъ и Илія одѣты въ монашескія рясы верблюжьяго цвѣта. Сверхъ того у Иліи въ лѣвой рукѣ книга, а у Антихриста золотая держава. Надпись та же, что̀ въ моемъ Апок., м. 29, именно: *Енохъ и Илія обличатъ Антихриста и огнь исходитъ изъ устъ ихъ и поястъ враги ихъ*. Послѣдняя черта, опущенная въ моемъ Апок., здѣсь означена киноварными полосами, исходящими изъ устъ обоихъ праотцевъ.

29) XI, 7 [сн. 66]. Типы и костюмъ Еноха и Иліи тѣ же, что̀ въ м. 28. Пожирающій ихъ Звѣрь отличается здѣсь характеристическою примѣтою, состоящею въ папской тіарѣ на головѣ его, какъ въ 15-ой гравюрѣ того же Лютерова Апок. [сн. 274 а], которая, впрочемъ, кромѣ этой примѣты, во всемъ остальномъ ничего не имѣетъ общаго съ описываемою миніатюрою. Хотя этотъ очужеземленный рисунокъ Соловецкаго Апок. представляетъ рѣзкую противоположность съ архаическимъ стилемъ моего Апок. въ м. 30 [сн. 13]; однако надпись на немъ та же, что̀ и въ моемъ: *Егда скончаются пророчествія ихъ, звѣрь исходя отъ бездны сотворитъ съ ними брань, и убіетъ я по божію оставленію*. Въ текстѣ Солов. рук.: *егда скончаета свидѣтельство ею*. Въ пользу солидарности надписей въ Солов. Апок. и въ моемъ особенно говоритъ прибавка къ тексту: *по Божію оставленію*.

30) XI, 11-13. Вверху въ округломъ очеркѣ облаковъ возносятся на небо Енохъ и Илія, выходя изъ облаковъ по поясъ. Внизу ландшафтъ съ городомъ, изъ воротъ котораго ведетъ мостъ, будто подъемный въ за́мкахъ. Направо отъ полотнаго письма толпа съ царемъ Антихристомъ во главѣ. Рисунокъ этотъ, частію составленный подъ вліяніемъ гравюръ Лютерова Апок., во всемъ отличается отъ соотвѣтствующаго ему въ м. 31 [сн. 14] моего Апок. Съ двумя надписями. Одна вверху: *По трехъ днехъ и полъ, возыйдоша на небо на облацехъ, видѣша врази ихъ и ужаснушася*. Другая ниже, надъ городомъ: *В той день бысть трусъ великъ и десятая часть града паде и погибъ именъ человѣческихъ 7000*.

31) XI, 19. Миніатюра совсѣмъ въ западномъ стилѣ подъ

вліяніемъ Лютерова Апок., гравюра 16, изъ которой здѣсь взята въ образецъ только одна часть, именно съ Кивотомъ Завѣта, а другая часть отошла въ слѣдующую 32-ю м. Въ облакахъ церковь на манеръ западныхъ базиликъ съ четвероконечнымъ крестомъ. Одностворчатая деревянная дверь церкви, обитая желѣзными полосами—отворена, и внутри церкви, по темному фону, очеркнутому вверху романскою аркою—виднѣется золотой Ветхозавѣтный Кивотъ Завѣта; по сторонамъ его кóльца, въ которыя вставлены золотыя же жерди, чтобы поднимать и носить его. Подъ облаками трубитъ Седьмый Ангелъ. Внизу ландшафтъ съ зелеными лугами и городомъ, позади котораго поднимаются желтыя горы. Надпись: *Седмый ангелъ потруби и отверзеся церкви божія на небеси и явися кіотъ* [а не *кивотъ*] *завѣта господня и быша молнія и гласи и громи, и гради и трусы:* согласно съ текстомъ моего Апок.*: отверзеся церкви божія и явися кивотъ* [а не *кіотъ*] *завѣта божія въ церкви его, и быша молніи;* но въ Солов. совсѣмъ иначе: *и явися арха* [въ Вульгатѣ arca] *завѣта его, въ храмѣ его и быша блисканія.*

32) XII, 1-5 [сн. 67]. Св. Жена въ типѣ молящихся въ живописи катакомбъ и въ рельефахъ древнехристіанскихъ саркофаговъ, или же—Знаменія Богородицы, какъ въ моемъ Апок., м. 33 [сн. 16], и такъ же на груди съ Младенцемъ, и безъ крыльевъ. На головѣ ея не вѣнецъ, а сіяніе съ двѣнадцатью звѣздами, согласно съ 16-ою гравюрою Лютерова Апок. Солнце, въ которое она облечена, имѣетъ видъ продолговатаго овальнаго ореола, употребляемаго въ западной иконографіи и усвоеннаго и у насъ въ позднѣйшихъ Апокк. для св. Жены. Онъ золотой, съ золотыми же вокругъ его языками пламени, означающими лучи. Надъ св. Женою два ангела возносятъ того же Младенца. Змій постановленъ уже въ ландшафтѣ, на зеленомъ лугу съ травами и цвѣтами, хотя своимъ хвостомъ и захватываетъ, по тексту, одну треть звѣздъ. Онъ съ разнообразнаго рисунка головами, на изгибающихся шеяхъ, съ крыльями нетопыря; короны надѣты прямо на голову, а не на рога. Онъ весь бѣлый съ красными пятнами, только головы и шеи красныя. Надпись: *Прогоненіе церковное*, взята изъ заглавія 33-ей гл. Толковаго Апок., согласно съ принятою въ вышеозначенной моей м. 33.

33) XII, 7-9 [сн. 68]. Двойная миніатюра, на двухъ стра-

ницахъ, необыкновенно оригинальна, и особенно замѣчательна по изящной группировкѣ темнаго монохрома въ нижней своей части. Общій планъ въ распредѣленіи частей рисунка, состоящихъ въ двухъ группахъ, одной изъ ангеловъ, другой изъ дьяволовъ, тотъ же, что въ моемъ Апок., м. 35; такъ же дьяволы въ темномъ монохромѣ въ противоположность цвѣтнымъ фигурамъ ангеловъ; такъ же ангелы несутся на своихъ враговъ съ правой стороны. Но оригинальность и изящество Совецкой миніатюры состоитъ въ томъ, что полчище темныхъ дьяволовъ сгруппировано на фонѣ колоссальной фигуры Великаго Змія, котораго извивающійся хвостъ и воздымающіяся головы, поднимаясь изъ-за дьяволовъ, даютъ этому сонмищу художественное единство, округляя собою уже слишкомъ многофигурную группу. Самый монохромъ, собирая въ одно цѣлое весь рисунокъ нижней части миніатюры, получаетъ смыслъ кромѣшной тьмы, область которой ограничивается оконечностями Великаго Змія—сатаны, какъ виновника паденія и омраченія. Хотя миніатюра уже подновлена пріемами болѣе искусственной школы, но по идеѣ омраченія бѣсовъ въ темномъ монохромѣ, и именно при Великомъ Зміи—можетъ принадлежать къ одному иконографическому источнику, общему съ м. 59-ою въ моемъ Апок. [сн. 27]. Надпись: *Брашася со зміемъ,* опять согласна съ текстомъ моего Апок., а не Соловецкаго, въ коемъ значится: *брань сътвориша съ зміемъ.*

34) XII, 14-16. Очевидное съ перваго взгляду подновленіе, согласно западному стилю, состоитъ въ томъ, что и Змій, въ томъ же типѣ, что въ м. 32, и св. Жена, съ большими крыльями, писаны въ ландшафтѣ, на одномъ и томъ же зеленомъ лугу: Змій стоитъ пониже и изливаетъ изъ устъ своихъ воду въ черную яму, а нѣсколько выше св. Жена скрывается въ чащу развѣсистыхъ деревьевъ. Двѣ надписи. Одна: *Жена бѣжа во пустыню да тамъ пребываетъ 1200* и *60* дній—согласна съ началомъ помѣщенной въ м. 36 [сн. 17] моего Апок., а другая: *Изложи змій воду по женѣ*—съ текстомъ Солов. Апок.: *изложи змій по жене из усть своих воду;* въ продолженіи надписи моего Апок. *вслѣдъ жены.*

35) XIII, 1-4. Море, бѣлое съ сѣроголубыми струями, омываетъ зеленый берегъ, въ ландшафтномъ стилѣ. На морѣ корабль съ парусами, неумѣстно нарушающій таинственное и

грозное видѣніе. Изъ моря выходитъ Первый Звѣрь, желтый съ темными пятнами. У него семь головъ съ рогами и коронами, которыя помѣщены не на рогахъ, а на самыхъ головахъ. Толпа поклоняется ему. Надпись: *И видѣхъ отъ моря звѣрь исходящь имѣяй седмь* [вм. *седмь*] *главъ и роговъ десять, на рогахъ его 10 увяслъ,* какъ и въ моемъ Апок., съ примѣтою *увяслъ*, м. 37, тогда какъ въ текстѣ Солов. рук. *десять венецъ*.

36) XIII, 2-16 [сн. 69]. Двойная миніатюра, т. е. на двухъ страницахъ, той же редакціи, что въ моемъ Апок., тоже двойная, мм. 38 и 39 [снн. 18 и 19], тѣ же почти фигуры и такъ же расположены, только подновлены въ стилѣ всей иллюстраціи. Налѣво возсѣдаетъ Первый Звѣрь, но не одѣтый въ тунику, какъ у меня въ м. 38, а въ своей желтой шерсти съ темными пятнами; на семи головахъ короны, изъ коихъ поднимаются десять роговъ. Позади его черный дьяволъ, но уже съ птичьимъ клювомъ, полагаетъ печать преклоняющимся передъ нимъ людямъ. Направо, какъ у меня въ м. 39, гора; съ нея спускается Великій Змій, въ томъ же типѣ, какъ и въ предшествующихъ миніатюрахъ, держитъ въ переднихъ лапахъ не черный посохъ или клюку, какъ въ моемъ Апок., а желтый, т. е. золотой, скипетръ, который Звѣрь и принимаетъ въ свою лапу. Надпись: *И дастъ змій звѣрю силу свою и престолъ свой и область велію,* согласно съ текстомъ моей рук.; въ Соловецкой же сокращено: *и дасть ему змій силу свою и крѣпость великую*.

37) XIII, 11. Той же редакціи, что̀ и въ моемъ Апок. м. 42 по расположенію фигуръ; только Вторый Звѣрь имѣетъ видъ настоящаго агнца, бѣлаго шерстью, съ двумя бараньими рогами, завитыми внизъ, въ томъ же видѣ, какъ въ м. 51 [сн. 74 а]. Надпись: *И видѣхъ инъ звѣрь* [по юго-западному произношенію] *исходящь отъ земля имущь два рога подобна агнцу и глаголаше яко змій*.

38) XIV, 1-4. Миніатюра совсѣмъ въ новомъ стилѣ. На кругломъ зеленомъ холмѣ стоитъ св. Агнецъ въ двойномъ сіяніи, какъ у Господа Саваоѳа въ мм. 7, 9, 17. Подъ холмомъ стоитъ безчисленное множество народу съ открытыми головами, есть тутъ и цари въ коронахъ; и всѣ эти люди, вмѣсто того, чтобы чествовать Агнца, стоятъ къ нему задомъ, обернувшись лицомъ вонъ изъ картины къ зрителямъ, какъ

актеры на сценѣ. Съ двумя надписями. Одна вверху: *Видѣхъ се агнецъ стоящъ на горѣ сіонѣ и с нимъ 100044 имущи имя его.* Другая внизу: *Здѣ сі сут иже на земли со женами не осквернишася, дѣвъственици бо сут;* согласно съ текстомъ моего Апок.: *тіи суть иже з женами не осквернишася, дѣвственицы бо суть*, тогда какъ въ Соловецк.: *иже съ женами не осквернша себе, юнотами бо суть*; въ испр. *дѣвственницы.*

39) XIV, 6-8. Вверху паритъ ангелъ, съ свиткомъ въ рукахъ, но не съ широкимъ, въ форматѣ письменнаго листа, какъ обыкновенно у насъ принято, а съ узкимъ и длиннымъ, который, какъ лента, протянулся почти по всей страницѣ. На свиткѣ надпись, но не поперекъ, какъ вообще пишется въ нашей иконописи, а вдоль, по-западному: *Паде вавилонъ великій отъ вина ярости любодѣйства своего напоя языки.* Подъ нимъ паритъ другой ангелъ съ раскрытою книгою въ рукахъ, но такъ что страницами онъ оборотилъ ее къ себѣ, а не отъ себя, какъ принято у насъ. Надпись около ангела: *Ангелъ проповѣдуетъ евангеліе и приближеніе будущаго суда.* Внизу ландшафтъ, заимствованный изъ 11-ой гравюры Лютерова Апок. [сн. 272], съ городомъ и подъемнымъ мостомъ, ведущимъ изъ городскихъ воротъ. Зданія разрушаясь падаютъ. Около стоитъ толпа людей.

40) XIV, 12 [сн. 70]. Вверху паритъ ангелъ, держа въ рукахъ такую же ленту, что̀ въ м. 39, съ надписью въ одну длинную строку: *Блажени о христе умирающіи, яко зде есть терпеніе светыхъ* [вм. *святыхъ*]. Внизу гроба́ съ покойниками въ бѣлыхъ одеждахъ, но съ открытыми головами, а не въ кукуляхъ, какъ принято у насъ въ старину. Около толпа людей. Надъ ними два дьявола съ дреколіемъ, которое отличается затѣйливыми наконечниками, приспособленными къ вящему терзанію мучимыхъ, какъ это вообще было распространено въ средніе вѣка въ изображеніи адскихъ орудій. Вмѣсто лежащихъ во гробахъ мертвецовъ, въ моемъ юсовомъ Апок., м. 48 [сн. 87], праведники въ радости ожидаютъ себѣ вѣнцовъ въ Горнемъ Іерусалимѣ.

41) XIV, 9-11. Двойная миніатюра. Другой редакціи позднѣйшій переводъ того же сюжета, что̀ въ моемъ Апок., м. 47 [сн. 21], хотя и распространенный, но безъ архаической особенности въ изображеніи дыма мученія. Налѣво вверху паритъ ангелъ съ свиткомъ въ видѣ ленты, въ которомъ надпись вдоль,

содержащая сокращеніе вышеозначенныхъ стиховъ: *Аще кто поклонится звѣрю и пріемлетъ печать его и испіетъ чашу гнѣва господня, будетъ мученъ огнемъ и жупеломъ во вѣки вѣкомъ.* Самая надпись, отличающаяся отъ принятой въ моемъ Апок., указываетъ на различіе въ редакціяхъ. Въ моемъ обращено вниманіе на дымъ мученія, а въ Соловецкомъ на испиваніе чаши гнѣва Господня. Внизу налѣво возсѣдаетъ Первый Звѣрь въ томъ же типѣ, что̀ въ м. 36, въ лѣвой лапѣ держитъ скипетръ. Передъ его престоломъ преклоняется толпа людей; дьяволъ помазуетъ имъ на челѣ печать въ видѣ чернаго пятна, въ противоположность кресту, которымъ, какъ мы видѣли, запечатлѣваетъ ангелъ чело праведныхъ, м. 16. Смотр. ту же особенность въ Апок. Тихонрав. половины XVII в., № 5, м. 47. На другой сторонѣ стоитъ толпа, изъ которой двое передніе съ сосудами въ рукахъ испиваютъ чашу гнѣва Господня; налѣво рядомъ четвероугольная яма, надъ коей въ пламени мучатся одѣтые въ бѣлыя одежды грѣшники.

42) XIV, 14-20 [сн. 71]. Двойная миніатюра. Въ общемъ очеркѣ и въ распредѣленіи подробностей предлагаетъ копію съ 19-ой гравюры Лютерова Апок. [сн. 273]; но нѣкоторыя опущенія, прибавленія и измѣненія, сдѣланныя въ копіи противъ оригинала, весьма поучительны по вопросу объ усвоеніи нашими старинными мастерами западнаго матеріала. Миніатюра, слѣдуя гравюрѣ, горизонтально дѣлится на двѣ половины, на верхнюю, или небесную, и нижнюю, или земную, которыя отдѣлены одна отъ другой широкою грядою облаковъ. Въ верхней половинѣ посреди возсѣдаетъ на облакахъ Господь Богъ, судя по каштановымъ волосамъ и небольшой бородѣ, Іисусъ Христосъ, а не Господь Саваоѳъ, но не въ крестномъ сіяніи, а въ двойномъ, золотомъ, раздѣленномъ цвѣтною полосою, какъ у Господа Саваоѳа въ мм. 7, 9 и 17; въ лѣвой рукѣ держитъ серпъ, десницею благословляетъ: въ гравюрѣ—въ правой серпъ, лѣвую опустилъ на колѣно. Налѣво въ облакахъ же церковь, въ видѣ базилики; изъ нея вышли два ангела, передній съ серпомъ: въ грав. тоже два ангела, но безъ церкви; серпъ же держитъ задній ангелъ. Направо жертвенникъ, на которомъ лежитъ крестъ; изъ арки подъ жертвенникомъ вылетаетъ ангелъ, простирая руку съ указующимъ перстомъ: въ гравюрѣ жертвенникъ представленъ въ видѣ зданія въ стилѣ

Возрожденія, и ангелъ вылетаетъ не изъ-подъ престола, а изъ-подъ арки одного изъ отверстій этого зданія. Внизу налѣво—жатва, направо—винодѣліе. На фонѣ высоко выросшей пшеницы, въ гравюрѣ одинъ только ангелъ пожинаетъ серпомъ пшеницу, въ миніатюрѣ этимъ дѣломъ занимаются трое ангеловъ. Направо поднимаются сплошною стѣною виноградныя лозы на тычинкахъ съ листвою и гроздіемъ. Въ гравюрѣ наоборотъ бо́льшее число ангеловъ занято винодѣліемъ, раздѣляя этотъ трудъ въ принятомъ на практикѣ порядкѣ: одинъ ангелъ срѣзываетъ виноградъ, около него кадка, въ которую онъ будетъ класть срѣзанные грозды; другой ангелъ несетъ на спинѣ такую же кадку, уже наполненную виноградомъ, и наконецъ третій, по испоконъ заведенному обычаю, перенесенному въ западную иконографію еще изъ античнаго искусства, стоя въ точилѣ, топчетъ виноградъ ногами. Точило въ видѣ чана, съ краномъ внизу, изъ котораго льется вино въ поставленный тутъ же ушатъ. Все, что̀ касается винодѣльной практики, въ Соловецкой миніатюрѣ опущено и сокращено, однако вмѣстѣ съ тѣмъ и добавлено, но только такими подробностями, которыя оказались въ глазахъ мастера нужными для выраженія текста. У виноградника стоитъ ангелъ, лѣвою рукою, помощію серпа, срѣзываетъ гроздъ, и правою кладетъ другой въ чанъ, уже наполненный краснымъ виномъ съ зелеными гроздами и листьями. Вино вытекаетъ не краномъ, а льется изъ чана черезъ край, и, образуя потокъ, затопляетъ ѣдущаго всадника «даже до уздъ конскихъ». Вмѣстѣ съ этимъ въ миніатюрѣ опущена шляпа съ полями на головѣ жнущаго ангела и вообще измѣненъ костюмъ работающихъ внизу ангеловъ. Надпись, взятая изъ заглавія 43-ей гл. Толковаго Апок.: *Седяй на облаце серпомъ скончаетъ прозябающая на земли*—согласна съ принятою въ моемъ Апок. м. 48.

43) XV^{r}, 5-6 [сн. 72]. Той же редакціи, что̀ м. 52 моего Апок. Семь ангеловъ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ фіаломъ въ правой рукѣ, только въ лѣвой короткій красный жезлъ въ видѣ скипетра Даже церковь, изъ которой они выходятъ, съ куполомъ. Надпись другая: *Изыйдоша седмь ангеловъ отъ церкви божія имуща седмь чашь полны гнѣва господня*. Здѣсь должно замѣтить, вопервыхъ, *седмь* вм. *седмь*, и потомъ *чаша* вм. *фіалъ*, какъ и далѣе въ мм. 48, 49.

44) XV, 2-4. Одной редакціи съ моимъ Апок., м. 51. Толпа играющихъ на гусляхъ, только стоитъ она не на стекляномъ морѣ, а на зеленомъ лугу, и съ гуслями подновленной формы. Что же касается до надписи: *Люди побѣжденныя отъ звѣря стоящи на мори стекляномъ имуще гусли божія и пояху пѣснь агнчу*, то она противорѣчитъ не только изображенію, упоминая о *мори стекляномъ*, но и самому тексту, по коему поютъ пѣснь не побѣжденные отъ Звѣря, а его *побѣдившіе*. Опять согласно съ текстомъ моего Апок.: «*люди побѣженыя отъ звѣри и иконы его;* въ господств. ред. *побѣждающеи*, въ исправл. «*побѣдившіе* звѣря и образъ его».

45) XVI, 2. Расположеніе фигуръ то же, что̀ въ моемъ Апок. м. 53, но переводъ другой. Летящій ангелъ такъ же льетъ фіалъ на гору, а подъ горою стоитъ толпа страждущихъ, но ихъ страданія выражены натуральнѣе и сильнѣе. Надпись: *Первый ангелъ излія фіялъ свой на землю и бысть гной на отступницѣхъ:* и въ моемъ: *на отступницѣхъ*.

46) XVI, 3. Вторый ангелъ летитъ, изливая фіалъ свой въ море, обмывающее зеленые берега съ травою и цвѣтами. Все оно покрыто красными полосами. Надпись: *Вторый ангелъ излія чашу свою на море и бысть море кровъ* [югозападн. вм. *кровь*]. Въ текстѣ Солов. рук.: *изліа фіялъ свой*, съ глоссою на полѣ: *баню свою*.

47) XVI, 4-7. Третій ангелъ льетъ свой фіалъ на рѣки. Нижняя часть одной редакціи съ моимъ Апок., м. 55 [сн. 24], тотъ же типъ Воднаго Ангела, въ обычныхъ одеждахъ, а не обнаженный геній; только наивный стиль ландкарты замѣненъ ландшафтнымъ: по зеленому лугу текутъ ручейки, въ которые сократились здѣсь рѣки. Но чѣмъ особенно отличается эта миніатюра отъ моей, такъ это еще ангелъ, который летитъ вверху надъ изливающимъ фіалъ и долженъ означать не ангела, а кого-то другаго, глаголющаго отъ олтаря, потому что онъ держитъ въ рукахъ ленту съ начертанными словами: *Ей господи боже вседержителю, истинни и праведьни суди твои* [въ текстахъ Солов. и моемъ: *судьбы твои*]—именно съ тѣми словами, которыя слышатся отъ олтаря или изъ олтаря. По исправл. тексту: «И слышахъ другаго отъ олтаря глаголюща: ей, Господи Боже Вседержителю, истинни и прави суди твои» XVI, 7; въ Соловецк. текстѣ: *и слышахъ иного ангела изъ олтаря глаго-*

люща; но по другимъ, древнѣйшимъ редакціямъ, глаголетъ даже и не ангелъ, а олтарь или жертвенникъ: въ Румянц. XIII-XIV в. *и слышахъ олтарь глаголющь*, тоже и въ Соловецк. Филаретовск. и въ Хлудовск., оба XVI в., но въ моемъ юсовомъ XVI в. уже исправлено; *слышахъ другаго отъ олтаря глаголюща*, какъ и въ Апок. МПМ. № 156, въ моемъ же Апок. ранней редакціи: *и слышахъ жертвенику глаголющу: ей господи* и пр. Такимъ образомъ описываемая миніатюра по редакціи должна бы относиться къ тѣмъ, которыя, какъ въ Апок. МПМ. № 156, м. 60 [сн. 49], и во многихъ другихъ, изображаютъ при Водномъ Ангелѣ олтарь и глаголющаго въ немъ или отъ него, а здѣсь, безъ должнаго вниманія къ тексту, изображенъ только Ангелъ безъ олтаря.— Другая надпись на лентѣ у Воднаго Ангела: *Праведенъ еси господи яко сія судилъ еси;* и наконецъ третья подъ ангеломъ, льющимъ фіалъ: *Третій фіялъ на рѣки и источники водныя.*

48) XVI, 8-9 [сн. 73]. Летитъ Четвертый ангелъ и льетъ фіалъ свой на солнце, имѣющее видъ краснаго лица, съ желтымъ сіяніемъ вокругъ, состоящимъ изъ пламенныхъ языковъ, на западный позднѣйшій манеръ. Внизу на зеленомъ лугу стоитъ толпа людей, страдающихъ отъ зноя; между ними одинъ старикъ въ желтой, будто соломенной, шляпѣ съ широкими полями. Шляпы съ полями въ родѣ нынѣшнихъ на западѣ въ XVI в. были въ большомъ употребленіи, какъ свидѣтельствуютъ живописныя произведенія того времени. Надпись: *Четвертую чашу излія на слнце, изваряются человѣци зноемъ*, согласна съ надписью въ моемъ Апок. м. 56: *Четвертою чашею зноемъ изваряются человѣцы*, тогда какъ въ текстѣ Солов. рук. совсѣмъ иначе: *и дано бысть ему озноятн человѣкы ведромъ и огнемъ и озношася человѣци ведромь великым.*

49) XVI, 10-11 [копія краск. 5]. Такъ же, какъ и въ моемъ Апок., м. 57 [сн. 25], миніатюра раздѣлена горизонтально на двѣ половины, только не такъ прямо проведенной линіей; и такъ же верхняя половина бѣлая, а нижняя темная. Въ верхней летитъ Пятый ангелъ, изливая фіалъ свой, съ надписью: *Пятый ангелъ излія чашу свою на царство звѣрино и померче.* Въ нижней части довольно изящно раскрашены фигуры по темному фону. На престолѣ сидитъ не Антихристъ, какъ въ моемъ Апок., а Звѣрь. Въ толпѣ стоящихъ передъ Звѣремъ двое въ царскихъ коронахъ.

50) XVI, 12. Вмѣсто чудовищныхъ фигуръ Гога и Магога съ Песьими-Головами, какъ въ моемъ Апок., м. 58 [сн. 26], здѣсь историческая картина въ позднѣйшемъ стилѣ. Шестый ангелъ льетъ фіалъ въ рѣку Евфратъ. Внизу налѣво зеленая гора; изъ подъ нея струится рѣка Евфратъ въ правую сторону по зеленой же равнинѣ. Налѣво надъ той же горой вышло изъ синяго угла неба солнце, въ видѣ краснаго лица, съ сіяніемъ въ формѣ языковъ. Изъ-за горы, какъ разъ подъ солнцемъ, согласно тексту: «отъ востокъ солнечныхъ» —на коняхъ ѣдутъ пять царей, всѣ въ золотыхъ коронахъ. Вверху надпись: *Шестый ангелъ излія фіялъ свой на рѣку ефратъ и исше* [въ Солов. текстѣ: *иссяче*] *вода ея да уготовится путь царемъ сущимъ отъ востока солнечнаго.*

51) XVI, 13. Двойная миніатюра. Вмѣсто символическаго сопоставленія трехъ нечистыхъ духовъ, «яко жабъ», съ тремя дьяволами, пребывающими въ темномъ мѣстѣ, которое составляетъ какъ бы одно цѣлое съ Великимъ Зміемъ, въ моемъ Апок. м. 59 [сн. 27], здѣсь представлены только три апокалипсич. животныя, извергающія изъ своихъ пастей жабъ, и больше ничего, и помѣщены они не въ группѣ, даже не соединены никакимъ общимъ планомъ, а каждое животное отдѣльно, само по себѣ, будто рисунокъ въ Бестіаріи. Семиглавый Змій, съ красными шеями и красными же полосами и пятнами на хвостѣ и съ черными крыльями, стоитъ на зеленомъ лугу. Первый Звѣрь весь желтый съ темными пятнами, только ноги дикія для означенія, что онѣ медвѣжьи, стоитъ на воздухѣ по древнему стилю; но Вторый Звѣрь, въ видѣ агнца, такой же, какъ въ м. 37, весь бѣлый, лежитъ на красной подушкѣ, украшенной орнаментами фряжской листвы и съ зелеными кистями [сн. 74 а]. Подушка съ кистями заимствована изъ Лютерова Апок., грав. 20.

52) XVI, 17-21. На облакахъ стоитъ церковь; въ отверстыхъ вратахъ ея виднѣется престолъ съ потиромъ. Изъ подъ облаковъ стремятся внизъ красныя полосы съ черными линіями. Отъ церкви летитъ Седьмый ангелъ съ фіаломъ въ рукахъ, но вмѣсто того, чтобы выливать его внизъ, держитъ онъ фіалъ отверстіемъ вверхъ, и изъ него поднимается содержимое въ видѣ краснаго пара тоже вверхъ, для выраженія той мысли, что фіалъ изливается въ воздухъ. Внизу на зеленомъ полѣ го-

родъ, превращающійся въ развалины. Около стоитъ толпа, выражая горесть и отчаяніе. Надпись: Седмый *ангелъ излія фіялъ свой на аеръ. бысть громъ и трусъ, и гради язычестіи падоша.*

53) XVII, 1-5 [копія краск. 6]. Кромѣ помѣщенія Іоанна съ ангеломъ на воздухѣ, потомъ кромѣ древней формы чаши въ рукахъ Любодѣицы и наконецъ архаическаго пріема въ рисункѣ семи головъ апокалипс. Звѣря, сжатыхъ въ сплошную полосу по прямой линіи, какъ въ моемъ Апок., мм. 33, 36, 61 [снн. 16 и 17], все остальное въ этой миніатюрѣ носитъ на себѣ характеръ новаго западнаго стиля, подъ вліяніемъ 21 гравюры Лютерова Апок. Фигуры помѣщены въ ландшафтѣ подъ густыми развѣсистыми деревьями, на морѣ, которое омываетъ далекіе берега; сверхъ того отличаются онѣ разнообразіемъ національныхъ костюмовъ. Одна фигура въ шубѣ и царской коронѣ, другая бритая съ усами, третья съ бородою въ чалмѣ, наконецъ сама Вавилонская Любодѣица въ широкомъ одѣяніи, котораго длинный шлейфъ, какъ въ Лютеровой гравюрѣ, покрываетъ задъ животнаго, а широкіе рукава подобраны сверху золотыми пуговицами.

54) XVIII, 1-21. Ландшафтъ въ новомъ западномъ вкусѣ, подъ вліяніемъ 11-ой гравюры Лютерова Апок. [сн. 272]. Городъ съ городскою стѣною и воротами; отъ воротъ идетъ мостъ съ арками, только безъ нужды подняты онѣ выше помоста, какъ отверстія въ парапетѣ, что̀ прямо указываетъ на ошибку копіиста, не обратившаго вниманія на эту архитектурную подробность въ гравюрѣ. Слич. м. 21 [сн. 63]. По мосту идетъ изъ города безчисленная толпа праведныхъ. Надъ разрушающимся городомъ поднимается пламя пожара. На стѣнахъ и въ одномъ окнѣ виднѣются дьяволы, въ фантастическихъ рисункахъ, не согласныхъ съ типомъ, принятымъ въ другихъ нашихъ Апокк. лучшихъ редакцій. Вверху три ангела соотвѣтствуютъ указанію текста: «видѣхъ ина ангела сходяща съ небесе» ст. 1; «и слышахъ гласъ инъ съ небесе» ст. 4; и «взятъ единъ ангелъ крѣпокъ камень великъ яко жерновъ» ст. 21. Жерновъ нарисованъ особенно тщательно съ круглымъ отверстіемъ посреди.

55) XIX, 1-7. Въ зеленомъ ореолѣ, окруженномъ синею полосою съ ангелами, на престолѣ возсѣдаетъ въ свѣтлыхъ ри-

захъ Господь Богъ, вѣроятно, Іисусъ Христосъ, судя по каштановымъ волосамъ и бородѣ, не въ крестномъ сіяніи, а въ двойномъ, какъ у Господа Саваоѳа, мм. 7, 9 и 17. Десницею благословляетъ, лѣвою рукою придерживаетъ на колѣняхъ раскрытую книгу, на листахъ которой начертаны только для виду черты, а не буквы. Окрестъ престола четыре символич. животныя. Внизу подъ ореоломъ колѣнопреклоненный Іоаннъ; по сторонамъ его стоятъ фигуры, это «народъ многъ», а впереди ихъ пали съ своихъ престоловъ передъ Господомъ 24 Старца, молитвенно простирая руки, но они въ своемъ поклоненіи нарушаютъ усвоенное русскими редакціями благочиніе, именно позабывъ снять съ своихъ головъ золотыя короны. И это неприличіе тѣмъ сильнѣе бросается въ глаза, что оно допущено въ самый торжественный моментъ небеснаго славословія, когда повсюду раздается священный гласъ *аллилуіа*, и когда, вмѣсто всякой другой надписи, только это одно символическое реченіе восемь разъ начертано на описываемой миніатюрѣ: разъ на синей полосѣ ореола подъ стопами Господа Бога, трижды надъ толпою налѣво и четыре раза по обѣ стороны Іоанна.

56) XIX, 7-10 [копія краск. 7]. Той же редакціи, что̀ въ моемъ Апок. м. 63 [сн. 29], только въ переводѣ, подновленномъ на западный манеръ. Неубранный простой столъ въ моемъ Апок., съ однимъ только сосудомъ, замѣненъ здѣсь столомъ, богато украшеннымъ и съ четырьмя сосудами; онъ покрытъ пурпуровою тканью, а низъ драпированъ желтою съ бахромою. Одежда на св. Невѣстѣ Агнчей свѣтлая съ золотыми полосами. Пространство, окруженное оваломъ, занято вѣтвями съ цвѣтами и листвою и золотыми плодами во вкусѣ западнаго орнамента, усвоеннаго Инкунабулами XV в. * Іоаннъ не преклонился молитвенно передъ св. Невѣстою, а сидитъ и пишетъ.

57) XIX, 11-16. Тотъ же сюжетъ, что̀ въ моемъ Апок. м. 65 [сн. 30], но въ сильно подновленномъ переводѣ, подъ вліяніемъ Лютерова Апок. въ грав. 23-ей; потому что на Словѣ Божіемъ, возсѣдающемъ на конѣ, соотвѣтственно тексту: «на главѣ его вѣнцы мнози» —надѣта тройная корона, которая, впрочемъ, въ названной Лютеровой гравюрѣ по фасону отличается

* Noel Humphreys, A history of the art of printing. London 1867. Табл. 14 и 17.

отъ той настоящей папской тіары, которая надѣта на Звѣрѣ въ грабв. 15 и 20. Здѣсь она безъ лентъ, или пендилій, и состоитъ изъ трехъ коронъ, поставленныхъ одна на другую, безъ округленной верхушки. Слич. далѣе въ м. 59 [сн. 74 б]. Въ Соловец. Апок. впервые появляется многоярусная корона въ костюмѣ иконографическаго типа Господа Бога, которая потомъ не рѣдко допускается въ нашихъ позднѣйшихъ Апокк., подъ вліяніемъ лицевой Библіи Пискатора и другихъ болѣе раннихъ изданій. По красному одѣянію возсѣдающаго на конѣ брошены кровавыя пятна, по тексту: «облеченъ въ ризу червлену кровію»; ноги въ золотыхъ стременахъ. Вмѣсто надписи на стегнѣ, означенной въ моемъ Апок. полосою, у него раскрытая книга съ чистыми листами, по которымъ надписано новѣйшимъ почеркомъ. На всѣхъ лошадяхъ сѣдла съ высокими луками и спереди, и сзади, но хвосты не завязаны узломъ, какъ это принято въ моемъ Апок. Надпись одна, сокращена изъ двухъ 65-ой миніатюры моего Апок., только съ измѣненіемъ древней формы *судіи* на позднѣйшую *судія*, и формы *послъдовахуть* на *послъдоваху*. Весь сюжетъ этой миніатюры, въ томъ же почти переводѣ, но въ маломъ размѣрѣ, помѣщенъ въ лѣвомъ углу м. 59.

58) XIX, 17-18. Той же редакціи, что̀ въ моемъ Апок. м. 66 [сн. 31], только переводъ подновленъ. Ангела окружаютъ семь птицъ, а не шесть, какъ въ моемъ Апок.: пять коричневыхъ, одна съ зеленымъ нацвѣтомъ въ крыльяхъ и хвостѣ и одна съ желтымъ гребнемъ; всѣ онѣ летятъ. Архаической примѣты въ геральдическомъ убранствѣ головы птицы короною здѣсь не удержано. Лицо солнца, на которомъ стоитъ ангелъ, тоже, какъ въ моемъ Апок., писано съ лица, но по стилю и отдѣлкѣ штрихами напоминаетъ встрѣчающіяся въ гравюрахъ западныхъ Инкунабулъ, напр. въ Нюренбергской Хроникѣ 1493 г. на 157 л. [сн. 246 д]. Надпись: *пріидьте соберътеся на вечеру великого бога, да снъсте плоти царскія и плоти тисущникъ*. Хотя она отличается отъ помѣщенной въ свиткѣ ангела въ м. 66-ой моего Апок., но согласуется съ принятымъ въ немъ текстомъ: *пріидьте соберетеся на вечерю великаго бога. да снъсте плоти царскія плоти тысущникъ*, тогда какъ въ Соловецк. текстѣ совсѣмъ иначе: *пріидете и съберите на вечерю великую божію, да снъсте плоти царей и плоти воевод*. Надобно

замѣтить въ надписи Соловецк. миніатюры, вопервыхъ, южнославянскую примѣту *тисущникъ*, согласную съ принятою въ текстѣ моего Апок. по буквѣ *у*, замѣнившей первоначальный *ѫ*, но отличающуюся отъ моего еще другою южнослав. же примѣтою *и* вм. *ы*: *тисущникъ*; вовторыхъ, мѣстное югозапад. произношеніе: *вечеру* вм. *вечерю*.

59) XIX, 20. XX, 10-14. Двойная миніатюра, которой въ моемъ Апок. соотвѣтствуетъ тоже двойная, м. 68, но рисунокъ совсѣмъ другой, съ измѣненіями и дополненіями въ сюжетѣ. Вверху въ малыхъ размѣрахъ тоже, что̀ въ крупныхъ помѣщено въ двухъ предыдущихъ миніатюрахъ 57-ой и 58-ой; т. е. налѣво несутся по воздуху ангелы на коняхъ съ Словомъ Божіимъ во главѣ [сн. 74 б]; направо ангелъ созываетъ птицъ на трупіе. Птицы эти налетаютъ на низвергающихся коней и всадниковъ, между которыми царь въ коронѣ падаетъ стремглавъ внизъ. Вся нижняя часть миніатюры—монохромъ по красному фону «езера огненнаго». Посреди выше другихъ чудовищъ лежитъ опрокинутъ вверхъ ногами Лживый Пророкъ въ образѣ агнца, въ томъ же типѣ, что̀ въ мм. 37 и 51 [сн. 74 а]; ниже его лежатъ двѣ фигуры: Смерть и Адъ съ одною звѣриною мордою на своемъ мѣстѣ, а не съ двумя; направо отъ нихъ низверженный вверхъ ногами Первый Звѣрь съ семью головами, которыя увѣнчаны коронами и съ рогами. Кромѣ того, все огненное пространство наполнено падающими внизъ человѣческими фигурами, обнаженными и одѣтыми. Существенное отличіе по редакціи между моимъ Апок. и Соловецкимъ состоитъ въ томъ, что въ моемъ наверху надъ «езеромъ огненнымъ» стоятъ ангелы, поражая копьями Звѣря, Антихриста и слугъ его; въ Соловецкомъ же вмѣсто того только однѣ птицы загоняютъ и низвергаютъ ихъ въ пламя, между тѣмъ какъ небесные всадники своимъ оружіемъ не принимаютъ участія въ этомъ пораженіи. Надпись согласуется съ одною изъ трехъ, помѣщенныхъ въ м. 68 моего Апок., именно: *ятъ бысть змій и звѣрь, и съ ними лжепророци, и вовержена быста жива во езеро огненое;* но съ дополненіемъ и измѣненіемъ, не согласными съ текстомъ Откровенія и въ ущербъ самаго смысла. Вопервыхъ, не нужно было дополнять надпись упоминаніемъ о Зміи, судьба котораго будетъ рѣшена въ слѣдующемъ за симъ видѣніи; потому и въ самой миніатюрѣ его нѣтъ между

низверженными въ адское пламя: такъ что надпись противорѣчитъ тому, что она должна бы объяснять. Вовторыхъ, текстъ говоритъ объ одномъ только Лживомъ Пророкѣ, а надпись о многихъ *лжепророкахъ*. Въ моемъ Апок. надпись согласуется съ текстомъ: *ятъ бысть звѣрь и съ нимъ ложный пророкъ жива быста оба ввержена въ озеро огненое*. Въ Соловецк. надписи *вовержена* и *во*—примѣты рус. произношенія.

60) XX, 1-3 [сн. 75]. Съ самыми незначительными отклоненіями копія съ 24-ой гравюры Лютерова Апок., изъ которой для сравненія приводится группа Сатаны съ ангеломъ въ сн. 275 а. Не смотря на изящество рисунка этой группы, которымъ Соловецк. миніатюра обязана западному оригиналу, въ ней нарушено иконографическое преданіе лучшихъ нашихъ Лицевыхъ Апок., состоящее въ различеніи двухъ моментовъ въ видѣніи ангела съ апокалипс. чудовищемъ. Въ первомъ моментѣ, когда ангелъ его связываетъ—это Великій Змій съ семью головами, а во второмъ—Сатана, когда онъ его черезъ тысячу лѣтъ разрѣшаетъ. Различіе это въ типахъ, основанное на текстѣ, XX, 1-3 и 7, строго наблюдается напр. въ обоихъ моихъ лучшихъ Апокк.: въ Апок. ранней редакціи, мм. 67 и 69 и въ юсовомъ XVI, м. 66 [сн. 93]; въ Соловецкомъ же оно оставлено безъ всякаго вниманія и для надписи: *Ангелъ божій связа сатану на 1000 лѣтъ*.

61) XX, 3. 7. Тотъ же самый типъ Сатаны, а не Змія, что̀ въ предыдущей миніатюрѣ, заимствованный изъ Лютерова Апок., грав. 24, имѣетъ здѣсь по тексту настоящее свое мѣсто; но измѣненіе въ положеніи фигуръ свидѣтельствуетъ о свободѣ, съ которою нашъ иконописецъ относился къ чужеземному оригиналу.

62) XX, 7-9 [сн. 76]. Подъ вліяніемъ 25-ой гравюры Лютерова Апок., вмѣсто чудовищнаго ополченія Гога и Магога, какъ въ моемъ Апок., м. 70 [копія краск. 3], здѣсь въ стилѣ батальной живописи изображена осада обыкновеннаго христіанскаго города конною ратію мусульманъ въ чалмахъ и съ знаменами, на которыхъ изображена мусульманская луна. Въ Лютеровомъ Апок. осаждающіе тоже въ чалмахъ, но пѣхота, а не конница, грав. 25. Это турки; потому что у Лютера слово Gog объяснено на полѣ глоссою «Das sind die Turcken die von den Tattern herkomen und die roten Juden helffen». Надпись

въ описываемой миніатюрѣ: *Обыдоша градъ святый възлюбленый и сътвориша брань съ святыми*,—отличается отъ принятой въ моемъ Апок.

Затѣмъ слѣдуютъ двѣ мм., 63-я и 64-я, отъ которыхъ осталось менѣе, чѣмъ по половинѣ. Обѣ онѣ были написаны по обѣимъ сторонамъ одного и того же листа, форматомъ вдвое шире рукописи, такъ что когда листъ этотъ былъ вклеенъ въ нее, то его надобно было согнуть. Впослѣдствіи отъ частаго употребленія крайняя и притомъ бо́льшая половина листа истерлась и надорвалась, и наконецъ совсѣмъ утратилась: такъ что въ настоящее время сохранилась только та половина, которою онъ былъ прилаженъ къ корешку переплета. Судя по тому, что̀ осталось отъ обѣихъ миніатюръ, нельзя не сожалѣть о важной потерѣ для исторіи русскаго Лицеваго Апокалипсиса; ибо обѣ онѣ имѣютъ характеръ ранней редакціи. А именно:

63) XX, 13. Остался только сегментъ синяго круга съ изображенными на немъ рыбою и ракомъ, можетъ быть, остатокъ того представленія Моря въ кругѣ, котораго позднѣйшую копію мы имѣемъ въ Страшномъ судѣ, по рук. СПБ. № 229, второй половины XVII в. *—Надпись сохранилась сполна: *Смерть и адъ, земля и море отдасть мертвеца своя*. Вѣроятно, здѣсь же изображена была и земля, внѣ того круга; но въ другихъ редакціяхъ она въ этомъ сюжетѣ не пишется, на основаніи текста: «бѣжа небо и земля, и мѣсто не обрѣтеся имъ» XX, 11. Слич. въ МПМ. № 156, м. 77 [сн. 58].

64) XX, 11. XXI, 1-5. Той же редакціи, что̀ въ моемъ Апок. м. 72. Такъ же раздѣлена горизонтально на три полосы, или въ три яруса. Оставшееся соотвѣтствуетъ правой сторонѣ миніатюры въ моемъ Апок., въ которомъ по замѣчательному совпаденію на оборотѣ этой самой половины двойной миніатюры изображено такъ же отданіе мертвецовъ Смертію и Адомъ, какъ и на оборотѣ отрывка Соловец. рукописи. Итакъ, отъ верхняго яруса осталась толпа съ ангеломъ, передъ которымъ стоитъ Іоаннъ; отъ средняго—четыре апостола на престолахъ, у каждаго въ рукахъ по книгѣ, и надпись: *Апостоли;* наконецъ отъ нижняго яруса—толпа фигуръ, раздѣленная на группы, съ надписью надъ каждой: *ликъ препод.—ликъ препод. женъ—Множество народа*; въ послѣдней группѣ разнообразіе

* Снимокъ смотр. въ моихъ *Историч. Очеркахъ* II, при стр. 133.

костюмовъ, между которыми есть и чалмы, надѣтыя на бритыхъ съ усами.

65) XXII, 7-10. На зеленомъ лугу, усѣянномъ цвѣтами, стоитъ Іоаннъ и принимаетъ отъ парящаго ангела раскрытую книгу. Въ ней написано старымъ почеркомъ всѣхъ прочихъ надписей: *Се граду скоро и блаженъ соблюдаяй словеса книги сея;* при этомъ должно замѣтить, вопервыхъ, отклоненіе отъ текста рукописи, гдѣ значится: *се прииду скоро* и пр., и вовторыхъ,— югозападную форму *граду* вм. *гряду*. Надпись надъ изображеніемъ: *съвершенныѣ пріатъ*, по южнославянскому правописанію, вм. *пріятъ*.

IV

Рукопись Профессора Буслаева въ 4-ку, на 336 лл. съ 78 мм., юсовая; XVI в. [Юсовой Апокалипсисъ].

Рук. Московскаго Публичнаго Музея въ л., на 84 лл. съ 77 мм., конца XVII в.

Рук. Профессора Буслаева въ 4-ку, на 357 лл. съ 78 мм.; 1705 г.

Рук. Профессора Тихонравова въ 4-ку, на 278 лл.; собственно Апокалипсисъ на лл. 68-191 съ 69 мм.; второй половины XVIII в.

На основаніи обѣихъ моихъ рукописей, и юсовой XVI в., и копіи съ нея 1705 г., надобно полагать, что редакція этого Апокалипсиса отличается по своему составу отъ всѣхъ прочихъ, мнѣ извѣстныхъ, Лицевыхъ тѣмъ, что къ толкованію Андрея Кесарійскаго въ началѣ передъ оглавленіемъ присовокупляется лицевое же «Сказаніе иже во святыхъ отца нашего Ипполита Папы Римскаго, разрѣшеніе неизреченнаго Откровенія Іоанна Богослова, сказующе о скончаніи міра, о Антихристѣ и о второмъ пришествіи ихъ». Сказаніе это, впрочемъ, не рѣдко встрѣчается при Толковыхъ Апокалипсисахъ, только не при Лицевыхъ, какъ напр. въ библіотекѣ Моск. Духовн. Акад. № 119, XIV в., №№ 83 и 84, XVI в.; въ Синод. библіот. № 103 XVI в.; наконецъ и въ полныхъ Библіяхъ при Апокалипсисѣ безъ толкованія: въ Геннадіевской Библіи 1499 г., въ Синодальной библіот. № 1 и въ другой XVI в. тамъ же № 2.

Мой юсовой Апок. относится къ тѣмъ великорусскимъ рукописямъ XVI в., которыя, подъ вліяніемъ ученыхъ справщиковъ и издателей старопечатныхъ книгъ, усвоили искусственную систему, какъ въ правописаніи, такъ и въ нѣкоторыхъ

книжныхъ пріемахъ, которыми обставляется текстъ рукописи. Письмо принято уставное, крупнаго размѣра, съ большими юсами, не іотированными и со всевозможными надстрочными знаками. По всей рукописи, на каждой страницѣ въ верхнемъ полѣ надъ текстомъ означено чернилами тѣмъ же крупнымъ уставомъ, на лѣвой страницѣ: *Апокалипсисъ св. Іоанна,* а на правой—такое-то счетомъ слово и такая-то глава, для того чтобы читающій тотчасъ же могъ находить нужную ему главу и знать, къ которому изъ 24-хъ словъ она относится. Исключеніе изъ этой строго выдержанной системы составляютъ только тѣ страницы, на которыхъ подробно озаглавлена киноварью передъ самымъ текстомъ каждая изъ 72-хъ главъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ при каждомъ изъ 72-хъ киноварыхъ заглавій, на боковомъ полѣ, означено число главы буквенными цыфрами въ изящныхъ орнаментахъ, о которыхъ будетъ сказано потомъ. Сверхъ того на поляхъ же, гдѣ нужно, означены ссылки на книги Ветхаго и Новаго Завѣта и наконецъ—глоссы, значеніе которыхъ будетъ объяснено ниже.

Въ текстѣ Толковаго Апок. принята редакція пергаминной рукописи Румянцевской XIII-XIV в. въ МПМ. № 8, та же, что въ Апокк. XVI в.: въ Филаретовскомъ въ библіотекѣ Казанск. Духовн. Акад. № 58 и Хлудовск. № 7, и во многихъ позднѣйшихъ, то есть, редакція, господствующая у насъ въ старину, именно та, характеристику которой предлагаютъ Горскій и Невоструевъ въ «Описаніи славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки», Отдѣлъ I, стр. 157-160, Отд. II, стр. 192-195. Но такъ какъ текстъ этой редакціи не вездѣ былъ вразумителенъ для русскихъ читателей XVI в., а сверхъ того кое-гдѣ и съ описками, то современнымъ же почеркомъ, только нѣсколько помельче текста, тою же рукою, которою означены выше сказанныя ссылки на Библію, приведено въ глоссахъ на поляхъ значительное количество варіантовъ и исправленій. Многіе изъ варіантовъ согласны съ нынѣ принятымъ текстомъ.

Великорусскій характеръ письма моего Апок. опредѣляется отсутствіемъ всякихъ признаковъ южнославянскаго и югозападнаго русскаго говора, какъ въ текстѣ, такъ и въ глоссахъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и не предлагаетъ мѣстныхъ и спеціальныхъ примѣтъ нашего нарѣчія.

Въ предлагаемыхъ выдержкахъ изъ описываемой рукописи означены варіанты, гдѣ таковые оказались въ упомянутыхъ выше Апокк. Румянцевскомъ XIII-XIV и въ Филаретовскомъ и Хлудовскомъ *.

I, 9. «Азъ Иваннъ иже и братъ вашъ обѣщникъ въ печали и во царствіи и въ терпѣніи Іисусъ Христове. быхомъ во отоце [*гл.* во острове] нарицаемомъ Патоме [*гл.* Патносъ]»; въ Румянц. *обьщникъ*, въ Филар. *обещникъ* и *въ триць* съ буквою *с* надъ *т*, ошибкою вм. *въ отоць*; въ испр. *во островъ*. Въ моемъ юсовомъ Апок. такъ и далѣе постоянно *отокъ* вм. *островъ*.

II, 9. «И власфи сія [*гл.* и хулы] отъ глаголющихъ іюдея быти себе и не суть»: вмѣсто описки: *власфи сія*, въ Румянц. и Хлудовск. *власфимія*, въ Филар. *власфиміа*; въ испр. *хулы*.

II, 10. «И дамъ ти животъ вѣчный [*гл.* венѣцъ живота вѣчнаго]».

II, 11. Въ толк. «діяволя зиянія»; въ Румянц. *сьянія*, въ Филар. *сьяніа*, въ Хлуд. *сіянія*.

II, 13. «Антипасъ ученикъ [*гл.* свѣдетель, мученикъ] мой вѣрный»; въ Румянц., Филар. и Хлуд. *мученикъ*, въ испр. *свидѣтель*.

II, 14. «Соблазнъ [*гл.* скандалъ»].

II, 18. «И нозѣ его подобни мѣди халколивановы»; въ Румянц. и друг. древн. «мѣди ливановѣ»; въ испр. «подобни халколивану».

II, 21. «И дахъ ей врѣмя [*гл.* лѣта]»; въ Румянц. и Хлуд. *лѣто*, въ Филар. *лѣта*; въ испр. *время*.

III, 14. Свѣдетель вѣрный [*гл.* истиный]. властель [*гл.* начатокъ] созданію божію»; въ Румянц. и друг. древн. «свѣдитель вѣрный. властель созданію божію»; но въ испр. «свидѣтель вѣрный и истинный, начатокъ созданія Божія».

III, 14. Въ толк.: «самъ усииска есть истинна. властель же си речь царь [*гл.* царство]». Объ этомъ грецизмѣ смотр. въ разборѣ текста Солов. юсоваго Апок.; что же касается до послѣдняго слова, то въ Румянц. и Хлуд. *царство*, а въ Филар. *царь*.

IV, 9. Въ толк.: «на чювственныя [*гл.* на чаемыя] враги»; въ Румянц. «на чюемыя врагы»; въ Филар. *на чювственныя*.

* Смотр. также въ разборѣ текста въ описаніи моего Апок. ранней редакціи и Солов. юсоваго.

V, 1. «Книгу написану», какъ и въ испр. въ единств. числѣ, такъ же и далѣе, вм. множественнаго, удержаннаго не только въ Румянц. *книгы написаны*, но и въ друг. древн.

V, 3. «Ни на земли ни подъ бездною [*гл.* ниже подъ землею]», какъ и въ друг. древн., тогда какъ въ испр. принята глосса: «ни на земли, ниже подъ землею».

V, 4. «И плакахуся мнози и азъ плакахся много»; въ Румянц. и Хлуд. только «и плакахуся мнози», а въ Филар.: «плакахуся мнози и азъ плакахъся мнозе» [sic]; въ испр. же, какъ и въ Солов. юсовомъ только: «и азъ плакахся много».

V, 11. Тысуща тысущами», какъ и въ Филар.; но въ Хлуд. «тысяща тысящами»; въ Румянц. означено сокращенно, такъ что неизвѣстно, что̀ могло бы здѣсь стоять—*у* или *я*.

VI, 2. «Се конь сѣръ [*гл.* бѣлъ]»; въ древн. *серенъ*, но въ испр., какъ и въ юсовомъ Соловец. *бѣлъ*.

VI, 4. «Оружие велие [*гл.* мечь великій]»; во всѣхъ древн. «оружіе веліе»; но въ испр. «мечъ великій».

VI, 6. «Хиникосъ [*гл.* ѳиниксъ] пшеница пѣнязь. и три хиниксъ. криѳисъ динари»: при этомъ еще глосса на нижнемъ полѣ страницы: «мѣра пшеници за динарь. и 3. мѣры ячменю за динарь»; въ Филар. такъ же, только *крифисъ*, вм. *криѳисъ*, но въ Хлуд. «хиниксъ пшеница пѣнязь»; въ Румянц.: «д.рь хикосъ [sic] пшеница. пѣнязь. и тріе хиници. ячмень пѣнязь»; въ греч.: Χοῖνιξ σίτου δηναρίου. καὶ τρεῖς χοίνικες κριθῶν, δηναρίου.

VI, 13. Опискою *пути* вм *пупы*, какъ въ прочихъ текстахъ.

VI, 15. *Тысѫщницы*: въ Филар. *тысущници*, но въ Румянц. и Хлуд. *тысящници*.

VII, 5. «Отъ колѣна июдина [*гл.* *июдова*]», во всѣхъ прочихъ *іюдова* или *іудова*.

IX, 4. «Да не вредятъ [*гл.* да не едятъ] травы земныя»; въ Румянц. и Филар. *не ядять*, но въ Хлуд., какъ и въ испр. *не вредятъ*.

IX, 16. Въ толк.: «яко плевели во огнь ввержени *будѫтъ*»; въ Румянц. *яко плевъ*, въ Филар. *яко плъвіи*, въ Хлуд. *яко пленивы*.

IX, 21. «И не покаяшася отъ убійствъ своихъ. ни отъ корени [*гл.* ни отъ волхвования] ихъ»; въ Румянц. и Хлуд. *ни отъ корене*; въ Филар. *ни отъ кровеніих*; въ испр. *ни отъ волхвованій*.

X, I. Въ толк.: «Ангельское видѣніе являетъ небеснымъ зрачіемъ»; въ Румянц. *зрачіемь*, въ Филар. *зраченіемь*, въ Хлуд. *различіемь*.

XI, 8. «И трупа ею оставитъ на площади [*гл. современная*: на стенахъ, *гл. XVII в.* на стогнахъ] града великаго иже нарицается духовно и едемъ [*гл.* содомъ] и египетъ»; въ Румянц. *на цьстахъ*, въ Филар. *на площади*, въ Хлуд. *на стенахъ*, въ испр. *на стогнахъ*; въ Румянц. *едемъ егупетъ*, въ Филар. *едемъ и египетъ*, въ Хлуд. *едомъ. египетъ*; въ испр. *Содомъ и Египетъ*.

XI, 19. «И явися киотъ [*гл.* крабій] завѣта божия въ церкви его»; въ толков. «видѣніемъ киота [*гл.* крабія]»; въ Румянц. и Хлуд. *крабій* и *крабія*; въ Филар. въ текстѣ *кіотъ*, а въ толк. глосса внесена въ текстъ: *крабіа кіота;* въ испр. *кивотъ*.

XII, 11. «Ти иже победиша за кровь агнчю. и за слово ученія его»; въ Румянц. «и за слово *мученія* ихъ»; въ Филар. *ученія*; въ испр. «и тіи побѣдиша его кровію агнчею и словомъ *свидѣтельства* своего».

XIII, 14 и 15. Постоянно: *тѣло звѣреви* или *звѣриное*, *тѣлу* или *тѣлеси звѣриному*, какъ принято и въ Румянц., Филарет. и Хлуд.; но сверхъ того постоянно же всякій разъ съ глоссою: *образъ* и *икона*, *образу* и *иконѣ*, а въ испр. то *образъ*, *образу*, то *икона*, *иконѣ* и пр. Такъ и въ другихъ мѣстахъ.

XIV, 4. «Унотою бо суть», какъ и въ друг. древнихъ; въ испр. «зане дѣвственницы суть».

XIV, 20. Въ толк.: «До уздъ же сиречь от ретивыхъ конѣй доходящихъ»; въ Румянц. *оревитыхъ конь*, въ Филар. *оревитыхъ коней*; но въ Хлуд. такъ же испорчено, какъ и въ описываемой рук.: «сирѣчь *оретивыхъ* конь»; т. е. было не понятно древнее слово *оревитъ*—θηλυμανής—insano feminarum amore captus.

XVI. Какъ въ этой главѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ *фіялъ*, съ *ъ* на концѣ, употребляется въ женск. родѣ: *фіялъ свою* и т. д.; такъ же и въ Филар. *фіялъ* или *фіалъ свою;* но въ Румяц. и Хлуд. на *ь* въ женск. родѣ: *фіаль свою*.

XVI, 7. «И слышахъ *дрꙋгаго* отъ олтаря глаголюща», какъ и въ испр.; въ Румянц., Филар. и Хлуд.: «и слышахъ олтарь глаголющь».

XVI, 19. Въ толк.: «Грады же разорены. язычнаго житія *пристаніемъ* пришествіемъ божія пришествія»; въ Румянц.

«язычьскаго житья *престаніе* пришествіемь божія пришествія»; въ Филар. *пристаніе*, въ Хлуд. *преставленіе*. Въ Солов. юсовомъ: «градовъ же паденіе разореніе язычное [*гл.* невѣрныхъ] являетъ. или язычнаго [*гл.* невѣрнаго] житіа *престаніе* пришествіемъ божіа царства».

XVII, 4. Въ толк.: «*Чашѫ* убо сладостное *житіе* злыхъ дѣяній менитъ»; въ Румянц.: «Чашю убо сладостное *пити* мѣнить»; въ прочихъ *питіе*.

XVII, 9. «И седмь главъ седмь родовъ [*гл.* горь суть седмь] есть, идѣже жена сѣдитъ на нихъ»; въ Румянц.: «седмь главъ. 7 родъ есть, идеже жена сѣдить на нихъ»; въ Хлуд. *родъ*, въ Филар. *родовъ;* въ испр.: «седмь главъ, горы суть седмь» и проч.; въ греч.: αἱ ἑπτὰ κεφαλαὶ, ἑπτὰ ὄρη εἰσίν.

XVIII, 12. «*Сирка* [*гл.* шика] и червлѣни»; въ Румянц. «*шика* и червлени», какъ и въ Филар.; но въ Солов. юсов. *сѷрика*, въ испр. *шелка*.

XVIII, 13. «И конь роденъ и телѣсенъ»; въ Румянц. «и конь роденъ и телесенъ»; въ Филар. *реденъ*; въ Солов. юсов. *редонь*; въ греч.: καὶ ἵππων καὶ ῥεδῶν καὶ σωμάτων: et equorum et rhedarum, et mancipiorum; въ испр.: «и коней и колесницъ, и тѣлесъ и душъ человѣческихъ».

XIX, 11, «Конь бронъ [*гл.* серъ, бѣлъ]»; въ Румянц., Хлуд. и Филар. *серенъ*, въ Солов. юсов. *бѣль*, въ испр. *бѣлъ*.

XIX, 13. «Оболченъ въ ризы бѣлы очервлѣны кровію»; въ Филар. такъ же: *бѣлы очервлены;* но въ Румянц., а равно и въ Хлуд. и Солов. юсов. только: *въ ризы червлены кровію;* въ испр.: «въ ризу червлену кровію»; въ греч.: καὶ περιβεβλημένος ἱμάτιον βεβαμμένον αἵματι.

XIX, 14. «На конехъ бронныхъ [*гл.* бѣлыхъ, серыхъ]; въ Румянц., Хлуд. и Филар. *сереныхъ*, въ Солов. юсов. *бѣлыхъ*, въ испр. *бѣлыхъ*.

XXI, 2. Въ толк.: «Каменіе свято на земли *является* [*гл.* по земли валяетца—sic]; но въ Хлуд., Филар., а такъ же и въ Солов. юсов. *валяется*, какъ и у Прор. Захар. IX, 16, откуда это мѣсто взято.

XXI, 2. Въ толк.: «Градъ же яко самоя тоя царица троица жилище» [т. е. царицы троицы]; въ Румянц.: «градъ же самоя троица жилище»; въ Хлуд. и Филар.: «градъ же яко самыя святыя троица жилища»; въ греч.: πόλις μὲν, ὡς τῆς βασιλίδος Τριάδος οἰκητήριον.

XXI, 6. «Азъ *жажѫщему* дамъ *отъ источника* воды животныя туне»; но въ Румян. только: «азъ жежющему дамь *отъ воды* животныя туне»; такъ и въ Хлуд. и Филар., только *отъ воды*; но въ Солов. юсов. *отъ студенца*, а въ испр., какъ въ моемъ: *отъ источника*; въ греч.: ἐγὼ τῷ διψῶντι δώσω ἐκ τῆς πηγῆς τοῦ ὕδατος τῆς ζωῆς δωρεάν.

XXI, 21. Въ толк.: «Поставлѣніе *града*»; въ Румянц. какъ и во всѣхъ другихъ: «постланіе граду».

XXI, 24-25. Въ толк.: «Побеждшеи бо плотьскія похоти [*гл.* сласти]»; въ Румянц.: «побѣжьше плотьскыя сласти»; въ Филар. *сласти*; въ Хлуд. и Солов. юсов. *похоти*.

XXII, 2. «И листвіе *древѫ* во исцелѣніе языкомъ»; въ Филар., какъ и въ исправл.: *въ исцѣленіе*; въ Солов. юсов. *въ здравіе*; но въ Румянц. ошибочно *въ истлѣніе*, равно какъ и въ Хлуд.

XXII, 16. «Звѣзда утренняя свѣтлая и денница»; въ Румянц. только: «звѣзда утренняя свѣтла», безъ *денница*, какъ и во всѣхъ прочихъ; а въ испр. «звѣзда утренняя и денница».

Всѣ 78 миніатюръ одного времени съ письмомъ рукописи, на одинаковой бумагѣ, и всегда такъ, что на одной сторонѣ листа миніатюра, а на другой—письмо, котораго крупныя и толстыя буквы часто пробиваютъ насквозь въ самомъ рисункѣ миніатюръ.

Во всей иллюстраціи надписей всего шесть. Изъ нихъ двѣ XVII в. писаны внутри рамки надъ сюжетами, именно: *отецъ и сынъ*, м. 6, и *вся колена земская*, м. 7; остальныя же четыре мелкимъ полууставомъ XVI в., и всѣ писаны внѣ рамки въ верхнемъ полѣ. По принятой системѣ миніатюристъ XVI в. обходится въ своей работѣ безъ надписей, такъ какъ самый текстъ и толкованія достаточно поясняютъ изображенія, и только въ четырехъ случаяхъ допустилъ исключеніе, чтобы облегчить читателю уразумѣніе изображеній, а именно: *святыи ипполит папа римскии*, м 2; *святыи андреи архиепископъ кесаріскии*, м. 4; *сынъ—отецъ—духъ святый*, м. 15 [сн. 78], *ангел молніе носецъ—ангел блистаніа носецъ*, м. 58 [сн. 89].

Кромѣ сказаннаго выше, есть еще одинъ указатель связи между миніатюрами и письмомъ, проходящій по всѣмъ 72-мъ главамъ Толковаго Апокалипсиса. Это именно помѣты каждой изъ этихъ главъ, состоящія изъ славянской цыфры главы, съ раскрашеннымъ орнаментомъ [копія краск. 8].

Хотя съ перваго взгляда кажутся эти помѣты по стилю сходными съ тѣми знаками, которые ставятся на поляхъ старопечатныхъ славянскихъ книгъ; но при внимательномъ разсмотрѣніи выказывается во многихъ изъ нихъ самостоятельное творчество такого же искуснаго художника, какимъ былъ и миніатюристъ, умѣвшій соединить въ иллюстраціи этой рукописи всѣ качества традиціонной иконографіи съ изяществомъ настоящей миніатюрной живописи, отличающейся довольно удачными попытками въ наблюденіи правилъ натурализма и художественнаго стиля. И по рисунку, и по раскраскѣ сказанные орнаменты помѣтъ, если не одного мастера съ миніатюрами, то, безъ сомнѣнія, одной и той же школы.

Общій характеръ этихъ орнаментовъ тотъ же, что̀ господствуетъ въ лучшихъ образцахъ заставокъ и заглавныхъ буквъ XVI в. въ изданіи Бутовскаго; но по разнообразію элементовъ гораздо богаче. Тутъ есть и листва съ усиками и цвѣточками, и ремни, перевитые и сплетенные узлами, и чудовища, и человѣческія головы, однимъ словомъ то же самое, что̀ встрѣчаемъ въ славяно-русскихъ рукописяхъ отъ XI до XIV в. Но эти элементы являются здѣсь въ замѣтномъ развитіи, какъ бы обновленные и освѣженные стремленіемъ къ натурализму и новыми пріемами изящнаго стиля, сближающагося съ готическимъ и съ стилемъ Возрожденія. Каждая помѣта въ своихъ орнаментахъ представляетъ законченное цѣлое, будто рисунокъ для ювелирной работы, въ цѣломъ напоминающій заглавныя буквы лучшаго стиля Византійскихъ рукописей, но уже безъ всякаго намека на византійскую перегородчатую эмаль, которую русскій мастеръ XVI в. уже замѣняетъ натуральными колерами и иногда рельефностью оттѣнковъ. Ремни, хотя связываютъ животныхъ, но не разсѣкаютъ ихъ рисунка, какъ въ русскомъ орнаментѣ XIII и XIV в., и иной разъ даютъ имъ настолько свободы въ движеніяхъ, что кажется, будто имъ привольно въ окружающей ихъ листвѣ: къ ней они ластятся, а иногда и щиплютъ ее своими граціозными рыльцами, напр. въ помѣтѣ 35 гл. [копія краск. 8]. Даже очевидная копія ранняго оригинала XIV в. получаетъ у нашего мастера другой видъ, согласный общему стилю работы; слич. напр. помѣту 22 гл. [копія краск. 8] съ орнаментомъ XIV в. въ изданіи Бутовскаго въ табл. XLI [сн. 245 б]. Человѣческія лица получаютъ тоже

иной видъ противъ древняго рисунка, живописный и болѣе натуральный; они драпируются убрусомъ, какъ въ помѣтѣ 68 гл. [копія краск. 8], и сверхъ того однажды съ очень любопытною примѣтою, усвоенною орнаментаціею западною: она состоитъ въ томъ, что на обоихъ вискахъ убрусъ повязанъ бантами въ видѣ ушей или рожковъ; слич. помѣту 27 гл. [копія краск. 8] съ головкою въ орнаментѣ заглавной буквы франц. рукописи XIV в. [сн. 245 в] * и затѣмъ въ стилѣ Возрожденія въ орнаментаціи западныхъ печатныхъ изданій XVI в. [сн. 245 г]. ** Сверхъ того есть лица, переходящія своими очерками въ листву, именно въ помѣтахъ главъ 23, 28 [копія краск. 8] и 39. На западѣ очень обыкновенны такія лиственныя лица въ орнаментаціи Возрожденія; но встрѣчаются въ искусствѣ средневѣковомъ уже въ стилѣ готическомъ XIII в., напр. между рисунками [сн. 245 а] французскаго архитектора XIII в. Вилляра де Оннекура ***. Иногда рисунокъ помѣты состоитъ изъ букетовъ широкой, сочной листвы, иногда изъ тонкихъ въ одну линію стебельковъ съ мелкими листиками и разноцвѣтными шишечками. Вверху орнаментъ завершается или букетомъ, или остроконечною крышею башни, однажды съ двуглавымъ орломъ въ помѣтѣ 56 гл. [копія краск. 8]. Заслуживаетъ вниманія крестъ изъ жгутовъ въ помѣтѣ 22 гл., который, какъ уже указано, заимствованъ изъ русскаго орнамента XIV в.; но особенно распространенъ на верхушкахъ помѣтъ традиціонный орнаментъ, получившій свое начало отъ двухъ симметрически расположенныхъ вѣтвей, изъ коихъ исходитъ животворящій крестъ: фигура очень обыкновенная въ византійскомъ искусствѣ. Въ описываемой рукописи этотъ орнаментъ выведенъ или широкими листьями, или тонкими линіями; только въ срединѣ между обоими развѣтвленіями на прямой линіи вмѣсто перекрестія ставятся, или шарикъ, или черточки, въ помѣтахъ 28, 35, 56, 68 гллл. [копія краск. 8].

Прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію иллюстраціи моего юсоваго Апок., я долженъ указать на три рукописи, которыя свидѣтельствуютъ, что эта рѣдкая и единственная въ своемъ

* Langlois, Essai sur la calligraphie des manuscrits du moyen-age. Rouen. 1841, стр. 66.

** Butsch, Die Bucherornamentik der Hoch-und Spätrenaissance. Munchen. 1880; 1 выпускъ 2-ой части, табл. 38.

*** Lassus et Darcel, Album de Villard de Honnecourt. Paris. 1858, pl. IX.

родѣ редакція была извѣстна русскимъ мастерамъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Одна рукопись МПМ. № 5 [отъ Большакова] въ л. конца XVII в., содержитъ въ себѣ Лицевой Апок., довольно грубой работы, редакціи Филаретовско-Чудовской, съ нѣкоторыми измѣненіями въ переводахъ, въ листовой форматъ рукописи. Но въ самомъ началѣ, по странной случайности первыя 13 мм., въ 4-ку, представляютъ, съ весьма незначительными варіантами, копіи съ первыхъ же миніатюръ моего юсов. Апок., именно съ 4-ой, которою начинается иллюстрація собственно Толковаго Апокалипсиса Андрея Кесарійскаго. А именно:

мой юсовой.	мпм. № 5.	мой юсовой.	мпм. № 5.
4	1.	11	8.
5	2.	12	9.
6	3.	13	10.
7	4.	14	11.
8	5.	15	12.
9	6.	16	13.
10	7.		

Другая рукопись 1705 г. принадлежитъ мнѣ. Она представляетъ самую полную копію со всѣхъ 78 мм. моего же юсоваго Апок. XVI., въ томъ же самомъ порядкѣ, только въ очеркахъ нѣсколько крупнѣе, но довольно тщательно рисованныхъ и раскрашенныхъ разными красками съ соблюденіемъ натуральнаго колорита предметовъ. При постоянной вѣрности оригиналамъ, эти скопированныя миніатюры иногда предлагаютъ очень любопытныя измѣненія и подновленія въ самыхъ сюжетахъ, которыя всѣ мною замѣчены ниже, какъ любопытные факты для исторіи русской иконографіи, свидѣтельствующіе объ упадкѣ иконографическаго преданія, который воспослѣдовалъ у насъ во второй половинѣ XVII в. и въ началѣ XVIII-го. Сверхъ того, всѣ переводы, въ копіи 1705 г., снабжены многочисленными, подробными надписями, изъ которыхъ я привожу въ описаніи миніатюръ все то, что̀ нахожу любопытнымъ для показанія, какъ въ началѣ XVIII в. наши мастера понимали апокалипсическую иконографію, дошедшую до насъ въ древнѣйшихъ переводахъ XVI в.

Третій Апок. той же редакціи помѣщенъ въ рук. профессора Тихонравова, второй половины XVIII в. Рукопись эта въ

одномъ переплетѣ содержитъ двѣ разныя по характеру половины: первая лицевая, лл. 1-191, вторая безъ миніатюръ, лл. 193-278, начинается челобитною чернеца Авраамія царю Алексѣю Михайловичу.

Первая половина, лицевая, дѣлится также на двѣ части: въ первой, лл. 1-61, съ миніатюрою на каждомъ листѣ въ кругломъ медаліонѣ, идетъ цѣлый рядъ сказаній о загробной жизни; начинается выписками изъ книги Бытія о сотвореніи міра до убіенія Авеля Каиномъ. Эта первая въ мірѣ смерть праведника даетъ естественный переходъ отъ Бытія къ сказанію: «Исходъ души праведнаго»; затѣмъ слѣдуютъ повѣствованія: «Апрѣля 16 дня: въ писаніи Божественномъ обрѣтается причта: человѣкъ нѣкій три друга имяше; Повѣсть полезна: сынъ матерь свою отъ муки избави; Нѣкогда ходящу святому Отцу Макарію въ пустыни; Ино сказаніе о усопшихъ: аще кто усопшихъ любовію побѣжденъ и проч.; Братъ вопроси старца, имя ли спасетъ или дѣло; Преподобная мати Аѳанасія игуменія»; затѣмъ евангельская притча: «Евангеліе: Человѣкъ нѣки богатъ и облачашеся въ порфиру»; потомъ опять повѣсть: «Юноша нѣки плѣненъ бысть въ Персидѣ», и наконецъ: изображеніе Страшнаго суда, какъ исключеніе, на всемъ листѣ въ четвероугольной рамкѣ, при текстѣ: «Возстанію вси вѣруемъ», и изображеніе ангела, несущаго душу въ рай, опять въ кругломъ медаліонѣ, при текстѣ: «Въ девятый день восхожденіе праведныя на небѣса». Затѣмъ послѣ разныхъ выписокъ безъ миніатюръ, лл. 62-67, слѣдуетъ Лицевой Апокалипсисъ, составляющій вторую часть первой половины рукописи, лл. 68-191, съ 69 мм.

Апокалипсисъ профес. Тихонравова, уступая моей копіи 1705 г. въ изяществѣ и близости переводовъ къ оригиналу, все же удерживаетъ ту же редакцію, но съ несравненно бо́льшими, чѣмъ въ сказанной копіи, видоизмѣненіями, сокращеніями и подновленіями, не безъинтересными въ томъ отношеніи, что показываютъ они намъ наглядно, какъ первоначальное иконографическое преданіе, утрачивая въ послѣдствіи свой смыслъ, подвергается искаженіямъ.

Согласно моему юсовому Апок. XVI и моей копіи 1705 г., и этотъ Апок. также начинается сказаніемъ Ипполита Папы Римскаго, но уже безъ двухъ миніатюръ, относящихся къ сказанію. Нѣтъ также и изображенія Андрея Кесарійскаго; что же касается до Іоанна Богослова, писаннаго во всю страницу

въ большомъ размѣрѣ, по моимъ Апок., и по юсовому и по копіи, м. 1, то онъ помѣщенъ въ Тихонр. Апок. въ самомъ концѣ, м. 69. Первыя 11 миніатюръ, по моимъ Апокк. отъ 5-ой м. по 17-ю, стало быть за выпускомъ двухъ, и притомъ не въ надлежащемъ порядкѣ, писаны неумѣлою рукою самого писца рукописи въ неуклюжихъ, уродливыхъ очеркахъ безъ красокъ. Затѣмъ слѣдуютъ двѣ пустыя рамки, и только съ 12-ой миніатюры начинается настоящая иллюстрація этой рукописи въ довольно тонкихъ рисункахъ, тщательно выведенныхъ и раскрашенныхъ, именно съ 14-ой главы по толковому счету, по нынѣ принятому VI, 3-4, но такъ что слѣдующій затѣмъ сюжетъ съ Третьимъ Всадникомъ пропущенъ, и въ м. 13 изображенъ не онъ, а уже Четвертый Всадникъ, т. е. Смерть. Между миніатюрами 51-ой и 52-ой, по счету Тихонр. рукописи, оставлена пустая рамка, но безъ нужды, судя по моимъ Апокк. Но далѣе пропущены двѣ миніатюры, именно послѣ главъ 58 [XIX, 11-16] и 66 [XXI, 5-8], которымъ въ моихъ Апокк. соотвѣтствуютъ мм. 64 и 72, и наконецъ одна миніатюра лишняя, по счету Тихонрав. рукописи 63-я, которая и стоитъ не по общепринятой системѣ, между главами текста, а рядомъ съ м. 34, коей въ моихъ Апокк. соотвѣтствуетъ м. 74.

Не смотря на искаженія и сокращенія Тихонравовской иллюстраціи, не только въ миніатюрахъ болѣе тщательныхъ, раскрашенныхъ, но и въ неуклюжихъ, выведенныхъ черниломъ, редакція ея, безъ малѣйшаго сомнѣнія, идетъ отъ моего юсоваго Апок. XVI в., но не прямо, а отъ такихъ копій, въ которыхъ кое-что было подновлено, какъ ставшее уже непонятнымъ для позднѣйшаго времени. Самую видную примѣту такихъ подновленій представляетъ въ моей копіи 1705 г. м. 15. [сн. 186], въ которой изображено Отечество уже по общепринятому обычаю, тогда какъ въ моемъ юсовомъ Апок. оно представлено съ замѣчательными особенностями архаическаго свойства [сн. 78]. И въ Тихонр. рукописи это архаическое изображеніе подновлено, хотя и не въ томъ переводѣ, который принятъ въ моей копіи 1705 г., именно въ видѣ сидящаго на престолѣ Господа Саваоѳа съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на колѣняхъ, но Св. Духа надъ ними нѣтъ вовсе; все же остальное согласно съ первоначальною редакціею, т. е. представленіе въ лицахъ текста о церкви Лаодикійской, м. 9, III, 14-22.

Моя рукопись 1705 г. есть дѣйствительная копія, пользующаяся переводами самаго оригинала; рукопись же Тихонравовская удерживаетъ только главные признаки редакціи, но въ другихъ переводахъ, въ которыхъ нѣтъ уже ни разноцвѣтныхъ небесныхъ полосъ, ни изящнаго ландшафта, ни богатаго полатнаго письма, которыми отличаются оба мои Апокк., какъ существенными принадлежностями этой редакціи.

Для примѣра привожу только незначительную часть сходныхъ по редакціи миніатюръ:

въ обоихъ моихъ Апок.	въ Тихонр.	въ обоихъ моихъ Апок.	въ Тихонр.
7	2.	41 [сн 85]	32.
12	7.	58 [сн. 89]	49.
15 [сн 78]	9.	66 [сн. 93]	56.
16 [сн. 79]	10.	68	58.
23	14.	69	59.
25	16.	73	62.
27	18.	74	64.
31 [сн. 81]	22.	77	67.
33 [сн. 97 а]. . . .	24.	78	62.

Особенно подверглись сокращенію миніатюры со множествомъ лицъ и подробностей. Напр.

въ обоихъ моихъ Апок.	въ Тихонр.	въ обоихъ моихъ Апок	въ Тихонр.
40 [сн. 84]	31	61	52.
60	51.	65 [сн. 92]	55.

Нѣкоторыя изъ сокращенныхъ миніатюръ оказались въ такомъ искаженіи, что съ перваго раза кажутся другой редакціи. Такъ напр. символическая крестообразная форма зданія для упокоенія праведныхъ, въ м. 48 [сн. 87], въ Тихонр. рукописи превратилась въ двѣ мельницы съ крыльями, изъ которыхъ нижняя еще носитъ на себѣ слабые слѣды оригинала, на что указываютъ начертанныя на крыльяхъ человѣческія фигуры, м. 39 [сн. 236].

Наконецъ есть миніатюры совсѣмъ другой редакціи. Напр. Въ Тихонр. Апок., м. 35, Вторый Звѣрь стоитъ на заднихъ ногахъ, а въ переднихъ держитъ посохъ, писанъ во всю миніатюру по бѣлому полю бумаги безъ всякаго полатнаго письма; въ обоихъ моихъ Апокк.—по великолѣпному полатному письму этотъ Звѣрь стоитъ на всѣхъ четырехъ ногахъ, и притомъ совершенно въ другомъ типѣ, м. 44 [сн. 97 г].

Пиршество въ Вавилонѣ сравн. въ Тихонр. Апок. м. 38 [сн. 235] съ моими въ м. 47 [сн. 86].

Въ Тихонр., м. 54, посреди неровной почвы, стоитъ церковь о трехъ верхахъ съ главами, на нихъ восьмиконечные кресты. Церковь раздѣлена на двѣ половины, означающія ея внутренность. Въ одной половинѣ по темному фону сидитъ на престолѣ Невѣста Агнчія, въ другой по бѣлому фону бумаги писанъ жертвенникъ съ евангеліемъ и водруженнымъ восьмиконечнымъ крестомъ. Надъ церковью въ облакахъ Агнецъ въ красномъ кольцѣ, наполненномъ херувимами. Въ моихъ Апокк. м. 63 [сн. 91].

Прослѣдивъ исторію описываемой редакціи отъ XVI в. до конца XVIII-го, обращаюсь теперь къ ея первому въ нашей иконографіи появленію въ моемъ юсовомъ Апок.

Миніатюры въ этой рукописи приведены въ соотвѣтствіе съ главами Толковаго Апокалипсиса Андрея Кесарійскаго, и притомъ такъ, что каждая изъ нихъ помѣщена въ концѣ своей главы. Потому имъ слѣдовало бы быть только въ числѣ 72-хъ. Но къ нимъ прибавлены въ самомъ началѣ еще 4 миніатюры, стоящія внѣ этихъ главъ, и сверхъ того при первой главѣ вмѣсто одной миніатюры помѣщено три: съ этими шестью миніатюрами общее число ихъ возросло до 78.

Миніатюры писаны въ четвероугольныхъ рамкахъ, начертанныхъ или черными линіями, или же красными полосами, которыя кое-гдѣ перемкнуты краснымъ же трелистникомъ или неполнымъ кружкомъ. Два раза рисунокъ выходитъ изъ рамокъ, и то только вверху, именно въ мм. 10 и 13 [сн. 77].

Самое видное, съ перваго разу бросающееся въ глаза качество описываемой иллюстраціи состоитъ во множествѣ мелкихъ фигуръ и разныхъ подробностей, которыми переполнена бо́льшая часть миніатюръ. Причина такого усложненія сюжетовъ и такой необычайной для другихъ редакцій многолюдности состоитъ въ стремленіи, сколько возможно, полнѣе исчерпать содержаніе текста и толкованія, и не только въ событіяхъ каждаго изъ апокалипсическихъ видѣній, но и въ самыхъ мысляхъ, входящихъ въ разъясненіе событій, какъ это показано въ подробномъ описаніи миніатюръ; напр. мм. 8-15, 57, 58, 61, 65. На сказанное соотвѣтствіе мелкихъ подробностей иллюстраціи тексту постоянно указываютъ надписи въ копіи 1705 г., приводимыя мною въ описаніи.

Слѣдуя принципу ясности и полноты въ иконографическомъ воспроизведеніи писанія, мастеръ въ этомъ же принципѣ почерпаетъ себѣ силы для художественнаго творчества, какъ это будетъ показано ниже.

Какъ въ помѣтахъ главъ древнерусскій традиціонный орнаментъ, какъ мы видѣли, подчиненъ уже условіямъ новаго художественнаго стиля; такъ и въ иллюстраціи господствуетъ гармоническое сліяніе византійско-славянскаго иконографическаго преданія съ замѣчательно развитою художественностью, выработанною и воспитанною подъ разными вліяніями, частію шедшими къ намъ и съ запада.

Такимъ образомъ содержаніе и стиль миніатюръ исчерпываются двумя главнѣйшими элементами: вопервыхъ, традиціонными сюжетами древней греко-славянской иконографіи и архаическимъ способомъ ихъ представленія, и, вовторыхъ, натурализмомъ и замѣтнымъ участіемъ уже сознательнаго художественнаго творчества, стремящагося къ характерности изображаемыхъ сюжетовъ и къ изящному ихъ воспроизведенію. Если мастеръ въ первомъ отношеніи оставался вѣренъ принципамъ своей исконной, восточной иконографіи, то во второмъ—онъ долженъ былъ посредственно или непосредственно пользоваться разными матеріалами новыми, которые могли доходить въ русскія мастерскія XVI в. не только съ востока, но и съ запада.

Отличительное качество описываемой иллюстраціи въ распредѣленіи содержанія миніатюръ составляетъ особенный стилизованный способъ отдѣленія небесной половины апокалипсическаго видѣнія отъ земной. По отношенію земли къ небу граница между ними проводится горизонтально. Иногда она означается только одною прямою линіею, какъ напр. въ мм. 6 и 7, въ которыхъ такая линія отдѣляетъ отъ неба семь церквей и собравшіяся племена земныя.

Но кромѣ линейнаго разграниченія, небу дается свой собственный стилизованный видъ, которымъ оно отличается отъ ландшафтнаго характера нижней части миніатюры. Эта стилизація состоитъ въ горизонтальныхъ полосахъ, или прямолинейныхъ, или въ формѣ сегмента и арки. Каждая полоса раскрашена особымъ колоритомъ, иногда въ тѣнь.

Иногда вся миніатюра раздѣляется почти на равныя четыре полосы, отдѣленныя между собою прямыми линіями; изъ нихъ

верхнія три составляютъ небо, а четвертая внизу—землю, именно въ мм. 40 [сн. 84], 62 и 67. Иногда миніатюра дѣлится на три части, тоже прямолинейно: нижняя—земная, а двѣ верхнія—небесныя, которыя въ свою очередь состоятъ изъ полосъ, напр. въ м. 63 [сн. 91].

Нижняя полоса неба, обыкновенно синяя, иногда усѣяна звѣздами; на ней пишется и солнце; напр. въ мм. 55 и 65 [снн. 88 и 92].

Любопытное исключеніе представляетъ м. 8 [копія краск. 9], въ которой земной ландшафтъ имѣетъ не только вверху надъ собою прямолинейныя полосы неба, но и подъ собою внизу такія же полосы, на которыхъ изображенъ черный щитъ съ Адомъ, Сатаною и Смертію. Объясненіе этого исключенія смотр. въ подробномъ описаніи миніатюръ.

Прежде чѣмъ продолжать о стилизаціи неба, я долженъ коснуться исторіи этихъ небесныхъ полосъ въ апокалипсической иконографіи.

Эта архаическая форма первоначально была общая и на востокѣ, и на западѣ, и какъ у насъ, такъ и въ раннихъ латинскихъ Апокалипсисахъ идетъ изъ одного общаго источника; у насъ въ силу консервативнаго принципа удержалась она до XVI вѣка въ своемъ полномъ развитіи, а какъ застарѣлое преданіе появляется иногда даже въ XVIII в.; на западѣ же она принадлежитъ только раннимъ памятникамъ, удержавшимъ въ себѣ основы византійской иконографіи и еще не подвергшимся переработкѣ въ стилѣ готическомъ.

Для сравненія привожу данныя изъ двухъ Апокк.: вопервыхъ, изъ Бамбергскаго, X в., и, вовторыхъ, изъ Апок. графа Альтамиры XII в. *.

Въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ фонъ рисунковъ состоитъ или только изъ позолоченаго поля пергамина, мм. 8, 15, или изъ разноцвѣтныхъ на золотѣ шашекъ, мм. 14, 22, или же наконецъ изъ такихъ же, какъ въ моемъ юсовомъ Апок., полосъ, горизонтальныхъ, прямолинейныхъ и разноцвѣтныхъ, только положенныхъ на золотомъ полѣ. А именно:

М. 29. Св. Жена, преслѣдуемая Зміемъ, XI, 19. XII, 1-6.

* Bachelin, Description d'un commentaire de l'Apocalypse manuscrit du XII siècle, compris dans la bibliothéque de son excellence le marquis d'Astorga, comte d'Altamira, duc de Sesa. Paris, 1869.

Средина миніатюры золотая; вверху двѣ полосы, одна розовая, другая синяя, внизу одна—зеленая въ тѣнь.

М. 30. Низверженіе Змія ангелами, XII, 7-12. Средина тоже золотая; вверху двѣ полосы, въ которыхъ стоятъ ангелы, одна розовая, другая диковатая, внизу одна—темная, для Змія.

М. 41. Вавилонская Любодѣица, XVII, 1-18. Средина золотая; вверху двѣ полосы, въ которыхъ стоятъ Іоаннъ и ангелъ, одна голубая, другая свѣтлая, а внизу одна—дикая для Любодѣицы.

М. 43. Ангелъ бросаетъ въ море камень великъ, яко жерновъ. Средина золотая; вверху двѣ полосы, малиновая и дикая, внизу зеленое море, въ которое ангелъ бросаетъ жерновъ.

М. 50. Рѣка, исходящая изъ подъ престола съ I. X. Надъ золотымъ фономъ двѣ полосы, розовая и лиловая.

Существенное отличіе относительно фона миніатюръ между моимъ юсовымъ Апок. и Бамбергскимъ состоитъ въ томъ, что земная половина въ моемъ писана въ стилѣ ландшафтномъ, а въ Бамбергскомъ только на фонѣ золотомъ, или частію на цвѣтномъ, безъ ландшафтной обстановки, въ чемъ, какъ уже указано мною въ своемъ мѣстѣ, представляетъ сходство съ Бамбергскимъ Апок. иллюстрація моего Апок. начала XVII в. ранней редакціи. Что же касается до нижнихъ полосъ въ Бамбергскихъ миніатюрахъ, то остатокъ этой стилизаціи надобно видѣть въ м. 8-ой моего юсов. Апок. [копія краск. 9].

Въ Апокалипсисѣ Альтамировскомъ несравненно больше распространенъ для миніатюръ фонъ изъ разноцвѣтныхъ полосъ, нежели въ Бамбергскомъ, и также преимущественно горизонтальныхъ. Для примѣра дѣлаю нѣсколько выдержекъ изъ книги Башелена:

М. 25. Призваніе Іоанна Богослова. «Fond bleu, rouge et vert, par bandes horizontales».

М. 26. I. X. является Іоанну въ облакѣ. «Le fond de cette miniature est rouge et vert en deux bandes horizontales».

М. 27. Іоаннъ передъ Господомъ Богомъ. «Fond bleu et rouge en deux bandes horizontales».

М. 29. Двѣнадцать апостоловъ. «Fond rouge, jaune et vert par bandes horizontales».

М. 30. Четыре звѣря. «Sur un fond bleu et rouge, coupé en deux bandes horizontales» и проч.

M. 43. Низпаденіе звѣздъ и землетрясеніе. «Fond bleu, rouge, vert, violet, par bandes horizontales».

M. 59. Енохъ и Илія возносятся на небо. «Fond rose, jaune, rouge, vert par bandes horizontales».

M. 91. Временное торжество Звѣря и Антихриста. «Fond bleu, rouge et vert, par bandes horizontales comme toujour».

Впрочемъ, иногда встрѣчаются полосы и вертикальныя, какъ свидѣтельствуетъ Башеленъ:

M. 31. Вавилонская Любодѣица. «Fond bleu et rouge en deux bandes verticales».

M. 57. Енохъ и Илія. «Fond rouge, bleu et jaune, par bandes verticales».

Въ обоихъ этихъ западныхъ памятникахъ, и Бамбергскомъ и Альтамировскомъ, горизонтальныя полосы не имѣютъ спеціальнаго назначенія только отличать небо отъ земли, а составляютъ особаго рода стилизованную форму для наполненія фона миніатюры. Въ моемъ же юсовомъ Апок. полосы эти, за исключеніемъ, какъ сказано, миніатюры 8-ой, принадлежатъ исключительно небу и его составляютъ, какъ его части или сферы. Такія формы для изображенія неба или точнѣе—небесъ, согласныя съ ранними космогоническими представленіями о небесныхъ сферахъ, сохранились у насъ въ иконописи даже до XVIII в. Въ Лицевомъ Житіи Андрея Юродиваго, по моей рук. Петровскаго времени, въ миніатюрѣ на л. 217 [сн. 223], три горизонтальныя полосы разнаго цвѣта въ тѣнь являются небесными сферами, и каждая изъ нихъ, нося названіе неба, характеризуется въ надписи своимъ спеціальнымъ значеніемъ. А именно.

Верхняя полоса желтая съ переливомъ въ оранжевую книзу—надписана: *1 небо свѣтлуяся паче солнца.*

Средняя полоса синяя съ переливомъ въ бѣлую кверху—надписана: *Второе небо отъ воды сгущено ледовидное.*

Нижняя полоса тоже синяя съ бѣлымъ отливомъ усѣяна красными звѣздами разной величины и формы, съ надписью: *Третіе небо звѣздное звѣздами украшено.*

Что касается до солнца и луны, то оба эти свѣтила помѣщены уже не въ звѣздной полосѣ, а подъ нею въ воздухѣ, т. е. на бѣломъ фонѣ бумаги. Наконецъ, въ самомъ низу помѣщена земля въ видѣ полукруглыхъ холмовъ съ пучками растеній, покрытыхъ красною краскою.

Хотя эта система трехъ небесъ, установленная въ Лицевомъ Житіи Андрея Юродиваго, не вполнѣ наблюдается въ иллюстраціи моего юсоваго Апок., однако очевидно имѣлась она въ виду, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдалась. Такъ въ м. 8 [копія краск. 9] небо изъ двухъ полосъ: верхняя желтая, нижняя синяя, какъ и выше уже замѣчено, что нижнія полосы неба въ этой иллюстраціи вообще приняты синія; при томъ эти полосы иногда усѣяны звѣздами съ солнцемъ и мѣсяцемъ, напр. въ мм. 31, 40, 55, 65 [снн. 81, 84, 88 и 92].

Такъ какъ описываемая мною иллюстрація отличается замѣчательно художественными пріемами, то архаическое представленіе небесныхъ сферъ принимается въ ней какъ архитектурная форма для сооруженія, такъ сказать, небеснаго зданія. Въ основу положенъ небесный кругъ; потому сказанныя полосы снизу округляются сегментомъ, напр. въ мм. 55 и 65 [сн. 88 и 92], или же выводятся арками, напр. въ мм. 31 [сн. 81], 38.

Небесная арка получаетъ настоящій видъ арки архитектурной, когда она чуть-чуть спускается отъ верхней линіи рамки, давая этой послѣдней подобіе окна или двери стиля византійскаго или романскаго; напр. въ мм. 3, 35 [сн. 83], 47 [сн. 86], 76.

Когда въ небѣ помѣщена фигура Господа Бога, то близко къ верхней линіи рамки проведенная небесная полоса на самой срединѣ, чтобы дать мѣсто этой фигурѣ, нѣсколько спускается полукругомъ, линіи котораго по обѣ стороны или выпрямляются, какъ въ м. 71 [сн. 95], или скругляются въ формѣ арокъ, какъ въ мм. 36 и 37, описывая такимъ образомъ волнистую линію, симметрически расположенную. Иногда небесная сфера, подчиняясь снизу формѣ захватываемаго ею ореола, съ обѣихъ сторонъ разширяетъ свой полукругъ расходящимися линіями, какъ въ м. 78 [сн. 96].

Надобно знать, что небо въ описываемой иллюстраціи не всегда состоитъ изъ разноцвѣтныхъ полосъ. Напротивъ того, очень часто бываетъ оно сплошное, зеленоватаго цвѣта, или по бо́льшей части красное. Снизу обведено оно обыкновенно или синею полосою, или же облаками.

Синія облака писаны довольно натурально, волнистою грядою съ легкими оттѣнками, переходящими на краяхъ въ

бѣлое. Иногда надъ синею грядою облаковъ идетъ гряда свѣтлая съ розовымъ отливомъ отъ краснаго неба, которое облака окружаютъ, напр. въ м. 53 [копія краск. 11]. Во всякомъ случаѣ они составляютъ принадлежность нижней части неба, и тогда вырѣзываютъ своею волнистою фигурою нижнюю полосу небесную, какъ въ м. 49 [копія краск. 10]. Иногда массы облаковъ образуютъ снизу волнующую линію, которою они окружаютъ небо, какъ въ только что указанныхъ мм. 53 и 49, а также въ 58 [сн. 89]; иногда же фигурные ихъ вырѣзы идутъ по фону неба, которое снизу округляется ровною линіею сегмента, какъ въ мм. 13, 15 и 16 [снн. 77, 78 и 79]. Облака съ тремя ангелами, помѣщенныя надъ небесными сферами въ м. 31 [сн. 81], составляютъ исключеніе изъ общаго правила.

Стилизація неба и облаковъ даетъ верхней части миніатюръ, какъ сказано, характеръ архитектурнаго стиля, и потому подчиняется симметріи. Отличный образецъ небесной симметріи предлагаетъ тотчасъ указанная м. 31 [сн. 81].

Для довершенія характеристики неба слѣдуетъ къ сказанному присовокупить тѣ символическія стилизованныя формы, которыми въ этой иллюстраціи переданы звуки, гласы и громы и сверхъестественныя сокрушительныя силы, которыя, наполняя небесныя сферы, нисходятъ на землю. Миніатюристъ не только оживилъ небо натуральными движеніями помѣщенныхъ въ немъ фигуръ въ разнообразныхъ позахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ себѣ задачею и огласить небо звуками. Для рѣшенія такой задачи, указанной въ самомъ текстѣ, въ этой иллюстраціи приняты слѣдующія символическія формы.

1) Зубцы или клинья, которые исходятъ изъ подъ престола или и вообще съ неба, какъ въ мм. 16 [сн. 79], 45, 58 [сн. 89]. Древность этого символа въ иллюстраціи Апокалипсисовъ свидѣтельствуется Бамбергскимъ X в., въ которомъ встрѣчается слѣдующая форма: въ м. 7 [IV, 1-8] подножіе, на которое I. X. постановилъ свои ноги, имѣетъ видъ круга или колеса, отъ котораго исходятъ внизъ «молнія и громи и гласы», въ видѣ пяти зубцевъ, концы которыхъ, впрочемъ, не заострены, какъ въ моемъ Апок., а тупые, будто обрублены. Замѣчательно, что эта Бамбергская м. какъ разъ соотвѣтствуетъ моей съ четырьмя зубцами, идущими изъ подъ престола, именно при томъ же текстѣ IV главы, м. 16 [сн. 79].

2) Трубы съ исходящими изъ нихъ лучами или клиньями, въ м. 58 [сн. 89]. То же значеніе имѣетъ и та труба, въ которую, по общераспространенному въ Апокалипсисахъ представленію, трубитъ І. Х. или Еммануилъ, при гл. І, ст. 9-20. Но въ описываемой иллюстраціи она исходитъ не изъ устъ, а отъ локтя Еммануила, м. 8 [копія краск. 9], или просто отъ фигуры Іисуса Христа, м. 71 [сн. 95]. Этотъ ранній способъ представленія еще удержанъ въ Апок. СПБ. № 225, половины XVII в., м. 2 [сн. 126], гдѣ труба исходитъ отъ края неба, но также и мечъ.

3) Двѣ половинки дверей, только въ ихъ оставѣ, будто лѣстницы, спускающіяся изъ-подъ неба вмѣстѣ съ другими символами гласовъ, громовъ и разрушенія, въ той же м. 58 [сн. 89]: это символъ разрушенія, принятый здѣсь согласно съ м. 60 [сн. 28] моего Апок. ранней редакціи.

4) Лучи, въ смыслѣ «гласа», исходящіе изъ устъ головы въ профиль, въ сіяніи, которая на половину выставилась изъ-подъ небесной арки, м. 35 [сн. 83]. Это символическое представленіе, какъ архаизмъ, удержалось у насъ до позднихъ временъ, напр. въ моемъ Апок. 1671 г., въ м. 49 [сн. 226 б]. Слич. въ Англо-саксонской редакціи головы чудовищъ, извергающія изъ своей пасти разрушительную силу въ видѣ клиньевъ и лучей, въ Инкунабул. XV в. [сн. 267].

5) Четыре нити, исходящія отъ четырехъ роговъ олтаря, и потомъ соединяющіяся въ одну для означенія «единаго гласа», въ м. 33 [сн. 97 а]. Представленіе роговъ у олтаря принято на западѣ. Оно встрѣчается въ Лицевой Библіи П. Борхта 1582 г., между гравюрами къ Апок. [сн. 275 в], откуда черезъ посредство изданія Пискатора 1650 г. вошло и къ намъ: смотр. миніатюру въ Апок. графа Уварова № 129 [Царск. № 7], XVIII в. при гл. 27 [сн. 214].

Въ заключеніе о стилизаціи неба и нисходящихъ съ него гласовъ и громовъ и силъ надобно присовокупить, что въ этомъ отношеніи изо всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ, русскихъ иллюстрацій больше всѣхъ подходитъ къ описываемой принятая въ Апок. МПМ. № 156, начала XVII, именно та самая, которая своими сюжетами восполняетъ мой Апок. XVII в. ранней редакціи.

Теперь перехожу къ иконографіи Господа Бога и другихъ лицъ, принятыхъ въ Апок.

Сначала объ ореолахъ, щитахъ и сіяніяхъ.

Стилизація неба усиливается щитами и ореолами, которые, служа ей согласнымъ по стилю дополненіемъ, представляются какъ бы скульптурнымъ или живописнымъ элементомъ небесной архитектоники.

Кромѣ ореола въ собственномъ его значеніи, принятомъ иконографіею, встрѣчается въ описываемой иллюстраціи щитъ, ведущій свое начало отъ римскихъ и древнехристіанскихъ щитовъ въ такъ называемыхъ imagines clipeatae. На такихъ щитахъ въ монохромѣ изображены Ангелы Дня и Ночи въ м. 31 [сн. 81], согласно съ геніями Свѣта, Ночи и Дня [сн. 253 в], тоже въ щитахъ, въ миніатюрѣ, изображающей твореніе міра въ Библіи князя Лобковича XIII в. Извѣстное въ древнехристіанской иконографіи scutum fidei, т. е. щитъ съ Господомъ Богомъ или съ крестомъ, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ двумя парящими ангелами, однажды встрѣчается и въ нашей иллюстраціи, м. 57. Закругленная вершина мистическаго древа, на которой изображенъ по поясъ I. Х.-Младенецъ, имѣетъ видъ щита, м. 78 [сн. 96].

Иногда трудно отличить названіемъ щитъ отъ ореола, какъ напр. кругъ съ изображеніемъ Св. Духа въ видѣ Еммануила, м. 15 [сн. 78]. Черный кругъ съ Адомъ, Смертію и Сатаною въ м. 8 [копія краск. 9], я называю щитомъ, а не ореоломъ.

Точно также ореолъ, въ которомъ постоянно изображается въ этой иллюстраціи св. Агнецъ, мм. 19-24, 45, 48 [сн. 87], 63 [сн. 91] и 73—есть не иное что, какъ щитъ, принятый для этого священнаго символа въ древнехристіанскомъ искусствѣ. Такой щитъ съ св. Агнцемъ окруженъ вѣнкомъ на мозаикѣ въ баптистеріи Іоанна Латеранскаго 462 г. *, на диптихѣ въ окладѣ Евангелія VI в. въ ризницѣ Миланскаго собора **. Изъ раннихъ миніатюръ апокалипсическаго содержанія укажу на поклоненіе 24-хъ Старцевъ св. Агнцу въ щитѣ, окруженномъ надписью [сн. 251] въ Codex Aureus св. Эммерама, IX в., а въ Альтамировскомъ Апок. XII в. въ превосходной миніатюрѣ 40-ой [сн. 260] щитъ съ св. Агнцемъ, будто на мозаикѣ вверху

* Twining, Symbols and emblems of early and mediaeval christian art. London 1852 r. pl. IX. 9.

** Снимокъ см. въ моей монографіи о Русской иконописи въ Сборникѣ Общества древнерус. искусства. Москва, 1866, къ стр. 66.

купола, изображенъ посреди другаго большаго круга, на которомъ со всѣхъ сторонъ, какъ бы на спускахъ купола, писаны I. X. на престолѣ, четыре символическія животныя и нѣсколько фигуръ съ сосудами и музыкальными инструментами. Этотъ бо́льшій кругъ уже соотвѣтствуетъ ореолу, но, какъ scutum fidei, поддерживается окрестъ четырьмя парящими ангелами.

Ореолы приняты въ описываемой иллюстраціи круглые, и только, какъ исключеніе, въ м. 71 [сн. 95] оказался продолговатый съ завостреннымъ сверху угломъ. Иногда круглый ореолъ положенъ на квадратѣ, какъ въ м. 62, иногда квадратъ, угломъ вверхъ, заключенъ въ ореолѣ, какъ въ м. 74.

Высшую почесть апокалипсическая иконографія выражаетъ двумя квадратами, положенными въ кругломъ ореолѣ на́-крестъ, именно для Господа Бога на конѣ, какъ въ моемъ Апок. ранней редакц. м. 65 [сн. 30]. Въ описываемой иллюстраціи эти два квадрата, оба краснаго цвѣта, слились въ звѣзду, м. 64.

Равномѣрно на звѣздѣ, о шести углахъ, заключенной въ кругломъ ореолѣ или щитѣ, писанъ св. Агнецъ въ м. 73 и I. X. въ м. 78 [сн. 96].

Въ заключеніе объ этомъ предметѣ заслуживаетъ упоминанія продолговатый ореолъ съ зубцами или городами изъ лучей, объемлющій съ обѣихъ сторонъ св. Жену, стоящую въ красномъ солнцѣ или щитѣ, обведенномъ полосою, м. 41 [сн. 85].

При этомъ должно замѣтить, что продолговатый ореолъ изъ многоугольной звѣзды принятъ и въ византійской иконографіи, напр. для Іисуса Христа и Богородицы въ греч. Акаѳистѣ Богородицѣ, по Синод. рукописи, въ Музейномъ изданіи, снн. 17 и 22 *.

Сіяніе употребляется троякое: простое, крестное и угловатое. Послѣднее состоитъ изъ круга съ наложенными другъ на друга на́-крестъ двумя квадратами, изъ которыхъ по бо́льшей части нижній красный, а верхній зеленый, такъ что сіяніе это состоитъ изъ восьми угловъ въ перемежку—красныхъ и зеленыхъ; одного изъ нихъ за головою не видать: потому иные называютъ это сіяніе неправильно семиугольнымъ или семиконечнымъ. Въ Сборномъ Иконописномъ Подлинникѣ графа С. Г. Строганова такое сіяніе наименовано: *осмиуголенъ вѣнецъ*.

Угловатое сіяніе въ этой иллюстраціи принято не только

* Викторова, Фотографич снимки съ миніатюръ греч. рукописей. Москва, 1862.

для Господа Саваоѳа и Еммануила, но для Св. Духа, м. 15 [сн. 78], для ангеловъ, мм. 1, 6 и 78 [сн. 96] и для олицетвореній Земли и Пустыни въ мм. 40 и 41 [снн. 84 и 85].

Св. Жена, преслѣдуемая Зміемъ, и Невѣста Агнчія вовсе безъ сіяній, мм. 38, 41, 63 и 78 [снн. 85, 91 и 96].

По иконографіи Господа Бога предлагаются слѣдующія данныя.

Общія выраженія апокалипсическаго текста въ наименованіи Господа Бога безъ означенія Его ипостаси, а иногда и только намекъ на Него, указываемый въ Его гласѣ или велѣніи, должны были отразиться въ иконографіи нѣкоторою неопредѣленностью въ употребленіи того или другаго изъ трехъ сіяній, которая происходила не отъ неумѣнія отличать типы, а отъ нерѣшительности дать точную опредѣленность, на что̀ текстъ не давалъ права. Такимъ образомъ, это колебаніе въ характеристикѣ типовъ треипостаснаго Божества указываетъ не на позднѣйшее отпаденіе отъ болѣе строгаго преданія, а на первоначальныя усилія иконографическими формами отвѣтствовать смыслу Писанія.

Потому описываемая иллюстрація, при замѣчательной тщательности въ мельчайшихъ подробностяхъ рисунка, представляетъ рѣзко бросающуюся въ глаза невыдержанность въ употребленіи сіянія, или нимба, въ изображеніи лицъ Св. Троицы. Такъ дважды Еммануилъ представленъ въ простомъ сіяніи, а не въ угловатомъ, мм. 8 [копія краск. 9] и 13 [сн. 77], однажды Господь Богъ вовсе безъ сіянія, м. 49 [копія краск. 10], и потомъ наконецъ 15 разъ неопредѣленность въ различіи типовъ выразилась простымъ сіяніемъ, именно въ мм. 33, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 42, 45, 46, 48, 54, 57, 61 и 71.

Копія 1705 г., не смотря на невыдержанность въ нѣкоторыхъ другихъ подробностяхъ рисунка, напротивъ того, съ особеннымъ вниманіемъ отнеслась къ сіянію, и во всѣхъ исчисленныхъ миніатюрахъ измѣнила простое сіяніе на крестное, за исключеніемъ двухъ случаевъ, изъ которыхъ въ одномъ, м. 48 [сн. 87], дала сіяніе угловатое вокругъ короны шапкою, а въ другомъ, м. 71 [сн. 95], фигурѣ съ простымъ сіяніемъ дала крестное, а другой—съ крестнымъ дала угловатое, и наконецъ, въ м. 49 [копія краск. 10], Господу Богу безъ сіянія дала опредѣленный типъ Іисуса Христа въ крестномъ сіяніи.

Такая каноническая исправность копіи 1705 г., противъ превосходнаго во всѣхъ другихъ отношеніяхъ оригинала XVI в., указываетъ на вліяніе правилъ Иконописнаго Подлинника, по которому уже строго были отличены типы Божества по сіяніямъ, или вѣнцамъ, какъ это значится въ томъ же Сборномъ Подлинникѣ графа Строганова: «Что у Господа Саваоѳа и у Святаго Духа осмиуголенъ вѣнецъ пишется, то есть, знаменуетъ, яко седми вѣкомъ Творецъ, осмаго же будущаго вѣка Отецъ: седмь бо вѣковъ настоящій сей вѣкъ глаголется, понеже бо дневными седмицами и лѣтами счисляется, осмый же вѣкъ наричется будущій, яко не имать конца»*. Но какъ въ моемъ юсовомъ Апок., такъ и въ другихъ старыхъ редакціяхъ, эти правила Иконописнаго Подлинника мало наблюдались и уступали мѣсто инымъ требованіямъ, почерпаемымъ изъ текстовъ св. Писанія, которые, означая Божество въ общихъ терминахъ, не давали прямаго указанія строго отличать ипостась средствами, данными иконографіи.

Итакъ, неопредѣленность въ распредѣленіи сіяній между ипостасями Божества есть признакъ болѣе старыхъ редакцій апокалипсической иллюстраціи. Мой Апок. начала XVII в. ранней редакціи еще не знаетъ угловатаго сіянія, и для Еммануила употребляетъ—крестное, мм. 3 и 6 [копія краск. 1 и сн. 4], а для Господа Саваоѳа—простое въ два круга, но въ моемъ юсовомъ уже принято спеціальное отличіе ипостасей помощію сіянія угловатаго, составляющаго отличіе иконографіи православной, славяно-русской, и это сіяніе дано Господу Саваоѳу и Еммануилу, но еще не строго выдерживается, какъ уже сказано выше.

Господь Саваоѳъ по одѣянію сходствуетъ съ І. Х.: онъ въ такомъ же хитонѣ или подирѣ съ широкими рукавами и въ тогѣ, наброшенной на лѣвое плечо; отличается же, вопервыхъ, широкою бородою нѣсколько длиннѣе, чѣмъ у Іисуса Христа, и не раздвоенною на концѣ, какъ у послѣдняго, и, вовторыхъ, угловатымъ сіяніемъ. Встрѣчается 11 разъ, въ мм. 6, 10, 13, 15, 16, 17, 18, 40, 62, 63 и 73; изъ нихъ вмѣстѣ съ Еммануиломъ въ мм. 10 и 13, съ Агнцемъ въ мм. 18 и 73, съ Іисусомъ Христомъ-Младенцемъ въ мм. 6 и 40, и наконецъ въ Отечествѣ въ м. 15.

* Подробности объ этомъ Сборномъ Подлинникѣ съ миніатюрами, первой половины XVIII в., см. въ моихъ Историч. Очеркахъ, II, стр. 349 и слѣд.

Іисусъ Христосъ въ зрѣломъ возрастѣ, съ короткою бородою, оканчивающеюся двумя тонкими завитками, въ крестномъ сіяніи, 11 разъ, въ мм. 5, 7, 14, 58, 70, 71, 72, 74, 75, 77, 78; изъ нихъ однажды съ Господомъ Богомъ въ простомъ сіяніи въ м. 71, и однажды съ Агнцемъ м. 74; затѣмъ тотъ же типъ въ угловатомъ сіяніи, съ короною на головѣ и въ хламидѣ поверхъ подира на конѣ, въ мм. 64 и 65.

Іисусъ Христосъ - Младенецъ 3 раза, дважды на колѣняхъ Господа Саваоѳа, въ мм. 6 и 40, и однажды въ щитѣ изъ вѣтвей Мистическаго Древа въ м. 78; притомъ—въ мм. 6 и 78 въ крестномъ сіяніи, а въ м. 40—въ простомъ.

Іисусъ Христосъ, въ крестномъ сіяніи, въ воинскомъ доспѣхѣ, въ Отечествѣ, м. 15 [сн. 78], о чемъ см. ниже.

Еммануилъ, въ подирѣ, подпоясанъ поясомъ въ видѣ ленты, завязанной узломъ съ концами, встрѣчается 6 разъ: изъ нихъ четыре раза въ угловатомъ сіяніи, въ мм. 9, 10, 11 и 12, и два раза въ простомъ сіяніи [въ коп. въ крестномъ] въ мм. 8 и 13.

Св. Агнецъ помѣщенъ 15 разъ: изъ нихъ 11 разъ одинъ, въ мм. 19-24, 26, 27, 45, 60 и 63; дважды съ Господомъ Саваоѳомъ въ мм. 18 и 73 и по одному разу съ І. Х. въ м. 74 и съ Господомъ Богомъ въ простомъ сіяніи въ м. 48. При этомъ должно замѣтить, что въ видѣніяхъ отрѣшенія печатей, начиная съ м. 18-ой, у Агнца семь роговъ, въ видѣ гребня или пучка, какъ въ западныхъ редакціяхъ, и съ семью очами на шеѣ и вообще по тѣлу, а потомъ, начиная съ м. 45-ой, только съ двумя рогами и двумя очами. Во всѣхъ миніатюрахъ онъ въ простомъ, а не въ крестномъ сіяніи; также и въ коп. 1705 г., гдѣ постоянно помѣщается надъ нимъ надпись: *Агнецъ Христосъ*.

Св. Духъ—дважды: одинъ разъ въ видѣ голубиномъ на щитѣ въ трубѣ, исходящей отъ Еммануила въ м. 8 [копія краск. 9] и другой разъ въ видѣ Еммануила въ м. 15 [сн. 78].

Наконецъ въ этой же самой 15-ой миніатюрѣ изображено Отечество, или, какъ теперь называютъ, Троица, въ составъ которой входятъ вышеупомянутые типы Св. Духа, въ видѣ Еммануила и Іисуса Христа въ воинскомъ доспѣхѣ, какъ онъ изображается въ иконѣ, *Единородный Сынъ Слово Божіе* *.

* См изображеніе и описаніе въ моей монографіи о Русской иконописи въ Сборникѣ Общества древнерус. искусства 1866 г стр. 11, а также слич. по дѣлу о Висковатомъ въ моихъ Историч. Очеркахъ II, стр. 288

Современныя миніатюрѣ надписи, надъ первымъ изображеніемъ: *Духъ Святый*, а надъ вторымъ: *Сынъ*—не оставляютъ сомнѣнія, что здѣсь представлено Отечество. Точно такъ же, только въ грубомъ переводѣ, повторено и въ Апок. МПМ. № 5, въ м. 12; что же касается до моей коп. 1705 г., то это необычайное изображеніе Отечества замѣнено обыкновеннымъ съ Духомъ Святымъ въ видѣ голубя, который паритъ надъ крестомъ, водруженнымъ между сидящими Господомъ Саваоѳомъ и Іисусомъ Христомъ, въ обыкновенномъ одѣяніи, а не въ воинскомъ доспѣхѣ; нижняя же часть осталась безъ перемѣны: только божественный юноша въ угловатомъ сіяніи, дважды помѣщенный здѣсь, въ надписи названъ *Ангеломъ Господнимъ*, хотя онъ и въ оригиналѣ, и въ копіи безъ крыльевъ. Въ копіи Тихонрав. изображенъ Предвѣчный Младенецъ на лонѣ Господа Саваоѳа, но уже безъ св. Духа, м. 6. Изъ этихъ копій явствуетъ, что наши иконописцы, слѣдуя преданію, даже въ XVIII столѣтіи видѣли въ выше указанномъ необычайномъ изображеніи Отечество.

Въ дополненіе къ иконографіи Господа Бога надобно присовокупить, что въ описываемой иллюстраціи трижды является въ угловатомъ сіяніи типъ ангельскій, именно въ мм. 1, 6 и 78 [сн. 96]. Въ послѣдней по его торжественному соприсутствію съ Невѣстою Агнчею въ Горнемъ Іерусалимѣ я называю его Ангеломъ Великаго Совѣта *; въ коп. надъ нимъ надписано: *Духъ*.

Касательно мѣста, занимаемаго тѣмъ или другимъ изъ лицъ и типовъ Господа Бога въ описываемой иллюстраціи, надобно замѣтить, что Еммануилъ принятъ только въ видѣніяхъ о седми Церквахъ, и то не во всѣхъ миніатюрахъ, а только отъ 8-ой до 13-ой, а въ 14-ой уже І. Х., въ 15-ой же типъ Еммануила принятъ для Св. Духа. Затѣмъ, при отверзаніи печатей и немного далѣе, слѣдуетъ Агнецъ, одинъ, мм. 19-24, 26 и 27. Во всей же остальной иллюстраціи приняты типы Господа Саваоѳа, Іисуса Христа, или же Господа Бога вообще, въ простомъ сіяніи; тогда какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи оказывается Еммануилъ, именно: въ м. 48 съ серпомъ и въ м. 65 [сн. 30] на конѣ; въ описываемой же иллюстраціи въ пер-

* По Діонисію Фурноаграфіоту въ его Ерминіи, это одинъ изъ типовъ Іисуса Христа. См. Didron et Paul Durand, Manuel d'Iconographie chrétienne grecque et latine. Paris. 1845. Стр. 429 и 460.

вомъ случаѣ Господь Богъ безъ сіянія, вѣроятно, Іисусъ Христосъ, судя по бородѣ, м. 49 [копія краск. 10], а во второмъ— I. X. съ бородою, въ угловатомъ сіяніи, въ мм. 64 и 65 [сн. 92].

Фигуры ангеловъ вообще отличаются граціею и благородствомъ, и въ позахъ и въ движеніи. Лица ихъ обрамлены мелкими кудрями, за которыми не видать діадимы. Тороковъ или слуховъ нѣтъ, какъ и въ моемъ Апок. ранней редакціи. Одѣты они иногда просто въ тунику и тогу, которая или перекинута на плечо, м. 5, или подвязана у пояса, м. 30 [сн. 80]; но обыкновенно въ подирѣ съ узкими рукавами, на который надѣтъ другой, какъ далматика съ рукавами широкими; иногда верхнее одѣяніе доходитъ только до колѣнъ и съ рукавами узкими, а изъ подъ него виднѣется туника, какъ въ м. 31 [сн. 81]; иногда въ панталонахъ и короткомъ одѣяніи по колѣна, м. 65 [сн. 92]. Часто накинута поверхъ одѣянія хламида, пристегнутая у шеи аграфомъ и откинутая назадъ, мм. 13, 65 [сн. 92]. Подиры подпоясаны желтыми поясами и украшены полосами и бармами. Иногда полосы перекрещены на груди, какъ у дьякона, м. 38. При Церкви Филадельфійской ангелъ въ воинскомъ доспѣхѣ, въ бронѣ, въ длинныхъ сапогахъ и въ хламидѣ, м. 14. Въ м. 42 два ангела, стоящіе по сторонамъ Господа Бога на престолѣ, держатъ въ рукѣ подиску, или печати. Наконецъ, по большей части крылья у ангеловъ желтыя, т. е. золотыя.

Кромѣ Ангеловъ Облачнаго и Воднаго, въ этой иллюстраціи приняты и другіе стихійные ангелы или геніи. А именно:

Ангелы Дня и Ночи, м. 31 [сн. 81]; слич. въ Библіи князя Лобковича XIII в. геніевъ Дня [сн. 253 в], Ночи и Свѣта.

Ангелъ Молніе-носецъ и Ангелъ Блистанія-носецъ, м. 58 [сн. 89]: первый съ ковчежцемъ въ видѣ храма, въ которомъ человѣческая фигурка; слич. въ моемъ Апок. ранней редакціи храмъ съ геніемъ грома и молніи, м. 32 [сн. 15]; второй—съ такой же фигуркой въ щитѣ. Той же редакціи оба эти стихійные ангела въ Тихонр. Апок. № 5, половины XVII в. въ мм. 17 и 19 [сн. 155]. Слич. въ Житіи Андрея Юродиваго по моей рук. Петровскаго времени: Духъ кроткій, Духъ громный; Ангелъ, пущающій молнію, Духъ бѣлоснѣжный [снн. 218, 219 и 220].

Ангелъ Облачный, мм. 34 и 35 [сн. 83], соединяетъ въ

себѣ и древній типъ—одѣтаго въ свои обычныя одежды, и новый—покрытаго облаками; отличается тѣмъ, что лучи солнца вокругъ его головы означены или въ толстыхъ клиньяхъ, м. 34, или же въ мелкихъ пучкахъ, м. 35 [сн. 83].

Ангелъ Водный, въ свѣтлозеленомъ монохромѣ, м. 54, хотя относится къ тѣмъ редакціямъ, гдѣ онъ представленъ обнаженнымъ, съ крыльями и въ простомъ сіяніи, но отличается отъ нихъ тѣмъ, что сидитъ верхомъ на черепахѣ и въ рукѣ держитъ рыбу, а сзади его дельфинъ, будто одно изъ олицетвореній воды и моря, распространенныхъ въ этой иллюстраціи. Слич. въ Hortus Deliciarum XII в. олицетвореніе Воды въ видѣ Нерея или Нептуна [сн. 255].

Этотъ типъ Воднаго Ангела будетъ намъ переходомъ отъ стихійныхъ Духовъ къ олицетвореніямъ Земли, Моря и Пустыни, въ мм. 25, 34, 40 [сн. 84], 41 [сн. 85], 46 и 70 [сн. 94]: изъ нихъ въ четырехъ изображены Земля и Море, въ мм. 25, 34, 40 и 46; Пустыня—только однажды вмѣстѣ съ Землею въ м. 41, и наконецъ однажды Море безъ Земли въ м. 70. Земля и Пустыня въ видѣ женщины съ непокрытыми длинными волосами; Земля въ туникѣ и подирѣ. Пустыня—обнаженная и только отъ чреслъ препоясана; та и другая въ угловатомъ сіяніи, не обведенномъ кругомъ, именно въ мм. 40 и 41 [снн. 84 и 85], т. е. Земля только дважды въ сіяніи. Но уже и этого достаточно, чтобы заключить, вопервыхъ, что здѣсь удержанъ обычай древнѣйшей иконографіи отличать олицетворенія сіяніемъ, какъ напр. Ночь, Пустыня, Море [сн. 249], Премудрость и Пророчество и друг., въ греч. Псалтыри X в. въ Парижской Публичной библіотекѣ *; и вовторыхъ, что угловатымъ сіяніемъ эти олицетворенія сближены съ типами божественныхъ и небесныхъ силъ. Море представлено въ мужскомъ типѣ, или въ юномъ, безбородомъ, м. 40, или въ старческомъ, съ бородою, м. 70; на головѣ уборъ въ видѣ раковины съ зубцами и выгибами; сидитъ на морскомъ животномъ. Слич. въ Hortus Deliciarum аббатиссы Геррады Ландспергъ XII олицетвореніе Воды въ мужскомъ же типѣ Нептуна [сн. 255]. Сопоставленіе олицетвореній Земли въ женскомъ типѣ и Моря въ мужскомъ въ апокалипсич. сюжетахъ слич. въ Codex Aureus св. Эммерама IX в., миніатюру

* Снимки см. также въ моей монографіи о Русской иконописи въ Сборникѣ Общества древне-рус. искусства Москва. 1866. Табл. IX и X.

съ изображеніемъ поклоненія св. Агнцу [сн. 251]. Описываемая редакція отличается отъ прочихъ тѣмъ, что олицетворяетъ Море въ мужскомъ типѣ, тогда какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи и въ редакціи Филаретовско-Чудовской, распространенной во множествѣ позднѣйшихъ списковъ, Море олицетворяется въ типѣ женскомъ.

Въ описываемой иллюстраціи сказанныя олицетворенія не просто украшенія, случайно внесенныя въ картину, а служатъ выраженіемъ самыхъ текстовъ Писанія, какъ это показано въ описаніи миніатюръ, напр. 40, 41 и 46.

Типы св. Жены, въ мм. 39 и 41 [сн. 85], и Невѣсты Агнчей, въ мм. 63 и 78 [снн. 91 и 96] сходствуютъ между собою въ томъ, что представлены въ коронахъ, изъ-подъ которыхъ спускаются косы, и безъ сіяній, равно какъ и Младенецъ-Сынъ св. Жены безъ сіянія же, м. 39. Невѣста Агнчія въ цвѣтныхъ подирѣ и хламидѣ; св. Жена въ м. 39 въ бѣломъ подирѣ и бѣлой же хламидѣ, а въ м. 41 въ розовомъ подирѣ съ широкими рукавами, но короткими, изъ которыхъ выше локтя обнажились голыя руки.

Старческій типъ Іоанна Богослова тотъ же, что̀ въ моемъ Апок. ранней редакціи, равно какъ и въ другихъ редакціяхъ; что же касается до Еноха и Иліи, то въ описываемой иллюстраціи, мм. 36 и 37, хотя они и отличаются между собою по бородамъ, какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи, мм. 29, 30 и 31 [снн. 13 и 14], но у Иліи волосы не въ вихрахъ, и онъ не въ милоти, но одѣтъ, какъ и Енохъ, въ античное одѣяніе, состоящее изъ туники съ тогою.

Въ такомъ же одѣяніи и апокалипсическіе Старцы.

Смерть имѣетъ видъ костляваго остава. Характеризуется слѣдующими аттрибутами. Вопервыхъ, держитъ въ одной рукѣ серпъ, въ другой трубу, м. 8 [копія краск. 9]: серпъ въ рукахъ Смерти составляетъ особенность этой редакціи; труба же дана ей и въ редакціи Подноснаго экземпляра МДА. м. 17 [сн. 175 а]. Вовторыхъ, стрѣляетъ изъ лука, а около нея въ кошелѣ пилы, сѣкиры и другія убійственныя орудія, м. 12. Втретьихъ, мѣняетъ она древній серпъ на орудіе позднѣйшее—косу, м. 22. Сверхъ того, является она съ лукомъ въ одной рукѣ и съ косою въ другой, м. 32 [сн. 82]. Въ моемъ Апок. ранней редакціи разнорѣчія эти устранены тѣмъ, что Смерти не дано во-

все никакого орудія, мм. 15 и 23 [снн. 7 и 11]. Въ позднѣйшихъ иллюстраціяхъ она стрѣляетъ изъ пищали, или же вооружена рогатиною, какъ въ Апок. МПМ. № 3, XVIII в., л. 78 об.

Адъ представленъ въ видѣ четвероногаго животнаго съ двумя звѣриными мордами—одною на своемъ мѣстѣ, а другою на заду, какъ и въ моемъ Апок. ранней ред. м. 73. Когда онъ лежитъ, тогда кажется, будто составленъ изъ переднихъ частей двухъ животныхъ, съ двумя головами и двумя передними ногами. Когда же онъ стоитъ, въ м. 70 [сн. 94], тогда очевидно, что задняя голова относится къ заднимъ ногамъ; но въ этой же миніатюрѣ онъ представленъ въ огненномъ озерѣ и лежащимъ въ вышесказанномъ положеніи головъ и ногъ.

Впрочемъ, въ видѣніи со Смертію на конѣ Адъ имѣетъ звѣриную морду одну, на своемъ мѣстѣ, а подъ животомъ человѣчье лицо, м. 22, какъ это встрѣчается и на западѣ, напр. въ началѣ XVI в. *.

Сатана имѣетъ видъ обнаженнаго человѣка, нѣсколько обросшаго клоками шерсти, съ пернатыми крыльями и на обѣихъ колѣнкахъ по человѣчьему лицу въ профиль; волосы, или просто растрепаны, м. 66 [сн. 93], или дыбомъ въ видѣ шишака, какъ у дьяволовъ, м. 3. Но въ черномъ щитѣ вмѣстѣ съ Смертію, м. 8 [копія краск. 9], онъ представленъ въ благообразіи человѣческой фигуры, даже съ красивымъ лицомъ и съ бородою, обнаженный, но не мохнатый, безъ крыльевъ и безъ рожъ на колѣнкахъ. Это его древнѣйшій типъ. Слич. въ Барберино-Хлудовской редакціи греч. лицевой Псалтыри IX в. Адъ въ видѣ лысаго старика **.

Аваддонъ, или Царь Ангеловъ Бездны, м. 32 [сн. 82], удерживаетъ тотъ же древній типъ, что̀ и въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 24 [копія краск. 2], тоже обнаженъ, но не препоясанъ, какъ тамъ, а въ хламидѣ, и не въ золотомъ монохромѣ, какъ идолъ, а раскрашенъ подъ натуральные колера̀. Въ другихъ редакціяхъ даютъ ему видъ чудовищный; но въ Подносномъ экземплярѣ МДА. онъ представленъ благообразнымъ царемъ въ царскомъ одѣяніи, м. 27 [сн. 175 б].

* Layen Spiegel von rechtmässigen ordnungen in burgerlichen und peinlichen regimenten. Augsburg, 1509. Гравюра на листѣ P iii.

** См. снимокъ въ моей монографіи о Русской иконописи въ Сборникѣ Общества древне-рус искусства. Москва, 1866. Стр. 62.

Великій Змій въ общемъ своемъ типѣ является вездѣ одинаковъ, но почти всегда съ нѣкоторыми видоизмѣненіями въ подробностяхъ, свидѣтельствующими о нѣкоторой свободѣ творчества при соблюденіи традиціоннаго типа. То онъ четвероногій въ мм. 40 и 41 [снн. 84 и 85], то двуногій въ мм. 39, 42 и 66 [сн. 93]; сверхъ того двуногій и о двухъ рукахъ въ м. 56; то онъ съ крыльями пернатыми въ мм. 39, 40 и 66, то съ нетопырьими въ м. 41, или же и вовсе безъ крыльевъ въ мм. 42 и 56; то всѣ головы его звѣриныя, какъ принято вообще, то двѣ изъ нихъ человѣчьи. Но рога на головахъ обыкновенно прилажены по сторонамъ короны.

Первый Звѣрь разнообразнѣе въ своемъ типѣ. Цвѣтомъ онъ вездѣ одинаковъ—желтый и безъ подобія медвѣдю и рыси, указаннаго Писаніемъ, но по фигурѣ является такъ разнообразенъ, что будто это не одно и то же чудовище, а разныя. То онъ стоитъ на четырехъ звѣриныхъ лапахъ и о семи звѣриныхъ же головахъ, съ рогами, м. 42, или безъ роговъ, мм. 60 и 65 [сн. 92]; то онъ сидитъ на престолѣ, какъ человѣкъ, обнаженный, только мохнатый, о семи же головахъ, изъ которыхъ шесть звѣриныхъ, а седьмая надъ ними поднимается человѣчья, мужская съ бородою, мм. 42 и 43, или женская съ длинными волосами, надъ которою поднимаются шесть головъ звѣриныхъ, м. 42 [сн. 97 б]; или же и со всѣми семью головами звѣриными, м. 56. Въ видѣніи Вавилонской Любодѣицы у него шесть головъ человѣчьихъ и только одна звѣриная; всѣ въ коронахъ безъ роговъ, м. 59 [сн. 90]. Иногда онъ стоитъ на дыбахъ объ одной только головѣ и именно звѣриной, которая украшена гребнемъ или пучкомъ изъ десяти спицъ, означающихъ рога, мм. 43 и 48 [сн. 87]. Когда у него хвостъ, то на концѣ имѣетъ змѣиную голову, см. м. 59. Въ лапахъ онъ держитъ иногда клюку, какъ знакъ власти, данной ему Великимъ Зміемъ. Иногда въ одной и той же миніатюрѣ это чудовище является въ разныхъ видахъ: такъ въ м. 42 въ трехъ видахъ, въ м. 43 въ двухъ, какъ видно изъ предложеннаго здѣсь перечня.

Вторый Звѣрь, или Агнецъ Неправедный, въ иныхъ редакціяхъ изображенъ въ видѣ настоящаго барана, какъ напр. въ Совецк. юсовомъ Апок. XVI в., м. 51 [сн. 74 а]; здѣсь же, въ м. 44 [сн. 97 г], онъ имѣетъ оригинальный типъ чудо-

вищнаго животнаго колоссальныхъ размѣровъ, которое только своею головою напоминаетъ барана; въ другихъ мм. онъ представленъ въ видѣ волка или лисы, только съ рогами, мм. 43, 56, 65, [сн. 92].

Пруги въ м. 32 [сн. 82] представлены въ типѣ, принятомъ въ франц. фрескахъ церкви св. Савина XII в. [сн. 258 б].

Песьи-Головы являются въ ихъ обыкновенномъ типѣ; Гогъ и Магогъ отличены отъ нихъ только коронами и сверхъ того пернатыми крыльями, м. 69.

Дьяволы писаны въ ихъ общепринятомъ видѣ.

Перехожу къ утвари и нѣкоторымъ подробностямъ костюма.

Крестъ употребляется восьмиконечный, на церквахъ въ мм. 6, 10-14, 65 и др; на жертвенникѣ—воздвизальный; иногда на церквахъ же—шестиконечный, въ м. 49; иногда же церкви и вовсе безъ крестовъ, напр. въ мм. 39 и 50.

Короны—разнаго фасона, городами и шапками съ видоизмѣненіями въ подробностяхъ; напр. въ мм. 16, 32, 41 [снн. 79, 82, 85]. На Вавилонской Любодѣицѣ—городами, но также и съ донышкомъ, которое поднимается изъ-за мелкихъ городовъ шапкою, а на колѣнопреклоненныхъ передъ нею царяхъ поднимающаяся изъ-за городовъ шапка сверху заострена шишакомъ, м. 59 [сн. 90]. Замѣчательны короны на двухъ юныхъ фигурахъ, возсѣдающихъ на престолѣ въ м. 67 [сн. 97 ж], а также—раскидистый, широкій и высокій вѣнецъ на Невѣстѣ Агнчей въ м. 78 [сн. 96]. Господь Богъ на конѣ въ обыкновенномъ вѣнцѣ, а не во многоярусномъ, мм. 64 и 65.

Кадильница безъ цѣпочки, въ формѣ потира, или безъ крышки, или съ крышкою, м. 27.

Фіалы въ формѣ кувшина очень ранняго стиля съ орнаментами, напр. въ м. 53 [копія краск. 11]; слич. въ миніатюрѣ изъ латинск. рук. IX в. [сн. 246 а]. Кромѣ такихъ кувшиновъ ангелы держатъ въ рукахъ широкія чаши съ донышками, м. 51.

Встрѣчается въ м. 54 сосудъ той же древней формы, что̀ и въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 21 [сн. 9]. Но въ изображеніи, соотвѣтствующемъ по сюжету этой послѣдней миніатюрѣ, здѣсь принятъ уже ковшъ, для черпанія огорченной воды, м. 30 [сн. 80].

Очень изящный съ крышкою сосудъ держитъ Вавилонская Любодѣица, м. 59 [сн. 90].

Какъ особенность редакціи, употребляются пояса, завязанные узломъ съ отпущенными концами, о чемъ уже упомянуто выше, напр. въ мм. 8 [копія краск. 9], 15 [сн. 78], но не съ пряжками, какъ въ редакціи Филаретовско-Чудовской.

Сапоги у щиколки перевязаны ремнемъ, какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи и вообще въ нашей старинной иконописи. Особенно замѣтенъ ремень, когда весь сопогъ виденъ вмѣстѣ съ голенищемъ, напр. въ мм. 14 и 15.

Сѣдла съ высокими луками и спереди и сзади, мм. 19-21, 64, 65.

Хвосты у коней, на которыхъ сидятъ Господь Богъ и ангелы, завязаны узломъ, какъ и въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 65 [сн. 30], а у тѣхъ, на которыхъ сидятъ вражьи ополченцы, хвосты безъ узла, какъ явствуетъ это различіе въ м. 65 [сн. 92]; равномѣрно и подъ четырьмя апокалипсич. Всадниками у коней хвосты распущены безъ узла, какъ въ описываемой иллюстраціи, мм. 19-22, такъ и въ моемъ Апок. ранней редакціи, мм. 12-14 [сн. 6].

Престолы употребляются или безъ задковъ, напр. въ м. 16 [сн. 79], какъ въ Codex Aureus св. Эммерама IX в. [сн. 251], и съ задками. Послѣдній фасонъ принятъ для Господа Бога. Такіе престолы встрѣчаются иногда двойные, м. 15 [сн. 78], иногда и еще длиннѣе, напр. въ мм. 70 [сн. 94] и 72. На престолѣ кладется подушка, напр. м. 70, или и двѣ, м. 58 [сн. 89]; бываетъ и безъ подушки.

Случается, что престолъ служитъ вмѣстѣ и столомъ, т. е. на немъ и сидятъ, и постановлены сосуды для трапезы; такъ въ видѣніяхъ о Невѣстѣ Агнчей, м. 63 [сн. 91], и о Вавилонской Любодѣицѣ, м. 47 [сн. 86]: иконографическое представленіе, согласное съ грамматическимъ употребленіемъ у насъ словъ: *столъ* и *престолъ*.

Для исторіи церковнаго благолѣпія надобно замѣтить, что—въ этой иллюстраціи жертвенникъ не только покрытъ, но постоянно и задрапированъ цвѣтною тканью, и очень изящно, кругомъ по его сторонамъ, напр. въ м. 35 [сн. 83].

Особенности, которыми отличается эта редакція, кромѣ указанныхъ выше, состоятъ въ слѣдующемъ.

Ипполитъ Папа Римскій и видѣніе объ Ангелѣ и Сата-

нѣ, мм. 2 и 3, при статьѣ, предшествующей въ этой рукописи Толковому Апокалипсису Андрея Кесарійскаго.

Затѣмъ, въ м. 4 передъ сказаніемъ этого послѣдняго святителя помѣщено изображеніе его самого.

Добавочныя двѣ миніатюры: одна съ изображеніемъ семи Церквей, всѣхъ вмѣстѣ, м. 6, какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 4 [сн. 2], только безъ ангеловъ, а другая съ изображеніемъ различныхъ народовъ, или «колѣнъ земскихъ», м. 7.

Подробности въ изображеніи ангеловъ семи Церквей и апокалипсическихъ Всадниковъ, опускаемыя въ другихъ редакціяхъ, кромѣ Апокалипсиса Барсова XVIII в. См. мм. 9-15 [снн. 77 и 78] и 19-21.

Ни одинъ изъ сказанныхъ семи ангеловъ не держитъ свитка, какъ это принято въ другихъ редакціяхъ; вмѣсто того держитъ свитокъ самъ Іоаннъ Богословъ.

Ангелъ Ефесской церкви держитъ въ рукахъ модель церкви, м. 9. Иконографическая подробность, особенно распространенная на западѣ; но уже въ раннюю эпоху была принята и у насъ. Такъ напр. въ Спасо-Нередицкой церкви на стѣнѣ изображенъ строитель ея [1198-1199 г.], князь Ярославъ Владиміровичъ Новгородскій съ моделью церкви въ рукѣ; такую же модель держитъ неизвѣстный князь на миніатюрѣ въ рук. Чудова монастыря XII в., содержащей въ себѣ сказаніе Ипполита объ Антихристѣ *.

Въ видѣніи о душахъ избіенныхъ за слово Божіе, коимъ даны будутъ бѣлыя ризы, принятъ моментъ, особенно усвоенный въ западныхъ редакціяхъ; именно ангелы по сторонамъ олтаря даютъ самыя ризы возставшимъ изъ мертвыхъ, м. 23. Слич. въ Солов. юсовомъ Апок. м. 14 [сн. 62].

Фіалы раздаетъ ангеламъ Орелъ, м. 51.

Рана, нанесенная апокалипсическому Звѣрю, м. 42 [сн. 97 б]. Эта подробность, указанная текстомъ, во всѣхъ другихъ нашихъ редакціяхъ опускается; но въ западныхъ ее отличаютъ разными манерами: по древнѣйшимъ представленіямъ всѣ его семь головъ въ сіяніи, а когда одна изъ нихъ ранена, тогда она уже лишается своего сіянія; напр. въ миніатюрѣ латинск. рук. XII в. [сн.

* Снимки см. у Прохорова: Русскія Древности. Спб. 1871. Тетр. 3. Смотр. его же: Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ. Спб. 1881.

242] *, въ Пражскомъ Апок. XIV на одну изъ головъ Звѣря направляется мечъ, который долженъ нанесть ей рану [сн. 264 б].

Вавилонскую Любодѣицу пожираютъ четыре Звѣря, м. 60. Слич. пожираніе этой жены Первымъ Звѣремъ и царями въ Тихонр. Апок. половины XVII в. м. 64 [копія краск. 17].

Восхожденіе дыма изъ пропасти въ видѣ колодца, м. 62 [сн. 97 д].

Точило вина ярости и гнѣва Божія, м. 64 [сн. 97 е], удержанное у насъ до XVIII в. въ иллюстраціи Барсова, м. 58 [сн. 192 г], по преданію восходитъ къ Англосаксонскому Апок. XII в., какъ показано въ описаніи этой миніатюры.

Мистическое Древо, м. 78 [сн. 96].

Небесныя свѣтила съ лицами въ профиль, въ м. 46 солнце и луна, въ м. 57 только солнце; въ коп. 1705 г. въ обоихъ случаяхъ лица en face. Но въ м. 48 [сн. 87] оба эти свѣтила вовсе безъ лицъ; въ другихъ миніатюрахъ съ лицами en face.

Къ характеристическимъ особенностямъ описываемой иллюстраціи принадлежитъ необыкновенно изящное полатное письмо, отличающееся своимъ особеннымъ стилемъ, сложеннымъ изъ традиціонныхъ элементовъ византійской и древнехристіанской архитектуры съ нѣкоторыми подновленіями западнаго происхожденія, которыя, впрочемъ, не нарушаютъ гармоніи цѣлаго, подобно тому, какъ анахронизмы реставрацій, какимъ подвергались въ разныя времена древнія зданія въ старинныхъ городахъ, будучи налагаемы одинъ на другой, даютъ архитектурному стилю монументальный характеръ многовѣковаго историческаго наслоенія на древней основѣ, а не безпочвеннаго эклектизма новѣйшихъ построекъ. Изящество полатнаго письма во всемъ его разнообразіи архитектурныхъ формъ, придающее особенную красоту этой иллюстраціи, достаточно исчерпывается приведенными мною снимками; см. мм. 13, 15, 30, 35, 47, 48, 49, 55, 58, 63, 71 и 78 [снн. 77, 78, 80, 83, 86, 87, 88, 89, 91, 95, 96 и коп. краск. 10].

Высокія городскія стѣны съ тонкими башнями или столпами по угламъ [мм. 49, 51], классическіе куполы, напоминающіе Римскій Пантеонъ и св. Софію Цареградскую [мм. 37, 44, 47], башни съ поставленными на нихъ купольными теремами, или сѣнями [м. 47], мозаичные изъ разноцвѣтнаго мрамора

* Didron, Histoire de Dieu, стр. 165; смотр. также у Комона въ его Abécédaire ou Rudiment d'Archéologie [Architecture religieuse]. 1854, стр. 170.

полы [м. 47], мраморные же колодцы и водоемы, многоугольные или круглые [мм. 32, 64, снн. 82 и 97 е]—все это переноситъ насъ въ лучшую эпоху классическаго стиля ранняго византійскаго искусства, проникнутаго античными элементами.

Византійская арка господствуетъ въ очертаніи дверей, оконъ и другихъ частей зданія; впрочемъ, для оконъ принята и форма четвероугольника, а также для оконъ слуховыхъ треугольникъ и кругъ, мм. 13, 15, 35, 49, 63 [сн. 77, 78, 83, 91 и коп. краск. 10].

Иногда арка въ своей вершинѣ завостряется, какъ на западѣ при переходѣ романскаго стиля въ готическій, м. 63 [сн. 91].

Хотя очень рѣдко, какъ исключеніе, но уже встрѣчается и архитектурная форма такъ называемой бочки или кокошника, м. 35 [сн. 83], въ послѣдствіи такъ распространившаяся въ нашей архитектурѣ и усвоенная въ миніатюрахъ XVII в.

Между купольными зданіями довольно часто встрѣчается и форма базилики, мм. 44, 47, 49, [сн. 86 и коп. краск. 10].

Для исторіи русской архитектуры иллюстрація эта предлагаетъ обильный матеріалъ въ изображеніи одноглавыхъ и многоглавыхъ церквей съ куполами и крышами разной формы, мм. 13, 15, 35, 49, 63 [снн. 77, 78, 83, 91 и коп. краск. 10].

Для формъ базилики и купольной церкви слич. въ моемъ Апок. ранней редакціи м. 4 [сн. 2], а изъ византійскихъ образцовъ въ миніатюрахъ Григорія Богослова по греч. рукописи IX в. въ Публичн. Парижской библіот. [сн. 248].

Вмѣстѣ съ тѣмъ иныя зданія въ описываемомъ Апок. напоминаютъ западное зодчество; напр. башня съ остроконечною вершиною, которую окружаютъ остроконечные же фронтоны, мм. 44, 48 [сн. 86]; иногда шпицъ вершины снабженъ флагомъ, мм. 44, 69; иногда по сторонамъ башни въ самомъ верху выступаютъ изъ отвѣсной линіи стѣнъ маленькія башенки, какъ это принято въ западной средневѣковой архитектурѣ, только онѣ увѣнчиваются не готическимъ шпицемъ, а куполомъ или византійскою сѣнію, м. 47 [сн. 86]; встрѣчаются зданія съ фронтономъ, который очеркнутъ уступами въ видѣ лѣстницы, м. 61. Такія западныя формы приняты въ полатномъ письмѣ и другихъ нашихъ рукк. XVI в. *.

* Напр. въ Житіи Николая Чудотворца, по рук. Румянцевскаго Музея, изданной въ факсимиле Обществомъ Любит. Древн. Письмен. См. Султанова: Образцы древнерусскаго зодчества въ миніатюрныхъ изображеніяхъ, въ Памятникахъ древней письменности, VIII, 1881. Табл. XIV, чертежи 123, 124, 129 и 130.

Городъ, окруженный высокими стѣнами, иногда распространяется въ ширину, какъ въ мм. 44, 47, 49 [сн. 86 и коп. краск. 10], иногда же удерживаетъ традиціонную форму, восходящую въ исторіи иконографіи къ самымъ раннимъ изображеніямъ, напр. въ мозаикахъ Maria Maggiore V в., въ миніатюрахъ греч. Евангелія по рук. Россанской [снн. 247 в и б *]; именно Вавилонъ въ мм. 60 и 61, градъ или станъ святыхъ въ м. 69 и наконецъ Горній Іерусалимъ, въ мм. 71 [сн. 95], 73, 77 и 78 [сн. 96]. Этотъ традиціонный городъ узокъ, какъ громадная башня, съ высокими стѣнами, которыя какъ бы сжаты стоящими по угламъ столпами или башнями. Иногда, какъ въ м. 78 [сн. 96], стѣны вовсе безъ башенъ. Хотя впослѣдствіи эта традиціонная форма Горняго Іерусалима замѣнена въ нашихъ редакціяхъ другими частію мѣстнаго, славяно-русскаго происхожденія, частію западнаго; однако она по преданію кое-гдѣ удерживается, не только въ XVII в., именно въ редакціи СПБ. Апок. № 225, м. 65 [сн. 131], но даже и въ XVIII в., въ моемъ Апок. 1721 г. м. 73 [сн. 199] и въ Тихонр. 1731-6 г. м. 78.

Горній Іерусалимъ, согласно Писанію, безъ зданій внутри его стѣнъ, XXI, 22.

Такой же городъ, состоящій только изъ высокихъ стѣнъ, воздвигнутъ на планѣ равноконечнаго креста, принятомъ для храмовъ византійскаго стиля, въ м. 48 [сн. 87], какъ бы въ символическомъ знаменованіи мѣста упокоенія праведниковъ. Слич. ту же форму купѣли напр. въ греч. рук. Григорія Богослова въ Парижск. библ. IX в. [сн. 248].

Входящая въ мельчайшія подробности иллюстрація описываемаго Апок. вообще держится неуклонно православнаго принципа въ точномъ воспроизведеніи текстовъ Откровенія и Толкованія, тогда какъ во многихъ другихъ нашихъ редакціяхъ, хотя и строго византійско-русскаго характера, замѣчаются отклоненія отъ Писанія, какъ это указано ниже въ подробномъ описаніи самыхъ миніатюръ. Напр.

Двадцать четыре Старца являются постоянно въ бѣлыхъ одеждахъ, подробность вообще мало наблюдаемая въ другихъ редакціяхъ.

* Ciampini, Vetera monumenta Romae. 1690. I, tab. LVII. Gebhardt u. Harnack, Evangeliorum codex graecus purpureus Rossanensis. Leipzig. 1880. Taf. XIII.

При каждомъ апокалипсическомъ Всадникѣ является по одному изъ четырехъ символическихъ животныхъ, какое именно указано въ Толкованіи, мм. 19-22. Это первоначально было принято и въ Филаретовско-Чудовской редакціи, но уже нарушается въ позднѣйшихъ копіяхъ.

Въ битвѣ Небесныхъ Силъ съ полчищами Антихриста отсутствуетъ Великій Змій, м. 65 [сн. 92], такъ же какъ и въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 68.

Въ отданіи мертвецовъ на Страшномъ судѣ отсутствуетъ олицетвореніе земли, м. 70 [сн. 94], какъ и въ вышеупомянутомъ Апок. м. 73.

Впрочемъ, встрѣчаются, хотя и рѣдко, нѣкоторыя черты западной иллюстраціи; каковы напр.

Упомянутое уже выше облаченіе воскресающихъ мучениковъ, м. 23.

Іоаннъ стоитъ на одномъ колѣнѣ, м. 35 [сн. 83].

Женская прическа съ распущенными изъ-подъ короны волосами, у св. Жены, мм. 39, 41 [сн. 85], у Невѣсты Агнчей, мм. 63, 78 [сн. 96].

Вмѣстѣ съ тѣмъ допущено нѣсколько довольно видныхъ отступленій отъ текста, а именно:

Книга, по тексту запечатанная семью печатями, въ этой иллюстраціи постоянно является безъ печатей, хотя и закрыта, мм. 17-23.

Мастью кони четырехъ апокалипсическихъ Всадниковъ всѣ бѣлые, а не различны, какъ въ точности означено въ текстѣ, мм. 19-22.

При четырехъ Ангелахъ недостаетъ рѣки Евфрата, м. 33, хотя въ коп. 1705 г. она и означена въ надписи.

Облачный Ангелъ стоитъ на морѣ не правою ногою, а лѣвою, правою же на землѣ, мм. 34 и 35 [сн. 83].

Церковь безъ Кивота Завѣта, м. 39.

Апокалипсич. животныя извергаютъ изъ устъ своихъ не жабъ, а какихъ-то четвероногихъ звѣрей, м. 57.

Одежда на Господѣ Богѣ, возсѣдающемъ на конѣ, бѣлая, но не червлена кровію, и на главѣ простой вѣнецъ, а не «вѣнцы мнози», м. 64.

Присовокупляю къ этому еще одну подробность въ нарушеніи иконописнаго преданія. Ангелъ, показывающій Іоанну

Вавилонскую Любодѣицу, изображенъ безъ крыльевъ, м. 59 [сн. 90]; но въ коп. 1705 г.—съ крыльями.

Что же касается до повсемѣстнаго отсутствія письма на страницахъ раскрытой книги, то это должно быть объяснено миніатюрностью изображеній, которая не давала мастеру мѣста для начертанія буквъ.

Обращаюсь къ опредѣленію художественнаго стиля. Отъ всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ, русскихъ Апокк. этотъ отличается самымъ мелкимъ рисункомъ фигуръ и разныхъ подробностей, иногда во множествѣ сгруппированныхъ въ одной миніатюрѣ; напр. м. 65 [сн. 92]. Мастеръ располагаетъ довольно большимъ запасомъ красокъ и умѣетъ искусно ими пользоваться, налагая легкую акварель на черные очерки и оттѣнками колорита придавая фигурамъ рельефность, напр. въ м. 8 [коп. краск. 9]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обладаетъ чувствомъ колорита, которое иногда очень ясно выказывается, и именно въ отношеніи къ окружающей средѣ и къ помѣщеннымъ въ ней фигурамъ. Такъ по бѣлому небу онъ пишетъ въ монохромѣ съ сѣрымъ оттѣнкомъ бѣлыя же фигуры 24-хъ Старцевъ, м. 16 [сн. 79]; ангелу, стоящему на красномъ небѣ, даетъ колоритъ розовый, м. 53 [коп. краск. 11]. Вообще онъ старается придать монохрому смыслъ; такъ Ангелы Дня и Ночи, съ омраченными свѣтилами, писаны, въ сѣрыхъ монохромахъ, м. 31 [сн. 81]; Господь Богъ съ серпомъ, имѣющимъ пролить кровь, изображенъ весь красный и окруженъ краснымъ кольцомъ, и сидитъ на красной же радугѣ; ангелъ, выходящій изъ розовой церкви, и самъ розовый, а внизу другой, жнущій пшеницу, по фону желтой горы—такой же желтый, м. 49 [коп. краск. 10]. Для рельефности фигуръ по черному фону щита см. въ м. 8 [коп. краск. 9] изображенія Ада и Смерти.

Золотомъ мастеръ вовсе не пользуется, замѣняя его желтою краскою, отъ чего миніатюра выигрываетъ въ гармоніи колорита и въ бо́льшей легкости очерковъ, не нарушаемой этою металлическою примѣсью къ художественнымъ средствамъ живописи.

Впрочемъ, не смотря на изящество колорита, рисунокъ беретъ перевѣсъ надъ красками. Миніатюристъ былъ отличный рисовальщикъ, стремившійся къ наблюденію правильности и естественности, какъ вообще въ очеркѣ фигуръ, такъ и въ

ихъ движеніи и позахъ. Съ очевидными признаками натурализма онъ соединяетъ изящный вкусъ, воспитанный на изученіи хорошихъ образцовъ. Это не дюжинный копіистъ, а настоящій мастеръ своего дѣла, владѣющій бойкимъ, смѣлымъ и изящнымъ рисункомъ. Наконецъ надобно было ему располагать значительными артистическими средствами, чтобы рѣшиться съ успѣхомъ выполнить свои художественныя задачи въ самыхъ мелкихъ фигурахъ, которыми онъ во множествѣ наполнялъ свои миніатюры.

Но обратимся къ анализу нѣкоторыхъ подробностей.

Въ м. 30 [сн. 80] страдающіе и умирающіе отъ огорченной воды, за исключеніемъ крайней фигуры налѣво, всѣ отличаются натуральностью, разнообразіемъ и изяществомъ позъ, иные въ удачныхъ раккурсахъ; особенно хороша фигура съ ковшемъ въ рукѣ, которая, впрочемъ, можетъ быть, немножко длинна.

Въ м. 47 [сн. 86] пирующіе вокругъ Вавилонской Любодѣицы представляютъ столько жизни и драматическаго движенія, что не вѣрится, чтобъ это была русская миніатюра XVI вѣка, а не копія съ какого нибудь голландскаго оригинала. Между тѣмъ направо слишкомъ наивное выраженіе пьянаго безобразія относится къ обычнымъ традиціоннымъ пріемамъ нашей старинной живописи, а эти полы изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ и вся великолѣпная обстановка полатнаго письма, надъ которымъ подъ небесною аркою остановилась въ воздухѣ кроткая фигура ангела, изрекающаго грозное слово—все это переноситъ воображеніе въ иной, грандіозный міръ строгаго иконографическаго стиля, соотвѣтствующаго апокалипсическимъ видѣніямъ.

Въ м. 55 [сн. 88] группа съ ужасомъ и изумленіемъ обратившихъ головы къ воспаленному солнцу, съ великолѣпною старческою фигурою впереди, одѣтою въ роскошный костюмъ, и съ другою юною позади, которая будто пляшетъ, подперевъ руки въ бока. Обнаженные, изнывающіе отъ зноя и спасающіеся въ водѣ, писаны неудачно, но двое верхнихъ направо—одинъ сидитъ, около другой по-поясъ высунулся изъ-за горы, ощерившись отъ жары, свидѣтельствуютъ о мастерствѣ миніатюриста, равно какъ и фигура внизу у воды, скидающая съ себя зеленую тунику, сквозь которую чувствуется ускоренное движеніе въ-попыхахъ. Но опять верхняя часть миніатюры

придаетъ таинственное значеніе нижнему ландшафту. По цвѣтнымъ полосамъ неба осторожно подступилъ кроткій ангелъ въ бѣлыхъ одеждахъ, и боязно, чтобы и самому не обжечься, льетъ на солнце свой фіалъ. А солнце, между тѣмъ, раскаляется, будто ощетинилось мелкими лучами, и, какъ кровавыя слезы, смѣшенныя съ кровавымъ потомъ, льетъ съ своего лица губительные потоки на землю.

Чтобъ оцѣнить изящество сказаннаго ангела въ его позѣ, надобно сравнить съ другими ангелами, льющими свой фіалъ. Какъ спокойно стоитъ, напримѣръ, тотъ, который изливаетъ его въ море, и одѣтъ онъ хотя тоже въ бѣлыя одежды, но онѣ отъ алаго неба, на которомъ онъ писанъ, получили, какъ замѣчено выше, розовую окраску, равно какъ его крылья и руки, и вся голова, м. 53 [коп. краск. 11]. Что же касается до нижней части миніатюры, то хотя земля и море изображены въ традиціонномъ стилѣ ландкарты, но рыбы и другія произведенія моря воспроизведены такъ натурально и отдѣланы такъ художественно въ мельчайшихъ подробностяхъ, что употребленное здѣсь мастерство должно свидѣтельствовать намъ о высокомъ артистическомъ достоинствѣ, какого могъ достигнуть русскій художникъ XVI в. Тонкая и изящная отдѣлка подробностей, съ наблюденіемъ характеристическихъ примѣтъ каждаго сюжета, и въ наше время этимъ изображеніямъ даетъ цѣну модели для ювелирныхъ работъ.

При натурализмѣ и изяществѣ отдѣльныхъ фигуръ, а также и цѣлыхъ группъ, мастеръ погрѣшаетъ въ размѣщеніи ихъ по правиламъ перспективы, которой еще вовсе не знаетъ, такъ что всѣ онѣ кажутся на одномъ планѣ и одного размѣра, тогда какъ инымъ слѣдовало быть крупнѣе, инымъ мельче, смотря по ихъ относительной близости и отдаленію. Смотр. напр. безподобную по подробностямъ и погрѣшающую въ цѣломъ м. 65 [сн. 92], а также м. 61, въ которой всѣ мелочи торговаго быта до обручей въ микроскопическихъ боченкахъ и до канатовъ на мачтахъ, въ видѣ паутины, отдѣланы мастерски, а цѣлое представляетъ неудачную попытку представить городъ Вавилонъ съ его окрестностями и водами съ птичьяго полета, на планѣ географической карты безъ всякой перспективы.

Точно также, чтобы изобразить два острова, которые по тексту должны бѣжать, миніатюристъ пользуется тѣмъ же наив-

нымъ пріемомъ старинныхъ ландкартъ: узкою синею полосою воды окружаетъ онъ два круга, а на нихъ ставитъ человѣческія фигуры, несоразмѣрныя по своей величинѣ этимъ маленькимъ островамъ, м. 58 [сн. 89].

Такъ какъ несоблюденіе перспективы и скопленіе подробностей, часто не соотвѣтствующихъ одна другой по величинѣ, сближаетъ такія миніатюры съ старинными рельефами, то въ описываемой мною иллюстраціи въ отношеніи художественнаго стиля удовлетворительнѣе тѣ изображенія, которыя, какъ рельефы, размѣщены въ горизонтальныхъ полосахъ, какъ напр. м. 40 [сн. 84].

Отсутствіе живописной перспективы при удачномъ изображеніи отдѣльныхъ фигуръ восполняется иногда въ этой иллюстраціи тѣми же пластическими средствами, которыя были въ такомъ употребленіи въ искусствѣ древнехристіанскомъ и византійскомъ. Это олицетвореніе цѣлаго ландшафта въ человѣческихъ фигурахъ. Такъ напр. при текстѣ XII, 13-16, что̀ въ другихъ нашихъ редакціяхъ, а также и въ западныхъ, живописуется въ натуральномъ видѣ земли съ разщелиною и пустыни съ деревами, то здѣсь представлено въ двухъ женскихъ фигурахъ, олицетворяющихъ Землю и Пустыню, м. 41 [сн. 85]. Слич. въ греч. Псалтыри по рук. Парижск. Публич. библ. X в. олицетворенія Пустыни, Ночи, Моря и Глубины въ изображеніи перехода Израильтянъ черезъ Чермное море [сн. 249]. Слич. также Море и Землю въ Codex Aureus IX в. [сн. 251].

Для собранія фигуръ въ одно цѣлое очень часто прибѣгаетъ мастеръ къ симметріи; напр. въ прекрасной группѣ, состоящей изъ двухъ ореоловъ съ Еммануиломъ и Господомъ Саваоѳомъ, окруженныхъ ангелами, между которыми семеро съ трубами кажутся граціознымъ гнѣздомъ птенцовъ, м. 13 [сн. 77].

Иногда вся миніатюра расположена на симметрическомъ планѣ, напр. мм. 16 и 31 [снн. 79 и 81].

Но особенную гармонію и симметричность архитектурнаго стиля придаетъ миніатюрамъ небо съ своими горизонтальными полосами, арками, сегментами и разными выгибами, въ которыхъ размѣщаются ореолы, какъ это уже объяснено выше.

Въ противоположность стилизованнымъ формамъ небесныхъ сферъ, нижняя часть миніатюръ представляетъ по большей

части изящный ландшафтъ, въ которомъ горы господствуютъ надъ равнинами. Горы состоятъ изъ каменистыхъ утесовъ желтаго, свѣтло-розоваго или свѣтло-зеленаго цвѣта, обыкновенно голыхъ, съ трещинами, кое-гдѣ покрытыхъ тощею зеленью, мм. 8 и 49 [копіи краск. 9 и 10]. Впрочемъ, миніатюристъ умѣетъ писать и настоящія деревья, отличая ихъ отъ кустарника и цвѣтовъ, и не прибѣгаетъ уже къ стилизованной формѣ, въ которой дерево принимаетъ видъ гриба, подсолнечника или колоссальнаго цвѣтка, какъ это показано въ иллюстраціи Апок. ранней редакціи МПМ. № 156. Даже Мистическое Древо писано въ натуральномъ видѣ, хотя оно и образуетъ изъ своего раздвоеннаго ствола продолговатый ореолъ, въ которомъ помѣщена царственная фигура въ коронѣ, м. 78 [сн. 96]. Но зеленыхъ луговъ эта иллюстрація вовсе не знаетъ, чѣмъ существенно и отличается отъ принятой въ Соловецк. юсовомъ Апок. XVI в., въ которой дано предпочтеніе злачнымъ равнинамъ передъ безплодными утесами.

Горные ландшафты описываемаго Апок., чуждые низменностямъ нашей природы, соединяются съ столько же чуждымъ русской архитектурѣ полатнымъ письмомъ. И то и другое переносило нашихъ предковъ въ обѣтованные предѣлы Палестины и Аѳонской горы, и для благочестивыхъ взоровъ служило подобающимъ окруженіемъ для выспреннихъ видѣній таинственнаго Откровенія. Необычайныя лица и событія долженствовали быть и обставлены необычайно, въ идеальной красотѣ не здѣшней природы и не здѣшнихъ убогихъ жилищъ и однообразныхъ построекъ. См. мм. 47, 49 [сн. 86 и коп. краск. 10].

Веселая, разноцвѣтная окраска полатнаго письма, въ обстановкѣ желтоватыхъ скалъ, а вверху радужныя сферы неба съ цвѣтными завитками облаковъ—производятъ самое гармоническое впечатлѣніе, которое не только не нарушается отсутствіемъ перспективы и единства въ скопленіи множества мелкихъ человѣческихъ фигуръ и другихъ подробностей, но даетъ имъ соотвѣтственную ихъ стилю обстановку, въ которой натурализмъ земнаго ландшафта соединяется въ одно цѣлое съ стилизованными формами неба. Какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ, чувствуется еще вѣяніе того классическаго изящества, которымъ плѣняетъ насъ миніатюра византійская.

При тѣхъ матеріалахъ и пособіяхъ, какими въ настоящее

время располагаетъ наука, едва ли еще возможно рѣшить вопросъ о томъ, какимъ образомъ могъ возникнуть въ русской иконографіи XVI в. такой превосходный Лицевой Апок., подъ какими именно вліяніями и при какихъ благопріятныхъ для искусства условіяхъ. Въ моемъ Апок. начала XVII ранней редакціи очевидны слѣды отдаленнаго преданія, которое еще въ XVI в. на юго-западѣ Россіи подверглось уже вліянію западному, какъ свидѣтельствуетъ Соловецкій юсовой Апок., но которое въ большей чистотѣ своего восточнаго характера еще удержалось у насъ въ другой переработкѣ, дошедшей до насъ отъ начала XVII в. въ Апок. МПМ. № 156. Что же касается до описываемой мною иллюстраціи, то она, соединяя въ себѣ маститую старину изящнаго византійскаго стиля съ очевидными признаками новыхъ вліяній западнаго происхожденія, предлагаетъ не слѣды только и не руины уже отжившаго свой вѣкъ преданія, а до извѣстной степени сознательное его возрожденіе къ новой жизни, подъ благопріятными условіями хорошей иконописной школы, дававшей отличные образцы и воспитывавшей по нимъ вкусъ и художественное исполненіе.

Такъ, напримѣръ, мастеръ еще пользуется античною драпировкою по образцамъ лучшаго византійскаго стиля, восходящимъ къ преданіямъ классическимъ, напр. въ драпировкѣ гиматіоновъ или тогъ на Старцахъ, м. 13 [сн. 77], напоминающей принятую въ фигурахъ Брешіанскаго реликваріи изъ слоновой кости V в. [сн. 240 б] *, которая въ свою очередь ведетъ свое начало отъ античныхъ образцовъ: слич. напр. знаменитыя статуи Неаполитанскаго Аристида [сн. 240 а] и Латеранскаго Софокла; но вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ мастеръ и вообще понимаетъ художественный стиль складокъ и постоянно умѣетъ его употреблять и въ другихъ случаяхъ, не только въ одеждѣ, но и въ покрытіи тканью напр. жертвенника, м. 35 [сн. 83].

Что онъ пользовался отличными византійскими образцами, можно заключить изъ того, что онъ въ изящномъ стилѣ этихъ образцовъ умѣетъ соединять символическія и стилизованныя формы съ натурализмомъ, какъ это постоянно встрѣчается въ византійскихъ миніатюрахъ лучшей эпохи. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что онъ имѣлъ подъ руками и матеріалы западные, какъ это замѣчено выше относительно нѣкото-

* Odorici, Antichità cristiane di Brescia. 1845 Tav. V.

рыхъ подробностей въ полатномъ письмѣ, въ орнаментахъ, окружающихъ нумерацію главъ, а частію и въ сюжетахъ, какъ напр. одѣваніе возстающихъ скелетовъ, м. 23. Что касается до указаннаго выше изящнаго изображенія рыбъ и другихъ морскихъ произведеній, м. 53 [коп. краск. 11], то рѣшить не умѣю, откуда могло быть оно заимствовано въ эту иллюстрацію, изъ византійской ли миніатюры, или же изъ какого нибудь западнаго старопечатнаго Бестіарія; но во всякомъ случаѣ изящество миніатюрной, ювелирной выдѣлки принадлежитъ нашему иконописцу.

Изъ всего сказаннаго надобно заключить, что эта иллюстрація относится къ разряду тѣхъ произведеній русскаго искусства, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ возрожденію у насъ классическаго византійскаго стиля, при развитой до нѣкоторой степени сознательной дѣятельности мастеровъ, подъ нѣкоторымъ вліяніемъ образцовъ и западныхъ, которыми, однако, они пользовались осмотрительно, не допуская изъ нихъ ничего такого, что могло бы нарушить строгій стиль иконописи греко-русской. Натурализмъ уже постоянно даетъ себя чувствовать съ пріемами воспитаннаго школою эстетическаго вкуса, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще во всей строгости соблюдаются основныя, существенныя преданія нашей восточной иконографіи. Въ этомъ памятникѣ будто возродилось передъ нами изящество ранней византійской живописи, еще чуткой ко внѣшней природѣ и жизненности, не смотря на свою строгую сдержанность въ предѣлахъ дозволеннаго иконописною нормою.

Не рѣшаю, оригиналъ ли это, или отлично составленная копія. Но, безъ сомнѣнія, это произведеніе русское, и, вѣроятно, школы Новгородской. Въ пользу перваго утвержденія говоритъ текстъ, составляющій одно цѣлое съ миніатюрами, а въ пользу втораго нѣкоторыя изъ помѣтъ главъ съ орнаментами Новгородскаго стиля XIV вѣка, нѣсколько подновленнаго пріемами натурализма.

---

1) Заглавная миніатюра, которою начинается рукопись. Въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ миніатюръ, писанныхъ самымъ мелкимъ рисункомъ, здѣсь изображены въ всю страницу только двѣ фигуры крупнаго размѣра. Подъ сѣнію въ формѣ арки на

тонкихъ столбахъ съ перемычками сидитъ Іоаннъ Богословъ на престолѣ безъ задка, ноги постановилъ на четвероугольное подножіе. Въ рукахъ держитъ раскрытую книгу, первоначально съ чистыми обѣими страницами, но потомъ на одной изъ нихъ почеркомъ Петровскаго времени написано: *видѣніе іоану богослову*. Позади стоитъ ангелъ въ угловатомъ сіяніи, въ лѣвой рукѣ держитъ свернутый свитокъ, правою указываетъ. Въ коп. надъ нимъ надпись: *ангелъ господень открываетъ тайну феологу*. *

2) Подъ аркою краснаго неба, окаймленнаго синею полосою со звѣздами, внизу на фонѣ полатнаго письма, поднявшись съ престола безъ задка стоитъ на подножіи святитель въ саккосѣ съ омофоромъ, въ лѣвой рукѣ держитъ развернутый свитокъ безъ письма. Это *Святый Ипполитъ Папа Римскій*, какъ значится вверху внѣ рамокъ миніатюры въ надписи мелкимъ почеркомъ XVI в. Изображеніе относится къ слѣдующему за симъ толкованію Ипполита о томъ, какъ ангелъ связалъ Великаго Змія на тысячу лѣтъ и потомъ разрѣшилъ его въ видѣ Сатаны.

3) Это именно разрѣшеніе Сатаны и изображено здѣсь, согласно съ нижнею частію м. 66 [сн. 93]. Въ лѣвой рукѣ держитъ ангелъ огромный ключъ, въ правой колчатую цѣпь съ вострымъ гвоздемъ для вбиванія его въ стѣну. Сатана обнаженъ, крылатый, на старческой головѣ съ бородою поднимаются волосы щетинистымъ дыбомъ. Ноги отъ чреслъ до колѣнокъ мохнатыя; на обѣихъ колѣнкахъ по человѣчьему лицу въ профиль. При текстѣ: «По отрѣшеніи же реченному размыслимъ. Рече Евангелистъ яко связа діявола на тысящу лѣтъ, отнѣлеже бысть связаніе его отъ вшествія во адъ Господа нашего Іисуса Христа въ лѣто 5000 и пятьсотное и тридясять третіее даже и до лѣта шестьтысящнаго и 530 третіяго. Внегда исполнятся тысяща лѣтъ, и тако отрѣшится сатана по праведному суду Божію, и прельститъ міръ до реченнаго ему времени, еже три и поллѣта, и потомъ будетъ конецъ».

4) Передъ сказаніемъ Андрея Кесарійскаго въ особой миніатюрѣ изображенъ этотъ святый, какъ значится въ надписи мелкимъ почеркомъ XVI в. На фонѣ полатнаго письма сидитъ

* Въ описаніи этой иллюстраціи постоянно приводимыя мною сравненія изъ моей рук. 1705 г. означаются сокращенно: *коп*

онъ на сѣдалищѣ, ноги постановилъ на высокое подножіе. На колѣняхъ положилъ книгу, лѣвою рукою ее придерживаетъ, а правою пишетъ. Возлѣ на столѣ стоитъ зажженная свѣча въ шандалѣ и письменныя принадлежности.

5) I, 1-3. Миніатюра заглавная, передъ началомъ самаго Апокалипсиса съ толкованіемъ. Въ секторѣ зеленаго небеснаго круга, окаймленнаго розовыми облаками, синій ореолъ, окруженный красною полосою. Въ ореолѣ на престолѣ съ задкомъ сидитъ I. X., съ бородою, въ крестномъ сіяніи, лѣвою рукою придерживаетъ книгу, десницею благословляетъ. Изъ-подъ ореола летитъ ангелъ и вручаетъ книгу Іоанну, который выходитъ изъ пещеры. По расположенію фигуръ согласно съ моимъ Апок. ранней редакціи, м. 1 [сн. 1].

6) I, 4-6. Дѣлится на двѣ части горизонтальною прямою линіею. Въ небѣ посреди на престолѣ съ круглымъ задкомъ сидитъ Господь Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи, десницею благословляетъ, лѣвую руку положилъ на плечо Младенца I. X., въ крестномъ сіяніи, сидящаго у Него на колѣняхъ. По сторонамъ стоятъ въ видѣ одѣтыхъ ангеловъ Семь Духовъ, «иже предъ престоломъ», соотвѣтствующіе семи Церквамъ. Въ нижней части полатное письмо, состоящее изъ сгруппированныхъ вмѣстѣ всѣхъ этихъ семи Церквей, согласно съ принятымъ въ моемъ Апок. древн. ред. м. 4 [сн. 2], только здѣсь безъ ангеловъ, размѣщенныхъ по одному, при каждой Церкви. Вмѣсто того, налѣво Іо. сидитъ и пишетъ въ свиткѣ; позади стоитъ ангелъ въ угловатомъ сіяніи, правую руку положилъ ему на плечо, лѣвою указываетъ.

7) I, 7-9. Опять дѣлится миніатюра на двѣ части прямою линіею неба. Въ верхней части зеленый ореолъ, окруженный краснымъ вѣнкомъ, составленнымъ изъ херувимовъ, и поддерживаемый окрестъ четырьмя ангелами. Въ ореолѣ на престолѣ съ задкомъ, сидитъ на двухъ подушкахъ I. X. въ крестномъ сіяніи, лѣвою рукою поддерживаетъ на колѣняхъ раскрытую книгу, десницу простираетъ. Въ нижней части сплошная толпа народа. Это, какъ значится въ надписи надъ нею почеркомъ Петровскаго времени: *вся колена земская*.

8) I, 10-20 [копія краск. 9]. Миніатюра состоитъ изъ трехъ частей: верхняя и нижняя писаны на фонѣ горизонтальныхъ полосъ, означающихъ небесныя, или въ этомъ случаѣ точнѣе

сказать—неземныя сферы; середняя же часть представляетъ землю съ горами. Вверху ореолъ, покрывая двѣ полосы неба, спускается по воздуху почти до земли. Онъ красный, съ зеленою полосою, по которой писаны семь свѣтильниковъ. Въ ореолѣ на радугѣ сидитъ Еммануилъ въ простомъ сіяніи, свои красныя ноги постановилъ на подножіе. Въ правой рукѣ держитъ семь звѣздъ, въ лѣвой одинъ ключъ, а не два, какъ говоритъ Писаніе. Отъ его лица, а не изъ устъ, исходитъ мечъ; отъ лѣваго же локтя, а не изъ устъ, какъ въ редакціи Филаретовско-Чудовской, исходитъ узкимъ концемъ труба, которая перемыкается щитомъ съ Духомъ Святымъ въ видѣ голубя. На землѣ двѣ горы. Направо въ пещерѣ сидитъ Іо. съ книгою, оборачиваясь къ трубѣ, изъ которой исходитъ «гласъ велій», въ видѣ лучей. На лѣвой горѣ опять Іо; онъ палъ ницъ, будто кладетъ земный поклонъ. Нижняя часть служитъ дополненіемъ верхней, съ которою ея связь означена разноцвѣтными горизонтальными полосами. Хотя полосы эти въ описываемой иллюстраціи составляютъ принадлежность неба, но здѣсь на ихъ фонѣ помѣщенъ черный щитъ съ Адомъ и Смертію, потому именно, что эта нижняя часть не представляетъ самаго событія, а изображаетъ въ видимости мысль текста, относящагося къ Еммануилу и горнимъ сферамъ: это не болѣе, какъ иллюстрація сказаннаго самимъ Господомъ Богомъ: «имамъ ключи ада и смерти»; въ верхнемъ изображеніи Онъ держитъ ключъ, а въ нижнемъ объясняется значеніе этого ключа: имъ отверзаются двери и Ада, и Смерти. Такъ какъ это одинъ изъ моментовъ въ горнемъ видѣніи, то онъ и отличенъ отъ земнаго горизонтальными полосами высшихъ сферъ. Въ черномъ щитѣ красный Адъ съ двумя пастями; въ верхней двѣ поглощаемыя имъ фигуры, у одной торчатъ ноги, у другой голова. На Адѣ сидитъ обнаженный Сатана въ коронѣ; лѣвою рукою придерживаетъ сидящаго на его колѣняхъ ребенка: это *Іуда*, какъ надписано въ коп., т. е. душа его въ видѣ младенца. Къ Сатанѣ подходитъ костлявая Смерть, съ серпомъ въ правой рукѣ и съ трубою въ лѣвой. Оба эти аттрибута ея древнѣе косы. Смерть съ трубою слич. въ Подносномъ экземплярѣ МДА. № 14, XVII в. м. 17 [сн. 175 а].

9) II, 1-7. Вверху въ такомъ же красномъ ореолѣ и съ семью свѣтильниками въ такой же зеленой полосѣ, только снизу

окруженной правильнымъ полукругомъ облаковъ стилизованной формы, стоитъ Еммануилъ въ угловатомъ сіяніи, въ десницѣ держитъ семь звѣздъ, лѣвою указываетъ. Внизу налѣво гора, въ горѣ пещера, въ пещерѣ сидитъ Іо. съ раскрытымъ свиткомъ, въ которомъ ничего не написано. Напротивъ подъ горою полатное письмо, на фонѣ котораго стоитъ Ангелъ Ефесской Церкви, въ рукѣ держитъ модель этой церкви: особенность этой редакціи, единственная въ своемъ родѣ, такъ какъ она ни разу не встрѣчалась мнѣ ни въ одной изъ всѣхъ прочихъ редакцій нашего Лицеваго Апок.

10) II, 8-11. Вверху по горизонтальнымъ полосамъ неба въ радужномъ ореолѣ, изъ краснаго фона внутри и изъ двухъ полосъ, одной зеленой и другой синей, возсѣдаетъ безъ престола и подножія, какъ бы на этихъ концентрическихъ кругахъ радуги, Еммануилъ въ угловатомъ сіяніи, въ лѣвой рукѣ держитъ свернутый свитокъ, правую приподнялъ. Сверху изъ-за этого ореола на половину выходитъ другой, зеленый съ красною полосою; въ немъ по̀ поясъ Господь Саваоѳъ, въ угловатомъ сіяніи и бѣлыхъ ризахъ, десницею благословляетъ. Внизу налѣво изъ храма выходитъ Ангелъ Смирнской Церкви, направо подъ горою стоитъ Іо. съ свернутымъ свиткомъ въ рукѣ. Выше его изъ-за горы поднимается темница съ двумя дверями; изъ одной выступилъ дьяволъ; около толпа людей, которыхъ онъ «имать всаждати въ темницы, да искуситеся, и имѣти будете скорбь». Потому одна изъ фигуръ, женская, въ означеніе скорби, спустивъ съ руки рукавъ, прикладываетъ ее себѣ къ щекѣ. Въ коп. надпись: *діаволъ всаждаетъ въ темницу сластьми.*

11) II, 12-17. Вверху по горизонтальнымъ полосамъ неба ореолъ, красный, обведенный двумя полосами—зеленою и синею. Въ ореолѣ на радугѣ сидитъ Еммануилъ въ угловатомъ сіяніи, въ лѣвой рукѣ держитъ резвернутый свитокъ безъ письма, въ правой камень въ видѣ шара. Внизу городъ, окруженный стѣнами. Въ немъ Пергамская Церковь: на ея фонѣ стоитъ ангелъ съ распростертыми руками. Напротивъ внѣ городской стѣны стоитъ Іо. съ развернутымъ свиткомъ безъ письма. Внизу за городскими стѣнами «престолъ Сатанинъ»; на немъ сидитъ Сатана, позади его дьяволы. У подножія престола лежитъ убитый Антипасъ. У городской стѣны на высотѣ ея зубцовъ на столпѣ подъ сѣнію два идола. Внизу толпа людей; къ ней под-

ходитъ другая толпа, во главѣ которой мущина несетъ какіе-то круглые куски въ большой чашѣ: вѣроятно, намекъ на «ученіе Валаамово, иже учаше—ясти жертвы идольскія». Въ коп. надъ этою толпою надпись: *вѣрныя гоненія терпятъ*; надъ чашею: *дары*.

12) II, 18-29. Вверху такія же полосы неба и такой же ореолъ; Еммануилъ, въ угловатомъ сіяніи, тоже сидитъ на радугѣ, въ десницѣ держитъ звѣзду утреннюю. Внизу въ городскихъ стѣнахъ Ѳіатирская Церковь съ своимъ ангеломъ. Наровнѣ со стѣнами города опять два идола на столпѣ, но безъ сѣни; одинъ изъ нихъ, бородатый, стрѣляетъ изъ лука, другой, безбородый, съ копьемъ. На право Іо. съ развернутымъ свиткомъ. Между ангеломъ и Іоанномъ подходитъ Іезавель, съ такою же чашею, какъ въ м. 11, къ толпѣ пожилыхъ людей и поучаетъ ихъ «любодѣйствовати и снѣсти жертву идольскую». Въ коп. надъ нею надписано: *жена любодѣица и жертва идольская*. Въ самомъ низу ложе; на немъ лежатъ двѣ фигуры съ обнаженными голенями, пожилая и юная. На краю ложа сидитъ мальчикъ; другой падаетъ вверхъ ногами: это стрѣлою изъ лука поражаетъ ихъ Смерть, которая стоитъ тутъ же; у ногъ ея кошель съ пилами, сѣкирами и другими убійственными орудіями, согласно тексту: «Полагаю ю на одрѣ и любодѣющія съ нею въ скорбь велію—и чада ихъ умрутъ смертію». Позади Смерти въ правомъ углу воинъ поражаетъ мечемъ ниспровергнутыхъ къ его ногамъ людей, въ коп., съ надписью: *поскаетъ за слово Божіе*.

13) III, 1-6 [сн. 77]. Вверху въ полукружіи краснаго неба, по которому кругомъ вырѣзываются своими стилизованными линіями бѣловатыя облака, въ такомъ же ореолѣ, какъ въ мм. 11 и 12, и тоже на радугѣ сидитъ Еммануилъ, въ простомъ сіяніи, въ лѣвой рукѣ держитъ семь звѣздъ, правую простираетъ къ семи «Духамъ Божіимъ», которые, въ видѣ одѣтыхъ ангеловъ, изящно сгруппированные, устремляются въ разныя стороны, каждый трубя въ трубу. Надъ этимъ ореоломъ другой, не полный; въ немъ по̀ поясъ Господь Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи; вокругъ этого ореола ангелы. Все это вмѣстѣ представляетъ замѣчательно изящное цѣлое. Внизу налѣво Іо., въ очень странной позѣ, обѣими руками держитъ развитый свитокъ. Направо—Сардійская Церковь съ своимъ ангеломъ. Между Іо-

анномъ и ангеломъ толпа людей, въ бѣломъ одѣяніи, закутанныхъ въ тоги на античный манеръ: это тѣ, которые «не осквернища ризъ своихъ: и ходити имутъ со мною въ бѣлыхъ, яко достойни суть. Побѣждаяй, той облечется въ ризы бѣлыя». Потому надпись надъ ними въ коп. ошибочна: *людіе невѣрни.*

14) III, 7-13. Въ полукругѣ зеленаго неба съ синими стилизованными облаками, во вратахъ съ отверстыми на обѣ стороны половинками, по красному фону отверстія возсѣдаетъ на зеленой полосѣ I. X., въ крестномъ сіяніи, ноги постановилъ на подножіе, лѣвою рукою придерживаетъ на колѣняхъ открытую книгу, въ десницѣ держитъ большаго размѣра «ключъ Давидовъ, отверзаяй, и никтоже затворитъ». Внизу налѣво подъ горою стоитъ Іо., обѣими руками развиваетъ свитокъ. Направо стоитъ ангелъ Филадельфійской Церкви, отличающійся отъ прочихъ шести своимъ воинскимъ одѣяніемъ; въ правой рукѣ держитъ мечъ, согласно тексту: «побѣждающаго сотворю столпа въ церкви Бога моего»: потому архитектура этой Церкви имѣетъ своею характеристической особенностью массивную колонну, которая служитъ устоемъ для середнихъ арокъ церкви. Это отмѣчено и въ коп. надписью: *столпъ церковный.* Воинственному ангелу поклоняются тѣ, кои лгали на себя, что они отъ сонмища Сатанина. Потому выше ангела со стороны Церкви изображенъ дьяволъ; въ коп. надписано: *діяволъ бѣжитъ.*

15) Ш, 14-22 [сн. 78]. Вверху въ небѣ троякое предсѣдательство. Направо въ красномъ ореолѣ, обведенномъ синею полосою на престолѣ съ задкомъ возсѣдаетъ тотъ же Еммануилъ въ угловатомъ сіяніи, съ распростертыми руками; но надъ нимъ внѣ рамокъ почеркомъ XVI в. надписано: *Духъ Святый.* Это, какъ сказано въ текстѣ: «свидѣтель вѣрный и истинный, начатокъ созданію Божію». Налѣво длинный престолъ съ длиннымъ же подножіемъ. На немъ сидятъ Господь Саваоѳъ и I. X. въ воинскомъ доспѣхѣ, первый въ угловатомъ сіяніи, второй въ крестномъ; согласно тексту: «яко же и азъ побѣдихъ, и сѣдохъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ его». Кромѣ воинскаго доспѣха I. X. въ царскомъ вѣнцѣ, согласно съ толкованіемъ, по описываемой рукописи: «властитель же сирѣчь царь, яко сый всѣми дѣлы обладая»; по изданію Копистенскаго 1625 г.: «Начатокъ [же созданія] въ мѣсто сего, Царство, и начальство всѣхъ, яко тварми владычествующее. Начальство [*глосса*: ἀρχή]

бо или начало създанія естъ [ἡ προκαταρκτικὴ αἰτία καὶ ἄκτισος: си есть] начинающая [*глосса*: предначальственная] вина и несъзданная. то естъ, вщинаючая причина и несътворенная», стр. 17. Очевидно, текстъ и толкованіе отожествляютъ Іисуса Христа въ воинскомъ доспѣхѣ съ Еммануиломъ, который названъ въ этой миніатюрѣ Духомъ Святымъ. Надъ Господомъ Саваоѳомъ и Іусусомъ Христомъ тоже надписано тѣмъ же почеркомъ XVI в.: *Отецъ* и *Сынъ*. Что въ этихъ трехъ лицахъ наши старинные иконописцы разумѣли Отечество, а въ Еммануилѣ въ этой миніатюрѣ видѣли Духа Святаго, свидѣтельствуетъ моя копія 1705 года, въ которой описываемая миніатюра, во всемъ прочемъ согласная съ оригиналомъ, потерпѣла существенное измѣненіе только въ томъ, что въ верхней части, вмѣсто описаннаго рисунка, изображено обыкновенное Отечество, т. е. Господь Саваоѳъ, Іисусъ Христосъ и между ними надъ крестомъ Духъ Святый въ видѣ голубя [сн. 186 г]. Также и въ рук. Тихонравова второй половины XVIII в. изображенъ Господь Саваоѳъ съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, только безъ Св. Духа, м. 9. Что же касается до Апок. МПМ. XVII в., № 5, то въ немъ удержано Отечество въ м. 12-ой еще по переводу моего оригинала XVI в.—Внизу Лаодикійская Церковь, въ углу направо отъ нея ангелъ, налѣво въ другомъ углу Іо. съ раскрытымъ свиткомъ. На полатномъ письмѣ этой Церкви изображено посѣщеніе Лаодикійцевъ самимъ Еммануиломъ, или Духомъ Святымъ, писаннымъ дважды, оба раза въ угловатомъ сіяніи. Внизу подходитъ Еммануилъ къ выступающей изъ вратъ храма бородатой фигурѣ, которая почтительно склоняется. Выше онъ же сидитъ на сѣдалищѣ, и около него на другомъ сѣдалищѣ—тоже бородатая фигура. Согласно тексту: «Се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ мой, и отверзетъ двери; вниду къ нему—побѣждающему дамъ сѣсти со мною—якоже и азъ побѣдихъ и сѣдохъ» и проч. Въ коп. все это понято иначе: темный фонъ отверстыхъ вратъ названъ въ надписи *тмою*; фигура, выступающая изъ вратъ: *студеный человѣкъ*, а сидящая—*теплый человѣкъ*; что же касается до Еммануила, то въ обоихъ этихъ эпизодахъ надъ нимъ надписано: *ангелъ Господень*, хотя онъ и въ коп., такъ же какъ и въ оригиналѣ, безъ крыльевъ.

16) IV [сн. 79]. Почти вся миніатюра занята горнимъ видѣ-

ніемъ, которое внизу отдѣлено небеснымъ полукругомъ отъ узкой полосы земли съ стоящимъ на ней Іоанномъ. Вверху въ дверяхъ, означенныхъ только аркою на столбахъ, на подобіе церковныхъ вратъ византійскаго или романскаго стиля, но безъ открытыхъ половинокъ дверей, на престолѣ сидитъ Господь Саваоѳъ, въ угловатомъ сіяніи, ноги поставилъ на подножіе, въ лѣвой рукѣ держитъ свитокъ, правою благословляетъ. Эти врата съ возсѣдающимъ въ нихъ Господомъ Саваоѳомъ помѣщены на четвероугольномъ красномъ ореолѣ, по угламъ котораго размѣщены четыре символическія животныя. Отверстіе вратъ изъ подъ арки выдѣляется изъ краснаго фона четвероугольника синимъ цвѣтомъ, будто ведутъ они въ самое небо. Изъ подъ престола по обѣ стороны по два луча, въ видѣ вострыхъ клиньевъ синяго цвѣта, согласно тексту: «отъ престола исхождаху молнія и громи и гласы»: символическая подробность архаическаго стиля, удержанная и въ Тихонр. рук. второй половины XVIII, въ видѣ длинныхъ изогнутыхъ зубьевъ, м. 10. Между сказанными клиньями семь свѣщниковъ; подъ ними стекляное море. По сторонамъ и внизу размѣщены 24 Старца, всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ: тѣ, которые по сторонамъ сидятъ на престолахъ, въ коронахъ о трехъ городахъ, и двое въ коронахъ шапкою или шишакомъ; а тѣ, которые внизу у самаго края небеснаго полукруга, пали съ своихъ престоловъ, сложивъ съ своихъ головъ короны. Престолы безъ задковъ очень древней формы, какъ въ Codex Aureus св. Эммерама IX в. [сн. 251].

17) V, 1-5. Вверху на малиновомъ четвероугольникѣ красный, киноварный ореолъ, окруженный синею полосою. Въ ореолѣ возсѣдаетъ на обширномъ престолѣ съ круглымъ задкомъ Господь Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи, десницею благословляетъ, въ лѣвой рукѣ держитъ книгу, но не запечатанную печатями, какъ бы слѣдовало по Писанію. На углахъ четвероугольника по символическому животному: они писаны киноварью по малиновому фону четвероугольника. По сторонамъ толпы ангеловъ. Ниже по зеленому фону воздуха паритъ ангелъ, указывая вверхъ лѣвою рукою. Налѣво въ уровень съ нимъ согнулся старецъ, обращая голову по указанію ангела. Подъ старцемъ толпа людей. Они идутъ по ровнинѣ къ горѣ, у подножія которой изогнулся Іоаннъ, почти въ той же позѣ, какъ и тотъ старецъ.

18) V, 6-14. На четвероугольникѣ же съ четырьмя символич. животными, въ ореолѣ возсѣдаетъ на престолѣ Господь Савао҃ѳъ въ угловатомъ сіяніи, съ книгою, тоже не запечатанною. Стоя задними ногами у подножія престола, передними беретъ эту книгу Агнецъ, съ семью рогами, поднимающимися пучкомъ, какъ гребень: на середнемъ рогѣ крестъ съ одною перекладиной. У Агнца семь очей: два на своемъ мѣстѣ, а пять остальныхъ размѣщены по всему его тѣлу. Надъ четвероугольникомъ выступаютъ по̀ поясъ ангелы; по сторонамъ и внизу размѣщены Старцы въ бѣлыхъ одеждахъ: тѣ, что̀ по сторонамъ, въ коронахъ, стоя играютъ на гусляхъ, а внизу—полукругомъ пали ницъ, безъ коронъ, положивъ около себя гусли и поставивъ фіалы, въ формѣ потира. Направо въ самомъ низу стоитъ Іо., простирая руки.

19) VI, 1-2. Сначала надобно замѣтить, что какъ здѣсь, такъ и въ слѣдующихъ за симъ трехъ миніатюрахъ, вверху надъ каждымъ изъ четырехъ Всадниковъ изображенъ въ ореолѣ только Агнецъ, съ семью рогами пучкомъ и съ семью очами, какъ въ м. 18; стоитъ на престолѣ безъ задка, положивъ переднія ноги на закрытую книгу безъ печатей, которая лежитъ на томъ же престолѣ. Ореолъ положенъ на четвероугольникѣ, углы котораго выступаютъ нѣсколько изъ подъ ореола. Сверхъ того, окрестъ того же ореола четыре облачные полукруга: это ореолы четырехъ символическихъ животныхъ; но во всѣхъ четырехъ миніатюрахъ только одинъ изъ этихъ полукруговъ занятъ тѣмъ или другимъ животнымъ, а остальные три остаются пусты. Символическое животное помѣщается по требованію текста: «слышахъ единаго отъ четырехъ животныхъ глаголюща»; но которое изъ нихъ въ томъ или другомъ видѣніи, текстъ не называетъ по имени, и миніатюристъ въ этомъ случаѣ согласовался съ толкованіемъ, какъ объяснено во II гл. Введенія. Что касается до масти коней, то иллюстрація отступаетъ отъ текста. Здѣсь всѣ они бѣлые. Теперь обращаюсь къ м. 19. Здѣсь изъ четырехъ символовъ писанъ Левъ въ нижнемъ полукругѣ налѣво. По землѣ скачетъ Первый Всадникъ въ коронѣ и въ зеленомъ кафтанѣ со шнурами на груди; ноги въ стременахъ. Напрягая лукъ противъ стоящей у полатнаго письма толпы, онъ топчетъ ногами своего коня поверженныхъ въ кучѣ людей. Въ кон. надъ толпою людей

у полатнаго письма помѣщена надпись: *студеныя человѣцы*, сближающая ихъ съ упоминаемыми въ гл. III, стих. 15 и 16.

20) VI, 3-4. Вверху по сказанному выше, только въ нижнемъ полукругѣ направо писанъ Телецъ. Внизу скачетъ Второй Всадникъ въ красномъ кафтанѣ, подпоясанъ, въ шапкѣ съ разрѣзнымъ околышемъ, безъ стременъ, въ рукѣ держитъ копье съ знаменемъ, согласно тексту рукописи: *оружіе веліе;* въ исправленномъ же: «мечъ великій». Направо и налѣво полатное письмо и толпы воиновъ съ обнаженными мечами, по Писанію: «да убіетъ другъ друга». Иные лежатъ, уже убитые. Въ Тихонр. рук. второй половины XVIII в., вмѣсто Агнца, изображена только одна книга въ звѣздномъ ореолѣ, м. 12; такая же замѣна Агнца книгою принята и далѣе, мм. 13, 14, 17.

21) VI, 5-6. Вверху то же, что̀ въ мм. 19 и 20, только въ верхнемъ полукругѣ направо писанъ ангелъ, или точнѣе Человѣкъ съ крыльями. Внизу скачетъ Третій Всадникъ, въ правой рукѣ держитъ снятую съ головы шапку, въ лѣвой мѣрило, въ формѣ обыкновенныхъ вѣсовъ. Позади его поле съ густою и высокою пшеницею; передъ нимъ толпа обнаженныхъ людей, въ соотвѣтствіе толкованію: *сѣтованіе отпадшихъ вѣры Христовы*, какъ гласитъ и надпись въ коп.: *Отпадшія не вѣровавше во Христа*. Около нихъ разверзлась земля черною ямою: это по надписи въ коп.. *тьма, въ нюже идутъ*.

22) VI, 7-8. Вверху то же, что̀ и прежде, только въ верхнемъ полукругѣ направо писанъ Орелъ. Внизу на тощемъ костлявомъ конѣ ѣдетъ костлявая же Смерть, съ серпомъ въ лѣвой рукѣ и съ косою въ правой. Позади ея поднимается изъ черной ямы Адъ—обнаженная красная фигура съ звѣринымъ рыломъ и съ человѣческимъ лицемъ на подпупіи. Передъ Смертію полатное письмо. Внизу звѣри пожираютъ валяющихся по землѣ людей.

23) VI, 9-11. Вверху по горизонтальнымъ полосамъ неба такой же ореолъ съ Агнцемъ и книгою, что̀ и въ предыдущихъ миніатюрахъ, только одинъ, безъ окружающей его обстановки. Внизу церковь. Передъ церковью жертвенникъ съ лежащею на немъ закрытою книгою. Изъ-за жертвенника двое ангеловъ даютъ бѣлыя ризы возстающимъ скелетамъ. Это «души избіенныхъ за слово Божіе»; другіе скелеты лежатъ подъ жертвенникомъ, а ниже распростерты по землѣ обнаженные

люди въ тѣлѣ и съ бородами. Это «клеврети ихъ и братія ихъ». Налѣво отъ церкви полатное письмо съ толпою одѣтыхъ людей: это по надписи въ коп.: *живущія на земли человѣцы*, которымъ имѣетъ быть отмщена кровь избіенныхъ. По представленію душъ въ видѣ скелетовъ и по заботѣ объ одѣваніи ихъ, миніатюра эта, отклоняясь отъ нашего иконографическаго преданія, составлена подъ вліяніемъ западнымъ. Слич. въ Соловецк. юсов. Апок. XVI в. м. 14 [сн. 62], въ которой все же вмѣсто скелетовъ просто обнаженные люди, взрослые.

24) VI, 12-17. Вверху такой же ореолъ съ Агнцемъ и книгою, какъ въ м. 23, только помѣщенъ на двухъ свивающихся синихъ свиткахъ неба, съ омраченнымъ солнцемъ и кровавою луною; оба свѣтила съ лицами en face. Внизъ по зеленому воздуху падаютъ звѣзды. На землѣ по обѣ стороны поднимаются горы. Въ долинѣ толпа ужасающихся, между ними есть воины; впереди идетъ царь, потомъ онъ же склоняется, умоляя о пощадѣ. Передъ толпою въ горѣ двѣ пещеры. Въ обѣихъ прячутся люди безъ различія въ состояніяхъ, отмѣченнаго въ Писаніи. Въ коп. нѣтъ ни горъ, ни толпы въ долинѣ, но внизу три пещеры, въ которыхъ скрывающіеся размѣщены по состояніямъ, какъ гласятъ надъ ними надписи: 1) *скрышася въ пещерахъ вси богатіи и нищіе*, 2) *вельможи и тысящники*, и 3) *царіе земстіи*, согласно тексту VI, 15.

25) VII, 1-8. На четырехъ углахъ земли, окруженной синимъ моремъ, стоятъ по ангелу. Каждый изъ нихъ держитъ олицетвореніе Вѣтра въ видѣ небольшой человѣческой фигуры, но не голой, а полуодѣтой, съ крыльями и трубою въ рукѣ. Сверху сходитъ ангелъ съ осмиконечнымъ крестомъ въ рукѣ: это «печать Бога Живаго», по толкованію: *сирѣчь крестъ Христовъ, имъ же печатлѣетъ праведники*. Ниже ангелъ, дѣйствительно, печатлѣетъ печать тростію изъ чаши на челахъ преклоняющихся передъ нимъ людей. Это колѣна сыновъ Израилевыхъ. Ниже на берегу морскаго залива олицетвореніе Земли въ видѣ женщины, простоволосой, съ обнаженными выше колѣнъ ногами и съ распростертыми руками; она сидитъ въ кустахъ. Подъ нею въ заливѣ Море въ видѣ мущины: онъ сидитъ на дельфинѣ, въ правой рукѣ держитъ корабль. Въ коп. эти фигуры съ надписями: *земля*, *море* и *рыба делѳинь*. Въ рук. Тихонр. второй половины XVIII в. земля тоже олице-

творена въ видѣ женщины, но благочинно одѣтой и съ покрытою головою; надъ нею надписано: *земля*; но олицетворенія моря уже нѣтъ, м. 16.

26) VII, 9-17. Вверху такой же ореолъ, какъ прежде, съ Агнцемъ и книгою, но на красномъ квадратѣ съ четырьмя символическими животными по угламъ. По сторонамъ и вверху сонмы ангеловъ. Ниже по обѣ стороны мученики, юные и старые, стоятъ съ финиковыми вѣтвями въ рукахъ, въ видѣ длинныхъ тоненькихъ вѣтокъ. Все это снизу, почти у самой земли, отдѣлено линіею небеснаго полукруга. На самомъ краю его стоитъ одинъ изъ старцевъ и повѣдаетъ о совершающемся Іоанну, стоящему на землѣ.

27) VIII, 1-6. И эта миніатюра почти вся наполнена небеснымъ видѣніемъ, которое внизу отдѣляется полукружіемъ неба отъ узкой полосы земли. Вверху такой же ореолъ съ Агнцемъ и книгою, какъ прежде. Направо отъ ореола и внизу размѣщены семь ангеловъ съ трубами: «уготовашася да вострубятъ». Около нихъ подъ ореоломъ слѣва жертвенникъ, на немъ ящикъ съ краснымъ, до половины покрытый зеленымъ покровомъ, который изящною драпировкою одѣваетъ весь жертвенникъ. У жертвенника стоитъ ангелъ; передъ нимъ два фіала въ видѣ потира, оба наполнены краснымъ; одинъ фіалъ на сказанной зеленой драпировкѣ, другой будто на воздухѣ; къ этому послѣднему ангелъ прикасается рукою, а другой ангелъ сверху сыплетъ въ него ѳиміамъ тонкими струйками; въ Тихонрав. рук. второй половины XVIII в., въ м. 18, вмѣсто того верхній ангелъ спускаетъ этотъ фіалъ, какъ кадильницу на цѣпочкѣ, которая, вѣроятно, и замѣнена въ моемъ Апок. сказанными струйками. Соотвѣтствуетъ тексту: «ста предъ олтаремъ, имѣяй кадильницу злату: и даны быша ему ѳиміами мнози—и наполни ю отъ огня сущаго на олтари, и положи на земли». Послѣднее дѣйствіе изображено внизу: на самомъ краю неба стоитъ ангелъ, нагнувшись надъ такимъ же фіаломъ, но уже съ крышкою, и полагаетъ его на землю. Направо въ углу стоитъ Іо. Замѣчательно, что кадильница здѣсь безъ цѣпочки, и дважды изображена безъ крышки, которая составляетъ принадлежность этой утвари.

28) VIII, 7. Вверху Первый Ангелъ трубитъ въ трубу, стоя въ облакахъ. Изъ-подъ облаковъ пучками красныхъ языковъ

сходитъ огонь; по воздуху падаетъ градъ въ видѣ изсиня-зеленыхъ шаровъ, между ними иные окружены пламенемъ. Внизу на землѣ стоятъ зеленыя деревья; иныя уже горятъ.

29) VШ, 8-9. Вверху Вторый Ангелъ писанъ такъ же, какъ и въ м. 28. Съ неба низвергся въ море раскаленный камень въ великомъ пламени. На синемъ морѣ корабли, а также рыбы и другія морскія животныя, обреченныя на погибель: писаны столько же натурально, какъ и въ м. 53 [копія краск. 11], только подробности отдѣланы менѣе изящно и тонко.

30) VШ, 10-11 [сн. 80]. Вверху Третій Ангелъ писанъ такъ же. Изъ облаковъ пала въ воду звѣзда Апсинѳосъ, и стала вода, какъ полынь; съ горы по долинѣ течетъ рѣка съ притокомъ. По разнымъ мѣстамъ разбросаны умирающіе и умершіе, въ разнообразныхъ позахъ, съ нѣкоторымъ натурализмомъ и изяществомъ въ раккурсахъ. Двое изъ нихъ держатъ въ рукѣ черпакъ, или ковшъ. Въ рук. Тихонр. второй половины XVШ в. совсѣмъ другой переводъ; идущій къ городскимъ воротамъ несетъ ведро съ водою, м. 21.

31) VШ, 12-13 [сн. 81]. Все видѣніе о Четвертомъ Ангелѣ совершается въ предѣлахъ небесныхъ. Онъ трубитъ, ступая по облакамъ, которыя, симметрически окружая его двумя стилизованными полосами, синею и красною, спускаются почти до нижней рамки миніатюры. Надъ нимъ четыре полосы неба: нижняя синяго цвѣта съ звѣздами, выше—красная, за этой—бѣлая и наконецъ верхняя къ краямъ голубая въ тѣнь, а къ середкѣ—бѣлая. На этихъ полосахъ два ореола или щита, въ каждомъ по ангелу: это геніи Дня и Ночи, или небесныхъ свѣтилъ; налѣво геній стоитъ на двухъ колесахъ безъ спицъ, въ рукѣ держитъ красное свѣтило; направо геній стоитъ на одномъ колесѣ со спицами, въ лѣвой рукѣ держитъ свѣтило сѣраго цвѣта въ тѣнь, въ правой—астрологическое орудіе для измѣренія: поперекъ этого генія протянулось своими кудрявыми изгибами синее небо съ звѣздами. Оба эти круга и сами ангелы, и колеса, и все прочее—писаны въ сѣромъ монохромѣ, за исключеніемъ синяго неба и краснаго свѣтила. Обычай представлять геніевъ Дня, Ночи, Свѣта въ ореолахъ или щитахъ очень древній. Слич. напр. въ Лобковицкой Библіи XIII в. изображеніе Дня [сн. 253 в]. Между обоими сказанными щитами писанъ на тѣхъ же полосахъ неба тотъ ангелъ, который

въ редакціи моего Апок. ранней редакціи замѣнемъ Орломъ въ м. 22 [сн. 10]. Онъ паритъ «посредѣ небесе», лѣвую руку опустилъ внизъ, правую поднялъ вверхъ, указывая на трехъ ангеловъ съ трубами въ красномъ небѣ, отдѣленныхъ другъ отъ друга изгибающеюся полосою синихъ облаковъ, и какъ бы возвѣщаетъ «горе живущимъ на земли отъ прочихъ гласовъ тріехъ Ангелъ хотящихъ трубити». Миніатюра отличается симметрическимъ расположеніемъ рисунка. Въ рук. Тихонр. второй половины XVIII в. оба щита съ Ангелами Дня и Ночи уже не въ монохромѣ и омраченіе третьей части солнца, луны и звѣздъ означено темными сегментами по всей площади того и другаго щита, м. 22.

32) IX, 1-12 [сн. 82]. Вверху въ симметрически стилизованныхъ облакахъ трубитъ Пятый Ангелъ. Около красное солнце. Внизу налѣво пала съ неба звѣзда съ ключемъ въ Студенецъ Бездны. Кольцо ключа образуетъ центръ звѣзды, а его стержень съ бородкою—одинъ изъ стилизованныхъ лучей ея, такъ что звѣзда съ ключемъ составляетъ какъ бы одно цѣлое. Студенецъ изображенъ въ античной формѣ колодца; онъ шестиугольный, вѣроятно, мраморный, красный съ желтыми верхними брусьями. Отъ Студенца исходитъ дымъ и помрачаетъ солнце. Въ дыму надъ звѣздою поднялся Аваддонъ; какъ «царь ангелъ Бездны», онъ въ коронѣ, но обнаженъ, только на плечи накинута красная хламида, съ крыльями, безбородый, въ лѣвой рукѣ держитъ палицу [въ коп. мечъ], правою подперся. По типу сходствуетъ съ золотымъ идоломъ моего Апок. ранней редакціи въ м. 24 [копія краск. 2], только этотъ послѣдній съ бородою. Скачущіе отъ Студенца Пруги писаны въ типѣ, принятомъ въ Апок. МПМ. № 156, м. 31 [сн. 40], согласно древнему преданію, общему и на востокѣ и на западѣ; слич. во фрескахъ франц. церкви св. Савина XII в. [сн. 258 б]. Пруги топчутъ ногами ниспроверженныхъ людей. Надъ ними направо по фону горы полатное письмо съ толпою людей. Это тѣ, которые «вожделѣютъ смерти, и убѣжитъ отъ нихъ смерть». Смерть изображена въ видѣ скелета, въ правой рукѣ держитъ лукъ, въ лѣвой косу, за плечами кошель съ убійственными орудіями. Широко шагаетъ она, торопясь убѣжать.

33) IX, 13-22 [сн. 97 а]. Вверху въ облакахъ, налѣво въ зеленомъ ореолѣ на престолѣ съ задкомъ, поставивъ ноги на

подножіе, возсѣдаетъ Господь Богъ, въ простомъ сіяніи, съ свернутымъ свиткомъ въ лѣвой рукѣ, правою благословляетъ; борода у Него длиннѣе Іисусовой; въ коп. Іисусъ Христосъ въ крестномъ сіяніи. Направо трубитъ Шестый Ангелъ. Между нимъ и сказаннымъ ореоломъ стоитъ на облакахъ зеленый жертвенникъ съ закрытою на немъ книгою. Согласно тексту: «и слышахъ гласъ единъ отъ четырехъ роговъ олтаря златаго сущаго предъ Богомъ»—у жертвенника символически изображены четыре рога въ видѣ вѣтокъ, отъ которыхъ идутъ тонкими линіями голоса, соединяющіеся въ одну точку со стороны ангела [сн. 97 а]. Въ Тихонр. рук. второй половины XVIII в. эта подробность удержана, но искажена, потому что мастеръ уже не понималъ ея смысла: у него идутъ четыре линіи не отъ роговъ четырехъ угловъ жертвенника, а изъ устъ ангела, въ видѣ вѣтокъ съ листьями и оканчиваются въ видѣ букета въ воздухѣ цвѣтами, м. 24. Изъ прочихъ редакцій только въ одномъ Апок. гр. Уварова № 129, XVIII в. [Царск. № 7], при главѣ 27-ой [сн. 214], иллюстрирована эта подробность текста, но только въ видѣ обыкновенныхъ роговъ; впрочемъ, здѣсь взята она изъ гравюры Борхта [сн. 275 в], перешедшей въ изданіе Пискатора.—Подъ облаками гòры съ полатнымъ письмомъ. Налѣво толпа всадниковъ въ заостренныхъ шишакахъ и въ броняхъ, съ копьями и щитами; подъ ними, вмѣсто коней, чудовища съ змѣями вмѣсто хвостовъ и съ львиными головами, но безъ огня, дыма и жупела изъ устъ ихъ, какъ указываетъ текстъ. Направо четыре ангела, безъ сіяній, побиваютъ людей мечами; но великой рѣки Евфрата вовсе нѣтъ, хотя въ коп. около ангеловъ надписано: *еврать рѣка*. Надъ ангелами на горѣ толпа съ царемъ во главѣ; поклоняются идоламъ, воздвигнутымъ на столпѣ въ видѣ башни съ окнами и дверьми.

34) X, 1-7. Вверху по полосатому небу, обведенному снизу еще синею полосою съ звѣздами, зеленый ореолъ, окруженный красною полосою, въ которой въ монохромѣ писаны четыре символическія животныя съ херувимами. Въ ореолѣ Господь Богъ возсѣдаетъ на радугѣ, въ лѣвой рукѣ держитъ свитокъ, правою благословляетъ. По сторонамъ ореола стоятъ ангелы; тутъ же солнце и мѣсяцъ. Нижняя часть представляетъ утесъ, спускающійся къ морю. Облачный Ангелъ одѣтъ въ короткую одежду

съ широкими рукавами изъ синяго матеріала, съ струями на подобіе мелкихъ стилизованныхъ облаковъ. Изъ-подъ этого одѣянія виднѣются рукава нижняго одѣянія съ поручами; колонны имѣютъ видъ красныхъ панталонъ, внизу загнутыхъ для означенія базисовъ; босоногій. Лицо его въ профиль; въ сіяніи, по которому идутъ клиньями лучи, какъ принято въ ранней иконографіи для солнца. Вокругъ лучей радуга. Онъ стоитъ лѣвою ногою на морѣ, правою на землѣ: въ текстѣ на оборотъ. Лѣвую руку поднимаетъ кверху, правою подаетъ раскрытую книгу Іоанну, который въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него стоитъ на землѣ. Ниже Іоанна, въ лѣвомъ углу стоитъ Земля въ видѣ одѣтой женщины: она широко разставила ноги, въ распростертыхъ рукахъ держитъ вѣтви; около нея кустарникъ и птицы съ звѣрями. Соотвѣтственно Землѣ, въ водѣ изображено Море въ видѣ обнаженной по̀ поясъ безбородой фигуры, съ раковиной на головѣ; она сидитъ на двуглавомъ животномъ; въ лѣвой рукѣ держитъ вѣтвь, правую подняла съ раскрытой ладонью; около рыбы, морскія животныя. Въ коп. олицетворенія Земли и Моря писаны иначе. Земля пала на колѣна, простирая обѣ руки, пустыя; Море вмѣсто вѣтви держитъ чашу, и лица обѣихъ фигуръ en face, тогда какъ въ описываемой иллюстраціи—въ профиль. Слич. въ м. 40 [сн. 84]. Въ Тихонр. рук. второй половины XVIII в. уже безъ олицетворенія земли и моря, м. 25.

35) X, 8-11. XI, 1-2 [сн. 83]. Вверху узкая полоса краснаго неба, обведенная синею въ тѣнь аркою. Двѣ горы; между ними море. Облачный Ангелъ лѣвою ногою стоитъ на морѣ, правою на землѣ, какъ и въ м. 34; но лицо его en face, и вмѣсто облачнаго одѣянія съ рукавами и полами, онъ только немного пріодѣтъ волнами облаковъ, которыя съ обѣихъ сторонъ, поднимаясь по сіянію, симметрически обвели своею полосою радугу и крылья ангела. По желтому сіянію, вмѣсто лучей клиньями, здѣсь пять красныхъ пучечковъ о трехъ коротенькихъ лучахъ, исходящихъ отъ головы ангела. Іо. стоитъ на одномъ колѣнѣ, принимая изъ руки ангела открытую книгу. Въ самомъ верху надъ Іоанномъ изъ-за небесной арки вышло полукружіе, какъ бы отъ диска небеснаго свѣтила, бѣлаго цвѣта; по полукружію писано лицо въ профиль; изъ устъ его исходятъ лучи на Іоанна. Въ коп. надписано: *глась—пріими:* от-

носится къ тексту: «и гласъ его слышахъ съ небесе» и проч. Внизу церковь объ одной главѣ. Снаружи стоитъ жертвенникъ съ закрытою книгою. Надъ нимъ любопытна для исторіи искусства архитектурная форма арки съ завостреннымъ верхомъ и загнутыми внутрь линіями внизу. При жертвенникѣ стоитъ ангелъ, по другую сторону молящіеся. Церковь обведена съ одной стороны круглою стѣною. Это внѣшній дворъ, о которомъ говорится въ текстѣ. Около стоитъ Іо. въ правомъ углу, съ длинною тростію въ рукѣ, вверху загнутою крючкомъ, по тексту: «трость подобна жезлу».

36) XI, 3-10. Вверху узкая полоса краснаго неба, обведенная синею полосою, которая извивается волнующеюся линіею изъ двухъ арокъ, соединенныхъ оваломъ. Въ этомъ овальномъ спускѣ писанъ Господь Богъ въ простомъ сіяніи, по̀ поясъ [въ коп. І. Х. въ крестномъ сіяніи], въ лѣвой рукѣ съ свернутымъ свиткомъ, правою благословляетъ Еноха и Илію, которые стоятъ на землѣ. Нижняя часть миніатюры представляетъ двѣ половины видѣнія. Въ верхней Енохъ и Илія, благословляемые, какъ сказано, Господомъ Богомъ, пророчествуютъ. Передъ ними полатное письмо и царь на престолѣ, т. е. Антихристъ: это—*градъ невѣрныхъ* и *звѣрь*, какъ гласятъ надписи въ коп. Позади царя дьяволы; впереди люди поклоняются Еноху и Иліи. Въ нижней половинѣ полатное же письмо изъ зданій, обведенныхъ стѣною. Это Содомъ и Египетъ. Налѣво стоятъ оба праотца; изъ адской бездны вылѣзъ звѣрь, въ видѣ льва, и, ставъ на заднія лапы, протягиваетъ переднія на одного изъ нихъ. Направо они же оба, уже убитые, распростерты на стѣнахъ города, что̀ должно означить *на стогнахъ*, какъ въ исправл. текстѣ, или *на площади*, какъ въ описываемой рукописи, или наконецъ: *на стьнахъ*, какъ въ ней же означено въ глоссѣ, ошибкою вм. *на стогнахъ*.

37) XI, 11-14. Вверху въ такомъ же стилизованномъ небѣ, какъ въ м. 36, въ серединномъ овалѣ тоже по̀ поясъ Господь Богъ въ простомъ сіяніи [въ коп. опять І. Х. въ крестномъ], съ свиткомъ и благословляющею десницею; а по сторонамъ его симметрично подъ тою и другою аркою по праотцу въ облакахъ. Это Енохъ и Илія возносятся на небо по воскресеніи. Изъ-подъ Господа Бога отъ небесной полосы стремится тремя прядями въ видѣ синихъ языковъ грозная сила на разрушеніе

Содома и Египта. Внизу направо разрушается городъ, давя народъ развалинами. Налѣво стоятъ воскресшіе Енохъ и Илія, окруженные деревьями и цвѣтами. Выше полатное письмо, еще не тронутое разрушеніемъ, содержитъ въ себѣ башни и зданіе съ куполомъ того же рисунка, что̀ въ мм. 44 и 47 [сн. 86].

38) XI, 15-18. Вверху въ бѣлой аркѣ неба, сверху и снизу обведенной синими полосами, красный ореолъ, окруженный зеленымъ кольцомъ; въ ореолѣ на радугѣ возсѣдаетъ Господь Богъ въ простомъ сіяніи [въ коп. опять I. X. въ крестномъ], съ распростертыми руками. По сторонамъ и надъ ореоломъ ангелы. Ниже подъ небесною аркою Старцы въ бѣлыхъ ризахъ пали съ своихъ престоловъ, поклоняются; около нихъ лежатъ ихъ короны, снятыя съ головъ. Въ самомъ низу полукругомъ синее море. На краю его стоитъ Седьмый Ангелъ и трубитъ; у него на груди желтыя полосы положены крестъ-на-крестъ, какъ орарь на діаконѣ. Полукругъ моря и небесная арка съ своими полосами представляютъ концентрическіе сегменты; трубящій ангелъ стоитъ какъ разъ подъ ореоломъ съ Господомъ Богомъ по линіи, раздѣляющей миніатюру вертикально на двѣ равныя половины, въ которыхъ симметрически же расположены—вверху ангелы по сторонамъ ореола, а внизу Старцы по сторонамъ ангела. Слич. столько же симметрически расположенную м. 31 [сн. 81].

39) XI, 19. XII, 1-6. Вверху двѣ широкія полосы неба, верхняя синяя, нижняя зеленая со звѣздами. На воздухѣ, поднимаясь по звѣздной полосѣ неба, стоитъ одноглавая церковь безъ креста, а также и безъ Кивота Завѣта, указаннаго текстомъ. Налѣво по красному диску солнца писана св. Жена въ бѣлыхъ одеждахъ въ коронѣ по распущеннымъ волосамъ, безъ 12 звѣздъ, упоминаемыхъ въ текстѣ, и безъ сіянія. Она еще безъ крыльевъ; стоитъ на лунѣ, которая съ блѣднымъ лицемъ. Надъ Женою поднимается ангелъ въ полосѣ звѣзднаго неба и подаетъ обнаженнаго младенца, безъ сіянія. Младенца принимаетъ за руки, наклоняясь съ престола, Господь Богъ въ простомъ сіяніи [въ коп. опять I. X. въ крестномъ]. Престолъ этотъ уже въ верхней зеленой полосѣ. Направо отъ церкви стоитъ на двухъ ногахъ съ пернатыми крыльями Великій Змій о семи звѣриныхъ головахъ, покрытыхъ коронами, съ десятью рогами, которые исходятъ прямо отъ головы помимо коронъ.

Своимъ хвостомъ онъ «отторже третью часть звѣздъ небесныхъ», и для видимости окружилъ ихъ имъ, однако такъ, что звѣздная полоса отъ этого не пострадала нимало въ своей цѣльности. Ниже подъ стоящей на мѣсяцѣ св. Женою, она же, но уже въ цвѣтной одеждѣ, «бѣжа въ пустыню», которая означена деревьями и цвѣтами.

40) XII, 7-12 [сн. 84]. Миніатюра раздѣлена горизонтально на четыре яруса прямыми линіями. Въ верхнемъ ярусѣ изъ трехъ небесныхъ полосъ, на престолѣ сидитъ Господь Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи, на колѣняхъ держитъ Младенца въ простомъ сіяніи, который простираетъ обѣ руки; по сторонамъ ангелы. Ниже въ ярусѣ по зеленому полю направо ангелы, вооруженные копьями, поражаютъ того же Змія съ семью головами, изъ которыхъ одна съ человѣчьимъ лицомъ въ профиль; но онъ здѣсь уже четвероногій, все же съ пернатыми крыльями. Позади его стоятъ дьяволы съ копьями. Въ ярусѣ ниже, по звѣздному небу съ солнцемъ и луною на бѣломъ фонѣ стоятъ другіе ангелы и низвергаютъ Змія и дьяволовъ внизъ. Эти три верхніе яруса составляютъ небо, или точнѣе это небеса, т. е. его верхнія и нижнія сферы. Послѣдній ярусъ уже земной. Здѣсь Змій и дьяволы падаютъ на землю. Змія колютъ копьями ангелы изъ верхняго яруса, такъ какъ въ нижнемъ ихъ уже нѣтъ. Здѣсь «горе живущимъ на земли и мори, яко сниде діаволъ къ вамъ, имѣя ярость великую»: это изображено въ видѣ дьявола, который поднимаетъ палицу на женщину въ угловатомъ сіяніи и цвѣтной одеждѣ; она разставила ноги и распростерла руки. Это Земля, какъ надписано въ коп. Она на берегу моря, которое тутъ же изображено въ такомъ же олицетвореніи, какъ въ м. 34. Въ Тихонр. рук. второй половины XVIII в. безъ олицетворенія земли и моря, м. 31.

41) XII, 13-17 [сн. 85]. Безъ неба. Вверху надъ двумя горами въ воздушномъ пространствѣ Великій Змій, въ томъ же типѣ, что̀ и въ м. 40, только съ крыльями нетопыря, гонится за св. Женою, чтобы потопить ее: «испусти изъ устъ своихъ воду яко рѣку,—и поможе земля Женѣ, и отверзе земля уста своя и пожре рѣку»: это изображено въ видѣ одѣтой въ цвѣтную одежду женщины въ угловатомъ сіяніи, которая, сидя на горѣ у черной ямы, идущей внутрь земли, съ распростертыми руками, поглащаетъ сказанную рѣку въ уста свои. Черная яма

какъ разъ позади ея головы: такъ что ея уста вполнѣ соотвѣтствуютъ разверзшейся пропасти, которая приметъ въ себя змѣиную рѣку. Надъ этою фигурою другая, тоже женская, въ угловатомъ же сіяніи; обнажена, только отъ пупка до колѣнъ препоясана розовымъ платомъ, помѣстилась при корнѣ дерева и на стволѣ его, въ лѣвой рукѣ держитъ вазу съ двумя деревами, а правую подняла вверхъ. Это Пустыня: находясь между Зміемъ и Женою, она заслоняетъ и какъ бы спасаетъ ее отъ этого чудовища, по сказанному въ Писаніи: «и даны быша Женѣ два крыла орла великаго, да паритъ въ пустыню». Св. Жена писана въ томъ же типѣ, что и въ м. 39, также простоволосая, только въ розовомъ одѣяніи и съ голыми руками выше локтей, скрещенными на груди, и уже съ крыльями, по Писанію. Такъ же на красномъ солнцѣ, только въ продолговатомъ бѣломъ ореолѣ съ городами изъ лучей. Внизу этой гористой мѣстности тотъ же Змій идетъ «сотворити брань со оставшимъ сѣменемъ Жены», представленнымъ въ толпѣ людей. Въ коп. олицетворенія Земли и Пустыни безъ сіяній. Въ Тихонр. рук. второй половины XVIII в. земля олицетворена въ видѣ простоволосой женщины, безъ сіянія; но Пустыни нѣтъ вовсе, м. 32.

42) XIII, 1-10 [сн. 97 б]. Согласно тексту: «стахъ на песцѣ морстѣмъ»—Іо. стоитъ на берегу моря и смотритъ, какъ изъ воды поднялся Первый Звѣрь, о семи звѣриныхъ головахъ съ рогами безъ вѣнцовъ, въ видѣ льва, но безъ наблюденія подобія медвѣдю и рыси, указанному текстомъ. Надъ моремъ Великій Змій о семи головахъ, двуногій, но безъ крыльевъ, посадилъ Звѣря на престолъ и даетъ ему посохъ. Это Антихристъ, какъ надписано въ коп. У подножія престола дьяволъ помазуетъ печать на лбахъ преклонившихся передъ нимъ людей. По другую сторону, направо, на престолѣ, съ посохомъ въ рукѣ, но въ видѣ человѣческой фигуры, одѣтой въ звѣриную шкуру, которая оставляетъ руки голыми выше локтей; у ней женское лицо съ распущенными по сторонамъ длинными косами; надъ лицемъ поднялись шесть звѣриныхъ головъ: то есть, это тѣ же семь головъ Звѣря, изъ которыхъ одна человѣчья; лицо обезображено разсѣченною раною поперекъ [сн. 97 б], по тексту: «и видѣхъ едину отъ главъ его яко заколену въ смерть»,—характеристическая черта, наблюдаемая въ старыхъ

западныхъ Апокк., но у насъ встрѣтилась мнѣ только въ этой иллюстраціи. Въ коп. рана уже опущена, но надъ этою фигурою надписано: *яко римскій царь*. Ниже изображенъ тотъ же Звѣрь; онъ ступаетъ на своихъ четырехъ ногахъ, попирая ими низверженную толпу людей. Вверху по небеснымъ полосамъ въ ореолѣ на престолѣ Господь Богъ въ простомъ сіяніи [въ коп. І. Х. въ крестномъ]; по сторонамъ ореола по ангелу съ дисками, или печатями въ рукахъ.

43) XIII, 11-17 [сн. 97 в]. Вверху, у подножія горы, поднимающейся къ небу, вышелъ изъ земной пропасти Вторый Звѣрь, или Агнецъ Неправедный, стоитъ на заднихъ лапахъ, передними оперся на костыль. Подробное описаніе его см. въ слѣд. миніатюрѣ. Съ неба, обозначеннаго узкою полосою, спускается передъ нимъ огонь въ формѣ крутящагося веревкою пламени [сн. 97 в]. Это Вторый Звѣрь «огонь сотворитъ сходити съ небесе на землю». Ему поклоняются люди, другіе, стоя, простираютъ къ нему руки. Налѣво въ томъ же уровнѣ полатное письмо въ формѣ базилики. У самой рамки миніатюры на престолѣ сидитъ Первый Звѣрь съ посохомъ въ рукахъ; у него изъ семи головъ верхняя человѣчья съ бородою; по надписи въ коп. это—*змій Антихристъ*. Внизу̀ налѣво же, т. е. подъ этою фигурою, опять Первый Звѣрь, но объ одной звѣриной головѣ, съ десятью рогами, соединенными пучкомъ въ видѣ гребня, какъ въ м. 48 [сн. 87]; позади его Вторый Звѣрь: оба идутъ на заднихъ лапахъ, какъ люди на ногахъ, подпираются посохами. Передъ ними дьяволъ съ чашею: онъ помазуетъ печать стоящимъ передъ нимъ на колѣняхъ. Далѣе къ правой сторонѣ полатное письмо; впереди стоятъ столы, за столами продающіе, къ нимъ подходятъ покупающіе. Это тѣ, «кто имать начертаніе, или имя Звѣря, или число имене его». Ниже въ правомъ углу дьяволы побиваютъ палицами тѣхъ, «иже аще не поклонятся образу звѣрину».

44) XIII, 18; собственно къ стиху 11-му [сн. 97 г]. Подъ синею аркою узкой полосы краснаго неба всю миніатюру занимаетъ полатное письмо почти того же перевода, что̀ въ м. 47 [сн. 86], только прибавлены красные флаги на шпицахъ двухъ башенъ. Это городъ, котораго высокія стѣны спускаются въ долину между двухъ горъ. Направо, за городскими стѣнами подъ горою, изъ темной пропасти поднялась колоссаль-

ная желтая фигура Втораго Звѣря, или Агнца Неправеднаго, въ типѣ котораго присоединена баранья голова на длинной шеѣ къ львиному туловищу съ тонкимъ хвостомъ, оканчивающимся змѣиною головою [сн. 97 г]. Въ Тихонр. рук. второй половины XVIII в. безъ полатнаго письма во всю миніатюру стоитъ на заднихъ ногахъ Вторый Звѣрь другой редакціи, передними ногами держитъ посохъ, м. 35.

45) XIV, 1-5. По зеленому фону неба, обведенному снизу сегментомъ синей полосы, въ синемъ ореолѣ, окруженномъ красною полосою съ херувимами и четырьмя символическими животными, возсѣдаетъ на престолѣ Господь Богъ въ простомъ сіяніи [въ коп. I. X. въ крестномъ]. Кругомъ по небу Старцы въ бѣлыхъ одеждахъ, всѣ безъ коронъ, съ открытыми головами: по сторонамъ сидятъ на престолахъ безъ задковъ, а подъ ореоломъ стоятъ, играя на гусляхъ. Отъ синей полосы неба по обѣ стороны исходятъ внизъ по три длинныхъ и тонкихъ зубца или клина, какъ въ м. 16 идутъ они отъ престола съ обѣихъ сторонъ по два [сн. 79]: это гласы, сходящіе съ небесъ. Внизу Сіонская гора. На вершинѣ ея въ красномъ щитѣ, обведенномъ синею полосою, стоитъ св. Агнецъ съ натуральнымъ числомъ очей и роговъ. По обѣимъ сторонамъ щита тоже на горѣ стоятъ въ бѣлыхъ одеждахъ праведники. Въ самомъ низу молитвенно преклонилъ колѣна Іо. Дерево отдѣляетъ отъ него черную яму.

46) XIV, 6-7. Вверху по радужнымъ полосамъ неба, обведеннымъ снизу синими облаками, на длинномъ престолѣ въ родѣ дивана, возсѣдаетъ Господь Богъ въ простомъ сіяніи [съ коп. I. X. въ крестномъ]; по сторонамъ солнце и луна съ лицами въ профиль [въ коп. en face]. Подъ престоломъ по воздуху летитъ ангелъ съ закрытою книгою въ рукахъ, задрапированныхъ концами красной тоги. Внизу двѣ горы; между ними море; по горамъ текутъ рѣки и спускаются внизъ. Вверху и внизу между рѣками полатное письмо и толпы людей въ разнообразныхъ костюмахъ. Налѣво стоитъ Іо. Подъ нимъ олицетвореніе Земли въ видѣ одѣтой женщины, простоволосой; она стала на одно колѣно, въ рукахъ держитъ по вѣтви; въ правомъ углу—олицетвореніе Моря въ томъ же типѣ, что̀ въ мм. 34 и 40 [сн. 84]. Послѣднія двѣ фигуры соотвѣтствуютъ тексту: «поклонитеся сотворшему небо и землю и море и источники

водныя». Въ Тихонр. рук. безъ олицетворенія земли и моря, и вообще другой редакціи, въ самомъ сокращенномъ видѣ, м. 37.

47) XIV, 7 [сн. 86]. Вверху полоса краснаго неба, обведенная снизу синею аркою. Подъ аркою летитъ ангелъ, обѣими руками указывая внизъ, по тексту: «глаголя: паде, паде Вавилонъ градъ великій». Въ изящномъ рисункѣ между горами расположенъ городъ почти того же перевода, что̀ въ м. 44; направо на горѣ зеленая роща. У городскихъ стѣнъ безчинное пиршество за длиннымъ столомъ подъ предсѣдательствомъ самой Вавилонской Любодѣицы. Направо въ безобразныхъ позахъ валяются пьяные. Налѣво на столпѣ идолъ; къ нему подходитъ толпа людей; ниже ихъ отъ столпа—помостъ изъ плитъ разноцвѣтнаго мрамора. Въ Тихонр. рук. второй половины XVIII в. совсѣмъ другая редакція, м. 38 [сн. 235].

48) XIV, 9-13 [сн. 87]. Вверху по радужнымъ полосамъ неба, снизу обведеннаго синими облаками, направо въ красномъ щитѣ, обведенномъ бѣлымъ кольцомъ, Агнецъ на престолѣ, какъ въ м. 45. Изъ-за этого ореола поднимается другой синій съ краснымъ кольцомъ; въ этомъ ореолѣ по̀ поясъ Господь Богъ въ простомъ сіяніи [въ коп. Господь Саваоѳъ въ угловатомъ], въ вѣнцѣ шапкою, какъ и всѣ прочіе вѣнцы, которые въ рукахъ у ангеловъ. Въ лѣвой рукѣ держитъ чашу, правою подаетъ вѣнецъ одному изъ двухъ подходящихъ къ нему ангеловъ. Надъ ними солнце и луна безъ лицъ. Налѣво два другіе ангела несутъ въ приполіи по нѣскольку такихъ же вѣнцовъ на главы праведныхъ. Эти послѣдніе, выказывая свои обнаженныя головы, помѣщены въ зданіи, въ символической формѣ равносторонняго креста, безъ крыши, помѣщенномъ на утесѣ горы, въ формѣ, согласной съ купѣлью или крестильницею въ греч. рук. Григорія Богослова IX в. [сн. 248 в].—Это тѣ блаженные, «кои почіютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними». По толкованію въ описываемой рук.: *дѣла же вслѣдъ идуща вѣнца являетъ*. Слич. у Кописстенск. по изд. 1625 г. стр. 66. Что же касается до чаши въ рукѣ Господа Бога, то она соотвѣтствуетъ тексту: «той имать пити отъ вина ярости Божія, вина нерастворенна въ чаши гнѣва Его». Подъ небомъ по воздуху летитъ ангелъ, отдѣляя гору съ символическимъ зданіемъ праведныхъ отъ другой горы направо, на которой стоитъ Іо. Въ нижнемъ углу налѣво стоитъ

Первый Звѣрь объ одной головѣ съ рогами пучкомъ въ видѣ гребня, какъ въ м. 43; поклоняющимся ему дьяволъ полагаетъ печать. Позади ихъ толпа, за которою на полугорѣ группа: обнаженный служитель Звѣря прикладываетъ къ устамъ поверженнаго человѣка «чашу гнѣва» и принуждаетъ его пить, поднимая надъ нимъ палицу. Въ углу направо, подъ Іоанномъ, низвергаются въ огненную геену пріявшіе печать Антихристову и испившіе отъ чаши гнѣва Божія. Отъ пожигающаго ихъ огня поднимается дымъ. Въ Тихонр. рук. второй половины XVIII в. сокращено и испорчено. Вмѣсто жилища упокоенія праведниковъ въ символической формѣ креста, изображена мельница съ крыльями, м. 39 [сн. 236].

49) XIV, 14-16 [копія краск. 10]. Вверху по радужнымъ полосамъ неба, обведеннымъ снизу синими облаками, направо одноглавая церковь съ шестиконечнымъ крестомъ. Изъ отверстыхъ ея вратъ вышелъ ангелъ; наклоняясь станомъ, поднимаетъ голову кверху. Онъ писанъ въ розовомъ монохромѣ подъ колоритъ стѣнамъ церкви. Налѣво по зеленому ореолу въ красномъ монохромѣ писаны: полоса съ херувимами и четырьмя символическими животными, радуга и возсѣдающій на ней Господь Богъ въ коронѣ, безъ сіянія, съ свиткомъ въ лѣвой рукѣ, а въ правой съ серпомъ, у котораго только желѣзо съ зубцами отличено синимъ цвѣтомъ. Въ коп. изображенъ I. X. въ крестномъ сіяніи и монохромъ замѣненъ разными колерами. Внизу вода; направо красивое полатное письмо: городъ съ высокими стѣнами; налѣво желтая гора съ зеленью кое-гдѣ; ангелъ, въ желтомъ монохромѣ подъ колоритъ горы, нагнулся надъ зеленымъ снопомъ съ серпомъ въ рукѣ. Налѣво роща у воды; выше идетъ Іо. Миніатюра замѣчательна по монохромамъ.

50) XIV, 17-20. По радужнымъ полосамъ неба, снизу обведеннаго синими облаками, стоитъ церковь о трехъ главахъ безъ крестовъ, съ двоими вратами. Направо у церковной стѣны жертвенникъ съ закрытою книгою и водруженнымъ осмиконечнымъ крестомъ. Изъ однихъ вратъ выходитъ ангелъ съ серпомъ, изъ другихъ—ангелъ, «имый область на огни», несетъ чашу съ краснымъ. Внизу городъ со стѣнами, по рисунку и стилю сходствуетъ съ полатнымъ письмомъ м. 49. Внѣ города, согласно тексту: «положи ангелъ серпъ свой на землю». Рядомъ

тотъ же ангелъ наклоняется надъ точиломъ, въ видѣ продолговатаго четвероугольнаго ящика, наполненнаго краснымъ: «и изыде кровь отъ точила даже до уздъ конскихъ»: здѣсь выходитъ она девятью отверстіями, расположенными въ два ряда, а ниже по шею стоятъ кони въ красномъ. Нѣтъ ни винограда, ни малѣйшаго намека на винодѣліе, кромѣ сказаннаго точила.

51) XV, 1-8. XVI, 1. По радужнымъ полосамъ неба, снизу обведеннымъ синими облаками, направо стоитъ церковь о трехъ главахъ. Это «храмъ скиніи свидѣнія». Налѣво въ углу въ красномъ облакѣ Орелъ, которымъ истолковано общее указаніе текста: «единъ отъ четырехъ животныхъ». Орелъ держитъ въ своихъ лапахъ фіалъ, подавая его одному изъ семи ангеловъ, которые стоятъ тутъ же, уже каждый съ своимъ фіаломъ. Всѣ эти ангелы въ розовомъ монохромѣ. Форма фіаловъ та же, что̀ въ мм. 53, 55 и 58 [копія краск. 11 и снн. 88 и 89]. Подъ этимъ верхнимъ ярусомъ другой, тоже небесный. Онъ состоитъ изъ двухъ четвероугольниковъ. Налѣво въ зеленомъ четвероугольникѣ стоятъ тѣ же семь ангеловъ, но въ бѣлыхъ одеждахъ, въ рукахъ держатъ фіалы, больше размѣромъ, съ широкимъ отверстіемъ, въ формѣ чаши: это по тексту: «изыдоша седмь Ангелъ изъ храма, иже имѣяху седмь язвъ», которыя и заключены въ тѣ чаши. Направо въ красномъ четвероугольникѣ, означающемъ «море стекляно смѣшено съ огнемъ», стоятъ въ бѣлыхъ одеждахъ юноши и старцы и играютъ на гусляхъ: это «побѣдившія звѣря и образъ его». Въ самомъ низу направо полатное письмо, налѣво гора, на склонѣ которой стоитъ Іо.

52) XVI, 2. Въ зеленомъ небѣ, обведенномъ снизу синею и красною полосами облаковъ, Первый Ангелъ въ бѣлой одеждѣ льетъ изъ фіала красное «на имущихъ начертаніе звѣрино», которое, впрочемъ, въ этой иллюстраціи ничѣмъ не означено на челахъ грѣшниковъ, какъ оно запечатлѣно пятнами въ Апок. Тихонр. № 5. Внизу полатное письмо и гора. На склонѣ горы разсѣяны грѣшники въ разныхъ позахъ. Они страдаютъ отъ «гноя злаго и лютаго». Иные высоко заголили свои ноги; одинъ рветъ на своей груди одѣяніе, другіе совсѣмъ умираютъ. Іоанна нѣтъ, какъ и при слѣдующихъ ангелахъ съ фіалами.

53) XVI, 3 [копія краск. 11]. Въ полукружіи краснаго неба,

обведеннаго снизу волнистыми полосами синихъ и розовыхъ облаковъ, Вторый Ангелъ, весь въ розовомъ монохромѣ, за исключеніемъ края зеленой туники, виднѣющейся изъ-подъ подира, льетъ фіалъ въ море. Внизу въ желтыхъ берегахъ заливъ синяго моря. Въ водѣ съ замѣчательнымъ натурализмомъ писаны рыбы, раковины и другія произведенія моря, будто издѣлія тонкой и изящной ювелирной работы.

54) XVI, 4-7. Вверху по радужнымъ полосамъ неба, съ полосою синихъ облаковъ снизу, на престолѣ возсѣдастъ Господь Богъ въ простомъ сіяніи, лѣвою рукою придерживаетъ раскрытую книгу, правою благословляетъ [въ коп. I. X. въ крестномъ сіяніи]. Налѣво Третій Ангелъ изливаетъ изъ своего фіала красное. Направо жертвенникъ съ закрытою книгою; отъ него къ Господу Богу идетъ другой ангелъ: по Писанію: «и слышахъ другаго отъ олтаря глаголюща». Внизу полатное письмо и гора. Двѣ толпы людей; одна стоитъ у стола, на которомъ чаша, чарка и сосудъ древней формы, какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи въ м. 21 [сн. 9]. Рѣки, въ которыя ангелъ изливаетъ фіалъ свой, текутъ по горѣ съ своими притоками. Въ самомъ низу направо въ широкой заводи Ангелъ Водный по синему фону воды въ свѣтлозеленомъ монохромѣ, сидитъ на большой черепахѣ, въ лѣвой рукѣ держитъ рыбу, правую простираетъ; сзади его видна голова дельфина. Въ коп. у Воднаго Ангела нѣтъ ни рыбы, ни дельфина.

55) XVI, 8-9 [сн. 88]. Небо состоитъ изъ трехъ полосъ, розовой, зеленой и синей, снизу окруженныхъ сегментомъ синяго обвода. Нижняя полоса синяго цвѣта, звѣздная; на ней колоссальное лице краснаго солнца. Четвертый Ангелъ, въ бѣлыхъ одеждахъ съ желтыми крыльями, льетъ изъ фіала красное на солнце, которое, раскаляясь, испускаетъ вокругъ себя мелкіе лучи, а тремя пучками лучей длинныхъ какъ бы стрѣляетъ въ разныя стороны внизъ; кромѣ того изливаетъ съ своего лица два красныхъ потока, которые, истекая изъ очей его, сначала струятся по ланитамъ, и потомъ, какъ огненныя кровавыя его слезы, поражаютъ людей великимъ зноемъ и огнемъ. Внизу направо на горѣ разсѣялись эти страдающіе и умирающіе въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Всѣ они голые; раздѣлись отъ нестерпимой жары. Иные ищутъ прохлады въ водѣ; одинъ торопится скинуть съ себя одежду черезъ голову, которая еще

покрыта ею. Налѣво полатное письмо; передъ нимъ толпа одѣтыхъ людей; въ ужасѣ обращаютъ головы вверхъ къ раскаленному солнцу. Особенно изящно написана передняя фигура съ простертыми вверхъ руками.

56) XVI, 10-11. По зеленому небу, окруженному снизу симметрическимъ извивомъ двухъ полосъ облаковъ, синей и розовой, Пятый Ангелъ льетъ свой фіалъ «на престолъ звѣринъ». Внизу направо на престолѣ сидитъ Первый Звѣрь о семи звѣриныхъ головахъ безъ коронъ и роговъ, въ лапахъ держитъ клюку. Позади его, тоже съ клюкою, стоитъ на заднихъ ногахъ Вторый Звѣрь съ бараньими рогами, поднятыми кверху. Передъ престоломъ стоятъ обнаженные люди, старые и молодые; за ними дьяволы. Направо, отворотившись отъ Перваго Звѣря, что̀ на престолѣ, къ зеленымъ кустамъ, стоитъ Великій Змій о семи звѣриныхъ головахъ, на двухъ ногахъ, но безъ крыльевъ, вмѣсто которыхъ ему даны здѣсь двѣ человѣчьи руки.

57) XVI, 12-16. Вверху въ свѣтломъ небѣ, отдѣленномъ снизу синею прямолинейною полосою, налѣво въ красномъ ореолѣ на синихъ облакахъ выступилъ по колѣна Господь Богъ въ простомъ сіяніи [въ коп. I. X. въ крестномъ], въ лѣвой рукѣ держитъ свитокъ, правою благословляетъ. Ореолъ съ обѣихъ сторонъ держатъ и несутъ по ангелу. Въ правомъ углу красное солнце съ головою въ профиль [въ коп. съ лица]. Середину неба занимаетъ Шестый Ангелъ, который изливаетъ фіалъ свой на рѣку Евфратъ. Рѣка эта протекаетъ между горами, отдѣляя между собою два города, занимающіе одинъ надъ другимъ правую сторону миніатюры. На лѣвой сторонѣ поле битвы: «мѣсто, нарицаемое еврейски Армагеддонъ»: по толкованію въ описываемой рукописи: *Армаѳеонъ же* [sic] *есть сѣчище еже сказается разсѣкаемыя. ту бо языцы збирающеся сѣкутся, дiавола* имѣще воеводѫ. Изъ-за полатнаго письма верхняго изъ сказанныхъ двухъ городовъ выказываются по грудь двѣ фигуры съ собачьими головами, два бородатыхъ царя въ коронахъ и два дьявола, а позади толпа воиновъ. Одинъ отрядъ переправился уже черезъ Евфратъ и вступилъ въ бой съ другимъ, позади котораго стоитъ дьяволъ съ палицею. Надъ обоими этими отрядами и надъ сказанными лицами въ верхнемъ городѣ въ коп. надписано: *дiаволъ воевода—гога и магога—или антихристовы.* Всадники обоихъ отрядовъ попираютъ головы воиновъ въ шишакахъ,

торчащія изъ-за горъ: это по надписи въ коп.: *побіеныи*. Внизу въ лѣвомъ углу Великій Змій вмѣстѣ съ обоими Звѣрями, Первымъ и Вторымъ, всѣ трое одноглавые, съ двумя рогами; каждый изъ нихъ испускаетъ изъ пасти по какому-то звѣрку, четвероногому съ хвостомъ, вмѣсто жабъ, упоминаемыхъ въ текстѣ. Это отступленіе принадлежитъ къ особенностямъ описываемой редакціи. Правый уголъ внизу занятъ нижнимъ изъ сказанныхъ двухъ городовъ; передъ нимъ стоитъ толпа съ двумя царями. Налѣво надъ сражающимися двумя отрядами стоятъ двѣ бородатыя фигуры въ зеленыхъ кустахъ, одна одѣтая, другая нагая, соотвѣтственно тексту: «блаженъ бдяй и блюдый ризы своя, да не нагъ ходитъ, и узрятъ срамоту его».

58) XVI, 17-21 [сн. 89]. Вверху въ желтомъ небѣ, очеркнутомъ снизу волнистою полосою синихъ облаковъ, посреди стоитъ церковь, которую заслоняетъ престолъ, соотвѣтственно тексту: «изыде гласъ велій отъ храма небесе отъ престола». На престолѣ I. X. въ крестномъ сіяніи съ раскрытою книгою и благословляющею десницей. По сторонамъ престола по ангелу: тотъ, который налѣво отъ I. X., подаетъ ему «чашу вина ярости гнѣва Божія». Затѣмъ въ обоихъ верхнихъ углахъ еще по ангелу; каждый изъ нихъ въ одной рукѣ держитъ сосудъ, а въ другой символическую фигуру: у ангела налѣво въ рукѣ ковчегъ въ видѣ четвероугольнаго синяго храма съ зеленою кровлею; внутри храма по красному фону бѣлая человѣческая фигурка въ сіяніи; у ангела направо—продолговатый красный щитъ съ синимъ выступающимъ впередъ ободкомъ, въ томъ же видѣ, какъ выступаютъ ободки щитовъ съ четырьмя Вѣтрами въ Апок. СПБ. Q, отд. 1, № 441, въ 4-у, XVIII в. м. 11 [сн. 209 а]. Внутри ободка по диску писанъ такой же обнаженный человѣчекъ въ сіяніи. Эту фигуру по общему стилю и типу и по рельефности ободка слич. съ обнаженною Душею въ щитѣ, который держатъ руками два ангела въ одной капители ранняго романскаго стиля [сн. 242 а]. Надъ обоими этими изображеніями за рамкою миніатюры мелкимъ полууставомъ XVI в. надписано: надъ лѣвымъ: *ангелъ молніе носецъ*, надъ правымъ: *ангелъ блистаніа носецъ* [съ *а* вм. *я*]. Въ коп. тѣ же рисунки [только у ангеловъ нѣтъ сосудовъ] надписаны по недомыслію: *праведныя души*, но, можетъ быть, на томъ основаніи, что душа, какъ показано, въ ранней иконографіи изображалась въ типѣ,

сходномъ съ однимъ изъ этихъ символическихъ олицетвореній.— Въ небѣ же налѣво Седьмый Ангелъ изливаетъ свой фіалъ на воздухъ. Согласно тексту: «и быша блистанія и громи и гласи и бысть трусъ великъ—и градъ великъ, яко талантесъ»,—изъподъ облаковъ выступаютъ внизъ къ землѣ синія, красныя, зеленыя и розовыя струи въ видѣ языковъ пламени, а также два зеленыхъ луча въ видѣ длинныхъ клиньевъ, три трубы съ гласами и громами, исходящими изъ нихъ въ видѣ бѣлыхъ клиньевъ мéньшаго размѣра, и наконецъ двѣ половинки дверей, на видъ похожія на лѣстницы, но по символическому смыслу разрушенія соотвѣтствующія дверямъ въ м. 60 [сн. 28] въ моемъ Апок. ранней редакціи. По воздуху падаетъ заленый градъ крупнаго размѣра, согласно тексту. Внизу рушатся отъ землетрясенія зданія гóрода, погребая подъ развалинами жителей. Около полатнаго письма въ разныхъ мѣстахъ стоятъ три толпы, каждая въ своемъ костюмѣ; въ коп. онѣ надписаны: *Христіяня—Іюдея—Самаряня*, согласно толкованію по описываемой рук.: *и бысть градъ великъ въ три части: Іерусалима менитъ, въ немже* ѣдятъ *три племени. христіяне, іюдѣи и самаряне*. Въ самомъ низу два острова, тотъ и другой съ толпою народа; они круглые, обведены синею полосою, означающею море, по Писанію: «всякъ осторовъ побѣжа». Изображены именно два острова, чтобы выразить мысль толкованія, по описываемой рук.. *тогда отъ востокъ* побѣгнятъ *къ* западѣ *и отъ запада на въстокъ*. Потому въ коп. надъ обоими островами надписано, надъ однимъ: *отъ запада къ востоку*, надъ другимъ: *отъ востока къ западу*. Въ Тихонр. рук. второй половины XVIII в. нижняя часть измѣнена; вмѣсто двухъ острововъ двѣ ямы въ землѣ, и въ каждой по человѣческой фигурѣ. Но въ верхней части удержана символика трубъ и двухъ половинокъ дверей, въ видѣ лѣстницъ; изображены также и оба Ангела Грома и Молніи: оба держатъ по ковчежцу въ формѣ параллелограма, въ каждомъ человѣческая фигурка; ковчежцы и фигурки покрыты красною краскою, м. 49.—Слич. символическія фигуры Грома и Молніи той же редакціи въ Апок. Тихонрав. № 5, половины XVII в., мм. 17 и 19 [снн. 155 а, б].

59) XVII, 1-5 [сн. 90]. Вверху двѣ узкія полосы неба, красная и синяя. Гора поднимается утесами. Въ верхней долинѣ ангелъ въ бѣлыхъ ризахъ, на которыя сзади накинута

красная тога, но безъ крыльевъ, показываетъ Іоанну происходящее внизу. На синемъ морѣ изображенъ красный Звѣрь о семи головахъ, изъ которыхъ шесть человѣчьихъ и одна только звѣриная; всѣ въ коронахъ, но безъ роговъ. На Звѣрѣ сидитъ «Любодѣица великая», въ красномъ одѣяніи съ чашею въ рукѣ; въ надписи въ коп. чаша названа *челюхъ*. Передъ Любодѣицею на берегу стоятъ на колѣняхъ цари; внизу люди стоятъ, сидятъ и валяются, иные пьютъ изъ чашъ, по Писанію «съ нею же любодѣяша цари земстіи и упишася живущіе на земли отъ вина любодѣянія ея».

60) XVII, 6-18. Вверху безъ неба въ красномъ щитѣ съ синею полосою св. Агнецъ съ двумя рогами и въ простомъ сіяніи стоитъ на престолѣ; по сторонамъ щита праведники, между которыми иные въ коронахъ; это по Писанію: «сущіи съ нимъ, званіи и избраніи и вѣрни». Внизу двѣ горы. Налѣво ангелъ ведетъ Іоанна. Бо̀льшую часть правой стороны занимаетъ городъ, состоящій только изъ высокихъ стѣнъ, внутри которыхъ вмѣсто зданій выказываются человѣческія фигуры и чудовища. На стѣнѣ сидитъ Вавилонская Любодѣица, поставивъ ноги на ея парапетъ; въ рукѣ держитъ чашу, лѣвою подперлась, по Писанію: «и видѣхъ жену піяну кровми святыхъ». Рядомъ съ нею стоятъ обнаженныя двѣ фигуры съ головами въ коронахъ, вѣроятно, Гогъ и Маговъ [въ коп. надъ ними надписано: *идоли*]. Около Жены Любодѣицы царь въ коронѣ; другой поднимается изъ города у стѣны противоположнаго угла, а налѣво за городомъ на склонѣ горы надъ Іоанномъ съ ангеломъ еще лежатъ пять царей въ коронахъ, по Писанію: «и царіе седмь суть: пять ихъ пало, и единъ есть, а другій еще не пріиде». Подъ падшими царями черная яма, изъ нея вышелъ Звѣрь съ семью звѣриными головами безъ роговъ и коронъ. Къ нему обращается толпа одѣтыхъ въ панталоны, запущенныя въ сапоги, а до пояса—въ рубахахъ или фуфайкахъ съ узкими рукавами и широкими отложными воротниками; надъ ними въ коп. надписано: *сіи поклонишася звѣрю*. Подъ стѣнами Песьи-Головы побиваютъ народъ, а падшихъ пожираютъ: одного чудовище пожираетъ съ головы, другому выѣдаетъ подпупіе. Въ самомъ низу въ правомъ углу адская бездна биткомъ набитая обнаженными грѣшниками, въ лѣвомъ сидитъ обнаженная же Вавилонская Любодѣица, но въ коронѣ; ее пожираютъ съ обѣихъ сторонъ

четыре звѣря. Этому эпизоду въ Тихонрав. Апок. № 5 соотвѣтствуетъ цѣлая миніатюра, изображающая пожираніе Любодѣицы царями и семиглавымъ Звѣремъ, м. 64 [копія краск. 17].— Рядомъ та же Жена сожигается въ палящемъ огнѣ; по обѣимъ сторонамъ двое съ собачьими головами пихаютъ ее крючьями въ пламя, одинъ въ голову, другой въ задъ [въ коп. одинъ изъ нихъ съ крыльями]. Согласно Писанію: «запустѣвшу сотворятъ ю, и нагу, и плоть ея снѣдятъ, и сожгутъ ю огнемъ». Въ Тихонр. рук. второй половины XVIII в. сюжетъ другой редакціи, въ сильномъ сокращеніи, м. 51.

61) XVIII [сн. 285]. Вверху въ бѣломъ небѣ синій ореолъ, обведенный зеленымъ кольцемъ. Въ ореолѣ на радугѣ возсѣдаетъ Господь Богъ въ простомъ сіяніи [въ коп. I. X. въ крестномъ], съ раскрытою книгою, десницею благословляетъ. На красныхъ углахъ, выходящихъ окрестъ изъ-подъ ореола, четыре символическихъ животныхъ. По сторонамъ стоятъ ангелы и старцы [надъ которыми въ коп. надписано: *Апостоли Христовы*]. Внизу полатное письмо по горѣ съ двумя широкими заводями. Направо на горѣ два ангела: одинъ наклонился надъ широкою чашею съ кровью, въ которой виднѣется серпъ, другой держитъ «камень великъ яко жерновъ». Налѣво высокія стѣны города Вавилона, внутри которыхъ вмѣсто зданій опять разныя лица. Опять на стѣнѣ сидитъ Любодѣица съ чашею; около нея съ одной стороны цари въ коронахъ разной формы, съ другой—дьяволы; на стѣнахъ птицы; внѣ стѣнъ по одну сторону стоитъ на столпѣ идолъ, по другую—два человѣка трубятъ въ трубы; по Писанію: «и бысть жилище бѣсовъ и хранитель всякому духу нечисту, хранилище всѣхъ птицъ нечистыхъ и ненавидимыхъ». Изъ Вавилона выходитъ толпа праведныхъ, предводимая ангеломъ, по тексту: «изыдите изъ нея людіе мои, да не причаститеся грѣхомъ ея». Ниже за стѣнами города подробнѣйшее до микроскопическихъ мелочей изображеніе Вавилонской торговли; миніатюристъ, сколько умѣлъ, старался въ наибольшей полнотѣ и точности выразить описаніе этого предмета, изложенное въ текстѣ. На землѣ торговыя зданія и лавки со столами, около продающіе и покупающіе; на водѣ корабли съ необычайно тонко отдѣланными снастями, канатами и парусами. Одни корабли плывутъ, другіе разгружаются. Носильщикъ тащитъ беремя со сходни, перекинутой съ берега на судно. На широкой площади, между

двухъ заводей—разный товаръ въ тюкахъ и бочкахъ, тутъ же рыба, баранъ, козелъ, корова, лошадь, осѣдланная, другая запряжена въ колесницу [смотр. стихи 12-13]. Въ нижнюю заводь ангелъ уже бросилъ свой «камень великъ», который приводитъ въ ужасъ корабельщиковъ. Налѣво у берега этой заводи, подъ сценою продающихъ и покупающихъ, опять изображенъ городъ въ высокихъ стѣнахъ, но уже со зданіями внутри. На стѣнѣ опять является Любодѣица, но уже въ страхѣ и трепетѣ распростерла свои руки; надъ нею въ коп. надписано: *паде жена*. Въ правомъ углу двѣ группы людей, пресмыкающихся по землѣ; въ одной цари въ коронахъ, по Писанію: «и возрыдаютъ и восплачутся ея царіе земстіи, любы дѣявшіи съ нею»; въ другой—подданные: «и положиша персть на главахъ своихъ, и возопиша плачущеся и рыдающе». Въ Тихонр. рук. второй половины XVIII в. сюжетъ этотъ такъ сильно сокращенъ, что кажется другой редакціи, м. 52.

62) XIX, 1-7 [сн. 97 д]. Такъ же, какъ м. 40 [сн. 84], рисунокъ горизонтальными полосами раздѣленъ на четыре яруса; три верхніе—небесные, разныхъ цвѣтовъ: верхній—зеленый, ниже голубой, еще ниже свѣтло-желтый, а исподній ярусъ—земной по бѣлому фону бумаги. Въ верхнемъ ярусѣ, въ зеленомъ же ореолѣ, окруженномъ синею полосою, на престолѣ возсѣдаетъ Господь Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи, десницею благословляетъ. Изъ-за ореола выходятъ четыре угла квадрата, съ красными каймами, на который этотъ ореолъ положенъ. Окрестъ въ красныхъ полукружіяхъ четыре символическихъ животныхъ, всѣ они преклоняются. Въ голубомъ ярусѣ по обѣ стороны пали ницъ старцы въ бѣлыхъ одеждахъ, восклицая: аллилуія. Въ желтомъ ярусѣ, тоже по обѣ стороны молитвенно преклоняются; другіе стоятъ просто, молодые и старые, въ цвѣтныхъ одеждахъ, а между ними отроки въ бѣлыхъ рубахахъ и цвѣтныхъ панталонахъ. Согласно тексту: «маліи и велицыи». Наконецъ, въ нижнемъ ярусѣ, на поднимающейся отъ нижней рамки горѣ пятиугольная яма, въ родѣ колодца, обложенная брусьями; изъ нея поднимается дымъ съ пламенемъ, согласно тексту: «и дымъ ея восхождаше во вѣки вѣковъ». Въ коп. надъ ямою надписано: *мука*, согласно толкованію по описываемой рук.: *дымъ его восходитъ. сказаетъ—еже* вынѣ *не забыти муки, нашедшихъ нань* [сн. 97 д].

63) XIX, 7-10 [сн. 91]. Двумя синими полосами миніатюра дѣлится на три яруса: два верхніе небесные, нижній—земной. Вверху по полосамъ неба, въ красномъ ореолѣ, окруженномъ зеленою полосою съ херувимами и четырьмя символическими животными, стоитъ на престолѣ св. Агнецъ съ двумя рогами и двумя очами. Средній ярусъ миніатюры занимаетъ очень красивое полатное письмо изъ церквей съ главами, на которыхъ восьмиконечные кресты. Между двумя выступившими впередъ храмами стоитъ длинный столъ, онъ же и престолъ: на немъ стоятъ сосуды, а также и сидитъ сама св. Невѣста въ коронѣ, безъ сіянія; подъ нею двѣ подушки. Оба эти небесные яруса соотвѣтствуютъ тексту: «пріиде бракъ агнчій, и жена его уготовила есть себѣ». Внизу на землѣ двѣ группы. Въ одной—Іо. слушаетъ ангела, который держитъ въ рукѣ развернутый свитокъ, но безъ письма; въ другой—онъ же поклоняется ангелу. Въ Тихонр. рук. второй половины XVIII в. вверху также Агнецъ, въ красномъ кольцѣ съ херувимами; но внизу вмѣсто богатаго полатнаго письма одна церковь о трехъ главахъ съ восьмиконечными крестами; раздѣлена она на двѣ половины красною колонною. Въ одной половинѣ церкви по темному фону сидитъ Невѣста Агнчія на престолѣ, въ другой—жертвенникъ съ Евангеліемъ и воздвигнутымъ восьмиконечнымъ крестомъ, м. 54.

64) XIX, 11-16 [сн. 97 е]. Синею полосою миніатюра дѣлится на двѣ части, на небесную и земную. Въ верхней части по свѣтло-розовому фону направо синій ореолъ съ зеленымъ кольцемъ; на этотъ круглый ореолъ положены крестъ-на-крестъ два красные квадрата, образующіе своими углами звѣзду. На фонѣ ореола съ такою звѣздою на бѣломъ конѣ ѣдетъ Господь Богъ, по короткой бородѣ—въ типѣ Іисуса Христа, но въ угловатомъ сіяніи; одѣтъ въ бѣлый подиръ, а не «въ ризу червлену кровію», данную Ему въ Писаніи; на плечахъ застегнута бѣлая же хламида, откинутая назадъ; на головѣ въ одинъ ярусъ вѣнецъ съ городами, а не «вѣнцы мнози», какъ гласитъ Писаніе. Изъ устъ исходитъ мечъ; въ лѣвой рукѣ держитъ свернутый свитокъ. Отъ этой фигуры идутъ пучками тамъ-и-сямъ длинные черные лучи и выступаютъ изъ-за ореола. Въ такомъ же ореолѣ съ звѣздою, изъ двухъ четвероугольниковъ, является на конѣ Господь «Слово Божіе» и въ моемъ Апок. ранней

редакц. м. 65 [сн. 30]. Въ описываемой миніатюрѣ на стегнѣ Господа ничего не означено, но въ коп. надписано: *Слово Божіе;* между тѣмъ какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи и въ радакціи Филаретовской, м. 58, по Соловецк. рук. и по Хлудовской XVI в., означена или просто полоса, какъ въ обоихъ первыхъ Апокк., или и съ надписью, какъ въ послѣднемъ.—За Господомъ Богомъ слѣдуетъ на бѣлыхъ же коняхъ и въ бѣлыхъ ризахъ ангельское воинство съ копьми. Въ нижней половинѣ двѣ горы. Налѣво внизу стоитъ Іо., а направо точило въ видѣ чана, наполненное краснымъ, которое изъ крана выливается въ другой чанъ, стоящій пониже, согласно тексту: «той перетъ точило вина ярости и гнѣва Божія Вседержителева». Точило [сн. 97 е] удержано съ нѣкоторыми измѣненіями въ Лицевомъ Апок. Барсова № 113, въ 4-ку, хотя XVШ в., но очень ранней редакціи, м. 58 [сн. 192 г]. Эта подробность относится къ остаткамъ древнѣйшей иконографіи апокалипсической. Такое точило, только не внизу, а рядомъ съ Іисусомъ Христомъ, ѣдущимъ на конѣ, встрѣчается въ Англосаксонскомъ Апок. XII в., л. 19, только въ точилѣ стоитъ человѣческая фигура съ мечемъ, а вверхъ поднимается пламя; по Инкунабуламъ XV в. это самъ Іисусъ Христосъ, въ крестномъ сіяніи [сн. 270 б].

65) XIX, 17-21 [сн. 92]. Вверху розовое небо, обведенное снизу сегментомъ двухъ синихъ полосъ, изъ которыхъ верхняя усѣяна звѣздами; на ней же красное солнце съ лицемъ. Стоитъ ангелъ и созываетъ птицъ. Всѣ онѣ одной породы, должно быть, коршунья. Одни стаями слетаются къ ангелу, другіе спускаются внизъ; двое сѣли отдохнуть на утесѣ; изъ этихъ одинъ ощипывается и поправляетъ свои перья; остальные преслѣдуютъ побѣжденныхъ и клюютъ падшихъ воиновъ и коней, по Писанію: «снѣсте—плоти коней и сѣдящихъ на нихъ—: и вся птицы насытишася отъ плотей ихъ». Подробное изображеніе битвы объясняетъ слова текста: «и видѣхъ звѣря и цари земныя и вои ихъ собраны сотворити брань съ сѣдящимъ на конѣ и съ воинствы его». «Сѣдящій на конѣ»—это тотъ же Господь Богъ въ осмиконечномъ сіяніи и вѣнцѣ, что̀ и въ м. 64, съ ангельскимъ воинствомъ позади его. Около одинъ изъ ангеловъ связываетъ Втораго Звѣря, или Агнца Неправеднаго и Лживаго Пророка, внизу другой ангелъ связываетъ

Перваго Звѣря о семи головахъ, но уже безъ коронъ и роговъ; по Писанію: «и ятъ бысть звѣрь, и съ нимъ лживый пророкъ». Въ самомъ низу оба эти Звѣря низвергнуты въ озеро огненное. По другимъ редакціямъ къ нимъ присоединяется въ этой битвѣ и Змій, но это уже не согласно съ текстомъ. Миніатюра эта замѣчательна по натурализму въ рисункѣ, по разнообразію въ позахъ и драматическому движенію, разумѣется, въ той мѣрѣ, въ какой это было возможно для нашихъ старинныхъ иконописцевъ.

66) XX, 1-3 [сн. 93]. Подъ двумя полосами неба, красною и синею, вверху на горѣ ангелъ «ятъ змія, змія древняго, иже есть діаволъ и сатана: и связа и́ на тысящу лѣтъ». Змій о семи головахъ, изъ которыхъ пять звѣриныя и двѣ человѣчьи, всѣ съ рогами; онъ на двухъ ногахъ, съ пернатыми крыльями; длинный хвостъ туго завился кольцами. Цѣпь съ длиннымъ вострымъ пробоемъ. Внизу, по Писанію: «и по сихъ подобаетъ ему отрѣшену быти на мало время»—вмѣсто Змія уже сидитъ въ черной пропасти скованъ самъ Сатана, въ томъ же типѣ, что̀ въ м. 3, только болѣе оброс̀ъ шерстью и, вмѣсто щетинистаго торчка, у него на головѣ растрепаны волосы клочьями.

67) XX, 4 [сн. 97 ж]. Двѣ трети миніатюры заняты полосами неба, и только нижняя оторочена извивающеюся грядою синихъ облаковъ. Вверху возсѣдаютъ на престолахъ въ бѣлыхъ ризахъ тѣ, которые «ожиша и воцаришася со Христомъ», но самого Христа нѣтъ; всѣхъ ихъ двѣнадцать: по толкованію —это апостолы; съ открытыми головами, кромѣ двоихъ, которые въ коронахъ шапками [сн. 97 ж]. Подъ ними въ̀ небесныхъ же полосахъ по обѣ стороны, молитвенно простирая руки, стоятъ мученики, въ бѣлыхъ же ризахъ. Внизу на землѣ между двумя горами стоитъ въ такой же молитвенной позѣ Іо.

68) XX, 5-6. Безъ неба. Почти до верхней рамки поднимается гора. За склономъ ея въ долинѣ городъ съ толпою людей; въ коп. надписано: *невѣрни яко мертвіи—первая смерть на нихъ не крещен*. Въ нижней части поле съ человѣчьими костями, и скелеты и отдѣльныя части, то есть, руки, ноги, черепа, ребра, позвонки, въ довольно натуральномъ рисункѣ, свидѣтельствующемъ, что мастеръ присматривался къ анатомическимъ подробностямъ. Тутъ же и два гроба съ покойниками въ саванахъ. Въ коп. надписано: *вторая смерть мука*

вѣчная. Слич. толкованіе по описываемой рук.: *Двѣ же есть смерти и двѣ же воскресенїи. первая телесная яже бысть отъ преступленїя. а вторая вѣчная мука отъ* непослушанїа. *Перво же воскресеніе есть еже отъ мертвыхъ дѣлъ оживитися крещеніемъ. а второе еже отъ истлѣнїя въ нетлѣніе телесъ претворитеся.*

69) XX, 7-10. Подъ узкою полосою синяго неба направо полатное письмо, состоящее изъ высокихъ городскихъ стѣнъ съ башнею внутри и съ церковью о трехъ главахъ съ осми-конечными крестами. Это «станъ святыхъ и градъ возлюбленный». Къ нему подступаютъ Песьи-Головы съ копьями, обнаженныя, съ собачьими головами, безъ гривъ, подъ предводительствомъ Гога и Магога, которые отличаются отъ прочихъ только коронами на головахъ, сверхъ того у одного изъ нихъ крылья. Между Песьими-Головами помѣщенъ одинъ дьяволъ съ волосами торчкомъ, безъ бороды. Сверху изъ раскрывшейся полосы неба сходитъ огонь пучкомъ пламенныхъ языковъ. Городъ съ осаждающими отдѣленъ прямою линіей отъ нижней части, въ которой лежатъ низверженные Гогъ и Магогъ съ нѣсколькими изъ Песьихъ-Головъ. Въ самомъ низу озеро огненное; въ немъ Первый и Вторый Звѣри и Сатана въ томъ же типѣ, что̀ принятъ въ м. 3.

70) XX, 11-15 [сн. 94]. Вверху въ воздухѣ длинный престолъ, по Писанію: «престолъ великъ зѣло». На немъ на двухъ подушкахъ возсѣдаетъ I. X. въ крестномъ сіяніи, съ раскрытою книгою въ лѣвой рукѣ, правою благословляетъ. По сторонамъ по малому престолу безъ задка съ раскрытою книгою. Надъ всѣмъ этимъ синее небо съ оттѣнками, свивается въ свитокъ, по Писанію: «его же отъ лица бѣжа небо и земля, и мѣсто не обрѣтеся имъ»: потому въ этой миніатюрѣ и нѣтъ вовсе олицетворенной Земли, которая здѣсь помѣщается въ позднихъ редакціяхъ. Подъ престолами возстаютъ изъ своихъ гробовъ по обѣ стороны старые и взрослые, а въ срединѣ отроки, по Писанію: «и видѣхъ мертвецы малыя и великія стояще предъ Богомъ». Всѣ они въ саванахъ съ кукулями. Ниже въ синемъ кругу Море въ видѣ старца въ коронѣ изъ раковины; сидитъ на четвероногомъ животномъ, отдаетъ мертвецовъ въ саванахъ, держа ихъ въ четвероугольномъ ящикѣ. Направо такой же ящикъ съ мертвецами держитъ костлявая Смерть, по своимъ жестамъ и движеніямъ, напоминающая западныя изображенія въ Пляскѣ

Смерти, и Адъ въ видѣ краснаго Звѣря съ двумя рылами, одно на своемъ мѣстѣ, другое на заду: слич. въ м. 8 [копія краск. 9]. Внизу озеро огненное; въ немъ Смерть, Адъ и тѣ, кто «въ книзѣ животной не написанъ». Потому въ верхней части и лежатъ на престолахъ книги. Въ Тихонр. рук. сюжетъ другой редакціи, съ олицетвореніемъ Земли въ видѣ простоволосой женщины; Море представлено въ видѣ чудовища съ человѣческою безбородою головою и руками и съ рыбьимъ хвостомъ, тонкимъ, какъ змѣя; въ рукахъ держитъ корабль, м. 60.

71) XXI, 1-4 [сн. 95]. Вверху узкая полоса краснаго неба, обведенная синею полосою съ полукруглымъ выгибомъ посреди. Въ этомъ выгибѣ стоитъ по̀ поясъ I. X. въ крестномъ сіяніи, обѣими руками благословляетъ [въ коп. Господь Саваоѳъ въ осмиконечномъ сіяніи]. Отъ него внизъ черезъ полосу протянулась труба съ лучами. Это «гласъ велій съ небесе, глаго̀лющъ: се скинія Божія съ человѣки». Затѣмъ вся почти миніатюра занята изображеніемъ града святаго Іерусалима, или сказанной скиніи, по архитектурѣ въ томъ же стилѣ, что̀ въ мм. 73, 77 и 78. Этотъ городъ обведенъ съ боку и снизу полосою облаковъ. Изъ-за стѣнъ города выказываются по̀ поясъ святые, и между ними посреди, въ эллиптическомъ ореолѣ синяго цвѣта, на продолговатой же фигурѣ изъ красныхъ угловъ, стоитъ Господь Богъ въ простомъ сіяніи и въ бѣлыхъ ризахъ [въ коп. I. X. въ крестномъ сіяніи], въ лѣвой рукѣ держитъ свернутый свитокъ, правою благословляетъ, по Писанію: «и самъ Богъ будетъ съ ними». Святые помѣщены здѣсь въ стѣнахъ Горняго Іерусалима, согласно толкованію Андрея Кесарійскаго: *Градъ же сей святыхъ соборъ являетъ*: αὕτη δὲ ἡ πόλις ἐξ ἁγίων ἁρμολογεῖται. Въ м. 77 онъ пустой, и только стоятъ три фигуры въ его трехъ дверяхъ; въ м. 73—съ однимъ только Агнцемъ надъ стѣнами, и въ м. 79—съ св. Невѣстою и Ангеломъ Великаго Совѣта.

72) XXI, 5-8. Вверху бѣлое небо, сверху и снизу обведенное синими полосами. Въ небѣ отъ одной боковой рамки до другой протянутъ длинный и широкій престолъ; по сторонамъ его высокіе бѣлые столпы; позади между такими же столпами поднимаются четыре зеленыхъ терема съ куполами, въ видѣ завостренной сверху арки. Посреди престола на зеленой подушкѣ, покрытой краснымъ покрываломъ, сидитъ I. X. въ крестномъ

сіяніи, ноги постановилъ на четвероугольное подножіе; на колѣняхъ держитъ обѣими руками раскрытую книгу. Внизу на горѣ стоитъ Іо. Желтая гора отдѣлена прямолинейною зеленою полосою отъ краснаго озера, огненнаго, въ которое низвергнуты обнаженные грѣшники въ разнообразныхъ позахъ, по Писанію: «часть имъ въ езерѣ горящемъ огнемъ и жупеломъ, еже есть смерть вторая». Слич. м. 68.

73) XXI, 9-27. Кромѣ этой миніатюры еще три мм. 71 [сн. 95], 77 и 78 [сн. 96] имѣютъ предметомъ изображеніе «святаго града Іерусалима, нисходящаго съ небеси отъ Бога» XXI, 10, и, согласуясь въ главномъ, дополняютъ одна другую нѣкоторыми подробностями. Что же касается вообще до архитектурнаго стиля этого города, то объ этомъ предметѣ, сколько нужно, уже сказано во Введеніи къ описываемой иллюстраціи. Вверху по красному небу, симметрически обведенному снизу синею полосою облаковъ, на престолѣ съ задкомъ возсѣдаетъ Господь Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи, но съ короткою бородою [въ коп. съ длинной], обѣими руками благословляетъ, ноги поставилъ на свѣтлое облако. Ниже налѣво высокая гора; на ней Іо. и ангелъ: «единъ отъ седми ангелъ имущихъ седмь фіалъ»; потому въ правой рукѣ держитъ онъ фіалъ въ формѣ широкой чаши, а въ лѣвой—длинный жезлъ съ вострымъ наконечникомъ, а вверху съ перекрестіемъ, по Писанію: «имяше трость злату, да измѣритъ градъ и врата его и стѣны его», какъ далѣе по тексту онъ и измѣряетъ, въ точности опредѣляя число стадій и лактей, и затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе города, и именно только стѣнъ его; потому во всѣхъ мм. 71, 73, 77 и 78, Іерусалимъ изображенъ только съ однѣми стѣнами безъ зданій, согласно Писанію: «и храма не видѣхъ въ немъ: Господь бо Богъ Вседержитель храмъ ему есть, и Агнецъ». Потому надъ Горнимъ Іерусалимомъ между стѣнами, въ красномъ ореолѣ, съ зеленою кругомъ полосою на шестиугольной звѣздѣ, описанной синими углами, стоитъ св. Агнецъ въ простомъ сіяніи съ двумя рогами и двумя очами, будто солнце въ сказанной звѣздѣ, согласно Писанію: «и градъ не требуя солнца и луны, да свѣтятся въ немъ: слово бо Божіе просвѣщаетъ его, и свѣтильникъ его, Агнецъ». Всю правую сторону долины, образуемой горою, занимаетъ Горній Іерусалимъ, но, какъ городъ небесный, своимъ основаніемъ не касается земли, а стоитъ на

зеленой полосѣ неба. Въ мм. 77 и 78 эта послѣдняя черта не замѣтна. Разноцвѣтные узоры стѣнъ соотвѣтствуютъ двѣнадцати знаменитымъ въ священномъ преданіи камнямъ, упомянутымъ въ текстѣ и подробно описаннымъ въ толкованіи, со ссылкою на писаніе св. Епифанія: «О двунадесяте каменехъ». Верхній ярусъ стѣны [въ м. 78—нижній] содержитъ шесть вратъ изъ двѣнадцати, сказанныхъ въ текстѣ, потому что другія шесть предполагаются съ задней стороны, которой въ изображеніи нельзя видѣть. Всѣ врата отверсты, по Писанію: «и врата его не имутъ затворитися во дни: нощи бо не будетъ ту». Нижній ярусъ состоитъ изъ круглыхъ оконъ съ орнаментами. Подъ горою, на которой помѣщены Іо. съ ангеломъ, стоитъ, обращаясь къ Іерусалиму, толпа праведныхъ, съ царями во главѣ, по Писанію: «и языцы спасени во славѣ его пойдутъ, и цари земстіи принесутъ славу и честь свою въ него».

74) XXII, 1-6. Вверху по полосамъ неба въ синемъ квадратѣ, угломъ вверхъ положенномъ на красный ореолъ, возсѣдаетъ на престолѣ съ задкомъ І. Х. въ крестномъ сіяніи [въ коп. съ Агнцемъ]; лѣвую руку положилъ на открытую книгу, правою благословляетъ, ноги постановилъ на подножіе. По сторонамъ ореола Божія Матерь и Іоаннъ Предтеча, позади ихъ ангелы. Изъ-подъ подножія отъ сказаннаго синяго квадрата истекаетъ «рѣка воды животныя» синяго цвѣта, и, спускаясь внизъ, извивается по всей миніатюрѣ до лѣваго угла внизу. У самаго истока рѣки, какъ разъ подъ подножіемъ, головою касаясь ореола, стоитъ св. Агнецъ, переднія ноги погружая въ рѣку. Вмѣсто того, въ коп. этотъ Агнецъ, какъ замѣчено, помѣщенъ на престолѣ съ Господомъ Саваоѳомъ. Подъ линіею небесной полосы по обѣ стороны рѣки возсѣдаютъ на престолахъ, постановивъ ноги на подножія, двѣнадцать Апостоловъ съ закрытыми книгами въ рукахъ, согласно толкованію по описываемой рук.: *Древомъ же животнымъ Христа мѣнитъ, двѣма же надесять плодами святыхъ апостолъ проповѣда.* Ниже, по обѣ же стороны рѣки, писаны деревья. Налѣво къ рѣкѣ подходитъ толпа праведниковъ съ ветхозавѣтнымъ патріархомъ во главѣ; за нимъ идутъ два царя въ коронахъ, далѣе святители въ святительскомъ облаченіи, позади святыя жены, между которыми двѣ царицы въ коронахъ. Въ правомъ углу внизу стоятъ Іо. съ ангеломъ.

75) XXII, 6-7. Вверху въ красномъ полукружіи неба, обведеннаго синею и бѣлою полосами облаковъ, въ синемъ ореолѣ, окруженномъ зеленымъ кольцемъ съ херувимами и четырьмя символическими животными, возсѣдаетъ на радугѣ I. X. въ крестномъ сіяніи, обѣими руками благословляетъ. Внизу двѣ горы; у подошвы одной налѣво стоитъ Іо., у подошвы другой—ангелъ, въ правой рукѣ держитъ развитой свитокъ, перстомъ лѣвой руки указываетъ вверхъ.

76) XXII, 8-9. Вверху небольшая часть зеленаго неба, снизу обведенная синею полосою въ формѣ арки. Внизу гора. Направо въ долинѣ стоитъ ангелъ, въ лѣвой рукѣ держитъ длинный жезлъ съ трезубцемъ на концѣ; въ горѣ пещера: по ея темному фону Іо. палъ ницъ «поклонитися на ногу ангела, показующаго ми се».

77) XXII, 10-14. Вверху по зеленому небу съ красною полосою, въ красномъ ореолѣ съ синимъ кольцомъ, на престолѣ съ задкомъ сидитъ I. X. въ крестномъ сіяніи, лѣвую руку положилъ на раскрытую книгу, правою благословляетъ, ноги на подножіи. Ниже—налѣво на горѣ Іо. съ ангеломъ. Подъ ними два дерева; къ вѣтвямъ протягиваютъ руки два человѣка. Направо поднимаются стѣны Горняго Іерусалима, съ шестью вратами; изъ нихъ въ трое входятъ по фигурѣ. Оба эти эпизода соотвѣтствуютъ тексту: «блаженни творящіи заповѣди его, да будетъ имъ область на древо животное, и враты внидутъ во градъ». Нижній ярусъ Горняго Іерусалима скрывается за горою. У горы полатное письмо съ двумя группами людей. Фигуры передней группы молитвенно простираютъ руки впередъ. Позади, въ другой группѣ двое съ обнаженными мечами; у ногъ ихъ лежатъ убитые, одна фигура преклоняясь ждетъ смерти, по Писанію: «обидяй да обидитъ еще» и проч. Внизу же въ лѣвомъ углу огненное озеро съ обнаженными грѣшниками.

78) XXII, 15-21 [сн. 96]. Вверху по стилизованной фигурѣ краснаго неба, съ синею полосою, розовый ореолъ съ зеленымъ кольцомъ; въ ореолѣ красная звѣзда о шести углахъ, съ синимъ обводомъ. Въ звѣздѣ, безъ престола, возсѣдаетъ въ свѣтлыхъ ризахъ I. X. въ крестномъ сіяніи, въ лѣвой рукѣ держитъ раскрытую книгу, правою благословляетъ. Внизу направо Горній Іерусалимъ, въ два яруса, въ верхнемъ окна, въ нижнемъ врата. Налѣво стоитъ Іо. Между нимъ и Іерусалимомъ под-

нялось высокое дерево до самаго неба. Въ раздвоенномъ стволѣ его образовалось пространство въ формѣ миндалины или финика, только съ завостренными углами. Въ этомъ пространствѣ стоитъ фигура въ царскомъ одѣяніи и коронѣ. Вершина дерева имѣетъ видъ зеленаго щита изъ густыхъ вѣтвей; въ такомъ щитѣ писанъ по̀ поясъ Младенецъ-І. Х. въ бѣлыхъ одеждахъ, въ крестномъ сіяніи. Это символическое древо соотвѣтствуетъ тексту: «Азъ есмь корень и родъ Давидовъ». Но въ коп. надписано: надъ царственною фигурою въ раздвоеніи ствола: *Праведникъ яко финикъ*, а надъ І. Х.-Младенцемъ: *душа;* сверхъ того по обѣимъ сторонамъ ореола съ звѣздою надписано: *ключь Давидовъ*, а подъ этою надписью еще: *звѣзда утреня*, согласно тексту: «Азъ есмь—звѣзда утренняя и денница». Надъ стѣнами Іерусалима стоятъ двѣ фигуры: св. Жена въ царскихъ ризахъ и коронѣ, изъ-подъ которой спускаются длинныя косы, и Ангелъ Великаго Совѣта въ угловатомъ сіяніи, по Писанію: «и Духъ и Невѣста глаголютъ»; оба они поднимаютъ правыя руки съ распростертою дланію. Внизу въ лѣвомъ углу, подъ Іоанномъ, по синему фону, отдѣленному линіею, стоитъ толпа обнаженныхъ людей; передъ ними три собаки; по Писанію: «Внѣ же псы и чародѣи и любодѣи и убійцы, и идолослужители и всякъ любяй и творяй лжу». Въ коп. надъ этою толпою надписано: *отметающи книги сія изгнани изъ града вонъ пси;* соотвѣтственно тексту: «И аще кто отъиметъ отъ словесъ книги пророчествія сего, отъиметъ Богъ часть его отъ книги животныя, и отъ града святаго».

V

Рукопись Казанской Духовной Академіи, изъ библіот Соловецкаго монастыря, № 58 [по новому каталогу № 158], въ л. на 161 л., съ 70 мм.. XVI в. [старца Филарета иконника]

Рук. А. И Хлудова, № 7 [по 1-му прибавл. къ каталогу], въ л. на 233 лл.; самый Апокалипсисъ на лл. 44–135, съ 69 мм., XVI в.

Рук Казанской Духовной Академіи, изъ библіот. Соловецкаго монастыря, № 62 [по новому каталогу № 164], въ л. на 473 стран., съ 70 мм.; XVIII в.

Рук М М. Зайцевскаго [въ Москвѣ], въ л на 121 л и на 5 обрѣзкахъ, съ 75 мм., XVII в [копія съ Чудовскаго Перевода 1638 г.].

Рук. графа Уварова, № 339 [Царск № 6], въ л. на 71 л. съ 70 мм; XVII в

Рук. А А. Титова [въ Ростовѣ] № 528, въ л., на 171 л. съ 77 мм.; XVII в

Рук. Моск. Публ. Музея, № 4, въ л. на 216 лл съ 76 мм., конца XVII в.

Рук. Нилостолобенской пустыни, № 16; самый Апок. на лл. 1–109 съ 50 мм.; конца XVII в.

Рук. Моск Публ. Музея, № 499, въ 4-ку, на 192 лл. съ 72 мм : 1708 г.

Отдѣльные листы съ миніатюрами, безъ текста, князя П. П. Вяземскаго, № 144, въ л, на 76 лл. съ 76 мм; XVIII в.

Лицевая редакція, къ которой принадлежатъ эти десять рукописей, преимущественно передъ всѣми другими полюбилась нашимъ предкамъ, и въ теченіе послѣднихъ двухъ сотъ лѣтъ, вплоть до настоящаго времени, оставалась господствующею въ литературѣ нашихъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ, будучи распространяема во множествѣ, болѣе или менѣе, подновленныхъ копій и передѣлокъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ; она же принята и въ дюжинномъ производствѣ Лицевыхъ Апокалипсисовъ, такъ называемаго Поморскаго письма, довольно красиво

изготовляемыхъ въ настоящее время, съ пышными орнаментами въ заставкахъ и бордюрахъ и съ богато расписанными и украшенными золотомъ миніатюрами, и сбываемыхъ невзыскательнымъ любителямъ иконописныхъ рѣдкостей по очень дорогимъ цѣнамъ.

При такомъ повсемѣстномъ распространеніи копій и въ публичныхъ, и частныхъ библіотекахъ, и у продавцевъ рукописей, читатель легко можетъ имѣть подъ руками какой нибудь экземпляръ, чтобы слѣдить за моимъ описаніемъ этой редакціи.

Всѣ эти копіи и передѣлки, какъ древнія, такъ и новѣйшія, писаны въ листъ, за немногими исключеніями, изъ которыхъ по изяществу особенно замѣчательна рукопись въ 4-ку въ МПМ. № 499, писанная въ 1708 г.

Изъ необозримой массы всѣхъ этихъ памятниковъ, я ограничиваюсь здѣсь немногимъ, сколько мнѣ нужно для опредѣленія основныхъ, первоначальныхъ особенностей этой редакціи и для исторіи ея внутренняго развитія, не тронутаго еще посторонними вліяніями, которымъ впослѣдствіи подвергались позднѣйшія копіи. Объ этихъ послѣднихъ, сколько оказалось нужнымъ, будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Эта лицевая редакція обязана такимъ предпочтеніемъ и безусловнымъ преобладаніемъ надъ прочими своей благочинной простотѣ и довольно строго выдержанному характеру византійско-русскаго стиля, какъ въ выборѣ сюжетовъ, за устраненіемъ изъ нихъ всего посторонняго, несогласнаго съ текстами Писанія, такъ и въ соблюденіи основныхъ преданій православной иконографіи, впрочемъ, съ одной стороны нѣсколько усложненныхъ немногими западными наносами и нововведеніями въ костюмѣ и утвари, какъ это указано въ подробномъ описаніи самыхъ миніатюръ, а съ другой стороны—значительно очищенныхъ отъ пришедшихъ уже въ забвеніе архаическихъ сюжетовъ, какіе напр. предлагаютъ намъ мои Апокалипсисы, юсовой XVI в. и Апок. начала XVII в. ранней редакціи, вмѣстѣ съ рук. МПМ. № 156. Въ позднѣйшихъ копіяхъ сказанныя православныя основы уже сильно помутились и были разшатаны новизною, обнаружившеюся болѣе усиленнымъ западнымъ вліяніемъ, замѣною стилизованныхъ формъ, напр. неба—живописными, и вообще преобладаніемъ живописнаго стиля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разладомъ между изображеніями и текстомъ, въ который мас-

тера уже разучились вникать. Это должно замѣтить, какъ будетъ показано въ своемъ мѣстѣ, и объ издѣліяхъ Поморскаго письма, которыя, съ точки зрѣнія старообрядчества и раскола, хотя и усвоили себѣ редакцію наиболѣе греко-русскую, но не умѣли ее сохранить въ чистотѣ отъ сказанныхъ новшествъ.

Число и порядокъ миніатюръ въ этой редакціи были строго подчинены счету главъ, или зачалъ Толковаго Апокалипсиса, т. е. 72 миніатюры, изъ которыхъ каждая помѣщалась позади своей главы, по древнепринятому русскому преданію— полагать лицевое объясненіе вслѣдъ за объясняемымъ писаніемъ; но въ позднѣйшихъ копіяхъ, и особенно письма Поморскаго, это преданіе замѣнено западнымъ обычаемъ помѣщать рисунокъ передъ текстомъ.

Въ теченіе столѣтій и до нашего времени иллюстрація эта, хотя постоянно въ числѣ 72-хъ миніатюръ, не разъ мѣняла при себѣ письмо разныхъ редакцій. Древнѣйшіе Апокалипсисы, какъ Соловецкій Филаретовъ № 58 и Хлудовскій № 7, оба XVI в., содержатъ въ себѣ сокращенный однотолковый Апокалипсисъ, по редакціи согласный съ Румянц. рук. XIII-XIV в. и съ моимъ юсовымъ Апок., какъ это показано въ описаніи этого послѣдняго. Письмо обоихъ описываемыхъ Апокк. характеризуется признаками югославянскаго правописанія, а именно: очень часто ставятся полугласныя буквы *ъ* и *ь* послѣ группы согласныхъ съ плавнымъ; напр. Филар. *дръжи*, Хлуд. *дръжиши*, испр. *держиши* II, 13; Филар. *трьпьливъ*, Хлуд. *трьпеливъ* въ толк. къ II, 14. Впрочемъ, Филар. письмо отличается отъ Хлудовскаго несмягчаемымъ *а* вм. *я*; напр. *власфимїа, пріати съблюдаай, прочаа*, въ Хлуд. *власфимія, пріяти, утверждая, прочая*, II. 9, 10; III, 2. Но большой юсъ вовсе не принятъ въ Филар. рукописи; въ Хлудовской же встрѣчается, только очень рѣдко; напр. *унотою бо сіи сѫть, хожаша и вослѣдъ агнеца;* въ Филарет.: *юнотою бо суть сіи, хожаше вослѣдъ агньца*, XIV, 4.

Въ Чудовск. Переводѣ 1638 г. по рукописи Зайцевскаго уже присовокуплены къ тому же однотолковому составу еще другія толкованія, служащія переходомъ къ такъ называемымъ Апокалипсисамъ троетолковымъ. Рукопись графа Уварова, № 339 [Царск. № 6], уже содержитъ въ себѣ только одинъ текстъ Откровенія, вовсе безъ толкованія Андрея Кесарійскаго; нако-

нецъ, въ двухъ рукк. МПМ., №№ 4 и 499, и въ рукописи Титова № 528, взятъ текстъ съ подробными толкованіями Андрея Кесарійскаго изъ Кіевск. изд. Копистенскаго 1625 г.

Въ рук. МПМ. № 499, въ 4-ку, въ слѣдъ за заглавіемъ, выписаннымъ изъ этого изданія 1625 г., означенъ 1708 г., когда была составлена и украшена миніатюрами эта копія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *А на сей драгмъ симъ произведеніемъ чертанія, чрезъ руководное дѣяніе изобразися, съ написанными въ ней шаровиднаго строенія лицы. Въ лѣто отъ созданія міра ҂ѕѳѕı году издадеся.* См. то же самое въ Хлуд. № 358.

Что же касается до позднѣйшихъ копій XVIII и XIX столѣтій и современныхъ Поморскаго письма, то въ нихъ господствуетъ составъ троетолковый.

Прежде чѣмъ приступлю къ подробному изслѣдованію, надобно бросить общій взглядъ на рукописи, подлежащія здѣсь разсмотрѣнію.

Первоначальный видъ редакціи сохранился въ иллюстраціи двухъ копій XVI в., Соловецкой № 58 [по новому счету № 158] и Хлудовской № 7, во всемъ между собою сходныхъ. Существенное видоизмѣненіе онъ потерпѣлъ въ Переводѣ Чудовскомъ 1638 г., дошедшемъ до насъ тоже въ замѣчательно близкихъ между собою трехъ, извѣстныхъ мнѣ, копіяхъ: г. Зайцевскаго, графа Уварова № 339 [Царск. № 6] и Нилостолобенской пустыни № 16, за исключеніемъ только четырехъ, замѣчательно характеристическихъ, послѣднихъ миніатюръ, приложенныхъ къ иллюстраціи Апокалипсиса г. Зайцевскаго, но не вошедшихъ въ Уваровскій и Нилостолобенскій. Но онѣ, какъ принадлежность извѣстнаго развѣтвленія одной и той же редакціи, удержаны и тоже въ самомъ концѣ въ Апок.МПМ. № 4 и Титова № 528.

Что же касается до отдѣльныхъ листовъ съ миніатюрами, безъ текста, князя Вяземскаго № 144, то они приняты здѣсь въ разсмотрѣніе какъ одинъ изъ лучшихъ и болѣе древнихъ образчиковъ иконописныхъ переводовъ, безъ красокъ, въ однихъ очеркахъ, съ которыхъ изготовлялись копіи въ нашихъ старинныхъ мастерскихъ, независимо отъ текста, въ дюжинномъ производствѣ, свидѣтельствующемъ о распространенности этой редакціи. По странной случайности въ Соловецкомъ экземплярѣ старца Филарета иконника дошли до насъ отъ XVI в. миніатюры для такого же механическаго перевода посредствомъ

своего рода тисненія, какимъ были сдѣланы и сказанныя отдѣльныя миніатюры XVIII в. въ библіотекѣ кн. Вяземскаго. Листы эти, какъ значится въ надписяхъ, принадлежали какимъ-то Суздальскимъ иконописцамъ Ѳедорову и Ѳедотову. Всѣхъ листовъ 76; большая ихъ часть на синей бумагѣ, и нѣсколько—на бѣлой; послѣдніе, кажется, постарше. Апокалипсическія изображенія занимаютъ 74 листа; изъ остальныхъ двухъ одинъ на синей бумагѣ содержитъ на себѣ едва примѣтные остатки какого-то рисунка, а другой, послѣдній въ собраніи, на бѣлой бумагѣ, съ изображеніемъ Вознесенія Господня. Хотя листовъ съ апокалипсическими сюжетами больше числа главъ Толковаго Апокалипсиса, но они не исчерпываютъ всего состава его иллюстраціи, такъ какъ между ними нѣтъ миніатюръ для семи главъ, именно для 6, 14, 21, 26, 31, 67 и 71; но за то для девяти главъ предлагаютъ на каждую по два листа съ одною и тою же копіею, именно для 1, 12, 20, 36, 45, 46, 47, 50 и 51. Такимъ образомъ, если къ нормальному числу миніатюръ по счету главъ, т. е. къ 72, приложимъ изъ дуплетовъ лишнія 9 миніатюръ и вычтемъ 7 недостающихъ, то получимъ наличное число листовъ 74, съ изображеніями апокалипсическими. Къ этому надобно присовокупить, что на листѣ съ изображеніемъ Вознесенія для рисунковъ въ очеркахъ употреблено названіе *знамя*, *знамена*, слово въ этомъ же смыслѣ встрѣчающееся въ надписяхъ на миніатюрахъ и Филаретова экземпляра.

Теперь обращаюсь къ подробностямъ описываемыхъ иллюстрацій.

Соловецкая рукопись XVI в., № 58, занесена подъ № 158 въ *Описаніи рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ Казанской Духовной Академіи*, Казань 1881, стр. 202-203. Я называю ее Филаретовскою потому, что она принадлежала старцу Филарету иконнику, какъ это видно изъ надписи на оборотѣ 1-го листа: *Книга апокалипси дачи старца Филарета иконника*,—начертанной тою же рукой, которая на нѣкоторыхъ миніатюрахъ, указанныхъ ниже, вносила краткія отмѣтки о тѣхъ сюжетахъ, которые на этихъ миніатюрахъ не выполнены въ рисункѣ.

Миніатюры писаны на особыхъ листахъ, независимо отъ текста, и потомъ вставлены въ рукопись, каждая послѣ своей главы Толковаго Апокалипсиса, который, очевидно, былъ изгото-

вленъ для иллюстраціи, такъ какъ нѣтъ ни одного случая, чтобы текстъ которой либо главы переходилъ черезъ соотвѣтствующую ей миніатюру на слѣдующій за нею листъ. Всѣ миніатюры занумерованы буквенными цыфрами, писанными киноварью и почеркомъ позднѣе текста. Только двѣ изъ нихъ, отличающіяся отъ прочихъ и мéньшимъ форматомъ, имѣютъ двойную нумерацію, именно одна 69 и 68 [сн. 110], а другая 70 и 69. Первыя цыфры каждой миніатюры означены почеркомъ самой рукописи XVI в., а вторыя тѣмъ позднѣйшимъ, которымъ писаны цыфры и на всѣхъ прочихъ миніатюрахъ. Обѣ эти миніатюры наклеены на пустой оборотной сторонѣ лл. 156 и 157, вслѣдъ за главами 69 и 70, которыя писаны на этихъ листахъ. Двойная нумерація произошла отъ того, что послѣ текста 66-ой главы на л. 149-мъ соотвѣтствующая ей миніатюра пропущена. Ея не было у старца Филарета; потому что за текстомъ сказанной 66-ой главы на оборотѣ 149 л., на оставшейся не записанною текстомъ нижней части страницы, онъ самъ своего рукою надписалъ, какому слѣдуетъ быть здѣсь рисунку, какъ объ этомъ подробнѣе сказано въ описаніи миніатюръ. Сверхъ того, на слѣдующемъ 150 л. внизу тою же рукою и тѣми же чернилами, которыми писанъ текстъ, помѣчено: ѕ҃ѕ бѣ҃знамени, т. е. глава 66-я безъ *знамени*, или миніатюры.

Всѣхъ миніатюръ въ Филаретовскомъ экземплярѣ только 70, а если принять въ расчетъ еще описанную только словами, но не исполненную въ рисункѣ при гл. 66, то должно бы быть 71, какъ показываетъ двойная нумерація не только при двухъ выше сказанныхъ миніатюрахъ, но и при послѣдней, въ счетѣ которой при буквѣ *о* [=70] приписано киноварью же, но посвѣтлѣе *а* [=1], т. е. 71. Но всѣхъ миніатюръ по числу главъ Толковаго Апокалипсиса должно бы быть 72; недочетъ въ иллюстраціи оказался потому, что послѣдняя глава осталась безъ миніатюры, потому ли что ея вовсе не было, или же потому, что, будучи помѣщена на самомъ концѣ, она легко могла быть утрачена.

Теперь обращаюсь къ общему обозрѣнію миніатюръ Хлудовской рукописи, № 7, XVI в. * Всѣ онѣ представляютъ самую

* А. Поповъ отнесъ эту рук къ началу XVII в. Смотри его *Первое Прибавленіе* къ каталогу библіот. А. И. Хлудова, стр. 6.

точную копію съ Филаретовскихъ, съ удержаніемъ тѣхъ же самыхъ переводовъ; даже того же мéньшаго размѣра обѣ сказанныя мм. 68 и 69; глава 66-я такъ же осталась безъ «знамени», или миніатюры; тоже нѣтъ миніатюры и въ самомъ концѣ: такъ что въ Хлудовск. иллюстраціи должно бы было насчитываться тоже 70 мм., но въ ней только 69 потому, что между лл. 114 и 115 въ рукописи пропущенъ текстъ отъ стиха 218 до 237, а вмѣстѣ съ нимъ и м. 54, съ изображеніемъ пьяной жены, XVII, 6-18.

Отличительную особенность Филаретовской иллюстраціи составляетъ то, что въ нѣкоторыхъ миніатюрахъ опущены разныя фигуры и подробности, и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы слѣдовало имъ быть, мастеръ описалъ словами недостающія изображенія, именно въ мм. 46, 50, 51, 55, 56, 59, 62, 65 и 67. Тѣ же самые сюжеты и въ тѣхъ же миніатюрахъ опущены и въ Хлудовск. копіи, только безъ замѣтокъ въ надписяхъ. Такъ же въ м. 17 нѣтъ горы, и вмѣсто нея пустое мѣсто. Точно будто бы обѣ эти иллюстраціи въ точныхъ переводахъ сдѣланы съ одного общаго имъ оригинала, въ которомъ тоже не было недостающихъ имъ сюжетовъ.

Главное различіе между обѣими рукописями состоитъ въ томъ, что въ Хлудовской миніатюры изображены на тѣхъ же листахъ, на которыхъ писанъ и текстъ, а въ Филаретовской, какъ сказано, на особыхъ листахъ.

Сверхъ того, хотя по переводамъ обѣ иллюстраціи между собою согласны и сходны, но въ отдѣлкѣ очерковъ и въ раскраскѣ значительно одна отъ другой отличаются. Филаретовская имѣетъ харектеръ смѣлыхъ очерковъ на скорую руку: это будто еще не миніатюры, а только небросанные эскизы для миніатюръ, на половину не раскрашенные, или же кое-какъ наскоро же размалеванные, такъ что я нашелъ вовсе не нужнымъ предлагать изъ этой рукописи копій красками. Изящество описываемой иллюстраціи состоитъ не въ отдѣлкѣ подробностей, а въ цѣломъ рисункѣ, наскоро и бойко очеркнутомъ привычною и смѣлою рукою мастера. Смотр. напр. мм. 52 и 63 [снн. 105 и 109]. Эти энергическіе, крупными чертами набросанные очерки будто предназначены не для украшенія рукописи, а въ пособіе мастерамъ для изготовленія миніатюръ. Отъ того, вѣроятно, такъ потерты въ Филаретовой рукописи линіи этихъ очерковъ,

что съ нихъ какимъ нибудь механическимъ способомъ переводили копіи. Этимъ же объясняется и неряшество въ раскраскѣ, какой-то бурой и полинялой, а также и означеніе надписями опущенныхъ сюжетовъ въ выше указанныхъ миніатюрахъ.

Напротивъ того Хлудовская иллюстрація, уступая Филаретовской въ силѣ и бойкости рисунка, превосходитъ ее замѣчательною тщательностью въ выработкѣ подробностей, какъ напр. въ орнаментахъ полатнаго письма, въ пряжкѣ на поясѣ; мм. 2, 3, 8, 9 [снн. 113 г, д]; впрочемъ, иногда по недосмотру дѣлаются такія опущенія, которыми нарушается смыслъ рисунка, напр. ручка у кадильницы, м. 21 [снн. 112 б и 114]. Что же касается до колорита, который остался въ пренебреженіи въ экземплярѣ Филаретовскомъ, то мастеръ Хлудовской копіи хотя и не щедръ на краски, однако умѣетъ ими пользоваться для выраженія самого смысла текста, гдѣ онъ дополняется колоритомъ, именно при посредствѣ тѣхъ же способовъ, какими располагали мастера и въ другихъ лучшихъ иллюстраціяхъ. Такъ у Еммануила бѣлые волосы, а ноги красныя, мм. 5 и 6; впрочемъ, иногда и черные волосы, а красныя не только ноги, но и лицо, м. 2; символическія животныя въ красномъ монохромѣ; также и ангелы и другія небесныя силы въ красномъ, а иногда и въ желтомъ, мм. 10-12; св. Жена въ монохромѣ по красному солнцу, мм. 33 и 35; Огненный Ангелъ весь красный, м. 44; омраченіе Звѣринаго царства изображено на темномъ фонѣ, м. 50. Впрочемъ, иногда неудачная раскраска уступаетъ бойкому очерку Филаретовскаго эскиза, какъ въ м. 63 [сн. 109], или же слишкомъ густымъ слоемъ закрываетъ характеристическія черты рисунка, что̀ оказалось особенно вреднымъ въ м. 64 для оригинальнаго представленія типа Ада, такъ какъ черты эти замалеваны вишневою краскою [сн. 113 в].

Въ Филаретовскомъ экземплярѣ, кромѣ упомянутыхъ замѣтокъ о содержаніи не нарисованныхъ сюжетовъ, ни какихъ другихъ надписей въ миніатюрахъ не допущено. Въ иллюстраціи Хлудовской изображенія постоянно объясняются надписями позднѣйшимъ почеркомъ XVII в. Иногда надпись восполняетъ смыслъ изображенія согласно Писанію, напр. въ м. 58 на ризѣ Іисуса Христа, на стегнѣ: *Царь царемъ—Господь господемъ*. Но въ м. 2 надъ пишущимъ Прохоромъ почему-то надписано: *Пророкъ Ерѣмѣй*.

Впрочемъ, всѣ приведенныя доселѣ различія нисколько не нарушаютъ самаго близкаго совпаденія этихъ двухъ иллюстрацій. Настоящими варіантами въ копіи Хлудовской можно назвать только нѣсколько различій въ сіяніи простомъ и крестномъ вокругъ главы Господа Бога, что̀ указываетъ вообще на смѣшеніе этихъ примѣтъ въ раннихъ редакціяхъ Лицеваго Апокалипсиса. А именно: у Еммануила въ Хлуд. крестное сіяніе, мм. 10-13, въ Филар. только въ м. 10-ой крестное, а въ прочихъ мм. 11-13 простое. У Іисуса Христа, или, точнѣе, вообще у Господа Бога, въ Хлуд. крестное сіяніе, въ мм. 15, 17, 18, 45 и 70; въ Филар. простое. Но въ той и другой иллюстраціи простое сіяніе, въ мм. 20, 21, 27, 28, 43 [Господь Богъ съ серпомъ] и 58 [на конѣ]. Точно также одинаково въ обѣихъ только одинъ разъ писанъ Господь Саваоѳъ, въ старческомъ типѣ, въ сіяніи угловатомъ, именно въ м. 58

Теперь обращаюсь къ Соловецкой копіи, подъ № 62, XVIII в., описанной въ упомянутомъ выше *Описаніи рукоп. Солов. монаст.* подъ № 164, стр. 213. Въ ней иллюстрація одновременна письму и изготовлена частію на тѣхъ же листахъ, что̀ и самое письмо. Миніатюръ въ ней столько же, какъ и въ Филарет. экземплярѣ, т. е. 70, хотя въ ней и пропущена м. 38-я, зато восполнена м. 66-я, недостающая въ Филарет., XXI, 5-8. Но это восполненіе явно свидѣтельствуетъ, что въ оригиналѣ, по которому составлялась эта копія, сказанной 66-ой миніатюры не было. Копіистъ, замѣтивъ этотъ недостатокъ, рѣшился его восполнить, но, не имѣя подъ руками рисунка, онъ вмѣсто соотвѣтствующаго тексту сюжета еще разъ написалъ почти въ томъ же переводѣ послѣднюю 70-ую м. и вставилъ эту копію на мѣсто недостававшей въ Филар. экземплярѣ 66-ой м.

Если взглянуть бѣглымъ взглядомъ на эту Соловецкую копію, то она представится не болѣе какъ новою подѣлкою, съ очевидными признаками упадка иконографіи подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ. Но вглядываясь пристальнѣе въ первоначальную основу всей ея иллюстраціи, нельзя усомниться, что источникомъ ея была редакція Филаретовская, еще не подвергшаяся передѣлкѣ Чудовскаго Перевода, какъ это показано въ подробномъ описаніи самыхъ миніатюръ. Потому нѣтъ въ ней и характеристическихъ особенностей этого Чудовскаго Перевода, между которыми первое мѣсто занимаетъ извѣстная

симплегма Гога и Магога въ мм. 47, 51 и 63, при соотвѣтствующихъ имъ главахъ того же счета по Толковому Апок.

Для отношенія этой копіи къ Филар. экземпляру и Чудовскому Переводу особенно характеристична м. 62 [сн. 108]. У старца Филарета она не окончена, и недостающіе сюжеты означены надписями: *агнецъ—люди—на престолъ—градъ*. Надписанное словами воспроизведено въ рисункѣ, какъ въ Чудовскомъ Переводѣ, такъ и въ Солов. копіи № 62, но съ тѣмъ различіемъ, что въ воспроизведеніи этомъ оба названные памятника раздѣлили между собою пополамъ программу Филаретовскихъ надписей. Именно одна часть ихъ воспроизведена въ Чудовск. Переводѣ, какъ-то: воскресшіе *люди*, которыхъ сначала ведетъ ангелъ, а потомъ они сидятъ *на престолѣ*, и только; а другая часть воспроизведена въ Соловецкой копіи, именно: *городъ* подъ Іоанномъ и ангеломъ, и сверхъ того вверху на небѣ *Агнецъ*, и опять только это одно. То есть, принявъ Филаретовскую редакцію, тотъ и другой Апок. пользуется только своею половиною программы, не касаясь другой. Очевидно, оба они одинаково самостоятельно относятся къ общему имъ обоимъ источнику; но Солов. копія все же ближе къ оригиналу, чѣмъ Чудовск. Переводъ, именно въ нижней части миніатюры, удержавъ прекрасную группу грѣшниковъ между двумя дьяволами: одинъ тянетъ эту толпу веревкою, другой гонитъ палицею съ крюкомъ.

Очевидныхъ копій съ Филарет. экземпляра, въ довольно точныхъ переводахъ, только подновленныхъ въ стилѣ, Соловецкая рук., № 62, предлагаетъ до 54-хъ, какъ-то: въ мм. 1-31, 45, 47-59, 61-63, 65, 66-70 [по Филар. счету 67-70]. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ сдѣланы кое-какія измѣненія, опущенія или дополненія. Напр.

Въ м. 52 [сн. 105] опущенъ летящій демонъ разрушенія.

Пьяная жена съ бокаломъ, а не съ сосудомъ, м. 54 [слич. сн. 113 б].

На носу корабля чудовищная голова съ змѣинымъ жаломъ въ видѣ стрѣлы, и сверхъ того кормило, м. 55 [слич. сн. 125 в].

Къ варіантамъ и нововведеніямъ принадлежатъ:

Лежащій на землѣ Іоаннъ, м. 32.

Отрокъ, вмѣсто младенца, весь обнаженъ, идетъ по облакамъ къ престолу, на которомъ раскрытая книга; въ книгѣ писано:

Азъ есмь Господь Богъ. Св. Жена стоитъ на серпѣ луны въ западномъ ореолѣ, м. 33.

Св. Жена въ ландшафтной обстановкѣ новаго стиля, м. 35.

Св. Агнецъ писанъ отъ головы въ раккурсъ; стоитъ на склонѣ горы; по сторонамъ его люди. Внизу сидитъ Іо. на зеленомъ лугу. Вверху нѣкоторые изъ Старцевъ, сидящихъ по сторонамъ Саваоѳа, держатъ свитки, въ которыхъ по западному писано вдоль, а не поперекъ: *Аллилуія*, м. 39.

На зеленомъ полѣ желтые снопы съ серпомъ, но безъ жнущаго, м. 43.

Винодѣліе, м. 44.

Вообще другой редакціи мм. 36, 37, 40, 64. Въ послѣдней вовсе опущены Адъ, Смерть и Земля съ мертвецами въ саркофагахъ, и принято только одно Море, отдающее своихъ мертвецовъ.

Перехожу къ Чудовскому Переводу.

Рукопись г. Зайцевскаго * содержитъ въ себѣ этотъ переводъ 1638 г. съ 1-го л. по оборотъ 117-го, на которомъ по окончаніи послѣдней главы Толковаго Апокалипсиса внизу страницы тою же рукою, которою писанъ доселѣ весь текстъ, начертана слѣдующая надпись: *Совершена бысть сія книга апокалипси лѣта* ≠З. ρмѕ-*го году. мѣсяца августа въ* к*а день. писана съ переводу архистратига Михаила чюдова монастыря, иже есть посреди царствующаго града москвы. Слава свершителю богу, совершающему всяко начинаніе благо во вѣки аминь.*

Затѣмъ на трехъ листахъ отъ 118 по 120 приложена выдержка изъ толкованія Ипполита папы Римскаго на Апокалипсисъ, на основаніи пророка Даніила, съ тремя мм.; текстъ писанъ другой рукой противъ всей рукописи, но тоже XVII в. Наконецъ на послѣднемъ 121 л. присовокуплена еще миніатюра съ аллегорическимъ изображеніемъ *Чистоты*, встрѣчающимся въ другихъ лицевыхъ сборникахъ нашихъ XVII и XVIII вв.

Прибавленіе это къ лицевому Апокалипсису Чудовской редакціи, кромѣ рукописи Зайцевскаго, принято, какъ уже сказано выше, въ Титов. № 528 и МПМ. № 4. Оно принадлежитъ, вмѣстѣ съ двумя миніатюрами моего юсов. Апок. XVI в., къ

* Она принадлежала извѣстному собирателю русскихъ древностей И. В. Стрѣлкову и потомъ, чрезъ посредство И. Л. Силина, перешла къ М. М. Зайцевскому.

цѣннымъ остаткамъ иллюстраціи другаго толкованія на Апокалипсисъ, кромѣ общепринятаго у насъ въ старину.

Миніатюры и текстъ писаны въ рук. г. Зайцевскаго на той же бумагѣ и часто на тѣхъ же листахъ, такъ что на одной страницѣ текстъ, на другой миніатюра. Все первоначальное письмо, относящееся къ одному времени съ миніатюрами, содержитъ въ себѣ общепринятый въ сокращеніи, извѣстный Толковый Апокалипсисъ Андрея Кесарійскаго; но потомъ въ разныхъ мѣстахъ рукописи къ каждой изъ главъ прописаны позднѣйшею рукою другія толкованія, озаглавленныя: *инаго толкованія*, или просто: *инаго*, какъ это принято въ позднихъ Троетолковыхъ Апокалипсисахъ.

По тщательномъ разсмотрѣніи всего первоначальнаго текста, а равно и лѣтописи Чудовскаго Перевода, надобно отнести эту рукопись къ болѣе позднему времени, именно ко второй половинѣ XVII в., а не къ 1638 г., когда была сдѣлана копія, съ которой писалъ составитель экземпляра г. Зайцевскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по обычаю своего времени, скопировалъ и самую лѣтопись, принадлежавшую той же не дошедшей до насъ рукописи *.

Миніатюръ въ Чудовск. Переводѣ по рук. Зайцевскаго не 70, какъ въ Филаретовской, а 71, потому что недостающая въ этой послѣдней миніатюра 66-я восполнена соотвѣтственно тексту; но въ обѣихъ рукописяхъ въ концѣ послѣдней 72-ой главы недостаетъ м. 72-ой. Сверхъ того, у Зайцевскаго м. 26-я замѣнена новою, но той же Чудовской редакціи, какъ это явствуетъ изъ другихъ копій.

Главнѣйшую особенность иллюстраціи Зайцевскаго, рѣзко бросающуюся въ глаза, составляетъ то, что мастеръ снялъ всѣ свои переводы наоборотъ, то есть, у него вышло на лѣвой сторонѣ все, что̀ въ оригиналѣ должно было стоять на правой; потому І. Х. и Господь Саваоѳъ у него благословляютъ не десницею, а лѣвой рукою.

Что касается до сходства Чудовской иллюстраціи съ Филаретовскою, то оно подробно объяснено ниже, равно какъ и существенныя отклоненія .Чудовскаго Перевода, дающія ему право на особую, хотя и побочную редакцію. Здѣсь же огра-

* Въ этомъ заключеніи утвердилъ меня и авторитетъ извѣстнаго знатока старинной письменности, хранителя рукописей Московскаго Публичнаго Музея, А. Е. Викторова

ничусь только общимъ итогомъ. Изъ 71 м. въ Чудовскомъ Переводѣ до полной очевидности сходствуютъ съ Филаретовской редакціею до 51-ой; именно: мм. 1-25, 28-40, 43-49, 53, 54, 56, 58, 60, 61, 62 и 68 [67]. При этомъ надобно замѣтить, что въ это число сходныхъ въ обоихъ памятникахъ миніатюръ входятъ и тѣ, которыми Соловецкая копія, № 62, отличается отъ Филаретовской редакціи, именно: мм. 32, 33, 35, 36, 37, 39 и 40.

Кромѣ рукописи г. Зайцевскаго, въ томъ же первоначальномъ составѣ дошелъ до насъ Чудовской Переводъ и въ другихъ старыхъ копіяхъ, изъ которыхъ мнѣ извѣстны двѣ: одна графа Уварова, № 339 [Царск. № 6], въ л., XVII в. на 71 л. съ 70 мм., и другая Нилостолобенской пустыни, въ л. № 16 [общій по 3-ей части описи 1875 г.], конца XVII в. на 109 лл. съ 50 мм.

Рукопись графа Уварова на каждомъ листѣ, за исключеніемъ перваго, содержитъ текстъ и миніатюру. Каждая миніатюра слѣдуетъ за своимъ текстомъ и писана на лицевой сторонѣ листа, а на оборотѣ его текстъ, относящійся уже къ миніатюрѣ на слѣдующемъ листѣ. По этой системѣ первый листъ, содержа въ себѣ текстъ, остался безъ миніатюры. Отъ того въ этой рукописи и оказалось при 71 листѣ 70 миніатюръ. Противъ иллюстраціи Зайцевскаго [за вычетомъ четырехъ мм. послѣднихъ] недостаетъ одной миніатюры, именно 67 [сн. 119] съ многосложнымъ изображеніемъ Горняго Іерусалима.

По письму рукопись Уваровская замѣчательна тѣмъ, что это самая древняя, изъ извѣстныхъ мнѣ, въ которой помѣщенъ только одинъ текстъ Откровенія Іоанна Богослова вовсе безъ толкованія, что̀ можно встрѣтить только въ очень позднихъ Лицевыхъ Апокк. XVIII в., и то въ рѣдкихъ.

Иллюстрація эта рѣшительно ничего новаго противъ рукописи Зайцевскаго не представляетъ, во всемъ съ нею сходствуя, но въ мѣстѣ съ тѣмъ и не есть съ нея копія, а обѣ онѣ самостоятельно относятся къ одному общему имъ оригиналу, каждая нѣсколько измѣняя его въ своихъ переводахъ. Съ одной стороны иллюстрація Уваровская уступаетъ экземпляру г. Зайцевскаго какъ въ колоритѣ, такъ и въ рисункѣ. Напр. орнаменты семи Церквей, отличающіеся особенною оригинальностью въ редакціи Филаретовской, мм. 3-9 [снн. 99 и 113 г], еще сохраняютъ нѣкоторые слѣды своего происхожденія

въ иллюстраціи г. Зайцевскаго, но въ Уваровской уже совсѣмъ сглажены линіями архитектурными, какъ во многихъ другихъ позднѣйшихъ копіяхъ. Съ другой стороны въ этой послѣдней иллюстраціи всѣ рисунки писаны не наоборотъ, а какъ слѣдуетъ, и Божество благословляетъ постоянно десницею. При этомъ надобно замѣтить, что замѣненная въ рук. г. Зайцевскаго новѣйшею копіею утраченная миніатюра 26-я сохранилась въ Уваровской въ ея древнемъ видѣ, и особенно важно то, что съ нею во всемъ согласна та новая копія въ рук. Зайцевскаго, только писана также наоборотъ, откуда надо заключить, что она копирована не съ какого нибудь другаго оригинала, а съ слишкомъ поврежденной миніатюры той же рукописи.

Рукопись Нилостолобенской пустыни, № 16, содержитъ въ себѣ Лицевой Толковый Апок. не полный, всего съ 50 мм., съ пропусками, и вмѣстѣ съ тѣмъ при переплетаніи рукописи перебитый въ листахъ. Вотъ его составъ въ порядкѣ главъ съ соотвѣтствующими имъ миніатюрами: 1-5, 14-16, 18, 22, 6, 7, 9, 13, 23-30, 34-38, 41, 43-46, 48-60, 62, 63, 67 и 71. Всего 49 главъ вмѣсто 72-хъ, а миніатюръ не 49, а 50, потому что 1-я м. стоитъ внѣ счета главъ передъ всемъ Апокалипсисомъ. Она изображаетъ внизу Іоанна съ Прохоромъ, который пишетъ въ пещерѣ, а вверху въ ореолѣ, окруженномъ облаками стоитъ на одной ногѣ Орелъ, а въ другой лапою своею держитъ книгу. Уже только 2-я м. соотвѣтствуетъ 1-ой по Переводу Чудовскому въ рукк. гр. Уварова и Зайцевскаго. Во всемъ остальномъ иллюстрація Нилостолобенская ничѣмъ не отличается отъ принятой въ обѣихъ этихъ рукописяхъ [кромѣ м. 57, какъ указано въ подробномъ описаніи]. Нѣкоторыя миніатюры, какъ въ рук. Зайцевскаго, писаны наоборотъ, и тогда Господь Богъ благословляетъ лѣвою рукою, напр. въ мм. 15, 28.

Перехожу къ опредѣленію характера и особенностей иллюстраціи описываемыхъ памятниковъ, которые всѣ раздѣляю на два главные отдѣла, означенные Филаретовской редакціею и Чудовскимъ Переводомъ. Сначала предлагаю примѣты, болѣе или менѣе удерживаемыя и въ позднѣйшихъ копіяхъ, при чемъ постоянно имѣю въ виду находящуюся у меня подъ руками, принадлежащую мнѣ, копію XVIII в. въ л.

Вопервыхъ, указываю согласіе между этими двумя иллюстраціями во всемъ существенномъ, составляющемъ общій характеръ обѣихъ. А именно:

Двое изъ ангеловъ семи Церквей кромѣ свитка держатъ: одинъ—«камень бѣлъ», а другой—«звѣзду утреннюю», мм. 5 и 6; но ключа въ Филар. экземплярѣ нѣтъ у третьяго ангела, которому онъ данъ въ Чудовск. Переводѣ и позднѣйшихъ копіяхъ, м. 8 [сн. 100].

Вѣнцы 24-хъ Старцевъ, въ формѣ шапокъ, сложены кучею подъ престоломъ, мм. 10, 11 [копія краск. 12], 12 и др. Въ иныхъ копіяхъ фасонъ вѣнцевъ подновленъ.

Смерть не съ пустыми руками и не съ серпомъ, трубою или косою, а съ огнестрѣльною пищалью, или ружьемъ, на которомъ виситъ пороховница въ формѣ рожка, м. 16 [сн. 101]. Въ копіяхъ пороховница опускается, а въ иныхъ, вмѣсто ружья, рогатина.

Св. Агнецъ только съ двумя очами и съ семью рогами въ видѣ гребня изъ спицъ, между которыми средняя длиннѣе и съ перекрестіемъ.

Наблюдается счетъ семи печатей при книгѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ по счету же и отложеніе каждой печати отъ книги на подушку, начиная съ м. 13. Эта подробность остается не замѣченною какъ въ древнихъ редакціяхъ, такъ и во многихъ позднихъ копіяхъ Филаретовско-Чудовской редакціи.

Обнаженныя фигуры четырехъ Вѣтровъ не съ крыльями, какъ въ другихъ редакціяхъ, а безъ крыльевъ, м. 19.

Іоаннъ вкушаетъ книгу, м. 29, какъ въ Солов. юсов. Апок. XVI в., м. 26, и во многихъ другихъ, согласно западнымъ редакціямъ.

Великій Змій безъ крыльевъ, но иногда съ ногами, иногда и безъ ногъ, мм. 33 [сн. 103], 34, 35, 36, 51 [сн. 116].

Первый Звѣрь въ свѣтлой шкурѣ, усѣянной черными пятнами, мм. 36, 37, 38, 59.

Когда Первый Звѣрь представленъ объ одной головѣ, то на ней десять роговъ съ коронами, соединенныхъ въ видѣ гребня о десяти спицахъ, изъ которыхъ на каждой маленькая коронка въ видѣ шишки, мм. 38, 59.

Вторый Звѣрь, или Лживый Пророкъ одинаковаго типа въ обѣихъ иллюстраціяхъ, мм. 37 и 38.

Граціозная фигура дьявола, налагающаго печать на чело грѣшника, помѣщенная въ м. 38 [сн. 112 г] Филарет. иллюстраціи, принята въ м. 46 Чудовскаго Перевода. а также и въ позднѣйшихъ копіяхъ.

Омраченное царство представлено въ двухъ только фигурахъ, именно: Первый Звѣрь объ одной головѣ и съ рогами гребнемъ, и Вторый Звѣрь, м. 50.

Корона въ три яруса на Вавилонской Любодѣицѣ, а также и на св. Женѣ—Невѣстѣ Агнца, мм. 53, 54 и 57 [сн. 106], съ подвѣсками или безъ подвѣсокъ.

Широкая полоса, или лоронъ, перекинута черезъ руку у Вавилонской Любодѣицы по экземпляру Филаретовскому, м. 53, а въ Чудовск., Переводѣ и позднѣйшихъ копіяхъ черезъ руку Невѣсты Агнчей, м. 57, такъ же какъ и въ редакціи СПБ. Апок. № 225, м. 55 [сн. 129].

Въ разрушаемомъ Вавилонѣ дьяволъ дудитъ въ дудку съ широкимъ пузыремъ, м. 55 [сн. 112 д].

Типъ Сатаны въ видѣ обнаженнаго старика съ волосами щетинистымъ дыбомъ и съ длинною бородою, и съ лицомъ подъ чревомъ, м. 63 [сн. 109].

При воскресеніи изъ мертвыхъ на Страшномъ судѣ не только Море [сн. 123 г], но и Земля отдаетъ своихъ мертвецовъ, м. 64, что̀ въ древнихъ редакціяхъ не допускается, какъ не согласное съ текстомъ, XX, 11 и 13.

Горній Іерусалимъ, въ двухъ миніатюрахъ, по общему плану сходный въ обѣихъ, но въ одной онъ на воздухѣ, въ болѣе упрощенномъ видѣ, съ низкими стѣнами, м. 65 [сн 118], въ другой онъ писанъ во всю страницу, въ очень сложномъ рисункѣ, въ Филар. м. 66, въ Чудовск. м. 67 [сн. 119].

Теперь перехожу къ такимъ примѣтамъ, которыя будучи общими обѣимъ иллюстраціямъ, и Филаретовской и Чудовской, уже утрачены въ позднѣйшихъ копіяхъ, или почти всѣ сполна, или же случайно удерживаются то та, то другая.

Крылатыя колеса подъ престоломъ Господа Бога, м. 1 [сн. 98], 11 [копія краск. 12], 12.

Перегородки въ полосахъ, окружающихъ ореолъ, съ обнаженными въ нихъ крылатыми фигурами Духовъ, или геніевъ, мм. 2, 7 [сн. 99]. Смотр. Духи семи Церквей въ Апок. Барсова № 113, XVШ в. м. 5 [сн. 187].

Прямое указаніе на одно изъ четырехъ символическихъ животныхъ, именно на то, которое, по толкованію Андрея Кесарійскаго, принимаетъ участіе въ томъ или другомъ изъ четырехъ видѣній со Всадниками, VI, 1-8. Въ Филар. экземплярѣ, на каждой изъ трехъ миніатюръ писано въ полукругѣ, подъ ореоломъ, только то животное, которому слѣдуетъ быть, а въ одной миніатюрѣ кругъ пустой, безъ животнаго, по недосмотру; остальныя три полукружія, вокругъ ореола, во всѣхъ четырехъ миніатюрахъ—пустыя. Въ Чудовск. Переводѣ всѣ четыре полукружія писаны съ символическими животными, но въ нижнемъ подъ ореоломъ помѣщается именно то, которое принимаетъ участіе въ видѣніи, мм. 13-16 [сн. 101].

При Четвертомъ Ангелѣ, который, идя по спуску горы, трубитъ въ трубу, изображенъ еще одинъ ангелъ «парящій посреди небеси». Онъ стоитъ на небѣ съ приподнятыми руками, въ необыкновенно величавой позѣ, между солнцемъ и луною, которыя испускаютъ лучи въ видѣ длинныхъ клиньевъ. «Уязвленіе» обоихъ свѣтилъ на третью часть въ точности означено угломъ, исходящимъ отъ центра того и другаго, м. 25 [сн. 102].

Наконецъ обращаюсь къ примѣтамъ, которыя существенно различаютъ между собою обѣ эти иллюстраціи, составляя исключительныя особенности каждой. Этотъ предметъ, съ одной стороны, дастъ новыя данныя для исторіи апокалипсической иконографіи, а съ другой приведетъ къ тому заключенію, что, не смотря на ближайшее сродство обѣихъ этихъ иллюстрацій между собою, каждая имѣетъ право на самостоятельность. Мы замѣтимъ, что при видимой зависимости отъ Филаретовской редакціи, Чудовской Переводъ, вмѣстѣ съ подновленіями, предлагаетъ и другія примѣты ранняго и болѣе выработаннаго стиля, что̀ указываетъ на другіе источники, не уступающіе въ своей цѣнности экземпляру Филаретовскому. Такъ что обѣ эти иллюстраціи не состоятъ въ непосредственномъ между собою отношеніи, а самостоятельно пошли отъ какого-то одного общаго имъ источника, раздѣливъ между собою древнѣйшее его достояніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ каждая, съ своей стороны подчинившись нѣкоторымъ подновленіямъ, уклонилась отъ своего первоначальнаго оригинала.

Вопервыхъ, обращаю вниманіе на подновленія въ Чудовской

иллюстраціи того,что въ Филаретовской оказалось въ древнѣйшемъ видѣ, согласномъ съ другими ранними редакціями.

Особенно явствуетъ это въ типахъ Іисуса Христа и Саваоѳа, и именно въ сіяніяхъ. Въ Филаретовской сіянія не выдерживаются систематически и смѣшиваются одно съ другимъ, какъ въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи и въ моемъ юсовомъ XVI в.; напротивъ того въ Чудовской, эта невыдержанность, будучи подвергнута критическому взгляду, довольно уже внимательно, хотя еще и не вполнѣ, была исправлена по предписаніямъ Иконописнаго Подлинника, которыя еще не получали обязательной силы для составителей раннихъ редакцій, болѣе согласныхъ съ древнехристіанскою иконографіею, какъ восточною, такъ и западною. Въ этомъ отношеніи позднѣйшія копіи согласуются съ исправленною по Иконописному Подлиннику редакціею, къ которой уже принадлежитъ Чудовской Переводъ.

Въ Филаретовскомъ экземплярѣ сіянія приняты въ слѣдующемъ видѣ:

Еммануилъ является, то въ угловатомъ сіяніи, то въ крестномъ, то въ простомъ. Въ угловатомъ въ мм. 2-9 [снн. 99 и 100], именно съ ряду въ восьми миніатюрахъ, изображающихъ сказаніе о семи Церквахъ, и затѣмъ въ м. 56, въ которой представленъ Еммануилъ, вмѣсто Саваоѳа, на одномъ престолѣ рядомъ съ Агнцемъ. Въ крестномъ сіяніи въ м. 10, и наконецъ въ простомъ въ мм. 11, 12 и 13.

То есть, Еммануилъ представленъ только въ самомъ началѣ, до 13 миніатюры, и затѣмъ онъ уже забывается, за исключеніемъ м. 56. Его мѣсто занимаетъ Господь Богъ, съ бородою, по сіянію въ типѣ неопредѣленномъ, то въ простомъ сіяніи, какъ Саваоѳъ на престолѣ съ Агнцемъ въ м. 15, то въ крестномъ, какъ Іисусъ Христосъ съ тѣмъ же Агнцемъ въ м. 16 [сн. 101]; затѣмъ опять въ простомъ—въ мм. 17, 18, 20 и 21, тоже съ Агнцемъ, какъ Саваоѳъ.

Далѣе въ простомъ же сіяніи: съ свиткомъ въ м. 27, съ книгою въ м. 28, съ книгою и серпомъ въ коронѣ въ м. 43, съ книгою въ м. 45, на конѣ въ тройной коронѣ въ м. 58, при воскресеніи изъ мертвыхъ на Страшномъ судѣ въ м. 64, и въ послѣдней м. 70 [при главѣ 71-ой].

Въ крестномъ сіяніи въ мм. 30 и 32.

Наконецъ Господь Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи является только одинъ разъ въ м. 33 [сн. 103].

Теперь обращаюсь къ Чудовскому Переводу по рук. г. Зайцевскаго.

Вопервыхъ, въ началѣ Апокалипсиса до м. 11-ой писанъ Еммануилъ, и притомъ до 9-ой въ угловатомъ сіяніи, а въ мм. 10 и 11 [копія краск. 12] въ простомъ.

Вовторыхъ, далѣе идетъ Господь Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи, всего семь разъ: именно, вмѣсто Еммануила, въ мм. 12 и 13, вмѣсто Господа Бога въ простомъ сіяніи, или вмѣсто Іисуса Христа—въ мм. 17, 18, 20 и 21, и наконецъ, вмѣсто Іисуса Христа въ крестномъ сіяніи—въ м. 16.

Втретьихъ, Іисусъ Христосъ въ крестномъ сіяніи, вмѣсто простаго, въ мм. 28, 45, 58, 64 и 71 [въ Филар. м. 70], и наконецъ въ м. 56, вмѣсто Еммануила.

Сверхъ того въ м. 65 [сн. 118] въ Горнемъ Іерусалимѣ, какъ Соборѣ Святыхъ, надъ Божіею Матерью писанъ Еммануилъ въ крестномъ сіяніи.

Въ дюжинныхъ копіяхъ Чудовскаго Перевода, для примѣра которыхъ беру мою XVIII в. въ листъ, статистическія данныя по иконографіи Господа Бога предлагаютъ слѣдующія цыфры.

Еммануилъ встрѣчается 8 разъ, изъ которыхъ семь въ угловатомъ сіяніи, при семи Церквахъ, мм. 3-9, и одинъ разъ—въ крестномъ, надъ Богородицею, въ Соборѣ Святыхъ, м. 65.

Іисусъ Христосъ, съ небольшою бородою, въ крестномъ сіяніи, 23 раза; изъ нихъ въ м. 72-ой два раза: одинъ разъ на престолѣ и другой—стоитъ во гробу, писанномъ по фону звѣзды.

Господь Саваоѳъ—10 разъ. Изъ нихъ 9 разъ въ угловатомъ сіяніи, вмѣстѣ съ Агнцемъ, при чемъ 7 разъ при отверзаніи печатей, мм. 12-18; а одинъ разъ въ простомъ сіяніи, при Еммануилѣ, но въ отдѣльномъ щитѣ или ореолѣ, м. 9.

Св. Агнецъ: вмѣстѣ съ Господомъ Саваоѳомъ—тоже 9 разъ, изъ коихъ 7 разъ въ тѣхъ же мм. 12-18, и сверхъ того 6 разъ одинъ, именно: мм. 34 при низверженіи Великаго Змія, 39 на горѣ Сіонской на престолѣ, 42 при отлученіи праведныхъ отъ слугъ Антихриста, 54 надъ видѣніемъ пьяной Любодѣйцы, 67 въ Горнемъ Іерусалимѣ и 68 при истокѣ Рѣки воды животной.

Само собою разумѣется, что въ другихъ копіяхъ пропорція этихъ цыфръ измѣняется, но незначительно.

Въ дополненіе къ сказанному здѣсь смотр. статистическія данныя по иконографіи Господа Бога въ Двинскомъ Апок. Силина, 1636-1643 г. и въ Подносномъ МДА. № 14.

Перехожу къ другимъ раннимъ примѣтамъ Филаретовской иллюстраціи.

Престолъ съ подушкою на немъ, или сѣдалище, вмѣсто возсѣдающаго Господа Бога, то есть, ἑτοιμασία: или подъ сѣнію, въ м. 48 [сн. 113 а], или же открытый, безъ сѣни, въ м. 1 [сн. 98]; сюда же надобно отнести и изображеніе въ м. 52, въ болѣе точномъ видѣ принятое въ Соловецкой копіи № 62, какъ это объяснено въ подробномъ описаніи миніатюръ. Что же касается до Чудовск. Перевода, то хотя въ м. 1-ой удержанъ еще престолъ безъ сидящаго на немъ Господа Бога, но въ другихъ двухъ случаяхъ сѣдалище замѣнено жертвенникомъ, который у насъ переводится словомъ *престолъ*. Слич. въ МПМ. № 156, мм. 24 и 32 [снн. 36 и 41].

Въ изображеніи семи Церквей въ Филаретовской редакціи принятъ стиль не архитектурный, а орнаментальный, состоящій изъ вычурныхъ завитковъ со змѣями, въ мм. 3-9 [снн. 99, 100 и 113 г], близко подходящій къ орнаментаціи, такъ называемыхъ, Аѳонскихъ крестовъ [сн. 246 е] *. Чудовской Переводъ только кое-гдѣ удержалъ этотъ стиль, но уже значительно сгладилъ его характеристическіе признаки; въ позднѣйшихъ же копіяхъ онъ вовсе утрачивается, уступая мѣсто линіямъ архитектурнымъ, иногда принимающимъ искаженный стиль рококо, или же какихъ-то восточныхъ кіосковъ.

Наконецъ обращаю вниманіе на три особенно замѣчательныя примѣты древнѣйшаго характера, которыя спеціально принадлежатъ Филаретовской редакціи, по обѣимъ рукк. XVI в., и по Соловецкой, и по Хлудовской, но которыя уже не усвоены ни Чудовскому Переводу, ни позднѣйшимъ копіямъ. А именно:

Крылатый демонъ разрушенія, въ огнѣ, градѣ и бурѣ несущійся сверху надъ развалинами города, м. 52 [сн. 105]; въ Хлудовск. копіи позднѣйшей подправкою данъ ему въ руку молотъ. Слич. такого же демона въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, м. 32 [сн. 15] и въ Музейн. рук. № 156, м. 41 [сн. 44].

* Филимонова, *Значеніе луны подъ крестомъ*, въ Сборникѣ Общества древнерус. искусства на 1866 г. къ стр. 158-ой, табл. XVI.

Полоса на стегнѣ Господа Бога, возсѣдающаго на конѣ, особенно тщательно выдѣланная въ Хлудовск. копіи XVI в., м. 58, согласно съ принятою въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 65 [сн. 30]. Слич. изъ западн. миніатюръ XI в. въ сн. 252 а.

Оригинальный типъ Ада въ м. 64 [сн. 113 в], очень ранняго происхожденія, потому что напоминаетъ фигуры, принятыя на западѣ въ средніе вѣка, напр. въ Пражск. Апок. XIV, на стр. 61 [сн. 261 в].

Особенности Чудовскаго Перевода, не вошедшія въ Филаретовскую редакцію, состоятъ въ слѣдующемъ.

Вопервыхъ, добавлено:

27 м. IX, 13-21. Внизу: четыре ангела на Евфратѣ—сидятъ и потомъ побиваютъ людей.

37 м. XIII, 11-17. Вверху: Вторый Звѣрь передъ толпою людей сводитъ съ неба огонь.

45 м. XV, 1-8. Внизу: Первый Звѣрь на престолѣ, а передъ нимъ Песьи-Головы побиваютъ людей палицами.

54 м. XVII, 6-18. При Вавилонской Любодѣицѣ вверху, внизу и на сторонѣ прибавлены разныя фигуры.

55 м. XVIII. Умножено число фигуръ въ гибнущемъ Вавилонѣ, вмѣсто двухъ только дьяволовъ, принятыхъ въ Филаретовской редакціи, согласно съ древнѣйшими, каковы въ моемъ Апок. ранней редакц., м. 62, и въ МПМ. № 156, м. 68 [сн. 54].

61 м. XX, 4. Вверху, посреди святыхъ Іисусъ Христосъ.

69 м. [въ Филар. 68 м.] XXII, 6-7. Добавленъ весь верхъ.

70 м. [въ Филар. 69 м.] XXII, 8-9. Фигуры Іоанна и ангела писаны дважды.

Сюда же надобно отнести всѣ добавленія въ фигурахъ, которыя въ Филаретовск. экземплярѣ означены только надписями, о чемъ было сказано выше.

Вовторыхъ, измѣнено:

50 м. XVI, 10-11. Помраченіе апокалипсическихъ Звѣрей не въ пещерѣ, а на открытомъ воздухѣ у полатнаго письма.

56 м. XIX, 1-7. Вмѣсто Еммануила съ Агнцемъ, только одинъ Іисусъ Христосъ.

71 м. [въ Филар. 70]. Вмѣсто малосложнаго рисунка—очень богатая и многолюдная миніатюра съ полатнымъ письмомъ.

Переставовлено: изъ м. 38 [XIII, 18] Филар. редакціи взята

граціозная фигура дьявола, налагающаго печать [сн. 112 г.] въ м. 46-ю [XVI, 2] Чудовскаго Перевода [сн. 123 б].

Очевидную самостоятельность и независимость отъ Филаретовской иллюстраціи предлагаютъ въ Чудовск. Переводѣ слѣдующія изображенія:

Горній Іерусалимъ въ мм. 65 и 67 [въ Филар. м. 66], при XXI, 1-4 и XXI, 9-27, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ подробностяхъ, указанныхъ въ описаніи этихъ миніатюръ [снн. 118 и 119].

Особенно замѣчательно по древности представленіе Древа родства Іисуса Христа, въ м. 65 [сн. 118], въ видѣ вѣтвей, соединяющихъ Божію Матерь съ Еммануиломъ, согласно съ изображеніемъ въ Hortus Deliciarum XII в. [сн. 253 б].

Симплегма Гога и Магога, которая, хотя ведетъ свое начало еще отъ моего Апок. ранней редакціи, м. 53 [сн. 26], черезъ Апок. графа Уварова № 58, м. 49 [сн. 150], но въ Чудовскомъ Переводѣ она сложилась въ законченную типическую форму, и получила свое опредѣленное мѣсто, именно при трехъ главахъ, 47, 51 и 63, по толковому счету и въ трехъ же миніатюрахъ и подъ тѣми же цыфрами; по нынѣ принятому тексту: XVI, 3; XVI, 12-16 и XX, 7-10 [снн. 116 и 117, слич. въ Филар. сн. 109].

Въ заключеніе приведу нѣсколько мелкихъ примѣтъ, характеризующихъ Чудовской Переводъ.

Особенный типъ Моря въ видѣ простоволосой женщины въ широкомъ одѣяніи, съ засученными выше локтя рукавами и съ бармами вокругъ шеи; она сидитъ на рыбѣ, широко разставивъ колѣнки и подогнувъ подъ себя одну ногу, въ рукѣ держитъ саркофагъ съ мертвецами въ саванахъ съ кукулемъ, м. 64 [сн. 123 г].

Іисусъ Христосъ въ звѣздномъ ореолѣ, воскресающій изъ гроба; около фигура Адама, м. 71 [сн. 124 б]. Новѣйшій сюжетъ, распространенный въ позднихъ копіяхъ.

Убрусъ съ Нерукотвореннымъ Спасомъ надъ Богородицей, возсѣдающей въ райскихъ селеніяхъ, м. 67 [сн. 119]. Въ копіяхъ онъ опускается, какъ напр. въ Хлудовской № 358, 1708 г., или замѣняется Агнцемъ, какъ въ моей копіи XVIII в.

Носъ и корма корабля украшены головою птичьею, мм.

23 и 55 [сн. 123 в]: подробность иногда удерживаемая и въ копіяхъ *.

Искаженіе трубы, исходящей изъ устъ Господа Бога, для означенія низпосылаемаго гласа, въ м. 2, I, 9-20. Въ Филарет. редакціи труба эта уже очень длинная и тонкая, но еще не потеряла своей формы, оканчиваясь внизу широкимъ отверстіемъ, изъ котораго исходятъ гласы въ видѣ лучей, такъ же какъ въ редакціи Подноснаго экземпляра МДА. [копія краск. 19]. Въ Чудовскомъ Переводѣ стволъ трубы уже переходитъ въ длинную линію, которая внизу образуетъ какую-то треугольную фигуру съ разодраннымъ на клочки основаніемъ. Подобное искаженіе трубы господствуетъ въ копіяхъ; слич. напр. въ Хлудовск. № 358, 1708 г., м. 2 [копія краск. 22].

Наконецъ, слѣдуетъ сказать о четырехъ прибавочныхъ миніатюрахъ въ рук. Зайцевскаго, мм. 72-75. Изъ нихъ три первыя, т. е. 72, 73 и 74, относятся къ толкованію на Апокалипсисъ, заимствованному изъ пророка Даніила [XII, 1-2] и вмѣстѣ съ двумя миніатюрами моего юсоваго Апок. XVI в., мм. 2 и 3, принадлежатъ къ драгоцѣннымъ остаткамъ иллюстраціи, составленной для Толкованія Ипполита папы Римскаго на Апокалипсисъ. Четвертая миніатюра, именно 75-я, содержитъ въ себѣ символическое изображеніе Чистоты, о которомъ подробно сказано въ слѣдующемъ за симъ описаніи самыхъ миніатюръ. Какъ уже замѣчено прежде, такія же добавочныя миніатюры приложены въ концѣ копій Чудовскаго Перевода еще въ двухъ рукописяхъ, въ рук. МПМ. № 4 и въ рук. Титовской № 528. Послѣдняя рук. къ четыремъ сказаннымъ миніатюрамъ, въ слѣдъ за ними, присовокупляетъ еще пятую м. 77. Она изображаетъ Архангела Михаила, какъ означено въ надписи, въ колоссальной фигурѣ, въ воинскомъ доспѣхѣ; при поясѣ изображенъ по грудь Младенецъ Іисусъ Христосъ. Въ правой рукѣ держитъ Архангелъ жезлъ, а въ лѣвой фигурный крестъ, составленный изъ разноцвѣтной продолговатой листвы и шариковъ, какъ бы crux gemmata. По обѣимъ сторонамъ его толпятся фигуры меньшаго размѣра, налѣво воины въ шишакахъ, направо люди въ кафтанахъ съ открытыми головами.

* Корабли съ головою чудовища или животнаго на носу приняты и въ западныхъ миніатюрахъ среднихъ временъ; см. напр. Die Romfahrt Kaiser Heinrich's VII in Bildercyclus des Codex Balduini Trevirensis, издалъ Ирмеръ, въ Берлинѣ 1881 г. миніат. 31.

Въ рук. МПМ. также находится это изображеніе, въ м. 75, и въ томъ же переводѣ, только у Архангела крестъ обыкновенный, восьмиконечный; но недостаетъ первой добавочной миніатюры, т. е. 72-й по счету рук. Зайцевскаго. Такъ какъ, по содержанію добавочной иллюстраціи, Михаилъ Архангелъ, или какъ сказано у пророка Даніила «Михаилъ князь великій», занимаетъ въ видѣніяхъ первое мѣсто, то миніатюра, посвященная исключительно ему самому, должна была составлять непремѣнную принадлежность этой иллюстраціи; слѣдовательно, она не прибавлена въ рукк. Титова и МПМ. къ четыремъ иллюстраціи Зайцевскаго, а опущена въ этой послѣдней. Итакъ, всѣхъ прибавочныхъ миніатюръ было не четыре, а пять, и Архангелъ долженъ былъ имѣть мѣсто передъ Чистотою, какъ это и принято въ рук. МПМ. № 4. Слѣд. въ рук. Зайцевскаго миніатюры должны были имѣть такой порядокъ: 72, 73, 74, затѣмъ Архангелъ Михаилъ и наконецъ м. 75. Стало быть, нормальный счетъ миніатюръ Чудовскаго Перевода по тремъ описываемымъ рукописямъ долженъ бы восходить до 76, а если прибавить еще недостающую въ рук. Зайцевскаго при послѣдней 72-ой главѣ, то было всего 77 мм., какъ именно и оказалось это въ рук. г. Титова.

Къ этому надобно присовокупить, что въ послѣдней рукописи эти добавочныя миніатюры перемѣшаны мѣстами по винѣ переплетчика. Вотъ сравнительная таблица всѣхъ трехъ Апокк.

ЗАЙЦЕВСКАГО.	МПМ.	ТИТОВА.
72	—	73.
73	73	74.
74	74	76.
—	75	77.
75	76	75.

Въ рук. Зайцевскаго при первыхъ трехъ изъ добавочныхъ миніатюръ подписанъ и соотвѣтствующій имъ текстъ, приведенный у меня въ слѣдующемъ за симъ описаніи; но въ рукк. Титова и Зайцевскаго онѣ безъ текста.

Къ указаннымъ здѣсь миніатюрамъ изъ пророчества Даніила слѣдуетъ прибавить еще одну въ другой рукописи того же г. Титова, № 523, XVIII в., какъ сказано объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Надобно замѣтить, что, по присоединенію этого пророчества къ Апокалипсису, описанная здѣсь иллюстрація сближается съ Лицевымъ Апокалипсисомъ Альтамировскимъ XII в. и съ нѣкоторыми другими, вмѣстѣ съ нимъ принадлежащими къ Аквитанской школѣ въ Астуріи и Гасконіи.

Оканчивая это общее обозрѣніе, я долженъ сказать нѣсколько словъ о новѣйшихъ копіяхъ Филаретовско-Чудовской редакціи.

Всѣ онѣ дѣлятся на два главные разряда по очень характеристической примѣтѣ, состоящей въ помѣщеніи указанной выше симплегмы Гога и Магога въ трехъ миніатюрахъ, при соотвѣтствующихъ имъ трехъ главахъ, 47-ой, 51-ой и 63-ей, по толковому счету.

Однѣ копіи, непосредственно идущія отъ Чудовскаго Перевода, удерживаютъ эту симплегму или во всѣхъ трехъ миніатюрахъ, или же въ той или другой изъ нихъ. Другія копіи, пошедшія отъ Филарет. редакціи, помимо Чудовскаго ея Перевода, этой Симплегмы не знаютъ, хотя во всемъ остальномъ, болѣе или менѣе, согласуются съ копіями перваго разряда.

---

1) I, 1-8 [сн. 98]. Вверху направо въ ореолѣ, обведенномъ полосою сіянія, пустой престолъ съ подушкою [ἑτοιμασία]; окрестъ престола четыре символич. животныхъ; у подножія, вмѣсто скамьи, два крылатыя колеса. Налѣво отъ ореола и подъ нимъ облака желтаго, розоваго и зеленаго цвѣта, въ коихъ по этимъ краскамъ писаны въ очеркахъ семь ангеловъ, или *семь Духовъ Божіихъ*, какъ надписано въ Хлудовск. Апок. № 358, 1708 г., м. 2 [копія краск. 22], согласно Писанію: Ш, 1. Внизу ангелъ указываетъ Іоанну вверхъ на престолъ. Около нихъ разщелина въ желтой землѣ. Пустой престолъ составляетъ особенность этой редакціи. Въ Чуд. Переводѣ, тотъ же рисунокъ, но въ позднѣйшихъ копіяхъ, на престолѣ сидитъ I. Х., и подъ ногами скамья: колесъ нѣтъ.

2) I, 9-20. Вверху, касаясь вершины горы, ореолъ, окруженный полосою, которая раздѣлена на перегородки, такъ же какъ въ м. 7; въ каждой перегородкѣ по символич. животному,

или по ангелу: три ангела обнаженные. Въ ореолѣ сидитъ на престолѣ, поставивъ ноги на скамью, Еммануилъ въ углов. сіяніи, въ широкихъ бармахъ, съ длиннымъ выпускомъ на груди; препоясанъ поясомъ съ пряжкою, которая въ Хлуд. копіи, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мм., выдѣлана тщательнѣе; см. м. 9 [сн. 113 д]. Слич. въ Лютеров. Апок. 1534 г., сн. 271 а, и въ нѣмецк. миніат. XIV в. сн. 246 в.—Изъ устъ Еммануила исходитъ длинная, тонкая труба, а мечъ направляется не непосредственно отъ лица, а на разстояніи отъ него, уже внѣ сіянія. Въ правой рукѣ Еммануилъ держитъ шестиугольный чертежъ съ звѣздообразнымъ орнаментомъ внутри: это должно означать семь звѣздъ. Лѣвую руку низпускаетъ къ головѣ преклоняющагося передъ нимъ Іоанна. Кругомъ ореола свѣтильники. Внизу въ горѣ пещера. На краю ея сидитъ на сѣдалищѣ Прохоръ и пишетъ, держа книгу на столѣ. Около стоитъ Іо., положивъ правую руку на голову Прохора и обертываясь назадъ къ гласу трубы. Въ Хлуд. копіи XVI в. надъ Прохоромъ скорописью XVII в. надписано: *Пророкъ Ерьмѣй.* Полоса съ перегородками и обнаженные въ нихъ ангелы составляютъ особенность редакціи. Въ Хлуд. копіи лицо и ноги Еммануила краснаго цвѣта. Въ Чуд. Переводѣ тотъ же рисунокъ.

3) II, 1-7 [сн. 111]. Вверху въ розовомъ овалѣ неба, упирающемся своею дугою въ гору, стоитъ Еммануилъ съ звѣзднымъ дискомъ въ правой рукѣ, а въ лѣвой ничего нѣтъ: такъ и въ слѣдующихъ мм. о седми Церквахъ; только въ нѣкоторыхъ, какъ замѣчено ниже, и лѣвая рука бываетъ не порожняя; по сторонамъ Еммануила семь свѣтильниковъ. Внизу направо выходитъ изъ церкви къ Іоанну ангелъ съ открытымъ свиткомъ, на коемъ ничего не написано. Какъ эта, такъ и вообще всѣ семь Церквей, изображенныя въ этомъ Апок., отличаются особенною, оригинальною архитектурою. Это будто киворій, или сѣнь, надъ жертвенникомъ, на тонкихъ точеныхъ столбикахъ, которые поддерживаютъ подобіе затѣйливой вершины храма съ куполами, арками, окнами и главою, увѣнчанною крестомъ. Пространство между колонками внизу завѣшено завѣсою, какъ завѣшивались олтари въ древнехристіанскихъ храмахъ *. Что

* Напр. на мозаикахъ Солунскаго храма св. Георгія IV в. Снимки см. у Тексьэ, L'Architecture byzantine, Londres 1864, и заимствованныя изъ этого изданія копіи въ *Сборникѣ* Общества древне-рус. искус. на 1866 г., табл. XXI.

же касается до архитектуры верхней части, то она состоитъ изъ завитковъ и орнаментовъ, не соотвѣтствующихъ условіямъ зодчества, и очевидно заимствована изъ вычурной рѣзьбы, образцы которой могли быть взяты изъ такъ называемыхъ Аѳонскихъ крестовъ изъ дерева или кости [сн. 246 с] *. Подробности этого предмета будутъ указаны въ описаніи слѣдующихъ за симъ мм. Здѣсь же замѣчу вообще, что эта затѣйливая орнаментація семи Церквей еще довольно точно удержана въ Чуд. Переводѣ, съ нѣкоторыми, впрочемъ, отступленіями; затѣмъ, уже въ значительно подновленномъ видѣ, еще видна въ Солов. № 62, но въ позднѣйшихъ копіяхъ съ Чуд. Перевода оставила по себѣ только слѣды, однако настолько явственные, чтобы замѣтить ихъ происхожденіе отъ редакціи Филаретовской.

4) II, 8-11. Сюжетъ тотъ же, что̀ въ м. 3; только по вычурности завитковъ храмъ болѣе сближается съ мм. 7 и 8. Въ Чуд. Переводѣ то же.

5) II, 12-17. То же; только въ лѣвомъ углу внизу, въ разверзшейся пропасти по черному фону изображенъ низвергающійся «престолъ сатанинъ», съ дьяволами и людьми. Въ Хлуд. копіи, какъ здѣсь, такъ и въ слѣдующей 6-ой м. у Еммануила бѣлые волосы и красное лицо и красныя ноги. Въ Чуд. Переводѣ тотъ же рисунокъ: ангелъ также держитъ въ рукѣ «камень бѣлъ»; только «престолъ сатанинъ» по черному фону пропасти писанъ въ свѣтломъ кругу [сн. 123 а].

6) II, 18-29. То же. Въ лѣвой рукѣ Еммануила свернутый свитокъ, а внизу ангелъ держитъ въ правой рукѣ «звѣзду утреннюю». То же и въ Чуд. Переводѣ.

7) III, 1-6 [сн. 99]. То же, что̀ въ мм. 3-4, только вверху вмѣсто овальнаго неба ореолъ съ перегороженною полосою, какъ въ м. 2, но Еммануилъ не сидитъ, а стоитъ. Вычурныя фигуры арокъ и завитковъ въ рисункѣ храма слич. съ вышеуказанными Аѳонскими крестами [сн. 246 е]. Въ лѣвой рукѣ Еммануилъ держитъ книгу; такъ же и въ Чуд. Переводѣ; только не удержаны въ завиткахъ храма характеристическія змѣиныя головки, которыя замѣняются уже фряжскою листвою. Что же касается до Хлуд. копіи, то эти змѣиныя головки вы-

* Рисунки см. въ томъ же *Сборникѣ* на 1866 г., табл. XVI и XVII; см. также копію съ рисунка изъ *Древностей рос. госуд.* у Віолле-ле-Дюка, L'Art russe, Paris, 1877, рис. 40.

дѣланы съ особенною тщательностью и изяществомъ [сн. 113 г]

8) III, 7-13 [сн. 100]. Внизу то же; но вверху въ розовомъ небѣ налѣво между свѣтильниками стоитъ Емануилъ съ ключемъ въ лѣвой рукѣ, а направо вычурный храмъ, и около него на возвышеніи престолъ съ сѣнію. Въ Чуд. редакціи, въ лѣвой рукѣ Емануила тоже ключъ, и тоже на небѣ храмъ, но безъ вычуровъ, а престола съ сѣнію уже вовсе нѣтъ. Стиль рѣзьбы въ зданіяхъ и утвари этой м. особенно подходитъ къ стилю сказанныхъ Аѳонскихъ крестовъ: на выступающихъ вѣткахъ поднимаются терема, будто цвѣты, и между завитками травными выглядываютъ змѣиныя головки [сн. 246 е], и все вмѣстѣ носитъ на себѣ характеръ рукописнаго орнамента, который еще вполнѣ удерживается въ Чуд. Переводѣ, за исключеніемъ змѣиныхъ головокъ, но потомъ уже, постепенно сглаживаясь черезъ посредство рисунковъ Солов. Ап. № 62, принимаетъ наконецъ болѣе подходящія къ архитектурѣ формы въ позднѣйшихъ копіяхъ.

9) III, 14-22 [сн. 112 а]. Внизу то же, что̀ и въ предыдущихъ мм.; но наверху въ небѣ кромѣ Емануила, по обычаю стоящаго между свѣтильниками, съ семью звѣздами на дискѣ, направо начертанъ ореолъ; въ ореолѣ на престолѣ, поставивъ ноги на скамью, сидитъ Господь Саваоѳъ въ коронѣ съ городами и въ простомъ сіяніи, и обѣ руки, приподнявъ нѣсколько, держитъ съ открытыми дланями. Подъ престоломъ зеленая трава; по сторонамъ по дереву. Соотвѣтствуетъ тексту: «побѣждающему дамъ сѣсти со мною на престолѣ моемъ». Въ Хлуд. копіи пряжка на поясѣ Емануила отдѣлана тщательно [сн. 113 д]. Общій рисунокъ тотъ же и въ Чуд. Переводѣ; но въ позднѣйшихъ копіяхъ сказанный ореолъ съ Господомъ Саваоѳомъ безъ деревьевъ; руки приложены къ груди, и странный костюмъ съ воротомъ по открытой груди замѣненъ обыкновенною одеждою съ золотыми полосами и поясомъ.

10) IV. Вверху въ ореолѣ съ радугою и ангелами на престолѣ, поставивъ ноги на скамью, возсѣдаетъ Емануилъ, но уже въ крестномъ сіяніи, лѣвой рукой придерживаетъ на колѣнѣ закрытую книгу, десницею благословляетъ. Окрестъ его четыре символ. животныхъ: ихъ крылья усѣяны очами. По обѣ стороны ореола по половинкѣ дверей. Подъ скамьею сло-

жены въ кучку короны Старцевъ круглой формы: эта подробность принята въ Чуд. Переводѣ. Подъ коронами семь свѣтильниковъ. По сторонамъ двадцать четыре Старца преклоняются съ престоловъ, снимая съ головы корону. Подъ свѣтильниками внизу стекляное море. Около ангелъ, обнявъ правою рукою Іоанна, указываетъ ему лѣвою вверхъ. То же и въ Чуд. Переводѣ [копія краск. 12]; но въ позднѣйшихъ копіяхъ, вмѣсто Еммануила, писанъ I. X.

11) V, 1-5. Вверху такъ же въ ореолѣ съ радугою и ангелами Еммануилъ, но въ простомъ сіяніи, въ рукахъ держитъ большую книгу съ печатями; подъ скамьей, на которую онъ постановилъ ноги, четыре крылатыхъ колеса. Все остальное, какъ въ м. 10. Въ Хлуд. копіи, какъ здѣсь, такъ и въ слѣдующихъ 12 и 13 мм. Еммануилъ въ крестномъ сіяніи. Въ Чуд. Переводѣ тотъ же рисунокъ; Еммануилъ въ крестномъ сіяніи, а въ позднѣйшихъ копіяхъ опять I. X.

12) V, 6-14. То же, что̀ и въ м. 11; только къ книгѣ на престолѣ подступилъ Агнецъ съ семью рогами и только съ двумя очами, да нѣкоторые изъ Старцевъ держатъ въ рукахъ кадильницы и гусли. То же и въ Чуд. Переводѣ, только на престолѣ Господь Саваоѳъ, равно какъ въ Солов. № 62-мъ, вмѣсто Еммануила въ простомъ сіяніи.

13) VI, 1-2 [сн. 112 б]. Вверху въ ореолѣ на престолѣ сидитъ съ книгою Еммануилъ въ простомъ сіяніи; около Агнецъ. Подъ ореоломъ въ полукругѣ символическій Левъ; его крылья усѣяны очами. Внизу Первый Всадникъ въ коронѣ оригинальнаго фасону. Направо на склонѣ горы стоятъ ангелъ и Іо. Въ Чуд. Переводѣ то же, только вмѣсто Еммануила писанъ Саваоѳъ, и кромѣ того, какъ здѣсь, такъ и въ мм. 15 и 16, сверхъ одного символическаго животнаго, указываемаго толкованіемъ и помѣщаемаго подъ ореоломъ, въ такихъ же полукругахъ писаны по сторонамъ ореола и остальныя три животныя. Въ Филарет. рукописи отчеркнуты только полукруги, гдѣ имъ слѣдуетъ быть. Въ позднѣйшихъ копіяхъ участіе только одного изъ символическихъ животныхъ не всегда наблюдается, а Еммануилъ замѣненъ Господомъ Саваоѳомъ.

14) VI, 3-4. Эта м. отличается отъ прочихъ со Всадниками тѣмъ, что она безъ верхней части, только со Вторымъ Всадникомъ: онъ держитъ копье съ развивающимся знаменемъ, и

открытая голова его на красномъ фонѣ развивающейся же сзади его мантіи. Въ Чуд. Переводѣ то же.

15) VI, 5-6. Вверху то же, что̀ и въ м. 13, только вмѣсто Еммануила изображенъ Саваоѳъ въ простомъ сіяніи, а можетъ быть, и I. X. [слич. слѣд. мм.]; въ Хлуд. копіи въ мм. 15-18 писанъ I. X. въ крестномъ сіяніи. Подъ ореоломъ третье символическое животное, именно Ангелъ. Всадникъ держитъ въ правой рукѣ вѣсы, въ лѣвой чашу въ видѣ короны. По мѣрѣ того, какъ отверзаются печати, онѣ счетомъ изображаются лежащими на подушкѣ, на коей сидитъ Господь Богъ съ Агнцемъ. Здѣсь изображены три печати; въ слѣдующихъ мм. число ихъ увеличивается постепенно. Такъ и въ Чуд. Переводѣ; но на престолѣ возсѣдаетъ Саваоѳъ въ углов. сіяніи.

16) VI, 7-8 [сн. 101]. Вверху то же, только I. X. въ крестномъ сіяніи, а подъ ореоломъ четвертое животное, именно Орелъ. Смерть держитъ ружье, на которомъ привѣшенъ рожокъ, служащій пороховницею. Она стрѣляетъ назадъ въ фигуру Ада, въ видѣ чудовища съ двумя звѣриными мордами, изъ коихъ другая на животѣ; въ рукѣ держитъ серпъ. Въ Чуд. Переводѣ тотъ же рисунокъ; такъ что ружье у Смерти, принятое и въ позднѣйшихъ копіяхъ, ведетъ свое начало отъ Филаретовскаго Апокалипсиса; но вмѣсто сказаннаго чудовища, въ копіяхъ Адъ изображается въ видѣ пасти. Въ Солов. № 62-мъ, какъ въ этой м., такъ и въ слѣдующихъ за нею двухъ изображенъ Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи, такъ же какъ и въ Чудов. Переводѣ, который, такимъ образомъ согласуясь съ копіею Филарет. экземпляра, а не съ оригиналомъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о своемъ позднѣйшемъ образованіи.

17) VI, 9-11. Вверху въ ореолѣ сидитъ на престолѣ Господь Богъ въ простомъ сіяніи, поставивъ ноги на скамью; къ книгѣ приступилъ Агнецъ. Окрестъ ореола четыре символическія животныя. Направо жертвенникъ подъ сѣнію; на немъ книга, а надъ нею паритъ херувимъ. Подъ олтаремъ стоятъ толпою души избіенныхъ за слово Божіе: однѣ изъ фигуръ молитвенно раскрываютъ ладони, другія простираютъ руки вверхъ. Внизу стоятъ Іо. и ангелъ. Миніатюра не додѣлана: внизу нѣтъ горы. Почти тотъ же рисунокъ и въ Чуд. Переводѣ.

18) VI, 12-17. Вверху въ овальномъ небѣ престолъ съ Гос-

подомъ Богомъ въ простомъ сіяніи и съ Агнцемъ; между ними книга. По сторонамъ солнце и луна, съ лицами; отъ обоихъ свѣтилъ исходятъ длинные лучи, какъ клинья. Подъ престоломъ свитокъ неба. Внизу въ горѣ двѣ пещеры съ скрывающимися въ нихъ людьми. Почти то же и въ Чуд. Переводѣ.

19) VII, 1-8. Вверху изъ узкаго овала розоваго неба выказываются концы двухъ половинокъ дверей; затѣмъ почти вся м. занята землею, окруженною моремъ. По четыремъ угламъ земли по ангелу; у каждаго обнаженная фигура вѣтра, съ трубою, но безъ крыльевъ. Посреди земли стоитъ толпа людей; надъ нею на землѣ же ангелъ съ осмиконечнымъ крестомъ, который онъ высоко поднимаетъ въ правой рукѣ. Въ Чуд. Переводѣ то же; вѣтры безъ крыльевъ, и съ неба виднѣются половинки дверей.

20) VII, 9-17. Вверху въ небѣ въ ореолѣ, окруженномъ полосою съ ангелами и четырьми символич. животными, на престолѣ Господь Богъ въ простомъ сіяніи съ Агнцемъ и книгою, но безъ печатей на подушкѣ; въ Чудовскомъ же Переводѣ на книгѣ осталась еще одна печать, а остальныхъ шести на подушкѣ тоже нѣтъ, но въ позднѣйшихъ копіяхъ онѣ помѣщаются. Внизу по сторонамъ склоняются съ престоловъ Старцы, а посреди стоитъ толпа съ финиковыми вѣтвями. Въ самомъ низу налѣво стоитъ Іо. Почти тотъ же переводъ въ Чуд. Переводѣ. Но какъ въ этомъ послѣднемъ, такъ и въ Солов. копіи № 62 изображенъ на престолѣ Саваоѳъ въ углов. сіяніи.

21) VIII, 1-6. Бо́льшую часть миніатюры занимаетъ небо. Вверху въ ореолѣ на престолѣ съ книгою на подушкѣ безъ печатей и съ Агнцемъ Господь Богъ въ простомъ сіяніи: въ Солов. копіи и въ Чуд. Переводѣ Саваоѳъ въ углов. сіяніи, и такъ же безъ печатей на подушкѣ, но въ позднѣйшихъ копіяхъ онѣ положены счетомъ всѣ семь. Окрестъ престола четыре символ. животныя. Налѣво семь ангеловъ съ трубами; направо подходитъ къ престолу еще ангелъ съ кадильницею въ одной рукѣ и ковчежцемъ съ ѳиміамами въ другой. Подъ ореоломъ жертвенникъ; на немъ книга и сосудъ съ огнемъ. Тотъ же ангелъ, приблизясь къ жертвеннику, полагаетъ огонь изъ сосуда въ кадильницу. Подъ жертвенникомъ толпа людей. Наконецъ опять тотъ же ангелъ, приблизясь къ нижнему краю неба,

ставитъ кадильницу на вершину горы, на спускѣ которой стоитъ Іо. Ангелъ держитъ при себѣ на краю неба сказанный ковчежецъ съ θиміамомъ [сн. 112 в]. Тотъ же рисунокъ изъ Хлуд. копіи приведенъ въ снимкѣ 114, въ которомъ, при точности перевода, мастеръ забылъ написать ручку у кадильницы [слич. съ сн. 112 в]. Чуд. Переводъ согласуется съ Филар. редакціею; но въ позднѣйшихъ копіяхъ при ангелѣ, спустившемся къ землѣ, ковчежецъ съ θиміамомъ забывается.

22) VIII, 7. Вверху въ овальномъ небѣ стоитъ Первый Ангелъ и трубитъ; изъ трубы его низвергаются на землю куски граду. Внизу гора съ деревьями и Іо. Въ Чуд. Переводѣ то же.

23) VIII, 8-9. Вверху то же. Внизу гористый берегъ, на коемъ стоитъ Іо, и море, въ которое пала горящая скала въ пламени. Подъ нею въ водѣ рыбы. Въ Чуд. Переводѣ, вмѣсто рыбъ, гибнутъ корабли съ корабельщиками; у одного корабля носъ и корма заканчиваются птичьею головою, какъ въ м. 55 [сн. 123 в].

24) VIII, 10-11. Вверху то же. Внизу гора; по ней течетъ рѣка; въ рѣку падаетъ звѣзда Апсинѳосъ. Налѣво по одну сторону рѣки стоитъ Іо., направо по другую—лежатъ въ кучѣ умирающіе и умершіе отъ огорченной воды. Въ Чуд. Переводѣ то же.

25) VIII, 12-13 [сн. 102]. Вверху среди неба стоитъ ангелъ съ горизонтально распростертыми крыльями; обѣ руки приподнялъ, раскрывъ ладони. По сторонамъ солнце и луна съ длинными лучами клиномъ: въ обоихъ свѣтилахъ обозначено помраченіе третьей части. Внизу гора. По спуску горы идетъ Четвертый Ангелъ и трубитъ вверхъ. Подъ горою стоитъ Іо., поднявъ вверхъ обѣ руки. Этотъ же оригинальный рисунокъ принятъ и въ Чуд. Переводѣ; такъ же и въ Музейной копіи въ 4-ку, № 499, 1708 г., м. 25 [сн. 193], но съ слѣдующимъ замѣчательнымъ прибавленіемъ. Вверху тотъ же ангелъ стоитъ на фонѣ трехъ полосъ, означающихъ небесныя сферы, какъ въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. На нижней изъ нихъ по сторонамъ ангела помѣщено по три знака зодіака: налѣво—знаки Овна, Тельца и Близнецовъ, а направо—Рака, Льва и Дѣвы. По начертанію они болѣе похожи на древнѣйшіе, напр. въ Theatrum mundi et temporis, edit. Ioan. Paul. Gallucio, Venet. 1588, tabulae на стр. 165-187,—нежели на принятые въ

календаряхъ или мѣсяцословахъ Петровскаго времени.—Въ позднѣйшихъ копіяхъ иначе: Четвертый Ангелъ, по обыкновенію, трубитъ въ небѣ; а другой ангелъ паритъ подъ небомъ.

26) IX, 1-12. Вверху небо съ солнцемъ и луною. Внизу гора. Налѣво на спускѣ горы стоитъ Пятый Ангелъ и трубитъ. Подъ нимъ стоитъ Іо. У его ногъ разверзлась черная пропасть. Это студенецъ Бездны. Въ немъ звѣзда и ключъ. Отъ звѣзды поднимается къ небу широкая полоса огня. Направо выступаютъ, давя людей, четвероногіе Пруги въ коронахъ и кольчугахъ; на хвостахъ у нихъ змѣиныя головы; Пруги безъ крыльевъ. Позади ихъ стоитъ обнаженная фигура Царя-Ангела Бездны, въ человѣческомъ видѣ, въ коронѣ, лѣвою рукою на плечѣ держитъ серпъ, правую поднялъ съ раскрытою ладонью. Въ Чуд. Переводѣ по рук. Зайцевскаго этой м. нѣтъ; она замѣнена совсѣмъ новымъ рисункомъ. По другимъ копіямъ, раннимъ и позднѣйшимъ, почти то же, что̀ въ Филар. Апок.; только внизу направо прибавленъ эпизодъ съ Смертью, которая убѣгаетъ отъ толпы людей, и кромѣ того еще Пругамъ даны крылья, и сверхъ того попираемыхъ ими людей терзаютъ змѣи, или же также какія-то крылатыя животныя, вмѣсто скорпіоновъ, для выраженія принятаго въ текстѣ уподобленія: «И дана бысть имъ область, яко же имутъ область скорпіи земніи». Что же касается до серпа въ рукѣ Аваддона, то, какъ подробность архаическая, онъ теряетъ въ глазахъ копіистовъ свой смыслъ и передается невѣрно, въ формѣ какого-то непонятнаго орудія.

27) IX, 13-21. Вверху въ небѣ направо возсѣдаетъ на престолѣ Господь Богъ въ простомъ сіяніи [въ Солов. копіи, № 62, Саваоѳъ въ углов. сіяніи, а въ Чуд. Переводѣ I. X.] со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, правою благословляетъ. Налѣво жертвенникъ съ книгою на немъ, подъ сѣнію, завѣшенною завѣсами. Внизу гора. На ея вершинахъ стоятъ: направо Іо., налѣво Шестый Ангелъ съ трубою. Въ самомъ низу на четвероногихъ чудовищахъ, извергающихъ изъ своихъ пастей пламя, съ хвостами, на концѣ коихъ змѣиныя головы, скачутъ всадники въ броняхъ, съ открытыми головами, безъ оружія, и давятъ людей, низвергнутыхъ по землѣ, и передъ ними, и позади ихъ. На поляхъ противъ этихъ всадниковъ написано: *д. али*, т. е. 4 ангела. Такимъ образомъ, на основаніи того толкованія,

по которому четыре ангела, связанные при рѣкѣ Евфратѣ, суть не архангелы Михаилъ, Гавріилъ и др., а злые демоны, они и отожествлены здѣсь съ всадниками на чудовищныхъ коняхъ.—Въ Чудовск. Переводѣ рисунокъ значительно измѣненъ и дополненъ нижнею частію, которая потомъ удерживается и въ позднѣйшихъ копіяхъ: это именно эпизодъ съ четырьмя ангелами, но они, въ противность толкованію Андрея Кесарійскаго, уже въ сіяніяхъ. Налѣво сидятъ они у рѣки Евфрата, а направо они же стоятъ и побиваютъ мечами низпровергнутыхъ ими людей.

28) X, 1-7. Вверху въ ореолѣ на престолѣ Господь Богъ въ простомъ сіяніи [и въ Солов. копіи, и въ Чуд. Переводѣ I. X. въ крестномъ сіяніи], съ книгой и благословляющей десницей. По сторонамъ ореола стоятъ ангелы. Внизу гора и часть моря. Облачный ангелъ стоитъ лѣвой ногой на землѣ, а правой на морѣ; въ одной рукѣ держитъ книгу, а другую поднимаетъ вверхъ; надъ головою радуга кольцомъ, а не полукругомъ; на немъ по колѣна одѣяніе изъ облаковъ; на ногахъ будто лохматыя панталоны, спускающіяся до ступней: это должно означать «столпы огненныя». Направо стоитъ Іо. Въ Хлуд. копіи, какъ здѣсь, такъ и въ слѣд. миніатюрѣ Облачный ангелъ съ красною головою. Почти тотъ же рисунокъ и въ Чуд. Переводѣ.

29) X, 8-11. XI, 1-2. Вверху изъ-подъ неба паритъ ангелъ. Внизу гора. Налѣво стоитъ храмъ, направо Іо.; а ниже опять та же сцена съ Облачнымъ ангеломъ и съ Іо., только ангелъ вручаетъ Іоанну трость, которую тотъ держитъ одной рукою, а другою приближаетъ ко рту книгу, чтобы вкусить ее. Тотъ же рисунокъ и въ Чуд. Переводѣ; только церковь болѣе изукрашена, съ завѣсою въ дверяхъ и съ молящимися внутри.

30) XI, 3-10. Вверху въ овальномъ небѣ на престолѣ сидитъ I. X. въ крестномъ сіяніи съ книгою и благословляющею десницею. Подъ небомъ городъ, окруженный стѣнами съ башнями. Внутри стѣнъ, какъ бы на всемъ пространствѣ города, лежатъ уже мертвые Енохъ и Илія; въ ногахъ у нихъ толпа людей; направо за стѣною городскою стоитъ Іо. Внизу подъ городомъ изображено событіе, которое предшествуетъ описанному. Налѣво на престолѣ сидитъ Антихристъ въ видѣ царя, въ коронѣ. Передъ нимъ стоятъ Енохъ и Илія. Сзади ихъ

разверзлась пропасть; изъ нея вышелъ Звѣрь и бросается на одного изъ нихъ, чтобы пожрать. Въ Чуд. Переводѣ то же.

31) XI, 11-14. Съ неба паритъ ангелъ, обращаясь къ возносящимся на облакѣ Еноху и Иліи, стоящимъ во весь ростъ. Внизу гора, поднимающаяся направо утесомъ, на коемъ стоитъ Іо. Подъ нимъ городъ падаетъ въ развалинахъ, подъ которыми гибнутъ люди. Въ лѣвомъ углу стоитъ толпа. Почти то же и въ Чуд. Переводѣ.

32) XI, 15-18. Вверху по небу въ ореолѣ возсѣдаетъ на престолѣ І. Х. въ крестномъ сіяніи, съ книгою и благословляющею десницею. По сторонамъ ореола стоятъ ангелы. Ниже на горѣ съ обѣихъ сторонъ преклонились съ своихъ престоловъ Старцы. Въ самомъ низу налѣво стоитъ Іо., направо Седьмый Ангелъ съ трубою. Въ Чудовск. Переводѣ почти тотъ же рисунокъ; только вокругъ ореола красная полоса съ херувимами и четырьмя символич. животными, и сверхъ того Старцы преклоняются не на горѣ, а въ небѣ. Въ Солов. копіи Седьмый Ангелъ паритъ подъ ореоломъ на воздухѣ, какъ и въ другихъ позднѣйшихъ копіяхъ. Нововведеніе въ Солов. копіи состоитъ въ томъ, что Іо. не стоитъ, а палъ на землю.

33) XI, 19. XII, 1-6 [сн. 103]. Видѣніе съ св. Женою, ея Сыномъ и Зміемъ почти такъ же изображено и въ Чуд. Переводѣ; только въ Филар. рукописи Саваоѳъ въ углов. сіяніи, а не І. Х., какъ въ Чуд. Переводѣ; даже церковная дверь съ пробитыми отверстіями, на манеръ мраморныхъ оконъ древнѣйшихъ храмовъ, оставила по себѣ слѣды въ Чуд. Пареводѣ, только переплетъ рамы замѣненъ неправильно наложенными одинъ на другой четвероугольниками, которые будто прибиты гвоздями. Въ обоихъ Апокк., какъ въ этой м., такъ и въ слѣдующихъ трехъ, одинаково изображенъ Змій: безъ крыльевъ и безъ ногъ; въ позднѣйшихъ же копіяхъ онъ съ крыльями и ногами. Въ Солов. копіи, № 62, эта миніатюра другой, особенной редакціи, съ обнаженнымъ отрокомъ, идущимъ по облакамъ къ церкви, и съ св. Женою, стоящею на серпѣ луны въ продолговатомъ ореолѣ, съ сіяніемъ внутри его въ видѣ извивающихся языковъ пламени, какъ это принято въ позднемъ западномъ стилѣ. Что же касается до копіи Хлудовской, то, при полномъ согласіи съ Филар. миніатюрою въ рисункѣ, она предлагаетъ замѣчательное дополненіе въ колоритѣ

св. Жены. По красному солнцу писана она вся краснымъ же колеромъ въ свѣтлотѣнь, съ головы до ногъ; только Младенецъ желтый, т. е. золотой. Такъ же раскрашена она и въ м. 35.

34) XII, 7-12. Ангелы на коняхъ поражаютъ конную же рать отпадшаго лика, давятъ своимъ стремительнымъ натискомъ и опрокидываютъ. Внизу по воздуху низвергается въ пропасть Великій Змій, о семи головахъ, но безъ крыльевъ и ногъ. Простой и малосложный рисунокъ Филаретовской редакціи осложняется числомъ фигуръ въ позднѣйшихъ копіяхъ, между коими указываю на Музейную 1708 г., № 499, въ замѣчательно изящной по рисунку и колориту м. 34-ой [копія краск. 21].

35) XII, 13-17. Змій безъ крыльевъ и ногъ изливаетъ воду въ пропасть только изъ одной своей верхней пасти. Надъ вершиною горы, покрытой деревьями, паритъ жена съ крыльями, въ солнцѣ, стоя на лунѣ. Внизу налѣво стоитъ Іо. То же и въ Чуд. Переводѣ, только въ большой потокъ, исходящій изъ верхней головы, вливаютъ три меньшіе потока три нижнія головы. Въ Солов. копіи соотвѣтствующаго этому рисунку нѣтъ.

36) XIII, 1-10. Вверху только узенькая полоса овальнаго неба. Всю миніатюру занимаетъ гора. Вверху направо стоитъ Іо., налѣво изъ моря вышелъ Первый Звѣрь, весь бѣлый съ черными пятнами, о семи головахъ безъ роговъ и коронъ. Внизу тотъ же Звѣрь, и въ томъ же типѣ, сидитъ на престолѣ, ноги постановилъ на скамью; принимаетъ жезлъ власти отъ Змія, который, согнувъ передъ нимъ свое туловище, стоитъ на чревѣ; безъ ногъ и безъ крыльевъ; на семи головахъ нѣтъ ни роговъ, ни коронъ. Позади сидящаго на престолѣ Звѣря толпа чествующихъ его и ему поклоняющихся. Въ Чуд. Переводѣ тотъ же рисунокъ, только на всѣхъ семи головахъ Змія надѣты короны; но въ Солов. копіи другой переводъ: вверху на горѣ стоитъ Іо., а внизу на морѣ, мѣсто Перваго Звѣря занимаетъ крылатый Змій, коему поклоняется толпа съ царемъ во главѣ ея.

37) XIII, 11-17. Гора. Направо на горѣ стоитъ Іо., налѣво разверзлась пропасть; изъ нея выходитъ Вторый Звѣрь на заднихъ лапахъ, какъ человѣкъ на ногахъ; въ одной изъ переднихъ лапъ, какъ въ рукѣ, держитъ жезлъ; звѣриная морда

съ двумя рогами. Онъ направляется къ сидящему на престолѣ Первому Звѣрю, написанному въ томъ же видѣ, какъ и въ м. 36. Передъ этимъ Звѣремъ преклоняется толпа людей, помѣщенная подъ черною пропастью со Вторымъ Звѣремъ. Нижняя часть миніатюры въ Чуд. Переводѣ содержитъ тотъ же рисунокъ, только съ прибавленіемъ Змія, который стоитъ на двухъ ногахъ по другую сторону престола съ Звѣремъ. Вверху же на горѣ Вторый Звѣрь передъ толпою людей изводитъ съ неба огонь, который въ Чуд. Переводѣ изображенъ простою полосой, но въ позднѣйшихъ копіяхъ по оригинальному рисунку напоминаетъ принятый въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в., м. 43 [сн. 97 в]. Въ Солов. копіи другой переводъ: подъ выходящимъ изъ пропасти Вторымъ Звѣремъ совсѣмъ другаго типа, толпа людей, изъ коихъ переднему дьяволъ помазуетъ чело; позади его стоитъ другой дьяволъ.

38) XIII, 18 [сн. 112 г]. Гора. Налѣво на горѣ стоитъ Іо. Посреди, подъ вершиною горы, изъ черной пропасти выходитъ въ томъ же видѣ, какъ въ м. 37, Вторый Звѣрь къ Первому, стоящему внѣ пропасти объ одной головѣ съ короною, и выпускаетъ на него изъ своей пасти нѣсколько жабъ. По сторонамъ пропасти по снопу пылающаго огня. Подъ пропастью дьяволъ, отличающійся нѣкоторымъ изяществомъ въ рисункѣ и позѣ, полагаетъ печать на стоящихъ передъ нимъ людей. То же и въ Чуд. Переводѣ; не забыта и жаба, подробность тѣмъ болѣе характеристическая, что она не вызывается здѣсь текстомъ; но въ Чуд. Переводѣ пламени нѣтъ, которое, вѣроятно, попало сюда по указанію текста, относящагося къ м. 37. Въ позднѣйшихъ копіяхъ нѣтъ ни пламени, ни жабъ.

39) XIV, 1-5. Вверху въ ореолѣ, окруженномъ полосою съ четырьмя символич. животными и съ херувимами, на престолѣ на двухъ подушкахъ стоитъ Агнецъ; подъ нимъ закрытая книга. Ниже, на горѣ, по обѣ стороны Старцы пали съ своихъ престоловъ. Между ними стоятъ юноши съ гуслями. Въ самомъ низу налѣво стоитъ Іо. Въ Чуд. Переводѣ только ореолъ безъ полосы, но наполненъ херувимами; сверхъ того Старцы не пали, а сидятъ на престолахъ. Въ позднѣйшихъ копіяхъ играющіе на гусляхъ стоятъ вверху по сторонамъ ореола съ Агнцемъ. Въ Солов. копіи другой переводъ съ замѣтнымъ подновленіемъ, состоящимъ въ томъ, что Агнецъ, какъ въ

редакціяхъ олатыненныхъ, стоитъ между двумя толпами людей на горѣ, не въ ореолѣ и безъ сіянія, и сверхъ того въ ракурсѣ отъ головы.

40) XIV, 6-7. Вверху въ овальномъ небѣ идетъ ангелъ съ открытою книгою. Внизу гора; налѣво на горѣ стоитъ Іо.; затѣмъ весь низъ занятъ полатнымъ письмомъ, внутри коего посреди сидитъ царь на престолѣ; по сторонамъ его люди въ высокихъ шапкахъ съ прорѣзными околышами и въ колпакахъ. Въ Чуд. Переводѣ весь низъ съ полатнымъ письмомъ и царемъ съ его свитою той же редакціи, только рисунокъ осложненъ числомъ фигуръ; но вверху прибавленъ І. Х. въ ореолѣ [сн. 115], какъ и въ позднѣйшихъ копіяхъ. Въ Солов. копіи совсѣмъ другой переводъ.

41) XIV, 8. Вверху то же, только ангелъ безъ книги, съ приподнятыми руками. Внизу гора; налѣво на горѣ стоитъ Іо.; направо развалины падающаго Вавилона давятъ людей. Въ Чуд. Переводѣ въ общемъ рисунокъ тотъ же, но сложнѣе, такъ что весь низъ занятъ развалинами города. Солов. копія по рисунку ближе ко описываемой рук.

42) XIV, 9-13. Вверху небо; налѣво престолъ, съ двумя подушками; на нихъ стоитъ Агнецъ. Передъ нимъ толпа святыхъ. Внизу гора. Налѣво стоитъ Іо.; направо ангелъ обращается къ толпѣ людей. Въ самомъ низу налѣво на престолѣ сидитъ Вторый Звѣрь объ одной звѣриной головѣ; ему поклоняются люди, коимъ дьяволъ начертываетъ знаменіе на челѣ. Въ правомъ углу адское пламя, въ которое дьяволъ веревкою тащитъ толпу грѣшниковъ. Въ Чуд. Переводѣ общій рисунокъ тотъ же; только въ правомъ углу [по рукоп. Зайцевскаго въ лѣвомъ, т. е. наоборотъ, какъ вездѣ], внизу, подъ пламенемъ изображены подъ четырьмя арками адскіе склепы, въ коихъ писаны обнаженныя бѣлыя фигуры грѣшниковъ. Надъ этими арками въ пламени пала толпа одѣтыхъ людей, которыхъ дьяволъ поражаетъ плетью. Это дополненіе принято и въ позднѣйшихъ копіяхъ. Въ Солов. копіи другой переводъ.

43) XIV, 14-16. Вверху небо; направо въ ореолѣ на престолѣ сидитъ І. Х. въ коронѣ и въ простомъ сіяніи, въ правой рукѣ держитъ серпъ, лѣвою придерживаетъ на колѣнѣ книгу; налѣво церковь, изъ коей выходитъ ангелъ, обращаясь

къ I. X. Внизу гора, усѣянная кустарникомъ. Къ одному кусту наклонился I. X. въ томъ же типѣ, и срѣзываетъ серпомъ вѣтку. Въ лѣвомъ углу внизу стоитъ Іо. Въ Чуд. Переводѣ то же, только I. X. въ крестномъ сіяніи; что же касается до позднѣйшихъ копій, то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ внизу не I. X., а ангелъ жнетъ серпомъ именно пшеницу: около него снопъ. Въ Солов. копіи внизу нѣтъ ни ангела, ни I. X., а только одинъ серпъ, брошенный на землѣ, и нѣсколько сноповъ пшеницы.

44) XIV, 17-20 [сн. 104]. Вверху въ овальномъ небѣ церковь, въ которую входъ закрытъ завѣсою; съ обѣихъ сторонъ изъ-подъ завѣсы выходятъ по ангелу, налѣво съ серпомъ, направо съ чашею, изъ коей поднимается пламя: это ангелъ огня, или Огненный; потому въ Хлуд. копіи онъ съ головы до подола ризы весь красный, только сіяніе и сапоги—желтые, т. е. золотые. Внизу налѣво полатное письмо; подъ нимъ въ лѣвомъ углу стоитъ Іо. Тутъ же у полатнаго письма четвероугольное точило съ зелеными вѣтками; къ вѣткамъ склонился ангелъ, лѣвую руку опускаетъ въ точило, а въ правой держитъ сосудъ. Позади его еще фигура ангела, въ наклоненномъ положеніи срѣзывающаго серпомъ вѣтку съ куста. Въ потокѣ, исходящемъ изъ отверстія точила два коня по шею, безъ всадниковъ. Верхняя часть и въ Чуд. Переводѣ, и въ Солов. копіи та же; но нижняя иначе: въ Чуд. Переводѣ ангелъ, наклоняющійся надъ точиломъ, безъ сосуда, а другой ангелъ, по другую сторону точила, жнетъ вѣтви низенькаго кустарника [въ позднѣйшихъ копіяхъ—зеленую траву]; въ Солов. же копіи отъ полатнаго письма идетъ виноградникъ съ лозами на тычинкахъ; ангелъ обираетъ виноградъ. Внизу круглое точило; одинъ ангелъ подходитъ и изъ плетенки высыпаетъ въ точило виноградъ; другой стоитъ въ точилѣ съ ногами.

45) XV, 1-8. XVI, 1. Почти вся м. занята небомъ. Направо въ ореолѣ I. X. въ простомъ сіяніи [въ Чуд. Переводѣ въ крестномъ] на престолѣ съ книгою и благословляющею десницею. Окрестъ ореола четыре символ. животныя, изъ коихъ Крылатый Человѣкъ, или ангелъ, налѣво вверху. Лѣвая сторона противъ ореола занята церковью; изъ ея вратъ выходятъ семь ангеловъ, чтобы получить отъ сказаннаго Крылатаго Человѣка по фіалу, и переднему изъ ангеловъ онъ уже вручаетъ

фіалъ. Подъ ореоломъ стоятъ играющіе на гусляхъ. Внизу на землѣ стоитъ Іо. Въ Солов. копіи тотъ же переводъ; что же касается до Чуд. Перевода, то и въ немъ хотя и удерживается тотъ же рисунокъ, но только для одной верхней половины, такъ какъ къ ней присоединено внизу изображеніе Песьихъ-Головъ, которыя побиваютъ людей, а въ правомъ углу [по рук. Зайцевск. въ лѣвомъ] сидитъ на престолѣ Первый Звѣрь объ одной головѣ въ коронѣ и съ посохомъ въ рукѣ.

46) XVI, 2. Вверху въ овальномъ небѣ стоитъ Первый Ангелъ и наклонившись льетъ изъ своего фіала красный потокъ внизъ на сидящаго на престолѣ Перваго Звѣря, который теперь безъ короны, и на поклоняющихся ему. Налѣво надъ горой надписано: *іван*, т. е. здѣсь мѣсто для изображенія Іоанна. Въ Солов. копіи другой переводъ, хотя и той же редакціи: Первый Звѣрь не сидитъ на престолѣ, а какъ настоящій звѣрь, только съ крыльями, на своихъ лапахъ опустился на пьедесталѣ, имѣющемъ видъ четвероугольной плиты.—Въ Чуд. Переводѣ къ Филаретовскому рисунку прибавленъ уже означенный тамъ только буквами Іо., и сверхъ того дьяволъ, который помазуетъ покланяющихся Звѣрю, въ томъ самомъ граціозномъ типѣ [сн. 123 б], который указанъ выше въ м. 38; а въ небѣ ангелъ сталъ на одно колѣно.

47) XVI, 3. Вверху то же, только Вторый Ангелъ льетъ бурый потокъ въ море съ рыбами, которое все стало такимъ же бурымъ. Около моря налѣво стоитъ Іо. Въ Сол. копіи то же, а въ Чудовск. Переводѣ къ рисунку, сходному съ Филаретовскимъ въ общемъ размѣщеніи, прибавлена одна подробность, составляющая существенную характеристику и всѣхъ позднѣйшихъ копій. А именно: подъ Іо., находящимся на вершинѣ горы, стоитъ на кучѣ лежащихъ людей, какъ на пьедесталѣ, изящная и въ высшей степени характеристичная симплегма Гога и Магога, взятыхъ въ иллюстрацію изъ толкованія,—которая въ своемъ простѣйшемъ видѣ указана мною въ Увар. Апок. XVII в. № 58, м. 49 [сн. 150], и въ моемъ ран. ред., м. 58 [сн. 26].

48) XVI, 4-7. Вверху въ овальномъ небѣ Третій Ангелъ наклонившись льетъ внизъ красный потокъ. Направо въ видѣ полатки сѣнь съ завѣсою; подъ сѣнію пустой престолъ съ подушкою [ἑτοιμασία, сн. 113 а]; окрестъ его четыре символ. жи-

вотныхъ. Внизу по горѣ рѣка съ притоками; направо ангелъ Водный, обнаженный; молитвенно поднимаетъ руки. Налѣво Іо.; подъ нимъ куча лежащихъ людей. Почти тотъ же переводъ и въ Солов. копіи и въ Чуд. Переводѣ; только устранена архаическая черта, состоящая въ пустомъ престолѣ, который замѣненъ жертвенникомъ, стоящимъ въ церкви, а въ позднѣйшихъ копіяхъ за этимъ жертвенникомъ стоитъ по̀ поясъ І. Х.; надъ жертвенникомъ сѣнь, по сторонамъ коей по ангелу. Эта замѣна, указанная уже въ Апок. МПМ. № 156, начала XVII в., мм. 24 и 32 [снн. 36 и 32], которой соотвѣтствуетъ у насъ двоякое значеніе *престола*, какъ сѣдалища и жертвенника, составляетъ важный моментъ въ исторіи Етимасіи. Слич. ниже въ описаніи 52-ой м.

49) XVI, 8-9. Съ овальнаго неба Четвертый Ангелъ льетъ красное на солнце и потомъ ниже на толпу людей. Налѣво на горѣ стоитъ Іо. Тотъ же почти рисунокъ и въ Солов. копіи и въ Чуд. Переводѣ.

50) XVI, 10-11. Съ овальнаго неба Пятый Ангелъ льетъ изъ фіала черный потокъ внизъ, гдѣ въ пещерѣ только двѣ фигуры: Первый Звѣрь сидитъ на престолѣ съ посохомъ, объ одной головѣ съ десятью рогами, и противъ него стоитъ Вторый Звѣрь. Бѣлый фонъ пещеры съ чернильными очерками Звѣрей замѣненъ въ Хлуд. копіи сѣрою тѣнью всего отверстія пещеры, покрывающею и обоихъ Звѣрей: такъ что этимъ монохромомъ воспроизводится тотъ же архаичный эффектъ, дѣйствительно, помраченнаго царства, который мы замѣтили въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 57 [сн. 25], и въ Солов. юсов. Апок. XVI в., м. 49 [коп. краск. 5]. Въ Солов. копіи тотъ же переводъ, только каждый изъ Звѣрей въ особой пещерѣ; что же касается до Чуд. Перевода, то къ рисунку, составленному, очевидно, по Филар. редакціи, прибавлено полатное письмо надъ обоими Звѣрьми, написанными въ тѣхъ же позахъ; но находятся они на открытомъ мѣстѣ, и сверхъ того налѣво [по рук. Зайцевскаго направо] стоитъ Іо., что̀ въ Филар. экземплярѣ означено только надписью: *Іоаннъ*. Вообще надобно замѣтить, что главное согласіе Чуд. Перевода и позднѣйшихъ копій съ Филаретовскою редакціею состоитъ въ томъ, что омраченіе царства выражено только въ этихъ двухъ фигурахъ апокалипс. Звѣрей.

51) XVI, 12-16. Съ овальнаго неба Шестый Ангелъ льетъ черный потокъ внизъ на группу фигуръ, которая состоитъ изъ семиглаваго Змія, безъ крыльевъ и безъ ногъ, поднимающагося на своемъ чревѣ налѣво, и изъ Перваго Звѣря, сидящаго на престолѣ направо; а между ними толпа поклоняющихся Звѣрю съ царемъ во главѣ. Надъ толпою летятъ жабы, которыхъ изъ своихъ пастей извергаетъ и то и другое животное; подъ этими фигурами у нижней рамки миніатюры течетъ рѣка Евфратъ. Тотъ же рисунокъ и въ Солов. копіи, только направо на горѣ прибавленъ Іо., который въ Филар. экземплярѣ означенъ опять только надписью. Что же касается до Чуд. Перевода, то, хотя онъ идетъ отъ источника, общаго съ Филаретовской редакціею, но внизу по ту сторону Евфрата въ правомъ углу, у пещеры, изъ коей выходятъ Песьи-Головы, помѣщена упомянутая выше симплегма Гога и Магога [см. м. 47]: поэтому сцену съ двумя животными надобно было посжать; сверхъ того позади Перваго Звѣря помѣщенъ Вторый [сн. 116]. Это, взятое изъ толкованія, дополненіе принято и въ позднѣйшихъ копіяхъ.

52) XVI, 17-21 [сн. 105]. Вверху въ небѣ налѣво Седмый Ангелъ льетъ внизъ черный потокъ, который, вмѣстѣ съ тучею крупнаго града, разрушаетъ городъ Вавилонъ, подъ развалинами котораго гибнутъ люди. Подъ тучею въ потокѣ съ градомъ несется по воздуху къ низвергающемуся городу обнаженный, крылатый демонъ. Въ небѣ около ангела направо престолъ съ двумя подушками, на коихъ лежитъ книга; за престоломъ юная фигура въ простомъ сіяніи [соотвѣтствуетъ Іисусу Христу въ позднѣйшихъ копіяхъ]; надъ престоломъ сѣнь. Окрестъ его четыре символическія животныя. Общій рисунокъ тотъ же и въ Солов. копіи, и въ Чуд. Переводѣ, но съ слѣдующими отличіями. Вопервыхъ, въ обоихъ этихъ Апокк. прибавленъ Іо.; вовторыхъ, вмѣсто Господа Бога за престоломъ, въ Солов. копіи изображено одно сѣдалище съ книгою на немъ, только безъ подушки, но со скамьею внизу, какъ есть ἑτοιμασία; въ Чуд. же Переводѣ—просто жертвенникъ съ крестомъ и Евангеліемъ. Смотр. выше въ описаніи 48-ой м. Втретьихъ, ни въ Солов. копіи, ни въ Чуд. Переводѣ, нѣтъ уже обнаженнаго демона съ крыльями, который, символически выражая разрушеніе, составляетъ архаическую особенность Фи-

ларет. редакціи. Въ Филар. экземплярѣ за бурымъ потокомъ съ неба и за смутною массою града не видать, что̀ именно въ рукахъ этой демонической фигуры. Такъ было и въ Хлуд. копіи; но потомъ позднѣйшая рука обвела свѣжими чернилами всю эту фигуру и дала ей въ руки молотъ.

53) XVII, 1-5. Безъ неба. На горѣ направо стоятъ Іо. и ангелъ. Внизу на морѣ четвероногій Звѣрь съ семью головами въ коронахъ, но безъ роговъ. На немъ сидитъ Вавилонская Любодѣица въ трехъярусной коронѣ городами, съ которыхъ по обѣ стороны спускаются длинныя подвѣски; тройная же корона принята для Любодѣицы и въ Аѳонской Ерминіи Діонисія Фурноаграфіота, въ карт. 19-ой.—Одежда на ней съ широкими рукавами, украшенная широкими желтыми полосами, и подпоясана такой же полосой, конецъ коей въ видѣ ораря перекинутъ на лѣвой рукѣ; въ бармахъ. Въ правой рукѣ держитъ высокій сосудъ, покрытый крышкою. Передъ нею стоятъ въ толпѣ фигуры съ обнаженными головами. То же и въ Солов. копіи, и въ Чуд. Переводѣ, только полоса уже не перекинута черезъ руку, и сверхъ того въ Чуд. Переводѣ на головахъ Звѣря вмѣстѣ съ коронами и рога, а стоящая передъ Любодѣицею толпа въ шапкахъ, и во главѣ ея царь въ коронѣ.

54) XVII, 6-18. То же, что̀ и въ м. 53, только, вмѣсто толпы покланяющихся Любодѣицѣ, стоитъ, нѣсколько нагибаясь, пьяная женщина съ сосудомъ [сн. 113 б]. То же и въ Солов. копіи, но, вмѣсто сосуда, женщина держитъ бокалъ, какіе употребляются и донынѣ. Въ Чуд. Переводѣ къ Филар. рисунку, удержанному вполнѣ, прибавлено: вверху—престолъ съ Агнцемъ, по сторонамъ коего святые въ простомъ сіяніи, а внизу надъ женщиною съ сосудомъ—толпа покланяющихся Любодѣицѣ. Эти добавленія удерживаются и въ позднѣйшихъ копіяхъ. Пьяная женщина съ сосудомъ, отличающаяся отъ Любодѣицы отсутствіемъ на головѣ короны, должна быть таже Любодѣица, только развѣнченная. Въ позднѣйшихъ копіяхъ, ведущихъ свое начало отъ оригинала 1645 г., переданнаго въ плохой копіи ПДА. № $А^{1}/_{8}$ [по дополн. къ катал.] 1850 г., въ м. 10, эта пьяная женщина изображается въ царственномъ типѣ Вавилонской Любодѣицы; смотр. въ Апок. Немирова XVIII-XIX в. м. 54 и МПМ. № 3, XVIII в. м. 53 [сн. 210].

55) XVIII. Безъ неба. Почти всю миніатюру занимаетъ гора.

На верху ея посреди стоитъ ангелъ. Налѣво по воздуху паритъ другой ангелъ съ камнемъ, «яко жерновъ». Подъ нимъ море съ кораблемъ, на который онъ направляетъ этотъ камень. Около ангела къ лѣвой сторонѣ означено надписью мѣсто для Іоанна. Низъ занятъ полатнымъ письмомъ. Въ разрушающемся городѣ два дьявола; одинъ изъ нихъ дуетъ въ дудку съ круглымъ пузыремъ [сн. 112 д]. Слич. рисунокъ Альбрехта Дюрера 1515 г. [сн. 244 д]. * Оба дьявола бѣлые на желтомъ полатномъ письмѣ, но въ Хлуд. копіи—въ черномъ монохромѣ по дикому фону поднимающагося вверхъ дыма. Изъ города выходитъ толпа. Почти тотъ же рисунокъ и въ Сол. копіи; но въ Чуд. Переводѣ онъ значительно осложненъ фигурами. Въ городѣ оба дьявола дуютъ въ такіе же инструменты; но корабль отличается тою же особенностью, что̀ и въ м. 23: и на кормѣ его, и на носу по птичьей головѣ [сн. 123 в], которая, должно замѣтить, въ Солов. копіи имѣетъ видъ головы дракона съ жаломъ въ открытой пасти; что же касается до дудки съ шаромъ, то въ этой копіи она замѣнена обыкновенною рюмкою, изъ которой дьяволъ пьетъ.

56) XIX, 1-7. Вверху ореолъ, нижнею своею дугою упирающійся въ гору. Надъ нимъ выказывается часть другаго своимъ обрѣзомъ, въ которомъ помѣщены ангелы по шею и по грудь. Въ ореолѣ широкій престолъ. На немъ сидитъ Еммануилъ, постановивъ ноги на скамью съ крылатыми колесами и благословляя своею десницею подступающаго къ нему на престолѣ же Агнца, который передними ногами обхватилъ книгу. Агнецъ съ семью рогами, изъ коихъ середній съ небольшимъ перекрестіемъ. На самомъ верху горы по обѣ стороны низко преклонились четыре символ. животныя. Ниже ихъ тоже по обѣ стороны преклоняются двадцать четыре Старца. Въ самомъ низу посреди стоятъ Іо. и ангелъ. Въ Солов. копіи почти тотъ же рисунокъ, только ореолъ и Старцы помѣщены въ воздухѣ, а по сторонамъ ореола стоятъ ангелы, что̀ въ Филар. экземплярѣ означено только надписью: *силы*. Въ общемъ расположеніи рисунка Чуд. Переводъ ближе къ Соловецк. копіи, чѣмъ къ Филар. Апок., и сверхъ того отличается отъ обоихъ тѣмъ, что вмѣсто Еммануила писанъ І. Х. въ крестномъ сіяніи;

* Stoger, Albrecht Durers Randzeichnungen aus dem Gebetbuche des Kaisers Maximilian I, München. На 1-ой стр.

сверхъ того внизу одинъ Іо., безъ ангела, стоитъ на колѣняхъ. Въ позднѣйшихъ копіяхъ такъ же І. Х.

57) XIX, 7-10 [сн. 106]. Вся м. дѣлится на двѣ половины. Въ верхней, очеркнутой аркою, направо передъ храмомъ въ формѣ базилики, на престолѣ сидитъ св. Невѣста Агнца, въ царскомъ одѣяніи и трехъярусной коронѣ, которая здѣсь безъ подвѣсокъ; налѣво столъ съ сосудами. Надъ столомъ древесная вѣтвь указываетъ на мѣсто злачное съ деревьями, въ коемъ пребываетъ св. Жена. Въ нижней части въ гористой мѣстности стоятъ Іо. съ ангеломъ. Въ Солов. копіи, вмѣсто базилики, только врата, подъ аркою коихъ сидитъ на престолѣ св. Жена; остальное той же редакціи. Въ Чуд. Переводѣ почти тотъ же рисунокъ, что̀ въ Филар. Апок., только богаче, т. е. фигурнѣе выдѣлана базилика, съ престола спускается коверъ, на коемъ положена внизу подушка для ногъ св. Жены. Корона на ней съ подвѣсками, на столѣ громадной величины сосудъ, наконецъ кругомъ высокія дерева, изъ коихъ два, по архаическому стилю, съ подрубленнымъ стволомъ, повисли на воздухѣ. Сверхъ того, при поясѣ св. Жены замѣтна откидная полоса, въ родѣ ораря, которая въ Столобенск. Апок. перекинута черезъ руку, какъ это встрѣчается и въ позднѣйшихъ копіяхъ Чудовск. редакціи.

58) XIX, 11-16. Вверху въ небѣ между двумя половинками дверей ѣдутъ на коняхъ: І. Х. въ простомъ сіяніи, въ царскомъ одѣяніи и въ трехъярусной коронѣ, и за нимъ ангелы; всѣ они безъ оружія. Широкая полоса на ризѣ І. Х., на стегнѣ, означенная въ Филар. экземплярѣ только двумя черными линіями, въ Хлуд. копіи наведена желтою краскою, такъ же, какъ поясъ и прочія нашивки, а на полосѣ на стегнѣ, согласно тексту, начертано: *Царь царемъ—Господь господемъ*. Смотр. ту же архаическую полосу въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 65 [сн. 30]. Внизу помѣщены только стоящіе Іо. и Ангелъ. Тотъ же рисунокъ и въ Солов. копіи, только у ангеловъ въ рукахъ коротенькія копья, а отъ лица І. Х. исходитъ мечь. Въ Чуд. Переводѣ рисунокъ добавленъ въ нижней части, гдѣ съ одной стороны стоитъ Іо., одинъ, а съ другой куча низверженныхъ людей, поражаемыхъ трезубцемъ, исходящимъ тонкою линіею изъ устъ самого І. Х., который писанъ въ крестномъ сіяніи. Тотъ же переводъ и въ позднѣйшихъ копіяхъ, только безъ

архаической полосы на стегнѣ, какъ и въ Соловецк. копіи и Чудовск. Переводѣ.

59) XIX, 17-21. Вверху направо въ воздухѣ стоитъ на солнцѣ ангелъ, къ которому летятъ три птицы. Налѣво на горѣ стоитъ другой ангелъ, поражая длиннымъ копьемъ Втораго Звѣря, низверженнаго въ огненное озеро. Между обоими ангелами паритъ по воздуху еще третій, который тоже длиннымъ копьемъ поражаетъ Перваго Звѣря объ одной головѣ съ рогами въ видѣ гребня. Эти животныя вмѣстѣ съ людьми и съ царемъ на конѣ всѣ низвергаются въ огненное озеро. Кромѣ того не исполненное въ рисункѣ означено надписями, именно: вверху налѣво *IC. XC.*, т. е. І. Х. на конѣ, направо надъ горою: *Іоан.*, т. е. на горѣ стоящій Іо., и около него надписано: *люди*. Почти тотъ же рисунокъ и въ Солов. копіи, только нѣтъ летящаго ангела, и на горѣ прибавленъ Іо., смотрящій внизъ на низвергающихся въ огонь. Въ Чуд. Переводѣ, хотя рисунокъ нѣсколько измѣненъ, но въ общемъ составѣ тотъ же; означенное въ Филар. экземплярѣ надписями воспроизведено въ рисункѣ, но вмѣсто обоихъ ангеловъ съ копьями, поражаетъ низвергающихся въ адъ только самъ І. Х. тѣмъ же трезубцемъ, который указанъ въ м. 58. То же и въ позднѣйшихъ копіяхъ.

60) XX, 1-3. Вверху овальная полоса неба. Внизу гора. Налѣво на горѣ стоитъ Іо. Въ горѣ пещера. По черному фону пещеры писанъ низпровергнутый Великій Змій, о семи головахъ безъ коронъ и роговъ, съ четырьмя ногами. На немъ стоитъ, попирая его колѣномъ, ангелъ съ большимъ ключемъ въ одной рукѣ, а другою держитъ цѣпь. Отличительною чертою редакціи въ этой м. представляется усиленіе средствъ въ связаніи и заключеніи Змія въ цѣпи съ нѣсколькими замками, на его шеѣ, на переднихъ и на заднихъ ногахъ, которыя сверхъ того прикованы къ длинному болту или пробою. Послѣдняя подробность, не совсѣмъ ясная въ Филарет. экземплярѣ, особенно тщательно обработана въ Чуд. Переводѣ, впрочемъ согласномъ съ Филар. редакціею, и потомъ перешла въ позднѣйшія копіи. Въ Солов. копіи, вмѣсто Змія, писанъ Сатана въ человѣческой фигурѣ и съ человѣчьей головой, съ бородою и съ волосами дыбомъ. Лежитъ онъ ничкомъ; закованъ только въ ошейникъ и по рукамъ, пригнутымъ назадъ на спину.

61) XX, 4 [сн. 107]. Вверху въ небесномъ раю по зеленой муравѣ и съ зелеными деревьями, какъ бы въ амфитеатрѣ возсѣдаютъ полукругомъ святые, съ открытыми головами, но въ различныхъ облаченіяхъ. Такой же формы сѣдалища приняты для 24 Старцевъ въ Апок. Графа Уварова № 58, мм. 2 [сн. 143], 4, 36.—Внизу стоятъ Іо. съ ангеломъ. То же и въ Солов. копіи, только святые сидятъ на отдѣльныхъ престолахъ, какъ и въ Чуд. Переводѣ, въ которомъ сверхъ того посреди святыхъ, нѣсколько выше, на престолѣ же сидитъ І. Х., благословляя обѣими руками, а внизу стоитъ только одинъ Іо. Въ позднѣйшихъ копіяхъ, вмѣсто рая, писанъ обыкновенный сюжетъ возсѣдающаго въ ореолѣ І. Х. съ Старцами по обѣ его стороны, въ воздушномъ пространствѣ надъ облаками.

62) XX, 5-6 [сн. 108]. Вверху означено только надписями, что̀ слѣдуетъ нарисовать, именно: посреди *агнецъ*, направо *люди*, т. е. воскресшіе изъ гробовъ въ саванахъ, которыхъ ангелъ ведетъ въ рай; налѣво надпись: *на престоле*, т. е. такія же фигуры въ саванахъ уже возсѣдаютъ на престолѣ, подъ древесною сѣнію. Затѣмъ нарисована только нижняя часть, именно гора съ адомъ. Направо на горѣ стоятъ Іо. и ангелъ. Подъ ними надписано *градъ*, т. е. тутъ слѣдуетъ быть полатному письму. Внизу подъ мѣстомъ для города, въ правомъ углу разверзлась адская пасть, въ которую по пылающему огню дьяволъ веревкою тянетъ толпу грѣшниковъ въ саванахъ, а сзади жезломъ погоняетъ ихъ другой дьяволъ. Налѣво, повыше, мертвецы возстаютъ изъ одного гроба, въ Чуд. Переводѣ—изъ нѣсколькихъ. Отъ этого мѣста поднимается та группа воскресшихъ, которая въ надписи названа *людьми*. Замѣчательно отношеніе, въ какомъ къ этой Филаретовской миніатюрѣ стоятъ Чуд. Переводъ и Солов. копія. Изъ означеннаго у иконника Филарета въ надписяхъ оба эти Апок. берутъ въ рисунокъ не все, а только по частямъ, и что̀ взято въ одномъ, то опущено въ другомъ, хотя тотъ и другой очевидно той же редакціи. А именно: въ Солов. копіи взято: вверху посреди—Агнецъ, стоящій въ полукругѣ, обведенномъ облаками, въ сіяніи, и внизу подъ Іо. съ ангеломъ—городъ со стѣнами, но ни *людей*, ни *на престолѣ*—нѣтъ. Напротивъ того, въ Чуд. Переводѣ [сн. 124 а] изображены ведомые ангеломъ въ рай и сидящіе въ раю на престолѣ, но нѣтъ ни Агнца, ни города. Такъ же и въ позднѣйшихъ копіяхъ.

63) XX, 7-10 [сн. 109]. Вверху осада и разрушеніе города и побіеніе и пожираніе его жителей Песьими-Головами: все это нарисовано только въ эскизѣ, наскоро и очень бойкими очерками черниломъ, въ которыхъ черныя линіи фигуръ и полатнаго письма перепутываются съ черными же линіями небеснаго огня, который въ Хлуд. копіи писанъ кистію въ широкихъ красныхъ полосахъ. Внизу изъ земной пропасти вылѣзаетъ Сатана въ человѣческомъ видѣ съ длинною бородою и всклокоченными волосами, какъ щетина; подъ животомъ другое лицо. За тѣмъ онъ же бросается въ адскую пасть. Тотъ же рисунокъ и въ Солов. копіи; но въ Чуд. Переводѣ онъ дополненъ и нѣсколько измѣненъ [сн. 117]. У стѣнъ города впереди толпы Песьихъ-Головъ опять та же симплегма Гога и Магога; ихъ чудовищные воины лѣзутъ черезъ стѣны въ городъ и пожираютъ своими пастьми осажденныхъ. Ниже Сатана въ томъ же типѣ съ палицею въ рукахъ спѣшитъ помогать полчищу Гога и Магога; потомъ онъ же бросается не въ адскую пасть, которая написана въ одномъ углу, а въ огненную геену, въ другомъ углу, въ которой изъ пламени выставились двѣ звѣриныя головы: одна Перваго Звѣря съ семью рогами въ видѣ гребня, и другая Втораго Звѣря—съ бараньими рогами. Такъ же и въ позднѣйшихъ копіяхъ.

64) XX, 11-15 [сн. 113 в]. Вверху въ небѣ посреди въ ореолѣ I. X., въ простомъ сіяніи, на престолѣ, лѣвою рукою придерживаетъ на колѣнѣ книгу, десницею благословляетъ; по обѣимъ сторонамъ ореола по ангелу, у каждаго въ рукѣ дискъ, и по шести престоловъ, изъ которыхъ на каждомъ по книгѣ: эти книги замѣняютъ апостоловъ. Подъ небомъ гора. Налѣво изъ темной разщелины по̀ поясъ поднялась обнаженная фигура, въ рукѣ держитъ саркофагъ съ воскресшими мертвецами въ саванахъ: это Земля отдаетъ мертвецовъ, подробность, не принятая въ другихъ раннихъ редакціяхъ, на основаніи текста: «бѣжа небо и земля, и мѣсто не обрѣтеся имъ». Тотчасъ подъ фигурою Земли, въ небольшомъ пространствѣ, очеркнутомъ для моря, присѣдая на колѣна стоитъ другая фигура, до пояса обнаженная, а ниже драпированная одѣяніемъ, въ рукѣ держитъ такой же саркофагъ съ мертвецами. Это Море отдаетъ мертвецовъ. Направо противъ Земли и Моря направляется въ ихъ сторону Смерть, тоже съ саркофагомъ и мертвецами, а по-

зади ея стоитъ въ оригинальной фигурѣ Адъ, съ такою же ношею, которую онъ держитъ концомъ языка и носомъ. Эта фигура [сн. 113 в], необычная въ иллюстраціи нашихъ лицевыхъ Апокк., составляетъ исключительную особенность Филар. редакціи, удержанную и въ Хлудовск. копіи, и, вѣроятно, восходитъ къ раннимъ иконографическимъ преданіямъ, общимъ и для восточныхъ, и для западныхъ Апокк., между которыми Пражск. Апок. XIV предлагаетъ подобный же типъ Ада [сн. 261 в], только съ одною головою, тогда какъ въ нашихъ иллюстраціяхъ онъ съ двумя головами.—Вся нижняя часть миніатюры занята огненнымъ озеромъ, въ пламени котораго видны ниспровергнутые оба апокалипсич. Звѣря, Смерть, та же фигура Ада и грѣшники. Въ Чуд. Переводѣ тотъ же общій рисунокъ, но съ нѣкоторыми измѣненіями и подновленіями въ подробностяхъ. А именно: Земля и Море, женскія фигуры, не обнажены, а обѣ одѣты; Земля на плечѣ держитъ древесную вѣтку, а Море помѣщено не подъ нею, а въ одномъ изъ нижнихъ угловъ, гдѣ сидитъ оно въ видѣ женщины на большой рыбѣ [сн. 123 г], а другой нижній уголъ занятъ огненнымъ озеромъ, съ низвергнутыми въ него Смертію и Адомъ. Подновленіе оказалось, во-первыхъ, въ томъ, что въ рукахъ ангеловъ нѣтъ дисковъ, и, вовторыхъ, оригинальная фигура Филаретовскаго Ада замѣнена обыкновенною, въ видѣ чернаго человѣка съ звѣриною мордою и съ серпомъ въ рукѣ. І. Х. въ крестномъ сіяніи. Тотъ же переводъ и въ позднѣйшихъ копіяхъ. Что же касается до Солов. копіи, то въ ней Филаретовск. рисунокъ сокращенъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ; но ангелы держатъ диски. Земли вовсе нѣтъ, а также и Смерти и Ада, которые отдаютъ своихъ мертвецовъ.

65) XXI, 1-4. Подъ аркою желтовато-коричневой радуги на воздухѣ изображенъ Горній Іерусалимъ: онъ окруженъ невысокими стѣнами; внутри его пустое пространство, и только изъза передней стѣны по̀ поясъ выступаютъ І. Х. съ Божіей Матерью и Іоанномъ Крестителемъ по сторонамъ. За ними видны головы святыхъ направо и налѣво, внутри же стѣнъ башни. Внизу на землѣ стоятъ Іо. съ ангеломъ. Налѣво надъ Горнимъ Іерусалимомъ надписано: *агнецъ*; то есть, этотъ символъ долженъ быть помѣщенъ надъ стѣнами зданія, какъ это изображено въ м. 73 моего юсов. Апок. XVI в. Соловецк. копія

того же перевода; только все пустое пространство внутри стѣнъ наполнено тѣми лицами, которыя въ Филар. Апок. помѣщены у передней стѣны, и притомъ I. X. сидитъ на престолѣ, по сторонамъ коего Божія Матерь и Іо. Креститель съ ангелами, и всѣ фигуры во весь ростъ. Зданій или башенъ въ Іерусалимѣ нѣтъ. Предположеннаго Филаретовскою надписью Агнца и въ Солов. копіи нѣтъ: ясно, что копія сдѣлана съ перевода, въ коемъ это предначертаніе не было исполнено, или когорый вовсе и не принималъ его въ расчетъ. Что же касается до Перевода Чудовскаго [сн. 118], то въ немъ арка синей радуги вверху и общій планъ города Іерусалима хотя и указываютъ на нѣкоторое вліяніе редакціи Филаретовской, но весь рисунокъ имѣетъ совершенно другой характеръ. Убогій рисунокъ Іерусалима въ Филар. Апок. занимаетъ только часть миніатюры на широкомъ пространствѣ бѣлой бумаги, тогда какъ въ Чуд. Переводѣ онъ наполняетъ собою почти всю миніатюру. Іерусалимъ возносятъ четыре ангела, а снизу держитъ его на своихъ крыльяхъ огненный херувимъ. Внутри стѣнъ горняя агапа за двумя столами; посреди на первомъ мѣстѣ возсѣдаетъ уже не Невѣста Агнца, а Божія Матерь, какъ означено надписью: *Мр—Ѳу*. Надъ нею въ орнаментѣ изъ вѣтвей выступаетъ пѡ поясъ юный I. X., или Еммануилъ, въ крестномъ сіяніи, благословляя обѣими руками: будто византійскій крестъ, водруженный между двумя вѣтвями Животворящаго Древа, которое здѣсь соотвѣтствуетъ древу родства Іисуса Христа, по миніатюрѣ въ Hortus Deliciarum [сн. 253 б]. Къ Еммануилу съ радуги паритъ ангелъ. Надпись гласитъ о сюжетѣ миніатюры: *градъ же сей соборъ святыхъ нарицается*. Направо въ уровень съ Іерусалимомъ стоитъ Іо. Такъ же и въ позднѣйшихъ копіяхъ.

Затѣмъ къ тексту XXI, 5-8, или къ главѣ 66-ой, по толковому счету, въ Филарет. экземплярѣ миніатюры 66-ой нѣтъ; ея и не было первоначально, когда составлялась рукопись, какъ это доказывается замѣткою на нижнемъ полѣ л. 150-го, сдѣланною писцемъ самаго текста рукописи: $\overline{\text{зѕ}}$. кѣнамѣни, т. е. *безъ знамени*, что̀ значитъ: безъ рисунка. Но на оборотѣ предыдущаго л. 149, на пустомъ пространствѣ цѣлой половины страницы, оставшемся отъ текста гл. 66-ой, обозначенъ проэктъ миніатюры двумя надписями той же руки, которою писаны

надписи и на прочихъ мм., гдѣ недостающее слѣдовало дополнить. Одна надпись направо: *Іоаннъ*, другая налѣво, нѣсколько ниже уровня правой надписи: *люди*. То есть: направо, по принятому обычаю, на горѣ стоитъ Іоаннъ, а налѣво въ одной или нѣсколькихъ толпахъ люди, или праведные, или же грѣшные, согласно тексту обреченные на муки въ озерѣ горящемъ. Въ Солов. копіи рисунокъ совсѣмъ другой: вверху І. Х. на престолѣ между двумя ангелами, а внизу на землѣ только одинъ Іо., и больше ничего. Но Чуд. Переводъ въ нижней части миніатюры вполнѣ соотвѣтствуетъ обѣимъ надписямъ иконника Филарета, только наоборотъ, какъ постоянно въ рук. Зайцевскаго. А именно: вверху, согласно Солов. копіи, І. Х. на престолѣ съ ангелами и святыми по сторонамъ; затѣмъ нижняя часть занимаетъ цѣлую половину листа. Направо стоитъ Іо.; около него толпа праведныхъ, съ надписью: *жаждущимъ правды дати обѣщаваетъ благодать животворящаго духа доньдеже время есть да дѣлаемъ доброе*. Ниже весь лѣвый уголъ занятъ огненнымъ озеромъ, въ которое два дьявола тянутъ на веревкахъ, каждый по толпѣ обнаженныхъ грѣшниковъ, очевидно по примѣру группы, замѣченной выше въ м. 62 [сн. 108], съ грѣшниками въ саванахъ, которыхъ сверхъ того другой дьяволъ подгоняетъ сзади жезломъ, что̀ въ Чуд. Переводѣ не принято. При этомъ эпизодѣ надписано: *страшливымъ же на діаволю брань осужденіе обѣща*. Тотъ же переводъ и въ позднѣйшихъ копіяхъ.

Въ слѣдующемъ за симъ описаніи миніатюръ надлежащій ихъ счетъ, удержанный въ Чуд. Переводѣ и позднѣйшихъ копіяхъ, означается въ скобкахъ при счетѣ Филар. экземпляра, въ коемъ, впрочемъ, въ двухъ означенъ и тотъ и другой счетъ: тогда цыфры не отличены у меня скобками.

66 (67) XXI, 9-27. Вся м. занята изображеніемъ Горняго Іерусалима. Неба нѣтъ. Въ самомъ верху направо на горѣ, составляющей задній планъ Іерусалима, ангелъ вручаетъ Іоанну трость для измѣренія города. Общій планъ Іерусалима обведенъ невысокими стѣнами. Внизу подъ тремя арками по двери; на каждой двери по херувиму; въ Солов. копіи—по ангелу; въ Чуд. Переводѣ эти арки приподняты угломъ и сближены вмѣстѣ, отдѣляясь только тоненькими столбиками; направо и налѣво, отдѣленныя выступами стѣнъ, идутъ такія же арки, соединенныя вмѣстѣ, и въ каждой по херувиму.—Внутри

стѣнъ по сторонамъ терема и башни, а вся середина занята въ два яруса нѣсколькими столами, за коими сидятъ святыя лица разныхъ чиновъ, а въ самомъ верху подъ двойной аркою церкви возсѣдаетъ на престолѣ Невѣста Агнца, въ типѣ Божіей Матери; по сторонамъ ея по ангелу. Тотъ же рисунокъ и въ Солов. копіи, только каждая трапеза, съ сидящими святыми, отдѣлена архитектурными перегородками изъ столповъ съ арками и куполами. Что же касается до Чуд. Перевода, то только снимокъ съ миніатюры можетъ дать надлежащее понятіе о томъ осложненіи, какое простому рисунку Филар. редакціи дано было въ Переводѣ Чудовскомъ [сн. 119], а затѣмъ, болѣе или менѣе, было удерживаемо въ позднѣйшихъ копіяхъ. Отсылая читателя къ снимку, сдѣлаю только слѣдующія замѣчанія. Вопервыхъ, каждая группа горней агапы, отдѣленная архитектурными линіями и орнаментами, составляетъ отдѣльный ликъ святой іерархіи, какъ это и означено въ надписяхъ: *ликъ пророковъ, ликъ апостоловъ, ликъ мучениковъ, ликъ мученицъ, ликъ святителей, ликъ пустынниковъ, ликъ преподобныхъ отецъ* и *ликъ преподобныхъ женъ*. Вовторыхъ, Невѣста Агнца уже переименована въ Божію Матерь [въ надписи: *Мр—θу*], а ангелы по сторонамъ ея держатъ въ рукахъ копье и другія орудія страстей Господнихъ. Втретьихъ, надъ нею убрусъ съ Нерукотвореннымъ Спасомъ, и наконецъ въ самомъ верху на стѣнѣ стоитъ І. Х., держа въ лѣвой рукѣ закрытую книгу, а правою благословляя [въ экземплярѣ Зайцевскаго наоборотъ]. Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ копіяхъ надъ Божіей Матерью, вмѣсто убруса и Іисуса Христа, изображенъ Агнецъ. Въ Хлудовской копіи 1708 г. вокругъ Іерусалима двѣнадцать арокъ, и въ каждой изъ нихъ по ангелу съ золотыми крыльями и въ бѣлыхъ ризахъ.

67 (68) XXII, 1-5. Вверху въ ореолѣ, опирающемся о вершину горы, на престолѣ Агнецъ съ книгою. Окрестъ ореола четыре символич. животныя. Отъ престола идетъ рѣка «воды животныя», «и по обаполы рѣки древо животное», въ видѣ небольшихъ кустиковъ. Направо ближе къ ореолу толпа святыхъ въ сіяніяхъ, налѣво ниже ихъ уровня стоитъ Іо., простирая руки кверху. Недостающее въ рисункѣ дополнено надписями: по обѣ стороны ореола написано: *ангелъ—ангелъ*, надъ толпою святыхъ на поляхъ: *чело*, вѣроятно, *человѣкъ*, котораго, можетъ

быть, слѣдовало написать по другую сторону, какъ это и сдѣлано въ Чуд. Переводѣ, во всемъ согласномъ съ Филаретовскимъ рисункомъ, такъ что и сказаннымъ надписямъ по сторонамъ ореола соотвѣтствуютъ два ангела [сн. 120]. Что касается до кустовъ, коими усѣяна эта миніатюра, то поднимающіеся изъ нихъ цвѣты и плоды носятъ характеръ фряжскій, и особенно виноградные грозды въ гнѣздахъ изъ листвы, принятые и въ заставкахъ нашихъ старопечатныхъ изданій *. По рисунку позднѣйшія копіи согласуются съ Чудовск. Переводомъ, а Соловецкая съ Филар. экземпляромъ, только кромѣ рѣки, изливающейся отъ престола, подъ нимъ изображенъ кладязь живой воды въ видѣ цилиндрическаго сосуда.

68-69) XXII, 6-7 [сн. 110]. Эта и слѣдующая за нею миніатюра, мéньшаго противъ всѣхъ прочихъ размѣра, не въ листъ, а въ четвертку, и обѣ на отдѣльныхъ листкахъ бумаги, приклеены къ пустой оборотной сторонѣ листа съ текстомъ, и на обѣихъ выставлены цыфры дважды: одна—по числу главъ, принимая въ счетъ и опущенную выше миніатюру, а другая—по счету миніатюръ въ наличности, почему и оказались цыфры: на этой м. 69 и 68, а на слѣдующей 70 и 69: цыфры по счету главъ, т. е. 69 и 70 принадлежатъ писцу текста, а по наличнымъ миніатюрамъ, т. е. 68 и 69—той поздней рукѣ, которая отмѣчала счетъ всѣхъ мм. этой рукописи.—Описываемая миніатюра состоитъ изъ двухъ фигуръ—Іо. и ангела. Такъ же и въ Солов. копіи. Но въ Чуд. Переводѣ рисунокъ другой: внизу равномѣрно только тѣ же двѣ фигуры, но въ другихъ позахъ, и далѣе разставлены; сверхъ того вверху въ небѣ изображенъ на престолѣ I. X. съ ангелами по сторонамъ и сзади. То же и въ позднѣйшихъ копіяхъ.

69-70) XXII, 8-9. Тѣ же двѣ фигуры: Іо. поклонился ангелу. Въ Солов. копіи такъ же; но въ Чуд. Переводѣ сцена усугублена въ два момента: Іо. стоитъ съ ангеломъ, и рядомъ онъ же поклоняется тому же ангелу. Въ позднѣйшихъ копіяхъ то же; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ прибавлено ввер-

* См. Румянцева, Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Москвѣ. Москва 1872; табл. IV и XXIII. Орнаментъ Гутенберговой Библіи 1455 г. у Noel Humphreys, A history of the art of printing. London 1867; табл. 14. Въ архитектурныхъ орнаментахъ готическаго стиля XIII в. въ Album de Villard de Honnecourt, изд. Дарселя. Paris. 1858; табл. IX. Слич. также въ моей рецензіи на книгу Віолле-ле-Дюка въ *Критическомъ Обозрѣніи* 1879 г. № 5, стр. 17.

ху небо съ I. X. и святыми; передъ ними лежитъ открытая книга.

70 (71) XXII, 10-14. Вверху въ небѣ въ ореолѣ, окруженномъ полосою съ четырьмя символ. животными и херувимами, на престолѣ сидитъ I. X. въ простомъ сіяніи, лѣвою рукою придерживаетъ на колѣнѣ книгу, правую приподнялъ съ раскрытою дланью; изъ устъ Его исходитъ длинная труба съ гласами. Внизу стоятъ только двѣ фигуры, Іо. и ангелъ. Въ Солов. копіи то же, только по сторонамъ ореола по ангелу. Въ Чуд. Переводѣ рисунокъ другой, и въ Апок. Зайцевскаго писанъ по принятому наоборотъ. Вверху въ небѣ на престолѣ сидитъ I. X. въ крестномъ сіяніи, какъ всегда въ этой редакціи; правой рукою придерживаетъ на колѣнѣ книгу, лѣвую спустилъ къ стоящему нѣсколько ниже Іоанну съ ангеломъ; выше ихъ у престола стоитъ еще ангелъ. По другую сторону, въ верхнемъ углу налѣво ореолъ въ видѣ звѣзды изъ двухъ четвероугольниковъ, положенныхъ одинъ на другой крестъ-накрестъ, верхній—красный, нижній—зеленый. Звѣзда эта наложена на равноконечный крестъ, котораго желтые, т. е. золотые, концы, нѣсколько разширяясь къ центру, получаютъ звѣздообразную фигуру. Въ этомъ звѣздномъ ореолѣ изображенъ I. X. въ бѣлыхъ ризахъ, стоящій во гробѣ; налѣво склоняется Адамъ. Это—Воскресеніе Христово и вмѣстѣ Сошествіе въ адъ [сн. 124 б].—Внизу налѣво церковь; въ ней праведники; передъ ними идетъ ангелъ со свиткомъ. Въ правомъ углу адская пропасть, по черному фону которой писаны бляха съ отверстіемъ для ключа и ниспроверженныя вереи ада, которыя падаютъ на какую-то простертую полуобнаженную фигуру. Въ позднѣйшихъ копіяхъ соотвѣтствующая этой миніатюра, согласная съ Чуд. Переводомъ, служитъ иллюстраціею самаго конца Апокалипсиса, т. е. XXII, 15-21.

Что же касается до Филар. экземпляра и Чудовск. Перевода, то оба эти Апокк. заявляютъ о своемъ родственномъ происхожденіи еще и тѣмъ, что въ обоихъ только что означенный текстъ, XXII, 15-21, не имѣетъ при себѣ миніатюры.

Теперь остается разсмотрѣть добавленіе къ Чудовск. Переводу, состоящее въ иллюстраціи изъ толкованія Ипполита папы Римскаго на Апокалипсисъ, именно о Видѣніи пророка Даніила и о Страшномъ судѣ. Всѣхъ миніатюръ должно быть пять, какъ

это и сохранилось сполна въ Титовск. рук. № 523, XVIII в.; но въ рук. Зайцевскаго и въ МПМ. № 4, конца XVII в., недостаетъ по одной. Послѣдняя изъ этихъ пяти мм. имѣетъ своимъ предметомъ извѣстное въ нашихъ лицевыхъ сборникахъ символическое представленіе Чистоты.

Буду описывать по рук. Зайцевскаго. Она въ лучшемъ видѣ содержитъ оригиналы для переводовъ обѣихъ другихъ рукописей, и сверхъ того съ текстомъ, хотя и довольно неисправнымъ, котораго нѣтъ ни въ той, ни въ другой.

Текстъ занимаетъ по половинѣ страницы при каждой миніатюрѣ, кромѣ послѣдней, изображающей Чистоту, оставленной безъ текста.

Отсутствующая въ рук. Зайцевскаго миніатюра съ Архангеломъ Михаиломъ уже описана въ общемъ обозрѣніи изслѣдуемой здѣсь редакціи. Потому обращаюсь къ прочимъ четыремъ миніатюрамъ.

72) При текстѣ: «Премудрый же Даніилъ ближе рече: И слышахъ ангела глаголюща ко мнѣ, яко открыется во времена скончанія царь онъ мерзости запустѣнія, и вознесется и возвеличится на всѣхъ Бога и на Бога богомъ, и возглаголетъ паче тягости, и смиритъ и озлобитъ вся. И будетъ время скорби, яко же не бысть, отнели же бысть языкъ на земли до времени того. Во время же оно возстанетъ Михаилъ князь великій, стояй надъ сынми людей твоихъ [пророка Даніила XII, 1-2], и страшно вострубитъ» и пр. [сн. 121].—Направо за столомъ сидитъ пророкъ Даніилъ и пишетъ въ книгѣ, что̀ сообщаетъ ему стоящій около него ангелъ. Даніилъ представленъ въ типѣ безбородаго юноши; красивая голова убрана густыми волосами, въ фригійской шапочкѣ; безъ сіянія. Кафтанъ зеленаго цвѣта по колѣна, съ желтою нашивкою на подолѣ; красноватыя порты заправлены въ желтые сапоги. Поверхъ кафтана длинная красная мантія съ бѣлымъ отложнымъ воротникомъ. Слич. древнѣйшій первообразъ этого типа въ Космѣ Индикопловѣ по Ватиканск. рук. VII-VIII в. * и между изображеніями на вратахъ св. Павла внѣ стѣнъ Рима 1070 г. [сн. 252 б]. Архангелъ въ воинскомъ доспѣхѣ. Даніилъ пишетъ лѣвой рукою, потому что въ экземплярѣ Зайцевскаго, какъ не разъ уже было

* Кондакова, Исторія Византійск. искусства и иконографіи по миніат. греч. рукк. Одесса. 1877. Табл. IV.

замѣчено, переводы были сняты наоборотъ; по той же причинѣ и царь благословляетъ лѣвой же рукою. Налѣво на престолѣ сидитъ этотъ царь, высоко надъ окружающею его многочисленною толпою людей, изъ которыхъ одни стоятъ, другіе пали на колѣна. Между ними къ лѣвому углу обращаетъ на себя вниманіе зеленовато-темнаго цвѣта фигура дьявола съ опрокинутою назадъ головою и воздѣтыми руками. У царя широкая полоса, или лоронъ, перекинута на рукѣ; корона городами.— Вверху ангелъ, съ мечемъ въ лѣвой рукѣ [вм. правой], низвергаетъ съ неба фигуру въ царскомъ же облаченіи, но въ коронѣ шапкою. Съ неба низвергается огонь и градъ. Два дьявола взмахиваютъ на низвергаемую фигуру своими палицами, третій хватаетъ ее снизу, и она въ борьбѣ вцѣпилась ему въ бороду.—Въ рук. Титова № 528, такъ же копія наоборотъ: Даніилъ пишетъ лѣвою рукой. Переводъ тотъ же, только небрежнѣе; фигуры дьявола около престола нѣтъ. Въ рук. МПМ. № 4 эта миніатюра пропущена.

73) При текстѣ: «Вострубитъ бо архангелъ и мертвіи о Христѣ возстанутъ нетлѣнніи, и мы измѣнимся... И соберутся вкупѣ человѣческая тѣлеса.... Ничто же противится, но и земля, и море, и рѣки, и вся просто дадятъ мертвеца своя» [сн. 122].—Охряная земля окружена темнозеленымъ моремъ. Налѣво архангелъ въ воинскомъ доспѣхѣ трубитъ въ трубу; направо Земля, въ видѣ женщины въ широкомъ одѣяніи, вся подъ цвѣтъ охряному полю, сидя держитъ въ правой рукѣ кость, въ лѣвой саркофагъ съ воскресшими, не въ бѣлыхъ саванахъ, какъ вообще принято, а въ красныхъ одеждахъ; тутъ же птица съ ногою въ клювѣ. Сверхъ того, въ разныхъ мѣстахъ по землѣ всякіе звѣри сносятъ отовсюду въ своихъ пастяхъ члены человѣческаго тѣла. Въ морѣ, по очень темному фону, черными очерками выступаетъ олицетвореніе Моря въ видѣ женщины, тоже одѣтой, отъ шеи до ногъ: она сидитъ на большой рыбѣ, въ той же самой позѣ, въ какой принято изображать это олицетвореніе въ Чудовск. Переводѣ, м. 64, и почти во всѣхъ позднѣйшихъ копіяхъ. Въ рукахъ держитъ корабль, наполненный людьми, съ мачтами, снастями и парусами и съ широкимъ выступомъ кормы. Какъ Море, такъ и Земля— простоволосыя, съ спускающимися на плечи косами. По водѣ плывутъ рыбы, неся во ртахъ члены человѣческаго тѣла.—Въ

обѣихъ рукк., и въ Титовск., и въ рук. МПМ., то же самое.

74) При текстѣ: «И вси отъ вѣка мертвіи рекше человѣцы прехвальнымъ архистратигомъ Михаиломъ соберутся вкупѣ. и предстанутъ праведному судіи, нелицемѣрному, на отвѣщаніе слова всякаго и дѣянія, помышленія и смысла». Страшный судъ изображенъ въ сокращенномъ составѣ. Вверху въ темно-зеленомъ ореолѣ І. Х., сидитъ на воздухѣ; въ лѣвой рукѣ держитъ свитокъ, правую спускаетъ внизъ; по лѣвую его руку стоитъ Божія Матерь, по правую—Іоаннъ Предтеча [наоборотъ, какъ вездѣ принято въ экземплярѣ Зайцевскаго]. Подъ І. Х. престолъ съ книгою. По сторонамъ его, подъ лѣвой рукой Спасителя Адамъ, подъ правою—Евва [опять наоборотъ]: оба преклонили колѣна. По сторонамъ ореола, на широкихъ сѣдалищахъ полукругомъ, возсѣдаютъ апостолы, въ цвѣтныхъ одеждахъ; позади ихъ и кругомъ ореола стоятъ ангелы, всѣ красные, т. е. огненные; между ними и архангелъ съ трубою, такой же огненный. Съ неба изъ-подъ престола съ книгою выказывается изъ облака рука Господня съ мѣриломъ праведнымъ, но безъ обычныхъ на Страшномъ судѣ фигуръ у мѣрила. Въ самомъ низу подъ мѣриломъ изъ гробовъ возстаютъ мертвецы. Направо рай, къ дверямъ котораго приступили праведники вслѣдъ за апостоломъ Петромъ. Налѣво адова пасть съ грѣшниками, къ которой дьяволъ гонитъ еще толпу людей.—Въ обѣихъ другихъ рукк., и МПМ. и Титовской, то же самое.

75) Безъ текста, м. во весь листъ, изображаетъ извѣстное въ нашихъ лицевыхъ сборникахъ аллегорическое представленіе Чистоты. Предлагаю текстъ по одному такому сборнику XVIII в., принадлежащему мнѣ. «Чистота душевная преукрашена аки вѣнецъ, или невѣста; ангеломъ равна есть, и преукрашена всякими цвѣты, имѣяй на главѣ вѣнецъ царскій. И предстоитъ у престола Господня. Молитва же ея исходитъ изъ устъ, аки огонь, до небеси; солнце противу лица ея и луна подъ ногами ея, а сама стоитъ превыше небеси и солнца. Ненавидяй діаволъ рода человѣческаго, не могій зрѣти доброты человѣчи, паде аки котъ. Терніе грѣховное слезами угаси, постомъ льва связа, смиреніемъ змію укроти; а душа грѣшная тьмою помрачается и плачется горько».—Вверху въ небѣ, въ овалѣ съ красными облаками, на престолѣ сидитъ І. Х., лѣвою рукою

придерживаетъ на колѣнѣ открытую книгу, десницею благословляетъ. Направо стоитъ ангелъ съ дискомъ; налѣво Чистота въ царскомъ вѣнцѣ городами. Внизу гора. Налѣво на склонѣ горы стоитъ та же Чистота, но въ бо́льшемъ размѣрѣ, въ красной ризѣ съ желтыми полосами и въ зеленой мантіи. На головѣ корона городами, въ сіяніи; надъ короною—вѣнецъ изъ цвѣтовъ, въ видѣ *вравіи* Богородицы, или того куста, какимъ украшается голова Адама, изъ вѣтви райскаго древа, принесенной ему Сиѳомъ. Чистота стоитъ на лунѣ; противъ нея на воздухѣ солнце. Изъ устъ ея возносится красная струя къ ореолу съ I. X.; правую руку приподняла, раскрывъ ладонь, въ лѣвой держитъ сосудъ, изъ коего льетъ слезы на пламя, исходящее отъ горы. Отъ лѣвой же руки спускается красная полоса веревки, которою за шею привязанъ левъ. Противъ Чистоты на горѣ черный змій съ красною головою и красными крыльями и двумя лапами. Внизу подъ зміемъ, рядомъ со львомъ гробъ съ скелетомъ: надъ гробомъ склонились люди. Надъ ними направо черная бездна съ обнаженною фигурою грѣшника. Надъ бездною черный дьяволъ. Почти тотъ же рисунокъ и въ моемъ сборникѣ, откуда приведенъ здѣсь текстъ. Въ обѣихъ сравниваемыхъ рукк., и МПМ. и Титовской, то же самое.

VI

Рукопись Московскаго купца И. Л. Силина въ л. на 292 лл, собственно Апокалипсисъ на 31-208 лл. съ 71 мм.; 1636-1643 гг. [Двинской]

По счастливой случайности эта единственная въ своемъ родѣ рукопись съ сборнымъ Апокалипсисомъ, соединившемъ въ себѣ Филаретовскую редакцію съ принятою въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в., до сихъ поръ оставшаяся въ неизвѣстности, была пріобрѣтена И. Л. Силинымъ и предложена мнѣ для пользованія, какъ разъ во́ время, именно когда въ типографіи были набираемы для печатанія листы предыдущей, V-ой главы, посвященной Филаретовской редакціи и Чудовскому Переводу. Надобно только пожалѣть, что я не могъ этою рукописью воспользоваться, когда печаталъ Введеніе, для котораго по своему въ высшей степени любопытному составу она предлагаетъ существенныя дополненія, именно для главъ I и VI.

Въ концѣ рукописи, на лл. 287-292, помѣщена слѣдующая «повѣсть», т. е. лѣтопись о составленіи ея, предлагающая драгоцѣнныя свѣдѣнія объ условіяхъ быта, мѣстныхъ и историческихъ, при которыхъ безыменный составитель писалъ эту книгу и самъ же украсилъ ее миніатюрами, а также и о его понятіяхъ и убѣжденіяхъ и о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ его жизни.

«Сія убо повѣсть изъявляетъ, откуду начася и како совершися книга сія святая Бога Отца Вседержителя Творца всяческихъ, яже на небеси и на земли, животна и словесна, якоже исперва первозданнаго родоначальника Адама сотвори животна

и разумна и словесна, сице и всему человѣчеству рода его восхотѣ даровати, да увѣдятъ сотворшаго ихъ; являя угодники своими, пророки и апостолы божественное существо троичное и божества его славу и велелѣпоту, и страшныхъ судебъ его, и паки въ послѣднихъ временехъ рода нашего, новаго Израиля, яви возлюбленному другу и ученику своему Іоанну, сыну Громовому, многи страшныя тайны, иже суть сокровенны отъ вѣка.

«И отъ царскихъ пресвѣтлыхъ полатъ государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа (sic) Русіи самодержца посланну нѣкоему логофету со стратиги его царского полковиднаго чину со стратиги въ нѣкую часть російскія державы близъ студенаго моря акіяна, земли нарицаемыя Двины, въ собраніе его царскихъ доходовъ и во управленіе людемъ, и паки прежереченному логофету яко огнь возгорѣ въ сердцы его любовнымъ желаніемъ, дабы ему написати страшныхъ таинъ откровеніе еже Іоанну Феологу, въ наказаніе бы его души окозрѣніемъ и ухослышаніемъ, и что явлено и откровено апостолу, написати бы по словописанію съ толкованіи знаменіемъ, живописаніемъ составительно шаротвореніи, одежъ преиспещренііи и произъгбеніи. И много поискавъ къ таковому дѣлу зографа изящна и не обрѣте. И паки изообрѣте себѣ въ дѣлѣ семъ человѣка худа и неславна и всѣмъ человѣкомъ непотребна ни въ коемъ дѣлѣ блазѣ и презрѣна отъ всѣхъ человѣкъ, и яко врана на ныращи забвенна, и яко птица особь бывшая на здѣ, и сего взыска въ нѣкоей веси малолюдной и малоисходна (sic), и сего досяже и пріятъ любезно ко своей благоутишнѣй любви, и упокоеваше немало время, и всякими потребами удовляше, и много о семъ дѣлѣ начатъ стужати, и многа блага обѣщевати. Азъ же недостойный много отрицаяся глаголя, яко есмь отъ дѣтьства своего не наказанъ и не навыченъ изяществу сего дѣла, и того ради невѣжьствіе облада мя; къ тому же и въ послѣднюю старость пріидохъ; острозрительніи свѣтила тѣлесніи притупишася, и руцѣ ослабѣша. Онъ же, сему не внимая, всячески зѣло стужая ми. Азъ же непотребный и неключимый рабъ убояхся глаголющаго: сынъ ослушливый въ погибель будетъ, послушливый же кромѣ ея; къ сему же и наипаче убояхся истязанія паки моего Христа, непрестанно глаголюща ко мнѣ: лукавый рабе и лѣниве, почто не вда сребра моего

торжникомъ, и азъ пришедъ взялъ быхъ свое съ лихвою. Къ тому же еще начахъ помышляти, яко земледѣланіемъ житіе міра сего препровождати еже не удобно ми бѣ, раломъ орати, ниже сѣмене сѣяніемъ время живота своего сокращати не имамъ; но убо, вмѣсто рала, художество ручныхъ дѣлъ, вмѣсто же житныхъ сѣменъ, духовныя сія сѣмена разсѣвати, и всѣмъ по чину раздавати духовную сію пищу. И вся сія размышляя въ сердцы моемъ, да быхъ не скрылъ въ земли таланта, отъ Бога дарованнаго ми, и тужащу ми духомъ, сія глаголахъ, еда во вѣки отринетъ Господь и не приложитъ благоволити паки, или до конца милость свою отсѣчетъ по притчи смоковничнаго неплодствія, яко всуе землю упражняющу. И сего ради понудихся на сіе дѣло святыя сія книги и устремився неразсуднымъ своимъ дерзновеніемъ; не мое бо было дѣло се, но искусныхъ и изящныхъ паче насъ. Но уповая на щедроты божія, яко довольство наше не о себѣ, но о Бозѣ; вся бо суть возможна отъ Бога: слѣпымъ свѣтъ даруетъ и нѣмымъ проглаголати, яко же древле и подъ Валамомъ безсловесный оселъ проглагола человѣческимъ гласомъ; тако да удивитъ милость свою и на мнѣ косноязычномъ и несмысленномъ. И паки въ десницу свою воспріяхъ трость скорописную и начахъ сію книгу писати, въ лѣто ≠ϡ҃ѳ҃ маія, и мало начало положихъ. И многи скорби и болѣзни постигоша мя, и того ради дѣло мое медлено бысть. И по малѣ времени судомъ Божіимъ оному логофету внезапу восхити душу ему смерть, тѣло же его оста на земли безгласно и недвижимо, и вся помышленія его погибоша. И сего ради азъ дѣло сіе отложилъ, впредъ не хотя его вершити, яко рачителя не имѣя, чти и всѣхъ благихъ пріимати не отъ кого. И паки по малѣ времени нѣкоей веси дальные умоленъ быхъ священникомъ и христіаны побыти у нихъ для церковного иконного дѣла. Сице же и бысть, и препроводихъ у нихъ время годищное. И паки случимися изъ дому ити въ тое весь во время нестройно воздуха, и стихіямъ премѣняющимся, и презѣльному вѣтру дышущу, и путь шествія моего стѣсняющу. И многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, не долготы ради путнаго шествія, но заблудихся въ темные и непроходимые лѣсы. И блудихъ дванадесять дній безъ пища (sic), и уяденъ быхъ съ ногъ отъ лютаго и всеяднаго мраза и отъ другихъ стихій неисцѣльно, и конечно гладомъ побѣж-

денъ быхъ. Охъ горе, увы! И просто рещи: вся злая и злыхъ злѣе. И падохъ, яко древо, не имуще корени, душа же нудяшеся изыти изъ тѣла, но не бысть ей повелѣнія отъ Бога, ни разлучающихъ ангелъ. Охъ горе, увы! отъ злыхъ злая срѣтоста мя. И быхъ при устѣхъ ада и смерти; но Господь Богъ своимъ праведнымъ судомъ за моя злая и безчисленные грѣхи наказуя мя, смерти же не предалъ, но токмо своими стихіями отъятъ скороходныя ноги мои ко грѣхотворенію и на всякая злая; неисцѣльную язю и дондесь стражду, въ затворѣ неисходенъ, и не токмо здравія своего отстахъ грѣхъ ради своихъ, но злаго и немилосердаго расторгнутія моего отъ завидящихъ хищниковъ и врагъ всего лишенъ быхъ стяжаній своихъ трудовъ, гдѣ ни бысть, и въ послѣднюю нищету мя вогнаша. Но вся сія ни во что же вмѣняю, да Христа моего пріобрящу. Вся яже здѣ сну подобна и сѣни, преходятъ бо, яко же дымъ на воздусѣ, благая и злая расходятся, яко апостолъ хвалится въ скорбѣхъ, занеже скорбь терпѣніе содѣваетъ, терпѣніе же упованіе, упованіе же не посрамитъ; и никто же ми поможе въ печалѣхъ моихъ, токмо единъ Богъ, на него же уповаю: той видѣ обиду сиротства моего, и призрѣ мя въ погибелехъ моихъ, подая отраду сердцу моему, озари мя благостію своею. И пріяхъ духъ разума, наставляющаго мя еще къ подвигу сему. Прозрѣхъ очима сердца моего, и осязахъ рукама ума моего, обрѣтохъ зѣло малу крупицу, падшую отъ трапезы ядущихъ, и насытихся довольно, паче многоразличенъ брашенъ; еще же и другимъ подаю. И се нынѣ пріяхъ прежнихъ годовъ начало книги сія, аще и клосенъ и немощенъ, но покушаюся къ совершенію ея. И яко по стопамъ топтанымъ нѣкоего богоизбранна мужа, начахъ глаголати въ себѣ молитву сію: Господи Вседержителю вѣчный и безначальный! иже благости ради единыя приведый отъ небытія въ бытіе всяческая словомъ своимъ вседѣтельнымъ, духомъ устъ своихъ сра́сленымъ, и иже промышляя присно и содержа, износя по числу тварь свою, и по имени взывая, иже въ послѣдня лѣта неизреченныя ради милости твоея падшее наше естество возвелъ еси схоженіемъ единороднаго Сына твоего Господа нашего Іисуса Христа, иже и предастся за прегрѣшенія наша, и воскресъ оправданія ради нашего, его же язвою исцѣлѣхомъ, по благоволенію хотѣнія твоего и въ похвалу славы твоея, прежде нареченъ насъ во усыненіе Іисусъ

Христомъ въ тебѣ, во еже быти намъ святымъ и непорочнымъ предъ тобою, въ любви повѣдая намъ тайну воля (sic) своея, еже быти намъ исперва нѣкое отъ созданій твоихъ. Укрѣпи, Боже, се еже содѣла въ насъ и неизвѣщенною глубиною судебъ твоихъ, христіяномъ дателю истинныя мудрости, вразуми мя, и испытаю законъ твой, и не отойми отъ устъ моихъ словесѣ (sic) истинна дозѣла ради братій моихъ, услыши молитву мою, Господи, и моленіе мое внуши, слезъ моихъ не премолчи, яко пресельникъ азъ отъ тебе и пришлецъ, яко вси отцы мои. Ослаби ми отъ страстей моихъ, да полещу дѣяніемъ и почію видѣніемъ и смиреніемъ; ты убо, о Владыко, и прежде множицею отпустилъ еси нечестіе сердца моего, молитвами святыхъ твоихъ отъ вѣка угодившихъ ти, и нынѣ служащихъ ти преподобіемъ и правдою, аминь.

«И по молитвѣ начахъ богоизбранное сіе святое дѣло по устроенію навершати, яко бы богодухновенные дохматы (sic) распространевати; богатства же и ризъ свѣтлыхъ, и сладкихъ упитаній, и славы міра сего не искалъ отъ юности своея; но вся сія ни во что же вмѣняхъ, не уповахъ на неправду, и на восхищеніе не желахъ; богатства аще и много стекалося, не прилагахъ тамо сердца, но паче изволихъ всякія предреченныя и ина многа скорби и бѣды претерпѣвати, и въ недостаткахъ пища (sic) и потребъ тѣлесныхъ стѣсняемъ пребывахъ. Но паче изволихъ божественная писаніа (sic) собирати, да преписовая, да множая умножу слово Божіе и свидѣтельство Іисусъ Христово. Наше убо есть еже со смиреніемъ просити и начинати, божіе же еже миловати и совершати, того бо царствію наслѣдникъ быти надѣюся, его же буди всѣмъ намъ получити, благостію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, ему же подобаетъ слава, честь и поклоненіе, со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и въ безконечныя вѣки, аминь.

«Начата же сія книга въ лѣто ҂ѕрмд маія, совершижеся ρ҃на августа въ к҃д҃, занеже повелѣвшаго смерть подсѣче, писавшаго же многа скорби и болѣзни обіяша (sic); сего ради косно дѣло бысть и едва совершися толикими лѣты.

«Молимъ же васъ, читателіе, любовію духа Господа нашего Іисуса Христа, давшаго себе о грѣсѣхъ нашихъ, вси раби благословеннаго Бога нашего, да еще кому прилучится когда вникнути въ сію душеполезную книгу и разумѣти, что по-

требно и душеполезно, той преже всѣхъ виновнику всѣмъ благимъ и содѣтелю жизни нашея Богу благодать воздастъ, царю же многолѣтнаго здравія да проситъ, намъ же непотребнымъ начинанія дерзнутымъ [sic] прощеніе и грѣхомъ простыню да просятъ, да и сами того же благословенія и простыни грѣхомъ сподобитеся. И аще что прогрѣшено будетъ, Бога ради исправливайте, а не клените, понеже не писа Духъ Святый, ни ангелъ, но рука грѣшна и бренна, яко же и прочіи ненаказанніи».

Неустанные поиски и заботы Двинскаго старца далеко не ограничились только тѣмъ, чтобы старательно списать Толковый Апокалипсисъ и украсить его подобающими содержанію изображеніями. Онъ замыслилъ снабдить его разными свѣдѣніями, касающимися до житія Іоанна Богослова, а равно и до его апокалипсическихъ видѣній, какъ въ историческомъ и богословскомъ отношеніи, такъ и въ иконописномъ, и такимъ образомъ предложилъ въ своей рукописи, такъ сказать, цѣлую энциклопедію апокалипсическаго содержанія, въ рядѣ лицевыхъ статей, которыя онъ частію предпослалъ Откровенію въ началѣ, частію помѣстилъ въ концѣ. А именно:

«Сказаніе, како и гдѣ Апокалипсисъ написа Іоанъ Феологъ», лл. 1-27, съ 11 мм. Это есть извѣстное Сказаніе о хожденіи Евангелиста съ ученикомъ его Прохоромъ, въ сокращеніи, только съ подробнымъ изложеніемъ о написаніи Іоанномъ Евангелія и Апокалипсиса. Въ помѣщеніи этой статьи Двинской старецъ слѣдуетъ древнему преданію, удержанному и въ западныхъ Апокалипсисахъ, какъ это явствуетъ изъ Англосаксонскаго XII в. и Инкунабулъ XV в.

«Како Апостолъ Іоаннъ научи Гусаря образовъ писати», лл. 27 об.-30, съ 2 мм.

Лицевой Апокалипсисъ, лл. 31-208, съ 71 мм.

«О Антихристѣ выбраны изъ многихъ книгъ свидѣтельства, како и отъ кого имать роженъ быти и первое, како начнется», съ молитвою въ концѣ, лл. 209-228; съ семью миніатюрами, изъ коихъ послѣдняя, 7-я, относится къ молитвѣ, изображая сокрушеннаго своими грѣхами старца на Страшномъ судѣ, а первыя шесть составляютъ существенное дополненіе къ иллюстраціи Сказанія Ипполита Папы Римскаго, въ моемъ юсо-

комъ Апок. XVI в. и въ Чудовскомъ Переводѣ по рук. Зайцевскаго, Титова и МПМ. № 4 *.

«Послѣсловіе Апокалипсису и всѣмъ писаннымъ въ книзѣ сей», лл. 228 об.-287, съ 4 мм., содержащее въ себѣ въ высокой степени замѣчательный, по набожному одушевленію и трогательной искренности—трактатъ богословскаго содержанія о предметахъ, входящихъ въ составъ апокалипсическихъ видѣній, согласно толкованію Андрея Кесарійскаго, а частію и о иконописномъ изображеніи оныхъ.

Сначала говорится о видимомъ образѣ и подобіи невидимаго и необъемлемаго Божества, причемъ отличается Его старческій образъ отъ юнаго: «Деньми же ветхій, за еже всѣхъ того быти и вѣкъ и лѣто, и прежде дній, и прежде вѣка и лѣта, богоявленьми являяся, и ветхій и новъ, старцу обо древнее и суща исперва, юнѣйшему же несостарѣемую [sic] назнаменующу, или обоимъ, иже изначала ветхъ убо явися Богъ Даніилу, бѣлу имѣя главу якоже волну, поеже и ветхій деньми именовати, юнѣйшій же съ сѣда старца, егда яко мужъ явися Аврааму со ангелы и уноша. Ащели же речеши обое стара и млада вкупѣ, яко изначала того являя, и конца не имать, единъ въ дву естеству. Такоже живописци пріяша и обыкоша писати и воображати», л. 230. Такъ отличаетъ нашъ иконописецъ типы Господа Саваоѳа отъ Еммануила, сближаемые въ нашей иконописи угловатымъ сіяніемъ. По Аѳонской Ерминіи Діонисія Еммануилъ отнесенъ къ эпитетамъ Іисуса Христа, равно какъ и Ангелъ Великаго Совѣта **.

За тѣмъ приводятся свидѣтельства св. Писанія о явленіи ангельскихъ силъ въ видимыхъ образахъ, а также изъ Апокалипсиса объ ангелахъ—Водномъ, собирающемъ виноградъ, ѣдущихъ на коняхъ. При этомъ на л. 230 об. помѣщена миніатюра, раздѣленная на четвероугольники, съ изображеніемъ девяти ангельскихъ чиновъ, а именно: Престолы въ видѣ крылатыхъ колесъ или колецъ, какъ звенья цѣпи, сцѣпленныхъ одно съ другимъ и покрытыхъ очами; Многоочитые Херувимы—головы съ четырьмя крыльями; Шестокрылые Серафимы—головы о шести крыльяхъ; затѣмъ идутъ чины въ типѣ крылатыхъ ангеловъ въ подирахъ съ золотыми полосами,

* Срезневскаго, Сказанія объ Антихристѣ въ славянскихъ переводахъ. Спб. 1874.

** Didron et Paul Durand, Manuel d'iconographie chrétienne. Paris. 1845. Стр. 460.

только съ отличіемъ въ аттрибутахъ: Господства—въ омофорахъ, Силы—въ короткихъ выше колѣнъ броняхъ и въ хламидахъ; Власти—въ коронахъ, и нѣкоторые съ перекрещеннымъ на груди ораремъ, въ хламидахъ или же въ тогахъ; Начала—безъ особаго отличія, въ хламидахъ, другіе въ тогахъ; Архангелы—съ дискомъ, означающемъ Печать Бога Живаго; и наконецъ Ангелы, безъ особаго аттрибута, въ хламидѣ или тогѣ. Волоса у всѣхъ ангельскихъ чиновъ спереди кудрявые, сзади спускаются, но безъ діадимъ, или же тороковъ и слуховъ.

Далѣе помѣщено слѣдующее замѣчаніе объ иконописномъ дѣлѣ: «Тако же и живописцы обыкоша писати и воображати безплотныхъ по ихъ явленію, начертаніемъ воображати, якоже отъ Бога пріимше премудротворнымъ преданіемъ, благоумне отъ премудрыхъ человѣкъ древнихъ, навыкше шаротвореній [т. е. колорита] живописательству, цвѣтомъ тѣлеснымъ воображающе зраки, и видотворивше виднѣйшимъ видомъ, вчинивше воображенія человѣческая, изъуподобивъ бытія образовъ древнихъ человѣкъ и святыхъ пророкъ и апостолъ, мученикъ и преподобныхъ, зраки ихъ и одежа, и ризъ ихъ произъгъбеніи, и коемуждо и благовидные удове ихъ живописаніемъ въ видѣніе составительно уподобляюще *, и елико бо писаніе словесы скажетъ, толико бо и воображеніемъ живописецъ воображаетъ. И нынѣ зраки нашими зрится существо ихъ и подобіе бытія ихъ, елико бо явлено бысть иже прежде насъ святыми пророки и апостолы, и познано ими, и вѣдомо, и проповѣданно. И мы, сія пріемше, и воображаемъ шаротвореніи [вообще живописью], и предъ зраки всѣмъ повсюду полагаемъ образъ вземлющаго грѣхи всего міра Агньца Христа Бога нашего, якоже пророкъ и Предтеча Креститель Христовъ показа его, глаголя: Се есть Агнецъ Божій; и по Исаіи пророка глаголу: яко Агнецъ безгласенъ ведеся на заколеніе. Человѣчества ради его смиренія въ высоты божіяго слова, волею смиривъ себе до смерти крестнѣй, и еже отъ сего бывшее міру избавленіе отъ діяволя плѣненія; и сего ради его смиренія святое Писаніе обыче его нарицати Агньцемъ. Такожде и самъ себе являя въ образѣ Агньца въ страшномъ явленіи Іоанну Богослову пре-

* То есть, не только лица, но и драпировку [произъгъбеніе], а также руки, ноги и прочія части тѣла иконописецъ изображаетъ правдоподобно, т. е. натурально, впрочемъ, согласуясь постоянно съ указаніями Писанія.

вѣчныхъ тайнъ откровеній, и въ человѣчемъ образѣ, ветхими деньми, и млада, да такожде и здѣ въ книзѣ сей назнаменано и воображено шаротвореніи *, на воспоминаніе страшныхъ его таинъ откровенія», лл. 232-233.

«О Церкви Христовы потребно вѣдати и разумѣти всякому читателеви», л. 237.

«О много именъ [sic] Церкви Христовы. Въ первыхъ отъ пророковъ называется виноградомъ, дщерью Сіоньскою, стражницею и вѣжею, колесницею многоочитою херувимскою, и горою тучною и усыренною; второе называется отъ богословцовъ нашихъ скарбницею, раемъ вторымъ, востокомъ свѣтлымъ, невѣстою возлюбленною и дѣвою чистою, и женою страждущею, и гонимою отъ змія; называется кораблемъ и царствомъ, а отъ Христа овчарнею и виноградомъ, отъ апостоловъ Сіономъ, Іерусалимомъ небеснымъ. Всѣ тѣ имена славныя и титла свѣтлы», л. 241 об. Разсмотрѣвъ на основаніи св. Писанія и другихъ источниковъ каждое изъ этихъ именъ, авторъ приступаетъ въ слѣдующихъ рубрикахъ къ подробному богословскому истолкованію главъ 33, 34 и 35 Апокалипсиса по толковому счету, а по простому XI, 19 и XII. А именно:

«О женѣ страждущей и болящей въ рожденіи сыновъ своихъ», л. 247. О Церкви во времена св. Великомучениковъ и о ея Сынѣ благочестивый иконописецъ выражается въ слѣдующихъ словахъ: «Тогда сынове ея яко незлобивіи овечки спѣшно шли на заколеніе, на поносныя смерти и великія муки для имени Христова, послѣдуя ему страстьми; ибо дьяволъ тогда елико могъ вымыслити на свѣтѣ мукъ творимыхъ, вымышлявъ все на апостоловъ и мучениковъ, истинныхъ свидѣтелей Христовыхъ, пещи огненныя, косы острыя, конобы медные, колеса коловратныя и пилы вострыя, сапоги желѣзные съ гвоздьми обуваеми, и гоними, сковрады разжжены, жилы волуи, батоги, львы, пардусы, звѣреве драпежливые и зміи ядовитые, и трезубы и ина многа; и розшàрпанія имѣній, выгнанія изо отчины отъ пріятелей милыхъ въ чужую землю. Полны вѣжа и темницы мучениковъ Христовыхъ. Увы мнѣ! когда то воспоминаю, тогда ми сердце на-полы отъ жалости умираетъ и яко слезы проливая. И кто можетъ вся болѣзни и жалость Церкви Христовы описати! Тогда сынове ея по всѣмъ странамъ, по

* Т. е. въ этой, описываемой мною теперь рукописи, нарисовано и раскрашено

мѣстомъ трупы и тѣлеса святыя по улицамъ лежатъ, извержены на снѣденіе звѣремъ и птицамъ, безъ погребенія земнаго. Многимъ были гробы звѣрьскія утробы. И когда то видѣла возлюбленица Христова, тогда въ горести рыданія кричала, и съ великою болѣзнію породила сына мужественнаго * и первороднаго, апостоловъ и мучениковъ, понеже стали противу всего войска темнаго міродержца, видимыхъ и невидимыхъ враговъ, и побѣдили жезломъ желѣзнымъ, твердою вѣрою и крѣпкимъ терпѣніемъ оного гордаго мучителя діявола», лл. 250-251.

«Яко реклъ Боговидецъ и восхищено быть чадо ея къ Богу и престолу его: то есть, взята душа святыхъ апостоловъ и мучениковъ къ Богу Отцу славы его, возведена отъ великой скорби и гоненія на покой небесный, вѣчный, и сынъ мужественный, иже упасе языки жезломъ желѣзнымъ, апостоли упасли многихъ народовъ и загнали въ единой овчарнѣ», л. 251 об.

«О гоненію Церкви отъ Змія», л. 251.

«О темномъ Вавилонѣ», л. 256.

«Собраніе мѣщанъ Вавилонскихъ, и что звѣрове и птицы нечистыя знаменуютъ», л. 258 об.

«О паденію Вавилона и о вѣчной его погибели», л. 262 об.

«О Ерусалимѣ, мѣстѣ преизящномъ, о фундаментахъ, и мурахъ его, и вратахъ», л. 268.

«О улицахъ Сіонскихъ и о обывателехъ его», л. 272 об.

«О покаяніи грѣшныхъ, зѣло полезно», л. 274 об.

«О блаженной жизни будущаго вѣка и о воздаянію праведныхъ», л. 277 об.

И затѣмъ въ самомъ концѣ рукописи помѣщена уже приведенная мною повѣсть о ея составленіи.

Этотъ драгоцѣнный памятникъ русской письменности и искусства долженъ занять видное мѣсто въ исторіи нашего Лицеваго Апокалипсиса. Онъ даетъ намъ ясное представленіе о симпатичной личности русскаго иконописца конца XVI и начала XVII столѣтій, который былъ не только составителемъ книги, замѣчательной по своему содержанію, и писцомъ текстовъ, которые украшалъ миніатюрами, но и обладалъ значительною начитанностью и свѣдѣніями, которыми умѣлъ сознательно располагать, и съ искренностью и краснорѣчіемъ выра-

* *Мужской полъ*, по энергическому выраженію толкованія

жалъ свои мысли и чувства. Въ религіозныхъ созерцаніяхъ и молитвахъ находилъ онъ вдохновеніе для своего мастерства, которое было для него дѣломъ святымъ, нераздѣльно слитымъ съ его молитвенными созерцаніями. Онъ утѣшалъ себя въ скорбяхъ, лишеніяхъ и болѣзняхъ, возносясь отъ земли въ выспреннія видѣнія Откровенія, вникалъ умомъ и сердцемъ въ ихъ существо и съ благоговѣніемъ олицетворялъ ихъ въ иконописные образы.

Рукопись писана крупнымъ полууставомъ, а объяснительныя надписи внутри и внѣ рамокъ миніатюръ—мелкимъ полууставомъ, иногда переходящимъ въ скоропись; то и другое почеркомъ конца XVI в., такъ какъ престарѣлый составитель рукописи 1636-1643 гг. вышелъ изъ школы писцевъ и иконописцевъ предшествовавшаго столѣтія. Потому употребляетъ онъ довольно часто большой юсъ, особенно въ Толковомъ Апок., и надъ *и* не ставитъ краткаго знака для выраженія *й*.

Заставки и кое-гдѣ узорныя заглавныя буквы писаны во вкусѣ фряжской листвы и частію подъ вліяніемъ орнаментаціи нашихъ старопечатныхъ книгъ; смотр. лл. 1, 36, 39, 130.

Пользуется онъ для этой книги общераспространенною редакціею, принятою и въ Филаретов. экземплярѣ, и въ моемъ юсов. Апок. При всей своей начитанности и отчетливомъ пониманіи того, что̀ писалъ, Двинской иконописецъ передаетъ сказанную редакцію со всѣми ея неудобопонятными изреченіями, а иногда и съ искаженіями и ошибками, можетъ быть, потому, что въ своемъ благоговѣніи къ Писанію не дерзалъ онъ измѣнить ни единой іоты въ оригиналѣ, который переписывалъ.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ рук. Двинскаго старца въ сличеніи съ обоими вышесказанными Апокк. Для краткости означаю только стихи по толковому счету. При этомъ см. варіанты въ описаніи обоихъ моихъ Апокк., и ранней редакціи, и въ юсовомъ, а также въ Соловецк. юсовомъ.

26. Толк. «діаволя *зиянія*», въ моемъ юсов. *зиянія*, въ Филар. *сьяніа*.

51. Толк. «самъ *усійска* есть истинна»; то же въ обоихъ Апок.

56. Толк. «сей имать *пити ясти* тѣмъ имъ же тѣ ся питѣютъ»; въ моемъ юсовомъ то же: *пити ясти*, но при этомъ въ глоссѣ исправлено: *питаяся*; въ Филар. *питиястем*.

70. Толк. «ни ангели ни *сами ти*»; въ моемъ: *санити*, съ глоссою: *сами;* въ Филар *самити:* въ Хлуд. XVI в. *саміи ти*: т. е. вм. sancti.

139. «И явися *киотъ* завѣта божіа»: въ обоихъ другихъ тоже *кіотъ*, но въ моемъ юсовомъ при этомъ глосса изъ древнѣйшаго текста: *крабій;* какъ значится въ Румянц. XIII-XIV в. «и явися *крабіи* завѣта божія».

166. *Тѣло звѣреви*, *тѣло звѣриное*, *тѣлу звѣриному*; то же и въ обоихъ Апокк.

170. «*Унотою* бо суть»; то же и въ обоихъ Апокк.

183. Толк. «*отъретивыхъ* коней»; то же въ моемъ юсов. *отъ ретивыхъ;* но въ Филар., какъ слѣдуетъ, правильно: *оревитыхъ*.

194. «И слышахъ *другаго отъ олтаря* глаголюща»; то же и въ моемъ юсов. *дрѫгаго отъ олтаря*; но въ Филарет. и Хлудовск. XVI в. «и слышахъ *олтарь глаголющь*», согласно съ древнѣйшимъ чтеніемъ Румянц. Апок. XIII-XIV в.

206. Толк. «яко на седми *рог* стоящъ», какъ и въ моемъ юсов. *рогъ*; но въ Филар. и Хлудовск., согласно съ Румянц. XIII-XIV в. *родъ*.

243. «Рече единъ *сантъ*», какъ въ моемъ юсов., Хлудовск. XVI в. и Румянц. XIII-XIV; но въ Филер. *етерь списатель*.

Изъ этихъ выдержекъ явствуетъ, что Двинской иконописецъ имѣлъ для своей копіи оригиналъ, болѣе сходный съ моимъ юсов. Апок., нежели съ Филаретовскимъ, и не только въ варіантахъ, и въ довольно грубыхъ ошибкахъ.

Теперь обращаюсь къ иллюстраціи.

Въ рукописи всего 95 мм.; изъ нихъ въ Апокалипсисѣ 71 мм., а остальныя размѣщены въ прибавочныхъ статьяхъ: 13 мм. передъ Апок. и 11 мм. позади его. Миніатюры помѣщены на однихъ листахъ съ письмомъ; въ Апок. занимаютъ онѣ цѣлую страницу въ форматѣ самой рукописи; въ прибавочныхъ статьяхъ—разной величины: однѣ тоже во всю страницу, иныя въ половину ея, а иныя и того менѣе.

Хотя число миніатюръ въ Апок. подчинено 72-мъ главамъ толковаго счета, но въ немъ слѣдовало быть 73-мъ миніатюрамъ, между тѣмъ какъ на лицо мы имѣемъ ихъ только 71. Этотъ итогъ выводится изъ слѣдующихъ данныхъ. Во-первыхъ, недостаетъ двухъ главъ съ соотвѣтствующими имъ миніатюрами, именно: гл. 14-ой [VI, 3-4] о Второмъ Всадникѣ,

и гл. 38-ой [XIII, 18] о Числѣ Звѣриномъ; и вовторыхъ, при главѣ 1-ой [I, 1-8] помѣщено двѣ миніатюры, одна въ началѣ ея и другая въ концѣ. Въ слѣдствіе этого до Перваго Всадника включительно, т. е. до 14-ой м., цыфры миніатюръ идутъ одною единицею впередъ противъ цыфръ главъ по толковому счету, т. е. до гл. 13 [VI, 1-2], а отъ м. 15-ой, за сказаннымъ первымъ пропускомъ, онѣ идутъ однимъ счетомъ съ главами; но потомъ, за вторымъ пропускомъ, начиная съ гл. 39-ой [XIV, 1-5], счетъ миніатюръ до самаго конца отстаетъ на одну единицу отъ счета главъ.

Твердо держась преданія, Двинской иконописецъ не могъ и не хотѣлъ изобрѣтать собственные сюжеты для апокалипсической иллюстраціи, а пользовался уже готовымъ матеріаломъ, какой могъ себѣ добыть въ глухой сѣверной окраинѣ, и изъ него выбиралъ себѣ то, что̀ находилъ согласнымъ съ своими религіозно-художественными взглядами. Однако онъ не рабски копировалъ бывшіе у него передъ глазами оригиналы, и, удерживая общій характеръ ихъ редакціи, давалъ себѣ свободу въ композиціи. Съ вѣрнымъ тактомъ русскаго православнаго иконописца, вооруженнаго начитанностью для сознательнаго отношенія къ своимъ художественнымъ работамъ, онъ взялъ въ основу своему Лицевому Апокалипсису редакцію Филаретовскую, умѣя оцѣнить въ ней строгую обдуманность въ выборѣ сюжетовъ, величавую ихъ простоту и удобопонятность, не нарушаемую архаизмами ранней символики, пришедшими уже въ забвеніе. Впрочемъ, артистическая фантазія его не могла найти себѣ полнаго удовлетворенія уже въ слишкомъ однообразной чинности и довольно урѣзанной малосложности Филаретовской иллюстраціи, и требовала характеристическаго разнообразія въ подробностяхъ для болѣе нагляднаго и увлекательнаго воспроизведенія таинственныхъ видѣній, частію на основаніи указаній самого Писанія, частію же и въ удовлетвореніе художественному чувству, можетъ быть, не всегда въ дозволенныхъ нашею иконописью строгихъ предѣлахъ. Въ виду этихъ, уже болѣе артистическихъ задачъ, онъ взялъ себѣ въ пособіе редакцію моего юсоваго Апок. XVI в., но, за немногими исключеніями, пользовался ею не въ композиціи цѣлыхъ миніатюръ, а только въ разныхъ подробностяхъ, которыми тамъ и сямъ восполнялъ и скрашивалъ переводы редакціи Филаретовской.

Такимъ образомъ составилъ онъ свой с б о р н ы й Лицевой Апок., не въ видѣ случайнаго аггрегата изъ чего бы ни попало подъ руку, но обдуманно, руководствуясь художественнымъ тактомъ и существенными потребностями удобопонятнаго и наиболѣе нагляднаго лицеваго истолкованія апокалипсическихъ видѣній. Потому, пользуясь многими подробностями моего юсоваго Апок., не взялъ онъ ни одной такой, гдѣ ландшафтъ и стихіи природы изображаются въ архаическихъ формахъ олицетворенія и вообще символики, какъ напр. въ мм. 31, 40, 41, 58 [снн. 81, 84, 85, 89]. Точно также и изъ Филарет. редакціи онъ не взялъ причудливой конструкціи семи Церквей, заимствованной изъ орнаментовъ Аѳонскихъ крестовъ, какъ напр. въ мм. 3, 7, 8 [снн. 111, 99, 100, 113 г], и замѣнилъ ее формами архитектурными.

При этомъ надобно сдѣлать слѣдующія два замѣчанія. Во-первыхъ, пользованіе этими обѣими редакціями въ Двинской области свидѣтельствуетъ, что онѣ были распространены въ сѣверныхъ школахъ нашей иконописи, и, вѣроятно, имъ же обязаны и своимъ происхожденіемъ; и вовторыхъ, редакція моего юсоваго Апок. уже въ началѣ XVII в., хотя и оказала сильное вліяніе на одинъ изъ лучшихъ Лицевыхъ Апокк. того времени, но во многомъ уже не соотвѣтствовала тогдашнимъ понятіямъ и способу представленія апокалипсическихъ сюжетовъ.

И такъ, методъ обозрѣнія Двинской иллюстраціи опредѣляется самыми элементами, изъ которыхъ она составилась. Сначала надобно указать, что̀ въ нее заимствовано изъ двухъ сказанныхъ редакцій, и затѣмъ опредѣлить тѣ особенности, которыми она отъ нихъ отличается. Въ предложенныхъ ниже таблицахъ приводятся сходныя миніатюры какъ въ полномъ ихъ составѣ, такъ и по отдѣльнымъ только частямъ ихъ. Въ первомъ отношеніи сходство Двинской иллюстраціи преимущественно оказывается съ Филаретовскою, а въ послѣднемъ съ редакціею моего юсоваго Апокк.

ДВИНСКОЙ.	ФИЛАРЕТ.	ДВИНСКОЙ.	ФИЛАРЕТ
1 [сн 276]. . . .	1 [сн. 98].	9	8 [сн. 100].
4	3 [сн. 111].	10 [сн. 277]. . . .	9 [сн. 112 а].
8	7 [сн. 99].	13	12.
14	13.	15	15.

16	16 [сн. 101].
18	18
25 [сн. 278]. . .	25 [сн. 102].
33	33 [сн. 103].
34	34.
36	36.
37	38 [сн. 112 г].
39	40.
41 [сн 284 д] .	42 и 62 [сн. 108].
42	43.
43	44 [сн. 104].
44	45.
45	46.
47	48 [сн. 113 а].
49	50.
55	56.
56	57 [сн. 106].
57	58.
58	59.
59	60
60	61 [сн 107]
61	62 [сн. 108].
62	63 [сн 109]
63	64 [сн 113 в]
64	65
66	66
67	67
68	68.
69	69
70	70.
71	71.

Къ этой таблицѣ надобно присовокупить слѣдующія пояснительныя примѣчанія.

Что Двинской Апок. 1636-1641 гг. ведетъ свое начало непосредственно отъ редакціи Филаретовской, а не отъ ея Чудовскаго Перевода 1638 г., явствуетъ, вопервыхъ, изъ того, что въ немъ еще не принята извѣстная симплегма Гога и Магога въ мм. при главахъ 47, 51 и 63 [мм. 46, 50 и 62], и вовторыхъ, что переводы Двинской иллюстраціи, согласуясь по малосложности и простотѣ съ Филаретовскими, отличаются отъ болѣе сложныхъ и пріукрашенныхъ переводовъ той же редакціи въ Чудовской передѣлкѣ; слич. напр. въ Двинск. Апок. мм. 39, 64 и 66 съ Чудовск. въ мм. 40, 65 и 67 [снн. 115, 118 и 119].

Разсмотрѣніе такихъ миніатюръ Двинской иллюстраціи, въ которыхъ Филарет. редакція видоизмѣняется и дополняется, вводитъ наблюдателя въ кругъ личныхъ воззрѣній, соображеній и даже намѣреній самого иконописца, при болѣе или менѣе удачныхъ его попыткахъ. А именно.

Въ м. 1-ой [сн. 276] верхнюю часть онъ взялъ изъ Филар. м. 1 [сн. 98] и также каждаго изъ семи ангеловъ, или Духовъ, отдѣлилъ въ особое облако, но престолъ не оставилъ пустымъ, а посадилъ на него Господа Бога, по бородѣ и волосамъ въ типѣ Іисуса Христа, но безъ сіянія и въ епископскомъ облаченіи, въ митрѣ шапкою, въ саккосѣ и крещатомъ омофорѣ, конецъ котораго перекинутъ черезъ руку, какъ полоса по древнему обычаю [снн. 240 г, 254]. Что же касается до нижней части, то въ ней на правой сторонѣ по бѣлому фону бу-

маги, по древнему же преданію, на прямыхъ линіяхъ въ три ряда помѣщены апокалипсическія Церкви, всего шесть, седьмой не видать за горою; въ самомъ низу врата, общія для нихъ всѣхъ. Сближая этотъ сюжетъ съ м. 6 въ моемъ юсов. Апок., съ м. 4 [сн. 2] въ моемъ ранней редакц. и съ м. 5 [сн. 61] въ Солов. юсов., надобно, однако, видѣть въ немъ по мѣсту, занимаемому имъ въ видѣніи, и по размѣщенію, слѣдъ какой-то другой редакціи, восходящей къ очень раннимъ источникамъ, отъ которыхъ пошли западныя изображенія въ рельефѣ романскаго стиля [сн. 241 а], въ Англосаксонск. Апок. XII в., на л. 3 и въ Инкун. XV в., грав. 5. Слѣдуетъ замѣтить, что та же архитектура, что̀ въ этой миніатюрѣ, именно объ одной или о многихъ главахъ, съ куполами или со скатными крышами, шатромъ, принята и далѣе въ каждой изъ семи Церквей, за исключеніемъ помѣщенной въ м. 10 [сн. 277], отличающейся нѣкоторою вычурностью; но, какъ замѣчено, орнаментацію Аѳонскихъ крестовъ Двинск. иконописецъ устранилъ, но занавѣси во вратахъ при всѣхъ семи Церквахъ удержалъ изъ иллюстраціи Филаретовской, и такъ же передъ каждой занавѣсью помѣстилъ ангела той или другой Церкви со свиткомъ. Но четвероконечные кресты на Церквахъ Филарет. иллюстраціи замѣнилъ осмиконечными, слѣдуя принятому имъ правилу.

Въ м. 8 ореолъ съ полосою, содержащею въ себѣ семь ангеловъ или Духовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго, иконописецъ взялъ изъ Филар. м. 7 [сн. 99], но уже нашелъ неприличнымъ представить ихъ обнаженными. Что же касается до Еммануила, стоящаго въ ореолѣ, то какъ здѣсь, такъ по бо́льшей части и въ другихъ мѣстахъ типъ Его заимствованъ изъ редакціи моего юсов. Апок., и поясъ такъ же завязанъ узломъ со спускающимися концами [слич. снн. 77 и 78], а не съ пряжкою какъ въ Филар. [слич. сн. 100]. Внизу тотъ же общій рисунокъ, что̀ и въ Филар. Апок., то есть, направо церковь съ ангеломъ, налѣво Іоаннъ, только церковь многоглавая, а между этими лицами помѣщена группа фигуръ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ надписью: *сіи не осквернишя ризъ своихъ* [сн. 284 в], заимствованная Двинскимъ старцемъ изъ моего юсов. Апок., м. 13 [сн. 77], въ томъ же самомъ переводѣ, будто скопирована.

Въ м. 9 общее очертаніе то же самое, что въ Филар. м. 8 [сн. 100], только въ Церквахъ, и внизу, и въ верху, устранена

Аѳонская орнаментика, а Еммануилу данъ поясъ съ узломъ и концами, а не съ пряжкою.

М. 10 [сн. 277] во всемъ согласна съ Филар. м. 9, только вверху при стоящемъ Еммануилѣ въ ореолѣ помѣщенъ не одинъ Господь Саваоѳъ съ деревьями по сторонамъ, а рядомъ съ нимъ посаженъ на престолѣ и Іисусъ Христосъ въ крестномъ сіяніи, въ воинскомъ доспѣхѣ, попирающій діавола: эта послѣдняя фигура заимствована изъ редакціи моего юсоваго Апок., м. 15 [сн. 78], но съ неудачнымъ измѣненіемъ въ рукахъ. Въ моемъ Апок. Христосъ правую руку простираетъ вверхъ, а лѣвою касается ноженъ меча, тогда какъ въ Двинскомъ, онъ не по обычаю, извлекаетъ мечъ лѣвою рукою, а въ правой держитъ ножны. Только эту одну фигуру Двинск. иконописецъ извлекъ изъ архаическаго представленія Отечества, нашедши неприличнымъ возобновлять утраченное въ понятіяхъ своихъ современниковъ иконографическое преданіе. Потому и въ нижней части, которую при другихъ Церквахъ онъ наполняетъ подробностями, согласно съ редакціею моего юсов. Апок., оставилъ въ этой миніатюрѣ безъ иллюстраціи текстъ о тепломъ, студеномъ и обумореномъ. Сверхъ сказаннаго, нужно замѣтить, что у Двинск. иконописца Господь Саваоѳъ здѣсь безъ сіянія, а Христосъ въ воинскомъ доспѣхѣ съ открытою головою; въ Филар. Апок. первый въ простомъ сіяніи, второй по моему юсов. Апок. въ вѣнцѣ и въ крестномъ сіяніи.

Изъ иллюстраціи апокалипс. Всадниковъ обращаю вниманіе на изображеніе Смерти, м. 16, съ огнестрѣльною пищалью: непристойное для апокалипсической иконографіи новшество, на которое былъ соблазненъ благочестивый Двинской старецъ авторитетомъ Филаретовск. редакціи, м. 16 [сн. 101]; только не скопировалъ онъ пороховницы, которая тамъ виситъ при ружьѣ.

Особенно ясное и наглядное понятіе о томъ, какъ Двинской иконописецъ передѣлывалъ и добавлялъ Филаретовскую иллюстрацію, даетъ намъ м. 25 [сн. 278], при текстѣ о Четвертомъ Ангелѣ съ трубою и о иномъ, парящемъ посредѣ небесе, VIII, 12-13. Въ Филар. экземплярѣ, м. 25 [сн. 102], всего три фигуры: оба ангела и Іоаннъ. Первый ангелъ, широко шагая по утесу, лѣвой рукою, приподнятой вверхъ, держитъ трубу, прикладывая ее ко рту, правую спустилъ; послѣдній величе-

ственно остановился, по сказанному въ текстѣ, на самой срединѣ неба между солнцемъ и луною. Въ Двинскомъ Апок. оба ангела скопированы съ Филаретовскаго, и въ позахъ и даже въ складкахъ одѣянія, но оба помѣщены въ небѣ, и между собою перемѣшены: у трубящаго ангела отнята труба и отдана другому; но такъ какъ этотъ послѣдній поднялъ руки съ распростертыми дланями, то трубу нельзя было вложить ему въ руку, и она, противъ обычая всѣхъ прочихъ редакцій, повисла отъ его рта на воздухѣ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ искаженіемъ рисунка, нарушенъ и смыслъ текста о парящемъ именно «посредѣ небесе», такъ какъ вмѣсто одной фигуры помѣщено двѣ. Вознеся трубящаго ангела на небо, иконописецъ пустое пространство около Іоанна наполнилъ ландшафтомъ съ извивающеюся рѣкою, полатнымъ письмомъ и довольно натурально исполненными деревьями и кустарникомъ; внизу пастухъ со стадомъ. Все это, не будучи предписано текстомъ, служитъ внѣшнею только прикрасою.

М. 33 представляетъ съ незначительнымъ переиначеньемъ переводъ съ Филар. м. 33 [сн. 103]. Только св. Жена, противъ обычая нашихъ раннихъ редакцій, по-западному стоитъ на серпѣ луны, простоволосая и съ 12-ю звѣздами вокругъ головы, и сверхъ того Змій подъ церковью, писанъ въ пернатомъ типѣ съ поднятымъ вверхъ извивающимся кольцами хвостомъ, какъ въ моемъ юсов. Апок. м. 66 [сн. 93].

Къ редакціи Филаретовской, м. 44 [сн. 104], Двинской иконописецъ присовокупилъ, въ м. 43, виноградныя лозы на тычинкахъ, помѣстивъ ихъ налѣво надъ полатнымъ письмомъ, которое потому пониже, чѣмъ въ Филарет. Апок. Виноградъ обираетъ ангелъ.

Общее размѣщеніе подробностей въ м. 47 то же самое, что̀ въ Филарет. м. 48-ой: такъ же вверху, вмѣсто олтаря, или жертвенника, принята Етимасія [сн. 113 а], при текстѣ: «и слышахъ другаго отъ олтаря глаголюща» XVI, 7; а подъ нею въ рѣкѣ стоитъ обнаженный Водный Ангелъ, крылатый; такъ же рѣки своими притоками образуютъ острова; на островахъ страдающіе люди. Только у Двинскаго иконописца они черпаютъ воду, одинъ чашкою, другой ведромъ, и пьютъ изъ чашекъ.

Въ м. 57, такъ же какъ и въ м. 58 [сн. 283], у Господа Бога,

сидящаго на конѣ, писана на стегнѣ желтая полоса, какъ въ Апок. Филарет. и Хлудовск. XVI в., м. 58, но такъ, что она принадлежитъ верхней короткой далматикѣ, оторачивая ея низъ. Слич. сн. 252 а.

Въ м. 60, къ редакціи Филаретовской, м. 61 [сн. 107], взяты изъ моего юсов. Апок. шапочки для двухъ безбородыхъ фигуръ, м. 67 [сн. 97 ж], тогда какъ прочія въ обоихъ Апок. съ открытыми головами и бородатыя.

Въ м. 63, такъ же какъ и въ Филар. м. 64, уже съ прибавленіемъ Земли, которая отдаетъ своихъ мертвецовъ, какъ и въ позднѣйшихъ иллюстраціяхъ, въ противорѣчіе Писанію, XX, 11 и 13.

Теперь обращаюсь къ сличенію Двинскаго Апок. съ моимъ юсовымъ. Оно состоитъ или въ отдѣльныхъ подробностяхъ, которыя, какъ уже замѣчено выше, иконописецъ скопировывалъ съ моего Апок., или въ немногихъ случаяхъ въ заимствованіи цѣлаго сюжета съ нѣкоторыми сокращеніями, или же наконецъ въ согласіи одинаковаго отношенія къ тексту въ болѣе полномъ его воспроизведеніи при посредствѣ подробной иллюстраціи, которая противополагается умѣренной простотѣ редакціи Филаретовской.

двинской.	мой.
2	7.
3 [сн. 284 б]. . .	8 [копія краск. 9].
5	10.
6	11.
7	12.
8 [сн. 284 в]. . .	13 [сн. 77].
10 [сн. 277]. . . .	15 [сн. 78].
11	16 [сн 79].
17	23.
21	27.
26	32 [сн. 82].
28	34.
31 [сн. 284 г]. .	37 и 55 [сн 88].
33	66 [сн. 93].
35 [сн. 279] . . .	41 [сн. 85].
46	53 [копія краск. 11].
50	57 и 69.
53 [сн. 281] . . .	60.
54 [сн. 282] . . .	61 [сн. 285].
58 [сн. 283] . . .	65 [сн. 92].
60	67 [сн. 97 ж].

Сверхъ того въ послѣсловіи взяты изъ моего юсов. Апок.

На л. 261 об. двѣ миніатюры въ одной рамкѣ, раздѣленныя горизонтально. Въ верхней Вавилонская Любодѣица ѣдетъ на семиглавомъ Звѣрѣ по синему морю, съ преклоняющими передъ нею колѣна царями—изъ м. 59 [сн. 90], съ дополненіемъ нѣсколькихъ другихъ фигуръ и полатнаго письма съ деревьями. Нижняя предлагаетъ только эпизодъ изъ м. 61 [сн. 285],

содержащій въ себѣ стѣны Вавилона, изъ-за которыхъ внутри поднялась Вавилонская Любодѣица, а около ея люди, бѣсы и нечистыя птицы.

На л. 274 Горній Іерусалимъ писанъ по образцу, принятому въ м. 78-ой моего юсов. Апок. [сн. 96], только внизу всѣ стѣны его заслоняетъ многолюдная толпа, а вверху изъ-за стѣнъ поднялся тоже многолюдный соборъ святыхъ съ Іисусомъ Христомъ между Богородицею и Іоанномъ Крестителемъ.

Къ предложенной таблицѣ надобно присовокупить слѣдующія замѣчанія.

Подробности въ мм. 8 [сн. 284 в], 10 [сн. 277], 33 и 60 Филаретовской редакціи, взятыя изъ мм. 13, 15, 66 и 67 [снн. 77, 78, 93 и 97 ж] моего Апок., указаны уже при сличеніи Двинскаго Апок. съ Филаретовскимъ.

Вслѣдъ за семью Церквами, помѣщенными вмѣстѣ въ м. 1 [сн. 276], м. 2-я представляетъ собравшіяся внизу «вся колѣна земная», согласно съ редакціею моего юсов. Апок. въ м. 7, чѣмъ она и отличается отъ прочихъ, мнѣ извѣстныхъ.

Адъ и Смерть, дополняющіе смыслъ ключа въ рукѣ Еммануила, помѣщены внизу, только въ другомъ переводѣ, м. 3 [сн. 284 б], утратившемъ все обаяніе древней иконографіи, въ какомъ этотъ сюжетъ представленъ въ моемъ Апок., м. 8 [копія краск. 9].

Въ мм. 5, 6, 7 и 8 [сн. 284 в] сказанія объ апокалипсич. Церквахъ трактованы съ подробностями, обличающими сродство по редакціи съ моимъ Апок., въ мм. 10, 11, 12 и 13 [сн. 77], но, за исключеніемъ послѣдней, въ другихъ переводахъ, при чемъ можно замѣтить намѣренность иконописца въ замѣнѣ неприличнаго и непонятнаго болѣе согласнымъ съ его воззрѣніями. Такъ въ м. 7-ой, о Церкви Ѳіатирской, при текстѣ: «любодѣйствовати и снѣсти жертву идольскую»,—представлены не двѣ лежащія на одрѣ фигуры съ заголенными ногами и не широкая посуда съ жертвами въ рукахъ Іезавели, какъ въ моемъ Апок., м. 12, а въ очень приличной позѣ юноши и женщины, чинно одѣтыхъ и только еще стоящихъ у одра, на который лягутъ, и, вовторыхъ, въ трапезѣ съ сосудами, за которой стоятъ люди, при чемъ надписано: *жертва*. Еммануилъ при семи Церквахъ, какъ уже замѣчено, принятъ въ типѣ редакціи моего Апок., и при каждой изъ нихъ также держитъ въ правой рукѣ соотвѣтствующій тексту аттрибутъ.

М. 11-ую я присовокупляю къ сходнымъ потому только, что изъ-подъ престола Господа Бога такъ же въ видѣ клиньевъ исходятъ молніи, громы и гласы, какъ въ моемъ Апок., м. 16 [сн. 79], только будто лучи стремятся изъ одного центра.

По возстанію скелетовъ и по облаченію воскресшихъ мучениковъ въ ризы, м. 17, согласная съ 23-ею въ моемъ Апок., предъявляетъ сродство съ западными редакціями.

М. 21 вся сполна составлена въ редакціи моего юсов. Апок., м. 27, съ немногими переиначеньями, изъ которыхъ болѣе существенное состоитъ въ томъ, что, вмѣсто одного Агнца вверху на престолѣ, Двинской иконописецъ помѣстилъ вмѣстѣ съ нимъ Господа Саваоѳа.

Царь ангеловъ Бездны, въ м. 26, такъ же, какъ въ моемъ Апок., м. 32 [сн. 82], представленъ въ типѣ обнаженнаго человѣка съ крыльями и въ коронѣ, только изъ приличія препоясанъ, но безъ хламиды на плечахъ.

При Облачномъ Ангелѣ, по типу сходномъ съ принятымъ въ моемъ Апок., мм. 34 и 35 [сн. 83], иконописецъ въ м. 28 опустилъ олицетвореніе Моря и Земли, принятое въ моей м. 34, и первое замѣнилъ какими-то двумя морскими животными, въ родѣ тюленей, а отъ второй удержалъ только ея обстановку, состоящую въ кустикахъ съ звѣрями, которымъ придалъ видъ не то овецъ, не то коровъ.

М. 31, не предлагая ничего характеристическаго въ своемъ общемъ составѣ, отличается, однако, двумя подробностями, изъ которыхъ одна [сн. 284 г], состоящая въ оригинальной фигурѣ старца, обратившаго голову навзничь къ небу и поднявшаго распростертыя руки, скопирована съ прекраснаго рисунка въ моемъ Апок., м. 55 [сн. 88], а другая предлагаетъ любопытный символическій пріемъ въ изображеніи ниспосланной съ неба сверхъестественной силы для вознесенія Еноха и Иліи; а именно: отъ сегмента небеснаго круга спустился острый уголъ изъ двухъ синихъ полосъ; отъ него идетъ внизъ по воздуху и достигаетъ до стоящихъ въ городѣ обоихъ пророковъ прямая линія, раздѣляя ихъ между собою; потомъ они же поднимаются въ небо, каждый въ своемъ облакѣ, но такъ, что одинъ по одну сторону сказаннаго угла, а другой по другую, а сверху каждаго изъ нихъ принимаетъ ангелъ. Въ моемъ Апок., м. 37, такъ же пророки возносятся каждый въ своемъ облакѣ, но отдѣлены они

не символическимъ угломъ, а тремя синими прядями, спускающимися тоже угломъ изъ-подъ небесной полосы, надъ коею поднимается по̀ поясъ I. X. въ простомъ сіяніи.

Редакція изливающаго воду Змія и св. Жены, спасающейся отъ него въ пустыню, м. 35 [сн. 279], хотя и по общему составу и по типу Змія, очевидно взята изъ Филаретовской, а серпъ луны, на которомъ стоитъ св. Жена, принадлежитъ къ позднѣйшимъ копіямъ, тронутымъ западною примѣсью; однако оригинальное представленіе горы съ звѣриною головою, которая, разинувъ пасть, поглащаетъ потокъ, при всей своей небывалой чудовищности, безъ сомнѣнія, составлено подъ вліяніемъ редакціи моего юсов. Апок., м. 41 [сн. 85]. Двинской иконописецъ въ этой послѣдней миніатюрѣ видѣлъ предъ собою двѣ женскія фигуры: одна олицетворяла Пустыню, другая Землю; но, систематически избѣгая подобныхъ олицетвореній, онъ представилъ пустыню въ ландшафтѣ изъ любимыхъ имъ деревьевъ, съ одной стороны дѐрева лиственнаго, а съ другой— ели; что же касается до олицетворенія Земли, то онъ заимствовалъ отъ женской головы, своимъ ртомъ принимающей потокъ, только общую мысль земной пасти, и такимъ путемъ изобрѣлъ чудовищную голову горы. Слѣды той же миніатюры моего Апок. надобно видѣть, вопервыхъ, въ типѣ св. Жены, которая какъ и въ моемъ юсов. Апок., на западный манеръ, не только съ распущенными косами, но и съ обнаженными выше локтя руками, которыя скрестила на груди,—и вовторыхъ, въ типѣ Змія, бросающагося на толпу людей: онъ крылатый и на двухъ ногахъ, тогда какъ вверху, изливающій воду, онъ безъ ногъ и безъ крыльевъ, какъ встрѣчается въ редакціи Филаретовской.

Море, въ которое Вторый Ангелъ изливаетъ фіалъ свой, м. 46, все переполнено рыбами, морскими животными и раковинами, хотя и далеко не такъ мастерски исполненными, какъ въ моемъ Апок. м. 53 [копія краск. 11].

Въ видѣніи о Шестомъ Ангелѣ съ фіаломъ, м. 50, Восточные цари, перешедшіе черезъ Евфратъ, представлены не въ человѣческомъ образѣ, какъ настоящіе цари, что̀ принято въ моемъ юсов. Апок., м. 57, а въ видѣ Гога и Магога съ ополченіемъ изъ Песьихъ-Головъ; потому для изображенія этихъ чудовищъ Двинскій иконописецъ воспользовался изъ редакціи моего

юсов. Апок. миніатюрою 69-ой, въ которой они осаждаютъ городъ, или станъ святыхъ, и фигуры Гога и Магога скопировалъ оттуда. Направо отъ нихъ полатное письмо взялъ изъ м. 57, и оттуда же спеціальную примѣту для нижней части, гдѣ оба апокалипсич. Звѣря и Змій извергаютъ изъ устъ своихъ не три жабы, какъ это принято вообще, по указанію Писанія, а какихъ-то четвероногихъ звѣрковъ: примѣта, очень характеристическая, особенно для такого иконописца, который такъ внимательно вникалъ въ текстъ Откровенія и старался держаться въ предѣлахъ иконописнаго преданія.

При всей кажущейся, съ перваго взгляда, оригинальности, м. 53-я [сн. 281], впрочемъ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ описываемомъ Апок., все же составлена подъ очевиднымъ вліяніемъ редакціи моего Апок., м. 60. Въ этой послѣдней всю середину занимаетъ городъ, надъ стѣнами котораго сидитъ съ кубкомъ Вавилонская Любодѣица, въ коронѣ и царскомъ облаченіи, съ царями и обнаженными Гогомъ и Магогомъ въ коронахъ; около города черная пропасть, въ которой стоитъ Первый Звѣрь. Двинскій иконописецъ удержалъ только этотъ послѣдній сюжетъ, почти въ томъ же переводѣ, и передъ Звѣремъ поставилъ пьяную Любодѣицу, уже развѣнчанную отъ своего величія и съ растрепанными волосами: въ этой красивой фигурѣ много движенія и выразительности, свидѣтельствующихъ о вкусѣ престарѣлаго художника. Въ костюмѣ Любодѣицы обувь съ коблуками иногда встрѣчается въ русской иконописи, напр. на прелестницѣ въ одной изъ миніатюръ Синодика въ СПБ. отд. I, № 324, въ л., не позднѣе 1640 г., т. е. одного времени съ описываемымъ Апок.; снимокъ см. въ моихъ Историч. Очеркахъ I, 624.—Вышесказанный городъ Двинскій иконописецъ съ середины миніатюры спустилъ внизъ, и надъ стѣнами его помѣстилъ тоже царей и Гога и Магога, однако, прикрывъ наготу ихъ одеждою, а при нихъ и Песьи-Головы, но уже безъ Вавилонской Любодѣицы. Она занимаетъ мѣсто надъ городомъ, обнаженная горитъ въ пламени, пожираемая звѣрями; одно изъ чудовищъ суетъ ей подъ мышку горящій свѣточъ. Въ моемъ Апок. раздѣлено на два момента, что̀ здѣсь соединено вмѣстѣ. Внизу въ лѣвомъ углу сидитъ въ коронѣ обнаженная Любодѣица, пожираемая Звѣрями, а рядомъ она же горитъ въ пламени. Двинскій иконописецъ въ болѣе

яркой картинѣ хотѣлъ произвести потрясающій эффектъ терзанія и страданій этой пресловутой грѣшницы. Правый уголъ внизу занялъ онъ черной пропастью съ апокалипс. чудовищемъ, замѣнивъ этою одною фигурою толпу грѣшниковъ, въ пропасти, которая помѣщена въ моемъ Апок. тоже въ правомъ углу.

М. 54 [сн. 282], не смотря на различіе въ подробностяхъ и размѣщеніи полатнаго письма и фигуръ, безъ всякаго сомнѣнія, относится къ одной и той же редакціи съ м. 61 [сн. 285] моего юсов. Апок., только превосходный въ своей микроскопичей миніатюрности рисунокъ этой послѣдней Двинскій мастеръ замѣнилъ болѣе крупнымъ, и потому долженъ былъ сократить сюжетъ, удаливъ многія подробности; впрочемъ иныя ввелъ отъ себя, можетъ быть, воспользовавшись какимъ нибудь другимъ оригиналомъ.

Что же касается до м. 58-ой [сн. 283], то верхнюю часть съ Господомъ Богомъ на конѣ передъ конною ратію ангеловъ онъ взялъ изъ редакціи Филаретовской, а нижнюю часть наполнилъ въ крупномъ рисункѣ тѣмъ эпизодомъ изъ м. 65-ой [сн. 92], въ которомъ хищныя птицы преслѣдуютъ стремглавъ несущихся отъ нихъ всадниковъ; всѣ остальныя подробности битвы и пораженія съ падшими трупами удалены. Птицы другой породы, голенастыя и съ длинными клювами.

Въ предложенномъ сличеніи Двинскаго Апок. съ двумя другими, болѣе старыми, исчерпывается, какъ сборный составъ его, такъ и характеристическія его особенности, свидѣтельствующія о нѣкоторой самостоятельности художника давать новые переводы тѣмъ редакціямъ, которыми онъ пользовался. Прочія миніатюры, менѣе характеристичныя, не взяты мною въ расчетъ, какъ потому, что, предлагая общія мѣста, онѣ не могли бы внести новыхъ доказательствъ для сродства между сравниваемыми Апокк., такъ и потому, что не содержатъ характеристическихъ особенностей для описываемой иллюстраціи.

Теперь обращаюсь къ иконографіи Господа Бога, которая, по выше приведеннымъ указаніямъ самого иконописца, должна имѣть особенную для насъ важность въ историческомъ развитіи нашихъ Лицевыхъ Апокк. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ мастеромъ, который уже самъ себѣ даетъ нѣкоторыя правила Иконописнаго Подлинника.

Господь Саваоѳъ, ветхій деньми, въ угловатомъ сіяніи помѣщенъ 9 разъ, въ мм. 17, 18, 21, 27, 28, 30, 32, 33 и 61.

Еммануилъ, т. е. юный типъ, въ двоякомъ сіяніи: вопервыхъ, въ угловатомъ, 13 разъ, въ мм. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 13, 14, 15, 16 и 55; вовторыхъ, въ простомъ сіяніи, 3 раза, въ мм. 11, 20 и 42, и, наконецъ, одинъ разъ вовсе безъ сіянія, въ той же м. 42, и оба раза въ вѣнцѣ, именно съ серпомъ при жатвѣ: вверху на престолѣ, безъ сіянія, а внизу жнетъ, въ сіяніи.

Іисусъ Христосъ, въ зрѣломъ возрастѣ съ бородкою, 7 разъ, въ мм. 2, 10 [въ воинскомъ доспѣхѣ], 63, 64 [въ Горнемъ Іерусалимѣ между Богородицею и Іоанномъ Предтечею], 65, 68 и 71 [въ десницѣ держитъ осмиконечный крестъ съ двумя копьецами по сторонамъ, съ надписью: *гряду скоро*].

Господь Богъ вообще, съ одинаковаго цвѣта каштановыми волосами и бородой; только развѣ по небольшей разницѣ въ длинѣ послѣдней едва можно отличить типъ Саваоѳа отъ Іисуса Христа: вопервыхъ, вовсе безъ сіянія, 2 раза, въ мм. 1 [въ митрѣ] и 10 [въ вѣнцѣ, безъ сомнѣнія, Саваоѳъ, при Христѣ въ воинскомъ доспѣхѣ], и вовторыхъ, въ простомъ сіяніи, 5 разъ, въ мм. 12 [съ запечатанной книгою], 44, 57 [на конѣ въ многоярусномъ вѣнцѣ, по самому тексту, *Слово Божіе*], 58 [то же] и 66 [въ Горнемъ Іерусалимѣ съ Агнцемъ].

Св. Агнецъ, въ простомъ сіяніи и постоянно только съ двумя очами; что же касается до роговъ, то иногда только съ двумя рожками, иногда же съ семью въ видѣ клиньевъ, изъ коихъ въ двухъ миніатюрахъ середній увѣнчивается перекрестіемъ. Агнецъ помѣщается, или одинъ, 3 раза, въ мм. 38 [на Сіонской горѣ, съ семью рогами, изъ коихъ середній съ перекрестіемъ], 41 и 67 [надъ рѣкою воды животной]; или съ другими божественными типами, которые сосчитаны уже въ выше приведенныхъ миніатюрахъ, именно: при Еммануилѣ, имѣющемъ угловатое сіяніе, 4 раза, въ мм. 13 [съ перекрестіемъ середняго изъ семи клиньевъ], 14, 15 и 16, и при имѣющемъ сіяніе простое въ м. 20; при Господѣ Саваоѳѣ 4 раза, въ мм. 17, 18, 21 и 61; при Господѣ Богѣ въ простомъ сіяніи въ Горнемъ Іерусалимѣ въ м. 66, и наконецъ въ м. 64 въ Горнемъ же Іерусалимѣ на престолѣ надъ Іисусомъ Христомъ съ Богородицею и Предтечею.

Изъ этого перечня явствуетъ, что, не смотря на свою теорію, Двинской иконописецъ на практикѣ далеко не въ надлежащей точности отличаетъ божественныя ипостаси собственными ихъ сіяніями, и въ этомъ уступаетъ многимъ позднѣйшимъ копіямъ редакціи Чудовскаго Перевода.

Ни Духа Святаго, ни Христа-Младенца, ни Благословляющей Десницы, самой по себѣ, у него не встрѣчается. За то для Етимасіи, кромѣ скопированной въ м. 47-ой изъ м. 48-ой Филарет. Апок. [сн. 113 а], онъ принялъ ее еще въ другомъ, тоже древнемъ ея видѣ, съ крестомъ и книгою, въ м. 2 [сн. 284 а]. Тому и другому виду ранніе прототипы, начиная отъ V и VI вв., въ большомъ количествѣ снимковъ, съ мозаикъ, миніатюръ и проч., см. у Дюрана въ его Étude sur l' Etimacia, Chartres et Paris, 1867.

Четвероконечные кресты на церквахъ, принятые въ Филарет. редакціи, Двинской иконописецъ замѣняетъ осмиконечными.

Типы Еммануила и ангеловъ заимствуетъ преимущественно изъ редакціи моего Апок. Потому у Еммануила и поясъ завязанъ узломъ съ концами. Кудри у ангеловъ иногда сливаются въ овальную полосу, окружающую лицо; безъ тороковъ или слуховъ, предписываемыхъ Иконописнымъ Подлинникомъ.

Св. Жена, въ мм. 33 и 35 [сн. 279], простоволосая, на западный манеръ, стоитъ на серпѣ луны, какъ въ западныхъ же старопечатныхъ иллюстраціяхъ. Въ моемъ юсовомъ Апок. у ней тоже распущены косы, но голова покрыта вѣнцомъ. Сверхъ того, въ м. 33 Двинскаго Апок. голова ея по господствующему на западѣ обычаю окружена двѣнадцатью звѣздами, что̀ не принято въ старѣйшихъ, изъ извѣстныхъ мнѣ, редакцій русскихъ, а въ м. 35 [сн. 279] св. Жена скрестила на груди свои руки точно такъ же, какъ въ моемъ Апок., м. 41 [сн. 85].

Невѣста Агнчія, въ м. 56, тоже безъ сіянія, какъ и въ Филарет. м. 57-ой, и такъ же держитъ при груди обѣ руки, распростерши ладони, и съ такою же столовою утварью древняго фасона на трапезѣ.

Евангелистъ Іоаннъ принятъ въ его традиціонномъ греко-русскомъ типѣ, но оба праотца, въ мм. 30 и 31, отступаютъ отъ ихъ иконописнаго подобія, особенно Илія.

Типы Великаго Змія и обоихъ апокалипс. Звѣрей не представляютъ самостоятельныхъ особенностей, будучи заимствова-

ны то изъ той, то изъ другой редакціи, которыми Двинской иконописецъ руководствовался.

Интересная фигура пьяной Любодѣицы съ растрепанными волосами составляетъ характеристическую принадлежность описываемаго Апок., м. 53 [сн. 281].

Хотя, какъ замѣчено выше, Двинской старецъ намѣренно устранялъ въ своемъ подражаніи многочисленныя олицетворенія редакціи моего юсоваго Апок., однако, слѣдуя авторитету Филаретовскому, на Страшномъ судѣ, при воскресеніи изъ мертвыхъ, м. 63, онъ принялъ изъ Филарет. м. 64-ой не только олицетворенное Море, но и Землю, въ видѣ довольно граціозныхъ женскихъ фигуръ.

Для представленія неба онъ пользуется обоими способами, и живописнымъ съ клубящимися облаками, м. 1, 10 [снн. 276 и 277], и архаическимъ, въ видѣ сегмента и полосъ арками, въ м. 25, 58 [снн. 278 и 283].

Хотя въ архитектурѣ онъ пользуется оригиналами обѣихъ редакцій, и Филаретовской, напр. въ представленіи Горняго Іерусалима, мм. 64 и 66 изъ Филарет. мм. 65 и 66, и редакціи моего Апок., напр. въ представленіи Вавилона, мм. 53 и 54 [снн. 281 и 282], а въ послѣсловіи не только Вавилона на л. 261 об., но и Горняго Іерусалима, на л. 274—изъ мм. 61 и 78 [снн. 285 и 96] моего юсов. Апок.; но вообще желаетъ онъ быть болѣе самостоятельнымъ, какъ въ изображеніи семи Церквей, и всѣхъ вмѣстѣ, м. 1 [сн. 276], и каждой въ отдѣльности, напр. м. 10 [сн. 277], такъ и цѣлыхъ городовъ изъ нѣсколькихъ зданій, расположенныхъ въ рядъ, м. 25 [сн. 278].

Въ костюмѣ лицъ разнаго званія иллюстрація эта ничего особеннаго не предлагаетъ. Въ утвари кое-что заимствовано изъ Филаретовской редакціи, какъ древнее, напр. въ сосудахъ, указанныхъ уже прежде въ м. 56, изъ Филар. м. 57 [сн. 106], такъ и новое, напр. огнестрѣльная пищаль въ рукахъ Смерти, въ м. 16, изъ Филар. м. 16 [сн. 101]. Сверхъ того, въ м. 3 [сн. 284 б] она же съ косою, которая въ раннихъ редакціяхъ замѣняется другимъ орудіемъ. Къ позднѣйшимъ же новшествамъ надобно отнести и ведро въ м. 47, принятое уже вмѣстѣ съ коромысломъ въ Уваровск. Апок. № 58, половины XVII в., м. 46 [сн. 154 в], и въ нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ.

Изъ выше приведенныхъ замѣчаній явствуетъ, что нашъ

начитанный иконописецъ, хотя и старался оставаться въ предѣлахъ иконописнаго преданія, но, не имѣя у себя подъ руками болѣе старыхъ редакцій, невольно переступилъ эти предѣлы.

Сверхъ того, какъ художника по призванію, его увлекала иногда фантазія въ разныя подробности, далеко выходящія изъ границъ, поставленныхъ Писаніемъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна м. 48 [сн. 280], о Четвертомъ Ангелѣ, изливающемъ фіалъ свой на солнце, XVI, 8-9. Спасающихся отъ распаленнаго солнца иконописецъ размѣстилъ на нѣсколько эпизодовъ, и снабдилъ даже надписями: *во храмахъ*, *въ погребъ*, *воду на ся изливаютъ*, и наконецъ: *съ лѣсѣхъ отъ зною*, т. е., скрываются.

Онъ любитъ ландшафтъ изъ полатнаго письма съ деревьями, между которыми отличаетъ лиственныя отъ хвойныхъ, какъ напр. въ изображеніи пустыни, куда скрывается св. Жена, м. 35 [сн. 279]. Иногда онъ помѣщаетъ ландшафтъ совсѣмъ безъ нужды, какъ въ м. 25 [сн. 278] при Четвертомъ Ангелѣ съ трубою, VIII, 12-13. Точно также, въ м. 52, надъ Вавилонскою Любодѣицею, верхнюю половину миніатюры занимаетъ ландшафтъ изъ полатнаго письма съ деревьями, въ которомъ помѣщены Іоаннъ и ангелъ, держащій въ рукѣ семь фіаловъ.

Главная сила Двинскаго мастера въ рисункѣ. Онъ легко переиначивалъ свои оригиналы и часто самъ сочинялъ человѣческія фигуры довольно натурально, съ правильными движеніями и драпировкою, при чемъ заявляетъ о нѣкоторыхъ проблескахъ чувства изящнаго и эстетическаго вкуса. Колоритъ у него очень не богатый, но вообще согласный съ натурою изображаемыхъ предметовъ. Монохромовъ, составляющихъ признакъ ранней иконографіи, онъ не употребляетъ.

Любовь къ живописнымъ подробностямъ и довольно развитый художественный тактъ помогли ему оцѣнить изящество прекрасной редакціи моего юсоваго Апок., которая давала ему матеріалъ и образцы для скрашиванья болѣе строгихъ и простыхъ сюжетовъ иллюстраціи Филаретовской.

VII

Рукопись С.-Петербургской Публичной Библіотеки [изъ Древлехранилища Погодина] № 225, въ 4-ку, на 204 лл. съ 68 мм.; половины XVII в.

Рук. Московскаго Публичнаго Музея, на отдѣльныхъ листахъ, № 214, въ л., на 64 лл. съ 64 мм.; половины XVII в. [Музейные листы].

Рук. Профессора Буслаева, въ л., на 137 лл. съ 64 мм.; Петровскаго времени, со вставками половины XVIII в.

Отдѣльные листы съ миніатюрами безъ текста, Князя П. П. Вяземскаго, въ л., № 143, на 33 лл. съ 33 мм.; XVIII в.

Всѣ означенныя здѣсь рукописи, а также и рук. СПБ. F, Отд. I, № 84 [Толстовск. Отд. I, № 173] въ л. XVII в. *, предлагаютъ болѣе или менѣе полныя копіи съ какого-то оригинала самостоятельной редакціи, отличающейся особенностями въ сюжетахъ, рисункѣ и колоритѣ, которую я означаю редакціею СПБ. № 225 и Музейныхъ листовъ.

Редакція эта, уступая въ древности моимъ Апокк., юсовому XVI в. и ранней редакціи начала XVII в., а также и Музейному № 156, тоже начала XVII в., все же по своей оригинальности и самостоятельности до нѣкоторой степени можетъ соперничать съ редакціею Филаретовско-Чудовскою, и хотя не пріобрѣла она такой популярности у насъ въ старину, какъ

* Эту рукопись я нашелъ излишнимъ испрашивать въ Москву для пользованія ею, на основаніи слѣдующаго заявленія г. Директора Императорской С.-Петербургской Библіотеки А. Ѳ. Бычкова: «F. Отд. I, № 84 [Толстовск. Отд I, № 173] въ л., XVII в Многіе рисунки, или лучше сказать большинство ихъ, какъ въ мотивахъ, такъ и въ подробностяхъ совершенно сходны съ рисунками предыдущей рукописи [т. е. № 225]. Всего въ ней 71 рисунокъ».

эта послѣдняя, однако вращалась въ мастерскихъ нашихъ миніатюристовъ и оставила по себѣ копіи, а также, какъ замѣтный элементъ, вошла по частямъ въ другія позднѣйшія редакціи составнаго или сборнаго содержанія.

Изъ четырехъ, означенныхъ въ заглавіи этого отдѣла, рукописей, только одна, СПБ. № 225, имѣетъ обыкновенный, настоящій видъ Толковаго Апокалипсиса въ лицахъ; остальныя три не что иное, какъ отдѣльные листы съ миніатюрами, въ качествѣ дюжиннаго производства, заготовленные въ мастерскихъ для составленія изъ нихъ книги, или для вложенія рисунковъ въ готовую уже рукопись съ текстомъ.

Какъ въ № 225, такъ и въ отдѣльныхъ листахъ, если они съ текстомъ, миніатюры. по старому обычаю, слѣдуютъ за текстомъ: тогда на лицевой сторонѣ каждаго листа писана миніатюра, а на оборотной текстъ, относящійся къ слѣдующей миніатюрѣ, которая помѣщается уже на слѣдующемъ листѣ и т. д.

Изъ 64-хъ Музейныхъ листовъ, съ миніатюрою на каждомъ, только на первыхъ 21-мъ листѣ помѣщенъ Толковый Апокалипсисъ, на остальныхъ же листахъ только однѣ миніатюры, вовсе безъ письма.

Моя копія хотя состоитъ изъ 137 листовъ и имѣетъ видъ переплетенной книги, но первоначально ограничивалась только тѣми листами, на которыхъ были нарисованы миніатюры, а на оборотной сторонѣ каждаго листа написанъ текстъ, но только изъ Откровенія, безъ толкованія. Когда же всѣ эти листы были переплетены вмѣстѣ, тогда между каждымъ было вложено по нѣскольку листовъ, въ которыхъ почеркомъ XVIII в. переписанъ былъ вновь текстъ и уже съ приложеніемъ толкованія.

Что же касается до отдѣльныхъ листовъ князя Вяземскаго, то на нихъ писаны только миніатюры, вовсе безъ текста, и притомъ раскрашены только первыя 25, остальныя восемь только въ черныхъ очеркахъ.

Моя копія и листы кн. Вяземскаго, не смотря на позднее ихъ происхожденіе, имѣютъ нѣкоторое значеніе въ исторіи русскаго Лицеваго Апокалипсиса, представляя образчикъ особаго пріема въ нумераціи листовъ съ миніатюрами. Чтобы не смѣшать листы и каждому дать свое мѣсто, на каждой миніатюрѣ именно и означено въ надписи слово *мѣсто* съ такимъ-то числомъ; сверхъ того тутъ же рядомъ надписано: *глава* такая-то;

напр. въ моей копіи недостаетъ первыхъ шести миніатюръ, и она начинается миніатюрою, въ рамкѣ которой надписано: *мѣсто 6—глава 2.*

Надо при этомъ замѣтить, что и въ моей копіи и въ листахъ кн. Вяземскаго счетъ главъ идетъ по нынѣ принятому, т. е. всего 22 главы, а не 72 по толковому.

Всѣхъ миніатюръ по этой редакціи должно было быть до 72-хъ по числу главъ Толковаго Апок., но, какъ сказано, описываемыя рукописи дошли до насъ не вполнѣ. Въ моей копіи счетъ идетъ до 70; но за отсутствіемъ первыхъ 5 мм. и еще 23-ей, осталось въ ней всего 64 мм. Въ СПБ. F, Отд. I, № 84—71 миніатюра. Въ СПБ. № 225—всего 68 мм., но слѣдовало быть 69, потому что въ срединѣ недостаетъ одной, для которой оставлено и мѣсто на лицевой сторонѣ 66-го листа при главѣ 21-ой по толковому счету. Въ Музейныхъ листахъ, сравнительно съ СПБ. № 225-мъ, недостаетъ двухъ первыхъ и двухъ послѣднихъ, и еще въ срединѣ недостаетъ м. 10-ой. Приложивъ пять недостающихъ къ 64-мъ, имѣющимся на лицо, получимъ 69 мм.

Въ основу описанія беру рукопись СПБ. № 225, къ которой теперь и обращаюсь.

Ея текстъ принадлежитъ редакціи Филаретовской и моей юсовой, но съ нѣкоторыми значительными уклоненіями. Вообще онъ удерживаетъ примѣты, общія обѣимъ этимъ рукк., но иногда согласуется только съ тою или другою изъ нихъ, когда эти послѣднія между собою расходятся, иногда же предлагаетъ варіанты, отличающіе его отъ обѣихъ, и наконецъ—очевидныя описки, или же ошибки въ такихъ словахъ, которыя писцу были не понятны.

Напр., примѣты, общія обѣимъ рукописямъ: *предъ олтаремъ* 86, *у жертвенника* 104, *язю* 107, *на площади, едемъ* 132, *тѣло* [вмѣсто *образъ, икона*] 166, 173 и мн. др. Согласныя только съ Филарет. рук., между которыми на первомъ планѣ ставлю ошибку въ толкованіи ст. 54-го: *коллуръ же есть богатьство чесное;* въ Фил. *укоръляже* [sic] *есть богатьство честное*, но въ моей правильно: *коллуріе же есть балство очесное*, съ точками въ омегѣ послѣдняго слова; *орѣвитыхъ конехъ*, въ моей *о ретивыхъ* 183, *слышахъ олтарь глаголющь*, въ моей *отъ олтаря* 194, *питіе*, въ моей *житіе* 208, *редень*, въ моей *роденъ* $\frac{230}{231}$, *списа-*

тель, въ моей *сантъ* $\frac{242}{243}$, *постланіе*, въ моей *поставленіе* 284, *сласти*, въ моей *похоти*, глос. *сласти* 288. Сходныя только съ моей рук.: *зіянія*, въ Филар. *сѣяніа* 26, *ни санити*, въ Филар. *самити* $\frac{70}{69}$, *конь сѣръ*, въ Филар. *серенъ* $\frac{79}{78}$, *при евъсписіянѣ*, въ моей съ опискою *есписіяне*, въ Филар. *оуспѣсіяне*, 90, *судилъ есть любодѣицы великой*, въ Филар. *судилъ еси граду* $\frac{236}{237}$. Примѣты, несогласныя ни съ Филар., ни съ моею рук.: *во островь*, въ моей *въ отоце*, въ Фил. *въ трцѣ* съ буквою *с* надъ *т*, ошибкою вм. *отоцъ* 8; и въ другихъ мѣстахъ СПБ. р. *островъ* вм. *отокъ*; *свѣдѣтель... иже убіенъ бысть въ васъ*, въ Филар. *мученикъ... иже убіенъ бысть вами*, въ моей такъ же, только ошибкою *ученикъ*, но въ глос. *свѣдетель*, *мученикъ* 28; *начатокъ*, въ обѣихъ другихъ *властель* 51; замѣчательно, что въ слѣдующемъ за этимъ стихомъ въ толкованіи СПБ. рукопись удерживаетъ форму *властель*, указывающую въ ней на противорѣчіе между текстомъ и толкованіемъ; *апсиовь*, въ Филар. *аспинфъ*, въ моей *аспинфосъ* 110; *и тіи побѣдиша его для крови агньчи, и за слово свидѣтельства ихъ;* въ Филар. и въ моей: *за кровь агньчю и за слово ученія* 151; *бенеликтъ* [лат. форма, слич. въ Солов. юсовой рук. *бенедиктосъ*], въ обѣихъ другихъ *веленикотъ* 167; *чистоты ради житія*, въ Филар. *чистоты деля и легости*, въ моей: *чистотьдѣла* [sic] *и легости*, глос. *ради житія* 178; *и пожжена бысть земля*, очевидно, ошибкою изъ Филар. *пожнена*, при чемъ новою рукою въ Филар. *пожата*, въ моей *пожата* 179; *віяль свой* 191, 192 и въ другихъ мѣстахъ постоянно въ муж. р., въ обѣихъ другихъ рукк. *фіалъ* или *фіяль* въ женск. р.; *пискъ*, въ Филар. *пискичій*, въ моей *пискочій* $\frac{235}{236}$; *конь сѣръ*, въ Филар. *серень*, въ моей *бронь*, глос. *серъ*, *бѣлъ* $\frac{242}{243}$. Наконецъ очевидныя ошибки по недомыслію писца: *губа*, въ Филар. *губя*, въ моей гѫбьи 116; *юноскою*, въ обѣихъ другихъ *юнотою* 170, *широта*, въ обѣихъ другихъ *широта* 206. Въ одномъ мѣстѣ подобнаго рода ошибка исправлена въ глоссѣ, именно: *ангельскія устья*, исправлено: *усья;* въ обѣихъ другихъ рукк. *усія* 142.

Что касается до Музейн. лл., то изъ немногаго, что̀ есть въ нихъ текста, можно заключить слѣдующее. Вопервыхъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ СПБ. рук. не согласуется съ обѣими другими, тамъ Музейн. листы согласуются: *мученикъ*, а не *свѣдѣтель* 28; *властель*, а не *начатокъ* 51; и вовторыхъ, согласуются съ моей рук., въ словѣ *зіянія*, а не съ Филар., въ коей: *сѣяніа* 26.

Очевидно уже и изъ этихъ трехъ варіантовъ, что СПБ. рук. и Музейн. лл. по тексту расходились гораздо больше, чѣмъ по мм.

Миніатюры въ СПБ. рук. писаны на особыхъ листахъ, на оборотѣ коихъ текста уже не писалось, но на такой же бумагѣ, на которой писанъ и текстъ. Это явствуетъ какъ изъ одинаковыхъ водяныхъ знаковъ на листахъ текста и миніатюръ, такъ и изъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда мастеру приходилось рисовать на тѣхъ же листахъ, на коихъ писанъ и текстъ. Однажды онъ сдѣлалъ миніатюру подъ тремя строками, коими оканчивается текстъ 59 главы, м. 57; потомъ дважды, за недостаткомъ мѣста въ предѣлахъ самой миніатюры, онъ принужденъ былъ вынести именно фигуру Іоанна на пустую страницу предыдущаго листа, мм. 7 и 54, и наконецъ послѣднюю м. 68-ю, онъ написалъ на оборотѣ послѣдняго листа рукописи, на лицевой сторонѣ котораго оканчивается текстъ.

Описываемая редакція относится къ такимъ, которыя на одной миніатюрѣ совмѣщаютъ все содержаніе цѣлой главы по толковому счету; но существенно отличается отъ нихъ сокращеніями въ подробностяхъ и опущеніемъ нѣкоторыхъ эпизодовъ, которые въ другихъ редакціяхъ, по указанію текста, помѣщаются. Такъ напр. въ изображеніи Пруговъ и Студенца бездны нѣтъ эпизода о Смерти, м. 25, IX, 1-12; въ изображеніи вражьихъ всадниковъ, сидящихъ на чудовищахъ, нѣтъ четырехъ ангеловъ на рѣкѣ Евфратѣ, м. 26, IX, 13-21. Вавилонская Любодѣица на Звѣрѣ является совсѣмъ одна безъ обычной свиты, которая воздаетъ ей чествованіе, ей покланяется, или ее окружаетъ, м. 51, XVII, 1-5; точно также и въ м. 52, XVII, 6-18, она опять одна, въ пьяномъ видѣ [сн. 128]. Въ м. 50, XVI, 17-21, представлено только разрушеніе города подъ водопадомъ краснаго потока, проливаемаго ангеломъ изъ фіала, и ни одною чертою не обозначено страшнаго гнѣва небеснаго, разразившагося гласами и громами, блистаніями и молніями и великимъ градомъ «яко талантесъ».

Съ другой стороны, недостатокъ существенныхъ подробностей въ этой иллюстраціи восполняется фигурами, безъ которыхъ обходятся редакціи, болѣе обстоятельныя, каково напр. помѣщеніе Іоанна при трубящихъ ангелахъ, мм. 21-24, и при изливающихъ фіалы, мм. 44-50.

Сверхъ того, систематическая выправка въ типахъ Господа Бога и нѣкоторыя другія позднѣйшія явленія, указанныя ниже, не оставляютъ сомнѣнія, что редакція эта, судя по дошедшимъ до насъ копіямъ, уступаетъ въ древности своего происхожденія Филаретовской.

Не смотря на то, она пользовалась у нашихъ предковъ популярностью, вѣроятно, потому что въ общемъ своемъ составѣ воздержалась отъ западныхъ вліяній, какъ въ выборѣ сюжетовъ, такъ и въ стилѣ.

Надобно полагать, что въ основу этой редакціи все же было положено довольно раннее иконографическое преданіе, которое оставило въ ней по себѣ явственные слѣды болѣе древняго оригинала, столько же замѣчательные по контрасту съ нѣкоторыми позднѣйшими подновленіями, сколько и существенно важные для исторіи иконографіи. А именно.

Горній Іерусалимъ, въ его архаической башенной формѣ, стоитъ на воздухѣ, между небомъ и землею, мм. 63, 65 [сн. 131].

Вмѣсто мертвецовъ, лежащихъ въ гробахъ, или вмѣсто мертвыхъ костей, на м. 60, въ Музейн. лл. м. 62 [140], изображены древніе саркофаги, каменные, по древнему обычаю украшенные скульптурною рѣзьбою. Слич. въ Сборникѣ Новгородск. Софійской библіот., въ ПДА. № 1430, въ л., миніатюру на л. 12 об. [сн. 216].

Въ сказаніи о Третьемъ Ангелѣ, который изливаетъ фіалъ на рѣки и источники водные, хотя и опущенъ изображаемый въ другихъ редакціяхъ ангелъ Водный, но замѣчается одна особенность, относящаяся по своей наивной оригинальности къ самымъ раннимъ пріемамъ иконографической концепціи, и дополняющая собою тѣ архаическіе образы и пріемы, какіе указаны въ моемъ Апок. XVII в. ранней редакціи и въ Музейн. № 156. Это именно источники водные, которые въ этой редакціи представлены въ видѣ четвероугольнаго каменнаго водоема, съ двумя круглыми отверстіями, изъ коихъ льется вода въ рѣку. Каменныя плиты водоема и отверстія обработаны молотомъ и рѣзцомъ каменотеса. М. 46 [сн. 134 д]: согласно съ представленіемъ Fontes aquarum въ Пражск. Апок. XIV в. на стр. 162 [сн. 265 а].

Агнецъ въ щитѣ [слич. въ моемъ юсов. Апок. мм. 45, 48, 60,

63 и 73], какъ въ Codex Aureus IX в. и въ Альтамир. Апок. XII в. [снн. 251 и 260]. Здѣсь держитъ этотъ щитъ у себя на колѣнѣ Господь Саваоѳъ, м. 66 [сн. 134 е].

Типъ Змія объ одной головѣ съ двумя лапами, отъ которыхъ непосредственно исходятъ два пернатыя крыла, вполнѣ согласный съ принятымъ въ Уваров. Апок. XVII в. № 58, м. 30 [сн. 147], встрѣчается въ томъ же самомъ видѣ во фрескахъ французск. церкви св. Савина XII в. [сн. 257 б]. Въ описываемомъ Апок. Змій является, не только объ одной головѣ, м. 48 [въ Муз. лл. м. 50, копія краск. 14], но и о семи головахъ, м. 32.

Въ Сказаніи о низверженіи съ неба падшихъ ангеловъ, представлены они по принятому въ нашихъ лицевыхъ Апокк. въ типѣ демоновъ; всѣ они безъ оружія, только верхній въ ихъ группѣ, вѣроятно, наибольшій, держитъ въ рукѣ кругъ или шаръ, будто оружіе, коимъ онъ защищается отъ копій ниспровергающихъ ихъ ангеловъ. Такъ, можетъ быть, полагали и миніатюристы описываемой мною редакціи по СПБ. рук. и Музейн. лл. Но въ такомъ случаѣ и прочіе демоны защищались бы подобнымъ же оружіемъ. Почему держитъ этотъ шаръ только одинъ изъ нихъ? Если я не ошибаюсь, отвѣта надобно искать въ раннихъ иконографическихъ преданіяхъ Свѣтлый Люциферъ, до паденія своего, изображался въ типѣ архангела, съ жезломъ и съ печатью Бога Живаго [signaculum dei], какъ онъ и изображенъ въ Византійск. эмали X в. [сн. 240 г] и въ Hortus Deliciarum XII в. [сн. 254], а въ моментъ своего низверженія въ этой же рук. аббатиссы Геррады Ландспергъ онъ представленъ тоже съ печатію въ лѣвой рукѣ; см. въ Страсбургск. издан. таб. 2-ю. Вѣроятно, слѣдъ именно этого иконографическаго преданія надобно видѣть въ м. 33 [сн. 134 г].

Подтвержденіе этому мы находимъ въ другой подробности архангельскаго костюма, удержанной въ описываемой редакціи по тому же раннему преданію. Св. Жена перекинула на лѣвую руку конецъ широкой полосы или ораря, м. 55 [сн. 129]; слич. выше приведенные снн. 240 г, 254.

Но особенно архаично представленіе сына св. Жены въ видѣ не младенца, какъ принято это вообще, а взрослаго юноши, какъ Мужской полъ, согласно толкованію Меѳодія, м. 32 [сн. 134 в], усвоенному у насъ отъ Андрея Кесарійскаго, а на западѣ принятому въ иллюстраціи еще въ X в., какъ свидѣ-

тельствуетъ Бамбергск. Апок. въ м. 29. Смотр. въ IV гл. моего Введенія, стр. 84. Слич. въ Тихонр. Апок. № 5, м. 42 [сн. 156].

Вообще въ этой редакціи очевидны слѣды старыхъ, хорошихъ оригиналовъ; а именно:

Смерть, вмѣсто позднѣйшихъ орудій—косы или пищали, держитъ громадный мечъ, м. 16.

Господствуетъ стилизація въ изображеніи неба и облаковъ, деревьевъ, м. 21 и др., пещеры, м. 2 [сн. 126], а въ Музейн. лл. и горъ, которыя иногда поднимаются своими скалами въ видѣ пьедестала съ платформою для стоящей на ней фигуры, м. 42 [сн. 139].

Согласно съ раннею редакціею по моему Апок. XVII в., мм. 27 [сн. 12] и 28, Облачный Ангелъ изображенъ не въ одѣяніи изъ облаковъ, а въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, только въ кругу, означающемъ часть неба съ облаками, м. 27, въ Музейн. лл. м. 28 [сн. 138].

Изъ 24-хъ Старцевъ, возсѣдающихъ въ обыкновенныхъ коронахъ, двое направо имѣютъ на головахъ короны древнія, скругленныя, м. 10 [сн. 127], какъ въ моемъ юсов. Апок. м. 16 [сн. 79].

Къ характеристическимъ особенностямъ этой редакціи, кромѣ указанныхъ выше, принадлежатъ слѣдующія:

Вмѣсто того, чтобы ангелъ велъ или поднималъ Іо. отъ земли, оба они изображены поднятыми на воздухъ въ облакѣ, между небомъ и землею, въ соотвѣтствіе той редакціи текста, по коей читается: *взятъ быхъ въ дусѣ*, какъ въ юсов. Солов. Апок. XVI, а не просто: *быхъ въ дусѣ*, какъ принято въ исправленномъ текстѣ и въ описываемой рук., м. 10 [сн. 127].

Вторый Всадникъ держитъ въ рукѣ громадный мечъ, согласно тексту исправленному и принятому въ этой рук.: *данъ бысть ему мечь великій*, м. 14 [сн. 134 б]; въ старшихъ редакціяхъ: *оружіе веліе*.

Души усопшихъ мучениковъ, уже одѣтыя въ бѣлыя ризы, стоятъ не *подъ олтаремъ*, въ согласіе съ текстомъ исправленнымъ, а по обѣ стороны отверстыхъ дверей, слѣдовательно по принятому въ рукописи чтенію: *предъ олтаремъ*, м. 17.

Въ видѣніи о Четвертомъ Ангелѣ съ трубою изображенъ въ полатномъ письмѣ эпизодъ съ грѣшниками, живущими на землѣ и мыслящими «земная», м. 24 [въ Музейн. лл. м. 25, сн. 137].

Такой же эпизодъ въ полатномъ письмѣ съ праведниками, м. 40 [въ Музейн. лл. м. 42, сн. 139]. Слич. въ моемъ юсов. Апок., м. 48 [сн. 87].

Брошенный съ неба серпъ лежитъ на землѣ, м 41; то же въ Подносн. экземплярѣ МДА. № 14, м. 43. Въ Музейн. лл. его на землѣ нѣтъ, м. 43.

Вавилонская Любодѣица въ пьяномъ видѣ сидитъ на Звѣрѣ, м. 52 [сн. 128]; то же въ МДА. № 14, м. 55.

Невѣста Агнчія стоитъ внутри храма, внизу, м. 55 [сн. 129]; то же въ МДА. № 14, м. 58 [сн. 172].

Цѣпь для Змія спускается съ неба по воздуху, м. 58; то же въ МДА. № 14, м. 61.

Въ Горнемъ Іерусалимѣ помѣщенъ фонтанъ, какъ «источникъ воды животной», которую принимаетъ въ сосудъ стоящая ниже фигура, м. 64 [сн. 130].

Эпизодъ съ мученіемъ и древо животное съ праведникомъ въ м. 67 [сн. 132].

Праведные во храмѣ и грѣшные снаружи въ м. 68 [сн. 133].

Обѣ послѣднія мм. слич. въ моемъ юсов. Апок. XVI в. съ мм. 77 и 78 [сн. 96].

Очевидный слѣдъ позднѣйшей переработки, внесенной русскимъ иконописцемъ въ болѣе ранній оригиналъ, предлагаетъ намъ м. 27, въ Музейн. лл. м. 28 [сн. 138], въ которой онъ далъ Облачному ангелу, вмѣсто одной, двѣ книги, не понимая, что принятое въ Писаніи множ. число *книжицы* или *книги*, по старинному употребленію, означаетъ одну книгу, а не многія.

Изъ отдѣльныхъ подробностей заслуживаютъ вниманія:

Агнецъ въ простомъ сіяніи стоитъ на землѣ на двухъ выступахъ горы, ничѣмъ не отдѣленный отъ молящейся ему толпы, какъ въ редакціяхъ съ западнымъ вліяніемъ, м. 37. См. въ Солов. юсов. Апок. XVI в. м. 38.

Вмѣсто креста, ангелъ держитъ въ рукѣ Печать Бога Живаго, м. 19, согласно съ Аѳонскою Ерминіею Діонисія Фурноаграфіота въ карт. 6 и 24.

Фіалы или курильницы у Старцевъ имѣютъ видъ стакана, разширенаго кверху, м. 12.

Лица Солнца и Луны, а также и звѣзды Апсинѳосъ, изливаютъ изъ своихъ очей слезы, мм. 18 и 23. Слич. въ моемъ юсов. Апок. XVI в. м. 55 [сн. 88].

Церкви писаны безъ крестовъ, и только кое-гдѣ прибавлены уже потомъ; смотр. мм. 3-9.

Типъ Перваго Звѣря отличается двумя крылами, м. 48 [въ Музейн. лл. м. 50].

Отличительною чертою этой редакціи надобно признать помѣщеніе въ морѣ какихъ-то двухъ морскихъ животныхъ въ м. 45 [копія краск. 13].

По иконографіи Господа Бога описываемая иллюстрація предлагаетъ слѣдующія данныя.

Еммануилъ, въ крестномъ сіяніи, является только въ самомъ началѣ Откровенія, именно въ сказаніи о семи Церквахъ, всего 8 разъ, въ мм. 2-9, какъ въ позднѣйшихъ иллюстраціяхъ.

Господь Саваоѳъ, въ угловатомъ сіяніи, въ подновленномъ видѣ звѣзды, 7 разъ, въ мм. 11, 12, 14, 26, 32 [съ I. X], 59 и 66.

Іисусъ Христосъ, вопервыхъ, въ крестномъ сіяніи 16 разъ, въ мм. 1, 10, 29, 30, 31, 32 [съ Саваоѳомъ], 37, 43, 46, 54, 60, 62, 63, 64, 67 и 68; и вовторыхъ, въ простомъ сіяніи, 5 разъ, въ мм. 40, 41 [въ вѣнцѣ, съ серпомъ], 53, 56 [въ двойномъ вѣнцѣ на конѣ] и 57 [то же].

Св. Агнецъ, вопервыхъ, вмѣстѣ съ Господомъ Саваоѳомъ, 4 раза, въ мм. 11, 12, 14 и 66, и вовторыхъ, одинъ—7 разъ, въ мм. 13, 15, 16, 17, 18, 20 и 37, и, сверхъ того, одинъ разъ по Музейнымъ листамъ въ м. 21, недостающей въ СПБ. № 225.

Ангелы очень часто изображены съ дискомъ, или Печатью Бога Живаго, напр. въ мм. 11, 39, 40, 53, 55.

Въ заключеніе обращаюсь къ внѣшнему исполненію миніатюръ.

Колоритъ этой редакціи, судя и по Музейн. лл. и по СПБ. рукописи, замѣчательно своеобразный, съ преобладаніемъ охры и жидко разведенныхъ чернилъ и киновари, да съ примѣсью краски зеленой; когда же колоритъ сгущается, то переходитъ въ бурый. Кромѣ того, употребляется краска блѣдно-розовая; но синей вовсе нѣтъ.

При сказанной оригинальности колорита, въ рисункѣ замѣчаются нѣкоторые художественные пріемы, указывающіе на обдуманную намѣренность произвести эффектъ и дать сюжету размѣщеніе, пріятное на видъ.

И по мелкому размѣру фигуръ, и по неумѣлости, мастера этой редакціи не расчитывали на выраженіе лицъ, хотя и по-

кусились дать его довольно удачно звѣринымъ мордамъ апокалипс. чудовищъ въ м. 48 [въ Музейн. лл. 50, копія краск. 14]. За то все вниманіе свое въ артистическомъ отношеніи сосредоточили они на пріемахъ, такъ сказать, линейныхъ. Пріемы эти состоятъ, вопервыхъ, въ симметрическомъ расположеніи фигуръ и разныхъ частей рисунка, напр. въ мм. 17, 20, 40; вовторыхъ, въ параллельныхъ линіяхъ, напр. склоненныхъ головъ и лежащихъ около нихъ коронъ, м. 10 [сн. 127], параллельно поднятыхъ рукъ, м. 10, или—руки ангела и его крыла, м. 65 [сн. 131]; и наконецъ въ размѣщеніи рисунка по прямой линіи: пріемъ, употребляемый въ этой редакціи для энергическаго устремленія, или внизъ, напр. гласа трубнаго, въ прямой линіи руки I. X. и трубы, которую Онъ держитъ, м. 10 [сн. 127], или вверхъ, въ указаніи рукою, мм. 1 [сн. 125], 20, 62, 65 [сн. 131].

Въ томъ же отношеніи особенность этой редакціи составляетъ раккурсъ въ рисункѣ лошади Перваго Всадника, м. 13 [сн. 134 а].

Главнѣйшіе признаки, коими отличаются Музейн. лл. отъ СПБ. рук., суть слѣдующіе:

Многія мм., какъ означено въ описаніи, рисованы въ Музейн. лл. наоборотъ, или сполна, или же только на половину, т. е. верхняя часть или нижняя.

Іо. всегда въ рамкѣ миніатюры, а не внѣ ея, какъ въ видѣ исключенія встрѣчается это въ СПБ. рук.

Рисунокъ тверже и бойчѣе, обличающій болѣе искуснаго мастера.

Подробности вырисованы тщательнѣе и изящнѣе, какъ въ фигурахъ, такъ и аксесуарахъ. Напр. въ клюкѣ апокалипс. Звѣря не забыты обрубленные сучки, м. 42 [сн. 139].

Симметрія наблюдается менѣе, нежели въ СПБ. рук.; но прочіе линейные пріемы удерживаются.

Вообще можно полагать, что Музейн. лл. стоятъ ближе къ предполагаемому оригиналу, чѣмъ СПБ. № 225.

Въ заключеніе предлагаю перечень миніатюръ описываемой редакціи, которыя съ нѣкоторыми измѣненіями въ переводахъ вошли въ другія редакціи, составныя или сборныя, и именно въ Подносный экземпляръ по рук. МДА. № 14 и въ Апокалипсисъ Тихонравова 1731-1736 г. и въ мой 1721 г.

СПБ № 225.	МДА. № 14
6	7 [сн 166].
37	39
41	43
52 [сн 128]	55.

СПБ. № 225	МДА. № 14.
53	56.
55 [сн. 129]	58 [сн 172].
58	61.

СПБ. № 225	МОЙ 1721 г.	ТИХОНРАВОВА 1731-1736 г.
2 [сн 126]	2 и 4	2 и 4
20	23	23.
24 [въ Музейн. лл. 25, сн. 137]	30	30.
28	35	36.
41	48	51
46	54	56 [сн. 203].
52 [сн. 128]	—	63
53	—	65.
58	67	70 [сн. 205].
65	73 [199]	78.

---

1) I, 1-9 [сн. 125]. Вверху на облакахъ возсѣдаетъ на престолѣ I. X. въ крестномъ сіяніи, правой рукою благословляетъ, лѣвою придерживаетъ на колѣнѣ раскрытую книгу, на которой начертано: *придете ко мнѣ*. По сторонамъ престола по три ангела съ трубами въ рукахъ. Внизу скала съ двумя деревцами стилизованной формы и съ озеромъ. Ангелъ подходящему къ нему Іоанну указываетъ десницею вверхъ, энергически вытянувъ ее надъ своею головою и вверхъ же устремивъ свои крылья: даже несоразмѣрная величина его указательнаго перста способствовала мастеру выразить въ этой замѣчательной фигурѣ всю силу и выспренность указанія на великое видѣніе, которое Евангелисту предстояло узрѣть и описать.

2) I, 10-20 [сн. 126]. Вверху зеленоватое небо, обведенное снизу оваломъ. Въ небѣ посреди стоитъ Еммануилъ въ крестномъ сіяніи, въ бѣломъ подирѣ, препоясанъ, въ десницѣ держитъ дискъ съ семью звѣздами; ноги красныя, согласно тексту. По сторонамъ его седмь свѣщниковъ. Къ его ногамъ припадаетъ Іо. Что же касается до трубы и меча, то они исходятъ не отъ лица самого Еммануила, а отъ края неба, и притомъ такъ, что гласъ трубный, означенный линіями, устремленъ на Іоанна въ тылъ, согласно Писанію: «слышахъ за собою гласъ».

Внизу Іо., внимающій этому гласу, идетъ къ пещерѣ, въ которой сидитъ Прохоръ съ книгою. Внѣ отверстія пещеры, искусственно вырубленнаго съ архитектурнымъ орнаментомъ, стоитъ на скалѣ чернильница и другія принадлежности письма, а не на столѣ, какъ принято въ другихъ нашихъ редакціяхъ. Въ моемъ Апок. 1721 г. труба и мечъ также исходятъ отъ облака, м. 4, и чернильница Прохора стоитъ на скалѣ, м. 2; то же и въ Апок. Тихонр. 1731-1736 г.

3-9) II-III. Всѣ эти семь мм. съ ангелами седми Церквей писаны на одинъ манеръ. Вверху такое же небо съ семью свѣщниками, какъ въ м. 2, такой же стоящій Емманулъ, съ звѣзднымъ дискомъ въ десницѣ [только на м. 3—въ лѣвой рукѣ]; но нѣтъ ни меча, ни трубы. Внизу же во всѣхъ мм. все пространство занято церковью о трехъ главахъ, кромѣ м. 4, въ которой о пяти; надъ главами въ очеркѣ забыты кресты, но при раскраскѣ въ мм. 6 и 7 они выведены тою же краскою, которою покрывались главы, а въ м. 9 кто-то въ позднѣйшее время начертилъ ихъ чернилами. Каждая церковь представлена и снаружи и внутри, по общепринятому способу, въ видѣ широкаго отверстія подъ арками, съ срѣльчатымъ подъемомъ посреди. Въ такомъ отверстіи, соотвѣтствующемъ церковнымъ вратамъ, стоитъ на амвонѣ ангелъ, всегда со свиткомъ въ рукахъ, но безъ текста, и только въ м. 7 стоитъ онъ на мозаичномъ полу. Въ м. 6 ангелъ держитъ свитокъ надъ головою въ видѣ арки; слич. въ Подносн. экземплярѣ МДА. м. 7 [сн. 166]. Внѣ церкви къ ангелу подходитъ Іо.; однажды онъ писанъ внѣ миніатюры, именно 7-ой, на оборотѣ предыдущаго листа. Въ Музейн. лл., въ м. 9, Емманулъ держитъ въ лѣвой рукѣ мечъ.

10) IV, 1-11 [сн. 127]. Вверху въ четвероугольномъ пространствѣ зеленоватаго неба, окаймленнаго стилизованными облаками краснаго цвѣта, въ красномъ же ореолѣ возсѣдаетъ на престолѣ І. Х. въ крестномъ сіяніи, лѣвою рукою придерживаетъ на колѣнѣ книгу, а правую спустилъ внизъ и вытянулъ ее въ одну линію съ находящеюся въ ней длинною трубою, чѣмъ мастеръ хотѣлъ выразить устремленіе гласа, снисходящаго на Іо. По сторонамъ І. Х. по херувиму; надъ Его ореоломъ ангелъ по-грудь, впереди другихъ небесныхъ силъ, въ красномъ же ореолѣ, который пересѣкаетъ ореолъ нижній.

Изъ-за ореола съ обѣихъ сторонъ выказываются верхнія части половинокъ дверей. Подъ ореоломъ стекляное море съ семью свѣщниками. Направо Старцы сидятъ въ вѣнцахъ, налѣво пали ницъ, сложивъ передъ собою вѣнцы. И склоненныя головы ихъ и снятые вѣнцы расположены параллельно по двумъ прямымъ линіямъ, какъ бы для уразумѣнія ихъ единодушія въ благоговѣйномъ преклоненіи. Внизу стоитъ Іо., поднимая десницу къ устремленной на него трубѣ. Онъ же поднимается въ облакѣ, сопутствуемый ангеломъ: заслуживающая особеннаго вниманія отличительная черта, соотвѣтствующая тѣмъ редакціямъ текста, въ коихъ означено: *взятъ быхъ въ дусь*. Но въ описываемой рукописи значится только: *абіе же быхъ въ дусь*, какъ и въ исправл. изданіи: отсюда надо полагать, что миніатюра первоначально составлена была при другомъ текстѣ. Вытянутою линіею указующей руки ангела мастеръ изобразилъ замѣченную уже выше стремительную выспрь.

11) V, 1-5. Вверху небо раздѣлено облаками на двѣ части. Въ верхней, въ ореолѣ Господь Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи, превращенномъ уже въ звѣзду, сидитъ на престолѣ съ запечатлѣнною семью печатями книгою; около него на столѣ стоитъ Агнецъ съ семью рогами и въ простомъ сіяніи; въ головѣ у него семь очей. По сторонамъ ореола стоятъ ангелы; изъ нихъ двое передніе съ дисками, на которыхъ писана монограма I. X. Въ нижней части неба по одну сторону ангелъ съ дискомъ, по другую Іо.; посреди святые въ бѣлыхъ одеждахъ. Внизу на землѣ полатное письмо: городъ, въ немъ люди. Направо въ самомъ углу подземная преисподняя съ толпою фигуръ въ бѣлыхъ же ризахъ. Послѣднія подробности, соотвѣтствующія въ текстѣ извѣщенію, что никто не можетъ разгнуть книгу «ни на небесѣ, ни на земли, ниже подъ землею» —составляютъ особенность этой редакціи.

12) V, 6-14. Внизу на землѣ стоитъ Іо., молитвенно простирая руки. Въ верхней части, занимающей почти всю м., желтоватое небо, обрамленное облаками; вверху Господь Сав. съ Агнцемъ и ангелами, какъ въ предыдущей м.; подъ ними съ обѣихъ сторонъ въ два ряда, расположенные вертикально, преклонились 24 Старца съ своими гуслями, поставивъ около нихъ фіалы или курильницы въ видѣ стакана, разширенаго кверху.

13) VI, 1-2 [сн. 134 а]. Первый Всадникъ въ коронѣ и съ лукомъ въ рукѣ, на бѣломъ конѣ; замѣчателенъ по ракурсу, которымъ именно и отличаетъ онъ эту редакцію отъ прочихъ въ соотвѣтственныхъ ему изображеніяхъ. Вверху въ небѣ, овально окруженномъ облаками, Агнецъ въ ореолѣ.

14) VI, 3-4 [сн. 134 б]. Вторый Всадникъ, на красномъ конѣ, въ шапкѣ, съ мѣховою выпушкою, въ рукѣ держитъ громадной величины мечъ, въ соотвѣтствіе тексту: «мечъ великій»: что̀ составляетъ также принадлежность этой редакціи. Вверху въ небѣ Господь Сав. съ Агнцемъ и ангелами, какъ въ м. 11.

15) VI, 5-6. Третій Всадникъ, съ открытою головою и съ вѣсами въ рукѣ, на ворономъ конѣ. Вверху Агнецъ, какъ въ м. 13, только небо четвероугольное.

16) VI, 7-8. Четвертый Всадникъ—Смерть, на дикомъ конѣ, въ рукѣ держитъ, вмѣсто серпа или косы, громадный мечъ, что̀ составляетъ тоже особенность этой редакціи. Позади ея черная бездна, изъ коей поднимается красная морда Ада съ отверстою пастью. Звѣри и птицы пожираютъ людей. Вверху Агнецъ, какъ въ м. 13.

На каждой изъ этихъ 4-хъ мм. въ сторонѣ отъ всадника помѣщена фигура Іо., не забытая даже при Смерти.

17) VI, 9-11. Внизу стоитъ Іо. Вверху въ небѣ въ ореолѣ Агнецъ; подъ ореоломъ церковь, безъ креста; вершина ея поднимается налѣво вровень съ ореоломъ. По обѣимъ сторонамъ стоятъ души избіенныхъ за слово Божіе, юныя и бородатыя фигуры, семметрически столпившись къ отверстымъ дверямъ; по черному фону отверстія симметрически же съ обѣихъ сторонъ по рукѣ съ раскрытою ладонью двухъ бородатыхъ фигуръ, стоящихъ по обѣ стороны отверстія. Въ Музейн. лл. этой симметріи нѣтъ: старецъ направо поднялъ руку съ распростертою ладонью, а налѣво стоящій свою руку опустилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и пространство между ними не загрунтовано черною краскою, м. 17.—Возрастъ фигуръ и принятый здѣсь моментъ, когда возставшіе облеклись уже въ свои одѣянія—составляютъ принадлежность этой редакціи.

18) VI, 12-17. Вверху по зеленоватому фону ореолъ съ Агнцемъ, какъ въ предыдущихъ мм. По сторонамъ ореола красныя солнце и луна съ лицами en face, которыя проливаютъ изъ глазъ слезы: что̀ миніатюристъ выразилъ неесте-

ственно отвислыми нижними вѣками, отягощенными влагою, которая потомъ съ нихъ канула на щеки. Этою подробностью СПБ. № 225 отличается отъ Музейн. лл., въ коихъ она опущена, м. 18 [слич. м. 23]. Слич. въ моемъ юсов. Апок. м. 55 [сн. 88].—Подъ ореоломъ свивающееся въ свитокъ небо, бѣлаго цвѣта, усѣянное желтыми звѣздами Внизу гòры. Камни побиваютъ народъ. Одна толпа спряталась въ пещеру. Между небомъ и землею полоса черныхъ точекъ означаетъ падающія звѣзды.

19) VII, 1-8. На четырехъ углахъ земли по ангелу; каждый удерживаетъ за руку обнаженную фигуру Вѣтра съ крыльями и трубою. Посреди стоитъ еще ангелъ: правую руку распростеръ внизъ, а въ лѣвой держитъ дискъ, то есть, по тексту: «*печать* Бога живаго». Важная характеристическая подробность, которая еще удержалась и въ Аѳонскомъ руководствѣ, см. изображеніе 6-е; какъ архаическая залежь, у насъ она сохранилась до XVIII в. Смотр. въ моемъ Апок. 1721 г. и въ Тихонр. 1731-6, м. 23. Въ другихъ редакціяхъ ангелъ или съ простыми руками, или держитъ крестъ, а не дискъ.

20) VII, 9-17. Вверху четвероугольное небо красноватаго цвѣта, окаймленное зеленоватыми облаками, которыя въ стилизованныхъ завиткахъ снизу поднимаются посреди, какъ разъ къ ореолу, въ коемъ стоитъ на престолѣ Агнецъ съ книгою. По сторонамъ престола стоятъ ангелы, а за ними Старцы; подъ ними, симметрично раздѣленные поднимающимися облаками стоятъ св. мученики съ стилизованными вѣтвями, вмѣсто пальмовыхъ: при чемъ двое переднихъ, по сторонамъ облачныхъ завитковъ для усиленія симметріи одинаково простираютъ руки съ своими вѣтвями. Внизу подходящему Іоанну старецъ правою рукою энергически указываетъ вверхъ. И здѣсь миніатюристъ воспользовался тѣмъ же мастерскимъ пріемомъ вытянутой линіи отъ ступни правой ноги до указательнаго перста, что̀ было мною замѣчено въ м. 1. Въ Музейн. лл. рука гораздо менѣе вытянута въ прямую линію съ ногою [сн. 135].

Глава 21 по толковому счету, или по принятому нынѣ VIII, 1-6, въ описываемой рук. миніатюры не имѣетъ. См. ниже по другимъ рукк.

21) VIII, 7. Вверху небо, окруженное книзу облачнымъ овалоломъ. Къ облакамъ приклонился Первый Ангелъ и трубитъ въ

трубу. На землю спускается отъ облаковъ красный потокъ на деревья, писанныя въ древней стилизованной формѣ. Около стоитъ Іо.

22) VIII, 8-9. Вверху то же. Внизу море съ скалистыми берегами по обѣ стороны. На одномъ стоитъ Іо. На морѣ громадная масса пламени съ огненными языками. Въ волнахъ подъ низверженнымъ кораблемъ тонущіе люди.

23) VIII, 10-11. Вверху то же. Внизу скалы; между ними потокъ; на потокъ пала звѣзда Апсинѳосъ, въ дискѣ которой написано лицо; на немъ подъ обоими глазами слезы: подробность, которая опять не замѣчается въ переводѣ Музейн. лл., м. 24 [слич. м. 18]. Въ лл. князя Вяземскаго переводъ другой, но редакція та же; любопытна форма звѣзды Апсинѳосъ съ свѣчею, м. 24 [сн. 238 е]. На берегу потока водоемъ, въ родѣ чана. Около стоятъ мелкіе сосуды въ большой массѣ. У водоема стоятъ на колѣняхъ люди, одинъ держитъ въ рукахъ сосудъ, другіе лежатъ: это болящіе и умирающіе. По ту сторону потока стоитъ Іо., обратившись къ этимъ фигурамъ.

24) VIII, 12-13. Вверху по зеленоватому небу, снизу очерк-нутому овальною полосою свѣтлокоричневаго цвѣта, направо стоятъ три ангела съ трубами, а налѣво—одинъ, тоже съ трубою. Между ними паритъ головою внизъ еще ангелъ. Небо усѣяно звѣздами съ солнцемъ и луною. Внизу полатное письмо: внутри зданія за круглымъ столомъ, уставленнымъ сосудами и другою утварью, сидятъ двое въ шапкахъ съ мѣховою выпушкою. Это къ нимъ относятся слова ангела: «горе живущимъ на землѣ». Подробность, характеризующая эту редакцію, изъ которой заимствована въ м. 30 Тихонр. Апок. 1731-1736 г. На скалѣ стоитъ Іо. По Муз. экз. м. 25 [сн. 137].

25) IX, 1-12. Вверху то же, что̀ въ мм. 21-23. Внизу го́ры. Налѣво, вмѣсто Студенца бездны, черная пропасть, изъ коей по животъ вышла бѣлая фигура обыкновеннаго дьявола съ крыльями: таковъ въ той рукописи Царь ангелъ Бездны. Въ лл. князя Вяземскаго дымъ исходитъ не изъ бездны, а изъ устъ этого дьявола, который своимъ типомъ отличается отъ принятаго въ прочихъ трехъ Апокк., м. 26 [сн. 238 ж].—На краю черной пропасти ключъ, къ кольцу коего приставлена въ одну линію звѣзда, составляющая съ нимъ, такимъ образомъ, какъ бы одно цѣлое. Направо по горѣ бѣгутъ Пруги: четверо-

ногія туловища ихъ красныя, какъ и хвосты, оканчивающіеся змѣиными головами, человѣчьи головы съ длинными женскими волосами, въ желтыхъ коронахъ. Позади ихъ толпа людей, преклоняясь, сторонится отъ змѣиныхъ головъ, что̀ на хвостахъ Пруговъ. Внизу въ правомъ углу толпа молитвенно преклоняется на колѣна. Эпизода о Смерти нѣтъ.

26) IX, 13-21. Вверху по зеленоватому небу со звѣздами, снизу окаймленному оваломъ облаковъ такого же цвѣта, въ лѣвомъ углу ореолъ, окруженный красною полосою. Въ ореолѣ на престолѣ Господь Сав. въ угловатомъ сіяніи, въ обѣихъ рукахъ держитъ книгу, будто читаетъ. Направо церковь, но опять безъ креста. Внутренность ея вся открыта стилизованнымъ отверстіемъ. Въ немъ по темному фону жертвенникъ съ книгою на немъ. Около стоитъ Шестый Ангелъ и трубитъ въ трубу. Внизу гористое пространство желтаго цвѣта, которое горизонтально раздѣляется зеленоватою полосою Евфрата; но связанныхъ при этой рѣкѣ четырехъ ангеловъ нѣтъ. Только по берегу скачутъ всадники на чудовищныхъ коняхъ, у коихъ хвосты съ змѣиными головами, а пасти извергаютъ огонь на опрокинутую передъ ними толпу людей. Въ Музейн. лл. чудовища съ ошейниками [м. 27], которые въ переводѣ описываемой рук. опущены.

27) X, 1-7 [по Музейн. лл. м. 28, сн. 138]. Вверху по небу паритъ ангелъ. Внизу стоитъ Облачный ангелъ правою ногою на морѣ, а лѣвою на землѣ, согласно тексту. Правую руку воздвигъ къ небу, а въ лѣвой держитъ двѣ книги, одну подъ другой, вмѣсто одной книги, по недоразумѣнію и писца и мастера, которые уже не знали, что множ. число *книгы* или *книжиця*, постоянно употребляемое въ этомъ мѣстѣ, означаютъ только одну книгу, а не больше, и потому писецъ, вмѣсто множ. числа, почему-то написалъ искаженную форму двойственнаго: *держа в руце своеи книжицы разгбене*, а мастеръ или понялъ эту фразу за двойств. число и далъ ангелу двѣ книги, или же просто хотѣлъ этимъ числомъ означить вообще книги, принявъ *разгбене* за множ. число. Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе потому, что далѣе въ ст. 125 [X, 8] въ рук. стоитъ мн. ч.: *иди пріими книги разгбенныя*. И въ слѣдующей м. 28-ой мастеръ далъ ангелу тоже двѣ книги, вмѣсто одной. Что же касается до облачности ангела, то она выражена только кру-

гомъ въ видѣ ореола; другой же мéньшій кругъ означаетъ радугу: особенность этой редакціи, ведущая свое начало издревле: см. въ моемъ Апок. ранней редакц. мм. 27 [сн. 12] и 28.

28) X, 8-11. XI, 1-2 *. Вверху то жс, что̀ и въ м. 27. Внизу церковь. Ангелъ, вмѣсто облаковъ, одѣтъ въ свои обыкновенныя ризы; подаетъ Іоанну двѣ книги и длинную трость. Направо Іоаннъ же сидитъ и ѣстъ книгу, взявъ въ ротъ одинъ уголъ ея. Еще онъ же стоитъ налѣво на горѣ, обращаясь молитвенно къ парящему въ небѣ ангелу. Въ Музейн. лл. наоборотъ. Въ Тихонр. 1731-1736 тоже двѣ книги, вмѣсто одной, м. 36.

29) XI, 3-10. Вверху въ небѣ, которое снизу очеркнуто оваломъ, въ ореолѣ возсѣдаетъ на престолѣ I. X. въ крестномъ сіяніи, лѣвой рукою придерживаетъ на колѣнѣ книгу, десницею благословляетъ. Внизу полатное письмо, при которомъ на престолѣ сидитъ Первый Звѣрь, съ человѣчьими руками и звѣриными ногами, съ семью звѣриными головами безъ коронъ и роговъ. Передъ нимъ стоятъ Енохъ и Илія, задрапированные въ тогахъ, не по иконописному ихъ подобію. Они обличаютъ Звѣря, испуская на него свое обличеніе изъ устъ въ видѣ огненныхъ потоковъ. Внизу оба они лежатъ распростертые на землѣ. Звѣрь объ одной головѣ съ двумя рогами до половины выходитъ изъ черной пропасти и поднимаетъ на нихъ свою лапу.

30) XI, 11-14. Вверху то же, что̀ въ предыдущей м. Внизу городъ. У полатнаго письма лежатъ мертвые Енохъ и Илія [чего въ Музейн. лл. нѣтъ, м. 31]. Около они же, воскреснувъ, стоятъ. Наконецъ опять они же возносятся на небо, каждый по чрево въ отдѣльномъ облакѣ, и у каждаго по ангелу. Въ полатномъ письмѣ писаны двѣ толпы людей.

31) XI, 15-18. Вверху четвероугольное желтое небо, окаймленное зеленоватыми облаками. Въ зеленомъ ореолѣ, окруженномъ красною полосою, сидитъ на престолѣ I. X. въ крестномъ сіяніи, лѣвою рукою держитъ книгу на колѣнѣ, десницею благословляетъ. Подъ ореоломъ на среднихъ завиткахъ нижней полосы облаковъ стоитъ Седмый Ангелъ и трубитъ въ трубу. По сторонамъ близко сжатые другъ къ другу 24 Старца въ бѣлыхъ ризахъ, въ два ряда, преклоняются. Вѣнцовъ

* Въ описываемой рук. эта м. стоитъ на мѣстѣ 31-ой. Въ описаніи я держусь настоящаго порядка.

около нихъ нѣтъ.—Внизу гора съ утесами; у подошвы ея стоитъ Іо.

32) XI, 19. XII, 1-6 [сн. 134 в]. Три четверти миніатюры занято зеленоватымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами и очеркнутымъ снизу оваломъ красныхъ облаковъ. Посреди неба церковь, опять безъ креста. Въ ней по темному фону широкаго отверстія стоитъ особенной формы Кивотъ Завѣта; надъ нимъ три красные херувима. Налѣво въ красномъ радужномъ ореолѣ І. Х., въ томъ же видѣ, какъ въ предыдущихъ мм. Направо въ зеленомъ ореолѣ, окруженномъ желтоватыми полосами, почти въ той же позѣ сидитъ Господь Сав. въ угловатомъ сіяніи. Окрестъ ореола четыре символическихъ животныхъ. Въ Музейн. лл. вмѣсто двухъ ореоловъ, одного съ І. Х. и другаго съ Господомъ Саваоѳомъ, только одинъ ореолъ съ І. Х., въ правомъ углу, м. 33.—Подъ церковію красный Змій съ пернатыми крыльями и двумя ногами; на семи головахъ его короны, изъ которыхъ, какъ въ Солов. юсов. Апок., поднимаются рога, но только въ видѣ тоненькихъ усиковъ; но въ Музейн. лл. изображены настоящіе рога, и писаны они по сторонамъ коронъ, м. 33; общій же типъ Змія тотъ же: что̀ составляетъ особенность этой редакціи. Св. Жена не стоитъ въ солнцѣ, а сидитъ, постановивъ ноги на луну, замѣняющую ей скамью; безъ крыльевъ, въ вѣнцѣ, но безъ сіянія. Надъ нею ея Сынъ въ сопровожденіи ангела возносится къ Господу Саваоѳу. Онъ обнаженъ и не младенецъ, а взрослый юноша, какъ вообще Мужскій полъ, по толкованію, одного роста съ ангеломъ; въ Музейн. лл. эта группа писана по другому переводу, м. 33; но въ обоихъ переводахъ юношескій возрастъ сына св. Жены принадлежитъ къ особенностямъ этой редакціи. Слич. Тихонр. Апок. № 5, м. 42 [сн. 156]. Этотъ юношескій типъ сына св. Жены восходитъ къ X в. въ Бамбергск. Апок., м. 29.—Внизу съ одной стороны Іоаннъ, съ другой—св. Жена, уже съ крыльями, скрывается въ лѣсную пустыню.

33) XII, 7-12 [сн. 134 г]. По зеленоватому небу, очеркнутому снизу красноватымъ оваломъ облаковъ, скачутъ на бѣлыхъ коняхъ ангелы и длинными копьями поражаютъ дьяволовъ, которые ниже по воздуху низвергаются на своихъ клячахъ. Вся группа ихъ темная, писана въ монохромѣ. Особенность редакціи состоитъ въ томъ, что, вмѣсто всякаго оружія, верх-

ній изъ нихъ держитъ круглый камень. Не остатокъ ли это уже не понятаго архаическаго преданія о дискѣ съ печатью, который еще остался въ рукахъ у падшаго съ неба сатаны? См. въ Hortus Deliciarum XII в.; у меня взята только голова его въ сн. 257 а.—Вмѣстѣ съ дьяволами низверженный Змій падаетъ стремглавъ въ разверзшуюся на землѣ черную бездну. Его го́ловы теперь безъ коронъ и роговъ.

34) XII, 13-17. Вверху только узкая полоса зеленоватаго неба, закругленная снизу оваломъ. Внизу высокая гора. По ней извивается Змій въ томъ же типѣ, какъ и въ предыдущихъ мм., безъ коронъ и роговъ, и изливаетъ въ землю потокъ. Направо св. Жена, съ крыльями, спасается въ лѣсную пустыню. Налѣво на склонѣ горы стоитъ Іо.

35) XIII, 1-10. Вверху то же, что̀ и въ предыдущей м. Внизу гора. Направо подъ горою море въ видѣ небольшаго озера, обведеннаго узенькою полоскою изъ двухъ линій. Это берега̀. Изъ воды вышелъ на землю Первый Звѣрь, весь бѣлый съ черными крапинами, только ноги черныя, какъ у медвѣдя. На семи звѣриныхъ головахъ рога̀, на концы которыхъ надѣты короны, какъ это принято въ нѣкоторыхъ редакціяхъ. Его встрѣчаетъ Змій, но уже объ одной головѣ, безъ роговъ и короны, но по прежнему съ двумя ногами и двумя пернатыми крыльями: передаетъ свою силу Звѣрю въ видѣ пламени, которое изрыгаетъ изъ своей пасти. Около него престолъ со скамьею, съ котораго онъ только что слѣзъ для того, чтобы передать его Звѣрю. Подъ престоломъ и подъ ногами Звѣря двѣ группы преклоняющихся людей. Вверху направо стоитъ Іо.

36) XIII, 11-18. Вверху то же, что̀ и въ предыдущихъ мм. Внизу го́ры. Въ углу направо на престолѣ сидитъ Первый Звѣрь, опирается на клюку. Ему поклоняются люди. Справа насупротивъ его изъ разсѣлины до половины вылѣзаетъ Второй Звѣрь, красный, съ бараньими рогами. Вверху на горѣ толпа подходитъ къ дьяволу, который переднему изъ толпы налагаетъ печать. Позади дьявола двое изъ Песьихъ-Головъ палицами побиваютъ тѣхъ, кои не поклонились образу Звѣриному. Направо на утесѣ стоитъ Іо.

37) XIV, 1-5. По зеленоватому небу, окаймленному снизу красноватою полосою облаковъ, въ самомъ верху въ зеленоватомъ же ореолѣ, окруженномъ красною полосою съ ангелами

и херувимами, на престолѣ возсѣдаетъ I. X., десницею благословляетъ, лѣвой рукой придерживаетъ на колѣнѣ книгу. По сторонамъ ореола на престолахъ возсѣдаютъ Старцы въ бѣлыхъ одеждахъ, безъ вѣнцовъ. Подъ ореоломъ стоятъ юныя безбородыя фигуры и играютъ на гусляхъ. Внизу на землѣ стоитъ св. Агнецъ, передними ногами на одной вершинѣ горы, задними на другой, безъ роговъ и въ простомъ сіяніи. Молитвенно обращаются къ нему двѣ толпы, въ которыхъ переднія фигуры держатъ открытыя ладони, одна правую, другая лѣвую. Около стоитъ Іо.

38) XIV', 6-7. Отъ узкой полосы неба летитъ къ землѣ ангелъ съ Евангеліемъ въ рукахъ. Внизу на землѣ полатное письмо. По обѣимъ сторонамъ большаго отверстія въ зданіи, въ родѣ церкви, но безъ креста, стоятъ двѣ толпы, налѣво въ бѣлыхъ одѣяніяхъ съ желтыми бармами и поясами, направо въ еврейскихъ и нѣмецкихъ костюмахъ. Надъ послѣдними на утесѣ стоитъ Іо.

39) XIV', 8. Вверху въ овалѣ зеленоватаго неба, окаймленнаго красноватыми облаками, стоитъ ангелъ, въ лѣвой рукѣ держитъ дискъ, правую опустилъ внизъ. На землѣ полатное письмо, изображающее Вавилонъ въ развалинахъ съ гибнущими жителями, между коими бросается въ глаза обнаженная фигура лысаго старика съ большою круглою бородою; но въ Музейн. лл. его нѣтъ, м. 41.

40) XIV', 9-13 [по Музейн. экз. м. 42, сн. 139]. Красное небо симметрически раздѣлено на двѣ половины красными же завитками облаковъ, образующими снизу выемку, надъ которой помѣщенъ престолъ съ сидящимъ на немъ I. X., въ простомъ сіяніи. По обѣимъ сторонамъ стоятъ ангелы. Внизу на вершинѣ горы стоитъ ангелъ, какъ разъ подъ выемкою облачной полосы, усиливая тѣмъ симметрію рисунка, которая, впрочемъ, менѣе бросается въ глаза въ Музейн. лл., такъ какъ въ нихъ облака надъ ангеломъ идутъ оваломъ безъ выемки, м. 42. Въ лѣвой рукѣ ангелъ держитъ дискъ, правую обращаетъ къ стоящимъ на склонѣ горы праведникамъ, въ бѣлыхъ ризахъ. Лѣвый уголъ подъ ними занятъ святымъ градомъ, въ которомъ подъ стилизованною сѣнію симметрически же возсѣдаютъ святые въ бѣлыхъ ризахъ: это, по тексту, «почіютъ они отъ трудовъ своихъ»; ибо «блаженны умирающіе о Господѣ»,

какъ это означено въ изображеніи двухъ поверженныхъ мучениковъ, на коихъ одинъ изъ слугъ Гога и Магога поднялъ свою палицу. Въ Музейн. лл. этой послѣдней сцены нѣтъ. Въ пандантъ праведникамъ, другая сторона миніатюры назначена для грѣшниковъ. Вверху дьяволъ помазуетъ печать преклоняющимся ему; онъ препоясанъ о чреслахъ; но въ Музейн. лл. безъ препоясанія. Ниже сидитъ на престолѣ семиглавый Звѣрь съ клюкою, какъ символомъ власти. Подъ нимъ огненное озеро, въ коемъ мучатся грѣшники, скованные цѣпями; но дыма мученія ихъ не обозначено, какъ въ другихъ редакціяхъ. Что же касается града святыхъ, слич. въ моемъ юсов. Апок. XVI в. м. 48 [сн. 87].

41) XIV, 14-16. По бурозеленому небу, окруженному снизу полосою облаковъ такого же цвѣта, въ лѣвомъ углу, въ зеленомъ ореолѣ, окруженномъ двумя красными полосами, сидитъ на желтой радугѣ I. X., въ вѣнцѣ и простомъ сіяніи, лѣвой рукой придерживаетъ на колѣнѣ книгу, а въ правой серпъ. Направо все небо занято церковью, но опять безъ креста. Изъ отверстія церкви выступаетъ къ I. X. ангелъ. Внизу на землѣ пригорки, усѣянные зеленоватыми растеніями. Посреди лежитъ брошенный съ неба серпъ. Къ нему обращается стоящій въ сторонѣ направо Іо.—Этой же самой редакціи въ Подносн. Апок. МДА. м. 43. Впрочемъ, въ Музейн. лл. брошеннаго на землю серпа нѣтъ, м. 43; но въ моей копіи есть, м. 42, равно какъ и въ позднѣйшей редакціи моего Апок. 1721 г., м. 49, и Тихонр. 1731-1736 г., м. 51.

42) XIV, 17-20. Вверху все небо занято церковью, съ крестомъ. По обѣ стороны по ангелу: одинъ съ серпомъ, другой съ сосудомъ: изъ нихъ первый, по ошибкѣ, безъ крыльевъ; въ другихъ копіяхъ онъ съ крыльями. Внизу зеленый вертоградъ, или садъ, окруженный стѣнами; посреди его точило въ видѣ небольшаго четвероугольнаго камня краснаго цвѣта. Въ моей копіи есть также четвероугольное точило; но въ Музейн. лл. его вовсе нѣтъ, м. 44.—Около точила красная вѣтвь, безъ всякихъ плодовъ, которую срѣзываетъ серпомъ ангелъ; другая вѣтвь того же цвѣта позади его. Это должно означать гроздія винограда. Въ стѣнѣ вертограда отверстіе. Изъ него льется красный потокъ, наполняющій весь низъ миніатюры краснымъ фономъ, изъ волнъ котораго выказываются головы коней. Вертоградъ той же редакціи см. въ Подносн. Апок. МДА. м. 44.

43) XV, 1-8. XVI, 1. Три четверти миніатюры занято изжелта-розоватымъ небомъ, окруженнымъ снизу завитками красныхъ облаковъ. Въ правомъ углу, въ зеленомъ ореолѣ, окруженномъ двумя полосами, желтою и красною, и съ четырьмя символ. животными окрестъ, на престолѣ сидитъ I. X., съ книгою и благословляющею десницею. Въ лѣвомъ углу маленькая церковь, опять безъ креста. Отъ нея идутъ, столпившись, семь ангеловъ для принятія фіаловъ, коихъ, однако, въ миніатюрѣ не видать Подъ ореоломъ стоятъ юныя фигуры, въ сіяніи и бѣлыхъ ризахъ, на зеленомъ пространствѣ, означающемъ стеклянное море.—Внизу го́ры. Въ лѣвомъ углу стоитъ Іо.

44) XVI, 2. По розовому небу, окруженному снизу оваломъ зеленоватыхъ облаковъ, паритъ Первый Ангелъ, изливая изъ фіала черный потокъ на толпу людей, стоящихъ внизу на землѣ. По другую сторону стоитъ Іо.

45) XVI, 3 [копія краск. 13]. Съ зеленоватой полосы неба, окруженной оваломъ, паритъ по воздуху Второй Ангелъ, изливая изъ фіала красное въ море, въ которомъ отъ того гибнутъ корабли съ корабельщиками и «всяка душа жива», изображенная направо и налѣво въ видѣ какихъ-то чудовищъ.

46) XVI, 4-7 [сн. 134 д]. По зеленоватому небу съ желтыми звѣздами, обведенному красными облаками, сидитъ въ красномъ ореолѣ I. X. съ книгою въ лѣвой рукѣ, десницею благословляетъ. Налѣво ангелъ при церкви; съ краю облаковъ Третій Ангелъ изливаетъ изъ фіала красное. Внизу на склонѣ горы стоитъ каменный водоемъ краснаго цвѣта: изъ него двумя жерлами вытекаютъ «источники водные» и впадаютъ въ рѣку. Эта подробность принадлежитъ къ особенностямъ редакціи. У водоема толпа преклоняющихся. Ангела Воднаго вовсе нѣтъ: опять особенность редакціи. Налѣво стоитъ Іо. Кладязь или водоемъ для означенія источниковъ водныхъ, принятый и въ позднѣйшихъ нашихъ Апокк. въ Тихонр. 1731-1736 г. м. 56 [сн. 203] и въ моемъ 1721 г. м. 54,—принадлежитъ къ остаткамъ древнѣйшей иконографіи. Смотр. въ Пражскомъ Апок. XIV, на стр. 162 [сн. 265 а].

47) XVI, 8-9. По красноватому небу съ зеленоватыми облаками, удлиненнымъ оваломъ спускающемуся внизъ, паритъ Четвертый Ангелъ и льетъ изъ своего фіала на солнце, которое, будучи такимъ образомъ поражено, оттягиваетъ небо внизъ

сказаннымъ оваломъ, и низпускаетъ свою палящую силу на толпу людей, которые тщетно прикрываютъ головы отъ сокрушительнаго зноя. Налѣво стоитъ Іо.

48) XVI, 10-11 [въ Музейн. лл. м. 50, копія краск. 14]. Изъ краснаго овала клубящихся облаковъ Пятый Ангелъ льетъ изъ фіала черный потокъ на апокалипсическаго Звѣря, всего бѣлаго и съ бѣлыми же крыльями, и на Великаго Змія краснаго цвѣта. Оба на престолахъ: первый сидитъ, а вторый положилъ на престолъ только свои лапы въ очень характерной позѣ. Будто совѣщаются они между собою. Направо толпа преклоняющихся; налѣво Іо. Въ Музейн. лл. тотъ же переводъ и въ томъ же колоритѣ, но по раскраскѣ предметовъ нѣсколько отличается.

49) XVI, 12-16. Изъ овала темноватыхъ облаковъ Шестой Ангелъ льетъ изъ фіала красный потокъ на Змія и на обоихъ апокалипсическихъ Звѣрей, которые всѣ трое изъ устъ своихъ извергаютъ жабъ. Налѣво стоитъ Іо.

50) XVI, 17-21. По красноватому небу, съ такими же его окаймляющими облаками, налѣво полатное письмо: стоитъ церковь, но безъ креста; внутри ея виденъ черезъ широкое отверстіе жертвенникъ, на которомъ лежитъ книга; направо Седмой Ангелъ льетъ изъ фіала красный потокъ на толпу людей и на зданія разрушающагося города. Налѣво стоитъ Іо. Никакою чертою не означено въ этой миніатюрѣ ни блистаній, громовъ и гласовъ, ни великаго града «яко талантесъ», тѣхъ именно подробностей, изображеніе которыхъ занимаетъ такое видное мѣсто въ древнемъ иконографическомъ преданіи: см. въ моемъ юсов. Апок. XVI в. м. 58 [сн. 89]. Въ Музейн. лл. верхняя часть писана въ томъ же порядкѣ, а нижняя наоборотъ.

51) XVII, 1-5. Вверху узкая полоса красноватыхъ облаковъ. Внизу полатное письмо, по которому писана Вавилонская Любодѣица. Она сидитъ на семиглавомъ Звѣрѣ. Всѣ десять роговъ помѣщены только на двухъ верхнихъ головахъ его, и на каждомъ изъ нихъ, какъ на тычинкѣ, вздѣто по коронѣ. Кругомъ Любодѣицы никого нѣтъ; только направо на утесѣ стоитъ Іо. съ ангеломъ.

52) XVII, 6-18 [сн. 128]. Размѣщеніе фигуръ и обстановка, а равно и типы Любодѣицы и Звѣря—тѣ же, что̀ и въ предыдущей м.; только пьяная жена валится назадъ, поднявъ обѣ

руки: особенность редакціи, принятая и въ Подносномъ экземплярѣ МДА., м. 55.

53) XVIII. Вверху въ небольшомъ овалѣ красноватыхъ облаковъ по зеленоватому небу, въ красномъ же ореолѣ сидитъ I. X. въ простомъ сіяніи, съ книгою и благословляющею десницею. Внизу го́ры. Посреди стоитъ ангелъ съ дискомъ въ лѣвой рукѣ, правую обращаетъ внизъ къ горящему Вавилону, который занимаетъ лѣвый уголъ миніатюры. Подъ ангеломъ люди въ двухъ толпахъ. Двое изъ нихъ въ коронахъ. Направо другой ангелъ, бросаетъ въ море жерновъ. Въ морѣ корабль съ корабельщиками.

54) XIX, 1-7. Вверху по зеленоватому небу, отчеркнутому снизу правильнымъ полукружіемъ, въ красномъ ореолѣ сидитъ на престолѣ I. X., съ книгою и благословляющею десницею. Окрестъ ореола четыре символическія животныя. По обѣимъ сторонамъ по двѣнадцати Старцевъ въ бѣлыхъ одеждахъ, преклоняются. Вѣнцовъ около нихъ нѣтъ. Вся нижняя часть занята полатнымъ письмомъ города въ пожарѣ, съ двумя столбами дыма, поднимающагося къ небесамъ, по тексту: «И дымъ ея восхождаше во вѣки вѣковъ». По мѣстамъ въ городѣ толпы людей. Іо. стоитъ внѣ миніатюры, налѣво на другомъ листѣ. Въ Музейн. лл., м. 56, городъ изображенъ согласнѣе съ древнимъ преданіемъ, окруженный высокими стѣнами, въ горахъ, а Іо. стоитъ направо.

55) XIX, 7-10 [сн. 129]. Вверху зеленоватый сегментъ небесной сферы. Внизу направо стоитъ Невѣста Агнчія въ рамкахъ архитектурныхъ линій церкви [опять безъ креста], которыми, какъ въ святилищѣ, она отдѣлена отъ стоящихъ налѣво Іоанна и ангела съ дискомъ въ рукѣ. Это отдѣленіе св. Жены, ведущее свое начало отъ ранней редакціи въ моемъ Апок. начала XVII в., м. 63, и въ Солов. юсов. XVI в., м. 56 [сн. 29 и копія краск. 7], здѣсь приняло форму церкви, перешедшую потомъ въ Подносный экземпляръ МДА., м. 58 [сн. 172]. Сверхъ того, по описываемой редакціи въ костюмѣ св. Жены наблюдена одна характеристическая подробность, состоящая въ томъ, что на ея рукава наброшенъ конецъ широкаго пояса, въ чемъ надобно видѣть остатокъ полосы на отлетѣ, въ древневизантійскомъ костюмѣ, какъ напр. у Архангеловъ [снн. 240 г и 254]; тотъ же архаизмъ см. въ Филарет. экземплярѣ, м.

53, и въ Чудовскомъ Переводѣ, м. 57. Въ Музейн. лл. рисунокъ наоборотъ, м. 57.

56) XIX, 11-16. По зеленоватому небу, окаймленному красноватыми облаками, ѣдетъ на бѣломъ конѣ Господъ Богъ въ двойной коронѣ и въ простомъ сіяніи; нога въ стремени. Его сопровождаютъ ангелы на коняхъ. Внизу горы и три толпы людей, поверженныхъ ницъ. Одна толпа въ нѣмецкихъ костюмахъ. Господь и ангелы безъ оружія, какъ и въ слѣдующей м. Въ Музейныхъ лл. рисунокъ наоборотъ, м. 58.

57) XIX, 17-21. Миніатюра писана на той же страницѣ, на которой тремя строчками оканчивается текстъ. Вверху подъ строками зеленоватое небо скругляется снизу двумя овалами красноватыхъ облаковъ. Въ одномъ овалѣ скачутъ на бѣлыхъ коняхъ Господь съ ангелами, въ другомъ на солнцѣ стоитъ ангелъ, созывающій птицъ на трупы. Внизу по горѣ низверженные воины, на которыхъ налетаютъ птицы. Тутъ же въ затѣйливой группѣ Змій и оба Звѣря со свитою всадниковъ. Въ самомъ низу въ огненномъ озерѣ тѣ же три апокалипсическія животныя и толпа людей, одна фигура въ коронѣ, другая обнаженная. Въ Музейн. лл. рисунокъ сокращеннѣе, м. 59.

58) XX, 1-3. Вверху ангелъ летитъ съ неба, держа въ рукахъ ключъ и замокъ съ цѣпью, которые отъ края облаковъ спускаются по воздуху. Внизу го́ры. Въ черной пропасти поверженъ четырьмя ногами вверхъ Змій объ одной головѣ. Ангелъ, наклоняясь, обѣими руками держитъ цѣпь за ея оба конца и натягиваетъ ихъ, чтобы связать переднія ноги Змія съ задними. Ключа въ рукѣ у него, разумѣется, уже нѣтъ. Направо на утесѣ стоитъ Іо. По верхней части эта редакція согласуется съ Подноснымъ экземпляромъ МДА., м. 61.

59) XX, 4. По зеленоватому небу въ желтомъ ореолѣ, окруженномъ красноватою полосою съ ангелами и херувимами, сидитъ на престолѣ Господь Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи, съ книгою и благословляющею десницею. По сторонамъ въ два ряда сидятъ 24 Старца и праведники, въ бѣлыхъ ризахъ. Обѣ стороны отдѣлены чернымъ орнаментомъ въ видѣ дерева съ вѣтвями и съ звѣздообразнымъ цвѣткомъ, которое отъ нижняго края неба поднимается до самого ореола. Внизу го́ры. Налѣво стоитъ Іо.

60) XX, 5-6. По зеленоватому небу, сверху и снизу обве-

денному облаками, посреди вверху въ красномъ ореолѣ сидитъ на престолѣ І. Х. съ книгою и благословляющею десницею. Подъ ореоломъ все пространство неба занято полатнымъ письмомъ. Это Горній Іерусалимъ, окруженный стѣнами. Посреди обращаетъ вниманіе четвероугольная высокая башня. Налѣво изъ широкихъ вратъ зданія выходитъ толпа праведныхъ, во главѣ коихъ ветхозавѣтный праотецъ, апостолъ и святители: это тѣ, «на нихже смерть вторая не имать области». Внизу каменистое поле, усѣянное гробницами въ формѣ древнихъ саркофаговъ, которыхъ форма заимствована изъ раннихъ источниковъ. Слич. въ Сборникѣ Новгородск. Софійск. библ. въ ПДА. № 1430, въ л., XVII в., м. на л. 12 об. [сн. 216]. Въ лѣвомъ углу горящее озеро съ грѣшниками въ цѣпяхъ, въ противоположность стоящему надъ нимъ храму съ праведниками. Въ Музейн. лл. верхняя часть въ томъ же порядкѣ, а нижняя наоборотъ, такъ что сказанный контрастъ нарушенъ, м. 62 [сн. 140].

61) XX, 7-10. Вверху полатное письмо, изображающее городъ или станъ святыхъ, окруженный стѣнами. Внутри стѣнъ и около—зданія и башни. Посреди храмъ съ тремя главами, но безъ крестовъ; въ широкомъ отверстіи храма по черному фону писанъ царь въ коронѣ, безъ сіянія, сидящій на престолѣ. Въ стѣнахъ кое-гдѣ видны человѣческія фигуры въ группахъ. Кругомъ стѣнъ, а частію и внутри уже города—Песьи-Головы, въ ихъ обыкновенномъ типѣ, иныя изъ нихъ съ дубинами. Двое отъ всѣхъ прочихъ отличаются тѣмъ, что имѣютъ крылья: это должны быть Гогъ и Магогъ, но они безъ коронъ, которыя въ другихъ редакціяхъ обозначаютъ ихъ царскій санъ. Сверху, какъ бы съ неба, которое, впрочемъ, не означено, падаетъ на городъ потокъ огня. Внизу въ обоихъ углахъ подземныя пропасти: налѣво по черному фону свѣтло-сѣрыя фигуры дьяволовъ и Песьихъ-Головъ, направо, по красному фону, горящее озеро; въ немъ Змій, оба Звѣря, царь въ коронѣ и опять Песьи-Головы. Въ Музейн. лл. нижняя часть рисована наоборотъ, и въ группѣ по черному фону на первомъ планѣ выступаютъ двѣ характеристическія фигуры, стоящія рядомъ—одна съ длинною бородою, другая съ усами, обѣ въ типѣ дьяволовъ, м. 63 [сн. 141].

62) XX, 11-15 [въ Музейн. лл. м. 64, сн. 142]. Верхняя

часть зеленоватаго неба отдѣлена полукруглою полосою, на которой по обѣ стороны по шести открытыхъ книгъ. Посреди I. X. на престолѣ, съ книгою и благословляющею десницею. По сторонамъ по ангелу. Подъ полукружіемъ двѣ группы, стоящія на облакахъ, которыя къ серединѣ поднимаются завитками, отдѣляя одну группу отъ другой. Это праведники и грѣшники, одесную и ошуюю Праведнаго Судіи. Между послѣдними замѣчаются въ нѣмецкихъ костюмахъ. Внизу въ правомъ углу море съ олицетвореніемъ его, отдающимъ своихъ мертвецовъ; въ лѣвомъ углу озеро горящее съ Звѣремъ и грѣшниками. Надъ озеромъ подземная бездна, въ коей по черному фону писана адова пасть съ грѣшниками, и сверхъ того особенно замѣчательная фигура дьявола, въ Музейн. лл. безъ крыльевъ, а въ СПБ. рук. съ крыльями. Въ этой фигурѣ энергичность указанія вверхъ мастерски выражена линіею обѣихъ ея рукъ, изъ коихъ одну вытягиваетъ она вверхъ, а другую опускаетъ внизъ: и это усиленное вытягиваніе рукъ, изгибая весь корпусъ, даетъ ногамъ постановку въ линіи, параллельной вытянутымъ рукамъ. Олицетворенія Земли нѣтъ, согласно раннимъ редакціямъ.

63) XXI, 1-4. Вверху въ овалѣ красныхъ облаковъ, въ красномъ же ореолѣ, окруженномъ желтою полосою, сидитъ на престолѣ I. X. съ книгою и благословляющею десницею. Подъ облаками на воздухѣ Горній Іерусалимъ, «сходящъ отъ Бога съ небесе», въ томъ же видѣ, какъ въ м. 65 [сн. 131], только съ пустыми арками внизу, а не съ херувимами, какъ въ этой послѣдней. Высокія стѣны города принадлежатъ общему преданію съ изображеніями въ моемъ юсов. Апок. XVI в., мм. 71, 73, 74 и 78. Внизу гòры; налѣво стоитъ Іо.

64) XXI, 5-8 [сн. 130]. Вверху стоитъ на облакахъ Горній Іерусалимъ, другой архитектуры, съ растянутыми низкими стѣнами. Надъ нимъ по зеленоватому небу въ красноватомъ ореолѣ на престолѣ I. X. съ книгою и благословляющею десницею. Налѣво водоемъ въ видѣ чаши, наполненной краснымъ. Изнутри ея поднимается труба въ видѣ древеснаго ствола съ двумя отрогами сучковъ. Изъ одного струится «источникъ воды животныя», которую принимаетъ въ сосудъ стоящій внизу «жаждущій»: особенность этой редакціи. На землѣ гора; въ горѣ озеро огненное, въ которомъ мучатся закованные въ цѣпи грѣшники. Налѣво стоитъ Іо.

65) XXI, 9-27 [сн. 131]. Вверху то же, что̀ въ м. 63, только вмѣсто облаковъ полукружіе зеленоватаго неба. На воздухѣ Горній Іерусалимъ, съ херувимами. Въ стѣнахъ, зданія безъ человѣческихъ фигуръ. На землѣ ангелъ указываетъ Іоанну вверхъ. Лѣвая рука, поднятая вверхъ, писана въ одну линію съ правой и приведена въ параллель съ правымъ крыломъ, которое въ свою очередь писано по прямой линіи вмѣстѣ съ головою Іоанна и съ развивающеюся драпировкою его тоги. Слич. въ моемъ Апок. ранней редакціи м. 5 [сн. 3].—Іерусалимъ той же редакціи въ Тихонр. Апок. 1731-1736 г., м. 78, и въ моемъ 1721 г., м. 73 [сн. 199].

66) XXII, 1-7. Вверху по красному небу, обведенному снизу красными же облаками, въ зеленоватомъ ореолѣ, окруженномъ двумя полосами, желтою и красною, на престолѣ сидитъ Господь Саваоѳъ, десницею благословляетъ. а лѣвою рукою придерживаетъ на колѣнѣ щитъ съ Агнцемъ въ сіяніи: особенность этой редакціи [сн. 134 е]. По сторонамъ Саваоѳа, внѣ его ореола, стоятъ ангелы съ жезлами. Изъ-подъ скамьи, на которую постановилъ Господь свои ноги, изливается зеленоватымъ потокомъ рѣка воды животной и спускается на землю, между двухъ горъ. Налѣво стоитъ толпа праведныхъ, съ ветхозавѣтнымъ праотцемъ и однимъ изъ апостоловъ во главѣ. Въ правомъ углу стоитъ Іо., которому ангелъ такимъ же энергическимъ жестомъ указываетъ вверхъ, какъ и въ м. 65. Кое-гдѣ стоятъ дерева въ стилизованномъ рисункѣ.

67) XXII, 10-14 [сн. 132]. Вверху по блѣднорозовому овалу неба, съ такими же облаками, въ зеленоватомъ ореолѣ съ бѣловатыми полосами, сидитъ I. X. на желтомъ престолѣ. Внизу го́ры съ деревьями и полатнымъ письмомъ. Въ правомъ углу сидитъ на престолѣ въ шапкѣ царь, повелѣвая воину бить палицею лежащаго передъ престоломъ человѣка: это «обидяй да обидитъ еще, и скверный да осквернится еще». Посреди на горѣ дерево; налѣво дверь аркою: надъ нею тоже дерева, подъ сѣнію коихъ стоитъ обнаженный старикъ, полагая крестъ на чело свое. Согласно тексту: «блаженни творящіе заповѣди Его, да будетъ область имъ на древо животное». Сюжетъ этой м., согласный по общему смыслу съ моимъ юсов. Апок. XVI в., м. 77, составляетъ особенность описываемой редакціи.

68) XXII, 14-21 [сн. 133]. По свѣтлозеленому небу, обве-

денному снизу блѣднорозовыми облаками, въ свѣтлозеленомъ же ореолѣ на престолѣ I. X., съ книгою и благословляющею десницею. Позади престола высокое зданіе въ видѣ башни: это Горній Іерусалимъ. Окрестъ ореола четыре символич. животныхъ. Внизу полатное письмо: въ немъ три церкви, на каждой по главѣ съ шести и осмиконечными крестами. Во вратахъ одной церкви стоитъ толпа людей, обращающихся къ подходящему къ нимъ ангелу, согласно тексту: «Азъ Іисусъ послахъ ангела моего засвидѣтельствовати вамъ сія въ церквахъ». Внѣ же церкви толпою собрались «псы и чародѣи... и всякъ любяй и творяй лжу». Въ моетъ юсов. Апок. эти послѣдніе изображены нагими, м. 78 [сн. 96].

Въ заключеніе, для полноты въ характеристикѣ редакціи, слѣдуетъ присовокупить о той миніатюрѣ, которой въ описываемой рукописи недостаетъ при главѣ 21-ой, ст. 103-107 [VIII, 1-6]. Недостатокъ этотъ дополняютъ Музейн. лл., въ м. 21 [сн. 136]. Въ небѣ на престолѣ стоитъ Агнецъ, съ семью рогами въ видѣ короны, въ простомъ сіяніи и съ семью очами въ головѣ; правой ножкой касается печати у книги, лежащей на жертвенникѣ. Направо церковь, безъ креста: изъ нея выходитъ ангелъ съ кадильницею. Съ облаковъ, головами внизъ, парятъ семь ангеловъ съ трубами. Для разнообразія они одѣты черезъ одного въ красноватыя съ охрою и въ зеленоватыя одежды. Внизу холмистое поле, очеркнутое бойкими штрихами.

Что же касается до моей копіи, то она, будучи во всѣхъ прочихъ мм. согласна и сходна съ СПБ. рук. и съ Музейн. лл., представляетъ исключеніе именно только въ этой 21 м. По редакціи она относится къ моему юсов. Апок., м. 27, отъ которой отличается только тѣмъ, что, вмѣсто одного Агнца, на престолѣ находится еще Господь Богъ въ простомъ сіяніи, что̀ соотвѣтствуетъ Господу Саваоѳу въ Филар. Апок., въ м. 21, довольно близкой по редакціи къ упомянутой въ моемъ юсов. Апок. Въ листахъ кн. Вяземскаго эта 21 м. согласуется не съ Музейными листами, а съ моею копіею.

VIII

Рукопись графа А. С. Уварова № 58, въ малый л. на 209 лл. *, съ 54 мм.; половины XVII в.

Рукопись не полная: начинается толкованіемъ на стихи 14-21 гл. III-ей, по новому счету, оканчивается толкованіемъ на стихи 6-18 гл. XVII-ой. Первая миніатюра относится къ гл. IV, ст. 1, по толковому счету къ гл. 10-ой, послѣдняя къ гл. XVII, ст. 6-18, по толковому счету къ гл. 54-ой, такъ что изъ 22-хъ главъ, по новому счету, недостаетъ 8-ми, а по толковому изъ 72-хъ недостаетъ 27-ми. Кромѣ того, три миніатюры пропущены въ серединѣ, именно: между 61 и 62 листами—изображеніе Перваго Ангела съ трубою, между 67 и 68 лл.—Четвертаго Ангела съ трубою, и между 190 и 191 [ошибкою между 187 и 188]—Седьмаго Ангела съ фіаломъ, то есть, при главахъ 22, 25 [собственно только ея первой половины] и 52 по толковому счету. Слѣдовательно, изъ 72-хъ главъ съ такимъ же количествомъ миніатюръ, принятымъ въ Филаретовско-Чудовской редакціи и въ большей части другихъ, недостаетъ 30-ти главъ; то есть всего на лицо 42 главы, однако не съ 42-мя только миніатюрами, а съ 54-мя. Потому первоначально въ описываемомъ памятникѣ при его цѣльномъ составѣ должно было быть, по малой мѣрѣ, 84 миніатюры, если приложить къ находящимся на лицо 54-мъ еще 30 по числу недостающихъ главъ. Но такъ

* Кѣмъ-то ошибочно было сочтено только 206 листовъ.

какъ въ этомъ Апок. 54 миніатюры соотвѣтствуютъ только 42-мъ главамъ, то по этой пропорціи надобно заключить, что первоначальное число миніатюръ значительно превышало сказанную цыфру 84.

Миніатюры составлены одновременно съ письмомъ и на тѣхъ же листахъ.

Текстъ и толкованія взяты буквально изъ Кіевскаго изданія Копистенскаго 1625 г. съ удержаніемъ всѣхъ особенностей печати, съ многочисленными глоссами и выносками на поляхъ и съ греческими цитатами. Такимъ образомъ, описываемый памятникъ относится ко времени не ранѣе второй четверти XVII в., а по начертанію свидѣтельствуетъ о югозападномъ русскомъ происхожденіи.

Хотя писецъ неуклонно слѣдовалъ изданію 1625 г., но въ распредѣленіи текста и толкованій сдѣлалъ существенное измѣненіе, очевидно, по требованію иллюстраціи. Въ размѣщеніи миніатюръ въ этомъ Апок. принята система, усвоенная въ моемъ Апок. ранней редакціи, состоящая въ томъ, чтобы миніатюру полагать не послѣ группы, содержащей въ себѣ текстъ и толкованіе, но чтобы ею отдѣлять текстъ отъ толкованія, помѣщая ее между тѣмъ и другимъ. Потому въ изданіи Копистенскаго надобно было сдѣлать переборку, чтобы выдѣлить толкованія изъ подъ соотвѣтствующихъ имъ стиховъ Откровенія, и сначала помѣстить группу текста, затѣмъ миніатюру и наконецъ всѣ толкованія, относящіяся къ стоящему передъ миніатюрою тексту.

Не смотря на существенную разницу между обоими Апок., и моимъ ранней редакціи, и графа Уварова, это согласіе въ системѣ размѣщенія миніатюръ, отличающееся отъ всѣхъ прочихъ, извѣстныхъ мнѣ, редакцій, говоритъ въ пользу того, что сказанная система очень стараго склада нѣкогда принадлежала и югозападу и сѣверу нашего отечества, только на югозападѣ она удержалась дольше, будучи приложена къ тексту позднѣйшаго печатнаго изданія и къ иллюстраціи уже подновленной, тогда какъ на сѣверѣ она до начала XVII в. состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ оригинальнымъ, по своимъ особенностямъ, текстомъ и съ такими же примѣчаніями, и снабжена столько же оригинальною, по своей старобытности, иллюстраціею.

Впрочемъ и иллюстрація описываемаго памятника отличает-

ся такими, ей одной принадлежащими, особенностями, которыя дают ъ ей право на самостоятельную редакцію, стоящую особнякомъ отъ всѣхъ прочихъ.

Прежде всего должно замѣтить, что самый составъ сюжетовъ каждой миніатюры отличается малосложностью, которая естественно должна была произойти отъ принятой въ этомъ Апок. системы иллюстрировать не цѣлую главу по толковому счету, всю сполна, а отдѣльные изъ нея стихи, иногда только одинъ стихъ. Потому часто случается такъ, что помѣщенное въ другихъ редакціяхъ въ одной миніатюрѣ, соотвѣтствующей своимъ содержаніемъ цѣлой главѣ, здѣсь разлагается не только на двѣ миніатюры, но даже на три или четыре. Напр. четыре мм. 28-31 [снн. 145-148] всѣ соединены по ихъ сюжетамъ въ одной миніатюрѣ: въ моемъ юсовомъ Апок. въ м. 34, въ Филаретовск. въ 33 [сн. 103], также и въ Чудовск. Переводѣ въ м. 33. Что же касается до моего Апок. ранней редакціи, то и относительно дробленія сюжета на нѣсколько миніатюръ съ нимъ согласуется иллюстрація Уваровская. Въ данномъ случаѣ въ моемъ Апок. вмѣсто одной миніатюры не четыре, какъ въ Уваровскомъ, но все же три, мм. 32, 33 [снн. 15 и 16] и 34.

Описываемая иллюстрація, при изящномъ рисункѣ и живописномъ колоритѣ, вообще отличается подновленною западнымъ вліяніемъ иконографіею, хотя въ видѣ залежей содержитъ въ себѣ слѣды древнѣйшаго стиля, какъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, такъ и въ общемъ составѣ сюжетовъ.

Характеристическую особенность этого Апок. составляетъ стилизація неба и облаковъ, а иногда и земли. Вмѣстѣ съ пониманіемъ живописныхъ условій ландшафта и съ нѣкоторою наклонностью подражать природѣ, какъ это будетъ указано ниже, иллюстрація эта соединяетъ въ себѣ самые наивные пріемы разныхъ стилизованныхъ формъ, унаслѣдованныхъ отъ условнаго, символическаго стиля ранней эпохи.

Вопервыхъ, очень часто небо отдѣляется отъ земли прямою горизонтальною линіею, проведенною черниломъ по линейкѣ, или горизонтальною же полосою въ двѣ линіи, мм. 20, 40, 48, 49 [сн. 150] и друг. Иногда эта полоса, не доходя до рамки миніатюры, соединяется, какъ орнаментъ, съ рисункомъ сюжета, изображеннаго въ небѣ, м. 41; или же прямая линія, горизонтально протянутая, ломается по обѣ стороны въ тупой

уголъ и, поднимаясь такимъ образомъ вверхъ, очерчиваетъ пространство съ небомъ и облаками, мм. 47, 48, 49 [сн. 150].

Тотъ же пріемъ горизонтальной линіи принятъ, хотя и рѣже, и внизу, чтобы отчеркнуть бѣлое пространство бумаги для означенія земли, когда на ней нѣтъ горъ, мм. 2 [сн. 143], 3, 7.

Наконецъ, иногда полоса въ двѣ линіи разграничиваетъ двѣ половины миніатюры, раздѣляя сюжетъ на части, мм. 13, 42 [сн. 149].

Надобно замѣтить, что въ только-что названной м. 42-ой именно такъ отдѣлены два сюжета, которые въ моемъ Апок. ранней редакціи представлены въ двухъ отдѣльныхъ миніатюрахъ, мм. 51 и 52, равно какъ и въ Соловецк. юсовомъ.

Помѣщеніе двухъ миніатюръ на одной страницѣ, раздѣленныхъ горизонтальною полосою, оказавшееся въ описываемой иллюстраціи, какъ исключеніе, есть очень замѣчательный архаизмъ, восходящій къ ранней эпохѣ. Именно такое размѣщеніе двухъ сюжетовъ на одной страницѣ, раздѣленное рамками, принято въ Англосаксонскомъ Апок. XII в., откуда перешло въ Инкунабулы XV в.

Вовторыхъ, хотя небо вообще писано натурально, голубымъ цвѣтомъ, иногда зеленоватымъ, окружено каймою облаковъ, тоже натуральнаго цвѣта, сѣраго въ тѣнь, иногда съ краснымъ отливомъ: однако съ этою живописностью почти постоянно соединяется самая рѣзкая стилизація, которая приличествуетъ таинственному символизму текста. Такъ, когда небо, яко кожа, свивается въ свитокъ, то оно и вытягивается внизъ, какъ конецъ выкроенной кожи, съ явственнымъ обрѣзомъ по краямъ, м. 10 [копія краск. 15]. Когда Змій низвергается съ неба, то онъ зацѣпился хвостомъ за гряду облаковъ, будто они изъ камня или металла, и повисъ на нихъ, м. 32 [сн. 153 в]. Такое представленіе компактности небесной тверди состоитъ въ связи съ подвигомъ Змія, своимъ хвостомъ отторгающаго третью часть звѣздъ съ неба на землю.

Небо представляется иногда въ стилизованной формѣ многоугольника изъ прямыхъ линій; см. мм. 16 [сн. 144], 44, 45, 47, 49 [сн. 150], 51.

Наконецъ самыя облака, развертываясь волнистыми грядами, заканчиваются по обѣимъ сторонамъ затѣйливыми завитками, имѣющими характеръ каллиграфическаго орнамента; иногда за-

витки эти выходятъ изъ рамокъ миніатюры. См. мм. 27, 28, 29, 30, 31 [снн. 145-148], 37, 38, 40, 41, 42 [сн. 149], 43 [копія краск. 16], 49 [сн. 150], 51.

Кромѣ стилизаціи мастеръ прибѣгаетъ еще къ другому наивному пріему для красиваго убранства своего рисунка, именно къ симметріи въ расположеніи сюжета, или сполна во всей миніатюрѣ, какъ напр. въ мм. 2 [сн. 143], 36, или только въ ея верхней части, т. е. неба и облаковъ съ находящимися тамъ фигурами, мм. 27, 29 [сн. 146].

Для иконографіи описываемая иллюстрація предлагаетъ слѣдующія данныя.

Очень можетъ быть, что въ первыхъ миніатюрахъ, которыя теперь утрачены, не однажды былъ писанъ Ємануилъ, такъ какъ это вообще принято въ разныхъ редакціяхъ въ сказаніи о семи Церквахъ. Предположеніе это я основываю на томъ, что въ 1-ой миніатюрѣ, IV, 1, которою начинается этотъ Апок., принятъ типъ именно Еммануила, только въ простомъ сіяніи.

Затѣмъ во всей иллюстраціи преимущественно является Господь Саваоѳъ, въ угловатомъ сіяніи изъ двухъ квадратовъ, зеленаго и краснаго. Онъ встрѣчается 11 разъ, и только дважды Іисусъ Христосъ, и то въ простомъ сіяніи, а не въ крестномъ, въ мм. 27 и 40. За то Агнецъ, одинъ безъ Господа Бога, принятъ чаще, чѣмъ во многихъ другихъ редакціяхъ, именно 6 разъ: количество значительное для иллюстраціи, въ которой недостаетъ больше трети миніатюръ. Агнецъ одинъ въ моемъ Апок. ранней редакціи встрѣчается только однажды; въ Филарет. экземплярѣ три раза, въ Чудовскомъ Переводѣ— четыре, въ Подносномъ экземплярѣ по рук. МДА.—два раза.

Св. Агнецъ изображенъ только съ двумя очами; семь роговъ поднимаются на головѣ въ видѣ гребня изъ тонкихъ зубцовъ, но что̀ составляетъ здѣсь его особенную странность, то это дикій въ черномъ монохромѣ, въ какомъ онъ постоянно писанъ, тогда какъ вообще дается ему цвѣтъ бѣлый. Сверхъ того, въ м. 36 [сн. 154 б] онъ отличается особенностью, чуждою другимъ редакціямъ, а именно: отъ его спины вверхъ исходятъ три черные же луча, въ видѣ длинныхъ и тонкихъ клиньевъ, изъ которыхъ средній длиннѣе.

Однажды писана Троица въ видѣ трехъ ангеловъ за трапезою въ Горнемъ Іерусалимѣ, но не у мѣста, м. 52.

Квадратный ореолъ писанъ не съ прямыми линіями, а съ вогнутыми внутрь, отъ чего углы оказались не прямыми, а острыми. Каждое изъ четырехъ символическихъ животныхъ пишется въ остромъ же углѣ, который является самъ по себѣ, а не какъ часть квадрата, какъ это принято въ лучшихъ редакціяхъ, держащихся преданія. Иногда эти острые углы съ символическими животными, въ видѣ клиньевъ, попарно выступаютъ по обѣ стороны круглаго ореола, м. 2 [сн. 143].

Солнце и луна иногда съ лицами въ профиль, м. 19.

Св. Жена изображена на колоссальномъ лицѣ солнечнаго диска, м. 29 [сн. 146], такъ же какъ и въ моемъ Апок. 1671 г., м. 29: по обѣимъ сторонамъ ея смотрятъ большія очи этого лица: подробность, которая потомъ довольно распространилась въ позднѣйшихъ и новыхъ копіяхъ Лицеваго Апок., разныхъ редакцій, какъ это указано, гдѣ слѣдуетъ.

Костюмы иконографическихъ типовъ иногда по древнему преданію, напр. ангелы въ золотыхъ [желтыхъ] бармахъ и поясахъ, м. 42 [сн. 149], иногда—подновлены, напр. ангелы же съ открытою грудью, распоясанные, м. 43 [копія краск. 16].

Типъ Ада кромѣ двухъ мордъ, одной на своемъ мѣстѣ и другой на заду, имѣетъ еще человѣческое лицо на чревѣ, м. 8.

Смерть вмѣсто всякаго другаго оружія, держитъ трубу, м. 8, какъ въ моемъ юсов. Апок. XVI в., м. 8 [копія краск. 9], или въ Подносн. экземплярѣ XVII в., м. 17 [сн. 175 а].

Какъ Змій, такъ и Первый Звѣрь писаны безъ коронъ и только съ рогами въ видѣ ушей, напр. въ мм. 30 [сн. 147], 34.

Типъ Змія съ пернатыми крыльями, исходящими отъ обѣихъ ногъ, напр. въ м. 30 [сн. 147], такой же, какъ въ редакціи СПБ. Апок. № 225, сходствуетъ съ принятымъ на западѣ въ XII в., напр. во фрескахъ французской церкви св. Савина [сн. 257 б].

Первый Звѣрь ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ типа, принятаго въ другихъ редакціяхъ, усвоившихъ ему свѣтлую шерсть съ темными пятнами.

Вторый Звѣрь, выходящій изъ черной пропасти, въ м. 35 [сн. 154 а], отличается въ изящномъ рисункѣ оригинальностью типа, въ видѣ дикаго звѣря, съ грозно торчащими рогами и съ гривою по гладкой шкурѣ. Слич. подъ пару къ нему, но въ другомъ родѣ, типъ принятый въ моемъ юсов. Апок., м. 44 [сн. 97 г].

Почти въ томъ же видѣ симплегма Гога и Магога, въ м. 49 [сн. 150], какъ усвоена она въ трехъ миніатюрахъ Чудовскаго Перевода, при главахъ 47, 51 и 63.

Въ полатномъ письмѣ заслуживаетъ вниманія изображеніе города въ архаическомъ стилѣ съ высокими стѣнами, а по угламъ съ башнями въ видѣ столповъ, мм. 25, 46, 48, 51, какъ принято въ моемъ юсов. Апок. XVI в. и въ другихъ не только раннихъ. но иногда и въ позднихъ редакціяхъ, какъ это указано, гдѣ слѣдуетъ.

Вмѣсто отдѣльныхъ престоловъ разной формы для 24-хъ Старцевъ, какъ это принято въ прочихъ редакціяхъ, они возсѣдаютъ здѣсь на двухъ полукруглыхъ сѣдалищахъ въ родѣ дивана, а у каждаго сѣдалища внизу помѣщено по такому же длинному овальному подножію, на которыя Старцы спускаясь преклоняются, мм. 2 [сн. 143], 4, 36. Подобной же формы сѣдалище встрѣчается въ Филарет. экземплярѣ XVI в., м. 61 [сн. 107].

Изъ мелкихъ подробностей обращаю вниманіе на одну, ведущую свое начало отъ ранняго источника. Это способъ, какимъ ангелъ поддерживаетъ обнаженную дѣтскую фигуру олицетворяемаго Вѣтра, и именно по обычаю, принятому на западѣ еще въ средневѣковомъ искусствѣ, о чемъ см. въ самомъ описаніи м. 12 [сн. 153 а].

Слѣдующія примѣты носятъ на себѣ явственные слѣды западнаго вліянія.

По латинскому обычаю преклоненіе на одно колѣно. Такъ преклоняется ангелъ въ небѣ, мм. 19, 46, Іоаннъ на землѣ, мм. 28-31 [сн. 145-148].

Сирена, по типу согласная съ изображеніями въ западныхъ старопечатныхъ изданіяхъ, какъ указано въ описаніи мм. 16 [сн. 144] и 45.

Но что особенно сближаетъ эту иллюстрацію съ позднѣйшими западными Апокалипсисами стиля Возрожденія, то это паденіе строго наблюдаемаго въ нашей иконографіи преданія, обнаружившееся въ слѣдствіе невниманія къ св. Писанію, которое мастеръ тѣмъ болѣе сталъ выпускать изъ виду, чѣмъ болѣе преслѣдовалъ свои задачи въ исполненіи внѣшнихъ условій искусственности и художественности. Отсюда оказалось непониманіе текста и опущеніе въ иллюстраціи такихъ сюжетовъ, которые составляютъ или самую сущность дѣла, или же хара-

ктеристическую черту, дающую смыслъ всей миніатюрѣ. А именно:

Апокалипсическая книга, которая по тексту должна быть не только закрыта, но и запечатана семью печатями, изображается въ описываемой иллюстраціи раскрытою, мм. 3-8, и только однажды она съ семью печатями, но въ свидѣтельство крайняго недомыслія мастера—и тутъ она остается раскрытою, м. 4. Слич. такой же промахъ въ Нѣмецкой Лицевой Библіи Штиммера 1576 г. миніатюру къ 5-ой главѣ Апокалипсиса: Господь Саваоѳъ держитъ на колѣняхъ раскрытую и безъ печатей книгу, на листы которой Агнецъ возлагаетъ свои переднія лапки *. И тѣмъ рѣзче должна была казаться такая неисправность нашимъ православнымъ грамотникамъ, когда они были пріучены къ строгому наблюденію постепеннаго отнятія печатей одной за другою отъ закрытой и запечатанной книги въ цѣломъ рядѣ миніатюръ, въ точности соотвѣтствующихъ и въ этомъ случаѣ указаніямъ текста, какъ это принято у насъ въ особенно распространенной редакціи Филаретовско-Чудовской.

Въ изображеніи Четырехъ Вѣтровъ при четырехъ ангелахъ, стоящихъ на четырехъ углахъ земли, м. 12, нѣтъ этихъ угловъ, упирающихся въ море, потому что само оно вовсе опущено, можетъ быть, въ угоду художественнымъ условіямъ позднѣйшей ландшафтной живописи, для которой несовмѣстимо представленіе всей земли, окруженной моремъ, какъ въ ландкартѣ.

Вмѣсто кадильницы съ дымящимся ѳиміамомъ и со всею обстановкою ея возжиганія, ангелъ держитъ въ рукахъ закрытый сосудъ, м. 15.

Когда звѣзда Апсинѳосъ пала въ рѣку, люди только склонились на берегу, неизвѣстно для чего; они не пьютъ воды, но и ни страдаютъ отъ боли, ни умираютъ; позади ихъ стоятъ почему-то другіе въ толпѣ, и только, м. 17. Лучшія редакціи иначе относятся къ тексту; онѣ исчерпываютъ главный его смыслъ, то въ энергическомъ сочетаніи символовъ, соотвѣтствующихъ таинственности видѣнія, какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 21 [сн. 9], то въ подробной картинѣ, рисующей смертоносное дѣйствіе испитой воды, на которую съ ху-

* Neue Künstliche Figuren Biblischer Historien, gruntlich von Tobia Stimmer gerissen, Basel 1576. Перепечатку этой книги см. въ Liebhaber-Bibliothek alter Illustratoren in Facsimile-Reproduction Gedruckt von Knorr u. Hirt zu München.

дожественнымъ тактомъ античнаго стиля намекаетъ ковшъ въ рукѣ страждущаго, какъ въ моемъ юсов. Апок. XVI в., м. 30 [сн. 80].

Въ замѣчательно изящной миніатюрѣ 43 [копія краск. 16] живописная процессія ангеловъ такъ мало соотвѣтствуетъ тексту, что трудно понять, какой именно моментъ въ видѣніи она представляетъ.

Ангелъ Водный, который даетъ мысль всему сюжету въ м. 40, вовсе опущенъ.

Омраченіе Звѣринаго царства въ м. 48 ничѣмъ не означено.

Въ ландшафтѣ, довольно искусно скомпанованномъ, м. 50 [сн. 151], опущена самая характеристическая принадлежность сюжета, именно изверженіе нечистыхъ духовъ, яко жабъ, изъ устъ апокалипсическихъ животныхъ.

Наконецъ, вмѣсто разрушенія городовъ и паденія страшнаго града, «яко талантесъ», даны два изображенія, ничего не имѣющія общаго съ текстомъ, въ мм. 51 и 52. Въ послѣдней м. 52, изображающей упомянутую выше Троицу, скорѣе можно видѣть иллюстрацію къ толкованію текста о Горнемъ Іерусалимѣ, XXI, 1-2: по рук. Румянц. XIII-XIV в. «градъ же самоя троица жилище»; по Филарет. экземпляру XVI в. «градъ же яко самыя святыя троица жилища»; по изд. Копистенскаго: «глаголетъ же ся Градъ убо, яко Царици Троици жилище: живетъ бо въ немъ и похождаетъ, яко же обѣщася».

При невниманіи къ смыслу текста, неминуемо должно было оказаться въ значительной степени опущеніе такихъ подробностей, которыя предписывались иконописцу въ текстѣ, или которыя были приняты обычаемъ. Такъ напр. мастеръ позабылъ изобразить:

Трость въ рукахъ Іоанна для измѣренія храма, м. 24;

Копья у ангеловъ для пораженія ими низвергнутаго Змія, м. 32;

Посохъ, или жезлъ власти, который долженъ вручить Великій Змій Первому Звѣрю, м. 34;

Пшеницу или вообще траву, которую долженъ жать Іисусъ Христосъ, въ м. 40; вмѣсто того, нагнувшись онъ жнетъ пустое мѣсто по каменистому утесу дикаго колорита;

Потоки, которые должны бы были изливать всѣ семь ангеловъ съ фіалами, начиная съ м. 44;

Кресты на церквахъ, въ мм. 9, 24 и др.

Правда, что нѣкоторыя изъ такихъ опущеній встрѣчаются и въ другихъ редакціяхъ, даже лучшихъ, но только какъ случайныя исключенія, тогда какъ описываемая иллюстрація даетъ намъ такіе промахи отъ недомыслія и невниманія въ цѣлой массѣ фактовъ, и какъ бы систематически.

Въ заключеніе о подробностяхъ укажу на нѣсколько особенностей редакціи.

На носу ниспровергнутаго корабля изображена голова чудовища, м. 16 [сн. 144], какъ въ Чудовск. Переводѣ, м. 55 [сн. 123 в] и въ нѣкоторыхъ копіяхъ Филаретовско-Чудовск. редакціи.

На жертвенникѣ въ храмѣ колоссальный сосудъ въ видѣ купѣли, м. 24, какъ въ редакціи СПБ. Апок. № 225, м. 32.

Царь, вмѣсто короны, въ шапкѣ колпакомъ съ загнутымъ околышемъ, мм. 18, 37.

Воду черпаютъ ведрами и несутъ ихъ на коромыслѣ, м. 46 [сн. 154 в].

Теперь обращаюсь къ рисунку и колориту.

Нерадѣніе въ этой иллюстраціи къ тексту и иконографическому преданію главнымъ образомъ объясняется искусственностью въ направленіи художественной школы, къ которой принадлежалъ мастеръ. Онъ прежде всего хотѣлъ дать миніатюру изящную по рисунку и колориту, а изящество онъ соединялъ уже съ натуральностью и пользовался пріемами довольно развитаго живописнаго искусства.

Онъ уже умѣетъ расположить сюжетъ въ довольно стройно скомпанованной картинѣ, напр. мм. 50 и 54 [снн. 151 и 152]; искусно группируетъ фигуры и даетъ имъ движеніе, соотвѣтствующее изображаемому дѣйствію, напр. въ толпѣ бояръ, которымъ угрожаетъ Великій Змій, м. 33 [сн. 153 г], въ группѣ черпающихъ и несущихъ воду, м. 46 [сн. 154 в], спасающихся отъ нестерпимаго зноя, м. 47, въ группѣ Іоанна съ ангеломъ, которые смотрятъ съ горы внизъ, мм. 53 и 54 [сн. 152]. Лицамъ даетъ выразительность, напр. у пьяной женщины въ той же 54-ой м.; особенно характерны лица въ профиль, напр. боярина, стоящаго позади престола съ царемъ, м. 25 [сн. 153 б]. Слич. также оригинальные профили Солнца и Луны, м. 10 [копія краск. 15],—одного изъ бояръ въ сказанной толпѣ передъ Великимъ Зміемъ, м. 33 [сн. 153 г].

Въ колоритѣ употребляетъ мастеръ легкую и нѣжную акварель, наблюдая градацію оттѣнковъ, какъ цвѣтныхъ, такъ и черныхъ съ переливомъ въ дикіе тоны, напр. въ мм. 10 и 43 [копіи краск. 15 и 16]. Небо покрыто обыкновенно голубою краскою, иногда зеленою, также и ореолъ. Но особенно господствуетъ въ этой иллюстраціи колоритъ дикій, чернильный, съ переходомъ въ свѣтлыя тѣни, сливающіяся съ бѣлымъ полемъ бумаги, что̀ придаетъ ей оригинальный характеръ, отличающій ее отъ прочихъ, мнѣ извѣстныхъ, редакцій нашего Лицеваго Апок.

Дикою свѣтлотѣнью писаны: облака, напр. въ выше упомянутой м. 43, и только иногда съ краснымъ отливомъ, въ упомянутой же м. 10; горы—постоянно и неизмѣнно, какъ въ той же м. 10; далѣе—воздухъ или отдаленіе: пріемъ совершенно новый для нашей старинной иконописи, какъ напр. въ той же 10-ой м.; наконецъ зданія, обыкновенно бѣлыя, но съ дикими тѣнями. Вышесказанная м. 43 представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе зеленоватымъ оттѣнкомъ, который здѣсь употребленъ для того, чтобы отличить колоритъ зданія отъ сѣрыхъ облаковъ.

Отсутствіе зелени и желтой охры на голыхъ скалахъ, писанныхъ черными очерками съ чернильною свѣтотѣнью, даетъ иллюстраціи видъ какъ-бы акватинты. Деревья изображены всего только на семи миніатюрахъ, и притомъ не очерками съ раскраскою, а прямо кистью, три раза черниломъ, мм. 52, 53 и 54 [сн. 152], три раза красною краскою, мм. 5, 6 и 53, одинъ разъ охрою, м. 33, два раза зеленою на тѣхъ же мм. 5 и 6, и одинъ разъ вмѣстѣ и зеленою и красною, м. 11.

Въ одѣяніяхъ употребленъ колоритъ довольно разнообразный, какъ напр. въ м. 43 [копія краск. 16].

Двадцать четыре Старца писаны въ одеждахъ бѣлыхъ.

Золота мастеръ не употребляетъ.

Украшенія и утварь и нѣкоторыя другія принадлежности расписаны желтою краскою для передачи золота; какъ-то: престолы и скамьи, трубы, сосуды, кадильницы, гусли, бармы и пояса, половинки дверей, диваны, крылья ангеловъ, сіянія.

Сѣдалища, или престолы, всегда со скамьею; сверху крыты они по бо́льшей части краснымъ, иногда голубымъ, а иногда и ничѣмъ, т. е. оставлена бѣлая бумага.

Наконецъ, обращу вниманіе на одну подробность, имѣющую

значеніе по отношенію этой иллюстраціи къ принятому при ней тексту Копистенскаго. Конь, на которомъ ѣдетъ Смерть, во всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ, древнѣйшихъ и лучшихъ редакціяхъ писанъ, или бѣлый, или бѣлесоватый, съ оттѣнкомъ дикимъ или желтоватымъ; но здѣсь, не смотря на пристрастіе мастера къ дикимъ тѣнямъ, конь этотъ зеленый, и именно въ согласіе съ принятымъ чтеніемъ по изданію 1625 г.: *и се конь зеленый*; при этомъ на полѣ глосса: *блѣдъ*.

Въ заключеніе надобно замѣтить, что по характеру письма, рисунку и колориту и по стилю иллюстраціи описываемый Апок. гр. Уварова представляетъ замѣчательное сродство съ лицевою Александріею И. Е. Забѣлина, составленною не позднѣе половины XVII в. Обѣ эти рукописи не только одной и той же школы, но будто одного и того же писца и иллюминатора. Горы не раскрашены и такъ же оттѣнены тушью, а равно и воздухъ или отдаленіе позади горъ, какъ въ Уваровск. Апок., напр. м. 10 [копія краск. 15].

---

1) IV, 1. Въ голубомъ ореолѣ на престолѣ сидитъ Еммануилъ въ простомъ сіяніи, въ правой рукѣ держитъ желтый дискъ, вѣроятно, съ подразумѣваемыми звѣздами, въ лѣвой ключъ, положивъ его на плечо, какъ въ Пражск. Апок. XIV в. на стр. 11 [сн. 261 а]; изъ устъ выходитъ труба. По обѣимъ сторонамъ нижней части ореола расходятся снизу угломъ двѣ половинки дверей: на каждой по херувиму. Внизу горы; въ пещерѣ сидитъ Іо.

2) IV, 2-11 [сн. 143]. Въ зеленомъ ореолѣ на престолѣ сидитъ Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи, кругомъ коего еще желтый нимбъ; въ лѣвой рукѣ держитъ книгу, правою благословляетъ. Окрестъ престола семь свѣтильниковъ. По обѣимъ сторонамъ ореола, въ верхней его половинѣ, по два острыхъ угла краснаго цвѣта, въ коихъ очерки четырехъ символич. животныхъ. Подъ ореоломъ по обѣ стороны по дивану овальной формы, съ широкою скамьею у каждаго, во всю длину дивана. Двадцать четыре Старца пали съ этихъ диванов и преклонились на скамьѣ. Съ обѣихъ сторонъ ихъ по дверной

половинкѣ. Налѣво стоитъ Іо. Миніатюра отличается симметрическимъ расположеніемъ, какъ и многія другія въ этомъ Апок.

3) V, 1-5. Въ малиновомъ ореолѣ на престолѣ возсѣдаетъ Саваоѳъ въ томъ же видѣ, только держитъ книгу, раскрытую и безъ печатей, тогда какъ по тексту она не только закрыта, но и запечатана семью печатями. Тоже непониманіе текста и далѣе въ мм. 4-8. По сторонамъ по два символич. животныхъ краснаго цвѣта. Отъ ореола головою внизъ летитъ къ Іоанну ангелъ. Іо. стоитъ на землѣ, означенной только отдѣленіемъ ея отъ воздуха прямою линіею, проведенною черниломъ.

4) V, 6-14. Въ зеленомъ ореолѣ въ томъ же видѣ сидитъ Саваоѳъ на широкомъ престолѣ, по которому къ нему подходитъ Агнецъ, о двухъ очахъ и съ семью тоненькими рогами въ видѣ гребня. Одну лапу полагаетъ онъ на книгу, которую Саваоѳъ держитъ въ лѣвой рукѣ. Замѣчательно, что мастеръ уже такъ плохо понималъ текстъ Писанія, что запечатанную печатями книгу изобразилъ раскрытою. Въ ореолѣ по сторонамъ Господа Саваоѳа по херувиму, чернымъ очеркомъ; окрестъ престола четыре символ. животныхъ краснаго цвѣта. По сторонамъ ореола по два ангела; направо Іо.—Внизу съ двухъ большихъ сѣдалищъ, въ родѣ диванов, склонились 24 Старца въ бѣлыхъ одеждахъ, съ гуслями и кадильницами въ рукахъ. Снятыхъ съ головы коронъ нѣтъ.

5) VI, 1-2. На вершинѣ горы бѣлый ореолъ; въ немъ престолъ, съ четырьмя символ. животными окрестъ; на престолѣ Агнецъ, одну лапу постановилъ на открытую книгу безъ печатей. Надъ ореоломъ полукругъ другаго ореола, съ херувимами, въ черныхъ очеркахъ по голубому полю. Внизу подъ горою скачетъ Первый Всадникъ, на бѣломъ конѣ, въ коронѣ, безъ оружія. По горѣ кустарникъ въ красныхъ очеркахъ.

6) VI, 3-4. Тотъ же рисунокъ, только Второй Всадникъ на рыжемъ конѣ, въ шапкѣ и съ мечемъ.

7) VI, 5-6. Вверху то же; но внизу вмѣсто горы отчеркнуто прямою линіею для означенія земли. Третій Всадникъ на черномъ конѣ, въ шапкѣ и съ вѣсами.

8) VI, 7-8. Вверху то же. Внизу гора безъ кустарника; подъ горою ѣдетъ Смерть на зеленомъ конѣ, согласно тексту Кописстенскаго, какъ замѣчено прежде; въ рукахъ держитъ,

вмѣсто оружія, трубу, какъ въ Подносномъ экземплярѣ МДА., направляя ее назадъ къ идущему за Смертью Аду съ звѣриною мордою, и на своемъ мѣстѣ, и на заду; кромѣ того подъ чревомъ еще человѣчье лицо съ волосами дыбомъ, какъ у дьяволовъ.

9) VI, 9-11. Вверху въ бѣломъ ореолѣ зеленый квадратъ, углами на-крестъ. По зеленому фону на престолѣ сидитъ Саваоѳъ въ бѣлыхъ ризахъ, въ угловатомъ сіяніи. По сторонамъ квадрата по символ. животному краснаго цвѣта. Ниже на горѣ налѣво церковь, съ тремя главами безъ крестовъ. Подъ церковью въ бѣлыхъ ризахъ стоятъ души избіенныхъ, юныя и бородатыя фигуры. Противъ нихъ въ правомъ углу стоитъ Іо.

10) VI, 12-14 [копія краск. 15]. Вверху небо зеленаго цвѣта съ розовыми облаками, вытягивается внизъ стилизованною полосою, будто кожа или пергаментъ, нарочно выкроенный. Около еще изгибающійся свитокъ неба, тоже выкроенный и обведенный двумя линіями, какъ и край неба. Внизу подъ горой стоитъ Іо.

11) VI, 14-17. Вверху Саваоѳъ, такъ же какъ въ м. 9. Внизу въ горѣ пять черныхъ разщелинъ со скрывающимися въ нихъ людьми.

12) VII, 1 [сн. 153 а]. Всю миніатюру занимаетъ гора съ утесами; по горѣ стоятъ въ два ряда четыре ангела, наклоняясь на колѣна; каждый держитъ въ рукахъ по Вѣтру, въ видѣ небольшихъ обнаженныхъ фигуръ съ крыльями и трубою. Приведенный у меня въ снимкѣ поддерживаетъ такую дѣтскую фигурку подъ задъ, какъ пѣстуютъ ребятъ: подробность, принятая въ западной иконографіи еще въ средніе вѣка; напр. въ изображеніи Благовѣщенія такъ Господь Саваоѳъ держитъ младенца І. Х., спуская его съ неба къ Св. Дѣвѣ Маріи, передъ коею стоитъ благовѣствующій архангелъ *.—Внизу въ лѣвомъ углу стоитъ Іо. Мастеръ опять отступилъ отъ текста и отъ иконографическаго преданія въ изображеніи четырехъ угловъ земли, омываемой моремъ.

13) VII, 2-3. Миніатюра раздѣлена полосою изъ двухъ линій на двѣ половины. Въ верхней на горѣ стоитъ ангелъ, обращаясь къ вырѣзу зеленаго неба въ лѣвомъ углу съ бѣлымъ солнцемъ, въ дискѣ коего чернилами начертано лицо въ

* Heider, Beiträge zur christl. Typologie aus Bilderhandschr. des Mittelalters. Wien. 1861; табл. 5.

профиль. Въ нижней части ангелъ съ осмиконечнымъ крестомъ запечатлѣваетъ печать на челѣ подшедшихъ къ нему людей.

14) VII, 9-17. Вверху широкій престолъ, съ четырьмя символ. животными. На престолѣ Агнецъ. Ниже по сторонамъ ангелы; еще ниже поклоняются Агнцу фигуры въ бѣлой одеждѣ. Подъ ними въ самомъ низу стоитъ толпа, тоже въ бѣлыхъ ризахъ.

15) VIII, 1-6. Вверху круглый ореолъ голубаго цвѣта съ херувимами, а въ этомъ кругу другой ореолъ угловатый изъ двухъ квадратовъ съ нѣсколько вогнутыми линіями; нижній квадратъ красный съ четырьмя символич. животными по угламъ, верхній бѣлый. На немъ на престолѣ сидитъ Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи; правой рукою благословляетъ, лѣвой придерживаетъ на колѣнѣ книгу. Изъ подъ голубаго ореола сверху выдается дуга другаго ореола, бѣлаго, по которому выступаютъ семь ангеловъ, трубящихъ въ трубы. Налѣво книзу выказывается еще ангелъ съ сосудомъ въ правой рукѣ: этотъ сосудъ имѣетъ форму закрытой кадильницы, и по тексту долженъ ее означать. Подъ этимъ ангеломъ внизу жертвенникъ съ книгою на немъ, а передъ жертвенникомъ склоняется еще ангелъ, держа въ рукахъ точно такой же сосудъ, или закрытую кадильницу. Миніатюра только намекаетъ на событіе, но не передаетъ его моментовъ, опуская подробности съ ѳиміамомъ, возженіемъ и куреніемъ, какъ это принято въ другихъ редакціяхъ.

16) VIII, 8-9 [сн. 144]. Вверху трубитъ Вторый Ангелъ въ синемъ небѣ, имѣющемъ стилизованную форму многоугольника, окруженнаго внутрь сѣрыми облаками съ бѣлымъ отливомъ. Внизу въ горахъ море, наведенное свѣтлыми чернилами съ полосами волнъ. Въ морѣ опрокинуты два красныхъ корабля; у одного на носу голова чудовища. Въ морѣ же чернильными очерками выведены рыбы и сирена съ двумя хвостами, покрытыми отъ туловища чешуею, въ извѣстномъ типѣ, принятомъ на западѣ въ средніе вѣка, напр. въ орнаментахъ романскаго стиля [сн. 245 д]*, и перешедшемъ въ старопечатныя книги**.

* Фигура изъ капители въ криптѣ Parize-le-Chatel [Nièvre] у Комона въ Abécédaire, изд. 3, стр. 189.

** Напр. Cai Plinii Secundi des furtrefflichen hochgelehrten alten Philosophi Bucher und Schrifften von der Natur etc. Franckfurt a. M. 1565, стр. 309.

17) VIII, 10-11. Вверху въ овалѣ голубаго неба съ сѣрыми облаками Третій Ангелъ трубитъ въ трубу. Внизу въ горахъ течетъ зеленоватая рѣка; въ нее падаетъ въ красномъ потокѣ звѣзда Апсинѳосъ, съ человѣчьимъ лицомъ по срединѣ. Около толпа людей; передніе наклоняются, но не видно, чтобы они пили отъ огорченной воды.

18) VIII, 13. Вверху въ небѣ ангелъ съ развернутымъ свиткомъ, безъ письма: это иной ангелъ, парящій «посредѣ небесе», составляющій вторую половину видѣнія о Четвертомъ Ангелѣ, который въ этой 25-ой главѣ пропущенъ вмѣстѣ съ текстомъ, VIII, 12. Внизу подъ горами зданіе; у зданія престолъ; на престолѣ царь, но не въ коронѣ, а въ шапкѣ колпакомъ, передъ нимъ и позади его люди.

19) IX, 1-12. Вверху въ голубомъ овалѣ неба, съ обѣихъ сторонъ обрѣзанномъ прямыми линіями, а снизу налѣво оканчивающемся въ стилизованномъ завиткѣ сѣраго облака, трубитъ Пятый Ангелъ, по-западному ставъ на одно колѣно. Позади его красное солнце съ лицомъ въ профиль. Внизу въ горахъ скачутъ Пруги въ типѣ, согласномъ Писанію, юные и старые, въ коронахъ городами и шапками, съ крыльями, но обнажены, безъ оружія и кольчугъ; хвосты ихъ оканчиваются змѣиными головами. Надъ ними по горѣ убѣгаетъ отъ толпы людей Смерть, попираясь костылемъ, за плечами кошель съ смертоносными орудіями. Въ самомъ низу подъ Пругами Студенецъ бездны въ видѣ каменнаго чана, желтаго цвѣта, съ черными орнаментами въ два ряда. Въ Студенецъ спускается красная звѣзда съ лицомъ въ срединѣ, и желтый, т. е. золотой, ключъ. Передъ Студенцомъ преклоняется толпа.

20) IX, 13-16. Вверху надъ оваломъ сѣрыхъ облаковъ, отдѣленнымъ снизу прямою линіею, направо на престолѣ сидитъ Саваоѳъ, по сторонамъ его по красному херувиму. Налѣво церковь, безъ креста. Въ церкви жертвенникъ съ книгою. Надъ нимъ красный херувимъ. Внизу четыре ангела, въ сіяніяхъ, поражаютъ мечами толпу низвергающихся людей.

21) IX, 17-21. Безъ неба. Вся миніатюра занята горою. На вершинѣ ея стоитъ Іо., склонившись внизъ. По горѣ на львахъ съ змѣиными хвостами ѣдутъ всадники съ открытыми головами и безъ оружія, направляясь къ толпѣ низвергнутыхъ людей.

22) X, 1-7. Безъ неба. На горѣ стоитъ Облачный ангелъ;

его голова, руки и ноги красныя, крылья желтыя; верхняя часть, немножко ниже пояса, одѣта какъ бы въ короткую рубашку изъ завитковъ сѣрыхъ облаковъ; на ногахъ будто красныя порты, мохнатыя отъ пламени. Въ лѣвой рукѣ держитъ раскрытую книгу, правую протянулъ горизонтально съ раскрытой ладонью. Лѣвой ногой стоитъ на землѣ, правой на морѣ. Поверхъ желтаго сіянія голова его окружена не полукругомъ, а цѣлымъ кругомъ красной радуги. Внизу въ правомъ углу стоитъ Іо.

23) X, 7-11. Въ лѣвомъ углу секторъ небесной сферы, отъ котораго паритъ ангелъ. Внизу тотъ же Облачный ангелъ, только безъ радуги, подаетъ Іоанну открытую книгу, которую послѣдній, склоняясь, благоговѣйно принимаетъ.

24) XI, 1-2. Церковь о трехъ главахъ безъ крестовъ. Внутри на жертвенникѣ стоитъ большая желтая чаша, въ формѣ купѣли; надъ нею красный херувимъ. Церковь обведена красноватою стѣною. За стѣною стоитъ на горѣ Іо., склоняясь къ стѣнѣ и прогягивая руки; но трости для измѣренія храма въ нихъ нѣтъ.

25) XI, 3-10. Безъ неба. Городъ въ архаическомъ стилѣ: съ высокими многоугольными стѣнами; по угламъ высокія башни въ видѣ столповъ. Передъ полатнымъ письмомъ на тронѣ воссѣдаетъ царь въ коронѣ городами, поставивъ ноги на высокую скамью съ двумя ступенями; позади престола люди, изъ коихъ одинъ въ узорчатой боярской шубѣ отличается суровымъ выраженіемъ лица въ профиль и растрепанными волосами, подымающимися дыбомъ, какъ у дьявола, только не сплошною массою, а клочьями [сн. 153 б]; подобную же фигуру, только съ лица, а не въ профиль, слич. въ Тихонр. Апок. 1731-1736 г., м. 38 [сн. 200]. Передъ царемъ стоятъ Енохъ и Илія, въ туникахъ съ широкими рукавами. Подъ престоломъ царя черная пропасть; изъ нея лѣзетъ Звѣрь, чтобы пожрать праотцевъ.

26) XI, 11-14. Внизу направо городъ въ стѣнахъ; въ городѣ, поднимаясь надъ зданіями, стоитъ толпа; внизу у стѣнъ города преклоняется другая толпа. Надъ нею на воздухѣ стоятъ Енохъ и Илія, а надъ ними опять они же по-поясъ поднимаются въ облакѣ, которое ангелъ возноситъ къ Господу Савао-ѳу, возсѣдающему на престолѣ въ бѣломъ ореолѣ, который помѣщенъ надъ городомъ.

27) XI, 15-18. Въ голубомъ ореолѣ возсѣдаетъ на престолѣ I. X. въ простомъ сіяніи, лѣвою рукою придерживаетъ на колѣнѣ книгу, правою благословляетъ. Окрестъ престола четыре символ. животныхъ краснаго цвѣта. Надъ этимъ ореоломъ выказывается темнозеленая дуга другаго ореола, по коей писаны черными очерками херувимы. Внизу по обѣ стороны въ сѣрыхъ облакахъ низко преклоняются люди.

28) XI, 19 [сн. 145]. На фигурно стилизованныхъ облакахъ стоитъ церковь объ одной главѣ безъ креста; въ церкви пустой жертвенникъ. Внизу при подошвѣ горы Іо. по-западному преклонился на одно колѣно.

29) XII, 1-2 [сн. 146]. Внизу то же, а вверху въ симметрично очеркнутомъ стилизованными облаками голубомъ небѣ, по колоссальному лицу краснаго солнца писана въ цвѣтныхъ ризахъ св. Жена, стоящая на желтой лунѣ. По желтому сіянію Жены черниломъ означены 12 звѣздъ. Такое же лицо солнца см. въ моемъ Апок. 1671 г., м. 29, и въ Тихонр. 1731-1736 г., м. 41.

30) XII, 3-4 [сн. 147]. Внизу то же, только Іо. помѣщенъ налѣво. Вверху въ голубомъ небѣ по вычурно стилизованнымъ облакамъ летитъ красный Змій, о семи головахъ безъ коронъ и съ двумя ушами, вмѣсто роговъ, о двухъ лапахъ, по типу согласный съ принятымъ въ Апок. СПБ. № 225 и въ Музейн. листахъ МПМ. № 214.

31) XII, 4-6 [сн. 148]. Вверху на облакахъ на престолѣ Саваоѳъ, по сторонамъ Его по ангелу. Слѣва подлетаетъ къ нему ангелъ и подноситъ въ рукахъ спеленутаго свивальникомъ ребенка св. Жены. Въ томъ же видѣ еще разъ онъ помѣщенъ уже лежащимъ на престолѣ около Господа Саваоѳа. Одна изъ характеристическихъ примѣтъ этой редакціи. Ниже въ небѣ же подъ ангеломъ стоитъ на лунѣ св. Жена безъ крыльевъ; угрожая кидается къ ней Змій. Внизу гора; въ горѣ пещера, по темному фону которой летитъ св. Жена, уже съ крыльями. Это пустыня, въ которую она скрывается. У подножія горы Іо. склонился на одно колѣно.

32) XII, 7-12 [сн. 153 в]. Въ самомъ верху изъ небольшаго полукруга неба паритъ внизъ ангелъ. Затѣмъ почти вся миніатюра занята низко спускающимися двумя овалами неба, по синевѣ котораго ангелы на бѣлыхъ коняхъ ниспровергаютъ конныхъ же дьяволовъ. Ангелы приподняли правыя руки, буд-

то держатъ копья, но мастеръ это оружіе позабылъ написать. Особенно оригинально паденіе съ неба Змія, составляющее особенность редакціи: своимъ хвостомъ онъ зацѣпился за гряду облаковъ, и повисъ на нихъ, будто они сдѣланы изъ металла или какой другой твердой массы: архаичный пріемъ, замѣченный въ ранней редакціи моего Апок. начала XVII в., м. 33 [сн. 16]. Слич. въ Тихонр. Апок. 1731-1736 и въ моемъ 1721 г., м. 42 [сн. 197].—Внизу только горы.

33) XII, 13-17 [сн. 153 г]. Внизу въ горной пещерѣ св. Жена въ томъ же видѣ, какъ въ м. 31. Змій, слетая сверху, изъ всѣхъ своихъ семи пастей изливаетъ потоки воды въ черную яму, подъ горою. Вверху на горѣ опять тотъ же Змій устрашаетъ толпу людей, одѣтыхъ въ узорчатыя шубы.

34) XIII, 1-10. Безъ неба. Всю миніатюру занимаетъ гора; на вершинѣ стоитъ Іо. Въ самомъ низу, въ лѣвомъ углу на морѣ стоитъ Первый Звѣрь, семиглавый, въ шкурѣ съ сѣрыми пятнами; го́ловы безъ коронъ, а рога въ видѣ ушей. Ему поклоняются люди, надъ которыми дьяволъ замахнулся красною палицею. Около въ правомъ углу другой дьяволъ полагаетъ печать на челѣ переднимъ въ стоящей толпѣ людей. Надъ этимъ Первый Звѣрь писанъ еще разъ въ томъ же типѣ, сидитъ на престолѣ. Къ нему подступилъ Змій, поднимая лапы, какъ бы съ тѣмъ, чтобы передать ему посохъ или жезлъ власти, но въ лапахъ у него ничего нѣтъ.

35) XIII, 11-17 [сн. 154 а]. Безъ неба. Всю миніатюру занимаетъ гора. Въ самомъ верху изъ черной разсѣлины выходитъ Вторый Звѣрь, свѣтлаго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ, съ каштановою гривою и такими же рогами; хвостъ оканчивается змѣиною головою. Очень изящно воспроизведенный типъ. Звѣрь бросается передними ногами на толпу устрашенныхъ людей, изъ коихъ иные пали. Ихъ гонитъ дьяволъ, поднявъ правую руку. Внизу другой дьяволъ полагаетъ печать на чело подходящихъ къ нему толпою людей.

36) XIV, 1-5 [сн. 154 б]. Въ синемъ четвероугольномъ ореолѣ съ острымъ угломъ вверхъ, на престолѣ стоитъ Агнецъ въ сіяніи, но темнодикаго, чернильнаго цвѣта, что̀ несогласно съ иконографіею прочихъ нашихъ редакцій, которыя усвоили Агнцу цвѣтъ бѣлый. Особенность описываемаго Апок. сверхъ того состоитъ еще въ томъ, что отъ спины Агнца высоко вверхъ

отвѣсно поднимаются три луча, какъ тонкіе клинья, изъ коихъ средній выше крайнихъ. По сторонамъ верхняго узкаго угла голубаго ореола по два красныхъ угла съ четырьмя символ. животными. Подъ ореоломъ, на двухъ полукруглыхъ сѣдалищахъ сидятъ въ цвѣтной одеждѣ Старцы, постановивъ ноги на такія же длинныя подножія. Надъ ними стоятъ играющіе на гусляхъ, юные и бородатые. Миніатюра особенно отличается симметрическимъ расположеніемъ.

37) XIV, 6-7. Вверху въ овалѣ голубаго неба низлетаетъ ангелъ. Внизу по горѣ у полатнаго письма направо сидитъ на престолѣ царь, вмѣсто коѓоны, въ шапкѣ колпакомъ, какъ въ м. 18. Позади и передъ нимъ люди.

38) XIV, 8. Вверху то же, только ангелъ держитъ въ рукѣ развернутый свитокъ безъ письма. Внизу подъ горою развалины города давятъ людей.

39) XIV, 9-13. Вверху съ праваго угла изъ небольшаго овала голубаго неба летитъ ангелъ, простирая руку къ толпѣ, стоящей на горѣ. Другая толпа стоитъ внизу передъ пещерою, въ которой сидитъ Іо. и пишетъ, согласно тексту: «и слышахъ гласъ съ небесе, глаголющъ ми: напиши» и пр.

40) XIV, 14-16. Миніатюра раздѣлена на двѣ половины горизонтальною полосою изъ двухъ прямыхъ линій. Въ верхней половинѣ на облакахъ престолъ; на престолѣ сидитъ І. Х. въ коронѣ и въ простомъ сіяніи; лѣвою рукою придерживаетъ на колѣнѣ книгу, въ правой—серпъ. Къ нему подходитъ ангелъ, вышедшій изъ церкви объ одной главѣ безъ креста. Въ нижней половинѣ І. Х. въ томъ же типѣ, стоя на склонѣ горы, жнетъ серпомъ пустое мѣсто на голыхъ камняхъ.

41) XIV, 17-20. Верхняя часть для неба отчеркнута полосою изъ двухъ прямыхъ линій, но такъ, что полоса, исходя отъ правой рамки миніатюры, не доходитъ вплоть до лѣвой, а идетъ вверхъ, сливаясь съ стѣною церкви, занимающей всю верхнюю часть миніатюры. Церковь объ одной главѣ безъ креста. Изъ двухъ вратъ ея выходятъ по ангелу, одинъ съ серпомъ, другой съ пустыми руками, въ коихъ по другимъ редакціямъ помѣщается сосудъ съ пламенемъ; но его примѣта, какъ ангела Огненнаго, означена тѣмъ, что онъ стоитъ на пламени. Въ нижней половинѣ точило въ видѣ четвероугольнаго ящика, наполненнаго волнующеюся жидкостью чернильнаго цвѣта. Надъ

ящикомъ стоятъ два ангела. Одинъ опускаетъ руку въ эту темную жидкость, другой держитъ серпъ, остреемъ вверхъ. Изъ ящика съ обѣихъ его сторонъ идутъ два красные потока, соединяясь потомъ вмѣстѣ. Позади потока два бѣлыхъ коня по шею, съ красными уздечками.

42) XV, 1-4 [сн. 149]. Миніатюра раздѣлена горизонтальною полосою на двѣ половины, точно такъ же, какъ въ Бамбергскомъ Апок. X в., м. 37, и въ Англосаксонскомъ XII в., м. 16, откуда перешло въ Инкунаб. XV в., мм. 56 и 57. Въ верхней по сѣрымъ облакамъ въ процессіи идутъ семь ангеловъ въ цвѣтныхъ ризахъ, препоясаны поясомъ, съ фіалами въ рукахъ. Въ нижней на дикомъ фонѣ стклянаго моря стоитъ толпа людей, юныхъ и бородатыхъ съ гуслями. Обѣ эти половины въ раннихъ редакціяхъ, каковы въ моемъ Апок. начала XVII в., мм. 51 и 52, и въ Соловецк. юсовомъ XVI в., раздѣлены на двѣ отдѣльныя мм., равно какъ и въ моемъ Апок. 1671 г. въ мм. 39 и 40.

43) XV, 5-8 [копія краск. 16]. Миніатюра изящна по концепціи, рисунку и колориту, но мало соотвѣтствуетъ тексту. Господь Саваоѳъ, сидя на престолѣ въ ореолѣ, благословляетъ обѣими руками; окрестъ престола четыре символ. животныя. Внизу на облакахъ церковь объ одной главѣ безъ креста. Изъ нея выходятъ ангелы, въ цвѣтныхъ одеждахъ, распоясаны, а не «облечены въ ризы льняны чисты и свѣтлы и препоясани на персяхъ поясы златыми», какъ гласитъ Писаніе. Только передній ангелъ съ фіаломъ, бережно несетъ его, будто потиръ съ св. Дарами, благоговѣйно склоняясь. Слѣдующіе за нимъ ангелы съ пустыми руками.

44) XVI, 1-2. Стоя въ небѣ, Первый Ангелъ наклоняетъ свой фіалъ, изъ котораго, однако, ничего не льется, точно такъ же и у всѣхъ слѣдующихъ за тѣмъ ангеловъ съ фіалами. Внизу на престолѣ сидитъ Первый Звѣрь о семи главахъ безъ коронъ и роговъ; передъ нимъ преклоняющаяся толпа людей; передніе пали ницъ передъ престоломъ Звѣринымъ.

45) XVI, 3. Вверху то же, только вырѣзъ неба стилизованъ иначе. Внизу въ горахъ чернильнаго цвѣта море съ рыбами и сиреною, какъ въ м. 16.

46) XVI, 4-7 [сн. 154 в]. Въ небѣ церковь объ одной главѣ безъ креста; въ церкви жертвенникъ; надъ нимъ красный хе-

рувимъ. Около церкви стоитъ по-западному на одномъ колѣнѣ Третій Ангелъ, держа въ рукахъ Фіалъ. Внизу городъ съ высокими стѣнами и башнями въ видѣ столповъ, какъ въ м. 25. У стѣнъ города течетъ зеленоватая рѣка. Изъ нея черпаютъ люди ведрами; одинъ несетъ ведра на коромыслѣ: характеристическая особенность этой редакціи. Ангела Воднаго, который составляетъ обычную принадлежность другихъ редакцій, здѣсь нѣтъ.

47) XVI, 8-9. На небѣ, выкроенномъ углами, и сверхъ того отдѣленномъ отъ земли прямыми черными линіями, стоитъ Четвертый Ангелъ и держитъ свой Фіалъ надъ большимъ краснымъ дискомъ солнца съ лицомъ en face. Внизу подъ горою, между зданіемъ и башнею въ видѣ столпа, довольно изящная группа смятенныхъ ужасомъ отъ палящаго солнца и укрывающихся отъ его невыносимаго зноя.

48) XVI, 10-11. Небо такъ же стилизовано углами и такъ же снизу обведено линіями. Пятый Ангелъ съ своимъ Фіаломъ летитъ. Внизу у такого же города, какъ въ мм. 25 и 46, на престолѣ сидитъ Первый Звѣрь о семи головахъ безъ коронъ и роговъ; передъ нимъ толпа склоняющихъ головы. Омраченіе царства ничѣмъ не означено.

49) XVI, 12 [сн. 150]. Небо стилизовано въ томъ же родѣ, что̀ и въ мм. 47 и 48, только въ другихъ очеркахъ. Внизу пещера въ горѣ; въ пещерѣ толпа людей съ царемъ въ коронѣ, по тексту: «да уготовится путь царемъ». Около стоитъ симплегма Гога и Магога, ведущая свое начало отъ древней редакціи по моему Апок. XVII в., м. 58 [сн. 26], но здѣсь являющаяся въ томъ видѣ, какъ она принята въ Чудовск. Переводѣ и многочисленныхъ его копіяхъ, мм. 51 и 63 [сн. 116 и 117]. Слич. въ Александріи Забѣлина, половины XVII в., по снимку въ моихъ Историч. Очеркахъ, II, при стр. 371. [7].

50) XVI, 13-16 [сн. 151]. Отличный рисунокъ въ ландшафтномъ стилѣ съ Іо. на вершинѣ скалы и съ двумя апокал. Звѣрями при ея подножіи, но безъ жабъ, принятыхъ другими редакціями для выраженія смысла текста.

51) XVI, 19-20. Вверху на облакахъ на престолѣ сидитъ Саваоѳъ, въ лѣвой рукѣ держитъ книгу, правою благословляетъ; къ нему подходитъ ангелъ. Внизу городъ въ томъ видѣ, какъ въ мм. 25, 46 и 48. Это долженъ быть Вавилонъ, но гроза

разрушенія его ничѣмъ не означена, и вообще, какъ въ этой м., такъ и въ слѣдующей 52—рѣшительное несоотвѣтствіе тексту.

52) XVI, 21. Вмѣсто крупнаго *града*, «яко талантесъ», сходящаго съ неба на землю, изображенъ *градъ*, т. е. *городъ*, и именно Горній Іерусалимъ, но съ низкими стѣнами и безъ башенъ. Въ немъ за столомъ сидятъ три ангела, будто за трапезою у Авраама. Позади ихъ два дерева, писанныя черниломъ. Внизу стоитъ Іо.

53) XVII, 1-5. Безъ неба. Всю миніатюру занимаетъ гора, съ двумя деревьями, одно краснымъ очеркомъ, другое—чернымъ. На горѣ довольно изящная группа ангела съ Іо. Внизу на красномъ Звѣрѣ о семи головахъ, безъ коронъ и роговъ, сидитъ Вавилонская Любодѣица съ сосудомъ въ рукѣ, въ высокой коронѣ. Позади ея толпа людей съ двумя царями, одинъ юный, другой съ бородою, оба держатъ по чашѣ; эту группу охватываетъ Звѣрь своимъ хвостомъ.

54) XVII, 6-18 [сн. 152]. Тотъ же самый рисунокъ, что̀ и въ м. 53, только съ однимъ деревомъ, писаннымъ чернилами. Но къ нему налѣво прибавлена пьяная жена съ сосудомъ, фигура очень характерная, съ растрепанными волосами; слич. въ Двинскомъ Апок. 1636-1643 г. пьяную Любодѣицу, м. 53 [сн. 281].

IX

Рукопись Профессора Н. С. Тихонравова, № 5, въ 4-ку; самый Апокалипсисъ на 1-172 лл. съ 81 мм. Иллюстрація половины XVII в., письмо рукописи второй половины XVII в.

Рукопись эта сборная; состоитъ изъ статей разныхъ почерковъ въ переплетѣ позднѣйшаго времени. Въ первой половинѣ ея, писанной одною рукою, содержится: 1) Лицевой Толковый Апокалипсисъ и 2) извѣстное сочиненіе Георгія Писида: «Похвала Творцу міра»; во второй половинѣ, разными почерками: 1) «О азбукѣ словенской и еллинской, сирѣчь греческой, и книга, глаголемая Донатусъ», въ которой латинскій текстъ писанъ славянскою транскрипціею чернилами, съ надстрочнымъ славянскимъ переводомъ киноварью; 2) «Сказаніе о чудотворной иконѣ Пречистыя Богородицы Ѳеодоровскія», и 3) «Повѣсть и явленіе чудотворныя иконы Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марія, иже въ Казани, снискано смиреннымъ Германомъ митрополитомъ».

Миніатюры, за исключеніемъ трехъ новѣйшихъ, относящихся къ концу XVIII в. [мм. 1, 45 и 49], древнѣе текста и отличаются отъ него какъ почеркомъ надписей, такъ и бумажными знаками и форматомъ листовъ, нѣсколько бо́льшимъ противъ самой рукописи. Иллюстрація эта принадлежала тексту, который уцѣлѣлъ только въ первомъ листѣ Апокалипсиса съ заставкою въ стилѣ фряжской листвы, согласномъ съ травами и цвѣтами райскаго жилища Невѣсты Агнчей въ м. 68 [сн. 159].

Переплетчикъ поздняго времени, приноровляя миніатюры къ формату переплетаемой имъ книги, значительно ихъ урѣзалъ по краямъ, такъ что отъ этого сильно пострадали кое-гдѣ и надписи, и рисунокъ, и вообще всѣ миніатюры остались безъ полей, тогда какъ новѣйшее письмо вездѣ снабжено широкими полями.

Уже и по первоначальному своему назначенію миніатюры эти стояли въ независимости отъ какой бы то ни было рукописи Толковаго Апокалипсиса, не составляли съ нею нераздѣльнаго цѣлаго, потому что ни на одной изъ нихъ на оборотной сторонѣ нѣтъ вовсе текста, но или чистое поле бѣлой бумаги, или же на обѣихъ сторонахъ листа писано по миніатюрѣ, и именно: мм. 4 и 5, 8 и 9, 20 и 21, 22 и 23, 30 и 31, 33 и 34, 37 и 38, 52 и 53, 56 и 57, 58 и 59, 62 и 63; сверхъ того, мм. 27 и 28, стоящія рядомъ, лицомъ къ лицу, одна налѣво, другая направо, составляютъ одно цѣлое, которое помѣщено въ м. 17 Соловецкаго юсоваго Апок. XVI в.

Когда Тихонравовск. рукопись переплетали, два листа съ миніатюрами попали не на свое мѣсто, именно листъ съ м. 55 очутился на мѣстѣ листа съ двумя мм. 62 и 63; сверхъ того, двѣ мм. вовсе пропущены, безъ сомнѣнія, пропали, потому что имъ непремѣнно слѣдовало бы быть, именно съ двумя ангелами, трубящими въ трубу, одна м. съ Третьимъ Ангеломъ и одна съ Четвертымъ, VIII, 10-13.

Такимъ образомъ, если, за исключеніемъ трехъ миніатюръ новѣйшихъ, мы приложимъ къ 78-ми двѣ недостающія, то получимъ 80 миніатюръ, т. е. число, превышающее счетъ 72-хъ главъ Толковаго Апокалипсиса. Слѣдовательно, описываемая иллюстрація относится къ тѣмъ редакціямъ, по которымъ миніатюры соотвѣтствуютъ не цѣлымъ главамъ Толковаго Апокалипсиса, а отдѣльнымъ его стихамъ, какъ въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, Соловецкаго юсоваго XVI в., Апок. МПМ. № 156, графа Уварова № 58.

Относительно числа миніатюръ существенное отличіе иллюстраціи Тихонравовской отъ Соловецкой состоитъ въ томъ, что первая, согласно съ прочими нашими редакціями, изображаетъ семь апокалипсическихъ Церквей въ разбивку, давая каждой изъ нихъ по миніатюрѣ, мм. 8-14, тогда какъ Соловецкая, слѣдуя исключительной системѣ моего Апок. ранней редакціи, м.

4 [сн. 2], всѣхъ ангеловъ съ ихъ церквами соединяетъ въ одной м. 5 [сн. 61].

При постоянномъ единствѣ въ стилѣ, миніатюры отличаются между собою тѣмъ, что нѣкоторыя изъ нихъ обведены рамкою, но бо́льшая часть ихъ вовсе безъ рамокъ, и только внизу рисунокъ отдѣляется прямою линіею. Впрочемъ, вѣроятно, нѣкоторыя изъ рамокъ были обрѣзаны переплетчикомъ.

Надписи на миніатюрахъ писаны киноварью, или просто надъ изображеніями, подъ ними или около нихъ, или на свиткахъ, частію по принятому у насъ способу поперекъ свитка, частію же и вдоль его, и тогда онъ принимаетъ западную форму ленты, напр. въ мм. 52, 53, 61, 65, 70.

При этомъ должно замѣтить ту характеристическую особенность, что однажды, именно въ м. 20, подъ надписью начертана киноварью указующая рука съ частію зеленаго рукава, затянутаго у кисти руки поручью, которая обведена киноварью.

По содержанію надписи двухъ родовъ: или краткія съ названіемъ того или другаго отдѣльнаго предмета изъ входящихъ въ составъ миніатюры, или же надписи подробныя и многословныя. Эти послѣднія суть не что иное, какъ цѣлые тексты, взятые изъ Откровенія Іоанна Богослова, иногда съ незначительными сокращеніями. Въ такихъ надписяхъ наблюдалась послѣдовательность самаго текста, то есть, въ слѣдующей миніатюрѣ надпись продолжаетъ текстъ надписи миніатюры предыдущей, напр. въ мм. 46 и 47, 48 и 50 [м. 49 между ними— новая, не имѣющая къ нимъ отношенія], или на одной и той же миніатюрѣ текстъ надписи верхней продолжается въ нижней, какъ въ м. 43.

Надобно знать, что всѣ эти подробныя надписи взяты только изъ чтеній самого Откровенія, а не изъ толкованій Андрея Кесарійскаго. Потому каждая миніатюра вмѣстѣ съ изображеніемъ предлагаетъ и текстъ: такъ что вся иллюстрація имѣетъ видъ тѣхъ западныхъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ, которые, ограничиваясь только изображеніями, предлагаютъ однако и текстъ, а также и толкованіе, въ подробныхъ на нихъ надписяхъ, какъ напр. въ Англосаксонской рукописи XII в. или въ Инкунабулахъ XV в.

Впрочемъ, есть нѣсколько миніатюръ вовсе безъ надписей, именно мм. 16, 17, 19, 27 и 29.

Текстъ Толковаго Апокалипсиса въ Тихонрав. рукописи, какъ замѣчено, не состоитъ въ связи съ миніатюрами. По редакціи онъ относится къ господствующей, общепринятой у насъ въ старину. Что же касается до надписей въ миніатюрахъ, то онѣ взяты изъ оригинальнаго текста Соловецкаго юсоваго Апок., со всѣми исключительными его особенностями, которыя всѣ указаны въ слѣдующемъ за симъ подробномъ описаніи, особенно въ мм. 6, 15, 22, 23, 25, 39 *[на улицахъ]*, 41 *[арка]*, 42 *[знаменіе веселія]*, 43 *[гадъ]*, 50, 58, 61 *[збылосе естъ]*, 69, 70, 72, 80 и 81. Такъ какъ изъ всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ, русскихъ Лицевыхъ Апокк., только одинъ Соловецкій юсовой пользуется своею особенною редакціею въ текстѣ, но въ миніатюрахъ ею не пользуется, заимствуя свои надписи изъ другой столько же оригинальной редакціи текста моего Апок. начала XVII в.; то указанное тождество надписей Тихонрав. иллюстраціи съ Соловецкимъ текстомъ имѣетъ очень важное значеніе въ исторіи нашихъ Лицевыхъ Апокк. А именно:

Вопервыхъ, это тождество свидѣтельствуетъ намъ, что оригинальный текстъ, проникнутый западнымъ вліяніемъ, но не вошедшій въ самыя миніатюры Соловецкаго Апок. XVI в., имѣлъ свою собственную иллюстрацію, копію съ которой мы имѣемъ въ Тихонрав. рукописи.

Вовторыхъ, западный, какъ увидимъ, стиль Тихонрав. иллюстраціи вполнѣ соотвѣтствуетъ олатыненному тексту ея надписей, взятыхъ изъ Соловецкой рукописи, тогда какъ иллюстрація этой послѣдней упорно держится такста, чуждаго всякихъ западныхъ наносовъ.

И наконецъ, втретьихъ, самыя миніатюры Тихонрав. Апокалипсиса представляютъ особенно близкое сродство съ иллюстраціею Соловецкой рукописи, отличающеюся сильнымъ западнымъ вліяніемъ.

Такимъ образомъ, описываемая иллюстрація, соединяющая въ себѣ изображенія съ текстомъ, приводитъ въ полное согласіе то противорѣчіе, какое представляетъ намъ рукопись Соловецкая между текстомъ и объясняющими миніатюры надписями.

Что касается самаго языка и правописанія надписей Тихонрав. иллюстраціи, то въ этомъ отношеніи отличіе отъ Соловецкаго текста состоитъ только въ отсутствіи большаго юса. Вообще представляютъ онѣ смѣсь русскаго говора съ правописаніемъ

югославянскаго оригинала, которымъ пользовался русскій писецъ XVII в.

Къ примѣтамъ югославянскимъ принадлежатъ слѣдующія, которыя означены здѣсь цыфрою миніатюры.

Смѣшеніе полугласныхъ *ъ* и *ь*; именно *ъ* вм. *ь*: *кровъ* 25, 56; *естъ* 56, 61, 64, 68, 76; и наоборотъ посербски, *ь* вм. *ъ*: *плавь* 23, *на улицахь* 39, *язвь* 62, *ять* 72.

Посербски же *е* вм. *я* [или *а*]: *быше* 41; *сотвориие*, *возмогоше* 43; *збылосе* 61, *десеть* 64, *име* 71, *тысеща* 73, *тысещь* 78.

Древнія формы: *прорицаютъ*, *поясть* 38, *тысущамъ* 52, *звѣри*, вм. *звѣрю*, 53.

Особенности: *сатано*, вм. *сатана* 72, 73; *бесурма*, собирательн. слово при *бесурманинъ*, 75.

Къ примѣтамъ русскимъ принадлежатъ:

Постоянное смѣшеніе буквъ *ѣ* и *е*.

Употребленіе *о* вм. *ъ*; напр. *со небеси оболченъ во облаки* 36; *сотворити, изо устъ* 38. Особенно любопытна форма *имо* вм. *имъ* 38.

Полногласіе: *воронъ* 22.

Радит. падежъ единственнаго числа прилагательныхъ и причастій на *—ого* и *—его*; напр. *великого граду* 39; *летающего*, *держащего* 52; *стоящего*, *вопіющего* 70.

Какъ особенность мѣстнаго произношенія, постоянно встрѣчается твердое *ы*, вм. *и*, послѣ шипящихъ; напр. *очы* 11, *не плачыся* 18, *вседержытель* 30, *жывущимъ* 50; *лжывый*, *жыва* 71; *на шыроту* 74, *жыдовское* 75, *шырота* 78, *жывыя* 80.

Относительно системы правописанія въ начертаніи буквъ заслуживаютъ въ надписяхъ упоминанія двѣ примѣты: 1) употребленіе десятеричной *і* передъ гласными, за весьма немногими исключеніями, и 2) отсутствіе краткаго знака надъ *и*, т. е. употребленіе *и* вм. *й*.

Наконецъ надобно замѣтить, что писавшій надписи зналъ настолько полатыни, чтобы начертать латинскими буквами слово Sirin надъ райскою птицею, въ м. 68 [сн. 159].

Какъ по надписямъ Тихонравов. иллюстрація одной редакціи съ текстомъ Соловецк. рукописи, такъ по изображеніямъ она представляетъ очевидное сходство съ иллюстраціею этой же рукописи.

Вотъ перечень миніатюръ той и другой съ присовокупленіемъ сходныхъ съ ними въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней ред.

Тихонр. Апок.:	Соловецкій:	Мой:
4.	1.	
6.	4 [сн. 60].	
15.	6.	5 [сн. 3].
16.	7.	
24.	14 [сн. 62].	
26.	16.	19.
27 28	17.	
33.	23.	23 [сн. 11].
34.	24.	
36.	26 [сн. 65].	
39.	29 [сн. 66].	
40.	30.	
41.	31.	32 [сн. 15].
42 [сп. 156]	32 [сн. 67].	33 [сн. 16].
44.	34.	
51.	38.	
52.	39.	
57.	47.	55 [сн. 24].
59.	49 [копія краск. 5]. . . .	57 [сн. 25].
62.	43 [сн. 72].	52.
60.	50.	
55.	53 [копія краск. 6].	
65.	54.	
66.	55.	
68.	56 [копія краск. 7]. . . .	63 [сн. 29].
69.	57.	
70.	58.	66 [сн. 37].
71.	59.	
72.	60 [сн. 75].	
74.	62 [сн. 76].	

Изъ этого перечня выводятся слѣдующія данныя:

Вопервыхъ, сродство иллюстраціи Тихонравовской съ Соловецкою обнимаетъ почти половину миніатюръ этой послѣдней, въ которой изъ 65 миніатюръ 30 одинаковой редакціи съ Тихонравовскими.

Сверхъ того, особенно спеціальное сродство обоихъ этихъ памятниковъ состоитъ въ помѣщеніи ветхозавѣтнаго Моисея между апокалипсич. видѣніями, въ Тихонр. м. 4, въ Солов. м. 1.

Вовторыхъ, мой Апок. ранней редакціи вноситъ въ сходство обѣихъ иллюстрацій только одну треть своихъ миніатюръ, и безъ сомнѣнія только черезъ посредство Соловецкой редакціи, которая состоитъ съ нимъ въ ближайшемъ сродствѣ, такъ сильно скрѣпленномъ ея надписями.

Что касается до Орла, заступающаго мѣсто Ангела въ моемъ Апок. м. 22 и въ Солов. м. 21 [снн. 10 и 63] при видѣ-

ніи о Четвертомъ Ангелѣ [VIII, 12-13]; то, какъ замѣчено выше, соотвѣтствующей имъ миніатюры въ Тихонр. Апок. недостаетъ.

Втретьихъ, изъ 14 миніатюръ Соловецк. иллюстраціи, сближенныхъ мною съ Лютеровымъ Апок., въ Тихонравовской насчитывается только 9, именно мм. 36, 39, 41, 42, 52, 55, 65. 72 и 74. Но сходство это въ послѣдней иллюстраціи очень отдаленное отъ Лютеровыхъ гравюръ, и состоитъ не въ тождествѣ переводовъ, доходящихъ въ Солов. Апок. до копированія, а только въ согласіи по редакціи, которое объясняется общими источниками и одинаковымъ западнымъ стилемъ.

Это отсутствіе спеціально Лютерова элемента въ описываемой иллюстраціи, при самомъ рѣшительномъ сходствѣ ея съ иллюстраціею Соловецкою, открываетъ намъ просвѣтъ для историческаго происхожденія этой послѣдней, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще для исторіи нашихъ Лицевыхъ Апокк.

Въ характеристикѣ Соловецкой иллюстраціи было указано мною, что копіи съ Лютеровыхъ гравюръ были послѣднимъ, верхнимъ слоемъ, наложеннымъ уже на готовую почву, пропитанную западнымъ вліяніемъ: такъ что западная редакція этого памятника уже вполнѣ сложилась прежде чѣмъ въ руки мастера попало изданіе Лютерова Апок.

Тихонрав. иллюстрація, хотя и въ позднѣйшей уже копіи XVII в., вѣроятно, подвергшейся разнымъ подновленіямъ, предлагаетъ намъ слѣды и остатки того оригинала, который для составленія Соловец. памятника предшествовалъ знакомству нашихъ мастеровъ съ гравюрами Лютерова Апок.

Если бы наоборотъ Тихонрав. иллюстрація была копіею съ Соловецкой, то непремѣнно удержался бы какой либо признакъ перевода, спеціально принадлежащій Лютеровымъ гравюрамъ. Но мы не находимъ въ ней ни винодѣлія, ни ландшафтовъ, перешедшихъ изъ нихъ въ Соловецк. миніатюры, ни папской тіары на Первомъ Звѣрѣ, м. 39, хотя по всему сюжету миніатюра эта одного перевода съ Солов. м. 29 [сн. 66], и при томъ ни въ чемъ не согласнаго съ Лютеровою гравюрою 15, кромѣ папской тіары.

Во всякомъ случаѣ, описываемая иллюстрація предлагаетъ намъ драгоцѣнный фактъ въ исторіи русскаго Лицеваго Апок., бросая новый свѣтъ на Соловецк. юсовую рукопись XVI в.

Если изложенныя здѣсь соображенія оставляютъ по себѣ

желать бо́льшей точности, то желаніе это можетъ быть удовлетворено только тогда, когда новыя открытія въ нашей старой письменности расширятъ кругозоръ изслѣдованія, который въ данномъ случаѣ ограниченъ для меня только двумя образчиками югозападной олатыненной школы XVI столѣтія. Безъ всякаго сомнѣнія, дѣятельность этой школы далеко не исчерпывалась тѣмъ, что̀ дошло до насъ въ нихъ обоихъ, и, судя по немногому, что̀ имѣемъ теперь на лицо, остается только жалѣть объ утраченномъ.

Хотя обѣ эти иллюстраціи составляютъ группу, проникнутую внутреннимъ единствомъ, и родственную по происхожденію и по внѣшнимъ вліяніямъ, все же онѣ предлагаютъ намъ уже подраздѣленіе первоначальной, олатыненной же редакціи на двѣ нисходящія линіи.

Тихонравовская иллюстрація, кромѣ позднѣйшихъ особенностей, какъ копія уже XVII в., имѣетъ въ себѣ и черты ранней эпохи, которыя даютъ ей право на самостоятельность по древности и оригинальности нѣкоторыхъ сюжетовъ и на независимость отъ иллюстраціи Соловецкой даже въ сходныхъ съ нею миніатюрахъ.

Къ особенностямъ ранняго происхожденія принадлежатъ:

Система параллелизма въ соотвѣтствіи двухъ сюжетовъ одному и тому же тексту, принятая въ моемъ Апок. ранней редакціи, напр. Первый Звѣрь и Царь-Антихристъ въ мм. 38, 39, 40 и 41 [снн. 18 и 19], но уже не наблюдаемая въ иллюстраціи Соловецкой, еще удерживается очень ясно въ нѣкоторыхъ миніатюрахъ Тихонравовской. А именно:

При Господѣ Саваоѳѣ съ запечатанною семью печатями книгою въ м. 17—Іисусъ Христосъ, а въ м. 19—Агнецъ, при IV, 4-5; V, 7-10. Соотвѣтствіе между обѣими миніатюрами выражено одинаковою въ нихъ примѣтою въ помѣщеніи Ангеловъ Грома и Молніи съ символическими ковчежцами того и другаго [снн. 155 *а* и *б*]. Архаичность параллелизма этихъ двухъ миніатюръ скрѣпляется древностью этихъ символическихъ ангеловъ, встрѣчаемыхъ въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. въ м. 58 [сн. 89], которымъ соотвѣтствуютъ въ моемъ Апок. XVII в. ранней ред. символическіе геніи, м. 32 [сн. 15]. Смотр. символич. ангеловъ и духовъ въ Житіи Андрея Юродиваго, по моей рук. Петровскаго времени, въ снн. 218, 219 и 220.

Символическій параллелизмъ между Новымъ Завѣтомъ и Ветхимъ, давшій содержаніе на западѣ цѣлому ряду Лицевыхъ рукописей и Инкунабулъ, подъ названіемъ: Biblia Pauperum,— выразился въ Тихонравовской иллюстраціи въ двухъ сюжетахъ. Вопервыхъ, въ параллелизмѣ между апокалапсич. торжествомъ Аллилуіи и Ликомъ Давидовымъ въ м. 66 и 67 [сн. 158], при XIX, 1-6, и вовторыхъ, въ помѣщеніи ветхозавѣтнаго Моисея въ параллелизмѣ съ Іоанномъ Богословомъ, при надписяхъ, взятыхъ изъ I, 1-2 и 7, въ мм. 3 и 4. Хотя и въ Соловецк. иллюстраціи, какъ сказано, помѣщенъ Моисей, но за отсутствіемъ текста на миніатюрѣ потеряно уже прямое отношеніе этого ветхозавѣтнаго лица къ Откровенію, и затѣмъ этотъ единичный случай представляется исключеніемъ.

Точно такъ же и наложеніе печатей благословенія и проклятія въ Соловецк. иллюстраціи ограничивается только двумя случаями, въ мм. 16 и 41, между тѣмъ какъ въ Тихонравовской дано этой идеѣ систематическое развитіе. Праведники имѣютъ на своихъ челахъ красные кресты не только тогда, когда ихъ помазуетъ ангелъ, м. 26, но и когда они поклоняются Агнцу, м. 51. Что же касается до печати дьявольской, то она не ограничивается чернымъ пятномъ, м. 47, какъ въ иллюстраціи Соловецкой, но означается на челахъ слугъ Антихристовыхъ Звѣринымъ числомъ $\overline{\chi}\ \overline{\xi}\ \overline{s}$, т. е. 666, м. 63.

Нѣкоторыя изъ изображеній Тихонравовской иллюстраціи должны быть отнесены къ болѣе ранней редакціи сравнительно съ Соловецкой, а именно:

Въ м. 39 Звѣрь, бросающійся на Илію, какъ уже замѣчено, не имѣетъ еще на своей головѣ папской тіары, тогда какъ въ Соловецк. м. 29 [сн. 66] онъ уже въ тіарѣ.

Точно также въ м. 54 изображена только жатва, тогда какъ въ Соловецк. м. 42 [сн. 71], подъ вліяніемъ Лютеровой гравюры—уже чуждое нашимъ Лицевымъ Апокк. винодѣліе.

Въ м. 32 Пруги изображены въ господствующемъ у насъ типѣ, согласномъ съ текстомъ, какъ въ раннюю эпоху и на западѣ, напр. во фрескахъ церкви св. Савина XII в. [сн. 258 б]; слич. у насъ въ Апок. МПМ. № 156, м. 31 [сн. 40]; а Царь Бездны Аваддонъ въ видѣ обнаженнаго старика съ длинною бородою, въ коронѣ, какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 24 [копія краск. 2]; онъ ѣдетъ на одномъ изъ Пруговъ,

какъ въ Англосаксонск. Апок. XII в. и въ Инкунабулахъ [сн. 266 б]. Этимъ архаическимъ типамъ въ Соловецк. иллюстраціи соотвѣтствуютъ фигуры западнаго измышленія, м. 22 [сн. 64].

Изъ семи туловищъ Перваго Звѣря, въ м. 64 [копія краск. 17], середнее одѣто въ подиръ съ широкими рукавами, изъподъ которыхъ видны узкіе рукава подрясника съ поручами, согласно съ типомъ, принятымъ въ Апок. МПМ. № 156, м. 45, и въ моемъ ранней редакціи, м. 38 [сн. 18].

Въ м. 74 [сн. 162], согласной по западному стилю съ м. 62 [сн. 76] иллюстраціи Соловецкой, между осаждающими помѣщенъ оригинальный типъ богатырскаго старца.

При св. Женѣ. преслѣдуемой Зміемъ въ м. 42 [сн. 156], согласной своею нижнею частію съ м. 32 [сн. 67] Солов. иллюстраціи, въ верхней части оригинальный типъ Сына св. Жены въ видѣ царственнаго юноши безъ сіянія. который сидитъ на престолѣ безъ задка; съ обѣихъ сторонъ его по ангелу.

Въ Соловецк. иллюстраціи небо изображается только живописно, въ западномъ вкусѣ; въ Тихонравовской иногда является оно въ стилѣ архаической стилизаціи. Такъ въ м. 30 оно состоитъ изъ трехъ полосъ, согласно съ господствующимъ въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в. полосатымъ небомъ, на основаніи доисторическихъ преданій. восходящихъ къ Бамбергскому Апок. X в. и Альтамировскому XII в.

Въ упомянутой выше м. 42 [сн. 156] Сынъ св. Жены отдѣленъ отъ преслѣдующаго его Змія по архаическому способу посредствомъ неба, развернувшагося свиткомъ, по которому Змій ударилъ своимъ хвостомъ.

Что же касается до неба, ставшаго какъ «вретище власяно», м. 25 [сн. 155 в], то оно приняло видъ будто какого одѣянія, по обѣимъ поламъ котораго солнце и мѣсяцъ.

Въ Соловецк. иллюстраціи лица въ солнцѣ и мѣсяцѣ писаны только en face; но въ Тихонравовской въ м. 30—въ профиль, и притомъ съ затылка задрапированы точно такъ же. какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 22 [сн. 10].

Райская Птица, или Царь-Птица, т. е. птица съ человѣчьею головою въ коронѣ, встрѣчающаяся въ заглавной буквѣ Юрьевскаго Евангелія 1118-1128 г. съ головою бородатаго царя *, въ прилѣпахъ Димитріевскаго собора во Владимірѣ-

* Бутовскаго, Исторія Русскаго Орнамента, табл XXI

на-Клязьмѣ конца XII в. съ головою царицы *, и потомъ въ позднѣйшія времена принятая у насъ въ изображеніяхъ баснословныхъ птицъ Сприна и Алконоста,—составляетъ въ Тихонравовской иллюстраціи принадлежность райскаго сада, въ мм. 68 [сн. 159], 79 и 80. При крайнемъ смѣшеніи въ этой иллюстраціи элементовъ восточныхъ съ западными, въ м. 68, Райская Птица, какъ уже сказано выше, имѣетъ надъ собою латинскую надпись: Sirin.

Къ характеристическимъ примѣтамъ описываемаго памятника надобно отнести полное изображеніе Страшнаго суда, уже согласное съ описаніемъ въ нашемъ Иконописномъ Подлинникѣ, но существенно отличающееся отъ принятыхъ въ Лицевыхъ Апокалипсисахъ изображеній, соотвѣтствующихъ тексту Іоанна Богослова. Въ общемъ оно сходно съ помѣщеннымъ въ Апок. СПБ. № 229, м. 79 **. но въ подробностяхъ и по стилю значительно отъ него отличается.

Наконецъ, самую замѣчательную особенность, выходящую изъ ряда вонъ между всѣми нашими редакціями по своей оригинальности ранняго стиля, представляетъ м. 64 [копія краск. 17] въ изображеніи пожиранія Вавилонской Любодѣицы Первымъ Звѣремъ и десятью царями, симметрически расположенными полукругомъ, въ верхней точкѣ котораго поднимается середняя изъ семи головъ Звѣря, помѣщенная на одѣтомъ по раннему стилю туловищѣ, какъ уже замѣчено объ этомъ выше. Цари сидятъ на престолахъ съ высокими круглыми задками и вырѣзами по бокамъ, на манеръ принятыхъ въ Россанскомъ Евангеліи VI вѣка [сн. 247 а].

Всѣ приведенныя здѣсь данныя свидѣтельствуютъ, что оригиналъ, копію съ котораго мы имѣемъ въ Тихонрав. иллюстраціи, предшествовалъ составленію олютераненной иллюстраціи Соловецкой; что же касается до выше указаннаго большаго сходства между ими обѣими, то оно ничѣмъ другимъ объяснено быть не можетъ, какъ только при посредствѣ того же предполагаемаго оригинала, который, какъ сказано прежде, далъ уже западную основу для копій съ Лютеровыхъ гравюръ въ Соловецкой рукописи.

* Графа Строганова, Дмитріевскій Соборъ во Владимирѣ-на-Клязьмѣ, табл. V. Слич. въ заставкѣ Армянскаго Евангелія XIII в. у Вествуда въ Palaeographia sacra pictoria.

** Снимокъ см. въ моихъ Историческихъ Очеркахъ, II, стр 133.

Приступаю теперь къ примѣтамъ западнаго стиля. Все, что̀ въ нихъ сходно съ Соловецкою иллюстраціею, должно быть отнесено на счетъ сказаннаго предполагаемаго оригинала; что̀ же отъ нея отличается, то по своему происхожденію не можетъ быть приноровлено въ точности къ извѣстной эпохѣ, такъ какъ, судя по выше замѣченной латинской надписи Sirin, самъ составитель Тихонрав. копіи былъ очень склоненъ къ иноземнымъ новшествамъ.

Ангелъ связываетъ Сатану, а не Змія, м. 72 [сн. 160], при чемъ типъ Сатаны западный.

Гогъ и Магогъ утратили свой восточный типъ, м. 73 [сн. 161].

Песьи-Головы замѣнены обыкновенными воинами, м. 74 [сн. 162].

Іоаннъ Богословъ съ обнаженными по локоть руками, м. 7: онъ стоитъ на одномъ колѣнѣ, мм. 3, 66 и 80.

Станъ Святыхъ и особенно Горній Іерусалимъ въ новомъ стилѣ, съ невысокими стѣнами, между которыми поднимаются башни съ проѣздными воротами, мм. 74 [сн. 162], 77 и 76. Архитектура Горняго Іерусалима та же, что̀ въ моемъ Апок. 1671 г., мм. 54 и 56 [сн. 227 а], согласная съ усвоенной этому мистическому городу на западѣ еще въ самомъ началѣ XVII в. [сн. 227 б], и еще ранѣе, въ концѣ XVI в., вошедшею въ Библію Борхта и потомъ въ изданіе Пискатора 1650 г.

Круглыя шляпы трубою съ полями и вообще западный костюмъ, мм. 31, 50 [сн. 157], 58, 67 [сн. 158], 74 [сн. 162], 75.

Иностранные музыкальные инструменты, м. 67 [сн. 158].

Иностранные живописцы, м. 50 [сн. 157].

Западная листва въ райскомъ жилищѣ Невѣсты Агнчей, м. 68 [сн. 159], по стилю согласная съ заставкою на листѣ ранняго текста, относящемся, какъ замѣчено выше, къ той рукописи, для которой была дѣлана описываемая иллюстрація; слич. съ нѣмецкимъ орнаментомъ 1512 года [сн. 245 е].

Въ той же самой м. 68-ой, внутри райскаго святилища, вмѣстѣ съ западною листвою помѣщена обличающая эту иллюстрацію въ крайнемъ западничествѣ упомянутая выше латинская надпись: Sirin.

Изъ противорѣчій преданію и тексту замѣчательны слѣдующія:

Старцы, преклоняясь передъ Господомъ Богомъ, даже въ торжественный моментъ аллилуіи, забываютъ снять съ головы корону, мм. 19, 66, какъ въ Солов. иллюстр., м. 55.

Вмѣсто *архи завѣта*, означенной въ надписи, въ м. 41 изображенъ священникъ съ книгою.

По иконографіи Господа Бога замѣчается слѣдующее:

Еммануила вовсе нѣтъ, такъ же какъ и въ Соловецк. иллюстраціи.

I. X. изображенъ 15 разъ; изъ нихъ 10 разъ въ крестномъ сіяніи [не считая 1-ой м. новой, на синей бумагѣ], именно въ мм. 3, 17, 27, 54, 66, 69, 71, 75, 76 и 80; два раза въ красномъ лучистомъ сіяніи, въ видѣ огненныхъ языковъ, въ мм. 6 и 7, и три раза въ простомъ сіяніи, въ мм 30 и 75 [bis].

Господь Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи 8 разъ, въ мм. 16, 17, 19, 27, 29, 66, 75 и 80. Углы сіянія, обыкновенно цвѣтные, окружены еще сіяніемъ золотымъ. Кромѣ того одинъ разъ въ двойномъ сіяніи, т е. изъ двухъ круговъ, внутренній золотой, внѣшній зеленый, въ м. 75. Двойнымъ сіяніемъ Тихонр. Апок. заявляетъ свое сродство съ моимъ Апок ранней редакціи, чрезъ посредство редакціи Соловецкаго юсоваго.

Непорочный Агнецъ изображенъ дважды: одинъ разъ съ Господомъ Саваоѳомъ, въ м. 19—съ семью очами въ челѣ. и другой разъ одинъ самъ по себѣ. въ м. 51—съ натуральнымъ числомъ очей.

Отечество встрѣчается 5 разъ, въ мм. 17, 27, 66, 75 и 80.

Въ послѣдней 80-й м. оно поименовано позднѣйшимъ. нынѣ принятымъ названіемъ, т. е. Троицею, какъ значится въ надписи: *Престолъ пресвятыя и животворящія троицы.*

Духъ Святой принятъ только въ этихъ изображеніяхъ Отечества, или Троицы. Онъ писанъ или по-западному, съ лица, съ распростертыми крыльями, въ мм. 17, 27, 66 и 75, или же по-восточному, въ профиль, въ синемъ щитѣ, но только однажды, въ м. 80.

Кромѣ престола, на которомъ возсѣдаетъ Господь Богъ, еще стоитъ предъ нимъ столъ или жертвенникъ, въ м. 29; а также въ изображеніяхъ Отечества въ мм. 17, 27 и 66.

Ореолъ господствуетъ круглый, но встрѣчается и эллиптическій, въ мм. 3, 16, 42. Вмѣсто древнихъ двухъ квадратовъ. положенныхъ на-уголъ, ореолъ, круглый или продолговатый, пишется на фонѣ звѣзды, сложенной изъ двухъ многоугольниковъ, въ мм. 29 и 16.

Касательно употребленія сіянія вообще надобно замѣтить слѣдующее.

Изъ Четверыхъ Всадниковъ, Вторый и Третій въ сіяніи, мм. 21 и 22, согласно съ Соловецк. иллюстраціею. въ которой и Первому дано сіяніе, мм. 10, 11 и 12.

Изъ ѣдущихъ на чудовищахъ двое въ сіяніи, м. 35, что̀ противорѣчитъ изображенію въ Солов. иллюстр., м. 25.

И наоборотъ, безъ сіянія: Сынъ св. Жены, возсѣдающій на престолѣ, м. 42 [сн. 156], св. Старцы. праведники. съ крестомъ на челѣ, и св. мученики, въ мм. 27, 28, 51.

Крестъ употребляется бо́льшею частію осмиконечный, напр. на каждой изъ семи апокалипсич. Церквей, мм. 8-14, лежащій на престолѣ, м. 17; на трости или жезлѣ. который ангелъ подаетъ Іоанну, м. 77; въ изображеніи Отечества стоящій между Господомъ Саваоѳомъ и Іисусомъ Христомъ, м. 80: но встрѣчается и четвероконечный. напр. на окладѣ Евангелія, мм. 3 и 77; на челахъ праведниковъ, мм. 26 и 51: у Праведнаго Разбойника въ раю, м. 75.

Типъ ангеловъ подновленъ. Они. какъ въ Соловецк. иллюстраціи, не съ кудрявыми волосами, и безъ діадимъ; крылья, обыкновенно одноцвѣтныя, оранжевыя, иногда поднимаются на западный манеръ, топырясь своими концами вверхъ, напр. въ мм. 3 и 15. Вообще въ длинныхъ туникахъ и тогахъ, но иногда въ короткихъ верхнихъ одѣяніяхъ по колѣна, напр. въ мм. 34 и 81.

На груди у ангела въ послѣдней 81-ой м. изображено красное солнце съ лицомъ.

Для исторіи утвари описываемая иллюстрація предлагаетъ слѣдующее.

Престолы двоякаго рода, одинаково древней формы: четырехсторонніе, въ видѣ стула, безъ задка, на какихъ сидятъ Старцы, въ мм. 16 и 19: или же съ круглымъ задкомъ. у десяти царей, въ м. 64 [копія краск. 17]. Послѣдняя форма уже подновлена, въ мм. 6 и 7.

Короны трехъ родовъ: или просто съ городами, или изъ-за городовъ поднимается донышко шишакомъ, или въ родѣ персидскихъ, какъ это можно видѣть въ мм. 64 [копія краск. 17]. 67 и 68 [снн. 158 и 159]; но коронъ шапками вовсе нѣтъ.

Ангелъ подаетъ Моисею не скрижали, какъ въ Солов. иллюстраціи, м. 1, а свитокъ, м. 4.

Фіалы у Старцевъ въ видѣ потира, т. е. чаша съ перегибомъ для донышка, м. 19, но у ангеловъ — безъ донышка, м. 62. Для

другихъ сосудовъ смотр. разныя формы, изъ которыхъ иныя довольно древнія, въ м. 68 [сн. 159].

Первый Звѣрь держитъ не дубину или посохъ, какъ въ другихъ нашихъ редакціяхъ, а золотой скипетръ. мм. 47 и 53. какъ въ Соловецк. юсов., м. 36 [сн. 69].

Смерть, въ видѣ скелета, кости котораго стилизованы въ формѣ латъ, держитъ косу, мм. 23 и 33.

Сѣдла у всадниковъ съ высокими луками и спереди и сзади. мм. 20, 21, 60.

Обувь принята, и древняя, какъ напр. въ м. 81 у ангела сапоги у щиколокъ перетянуты ремнемъ, какъ въ моемъ Апок. ранней редакц. м. 5 [сн. 3], и новѣйшая, какъ у трехъ апокалипс. Всадниковъ сапоги съ высокими каблуками, мм. 20. 21 и 22, а у послѣдняго даже шпоры, впрочемъ очеркнутыя только чернилами.

Лукъ въ красивомъ зеленомъ налушнѣ въ золотой оправѣ. у Смерти въ м. 23.

Бердышъ у Втораго изъ Четырехъ апокалипс. Всадниковъ, въ. м. 21.

Наконецъ, остается сказать о художественномъ стилѣ въ рисункѣ и колоритѣ.

Тихонравовская иллюстрація, не смотря на большое сходство съ Соловецкою по господству западнаго вліянія, такъ отличается отъ нея по внѣшнему стилю, что съ перваго взгляда кажется, будто ничего не имѣетъ съ нею общаго. Это происходитъ отъ смѣси ландшафта съ стилизаціею, отъ мелкихъ фигуръ и отъ разницы въ колоритѣ.

Вмѣсто короткихъ фигуръ съ большими головами иллюстраціи Соловецкой, здѣсь фигуры длинныя. Ландшафтнаго неба вовсе нѣтъ; вмѣсто зеленыхъ луговъ преобладаетъ охряная почва съ темными полосами. Деревья пишутся то въ натуральномъ видѣ, какъ напр. роща, въ которую спасается св. Жена отъ Змія, м. 44, то въ стилизованной формѣ. мм. 31, 51.

По отношенію колорита къ рисунку господствуетъ живописная манера, отличающаяся отъ небрежной размалевки красками по готовымъ уже чернильнымъ рисункамъ, какъ это принято въ большинствѣ нашихъ старинныхъ миніатюръ. Здѣсь иногда очеркъ выводится прямо мѣстными красками, напр. въ изображеніи огня и дыма, мм. 30, 31, 32, пшеницы и на

корню, и въ снопахъ, м. 54, зеленыхъ крыльевъ дьявола, м. 47, и вообще многое, чего недостаетъ въ очеркахъ рисунка, мастеръ дополняетъ краскою.

Къ колориту онъ относится внимательно. Щеки, а также иногда и губы раскрашиваетъ краснымъ, отъ чего старческія фигуры съ длинными бѣлыми бородами получаютъ слащавый характеръ, какъ и въ Соловецкой иллюстраціи. Замѣтно нѣкоторое чутье въ гармоніи красокъ. Такъ ангеламъ въ цвѣтныхъ одеждахъ обыкновенно даются оранжевыя крылья, но въ м. 62 одѣтыхъ въ бѣлые подиры съ золотыми поясами украшаютъ крылья голубыя, когда эти ангелы идутъ въ торжественной процессіи, неся каждый по золотому фіалу въ одной рукѣ и по красному жезлу въ другой.

При этомъ иногда наблюдается колоритъ, указанный текстомъ. Такъ 24 Старца писаны въ бѣлыхъ ризахъ, также и мученики съ пурпуровыми вѣтвями въ рукахъ, мм. 27 и 28. У апокалипсич. Всадниковъ масть коней согласуется съ названной въ текстѣ, помѣщенномъ въ надписяхъ, мм. 20, 21 и 22. Такое же наблюденіе предписанной масти коней принято и въ моемъ Апок. 1671 г., мм. 12, 13 и 14.

Мастеръ не жалѣлъ золота, покрывъ имъ сіянія, утварь и разныя принадлежности костюма, какъ-то: свѣтильники, кресты, сосуды, скипетры, серпы, стремена, полосы на одеждахъ, пояса. И здѣсь онъ выказалъ свой вкусъ именно въ томъ, что отдѣлывалъ золото черными полосами и черными орнаментами, а не красными, какъ въ Соловецкой иллюстраціи, будто имѣлъ въ виду ювелирную черневую работу.

---

1) Миніатюра новая, на синей бумагѣ, помѣщена между оглавленіемъ Апокалипсиса и сказаніемъ Андрея Кесарійскаго. Вверху І. Х. въ крестномъ сіяніи на престолѣ въ ореолѣ; по сторонамъ и подъ Его ногами херувимы; простеръ обѣ длани. Отъ него летитъ ангелъ съ раскрытою книгою къ стоящему на землѣ Іоанну; надписано: *Ангелъ Господень показа Евангеліе.* Подъ горою внизу полатное письмо, въ которомъ на престолѣ сидитъ царь, окруженный подданными; надписано: *Весь міръ.* Послѣднее изображеніе состоитъ въ связи съ олицетвореніемъ міра въ видѣ царя въ иконахъ Сошествія Св. Духа.

2) I, 1. Передъ началомъ Апокалипсиса. На широкомъ престолѣ, въ видѣ стола, сидятъ Іоаннъ и Прохоръ; первый поднялъ благословляющую десницу, вторый пишетъ въ книгѣ киноварью: *Апокалепсіи Іисуса Христа еже;* около на престолѣ же стоитъ чернилица и лежитъ ножъ. Надписано золотомъ: *Апостолъ Прохоръ—Апостолъ Іоаннъ.* Вверху надпись: *И повеле ми сѣсти одѣсную себѣ и начать писати сице. Апокалипсіи Іисуса Христа еже дасть ему Богъ показати рабомъ своимъ. имже подобаетъ быти вскорѣ.*

3) I, 1-2. І. Х. стоитъ на ногахъ во весь ростъ, въ продолговатомъ ореолѣ изъ красныхъ облаковъ, часть котораго обрѣзана угломъ рамки. Парящій ангелъ подаетъ книгу Іоанну, который преклонилъ одно колѣно, на западный манеръ. На окладѣ книги четвероконечный крестъ. Надпись: *Сказалъ есть пославый ангела своего рабу своему Іоанну еже свидѣтельствова слово Божіе* и проч.

4) I, 7. Вверху налѣво изъ зеленаго сектора небеснаго круга до половины выказывается ангелъ со свиткомъ, на коемъ писаны черточки на подобіе еврейскаго письма. Внизу стоитъ старецъ въ сіяніи, съ надписью: *Моисей пророкъ.* Вверху начертано: *Сей грядетъ со облаки и узритъ всяко око* и т. д. изъ 7-го стиха 1-ой главы. Той же редакціи, что̀ въ Солов. юсов. м. 1.

5) I, 9. Іо. на островѣ Патмосѣ, сидитъ въ пещерѣ; правою рукою приложилъ конецъ драпировки къ щекѣ. Надпись: *Азъ Іоаннъ братъ вашъ* и т. д.

6) I, 10-17. На престолѣ сидитъ Господь Богъ въ коронѣ съ бѣлыми волосами и бѣлою бородою, по Писанію: «власи бѣлы, аки ярина бѣлая»; въ красномъ сіяніи, на западный манеръ, изъ лучей, изгибающихся пламенными языками. Въ правой рукѣ держитъ дискъ съ семью звѣздами, въ лѣвой—одинъ ключъ. По синему подиру съ золотыми полосами и золотымъ поясомъ брошена на колѣни пурпуровая тога. Изъ устъ Его исходитъ внизъ мечъ, обращенный рукоятью къ устамъ. Внизу лежитъ Іо., повернувъ голову къ зрителямъ и смеживъ очи, какъ въ Соловецк. юсов., м. 4. Надписано: *Быхъ во исступленіи духомъ* и проч., согласно съ Солов. юсовымъ текстомъ: *быхъ въ исступленіи*, а не съ текстомъ описываемой рукописи, въ которой только: *быхъ духомъ* и проч.

7) I, 12-17. Въ томъ же самомъ видѣ сидитъ на престолѣ

Господь Богъ, только безъ диска въ правой рукѣ, а съ двумя ключами въ лѣвой. У подножія стоитъ на обоихъ колѣнахъ Іо., съ голыми по локоть руками, засучивъ высоко рукава своего одѣянія, не согласно съ принятымъ въ нашей древней иконописи благочиніемъ. Надписано: *И ту обратихся видѣти глас*ъ и проч.

8-14) II и III. Семь ангеловъ семи Церквей. На каждой миніатюрѣ по ангелу, который стоитъ у своей церкви, держа въ рукѣ свитокъ съ соотвѣтствующею надписью изъ текста. Всѣ они одѣты въ длинные подиры, поверхъ которыхъ накинуты тоги; обувь на нихъ не явственна; ангелъ Лаодикійской Церкви—босой, а на ангелѣ Смирнской Церкви обувь такая же, что въ моемъ Апок. ранней редакціи, т. е. съ высокими подошвами и съ полосою у щиколокъ. По костюму отъ прочихъ отличается ангелъ Ѳіатирской церкви. Онъ въ короткомъ кафтанѣ и въ узкихъ зеленыхъ портахъ и въ высокихъ красныхъ сапогахъ; поверхъ кафтана тоже тога. Церкви съ осмиконечными крестами; нѣкоторыя съ колокольнями обыкновенной новѣйшей архитектуры.

15) IV, 1-2. Ангелъ восхищаетъ Іоанна горѣ, обнявъ его правой рукой, а лѣвую указательно простираетъ, согласно съ Соловецк. юсов. м. 6. Надпись состоитъ изъ сокращеннаго текста: *По сихъ видѣхъ и се двери отверсты... и абіе взятъ бысть [*вм. *быхъ] въ дусѣ и се престолъ:* согласно съ Соловецк. текстомъ: *абіе же взятъ быхъ въ дусѣ*, тогда какъ въ Тихонр. просто: *абіе же быхъ въ дусѣ.*

16) IV, 3-11. Въ продолговатомъ ореолѣ, окруженномъ углами двухъ многоугольниковъ, вмѣсто двухъ квадратовъ, возсѣдаетъ на престолѣ Господь Саваоѳъ съ закрытою книгою, запечатанною семью черными печатями по золотому ея обрѣзу. По сторонамъ его надпись: *Господь Саваоѳъ.* Ниже по обѣ стороны преклоняются Старцы съ коронами въ рукахъ. Ихъ престолы древніе, безъ задковъ. Посреди внизу семь свѣщниковъ. По редакціи согласно съ Солов. юсов. м. 7.

17) IV, 4-5. V, 7-10. Въ кругломъ ореолѣ на широкомъ престолѣ, или столѣ, на которомъ лежитъ осмиконечный крестъ, сидятъ I. Х. и Господь Саваоѳъ, а надъ ними Духъ Святой въ видѣ голубя. I. Х., замѣняя здѣсь Агнца [см. м. 19], касается запечатанной книги, которую держитъ Господь Саваоѳъ:

слич. въ Апок. МПМ. № 156, м. 13 [копія краск. 4]. По сторонамъ ореола по ангелу, каждый держитъ ковчежецъ съ фигурою, какъ и въ м. 19 [сни. 155 *а* и *б*]: это громъ и молнія, согласно съ принятымъ въ моемъ іосовомъ Апок. XVI в., м. 58 [сн. 89], въ связи съ подобнымъ же символическимъ представленіемъ въ моемъ Апок. ранней редакц. м. 32 [сн. 15]. По сторонамъ ореола и весь низъ миніатюры занимаютъ Старцы, въ бѣлыхъ одеждахъ, въ золотыхъ коронахъ и съ золотыми же гуслями, на которыхъ играютъ, касаясь струнъ пальцемъ.

18) V, 2-5. Вверху паритъ ангелъ: надъ нимъ надпись: *Видѣхъ ангела крѣпка* и пр. Внизу направо группа изъ трехъ Старцевъ, въ цвѣтномъ одѣяніи, въ золотыхъ коронахъ и съ гуслями; передній изъ нихъ поднялъ къ щекѣ руку, одѣтую драпировкою, точно такъ же, какъ Іоаннъ, стоящій налѣво: оба выражаютъ скорбь, согласно надписи: *Плакахуся мнози и азъ плакахся много* и пр. Отъ группы Старцевъ отдѣлился еще Старецъ, весь въ бѣломъ одѣяніи, тоже въ коронѣ и съ гуслями; подходя къ Іоанну, простираетъ къ нему руку: надъ нимъ надпись: *И единъ отъ старецъ глагола ми не плачыся* и пр.

19) IV, 4-5. V, 7-10. Составляетъ напданъ къ м. 17, только вмѣсто Іисуса Христа при Господѣ Саваоѳѣ, держащемъ запечатанную книгу, стоитъ на столѣ Агнецъ съ семью рогами и семью очами въ челѣ, и нѣтъ надъ ними Духа Святаго. Одною ножкою касается Агнецъ книги. Вверху по сторонамъ ореола тоже, какъ въ м. 17, ангелы грома и молніи, только у обоихъ изъ ковчежца струятся пламенные потоки. Ниже по сторонамъ же ореола Старцы пали съ своихъ престоловъ, но забывъ снять съ головъ своихъ короны. Въ рукахъ держатъ гусли и фіалы въ видѣ сосудовъ съ перегибомъ для широкаго книзу донышка. Престолы ихъ безъ задковъ.

20) VI, 1-2. Первый Всадникъ, согласно тексту, на бѣломъ конѣ, но съ красною гривою и краснымъ хвостомъ; натягиваетъ лукъ со стрѣлою; онъ въ золотой коронѣ, безъ сіянія, съ золотыми же стременами и въ сапогахъ съ большими коблуками, какъ у обоихъ слѣдующихъ всадниковъ. Надпись: *И егда отверзе первую печать и се конь сърен* и проч. Подъ надписью нарисована киноварью рука съ протянутымъ указательнымъ перстомъ, въ зеленой поручи: особенность, не встрѣчающаяся въ другихъ нашихъ Апокк.

21) VI, 3-4. Вторый Всадникъ, согласно тексту, на рыжемъ конѣ, съ открытою головой и въ сіяніи; въ рукѣ держитъ бердышъ. Надпись: *И егда отверзе вторую печать и се конь рыжъ* и пр.

22) VI, 5-6. Третій Всадникъ на черномъ конѣ, согласно съ текстомъ; тоже съ непокрытою головою и въ сіяніи: вѣсы держитъ низко, отъ пояса, а не поднимая вверхъ, какъ въ другихъ редакціяхъ. На сапогѣ его шпора. Надпись: *И се конь воронъ и сѣдяй на немъ дѣржаше въ руце своей мерило. И слышахъ яко глась посрѣди д̃ животныхъ хиникосъ пшеница единаго пѣнязя и три хиникса ячменя за пѣнязь и вина и елея не вреди:* согласно съ Соловецк. рук., тогда какъ въ описываемой рук.: *хиникосъ. пшеница. пѣнязь. и три хининсъ. крифисъ. динари.* какъ въ господствующей редакціи.

23) VI, 7-8. На розово-желтоватомъ конѣ ѣдетъ Смерть, безъ стременъ, въ лѣвой рукѣ держитъ косу, правою придерживаетъ налушно съ лукомъ. Подъ конемъ люди; ихъ пожираютъ звѣри, извергающіеся изъ широко раскрытой съ зубами пасти Ада, изображеннаго въ видѣ львиной головы зеленаго цвѣта. Надъ Смертію надпись: *И се конь плавь* [сербск. форма, вм. *плавъ*] и пр., согласно съ текстомъ Соловецк. Апок., а не съ принятымъ въ рук., въ которой: *конь блѣдъ*, какъ и въ другихъ редакціяхъ. Надъ Адомъ другая надпись: *И адъ вслѣдъ ея идяше* и пр.

24) VI, 9-11. Церковь объ одной главѣ съ осмиконечнымъ крестомъ. Въ двухъ ея окнахъ по ангелу. Одинъ за престоломъ, на которомъ лежитъ закрытая книга и осмиконечный крестъ; другой одѣваетъ въ одежду одну изъ обнаженныхъ фигуръ юношескаго возраста, которыя стоятъ подъ церковью. Все это снизу отдѣлено отъ зеленой земли темными клубами облаковъ. Той же редакціи, что и въ Солов. Апок. м. 14.

25) VI, 12-17. Вверху два ангела держатъ свивающееся небо въ видѣ мантіи или разодранной священнической ризы [сн. 155 в]. Надъ ними надпись: *Небо стрятася яко свитокъ* и проч. до: *и луна яко кровь* [вм. *кровь*], согласно съ Солов. Апок., въ которомъ тоже *стрятася*, тогда какъ въ описываемой рук. *отлучися*, какъ и въ другихъ редакціяхъ. Внизу по зеленымъ горамъ съ травами три пещеры съ скрывающимися въ нихъ людьми, между которыми два царя въ коронахъ. Надъ ними надпись: *И звѣзды съ небеси спадоше* [вм. *спадоша*] *и людіе*

скрышася въ пещеры и въ разщелины въ каменіи горстемъ; въ описываемой рук. только: *скрышася въ пещерахъ въ камени горстемъ.*

26) VII, 1-4. На четырехъ углахъ миніатюры по ангелу съ обнаженною фигурою одного изъ Вѣтровъ, крылатою и съ трубою. Посреди ангелъ краснымъ жезломъ печатлѣетъ рабовъ Божіихъ, полагая на челѣ каждаго красный знакъ четвероконечнаго креста, какъ въ Солов. Апок., м. 16, знакъ золотой. Надпись: *По сихъ видѣхъ четыре ангелы* и пр.

27 и 28) VII, 9-17. Обѣ миніатюры, помѣщенныя рядомъ, одна налѣво, другая направо, составляютъ одно цѣлое, и по редакціи соотвѣтствуютъ тоже двойной м. 17 въ Солов. Апок. Налѣво, въ м. 27, вверху въ ореолѣ Отечество, или Іисусъ Христосъ и Господь Саваоѳъ съ Духомъ Святымъ въ видѣ голубя, какъ въ м. 17; подъ ореоломъ Старцы въ бѣлыхъ одеждахъ и съ коронами на головахъ. По угламъ миніатюры вверху и внизу ангелы; нижніе преклоняются. Направо, въ м. 28, «народъ многъ», безчисленное множество людей, юныхъ и бородатыхъ, въ бѣлыхъ одеждахъ; въ рукахъ держатъ, вмѣсто пальмовыхъ вѣтвей, пурпуровыя кудрявыя вѣтки. Это св. мученики, хотя всѣ безъ сіянія.

29) VIII, 1-8. Въ кругломъ ореолѣ, окруженномъ углами, въ перемежку красными и зелеными, двухъ звѣздъ, наложенныхъ одна на другую, за широкимъ и длиннымъ столомъ, стоитъ или сидитъ Господь Саваоѳъ, простирая обѣ длани; передъ нимъ стоймя постановлена раскрытая книга, страницами къ зрителю. По сторонамъ ореола по три ангела, каждый съ трубою; Седьмой Ангелъ, съ трубою же, стоитъ за золотымъ жертвенникомъ, на ножкахъ, въ родѣ стола, покрытымъ синею одеждою; въ рукѣ держитъ кадильницу съ цѣпочкою; другая на жертвенникѣ, безъ цѣпочки. Внизу подъ линіею, которою отчеркивается миніатюра, еще кадильница, съ цѣпочкою, поверженная на́ бокъ съ пламенемъ.

30) VIII, 7. Первый Ангелъ летитъ и трубитъ въ трубу. Надъ нимъ небо изъ трехъ полосъ, въ перемежку двухъ синихъ съ одною зеленою. На этихъ полосахъ круглый ореолъ; въ немъ на престолѣ со спинкою, обнимающею своимъ полукружіемъ весь задъ престола, сидитъ Господь Саваоѳъ съ закрытою книгою, десницею благословляетъ, въ простомъ сіяніи,

а не въ угловатомъ. Вокругъ головы его надпись: *Господь нашъ вседержытель* [съ *ы* вм. *и*]. По сторонамъ ореола на томъ же полосатомъ небѣ солнце и луна съ лицами въ профиль. Внизу огонь попаляетъ траву и деревья: налѣво полатное письмо въ пламени пожара. Около стоитъ толпа людей.

31) VIII, 8-9. Второй Ангелъ летитъ и трубитъ въ трубу. Внизу море и берегъ съ деревьями; направо съ моря поднимается къ самому верху пламя съ дымомъ; налѣво корабль съ маленькими домиками и съ тремя большаго размѣра человѣками, выказывающимися по̀ поясъ; на нихъ шляпы съ широкими выгнутыми полями, какъ въ мм. 50 и 67. Надпись: *Вторый ангелъ вструби и яко гора велика огнемъ жегома вверженa бысть въ морь* и проч.

Затѣмъ пропущены двѣ миніатюры, въ которыхъ должны бы были изображаться видѣнія съ Третьимъ и Четвертымъ Ангелами, VIII, 10-13.

32) IX, 1-11. Пятый Ангелъ летитъ и трубитъ въ трубу. Внизу направо и налѣво поднимаются горы, посреди долина скатомъ; на ней темная яма съ золотою звѣздою и золотымъ ключемъ; отъ ямы вверхъ поднимается клубами зеленоватый дымъ. По горамъ и по долинѣ рыщутъ въ разсыпную шесть Пруговъ, изъ которыхъ одинъ наступилъ на поверженнаго человѣка. Пруги въ типѣ древнемъ, согласномъ съ принятымъ во фрескахъ франц. церкви св. Савина XII в. [сн. 258 б], т. е. крылатыя четвероногія животныя съ человѣческими лицами и длинными волосами; въ золотыхъ коронахъ. Всѣ они въ темномъ монохромѣ, но съ красными саблями въ правой лапѣ, за исключеніемъ одного Пруга, на которомъ сидитъ самъ *Царь ангелъ Бездны*, какъ гласитъ надпись надъ нимъ, или Аваддонъ. Слич. въ Англосакс. Апок. XII в. и въ Инкунаб. XV в. [сн. 266 б]. Онъ въ типѣ обнаженнаго старика съ длинной бородой, въ зеленоватомъ монохромѣ, на головѣ золотая корона; въ лѣвой рукѣ держитъ узду взнузданнаго Пруга, а въ правой такую же красную саблю, какія у Пруговъ. Надпись: *И пятый ангелъ вструби и видѣхъ звѣзду съ небеси спадшу* и проч.

33) IX, 6. Толпа съ царемъ во главѣ спѣшитъ къ Смерти, которая съ косою въ рукѣ бѣжитъ отъ нихъ. Той же редакціи, что̀ и въ Солов. Апок. м. 23. Вырисовка всѣхъ костей Смерти въ формѣ латъ здѣсь еще тщательнѣе и подробнѣе, чѣмъ въ м. 23.

34) IX, 14-15. Шестой Ангелъ летитъ и трубитъ въ трубу. Внизу на рѣкѣ Евфратѣ стоятъ четыре ангела въ сіяніяхъ, связанные, каждый отдѣльно черною веревкою, перекрещенною на груди. Надъ ними надписаны ихъ имена: *Уриилъ*, *Рафаилъ*, *Гавріилъ и Михаилъ*. Около стоитъ еще ангелъ и развязываетъ веревку переднему изъ нихъ. По редакціи согласно съ Солов. Апок. м. 24. И тамъ, и здѣсь, сіяніе на ангелахъ указываетъ на отступленіе въ толкованіи текста. Надпись: *И шестый ангелъ вструби и слышахъ гласъ отъ четырехъ рогъ олтаря* и проч.

35) IX, 17-21. Изъ-за горы ѣдутъ по долинѣ всадники на чудовищахъ, изрыгающихъ пламя, топчутъ поверженныхъ въ кучу людей и замахиваются на нихъ саблями, которыя держатъ въ правой рукѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ правыхъ же рукъ ихъ исходятъ прямыя линіи, какъ копья, и направляются прямо въ лица поверженныхъ. Изъ всадниковъ двое передніе съ обнаженными головами въ сіяніяхъ, третій въ зеленой шапкѣ съ золотымъ околышемъ; четвертаго за горою не видать; только выказалась изъ-за скалы морда чудовища, извергающая пламя. Надпись: *И тако видѣхъ кони видѣніемъ и сѣдящихъ на нихъ* и проч. Во всемъ отличается отъ м. 25 въ Солов. Апок.

36) X, 1-11. Облачный Ангелъ съ солнечною головою, которая окружена золотою радугою; въ облачномъ короткомъ кафтанѣ съ красными крыльями и на красныхъ столбахъ, изъ подъ которыхъ видны обнаженныя ноги, изъ коихъ лѣвая стоитъ на землѣ, а правая на морѣ; подаетъ Іоанну книгу, которую тотъ вкушаетъ съ одного конца. По редакціи согласно съ Солов. Апок. м. 26. Надпись: *Видѣхъ инъ ангелъ крѣпокъ сходящъ со небеси оболченъ во облакъ* и проч.

37) XI, 1-2. Церковь о трехъ главахъ съ осмиконечными крестами; у олтаря молящіеся. Около другое зданіе въ стилѣ базилики, безъ креста. Іоаннъ длинною киноварною тростію измѣряетъ церковь, упирая конецъ трости въ крышу базилики. Надпись: *И дана ми бысть трость* и проч.

38) XI, 3-5. Въ полатномъ письмѣ въ видѣ полукруглой ниши на престолѣ сидитъ Антихристъ въ багряномъ царскомъ одѣяніи и въ золотой коронѣ; позади стоятъ его слуги. Внѣ полатнаго письма стоятъ Енохъ и Илія въ темныхъ по колѣна туникахъ съ широкими рукавами; у Иліи правая рука обнажена вся. Енохъ лысый съ большою округлою бородою; у

Иліи волосы и длинная борода растрепаны. Оба испускаютъ изъ устъ своихъ пламенныя полосы. Надъ Антихристомъ изъза ниши по̀ поясъ выступилъ дьяволъ съ крыльями и съ щетинистымъ дыбомъ на головѣ. въ зеленомъ монохромѣ: надъ нимъ надписано: *Престолъ Антихристовъ.* Главная надпись. содержащая текстъ, замѣчательна по языку: *И дамъ двѣма свидѣтелема моима да прорицають дней* ҃ѧ *и* ҃т *и* ҃ѯ *суще облечени во вретище. И хотѣли бо имо кто неправду сотворити, огнь изшедше изо устъ ею и поясть враги.*

39) XI, 7-8. Звѣрь въ видѣ льва, вырываясь изъ черной пропасти, прыгнулъ на Илію съ поднятыми передними ногами, угрожая пожрать его. Илія стоитъ передъ нимъ, испуская на него пламя изъ устъ, а Енохъ лежитъ уже мертвый. Оба пророка въ длинныхъ широкихъ туникахъ, съ широкими же рукавами. И по редакціи, и по костюму и расположенію фигуръ согласно съ м. 29 въ Солов. Апок., только фигуры писаны наоборотъ. и на Звѣрѣ нѣтъ папской тіары. Надпись: *Еда скончается свидѣтельство ею звѣрь изыйде отъ бездны и сотворить съ ними брань и побѣсть я и трупа ею оставить на улицахъ великого граду*: согласно съ текстомъ Солов. Апок.: *на улицахъ града великаго*, даже съ *ь* вм. *ъ* въ формѣ: *на улицахь*, тогда какъ въ описываемой рук. по господствующей редакціи: *на площади града великаго.*

40) XI, 11-13. Вверху въ полукругѣ неба, выступаютъ изъ облаковъ по̀ поясъ возносящіеся на небо Енохъ и Илія. Внизу городъ въ развалинахъ направо, а налѣво отъ своего престола идетъ передъ толпою Антихристъ въ царскомъ одѣяніи, указывая поднятою рукою вверхъ. Надпись: *И по трехъ днѣхъ и полъ духъ животенъ отъ бога внидеть въ ня* и проч. Той же редакціи, что̀ и въ Солов. Апок. м. 30.

41) XI, 19. Вверху на грядѣ облаковъ церковь о пяти главахъ съ осмиконечными крестами. Въ широкихъ вратахъ ея стоитъ фигура въ простомъ сіяніи, одѣтая въ красную священническую ризу, поверхъ которой около шеи наложенъ бѣлый омофоръ съ четвероконечными крестами; простираетъ обѣ руки, въ лѣвой держа закрытую книгу. Въ иныхъ редакціяхъ этой фигурѣ соотвѣтствуетъ геній грома и молніи, какъ въ моемъ Апок. XVII в. ранней редакціи, м. 32 [сн. 15]; въ Соловецк. Апок., м. 31, вмѣсто того Кивотъ Завѣта. Подъ цер-

ковью летитъ Седьмой Ангелъ и трубитъ въ трубу. Внизу полатное письмо: городъ со стѣнами и зданіями. По общему расположенію сюжета и по выдѣленію этого эпизода изъ 33-ей главы Толковаго Апок., эта миніатюра одной редакціи съ м. 31 въ Солов. Апок. Надпись: *Седьмый ангелъ вструби и быше гласи велицы на небесѣхъ глаголюще. и отверзутся церкви божіи на небесѣхъ и явится арка завѣта его въ храмѣ его*: согласно съ Солов. Апок.: *и отвръзеся цркви божіа* [въ Тихонр. рук. эта древняя форма уже принята за множ. число] *на небесѣхъ. и явися арка Завѣта его въ храмѣ его*, тогда какъ въ самой рук.: *и отверзеся церковь* [новѣйшая форма] *божія на небесѣхъ. и явися Кіотъ Завѣта божія въ церкви его*; въ общераспространенныхъ редакціяхъ *кіотъ*, или *кивотъ*, и *крабій*.

42) XII, 1-5 [сн. 156]. Нижняя часть миніатюры согласна по редакціи съ Солов. Апок. м. 32 [сн. 67], хотя другаго перевода. Такой же продолговатый ореолъ, на западный манеръ, только въ Солов. Апок. онъ золотой, а здѣсь красный, и съ такими же зубчатыми лучами, только въ Соловецк. они ближе подходятъ къ языкамъ пламени. На св. Женѣ то же одѣяніе, только здѣсь съ золотыми полосами; такъ же младенецъ въ простомъ сіяніи, выходитъ по грудь изъ складокъ мантіи; такъ же распростерла св. Жена свои руки; существенное отличіе состоитъ только въ томъ, что въ Соловецк. Апок. на главѣ ея нѣтъ короны, и 12 звѣздъ размѣщены въ самомъ сіяніи, а не на коронѣ, какъ здѣсь, имѣющей форму кокошника, широко раскинутаго, какъ опахало. На главахъ Змія такимъ же манеромъ высовываются рога вверхъ изъ коронъ; только въ Соловецк. Апок. Змій четвероногій и съ крыльями нетопыря, а здѣсь двуногій съ крыльями пернатыми, но также поднимаетъ хвостъ вверхъ, чтобы захватить треть звѣздъ съ неба, которое здѣсь отличается тѣмъ, что изображено въ видѣ свитка, развертывающагося по обѣ его стороны. Какъ это небо, отдѣляющее нижнюю часть миніатюры отъ верхней, такъ и оригинальный сюжетъ, помѣщенный надъ нимъ, существенно отличая эту миніатюру отъ Соловецкой, принадлежатъ къ характеристическимъ особенностямъ описываемой иллюстраціи. А именно: на небесномъ свиткѣ или позади его стоитъ престолъ безъ задка; на немъ сидитъ юноша въ зеленомъ подирѣ съ золотыми бармами и золотыми же поручами на узкихъ рукавахъ; на

головѣ корона, безъ сіянія, обѣ руки распростеръ молитвенно; съ обѣихъ сторонъ по ангелу, подлетая простираютъ къ нему свои руки. Это какъ бы апотеоза того же Мужскаго пола, который, по толкованію Меѳодія, принятому Андреемъ Кесарійскимъ, является въ Бамбергскомъ Апок. X в., м. 29, и въ редакціи СПБ. № 225, м. 32 [сн. 134 в]. Надъ этой фигурой надписано: *И восхищенъ бысть сынъ ея къ богу и къ престолу его.* Слич. въ Нюренбергск. Библіи 1483 г. и въ Венеціанской 1492 г. въ гравюрѣ при гл. XII. Главная надпись: *И знаменіе веселія явися на небесѣхъ жена оболчена въ солнце и луна подъ ногами ея*: безъ всякаго сомнѣнія взята изъ текста Соловецкаго, въ которомъ стоитъ ошибкою: *и знаменіе веселіе*, вмѣсто принятаго въ прочихъ редакціяхъ: *и знаменіе веліе*; но чтобы исправить грамматическую безсмысленность, мастеръ Тихонравовской иллюстраціи измѣнилъ именительный падежъ на родительный: *знаменіе веселія*. Варіантъ этотъ, произшедшій въ Соловецкомъ текстѣ отъ описки, и потомъ исправленный по догадкѣ въ надписи Тихонр. Апокалипсиса, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія о самой тѣсной связи описываемой иллюстраціи съ Соловецкою рукописью.

43) XII, 7-9. Ангелы на красныхъ коняхъ—всего двое, отъ остальныхъ видны только переднія части коней—низвергаютъ копьями въ черную пропасть краснаго Великаго Змія и дьяволовъ, которыхъ насчитывается только пятеро, въ обычномъ типѣ съ щетинистымъ дыбомъ на головѣ, въ зеленомъ монохромѣ: изъ нихъ двое съ крыльями, на бѣлыхъ коняхъ, одинъ стоитъ, поднимаясь по поясъ изъ-за Змія, и отъ двухъ остальныхъ видны только головы, изъ которыхъ одна осталась вовсе не раскрашена. Вхожу въ эти подробности для того, чтобы дать знать, въ какой мѣрѣ отличается эта убогая миніатюра отъ великолѣпнаго изображенія того же сюжета въ Соловецк. м. 33 [сн. 68]. Двѣ надписи. Одна вверху: *И брань бысть на небесѣхъ. Михаилъ и ангели его брань сотвориша* [съ] *зміемъ и змій брася:* и затѣмъ продолженіе этого текста въ другой надписи, помѣщенной въ самомъ низу подъ Зміемъ: *И змій брася и ангели его и не возмогоше и места не обрѣтеся има на нѣбесѣхъ изверженъ [вм. и сверженъ] бысть змій великій и гадъ древній нарицаемый діаволъ и сатана:* опять согласно съ характеристическою примѣтою Соловецкаго текста: *и съвръженъ бысть*

змій великый и гадъ древній, тогда какъ въ Тихонр. рук.: *и вложенъ бысть змій великій и змій древній*, какъ и вообще во всѣхъ другихъ редакціяхъ.

44) XII, 14. Великій Змій, въ томъ же типѣ, гонится за св. Женою по скату горы; она, безъ короны, съ крыльями, спасается отъ него на горѣ между высокими зелеными деревьями. Той же редакціи съ ландшафтомъ, что̀ и въ Соловецк. Апок. м. 34. Надпись: *И егда видѣ змій яко сверженъ бысть на землю* и проч.

45) XII, 15-17. Змій испускаетъ воду, гонясь за св. Женою. Новая миніатюра, изъ позднѣйшихъ передѣлокъ Чудовской редакціи, при главѣ 35-ой по толковому счету.

46) XIII, 1. Желтая съ красными пятнами гора. Направо на горѣ стоитъ Іо. Налѣво море; изъ него выходитъ Первый Звѣрь, желтый, съ лапами, о семи головахъ на длинныхъ шеяхъ; головы человѣчьи, въ профиль всѣ до одной, и между собою сходны по чертамъ лица, а не такъ какъ въ м. 50 [сн. 157], въ которой средняя отличается отъ прочихъ. У каждой головы сзади торчитъ по уху; на головахъ по одному или по два рога, чтобы наверстать счетъ ихъ до десяти; рога черные, видны только отъ ихъ корня; они толсты и настолько низки, что сверху каждый изъ нихъ прикрытъ короною; когда на головѣ одинъ рогъ, то онъ потолще, и корона шире, когда роговъ два, то они тоньше, и на каждомъ тоже по коронѣ, которыя потому поуже. Звѣрю поклоняются старцы съ длинными сѣдыми бородами. Надпись: *И видѣхъ звѣрь исходящь изъ моря* и проч.

47) XIII, 2-4. Направо стоитъ Іо. на высокомъ утесѣ, а налѣво подъ горою на престолѣ съ задкомъ сидитъ Первый Звѣрь, въ томъ же типѣ, что̀ въ м. 46, только короны надѣты на головы и потому ихъ семь, по числу головъ, а десять роговъ, размѣщенные по головамъ, поднимаются вверхъ изъ коронъ, гдѣ одинъ рогъ, гдѣ два. Въ рукахъ держитъ Звѣрь золотой царскій жезлъ, въ видѣ скипетра, а не посохъ или клюку, какъ въ другихъ нашихъ редакціяхъ. Около стоитъ крылатый дьяволъ, помазуетъ преклоняющихся предъ нимъ старцевъ. На лбу у нихъ черныя точки, означающія печать Антихристову, какъ и въ Соловецк. Апок. м. 41, только не одно черное пятно, какъ тамъ, а на каждомъ лбу по нѣскольку мелкихъ точекъ. Длинная надпись въ двухъ отдѣлахъ, какъ продолже-

ніе текста, помѣщеннаго въ надписи предыдущей м. 46, а именно: *И звѣрь его же видѣхъ бѣ подобенъ рыси* и проч.

48) XIII, 11-14. Налѣво на горѣ стоитъ Іо. Внизу подъ нимъ изъ черной пропасти выходитъ Второй Звѣрь, или Агнецъ Неправедный, въ видѣ барана съ вострыми рогами на подобіе клыковъ; изъ своей пасти испускаетъ пламя на стоящихъ передъ нимъ старцевъ. Надпись тоже въ два отдѣла: *И видѣхъ инъ звѣрь исходящъ отъ земля* и проч.

49) XIII, 2-13. Новая миніатюра на синей бумагѣ, содержащая видѣніе объ обоихъ апокалипсич. Звѣряхъ, по редакціи Чудовской, при главѣ 37 по толковому счету.

50) XIII, 14-18 [сн. 157]. Замѣчательно характеристическая миніатюра по западному костюму живописцевъ и по иконѣ звѣриной, прилаженной къ стѣнѣ башни, въ которой вверху два окна, а внизу дверь. Рама иконы красная, фонъ зеленый, а все тѣло звѣря и лица—желтыя, рты красные, короны золотыя, рога черные; середняя голова въ профиль—женская; только у ней ротъ не зіяетъ краснотою. Надпись, какъ бы продолженіе предыдущаго текста: *глаголя жывущимъ на земли сотворити образъ звѣрин* и проч. Варіантъ *образъ*, согласный съ Соловецк. текстомъ, въ самой рукописи соотвѣтствуетъ слову *тѣло*, принятому въ господствовавшей въ старину редакціи.

51) XIV, 1-4. Поклоненіе Агнцу, стоящему на Сіонской горѣ, согласно по редакціи съ Соловецк. Апок., м. 38, только гора желтая съ красными пятнами, а не зеленая, и на ней по обѣ стороны Агнца деревья въ стилизованной формѣ. Число очей у Агнца натуральное, а не семь; сіяніе крестное. Внизу стоитъ безчисленная толпа людей съ царемъ во главѣ. У каждаго изъ нихъ на челѣ начертанъ четвероконечный крестъ. Надпись: *И видѣхъ и се агнецъ на горѣ сіонстей* и проч.

52) XIV, 6-8. Вверху летятъ два ангела, одинъ надъ другимъ. Верхній обѣими руками держитъ свитокъ въ видѣ длинной ленты; на немъ въ одну строку вдоль написано: *Падѣ падѣ Вавилонъ* и проч. Подъ нимъ летитъ другой ангелъ съ закрытымъ Евангеліемъ; при немъ на сторонѣ надпись: *И видѣхъ инаго ангела летающего посреди небесъ держащего евангеліе вѣчно да благовѣститъ тысущамъ на земли.* На землѣ направо городъ, окруженный стѣною, съ разрушающимися зданіями. Налѣво толпа людей; передній изъ нихъ стоитъ на

колѣняхъ. Той же редакціи, что̀ въ Солов. Апок. м. 39, даже такой же свитокъ въ видѣ ленты.

53) XIV, 9. XIII, 3-4. Вверху паритъ ангелъ со свиткомъ, тоже въ видѣ длинной ленты; на немъ написано вдоль въ одну же строку: *Иже поклонится звѣрю и образу его* и проч. Внизу налѣво сидитъ на престолѣ съ золотымъ царскимъ жезломъ Первый Звѣрь, въ томъ же типѣ, что̀ и въ м. 47, только безъ роговъ. Передъ нимъ направо толпа поклоняющихся ему. Надъ ними надпись изъ гл. XIII, 3-4: *И чюдися вся земля звѣри и поклонишеся звѣри* и проч.

54) XIV, 14-18. Клубящимися облаками раздѣляется миніатюра на двѣ половины не равной величины. Верхняя поменьше: въ ней налѣво сидитъ на престолѣ съ широко огибающимъ его задкомъ Іисусъ Христосъ въ крестномъ сіяніи, въ лѣвой рукѣ держитъ золотой серпъ, правою благословляетъ. Къ нему идутъ изъ храма два ангела, передній съ чашею, задній съ серпомъ. Въ нижней половинѣ на землѣ три ангела: двое серпами жнутъ пшеницу, третій собираетъ сжатое въ снопъ. Надписей двѣ; одна въ верхней половинѣ: *Видѣхъ и се облакъ свѣтелъ* и проч.; другая въ нижней: *И инъ ангелъ изыйде изъ церкви вопія гласомъ великимъ* и проч. Описываемая иллюстрація ограничивается только жатвою; винограда и винодѣлія она еще не знаетъ.

55) XVII, 1-2. Миніатюра съ Вавилонскою Любодѣицею, не на своемъ мѣстѣ, и замѣняетъ собою листъ съ двумя миніатюрами, изъ коихъ одна изображаетъ вмѣстѣ всѣхъ семерыхъ ангеловъ съ чашами, а другая Перваго Ангела, изливающаго фіалъ свой, мм. 62 и 63.—На красномъ Звѣрѣ о семи головахъ, въ коронахъ, надъ которыми поднимаются рога, сидитъ Вавилонская Любодѣица въ коронѣ и съ золотою чашею въ рукѣ. Ея пурпуровое одѣяніе съ золотыми полосами своимъ длиннымъ шлейфомъ покрываетъ задъ Звѣря. Подъ Звѣремъ море; позади Любодѣицы стоитъ толпа царей въ коронахъ. Направо на горѣ ангелъ ведетъ Іоанна. Надпись: *И пріиде единъ ангелъ и глаголя со мною* и проч. По редакціи согласна съ м. 53 [копія краск. 6] въ Соловецк. Апок.

56) XVI, 3. Второй Ангелъ летитъ и изливаетъ фіалъ свой; такъ же летятъ и прочіе ангелы съ фіалами. Внизу море съ тремя кораблями, на нихъ корабельщики, на двухъ—еще жи-

вые, на третьемъ—уже мертвые. На утесѣ стоитъ Іо. Надпись: *И вторый ангелъ излія фіалъ свой* и проч.: и въ слѣдующихъ за симъ надписяхъ: *фіалъ свой*, тогда какъ въ самой рукописи: *фіаль свою*.

57) XVI, 4-5. Третій Ангелъ изливаетъ фіалъ свой на рѣки и на источники водные, которые внизу изображены ручьями, втекающими въ широкую рѣку. На рѣкѣ стоитъ Ангелъ Водный, не обнаженный, а въ короткомъ кафтанѣ съ мантіею поверхъ него, въ портахъ и высокихъ сапогахъ; въ рукѣ держитъ свитокъ въ видѣ ленты, съ надписью вдоль: *Праведенъ еси Господи* и проч. Налѣво стоитъ Іо. Вверху надпись: *И третій ангелъ излія фіалъ свои* и проч.

58) XVI, 8-9. Четвертый Ангелъ изливаетъ фіалъ свой на красное солнце, съ лицомъ en face. Внизу стоитъ толпа опаляемыхъ; двое изъ нихъ заслоняютъ голову драпировкою, одинъ въ нѣмецкой шляпѣ съ выгнутыми полями. Надпись: *И четвертый ангелъ излія фіалъ свой на солнце и дано бысть ему озноятн человѣки ведромъ и огнемъ*: согласно съ Соловецк. текстомъ: *озноятн человѣцы ведромь и огнемь*, тогда какъ въ Тихонр. рук.: *опалити огнемъ*.

59) XVI, 10-11. Пятый Ангелъ изливаетъ свой фіалъ на Перваго Звѣря, сидящаго на престолѣ, въ томъ же типѣ, какъ въ м. 47, только онъ безъ жезла. Противъ него направо стоитъ толпа людей. Хотя Звѣрь и эта толпа писаны на свѣтломъ фонѣ, но омраченіе Звѣринаго царства обозначено широкою полосою, которою миніатюра раздѣляется на двѣ половины, на верхнюю и нижнюю, согласно съ редакціею Солов. Апок. въ м. 49 [копія краск. 5]. Надпись: *Пятый ангелъ излія фіалъ свой* и проч.

60) XVI, 12. Шестой Ангелъ изливаетъ фіалъ свой на рѣку Евфратъ. Какъ въ Соловецк. Апок. м. 50, изъ-за горы скачутъ на коняхъ цари. Передній ѣдетъ съ царскимъ жезломъ, а слѣдующіе за нимъ съ копьями. Надпись: *И шестый ангелъ излія фіалъ свой* и проч.

61) XVI. 17-19. Вверху на полосѣ облаковъ стоитъ церковь о пяти главахъ съ отверстыми вратами; на черномъ ихъ фонѣ изнутри церкви развился свитокъ въ видѣ ленты, съ надписью вдоль: *и збылосе есть*. Это отрывокъ текста, помѣщеннаго направо отъ церкви: *И седмый ангелъ излія фіалъ свой на аеръ·*

изыде гласъ великій отъ престола. и збылосе естъ. и бы[ша] гласи и блисканіе и проч., согласно съ Соловецк. Апок.: *сѣбылося ест. и быша блисканія*, а въ Тихонр. рук.: *и изыде гласъ его великій изъ церкви отъ престола господня глаголющь. и быша блистанія* и проч. Подъ церковью паритъ Седмый Ангелъ, изливая изъ фіала вверхъ. Внизу разрушенный городъ.

Слѣдующія за симъ двѣ миніатюры, 62 и 63, занимаютъ мѣсто миніатюры 55-ой.

62) XV, 1. Отъ церкви о трехъ главахъ идутъ по облакамъ семь ангеловъ въ бѣлыхъ одеждахъ, держа въ правой рукѣ по фіалу, а въ лѣвой по жезлу; одной редакціи съ Соловецк. Апок. м. 43. Надпись: *И видѣхъ ино знаменіе на небеси велико и чюдно ангелъ седмь* и проч.

63) XVI, 2. Первый Ангелъ изливаетъ фіалъ свой на землю. Внизу направо стоитъ толпа людей; надъ ними начертано киноварью число звѣрино: ѯ ѕ ѕ; это же начертаніе звѣрино написано киноварными буквами и на лбахъ всѣхъ людей: подробность, составляющая характеристическую особенность описываемой иллюстраціи. Надпись: *И видѣ Первый ангелъ изліа фіалъ свой* и проч.

64) XVII, 16 [копія краск. 17]. Въ высшей степени оригинальный сюжетъ, вѣроятно, остатокъ очень ранняго преданія. Составляетъ самую характеристическую особенность этой иллюстраціи, не встрѣченную мною ни въ одномъ изъ нашихъ Лицевыхъ Апокк. Это трапеза, за которою Первый Звѣрь и десять царей вкушаютъ отъ тѣла Вавилонской Любодѣицы. Они пожрали уже оконечности рукъ и ногъ, держа въ рукахъ куски ея мяса,—у Звѣря—кровавые, у царей—бѣлые. Фигуры расположены симметрично, и головы царей вмѣстѣ съ головами Змія образуютъ полукругъ, въ верхней точкѣ котораго поднялась средняя изъ семи головъ Звѣря, съ лицомъ en face, украшеннымъ двумя длинными ушами, на туловищѣ, одѣтомъ въ широкую одежду, съ золотымъ воротомъ и съ широкими рукавами. Это одѣяніе Звѣря относится къ остаткамъ ранней редакціи, чему доказательствомъ служитъ мой Апок. ранней ред. и МПМ. № 156. Прочія головы Звѣря, по три на каждой сторонѣ, съ лицами въ профиль и на туловищахъ, не покрытыхъ одеждою. На чревѣ Звѣря изображенъ пупокъ. Въ лицѣ Любодѣицы означено спокойствіе смерти. Подъ трапезою одно

изъ трехъ деревъ въ стилизованной формѣ. Надпись: *И десять рогъ иже видехъ на звѣри десеть царей естъ* и проч.

65) XVIII, 1-4. Вверху парятъ три ангела; два со свитками въ видѣ ленты, надписаны вдоль; у одного: *Паде паде*; у другаго: *Изыйдете изъ него людіе мои*; третій ангелъ съ чернымъ жерновомъ; надъ нимъ надпись: *И взять единъ ангелъ сильный камень яко жернов.* Внизу Вавилонъ въ пожарѣ. Изъ воротъ выходитъ толпа праведныхъ. Надъ воротами башня. Изъ оконъ ея выглядываютъ головы чудовищъ и птицъ. Около города вода, на ней корабль. Той же редакціи, что̀ въ Соловецк. Апок. м. 5.

66) XIX, 1-6. Вверху въ кругломъ ореолѣ за однимъ столомъ сидятъ, благословляя десницею, Іисусъ Христосъ въ коронѣ и крестномъ сіяніи и Господь Саваоѳъ въ сіяніи угловатомъ; между ними на столѣ закрытая книга; надъ ними Духъ Святой въ видѣ голубя, который летитъ, распростерши крылья. Вокругъ ореола трубящіе ангелы; у отверстій трубъ начертано киноварью: *Аллилуія*: это гласы, износящіяся изъ трубъ. Внизу по обѣимъ сторонамъ преклоняются Старцы, позабывъ снять съ своихъ головъ короны, какъ въ Соловецк. Апок., м. 55, съ которою вообще согласна по редакціи описываемая миніатюра. Внизу между Старцами Іоаннъ стоитъ позападному на одномъ колѣнѣ. Другой надписи, кромѣ повторенныхъ нѣсколько разъ *Аллилуія*, въ этой миніатюрѣ нѣтъ, точно такъ же, какъ и въ соотвѣтствующей ей въ Соловецк. Апок.

67) XIX, 1-6 [сн. 158]. Составляетъ панданъ къ предыдущей миніатюрѣ, по системѣ символическаго параллелизма въ сопоставленіи Ветхаго Завѣта Новому, какъ прообразованія и пророчества—исполненію и совершенію. Торжественному видѣнію Іоанна, оглашаемому въ выспреннихъ небесахъ славословіемъ аллилуіи, символически и прообразовательно соотвѣтствуетъ здѣсь изображеніе Лика Давидова, подчиненнаго апокалипсическому тексту, начертанному въ верхней надписи: *И гласъ отъ престола изыде глаголя. пойтъ господеви богу нашему вси святіи его и боящіися бога. маліи и велицыи пойте*, XIX, 5. Хотя возсѣдающій на престолѣ Царь Давидъ играетъ на гусляхъ, по преданію греко-русскому, но прочіе музыканты, за исключеніемъ трубачей, пользуются инструментами западнаго характера: это барабаны, скрипки и

органъ *. Хотя у скрипачей нѣтъ смычковъ, но, безъ сомнѣнія, по недосмотру иконописца, потому что правыя ихъ руки не перебираютъ струнъ, а такъ прилажены, чтобы водить по нимъ смычкомъ. Въ миніатюрѣ Космы Индикоплова въ Макарьевской Четьи-Минеѣ 1542 г. [Синод. библ. № 997, на мѣсяцъ Августъ], представляющей тоже Ликъ Давидовъ, уже принятъ у насъ западный органъ въ число инструментовъ, на которыхъ музыканты вторятъ гуслямъ Давида **. Органъ изображенъ дважды, на одномъ надписано: *кимваны*, а на другомъ по латинскому произношенію: *цымбаны*. Внизу подъ царемъ Давидомъ конструкція обоихъ инструментовъ одна и та же, очень простая, гораздо малосложнѣе принятой въ Тихонрав. Апок., безъ клавіатуры, какъ и въ знаменитой Утрехтской Псалтыри Каролингской эпохи ***, но съ трубами, какъ и въ Тихонр. иллюстраціи, а не съ дудками, какъ въ Утрехтской. Въ обѣихъ русскихъ миніатюрахъ, и въ Четьи-Минейной и апокалипсической, трубы раздуваютъ мѣхами, но въ первой изображеніе ихъ не понято, почему и дана имъ уменшенная форма ключа, тогда какъ во второй это настоящіе раздувальные мѣхи, какіе употребляются и понынѣ; что же касается до Утрехтской миніатюры, то въ ней вмѣсто мѣховъ приняты рычаги. Въ описываемой мною миніатюрѣ инструментъ этотъ, надо полагать, принимается уже подъ именемъ органа, потому что надъ нимъ надписано: *Хвалите его на струнахъ и органѣхъ*. Онъ уже съ клавіатурою. По клавишамъ играетъ старикъ въ высокой шапкѣ съ мѣховой опушкой и въ длинномъ верхнемъ одѣяніи краснаго цвѣта, тоже съ мѣховымъ широкимъ воротникомъ; изъ-подъ верхняго одѣянія высовываются его руки въ зеленыхъ узкихъ рукавахъ. По другую сторону надуваетъ трубы инструмента мѣхами человѣкъ, одѣтый въ западный костюмъ по модѣ, господствовавшей въ концѣ XVI-го и въ началѣ XVII вѣка. На шляпѣ, съ широкими выгнутыми полями, воткнуты красныя перья; по чер-

* О западномъ вліяніи въ изображеніи инструментовъ въ миніатюрахъ Лика Давидова см мою рецензію на книгу Віолле-ле-Дюка въ *Критическомъ Обозрѣніи* за 1879 г. № 5

** Снимокъ смотр. въ моихъ *Историческихъ Очеркахъ*, II, при стр 325.

*** Описаніе Утрехтской миніатюры см у Шпрингера, Die Psalter-illustrationen im fruhen Mittelalter, Leipzig 1880, стр. 288, въ VIII томѣ Abhandlungen d philolog.-histor Classe d Konigl Sachs. Gesellsch. d. Wissensch. Снимокъ смотр. Westwood, Facsimiles of the miniat. and ornam of Anglo-sax. and. irish manuscripts, London 1868, pl. 29 [3].

ному коротенькому кафтану, съ широкими рукавами, вокругъ шеи наложенъ окладистый голландскій борокъ: штаны красные; бѣлые чулки подвязаны подвязками: на ногахъ черные башмаки. Такіе же борки и шляпы надѣты и на нѣкоторыхъ изъ музыкантовъ. Внизу въ правомъ углу какіе-то звѣри и чудовищная голова; надъ ними бѣжитъ единорогъ и летитъ птица. Отношеніе ихъ къ изображаемому сюжету объясняется надписью изъ псалма: *Всякое дыханіе да хвалитъ Господа.* Дополненіе и панданъ къ этому составляетъ рыба въ водѣ. изображенная въ лѣвомъ углу.

68) XIX, 7-9 [сн. 159]. Той же редакціи, что̀ и въ Солов. Апок. м. 56 [копія краск. 7], согласно съ моимъ Апок. ранней редакціи, м. 63 [сн. 29]. Іоаннъ такъ же внѣ святилища Агнчей Невѣсты, но не палъ ницъ, какъ въ моемъ Апок., а уже сидитъ съ открытою книгою, какъ въ Соловецкомъ, только не пишетъ, и на листахъ книги уже начертано: *Блажени на вечери агнца.* Только десница ангела. простертая за черту святилища, является посредствующимъ звеномъ между Іоанномъ и этимъ райскимъ жилищемъ. На деревѣ листва фряжская, съ зелеными чашечками, изъ которыхъ распустились цвѣты, то красные, то синіе. Западное вліяніе на миніатюрѣ запечатлѣно латинскою надписью Sirin надъ царь-птицею съ золотою короною на человѣчьей головѣ. Надпись эта начертана тою же рукою и также киноварью, какъ и всѣ прочія въ этой иллюстраціи.— Всѣ три птицы краснаго цвѣта; у двухъ другихъ, на птичьихъ головахъ, вмѣсто короны, золотые гребешки. Слич. Райскихъ птицъ Сирина и Алконоста въ повѣсти: «О славѣ небеснѣй и о радости праведныхъ вѣчнѣй»,—помѣщенной при лицевомъ Апок. въ рукописи СПБ. Q, Отд. I, 46, XVIII в. Утварь, довольно древней формы, и зданіе позади стола—золотыя съ черною отдѣлкою, равно какъ корона на головѣ Невѣсты. бармы, поясъ и полосы на ея бѣломъ съ краснымъ оттѣнкомъ одѣяніи; ноги ея обнажены. Надпись: *И жена его уготовася* и проч.

69) XIX, 11-16. Подъ сводомъ звѣзднаго неба скачетъ по облакамъ на бѣломъ конѣ I. X. въ крестномъ сіяніи и въ многовѣнечной коронѣ съ длинными бѣлыми волосами и съ такою же бородой; отъ устъ исходитъ мечъ, десницею благословляетъ. въ лѣвой рукѣ держитъ открытую книгу съ пустыми бѣлыми страницами; ноги въ золотыхъ стременахъ. По

редакціи и подробностямъ согласно съ Соловецк. Апок. м. 57. Позади Его виднѣются изъ облаковъ головы: коня и сидящаго на немъ ангела. Въ надписи: *Видѣхъ небо отверзто и се конь бѣлъ* и проч.—согласно съ текстомъ Соловецк. рукописи, тогда какъ въ Тихонравовской: *конь спренъ*, по господствовавшей редакціи.

70) XIX, 17-18. На солнцѣ, окруженномъ зубцами, стоитъ ангелъ въ коротком кафтанѣ, поверхъ котораго накинута длинная мантія; узкія въ обтяжку порты засунуты въ длинные сапоги. Въ правой рукѣ держитъ свитокъ въ видѣ ленты съ надписью вдоль, въ одну строку: *Пріидите и соберитеся на вечерю велику*. При ангелѣ семь птицъ; изъ нихъ по двѣ по обѣимъ его сторонамъ летятъ, а три сидятъ внизу на землѣ. Той же редакціи, что и въ Соловецк. Апок. м. 58. Вверху въ надписи: *Видѣхъ ангела стоящего въ солнцы вопіющего* и проч.—*въ солнцы* согласно съ Соловецк. рук. [*въ солнци*], а не съ Тихонравовскою, въ которой: *на солнцы*, съ предлогомъ *на*, какъ и въ прочихъ редакціяхъ.

71) XIX, 13-20. Вверху въ томъ же видѣ ѣдетъ на бѣломъ конѣ І. Х., какъ и въ м. 69; позади Его скачутъ три ангела на бѣлыхъ же коняхъ, и длинными своими копьями поражаютъ распростертыхъ внизу въ огненномъ озерѣ обоихъ апокалипсическихъ Звѣрей и демоновъ, тутъ же и Антихристъ въ видѣ царя въ коронѣ. По верхней части согласно съ Соловецк. Апок., м. 59. Съ двумя надписями; одна вверху: *И оболчень бѣ въ ризы очервлены кровію* и проч.; другая внизу: *Видѣхъ звѣря и воя ихъ* и проч.

72) XX, 1-3 [сн. 160]. Принятъ сатана, вмѣсто Змія, какъ и въ Соловецк. Апок., м. 60, и хотя не съ Лютерова оригинала, но въ западномъ типѣ, и весь зеленый, равно какъ и въ слѣдующей м. 73, гдѣ онъ повторенъ дважды, и въ обѣихъ миніатюрахъ онъ названъ въ надписи *сатано*, а не *сатана;* сверхъ того въ м. 73 онъ надписанъ еще: *сатанаилъ*. Въ надписи: *ятъ змія гада дрѣвняго*—согласно съ Соловецк. рук.: *ят змія. гада древняго*, а не съ Тихонравовскою, въ которой по обыкновенной редакціи: *ятъ змія древняго*.

73) XX. 7 [сн. 161]. Сатана, весь зеленый, писанъ дважды: сначала онъ выходитъ изъ бездны, потомъ онъ какъ бы благословляетъ лѣвою рукою дьяволовъ, которые въ общепринятомъ ихъ типѣ, но въ красномъ монохромѣ, стремятся къ нему изъ черной пропасти. Подъ ними еще черная яма; изъ нея выказыва-

ются двѣ фигуры въ томъ же типѣ дьяволовъ, но зеленыя: это Гогъ и Магогъ, утратившіе уже свой традиціонный характеръ, въ какомъ они являются въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 70 [копія краск. 3]. Около еще яма, изъ которой вылѣзаетъ чудовище о трехъ человѣческихъ головахъ съ волосами дыбомъ, какъ у дьяволовъ: странный типъ, необычный въ нашихъ Апокк. Надпись: *И егда скончаются тысеща лѣтъ* и проч.

74) XX, 8 [сн. 162]. Той же радакціи, что и въ Соловецк. Апок. м. 62 [сн. 76], но переводъ другой. Такъ же, какъ и тамъ, вмѣсто чудовищнаго полчища изъ Песьихъ-Головъ и стана Святыхъ, изображена обыкновенная осада города обыкновеннымъ войскомъ на коняхъ, иные всадники въ шишакахъ, другіе въ нѣмецкихъ широкополыхъ шляпахъ. Любопытна фигура старика съ открытою головою и длинною ниже пояса сѣдою бородою: онъ стрѣляетъ изъ громаднаго лука громадною, какъ копье, стрѣлою, будто сказочный богатырь, и видимо господствуетъ надо всѣмъ ополченіемъ, какъ въ другихъ редакціяхъ царственная чета Гога и Магога. Городъ позднѣйшей архитектуры, съ невысокими стѣнами, которыя перемежаются башнями съ проѣздными воротами, въ томъ же самомъ стилѣ, что и Горній Іерусалимъ въ мм. 77 и 78. Надпись: *И взыйдутъ на гиѕроту* и проч.

75) XX, 11-15. Внесеніе въ апокалипсическую иллюстрацію Страшнаго суда съ разными подробностями, чуждыми тексту Откровенія, принадлежитъ редакціямъ, уже позднѣйшимъ, составнымъ, какъ внесенъ этотъ же многосложный сюжетъ въ Апок. СПБ. № 229, м. 79 *. Вверху на облакахъ возсѣдаетъ на престолѣ І. Х. въ крестномъ сіяніи и коронѣ, десницею благословляетъ, лѣвою рукою придерживаетъ отрытую книгу, на страницахъ которой ничего не написано. Направо стоитъ Іоаннъ Предтеча, налѣво Божія Матерь; за ними по ангелу. Далѣе направо въ верхнемъ углу красный ореолъ, окруженный синею полосою; въ ореолѣ на одномъ престолѣ возсѣдаютъ І. Х. въ простомъ сіяніи и коронѣ и Господь Саваоѳъ въ двойномъ сіяніи, т. е. изъ двухъ круговъ, внутренній—золотой, внѣшній—зеленый; надъ ними паритъ Духъ Святый въ видѣ голубя съ распростертыми крыльями. Налѣво, въ верхнемъ углу полатное письмо съ двумя святыми старцами; это, какъ гласитъ надпись, *вѣчныя обители*. Внѣ небеснаго пространства,

* Снимокъ и описаніе см. въ моихъ *Историческихъ Очеркахъ*, II, стр. 133.

отдѣленнаго полосою облаковъ, подъ престоломъ Вѣчнаго Судіи, по обѣ стороны преклоняются Адамъ и Евва, оба безъ сіяній. Между ними изъ облака спускается рука, держащая мѣрило праведное. Подъ чашками вѣсовъ налѣво стоитъ обнаженная фигура, направо—на колѣняхъ дьяволъ, весь зеленый, крюкомъ тянетъ внизъ преподнявшуюся чашку вѣсовъ. У одной изъ ногъ Адама голова Змія, который длиннымъ и тонкимъ хвостомъ тянется внизъ извиваясь, и такимъ образомъ въ отвѣсномъ направленіи раздѣляетъ миніатюру на двѣ части, загибаясь внизу къ правому углу, гдѣ помѣщенъ адъ, который отъ возсѣдающаго вверху Верховнаго Судіи находится на лѣвой сторонѣ. Этотъ колоссальный змѣиный хвостъ раздѣленъ на колѣнья перемычками, которыя, будто узлы или пропизки, нанизанныя на шнурокъ, означаютъ въ нашей иконографіи мытарства **. Въ Страшномъ судѣ, по рук. СПБ. № 229, такихъ перемычекъ вовсе нѣтъ; на ихъ мѣстахъ помѣщено по дьяволу, которые обыкновенно присутствуютъ на каждомъ изъ мытарствъ. Разсѣченіе всего поприща Страшнаго суда на двѣ половины, на праведную или спасенную и на грѣховную или осужденную, т. е. на правую и лѣвую отъ Судіи [а отъ зрителя наоборотъ]—начинается отъ самаго мѣрила, спущеннаго изъ Божественной десницы. Рычагъ вѣсовъ какъ разъ приходится на хвостѣ Змія, а лѣвая ихъ чашка на сторонѣ ада, и подъ нею упомянутый выше зеленый дьяволъ, правая же, на сторонѣ рая, и подъ нею та обнаженная душа. Впрочемъ, въ уровень съ судимою душею и дьяволомъ, по обѣ ихъ стороны возсѣдаютъ на престолахъ 12 Апостоловъ, съ надписью имени надъ каждымъ. Надъ ними со стороны рая два ангела поднимаютъ на небо двухъ праведниковъ въ сіяніи, вѣроятно, тѣхъ самыхъ, которые, какъ замѣчено выше, уже помѣщены въ «Вѣчныхъ Обителяхъ»; со стороны же адской изображенъ зеленый кругъ, очерченный неправильною волнистою линіею, какъ бы море или озеро; въ немъ изображенъ въ монохромѣ дьяволъ и при немъ еще какія-то фигуры, которыя разобрать нельзя, такъ какъ миніатюра съ этого края урѣзана. Подъ упомянутою выше обнаженною душею у змѣинаго хвоста по одну сторону стоитъ ангелъ, а по другую подъ зеленымъ дья-

** См. изображеніе мытарствъ на змѣиномъ хвостѣ въ Хронографѣ СПБ. Отд. IV, № 151 въ л., XVII в., въ снимкѣ, помѣщенномъ въ моихъ *Историческихъ Очеркахъ* I, при стр. 629.

воломъ—привязанъ къ столбу благотворительный Блудникъ. Затѣмъ вся нижняя часть миніатюры направо отъ Судіи посвящена изображенію рая. Апостолъ Петръ съ ключемъ въ рукѣ ведетъ праведныхъ ко вратамъ рая, надъ которыми паритъ огненный херувимъ. Въ раю подъ деревомъ на длинномъ престолѣ сидятъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ съ душами въ своихъ лонахъ; около стоитъ праведный Разбойникъ съ четвероконечнымъ крестомъ. Надъ праотцами въ красномъ ореолѣ Деисусъ, т. е. І. Х. съ Божіей Матерью и Іоанномъ Предтечею по сторонамъ Его. На І. Х. вѣнецъ, въ простомъ сіяніи; подиръ съ золотыми полосами и вмѣсто пояса залотая же полоса на отлетѣ, по древнему обычаю. Лѣвая сторона отъ Судіи представляетъ внизу грѣшниковъ и адъ. Около столба съ милостивымъ Блудникомъ стоитъ Моисей и указываетъ грѣшникамъ вверхъ на Судію Праведнаго. Въ самомъ углу, гдѣ теряется калоссальный хвостъ Змія, изображенъ въ зеленомъ монохромѣ самъ Адъ, въ человѣческомъ видѣ, обнаженъ, крылатый, съ золотою короною на головѣ. Около него расположены въ три яруса грѣшники, въ пространствѣ, охваченномъ полосами пламени. Многіе изъ нихъ въ нѣмецкомъ костюмѣ съ широкополыми шляпами. Надъ каждымъ изъ этихъ трехъ рядовъ надписано: надъ верхнимъ: *Невѣрство жидовское*; надъ среднимъ: *Бесурма турская*; надъ нижнимъ: *Іеретичество нѣмецкое*. Не смотря на многоличность и разныя подробности, вовсе не обязательныя для апокалипсической иллюстраціи, въ этой миніатюрѣ опущенъ одинъ изъ существенныхъ эпизодовъ, составляющихъ въ Лицевыхъ Апокк. необходимую принадлежность Страшнаго суда: это отданіе мертвецовъ Моремъ, Смертію и Адомъ. Что касается до Страшнаго суда въ СПБ. рук. № 229, то въ немъ Море отдаетъ мертвецовъ, помѣщенное въ архаической формѣ круга, обведеннаго полосою съ рыбами.— Наконецъ, при многихъ мелкихъ надписяхъ надъ различными фигурами, здѣсь нѣтъ одной общей для всего изображенія, заимствуемой, какъ вообще принято въ этомъ Апок., изъ текста Откровенія. Въ этомъ обстоятельствѣ я вижу прямой знакъ, что описываемая миніатюра, съ подробнымъ изображеніемъ Страшнаго суда, первоначально не принадлежала иллюстраціи апокалипсической.

76) XXI, 5-6. Гора; по ней съ самаго верха внизъ по скату

ея течетъ рѣка. На верховьяхъ ея, на самой водѣ стоитъ престолъ; на престолѣ сидитъ І. Х., въ крестномъ сіяніи съ открытою головою; въ правой рукѣ протягиваетъ чашу къ Іоанну, который ниже сидитъ на престолѣ, поставленномъ у той же рѣки, и держитъ въ рукахъ открытую книгу съ чистыми листами. По горѣ съ низу отъ извивающейся рѣки поднимаются высокія деревья. Надпись въ два отдѣла: *И рекль есть сьдяй на престолѣ* и проч.—*Азъ жаждущему дамь* и проч.

77) XXI, 9-10. Почти всю миніатюру занимаетъ гора. На высотѣ ея деревья. Тутъ же стоитъ ангелъ съ длиннымъ восьмиконечнымъ крестомъ; показываетъ Іоанну Горній Іерусалимъ, который расположенъ не въ небесныхъ пространствахъ, но спускается въ долину по сказанной горѣ, такъ что Іоаннъ съ ангеломъ стоятъ надъ Горнимъ Іерусалимомъ. Форма его та же, что̀ въ м. 78, изъ стѣнъ съ башнями, а одна изъ нихъ значительно больше, въ видѣ церкви, но безъ креста, наугольная, точно такая же, какъ всѣ четыре наугольныя башни въ м. 78. Во врата ея входятъ четыре святителя въ бѣлыхъ ризахъ и омофорахъ; всѣ въ золотыхъ сіяніяхъ; одинъ изъ нихъ съ закрытою книгою, на окладѣ которой изображенъ четвероконечный крестъ. Горній Іерусалимъ виденъ здѣсь только на половину и въ бокъ, отъ этой наугольной башни съ проѣздными воротами, а не весь сполна, какъ въ м. 78. Внутри его стѣнъ большое зданіе и дерево. Надпись: *И пріиде единъ ангелъ отъ седми* и проч.

78) XXI, 16-17. Здѣсь виденъ уже сполна весь Горній Іерусалимъ; стоитъ на узкой полосѣ облаковъ. Онъ четвероугольный, внутри совсѣмъ пустой, только зеленое поле съ двумя маленькими деревцами. Это пустое пространство обнесено невысокими стѣнами, которыя пересѣкаются 12-ю башнями, изъ которыхъ четыре на каждомъ изъ угловъ—гораздо шире и выше, со скатными крышами и со вратами, а прочія восемь башенъ только съ окнами. Этотъ четвероугольникъ расположенъ такъ, что въ перспективѣ на первомъ планѣ внизу на самой срединѣ помѣщена одна изъ краеугольныхъ башенъ, другая вверху тоже посрединѣ, а прочія двѣ по обѣимъ сторонамъ миніатюры: и эти четыре точки, образуемыя четырьмя наугольными башнями, соединены линіями сказанныхъ стѣнъ. Вообще архитектура Горняго Іерусалима та же, что̀ въ моемъ Апок. 1671 г., мм. 54 и 56 [сн. 227 а, б]. Направо въ верх-

немъ углу миніатюры стоятъ ангелъ и Іо., который длинною тростью измѣряетъ стѣны города. Надпись: *И градъ на четыре углы стоящь* и проч.

79) XXI, 26-27. Эпизодъ изъ м. 75-ой, содержащій въ себѣ Авраама, Исаака и Іакова съ душами въ ихъ лонахъ; около тоже стоитъ праведный Разбойникъ съ крестомъ, шестиконечнымъ; во врата къ нимъ ведетъ толпу праведниковъ апостолъ Петръ съ ключемъ въ рукѣ. Только все это представлено наоборотъ и въ болѣе крупномъ размѣрѣ. Рай съ этими праотцами обведенъ тѣми же стѣнами Горняго Іерусалима, только не прямолинейно, а оваломъ, и въ проходныя врата наугольной башни ведетъ праведниковъ внутрь св. Петръ, какъ сказано выше. Надъ престоломъ, за которымъ сидятъ праотцы, поднимаются высокія деревья, на которыхъ сидятъ три райскія птицы съ человѣческими головами въ золотыхъ коронахъ. Надпись: *И принесутъ славу и честь языковъ* и проч.

80) XXII, 1-5. На горѣ Іоаннъ, стоитъ на одномъ колѣнѣ, по-западному; ангелъ показуетъ ему, какъ гласитъ надпись, *воды жывыя*, согласно съ текстомъ Соловецк. рукописи: *живыя*, а не съ Тихонравовской, въ которой, какъ и въ исправл. текстѣ: *воды животныя*. Рѣка исходитъ изъ подъ престола Божія и протекаетъ внизу горы, направляясь слѣва направо. Надъ нею поднимаются высокія деревья, на которыхъ сидятъ четыре птицы; изъ нихъ три райскія птицы, красныя съ человѣчьею головою въ золотой коронѣ, а одна съ птичьей головою, синяя. Правая сторона миніатюры надъ рѣкою съ деревьями занята краснымъ ореоломъ, окруженнымъ темнозеленою полосою. Въ ореолѣ на длинномъ престолѣ возсѣдаютъ Господь Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи, окруженномъ еще сіяніемъ простымъ, позолоченнымъ, и Іисусъ Христосъ въ крестномъ сіяніи, съ открытой головою, въ лѣвой рукѣ держитъ закрытую книгу; оба десницею благословляютъ. Между ними отъ престола поднимается большой крестъ, осмиконечный. Надъ крестомъ въ синемъ щитѣ Святой Духъ въ видѣ голубя, хотя съ раскрытыми крыльями, но въ профиль. По темнозеленой полосѣ краснаго ореола писаны синіе Херувимы. Окрестъ ореола четыре красныхъ угла съ четырьми символич. животными. Надъ всѣмъ этимъ написано: *Престолъ пресвятыя и животворящія троицы*. Здѣсь слово *престолъ* непосредственно отно-

сится къ сюжету миніатюры, такъ какъ рѣка, согласно тексту [XXII, 1], исходитъ «отъ престола Божія»; что же касается до Троицы, то прямое указаніе на нее содержится въ толкованіи на 2-ой стихъ XXI главы: «И азъ Іоаннъ видѣхъ градъ святый, Іерусалимъ новъ» и проч., а именно: по Румянц. Апок. XIII-XIV в. *градъ же самоя троица жилище*, т. е. Горній Іерусалимъ есть жилище самой Троицы; въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в.: *градъ же яко самоя тоя царица троица жилище*, то есть: самой царицы Троицы жилище; въ греч.: λέγεται δὲ πόλις μὲν, ὡς τῆς βασιλίδος Τριάδος οἰκητήριον. Но въ Соловецк. рук. уже испорчено: *град же паки и сама царица. троици жилище*. Обращаясь къ самому изображенію и надписи надъ нимъ, мы замѣчаемъ очень важное для исторіи нашей иконописи противорѣчіе. Здѣсь изображено то, что̀ по преданію принято называть у насъ Отечествомъ, т. е. Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Св. Духъ, а надпись гласитъ, что это Троица, которую у насъ изображали въ видѣ трехъ ангеловъ, какъ она напр. представлена въ мѣстной иконѣ Троицкаго собора въ Сергіевой Троицкой лаврѣ. Отсюда мы видимъ, что перенесеніе наименованія Троицы на Отечество относится у насъ не къ позднѣйшему только времени, но восходитъ въ лицевыхъ Апокалипсисахъ даже до половины XVII вѣка, и, какъ надо полагать, подъ вліяніемъ западнымъ, судя по господствующему стилю Тихонравовскаго Апок., такъ сильно, какъ мы видимъ, олатыненному.

81) XXII, 8-9. Іоаннъ поклоняется стоящему передъ нимъ ангелу. Этотъ послѣдній одѣтъ въ короткій зеленый кафтанъ съ золотыми полосами и такимъ же поясомъ, и въ желтые порты, запущенные въ красные сапоги, которые у ступней перевязаны ремнемъ, какъ это принято въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи. На груди у ангела красный кругъ съ лицомъ en face, т. е. солнце; поверхъ кафтана накинута красная хламида. Надпись: *Азъ Іоаннъ еже видѣ и слышахъ сія.... и глагола ми. виждь да не твориши сихъ*: по послѣдней фразѣ согласно съ Соловец. рук., тогда какъ въ Тихонр. рук.: *виждь. не клеветитъ ти есмь азъ*—испорчено, вмѣсто: «виждь, ни: клеврет̀ъ бо твой есмь», какъ сказано въ исправл. текстѣ.

X

Рукопись Профессора Буслаева въ 4-ку на 188 лл. съ 61 м.; 1671 года.

Время написанія рукописи означено въ концѣ Апокалипсиса на оборотѣ 187-го л. въ слѣдующихъ словахъ: *Совръшися* [sic] *сія книга апок. на сихъ тетратках̀ъ в лѣто* ≠ЗѺѲ, *году*. Миніатюры писаны на тѣхъ же листахъ, что̀ и текстъ съ толкованіемъ, а иногда и на тѣхъ же страницахъ подъ письмомъ, если оставалось на нихъ достаточно мѣста для миніатюры, а именно: мм. 29, 38 [сн. 163] и 46 [сн. 226 а]; на листѣ же 124-мъ письмо текста съ оборота листа 123: *языцы пріидутъ и поклонятся предъ то-*, перешло въ самую рамку миніатюры 40-ой на лицевой сторонѣ сказаннаго 124-го л.: *-бою, яко оправданія твоя явишася.* XV, 4.

Потому не всѣ миніатюры одинаковаго размѣра. Большая часть во всю страницу, нѣкоторыя же поменьше.

Миніатюры прилажены къ каждой изъ 72-хъ главъ по толковому счету, но по особенной системѣ, составляющей, какъ будетъ объяснено выше, исключительную принадлежность, отличающую этотъ Апок. отъ всѣхъ, мнѣ извѣстныхъ.

Миніатюръ только 61 не потому, чтобы онѣ выпали при переплетаніи книги, но потому что были пропущены при составленіи самой рукописи, именно при главахъ: 1, 18, 27, 29, 30, 33, 54, 55, 58, 59, 62 и 63. Что цѣлыхъ 12-ти миніатюръ при этихъ главахъ никогда въ описываемой рукописи не было, явствуетъ изъ слѣдующаго. Все письмо сохранилось въ цѣло-

сти, а миніатюры были писаны на тѣхъ же листахъ, на которыхъ и письмо. какъ уже сказано, т. е., или на лицевой сторонѣ листа съ письмомъ, или на оборотѣ. или же на той же страницѣ, на которой вверху оканчивалось письмо. оставивъ мѣсто для миніатюры. Каждая изъ главъ не отдѣляется на новомъ листѣ отъ предшествующей, а начинается на той же страницѣ, на которой оканчивается предыдущая, или если эта послѣдняя дописана вплоть до конца страницы, то слѣдующая глава на слѣдующей страницѣ. Изъ 12-ти названныхъ главъ, такихъ случаевъ насчитывается восемь, именно въ главахъ: 29. 30, 54, 58, 59. 62 и 63, а сверхъ того еще въ 1-ой, которая даже вовсе и не отдѣлена заглавіемъ отъ главы 2-ой, такъ что м. 1-я этого Апок. по своему положенію служитъ иллюстраціею какъ бы обѣимъ главамъ, 1-ой и 2-ой. Изъ остальныхъ четырехъ главъ при двухъ оставлены для миніатюръ лицевыя стороны двухъ листовъ, на оборотѣ которыхъ продолжается та же глава. именно главы 33 и 55, а при другихъ двухъ главахъ, именно 18 и 27, на оборотѣ 64-го л. и на лицевой сторонѣ 85-го оставлены были мѣста для миніатюръ внизу, но не въ концѣ той и другой главы, а въ срединѣ ихъ; впрочемъ, мѣста эти оказались недостаточными для исполненія на нихъ миніатюръ.

По составу этотъ Апок. не однотолковый, а троетолковый, т. е. къ толкованіямъ господствовавшей у насъ редакціи, начиная отъ Румянц. Апок. № 8, XIII-XIV в., прибавляются «иныя» толкованія, какъ это принято въ большей части позднѣйшихъ и новѣйшихъ Лицевыхъ Апокк.

Миніатюры во всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ. троетолковыхъ редакціяхъ помѣщаются по той же системѣ, что и въ однотолковой, т. е. или послѣ каждой главы, по восточному обычаю, или передъ главою, по западному. Но въ описываемомъ Апок. принята система особенная, какой не случилось мнѣ встрѣтить ни въ одномъ изъ прочихъ, извѣстныхъ мнѣ, Апокк. Миніатюра, за весьма малыми исключеніями, ставится въ немъ не внѣ своей главы, т. е. не назади ея или впереди, а въ ея срединѣ, и притомъ постоянно послѣ перваго толкованія къ тексту, принадлежащаго однотолковой редакціи, и передъ «инымъ» толкованіемъ редакціи троетолковой, слѣдовательно, между двумя толкованіями, относящимися къ одному и тому же тексту.

На примѣръ.

На оборотѣ 40-го л. помѣщенъ 1-й стихъ IV главы по нынѣ принятому счету, и затѣмъ толкованіе общераспространенной однотолковой редакціи: «Отверзеніе дверей сокровенныхъ таинъ духовныхъ сказаетъ явленіе» и пр. Затѣмъ на лицевой сторонѣ 41-го л. начертана м. 9-я, а на оборотѣ того же листа слѣдуютъ два толкованія изъ троетолковой редакціи: «*Инако*. Написавши апостолъ предреченная въ наказаніе и поученіе наше хощетъ явити» и т. д., и потомъ: «*Еще инако*: И се двери отверсты на небеси: небомъ знаменаетъ церковь» и т. д.

На оборотѣ л. 121-го: «Инъ ангелъ изыде изъ церкви сущая на небеси, имый и той серпъ острый. *Толк*. Аще и духъ нарицается великаго совѣта ангелъ, кончину хотящъ сотворити грѣшнымъ»; XIV. 17. Въ слѣдъ за этими строками на той же страницѣ, какъ уже сказано выше, помѣщена м. 38 [сн. 163]; и наконецъ на лицевой сторонѣ слѣдующаго 122-го л.: «*Инако*. И сн ангелъ есть господь нашъ іс. хс. ангелъ мира, иже имѣетъ судъ сотворити».

На лицевой сторонѣ л. 135-го оканчивается толкованіе по однотолковой редакціи: «[отъ коре]ня еврейска съ инѣми цари [и] вельможами къ западу ефрата преѣхати, и тѣлесную и душевную смерть на человѣки наводящая, на овѣхъ убо вѣрою и терпѣніемъ, а на другихъ страхомъ и слабостію»; XVI. 12. Подъ этими строками миніатюра, какъ выше замѣчено, 46-я [сн. 226 а]; наконецъ на оборотѣ этого же листа изъ троетолковой редакціи: «*Инако*. Слышахомъ прежде. егда вострубн ангелъ въ шестую трубу» и проч.

Точно также и въ выше названныхъ главахъ 18, 27, 33 и 55, на лл. 64 об., 85, 96 об. и 145, оставлены мѣста для миніатюръ между первымъ толкованіемъ редакціи однотолковой и «инымъ» толкованіемъ редакціи троетолковой.

Самое видное исключеніе изъ всего выше сказаннаго предлагаютъ слѣдующія миніатюры.

Вопервыхъ, м. 32. Она писана на отдѣльномъ отъ текста и толкованій листѣ, 111-мъ, на его лицевой сторонѣ, и помѣщена между толкованіемъ Иринея, которое начинается на оборотѣ л. 110-го и оканчивается не на оборотѣ 111-го, оставленнаго безъ письма, а на лицевой сторонѣ л. 112-го.

Вовторыхъ, при главѣ 45-ой, противъ общепринятой системы, состоятъ, вмѣсто одной, двѣ миніатюры, 39 и 40; каждая

помѣщена между текстомъ и первымъ его толкованіемъ, и сверхъ того въ м. 40-ой, какъ уже указано прежде, текстъ перешелъ въ самую рамку; оборотная же сторона миніатюры осталась вовсе не записанною.

Въ общемъ итогѣ мы имѣемъ въ этомъ Апок. на 72 главы 61 м.; потому что при 12 главахъ вовсе нѣтъ миніатюръ, а при главѣ 45, вмѣсто одной миніатюры, двѣ.

Теперь обращаюсь къ особенностямъ иллюстраціи.

При оригинальномъ отношеніи миніатюръ къ тексту и толкованіямъ, этотъ Апок. отличается самостоятельными качествами и въ иллюстраціи, отличающими его отъ всѣхъ прочихъ редакцій. Предъявляя объ упадкѣ иконографическихъ типовъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ вліяніи западныхъ образцовъ, частію въ болѣе или менѣе точныхъ копіяхъ съ иностранныхъ печатныхъ изданій, частію и въ усвоеніи вообще западнаго стиля, оказавшагося въ попыткахъ къ натурализму въ ландшафтѣ, полатномъ письмѣ и къ отдѣльныхъ фигурахъ людей и животныхъ, а также въ ихъ позахъ, движеніи и выраженіи разныхъ ощущеній, и наконецъ въ изящной группировкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако она не настолько подчинила себя новому стилю и чуждымъ вліяніямъ, чтобы утратить господствующій въ ней основной строй національнаго, византійско-русскаго характера, какъ по соотвѣтствію иллюстраціи Писанію, такъ и по несомнѣннымъ слѣдамъ иконографическаго преданія, и въ общемъ составѣ каждой изъ миніатюръ и въ отдѣльныхъ подробностяхъ. Факты, предлагаемые для исторіи нашей апокалипсической иллюстраціи этимъ памятникомъ, тѣмъ важнѣе для насъ, что онъ отмѣченъ годомъ, когда именно былъ составленъ.

Еммануила этотъ Апок. уже не знаетъ. Іисусъ Христосъ повсюду господствуетъ, но уже не въ подирѣ съ бармами и полосами, а въ туникѣ, съ довольно открытымъ воротомъ и широкими рукавами, поверхъ которой накинута тога. Типическія примѣты, приписываемыя Іисусу Христу въ изображеніи волосъ и бороды, не наблюдаются. Не будь у него крестнаго сіянія, его можно признать и за Господа Саваоѳа. Встрѣчается Іисусъ Христосъ 19 разъ, именно въ мм.: 2, 9, 16, 18, 19, 27, 37 [дважды], 47, 49, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 60 и 61. Что же касается до Господа Саваоѳа, то онъ является всего

только три раза, въ мм. 10, 11 и 33, въ сіяніи угловатомъ, но не изъ двухъ квадратовъ, а уже по позднѣйшему стилю—звѣздою. Въ послѣднихъ двухъ миніатюрахъ Онъ помѣщенъ вмѣстѣ съ Агнцемъ, который покрытъ темною шерстью, то съ семью рогами, то съ двумя.

Ангелы съ кудрявыми волосами, но безъ діадимъ и тороковъ, или слуховъ. Одѣты иногда въ подиръ съ бармами, иногда въ простую тунику; поверхъ накинута тога.

Св. Жена тоже въ туникѣ безъ полосъ и бармъ, но покрыта съ головы широкимъ и длиннымъ платомъ, какъ тогою. Но Невѣста Агнчія въ подирѣ съ бармами и полосами, м. 50 [сн. 164].

Ореолы употребляются по древнему преданію. Иногда ореолъ съ Іисусомъ Христомъ окруженъ зеленою полосою, въ которой въ монохромѣ писаны херувимы, м. 27; иногда изъ-подъ ореола сверху выказывается сегментъ другаго ореола съ изображенными на немъ въ красномъ монохромѣ ангелами. Но четыре символическія животныя писаны или на отлетѣ безъ ореоловъ, или же на треугольникахъ съ острыми углами, какъ въ Уваровск. Апок. № 58 и въ другихъ позднѣйшихъ.

Первый Звѣрь съ одною большою головою, надъ которою поднимаются маленькія, м. 41. Слич. м. 46 [сн. 226 а].

Къ сюжетамъ, составленнымъ подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ, или вообще отличающимся западною редакціею, относятся слѣдующіе.

Раздаваніе одежды и облаченіе воскресшихъ, которые пострадали за Слово Божіе, м. 16.

Св. мученики держатъ въ рукахъ пальмовыя вѣтви, м. 18.

Обширный ландшафтъ съ далекою перспективою ровнины и холмовъ съ городами, м. 23, подъ вліяніемъ изданія Пискатора, грав. 13, по Борхту.

У св. Жены вокругъ головы по сіянію 12 звѣздъ, м. 29.

Поклоненіе Агнцу, стоящему на холмѣ, окруженномъ безчисленнымъ множествомъ народа. Стоящіе впереди отвернулись отъ Агнца, м. 33.

Ангелъ срѣзываетъ виноградную лозу, м. 38 [сн. 163].

Западнаго стиля архитектура, м. 44.

Обнаженные скелеты при воскресеніи изъ мертвыхъ, м. 53; слич. у Пискатора гр. 27, по Борхту.

Горній Іерусалимъ въ мм. 54 и 56 [снн. 227 а, б] въ нѣсколько измѣненной копіи 28-й грав. въ изданіи Пискатора.

Свитки и страницы открытыхъ книгъ не покрыты письмомъ, а оставлены чистыми.

Къ сходнымъ съ другими нашими редакціями принадлежатъ слѣдующіе сюжеты: съ Филаретовско-Чудовской мм.: 15, 24 и 28, съ моимъ юсовымъ Апок. м. 42, съ Апок. графа Уварова № 58—нѣкоторыя подробности, какъ напр глаза солнечнаго лика въ м. 29, темный цвѣтъ св. Агнца въ мм. 11 и 33, острые углы съ символическими животными внутри ихъ.

Слѣдующіе сюжеты даютъ описываемому Апок. право на самостоятельную редакцію.

Характеристика бо́льшей части семи апокалипсическихъ Церквей аттрибутами. данными имъ въ Писаніи, въ мм. 2, 3, 4 и 5 [сн. 224].

Изображеніе въ лицахъ текста: «жваху языки своя отъ болѣзни» XVI, 10, въ м. 45 [сн. 165].

Гогъ и Магогъ въ коронахъ передъ Песьими-Головами и симплегма трехъ животныхъ, въ м. 46 [сн. 226 а]. Слич. архаическую фигуру въ стилѣ орнамента въ Апок. МПМ. № 156, м. 64 [сн. 51].

Разрушаются многіе города. а не одинъ, по Писанію: «и гради язычестіи падоша» XVI, 19; м. 47.

Изъ-подъ престола голова ангела испускаетъ изъ устъ своихъ лучи, для выраженія текста: «гласъ изыде отъ престола» XIX, 5; м. 49 [сн. 226 б].

Невѣста Агнчія помѣщена на открытомъ мѣстѣ безъ полатнаго письма и безъ трапезы, м. 50 [сн. 164].

Вмѣсто олицетвореній Ада, Смерти, Моря, а иногда и Земли, которые отдаютъ своихъ мертвецовъ, какъ это принято въ другихъ редакціяхъ, представлены уже воскресшіе въ м. 53, но они держатъ открытыя книги, по Писанію: «и книги разгнушася» XX, 12. Согласно съ позднѣйшими западными редакціями.

Стиль описываемой иллюстраціи отличается живописными качествами, свидѣтельствующими о развитіи художественности и вкуса школы, къ которой принадлежалъ мастеръ, почти въ той же мѣрѣ, какъ это можно сказать объ изящной иллюстраціи Апок. графа Уварова № 58, половины XVII в.

Иногда миніатюра получаетъ видъ настоящаго ландшафта,

какъ въ мм. 21 и 23 [послѣдняя подъ вліяніемъ Пискатора]. Небо обыкновенно состоитъ изъ облаковъ. зеленоватыхъ или сѣрыхъ. тянущихся волнистою грядою. которая иногда отдѣляетъ небожителей отъ совершающагося на землѣ. Впрочемъ, иногда небо стилизовано въ формѣ сегмента. мм. 20. 26. Ангелы, летящіе по небу. окружены клубами облаковъ, какъ въ гнѣздѣ, изъ котораго иногда они вылетаютъ. Такими же клубами довольно натурально изображается дымъ, напр. изъ кадильницы въ м. 11, изъ Студенца Бездны въ м. 24. Земля и горы писаны желтою краскою съ темными полосами для означенія разрѣзовъ. впадинъ и ущельевъ: только въ названной выше м. 21 широкій ландшафтъ съ далекою перспективою покрытъ зеленоватыми тѣнями. Въ ландшафтѣ на землѣ и горахъ нѣтъ ни травы. ни деревьевъ. за исключеніемъ одного горящаго дерева въ м. 20 и нѣсколькихъ деревьевъ на берегу рѣки «воды животной», въ м. 57. только потому. что въ обоихъ этихъ мѣстахъ предписывалось ихъ помѣщеніе самимъ текстомъ.

Полатное письмо. чуждое византійскимъ преданіямъ и фантастическимъ формамъ стилизаціи. воспроизводитъ зданія въ томъ архитектурномъ стилѣ. который принятъ въ западныхъ лицевыхъ книгахъ, какъ напр. Горній Іерусалимъ въ мм. 54 и 56 [сн. 227 а], или которые мастеръ наблюдалъ въ дѣйствительности, какъ Московскій кремль въ м. 35 [сн. 225].

Въ изображеніи семи апокалипсическихъ Церквей хотя удержана общепринятая у насъ въ старину система соединять внутренность зданія съ его наружностью, но здѣсь мастеръ воспользовался болѣе искуснымъ пріемомъ архитектурнаго разрѣза, и въ изображеніи внутренности пользовался живописною перспективою, напр. м. 5 [сн. 224].

Фигуры писаны бойкою рукою, которая пользуется то перомъ, то кистью, какъ въ одѣяніи, такъ и въ лицахъ, употребляя въ очеркахъ по большей части мѣстный колоритъ. какъ это можно видѣть въ м. 51 [копія краск. 18]. Лица ангеловъ при красотѣ отличаются разнообразіемъ физіономій. напр. при семи Церквахъ, въ мм. 2-8. Летящихъ ангеловъ мастеръ то сокращаетъ въ раккурсѣ, какъ въ м. 20, то вытягиваетъ въ стремительномъ полетѣ, какъ въ м. 22 Фигурамъ даетъ драматическое движеніе съ натуральнымъ оборотомъ головы и всего корпуса, напр. въ м. 38 [сн. 163]; группируетъ ихъ умѣючи,

напр. въ толпѣ стоящихъ, м. 45 [сн 165], или въ кучѣ умершихъ и умирающихъ отъ огорченной воды, м. 22.

Въ раскраскѣ принята акварель, кое-гдѣ съ примѣсью гваши. Золота нѣтъ.

Рисунокъ не нарушается надписями, которыя въ этой иллюстраціи не приняты.

1) I, 9-20. Вверху въ ореолѣ, спускающемся до горы, на престолѣ сидитъ Іисусъ Христосъ въ крестномъ сіяніи, въ бѣломъ впрозелень подирѣ или туникѣ съ широкими рукавами безъ полосъ и бармъ, подпоясанъ бѣлымъ же узкимъ поясомъ: лицо Его и ноги красныя; въ правой рукѣ держитъ круглый дискъ съ семью звѣздами, лѣвую спустилъ внизъ съ ключемъ: изъ устъ исходитъ мечъ: по сторонамъ Его въ ореолѣ же семь свѣтильниковъ. При подножіи Его на горѣ палъ Іоаннъ; потомъ онъ же внизу въ лѣвомъ углу сидитъ съ открытою книгою въ пещерѣ.

2-8) II-III. Ангелы семи Церквей. Во всѣхъ семи миніатюрахъ писана только церковь съ своимъ ангеломъ безъ верхней или небесной половины, которая принята въ бо́льшей части другихъ редакцій. Церковь въ разрѣзѣ представляетъ свою внутренность, надъ которою на сводахъ поднимаются главы съ осмиконечными крестами, по пяти главъ, по четыре и дважды по одной. Внутренность церкви раздѣлена столбами, надъ которыми поднимаются арки сводовъ. Обыкновенно подъ середней аркой между двумя столбами, какъ бы на амвонѣ со ступенями, стоитъ ангелъ со свиткомъ въ рукахъ, на которомъ нѣтъ надписи. За столбомъ подъ другою аркою, какъ бы въ олтарѣ, стоитъ жертвенникъ, на немъ лежитъ книга, или одна, или вмѣстѣ съ крестомъ. Однажды, въ м. 3, въ Церкви Смирнской, кромѣ общаго всѣмъ церквамъ жертвенника, по другую сторону въ заднемъ отдѣлѣ церкви, на другомъ престолѣ стоитъ сосудъ съ тонкимъ горлышкомъ. Иногда отдѣленіе съ жертвенникомъ завѣшено завѣсою, которая отдернута. Всѣ эти семь миніатюръ такъ однообразны, что каждую изъ нихъ можно бы примѣнить къ каждой изъ семи Церквей, еслибы мастеръ не воспользовался указаніемъ текста для характеристики той или

другой Церкви, въ типическомъ аттрибутѣ. который и помѣщаетъ онъ надъ жертвенникомъ. А именно: въ Ефесской Церкви помѣстилъ онъ вѣтку съ яблоками. по Писанію: «побѣждающему дамъ ясти отъ древа животнаго» II, 7; въ Смирнской—корону, по Писанію: «дамъ ти вѣнецъ живота» II, 10; въ Пергамской—круглый камень бѣлаго цвѣта. по Писанію: «и дамъ ему камень бѣлъ» II, 17; въ Θіатирской, м. 5 [сн. 224], помѣстилъ онъ звѣзду, по Писанію: «и дамъ ему звѣзду утреннюю» II, 28; наконецъ въ Церкви Филадельфійской, раздѣленной арками только на двѣ части, въ одной стоитъ ангелъ, а въ другой—жертвенникъ, больше всѣхъ прочихъ, съ книгою и крестомъ, а на стѣнѣ, позади жертвенника, написана запрестольная икона Іисуса Христа, сидящаго на престолѣ. Ангелы съ кудрявыми волосами, безъ діадимъ и тороковъ, въ широкихъ туникахъ безъ полосъ, но съ бармами: поверхъ туники наброшена тога; на ногахъ сапоги, уже не перетянутые ремнями. Лица ангеловъ изящны, позы и движенія довольно натуральны.

9) IV. Іисусъ Христосъ на престолѣ, въ ореолѣ, по сторонамъ котораго парятъ по два символическихъ животныхъ, но уже не въ ореолахъ, а только головы ихъ въ сіяніи. Затѣмъ—свѣтильники подъ ореоломъ, море стекляное и 24 Старца въ бѣлыхъ одеждахъ, падшіе ницъ: все по обычаю, безъ отличительныхъ примѣтъ.

10) V, 1-5. Въ общемъ тоже согласно съ редакціею Филаретовско-Чудовскою и другими. На престолѣ сидитъ Господь Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи позднѣйшаго чертежа. Четыре символическихъ животныхъ тоже, какъ и въ м. 9, на отлетѣ внѣ ореола.

11) V, 6-14. Въ общемъ опять согласно съ редакціею Филаретовско-Чудовской. Господь Саваоѳъ держитъ запечатанную семью печатями книгу. Агнецъ, прикасающійся къ ней передними ногами, писанъ натурально, только съ двумя очами, но съ семью рогами, которые всѣ загибаются, а не торчатъ, какъ клинья. Здѣсь четыре символическія животныя не на отлетѣ, а размѣщены въ острыхъ углахъ, исходящихъ изъ-подъ ореола, въ коемъ возсѣдаетъ Господь Саваоѳъ съ Агнцемъ. Слич. такіе же углы въ Апок. графа Уварова, мм. 2 [сн. 143], 36. Старцы хотя преклонились молитвенно, но забыли снять съ

головъ короны; изъ ихъ кадильницъ съ ручками довольно натурально поднимается дымъ клубами.

12-15) VI, 1-8. Писаны только Всадники безъ небесной части, а также и безъ подробностей внизу, кромѣ Смерти, которая своею клячею топчетъ кучу людей и, обращаясь назадъ, стрѣляетъ изъ ружья въ Адъ, изображенный въ типѣ звѣря, ставшаго на дыбы. Кони рисованы довольно правильно; богатая сбруя первыхъ трехъ отдѣлана искусно.

16) VI, 9-11. По западному обычаю, подъ жертвенникомъ, или престоломъ лежатъ избіенные за Слово Божіе; по сторонамъ стоятъ они же обнаженные; ихъ облачаютъ ангелы въ одежды, которыя раздаетъ Іисусъ Христосъ, стоящій позади жертвенника. Слич. въ Солов. юсов. Апок. м. 14 [сн. 62]. Только въ западныхъ старопечатныхъ Апокк. за жертвенникомъ стоитъ не Іисусъ Христосъ, а ангелъ; напр. въ Лютеровой Библіи 1534 г., въ Толковомъ Апокалипсисѣ Давида Хитрея 1563 г., въ Лицевой Библіи Товіи Штиммера 1576 г., въ Лицевой же Библіи Борхта 1582 г. и наконецъ въ перепечаткѣ изъ этой послѣдней въ изданіи Пискатора 1650 г.

17) VII, 1-8. Вообще согласно съ редакціею Филаретовско-Чудовскою и съ другими. Только фигуры вѣтровъ въ черномъ монохромѣ.

18) VII, 9-17. Тоже ничего особеннаго нѣтъ. Въ небѣ по обѣ стороны ореола съ Іисусомъ Христомъ на престолѣ стоятъ мученики въ бѣлыхъ одеждахъ съ пальмовыми вѣтвями; внизу на землѣ пали съ своихъ престоловъ 24 Старца въ бѣлыхъ одеждахъ. Престолы старой формы, безъ задка.

19) VIII, 1-6. Опять по западной редакціи Іисусъ Христосъ стоитъ за престоломъ, или жертвенникомъ, и обѣими руками раздаетъ ангеламъ трубы, какъ въ толковомъ Апок. Хитрея, стр. 161, у Товіи Штиммера, у Борхта [сн. 275 б], а оттуда и у Пискатора. Той же редакціи въ СПБ. Апок. № 229, м. 24, въ Амфилох. № 31, м. 18 и въ другихъ сходныхъ съ ними копіяхъ: только во всѣхъ этихъ Апокк. жертвенникъ приставленъ къ стѣнѣ, изъ-за которой поднимается Господь Саваоѳъ, раздающій ангеламъ трубы. Какъ въ описываемой иллюстраціи, такъ и въ этихъ, еще два ангела съ кадилами на цѣпочкѣ: одинъ кадитъ передъ жертвенникомъ, другой внизу высыпаетъ изъ кадила угли.

20) VIII, 7. Вверху стилизованный полукругъ неба, что встрѣчается въ этой иллюстраціи рѣдко. Изъ-подъ него падаетъ пламя широкими и длинными языками. Около паритъ трубящій ангелъ въ раккурсѣ. Внизу пылаетъ въ огнѣ земля и высокое дерево.

21) VIII, 8-9. Зеленоватое море на заднемъ планѣ ограничивается гористымъ берегомъ съ торчащими тамъ и сямъ скалами, какъ это бываетъ въ живописныхъ ландшафтахъ. Градація въ постепенномъ уменьшеніи кораблей, чѣмъ они дальше въ морѣ, даетъ ландшафту правильную перспективу: на ближайшихъ въ подробности видны корабельныя реи, канаты и прочія снасти, на дальнихъ только бѣлѣются паруса, которые на всѣхъ корабляхъ вздуваются справа налѣво по направленію вѣтра. Вверху по бѣлому полю бумаги изъ сѣрой груды облаковъ, будто изъ гнѣзда, паритъ трубящій ангелъ; такъ и въ слѣдующихъ миніатюрахъ. Позы и движеніе ангеловъ разнообразны; иныя фигуры вытянуты въ длину для выраженія стремительности, иныя въ раккурсѣ.

22) VIII, 10-11. Вверху ангелъ. Внизу въ долинѣ, окруженной скалами, вода, въ которую пала звѣзда Апсинѳосъ. На берегу въ кучѣ, довольно искусно сгруппированной, лежатъ умершіе и умирающіе отъ огорченной воды.

23) VIII, 12-13. Вверху подъ синею полосою неба съ солнцемъ и луною, парятъ два ангела. Внизу широкая и далекая холмистая мѣстность, усѣянная тамъ и сямъ городами и мѣстечками, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сливаются въ ровную гладь холмы, а также скрываются въ отдаленіи очерки полатнаго письма. Вся эта нижняя часть миніатюры, покрытая зеленоватыми тѣнями, имѣетъ видъ задняго плана въ живописныхъ ландшафтахъ. Рисунокъ ея составленъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ 13-й гравюры въ Апокалипсисѣ Пискатора, перепечатанномъ изъ Библіи Борхта.

24) IX, 1-12. Вмѣсто Студенца Бездны, круглая яма; въ ней звѣзда, но безъ ключа; изъ нея же выставилась обнаженная фигура царя Бездны, на чреслахъ препоясанная, въ типѣ дьявола съ щетинистымъ дыбомъ на головѣ; вся бѣлая. Надъ бездною поднимается къ небу клубами дымъ довольно натурально. Пруги въ типѣ, предписанномъ въ текстѣ, выпрыгиваютъ изъ бездны и бросаются на кучу низверженныхъ лю-

дей. По воздуху же около Пруговъ виднѣются черныя полоски насѣкомыхъ съ длинными хвостами и четырьми лапами: они соотвѣтствуютъ змѣямъ Чудовской редакціи.

25) X, 1-7. Одежда изъ облаковъ плотно прилегаетъ къ фигурѣ Облачнаго ангела, обрисовывая его руки, туловище и ноги до колѣнъ, а отъ колѣнъ надѣты красные сапоги, вмѣсто огненныхъ столповъ.

26) XI, 11-14. Вверху стилизованный сегментъ зеленоватаго неба. Къ нему поднимаются въ облакѣ по̀ поясъ Енохъ и Илія. Внизу по полатному письму разрушающагося города они же по воскресеніи стоятъ передъ толпою поклоняющихся имъ людей, которые вышли изъ воротъ города.

27) XI, 15-18. Вверху въ кругломъ ореолѣ сидитъ на престолѣ Іисусъ Христосъ въ крестномъ сіяніи; ореолъ окружаетъ синее кольцо съ четырьмя херувимами въ монохромѣ, изящно рисованными; изъ нихъ верхній и нижній съ лицами en face, а оба по сторонамъ—въ профиль; окрестъ по этому синему кольцу, какъ клинья, вырѣзываются острые углы съ четырьмя символическими животными въ красномъ монохромѣ. Внизу преклоняются съ престоловъ Старцы въ бѣлыхъ одеждахъ. Налѣво изъ верхняго угла паритъ трубящій ангелъ.

28) XII, 7-12. Филаретовско-Чудовской редакціи. Вверху по грядѣ облаковъ мчатся ангелы на коняхъ, поражая копьями низвергнутаго Змія и дьяволовъ на клячахъ. Змій темнаго цвѣта о семи красноватыхъ головахъ съ двумя лапами, безъ крыльевъ. Демоны на клячахъ на бѣломъ фонѣ бумаги изящно выступаютъ въ своихъ темныхъ раккурсахъ, какъ причудливыя видѣнія.

29) XII, 13-17. По желтому утесу, поднимающемуся справа, Змій въ томъ же типѣ спускается внизъ, изливая изъ своихъ пастей потокъ. Налѣво по долинѣ надъ потокомъ поднялась св. Жена, спасаясь въ пустынѣ. Она въ сіяніи, по которому писаны 12 звѣздъ: подробность, особенно наблюдаемая въ западныхъ редакціяхъ. Ноги постановила на блѣдную луну съ лицомъ en face; а позади ея солнечный дискъ краснаго цвѣта, тоже съ лицомъ, отъ котораго по обѣ ея стороны виднѣются только глаза солнца съ черными зрачками по бѣлому бѣлку, какъ въ Апок. графа Уварова № 58, м. 29 [сн. 146] и въ нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ Апокк.

30) XIII, 1-10. Изъ синяго лукоморья, огороженнаго амфитеатромъ желтыхъ утесовъ, ступаетъ передними лапами на берегъ Первый Звѣрь, бѣлый съ черными пятнами, о семи головахъ съ рогами, на концы которыхъ надѣты десять коронъ. Въ отдаленіи на берегу же стоитъ Іоаннъ, смотря на Звѣря.

31) XIII, 11-17. Сверху низвергается пламя широкою массою съ языками. Направо изъ пропасти на утесѣ до половины выставилась черная фигура Втораго Звѣря съ бараньими рогами; передъ нимъ преклоняются люди. Налѣво по долинѣ поднимается Первый Звѣрь въ томъ же типѣ, что̀ въ предыдущей миніатюрѣ.

32) XIII, 8. На четвероугольномъ подножіи всталъ съ своего престола Первый Звѣрь о семи головахъ безъ роговъ и коронъ; по обѣ стороны ему поклоняются люди; два дьявола помазуютъ имъ на челѣ печать. Вверху надъ Звѣремъ славянскими буквами начертано число 666.

33) XIV, 1-5. Въ западномъ стилѣ. На желтомъ холмѣ стоитъ Агнецъ, натурально писанный, съ двумя загнутыми рогами, весь темный, какъ въ Уваровск. Апок. № 58, и безъ сіянія. Кругомъ холма стоитъ безчисленное множество народу съ открытыми головами; передніе обернуты лицомъ къ зрителю и задомъ къ Агнцу, какъ въ Соловецк. юсовомъ Апок. м. 38 и въ другихъ нашихъ Апокк., подвергшихся западному вліянію. Надъ Агнцемъ вверху въ облакахъ возсѣдаетъ на престолѣ Господь Саваоѳъ въ угловатомъ сіяніи позднѣйшаго чертежа.

34) XIV, 6-7. Вверху летитъ ангелъ съ раскрытою книгою, внизу городъ съ толпою людей, вышедшею изъ воротъ городской стѣны.

35) XIV, 8 [сн. 225]. Вверху на облакѣ стоитъ ангелъ; изъ устъ его надписано: *паде, паде*. Внизу городъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ стѣнами съ башнями; напоминаетъ Московскій кремль.

36) XIV, 9-13. Вверху паритъ ангелъ въ облакѣ. Внизу направо желтая гора съ черною пропастью, въ которой писана въ красивой группѣ куча поверженныхъ людей; налѣво въ долинѣ стоитъ толпа другихъ, которые обращаются къ парящему ангелу.

37) XIV, 14-16. Вверху въ облакахъ на престолѣ сидитъ Іисусъ Христосъ въ коронѣ съ раскрытою книгою; налѣво

нѣсколько пониже церковь, изъ которой выходитъ ангелъ. Внизу по желтой, каменистой долинѣ поднимаются четыре тоненькихъ колоса пшеницы; на одномъ изъ нихъ красный цвѣтокъ. Іисусъ Христосъ, нагнувшись, срѣзываетъ серпомъ этотъ злакъ съ цвѣткомъ. Около стоитъ Іоаннъ.

38) XIV, 17-20 [сн. 163]. Оригинальная миніатюра, какой не встрѣтилось мнѣ при этомъ текстѣ ни въ одномъ изъ прочихъ нашихъ Апокк. Дорога, проложенная грядою облаковъ отъ небеснаго храма на землю—пріемъ, совершенно чуждый нашей апокалипсической иконографіи. По этой дорогѣ спустился ангелъ съ серпомъ, чтобы срѣзать гроздіе съ виноградной лозы, представленной въ довольно изящномъ рисункѣ.

39 и 40) XV, 1-8. Соединенное въ одной миніатюрѣ въ другихъ редакціяхъ, здѣсь раздѣлено на двѣ, такъ же какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи, мм. 52 и 51 и въ Соловецк. юсовомъ, мм. 43 и 44. А именно: въ м. 39 по облакамъ идутъ семь ангеловъ въ свѣтлыхъ одеждахъ съ фіалами, а въ м. 40 на стекляномъ морѣ стоятъ играющіе на гусляхъ, въ бѣлыхъ одеждахъ. И въ той и другой миніатюрѣ внизу въ пещерѣ гористой мѣстности сидитъ Іоаннъ.

41) XVI, 2. Какъ здѣсь, такъ и въ слѣдующихъ миніатюрахъ, ангелъ съ фіаломъ вылетаетъ изъ облаковъ: см. м. 45 [сн. 165]. Внизу, на четвероугольномъ подножіи, подпираясь жезломъ съ вострымъ трезубцемъ на концѣ, стоитъ Первый Звѣрь объ одной головѣ, на которой въ видѣ роговъ помѣщено еще шесть головокъ маленькихъ. Передъ нимъ склоняется толпа людей.

42) XVI, 3. Море съ рыбами и морскими животными, обрамленное желтыми берегами; съ небольшими измѣненіями въ переводѣ, относится къ редакціи моего юсоваго Апок. въ м. 53 [копія краск. 11].

43) XVI, 4-7. Внизу въ широкомъ разливѣ воды съ островами, мысами и заводями, помѣщенъ только Водный ангелъ съ крыльями, одѣтый въ широкую тунику. Онъ весь въ синемъ монохромѣ подъ цвѣтъ къ водяному фону, на которомъ писанъ.

44) XVI, 8-9. Пламенные потоки, изливаемые отъ раскаленнаго солнца, поражаютъ во множествѣ поверженныхъ людей, искусно сгруппированныхъ передъ полатнымъ письмомъ, которое состоитъ изъ зданій западнаго характера. На остро-

верхихъ башняхъ помѣщены флюгера; окна и двери съ романскою аркою, которая кое-гдѣ поднимается готическимъ завостреніемъ.

45) XVI, 10-11 [сн. 165]. Помраченіе Звѣринаго царства не означено тьмою, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ Апокк.: только ангелъ льетъ кровавыя струи на Перваго Звѣря, помѣщеннаго на четвероугольномъ пьедесталѣ, и на Втораго Звѣря, сидящаго на престолѣ. Около толпа людей. Нѣкоторые изъ нихъ высунули языки, согласно Писанію: «и жваху языки своя отъ болѣзни». Эта подробность, опускаемая во всѣхъ другихъ, извѣстныхъ мнѣ, русскихъ редакціяхъ, относится къ залежамъ ранняго преданія. Такъ напр. ее встрѣчаемъ въ Пражскомъ Апок. XIV в. на стр. 186 [сн. 265 в].

46) XVI, 12-16 [сн. 226 а]. Шестой Ангелъ льетъ свой фіалъ на трехъ апокалипсическихъ животныхъ, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ одну фигуру съ тремя головами на одномъ туловищѣ, помѣщенномъ на четвероугольномъ престолѣ, который приниженъ до размѣра скамьи съ ножками. На задней большой головѣ поднимается еще семь маленькихъ, какъ въ м. 41. Каждая изъ трехъ большихъ головъ извергаетъ изъ своей пасти по одной жабѣ. Позади этой фигуры стоитъ толпа Песьихъ-Головъ, съ Гогомъ и Магогомъ впереди, которые отличены отъ своего ополченія коронами на головахъ. Миніатюра замѣчательная по своей оригинальности.

47) XVI, 17-21. Вверху надъ полосою облаковъ налѣво въ церкви за жертвеникомъ стоитъ Іисусъ Христосъ въ крестномъ сіяніи, ниспосылая внизъ пламенныя струи; направо Седьмой Ангелъ льетъ свой фіалъ. Внизу на вершинахъ горъ и подъ горами разрушаются многіе города, а не одинъ только: по Писанію: «и гради язычестіи падоша». Эта принадлежность относится къ особенностямъ описываемой иллюстраціи.

48) XVII, 1-5. Вавилонская Любодѣица, ѣдущая на семиглавомъ Звѣрѣ, одѣта, по иконописному преданію, въ красномъ подирѣ съ желтыми полосами, и подпоясана желтымъ же поясомъ; на головѣ корона, изъ-подъ которой по обѣ стороны спускается бѣлый платъ. Позади ея толпа людей, съ царями во главѣ. Направо на утесѣ стоятъ Іоаннъ съ ангеломъ; налѣво полатное письмо съ островерхими башнями, которыя увѣнчаны флюгерами.

49) XIX, 1-7. Въ кругломъ ореолѣ на престолѣ сидитъ Іисусъ Христосъ, съ открытою книгою на колѣняхъ, десницею благословляетъ; ноги постановилъ на подножіе. Ниже на облакахъ пали съ своихъ престоловъ Старцы въ бѣлыхъ одеждахъ. Въ самомъ низу горные утесы; въ правомъ углу стоитъ Іоаннъ. Особенность описываемой миніатюры, составляющая принадлежность только этой иллюстраціи, заключается въ томъ, что изъ-подъ подножія, на которое Іисусъ Христосъ поставилъ свои ноги, выставилась красивая головка какъ бы ангела, съ шеею, окруженною бармами, и изъ устъ головы исходятъ за предѣлы ореола лучи къ поклоняющимся Старцамъ: согласно Писанію: «И гласъ изыде отъ престола глаголющъ: пойте Богу нашему вси раби его» и проч. [сн. 226 б].

50) XIX, 7-10 [сн. 164]. Невѣста Агнчія представлена по иконописному преданію относительно костюма и престола съ подножіемъ; но помѣщена на открытомъ мѣстѣ, на горѣ, въ противность раннимъ и лучшимъ нашимъ редакціямъ, въ которыхъ она отдѣляется въ особомъ огражденномъ пространствѣ, или возносится надъ облаками. Сверхъ того, при ней нѣтъ трапезы, составляющей существенную принадлежность этого сюжета. Внизу подъ горою Іоаннъ преклоняется не передъ Невѣстою Агнчею, а передъ ангеломъ. Той же редакціи въ поздней копіи сборнаго состава ОДП. № 110, инв. № 10, м. 57.

51) XX, 1-3 [копія красками 18]. Таинственность видѣнія мастеръ выразилъ тѣмъ, что всю сцену помѣстилъ на черномъ фонѣ пропасти, гдѣ она совершается, и средствами живописи отличилъ ангела отъ Змія такъ, что ангелъ выступаетъ свѣтлымъ колоритомъ изъ подземнаго мрака, а Змій темнымъ своимъ туловищемъ съ мракомъ сливается, однако не настолько, чтобы нельзя было различить въ этихъ потемкахъ гармоническіе переливы отъ чернаго къ кирпичному и отъ кирпичнаго къ синему, съ бѣлыми пятнышками по этимъ переливамъ. Голова ангела писана не по черному очерку, а мѣстными красками въ тѣнь, что̀ принято и вообще въ этой иллюстраціи.

52) XX, 4. На облакахъ возсѣдаетъ на престолѣ Іисусъ Христосъ съ сидящими же на престолахъ по обѣимъ его сторонамъ апостолами и святителями. Нижняя половина въ рамкахъ осталась пустая, не зарисованная; очевидно, миніатюра не конченная.

53) XX, 11-15. Вверху въ кругломъ ореолѣ на престолѣ сидитъ Іисусъ Христосъ съ открытою книгою, десницею благословляетъ; это налѣво, а отъ Него направо, еще престолъ, на немъ книга. Внизу, вмѣсто Ада, Смерти, Моря, а иногда и Земли, которые по другимъ редакціямъ отдаютъ своихъ мертвецовъ на воскресеніе, здѣсь уже представлены воскресшіе изъ мертвыхъ, въ трехъ группахъ: въ средней еще обнаженные скелеты, судьба которыхъ пока не рѣшена: направо отъ Судіи праведники, налѣво грѣшники, тѣ и другіе уже во плоти и одѣты въ цвѣтныя одежды. Въ каждой изъ этихъ трехъ группъ передняя фигура держитъ открытую книгу, по Писанію: «И книги разгнушася: и ина книга отверзеся, яже есть животная: и судъ пріяша мертвецы отъ написанныхъ въ книгахъ по дѣломъ ихъ».

54 и 56) XXI, 1-4. XXI, 9-27 [сн. 227 а]. Въ обѣихъ миніатюрахъ верхняя половина занята Горнимъ Іерусалимомъ, окруженнымъ облаками, а въ нижней гористая мѣстность, въ которой въ м. 54 стоитъ одинъ Іоаннъ, а въ м. 56—вмѣстѣ съ ангеломъ, имѣющимъ семь фіаловъ. Въ обѣихъ архитектура города одна и та же, именно, въ невысокихъ стѣнахъ, расположенныхъ квадратомъ; въ каждой изъ четырехъ стѣнъ по трое воротъ: въ каждыхъ воротахъ стоитъ по ангелу, согласно Писанію: «имущъ вратъ дванадесять, и на вратѣхъ ангеловъ дванадесять, и имена написана, яже суть имена дванадесять колѣномъ сыновъ Израилевыхъ. Отъ востока врата троя, и отъ сѣвера врата троя, отъ юга врата троя, и отъ запада врата троя» XXI, 12-13. Въ обѣихъ миніатюрахъ рисунокъ города взятъ изъ Лицевой Библіи Пискатора 1650 г., именно съ гравюры 28-ой, по Борхту, въ которую онъ попалъ изъ довольно распространеннаго на западѣ представленія Горняго Іерусалима, имѣющаго почти тотъ же самый видъ, какъ это можно судить по изображенію на одномъ изъ цвѣтныхъ стеколъ въ церкви св. Мартина въ Труа, 1606 г. [сн. 227 б] *. По этому представленію въ стѣнахъ города въ симметрическомъ расположеніи проведены прямолинейныя улицы, между каналами, которые весь городъ раздѣляютъ крестомъ на четыре части; въ перекрестіи каналовъ островъ, на которомъ стоитъ Агнецъ: на подобіе древнѣйшихъ крестовъ, въ перекрестіи которыхъ по-

* Didron, Annales Archéologiques, томъ XV, рисунокъ при стр. 307.

мѣщается тоже Агнецъ, только въ щитѣ, какъ напр. въ знаменитомъ крестѣ Ватиканскомъ *. Существенное отступленіе отъ западнаго оригинала русскій мастеръ сдѣлалъ въ томъ, что, вмѣсто улицъ и всего прочаго, помѣстилъ онъ Іисуса Христа съ апостолами.

55) XXI, 5-8. Въ облакахъ Іисусъ Христосъ сидитъ на престолѣ въ ореолѣ, у котораго стоитъ Іоаннъ.

57) XXII, 1-6. Въ облакахъ въ ореолѣ сидитъ на престолѣ Іисусъ Христосъ; изъ-подъ престола вытекаетъ рѣка «воды животной», и, спускаясь внизъ, огибаетъ полукругомъ многочисленное собраніе святыхъ, во главѣ которыхъ помѣщены царь съ царицею. По сторонамъ рѣки стоятъ деревья, писанныя довольно правильно въ ландшафтномъ стилѣ. Налѣво на горѣ Іоаннъ съ ангеломъ.

58) XXII, 6-7. Вверху на облакахъ въ ореолѣ сидитъ на престолѣ Іисусъ Христосъ, внизу стоятъ Іоаннъ съ ангеломъ.

59) XXII, 8-9. Іоаннъ поклоняется ангелу.

60) XXII, 10-14. Вверху въ овальномъ ореолѣ съ завостреннымъ верхомъ сидитъ на престолѣ Іисусъ Христосъ. Внизу стоитъ Іоаннъ.

61) XXII, 15-21. Вверху въ правомъ углу въ кругломъ ореолѣ Іисусъ Христосъ, шествуя по пустому пространству, благословляетъ Іоанна, который внизу палъ ницъ на каменистой возвышенности.

* Borgia, De cruce Vaticana Romae 1779.

XI

Рукопись Московской Духовной Академіи, въ Троицкой лаврѣ, № 14, въ большой листъ, на 177 лл. съ 73 мм., второй половины XVII в [Подносный экземпляръ].

Рук. Петербургской Публичной библіот., F, Отд. I, № 70, въ л. на 238 лл съ 86 мм., второй половины XVII в

Рук. Московской Синодальной библіот., № 106 [по прежн катал. № 5], въ л на 497 лл; собственно Апокалипсисъ на 1-164 лл. съ 86 мм; второй половины XVII в.

Академическій Апокалипсисъ, на отличной толстой бумагѣ самаго большаго формата, писанъ крупнымъ полууставомъ и украшенъ съ замѣчательнымъ изяществомъ исполненными миніатюрами, какъ по рисунку, такъ и по колориту, акварелью и гвашью съ золотомъ, которое своимъ качествомъ и обиліемъ свидѣтельствуетъ о щедрости средствъ, какія были употреблены на украшеніе этой рук. Видимымъ свидѣтельствомъ тому, сколько мастеръ или мастера, исполнявшіе это изящное произведеніе нашей старинной письменности, дорожили своею работою и сколько расчитывали на изъявленіе своего уваженія лицу, для котораго она предназначалась, служитъ, между прочимъ, и то, что каждая изъ 73-хъ миніатюръ прикрывается во всю ея величину четвероугольною прокладкою изъ красной шелковой ткани. Прокладка вклеена въ находящійся при каждой миніатюрѣ чистый листъ и обведена рамкою съ раскрашеннымъ орнаментомъ. Такими же рамками, отличающимися одна

отъ другой узорами, обведены и всѣ миніатюры *. Заглавныя буквы писаны только киноварью, нѣкоторыя въ довольно красивыхъ завиткахъ. На первомъ листѣ помѣщена изящная заставка въ стилѣ Фряжской листвы съ виноградным гроздіемъ въ широкихъ чашечкахъ изъ листвы, по голубому полю съ золотыми стеблями. Изяществу рукописи соотвѣтствуетъ и ея окладъ. Доски обложены черною шелковою тканью; онѣ по старинному обычаю съ петлями, но застежекъ уже не сохранилось. На лицевой дскѣ четыре наугольника съ серединкомъ. на задней было четыре жука, изъ коихъ теперь остался только одинъ. Всѣ эти принадлежности сдѣланы изъ серебра и украшены гравированными узорами изъ Фряжской листвы. На основаніи всей этой роскоши, которою описываемая рукопись далеко выступаетъ изъ ряда вонъ между всѣми, извѣстными мнѣ, нашими Лицевыми Апокк., я отличаю ее отъ прочихъ названіемъ Подноснаго экземпляра.

Изяществу иллюстраціи и вообще внѣшней роскоши этой рукописи представляется рѣзкій контрастъ въ невнимательномъ и малосмысленномъ отношеніи составителей ея къ самому тексту Толковаго Апокалипсиса. Въ основу была взята господствовавшая въ старину редакція, которую мы прослѣдили отъ Румянц. рук. XIII-XIV в. до Филарет. экземпляра и моего юсоваго Апок. XVI в. Но въ Подносномъ экземплярѣ она сокращена, не только въ толкованіяхъ, но часто и въ самыхъ текстахъ Откровенія, и испещрена грубыми описками, свидѣтельствующими, что писецъ не понималъ уже того, что̀ списывалъ. Потому въ библіотечной помѣтѣ новѣйшаго времени, въ самомъ началѣ рукописи на оборотѣ лицевой дски оклада, читается, между прочимъ, слѣдующее: «писцомъ допущено такъ много ошибокъ, что чтеніе рукописи почти не возможно».

Двѣ другія рукописи. Петербургскую и Синодальную, я называю копіями; но онѣ не прямо сняты съ Подноснаго экземпляра, а съ тѣхъ переводовъ, которые служили оригиналомъ для всѣхъ трехъ рукописей, и притомъ это касается только иллюстраціи, а не письма, которое въ обѣихъ копіяхъ значительно исправнѣе, нежели въ Подносн. Апок. Хотя сродство

* Въ снимкахъ очерками онѣ опущены, такъ какъ о стилѣ ихъ даютъ лучшее понятіе копіи красками, 19 и 20.

по редакціи въ иллюстраціи всѣхъ трехъ самое полное, но обѣ копіи между собою еще сходнѣе, почти до тождества въ переводахъ, и та и другая отличаются отъ Подноснаго экземпляра почти однѣми и тѣми же чертами, которыя указаны ниже.

Копія Петербургская исполнена изящнѣе Синодальной, и по рисунку, и колориту, и украшена золотомъ. На послѣднемъ листѣ, не занумерованномъ, скорописью XVIII или начала XIX в. сдѣлана библіотечная помѣта, любопытная по тому, какъ относились тогда къ иллюстраціи рукописей: «Въ сей книгѣ имѣется, кромѣ прописей, однихъ кунштовъ 84 листа. На сихъ кунштахъ изображенныхъ лицъ, какъ-то ангильскихъ [sic] и человѣческихъ—837». Помѣтчикъ считалъ не число миніатюръ, которыхъ въ рукописи 86, а листовъ съ миніатюрами; но и въ этомъ случаѣ онъ просчитался, потому что не на двухъ только листахъ по двѣ миніатюры, а на четырехъ, одна на лицевой сторонѣ, а другая на оборотѣ, именно: на л. 45 Первый и Второй Всадники, мм. 17 и 18 [въ Подн. мм. 14 и 15]; на л. 99 о Седмомъ Ангелѣ съ трубою, мм. 39 и 40 [въ Подн. м. 33]; на л. 139 о жатвѣ, мм. 52 и 53 [въ Подн. мм. 43 и 44], и на л. 211 о воскресеніи и судѣ, мм. 77 и 78 [въ Подн. м. 65].

Синодальная рук. описана Горскимъ и Невоструевымъ въ Описаніи Славянскихъ рукописей Моск. Синодальн. библіот. Отдѣлъ 2-ой, Москва 1857. стр. 196-199. Она заслуживаетъ вниманія, между прочимъ, прибавленіями, помѣщенными въ слѣдъ за Лицевымъ Апок., которыя суть: Житіе Андрея Юродиваго, съ л. 170, и Житіе Василія Новаго, съ л. 326. По этому поводу въ названномъ «Описаніи» сказано: «Не безъ мысли, кажется, соединены въ рукописи съ Откровеніемъ св. Іоанна Богослова послѣдующія два житія, примѣчательныя по откровеніямъ изъ міра духовнаго». Эти слова, касающіяся содержанія самыхъ текстовъ, находятъ себѣ подтвержденіе и въ иллюстраціи описываемыхъ Апокк., которая не осталась безъ вліянія именно лицеваго Житія Василія Новаго; см. въ Подн. м. 50, въ СПБ. копіи м. 59 [снн. 179 и 217].

Бросающееся въ глаза съ перваго взгляду отличіе обѣихъ копій отъ Подноснаго экземпляра, уже при бѣгломъ перелистываньѣ этихъ рукописей, состоитъ въ числѣ миніатюръ. Въ

Подносной ихъ 73, по числу 72-хъ главъ, съ миніатюрою послѣ каждой, и еще съ одной заглавной, въ началѣ Апокалипсиса. Въ обѣихъ копіяхъ по 86 миніатюръ, т. е. тринадцатью больше. Это произошло по слѣдующимъ причинамъ.

Вопервыхъ, 5 мм. прибавлено: именно мм. 1, 2, 40, 46 и 74. Въ 1-ой по полатному письму церкви изображенъ Андрей Кесарійскій въ святительскихъ ризахъ, съ открытою книгою, передъ народомъ: во 2-ой въ церкви же стоитъ Іоаннъ съ надписью: *Моленіе Іоанна Богослова ко Іисусу Христу*; объ остальныхъ миніатюрахъ смотр. въ подробномъ описаніи при мм. 33, 38 и 63 по счету Подноснаго Апок.

Вовторыхъ, 8 миніатюръ Подноснаго экземпляра раздѣлены въ копіяхъ, каждая на двѣ, а именно:

подн	копіи	подн	копіи
10	12 и 13	59	67 и 68
19	22 и 23	60	69 и 70
20.	24 и 25.	64	75 и 76.
43.	51 и 52.	65	77 и 78.

Изъ нихъ двѣ, 10-я и 20-я, и въ Подносномъ экземплярѣ раздѣлены горизонтальными линіями, каждая на двѣ половины, которыя въ обѣихъ копіяхъ приняты за отдѣльныя, самостоятельныя миніатюры.

Такимъ образомъ, 8 миніатюръ выдѣленныхъ и 5 прибавленныхъ составляютъ сумму, которою иллюстраціи копій превышаютъ число миніатюръ Подноснаго экземпляра.

Теперь перехожу къ подробному разсмотрѣнію иллюстраціи этого послѣдняго.

Иллюстрація и письмо помѣщены на одной и той же бумагѣ, такъ что миніатюра, если она во всю страницу,—рисована всегда, или на лицевой сторонѣ, или на оборотѣ листа, на другой сторонѣ котораго помѣщено письмо. Если же миніатюра малаго размѣра, то она рисована на одной страницѣ съ письмомъ, надъ нимъ или подъ нимъ. Такихъ миніатюръ 11, именно: 2, 14, 15, 24. 36, 37. 38, 41, 42, 44 и 53.

Послѣдняя изъ нихъ, м. 53 [сн. 171], на л. 127, ведетъ къ тому заключенію, что начертаніе письма и рисунка совершалось одновременно, будучи подчиняемо условіямъ занимаемаго тѣмъ и другимъ пространства. Миніатюра эта такъ помѣще-

на въ низу листа, что очерками горы съ обѣихъ сторонъ обнимаетъ послѣднія строки письма, которыя постепенно укорачиваются по мѣрѣ того, какъ съуживается долина, образуемая спусками горы. Потому только эта одна миніатюра и не обведена обычною для всѣхъ прочихъ миніатюръ рамкою.

На ту же свободу въ отклоненіи отъ принятой системы указываетъ пріемъ, которымъ пользовался мастеръ въ помѣщеніи Іоанна внѣ рамки, именно въ мм. 32, 34, 39 и 63.

Равномѣрно и киноварныя надписи на миніатюрахъ, начертанныя тою же рукою, что̀ и письмо, говорятъ въ пользу одновременности составленія того и другаго, даже совмѣстности работы писца и миніатюриста, которая, можетъ быть, была дѣломъ рукъ одного и того же лица.

Однако, не смотря на такую, казалось бы, самую тѣсную связь иллюстраціи съ письмомъ, ни одинъ, изъ извѣстныхъ мнѣ, хорошихъ экземпляровъ Лицеваго Апокалипсиса не представляетъ такой поразительной разладицы между Писаніемъ и соотвѣтствующими ему миніатюрами, а также въ этихъ послѣднихъ между изображеніями и надписями, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ часто противорѣчатъ принятому въ этой рукописи Толковому Апокалипсису, испещренному ошибками, по недомыслію и небрежности писца.

Такимъ образомъ, Подносный экземпляръ, съ замѣчательно изящною иллюстраціею и съ небрежнымъ отношеніемъ къ Писанію, даетъ намъ любопытный образчикъ того именно состоянія русской иконографіи, когда съ развитіемъ художественности и искусственности въ школѣ, такъ называемыхъ, Царскихъ иконописцевъ второй половины XVII в. оказался чувствительный разладъ между древними иконописными преданіями и новыми задачами художественнаго исполненія; когда уже порвалась родственная связь иконографіи съ текстомъ, и мастеръ, не вникая въ самый источникъ ея, заключающійся въ уразумѣніи Писанія, искалъ для себя руководства только въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ пріемахъ, предписываемыхъ Иконописнымъ Подлинникомъ.

Обращаюсь къ самымъ фактамъ.

26 м., VIII, 12-13. Въ текстѣ Подн. экземпл.: «и видѣхъ и слышахъ единъ ангелъ парящь *посредѣ небеси*», какъ въ другихъ редакціяхъ и въ исправл.; а на миніатюрѣ въ свиткѣ

надпись: «и единъ ангелъ паритъ *подъ* небесемъ»; сверхъ того этотъ ангелъ, въ противность Писанію, изображенъ съ трубою.

28 м., IX, 13-19. Въ текстѣ рук.: «и слышахъ гласъ отъ 4. рогъ и [sic] олтаря златаго». Въ м. не только вовсе нѣтъ этого олтаря, или жертвенника, но и въ надписи на свиткѣ значится: «и гласъ *изъ облака* глаголющь къ 6. ангелу».

34 м., XI, 19. Безсмыслица въ текстѣ: «и явися *корабль* завѣта божія», вм. *крабій*, т. е. кивотъ.

45 м., XV, 2. Въ текстѣ: «и видѣхъ яко море стекляно *смѣшено со огнемъ*», какъ и въ исправл.; а въ надписи: «море стекляно *кровію*».

51 м., XVI, 12-13. Въ текстѣ: «и шестый ангелъ излія фіяль свою *на рѣку великую Ефрантъ*» [sic]. Въ миніатюрѣ, плохо соотвѣтствующей содержанію, надпись: «изливаетъ ангелъ господень фіяль *на чермнаго змія и на звѣрино царство*»: слова, относящіяся къ предшествующей. 50-ой м., которая безъ надписи.

53 м., XVII. 3. Въ текстѣ: «и веде мя *въ пусто мѣсто* духомъ. и *видѣхъ* жену», какъ и въ исправл.: въ свиткѣ у ангела: «и веде мя ангелъ господень *во внутренюю* и *показа*» и пр.

72 м., XXII, 10. Въ текстѣ рукописи: «и глагола ми *Господь:* не запечатлѣй пророчества книгъ сихъ. *рече бо близъ*», и только; то есть, здѣсь пропускъ, тогда какъ въ исправл., согласно съ моимъ юсовымъ XVI в.: «яко время близъ есть», и слова *Господь* нѣтъ. Въ надписи же на миніатюрѣ другое чтеніе: «и глагола *ему* Господь: да не *печатлѣеши* словесъ *моихъ* во книгахъ сихъ; время бо близъ *готовится*».

Иногда надпись не соотвѣтствуетъ въ точности ни тексту, ни даже изображенію. Такъ въ м. 58 [сн. 172] ангелъ показываетъ Іоанну Невѣсту Агнчію не за трапезою и безъ Агнца, а только стоящую въ церкви, а надпись гласитъ: «Ангелъ Господень евангелисту показаетъ *тайну агнчю вечерю*». XIX, 7-10.

Или же изъ толкованія вносится въ текстъ объяснительный терминъ, который потомъ изображается и въ миніатюрѣ. Такъ въ м. 70 представленъ Іисусъ Христосъ, по тексту этой рук.: «и Господь Богъ святыхъ пророкъ *Христосъ* ангела своего посла»; но слова *Христосъ* нѣтъ ни въ древнемъ текстѣ, ни въ исправл., XXII. 6, а принято только въ толкованіи этого мѣста: «той же есть Господь Богъ пророкомъ *Христосъ*». Такое

же добавленіе встрѣчается въ текстѣ и при м. 18 [VI, 9]: «и видѣхъ *предъ* олтаремъ душа человѣкъ избіенныхъ за *Христа* и за слово *святое*, и за свидѣтельство *Іисусъ Христово*»; тогда какъ по господствовавшей у насъ въ старину редакціи, какъ и въ исправл., читается: «и видѣхъ предъ [*въ испр.* подъ] олтаремъ душа человѣча [въ испр. только *души*] избіенныхъ за слово Божіе и за свидѣтельство еже имяху [*въ испр.* имѣяху]». Сверхъ того, въ надписи на сказанной миніатюрѣ, вмѣсто *предъ олтаремъ*, принято уже *подъ олтаремъ*.

Наконецъ, нерадивое отношеніе къ текстамъ св. Писанія доводитъ до измышленія вовсе не принятыхъ въ нашей апокалипсической иконографіи сюжетовъ, съ соотвѣтствующими имъ надписями. Такъ въ м. 67 представленъ Іисусъ Христосъ, обнаживший свой прободенный бокъ, при надписи: «сѣдяй на престолѣ *о десную Бога, о нихъ же речемъ о показаніи ребръ Господнихъ*»; тогда какъ въ текстѣ значится только: «и рече сѣдяй на престолѣ».

Въ заключеніе замѣчу, что по разговорному обычаю въ надписяхъ для Іоанна Богослова принята форма: *Иванъ*.

Теперь укажу недосмотры, неточности, нововведенія въ самой иллюстраціи, и вообще отступленія отъ иконографическихъ преданій.

Въ замѣчательно изящно исполненной м. 3-ей [копія краск. 19], вмѣсто семи свѣтильниковъ, помѣщено только шесть. Погрѣшность, не мыслимая въ эпоху процвѣтанія нашей апокалипсической иконографіи. Впрочемъ, въ обѣихъ копіяхъ этотъ грубый недосмотръ исправленъ, м. 5.

Хотя въ м. 12 [сн. 167] Господь Саваоѳъ держитъ книгу запечатанную, только не семью, а десятью печатями, въ противорѣчіе тексту; но въ слѣдующихъ за тѣмъ миніатюрахъ смыслъ Писанія о постепенномъ снятіи печатей съ книги нарушается цѣлымъ рядомъ еще болѣе грубыхъ недосмотровъ, которые свидѣтельствуютъ ясно, что мастеръ, при всемъ своемъ живописномъ искусствѣ, вовсе не понималъ, что̀ изображаетъ. Въ м. 13-ой Саваоѳъ держитъ передъ Агнцемъ книгу, но она уже совсѣмъ открыта, хотя и съ печатями, и сверхъ того съ девятью; въ м. 16 книга закрыта, но безъ печатей, а въ мм. 17 и 18 у Господа Саваоѳа съ Агнцемъ уже и вовсе нѣтъ книги.

Въ м. 18, о надписи и текстѣ которой было уже сказано выше, пропущенъ олтарь, или жертвенникъ, подъ коемъ должны бы стоять души избіенныхъ за Слово Божіе. Эта церковная утварь, неукоснительно удерживаемая во всѣхъ лучшихъ редакціяхъ, съ разными символическими указаніями, напр. въ Бамбергск. Апок. X в., м. 14, и въ моемъ ранней редакціи, м. 16 [сн. 8],—имѣетъ здѣсь глубокое, первенствующее значеніе для христіанской археологіи, какъ это показано архіепископомъ Филаретомъ. См. въ III главѣ Введенія, стр. 59.

Двадцать четыре Старца съ открытыми головами, но коронъ нѣтъ, ни около ихъ, ни подъ ореоломъ Господа Бога, что̀ противорѣчитъ всѣмъ лучшимъ редакціямъ. Впрочемъ, только въ м. 11 они держатъ въ рукахъ снятыя съ головы короны, въ формѣ шапокъ.

Въ видѣніи о Второмъ Ангелѣ съ трубою, по тексту, представляется «гора жегома огнемъ и ввержена въ море», что̀ наблюдается пунктуально въ прочихъ редакціяхъ; здѣсь же, въ м. 24, по голубому морю писана желтая гора съ черною пещерою, въ которой толпа людей: надъ горою летитъ ангелъ и трубитъ прямо надъ ихъ головами. То есть, ни одною чертою ни выражено смысла этого видѣнія.

Вмѣсто того, чтобы изобразить Четырехъ Ангеловъ, связанными на рѣкѣ Евфратѣ, они стоятъ, въ м. 28, безъ всякихъ узъ, съ жезлами въ рукахъ на голубомъ овальномъ пространствѣ, которое въ СПБ. копіи замѣнено чернымъ фономъ пещеры, м. 34.

Во всѣхъ лучшихъ редакціяхъ, согласно тексту, брань съ Енохомъ и Иліею творитъ именно Звѣрь; онъ же ихъ и пожираетъ. Но здѣсь, въ м. 31, ихъ побиваетъ палицею Адъ, въ типѣ обнаженной человѣческой фигуры съ звѣриною мордою и человѣчьимъ лицомъ на чревѣ и съ хвостомъ, оканчивающимся змѣиною головою. Чтобы вполнѣ понять неумѣстность этого нововведенія, стоитъ сличить это изображеніе съ мм. 30 и 31 [снн. 13 и 14] моего Апок. ранней редакціи.

Въ м. 34 св. Жена стоитъ на лунѣ, но не *оболчена въ солнце*, какъ значится въ текстѣ этой рук.

Она же, чтобы летѣть въ пустыню, по Писанію, получаетъ крылья, но въ м. 36 [сн. 170] она безъ крыльевъ, спасается въ уготованную ей пустыню подъ зеленыя деревья.

И въ другихъ экземплярахъ разныхъ редакцій нашего Лицеваго Апок. можно встрѣтить кое-какіе неточности и недосмотры, что̀ и указано мною, гдѣ слѣдуетъ, но, вопервыхъ, изрѣдка и не въ такомъ количествѣ, и, вовторыхъ, тамъ они болѣе или менѣе извинительны, чѣмъ въ великолѣпномъ и съ особеннымъ стараніемъ исполненномъ экземплярѣ Подносномъ, для составленія котораго было употреблено достаточно времени, чтобы вдуматься въ смыслъ Писанія и выбрать подобающія ему иконографическія формы.

Изъ подробнаго критическаго разсмотрѣнія этой иллюстраціи можно вывести даже такое заключеніе, что мастеръ или мастера̀ не только не могли, то есть, не умѣли, какъ слѣдуетъ, воспроизвести Лицевой Апок. въ строгихъ предѣлахъ иконографическаго преданія, но вовсе и не задавались этою мыслію, и имѣли въ виду другія цѣли, болѣе подходящія къ ихъ понятіямъ и вкусамъ, воспитаннымъ искусственностью живописной школы, для которой красивая внѣшность уже заслоняла смыслъ изображаемаго предмета.

Мастера того времени имѣли въ своемъ распоряженіи разныя архаическія формы, соотвѣтствовавшія понятіямъ и представленіямъ иконографическаго преданія, но, не понимая этого соотвѣтствія, все же не отказывались ими пользоваться, какъ внѣшними прикрасами, расчитанными на стилистическій эффектъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ искусственность въ литературѣ пробавляется безсодержательными фразами.

На примѣръ. Небо, по указанію текста, только однажды «отлучися, яко свитокъ свиваемо», въ 18 гл. по толковому счету, а по простому VI, 14, и оно именно такъ и изображено въ м. 19 [сн. 168], какъ это принято и въ другихъ редакціяхъ. Но Подносная иллюстрація не ограничилась этимъ однимъ разомъ, и небесный свитокъ безъ всякой нужды, какъ общее мѣсто въ красивой фразѣ, распространила и на многія другія видѣнія, именно въ мм. 12 [сн. 167], 13, 26, 46, 49, даже надъ Горнимъ Іерусалимомъ въ мм. 66 и 68 [сн. 174].

На четырехъ красныхъ углахъ, выступающихъ окрестъ изъ подъ круглаго ореола съ Господомъ Богомъ, вообще принято изображать по одному изъ четырехъ символич. животныхъ на каждомъ углу. Но здѣсь эти углы пустые, только для украшенія ореола; см. мм. 16, 17, 18, 23, 39, 65 [копія краск. 20].

Къ намѣреннымъ отступленіямъ отъ преданій апокалипсической иллюстраціи надобно отнести слѣдующія.

По всѣмъ другимъ редакціямъ принято изображать Студенецъ Бездны буквально, т. е. въ видѣ колодца; но здѣсь въ м. 27 представлена только бездна въ видѣ пещеры, для того, чтобы по ея черному фону рельефнѣе выступали Пруги и царь Бездны въ типѣ настоящаго царя [сн. 175 б].

Фигура олицетвореннаго моря, мужская или женская, одѣтая или обнаженная, обыкновенно изображается въ самомъ морѣ, пишется на морскомъ фонѣ; здѣсь же, въ м. 65 [копія краск. 20], она сидитъ на злачномъ лугу, какъ и олицетвореніе земли, и отличается отъ послѣдняго только своимъ голубымъ монохромомъ.

Сюда же надобно отнести неумѣстное для апокалипсической иконографіи изображеніе въ м. 67, упомянутой уже выше, съ показаніемъ ребръ Господнихъ, заимствованное изъ иконы извѣстнаго перевода Отечества, какова напр. въ ризницѣ Троицкой лавры, подъ № 26.

То же намѣреніе, заинтересовать чѣмъ нибудь особеннымъ, можно видѣть и въ подражаніи одному изъ мытарствъ Ѳеодоры въ «Житіи Василія Новаго» [сн. 217], для представленія омраченнаго царства Звѣринаго, въ м. 50, по СПБ. копіи м. 59 [сн. 179].

Страшный судъ изображенъ не въ простѣйшей редакціи апокалипсической, какъ въ Апок. обоихъ моихъ, XVI в. и начала XVII в., въ Филарет. и Чудовск. и во мног. друг., а уже въ редакціи сложной, какъ въ Тихонр. № 5, м. 75, и СПБ. № 229, м. 79. При этомъ Подносная иллюстрація расчитывала также на болѣе сильный эффектъ въ разнообразіи фигуръ, напр. разныхъ національностей, между которыми не забыта и *Русь*, означенная въ надписи, м. 63 [сн. 175 г].

Въ м. 58 [сн. 172] о тайномъ брацѣ и вечери Агнчей, XIX, 7-10, хотя иллюстрація и передаетъ общій смыслъ видѣнія, но, отступая отъ апокалипсическаго преданія, опускаетъ брачную трапезу, слѣдуя редакціи СПБ. № 225, м. 55 [сн. 129], и, замѣнивъ Агнца Іисусомъ Христомъ, сосредоточиваетъ идею изображенія на церковной іерархіи въ ликѣ святителей и преподобныхъ отцевъ.

Нарушеніе обычныхъ преданій и разныя нововведенія замѣчаются въ слѣдующихъ подробностяхъ.

Св. Жена съ распущенными изъ-подъ короны длинными волосами, мм. 34 и 36 [сн. 170], какъ въ моемъ юсовомъ Апок. XVI в., мм. 39 и 41 [сн. 85].

Св. Агнецъ, уже не въ щитѣ или ореолѣ, и безъ подобающей символической обстановки, просто на горѣ, м. 39, какъ въ СПБ. № 225, м. 37. Этотъ недостатокъ былъ уже замѣченъ составителями обѣихъ копій и, какъ слѣдуетъ, исправленъ, м. 47.

Въ м. 25 огорченную воду черпаютъ ведрами, какъ въ Уваровск. № 58, м. 46 [сн. 154 в].

Ангелы въ м. 28 вооружены не мечами, а кривыми саблями. Вмѣсто прямаго меча, изъ устъ Господа Бога исходитъ сіяніе, на концѣ котораго писана тоже кривая сабля, м. 59, хотя въ м. 3 [копія краск. 19] изображенъ еще прямой мечъ.

Искусственный фасонъ фіаловъ, съ ручкою на мѣстѣ донышка, чтобы ангеламъ удобнѣе было ихъ держать, выливая изъ нихъ жидкость, напр. въ м. 48 [сн. 175 в].

Позднѣйшая манера преувеличивать или утрировать оказалась въ чрезмѣрно длинной трубѣ, исходящей изъ устъ Еммануила, м. 3 [копія краск. 19].

Иногда съ новизною встрѣчаются и древніе мотивы. Такъ въ м. 27 Смерть съ косою, а въ м. 17 съ трубою [сн. 175 а], какъ въ моемъ юсов. Апок. XVI в., м. 8 [копія краск. 9].

Не смотря на указанные выше недосмотры и погрѣшности, какъ въ иллюстраціи, такъ и въ текстѣ, и на разныя новшества и въ цѣлыхъ сюжетахъ, и въ отдѣльныхъ подробностяхъ, редакція Подноснаго экземпляра представляетъ замѣчательную тщательность и точность въ наблюденіи правилъ, предписываемыхъ Иконописнымъ Подлинникомъ для характеристическихъ примѣтъ въ иконографическихъ типахъ Господа Бога, ангеловъ, святыхъ и разныхъ лицъ церковной іерархіи. Явленіе это относится уже къ новой эпохѣ въ развитіи нашей иконописи. Раннія редакціи, какъ мы видѣли, будучи обращены черезъ посредство преданія къ древнѣйшимъ источникамъ, предлагаютъ намъ смѣшеніе архаизмовъ, между которыми систематическая выдержка иконографическихъ типовъ не могла выступать на первомъ планѣ во вниманіи мастеровъ, устремленномъ на основныя задачи иконографической иллюстраціи, которыя опредѣлялись ея отношеніемъ къ тексту и толкованіямъ. Когда границы преданія, въ которыхъ безсознатель-

но вращалась дѣятельность прежнихъ мастеровъ, были нарушены, иконографія потеряла подъ собою твердую почву, и, лишившись опоры въ обычномъ слѣдованіи разъ принятымъ извѣстнымъ принципамъ, она должна была искать руководства извнѣ и замѣнить безсознательную привычку сознательнымъ руководствованьемъ по учебнику, который и данъ былъ въ Иконописномъ Подлинникѣ. Иллюминаторъ Подноснаго экземпляра уже не понималъ прямой задачи Лицеваго Апокалипсиса и не умѣлъ приладить свою иллюстрацію къ смыслу Писанія, обращая все вниманіе на внѣшнее изящество и красоту въ рисункѣ и колоритѣ; однако онъ все же чувствовалъ свою безпомощность, и, чтобы наверстать утраченное иконографическое преданіе, онъ старательно и съ систематической выдержкой намѣренно слѣдовалъ нѣкоторымъ правиламъ Иконописнаго Подлинника въ характеристикѣ типовъ и костюма. Въ исторіи нашего Лицеваго Апокалипсиса второй половины XVII в. это былъ въ своемъ родѣ шагъ впередъ; и бросающееся въ глаза противорѣчіе въ иллюстраціи Подноснаго экземпляра между крупными погрѣшностями противъ основныхъ принциповъ преданія и между точнымъ выполненіемъ мелкихъ предписаній въ наблюденіи разныхъ аттрибутовъ того или другаго типа—есть самый нормальный фактъ въ исторіи искусства въ моментъ развитія личной самодѣятельности при отсутствіи поддержки въ преданіяхъ школы.

Это колебаніе старыхъ принциповъ и исканіе поддержки въ систематическомъ руководствѣ мы уже видѣли еще за полстолѣтіе назадъ, у безыменнаго составителя Двинскаго Апок. 1636-1643 г.; московскіе мастера въ роскошной иллюстраціи Подноснаго экземпляра съ небывалымъ дотолѣ изяществомъ выполнили то, что̀ было недоступно при скудныхъ средствахъ Двинскаго старца.

Обращаюсь къ самымъ фактамъ.

Въ раннихъ редакціяхъ очень часто смѣшивается простое сіяніе съ угловатымъ или крестнымъ въ типахъ Господа Саваоѳа и Іисуса Христа. Въ описываемой иллюстраціи, какъ и въ Чудовск. Переводѣ, постоянно отличаются своими сіяніями оба эти типа, и только дважды Господь Богъ на конѣ, въ качествѣ Слова Божія, является въ сіяніи простомъ, мм. 59 и 60. Еммануилу дается сіяніе угловатое, м. 3 [копія краск. 19].

I. X. писанъ по иконописному подобію, постоянно въ золотыхъ ризахъ, иногда античнаго покроя, м. 3 [копія краск. 19], но по большей части въ византійскомъ подирѣ, м. 65 [копія краск. 20]; только на конѣ онъ въ подирѣ пурпуровомъ, мм. 59 и 60.

Еммануилъ въ золотомъ подирѣ и съ такою же тогою поверхъ, м. 3.

Господь Саваоѳъ въ свѣтлыхъ ризахъ: туника съ малиновымъ оттѣнкомъ, тога съ зеленоватымъ, и только однажды Онъ въ золотомъ подирѣ и такихъ же сапогахъ въ изображеніи Отечества, м. 67. Волосы у Него длинные, сѣдые, и такая же борода; на темени поднимается завостренная прядь волосъ, какою отличены, какъ увидимъ, преимущественно ветхозавѣтные типы.

Обыкновенно Онъ представленъ съ обнаженными ногами, въ сандаліяхъ, какъ и Іоаннъ Богословъ, Старцы, Енохъ и Илія. Ангелы въ золотыхъ сапогахъ; такъ же по большей части Іисусъ Христосъ.

Ангелы отличаются кудрявыми волосами. Сзади они спускаются, а спереди подобраны бѣлыми лентами, или тороками, которыя потомъ развѣваются отъ ушей, что̀ у насъ называется слухами, м. 3 [копія краск. 19]. Архангелы, съ тѣмъ же уборомъ волосъ, отличаются отъ ангеловъ тѣмъ, что держатъ въ одной рукѣ жезлъ, въ другой дискосъ, или печать Бога Живаго.

Въ древнихъ редакціяхъ, какъ мы видѣли, еще удерживается для ангеловъ и архангеловъ античная діадима, но безъ слуховъ, какъ напр. въ моемъ Апок. ранней редакціи, мм. 5, 9 [снн. 3 и 5], а потомъ и вовсе безъ всякихъ украшеній волосъ. Но въ Подносномъ экземплярѣ строго наблюдаются въ ангельскомъ костюмѣ ленты и въ архангельскомъ диски, или печати, уже по слѣдующему предписанію Иконописнаго Подлинника: «Ангели имутъ надъ ушама терци [т. е. тороки или ленты], еже есть покоище Святаго Духа, иже и дѣйство имать. А иже надъ челомъ бѣлость [т. е. остатокъ древней діадимы], то есть слухи. Егда пріидетъ повелѣніе отъ Господа, тогда слухъ вострепещетъ у архангела, и абіе зритъ въ зерцало [т. е. дискъ], иже имать въ руцѣ своей, и обрѣтаетъ повелѣнное ему отъ Господа, въ зерцалѣ написано». По тому

же Сборному Подлин. графа С. Г. Строганова, откуда и прежде взяты цитаты; см. стр. 405.

Иконописныя подобія апостольскихъ типовъ воспроизведены въ мм. 62, 63 и частію въ 65 [копія краск. 20], и во многихъ мѣстахъ типъ Іоанна Богослова.

Прядью волосъ, приподнятой вихромъ, кромѣ Господа Саваоѳа, отличены: Илія отъ Еноха, который съ лысымъ челомъ, мм. 31 и 32; Авраамъ и Исаакъ отъ Іакова, м. 69; старецъ, бесѣдующій съ Іоанномъ, м. 12 [сн. 167], а изъ апостоловъ Андрей Первозванный, мм. 62 и 63, согласно съ подобіемъ этого апостола, даннымъ подъ 30 числомъ ноября въ Строгоновскомъ Подлинникѣ XVI-XVII в., по изданію Бутовскаго въ литографіи при Московскомъ Художественно-промышленномъ Музеумѣ, 1869 г., и въ моемъ по рук. конца XVII в.

Но въ костюмѣ Иліи пророка, въ мм. 31 и 32, преданіе о милоти уже не соблюдено. На немъ легкая хламида, вмѣсто одѣянія съ мѣховымъ отворотомъ, какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи, мм. 29, 30 и 31 [снн. 13 и 14] и въ Филарет., мм. 30 и 31.

Типы мучениковъ, святителей и преподобныхъ отцевъ см. въ мм. 58 [сн. 172], 63, 66 и 68 [сн. 174]. Въ послѣдней, сверхъ того, заслуживаетъ вниманія группа изъ трехъ фигуръ съ надписью: *Ликъ князей:* въ серединѣ въ коронѣ съ городами, а по сторонамъ—въ формѣ митры или шапки, будто князь Владиміръ съ Борисомъ и Глѣбомъ, какъ эти послѣдніе представлены въ томъ же моемъ Иконописномъ Подлинникѣ подъ 24-мъ іюля; въ Строгоновскомъ они просто въ шапкахъ съ мѣховымъ околышемъ.

Съ тою же тщательностью и систематическою выдержанностью писаны разнообразные костюмы, русскіе, еврейскіе, нѣмецкіе, въ мм. 19, 20, 50, 63, 65 [снн. 168, 169, 175 г, копія краск. 20], въ СПБ. копіи м. 59 [сн. 179].

Само собою разумѣется, что редакція, такая выправленная и систематичная, постоянно относится со вниманіемъ, чтобы на церквахъ всегда были кресты, и именно осмиконечные.

При помѣщеніи той или другой изъ ипостасей Господа Бога въ разныхъ видѣніяхъ наблюдается тоже строгая систематичность. Въ этомъ Подносный экземпляръ слѣдуетъ Чудовскому Переводу, однако съ тѣмъ различіемъ, что ограничилъ участіе

Еммануила и Агнца, когда онъ является одинъ, самъ по себѣ, и значительно распространилъ присутствіе Господа Саваоѳа. А именно.

Еммануилъ въ Чудовск. 11 разъ [дважды въ крестномъ сіяніи], въ Подн. всего одинъ разъ, м. 3.

Агнецъ, одинъ, въ Чудовск. 4 раза, въ Подн. только одинъ разъ, въ м. 42.

Господь Саваоѳъ въ Подн. 15 разъ, въ мм. 11, 12, 13, 16, 17, 18, 21, 22, 23, 29, 33, 34, 39, 57 и 71, тогда какъ въ Чудовск. только 8 разъ, и то тогда только, когда Онъ является съ Агнцемъ.

Напротивъ того, присутствіе Іисуса Христа въ Подн. ограничено 12-ю разами, въ мм.: 3, 10, 43, 44, 45, 58, 62, 63, 65, 69, 70 и 72; въ Чудовск. же Онъ является въ 17 миніатюрахъ, изъ коихъ въ двухъ по два раза, слѣдовательно всего 19 разъ.

Сверхъ того, Господь Богъ на конѣ, какъ сказано выше, въ простомъ сіяніи, но какъ Слово Божіе, является дважды въ мм. 59 и 60.

Наконецъ въ м. 67 писано уже упомянутое Отечество съ Духомъ Святымъ.

Кромѣ того, 6 разъ представлена десница Господня; 5 разъ исходитъ она съ неба, благословляя или держа свитокъ, въ мм. 28, 31, 32, 35 и 73, и однажды со свиткомъ изъ церкви при душахъ, избіенныхъ за слово Божіе, м. 18. Слич. въ моемъ Апок. ранней редакціи м. 16 [сн. 8].

Вмѣсто присутствія Божія, 4 раза писанъ престолъ съ книгою [ἑτοιμασία], въ мм. 38, 48, 52 и 73.

По присутствію Божества въ разныхъ видѣніяхъ замѣчается слѣдующее.

Ангелы семи Церквей писаны одни, безъ верхней части, мм. 4-9, и только въ м. 10-ой присутствуетъ І. Х.

Двое Всадниковъ въ мм. 14 и 15 тоже одни, безъ верхней части.

При запечатанной книгѣ присутствуетъ Господь Саваоѳъ съ Агнцемъ, въ мм. 13, 16, 17, 18, 21 и 22.

При Облачномъ ангелѣ Господь Саваоѳъ, м. 39.

Съ серпомъ писанъ Іисусъ Христосъ, мм. 43 и 44, и Онъ же присутствуетъ при вручніи ангеламъ фіаловъ, м. 45.

Въ славословіи аллилуіи—Господь Саваоѳъ съ Агнцемъ, м. 57.

При Невѣстѣ Агнчей Іисусъ Христосъ, а не Агнецъ, м. 58.

На Страшномъ судѣ Іисусъ Христосъ, мм. 62, 63, 65 и 69.

Въ самомъ концѣ Откровенія присутствуютъ поперемѣнно, то Іисусъ Христосъ, мм. 70 и 72, то Господь Саваоѳъ, м. 71.

Обыкновенно Іисусъ Христосъ и Господь Саваоѳъ сидятъ на престолахъ, но въ мм. 29, 70 и 72 они стоятъ.

Редакція Подноснаго экземпляра, какъ уже очень поздняя, не могла не подчиниться нѣкоторому вліянію редакцій предшествовавшихъ, а какъ наиболѣе распространенныя изъ нихъ были Филаретовско-Чудовская и СПБ. № 225, то обѣ онѣ оказали свое дѣйствіе на описываемую иллюстрацію, однако не въ точныхъ переводахъ цѣлыхъ миніатюръ, а только по частямъ въ отдѣльныхъ подробностяхъ, или же въ общемъ складѣ редакціи.

Слѣды редакціи Филаретовско-Чудовской можно видѣть въ слѣдующемъ.

Души избіенныхъ за слово Божіе въ видѣ отроковъ и юношей стоятъ подъ ореоломъ, хотя, какъ замѣчено, не подъ престоломъ, м. 18, при гл. 17 по толковому счету.

Типъ Великаго Змія, съ рогами и коронами, о двухъ лапахъ, безъ крыльевъ, мм. 34, 35 и 36; но въ м. 37 въ типѣ, согласномъ съ принятымъ въ редакціи СПБ. № 225.

У Перваго Звѣря на двухъ верхнихъ головахъ, или на одной изъ всѣхъ семи представлены рога въ видѣ зубцовъ гребешка съ шариками на концахъ, мм. 37, 38, 42.

Низверженіе Змія, м. 35, при гл. 34.

Первый Звѣрь на престолѣ, м. 37, при гл. 36.

Но спеціальныхъ примѣтъ, принадлежащихъ исключительно Чудовскому Переводу, въ описываемой редакціи не замѣчается, какова напр. симплегма Гога и Магога въ трехъ миніатюрахъ при гл. 47, 51 и 63.

Гораздо виднѣе слѣды вліянія редакціи СПБ. № 225 и Музейныхъ листовъ № 214. А именно.

Ангелъ Ѳіатирской Церкви въ СПБ. № 225, м. 6, держитъ свитокъ за его оба накатанные концы обѣими руками, но такъ, что вся развитая середина его поднимается высоко, и именно поднимается надъ головою ангела полукругомъ, какъ широкая лента или полотенце. Точно такъ же держитъ свитокъ ангелъ той же Церкви и въ Подносномъ экземплярѣ, м. 7 [сн. 166], съ тою

только разницею, что полукруглый выгибъ свитка совпадаетъ съ оваломъ арки. То есть, мастеръ, воспользовавшись мотивомъ старой редакціи, придалъ ему искусственную форму, очевидно, для красоты рисунка.

По обѣимъ редакціямъ Агнецъ на горѣ Сіонской стоитъ безъ ореола или щита, именно на двухъ ея подъемахъ или утесахъ, раздѣленныхъ углубленіемъ, такъ что переднія ноги постановилъ на одинъ подъемъ, а заднія на другой, въ СПБ. м. 37, въ Подн. м. 39.

Вверху въ ореолѣ Іисусъ Христосъ съ серпомъ и ангелъ, выходящій изъ церкви а внизу пустое поле съ брошеннымъ посреди его серпомъ; направо стоитъ Іо.; въ СПБ. м. 41, въ Подн. м. 43.

Налѣво Вавилонская Любодѣица, пьяная, валится съ Звѣря назадъ, поднимая вверхъ, обѣ руки. Позади на горѣ полатное письмо. Направо стоитъ Іо. съ ангеломъ; въ СПБ. м. 52 [сн. 128], въ Подн. м. 55.

Ангелъ, бросая въ море камень, «аки жерновъ», стоитъ на самомъ берегу, въ СПБ. м. 53, въ Подн. м. 56.

Направо стоитъ Невѣста Агнчія въ полатномъ письмѣ храма, налѣво ангелъ съ дискомъ въ рукѣ; позади его Іо.; въ СПБ. м. 55 [сн. 129], въ Подн. то же, только въ нижней части, м. 58 [сн. 172]; Іо. писанъ дважды, стоитъ и палъ ницъ.

Ангелъ съ неба спускаетъ цѣпь, и потомъ въ нее заковываетъ Змія, въ СПБ. м. 58, въ Подн. м. 61.

Въ м. 45 Подносный экземпляръ предлагаетъ сходство съ обѣими редакціями, и съ Филаретовской, м. 45, и съ СПБ. № 225, м. 43, при главѣ 45-ой по толковому счету, по простому XV, 1-8.

Какъ всѣ эти заимствованія, такъ и нѣкоторыя другія, приведенныя выше, не лишаютъ, однако, права редакцію Подноснаго экземпляра на самостоятельность, обусловленную какъ художественными ея достоинствами, такъ и указанными недостатками и нововведеніями. О томъ и другомъ см. въ подробномъ описаніи миніатюръ.

Здѣсь же остается сказать объ одной характеристической примѣтѣ Подноснаго экземпляра, удержанной и въ обѣихъ копіяхъ, которая составляетъ исключительную принадлежность описываемой редакціи. Это особенный образъ представленія

тѣхъ обнаженныхъ крылатыхъ фигуръ, которыя для означенія геніевъ или Духовъ Божіихъ встрѣчаются въ Филарет. редакціи, мм. 2 и 7 [сн. 99] и въ Барсовск. иллюстраціи XVIII в. №113, м. 5 [сн. 187]. Въ Подносн. экземплярѣ эти фигуры, равно какъ и Водный Ангелъ, м. 48, тоже обнаженный, писаны въ голубомъ монохромѣ. Въ м. 3 [копія краск. 19] въ сказанномъ видѣ изображенъ одинъ изъ Духовъ Божіихъ, которые представлены въ типѣ обыкновенныхъ ангеловъ, одѣтыхъ, въ соотвѣтствующей по сюжету этой миніатюрѣ въ Хлудовск. Апок. № 358, 1708 г., м. 2 [копія краск. 22]. Этотъ Духъ стоитъ въ голубомъ щитѣ, съ золотою трубою въ правой рукѣ. По щиту отъ ореола съ Еммануиломъ исходятъ силы и гласы въ видѣ полосъ, красныхъ съ бѣлымъ, по три по обѣ стороны обнаженнаго Духа. Потомъ такія же обнаженныя крылатыя фигуры писаны въ м. 19 [сн. 168]. Ихъ четыре; двѣ держатъ свитокъ неба, съ надписью надъ ними: *Ангели Господни*, а двѣ трубятъ, съ надписью на каждой: *Вѣтръ*. При этомъ надобно замѣтить, что это иллюстрація къ 18-й главѣ по толковому счету, по простому VI, 12-17, а не къ главѣ 19-ой, или VII, 1-8, въ которой предлагается видѣніе о Вѣтрахъ; ей соотвѣтствуетъ здѣсь м. 20 [сн. 169] съ обыкновеннымъ во всѣхъ редакціяхъ представленіемъ четырехъ Вѣтровъ съ ангелами.

Главное достоинство описываемой иллюстраціи состоитъ въ ея художественномъ исполненіи, какъ въ рисункѣ, такъ и въ колоритѣ, о чемъ достаточное понятіе даютъ приведенные у меня снимки и копіи красками.

Въ очеркахъ фигуръ наблюдается красота и благообразіе лицъ, не только женскихъ, какъ св. Жены, Невѣсты Агнчей, олицетвореній Земли и Моря, но и мужскихъ, какъ юныхъ, такъ и старческихъ, не говоря уже объ ангельскихъ и о подобіяхъ Божества. Соблюденіе типическихъ условій Иконописнаго Подлинника не нарушаетъ внѣшней красоты суровою строгостью, напротивъ возвышаетъ и освящаетъ ее какою-то торжественностью, изъемлющею эти иконописные типы изъ среды ежедневной дѣйствительности.

Постановка и движенія фигуръ вообще довольно правильны и натуральны.

Въ цѣломъ составѣ каждой миніатюры господствуетъ стиль живописный передъ иконографическимъ. Небо обыкновенно

голубое, съ облаками, писанными въ тѣнь, съ золотыми или красными звѣздами; изрѣдка оно розовое или красное, мм. 45, 47, 61, 70. Иногда принята стилизація, которою мастеръ пользуется, какъ художественною прикрасою, напр. небо изъ трехъ арокъ, будто сводовъ какого зданія, м. 36 [сн. 170]. Внизу преобладаетъ ландшафтная живопись, съ зелеными лугами и группами довольно правильно писанныхъ деревьевъ.

Встрѣчаются очень изящные монохромы, напр. выше упомянутыхъ геніевъ и ангеловъ, мм. 3, 19, 48, олицетворенія моря, м. 65.

Колоритъ Горняго Іерусалима, или голубой, т. е. небесный, м. 66, или свѣтлозеленый, подходящій къ цвѣту неба, м. 68.

Характеръ редакціи Подноснаго экземпляра восполняется прибавленіями и варіантами въ копіяхъ.

Кромѣ указанныхъ прежде пяти миніатюръ, добавочныхъ, независимость копій явствуетъ изъ слѣдующаго.

Вопервыхъ, сюжеты другой редакціи. Такъ фигуры Перваго и Втораго Звѣря отличаются бо́льшею архаичностью въ типахъ и каждый писанъ на миніатюрѣ только одинъ, мм. 44 и 45 [снн. 177 и 178], безъ окружающей ихъ сложной обстановки, какъ въ Подн., мм. 37 и 38. Въ копіяхъ ангелы получаютъ фіалы отъ Орла, м. 54, въ Подн. отъ крылатаго Человѣка, м. 45.

Вовторыхъ, колоссальность, какъ названныхъ обоихъ апокалипсическихъ Звѣрей, мм. 44 и 45, такъ и нѣкоторыхъ другихъ фигуръ, усвоенная въ копіяхъ, но чуждая Подносному экземпляру, свидѣтельствуетъ о вліяніи какой-то малосложной редакціи, въ которой одна или двѣ фигуры, составляющія весь сюжетъ миніатюры, дали поводъ мастерамъ въ листовомъ форматѣ рукописи предложить фигуры такого крупнаго размѣра, который вовсе необыченъ для прочихъ редакцій. Таковы миніатюры: 35 [сн. 176] съ однимъ только Облачнымъ Ангеломъ, въ Подн. слич. м. 29; мм. 48 и 49, каждая только съ летящимъ ангеломъ, въ Подн. слич мм. 40 и 41; м. 74 съ однимъ Іоанномъ; мм. 83 и 84 съ Іоанномъ и ангеломъ, и наконецъ м. 85 только съ Іисусомъ Христомъ.

Наконецъ, что̀ особенно важно, иныя миніатюры вѣрнѣе и согласнѣе съ текстомъ, чѣмъ въ Подн. экземплярѣ. А именно:

Въ м. 32 Четвертый Ангелъ только одинъ съ трубою, а

другой безъ трубы паритъ подъ небомъ, тогда какъ въ Подн., вмѣсто того три ангела, и всѣ съ трубами.

Въ м. 43 св. Жена, чтобы спастись въ пустыню, снабжена, по тексту, крыльями, тогда какъ въ Подн. она безъ крыльевъ, м. 36 [сн. 170].

Какъ на существенный недостатокъ въ обѣихъ копіяхъ надобно указать на отсутствіе Невѣсты Агнчей въ м. 66; слич. въ Подн. м. 58 [сн. 172]. Нѣтъ въ нихъ также и пьяной Любодѣицы, составляющей сюжетъ для м. 55 въ Подн.

Впрочемъ, очевидную зависимость обѣихъ копій отъ Подн. экземпляра представляетъ м. 62 съ двумя сценами, которая въ этомъ послѣднемъ писана по обѣимъ сторонамъ текста, м. 53 [сн. 171], въ такомъ самостоятельномъ пріемѣ приноровленія текста и иллюстраціи другъ къ другу, что уже извлеченіе этихъ двухъ сценъ на отдѣльный листъ безъ текста въ копіяхъ очевидно свидѣтельствуетъ о ихъ прямой зависимости отъ оригинала.

Синодальная копія отличается отъ Петербургской слѣдующими особенностями.

М. 58 [сн. 172] въ Подн., или м. 66 въ СПБ., раздѣлена въ Синод. копіи на двѣ: въ одной ангелъ съ Іоанномъ, т. е. нижняя половина, съ надписью: *Ангелъ господень евангелисту показуетъ тайну агньчу вечерю;* а въ другой—верхняя часть, т. е. Іисусъ Христосъ съ ликами святыхъ, надписанныхъ: *ликъ преподобныхъ, ликъ мученикъ, ликъ святителей, церковь господня на облацѣхъ.*

Ангелъ Облачный другой редакціи; см. въ описаніи миніатюръ подъ м. 29 Подн. экземпляра.

Магогъ держитъ мертвую руку; см. тамъ же м. 64.

1) Безъ неба. Желтая гора. На горѣ стоитъ городъ въ древнемъ стилѣ, съ высокими стѣнами; по угламъ ихъ башни, въ видѣ столповъ, но съ востроконечными крышами и стрѣлками, на которыхъ флюгера. Въ горѣ пещера. Въ ней сидятъ—Прохоръ на широкомъ престолѣ и пишетъ въ свиткѣ, тутъ же на престолѣ стоитъ и чернильница,—и Іо. на обыкновенномъ престолѣ, благословляя Прохора правою рукою. Въ СПБ. копіи

горы зеленыя, поднимаются вострыми скалами, изъ-за которыхъ виднѣется красноватый городъ. Въ пещерѣ Прохоръ сидитъ на обыкновенномъ престолѣ, тоже пишетъ, но для чернильницы нѣтъ мѣста на престолѣ. Іо. стоитъ около, правою рукою указываетъ на свитокъ Прохора, а лѣвую поднялъ къ груди, раскрывъ ладонь; голову повернулъ отъ Прохора въ другую сторону. Налѣво въ верхнемъ углу овальный вырѣзъ неба съ благословляющею десницею.

2) I, 1-9. Безъ неба. Въ горѣ пещера, въ коей на престолѣ сидитъ Іо., простирая обѣ руки въ сторону. Надъ миніатюрою надпись: *Видѣніе въ немъ же видѣ св. Іо. Богословъ въ Патѣмѣ островѣ.*

3) I, 10-20 [копія краск. 19]. Еммануилъ въ ореолѣ голубаго неба съ звѣздами; позади поднимается такой же ореолъ съ обнаженнымъ ангеломъ въ голубомъ же монохромѣ, съ трубою въ рукѣ, что̀ составляетъ характеристику редакціи. Надъ Еммануиломъ въ небольшомъ продолговатомъ вырѣзѣ неба съ лѣвой стороны еще I. X. въ крестномъ сіяніи съ благословляющею десницею; въ СПБ. копіи онъ въ кругломъ ореолѣ.—Іо. писанъ дважды. Налѣво онъ стоитъ, направо—палъ къ ногамъ Еммануила. Въ Синод. копіи I. X. помѣщенъ вверху не налѣво, а прямо надъ полуореоломъ съ обнаженнымъ ангеломъ. Въ обѣихъ копіяхъ, м. 5, по семи свѣщниковъ, но въ Подносномъ экземплярѣ, по недосмотру, одинъ опущенъ.

4-9) II, III, 1-13. Безъ верхней половины, въ которой по другимъ редакціямъ писанъ Еммануилъ, здѣсь изображены только въ каждой м. по ангелу одной изъ семи Церквей. Ангелъ въ цвѣтномъ одѣяніи, синемъ и вишневомъ, съ кудрявыми волосами, длинными сзади, и повязанными бѣлою лентою, съ концами, развивающимися отъ ушей. Это, такъ называемые, слухи, вмѣсто древнѣйшей діадимы. Свитокъ, съ соотвѣтствующимъ текстомъ Писанія, ангелы держатъ, или въ обѣихъ рукахъ, или въ одной, и тогда другую оставляютъ съ открытою ладонью, безъ различія—правую или лѣвую. Стоятъ они на подножіи передъ полатнымъ письмомъ церкви, образецъ которой дается въ снимкѣ 7-ой м. II, 18 [сн. 166], которая предлагаетъ замѣтную характеристику редакціи въ томъ, что свой свитокъ ангелъ держитъ надъ головою будто арку, линіи которой и на самомъ рисункѣ полатнаго письма сливаются съ аркою зданія, идущею подъ оваломъ свитка. Эта подробность была замѣчена

мастерами первой половины XVIII в., какъ свидѣтельствуетъ мой Апок. 1721 г. въ м. 5 и Тихонр. 1731-1736 г. въ мм. 5 и 7.— Всѣ мм. безъ неба, только въ 4-ой и 9-ой въ одномъ изъ верхнихъ угловъ, въ 4-ой въ лѣвомъ, а въ 9-ой въ правомъ, помѣщенъ небольшой овальный вырѣзъ голубаго неба съ звѣздами и тремя клинообразными лучами голубаго же цвѣта. Слѣдуетъ замѣтить, что такіе же вырѣзы, но иначе раскрашенные и безъ лучей, и въ тѣхъ же углахъ и только въ тѣхъ же самыхъ мм. помѣщены въ СПБ. копіи.

10) III, 14. Изъ двухъ миніатюръ, горизонтально раздѣленныхъ полосою. Въ верхней м. такой же ангелъ со свиткомъ въ рукахъ, на полатномъ письмѣ Лаодикійской Церкви. Въ нижней на склонѣ желтой горы стоитъ Іо., простирая руки къ І. Х., который въ лѣвомъ углу по красному фону неба, окруженному оваломъ голубыхъ облаковъ, выступаетъ до колѣнъ, благословляя Іоанна. Въ СПБ. копіи этотъ рисунокъ раздѣленъ дѣйствительно на двѣ миніатюры, 13 и 14. Одна съ ангеломъ такая же, какъ и всѣ прочія съ ангелами семи Церквей, а въ другой въ большихъ размѣрахъ писано то же, что̀ въ нижней половинѣ Подноснаго экземпляра, т. е. Іо. и І. Х. Такъ же колоссальный Іо. и въ Синод. копіи.

11) IV. Вверху въ голубомъ ореолѣ на престолѣ сидитъ въ бѣлыхъ ризахъ Саваоѳъ, съ книгою, запечатанною печатями, въ лѣвой рукѣ, правою блогословляетъ; въ угловатомъ сіяніи; въ длинныхъ сѣдыхъ волосахъ примѣту составляетъ на темени вихоръ, типическая принадлежность ветхозавѣтныхъ пророковъ и Іоанна крестителя. Этотъ типъ Саваоѳа удерживается во всѣхъ прочихъ мм. Изъ-за плечъ Саваоѳа выступаютъ красные символы: Левъ и Орелъ. Надъ этимъ ореоломъ—полуореолъ, тоже голубой, съ однимъ ангеломъ, по̀ поясъ; по сторонамъ его тоже красные символы: крылатый Человѣкъ и Телецъ. Оба ореола выступаютъ на виднѣющихся немного позади ихъ половинкахъ золотыхъ дверей неба. Направо стоитъ Ангелъ, налѣво Іо. Ниже по желтой горѣ, по обѣ стороны сидя на своихъ золотыхъ престолахъ, съ высокими круглыми задками, склоняются Старцы въ цвѣтныхъ одеждахъ, съ коронами въ рукахъ въ видѣ шапки. Въ самомъ низу посреди—голубое море. Въ СПБ. копіи то же; а въ Синод. все это составляетъ только верхнюю часть; внизу же въ крупныхъ размѣрахъ Іо. и ангелъ, стоящіе на землѣ.

12) V, 1-5 [сн. 167]. Ореолъ съ Саваоѳомъ, полуореолъ съ херувимомъ и свитокъ неба голубые съ золотыми звѣздами и такими же свѣтилами. Книга въ рукахъ Саваоѳа закрыта, какъ слѣдуетъ и запечатана, но десятью печатями, вмѣсто семи. Одинъ изъ трехъ ангеловъ выражаетъ свою печаль тѣмъ, что прилагаетъ руку къ щекѣ, какъ и Іо. Старецъ въ свѣтлыхъ ризахъ, отличается типическимъ вихромъ на темени. Онъ въ сандаліяхъ, какъ и Іо. Въ СПБ. копіи оба безъ сандалій, съ обнаженными ногами; какъ въ этой, такъ и Синод. копіи старецъ безъ вихра. Надпись на свиткѣ у ангела другой редакціи, которой соотвѣтствуетъ и самая м.: *и плакахуся мнозіи чинове ангельстіи и азъ плакахся много*; тогда какъ въ текстѣ Подносн. экземпляра значится только: *и плакахуся мнози, яко не обрѣтеся* и проч.

13) V, 6-9. Въ ореолѣ на широкомъ престолѣ Саваоѳъ съ книгою, въ противность тексту, не только не запечатанною, но даже раскрытою, хотя печати и висятъ на ней; около ступаетъ на престолъ съ книгою Агнецъ, бѣлый, о двухъ очахъ и съ семью рогами въ видѣ гребня. Надъ ореоломъ полуореолъ съ ангеломъ по грудь и съ херувимами, а выше— свитокъ неба. По сторонамъ на воздухѣ, и потомъ по желтой горѣ, Старцы съ обнаженными головами, сидя на престолахъ поклоняются, каждый держа въ рукахъ гусли и кадильницу. Сложенныхъ въ кучу коронъ, какъ принято въ Филар. редакціи и удержано въ Чуд. Переводѣ, вовсе нѣтъ. Внизу посреди стоитъ толпа людей, обращающихся другъ другу съ раскрытыми ладонями. Въ СПБ. копіи книга тоже раскрыта.

14) VI, 2. Безъ неба. Первый Всадникъ на бѣломъ конѣ [въ текстѣ *конь сѣръ*], въ коронѣ, съ лукомъ на плечѣ, ѣдетъ по черной пропасти, окруженной желтымъ фономъ горы, что̀ принято и далѣе, для Втораго Всадника и для Смерти, мм. 15 и 17: это примѣта редакціи.

15) VI, 4. Тоже безъ неба. Второй Всадникъ на желтомъ конѣ, держитъ на плечѣ копье съ знаменемъ, на половину голубымъ и вишневымъ.

16) VI, 5. Вверху по голубому небу голубой же ореолъ, окрестъ съ красными углами, но безъ символич. животныхъ. Въ ореолѣ Саваоѳъ, съ закрытою книгою, но безъ печатей; по другому престолу идетъ къ нему Агнецъ. По сторонамъ ореола толпы ангеловъ; у переднихъ по дискосу или печати,

изъ коихъ на одной IC., а на другой XC. Внизу по желтой горѣ ѣдетъ Третій Всадникъ въ голубой шапкѣ съ краснымъ разрѣзнымъ околышемъ; въ одной рукѣ держитъ вѣсы, въ другой чашу. Налѣво стоитъ Іо. Обѣ копіи безъ верхней половины и безъ Іоанна внизу; въ СПБ. копіи всадникъ въ такой же шапкѣ, а въ Синод.—съ открытою головой.

17) VI, 8. Вверху то же, только Саваоѳъ, въ противность тексту, уже вовсе безъ книги. Внизу по желтому полю надъ черной пропастью, по низверженной толпѣ людей, изъ коихъ одного пожираетъ Звѣрь, ѣдетъ на бѣломъ конѣ Смерть; за плечами у ней кошель съ убійственными орудіями, на плечѣ коса, но въ рукахъ держитъ она золотую трубу [сн. 175 а], направляя изъ нея красные лучи къ стоящему позади Аду, въ человѣчьемъ видѣ съ звѣриною мордою, голый, о чреслахъ препоясанъ, съ палицею въ рукѣ. Налѣво стоитъ Іо. Въ обѣихъ копіяхъ опять нѣтъ верхней половины, почему фигуры нижней части гораздо крупнѣе; также нѣтъ и Іо. Въ СПБ. копіи Смерть тоже съ трубою, что̀ составляетъ характеристику редакціи; но въ Синод.—труба замѣнена дубиною.

18) VI, 9-11. Вверху въ небѣ въ ореолѣ на престолѣ Саваоѳъ, опять безъ книги; около на другомъ престолѣ Агнецъ. Подъ ореоломъ стоятъ юноши въ сіяніи и въ цвѣтныхъ одеждахъ: это души святыхъ, но онѣ здѣсь не *предъ олтаремъ*, какъ значится въ текстѣ, а *подъ* престоломъ. Внизу на горѣ налѣво церковь объ одной главѣ съ восьмиконечнымъ крестомъ. Изъ вратъ церкви показывается *Господня рука*, какъ гласитъ надпись, со свиткомъ, въ коемъ начертано: *даны быша имъ ризы бѣлы*, тогда какъ ризы эти на миніатюрѣ—голубыя и вишневыя. Подъ церковью пещера; въ ней толпа падшихъ людей, изъ коихъ одинъ въ коронѣ: всѣ въ сіяніяхъ; двое изъ нихъ выражаютъ горе, приложивъ руку къ щекѣ. Около стоятъ трое, тоже въ сіяніяхъ. Направо на горѣ стоитъ Іо. Въ копіяхъ безъ верхней половины и безъ Іо.

19) VI, 12-17 [сн. 168]. Четыре обнаженныя фигуры, съ крыльями, сполна голубыя въ свѣтлотѣнь, какъ ангелъ съ трубою на м. 3 [копія краск. 19], но въ золотыхъ сіяніяхъ; всѣ съ золотыми же трубами. Двѣ верхнія фигуры, держащія свитокъ голубаго неба, названы въ надписи: *Ангели Господни*; двѣ нижнія, стоящія за вершиною горы—*Вѣтрами*. Это тѣ раз-

рушительныя силы, которыя потомъ, на слѣдующей миніатюрѣ, четыре ангела укрощаютъ въ своихъ рукахъ. Съ неба падаютъ золотыя звѣзды; тутъ же въ воздухѣ двѣ отторгнутыя скалы. Фигуры, скрывшіяся въ двухъ пещерахъ, одѣты въ разноцвѣтное платье съ золотыми полосами; одна налѣво въ кафтанѣ съ шнурами и откидными рукавами. Изображеніе Вѣтровъ въ двухъ моментахъ, раздѣленныхъ на двѣ мм., составляетъ особенность этой редакціи. Въ обѣихъ копіяхъ рисунокъ раздѣленъ на двѣ мм.: въ одной два Ангела-Вѣтра со свиткомъ неба; внизу поле, окруженное высокими скалами; на другой вся остальная нижняя часть съ другими двумя олицетвореніями вѣтровъ.

20) VII, 1-4 [сн. 169]. Миніатюра раздѣлена прямою линіею на двѣ половины. Въ верхней—голубое море, съ желтою посреди его землею и съ зелеными и красными деревами. По четыремъ угламъ по ангелу съ крылатымъ Вѣтромъ, чѣмъ эта редакція отличается отъ Филаретовско-Чудовской, въ которой Вѣтры безъ крыльевъ. Посреди земли еще ангелъ со свиткомъ и восьмиконечнымъ крестомъ. Въ нижней половинѣ тотъ же ангелъ изображенъ дважды передъ двумя толпами людей. Въ обѣихъ копіяхъ раздѣлено на двѣ мм. Въ одной то же самое, что̀ въ верхней половинѣ Подноснаго экземпляра; въ другой—сюжетъ нижней половины, но другаго перевода.

21) VII, 9-17. Вверху въ голубомъ ореолѣ на широкомъ престолѣ Саваоѳъ благословляетъ Агнца, у плеча котораго приложена раскрытая книга. Подъ скамьею, на которую Саваоѳъ постановилъ ноги, четыре красныхъ колеса съ крыльями. Ореолъ окруженъ голубою же полосою съ ангелами въ свѣтлотѣнь; только верхній, по грудь, разцвѣченъ натуральными колерами. Четыре символич. животныя краснаго цвѣта помѣщены въ ногахъ Господа Саваоѳа по двое: два по сторонамъ нижней дуги ореола, и другія два подъ ними, по сторонамъ голубой полосы. Внизу гора съ зелеными деревами; надъ нею въ воздухѣ на облачкѣ, налѣво Іо., а направо старецъ. На склонѣ горы люди въ двухъ толпахъ—направо падаютъ ницъ, а налѣво стоятъ: между ними двое въ коронахъ, на одномъ корона городами, на другомъ шапкою.

22) VIII, 1-6. Вверху такой же ореолъ съ Саваоѳомъ и Агнцемъ, только на двухъ престолахъ и безъ книги; подъ скамьею тоже крылатыя колеса; четыре символ. животныя

писаны краснымъ, попарно: два по одну сторону ореола, два по другую. Изъ голубой полосы, окружающей ореолъ, выступаютъ семь золотыхъ трубъ, въ которыя трубятъ семь ангеловъ въ цвѣтныхъ одѣяніяхъ, размѣщенные въ этой полосѣ. Внизу желтая гора. Направо стоитъ Іо. Налѣво на облакѣ стоитъ жертвенникъ подъ сѣнію съ крышею, поднимающеюся острымъ угломъ со шпицемъ, на которомъ восьмиконечный крестъ. Изъ-за завѣсы сѣни вышелъ ангелъ съ кадиломъ на цѣпочкѣ, а не съ ручкою, какъ въ Филаретовско-Чудовск. редакціи. На жертвенникѣ еще два сосуда, въ формѣ того же кадила. Обѣ копіи безъ Іо.

23) VIII, 7. Вверху по симметрически выгнутому овалу неба ореолъ съ Саваоѳомъ на престолѣ, съ закрытою книгою, безъ Агнца. Окрестъ овала четыре красныхъ угла безъ символич. животныхъ; по сторонамъ по три ангела съ трубами. Седьмой, т. е. Первый Ангелъ, летитъ съ неба внизъ и трубитъ, держа въ рукѣ свитокъ съ написаніемъ. Внизу желтыя горы съ бѣлымъ городомъ. Направо стоитъ Іо. Въ обѣихъ копіяхъ безъ верхней части съ Саваоѳомъ, и внизу безъ Іо.

24) VIII, 8-9. Безъ верхней части; только отъ малаго вырѣза голубаго неба въ правомъ углу летитъ Второй Ангелъ и трубитъ въ пропасть съ людьми, образовавшуюся въ горѣ, поверженной въ море. Это должна бы быть *гора жегома огнемъ*, какъ значится въ текстѣ, какъ она и представляется въ пламени по другимъ редакціяхъ, но здѣсь, какъ и въ копіяхъ— эта существенная черта оставлена безъ вниманія. По морю ниспровергнуты корабли. Направо на берегу стоитъ Іо., коего въ копіяхъ нѣтъ.

25) VIII, 10-11. Подъ голубымъ небомъ съ золотыми звѣздами, выгнутымъ аркою, летитъ Третій Ангелъ съ трубою и написаннымъ свиткомъ. Внизу гора съ голубыми и красными деревами. Они окружаютъ воду, въ которую пала звѣзда Апсинѳосъ [въ текстѣ *аксинфосъ*]. Направо толпа приблизилась къ водѣ; одинъ палъ ницъ, будто кланяется въ землю, другой черпаетъ воду ведромъ. На противоположномъ берегу, налѣво, стоитъ Іо., котораго въ копіяхъ опять нѣтъ.

26) VIII, 12-13. Вверху свитокъ голубаго неба съ золотыми звѣздами и такими же солнцемъ и луною, которыхъ померкшая третья часть покрыта черниломъ. У каждаго изъ свѣтилъ этихъ

по летящему ангелу съ трубою, въ которую трубитъ. Новое несогласіе съ текстомъ, который говоритъ объ одномъ Четвертомъ Ангелѣ съ трубою, а не о двухъ трубящихъ. Эта уступка сдѣлана въ пользу изящной симметріи, чтобы у каждаго свѣтила было по ангелу, въ симметрическихъ другъ съ другомъ позахъ и на симметрически же завивающихся углахъ небеснаго свитка. Подъ этимъ свиткомъ по воздуху паритъ еще ангелъ внизъ, и тоже трубитъ въ трубу, чего не указываетъ текстъ и не допускаютъ другія редакціи. Это именно тотъ ангелъ, замѣняемый иногда орломъ [см. въ моемъ Апок. древней редакціи и въ Солов. юсов.], который паритъ *посредѣ небеси*, какъ значится въ текстѣ и Подносн. экземплярѣ, но на миніатюрѣ при этомъ текстѣ онъ держитъ свитокъ, въ которомъ текстъ означенъ иначе: *и единъ отъ ангелъ паритъ подъ небесемъ*. Внизу гòры съ деревьями и три города въ стѣнахъ съ зданіями и два изъ нихъ съ людьми. Налѣво стоитъ Іо. Въ СПБ. копіи несогласіе съ текстомъ устранено: на небесномъ свиткѣ только одинъ ангелъ съ трубою, а не два, и потомъ ангелъ парящій въ воздухѣ со свиткомъ—безъ трубы. Въ Синод. копіи ангелъ паритъ надъ пустынною мѣстностью безъ городовъ. Въ копіяхъ Іоанна нѣтъ.

27) IX, 1-11. Съ голубой арки неба съ золотыми свѣтилами летитъ Пятый Ангелъ съ трубою. Внизу гòры, съ нѣсколько спускающеюся по срединѣ долиною. На горѣ налѣво стоитъ Іо. Подъ нимъ пещера, въ коей скрываются люди, обращаясь къ Смерти, которая уходитъ отъ нихъ направо уже по другую сторону долины, съ косою на плечѣ и съ кошелемъ, наполненнымъ убійственными орудіями. Подъ Смертью разверзлась утроба земная огромною пещерою, по черному фону которой упадаетъ золотая звѣзда и золотой ключъ; около этихъ предметовъ въ нижнемъ углу направо, въ величавой повелительной позѣ стоитъ красивая фигура царя Аполліона, или Аваддона, въ золотой коронѣ; на немъ голубая риза съ золотыми полосами и поясомъ и красная мантія [сн. 175 б]; въ лѣвой рукѣ держитъ красный жезлъ, правую протянулъ къ скачущему изъ пещеры табуну Пруговъ, въ золотыхъ коронахъ и стальныхъ латахъ, съ длинными волосами, красными крыльями и красными же змѣиными головами на хвостахъ. Внѣ пещеры въ лѣвомъ углу спасаются бѣгствомъ отъ этихъ чудовищъ люди

въ изящно сгруппированной толпѣ. Изъ черной пропасти земной подымается вверхъ до самаго неба широкимъ снопомъ черный дымъ. Въ СПБ. копіи Аваддонъ въ томъ же царственномъ типѣ, только не стоитъ, а сидитъ на престолѣ, поставивъ ноги на скамью; въ Синодальной же типъ другой—въ короткомъ выше колѣнъ одѣяніи, и не въ натуральномъ колоритѣ, а въ дикомъ монохромѣ.

28) IX, 13-19. Вверху въ правомъ углу овальный вырѣзъ голубаго неба. Изъ него вышла десница Господня со свиткомъ, въ которомъ написано: *и гласъ изъ облака глаголющь ко 6 ангелу* и пр., опять не согласно съ текстомъ, какъ значится онъ и въ этой рук.: *И шестый ангель вострубн, и слышахъ гласъ отъ 4. рогъ (и) олтаря златаго, сущаго предъ Богомъ*. Лучшія редакціи вмѣняютъ себѣ въ обязанность воспроизводить указанія этого текста, не только въ изображеніи жертвенника, или олтаря подъ сѣнію, какъ Филарет. экземпляръ XVI в. м. 27 и въ Чудовск. Переводѣ съ его многочисленными копіями, но и въ наивномъ представленіи самыхъ роговъ жертвенника, какъ въ моемъ юсов. Апок. XVI в., м. 33 [сн. 97 а].—За исключеніемъ малой полосы въ верху съ сказаннымъ оваломъ неба по бѣлому фону бумаги, всю миніатюру занимаетъ гора. Высоко налѣво по желтому фону горы писано голубое море, въ овальномъ пространствѣ: на немъ четыре ангела, въ сіяніяхъ: это опять неточное воспроизведеніе *рѣки Евфрата*. Къ ангеламъ подлетаетъ съ трубою Шестой Ангелъ, чтобы разрѣшить ихъ отъ узъ, которыя однако мастеръ забылъ начертать. Ниже направо эти же четыре ангела летятъ съ обнаженными кривыми саблями на толпу людей, падающихъ ницъ и ниспровергающихся въ ужасѣ передъ скачущею на нихъ толпою всадниковъ съ обнаженными головами въ красномъ одѣяніи на звѣряхъ, изрыгающихъ изъ пасти пламя. Они направляются отъ поднимающагося у самой рамки миніатюры столпа изъ краснаго мрамора съ свѣтлыми крапинами. На столпѣ стоятъ два золотые истукана.

29) X, 1-3. Вверху въ правомъ углу овальный вырѣзъ неба, въ немъ по колѣна стоитъ Саваоѳъ, благословляя десницею. Внизу желтыя горы, у подошвы коихъ въ лѣвомъ углу голубое море. Облачный Ангелъ стоитъ лѣвою ногою на землѣ, а правою на морѣ; въ лѣвой рукѣ держитъ раскрытую книгу,

обращаясь къ стоящему около него Іоанну съ красною тростью, правую простираетъ съ открытой ладонью. Кромѣ сіянія голову его окружаетъ небольшой полный кругъ красной радуги. На немъ какъ бы рубашка съ широкими рукавами изъ голубыхъ завитковъ облаковъ, спускающаяся ниже колѣнъ; обнаженныя ноги красныя. Въ обѣихъ копіяхъ вся м. занята только изображеніемъ Облачнаго Ангела, который, такимъ образомъ, писанъ во весь листъ въ большихъ размѣрахъ; въ СПБ. копіи онъ того же рисунка, что̀ и въ Подносн. экземплярѣ, только лицо совсѣмъ en face, тогда какъ въ послѣднемъ въ три четверти, и кругъ радуги желтый, да позади облачная рубашка оттопыривается, принимая видъ широкаго хвоста [сн. 176]. Во Синод. копіи типъ ангела другой. Лицо у него какъ дискъ солнца, желтое, и кругомъ его клинообразное сіяніе, желтое же, а радуга въ видѣ дуги, тоже желтой; рубашка изъ облаковъ короткая, выше колѣнъ; вмѣсто ногъ кирпичнаго цвѣта колонны, съ перемычками въ два кольца, а около колѣнъ онѣ окружены языками пламени.

30) X, 5-9. Вверху посреди полукругъ голубаго неба. Внизу горы съ моремъ. Облачный Ангелъ одѣтъ здѣсь иначе. Вмѣсто рубашки или туники, теперь облака одѣваютъ каждую его ногу кругомъ, образуя какъ бы панталоны, ниже колѣнъ. Онъ держитъ книгу въ лѣвой рукѣ, а Іо. подходитъ къ нему съ правой стороны. Въ морѣ плыветъ одна рыба. Въ обѣихъ копіяхъ удержанъ тотъ же почти рисунокъ, что̀ и въ м. 29.

31) XI, 3-8. Вверху въ лѣвомъ углу изъ овальнаго неба выказывается благословляющая десница; около ея надписано: *Іс. Хс. благословляетъ Илью и Еноха.* Ниже полатное письмо во всю ширину миніатюры на желтой горѣ. Подъ благословляющею десницею стоятъ Енохъ и Илія, не въ овечьей милоти, а въ обыкновенной тогѣ сверхъ туники. Изъ устъ ихъ исходитъ обличеніе въ видѣ красныхъ лучей, которые падаютъ на сидящаго на престолѣ Антихриста и его слугъ, между коими стоятъ по обѣ стороны позади Антихриста по крылатому дьяволу. Антихристъ въ благообразномъ типѣ царя, въ коронѣ, въ красной съ золотыми полосами ризѣ и въ голубой мантіи, въ лѣвой рукѣ держитъ черный посохъ, правую простеръ къ праотцамъ. Внизу подъ горою, въ лѣвомъ углу черная про-

пасть. Сатана или Адъ, на человѣчьемъ корпусѣ съ звѣриною головою и еще съ человѣчьимъ бородатымъ лицомъ на чревѣ, и съ хвостомъ. Онъ замахнулъ палицу на упадшихъ Еноха и Илію, побивая ихъ. Въ обѣихъ копіяхъ почти тотъ же переводъ, только въ Синод., вмѣсто Ада или Сатаны, согласнѣе съ Писаніемъ, изображенъ левъ, разѣвающій пасть на падшихъ передъ нимъ пророковъ.

32) XI, 8-13. Вверху посреди изъ небеснаго полукруга выказывается рука Господня со свиткомъ, въ коемъ писано: *И духъ животный вниде въ ня* и пр. По воздуху ангелъ поднимаетъ къ небу облако, въ которомъ стоятъ Енохъ и Илія. Внизу полатное письмо города въ стѣнахъ. Верхи зданій падаютъ, давя людей. Внизу на землѣ лежатъ оба праотца мертвые. Тутъ же направо они стоятъ воскресшіе. Въ СПБ. копіи тотъ же переводъ; въ Синод. безъ ангела, возносящаго облако съ Енохомъ и Иліею.

33) XI, 15-18. Въ небѣ въ ореолѣ, окруженномъ красною полосою съ херувимами, возсѣдаетъ Саваоѳъ, благословляя десницею. Надъ этимъ ореоломъ полуореолъ съ ангеломъ по грудь. Надъ полуореоломъ выказался тоже по грудь Седмой Ангелъ съ трубою. По обѣимъ сторонамъ въ небѣ же пали съ престоловъ Старцы въ цвѣтномъ одѣяніи. Коронъ около нихъ нѣтъ. Внизу по желтой землѣ стоитъ Іо. Въ обѣихъ копіяхъ верхъ тотъ же, только въ небѣ, вмѣсто Старцевъ, по обѣ стороны по ангелу; Старцы же поклоняются внизу на землѣ, безъ престоловъ.

Затѣмъ въ СПБ. копіи слѣдуетъ м., не имѣющая себѣ соотвѣтственной въ Подносн. экземплярѣ. Эта м., 40-я, изображаетъ, какъ гласитъ и надпись на ней, *Горній Іерусалимъ на облацѣхъ идѣже вси святіи*; по тексту она отнесена къ XI, 15-18 и писана на оборотной сторонѣ того же листа 99-го, на лицевой сторонѣ коего написана м. 39-я, тотчасъ упомянутая подъ рубрикою 33-ею.

34) XI, 19. XII, 1-5. Въ голубомъ небѣ налѣво стоитъ на золотой лунѣ св. Жена въ коронѣ и сіяніи, съ распущенными волосами изъ подъ короны, въ красномъ одѣяніи; держитъ младенца въ простомъ сіяніи; но она уже *не облечена въ солнце*, какъ предписываетъ текстъ и какъ это наблюдается въ прочихъ редакціяхъ. Отъ Жены направо летитъ ангелъ, поднося

того же младенца въ пеленахъ къ красному ореолу, въ коемъ на престолѣ сидитъ Саваоѳъ, простирая благословляющую десницу къ младенцу. На краю неба церковь о трехъ главахъ съ восьмиконечными крестами. Въ ней двое вратъ: переднія закрыты золотыми створами; боковыя налѣво отверсты, и изъ чернаго ихъ отверстія красными лучами исходитъ потокъ на великаго Змія, который подъ небомъ несется въ воздушномъ пространствѣ: онъ весь красный, на семи головахъ его короны и рога, о двухъ лапахъ, но безъ крыльевъ. Надъ нимъ надпись, не согласная съ текстомъ: *Градъ изъ церкви біетъ змія.* Налѣво внѣ рамки стоитъ Іо. Въ СПБ. копіи тотъ же переводъ; но въ Синод. совсѣмъ другой. Церкви вовсе нѣтъ; Жена безъ младенца, стоитъ на лунѣ, въ продолговатомъ ореолѣ, окруженномъ волнующимися лучами, какъ языки пламени, въ западномъ стилѣ. Противъ Жены Змій, четвероногій, изливаетъ воду. Все это не у мѣста.

35) XII, 7-12. Вверху въ небѣ ангелы въ золотыхъ доспѣхахъ скачутъ на бѣлыхъ коняхъ, поражая длинными копьями темныхъ дьяволовъ, несущихся по воздуху на темныхъ же коняхъ, и потомъ—внизу въ черной пропасти—низвергнутаго Великаго Змія. Налѣво въ верхнемъ углу выказывается десница Божія, съ надписью *Іс. Хс.*, со свиткомъ, въ коемъ начертано изъ текста: *И бысть гласъ съ небеси глаголяй* и пр. У низвергаемыхъ дьяволовъ на коняхъ надпись, взятая не изъ текста: *Силы демонстіи вержени быша въ бездну и со злымъ зміемъ.* Направо стоитъ Іо. Въ копіяхъ тотъ же переводъ, только безъ Іоанна.

36) XII, 13-16 [сн. 170]. Вверху замѣчательно стилизованное голубое съ золотыми свѣтилами небо, въ трехъ аркахъ, обведенныхъ полосою съ голубыми же отливами. Ниже по желтому фону горы черная пропасть съ краснымъ Зміемъ, изливающимъ голубую воду. Налѣво стоитъ Іо., направо по зеленому фону деревьевъ въ изящномъ поворотѣ св. Жена, спасающаяся отъ Змія въ пустыню. Она опять въ красномъ одѣяніи и съ распущенными волосами изъ подъ короны, но крыльевъ орла великаго, предписанныхъ текстомъ, у нея нѣтъ. Подпись: *идѣже Богъ уготова пустыню жень*, взята не изъ соотвѣтствующаго миніатюрѣ текста, а изъ XII, 6, гдѣ по описываемой рук. значится такъ: *идѣже мѣсто уготовано тамо отъ*

Бога. Вмѣсто лѣса, по СПБ. копіи св. Жена спасается въ черной пещерѣ, на лунѣ, вся красная, не только одѣяніе, но и голова съ лицомъ, и, согласно тексту, имѣетъ крылья. Іоанна нѣтъ.

37) XIII, 1-7. Вверху въ серединѣ вырѣзъ овальнаго неба, вишневаго цвѣта съ голубыми облаками. Ниже, по желтой горѣ, налѣво, такое же желтое пространство обведено полосою изъ двухъ линій: это должно бы быть море, которое мастеръ этой рукописи обыкновенно пишетъ голубымъ. Очевидно, и здѣсь онъ не справился съ текстомъ. На этомъ желтомъ пространствѣ скачетъ Первый Звѣрь, четвероногое животное, бѣлое съ черными пятнами, о семи головахъ, изъ коихъ только двѣ верхнія съ рогами и коронами, имѣющими видъ гребня изъ тонкихъ спицъ съ шариками на нихъ. Въ самомъ низу этотъ же Звѣрь сидитъ на престолѣ, попираясь клюкою. Тутъ у него снабжена такимъ же гребнемъ только одна изъ семи головъ. Около него, скрывъ хвостъ за престолъ, сидитъ на лапахъ Великій Змій, отличающійся отъ принятаго въ мм. 34-36, и согласный съ типомъ въ Апокк. СПБ. № 225 и съ Уваровск. № 58. Толпа людей преклоняется этимъ чудовищамъ. Надъ ними красная стѣна; на ней дьяволъ палицею побиваетъ падшихъ около него людей. Налѣво на горѣ стоитъ Іо. Въ обѣихъ копіяхъ вмѣсто всѣхъ этихъ подробностей на всей миніатюрѣ писанъ только одинъ Первый Звѣрь, и стоитъ онъ уже на зеленоватомъ морѣ подъ желтою горою. Типъ его точнѣе: тоже бѣлый съ черными пятнами, но ноги его отличены отъ туловища полосами мохнатой шерсти; головы красныя съ настоящими рогами и съ стилизованными коронами, вообще— вѣрнѣе и ближе къ тексту и архаичнѣе [сн. 177].

38) XIII, 11-17. Вверху посреди въ овальномъ вырѣзѣ голубаго неба золотой престолъ съ книгою [ἑτοιμασία]. Изъ-подъ него исходитъ огненный потокъ налѣво, сначала на двѣ группы людей, изъ которыхъ въ одной дьяволъ налагаетъ печать, въ другой два дьявола побиваютъ падшихъ, потомъ тотъ же потокъ падаетъ на Перваго Звѣря, сидящаго на престолѣ съ посохомъ; передъ нимъ склоняются люди, коимъ дьяволъ, стоя у престола, налагаетъ печать. Внизу же отъ праваго угла бѣжитъ Второй Звѣрь съ круто загнутыми бараньими рогами и короткимъ хвостомъ. Вверху стоитъ Іо. Въ обѣихъ копіяхъ

вмѣсто всего этого только одинъ Второй Звѣрь, въ Синод.— кирпичнаго цвѣта, въ СПБ.—охрянаго, въ обѣихъ—колоссальнаго размѣра, съ завостренными, вверхъ поднимающимися, рогами. Вылѣзаетъ изъ черной пропасти, попираясь посохомъ, который держитъ въ переднихъ лапахъ. Типъ другой редакціи; болѣе приближается къ Чудовской [сн. 178].

Затѣмъ въ обѣихъ копіяхъ [въ СПБ. м. 46] слѣдуетъ изображаніе того, какъ Великій Змій передаетъ посохъ власти Первому Звѣрю, сидящему на престолѣ въ томъ же архаическомъ типѣ, который указанъ подъ рубрикою 37. По колоссальности обѣихъ фигуръ и ихъ размѣщенію этотъ рисунокъ напоминаетъ мм. 38 и 39 въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи. Внизу два дьявола стремительно спѣшатъ налагать печати поклоняющимся передъ ними.

39) XIV, 1-3. Вверху въ ореолѣ на престолѣ Саваоѳъ съ книгою и благословляющею десницею; окрестъ ореола пустые красные углы, по сторонамъ по херувиму. Внизу желтая гора. На ея вершинѣ стоитъ Агнецъ съ сіяніемъ вокругъ головы, съ двумя искривленными рогами. По сторонамъ Старцы въ цвѣтныхъ ризахъ сидятъ на престолахъ. Подъ Агнцемъ стоитъ толпа играющихъ на гусляхъ съ царемъ посреди. Внѣ рамки стоитъ Іо. Въ обѣихъ копіяхъ, безъ верхней части, Агнецъ постановленъ хотя и на горѣ, но съ бо́льшимъ достоинствомъ, вопервыхъ, на престолѣ съ раскрытою книгою, вовторыхъ, въ ореолѣ, съ четырьмя символич. животными, по два на каждой сторонѣ, а внутри ореола съ тремя херувимами, и наконецъ надъ ореоломъ еще въ полуореолѣ по́ поясъ стоитъ ангелъ съ дискомъ въ правой рукѣ.

40) XIV, 6-7. Вверху въ небѣ летитъ ангелъ съ книгою. Подъ нимъ подписано: *О ангелѣ, проповѣдующемъ приближеніе будущаго суда.* Внизу полатное письмо съ двумя большими зданіями по сторонамъ, съ высокою позади ихъ стѣною. Изъ дверей обоихъ зданій расположены двѣ группы сидящихъ на престолахъ, но такъ что посреди между ними пустое пространство, идущее до сказанной стѣны. Вмѣсто всего этого, въ обѣихъ копіяхъ, только одинъ колоссальный ангелъ летитъ надъ пустою землею съ книгою въ рукахъ.

41) XIV, 8. Вверху съ неба летитъ ангелъ со свиткомъ въ рукахъ, въ которомъ написано изъ соотвѣтствующаго текста, хотя

съ нѣкоторыми измѣненіями; а подъ нимъ еще подписано: *Градъ Вавилонъ огнемъ горитъ*. Внизу при подошвѣ горы низвергающійся городъ въ огнѣ; въ двухъ мѣстахъ видны люди, погребаемые подъ развалинами. Направо стоитъ Іо. Въ копіяхъ колоссальный ангелъ стоитъ на самомъ городѣ, одною ногою на стѣнѣ, другою—на зданіи. Разрушенія и огня не видать.

42) XIV, 9-12. По голубому небу въ ореолѣ на престолѣ стоитъ Агнецъ съ семью рогами въ видѣ изогнутыхъ зубцовъ гребня. Кругомъ ореола ангелы. Ниже въ воздухѣ налѣво стоитъ ангелъ со свиткомъ, въ коемъ начертано: *И гласомъ ангелъ: иже кто поклоняется тѣле*[си] *звѣрину и иконѣ его*. Мастеръ уже не зналъ, что *звѣриное тѣло* и *его икона* одно и то же. Въ текстѣ этой рук. значится: *иже поклоняется звѣрю и тѣлеси его*. Съ неба падаетъ широкій огненный потокъ направо на толпу поклоняющихся Первому Звѣрю, сидящему на престолѣ съ посохомъ, о семи головахъ, изъ коихъ только одна украшена гребнемъ изъ тонкихъ зубцовъ не равной величины съ шариками на концахъ. Дьяволъ, стоя у престола, подноситъ поклоняющимся чашу. Надъ ними восходитъ до неба дымъ мученія ихъ въ видѣ черныхъ завитковъ. Позади Звѣря три дьявола побиваютъ палицами низвергнутыхъ святыхъ, головы коихъ окружены сіяніемъ. Въ Синод. копіи той же редакціи, только Звѣрь объ одной головѣ съ такимъ же гребнемъ. Въ СПБ. копіи другой рисунокъ. Одноглавый Звѣрь вовсе безъ роговъ или гребня; стоитъ на подножіи изъ четвероугольной плиты. Позади его черная пропасть въ горѣ. Направо дьяволъ сидя подноситъ сосудъ поклоняющимся, налѣво дьяволы избиваютъ святыхъ. Направо на горѣ стоитъ ангелъ съ пустымъ свиткомъ. Вверху только полукруглый клочекъ неба, съ котораго падаетъ огненный потокъ.

43) XIV, 14-16. Вверху по голубому небу посреди въ ореолѣ I. X. на престолѣ въ золотыхъ ризахъ и коронѣ, съ золотымъ же серпомъ въ правой рукѣ, только рукоять у серпа красная. Направо церковь; изъ нея направляется ангелъ къ I. X. съ свиткомъ въ рукѣ. Внизу желтая гора съ зелеными и красными кустами. Между ними на желтой землѣ брошенъ съ неба золотой серпъ съ красною ручкою. Направо на горѣ стоитъ Іо. Тотъ же мотивъ брошеннаго на землю серпа см. въ Апок. СПБ. № 225, м. 41. То, что въ Подносн. экземплярѣ со-

единено на небѣ, въ обѣихъ копіяхъ раздѣлено между небомъ и землею. Вверху въ ореолѣ І. Х. на престолѣ, въ СПБ. копіи съ серпомъ, въ Синодальной—безъ серпа: недосмотръ тѣмъ болѣе рѣзкій, что тутъ же стоитъ надпись: *О сѣдящемъ на облацехъ серпомъ*. Внизу на землѣ стоитъ церковь, изъ которой выходитъ ангелъ. Серпа на землѣ ни въ той, ни въ другой копіи нѣтъ; такъ что Синод. копія осталась вовсе безъ серпа, который собственно и даетъ смыслъ всей миніатюрѣ.

44) XIV, 17-20. Вверху по голубому небу въ ореолѣ І. Х. съ серпомъ и церковь о трехъ главахъ съ двумя ангелами, у каждаго по свитку. Внизу садъ, огороженный красными стѣнами. Въ немъ кусты синіе и красные. Посреди четвероугольное продолговатое точило; въ немъ вѣтки тѣхъ же колеровъ. Надъ точиломъ наклонился ангелъ, срѣзывая серпомъ вѣтку. Внѣ стѣнъ тоже точило, изъ котораго изливаются тремя отверстіями три красныхъ потока, въ коихъ погрязли кони по грудь. Въ обѣихъ копіяхъ эта одна миніатюра раздѣлена на двѣ. Въ СПБ. копіи, въ одной миніатюрѣ, съ надписью: *Церковь Господня на облацехъ*, вверху церковь съ двумя ангелами, у каждаго по свитку; одинъ съ серпомъ, другой протягиваетъ къ нему руку. Внизу по желтой землѣ точило, а въ лѣвомъ углу І. Х. въ золотыхъ ризахъ и коронѣ серпомъ срѣзываетъ вѣтку; на другой миніатюрѣ, помѣщенной на оборотной сторонѣ того же 139 л., съ надписью: *Изыде кровь отъ точила* и пр., у точила ангелъ съ серпомъ въ правой рукѣ и съ срѣзанною вѣткою въ лѣвой, полагая ее въ точило, изъ коего двумя жерлами изливаются два красныхъ потока; не забыты и погрязающіе кони. Въ Синод. копіи, одна миніатюра съ надписью: *О друземъ ангелѣ, объемлющемъ горній виноградъ*, содержитъ только верхнюю часть первой миніатюры СПБ. копіи, т. е. церковь съ двумя ангелами, безъ всякаго намека на *объемлющаго виноградъ*. Другая миніатюра состоитъ изъ двухъ половинъ: въ верхней І. Х. жнетъ пшеницу, а около точило съ вѣтками; въ нижней—ангелъ, тоже съ серпомъ, такія же вѣтки полагаетъ въ точило, затѣмъ, по обычаю, льются потоки и въ нихъ кони. Надобно замѣтить, что обѣ копіи въ пожинающемъ смѣшиваютъ І. Х. съ ангеломъ.

45) XV. Вверху по красному небу голубая широкая полоса съ золотыми звѣздами. Направо по этой полосѣ въ голубомъ

же ореолѣ, окруженномъ краснымъ кольцомъ, на престолѣ сидитъ I. X, съ раскрытою книгою, десницею благословляетъ. Окрестъ ореола четыре символич. животныхъ. Налѣво верхній символъ крылатаго Человѣка, или Ангела, держитъ всѣ семь фіаловъ и одинъ изъ нихъ подаетъ переднему изъ семи ангеловъ, которые, вышедши изъ церкви, занимающей лѣвый уголъ миніатюры, подходятъ къ этому символу. Подъ ореоломъ, по красному фону неба, голубое море; и на немъ стоятъ играющіе на гусляхъ, безбородые, съ открытыми головами. Внизу на землѣ стоитъ Іо. Въ обѣихъ копіяхъ раздѣлено между небомъ и землею, что̀ въ Подносн. экземплярѣ писано только на небѣ, и сверхъ того ореола съ I. X. вовсе нѣтъ; то есть, на небѣ ангелы, идущіе за своими фіалами, а на землѣ играющіе на гусляхъ; посреди ихъ царь. Сверхъ того, мѣсто Ангела, или крылатаго Человѣка, занимаетъ въ обѣихъ копіяхъ Орелъ: въ Синод. копіи, вмѣсто фіаловъ, онъ держитъ въ лапахъ семь маленькихъ кружковъ, а въ СПБ. копіи Орелъ ничего не держитъ; а у передняго ангела въ рукѣ большая чаша, которая безъ счету наполнена шариками. Замѣчательна разница между Подносн. экземпляромъ и копіями. Первый держится редакціи Филаретовско-Чудовской, въ которой принятъ съ фіалами Ангелъ, а копіи держатся редакціи моего юсов. Апок. XVI в., въ которой принятъ Орелъ.

46) XVI, 2. Подъ свиткомъ голубаго неба съ золотыми звѣздами паритъ Первый Ангелъ, изливая свой фіалъ на толпу людей, стоящихъ на землѣ; иные изъ нихъ падаютъ. Замѣчательна форма фіала, принятая и въ обѣихъ копіяхъ, вмѣсто донышка, съ двумя рукоятками, за которыя ангелъ держитъ фіалъ, опрокидывая его къ низу [сн. 175 в].Въ обѣихъ копіяхъ тотъ же рисунокъ, только безъ небеснаго свитка, и ангелъ одною ногою касается земли.

47) XVI, 3. Подъ краснымъ небомъ съ голубыми облаками паритъ по воздуху Второй Ангелъ съ фіаломъ, изливая его на море, въ коемъ гибнутъ люди въ разбиваемомъ кораблѣ. Налѣво на горѣ стоитъ Іо. Въ копіяхъ безъ неба и Іоанна.

48) XVI, 4-7 [сн. 175 в]. Вверху въ правомъ углу церковь о трехъ главахъ съ крестами. Въ церкви жертвенникъ съ книгою; надъ нимъ херувимъ. Изъ-за церкви выказался ангелъ со свиткомъ. По воздуху паритъ Третій Ангелъ, изливая свой

фіалъ на голубыя воды и источники, идущіе по желтой горѣ и образующіе внизу въ правомъ углу большое озеро. Въ этомъ озерѣ идетъ по водѣ Водный Ангелъ, обнаженная фигура съ крыльями, писана въ монохромѣ по голубому фону, въ золотомъ сіяніи. Въ обѣихъ копіяхъ то же.

49) XVI, 8-9. Вверху свитокъ голубаго неба съ золотыми звѣздами и солнцемъ и луною. Четвертый Ангелъ, летя надъ свиткомъ, льетъ изъ своего фіала красный потокъ, который, обливая солнце, низвергается на толпу людей, стоящихъ внизу; иные изъ нихъ падаютъ. То же и въ копіяхъ.

50) XVI, 10-11. Вверху небо съ свѣтилами. Пятый Ангелъ, летя по воздуху съ фіаломъ, омрачаетъ царство Звѣриное. Внизу сидитъ на престолѣ, съ посохомъ въ лапѣ, Первый Звѣрь объ одной головѣ безъ короны и роговъ. По сторонамъ престола и позади толпа дьяволовъ; между ними изъза толпы виднѣется рогатая голова Втораго Звѣря. По обѣимъ сторонамъ люди въ длинныхъ одеждахъ, одни съ высокими цвѣтными колпаками на головѣ, у другихъ, по еврейскому обычаю, головы покрыты бѣлымъ. Обѣ копіи той же редакціи, которая въ изображеніи царства Звѣринаго представляетъ замѣтное сходство съ представленіемъ мытарствъ, по лицевой рукописи «Житія Василія Новаго» XVI в., въ л., принадлежащей мнѣ. При этомъ прилагается снимокъ изъ СПБ. копіи, отличающійся отъ Подноснаго экземпляра только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, каковы: отсутствіе неба, помѣщеніе Втораго Звѣря на первомъ планѣ и замѣна долгополыхъ одеждъ западнымъ костюмомъ въ группѣ направо [сн. 179]; и затѣмъ, для сравненія, взято изъ сказаннаго «Житія Василія Новаго» изображеніе одного изъ мытарствъ [сн. 217]. Сверхъ того надобно замѣтить, что въ Подносн. экземплярѣ нѣтъ той надписи, которая помѣщена въ СПБ. копіи. Это имѣетъ значеніе для характеристики слѣдующей копіи.

51) XVI, 12-13. Вверху въ правомъ углу голубое небо, по которому летитъ Шестой Ангелъ, изливая фіалъ на сидящаго на престолѣ Перваго Звѣря объ одной головѣ, съ посохомъ въ лапѣ. Позади его дьяволы и люди. Весь низъ миніатюры занимаетъ красная фигура Великаго Змія, о семи головахъ безъ коронъ и роговъ. Изъ упомянутыхъ въ текстѣ трехъ нечистыхъ духовъ, яко жабы, написана только одна жаба, и

то внѣ группы Перваго Звѣря съ дьволами. По горѣ струится синяя рѣка. Это долженъ быть Евфратъ; но мастеръ не догадался о значеніи этой рѣки въ миніатюрѣ, какъ это тотчасъ увидимъ. Налѣво вершина горы между двумя утесами образуетъ сквозное ущелье. Въ немъ, обратившись другъ другу звѣриными мордами въ золотыхъ коронахъ, выказываются по грудь двѣ красныя чудовищныя фигуры съ красными же крыльями, въ тѣхъ же типахъ и позахъ, какъ изображены онѣ далѣе, въ м. 64 [сн. 173]. Надъ ними надписано: *Гогъ—Магогъ*. Надъ этою надписью другая, которая, не упоминая объ Евфратѣ, по намеку о Звѣриномъ царствѣ, болѣе относится къ предыдущей миніатюрѣ, чѣмъ къ этой, и во всякомъ случаѣ противорѣчитъ тексту; а именно: *Изливаетъ ангелъ Господень фіалъ на чермнаго Змія и на звѣрино царство*. Въ обѣихъ копіяхъ та же редакція.

52) XVI, 17-20. Седмой Ангелъ, стоя въ воздухѣ, льетъ свой фіалъ. Направо, противъ него, уголъ миніатюры занятъ голубымъ небомъ. Въ немъ церковь; въ церкви жертвенникъ съ книгою и херувимомъ. Изъ-подъ церкви двумя потоками льется красное внизъ на разрушающійся городъ съ людьми. Налѣво на горѣ стоитъ Іо. Въ обѣихъ копіяхъ та же редакція.

53) XVII, 1-3 [сн. 171]. Миніатюра составляетъ характеристическую особенность описываемой редакціи; и притомъ въ Подносномъ экземплярѣ эта особенность оказывается въ ея первоначальномъ видѣ, который былъ условленъ самымъ способомъ помѣщенія миніатры и отношеніемъ ея къ слѣдующей за нею. Выходя изъ ряду вонъ между всѣми прочими мм., она помѣщена въ концѣ текста 53-й главы Толковаго Апок. [XVII, 1-5], имѣющей предметомъ Вавилонскую Любодѣицу. Въ самомъ низу 127-го листа, гдѣ оканчивается текстъ главы, по сторонамъ текста и внизу его изображена желтая гора съ двумя пещерами, одна налѣво, другая направо. Между ними помѣщено окончаніе текста. Налѣво пришедшій къ Іо. ангелъ сидитъ съ нимъ рядомъ на широкомъ престолѣ и предлагаетъ ему показать судъ Любодѣицы Великой. Направо тотъ же ангелъ ведетъ Іо. показать ему это видѣніе, согласно общепринятому тексту, удержанному и въ этой рук.: *И веде мя въ пусто мѣсто духомъ, и видѣхъ жену* и пр.; но въ миніатюрѣ на свиткѣ, который держитъ ведущій Іоанна ангелъ, текстъ этотъ значится иначе:

И веде мя ангелъ Господень во внутренюю и показа. Такъ какъ эта м. иллюстрируетъ только начало 53-ей главы, т. е. по нынѣ принятому тексту ст. 1-3, то на оборотѣ того же 127-го листа писана другая м., изображающая самое видѣніе согласно стихамъ 3-5, т. е. слѣдующая м. 54. Что же касается до обѣихъ копій, то онѣ, особенно въ этомъ мѣстѣ, какъ настоящія копіи, въ точности удерживаютъ характеристическую м., изображающую ангела съ Іо. въ двухъ пещерахъ, но такъ что, очевидно слѣдуя оригиналу, выказали обѣ свою неумѣлость съ нимъ справиться. Вопервыхъ, что въ Подносномъ экземплярѣ писано въ низу текста и вмѣстѣ съ нимъ, то въ обѣихъ копіяхъ занимаетъ цѣлую страницу, безъ текста, и притомъ, въ Синод. копіи миніатюра помѣщена внизу страницы, съ тѣми изгибами горы для двухъ пещеръ, только остальное поле бумаги пустое; въ СПБ. же копіи гора писана по всей страницѣ, почему размѣщеніе пещеръ иное: вверху пещера съ сидящими фигурами ангела и Іоанна, а внизу другая пещера съ идущими. Надъ м. надписано: *И пріиде единъ отъ 7-ми ангелъ и бесѣдова со мною.* Вовторыхъ, изображеніе самаго видѣнія, въ Подносномъ экз. слѣдующее непосредственно за этою м. и писанное на оборотѣ того же листа, въ обѣихъ копіяхъ отнесено къ главѣ 54-ой [XVII, 7-18], на мѣстѣ изображенія пьяной жены, принятаго въ экземплярѣ Подносномъ.

54) XVII, 3-5. Вверху небо съ звѣздами. Подъ нимъ надпись: *О ангелѣ како показа тайну Евангелисту.* Внизу гора. Направо на горѣ ангелъ съ Іо., налѣво городъ. Подъ городомъ при подошвѣ горы голубое море. На морѣ красный Звѣрь о семи головахъ съ черными рогами, но безъ коронъ. На Звѣрѣ сидитъ Вавилонская Любодѣица, въ обычномъ своемъ типѣ, въ коронѣ городами и съ чашею въ рукѣ. За нею на заднемъ планѣ толпа людей, богато одѣтыхъ въ шапкахъ съ мѣховымъ околышемъ. Въ обѣихъ копіяхъ почти та же редакція, только самая м. помѣщена на другомъ мѣстѣ, при слѣдующей главѣ, и потому по мѣсту соотвѣтствуетъ въ Подносномъ экземплярѣ слѣдующей за симъ м. 55-ой.

55) XVII, 7. Вверху такое же звѣздное небо. Внизу подъ городомъ на морѣ тотъ же Звѣрь, только бѣлый, о семи головахъ, изъ коихъ только двѣ верхнія имѣютъ по гребню изъ

зубцовъ съ шарикими, что̀ сокращаетъ рога и короны. На Звѣрѣ—Вавилонская Любодѣица, въ рукахъ ни чего не держитъ, а поднимаетъ ихъ вверхъ, протягивая ладони: въ пьяномъ видѣ валится съ Звѣря назадъ, почти въ той же позѣ, какъ писана пьяная жена въ СПБ. Ап. № 225, [сн. 128], XVII в., м. 52. Такъ же какъ въ этой послѣдней, и въ Подносн. экземплярѣ кругомъ ея уже нѣтъ ни кого, только направо на горѣ стоятъ ангелъ съ Іо. Ни въ той, ни въ другой копіи, какъ уже замѣчено, соотвѣтствующей этому изображенію миніатюры нѣтъ. Вмѣсто нея помѣщена м., согласная по сюжету съ 54-ой Подноснаго экземпляра.

56) XVIII. Съ полукружія голубаго съ золотыми звѣздами неба низвергается на Вавилонъ огненный потокъ. Между верхушками зданій, покрываемыхъ этимъ огнемъ, видны дьяволы, которые трубятъ въ трубы и дуютъ въ дудки съ шаромъ посреди трубочекъ, въ томъ же видѣ, какой принятъ въ редакціи Филаретовско-Чудовской [м. 55, сн. 112 д]. Направо ангелъ въ воздухѣ, стоитъ на облакѣ со свиткомъ, въ которомъ возвѣщается о паденіи великаго Вавилона. Ниже въ высокихъ стѣнахъ двое воротъ, изъ коихъ выходятъ люди. Низъ миніатюры занимаетъ голубое море. Ангелъ, подлетая къ самому краю, бросаетъ камень, великъ яко жерновъ, круглый, но безъ жерноваго отверстія по срединѣ. Камень этотъ падаетъ на корабль съ людьми; рядомъ этотъ же корабль опрокинутъ. Въ копіяхъ характеристическая дудка уже не понята: въ Синод. одинъ дьяволъ дуетъ въ трубку, оканчивающуюся шаромъ, будто пускаетъ мыльный пузырь, другой держитъ въ рукахъ чашу; въ СПБ. копіи всего только два дьявола: оба трубятъ въ большіе черные рога. Спущеніе камня внизу у самаго моря, а не сверху, составляетъ особенность этой редакціи.

57) XIX, 4. По широкому звѣздному небу безъ ореола воссѣдаетъ на широкомъ престолѣ Саваоѳъ, благословляя бѣлаго Агнца съ семью рогами гребнемъ. Агнецъ взлѣзаетъ на тотъ же престолъ, уже ступая на него лѣвою ногою, между тѣмъ какъ правою опирается на раскрытую книгу, которая будто виснетъ около престола. По сторонамъ по архангелу съ жезломъ въ одной рукѣ и съ дискомъ въ другой. На одномъ дискѣ начертано *IC.*, на другомъ *XC.* Подъ престоломъ по обѣ стороны по два символич. животныхъ, молитвенно пре-

клоняются. Ниже на томъ же звѣздномъ небѣ по обѣ стороны съ золотыхъ престоловъ преклоняются Старцы въ цвѣтныхъ одеждахъ; коронъ около нихъ нѣтъ. Въ самомъ низу на землѣ Іо. преклонился молитвенно на оба колѣна. Надъ нимъ надписано: *Моленіе Иванна Богослова ко Вседержителю*. Въ обѣихъ копіяхъ то же, только въ Синод. безъ нижней части, содержащей въ себѣ молящагося Іо. на землѣ.

58) XIX, 8-10 [сн. 172]. Вверху въ церкви возсѣдаетъ на престолѣ І. Х. въ коронѣ и золотыхъ ризахъ. Къ нему подходитъ по небу ликъ святителей въ богатомъ цвѣтномъ облаченіи епископскомъ, а за ними ликъ преподобныхъ отецъ, въ коричневыхъ мантіяхъ сверхъ цвѣтныхъ подрясниковъ. Оба лика писаны согласно Иконописному Подлиннику. Подновленіе этой верхней части миніатюры оказалось въ томъ, что, вмѣсто Агнца, изображенъ І. Х. въ анахроническомъ для апокалипсическаго текста соприсутствіи святителей и преподобныхъ отецъ, что̀ при символическомъ Агнцѣ въ древнѣйшихъ редакціяхъ не допускается. Сравн. въ моемъ юсов. Апок. XVI в. м. 67. Внизу ангелъ показываетъ Іоанну Невѣсту Агнчію, стоящую подъ широкою аркою церкви, очевидно, по образцу простѣйшаго рисунка СПБ. Апок. № 225, половины XVII в. м. 55 [сн. 129]. Невѣста одѣта въ малиновую ризу съ золотыми полосами; на головѣ бѣлый платъ, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ. По надписи на м. ангелъ показываетъ *тайну агнчю вечерю*; но м. противорѣчитъ надписи: нѣтъ въ ней ни Агнца, ни вечери, за которою обыкновенно сидитъ св. Невѣста. Въ СПБ. копіи [м. 66] то же, только въ нижней половинѣ вовсе уже нѣтъ св. Невѣсты. Нѣтъ ея также и въ Синод. копіи, но сверхъ того эта одна м. раздѣлена на двѣ: на одной м. І. Х. съ двумя сказанными ликами, а на другой—нижняя половина съ Іо. и ангеломъ, но, какъ сказано, безъ Невѣсты.

59) XIX, 11-16. По голубому съ золотыми и красными звѣздами небу, съ двумя растворами небесныхъ вратъ по обѣимъ сторонамъ его, ѣдетъ на бѣломъ конѣ Господь Богъ въ малиновой ризѣ съ золотыми полосами, въ трехъярусномъ вѣнцѣ и въ простомъ, а не въ крестномъ, сіяніи. Позади его ѣдутъ на бѣлыхъ же коняхъ ангелы съ красными жезлами въ рукахъ. Изъ устъ Господа Бога исходятъ внизъ на землю красные лучи отъ нижнихъ концевъ этихъ лучей исходитъ золотая сабля

на толпу грѣшниковъ, низверженныхъ на землѣ. Налѣво на горѣ стоятъ Іо. съ ангеломъ. Въ обѣихъ копіяхъ эта м. раздѣлена на двѣ [въ СПБ. мм. 67 и 68]. Въ первой по небу ѣдутъ три ангела, во второй Господь Богъ на конѣ съ ангелами позади его; внизу только Іо.; толпы грѣшниковъ нѣтъ, а потому нѣтъ ни лучей изъ устъ Господа Бога, ни поражающаго грѣшниковъ оружія.

60) XIX, 17-18. По небу налѣво ѣдетъ Господь Богъ на конѣ, безъ всякаго оружія, въ сопровожденіи конныхъ ангеловъ. Направо на солнцѣ стоитъ ангелъ съ раскрытымъ свиткомъ, въ коемъ писанъ соотвѣтствующій текстъ. Около него слетаются птицы. Нижняя половина, такъ же какъ въ м. 65-ой [копія краск. 20], содержитъ въ себѣ землю и подземное огненное озеро. Налѣво на горѣ стоитъ Іо. Съ неба слетѣли птицы и клюютъ въ голову людей, одѣтыхъ въ цвѣтныя одежды, гоня ихъ въ огненное озеро, которое занимаетъ почти всю нижнюю половину миніатюры. Здѣсь по красному фону пламени одними черными очерками [какъ въ м. 65] писаны всадники, низверженные вмѣстѣ съ конями, толпы людей, между ними двое въ коронахъ, Первый Звѣрь, сатана, дьяволы. Въ обѣихъ копіяхъ эта м. раздѣлена на двѣ: въ одной ангелъ созываетъ птицъ, въ другой четыре ангела, которыхъ въ Подносномъ экземплярѣ нѣтъ, копьями поражаютъ низверженныхъ въ адское пламя Перваго Звѣря и дьяволовъ [въ СПБ. копіи м. 70].

61) XX, 1-3. По красному овалу неба, окруженному голубыми облаками, летитъ ангелъ, держа въ правой рукѣ золотой ключъ, а въ лѣвой такую же цѣпь съ замкомъ, которая съ неба спускается къ землѣ: подробность, опять указывающая на связь этой иллюстраціи съ редакціею СПБ. Апокалипсиса, № 225, м. 58. Внизу желтая гора. Налѣво стоитъ Іо. Въ горѣ черная пропасть; изъ пропасти высовывается передняя часть краснаго Змія о семи головахъ безъ коронъ и роговъ и о двухъ лапахъ. У края пропасти стоитъ ангелъ, заключая Змія въ цѣпь, при чемъ лѣвою рукою держится за цѣпь, а правую съ ключемъ поднялъ вверхъ. Въ обѣихъ копіяхъ только одна нижняя половина, безъ ангела на небѣ. Въ СПБ. копіи ангелъ, заключающій въ цѣпи Змія, стоитъ на ногахъ же, а въ Синод. копіи на колѣняхъ.

62) XX, 4. Вся м. по голубому звѣздному небу. Вверху въ

красномъ ореолѣ, отороченномъ съ внутренней стороны голубыми облаками, на золотомъ престолѣ въ золотыхъ ризахъ и коронѣ возсѣдаетъ I. X., съ раскрытою книгою. По сторонамъ ореола по ангелу съ дисками, изъ коихъ на одномъ начертано *IC.*, на другомъ *XC.* Внизу по обѣимъ сторонамъ на золотыхъ престолахъ возсѣдаютъ по шести апостоловъ. въ цвѣтныхъ одеждахъ; передніе изъ нихъ держатъ по книгѣ. Отъ прочихъ отличается Андрей Первозванный вихромъ на головѣ. Въ обѣихъ копіяхъ то же, только безъ этой послѣдней примѣты ветхозавѣтныхъ праотцевъ.

63) XX, 5-6 [сн. 173 г]. Верхняя часть до двухъ третей всей миніатюры содержитъ въ себѣ то же самое, что̀ вся сполна предыдущая 62-я м., только I. X. съ обнаженною головою и закрытою книгою, безъ ореола, и апостолы сидятъ не по голубому полю неба, а по бѣлому, въ воздухѣ, между небомъ и землею. Одинъ изъ нихъ такъ же съ вихромъ. Къ этому прибавлена нижняя часть по желтому фону горы. Налѣво [т. е. направо отъ Всевышняго Судіи], какъ значится въ надписяхъ, *ликъ мучениковъ и ликъ святителей:* послѣдніе въ томъ же епископскомъ облаченіи, что̀ и въ м. 58; впереди этихъ ликовъ стоятъ не означенные надписями: передъ мучениками—мученицы, юныя и красивыя фигуры, а передъ святителями—старцы въ костюмѣ преподобныхъ отецъ, какъ въ м. 58. Направо [т. е. налѣво отъ Судіи] толпа изъ четырехъ національностей: выше, съ надписью *жиди*, сѣдовласые старцы съ открытыми головами, только сзади виднѣются бѣловатые платы. Рядомъ съ ними, по надписи *арапи*—какіе-то бритые и съ усами, въ шапкахъ колпаками съ разрѣзнымъ околышемъ, но не черные, а обыкновеннаго цвѣта лица. Подъ жидами, безъ надписи, бритые же и съ усами, въ курткахъ со шнурами и въ панталонахъ и съ широкими плоеными борками; поверхъ накинута мантія, на головахъ голубыя шапки: на одномъ исподъ красный и верхъ голубой, а на другомъ наоборотъ исподъ голубой, верхъ красный. Рядомъ съ ними въ шапкахъ съ мѣховою выпушкою одѣты въ русскій боярскій костюмъ; при нихъ за рамою миніатюры надпись: *Русь.* Эта нижняя часть заимствована изъ какого-то самостоятельнаго перевода съ иконы Страшнаго суда. Налѣво за рамкою стоитъ Іо. Въ обѣихъ копіяхъ то же, даже надписи: *жиди* и *арапи;* но ни въ той, ни въ другой не надписаны

русскіе. хотя они и изображены въ костюмѣ русскихъ бояръ. За этою м. въ СПБ. копіи слѣдуетъ м. 74-я, въ которой по зеленой землѣ съ желтыми горами стоитъ большаго размѣра фигура молящагося Іоанна передъ Божіею десницею со свиткомъ. исходящею съ неба. Надписано: *Моленіе евангелиста Іоанна на облацѣхъ Іисусу Христу:* надпись не согласная съ изображеніемъ, такъ какъ Іо. стоитъ на землѣ.

64) XX, 7-10 [сн. 173]. Миніатюра раздѣляется на двѣ неравныя части зеленою полосою, по которой писано пожираніе святыхъ Песьими-Головами. Вверху по изжелта-зеленоватой горѣ поднимается станъ святыхъ, съ тремя церквами, окруженный красными стѣнами съ такими же башнями. Песьи-Головы, темнаго цвѣта съ бѣлымъ препоясаніемъ, осаждаютъ станъ, или городъ съ обѣихъ сторонъ. Надъ городомъ въ горѣ три черныя пещеры: въ одной Сатана въ цѣпяхъ, которыя на него налагаетъ подлетающій ангелъ; въ другой Сатана же съ палицею: оба раза по черному фону онъ писанъ сѣрою краскою. Въ третьей пещерѣ по черному же фону выступаютъ красныя фигуры Гога и Магога въ золотыхъ коронахъ; послѣдній съ красными же крыльями. Ниже, изъ-за стѣнъ сказаннаго города по обѣимъ сторонамъ средней церкви по грудь выставились тѣ же фигуры Гога и Магога. Нижнюю часть миніатюры занимаетъ озеро огненное, въ которомъ по красному полю писаны черными очерками Сатана, оба апокалипсическіе Звѣря, дьяволы и грѣшники. Въ обѣихъ копіяхъ эта м. раздѣлена на двѣ: въ одной станъ святыхъ въ осадѣ и прочее, а въ другой озеро огненное. Въ первой изъ этихъ двухъ мм. по копіи Синодальной замѣчается очень любопытная особенность: Магогъ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Гогомъ поднимается изъ-за стѣнъ города, держитъ въ своихъ лапахъ оторванную выше локтя человѣчью руку кистью вверхъ.

65) XX, 11-15 [копія краск. 20]. Небесному, земному и преисподнему данъ тотъ же ландшафтный характеръ съ соотвѣтствующимъ этимъ тремъ мірамъ колоритомъ, какъ и въ м. 60. Въ небѣ по сторонамъ Божественнаго Судіи, направо отъ Него, возсѣдаютъ апостолы, а налѣво, хотя стоятъ на землѣ, но во всю фигуру писаны на голубомъ полѣ неба люди разныхъ національностей. Небо низко спустилось къ землѣ, отдѣляясь отъ нея только узкою полосою воздуха, чтобы приблизить подсуди-

мыхъ къ судилищу. По зеленому полю горы Земля и Море, въ видѣ красивыхъ женщинъ, въ изящно драпированныхъ одеждахъ, отдаютъ своихъ мертвецовъ. Самый колоритъ этихъ фигуръ, съ символическимъ его смысломъ соединяетъ художественную гармонію, въ подчиненіи его общему фону. Верхнее одѣяніе Земли, а также и платъ на головѣ. своими тонами сливаются съ колоритомъ изжелта-зеленаго луга: это настоящая богиня земли, хотя она и не держитъ на плечѣ древесной вѣтви, какъ это принято въ другихъ редакціяхъ. Что же касается до Моря, то мастеръ изобразилъ его олицетвореніе не на голубомъ пространствѣ воды и вообще отступилъ отъ общепринятаго иконографическаго преданія—писать олицетвореніе Моря на морѣ же: за то всей фигурѣ придалъ онъ водяной колоритъ, изобразивъ ее въ голубомъ монохромѣ. Развязно шагающая Смерть напоминаетъ фантастическія фигуры изъ Пляски Смертей. Адъ изображенъ дважды. Направо онъ отдаетъ мертвецовъ, и потомъ внизу лежитъ распростертый съ двумя зіяющими пастями, изъ одной видна голова грѣшника, въ другую низвергается другой грѣшникъ. Что касается мертвецовъ, отдаваемыхъ Землею, Моремъ, Смертію и Адомъ, то они изображены не по принятому обычаю въ саванахъ съ кукулями, а въ простыхъ рубашкахъ, и всѣ одного возраста и въ одинъ ликъ, какъ юноши или даже отроки, въ видѣ тѣхъ дѣтей, которыхъ Авраамъ въ качествѣ душъ держитъ въ своемъ лонѣ. Въ обѣихъ копіяхъ и эта м. раздѣлена на двѣ: въ одной небесная половина, въ другой—земная и преисподняя.

66) XXI, 2. Подъ свиткомъ голубаго неба, съ красными звѣздами и золотыми солнцемъ и луною, на воздухѣ стоитъ Горній Іерусалимъ, почти той же архитектуры, что̀ и далѣе на м. 68, только безъ стѣны, окружающей его снизу, и не съ тремя трапезами, какъ тамъ, а съ одною, за которою сидятъ три фигуры, посреди въ святительскомъ облаченіи, а по бокамъ въ одеждѣ преподобныхъ отецъ, какъ въ м. 58, и также неумѣстна, особенно въ Горнемъ Іерусалимѣ, какъ это мы знаемъ по лучшимъ редакціямъ, напр. въ моемъ юсов. Апок. XVI в., мм. 71, 73 и 78. Внизу налѣво на землѣ стоитъ Іо. Въ обѣихъ копіяхъ то же.

67) XXI, 5-8. Въ небѣ на длинномъ престолѣ, подъ которымъ одна скамья во всю его длину, сидятъ въ золотыхъ ри-

захъ Господь Саваоѳъ съ благословляющею десницею и І. Х., лѣвую руку простирая къ Саваоѳу, а правою указывая копейную рану на своемъ обнаженномъ боку: позднѣйшее нововведеніе, чуждое иконографіи Апокалипсиса. Между ними паритъ Духъ Святой въ видѣ бѣлаго голубя въ угловатомъ ореолѣ, состоящемъ изъ двухъ квадратовъ. Это, такъ называемое, Отечество съ голубемъ, принимаемое теперь за Троицу, тоже не имѣетъ мѣста въ ранней иллюстраціи апокалипсической. По обѣимъ сторонамъ писано по херувиму: направо со стороны Господа Саваоѳа херувимъ голубой въ свѣтлотѣнь съ небомъ, налѣво со стороны Іисуса Христа въ красномъ монохромѣ. Такого же цвѣта херувимъ паритъ надъ небомъ, съ надписью: *Страшный херувимъ*. По сторонамъ его еще надпись, объясняющая изображаемый моментъ Отечества, но не имѣющая отношенія къ Апокалипсису, именно: *Сѣдяй на престолѣ одесную Бога, о нихъ же речемъ—о показаніи ребръ Господнихъ*. Внизу на желтой горѣ съ деревьями стоитъ Іо.; надъ нимъ начертано: *Моленіе Іоанна Богослова*. Въ обѣихъ копіяхъ то же, даже сказанная надпись: *о показаніи ребръ*, удержана, но въ противорѣчіе надписи въ СПБ. копіи І. Х. писанъ безъ обнаженнаго бока и потому десницею не касается уже своей раны, а благословляетъ, м. 80.

68) XXI, 10-21 [сн. 174]. Горній Іерусалимъ свѣтлозеленоватаго цвѣта, крыши башенъ—вишневаго, а также и четыре арки того яруса, въ которомъ двѣ трапезы. Всѣ двѣнадцать воротъ покрыты золотомъ, по которому наведено черными чертами. Лица, помѣщенныя за тремя трапезами, писаны согласно типамъ, опредѣленнымъ въ Иконописномъ Подлинникѣ, но, за отсутствіемъ высшей священной іерархіи, они оказываются слишкомъ незначительными представителями блаженнаго небожительства въ Горнемъ Іерусалимѣ, если мы сравнимъ эту миніатюру съ соотвѣтствующею ей по содержанію въ Чудовск. Переводѣ, по рук. Зайцевскаго, м. 67 [сн. 119]; во всякомъ случаѣ при такой малолюдности обитателей Горняго Іерусалима оказывается неумѣстнымъ *ликъ князей*, какъ это нашелъ и копіистъ Синод. экземпляра, надписавъ надъ этой группою: *ликъ пророкъ*. Въ СПБ. копіи всѣ эти три лика вовсе безъ надписей.

69) XXII, 1-5. По звѣздному небу на престолѣ въ золотыхъ ризахъ возсѣдаетъ І. Х., держа обѣими руками раскрытую кни-

гу; окрестъ его четыре красные херувима, и еще по сторонамъ по одному въ голубыхъ монохромахъ. Изъ-подъ престола исходитъ голубая рѣка и, описывая съ справа налѣво широкій овалъ, спускается къ желтому полю земли внизу у лѣваго угла миніатюры и оттуда идетъ направо почти у самой ея рамки до праваго угла, и такимъ образомъ описываетъ воздушное пространство бѣлаго поля бумаги. Въ этомъ пространствѣ подъ голубымъ сводомъ представленъ небесный рай съ золотыми вратами, на которыхъ писанъ красный херувимъ. Въ раю на длинномъ престолѣ сидятъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, держа у себя въ лонѣ души праведныхъ въ видѣ дѣтей. По сторонамъ престола стоятъ такіе же дѣти въ отроческомъ возрастѣ, въ короткихъ выше колѣнъ бѣлыхъ рубашкахъ и въ золотыхъ сапогахъ. Позади престола писаны деревья въ древнемъ стилѣ, будто брошены въ воздухѣ, съ отрубленными внизу стволами. Въ обѣихъ копіяхъ то же.

70) XXII, 6-7. Вверху по розовой полосѣ неба, обведенной голубыми облаками, налѣво по колѣна въ облакахъ стоитъ I. X., обратившись въ правую сторону съ благословляющею десницею. На небѣ же по другую сторону золотое солнце, которое испускаетъ красные лучи, направляя ихъ внизъ на Іоанна, стоящаго на землѣ налѣво, т. е. подъ I. X. Передъ Іоанномъ стоитъ ангелъ, обращаясь къ идущимъ позади его Еноху и Иліи и указывая имъ вверхъ на I. X., ниспосылающаго имъ свое благословеніе. Помѣщеніе этихъ праотцевъ соотвѣтствуетъ тексту: «Господь Богъ святыхъ пророкъ посла ангела своего» и пр.; но въ описываемой рук. въ этотъ текстъ вставлено изъ толкованія: «И Господь Богъ святыхъ пророкъ *Христосъ* ангела своего посла» и пр. Въ обѣихъ копіяхъ только Іо. и ангелъ, безъ I. X. вверху и безъ Еноха и Иліи внизу.

71) XXII, 8. Вверху въ розовомъ полукругѣ неба, обведеннаго голубыми облаками, по поясъ стоитъ Саваоѳъ, благословляя десницей. Внизу на землѣ стоитъ ангелъ, указывая рукою вверхъ. Передъ нимъ стоитъ Іо., и потомъ онъ же палъ ему въ ноги. Въ обѣихъ копіяхъ, безъ верхней части, на землѣ ангелъ и падшій передъ нимъ Іо., но его же въ стоящемъ видѣ нѣтъ.

72) XXII, 10-14. Вверху по такой же розовой полосѣ неба, какъ въ м. 70, и тоже налѣво по колѣна стоитъ I. X., въ лѣ-

вой рукѣ держитъ закрытую книгу, въ правой свитокъ, спускающійся съ неба. Въ свиткѣ начертанъ текстъ соотвѣтствующаго стиха, но въ измѣненномъ видѣ противъ принятаго въ описываемой рукописи. Именно: *И глагола ему Господь: да не печатлѣеши словесъ моихъ во книгахъ сихъ, время бо близъ готовится.* Въ текстѣ самой рук.: *И глагола ми Господь: не запечатлѣй словесъ пророчества книгъ сихъ, рече бо близъ*, вмѣсто исправленнаго текста: «яко время близъ есть».—Внизу на землѣ стоитъ Іо., простирая руки молитвенно къ І. Х. Надъ Іо. надпись: *Моленіе Иванна Богослова ко Іисусу Христу.* Въ обѣихъ копіяхъ то же.

73) XXII, 15-21. По голубому небу, съ золотыми и красными звѣздами и съ золотыми солнцемъ и луною, церковь о трехъ главахъ. Въ церкви жертвенникъ съ закрытою книгою; надъ книгою красный херувимъ. Внизу на желтой землѣ стоитъ Іо. передъ толпою людей, одѣтыхъ въ русскій костюмъ, въ шубахъ съ откидными рукавами. Надъ Іо. надписано: *Иваннъ*; надъ толпою людей: *народи;* вмѣсто послѣдней надписи, въ Синод. рук. начертано: *кристіяне.* Въ обѣихъ копіяхъ тотъ же переводъ, только надъ нижнею половиною въ обѣихъ же копіяхъ помѣщена надпись, которой нѣтъ въ Подносномъ экземплярѣ: *Свидѣтельствую азъ всякому словеса сія.*

XII

Рукопись С.-Петербургской Публичной Библіотеки [изъ Древлехранилища Погодина] № 229, въ 4-ку, на 378 лл.; собственно Апокалипсисъ на лл. 1-320, съ 79 мм.; Петровскаго времени.

Рук. изъ библіотеки Архимандрита Амфилохія, № 31, въ 8-ку, на 482 лл.; собственно Апокалипсисъ на лл. 1-365, съ 72 мм.; Петровскаго времени.

Рук. С.-Петербургской Публичной Библіотеки Q, Отд. I, № 46, въ 4-ку на 293 лл.; собственно Апокалипсисъ на лл. 52-293, съ 69 мм.; XVIII в.

Рук. И. А. Вахрамѣева [въ Ярославлѣ] въ листъ, съ 72 мм.; XVIII в.

Всѣ эти Апокк. въ своей основѣ содержатъ редакцію Чудовскаго Перевода, но отклоняются отъ нея нѣкоторыми общими имъ всѣмъ особенностями, по которымъ и составляютъ одну группу, и особенно оба СПБ. Апокк. и Амфилохіевскій; при томъ бо́льшее между собою сродство представляютъ СПБ. № 46 и Амфилох. № 31, какъ по тексту, согласному съ общепринятымъ у насъ въ позднѣйшихъ Лицевыхъ Апокк., такъ и по иллюстраціи, не предлагающей замѣтныхъ отклоненій отъ господствующаго въ ту эпоху стиля. Что же касается до СПБ. Апок. подъ № 229, то онъ, по происхожденію отъ одной общей редакціи и по отступленіямъ отъ нея, какъ сказано, согласуясь съ ними обоими, вмѣстѣ съ тѣмъ существенно отличается отъ нихъ не только своимъ особеннымъ текстомъ и стилемъ иллюстраціи, но и нѣкоторыми другими сюжетами и особенными переводами и, сверхъ того, миніатюрами добавочными.

Чтобы объяснить такое сходство и различіе въ одной и той же группѣ, надобно предположить, что сказанные три Апокк. пошли отъ одной и той же передѣлки Чудовскаго Перевода и представляютъ разныя степени ея измѣненія. СПБ. № 46 и Амфилох. № 31 стоятъ ближе къ этой передѣлкѣ, но все же не въ одинаковой мѣрѣ: первый, вмѣстѣ съ Вахрамѣевскимъ и другими листовыми позднѣйшаго времени, отличаясь мéньшею самостоятельностью, какъ дюжинная копія, долженъ былъ сохранить въ бóльшей чистотѣ характеръ своего оригинала; въ Апок. Амфилохіевскомъ уже видны попытки ко внесенію новыхъ мотивовъ, но все же въ предѣлахъ, принятыхъ этими копіями, и въ ихъ господствующемъ стилѣ; наконецъ СПБ. № 229 представляетъ уже капитальныя измѣненія сказанной передѣлки, расширяя объемъ иллюстраціи, подчиняя ее единству своего собственнаго стиля и давая ей совсѣмъ другой текстъ.

Такимъ образомъ, памятники эти составляютъ видный отдѣлъ въ исторіи нашего Лицеваго Апокалипсиса, открывая передъ нами цѣлую эпоху въ постепенномъ развитіи редакціи Филаретовско-Чудовской въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го столѣтія.

Прежде чѣмъ приступлю къ самому предмету изслѣдованія, я долженъ замѣтить, что оба Сборника съ Апокк., и СПБ. № 46 и Амфилохіевскій № 31, имѣютъ между собою и то еще сходство, что къ Откровенію Іоанна Богослова присоединяютъ согласное съ онымъ по содержанію «Слово Палладія мниха о второмъ пришествіи», то же лицевое; кромѣ того въ Амфилохіевскомъ помѣщено «Слово Ипполита папы Римскаго о скончаніи міра, о Антихристахъ и о второмъ пришествіи», но безъ миніатюръ, а въ С.-Петербургскомъ повѣсть: «О славѣ небеснѣй и о радости праведныхъ вѣчнѣй—книга Великое Зерцало», съ довольно грубыми миніатюрами, изъ которыхъ однако двѣ послѣднія, помѣщенныя на отдѣльныхъ листахъ въ слѣдъ за повѣстью, заслуживаютъ вниманія. На каждой изъ нихъ по птицѣ, съ человѣчьимъ корпусомъ нò поясъ и съ женскимъ лицомъ, украшеннымъ распущенными длинными волосами, изъ-подъ вычурной разноцвѣтной короны. Обѣ стоятъ на вершинѣ горы, которая снизу окаймляется круто извивающеюся линіею утесовъ. Первая птица въ надписи названа:

Птица райская Сиринъ, она спеленута мантіею, такъ что рукъ не видать; вторая, съ надписью: *Птица райская Алконостъ*, въ подирѣ съ широкими рукавами, украшенномъ по обычаю полосами, и подпоясана; въ обѣихъ рукахъ держитъ по большой вѣтви съ цвѣтами въ стилѣ фряжской листвы. Обѣ эти миніатюры имѣютъ прямое отношеніе къ сказанной повѣсти, такъ какъ она повѣствуетъ о старцѣ, который цѣлыя триста лѣтъ прослушалъ пѣніе райской птицы, будто три часа, и потомъ воротился въ свой монастырь, гдѣ его полагали умершимъ въ продолженіи всѣхъ этихъ столѣтій.

На всякій случай припомню, что птица Сиринъ, еще съ латинскою надписью, внесена въ Тихонр. Апок. половины XVII в. № 5, м. 68 [сн. 159].

Иллюстрація «Слова Палладія мниха» въ обоихъ этихъ сборникахъ по работѣ согласуется съ иллюстраціею Откровенія; въ Амфилохіевскомъ—отличается тѣми же особенностями, какія приняты и въ апокалипсич. миніатюрахъ.

Приступая къ описанію самыхъ Апокалипсисовъ, я долженъ предварительно сказать, что ни одинъ изъ нихъ не вноситъ въ Филаретовско-Чудовскую редакцію ничего существенно важнаго по славяно-русской иконографіи, и всѣ передѣлки и измѣненія въ нихъ ограничиваются усвоеніемъ позднѣйшихъ вліяній западнаго происхожденія.

Даже самая система помѣщать изображенія, на западный манеръ, не послѣ соотвѣтствующихъ имъ текстовъ, а передъ ними, усвоенная во многихъ нашихъ позднѣйшихъ Апокк., принята уже въ обоихъ СПБ. Апокк. и въ Амфилохіевскомъ.

Начинаю съ СПБ. № 229, который наиболѣе въ этой группѣ подвергся подновленіямъ и измѣненіямъ въ особенной ему одному принадлежащей переработкѣ. Такимъ образомъ, отдѣливъ первоначально все, составляющее исключительныя его особенности, тѣмъ удобнѣе будетъ намъ сблизить остающееся затѣмъ все сходное съ другими памятниками той же группы.

Прежде всего обращаюсь къ тексту. Въ этомъ отношеніи № 229 представляетъ не что иное, какъ копію съ Толковаго Апокалипсиса по Кіевскому изданію Копистенскаго 1625 года, а также и съ добавочныхъ статей этой книги, именно: Слова Ефрема Сирина на Преображеніе и Іоанна Златоуста на Пятидесятницу; впрочемъ, слова эти вошли въ № 229 не на бѣло-

русскомъ языкѣ, какъ въ изданіи 1625 г., а на славяно-русскомъ, и оба снабжены миніатюрами. На поляхъ, согласно печатному оригиналу, удержаны цитаты и ссылки, а также и объяснительныя глоссы, не только на славяно-русскомъ и бѣлорусскомъ языкахъ, но и на греческомъ, письмо котораго, какъ видно, было писцу знакомо.

Текстъ отличенъ отъ толкованія или просто только киноварнымъ письмомъ, или же сверхъ того на поляхъ противъ текста отмѣткою: *лежащее*, а противъ толкованія: *сказаніе*.

Текстъ Откровенія, взятый въ этой рукописи изъ изданія Копистенскаго, существенно отличается по редакціи отъ текстовъ древнихъ и отъ нынѣ принятаго.

Сверхъ того, составитель рукописи внесъ очень важное дополненіе въ свою копію съ Кіевскаго изданія. Къ толкованіямъ Андрея Кесарійскаго, взятымъ изъ этого изданія, онъ присовокупилъ другія еще толкованія, какъ это принято въ нашихъ позднѣйшихъ троетолковыхъ Апокалипсисахъ. Такимъ образомъ, слѣдующее за первымъ толкованіемъ, выписаннымъ изъ печатнаго оригинала, второе отмѣчается: *инаго толкованіе*, или *инаго толкъ*, или просто *инаго*; а если есть еще третіе толкованіе, то озаглавливается: *еще паки*.

Для примѣра предлагаю здѣсь одно изъ добавочныхъ толкованій, на лл. 182-184, именно къ стиху въ зачалѣ 38-мъ, т. е. въ главѣ 38-ой; по нынѣ принятому тексту гл. XIII, ст. 18: «Здѣ мудрость есть; иже имать умъ, да почтетъ число звѣрино: число бо человѣческо есть, и число его шесть сотъ шестьдесятъ шесть».

Сначала идетъ по изданію Копистенскаго, а именно:

Начинается: «Здѣ есть [*въ печатн.* естъ] мудрость. имѣяй умъ, да съчтетъ число звѣрево. число бо чловече есть [*въ печатн.* ест]: и число его есть [*въ печатн.* ест] шестьсотъ [*въ печатн.* шестсот] и шестьдесятъ [*въ печатн.* шестдесят] и шесть. И извѣстное вѣденіе числа, якоже и прочая о немъ писанная» и т. д.

Оканчивается: «истинно вредитель [*въ печатн.* вредител], ἀμνὸς ἄδικος, агнецъ неправедный, имиже отъ противляющихся [*въ печатн.* противляющыхся] прелести наречется, свою си славу въ студѣ полагаяй».

Затѣмъ въ рукопись внесено слѣдующее добавленіе, которое

въ сильно сокращенномъ и искаженномъ видѣ удерживается въ позднѣйшихъ многотолковыхъ Апокалипсисахъ.

«*Инаго тол.* [т. е. толкованіе, или толкъ]. Слово греческое латинос, сирѣчь латинникъ, имѣетъ тако много, якоже здѣ видиши: Лямвда *л*, Альѳа *а*, Тавъ *т*, Омикронъ *о*, Епсилонъ *е*, Іота *і*, Ни *н*, Омикронъ *о*, сигма *с*.

«Тако же много содержитъ и еврейское слово ромитъ, сирѣчь римлянинъ, еже есть: Решъ *с*, Тавъ * *s*, Мемъ *м*, Іодъ одно *і*, Іо другое *і*, Тавъ *у*. Сіе число образуетъ вся лѣта міру отъ Адама даже до погибели Звѣря.

«Извѣстно, яко всегда Богъ закрываше времена судебъ своихъ числомъ неудобь разумнымъ, да присно готови будемъ. Обаче же искусніи изочтоша не толико пророчество Данилово, но и Сивильлина, имѣ **, царь жесътокій въ Римѣ настати, и то время тогда прихождаше ***, егда Вониѳатій **** въ Римѣ старѣйшинство восхити надъ всѣми архіепископы, изочтоша я ***** тогда, егда Сивилли пророчествоваху.

«*Святый Ириней*, уважаючую личбу грецкую зъ лѣтеръ зложоную имя Антихристово зложилъ, Тейтанъ, въ которомъ имени *т* значитъ триста, *е* значитъ пять, *і* значитъ десять, *т* значитъ триста, *а* значитъ единъ, *н* значитъ пятьдесятъ. Зъ которыхъ зъ лѣтеръ всѣхъ стается личба 666.

«*Святый мученикъ, зась Ипполитъ*. Имя зъ лѣтеръ грецкихъ Антихристово зложилъ: Лампетисъ, въ которомъ имени *л* значитъ тридесять, *а* значитъ единъ, *м* значитъ четыредесять, *п* значитъ осмьдесять, *е* значитъ пять, *т* значитъ триста, *і* значитъ десять, *с* значитъ двѣстѣ, зъ которыхъ лѣтеръ всѣхъ стается личба 666.

«*Той же Ипполитъ святый*, зъ лѣтеръ грецкихъ имя зложилъ Антихристово *Антемосъ*, въ которомъ имени *а* значитъ единъ, *н* значитъ пятдесятъ, *т* значитъ триста, *е* значитъ пять, *м* значитъ четыредесятъ, *о* значитъ седмьдесятъ, *с* значитъ двѣстѣ, зъ которыхъ лѣтеръ всѣхъ стается личба 666.

«Маометисъ 666».

* Въ моемъ Апок. 1671, какъ и въ другихъ позднѣйшихъ: *Вавв.*

** Испорченное мѣсто *имъ* исправлено между строками: *яко имать*, какъ въ томъ же моемъ Апок. 1671 г.

*** Въ томъ же моемъ Апок.: *прехождаше.*

**** Тамъ же: *Бонифантій.*

***** Тамъ же: *яко.*

Чтобы разложить составныя части этого мѣста, надобно знать, что первая половина прибавочнаго толкованія, вошедшая во всѣ, такъ называемые, Троетолковые Апокалипсисы позднѣйшаго письма XVIII и XIX вв., первоначально является ранѣе этого № 229 въ нашихъ Лицевыхъ Апокалипсисахъ, и, сколько мнѣ извѣстно, уже въ 1671 году, именно въ моей рук.

Сначала въ этой рук. 1671 г. идетъ толкованіе Андрея Кесарійскаго, въ томъ обыкновенномъ сокращеніи, какое принято во всѣхъ старыхъ редакціяхъ нашего Лицеваго Апокалипсиса. Затѣмъ: «*Иринеи*. Слово греческое латиносъ» и т. д., то есть, то же самое, что приведено у меня выше изъ рук. № 229; оканчивается словами: «яко имать царь жестокій [*въ позднѣйшихъ копіяхъ:* жидовскій] въ Римѣ настати. И тогда прехождаше то время, егда Бонифантій [*по позднѣйш. копіямъ:* Внифантіи, въ Нифантіи, въ Винфантіи] въ Римѣ старѣйшинство восхити надъ всѣми архіепископы, и изочтоша, яко тогда, егда Сивилли пророчествоваху». Этимъ и ограничивается все, такъ называемое, *иного толкованіе*.

Какъ болѣе раннее время, такъ и болѣе исправное чтеніе этого текста ведутъ къ тому заключенію, что писецъ № 229-го воспользовался въ первой половинѣ добавочнаго толкованія рукописью, подобною моей 1671 г., и затѣмъ уже вовсе другимъ источникомъ, отличающимся отъ первой половины и самымъ языкомъ, обличающимъ бѣлорусское происхожденіе, именно, начиная со словъ: «*Святый Иринеи*, уважаючую личбу» и т. д. до самаго конца.

Для полноты сравненія сдѣлаю еще два замѣчанія. Въ рук. г. Зайцевскаго иногда къ сокращенному толкованію Андрея Кесарійскаго прилагаются другою позднѣйшею рукою толкованія добавочныя, но въ данномъ случаѣ ихъ нѣтъ. Что же касается до рук. А. И. Хлудова 1708, содержащей въ себѣ тоже копію съ изданія Копистенскаго 1625, какъ и СПБ. рук. № 229, и тоже съ дополненіями, то надобно замѣтить, что въ сличаемой главѣ вовсе нѣтъ статьи *иного толкованія*, а вмѣсто того, къ переписанному изъ Кіевскаго изданія, прибавлены двѣ главы изъ «Житія Андрея Юродиваго» 86-я и 87-я, подъ заглавіемъ: *О послѣднемъ царствѣ и времени*.

Изъ приведеннаго мною примѣра достаточно явствуетъ система, принятая составителемъ описываемой рук. № 229. Писецъ

буквально списывалъ стихъ за стихомъ съ толкованіями Андрея Кесарійскаго, по изданію 1625 г., съ незначительными измѣненіями въ отдѣльныхъ буквахъ, подчиняя слова своему произношенію. Потомъ, къ толкованію печатнаго оригинала присовокуплялъ изъ рукописнаго источника, такъ называемыя, *инаго толкованія*, не только по редакціи, но и по языку согласныя съ великорусскими толковыми Апокалипсисами въ позднѣйшихъ лицевыхъ копіяхъ. Наконецъ, къ выпискѣ *инаго толкованія* писецъ присовокуплялъ еще толкованіе изъ другаго источника, и уже на языкѣ бѣлорусскомъ, которое не вошло въ сказанныя дюжинныя копіи.

Обращаясь къ мм. описываемой рукописи, предварительно замѣчу, что двѣ изъ нихъ, именно 70 и 79, въ снимкахъ изданы въ моихъ Историческихъ Очеркахъ, II, стр. 138 и 133.

Мм. рисованы на оборотной сторонѣ тѣхъ же листовъ, на которыхъ писанъ и текстъ, и, можетъ быть, самимъ писцемъ, какъ это позволительно заключить изъ того, что заставки передъ каждою главою, а также и заглавныя буквы—то и другое изъ фряжской листвы—и по очеркамъ и колориту и особенно по штрихамъ гравировальнаго пріема,—очевидно того же мастера, который писалъ и миніатюры.

Иллюстрація этого СПБ. Апокалипсиса принадлежитъ, какъ уже замѣчено, къ редакціи Чудовской, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, какъ показано будетъ ниже. Впрочемъ, Кіевское изданіе Копистенскаго, давшее этой рукописи текстъ, не осталось безслѣдно и въ ея иллюстраціи. Вліяніе это обнаружилось двоякимъ путемъ: вопервыхъ, черезъ самые политипажи, коими украшено Кіевское изданіе, и вовторыхъ, чрезъ посредство печатнаго текста, который далъ миніатюристу рукописи матеріалъ для одной изъ его миніатюръ.

Вліяніе перваго рода оказалось на первомъ листѣ рукописи. На лицевой и оборотной его сторонѣ скопированъ первый же листъ Кіевскаго изданія, съ заглавіемъ книги и съ изображеніями; и именно, на лицевой сторонѣ,—Сошествія Св. Духа, четырехъ Евангелистовъ, апостоловъ Петра и Павла, а внизу пещеры св. Антонія, Печерской церкви Успенія Богородицы и пещеры св. Ѳеодосія; на оборотной же сторонѣ—самого Успенія Богородицы съ Антоніемъ и Ѳеодосіемъ по сторонамъ, а надъ ними по ангелу съ крестомъ и факеломъ въ рукахъ.

Вліяніе втораго рода оказалось въ м. 54 [сн. 183], составляющей по своему сюжету исключительную принадлежность только иллюстраціи СПБ. Апокалипсиса, которая по одной этой миніатюрѣ выходитъ изъ разряда коній Чудовской редакціи и можетъ быть названа Чудовско-Копистенскою.

Въ зачалѣ, или во главѣ 48-ой, о Третьемъ Ангелѣ съ фіаломъ, помѣщена въ изданіе Копистенскаго, а оттуда вмѣстѣ съ прочимъ списана и въ СПБ. рукописи, слѣдующая повѣсть:

«Мужъ * бо нѣкій очерненъ многими согрѣшеніи, и въ церковь вшедъ, имяше ангела огорченна и опечаленна и издалече послѣдующа. Сему же умилившуся [ко обращенію] и волителю милости отъ душа обѣщевающу преложеніе на лучшая, и первыя жизни отверженіе. Исходящу [человѣку] оттуду предваряше [его ангелъ] свѣтелъ и радошенъ. Лукавый же демонъ посрамленъ отдалече послѣдоваше,» и пр.

Сказанная 54 м. [сн. 183], служа иллюстраціею этой повѣсти, изображаетъ направо мужа, очерненнаго согрѣшеніями, которому дьяволъ дубиною возбраняетъ войти въ церковь. Надъ мужемъ паритъ ангелъ, огорченный и опечаленный, но потомъ онъ, какъ гласитъ надпись, *радошенъ бысть*, когда мужъ вступилъ въ церковь и усердно молится, затѣмъ тотъ же ангелъ предваряетъ ему выходъ изъ церкви, но такъ что предвареніе это относится къ фигурѣ молящагося, а не выходящаго.

Миніатюра эта, спеціально относящаяся только къ повѣсти, помѣщена послѣ текста 48 главы; что же касается до миніатюры, иллюстрирующей всю эту главу, то она помѣщена впереди самой главы, счетомъ 53-я, согласная по сюжету съ помѣщаемою въ Апокалипсисахъ редакціи Чудовской.

При этомъ должно замѣтить, что та же самая повѣсть о нѣкоемъ мужѣ, очерненномъ многими согрѣшеніями и съ иллюстраціею тоже при гл. 48-ой, введена въ одну очень позднюю грубую редакцію, извѣстную мнѣ по Апок. кн. Вяземскаго, № 141, мм. 159 и 161 [лл. 157 и 159] и по Апок. г. Дюмушеля, мм. 132 [сн. 233] и 133.

Кромѣ описанныхъ выше трехъ листовъ съ мм., № 229 осложняетъ Чудовскую иллюстрацію еще слѣдующими.

* Текстъ предлагаю по рукописи, съ удержавіемъ тѣхъ подновленій въ письмѣ, кои въ ней сдѣланы противъ текста печатнаго. Помѣщеніе нѣкоторыхъ словъ въ скобкахъ принято въ рукописи по образцу печатнаго изданія

Вопервыхъ, въ началѣ между оглавленіемъ и посланіемъ Андрея Кесарійскаго, помѣщаетъ изображеніе этого святителя сидящимъ на столѣ съ книгою, которую пишетъ, м. 3.

Вовторыхъ, въ самомъ концѣ Апокалипсиса, за его послѣднею главою добавляетъ Чудовскую иллюстрацію изображеніемъ Страшнаго суда, именно въ м. 79, изданной, какъ сказано, въ моихъ Очеркахъ, II, къ стр. 133. Редакція этой м., согласная съ описаніями Страшнаго суда въ Иконописныхъ Подлинникахъ, внесена въ этотъ Апокалипсисъ изъ спеціальныхъ изображеній этого предмета, точно также, какъ это было указано мною и въ рукописи профес. Тихонравова № 5, половины XVII в., м. 75; между тѣмъ какъ другія раннія и лучшія редакціи Лицеваго Апокалипсиса, какова напр. и Филаретовско-Чудовская, пользуются для этого сюжета указаніями только апокалипсическаго текста и потому въ содержаніи не столько осложнены разными эпизодами, чуждыми этому тексту, каковы мытарства, Милостивый Блудникъ, какъ въ этой 79 м., или Арапы, Русь и другіе народы, призванные на судъ, какъ въ Подносномъ экземплярѣ по рук. Моск. Духовн. Акад. № 14, м. 63 [сн. 175 г].

Втретьихъ, въ главы 29-ю и 33-ю, сверхъ двухъ редакціи Чудовской, миніатюристъ вставилъ еще по миніатюрѣ добавочной для иллюстраціи подробностей той и другой главы, или точнѣе—каждую изъ миніатюръ редакціи Чудовской онъ раздѣлилъ на двѣ, но такъ что въ дополнительной ему приходилось быть болѣе оригинальнымъ и отступать отъ этой редакціи. Именно. Для гл. 29-ой, сверхъ миніатюры, изображающей Облачнаго Ангела съ Іо., который подноситъ къ устамъ книгу, м. 32, онъ изобразилъ еще, въ м. 33, на скалѣ храмъ, окруженный народомъ, а на другой скалѣ Іоанна, принимающаго трость, которую для измѣренія храма подаетъ ему съ неба парящій Ангелъ. Для гл. 33-й, кромѣ миніатюры съ св. Женою, ея Младенцемъ и со Зміемъ, м. 36, онъ изобразилъ, въ м. 37, вверху на небѣ церковь съ Кивотомъ Завѣта, а внизу въ обычномъ этой рукописи ландшафтѣ стоящаго Іо.

Итого добавочныхъ къ Чудовской редакціи оказывается 7 мм., именно: 1, 2, 3, 33, 37, 54 и 79. Приложивъ къ этимъ 7 мм. общепринятое число миніатюръ въ редакціи Чудовской, по счету главъ, именно 72, мы получимъ сумму 79, которая и составляетъ число всѣхъ мм. въ № 229.

Эти 72 мм. хотя, очевидно, редакціи Чудовской, какъ по сюжетамъ, такъ и по ихъ расположенію, но другаго перевода, сверхъ того съ нѣкоторыми значительными варіантами въ подробностяхъ и внѣшней отдѣлкѣ.

Апокк. Амфилохіевскій и СПБ. № 46, за отсутствіемъ добавочныхъ миніатюръ, стоятъ еще ближе къ Чудовской редакціи, удерживая принятую въ ней систему 72-хъ миніатюръ по числу главъ Толковаго Апокалипсиса. Въ Амфилох. рукописи, дѣйствительно, столько и насчитывается миніатюръ, и каждая по счету соотвѣтствуетъ своей главѣ. Но въ СПБ. № 46 всего только 69 миніатюръ, потому что въ немъ пропущены мм. 14, 15 и 16 при соотвѣтствующихъ имъ того же счета главахъ: это должны были быть изображенія Втораго и Третьяго Всадниковъ и Смерти. Оборотныя стороны листовъ, передъ каждой изъ сказанныхъ главъ, оставлены бѣлыми для назначавшихся миніатюръ.

Апокалипсисъ Вахрамѣева обыкновенно сходствуетъ съ Амфилохіевскимъ и СПБ. № 46, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти послѣдніе расходятся съ СПБ. № 229. Сверхъ того, онъ стоитъ еще ближе этихъ обоихъ къ редакціи Чудовской, почему напр. удерживаетъ симплегму Гога и Могога не только въ ея измѣненной формѣ въ главахъ 47 и 51, вмѣстѣ съ обоими СПБ. №№ 229 и 46, но и въ главѣ 63 по переводу Чудовскому, тогда какъ въ обоихъ СПБ. рукописяхъ симплегмы здѣсь уже вовсе нѣтъ. Что же касается до рук. Амфилохіевской, то при главѣ 47-ой симплегмы нѣтъ, при гл. 51 она помѣщена въ измѣненномъ видѣ, внизу въ правомъ углу по фону черной пропасти, а при гл. 63 она удержана въ формѣ, болѣе близкой къ Чудовскому Переводу.

Уже изъ этого послѣдняго факта достаточно явствуетъ то неравномѣрное, колеблющееся отношеніе, въ какомъ состоятъ описываемые памятники къ ихъ первоначальной редакціи Чудовской.

Теперь въ сравнительномъ обозрѣніи предложу болѣе замѣтныя отклоненія ихъ отъ этой редакціи, и для удобства въ справкахъ въ началѣ каждой рубрики означаю главу Толковаго Апокалипсиса римскими цыфрами *.

* Въ Амфилох. и Вахрам. счетъ миніатюръ соотвѣтствуетъ главамъ.

V. Ангелъ Пергамской Церкви. Въ № 229, м. 8 [сн. 180], отъ Еммануила исходятъ лучи, оканчивающіеся мечемъ, который поражаетъ Сатану, низвергающагося съ престола. Въ Амфил. тоже лучи исходятъ изъ устъ Еммануила, но мечъ самъ по себѣ низвергается отъ облаковъ, а внизу въ черной пропасти Сатана, сидя на престолѣ, оборачиваетъ голову вверхъ къ грозящему ему мечу. Въ № 46, м. 5, мечъ поражаетъ *жилище бѣсомъ;* изъ устъ же Еммануила исходитъ труба позднѣйшей стилизованной формы, т. е. въ видѣ тонкой линіи, оканчивающейся широкимъ раструбомъ изъ завитковъ, какъ въ Хлудовск. Апок. 1708 г., м. 2 [копія краск. 22].

VII. Ангелъ Сардійской Церкви. Въ № 229, м. 10 [сн. 186 а], Еммануилъ въ правой рукѣ держитъ книгу, окруженную семью звѣздами, а въ лѣвой щитъ съ семью ангелами; изъ нихъ передніе по грудь, у заднихъ видны только головы; надписано: *седмь духовъ*. Въ № 46, м. 7, и въ Амфилох. Еммануилъ держитъ только дискъ съ семью звѣздами.

XXI. По редакціи отличается отъ Чудовской. На западный манеръ, какъ у Борхта и Пискатора [сн. 275 б] во всѣхъ трехъ Апокк., въ № 229, м. 24 [сн. 181], въ № 46, м. 18, и въ Амфилох., жертвенникъ приставленъ къ четвероугольной стѣнѣ, изъ-за которой поднимается фигура Саваоѳа. Кадильница двоякаго фасона: ангелъ кадитъ кадильницею на цѣпочкѣ, а внизу повергаетъ огонь изъ кадильницы съ ручкою. Смотр. въ моемъ Апок. 1671 г. м. 19, при описаніи которой указаны и другіе западные источники.

XXVI. Пруги. Въ № 46, м. 23, и въ Амфилох. согласно во всемъ съ Чудовск. ред., хотя другаго перевода. Кромѣ Пруговъ четвероногихъ, по тексту, писаны, какъ тамъ, еще змѣи, кусающія низверженныхъ людей. Въ № 229, м. 29, изъ этихъ кусающихъ гадовъ только двѣ змѣи Чудовской редакціи, остальныя четыре чудовища—съ человѣческими головами и руками, съ двумя крыльями летающихъ насѣкомыхъ и съ хвостами, оканчивающимися копьецомъ, однимъ словомъ Пруги западнаго происхожденія, какъ они изображаются въ иностранныхъ старопечатныхъ изданіяхъ Библіи, а оттуда перешли въ Соловецк. юсовой Апок. XVI в., а также во многіе позднѣйшіе наши Апокк. XVII и XVIII вв.

XXX. Енохъ и Илія обличаютъ Антихриста; потомъ пожи-

раетъ ихъ Звѣрь. Чудовская редакція восполнена двумя эпизодами, въ № 229, м. 34, въ № 46, м. 27, въ Амфил. и Вахрам. м. 30 [сн. 212], а именно: Енохъ и Илія стоятъ у черной пропасти, изъ которой бросается на нихъ апок. Звѣрь, а внизу трое пирующихъ за столомъ, какъ и въ Хлудовск. Апок. 1708 г. м. 30 [сн. 195], только эта сцена тамъ вверху. Въ Вахрам. Апок. пирующіе размѣщены по всей миніатюрѣ надъ полатнымъ письмомъ.

XXXIII. Жена съ Младенцемъ и Змій. Въ № 46, м. 30, и въ Амфилох. рук. согласно съ редакціею Чудовскою; но въ № 229, м. 38, оказалась въ новомъ видѣ, потому что, какъ уже было замѣчено, церковь съ кивотомъ не помѣщена въ этомъ сюжетѣ, а составляетъ предметъ предшествующей м. 37-ой. Кромѣ того Змій Чудовской редакціи замѣненъ четвероногимъ звѣремъ о семи головахъ, т. е. такъ называемымъ Первымъ Звѣремъ.

XLIII. Въ обоихъ СПБ. Апокк. ангелъ, пожинающій пшеницу, высокую и густую, широко шагаетъ правою ногою впередъ и энергично возноситъ въ правой рукѣ серпъ надъ своею головою; въ Амфил. рук. онъ стоитъ нагнувшись и опустилъ руку съ серпомъ въ густые стебли пшеницы.

XLIV. Въ обоихъ СПБ., № 229, м. 49 [сн. 182], № 46, м. 41, и въ Амфилохіевскомъ другой редакціи, западнаго происхожденія, съ винодѣліемъ. Въ № 46 точило тоже въ видѣ чана, но фигурнѣе, перепоясано тремя полосами, кверху шире, какъ сосудъ; тоже два ангела стоятъ въ точилѣ, а третій стоитъ у точила, всыпая въ него виноградъ изъ сосуда. Только виноградныя лозы писаны натуральнѣе; вьются вокругъ тычинокъ, поставленныхъ въ рядъ. Притомъ самое мѣсто виноградника другое, именно на горѣ, поднимающейся за точиломъ, а пространство налѣво занято полатнымъ письмомъ, гдѣ въ № 229 помѣщены виноградныя лозы. Апок. Вахрамѣева въ этомъ сюжетѣ согласуется съ № 46. Что же касается до Амфилохіевскаго, то въ немъ приняты отступленія: въ точилѣ, кругломъ какъ чанъ, стоитъ только одинъ ангелъ, и около точила другаго ангела нѣтъ; виноградникъ на горѣ за точиломъ, но не на тычинкахъ; налѣво, какъ въ № 46, полатное письмо.

XLVII. Второй Ангелъ съ фіаломъ. Въ обоихъ СПБ. Апокк. съ симплегмою Гога и Магога, какъ въ ред. Чудовской, въ Амфилохіевскомъ—безъ симплегмы. Въ СПБ. № 46, м. 44

[сн. 213 а], хотя позою и костюмомъ отличается она отъ принятой въ Чудовск. редакціи, но сходствуетъ съ нею въ томъ, что стоитъ на кучѣ лежащихъ людей; въ № 229 симплегма постановлена прямо на землѣ, а толпа низвергающихся людей около, но не на землѣ, а на морѣ у самаго берега.

LI. Шестой Ангелъ съ фіаломъ. Во всѣхъ четырехъ Апокк. приняты Гогъ и Магогъ, но не въ Чудовской симплегмѣ, а отдѣльно, одинъ въ типѣ змѣиномъ, другой—одѣтъ, какъ человѣкъ, хотя тоже съ звѣринымъ рыломъ, и помѣщены въ низу маніатюры въ земной пропасти, только въ № 229, м. 57 [сн. 186 б]—въ лѣвомъ углу, а въ прочихъ—въ № 46, въ Амфилохіевскомъ и Вахрамѣевскомъ [сн. 211 б]—въ правомъ.

LII. Въ обѣихъ СПБ., въ № 229, м. 59, въ № 46, м. 50, Вавилонская Любодѣица въ той и другой рукѣ держитъ по большому сосуду; но въ Амфилохіевскомъ у ней только одинъ небольшой сосудъ съ тонкимъ горлышкомъ, которое она приставила къ губамъ, чтобы пить.

LIV. Въ обоихъ СПБ. Апокк., въ № 229, м. 60 [сн. 186 б], въ № 46, м. 51, и въ Амфилохіевскомъ, Вавилонская Любодѣица въ правой рукѣ держитъ сосудъ, а въ лѣвой—модель зданія. Что касается до Вахрамѣевскаго, то въ немъ, какъ здѣсь, такъ и въ предыдущей миніатюрѣ Любодѣица представлена съ моделью зданія, только держитъ она ее въ правой рукѣ, а въ лѣвой сосудъ.

LVII. Невѣста Агнчія. Въ обѣихъ СПБ. рукк., № 229, м. 63, № 46, м. 54, Чудовская редакція, ограничивающаяся только сидящей на престолѣ св. Невѣстой, распространена, вопервыхъ, помѣщеніемъ надъ нею Агнца на престолѣ въ щитѣ, и вовторыхъ, надъ Агнцемъ—Іисуса Христа по̀ поясъ въ небесномъ полукругѣ. Зданія по обѣимъ сторонамъ Невѣсты писаны тоже по образцу Чудовской редакціи, только занимаютъ мѣсто на воздухѣ выше этой святой Жены. Въ Амфилох. Апок., м. 57 [сн. 228 б], нѣсколько иначе. Св. Невѣста на престолѣ писана по фону одноглавой церкви, оригинальной по своей архитектурѣ; надъ Невѣстою въ щитѣ стоитъ Агнецъ; но Іисуса Христа нѣтъ. Церковь по бѣлому полю бумаги растушевана штрихами на манеръ гравюры.

LX. Ангелъ заключаетъ въ цѣпи Сатану въ типѣ четвероногаго звѣря о семи головахъ. Въ обоихъ СПБ. Апокк., № 229,

м. 66, № 46, м. 57, и въ Амфилохіевскомъ, Чудовская редакція подверглась измѣненію только въ формѣ черной пропасти, которая вмѣсто ямы съ неравными краями имѣетъ архитектурную отдѣлку, съ прямолинейными сторонами, которыя обведены высѣченными изъ камня полосами. Въ Амфилох. Апок. она имѣетъ видъ треугольника, уголъ котораго внизу обрѣзанъ линіею рамки, а въ обоихъ СПБ. имѣетъ видъ четвероугольника, налѣво съ прямыми углами, а направо — вверху съ острымъ, внизу съ тупымъ. Откосъ, образуемый этими послѣдними углами, отрѣзываетъ внизу правый уголъ миніатюры, въ которомъ изображена наружная стѣна этой черной пропасти; въ № 46 стѣна эта въ три яруса съ окнами, въ № 229 вмѣсто ярусовъ уже просто полосы.

LXIII. Станъ святыхъ въ осадѣ. Въ обоихъ СПБ. Апокк., № 229, м. 69, № 46, м. 60, нѣтъ симплегмы Гога и Магога, но въ Амфилохіевскомъ и Вахрамѣевскомъ она помѣщена, и въ переводѣ, сходномъ съ принятымъ Чудовскою редакціею.

LXIV. Страшный судъ и воскресеніе изъ мертвыхъ. Въ обоихъ СПБ. Апокк., № 229, м. 70 [сн. въ моихъ Историч. Очерк. II, стр. 138], въ № 46, м. 61, и въ Амфилохіевскомъ наблюдено болѣе симметріи, чѣмъ въ редакціи Чудовской. Олицетвореніе Моря помѣщено внизу посреди миніатюры; надъ нимъ олицетвореніе Земли, съ саркофагомъ въ той и другой рукѣ, а не въ одной только, какъ принято въ Чудовск. редакціи. Прямо надъ Землею вверху Праведный Судія на престолѣ. Что же касается до Апок. Амфилохіевскаго, то въ немъ, согласно раннимъ редакціямъ, слѣдующимъ тексту Писанія, нѣтъ олицетворенія Земли; но на мѣстѣ его въ полукругломъ вырѣзѣ скалы помѣщены возставшіе мертвецы въ саванахъ, а надъ ними надписано: *Земля*.

LXVI. Въ обоихъ СПБ. Апокк., № 229, м. 72, № 46, м. 63, а также и въ Амфилохіевскомъ и Вахрамѣевскомъ—другой редакціи. Вверху въ небѣ Іисусъ Христосъ на престолѣ. Внизу гора; между двумя утесами, какъ въ СПБ. Апокк., или же направо на вершинѣ горы, какъ въ Амфилохіевскомъ, стоитъ чанъ; изъ него льется рѣка, спускаясь по горѣ: это «источникъ воды живыя». Около чана люди. Въ Амфилох. Апок. передній изъ нихъ черпаетъ ковшемъ изъ чана; въ СПБ. № 229— сосудъ для черпанія помѣщенъ самъ по себѣ на поверхности

чана; но ни въ СПБ. № 46, ни въ Вахрамѣевской рук. нѣтъ вовсе ни ковша, ни сосуда. Налѣво стоитъ Іоаннъ, направо въ нижнемъ углу миніатюры озеро огненное съ грѣшниками.

Кромѣ указанныхъ отклоненій остальныя миніатюры описываемыхъ здѣсь Апокк. удерживаютъ редакцію Чудовскую въ незначительно измѣненныхъ переводахъ. Но эти измѣненія кажутся сильнѣе и бросаются въ глаза рѣзче въ № 229; потому что, какъ замѣчено уже выше, вся иллюстрація въ немъ получила особенный, своеобразный характеръ отъ стилистическихъ пріемовъ, которые сдѣлались для мастера неизмѣннымъ общимъ мѣстомъ, послужившимъ для того, чтобы сгладить и подвести подъ одинъ уровень все разнообразіе апокалипсическихъ сюжетовъ, придавъ имъ одну общую для всѣхъ обстановку.

Эти общія мѣста однообразныхъ искусственныхъ пріемовъ слѣдующія.

Вопервыхъ, форма горъ. Внизу тянутся горизонтально цѣпи горъ, обыкновенно въ два ряда, иногда въ косомъ подъемѣ; въ верхнемъ ряду поднимаются онѣ въ закругленныя скалы съ глубокими и узкими между ними долинами.

Вовторыхъ, полатное письмо, въ однообразномъ мелкомъ рисункѣ, изъ стѣнъ съ высокими остроконечными башнями, на которыхъ шпицы съ шариками или трелистникомъ. Какъ кайма или бордюръ тянутся эти стѣны съ башнями по горамъ и спускамъ, а на торчкахъ скалъ въ томъ же стилѣ посажены отдѣльныя зданія. При этомъ надобно замѣтить, что полатное письмо, какъ этихъ стѣнъ, такъ и всего прочаго, не раскрашено красками, а только растушевано черными штрихами по фону бѣлой бумаги на манеръ гравюры. Эта особенность кое-гдѣ замѣчается и въ Амфилохіевскомъ Апок., напр. въ мм. 31, 57, 67 [снн. 228 а, б].

Наконецъ, втретьихъ, во всей иллюстраціи одна и та же неизмѣнная форма травъ, замѣняющая дерева и всякое растеніе. Это на длинныхъ тонкихъ стебляхъ красныя съ зеленымъ шапочки; иногда стебли поднимаются отъ земли совсѣмъ голые, иногда между длинными листьями. Такая листва иногда тянется вдоль по горѣ, въ видѣ бахрамы или бордюра, какъ сказанныя стѣны съ башнями, и часто въ панданъ другъ другу, т. е., одна цѣпь горъ окаймлена полосою полатнаго письма, а другая—полосою листвы.

Примѣры сказанному см. въ мм. 8, 24, 73 и 75 [снн. 180, 181, 184 и 185].

Въ полатномъ письмѣ СПБ. Апок. № 229 несомнѣнно очевидное вліяніе западнаго стиля, полуготическаго, въ которомъ съ стрѣльчатыми формами еще соединяется арка. Шпицъ оканчивается лиственнымъ орнаментомъ. Такъ напр. въ изображеніи Горняго Іерусалима, мм. 73 и 75 [снн. 184 и 185], при главахъ 67 и 69. Послѣднее зданіе сильно напоминаетъ средневѣковыя гробницы*.

Замѣчательно, что западный же стиль Горняго Іерусалима однажды принятъ и въ Амфилохіевскомъ Апок., именно при главѣ 67, въ высокомъ зданіи, состоящемъ изъ четырехъ поясовъ съ арками, которому въ СПБ. № 229 соотвѣтствуетъ подобное же въ м. 73 [сн. 184].

Что же касается до СПБ. № 46, то при сказанной главѣ, въ м. 64, Горній Іерусалимъ удерживаетъ архитектуру Чудовской редакціи, согласно съ многочисленными копіями, идущими отъ перевода 1638 г., м. 67 [сн. 119].

Въ заключеніе надобно упомянуть о миніатюрѣ при главѣ 2-ой, съ Іисусомъ Христомъ на небѣ между свѣтильниками и съ падшимъ къ его ногамъ Іоанномъ. Одинъ и тотъ же переводъ, съ незначительными измѣненіями принятъ не только въ обоихъ СПБ. Апокк., № 229, м. 5, № 46, м. 2, въ Амфилохіевскомъ и Вахрамѣевскомъ, но и въ Хлудовскомъ № 358, 1708 г., м. 2 [копія краск. 22], а затѣмъ и въ позднѣйшихъ копіяхъ. Переводъ этотъ отличается отъ Чудовской редакціи тѣмъ, что въ немъ изображенъ не Еммануилъ, какъ принято въ этой редакціи, а уже Іисусъ Христосъ, съ короткою бородою и въ крестномъ сіяніи, и главное—въ одѣяніи, не согласномъ съ преданіемъ лучшихъ нашихъ редакцій, именно въ простомъ хитонѣ, или туникѣ, безъ полосъ и безъ бармъ, въ родѣ халата съ широкими рукавами и съ широкимъ воротомъ, который нѣсколько открываетъ голую шею. Туника эта подпоясана гладкимъ безъ украшеній поясомъ, иногда съ пряжкою, иногда безъ нея. Іисусъ Христосъ идетъ по облакамъ. Одежда и самая поза напоминаютъ указанный уже политипажъ на 7-ой стр. въ Кіевскомъ изданіи 1625 г. [сн. 271 б]. Впрочемъ, какъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, сходство съ этимъ политипажемъ гораздо ближе въ Хлудовскомъ Апок. 1708 г. и въ позднѣйшихъ копіяхъ, нежели въ описанныхъ мною здѣсь рукописяхъ.

* Напр. гробница Карла Великаго въ Ахенѣ. См. Otte, Handbuch d. Kirchl. Kunst-Archeologie. 4-е изд. 1863 г. стр. 143.

XIII

Рукопись Е. В. Барсова № 113, въ 4-ку, на 267 лл., собственно Толковый Апокалипсисъ на лл. 86 об.-267, съ 72 мм. Самая рукопись XVI в., а вложенныя въ нее миніатюры XVIII в

Передъ Апокалипсисомъ помѣщены двѣ статьи, по содержанію состоящія съ нимъ въ тѣснѣйшей связи: вопервыхъ, Хожденіе по Вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа, св. Апостола и Евангелиста Іоанна, лл. 3-85 об., и вовторыхъ, Въ святыхъ отца нашего Ипполита епископа Римскаго и мученика разрѣшеніе неизреченнаго откровенія Ивана Богословца, сказующе о скончаніи, 85 об.-86 об. На послѣднемъ 267 л., послѣ Апокалипсиса, слѣдующая лѣтопись: «А се книга Апокалипси Ѳедорова Борисовича. А списана си есть книга мѣсяца іюня пятый день, а писалъ Ѳедоровъ человѣкъ Судокъ, и гдѣ ся будеть поописалъ, и вы Бога дѣля посправите, а не клените».

72 мм., по числу главъ Толковаго Апокалипсиса, размѣщены при соотвѣтствующихъ имъ главахъ. Какъ произведеніе позднѣйшаго времени, другаго отношенія къ рукописи онѣ не имѣютъ; потому, вовсе не касаясь редакціи текста XVI вѣка, буду описывать только миніатюры, которыя въ отличіе отъ текста называю Лицевымъ Апокалипсисомъ г. Барсова, относящимся къ XVIII вѣку.

Миніатюры писаны на синеватой бумагѣ, безъ текста на оборотѣ листовъ. Когда рукопись переплетали, пришлось нѣкоторыя изъ миніатюръ обрѣзать по краямъ; но самыя рисунки, обведенные рамками, не пострадали, а только кое-гдѣ урѣзаны надписи, помѣщенныя по краямъ, внѣ рамокъ.

Миніатюры описываемой рукописи принадлежатъ къ разряду такихъ, какъ моя копія 1705 года съ моего же юсов. Апокалипсиса XVI вѣка, въ которыхъ принята система многочисленныхъ надписей, состоящихъ не только въ объясненіи изображаемыхъ предметовъ, но и въ выдержкахъ изъ текста.

Нѣкоторыя изъ надписей предлагаютъ документальныя свидѣтельства для объясненія иконографическихъ данныхъ. Таковы напр. при изображеніи крылатыхъ обнаженныхъ фигуръ: *седмь Духовъ*, *Духъ глаголетъ церквамъ*, мм. 1, 4-8 и 10; при Вавилонской Любодѣицѣ: *градъ Вавилонъ*, м. 56; при двухъ деревахъ съ человѣческими головами вмѣсто плодовъ: *древо животно*, м. 68. Впрочемъ, иногда случается, что надписи не соотвѣтствуютъ предмету. Такъ въ м. 20 [VII, 9-17] толпа святыхъ съ пустыми руками, а надпись гласитъ: *финицы въ рукахъ ихъ*; въ м. 50 [XVI, 10-11], налѣво на горѣ у полатнаго письма стоятъ люди со спокойно сложенными устами, а надъ ними написано: *и жвахху людіе языки своя*.

Лицевой Апокалипсисъ Барсова есть не самостоятельное произведеніе XVIII в., въ родѣ напр. Тихонравовской рук. 1731-1736 гг., а копія съ какого-то болѣе ранняго оригинала, отличающагося замѣчательными особенностями отъ всѣхъ прочихъ редакцій, не смотря на сходство въ нѣкоторыхъ миніатюрахъ со многими изъ нихъ. Редакцію эту можно бы назвать сборною, если бы она не предлагала такихъ оригинальныхъ сюжетовъ, которыхъ въ другихъ рукк. мы не находимъ, и которые даютъ ей полное право на полную самостоятельность. Притомъ, самое сходство съ другими редакціями состоитъ не въ рабской передачѣ тѣхъ же переводовъ, а въ одинаковомъ способѣ представленія тѣхъ же сюжетовъ, но выраженныхъ самостоятельно, то есть, другими очертаніями.

По способу представленія наибольшее сходство этой редакціи оказывается съ моимъ юсов. Апок. XVI в. Здѣсь, какъ и тамъ, обращается вниманіе на многія подробности текста, не замѣчаемыя въ другихъ редакціяхъ, и воспроизводятся въ болѣе

сложныхъ и многоличныхъ изображеніяхъ. Такъ напр. въ представленіи ангеловъ семи Церквей, мм. 3-9. Смотр. также мм. 41, 42, 56 и 58.

По постановкѣ Агнца на холмѣ, окруженномъ толпою, по западному обычаю, м. 39-я согласуется съ юсов. Соловецкимъ Апок. XVI в. и Тихонр. половины XVII в.

Съ тѣмъ же Тихонр. Апок.—по изображенію иконы или тѣла Звѣрева въ видѣ картины, мм. 37, 42 и 61.

По валящейся съ Звѣря пьяной Вавилонской Любодѣицы, м. 54, и по *источнику воды живыя*, м. 66, съ редакціею, дошедшею до насъ въ рукк. половины XVII в., въ СПБ. № 225 и МПМ. № 214.

По замѣнѣ древняго сосуда ведрами съ коромысломъ, м. 24, съ Апок. графа Увар. половины XVII в., № 58.

По низведенію св. Жены, Невѣсты Агнчей на землю, м. 57, съ Апок. моимъ 1671 г.

По группѣ дьяволовъ, окружающихъ престолъ Звѣря и Сатаны, мм. 38 и 50, и по архитектурѣ Горняго Іерусалима, м. 65, съ редакціею Подноснаго экземпляра МДА., второй половины XVII в.

По мелкому полатному письму, состоящему изъ длинной полосы стѣнъ съ поднимающимися верхушками и шпицами зданій—съ СПБ. Апок. Петровскаго времени, № 229.

Наконецъ, бо́льшая часть изъ миніатюръ, опущенныхъ въ слѣдующемъ за симъ подробномъ описаніи, по редакціи только очень немногими мелочами отличаются отъ Филаретовско-Чудовской; напр. низверженіе Змія, м. 34, появленіе Втораго Звѣря и сведеніе огня съ неба, м. 36, Водный ангелъ, м. 48 и друг.

Обращаясь къ характеристическимъ особенностямъ опредѣляемой мною редакціи, прежде всего укажу на очевидные слѣды отдаленной старины, неизвѣстно, какими судьбами, удержавшіеся въ этой позднѣйшей копіи XVIII в., такъ же какъ и въ СПБ. листахъ № 441, того же времени, о чемъ смотр. въ описаніи этого послѣдняго памятника.

Несомнѣнно ведутъ свое начало отъ незапамятной старины слѣдующіе четыре сюжета, потому что они согласны по редакціи съ западными изображеніями, извѣстными мнѣ по памятникамъ XII и XIV вѣковъ, и уже потомъ въ теченіе многихъ столѣтій забытыми въ искусствѣ на западѣ: такъ что сюжеты

эти не могли быть заимствованы изъ какого нибудь поздняго иноземнаго произведенія, и, вѣроятно, произошли у насъ отъ одного и того же общаго источника, изъ котораго пошли и сказанныя западныя изображенія XII и XIV вв. А именно:

Градъ Вавилонъ въ видѣ низверженной Вавилонской Любодѣицы, м. 56, и точило ярости Господней, м. 58, по редакціи согласны съ изображеніями въ Англосаксонскомъ Апокал. XII в. Послѣдняя изъ этихъ двухъ миніатюръ находитъ себѣ преданіе и у насъ еще въ XVI в., какъ это видно въ м. 64 моего юсоваго Апок.

Источникъ воды живыя, м. 66, уже сближенный мною выше съ фонтаномъ въ редакціи СПБ. № 225 и МПМ. № 214, находитъ себѣ болѣе сходный экземпляръ въ Пражск. Апокалипсисѣ XIV в.

Но что особенно важное значеніе придаетъ Лицевому Апокалипсису Барсова, то это представленіе Древа Жизни съ человѣческими головами, вмѣсто плодовъ, м. 68, изображеніе, не встрѣчаемое ни въ одномъ изъ раннихъ, извѣстныхъ мнѣ, русскихъ Апокк., и вполнѣ согласное съ принятымъ въ знаменитой рукописи аббатиссы Геррады: Hortus Deliciarum, XII в.

Къ сюжетамъ очень ранняго же происхожденія относятся:

Типъ Смерти въ видѣ обнаженнаго человѣка, въ зеленомъ тѣлѣ съ дикою головою, м. 16, и въ рукѣ держитъ она лукъ со стрѣлою, а не косу, какъ въ позднѣйшихъ редакціяхъ. Впрочемъ, въ м. 26, при IX, 1-12, она въ видѣ дьявола, по обычаю съ волосами дыбомъ, и въ рукѣ держитъ косу.

Пустыня, куда спасается св. Жена отъ Змія, изображена въ кругу, помѣщенномъ въ небѣ, м. 35, точно такъ какъ въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи пустыня обведена овальною линіею вверху въ лѣвомъ углу, м. 36 [сн. 17].

Характеристическія особенности редакціи оказываются въ слѣдующихъ изображеніяхъ.

Островъ Патмосъ окруженъ водою, м. 2.

Старецъ, утѣшающій Іоанна, летитъ съ неба, м. 11.

Мѣрило у Третьяго Всадника безъ рукоятки, м. 15.

Одѣяніе для умершихъ за Слово Божіе ангелъ бросаетъ съ неба, м. 17.

При главѣ 32 Толковаго Апок. [XI, 15-18] изображено воскресеніе изъ мертвыхъ, м. 32.

Въ сіяніи вокругъ главы св. Жены помѣщено 12 звѣздъ, м. 33.

Вавилонская Любодѣица въ папской тіарѣ, м. 53.

Слово Божіе на конѣ, равно какъ и сопровождающіе его ангелы, писаны безъ оружія въ рукахъ, потому что они уже бросили его внизъ, чтобы поразить враговъ, мм. 58 и 59.

Воскресеніе первое, м. 62.

Нѣтъ олицетвореній ни моря, ни земли, которыя отдаютъ своихъ мертвецовъ, м. 64.

Точно также не знаетъ эта редакція и извѣстной симплегмы Гога и Магога, принятой въ Чудовской редакціи при главахъ Толковъ. Апокалипсиса 47, 51 и 63, и только при послѣдней изъ этихъ главъ помѣщаетъ изображенія этихъ вождей Песьеголоваго ополченія, осаждающаго станъ святыхъ, м. 63.

Западное вліяніе оказывается въ этомъ Апокалипсисѣ, напр. въ слѣдующихъ сюжетахъ.

Вопервыхъ, на это вліяніе указываетъ уже самое сближеніе, указанное выше, съ Соловецк. юсовымъ Апокал. XVI в. и Тихонравова половины XVII в., въ помѣщеніи Агнца на холмѣ, окруженномъ толпою, м. 39.

Продолговатый ореолъ, съ завостренными вверху и внизу углами, въ которомъ стоитъ І. Х., мм. 6 и 7.

Винодѣліе, съ изображеніемъ кустиковъ, означенныхъ надписью: *виноградъ*, и съ точиломъ, въ которомъ, по западнымъ оригиналамъ, стоитъ ангелъ, м. 44, при XIV, 17-20.

Іо. стоитъ на одномъ колѣнѣ, м. 59.

Для исторіи иконографіи описываемый мною Апок. предлагаетъ слѣдующія данныя.

Господа Еммануила вовсе нѣтъ. Вездѣ принятъ типъ І. Х. съ бородою и въ крестномъ сіяніи. Онъ одинъ помѣщенъ 22 раза, между прочимъ—съ серпомъ, на конѣ, на Страшномъ судѣ.

Господь Саваоѳъ, въ осмиконечномъ сіяніи, помѣщенъ 19 разъ; изъ нихъ 11 разъ съ Агнцемъ; однажды съ І. Х., м. 56; однажды въ Отечествѣ, т. е. съ І. Х. и Духомъ Святымъ въ видѣ голубя, м. 57, и однажды съ голубемъ и Агнцемъ, замѣняющимъ Іисуса Христа, стало быть, тоже въ Отечествѣ, м. 68; и наконецъ Саваоѳъ одинъ дважды: при четырехъ ангелахъ, связанныхъ на рѣкѣ Евфратѣ, м. 27, и при св. Женѣ съ младенцемъ, м. 33.

Изъ приведенныхъ данныхъ явствуетъ, что подъ символомъ

Агнца писецъ разумѣлъ Іисуса Христа и потому помѣщалъ этотъ символъ вмѣстѣ съ изображеніемъ только первой ипостаси, а не второй.

Агнецъ одинъ является только однажды, въ м. 67, посреди Горняго Іерусалима, гдѣ онъ соотвѣтствуетъ по другимъ редакціямъ Іисусу Христу.

Не смотря на помѣщеніе Невѣсты Агнчей, какъ указано выше, на землѣ, заслуживаетъ вниманія необычное другимъ редакціямъ чествованіе, возданное ей въ м. 57, въ окруженіи ея съ обѣихъ сторонъ въ облакахъ Іисусомъ Христомъ и Господомъ Саваоѳомъ, а надъ главою ея—парящимъ Духомъ Святымъ въ видѣ голубя.

Продолженіе той же идеи о «бракѣ Агнчемъ» и о его «вечерѣ», надобно видѣть въ изображеніи жертвенника съ Св. Дарами и Евангеліемъ, съ надписью: *Вечеря Божія*, въ небѣ, въ которомъ ѣдетъ на конѣ Слово Божіе съ своимъ ангельскимъ воинствомъ, м. 59.

Но самый важный вкладъ въ исторію иконографіи даетъ описываемый мною Апокалипсисъ въ неоднократно встрѣчающемся въ его иллюстраціи древнемъ типѣ, который, подъ названіемъ *Духа* той или другой изъ семи апокалипсическихъ Церквей, соотвѣтствуетъ по своему виду общепринятымъ въ разныхъ редакціяхъ обнаженнымъ человѣческимъ фигурамъ, съ крыльями или безъ крыльевъ, каковы ангелъ Водный, Четыре Вѣтра, удерживаемые ангелами, летящій демонъ съ трубою въ моемъ Апок. начала XVII в. ранней редакціи, м. 32 [сн. 15], обнаженныя фигуры въ рукахъ ангеловъ молніе-носца и блистанія-носца въ моемъ юсов. Апок. XVI в. м. 58 [сн. 89], крылатый демонъ разрушенія, тоже обнаженный, въ Соловецк. Филарет. Апок. м. 52 [сн. 105], обнаженные ангелы въ Подносномъ экземплярѣ МДА. № 14, м. 3 и 19 [копія краск. 19 и сн. 168]; наконецъ въ моемъ лицевомъ житіи Андрея Юродиваго, Петровскаго времени, обнаженныя крылатыя фигуры даже названы, какъ въ Барсовск. Апокалипсисѣ, *Духами*, и именно: *Духъ кроткій* и *Духъ громный*, л. 222 [сн. 218]. Въ описываемомъ мною Апокалипсисѣ обнаженная фигура съ крыльями характеризуетъ собою типъ свѣтлый, ангельскій. Это, какъ сказано, *Духи* семи Церквей. Они изображаются или всѣ семеро вмѣстѣ, именно въ мм. 1 и 10, или

же поодиночкѣ, при каждой изъ семи Церквей: тогда онъ летитъ съ неба и при немъ надпись: *Духъ глаголетъ церквамъ*, мм. 3-8. Типъ этотъ не должно смѣшивать съ Ангелами семи Церквей, потому что, кромѣ обнаженной фигуры «глаголющаго Духа», при каждой Церкви, по принятому обычаю, помѣщается и ея ангелъ, одѣтый по обычаю, напр. м. 5 [сн. 187]. Что въ Апокалипсисѣ Барсова принято за общее правило въ изображеніи этихъ обнаженныхъ типовъ при семи Церквахъ, то въ редакціи Филаретовско-Чудовской является только какъ исключеніе, можетъ быть, только какъ остатокъ, или слѣдъ уже забываемаго иконописнаго преданія, именно только въ двухъ полосахъ, окружающихъ ореолъ Господа Бога, мм. 2 и 7 [сн. 99].

Въ заключеніе замѣчу, что въ изображеніи пророка Иліи принятъ иконописный типъ съ вихромъ на головѣ и въ милоти, мм. 30 и 31.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что въ Лицевомъ Апокалипсисѣ г. Барсова, не смотря на позднѣйшую копію XVIII в., мы имѣемъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ русской иконографіи, удержавшихъ въ своемъ составѣ слѣды отдаленной старины и высокаго иконописнаго стиля.

---

1) I, 1-8. Вверху въ лѣвомъ углу I. X. сидитъ на престолѣ. Позади его обнаженные юноши: *седмь духовъ*. Внизу подъ I. X. на горѣ ангелъ, при надписи: *Азъ Іисусъ посла ангела своего къ рабу своему*. Внизу противъ него Іо. на колѣняхъ.

2) I, 9-20. Вверху въ красномъ небѣ между семью свѣтильниками стоитъ I. X., держа въ десницѣ кругъ съ семью звѣздами. Внизу *островъ Патмосъ* въ видѣ растянутаго въ ширину овала, окруженнаго синею полосою моря. Въ этомъ овалѣ Прохоръ, сидя на столѣ, пишетъ; около стоитъ Іо.

3-9) II-III. Каждый изъ ангеловъ семи Церквей стоитъ передъ вратами своей Церкви; около внизу же, кромѣ стоящаго Іоанна, изображены разныя подробности, объясняющія текстъ. Вверху въ небѣ, или же только въ ореолѣ, продолговатомъ, стоитъ I. X., или во весь ростъ, или по поясъ. Только при церкви Смирнской, вмѣсто I. X., помѣщенъ *Господь Савао̀въ*,

какъ означено и въ надписи, въ угловатомъ сіяніи. Изъ подъ облаковъ, окаймляющихъ небо, выступаетъ обнаженная крылатая фигура: это, какъ значится въ надписяхъ, *Духъ глаголетъ церквамъ*; только въ двухъ мм. онъ не съ пустыми руками: при церкви Пергамской у него кругъ: *манна сокровенна*, и при церкви Филадельфійской онъ трубитъ въ трубу, но не держитъ ее въ рукѣ. Изъ особенностей въ каждой изъ этихъ семи мм. замѣчаются слѣдующія. При церкви Ефесской въ небѣ въ правомъ углу красный кустъ, съ надписью: *древо животное*. При Смирнской—внизу въ очеркнутомъ отъ земли овалѣ люди и при нихъ бѣсъ, *соборище сатанино*. При Пергамской—по обѣимъ сторонамъ церкви: престолъ съ бѣсами: *идеже сатана живетъ*, и сидящіе люди съ сатаною: *въ васъ сатана живетъ* [м. 5, сн. 187]. При церкви Ѳіатирской—вверху въ лѣвомъ углу І. Х. въ продолговатомъ ореолѣ, а въ правомъ Господь Саваоѳъ; между ними надъ церковью: *звѣзда утренняя*; внизу налѣво отъ церкви: сидятъ за трапезою люди, между которыми одна фигура въ коронѣ; позади трапезы стоитъ золотой идолъ: *идоложертвенная ясти учитъ*. Подъ этой сценою другая: на одрѣ лежитъ бородатый человѣкъ, около стоятъ люди: *полагаю на одрѣ*. По правую сторону отъ церкви толпа людей. При церкви Сардійской—вверху въ лѣвомъ углу ангелы въ облакахъ, изъ подъ которыхъ спускается Духъ, глаголющій церкви, въ видѣ обнаженной фигуры съ крыльями; въ правомъ углу Господь Саваоѳъ съ книгою, а между ними въ продолговатомъ ореолѣ стоитъ І. Х., въ лѣвой рукѣ держа кругъ съ семью звѣздами, а въ правой кругъ съ семью трубами, которыя своимъ узкимъ концемъ, исходя изъ центра, образуютъ какъ бы колесо; но такъ что ободъ этого колеса окруженъ семью овалами, образующими отверстія трубъ. Внизу, подъ І. Х., люди, это тѣ, которые *не осквернища ризы своя*; подъ ними еще люди, одѣваются, съ надписью: *да облекутся въ ризы своя*; въ правомъ углу еще двѣ фигуры, съ надписью: *пріиду яко тать*. При церкви Филадельфійской стоитъ *столпъ*, а въ лѣвомъ углу *сонмище сатанино*, состоящее изъ людей, которые внимаютъ сатанѣ. При церкви Лаодикійской вверху І. Х. стоитъ посреди, а налѣво церковь, съ надписью: *се стою при дверехъ*. Внизу толпа людей, между ними двое обнаженные, одинъ съ бородою, другой юноша, съ надписью: *ни теплъ, ни студенъ*.—По

разнымъ подробностямъ, характеризующимъ каждую изъ семи Церквей, эти семь мм. относятся къ одной редакціи съ моимъ юсов. Апок. XVI в., хотя и различны по переводамъ.

10) IV. Отличается отъ Чудовск. редакціи только тѣмъ, что изъ-подъ облаковъ, окаймляющихъ небо, выказываются семь Духовъ, въ томъ же видѣ обнаженныхъ крылатыхъ фигуръ.

11) V, 1-5. Одинъ изъ Старцевъ, который утѣшаетъ Іоанна, не стоитъ съ нимъ рядомъ, какъ въ другихъ редд., а выказывается до половины сверху изъ-подъ облаковъ, съ надписью: *не плачися*.

12) V, 6-14. Вмѣсто того, чтобы гусли и кадильницы были въ рукахъ Старцевъ, онѣ помѣщены на бѣломъ пространствѣ между небомъ и землею, по три экземпляра того и другаго: гусли въ видѣ треугольниковъ, а кадильницы съ ручками и съ осмиконечнымъ крестомъ на крышкѣ. Внизу море, полоса земли со стѣною, изъ-за которой видны обнаженныя головы людей, и наконецъ темная пропасть. Надписи этихъ трехъ отдѣловъ: *ни на морѣ*, *ни на землѣ*, *ни подъ землею*, соотвѣтствуютъ тексту: «всяко созданіе, еже есть на небеси, и на земли, и подъ землею» и проч. V, 13.

13-16) VI, 1-8 [снн. 192 *а* и *б*]. При каждомъ изъ Четырехъ Всадниковъ вверху Господь Саваоѳъ на престолѣ съ Агнцемъ и книгою. У Третьяго Всадника особой формы вѣсы, безъ ручки. Смерть не костлявый остовъ, а юноша въ тѣлѣ, хотя и худомъ, весь обнаженный, зеленаго цвѣта и съ большою головою, отличающеюся отъ всего остальнаго тѣла дикимъ цвѣтомъ; въ рукахъ держитъ лукъ со стрѣлою, а не косу, какъ въ другихъ позднѣйшихъ редд. Какъ по колориту, такъ и по отсутствію всякаго намека на кости скелета, въ этомъ типѣ смерти позволительно видѣть остатокъ древне-христіанскаго представленія этого сюжета, какъ онъ трактуется въ греческомъ лицевомъ Космѣ Индикоплювѣ *, въ миніатюрѣ, изображающей Смерть, въ дикозеленомъ монохромѣ обнаженнаго юноши съ препоясаніемъ о чреслахъ; онъ сидитъ на саркофагѣ, отворачиваясь отъ стоящаго возлѣ него Еноха.

* По Ватиканской и Лаврентіанской рукк., которыя хотя IX и X вв., но миніатюры по своему происхожденію гораздо древнѣе. См. мою монографію объ иконописи въ *Сборникѣ* Общества древне-рус. искусства на 1866 г., стр. 63, и Кондакова *Исторію византійск. искусства по миніатюрамъ*, Одесса, 1876, стр. 92-93.

17) VI, 9-11. Изъ-подъ ореола съ Господомъ Сав. и Агнцемъ паритъ ангелъ и спускаетъ одежды на толпу людей, стоящихъ внизу, но уже одѣтыхъ.

24) VIII, 10-11. Одинъ человѣкъ съ бородою черпаетъ огорченную воду. держа въ рукахъ два ведра на коромыслѣ. Слич. въ рук. гр. Уварова, № 58 половины XVII в., м. 46 [сн. 154 *в*].

30) XI. 3-10. Въ три яруса. Въ нижнемъ ярусѣ Енохъ и Илія стоятъ передъ *Антихристомъ и Лжепророкомъ*, какъ означено въ надписяхъ, изъ которыхъ первый изображенъ въ видѣ одноглаваго звѣря, а второй въ образѣ обыкновеннаго дьявола; позади ихъ *царіе земстіи*. Въ среднемъ ярусѣ тотъ же Звѣрь-Антихристъ бросается на пророковъ, чтобы пожрать ихъ; наконецъ въ верхнемъ—оба пророка лежатъ мертвые на площади, окруженной стѣною. Въ изображеніи Иліи удержаны отличительныя примѣты типа: вихоръ и овчинная милоть, такъ же какъ и въ м. 31, при XI, 11-14.

32) XI, 15-18. Миніатюра самостоятельной редакціи, направленная къ объясненію текста: «время мертвымъ судъ пріяти», стихъ 18. Вверху на престолѣ I. X. съ отверстою книгою; по сторонамъ пали Старцы, за ними стоятъ ангелы. Изъ-подъ престола вылетаетъ Седьмой Ангелъ, писанъ въ ракурсѣ, такъ что виденъ только по грудь и съ лица. Онъ трубитъ, а внизу на землѣ, поднимающейся тремя уступами, мертвые въ саванахъ и кукуляхъ воскресаютъ, вставая изъ гробовъ, съ надписью: *мертвіи встанутъ*.

33) XI, 19. XII, 1-6. На небеси посреди храмъ Божій съ отверстыми вратами; въ немъ изъ-за жертвенника, соотвѣтствующаго здѣсь Кивоту Завѣта, по грудь выказывается Господь Сав., къ коему ангелъ возноситъ младенца. Отъ жертвенника исходятъ тремя пучками красные лучи блистанія и гласовъ. Внизу, по обычаю, св. Жена и Змій, который однако въ видѣ четвероногаго животнаго съ семью головами. Въ сіяніи св. Жены помѣщены 12 звѣздъ.

35) XII, 13-17 [сн. 192 *в*]. Отличается тѣмъ, что въ правомъ углу наверху пустыня съ св. Женою изображена въ кругломъ щитѣ, съ надписью: *бѣже жена въ пустыню*.

37) XIII, 11-17 [сн. 188]. Икона, или тѣло Звѣря, въ видѣ картины съ красными рамками: по темносинему фону красная

фигура въ монохромѣ, съ надписью: *образъ звѣревъ*. Слич. въ рук. Тихонр. № 5, половины XVII в., м. 50 [сн. 157].

38) XIII, 18 [сн. 189]. Самостоятельная редакція, по композиціи напоминающая изображенія мытарствъ Ѳеодоры въ лицевыхъ рукописяхъ «Житія Василія Новаго», какъ и въ редакціи Подноснаго экземпляра Моск. Дух. Акад. № 14 [снн. 179 и 217].

39) XIV, 1-5. Агнецъ не въ небѣ на престолѣ и не въ ореолѣ, а внизу на холмѣ, кругомъ котораго стоятъ люди, а на переднемъ планѣ, обратившись лицомъ къ зрителю, они повернулись къ Агнцу задомъ, какъ это принято обыкновенно на западѣ въ позднѣйшихъ редакціяхъ. Слич. въ Соловецк. юсов. Апок. XVI в. м. 38 и въ томъ же Тихонравова половины XVII в. м. 51.

41) XIV, 8. Соединяетъ въ себѣ разрушающіяся зданія Вавилона редакціи Филар.-Чудовской съ пьянственнымъ пиршествомъ моего юсов. Апок. XVI в., мм. 47, 59 и 60 [снн. 86 и 90]. Вверху летитъ ангелъ, съ надписью: *паде, паде Вавилонъ*. Внизу надъ низвергающимися стѣнами поднимается столпъ съ идоломъ, какъ въ моемъ юсов. Апок. м. 47; направо на стѣнѣ круглаго зданія встала юная фигура съ кубкомъ, подавая его толпѣ людей, съ надписью: *отъ ярости вина*; слич. въ моемъ юсов. Апок. м. 60; и наконецъ въ самомъ низу въ полатномъ письмѣ, озображенномъ по обычаю, принятому въ описываемой рукописи, въ видѣ длинной стѣны со зданіями, помѣщенъ цѣлый рядъ пьющихъ, съ кубками въ рукахъ, одинъ упившись падаетъ; подписано: *любодѣянія ея*: слич. въ моемъ Апок. мм. 47 и 59. Означенныя надписи взяты изъ текста: «Паде, паде Вавилонъ градъ великій: зане отъ вина ярости любодѣянія своего напои вся языки».

42) XIV, 9-13 [сн. 190]. Изображеніе не ограничивается только поклоняющимися Звѣрю, какъ въ редакціи Филаретовско-Чудовской, но касается и другой половины текста о *блаженныхъ мертвыхъ*, согласно съ моимъ юсов. Апок. м. 48 [сн. 87], съ тою только разницею, что въ рук. Барсова *блаженные* еще покоятся въ гробахъ, тогда какъ въ моей они уже «почіютъ отъ трудовъ своихъ» въ райскомъ жилищѣ, въ ожиданіи вѣнцовъ отъ Господа Саваоѳа. Сверхъ того, кромѣ Антихриста, въ видѣ Перваго Звѣря въ коронѣ, сидящаго на престолѣ, изобра-

жена и икона Звѣря, по рисунку согласная съ помѣщенной въ м. 37.

43 и 44) XIV, 14-20. Не только жнутъ ангелы пшеницу въ первой миніатюрѣ, но и занимаются винодѣліемъ во второй: одинъ ангелъ стоитъ у кустовъ, надъ которыми написано: *виноградъ*, а другой залѣзъ въ четвероугольное точило.

45) XV, 1-8. Надъ играющими въ гусли изображенъ въ небѣ Агнецъ, направляющійся по престолу къ сидящему Господу Саваоѳу. Подъ этимъ послѣднимъ одно изъ символич. животныхъ, именно съ человѣческимъ лицемъ, подаетъ фіалъ переднему изъ ангеловъ, которые выходятъ изъ стоящей на небѣ же церкви.

50) XVI, 10-11. Изображеніе *престола Сатаны* относится къ редакціи Подноснаго экземпляра Моск. Духовн. Акад. № 14, м. 50 [сн. 179], но не въ такой уже полнотѣ напоминаетъ мытарства Ѳеодоры [сн. 217].

51) XVI, 12-16. По ту сторону Евфрата, не симплегма Гога и Магога, какъ въ ред. Чудовской, а ѣдутъ цари въ коронахъ.

52) XVI, 17-21. Такъ же, какъ въ моемъ юсов. Апок., м. 58 [сн. 89], только не внизу, а между небомъ и землею изображены два острова, и не просто съ людьми, какъ тамъ, а съ полатнымъ письмомъ, изъ-за котораго выказываются головы.

53 и 54) XVII, 1-18. Вавилонская Любодѣица, въ многоярусной коронѣ, на подобіе папской тіары, какъ въ другихъ позднѣйшихъ рукописяхъ, въ первой миніатюрѣ сидитъ на Звѣрѣ твердо, а во второй валится съ него назадъ, какъ въ редакціи СПБ. № 225 и въ Музейн. лл. № 214, м. 52 [сн. 128]. Сверхъ того, подъ нею, ниже моря, на землѣ упиваются изъ чашъ шесть царей, изъ которыхъ только одинъ на ногахъ, что̀ и замѣчено въ надписи: *пять падоша, единъ стояше.*

56) XIX, 1-7. Вверху красное небо въ два яруса, отдѣленные зеленою полосою. Въ верхнемъ ярусѣ возсѣдаетъ на престолѣ I. X., по сторонамъ его ангелы; въ нижнемъ ярусѣ возсѣдаетъ Господь Саваоѳъ, по сторонамъ преклоняются Старцы; надъ ними по одному изъ символическихъ животныхъ. Внизу земля; налѣво стоитъ Іо., направо толпа людей, а посрединѣ въ огороженномъ стѣною пространствѣ яма свѣтлодикаго цвѣта, съ поверженною въ нее Вавилонскою Любодѣицею въ красной ризѣ съ желтыми полосами и поясомъ, и въ такой же коронѣ:

это *градъ Вавилонъ*, какъ означено внизу въ надписи [сн. 237 г]. Помѣщеніе Вавилонской Любодѣицы въ томъ же самомъ сюжетѣ, соотвѣтствующемъ тому же апокалипсическому тексту, восходитъ къ отдаленнымъ временамъ, и въ русской рукописи XVIII вѣка заимствовано изъ какого-то общаго источника вмѣстѣ съ Англосаксонскимъ Апокалипсисомъ XII в. и Инкунабулами XV в. [сн. 270 а]. По редакціи Англосаксонской точно также въ нижней части миніатюры въ темномъ же овалѣ помѣщена низвергнутая Вавилонская Любодѣица, но она не падаетъ вкось, какъ въ рук. Барсова, а уже распростерта, необыкновенно изящная фигура, въ бѣломъ одѣяніи, связана красными узами отъ головы до ногъ, будто спеленута; овальная пропасть, въ которой она находится, выведена вокругъ будто языками пламени, но того же темнаго колорита. Темный фонъ, какъ въ русской, такъ и англосаксонской миніатюрѣ, долженъ означать *дымъ*, согласно тексту: «и дымъ ея возсхождаше во вѣки вѣкомъ». Эта же подробность текста выражена въ моемъ юсов. Апок. XVI в., дважды, сначала въ сожиганіи Вавилонской Любодѣицы, м. 60, и потомъ безъ нея, только кладеземъ *муки*, отъ котораго поднимается дымъ, съ надписью по копіи 1705 г.: *Дымъ куренія восходитъ во вѣки вѣкомъ*, м. 62 [сн. 97 д]. Что же касается до надписи, въ которой по рук. Барсова Любодѣица названа *городомъ Вавилономъ*, то надобно полагать, какъ объяснено уже выше, что описываемая мною миніатюра относится къ такой редакціи текста, въ которой вмѣсто жены названъ градъ Вавилонъ.

57) XIX, 7-10. Св. Жена помѣщена не на небѣ, или не въ райскомъ селеніи, а просто на землѣ, сидитъ на престолѣ, какъ въ моемъ Апок. 1671 г., м. 50 [сн. 164]. Надъ нею опускается съ обѣихъ сторонъ небо, съ Отечествомъ, такъ что Духъ Святый въ видѣ голубя, помѣщеннаго въ ореолѣ, паритъ надъ главою ея, а по сторонамъ стоятъ I. X. и Господь Сав. Въ самомъ низу Іо. преклоняется передъ ангеломъ, и стоитъ столъ съ раскрытою книгою и чернильницею съ перомъ.

58) XIX, 11-16 [сн. 192 *г*]. Миніатюра одной редакціи съ соотвѣтствующей ей въ моемъ юсов. Апок. XVI в., но переводы разные. Вверху по красному небу на бѣлыхъ коняхъ ѣдутъ I. X. и ангелы, всѣ безъ оружія. Внизу *точило ярости Господни*, такъ же какъ и въ моемъ юсовомъ м. 64 [сн. 97 *е*];

только въ Апок. Барсова надъ точиломъ три брошенные сверху меча. Обѣ ведутъ свое начало отъ одного общаго источника съ миніатюрою въ томъ же Англосаксонскомъ Апок. XII в., л. 19, и въ Инкунабулахъ XV в. [сн. 270 б], только это точило, въ видѣ круглой кадки, какъ въ моемъ юсовомъ, стоитъ не внизу, какъ принято въ обѣихъ рус. рукописяхъ, а тутъ же рядомъ съ I. X., ѣдущимъ на конѣ. Въ этомъ точилѣ стоитъ человѣческая фугура, по Англосак. Апок., съ мечемъ въ рукѣ, а изъ точила поднимается пламя; по Инкунабуламъ—I. X. въ крестномъ сіяніи.

59) XIX, 17-21. Внизу налѣво озеро огненное съ апокалипс. Звѣремъ и грѣшниками; направо Іо. преклонился на одно колѣно. Надъ нимъ спускаются съ неба птицы, и одна изъ нихъ налетѣла на кучу падшихъ людей; около съ неба же падаетъ мечъ. Вверху по красному небу направо ѣдутъ на коняхъ *воинства небесныя* съ I. X.; налѣво ангелъ собираетъ птицъ. Посреди, между ангеломъ и воинствомъ стоитъ жертвенникъ съ двумя чашами и книгою; надъ жертвенникомъ надпись: *Вечеря божія*, соотвѣтственно тексту: «Пріидите и соберитеся на вечерю великую Божію», какъ говоритъ ангелъ птицамъ, подъ которыми толкованіе разумѣетъ ангеловъ. Эта подробность принадлежитъ къ особенностямъ редакціи описываемой миніатюры.

61) XX, 4. Внизу налѣво изъ-за холма поднимается *образъ Звѣревъ*, въ томъ же видѣ, какъ въ мм. 37 и 42.

62) XX, 5-6. Вверху въ небѣ святители въ облаченіи по надписи: *священницы божіи Христовы*, стоятъ передъ жертвенникомъ съ открытою книгою; надъ нимъ надпись: *первое воскресеніе:* сюжетъ, составляющій особенность редакціи. Внизу на горѣ церковь, подъ которою яма съ мертвецами въ саванахъ; по сторонамъ Іо. и толпа людей.

63) XX, 7-10. Полчище Гога и Магога, въ видѣ дьяволовъ, осаждаетъ градъ святыхъ, имѣющій форму зданія съ парапетомъ вверху, на которомъ стоятъ и оба эти предводителя въ коронахъ, но отдѣльно одинъ отъ другаго, а не въ извѣстной симплегмѣ, какъ въ редакціи Чудовской.

64) XX, 11-15. Нѣтъ олицетвореній ни Моря, ни Земли; Адъ отдаетъ своихъ мервецовъ только изъ своей пасти, которая выступаетъ отъ правой рамки миніатюры. Но Смерть держитъ ящикъ съ головами мертвецовъ.

65) XXI, 1-4. На воздухѣ поставленъ Горній Іерусалимъ, по формѣ подходитъ къ изображенному въ Подносномъ экземплярѣ Моск. Духовн. Акад., м. 68 [сн. 174]. Надъ нимъ надпись: *скинія Божія*; подъ нимъ другая: *видѣ небо ново и землю нову*. Внизу на пустой землѣ стоитъ Іо.; направо—море.

66) XXI, 5-8. Вверху въ красномъ небѣ налѣво сидитъ І. Х. на престолѣ, благословляя десницею; направо стоитъ кладезь въ видѣ многограннаго чана, съ надписью: *жаждущему дамъ отъ источкика воды живыя* [сн. 237 д]: представленіе, восходящее къ древнѣйшимъ источникамъ. Такой же чанъ, только совсѣмъ круглый, изъ котораго изливается потокъ, съ надписью: fontes aquarum, встрѣчается въ Пражскомъ Апок. XIV в. на стр. 162 [сн. 265 а]. Слич. небесный фонтанъ съ резервуаромъ въ редакціи СПБ. рук. № 225 и въ Музейныхъ листахъ № 214, м. 64 [сн. 130]. Внизу налѣво сидитъ Іо. на сѣдалищѣ съ открытою книгою въ рукахъ; направо *езеро огненное*, а надъ нимъ на горѣ двѣ толпы людей.

67) XXI, 9-27. Горній Іерусалимъ на воздухѣ, въ видѣ обыкновеннаго дома, о трехъ ярусахъ. Къ нему ведетъ съ земли лѣстница, по которой поднимаются люди въ коронахъ. Двѣнадцать вратъ, съ головою ангела надъ аркою каждыхъ изъ нихъ, расположены во всѣхъ трехъ ярусахъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ нижнемъ ярусѣ трое вратъ занимаютъ средину, а по сторонамъ ихъ стѣны; во второмъ ярусѣ въ самой срединѣ въ четвероугольномъ пространствѣ Агнецъ въ сіяніи, по сторонамъ его по трое вратъ; въ верхнемъ ярусѣ такъ же, какъ въ нижнемъ. На плоской кровлѣ этого зданія, огороженной балюстрадою, съ обѣихъ сторонъ дважды писанъ Іо. съ ангеломъ: въ правой группѣ Іо. держитъ трость для измѣренія Горняго Іерусалима.

68) XXII, 1-6 [сн. 191]. Вверху на престолѣ сидитъ Господь Сав. и обѣими респростертыми руками благословляетъ; на груди у него въ ореолѣ Духъ Святый въ видѣ голубя, а на широкомъ подножіи стоитъ Агнецъ въ сіяніи. Изъ подъ престола идетъ внизъ, раздѣляя миніатюру вертикально на двѣ половины, «рѣка воды животныя», съ надписью: *рѣка яко хрусталь*. По обѣимъ сторонамъ по древу, которыя поднимаются отъ земли до самаго верха. Направо у дерева стоитъ Іо., налѣво толпа святителей въ сіяніяхъ. По тексту это собственно

только одно дерево; но такъ какъ оно должно стоять по обѣ стороны рѣки, то мастеръ иначе и не умѣлъ выразить смыслъ текста, какъ написать не одно, а два дерева. Въ текстѣ сказано именно: «и по обаполы рѣки древо животное, еже творитъ плоды двана десять, на кійждо мѣсяцъ воздая плодъ свой». Для исторіи иконографіи заслуживаетъ особеннаго вниманія представленіе этихъ двѣнадцати плодовъ въ видѣ человѣческихъ головъ, по шести головъ на томъ и на другомъ деревѣ. Не образовавшійся еще плодъ обозначенъ бутономъ, а созрѣлый въ видѣ головы, выходящей изъ чашечки. Ту же замѣну плодовъ человѣческими головами находимъ въ другой еще болѣе поздней рукописи, XIX в., именно ОДП. № 100, инв. № 10, м. 68 [сн. 239]. Такое представленіе Древа Жизни на западѣ встрѣчается еще въ XII в., въ знаменитомъ Hortus Deliciarum аббатиссы Геррады Ландспергъ [смотр. сн. 256]. Такъ какъ этотъ памятникъ по иконографіи содержитъ въ себѣ очевидные слѣды ранняго византійскаго преданія, то естественно предполагать, что человѣчьи головы на Древѣ Жизни, какъ у Геррады, въ XII вѣкѣ, такъ въ описываемомъ мною русскомъ Апок. XVIII вѣка, равно какъ и въ Апок. ОДП. XIX в., ведутъ свое начало изъ одного общаго имъ всѣмъ источника. Существенное отличіе состоитъ только въ томъ, что у Геррады всѣхъ головъ на деревѣ только пять, и кромѣ того, помѣщены дѣйствительные плоды въ видѣ яблоковъ, между тѣмъ какъ въ русской рукописи замѣченная мною древняя иконографическая особенность подчинена самому тексту Апокалипсиса въ соблюденіи счета, именно двѣнадцати плодовъ. Въ послѣдствіи на западѣ уже не однѣ головы, а цѣлые бюсты по̀ поясъ, выходящіе изъ лиственныхъ чашечекъ, были примѣнены въ изображеніи родословныхъ древъ *.

69) XXII, 6-7. Вверху ореолъ, въ которомъ на престолѣ сидитъ I. X., окруженъ, какъ каймою, семью полукружіями, изъ которыхъ въ каждомъ по головѣ ангела; изъ-за этой каймы со всѣхъ сторонъ выходятъ наружу семь трубъ. Слѣдовательно, это семь апокалипсич. ангеловъ съ трубами.

70) XXII, 8-9. Позади Іоанна, покланяющагося ангелу, стоитъ жертвенникъ съ книгою.

71) XXII, 10-14. Въ небѣ налѣво сидитъ на престолѣ I. X.,

* Напр. во многихъ мѣстахъ извѣстной *Нюрнбергской Хроники* 1493 г., съ миніатюрами на деревѣ Михаила Вольгемута и Вильгельма Плейденвурфа.

направо церковь, въ которую съ земли поднимаются по горѣ святые, съ надписью: *да внидутъ вратами во градъ*. На небѣ между I. X. и церковью *звѣзда*, означенная по имени и въ надписи. Внизу стоитъ Іо. съ книгою, передъ нимъ толпа людей.

72) XXII, 15-21. Вверху въ красномъ полукружіи неба, обведеннаго темноалыми облаками, I. X. поднимается по̀ поясъ изъ-за жертвенника, распростерши обѣ руки съ благословляющимъ сложеніемъ перстовъ. Спустя на полпальца обведенъ овалъ неба полукруглою же зеленою полосою: это рѣка небесная, съ надписью: *жаждай да пріиметъ воду туне*. Внизу стоятъ другъ противъ друга Іо. и ангелъ; между ними миніатюрное изображеніе церкви.

XIV

Рукопись А. И. Хлудова № 358, въ л.; собственно Апокалипсисъ составляетъ первую половину рукописи, на лл. 1-189, съ 72 мм. 1708 года *.

Лицевой Апок., на лощенной бѣлой бумагѣ, первоначально составлялъ отдѣльное цѣлое; но потомъ онъ былъ переплетенъ въ одну книгу вмѣстѣ съ нѣсколькими другими произведеніями, печатными и писанными, которыя своимъ содержаніемъ должны были его восполнять.

Сначала надобно замѣтить, что въ Лицевомъ Апок. 1708 г. принятъ текстъ Кіевскаго изданія Копистенскаго 1625 г., буквально списанный, даже начиная съ самаго заглавія: «Святаго отца нашего Андрея архіепископа Кесаріа Каппадокійскія толкованіе на Апокалипсисъ» и т. д.; а за заглавіемъ слѣдуетъ приписка составителя рукописи, любопытная по художественной терминологіи того времени: «А на сей драгмѣ симъ произведеніемъ чертанія чрезъ руководное дѣяніе изобразися, съ написанными въ ней шаровиднаго строенія лицы, въ лѣта отъ созданія міра 7216 году издадеся». Та же самая лѣтопись, помѣщенная въ Апок. МПМ. № 499, въ 4-ку, того же года, указываетъ на солидарность обѣихъ этихъ копій Чудовскаго Перевода.

За Лицевымъ Апок. идутъ дополнительные отдѣлы въ слѣдующемъ порядкѣ:

* См. А. Попова: *Описаніе рукописей библіотеки А. И. Хлудова.* Москва, 1872 г., стр. 653.

Сначала два старопечатныхъ Апокалипсиса: вопервыхъ, тотъ же Толковый въ изданіи Копистенскаго 1625 года, съ древнимъ раздѣленіемъ на 24 главы и 72 зачала, которыя въ нашихъ рукописяхъ вообще называются главами, и, вовторыхъ, Кутеинское изданіе Апокалипсиса 1652 г., въ 4-ку, почему каждая четвертка для соблюденія листоваго формата наклеена на листовой бумагѣ. Это старопечатное изданіе присовокуплено къ Кіевскому 1625, какъ потому, что оно, не будучи толковымъ, раздѣлено по нынѣ принятой системѣ на 22 главы, такъ и потому, что апокалипсическій текстъ, взятый изъ Острожской Библіи, значительно отличаясь отъ Кіевскаго 1625 г., за исключеніемъ неважныхъ варіантовъ, сходствуетъ съ принятымъ въ Московской Библіи 1663 г. и съ употребляемымъ въ настоящее время. Напр. у Копистенскаго гл. 20, зачало 60: «И видѣхъ ангела съ небесе нисходящаго имуща ключъ бездны, и уже великое въ руцѣ своей. И удержа змія, ужа онаго древнего. иже естъ діаволъ и сатана, [прелщаяй вселенную всю,] и связа и на тисящу лѣтъ. И вверже и въ бездну, и затвори и запечатлѣ верху него, да не прелщаетъ ктому языкы, донелѣже скончаются тисяща лѣтъ. и по сихъ подобаетъ ему раздрѣшенну быти на малое время». По изданію Кутеинскому 1652 г., гл. 20: «И видѣхъ ангела сходяща съ небесе, имуща ключъ бездны, и уже великое въ руцѣ. его и ять змія, змію древнюю, иже есть діаволъ и сатана: и связа и на тысящу лѣтъ: и въ бездну воверже его, и заключи его, и запечатлѣ надъ нимъ, да не лститъ ктому языки, дондеже скончается тысяща лѣтъ: и по сихъ подобаетъ ему отрѣшену быти на мало время».

За этими старопечатными книгами слѣдуютъ статьи рукописныя.

Л. 1. «Псалтырь толковая преподобнаго отца нашего Максима Грека. Псаломъ 9. Сущее» и т. д. Затѣмъ «Псаломъ 103. Далѣе—Кирилла Іерусалимскаго знаменіе осьмое передъ вторымъ пришествіемъ Іисуса Христа; Ефрема Сирина слово о Антихристѣ; Кирилла Іерусалимскаго о пророцѣхъ, иже пророчествоваша о Христѣ; изъ книги Іисуса Сирахова, гл. 48; изъ Евангелія отъ Матѳея, зачало 41, съ толкованіемъ, и т. д. до выписки «изъ книги Іосифа 10 слова на ересь Новгородскихъ еретиковъ, хулящихъ писанія святаго Ефрема».

Л. 10. «Слово преподобнаго отца нашего Ефрема о Антихристѣ». И наконецъ:

Л. 20. «Блаженнаго Ипполита папы Римскаго и мученика слово въ недѣлю мясопустную о скончаніи міра и о Антихристехъ и о второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа».

Такая же бумага, на какой писаны эти статьи, кое-гдѣ по листу вставлена въ Лицевой Апокалипсисъ для вписанія дополненій къ толкованію Андрея Кесарійскаго, о чемъ тотчасъ будетъ сказано подробнѣе.

Лѣтъ сто назадъ рукопись эта принадлежала Коломенской молельнѣ, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующая подпись на задней доскѣ переплета: «Сія книга глаголемая Апокалипсисъ Коломенской Моленны дана въ продажу 64 рубл.».

Теперь возвращаюсь къ самому Апокалипсису въ лицахъ. Текстъ его, какъ сказано, списанъ изъ Кіевскаго изданія 1625 года, точно такъ же, какъ и въ СПБ. рук. № 229; но различіе по тексту между обѣими рукописями то, что списатель Петербургск. рукописи вносилъ *инаго толкованіе* тотчасъ же вслѣдъ за толкованіемъ каждаго стиха въ отдѣльности, нарушая такимъ образомъ цѣльность каждаго зачала или главы въ славянскомъ переводѣ толкованія Андрея Кесарійскаго; тогда какъ писецъ Хлудовск. рукописи 1708 г. списывалъ изъ печатной книги цѣлое зачало, или главу, не вставляя между стихами дополненій инаго толкованія, и только въ концѣ зачала или главы уже другой писецъ дѣлалъ такія дополненія, ограничиваясь тѣмъ, что̀ находилъ существенно важнымъ изъ *инаго толкованій* при которомъ либо изъ стиховъ того зачала или главы.

Для примѣра беру зачало, или главу I-ю; въ ней 8 стиховъ [по нынѣ принятому I, 1-9]. Послѣ 4-го стиха съ его толкованіемъ, въ обыкновенныхъ троетолковыхъ Апокалипсисахъ съ миніатюрами помѣщается одно изъ, такъ называемыхъ, *инаго толкованій*. Оно внесено подъ 4-й стихъ съ толкованіемъ и въ СПБ. № 229, какъ вставка среди зачала или главы, списанной съ изданія Копистенскаго 1625 г. Что же касается до Хлудовск. рукописи 1708 г., то это же самое толкованіе, только къ 4-му стиху, выбрано изъ всѣхъ другихъ инаго толкованій того же 1-го зачала, и помѣщено въ концѣ всего зачала, списаннаго изъ печатной книги строка въ строку безъ всякихъ вставокъ въ серединѣ его.

Вотъ самая приписка къ 1-му зачалу старопечатнаго изданія, взятая въ Хлудовск. рукописи изъ-подъ стиха 4-го троетолковыхъ Апокалипсисовъ:

«*Инаго толкованія.* Понеже Іоаннъ святый сіе цѣлованіе толико седми церквамъ пишетъ, не имамы разумѣти тако, аки бы толико къ тѣмъ церквамъ глаголано. Понеже сіе седморичное число наипаче возлюбися Духу Святому, якоже послѣди услышимъ о седми трубахъ, о седми печатѣхъ, о седми Фіалѣхъ гнѣва божіяго, не имамы разумѣти, елико тѣмъ седмимъ церквамъ глаголетъ, но и всѣмъ церквамъ сущимъ по всей земли глаголетъ. Понеже и Павелъ егда пишетъ къ Римляномъ, ко Евреомъ, Галатомъ, не имамы разумѣти, яко толико тѣмъ пишетъ, но всѣмъ вѣрующимъ въ Господа нашего Іисуса Христа, яко же и самъ Господь ученикомъ рече: еже вамъ глаголю, всѣмъ глаголю, посылая ученики свои на проповѣдь, повелѣ ученіе свое возвѣщати всѣмъ, яко же и Давидъ глаголетъ: во всю землю изыдоша вѣщанія ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ. Творитъ же цѣлованіе церквамъ отъ сущаго, иже бѣ и грядущаго, отъ седми Духовъ, иже суть предъ престоломъ его. Сими являетъ Троицу Святую, Отца и Сына и Святаго Духа. Егда бо глаголетъ отъ Сущаго, Отца наричетъ; егда же глаголетъ Грядущаго, Сына наричетъ; ни кто бо не пріидетъ судити ны, токмо Сынъ Божій, Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ. Воспоминаетъ же седми Духовъ, исповѣдуетъ седмь дѣяній Духа Святаго».

Кромѣ такихъ добавленій изъ *инаго толкованій*, иногда другою рукою и при томъ на языкѣ бѣлорусскомъ, или прямо послѣ зачала, или же вслѣдъ за дополнительнымъ инаго толкованіемъ, дѣлается краткое примѣчаніе для объясненія текста. Такъ за выше приведенною выпискою слѣдуетъ замѣтка, собственно относящаяся къ 7 стиху того же 1-го зачала:

«Альфа въ Грековъ першая, а омега остатная зъ Грамматыки литéра».

Сверхъ того, прилагаются еще дополненія другаго рода, на обыкновенномъ славянорусскомъ языкѣ, взятыя изъ разныхъ источниковъ. Напримѣръ въ зачалѣ, или главѣ 30, о Енохѣ и Иліи [по нынѣ принятому XI, 3-10], вслѣдъ за списаннымъ изъ печатнаго изданія Копистенскаго, помѣщены четыре дополненія: первое *инаго толкованіе* взято изъ троетолковаго Апока-

липсиса; второе—замѣтка на бѣлорусскомъ языкѣ, писанная другими чернилами и другимъ почеркомъ; третье изъ Толковой Псалтыри, и четвертое изъ Слова Григорія папы Римскаго. А именно:

«*Инаго толкованія.* Работати богомъ чюждимъ и прилагатися ученію ложному, си есть Содома духовная, а идѣже Господа нашего Іисуса Христа не пріемлютъ, тамо его распинаютъ.

«Содома и Гоморра духовнѣ есть фальшывыхъ наукъ слуханье и чюжихъ боговъ възываньe. Тые, которые се за Антихристомъ удали, тѣшатся зъ смерти вѣрныхъ.

«*На псаломъ 40 Аѳонасіево толкованіе.* Жидовскимъ людемъ, аки скотскимъ, брозда бысть крестъ, узда же Евангеліе, и отъ всѣхъ отвращени быша, яко хульницы. А еже многи раны діаволу, отнеле бо Христосъ пріиде на землю, многи прія раны. Елико бо помысли на Христа, на себѣ си сотворилъ есть.

«*Книга Григорія папы Римскаго. Слово 36.* Здѣ бо есть еже и о Езекіилѣ пророцѣ. Врата граду на горѣ поставленна суть, стегны [sic] двою лактю изъмѣрятся. Яко же бо намъ путь небеснаго града не явится, аще въ сей церкви, яже того ради стегны нарицаются, еже еще въ ней есть, Бога и ближнихъ любве не держитъ».

Наконецъ, къ нѣкоторымъ зачаламъ съ ихъ дополненіями прилагаются, какъ выше упомянуто, листы другаго сорта бумаги, вклеенные въ рукопись, когда ее переплетали. На этихъ листахъ сдѣланы выписки изъ разныхъ источниковъ, клонящіяся тоже къ толкованію апокалипсическаго текста. Такъ на листѣ къ зачалу 37 [XIII, 11-17] выписано изъ *Книги Максима Грека, отъ главы 8*, и потомъ *отъ главы 9;* на листѣ къ зачалу 38 [XIII, 18] выписано изъ *Андрея Христа ради Юродиваго, глава 86, о послѣднемъ царствѣ и времени,* и затѣмъ: *глава 87.*

Изъ приведенныхъ здѣсь данныхъ извлекаются слѣдующіе выводы. Вопервыхъ, не довольствуясь печатнымъ изданіемъ Копистенскаго, составители рукописи дополнили его выдержками изъ троетолковаго Апокалипсиса и изъ другихъ источниковъ, которымъ по содержанію вполнѣ соотвѣтствуютъ рукописныя статьи, помѣщенныя въ концѣ рукописи вслѣдъ за двумя старопечатными изданіями. Вовторыхъ, какъ изданіе Копистенскаго представляетъ смѣсь языка славяно-русскаго

съ бѣлорусскимъ, преисполненнымъ полонизмами; такъ и въ дополненіяхъ къ зачаламъ Апокалипсиса встрѣчаются выдержки двоякаго рода: славяно-русскія и польско-бѣлорусскія. Такое западное вліяніе въ текстѣ отразилось, какъ увидимъ, и въ иллюстраціи, къ которой теперь приступаю.

Сначала надобно замѣтить, что вся она, отъ первой миніатюры и до послѣдней, состоитъ изъ точныхъ переводовъ редакціи Чудовской, съ немногими варіантами, о которыхъ будетъ сказано ниже. Характеръ сказанной редакціи въ этомъ Апокалипсисѣ такъ очевиденъ, что не нуждается въ доказательствахъ. Стоитъ только взять для сравненія какую нибудь изъ позднѣйшихъ дюжинныхъ копій, чтобы лично убѣдиться въ этомъ. Но надобно знать, что Хлудовскій экземпляръ 1708 г., какъ по своему довольно раннему времени, такъ и по необыкновенной тщательности и въ текстѣ и рисункахъ и по замѣчательному изяществу послѣднихъ, занимаетъ, сколько мнѣ извѣстно, первое мѣсто между всѣми копіями Чудовской редакціи въ листъ, именно между тѣми копіями, которыя принято называть *Поморскими*.

При этомъ я долженъ замѣтить, что наименованіе сказанныхъ копій *Поморскими* не опредѣляетъ ни происхожденія ихъ иллюстраціи, ни ея отличительныхъ свойствъ, какъ въ самыхъ сюжетахъ, такъ въ техническомъ и художественномъ ихъ исполненіи. Гораздо точнѣе ихъ называть копіями *Чудовской редакціи*, и между ними отличать нѣсколько разрядовъ, изъ которыхъ иллюстрація, принятая въ Хлудовскомъ Ап. 1708 г., есть самая распространенная въ позднѣйшихъ копіяхъ.

Эта иллюстрація не представляетъ тѣхъ уклоненій отъ Чудовской редакціи, которыя были замѣчены въ СПБ. Апокалипсисѣ съ текстомъ Кописстенскаго 1625 г. № 229, и сходныхъ съ нимъ СПБ. № 46, Амфилох. и Вахрамѣев.

Однако есть одна существенная примѣта, которою одинаково эти иллюстраціи отличаются отъ Чудовской редакціи, и которая потомъ сильно распространяется въ позднѣйшихъ копіяхъ и при томъ по переводу, принятому въ Хлудовскомъ Апок. 1708 г.

Это при 2-ой главѣ изображеніе Іисуса Христа вм. Еммануила Чудовск. Перевода 1638 г., о чемъ было уже замѣчено въ описаніи СПБ. рук. № 229. Типъ, костюмъ и самая поза Іисуса Христа, какъ было уже тамъ сказано, представляютъ замѣ-

чательное сходство съ политипажемъ Кіевск. изданія 1625 г., скопированнымъ съ Лютеровой гравюры 1534 г. [сн. 271 а, б], и особенно сильно это сходство въ Хлудовск. Апок. 1708 г. и въ позднѣйшихъ копіяхъ.

Черта, усиливающая это сходство, состоитъ въ томъ, что изъ очей Іисуса Христа, какъ принято на западѣ, исходятъ пламенные языки, въ Хлудовск. Апок. м. 2 [копія краск. 22], согласно съ сказаннымъ политипажемъ на стр. 7 въ изданіи Копистенскаго. То же и въ позднѣйшихъ копіяхъ, тогда какъ въ обоихъ СПБ. Апокк. и въ Вахрамѣевскомъ очи Іисуса Христа писаны безъ пламени, еще согласно съ лучшими нашими редакціями. Въ этомъ отношеніи Хлудовск. Апок. и позднѣйшія копіи представляютъ слѣдъ бо́льшаго вліянія Кіевск. изданія 1625, нежели СПБ. № 229, не смотря на то, что въ этомъ послѣднемъ при текстѣ Копистенскаго оказались мм., обязанныя своимъ происхожденіемъ Кіевскому изданію.

Другая характеристическая примѣта Кіевскаго политипажа 1625 г., слабо означенная въ сказанной м. 2 Хлудовск. Апок. 1708 г., оказывается во всей ясности въ копіяхъ позднѣйшихъ. Это широкое сіяніе изъ лучей вокругъ головы съ крестнымъ нимбомъ Іисуса Христа, означенное тонкими штрихами во весь кругъ сіянія, такъ что покрываетъ грудь Іисуса Христа, заслоняя собою тотъ воротъ туники, о которомъ была рѣчь въ описаніи СПБ. рук. № 229.

Обѣ эти примѣты не оставляютъ сомнѣнія во вліяніи Кіевскаго изданія на позднѣйшія копіи Чудовской редакціи.

Сверхъ того, заимствованіе изъ Лютерова Апок. 1534 г., грав. 15 [сн. 274 а], представляетъ Хлудовскій Апок. при гл. 30, въ изображеніи Звѣря, выходящаго изъ бездны, чтобы пожрать Еноха и Илію, м. 30 [сн. 195]. Этотъ Звѣрь въ трехъярусной папской тіарѣ и съ двумя лентами на шеѣ, того же самаго перевода, что̀ въ СПБ. Апок. Q, Отд. I, № 441, въ 4-у, XVIII в. м. 22 [сн. 208], равно какъ и въ одной изъ гравюръ старопечатнаго лицеваго Апок. іерея Прокопія, 1646-1662 гг.

Другую м., именно 17-ю, я прилагаю въ сн. 194, какъ прекрасный образчикъ перевода Чудовской редакціи.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о художественности описываемаго Апок. Въ рисункѣ вообще удерживается архаическій стиль ранняго оригинала, такъ же какъ и въ другихъ

позднѣйшихъ копіяхъ, что̀ дѣлаетъ честь иконографическому такту ихъ мастеровъ. Но въ ландшафтѣ преобладаетъ наклонность къ натурализму. Стилизація облаковъ и неба уже изгнана изъ видѣній апокалипсическихъ, которыя мастеръ окружаетъ обыкновенными облаками и разцвѣчаетъ ихъ вмѣстѣ съ небомъ, болѣе или менѣе, натуральнымъ колоритомъ, солнечнымъ освѣщеніемъ и отливами, какъ въ новѣйшей живописи. Горы пишетъ желтыми, но въ свѣтотѣнь, и съ зеленоватыми намеками на покрывающую ихъ траву, море—синее, но непремѣнно съ перспективою спускающихся къ водѣ береговъ. Золото употребляется по старому преданію, и то только въ первой половинѣ Апокалипсиса, но оно нисколько не нарушаетъ изящества колорита, соотвѣтствуя архаичности рисунка. См. м. 2 [копія краск. 22].

Наконецъ, особенное изящество Хлудовскому Апокалипсису 1708 г. придаютъ многочисленные орнаменты въ заглавныхъ буквахъ, заставкахъ и цѣлыхъ рамкахъ для текста. Западный стиль Возрожденія съ примѣсью рококо—преобладаетъ. Рисунокъ скомпанованъ съ большимъ вкусомъ, иногда отдѣланъ только черными штрихами по черному же фону, въ гравировальномъ стилѣ, иногда кое-гдѣ освѣщенъ только золотомъ, но по большей части богато раскрашенъ разными яркими колерами, смѣсь которыхъ вмѣстѣ съ золотомъ всегда производитъ самое удачное гармоническое впечатлѣніе. Не смотря на заимствованные съ запада элементы, ихъ выборъ, передѣлка и сочетаніе свидѣтельствуютъ о нѣкоторой самостоятельности и тонкомъ вкусѣ нашихъ мастеровъ начала XVIII в.

Въ нѣкоторыхъ копіяхъ, столько же изящныхъ и великолѣпныхъ, эти орнаменты менѣе удачно замѣняются очень натурально писанными букетами и гирляндами цвѣтовъ. Впрочемъ, большинство дюжинныхъ копій въ листъ пользуются орнаментаціею въ родѣ Хлудов. Апокалипсиса, но наскоро и неискусно рисованною и аляповато покрытою безвкуснымъ сочетаніемъ невзрачныхъ красокъ.

XV

Рукопись князя П. П. Вяземскаго № 141, въ 4-ку, на 254 лл. съ 253 мм.; Петровскаго времени.

Рук. И. Ф. Дюмушеля, въ 4-ку, на 250 лл. съ 246 мм.; Петровскаго времени.

Оба эти Апокк. предлагаютъ копіи съ нѣкоторыми отклоненіями въ переводахъ съ какого-то оригинала самостоятельной редакціи, какъ по тексту, такъ и по иллюстраціи, который могъ быть составленъ не ранѣе послѣдней четверти XVII в. Тотъ и другой при одинаково грубой иллюстраціи, напоминающей лубочныя издѣлія, держатся общей имъ обоимъ системы въ помѣщеніи миніатюръ, именно на каждомъ листѣ рукописи, и притомъ на оборотной его сторонѣ, а лицевая содержитъ письмо, за самыми рѣдкими исключеніями, т. е. когда весь листъ исписанъ письмомъ съ обѣихъ сторонъ, какъ въ Апок. г. Дюмушеля 1, 2 и 4 лл., или когда миніатюры помѣщены на обѣихъ сторонахъ листа, какъ въ Апок. кн. Вяземск. на 1, 104, 139 и 217 лл., или наконецъ когда миніатюра занимаетъ лицевую сторону, а на оборотной письмо, или чистая бумага, какъ въ этой же рукописи на 234 и 252 лл., а въ рук. Дюмушелевской послѣднія пять мм., 241-245, на лл. 246-250, писанныя на оборотѣ листовъ, на лицевой сторонѣ не имѣютъ текста потому, что онъ уже былъ оконченъ оглавленіемъ въ послѣдней полустрокѣ на л. 246. Таковымъ отношеніемъ иллюстраціи къ письму объясняется

безпримѣрное множество миніатюръ, характеризующее описываемую редакцію.

По иллюстраціи Апок. Вяз. значительно полнѣе Дюмушелевскаго, что̀ особенно видно въ самомъ началѣ, въ первыхъ трехъ главахъ по нынѣ принятому счету, какъ это будетъ показано выше.

Въ Апок. Вяз. листъ 104 съ двумя миніатюрами по обѣимъ его сторонамъ, мм. 105 и 106, помѣщенъ не на мѣстѣ. Ему слѣдуетъ быть при текстѣ о Лаодикійской Церкви [III, 14-22] между мм. 33-ей и 36-ой.

Особенность письма обѣихъ рукописей состоитъ въ томъ, что та и другая не иное что, какъ копіи съ извѣстнаго Кіевскаго изданія Копистенскаго, 1625 года, съ удержаніемъ всѣхъ примѣтъ въ текстѣ Откровенія и съ подробнымъ и полнымъ толкованіемъ, принятымъ въ сказанномъ изданіи. Отъ другихъ Лицевыхъ Апок., съ текстомъ и толкованіемъ того же Кіевскаго изданія, именно отъ Уваровскаго № 58 и отъ СПБ. № 229, обѣ описываемыя рукописи отличаются тѣмъ, что предлагаютъ копію съ редакціи Копистенскаго безъ удержанія ученыхъ типографскихъ пріемовъ, состоящихъ въ греческихъ и другихъ глоссахъ и въ многочисленныхъ цитатахъ, приводимыхъ на поляхъ. Впрочемъ, иногда славянскія глоссы съ полей введены въ самый текстъ, дополняя или замѣняя въ немъ соотвѣтствующее имъ слово.

Въ доказательство сказаннаго привожу нѣсколько выдержекъ по рукописи г. Дюмушеля съ варіантами изъ рукописи Вяземск., гдѣ таковые окажутся.

II, 12. «Ангелу Пергамскія церкве напиши: сія глаголетъ имѣяй мечь *обоюдный остръ*»; въ моемъ юсовомъ: «мечь остръ, *обоюду изощренъ*»; въ испр. «мечь обоюду изощренъ». Въ толкованіи: «мечь же обоюденъ или евангельское слово глаголетъ *обрѣзующее* сердце и невѣрныя отъ вѣрныхъ *раздѣляющее*, или *изрече отвѣщаніе на нечестивыхъ неумолимое*». Слова *изрече* у Копист. въ текстѣ нѣтъ, а стоитъ оно на полѣ въ видѣ глоссы къ *отвѣщаніе*, и составляетъ не цѣлое слово, а только часть, замѣняющую *отвѣща-*, а окончаніе *-ніе* должно быть прибавлено къ *изрече*, что̀ и составитъ *изреченіе*, такъ какъ въ изданіи 1625 г. постоянно принята такая система въ выноскахъ глоссъ, когда окончанія обоихъ словъ, и въ текстѣ и глоссѣ,

одни и тѣ же. Птакъ у Копист. только: «или отвѣщаніе на нечестивыхъ неумолимое», а на полѣ: *изрече*, съ сноскою на слово *отвѣщаніе*, что̀ означаетъ: замѣни слово *отвѣщаніе*, словомъ *изреченіе*. Въ греч. ἢ τὴν κατὰ τῶν ἀσεβῶν ἀπότομον ἀπόφασιν; въ лат. aut peremptoriam judicis contra impios sententiam». Изъ этого искаженія въ обѣихъ описываемыхъ рукописяхъ явствуетъ, что онѣ списаны именно съ печатнаго изданія, снабженнаго глоссами въ извѣстной системѣ. Въ моемъ юсов. Апок. это толкованіе значится иначе: «и иже обоюду остръ, евангельское слово рече *посѣкаетъ* и *отлучаетъ* отъ невѣрныхъ, или *отвѣтъ отсѣченъ* на нечестивыя»; въ другихъ спискахъ: *отвѣтъ лютый*.

III, 5. «И *не вымажу* имени его *изъ книги животныя*»; въ моемъ юсовомъ, какъ и въ испр.: «и *не имамъ отмыти* имене его *отъ книгъ животныхъ*».

III, 7. Толкованіе: «Ключь Давидовъ царство его наречеся, власти бо сей ключь [въ рук. Вяз. *есть*] знаменіе. Ключь же паки псаломскія книги и всякаго пророчества Духъ Святый, имъ же сокровища разумѣнія отверзаются. И первый убо ключь по человѣчеству Христосъ пріемлетъ, вторый же имать по безначальному божеству. Ельма же въ древніихъ нѣкіихъ звоздѣхъ, вмѣсто Давидовъ, ключь адовъ написано есть: чрезъ адовъ ключь власть живота и смерти Христу засвидѣтельствовася». Въ рук. Вяз. только въ концѣ испорчено и пропущено: «сима въ древнихъ нѣкіихъ зводѣхъ написано. *чречь* [sic] адовъ ключь, власть живота и смерти Христу засвидѣтельствовася». Это послѣднее мѣсто въ греч.: ἐπεὶ δὲ ἔν τισι τῶν ἀντιγράφων ἀντὶ τοῦ Δαυὶδ, ᾅδου γέγραπται и проч.; въ лат. quia vero in vetustis quibusdam exemplaribus legitur и проч. Въ обѣихъ описываемыхъ рукописяхъ опять вставлены глоссы въ текстъ; а именно въ изданіи 1625 г. читается: «Ключь Давидовъ, царство его наречеся. Власти бо сій [глосса: *ключь знаменіе власти*] естъ знаменіе. Ключь же паки псаломскія книги и всякаго пророчества, Духъ святый, имже съкровища разумѣнія отверзаются. И первый убо [глос. *ключь*] по человѣчеству [глос. *Хс*] пріемлетъ: вторый же иматъ по безначальному Божеству. Елма же въ [глос. *древнихъ*] нѣкіихъ зводѣхъ въ мѣсто Давидовъ [глос. *ключь адовъ*] Адовъ написано есть, чрезъ Адовъ Ключъ власть живота и смерти Христу засвидѣтельствовася». Въ моемъ юсов.

Апок. только: «Ключь Давидовъ отъ Бога свята его нарицаетъ по человѣчеству, и паки по апостольскимъ книгамъ отъ святаго Духа; первый же пріемлетъ по человѣчеству, а вторый имать по безначальному божеству, сирѣчь умертвити и оживити». Въ другихъ спискахъ еще сокращеннѣе: «Ключь Давидовъ область свою нарицаетъ по человѣчеству, а вторый имать по безначальному божеству, сирѣчь умертвити и оживити могій».

V, 2. Толкованіе: «Чрезъ сіе: никто же можаше отверсти книгу назнаменуется яко ниже ангели, ниже человѣцы въ плоти сущеи, ниже изъ плоти сущеи изшедшеи святіи извѣстное [у Копист. тоже *извѣстное*, но въ Апок. Вяз.—*извѣстиье*] божественныхъ судебъ постигоша видѣти»: согласно съ греч. Διὰ δὲ τοῦ, Οὐδεὶς ἠδύνατο ἀνοῖξαι τὸ βιβλίον, δηλοῦται μήτε ἀγγέλους, μήτε ἀνθρώπους τοὺς ἐν σαρκὶ ὄντας, μήτε τοὺς ἐκ σαρκὸς ἀποδεδημηκότας ἁγίους, τὴν ἀκριβῆ τῶν θείων κριμάτων κατειληφέναι γνῶσιν. Здѣсь, какъ уже показано въ своемъ мѣстѣ, господствовавшая у насъ редакція приняла лат. sanctos, исказивъ его на разные лады; такъ въ моемъ юсов. Апок.: «сирѣчь ни ангели ни *санити* [глос. *самити*], ни исшедшіи изъ плоти своея, ни человѣци во плоти суще, не могутъ разумѣти таинъ божіихъ»; въ Румянц. Апок. XIII-XIV в. *ни санти*. Стихи 68 или 69, и 70.

V 8. «И фіялы златыя полны [въ Апок. Вяз. *полныя*] каженія яже суть молитвы святыя»; у Копист. *полныя каженій* и *молитвы святыхъ*; въ моемъ юсов. *полны ѳиміяну*; въ испр. «полны ѳѵміама».

VI, 7. Толкованіе: «Высокопарное и быстрое къ трупу четвертаго животнаго, сирѣчь Орла, можетъ являти свыше [въ Апок. Вяз. *свише*, у Копист. *съвышше*] отъ Бога посланнаго гнѣва приходящія [въ Апок. Вяз. *приходящаго*] язвы во отмщеніе благочестивымъ и въ мученіе нечестивымъ, аще сими, бывше лучшеми, не обратятся»; у Копист. *блювочестивыхъ*, *нечестивыхъ* и *лучшими*.

VI, 8. «И се конь блѣдъ», какъ и въ исправл. текстѣ; у Копист. «и се конь *зеленый*», но въ глоссѣ *блѣдъ*, откуда и взято въ обѣ рукописи.

XI, 1 и 2. «Востани и размѣри храмъ божій и жертовникъ и кланяющіися [у Копист. *кланяющыяся*] въ немъ и дворъ, сирѣчь притворъ, иже есть извнѣ храма изверзи вонъ и да не измѣриши и, яко дадеся языкомъ»; у Копист. *сирѣчь притворъ*,

вмѣсто глоссы на поляхъ, внесено въ текстъ, но помѣщено въ скобкахъ; въ обѣихъ же рукописяхъ скобки опущены, и глосса слилась съ текстомъ. Въ моемъ юсов. Апок.: «востани и измѣри церковь божію и олтарь, и кланяющаяся въ ней, а дворъ, сущій внутрьудѫ церкви, изнеси его внѣудѫ, и не измѣри его, яко данъ бысть языкомъ». Въ исправл.: «Востани и измѣри церковь божію и олтарь, и кланяющыяся въ ней; а дворъ сущій внутрь церкве изнеси внѣуду, ниже измѣри его, зане данъ бысть языкомъ».

XII, 3. «И се змій *рыжій* велій, имѣяй седмь главъ и роговъ десять, и на главахъ седмь *вѣнцовъ царскихъ*»: это текстъ изданія 1625 г., исправленный по глоссамъ: «и се змій чермный [глос. *рыжій*] велій, имѣяй седмъ главъ и роговъ десятъ: и на главахъ его седмъ діадимъ» [глос. *вѣнцевъ царскихъ*]. Въ исправл. *змій великъ чермень* и *седмь вѣнцевъ*.

XII, 4. «И *ошибъ* его влечетъ третію часть звѣздъ съ небесе и поверже я на землю»; въ Апок. Вяз.: «И *ошибъ* его влечетъ третію часть звѣздъ на землю съ небесе и поверже я»; у Копист.: «И *ошыбъ* его влечетъ третію часть звѣздъ [небесе] и поверже я на землю». Въ моемъ юсов. «и *хоботъ* его влѣкій третіюю часть звѣздъ небесныхъ, и вложи я въ землю»; въ исправл. «и *хоботъ* его отторже третію часть звѣздъ небесныхъ, и положи я въ землю». Замѣчательно, что въ греч. текстѣ, такъ же какъ и у Копист., въ скобкахъ: τὸ τρίτον τῶν ἀστέρων [τοῦ οὐρανοῦ], что въ господствовавшей редакціи и въ исправл. переведено родит. падежемъ: *звѣздъ небесныхъ*; но въ описываемыхъ рукк. этому мѣсту данъ другой смыслъ.

XII, 9. «И сверженъ бысть змій велій, *ужъ*, нарицаемый діаволъ и сатана»; въ Апок. Вяз. другой порядокъ словъ: «И сверженъ бысть *ужъ*, змій великій, нарицаемый діяволъ и сатана»: въ обѣихъ рукк. *древній* пропущено. У Копист. «И сверженъ бысть змій [глос. *драконъ*] велій, *ужъ* [глос. ὄφις] *древній*, нарицаемый діаволъ и сатана». Въ моемъ юсов., равно какъ и въ исправл.: «И вложенъ бысть змій великій, змій древній»; въ Румянц. XIII-XIV в.: «И вложенъ бысть великій змій, и змій древній».

XII, 10. «Яко низверженъ бысть *оглаголникъ* братій нашихъ *оглаголяй* ихъ предъ Богомъ»; у Копист. при *оглаголникъ* глосса: *скаржитель*. Въ моемъ юсов. *клеветникъ* и *оклеветаяй*; въ исправл. *клеветникъ* и *оклевещая*.

XII, 15. «И изверже *ужъ* изъ устъ своихъ за женою воду яко рѣку да сію сотворитъ рѣкою похищеною» [sic]: у Копист. *похищенную*. Въ моемъ юсов. «И изложи *змій* за женою изъ устъ своихъ воду яко рѣку, да ю въ рѣцѣ потопитъ»; такъ же и въ исправл., только, вмѣсто *изложи*, сказано *испусти*.

XIV, 6. «И видѣхъ другаго ангела паряща *въ средонебеси*»; въ Апок. Вяз. *среди небеси*; у Копист. *въ средонебесіи*, греч. ἐν μεσουρανήματι; въ другихъ спискахъ, какъ и въ исправл. *посредь небесе*, или *посреди небеси*.

XIV, 8. «Отъ вина ярости *блуда* своего»; въ исправ., какъ и въ другихъ древнихъ спискахъ: *любодѣянія*.

XIV, 15. «Зане изше *жниво* земное»; въ моемъ юсов. «*жатва* земская»; въ испр. «*трава* земная».

XIV, 20. «И изыде кровь *источная* [въ Апок. Вяз. *отъ точила*, у Копис. *изъ точила*] даже до *бродъ* конскихъ»; въ другихъ спискахъ: *до уздъ*, какъ и въ исправл.

XV, 6. «Оболчени *во платно* льняное *или* камень честный и свѣтлый, и опоясаны» и проч.; у Копист. «облечени въ *платно* лняное *или* камень чистый и свѣтлый, и опоясани»; въ моемъ юсов. «оболчены *въ ризы* льняны и свѣтлы, яко въ камень чистъ и свѣтелъ зѣло, и препоясаны»; въ испр. только: «облечены въ ризы лняны чисты и свѣтлы, и препоясани», какъ и въ греческомъ.

Въ концѣ 48-ой главы [XVI, 4-7], такъ же какъ у Копист. на стр. 73, помѣщена въ обѣихъ описываемыхъ рукк. повѣсть о нѣкоторомъ мужѣ, очерненномъ многими согрѣшеніями, т. е. та же самая, что̀ взята, какъ показано въ своемъ мѣстѣ, изъ изданія 1625 г. въ СПБ. Апок. № 229.

XVIII, 2. «И бысть жилище бѣсомъ и хранилище всякаго духа нечистаго и мерзостнаго». Въ обѣихъ рукк., какъ и въ изданіи 1625 г., пропущено, удерживаемое въ древнихъ спискахъ и въ исправл. «хранилище всѣхъ птицъ нечистыхъ и ненавидимыхъ».

XVIII, 3. «И царіе земстіи съ нею соблудиша и купцы земстіи отъ силы пресыщенія и разсвирѣпѣнія ея разбогатѣша»; въ моемъ юсов. «И царіе земстіи съ нею любы дѣяша и купцы земстіи отъ льсти сверѣпія ея обогатѣша»; въ исправл. «И царіе земстіи съ нею любы дѣяша, и купцы земстіи отъ силы пищи ея разбогатѣша».

XVIII, 22. «И всякій *художникъ* всякаго *художества*» и пр.; въ моемъ юсов. «и всякъ *козникъ* всякое *козни*»; въ испр. «всякъ *хитрецъ* всякія *хитрости*».

XIX, 12. «И на главѣ его многія діадимы», какъ и у Копист. *діадимы;* но въ Апок. Вяз. *многія вѣнцы*, т. е. глосса, обыкновенно отмѣчаемая въ изданіи 1625 г. при постоянно употребляемомъ въ немъ словѣ *діадима*, хотя въ этомъ именно мѣстѣ глосса и не приведена. Писецъ рукописи Вяз. уже привыкъ это иностранное слово всякій разъ замѣнять русскимъ, потому замѣнилъ и здѣсь, тогда какъ въ рукописи г. Дюмушеля оно осталось, такъ какъ при немъ нѣтъ глоссы, а писецъ хотѣлъ точнѣе держаться своего подлинника.

XIX, 13. «Облеченъ въ ризу омочену [у Копист. *омоченную*, въ Апок. Вяз. *омощену*] кровію»; въ моемъ юсов. «оболченъ въ ризы бѣлы очервлены кровію», но въ Румянц. XIII-XIV в. только: «оболченъ въ ризы червлены кровью»; въ испр. «облеченъ въ ризу червлену кровію».

XIX, 16. «На *бедрѣ* своемъ»; въ господствовавшей редакціи, какъ и въ исправл. «на *стегнѣ* своемъ».

XX, 2. «И *удержа* змія, *ужа* оного древняго»; въ Апок. Вяз. первыя три слова пропущены, т. е. *и удержа змія*, а надъ словомъ *ужа* тою же рукою надписано изъ господствовавшаго и нынѣ принятаго чтенія: *и ятъ*, и такимъ образомъ составилось дефектное чтеніе: «и ятъ *ужа* оного древняго»; у Копист. «и удержа змія [глос. Δράκοντα], *ужа* [глос. τὸν ὄφιν] онаго древнего»; въ моемъ юсов. «и ятъ змія, *змію* древнюю», какъ и въ Румянц. XIII-XIV в. «и ятъ змія и *зьмію* древнюю»; въ испр. оба слова въ муж. родѣ: «и ятъ змія, змія древняго».

XXII, 3. «И всякая *катаѳема*, сіе есть возложеніе *, не будетъ ту. Толкованіе: И всякое катаѳема, сіе есть низположеніе, не будетъ тамо. Понеже анаѳема, си есть возложеніе, сугубо разумѣвается». У Копист. «И всякое катаѳема [си естъ, низложеніе] не будетъ [ту]. ** И всякое Κατάθεμα [низположеніе или низвозложеніе] не будетъ тамо. Понеже Анаѳема, си естъ, возложеніе сугубо разумѣвается». Въ греч. только: Καὶ πᾶν κατάθεμα οὐκ ἔσται ἐκεῖ. Τοῦ ἀναθέματος διττῶς νοουμένου. Раз-

* Ошибкою вмѣсто низложеніе.

** Затѣмъ слѣдуетъ толкованіе, которое въ изданіи 1625 г. отличается отъ текста только болѣе крупнымъ шрифтомъ.

личіе между обѣими рукописями состоитъ въ томъ, что, во-первыхъ, въ Дюмушелевой текстъ повторяется дважды, какъ и въ изданіи 1625 г., а въ рук. Вяз. только принятъ однажды, и именно изъ толкованія: «И всякая катаѳема, низъположеніе или низвозложеніе, не будетъ тамо. Толкованіе: Анаѳема, си есть возложеніе, сугубо разумѣевается»; вовторыхъ, въ Дюмушелевой употребленъ въ толкованіи средній родъ по Коппстенскому: *всякое катаѳема*, а въ рук. Вяз. женскій, и наконецъ въ этой послѣдней рукописи, какъ въ изданіи 1625 г., передъ словомъ *низъположеніе* нѣтъ союза *сіе есть*, который въ Дюмушелевой вставленъ.

Къ этому надобно присовокупить, что въ обѣихъ рукописяхъ сполна удерживаются подробныя толкованія Андрея Кесарійскаго въ очень тщательномъ переводѣ Кіевскаго изданія 1625 г.

Изъ приведенныхъ сличеній явствуетъ, что обѣ рукописи по тексту стоятъ въ независимомъ отношеніи одна отъ другой, но сходны между собою только по общему имъ обѣимъ оригиналу, которымъ каждая пользовалась самостоятельно. Точно также и въ отношеніи иллюстраціи обѣ онѣ принадлежатъ одной и той же редакціи, но пользуются разными переводами, не состоящими между собою въ прямой зависимости, какъ копія къ оригиналу.

Есть одно очень существенное дополненіе въ обѣихъ этихъ рукописяхъ къ изданію 1625 г. Оно состоитъ въ присовокупленіи къ тексту на поляхъ счета каждаго изъ трехъ сотъ стиховъ слишкомъ, принятаго въ нашихъ рукописныхъ Толковыхъ Апокк., но не удержаннаго въ сказанномъ печатномъ изданіи. Въ рук. Дюмушелевской счетъ означенъ современною тексту рукой, а въ рук. Вяз.—скорописью XVIII в. Сверхъ того, въ первой изъ нихъ вверху страницъ означена *глава*, но по счету новому, принятому и въ нынѣшнемъ исправленномъ текстѣ, т. е. 22 главы; а 72 главы Толковаго Апок. въ обѣихъ рукк., согласно съ изданіемъ 1625 г., называются *зачалами*.

Отличительное свойство описываемой иллюстраціи состоитъ въ безпримѣрномъ множествѣ миніатюръ. Этотъ преизбытокъ происходитъ не отъ внесенія новыхъ дополнительныхъ подробностей, а отъ чисто внѣшняго дробленія сюжета, по другимъ редакціямъ составляющаго одну только миніатюру, на его составныя части, изъ которыхъ для каждой назначается особая миніатюра.

Такъ напр. при главѣ XIX-ой по толковому счету [VII, 1-8] обыкновенно изображается, на одной только миніатюрѣ, по четыремъ концамъ земли по ангелу, держащему олицетвореніе одного изъ Вѣтровъ въ видѣ обнаженнаго юноши съ трубою, а посреди земли стоитъ еще ангелъ съ крестомъ, которымъ онъ запечатлѣваетъ, или съ печатью въ видѣ диска, а иногда и съ тѣмъ и другимъ; по обѣ его стороны размѣщенъ народъ группами: это тысячи запечатлѣнныхъ отъ всякаго колѣна. По описываемой редакціи для этого сюжета потребовалось нѣсколько миніатюръ, именно въ Апок. Вяз. цѣлыхъ восемь, мм. 61-68, собственно для того, чтобы внушить читателю мысль о множествѣ запечатлѣнныхъ отъ ангела посредствомъ осмиконечнаго креста; потому во всѣхъ восьми миніатюрахъ внизу изображено одно и то же, именно группа людей и передъ нею ангелъ съ крестомъ, а направо вверху онъ же еще только слетаетъ къ ней, тоже съ крестомъ; но первыя четыре миніатюры отличаются отъ четырехъ послѣднихъ тѣмъ, что въ каждой вверху налѣво по ангелу съ обнаженною фигурою Вѣтра, держащею трубу. Однимъ словомъ—это вовсе не нужное повтореніе того же самаго, и всѣ восемь миніатюръ въ содержаніи далеко уступаютъ одной, какъ напр. въ моемъ юсов. Апок., м. 25, въ которой, кромѣ Вѣтровъ и ангеловъ съ группою запечатлѣваемыхъ, помѣщено полатное письмо съ деревьями и кустами, а сверхъ того олицетворенія Земли и Моря.

Еще примѣръ. Четыре Всадника и воскресеніе и облаченіе въ бѣлыя ризы избіенныхъ за слово Божіе [VI, 1-11], при пяти главахъ по толковому счету, гл. XIII-XVII, обыкновенно даютъ содержаніе только пяти же миніатюрамъ, а въ этой редакціи, по рук. Вяз., эти пять сюжетовъ растянуты на цѣлыя 15 миніатюръ, мм. 42-56, въ такомъ порядкѣ:

42) На крупной и широкой листвѣ стоитъ Іо. съ книгою.

43) Стоитъ ангелъ въ такой же листвѣ съ цвѣтами.

44) Вверху І. Х. въ ореолѣ, имѣющемъ форму ломаной линіи изъ четырехъ полукружій, сидитъ на престолѣ; къ нему поднимается Агнецъ и полагаетъ передніе ноги на раскрытую, безъ печатей, книгу. Внизу между такою же листвою стоятъ ангелъ и Іо.

45) Еще ангелъ стоитъ на такой же листвѣ.

46) Первый Всадникъ съ копьемъ.

47) Опять вверху I. X. сидитъ, но въ ореолѣ ломаной линіи изъ восьми полукружій; такой же Агнецъ и такая же книга, и внизу тоже ангелъ и Іо.

48) Второй Всадникъ съ мечемъ.

49) Вверху и внизу то же, что̀ въ м. 44.

50) Третій Всадникъ съ вѣсами.

51) Вверху и внизу то же, что̀ въ м. 44, только ореолъ изъ шести полукружій.

52) Смерть съ косою.

53) Іо. стоитъ на крупной и широкой листвѣ съ книгою.

54) Ангелъ стоитъ за жертвенникомъ и даетъ направо и налѣво по одѣянію стоящимъ по обѣ стороны двоимъ ангеламъ. Изъ подъ жертвенника снизу и по бокамъ въ видѣ бордюра торчатъ по грудь головы. Это избіенные подъ престоломъ.

55) Эти послѣднія стоятъ обнажены, а по сторонамъ по ангелу—одѣваютъ ихъ всѣхъ, или вѣрнѣе—покрываютъ сзади и спереди только двумя длинными и широкими полотнищами.

Какъ здѣсь, такъ и вообще во всей иллюстраціи обѣихъ рукописей умноженіе числа миніатюръ болѣе, чѣмъ втрое противъ общепринятаго, происходитъ отъ раздѣленія на двѣ миніатюры такихъ сюжетовъ, которые содержатъ въ себѣ небесное и земное, т. е. Господа Бога въ ореолѣ, или парящаго ангела вверху и какого либо событія, совершающагося внизу.

Иногда изображенія гласовъ, громовъ и силъ, исходящихъ съ неба на землю, повторяются въ обѣихъ миніатюрахъ: въ одной они исходятъ съ неба къ нижней рамкѣ миніатюры, въ другой—они низвергаются на землю отъ линіи верхней рамки, какъ напр. въ видѣніи о Седьмомъ Ангелѣ, изливающемъ фіалъ свой на воздухъ [XVI, 17-21], въ Апок. Вяз. мм. 170 и 171, въ Апок. Дюмуш. мм. 145 и 146.

Наконецъ, особенную безсодержательность и крайнее однообразіе этой иллюстраціи придаетъ повтореніе фигуры Іоанна или ангела, а то и обоихъ ихъ вмѣстѣ, помѣщаемое на особыхъ миніатюрахъ, которыя постоянно разбавляютъ, отдѣляя одно отъ другаго, изображенія апокалипсическихъ видѣній. Нижняя часть миніатюръ съ такими фигурами, а иногда и по сторонамъ ихъ, обыкновенно украшена крупною листвою, иногда съ цвѣтами; напр. въ Апок. Вяз. м. 244 [сн. 231].

Сказанныхъ повтореній въ Апок. Вяз. насчитывается до

97-ми, а въ Апок. Дюмуш. до 146; слѣдовательно послѣдній безсодержательнѣе перваго: въ немъ остается только 100 миніатюръ для настоящихъ сюжетовъ, тогда какъ въ Апок. Вяз. остается ихъ 156. До какой степени такой пріемъ общихъ мѣстъ былъ усвоенъ этой редакціи, явствуетъ изъ того, что послѣдніе пять листовъ безъ текста въ Апок. Дюмуш. запяты повтореніемъ фигуръ Іоанна и ангела.

Сверхъ того, въ видѣніяхъ о семи Церквахъ [II и III] по рук. Вяз. повторяется семь разъ изображеніе Іоанна, который въ полатномъ письмѣ сидитъ и пишетъ свое Откровеніе, а около стоитъ ангелъ; въ Апок. Дюмуш. этотъ сюжетъ встрѣчается только однажды потому, что въ началѣ рукописи дефектъ.

При такомъ множествѣ миніатюръ, и къ тому же въ значительномъ количествѣ безсодержательныхъ, не оказалось возможности постановить ихъ въ прямое отношеніе къ текстамъ, то есть, помѣстить такъ; чтобы каждая миніатюра помѣщалась непосредственно при соотвѣтствующемъ ей текстѣ.

Не смотря на общій характеръ однообразія и вялости, господствующихъ въ этой иллюстраціи, она не лишена нѣкоторыхъ особенностей, исключительно ей принадлежащихъ. А именно:

Въ самомъ началѣ, только по рук. Вяз., такъ какъ въ Дюмуш. его недостаетъ, изображена на обѣихъ сторонахъ перваго листа: на лицевой—фигурная рамка, съ заглавіемъ: *Откровеніе* и проч., подъ которымъ изображенъ стоящій съ распростертыми крыльями орелъ; а вверху—полоса съ тремя щитами, на которыхъ написаны по̀ поясъ Іисусъ Христосъ съ Богородицею и Іоанномъ Предтечею по сторонамъ, т. е. Деисусъ. На оборотной сторонѣ—Троица, т. е. три ангела за трапезою; позади на полатномъ письмѣ изображены Авраамъ, а за нимъ Сарра.

На 2-мъ л. начинается самое Откровеніе: «Апокалипсисъ [въ рук. *Апоколипсисъ*] Іисуса Христа, его же даде Богъ показати рабомъ своимъ» и пр., а на оборотной сторонѣ изображенъ распятый на крестѣ Іисусъ Христосъ съ предстоящими, на фонѣ полатнаго письма; подъ крестомъ глава Адамова.

На оборотѣ 3-го л., съ подписью *Воскресеніе Христово*, изображено Сошествіе во адъ, по общепринятому въ нашей иконописи обычаю; но внизу въ черной пропасти лежитъ сатана: у головы его стоитъ ангелъ, держа одною рукою конецъ цѣпи,

которою закованъ сатана по шеѣ, а въ другой рукѣ—молотъ; у сатаны стоитъ другой ангелъ, въ одной рукѣ держитъ замокъ, въ другой ключъ. Это общепринятый въ лицевыхъ Апокалипсисахъ сюжетъ связанія и разрѣшенія сатаны, только въ соединеніи двухъ моментовъ въ одномъ.

Наконецъ, на оборотѣ 4-го л., подъ надписью: *Темница*, Іоаннъ Богословъ сидитъ и пишетъ, но вмѣсто книги у него на колѣняхъ длинный свитокъ въ видѣ ленты, и на немъ не поперекъ, а вдоль, по-западному, написано: *Апоколепсисъ* [sic]. Фонъ занятъ частоколомъ съ дверью: это обычное у насъ въ старину изображеніе темницы. Надъ зубцами частокола поднимаются три бѣлые дома съ зелеными крышами и съ четвероугольными окнами, длинныя зданія новѣйшей архитектуры.

Затѣмъ, съ 5-го л., идетъ обычный порядокъ апокалипсическихъ изображеній, начиная съ летящаго ангела, который подаетъ Іоанну книгу.

Вовторыхъ, прямое отношеніе иллюстраціи къ тексту, именно по изданію 1625 г., выражено двумя миніатюрами, изображающими сюжетъ «Душеполезной повѣсти», прибавленной, какъ уже замѣчено выше, къ толкованію въ главѣ 48-ой, по рук. кн. Вяземск. мм. 160 и 162 [между ними на м. 161 изображенъ стоящій въ листвѣ Іоаннъ съ книгою], по рук. Дюмуш. мм. 132 [сн. 233] и 133. По обѣимъ рукк. эти миніатюры той же редакціи, но въ разныхъ переводахъ. Въ первой м. нѣкій мужъ, очерненный согрѣшеніями, направляется къ церкви, его сопровождаетъ дьяволъ, а позади стоитъ опечаленный ангелъ, приложивъ лѣвую руку къ щекѣ, потомъ тотъ же мужъ стоитъ въ церкви и молится. Во второй миніатюрѣ тотъ же мужъ выходитъ изъ церкви, ведомый ангеломъ, а дьяволъ, будучи посрамленъ, стоитъ въ сторонѣ, выражая свое огорченіе тоже приложеніемъ лѣвой руки къ щекѣ. Что̀ по этой редакціи раздѣлено на двѣ миніатюры, то въ рук. СПБ. № 229 соединено въ одной, см. м. 54 [сн. 183].

Втретьихъ, бо̀льшею оригинальностью отличается иллюстрація къ главамъ о семи апокалипсическихъ Церквахъ, и то только по Апок. Вяз.; а именно:

При Пергамской Церкви [II, 12-17], м. 19: на грубо сколоченномъ престолѣ изъ доски на четырехъ столбахъ сидитъ сатана съ дьяволами; противъ нихъ палъ на кустъ крупной

листвы убіенный мученикъ Антипа; вверху два ангела возносятъ его душу на небо въ видѣ младенца. М. 20: женщина сидитъ въ горницѣ за столомъ съ сосудами старинной формы и подаетъ чашу стоящимъ передъ нею старцамъ.

При Θіатирской Церкви [II, 18-29], м. 23: мущина съ женщиною, одѣтые, лежатъ на постелѣ, позади полатное письмо. М. 24: опять въ горницѣ сидитъ женщина за трапезою съ сосудомъ въ рукѣ; къ ней подходятъ бородатые люди; внизу налѣво на постелѣ лежатъ двое обнаженныхъ.

Затѣмъ, въ м. 28, при Сардійской Церкви, изображено Отечество, т. е. Господь Саваоѳъ съ Іисусомъ Христомъ на престолѣ, между ними осмиконечный крестъ, а на немъ въ щитѣ Св. Духъ въ видѣ голубиномъ. Въ моемъ юсов. Апок. и въ копіи съ него 1705 г. этотъ сюжетъ отнесенъ къ Лаодикійской Церкви, м. 15 [снн. 78 и 186].

При Лаодикійской Церкви [III, 14-22], м. 30: въ полатѣ стоятъ старцы; къ запертымъ дверямъ ея подходитъ Іисусъ Христосъ съ ключемъ въ рукѣ, чтобы отпереть ихъ. Сюда же должны быть отнесены, какъ замѣчено выше, двѣ миніатюры на л. 104: м. 105: въ горницѣ за столомъ съ сосудами сидятъ трое старцевъ, въ рукахъ держатъ каждый свою шапку; къ нимъ подходитъ четвертый, тоже съ шапкою въ рукѣ; шапки въ видѣ колпака съ околышемъ. Но особенно любопытна другая миніатюра, 106: чортъ взнуздалъ чудовищную фигуру, ступающую на четверенькахъ, и погоняетъ ее двухвостою плетью въ адовы челюсти, которыя разверзлись внизу въ правомъ углу миніатюры. Это грѣшникъ, скованный по рукамъ и ногамъ, какъ значится въ надписи на хвостахъ плети: *многи раны грѣшному*. Весь нагой, только глаза у него завязаны повязкою съ надписью:... *зосте очи мое*. Кромѣ того, около трети всей миніатюры занимаетъ еще надпись въ фигурной рамѣ: «Седмь смертныя грѣхи: блудъ, сребролюбіе, зависть, чревобѣсіе, унынiе, гордость, гнѣвъ. Яко бремя тяжко отяготѣша на мнѣ, пострадахъ и смирихся до конца. Ни студенъ, ни теплъ еси; не вѣси, яко окаяненъ и нищъ, отягченъ грѣхи многими». Послѣднее взято изъ текста о Лаодикійской Церкви: «Вѣмъ твоя дѣла, яко ни студенъ еси, ни теплъ.... И не вѣси, яко ты еси окаяненъ, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ» III, 15 и 17.

Что же касается до Апок. Дюмуш., то вся иллюстрація при

главахъ о семи Церквахъ занята на 20 миніатюрахъ только общими мѣстами, мм. 4-23; на 18-ти мм. изображены отдѣльныя фигуры Іоанна или ангела, или обоихъ вмѣстѣ; на одной, м. 5, Іо. сидитъ въ темницѣ и пишетъ, и наконецъ еще на одной, м. 12, въ полатномъ письмѣ представленъ Іисусъ Христосъ, стоящій по поясъ надъ вратами городскихъ стѣнъ, а по сторонамъ его на стѣнахъ стоятъ старцы; позади поднимаются три церковныхъ главы съ осмиконечными крестами.

Хотя описываемая иллюстрація, будучи составлена въ позднѣйшее время изъ другихъ редакцій, не имѣетъ значенія для исторіи апокалипсической иконографіи, однако во многихъ миніатюрахъ предлагаетъ оригинальныя особенности, дающія ей право на самостоятельную редакцію. Уже самое распложеніе сюжетовъ на множество миніатюръ вызывало потребность къ изобрѣтенію или отысканію чего-либо, не входившаго доселѣ въ общепринятый обиходъ, извѣстныхъ намъ апокалипсическихъ редакцій.

Такъ напр. при главѣ 62 [XX, 5-6] въ Апок. Вяз. м. 213, Дюмуш. м. 189, изображенъ умирающій на одрѣ, позади стоитъ черная Смерть съ горбомъ, на которомъ повѣшенъ кошель съ смертоносными орудіями, на плечѣ коса; лѣвою рукою вливаетъ въ уста умирающаго изъ сосуда съ узкимъ горлышкомъ смертное зелiе, по Апок. Вяз.—правой рукою направляетъ ему въ голову копье, по Апок. Дюмуш.—только простираетъ къ нему правую руку. Въ головахъ у него стоитъ ангелъ, въ ногахъ женщина. Сцена происходитъ въ горницѣ.

Описываемая иллюстрація составлена независимо отъ редакціи Чудовской. Извѣстной симплегмы Гога и Магога, при главахъ 47, 51 и 63 по толковому счету, она не знаетъ. Вмѣсто того, при послѣдней главѣ она предлагаетъ оригинальную миніатюру, по Апок. Вяз. м. 217, по Дюмуш. 196, слѣдующаго содержанія. Задній планъ миніатюры занятъ полатнымъ письмомъ, изображающимъ станъ или городъ святыхъ въ видѣ церкви, надъ четвероугольнымъ корпусомъ которой поднимается столпъ, перемкнутый широкими выступами, въ родѣ балконовъ, словомъ, зданіе той же самой архитектуры, что въ Апок. Дюмуш. м. 132 [см. 233]. Въ зданіи никого не видно изъ осажденныхъ; врата заперты. Къ вратамъ съ обѣихъ сторонъ симметрически подъѣзжаютъ на коняхъ по царю, у каждаго въ рукѣ

скипетръ, вмѣсто всякаго оружія; по Апок. Вяз. верхушка скипетра изъ лиственнаго орнамента, по Апок. Дюмуш.—изъ яблока съ четвероконечнымъ крестомъ. Этими двумя царями въ коронахъ замѣнены здѣсь чудовищныя фигуры Гога и Магога, которые обыкновенно тоже отличаются отъ своей дружины коронами. Позади каждаго изъ обоихъ царей толпится осаждающее святой станъ воинство, по Апок. Дюмуш.—Песьи-Головы съ звѣриными мордами, по Апок. Вяз.—обыкновенные воины въ шишакахъ. При одинаковой редакціи, переводы той и другой миніатюры разные. Въ Апок. Вяз. на столпѣ меньше выступовъ и разныхъ вычуровъ.

Съ другой стороны, эта иллюстрація по изображенію иконы Звѣриной, т. е. картины съ изображеніемъ на ней семиглаваго Звѣря, сближается съ Апокк. Тихонравова № 5, половины XVII в., м. 50 [сн. 157] и Барсова № 113, XVIII в., мм. 37 [сн. 188], 42 [сн. 190] и 61. Въ описываемыхъ Апокк. икона эта водружается на фигурномъ столбикѣ въ стилѣ рококо, въ овальной рамѣ, по рук. Дюмуш. мм. 117, 129 [сн. 232], по рук. Вяз. м. 155 [съ надписью: *икона Зміева, Антихриста*],—въ рамѣ четвероугольной на столбѣ потолще, съ гладкими, прямолинейными перемычками, и еще м. 142 [съ надписью: *икона Антихристова*].

При главѣ 44 по толковому счету [XIV, 17-20] принято винодѣліе, именно въ Апок. Вяз. и притомъ въ двухъ миніатюрахъ: въ м. 148 ангелъ стоитъ между кустами виноградныхъ лозъ и срѣзываетъ серпомъ гроздъ; около него въ кошницѣ съ ручками лежатъ грозды, уже срѣзанные; въ м. 149, въ кругломъ точилѣ стоитъ ангелъ, а другой высыпаетъ изъ кошницы въ точило виноградъ; изъ отверстія точила льется красное въ лѣвый уголъ миніатюры, наполненный черными дьяволами. Въ Апок. Дюмуш. помѣщено только послѣднее изображеніе въ 124.

Западный элементъ, оказавшійся въ изображеніи винодѣлія съ гроздіемъ, принятъ и въ нѣкоторыхъ другихъ миніатюрахъ. Напр.

Одѣваніе обнаженныхъ фигуръ въ видѣніи объ убіенныхъ за слово Божіе, VI, 9-11, въ упомянутой уже м. 56 по рук. Вяз. Слич. въ Солов. юсов. Апок. м. 14 [сн. 62], въ Тихонр. № 5, м. 24.

Пруги, въ видѣ кузнечиковъ, или кобылокъ, IX, 1-12, по рук. Вяз. м. 84, по Дюмуш. м. 66. Слич. въ Солов. юсов. м. 22 [сн. 64].

Іоаннъ, стоя на обоихъ колѣнахъ, снѣдаетъ книгу, которую подаетъ ему ангелъ, X, 10, по рук. Вяз. м. 94, по Дюмуш. м 76. Слич. Солов. юсов. м. 26 [сн. 65].

Агнецъ, безъ сіянія и не въ щитѣ или ореолѣ, на горѣ Сіонской, которая окружена множествомъ людей; на первомъ планѣ стоятъ обращенные лицомъ къ зрителю, а не къ Агнцу, XIV, 1-5, по рук. Вяз. м. 134, по Дюмуш. м. 111. Слич. въ Солов. юсов. м. 38, въ Тихонр. № 5, м. 51.

Въ заключеніе, для характеристики редакціи описываемыхъ Апокк., укажу на слѣдующія миніатюры, большею частію новѣйшаго склада.

VIII, 1-6. По рук. Вяз. м. 72: вверху въ ореолѣ I. X. на престолѣ съ раскрытою книгою; Агнецъ, стоя на заднихъ ногахъ, передними касается книги; внизу стоятъ семь ангеловъ съ трубами. По рук. Дюмуш. м. 57: вверху, вмѣсто Іисуса Христа съ Агнцемъ, только одинъ престолъ съ лежащею на немъ закрытою книгою; по сторонамъ престола и внизу семь ангеловъ съ трубами.—По рук. Дюмуш. м. 59: налѣво—какъ бы престолъ подъ сѣнію, состоящею изъ крыши съ осмиконечнымъ крестомъ на главѣ; внутренность на половину закрыта завѣсою; передъ этимъ зданіемъ стоитъ ангелъ и кадитъ кадиломъ на цѣпочкѣ. По рук. Вяз. м. 74: вмѣсто того, налѣво же—жертвенникъ съ четвероугольными окнами по двумъ его сторонамъ; на немъ воздвигнутъ осмиконечный крестъ съ распятіемъ; по сторонамъ креста по копію; передъ жертвенникомъ тоже кадитъ ангелъ.

XI, 1. Въ церкви, которую Іо. долженъ измѣрить тростію, помѣщена икона Іисуса Христа по грудь въ четвероугольной рамѣ, по рук. Вяз. м. 98, по Дюмуш. м. 81.

XI, 3-5. Въ горницѣ съ четвероугольными окнами на престолѣ сидитъ Антихристъ со скипетромъ; передъ нимъ стоятъ обличающіе его Енохъ и Илія, не отличающіеся между собою типическими примѣтами; но передній изъ нихъ держитъ въ рукѣ осмиконечный крестъ, а задній—два копія, какъ орудія страстей Господнихъ; по рук. Вяз. м. 100, по Дюмуш. 83.

XIX, 12. На Господѣ Богѣ означены «вѣнцы мнози» особеннымъ пріемомъ: на главѣ Его надѣта обыкновенная корона, а по обѣимъ сторонамъ сіянія и вверху сіянія еще три маленькія короны, на отлетѣ; по рук. Вяз. м. 196, по Дюмуш. м. 176.

XX, 1-3. Для разложенія одного сюжета на двѣ миніатюры, по этой редакціи сначала изображено, въ рук. Вяз., м. 207, какъ спускается съ неба ангелъ съ цѣпью и ключемъ, а потомъ, какъ онъ же, стоя вмѣстѣ съ сатаною, связываетъ его цѣпью, при чемъ сатана стоя изгибается; въ рук. Дюмуш. м. 185, внизу то же, только безъ ангела, спускающагося съ неба. Затѣмъ въ другой миніатюрѣ, по рук. Вяз. м. 209, по Дюмуш. м. 186, сатана уже лежитъ въ черной безднѣ. Эти два момента означены въ текстѣ: «ятъ змія» и «въ бездну затвори его».

XXI, 9. По рук. Вяз. м. 232, по Дюмуш. м. 205, стоятъ Іоаннъ съ закрытою книгою и около него Ангелъ, который обѣими руками въ охапкѣ держитъ всѣ семь фіаловъ, по неуразумѣнію текста: «И пріиде ко мнѣ единъ отъ седми ангелъ, *имущихъ седмь фіалъ*» и проч.

XXII, 1-2. Рѣка, исходящая изъ подъ престола Господня, внизу разливается во всю ширину миніатюры; изъ самой средины этого разлива поднимается Древо Жизни и кверху распростираетъ свои вѣтви по обѣ стороны рѣки, для выраженія мысли самаго текста: «и по обаполы рѣки древо животное» и проч. По рук. Вяз. м. 243, по Дюмуш. 222.

XXII, 19. По рук. Вяз. м. 253: въ полатномъ письмѣ направо сидитъ на престолѣ сатана, весь черный, только въ желтой коронѣ; передъ нимъ стоитъ толпа старцевъ.

Иконографическіе типы ничего не имѣютъ въ себѣ характеристическаго. Еммануила эта иллюстрація не знаетъ. Енохъ, Илія и другія священныя лица лишены отличительныхъ признаковъ, установленныхъ преданіемъ и скрѣпленныхъ Иконописнымъ Подлинникомъ.

Замѣчу только, что изъ четырехъ символическихъ животныхъ [XV, 7] вручаетъ ангеламъ фіалы крылатый Человѣкъ, или ангелъ, по рук. Вяз. онъ въ красномъ монохромѣ, м. 152, по Дюмуш. м. 125, разныхъ переводовъ.

Наконецъ, надобно сказать нѣсколько словъ о стилѣ этой иллюстраціи, самой грубой, лубочной.

Ландшафта вовсе нѣтъ, ни земли съ горами и лѣсами, ни неба съ облаками, точно будто въ такихъ редакціяхъ ранняго стиля, къ какимъ относится мой Апок. начала XVII в.; съ тою только существенною разницею, что это отсутствіе ландшафта восполняется въ неумѣренномъ избыткѣ фряжскою листвою, которою, въ видѣ случайнаго орнамента, наполняются и верхнія и нижнія части миніатюры, напр. по рук. Вяз. м. 244 [сн. 231], въ которой листва, между прочимъ, украшена виноградными кистями, такой же формы, какъ въ упомянутой выше миніатюрѣ съ винодѣліемъ, м. 148, и какъ принято въ орнаментахъ нашихъ старопечатныхъ книгъ. По рук. Дюмуш., м. 181 [сн. 234], фряжская листва, въ стилѣ рококо, какъ въ лубочныхъ картинкахъ, является въ рѣзкомъ контрастѣ съ грубою, безобразною фигурою ангела въ солнцѣ, на западный манеръ, съ пламенными языками, и притомъ—окруженнаго архаическимъ щитомъ или ореоломъ, въ верху котораго, однако, какъ на старинной мебели помѣщенъ гребешокъ изъ широкихъ листьевъ.

Само собою разумѣется, что элементы ландшафта должны были допускаться въ тѣхъ случаяхъ, когда они предписывались самымъ текстомъ, какъ напр. въ выше указанныхъ изображеніяхъ Сіонской горы и рѣки съ Древомъ Жизни.

Сверхъ того, въ этой иллюстраціи мѣсто ландшафта очень часто занимаетъ полатное письмо. Оно своеобразнаго стиля, соединяющаго въ себѣ западный рококо съ топорной работой деревянныхъ построекъ съ вычурными вырѣзами, ведущими свое начало въ русской архитектурѣ отъ болѣе ранняго времени. Примѣръ такихъ деревянныхъ подѣлокъ предлагаетъ верхняя часть зданія въ м. 132 [сн. 233] по рук. Дюмуш. Верхній карнизъ зданія и выступы башни, въ видѣ балконовъ, украшены рядами треугольныхъ фронтончиковъ, встрѣчающихся въ русской миніатюрной живописи еще въ XVI в., напр. въ «Житіи Николая Чудотворца» по рук. Моск. Публичн. Музея *. Сказанная надстройка, въ видѣ башни съ выступами, помѣщена на четвероугольномъ корпусѣ. Онъ бываетъ и шире, массивнѣе, какъ въ м. 217 по рук. Вяз.

* См. Султанова, Образцы древне-русск зодчества въ миніатюрныхъ изображеніяхъ, въ Памятникахъ Древней Письменности Общ. Любит. Древн. Письм. VIII, 1881 г., табл. VII, черт. 42 и 44.

Въ изображеніи Горняго Іерусалима приняты два стиля: или, вопервыхъ, этотъ же самый, изъ четвероугольнаго корпуса, надъ которымъ поднимаются три такія же башни, съ выступами или балконами, но безъ главъ и крестовъ, какъ въ м. 226 по рук. Вяз.; или, вовторыхъ, на основаніи стараго преданія, изъ высокихъ стѣнъ, съ двѣнадцатью вратами, изъ коихъ въ каждыхъ по ангелу; стѣны расположены на планѣ квадрата; внутри зданій нѣтъ, согласно съ древнѣйшими редакціями, какъ напр. въ моемъ юсов. Апок., только на престолѣ сидитъ Іисусъ Христосъ, а по обѣ стороны стоятъ святые, по рук. Вяз. м. 235 [сн. 230], по Дюмуш. м. 213.

Въ этой иллюстраціи господствуетъ представленіе внутренности зданія въ видѣ горницы съ четвероугольными окнами.

Темница, въ которой Іоаннъ пишетъ, огорожена тыномъ, по рук. Вяз. мм. 5, 9, по Дюмуш. м. 5.

Рисунокъ человѣческихъ фигуръ очень грубый, на манеръ лубочныхъ издѣлій, особенно въ рук. Дюмуш., см. мм. 129, 132 и 181 [снн. 232, 233 и 234]. Рамы съ подставками для иконы Звѣриной, какъ уже замѣчено выше, писаны въ стилѣ рококо, а сосуды—иногда въ формахъ архаическихъ.

Раскраска грубая и бѣдная. Когда употребленъ монохромъ, миніатюра получаетъ видъ довольно ранняго стиля; напр. по рук. Дюмуш., въ м. 131, Водный Ангелъ и озеро, въ которомъ онъ стоитъ, покрыты сплошною зеленою краскою, по которой падаетъ красная струя изъ фіала, изливаемаго сверху летящимъ по воздуху ангеломъ. Также сплошь покрыто красною краскою все зданіе, изображающее Вавилонъ, съ сидящею въ немъ Любодѣицею, и съ царями и купцами около нея, для означенія пожара, согласно тексту, XVIII, 8-9, по рук. Вяз. м. 186, по Дюмуш. м. 167.

Не смотря на грубость лубочнаго стиля, въ этой иллюстраціи очевидно вліяніе гравированья въ штрихахъ чернилами, чтобы придать фигурѣ рельефность. Но этимъ способомъ отдѣланы только апокалипсическія чудовища; напр. по рук. Вяз. Змій въ мм. 115, 119, 125, 126, 127; Змій и Вторый Звѣрь въ м. 130; Змій и оба Звѣря въ м. 168; Первый Звѣрь въ м. 203. Такъ же штрихами оттушеваны апокалипсическія чудовища и въ рук. Дюмуш. Сверхъ того, по рук. Вяз. въ м. 59 [сн. 229] по гравировальному способу отдѣланы солнце, луна, звѣзды и небо «яко свитокъ свиваемо», VI, 12-14.

XVI

Рукопись профессора Тихонравова въ 8-ку, на 313 лл. съ 74 мм.; Петровскаго времени.

Начинается прямо Толковымъ Апокалипсисомъ безъ оглавленія, которое обыкновенно бываетъ впереди. Что же касается до предисловія Андрея Кесарійскаго, то оно помѣщено въ концѣ рукописи, и притомъ безъ начала, только отъ словъ: «время; аще бо древнихъ пророкъ книги мнозими сказаны, еще глубину сущихъ таинъ въ нихъ всѣмъ неявленну» и пр. Миніатюры одного времени съ текстомъ, который писанъ и на ихъ оборотѣ; впрочемъ, случается и такъ, что по обѣимъ сторонамъ листка, и на лицевой и на оборотной писано по миніатюрѣ, именно мм. 10 и 11, которыя вмѣстѣ съ м. 12 стоятъ при главѣ 11 [V, 1-5] и мм. 67 и 68, которыя тоже съ слѣдующею за ними непосредственно миніатюрою 69 стоятъ при гл. 64 [XX, 11-15]. Иногда при одной и той же главѣ стоятъ двѣ мм., но не рядомъ, а при соотвѣтствующихъ въ той главѣ стихахъ. Такъ напр. при гл. 20 [VII, 9-17], м. 21, мученики съ вѣтвями—за стихами 9-12, и м. 21, изображающая Іисуса Христа, поднимающагося съ престола, изъ-подъ коего изливается рѣка, а внизу одинъ изъ толпы пьетъ отъ этой воды чашу—за стихами 13-17. Облачному Ангелу посвящено не двѣ мм., соотвѣтственно двумъ главамъ, 28-ой

и 29-ой, а три мм. 30, 31 и 32. Изъ замѣченнаго здѣсь соотношенія миніатюръ главамъ явствуетъ, что тѣ и другія въ своемъ счетѣ не соотвѣтствуютъ другъ другу. Сверхъ того, при гл. 28 [X, 1-7] м. 30—Іо. вкушаетъ книгу, подаваемую ему ангеломъ—стоитъ не на мѣстѣ передъ м. 31, въ которой изображается только что явившійся передъ Іоанномъ Облачный Ангелъ.

Рисунокъ миніатюръ плохой и въ полатномъ письмѣ и въ человѣческихъ фигурахъ, часто длинныхъ съ маленькою головою, и не то, чтобы только аляповато былъ онъ скопированъ съ лучшаго оригинала, но и сочиненъ вяло и, безъ всякихъ интересныхъ характеристическихъ особенностей, какъ въ редакціи Апокк. князя Вяземскаго № 141 и Дюмушеля, Петровскаго же времени,—за исключеніемъ немногихъ подробностей для исторіи быта, о которыхъ сказано будетъ потомъ. Въ примѣръ безобразія въ рисункѣ укажу въ м. 53 [XVI, 12-16] на изображеніе коня, котораго голову и черезъ мѣру длинную шею такъ повернулъ къ себѣ сидящій на немъ царь, что будто очутилось передъ нимъ чудовище съ лошадиною головою. Этотъ обманъ, произведенный плохимъ рисовальщикомъ вовсе ненамѣренно, на первый взглядъ можетъ ввести въ заблужденіе, что всадникъ съ конемъ составляетъ чудовищную симплегму изъ Гога и Магога, которая именно въ этомъ сюжетѣ и изображается въ редакціи Чудовской, и что песья голова, по недоразумѣнію, принятому въ нашей позднѣйшей иконографіи, замѣнена лошадиною. Но м. 46 [XIV, 17-20] предлагаетъ точно такой же крутой поворотъ головы коня съ шеею къ всаднику, который скачетъ въ потокѣ, изливающемся изъ точила. Недостатки рисунка иногда восполняются затѣйливою манерностью. Такъ напр. въ м. 58 [XVIII, 21] ангелъ съ жерновомъ, парящій въ воздухѣ, въ общемъ очеркѣ подчиненъ линіямъ какъ бы вѣера, ручку котораго, обращенную вверхъ, замѣняетъ голова ангела, выходящая изъ-за краснаго жернова, а изъ-подъ жернова полукругомъ растопырились складки широкой зеленой одежды того же ангела, окаймленной на подолѣ полукруглою же полосою облаковъ. Невзрачность рисунка усиливается плохою раскраскою, которая тѣмъ бѣднѣе кажется, что мастеръ соединилъ ее съ золотомъ въ сіяніяхъ, коронахъ и нѣкоторыхъ подробностяхъ костюма.

Бѣдность и незанимательность иконографическаго содержанія въ редакціи этого лицеваго Апокалипсиса привела къ необходимости сдѣлать сюжеты, сколько возможно, малосложными, такъ что очень часто вся миніатюра состоитъ изъ одного или двухъ лицъ, какъ въ сказанной редакціи Петровскаго времени въ Апокк. Вяз. и Дюмуш.; а недостатокъ оригинальности и характерности былъ восполненъ неудачнымъ подспорьемъ западнаго вліянія. Этому вліянію надобно приписать слѣдующія данныя:

Надписи пишутся не поперекъ свитка, а вдоль.

Книга, къ которой прикасается св. Агнецъ, чтобы отрѣшить печати и раскрыть ее, уже открыта и безъ печатей, м. 13 [V, 6-14]: противорѣчіе тексту, столь обычное въ западныхъ иллюстраціяхъ Апокалипсиса.

Ангелы надѣваютъ одежду на обнаженныя фигуры душъ, избіенныхъ за слово Божіе, м. 18 [VI, 9-11].

Звѣрь въ папской тіарѣ, доведенной своими шестью ярусами до карикатуры, м. 33 [сн. 238 в].

Такая же папская тіара въ пять ярусовъ и на Словѣ Божіемъ, сидящемъ на конѣ, м. 61 [сн. 238 г].

Іо. вкушаетъ книгу, которую ему подаетъ ангелъ, м. 30.

Винодѣліе, изображенное только въ одной фигурѣ ангела, который лѣвою рукою срываетъ вѣтвь съ лозы, а правою кладетъ ее въ точило, съ надписью: *О друзьмъ ангель объемлющемъ горькій виноградъ*, м. 46.

Вмѣсто Гога и Магога, съ ихъ Песье-головымъ полчищемъ, изображены, какъ въ позднѣйшихъ западныхъ иллюстраціяхъ, настоящіе люди, и именно: или цари, ѣдущіе на рѣку Евфратъ, м. 53 [XVI, 12-16], или обыкновенные воины, которые осаждаютъ станъ святыхъ, м. 66 [XX, 7-10], какъ это принято и въ двухъ другихъ Апокалипсисахъ, сильно тронутыхъ западнымъ вліяніемъ: въ Соловецкомъ юсовомъ XVI в. и въ другомъ Тихонравовскомъ № 5, половины XVII в.

Замѣчательное сходство описываемаго мною позднѣйшаго Апокалипсиса съ этимъ послѣднимъ древнѣйшимъ, по странной случайности принадлежащимъ одному и тому же владѣльцу, дастъ новое подкрѣпленіе западному характеру этихъ памятниковъ, указывая между обоими нѣкоторую солидарность, какъ это явствуетъ изъ слѣдующаго сличенія, въ которомъ ссылки на Апокалипсисъ древнѣйшій я помѣщаю въ скобкахъ.

М. 19 [м. 25, сп. 155 *в*] VI, 12-17. На небѣ два ангела съ обѣихъ сторонъ свиваютъ свитокъ неба, имѣющій форму четвероугольную, вмѣсто формы ризы къ верху угломъ, какъ писано въ Апок. древнѣйшемъ.

М. 36 [м. 42, сп. 156] XI, 19; XII, 1-6. Одинаковый въ обоихъ Апокалипсисахъ рисунокъ св. Жены; тѣ же 12 звѣздъ въ нимбѣ; такъ же помѣщенъ младенецъ на груди ея въ драпировкѣ верхней одежды, приподнятой воздѣтыми къ верху руками.

М. 38 [м. 44] XII, 13-17. Въ обоихъ—св. Жена бѣжитъ направо въ лѣсъ, оглядываясь на преслѣдующаго ее Змія.

М. 41 [м. 51] XIV, 1-5. Въ обоихъ—Агнецъ на горѣ, внизу на первомъ планѣ толпа людей, повернувшись къ Агнцу задомъ.

М. 53 [м. 60] XVI, 12-16. Въ обоихъ—безъ Гога и Магога, цари скачутъ на коняхъ изъ-за горы слѣва направо. Почти тотъ же переводъ.

М. 69 [м. 79] XX, 11-15. Въ обоихъ—вверху сидятъ на престолѣ въ раю Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ; тамъ же налѣво стоитъ добрый разбойникъ, обнаженный, съ крестомъ въ рукѣ.

Замѣчательно, что и въ этомъ Апокалипсисѣ Петровскаго времени, какъ и въ другомъ, Тихонравовскомъ же, 1731-6 г., очевидное западничество уживается съ попытками на раскольничьи протесты. Такъ въ описываемомъ мною Апокалипсисѣ упорно проводится одна непристойность въ противоположеніи креста осмиконечнаго четверокопечному. Первый признается за святыню и дается въ руки ангеламъ, водружается на церквахъ, надъ Горнимъ Іерусалимомъ съ апостолами, м. 68, на трехъ главахъ, поставленныхъ надъ станомъ или градомъ святыхъ, осаждаемымъ ратью, какъ замѣчено выше, съ явнымъ признакомъ западничества, м. 66, и т. п.; что же касается до креста четвероконечнаго, то онъ принимается, какъ знаменіе сатаны, и помѣщается на посохѣ, который такимъ образомъ получаетъ видъ древнѣйшаго креста первыхъ временъ христіанства. Такимъ посохомъ съ крестомъ попирается апокалипсической Первый Звѣрь, м. 39, такой же посохъ держитъ въ лапахъ Второй Звѣрь, или *Агнецъ Неправедный*, м. 40, или держитъ въ рукахъ предводитель царей, соотвѣтствующій Гогу и Магогу въ упомянутой уже выше м. 53.

По иконографіи этотъ Апок. предлагаетъ слѣдующее.

Господа Еммануила вовсе нѣтъ; вмѣсто него І. Х. съ бородою, но въ простомъ сіяніи, золотомъ, и всегда означается надписью *Іс. Хс.*, которая помѣщается по сторонамъ его, иногда на раскрытой книгѣ, которую онъ держитъ. Только однажды въ крестномъ сіяніи, но не въ золотомъ, а очеркнутомъ чернилами, именно въ видѣніи съ серпомъ, м. 45. Господь Савао̀ѳъ является только дважды: одинъ разъ, въ осмиконечномъ сіяніи, съ Агнцемъ и книгою, м. 13, и другой разъ въ простомъ сіяніи, на престолѣ рядомъ съ І. Х., между ними открытая книга, надъ ними Духъ Святой въ видѣ голубя, изъ-подъ престола идетъ внизъ рѣка; по сторонамъ ея по виноградной лозѣ съ гроздіями, м. 71, при XXII, 1-6. Ненаблюденіе правилъ Иконописнаго Подлинника въ принятой у насъ характеристикѣ типовъ Божества, вообще свойственное иконографіи западной, состоитъ въ связи съ отсутствіемъ должнаго величія этихъ типовъ, выражаемаго въ нашей иконописи обыкновенно спокойною позою: въ этомъ же Апокалипсисѣ величіе и спокойствіе сказанныхъ типовъ нарушается рѣзкими движеніями и поворотами; такъ напр. въ упомянутой прежде м. 21 [VII, 13-17] І. Х. стремительно поднимается съ своего престола, чтобы «наставить святыхъ на животные источники водъ». Такимъ образомъ, въ самой постановкѣ фигуръ оказывается также вліяніе западнаго стиля.

Св. Агнцу дано двойное сіяніе: зеленое внутри и золотое кругомъ, обведенное киноварными полосами.

Заслуживаетъ вниманія представленіе Облачнаго Ангела. Въ м. 31 онъ одинъ составляетъ весь рисунокъ, въ архаическомъ типѣ, напоминающемъ принятый въ моемъ юсов. Апок. XVI в., м. 35 [сн. 83]. Изъ-подъ облаковъ видна на немъ короткая выше колѣнъ одежда съ узкими рукавами; голова окружена почти полнымъ кругомъ розовой радуги съ золотымъ орнаментомъ; обѣ руки поднялъ вверхъ, въ лѣвой держитъ открытую книгу, правая пустая; лѣвой ногой стоитъ на землѣ, правой на морѣ. Это лучшій рисунокъ во всей рукописи, вѣроятно, случайно попалъ изъ какого нибудь хорошаго источника. Въ м. 30 тотъ же Облачный Ангелъ представленъ въ обыкновенномъ одѣяніи, а не въ облакахъ; онъ летитъ и подаетъ Іоанну книгу, которую тотъ вкушаетъ, а въ м. 32 вручаетъ ему длинную трость для измѣренія церкви.

Въ изображеніи пророковъ Еноха и Иліи, мм. 33 и 34, и праотцевъ Авраама, Исаака и Іакова, м. 69, наблюдено предписаніе Иконописнаго Подлинника относительно волосъ на головѣ, которые однако, вмѣсто вихра на темени, у всѣхъ намѣренно взъерошены.

Второму изъ Четырехъ апокалипсич. Всадниковъ дано такое длинное копье, по тексту: «оружіе веліе», что древко его проходитъ черезъ всю миніатюру сверху отъ лѣваго угла внизъ до угла праваго, м. 15.

У Третьяго Всадника мѣрило безъ рукоятки, м. 16, точно такъ же, какъ въ Барсовскомъ Апок. XVIII в. ранней редакціи, м. 15 [сн. 192 а].

Невѣста Агнчія въ золотой коронѣ сидитъ на престолѣ, ноги постановила на высокую скамейку. Передъ нею столъ съ сосудами и другою утварью, м. 60.

Въ м. 64 [XX, 5-6] воскресеніе первое изображено въ видѣ крещенія, такъ же какъ и въ другомъ Тихонрав. Апокалипсисѣ 1731-6 г., м. 72 [сн. 206], только пресвитеръ совершаетъ это таинство не въ купѣли, какъ тамъ, а надъ нѣсколькими взрослыми юношами, стоящими по чресла въ чанѣ, сбитомъ обручами. Внизу въ правомъ углу грѣшники въ вѣчномъ пламени, съ надписью: *Вторая смерть*.

Типъ Сатаны отличается отъ принятаго въ русскихъ редакціяхъ. Это одноглавый Звѣрь съ лапами и хвостомъ и двумя крыльями, на головѣ завостренныя уши въ видѣ роговъ, мм. 63 и 65.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о разной утвари, которою характеризуется иллюстрація этого памятника.

Фіалы, какъ тѣ, которые подносятъ Старцы съ ѳиміамомъ, или кадильницы, м. 13, такъ и тѣ, изъ которыхъ изливаютъ Семь Ангеловъ, м. 53, имѣютъ древнюю форму высокаго и узкаго кувшина, кверху пошире, будто обрубленный съ востраго конца рогъ [снн. 238 а, д], на подобіе фіаловъ въ моемъ Апокал. начала XVII в. ранней редакціи, что̀, какъ замѣчено въ описаніи этого послѣдняго памятника, напоминаетъ архаическое употребленіе настоящихъ роговъ, удержанное въ древнѣйшихъ иллюстраціяхъ западныхъ рукописей Лицеваго Апокалипсиса. Впрочемъ, въ описываемомъ памятникѣ фіалъ иногда получаетъ видъ горшка.

Труба также имѣетъ свою оригинальную форму, отличную отъ принятой въ нашихъ Апокалипсисахъ, напр. въ м. 29 [сн. 238 б].

Въ м. 26 [VIII, 10-11] люди черпаютъ огорченную воду не только фіаломъ древней формы, сказанной выше, но и ведромъ, какъ въ Апок. графа Уварова №. 58.

Престолъ отличается высокою спинкою, которая охватываетъ сидѣнье кругомъ отъ зада и по обоимъ бокамъ, даже загибаясь нѣсколько и напереди, мм. 22, 67.

XVII

Рукопись профессора Буслаева, въ 8-ку поперекъ, на 276 лл.; собственно Апокалипсисъ на лл. 2-228 съ 78 мм., 1721 г.

Рук. профессора Тихонравова, въ 4-ку, на 200 лл., Лицевой Апок. на лл. 2-132 съ 83 мм.; писана въ 1731-1736 гг.

Въ моей рук. въ слѣдъ за Апокалипсисомъ помѣщена выдержка изъ предисловія Андрея Кесарійскаго, которое обыкновенно предшествуетъ его толкованію. Затѣмъ на лл. 229 и 230 слѣдуетъ стихотвореніе, съ признаками югозападной русской рѣчи, писанное другою рукою:

Идутъ лѣта, идутъ лѣта сего свѣта,
Приближается, приближается конецъ вѣка.
Охъ, якъ маю, якъ избыти,
Какъ пріидетъ конецъ мой смерти!
Охъ, якъ маю отвѣтъ дати,
Какъ пріидетъ Господь судити!
Наги станутъ, наги станутъ человѣцы,
Открыются, открыются тайны таинницы:
Тогда плачутъ, тогда плачутъ вси грѣшницы,
Сего свѣта, сего свѣта прелестницы, *и проч.*

Конецъ рукописи на лл. 234-267 содержитъ полное апокрифическое сказаніе о «Хожденіи Іоанна Богослова», распространенное по Руси въ позднѣйшихъ лицевыхъ спискахъ, но въ этой рукописи не иллюстрированное.

На оборотной сторонѣ того же листа, на которомъ оканчивается это Хожденіе, начертана тайнописаніемъ *, въ затѣйливо-кудрявомъ и намѣренно неразборчивомъ письмѣ, слѣдующая лѣтопись, одинаково относящаяся и къ Апокалипсису, и къ Хожденію: «Сія книга глаголемая апокалепсисъ Ивана Порфиріева сына Попова. Писалъ и подписалъ сію книгу своей рукою 1721 декабря 5-го дня». Рукопись принадлежала, какъ означено въ подписяхъ, въ первой половинѣ XVIII вѣка— «Галицкой провинціи Чухломской округи деревни Аринино крестьянину Якову Микитину вотаги Кузмичевой», а въ началѣ XIX-го «Петру Силичу деревни Городище».

Рукопись профес. Тихонравова состоитъ изъ двухъ половинъ: въ первой—Лицевой Апокалипсисъ съ однотолковымъ текстомъ, а во второй—троетолковый текстъ безъ миніатюръ, на лл. 134-200. Между обѣими половинами на особомъ листѣ, 133-мъ, слѣдующая лѣтопись, подъ заглавіемъ: «Предисловіе къ читателю: Господіе и братіе и отцы честніи, просимъ и молимъ и самѣмъ Богомъ васъ заклинаемъ. Аще кто хощетъ отъ васъ прочести книжицу сію или преписовати, и аще обрящете что погрѣшенѡ въ книзѣ сей, въ словесѣхъ или въ рѣчѣхъ, или гдѣ что любо, не усмотрѣвъ ради поспѣшенія, опущено: рѣчь, или слово едино, или точки, или запятыя, или силы не поставили, или гдѣ поставили, не противъ разуму рѣчи оноя. И вы то сами отъ искуснѣйшихъ васъ исправьте. Трудившимся въ дѣлѣ семъ прощенію сподобите, услужникомъ честности вашей, рабомъ божіимъ старцу Ферапонту и брату его Максиму. И буди надо всѣми вами милость божія во вся вѣки и на вѣки, аминь.

«Радуется убо путникъ, видѣвъ скончаніе шествія своего; утѣшается же и морскій плаватель, достигъ небурнаго пристанища; веселится же и земледѣлатель о собраніи многотрудныхъ плодовъ своихъ: благодушествуемъ же и мы грѣшніи, трудившіися въ дѣлѣ семъ старецъ Филаретъ и Максимъ, видѣвъ книги сея конецъ, строки послѣднія.

«Птица рада веснѣ, а рыба водѣ, а писецъ послѣдней строкѣ.

«Слава совершителю Богу, давшему намъ помощь, во вѣки, аминь.

* Смотр. Востокова, *Описаніе рукп. Румянц. муз.* стр. 781.

«Чти книжицу сію Апокалипсисъ и поучайся, а на духовныя добродѣтели не лѣниво къ Богу подвизайся.

«Начата сія святая и богодухновенная книга Апокалипсисъ въ лѣто отъ созданія міру 7239, а совершена въ лѣто 7244, мѣсяца ноября въ 5 день, на память святыхъ мучениъ Галактіона и Епистиміи».

Имена составителей этой рукописи въ приведенной здѣсь лѣтописи оба раза означены тайнописаніемъ, въ первый разъ—такъ называемою *простою литорею*, а второй—числеными буквами, которыя надобно складывать, чтобы получить настоящую букву *.

Въ обѣихъ рукк. миніатюры рисованы на тѣхъ же листахъ, на которыхъ писанъ и текстъ, и занимаютъ цѣлую страницу; каждая м. слѣдуетъ за соотвѣтствующимъ ей текстомъ.

Въ Тихонр. Апок. настоящее число мм. этой редакціи, именно 83; въ моемъ только 78: недостаетъ 5 мм., изъ которыхъ три не нарисованы, хотя и оставлены для нихъ страницы съ пустыми рамками, именно для мм. 46, 63 и 74, и сверхъ того дважды двѣ миніатюры соединены въ одной: 31 и 32 мм. Тихонр. Апокалипсиса въ 31-ой моего Апок., и 71 и 72—въ 68-ой. Къ этому надобно присовокупить, что хотя въ моемъ Апок. для 74 м. оставлена рамка, но сюжетъ ея присовокупленъ къ м. предыдущей, такъ что мм. 73 и 74 Тихонр. Апок. соединены въ одну м. 69 моего Апок. [сн. 198].

Тихонр. Апок. съ начала до конца одинаково тщательно рисованъ и раскрашенъ; что касается до моего, то онъ начатъ съ такою же тщательностью, но съ бо́льшимъ изяществомъ, до 19 миніатюры включительно, въ тонкихъ очеркахъ черниломъ и въ легкой раскраскѣ, а затѣмъ съ 20-й м. и до самаго конца мастеръ пользовался только кистію, выводя очерки тѣми мѣстными красками, которыми раскрашивалъ всю фигуру, и такъ какъ онъ дѣлалъ это наскоро, то пропускалъ въ мм. многія характеристическія подробности, которыя въ Тихонр. Апок. удержаны. Сверхъ того, сначала мастеръ рисовалъ кистію и лица, и руки, а потомъ, начиная съ м. 48-ой и до конца, сталъ дѣлать только абрисы головъ, но глазъ, носа и прочихъ частей лица, а такъ же и рукъ вовсе не писалъ, оставляя пустое мѣсто, впрочемъ, за исключеніемъ мм. 72-75, въ которыхъ

* Смотр тамъ же, стр. 544 и 154-155.

черниломъ выведены довольно тщательно лица и руки. Первыя 19 мм. моего Апок., по иконографическому стилю, лучше и архаичнѣе соотвѣтствующихъ имъ миніатюръ въ Тихонр. Апок.; что касается до всѣхъ прочихъ мм., то по причинѣ бойкости, съ которою ихъ торопливо изготовлялъ мастеръ кистію, онѣ многое утратили отъ ихъ оригинала, образчикъ котораго виденъ въ первыхъ 19-ти мм.

Оба эти Лицевые Апокк., не смотря на разные ихъ переводы, представляютъ очень замѣтное родственное сходство, съ начала до конца, и, очевидно, ведутъ свое начало отъ одного общаго имъ обоимъ оригинала, каждый изъ нихъ самостоятельно и своимъ путемъ, а не скопированы одинъ съ другаго, такъ какъ они слишкомъ рѣзко отличаются между собою по переводамъ, а такъ же и по нѣкоторымъ характеристическимъ подробностямъ, которыми оба они дополняютъ другъ друга. Сродство по редакціи оригинала, проходящее по всей иллюстраціи обоихъ Апокк., обнаруживается въ одинаковомъ распредѣленіи одинаковыхъ же сюжетовъ, а также въ одинаковыхъ нѣмецкихъ костюмахъ въ одѣяніи простаго народа, или такъ называемыхъ въ Апокалипсисѣ *людей*, въ отличіе отъ святыхъ лицъ и существъ сверхъ естественныхъ. Въ этомъ отношеніи оказывается сродство даже въ ошибкахъ при копированіи. Такъ напр. красная круглая шапка, съ чернымъ широкимъ околышемъ, приподнятымъ вверхъ въ видѣ треугольника въ Тихонр. Апок. м. 54 [сн. 202] переходитъ въ моемъ Апок., м. 69 [сн. 198], въ черную треуголку съ небольшимъ краснымъ шарикомъ наверху ея. Различіе же, кромѣ сказанныхъ подробностей, болѣе существенное по своему значенію, обнаружилось разными отклоненіями отъ нашего иконографическаго преданія; каковы напр. изображенія апокалипсич. чудовищъ, напр. въ Тихонр. Апок., м. 43 [сн. 201], Змій писанъ по преданію, въ моемъ же Апок., м. 42 [сн. 197]—съ громаднѣйшимъ тонкимъ, какъ ремень, хвостомъ, затѣйливо переплетеннымъ, во всю миніатюру, будто узоръ романскаго орнамента. Такою же фантастичностью, не согласною съ принятыми въ иконографіи нашего Лицеваго Апок. типами, отличается апокалипсич. Звѣрь въ Тихонр. рук., м. 38 [сн. 200], въ моей сатана, поднимающійся изъ адской пасти, м. 69 [сн. 198]. Впрочемъ, сходство обоихъ этихъ памятниковъ и нѣкоторыя различія между ними

вполнѣ уяснятся изъ всѣхъ слѣдующихъ за симъ подробностей.

Оригиналъ, отъ котораго оба они исходятъ, вѣроятно, содержалъ въ себѣ то же число мм., какое сохранилось въ Тихонр., именно 83; пустыя рамки въ моемъ Апок. говорятъ въ пользу того же предположенія.

Редація этого оригинала составилась подъ вліяніемъ другихъ, ей предшествовавшихъ, и преимущественно подъ вліяніемъ той, которая дошла до насъ отъ половины XVII в., въ СПБ. № 225 и въ Музейн. листахъ № 214, и затѣмъ кое-что взято изъ тѣхъ особенностей, коими отличаются Апокалипсисы: Чудовскаго Перевода 1638 г., графа Уварова половины XVII вѣка, № 58 и Подносный экземпляръ въ рук. конца XVII в. въ Моск. Духовн. Акад. № 14.

Итакъ, вопервыхъ, указываю на сродство изслѣдуемой мною иллюстраціи съ СПБ. № 225 и Музейн. лл. № 214 *.

2) I, 3-6. Передъ Прохоромъ, который сидя пишетъ, въ моемъ Ап. стоитъ на скалѣ чернильница, какъ и въ СПБ. м. 2 [сн. 126]; въ Тих.—она виситъ на сучкѣ дерева.

4) I, 10-20. Мечъ и труба, спускающіеся въ СПБ. м. 2 [сн. 126] отъ облаковъ, такъ же спускаются и въ моемъ, но оба какъ бы исходятъ изъ устъ Еммануила, будучи соединены съ ними тонкими линіями. Вѣроятно, въ первоначальномъ оригиналѣ СПБ-ой рукописи это такъ и было, какъ удержано въ позднѣйшей копіи 1721 г. Въ Тих. прямо изъ устъ I. Х., а не Еммануила, исходитъ клинокъ меча безъ рукоятки, и притомъ, по западному—остреемъ въ ротъ; такъ же изображенъ этотъ мечъ въ мм. 68 и 69 [сн. 207].

16) V, 6-14. Старцы, преклоняющіеся по обѣ стороны подъ ореоломъ съ Господомъ Саваоѳомъ и Агнцемъ, расположены такъ, что головы ихъ всѣхъ одна около другой будто нанизаны на прямую линію, какъ это вообще принято въ СПБ. рук. и въ Музейн. лл.; но, сверхъ того, въ этомъ именно сюжетѣ сходство съ СПБ., м. 12, состоитъ въ томъ, что изъ-за каждой головы выступаетъ уголъ гуслей, будто крылья, и всѣ эти углы образуютъ тоже прямую линію, идущую параллельно съ

* Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ счетъ миніатюръ въ Тихонр. и моемъ Апокк. одинъ и тотъ же, за скобкою стоитъ одинъ нумеръ, а гдѣ разный, то два нумера, изъ коихъ первый по Тихонр. Апок., а второй по моему.

линіею головъ. Но особенно характеристично сходство обоихъ описываемыхъ мною Апокк. съ редакціею СПБ. и Музейн. Апокк.—въ изображеніи фіаловъ съ ѳиміамомъ, или курильницъ, безъ ручекъ, въ видѣ высокихъ стакановъ, которые отъ узкаго донышка разширяются кверху. Они стоятъ сами по себѣ, а не находятся въ рукахъ Старцевъ, какъ въ другихъ редакціяхъ.

23) VII, 1-8. Въ сказаніи о Четырехъ Вѣтрахъ, держимыхъ ангелами, стоящій посреди земли ангелъ, такъ же, какъ въ СПБ., м. 20, держитъ въ лѣвой рукѣ дискъ, т. е. *печать*, соотвѣтственно тексту, а правая рука его по Тихонр. рук. поднята вверхъ, по моей же благословляетъ подходящихъ людей.

30) VIII, 12-13. Какъ въ распредѣленіи всего сюжета, такъ и особенно въ характеристической примѣтѣ, состоящей въ полатномъ письмѣ съ пирующими за столомъ, Тихонр. Ап. согласуется съ СПБ. м. 24 и Муз. лл. м. 25 [сн. 137]; въ моемъ—полатное письмо со стоящими фигурами, безъ стола.

35. 34) X, 1-7. Такъ же, какъ въ СПБ. и въ Музейн. лл. въ мм. 27 и 28 [сн. 138] облачность ангела выражена большимъ кругомъ, и потомъ вокругъ головы меньшій кругъ радуги, именно въ Тихонр.; въ моемъ—безъ круга, ангелъ въ обычной одеждѣ изъ облаковъ.

36. 35) X, 8-11. Въ Тихонр. Апок. ангелъ подаетъ стоящему Іоанну такъ же двѣ книги, вмѣсто одной, какъ въ СПБ. м. 28, и такъ же потомъ тотъ же Іо. сидитъ на землѣ и держитъ уголъ книги во рту. Въ моемъ—Іо. съ книгою сидитъ въ облакахъ.

51. 49) XIV, 14-16. І. Х. въ коронѣ сидитъ вверху, въ Тихонр. Апок.—на престолѣ, въ моемъ просто въ облакахъ, и держитъ въ рукѣ серпъ. Кромѣ того, еще серпъ упалъ на землю, въ моемъ Апок.—на ровное поле съ жнитвомъ, въ Тихонр.—на утесъ горы, поднимающійся къ самому престолу съ І. Х., такъ что изъ-подъ престола протягивается къ этому серпу чья-то рука по самое плечо: особенность, принадлежащая этой рук. Такъ же на землю брошенъ серпъ и въ СПБ. № 225, м. 41.

56. 54) XVI, 4-7. При согласіи въ общемъ распредѣленіи сюжета, Тихонр. Апок. [сн. 203] опять удерживаетъ характеристическую примѣту СПБ. Апокалипсиса, м. 46 [сн. 134 д],

состоящую въ водоемѣ, изъ коего вытекаютъ источники водные; но къ этой примѣтѣ прибавлены двѣ фигуры: вопервыхъ, человѣкъ въ нѣмецкомъ костюмѣ безъ шапки стоитъ у водоема и пьетъ изъ сосуда, и вовторыхъ, на рѣкѣ, вытекшей изъ водоема, стоитъ ангелъ въ своихъ обычныхъ ризахъ, съ надписью: *Ангелъ Водный*, а не обнаженный, какъ это принято для него въ другихъ редакціяхъ. Въ моемъ Апок. такой же водоемъ, и при немъ тоже человѣкъ въ нѣмецкомъ костюмѣ и съ сосудомъ, но въ шапкѣ; что касается до Воднаго Ангела, то онъ, обнаженный, помѣщенъ въ самомъ жерлѣ водоема, изъ котораго вылѣзаетъ, выставивъ одну ногу уже наружу. Водоемъ въ этомъ сюжетѣ принадлежитъ къ слѣдамъ ранней иконографіи. Смотр. въ Пражскомъ Апок. XIV в. на стр. 183 [сн. 265 б].

63) XVII, 6-18. Пьяная Любодѣица валится съ апокалип. Звѣря назадъ, поднявъ обѣ руки, какъ въ СПБ. м. 52 [сн. 128]. Въ моемъ Ап. эта миніатюра пропущена, хотя и оставлено для нея мѣсто въ пустой рамкѣ.

65. 62) XVIII, 21-24. Въ Тихонр. Ап. ангелъ, бросающій въ воду жерновъ, стоитъ на берегу, какъ и въ СПБ. м. 53; въ моемъ ангелъ съ жерновомъ стоитъ на утесѣ.

70. 67) XX, 1-3. Съ неба летитъ ангелъ съ цѣпью, ключемъ и замкомъ, которые спускаются съ облаковъ, какъ и въ СПБ. м. 58; но, сверхъ того, ангелъ, заковывающій Змія, держитъ въ рукахъ молотокъ [сн. 205]. Въ моемъ Ап. замокъ и молотокъ той же формы, что̀ и въ Тихонр. Апок., только небрежнѣе написаны.

78. 73) XXI, 9-27. Горній Іерусалимъ виситъ на воздухѣ, какъ и въ СПБ. м. 65 [сн. 131]. Въ моемъ Апок. ангелъ спускаетъ его на красной веревкѣ [сн. 199].

Изъ другихъ, упомянутыхъ выше, иллюстрацій ближе къ описываемымъ мною Апокалипсисамъ Подносный экземпляръ Моск. Дух. Академіи; такъ что и въ этотъ послѣдній вошли нѣкоторыя изъ сей часъ приведенныхъ сюжетовъ изъ той же редакціи СПБ. № 225, что̀ и указано въ описаніи этой радакціи въ мм. 41, 52 и 58. Но непосредственно согласуются Тихонр. и мой Апокк. съ Подноснымъ въ томъ, что помѣщаютъ свитокъ надъ головою ангела въ видѣ арки, мм. 5 и 7, въ Подносн. м. 7 [сн. 166], II, 18-29.

Съ иллюстраціею описываемой мною редакціи, въ слѣдующихъ

мм. представляетъ сходство рук. графа Уварова, № 58, половины XVII в.

37. 36) XI, 1-2. Эпизодъ Іоанна съ тростію, вообще входящій въ предыдущую миніатюру, здѣсь выдѣленъ въ отдѣльный сюжетъ, какъ и въ Увар. м. 24, одинаковой редакціи, и сверхъ того недостающая въ Увар. рук. трость не только написана въ обоихъ описываемыхъ Апокк., но и особенно характеристически тянется она черезъ всю м., на перекосокъ съ верху отъ ангела изъ праваго угла въ руки Іоанна, стоящаго внизу налѣво.

38. 37) XI, 3-10. Въ Тихонр. Ап. позади царя, сидящаго на престолѣ, стоитъ человѣкъ съ растрепанными волосами [сн. 200] такъ же, какъ въ Увар. м. 25 [сн. 153 б]. Въ моемъ этой фигуры нѣтъ.

41. 40) XI, 19; XII, 1-6. Св. Жена въ Тихонр. Апок. писана по фону колоссальнаго краснаго солнца, отъ лица котораго по обѣ стороны Жены выступаютъ глаза его; подъ ея ногами желтая луна. То же въ Увар. м. 29 [сн. 146]. Колоссальные глаза солнца по обѣ стороны св. Жены, писанной на его лицѣ—характеристическая подробность, принятая и въ моемъ Апок. 1671 г. м. 29. Что же касается до описываемаго здѣсь моего Апок. 1721 г., то въ немъ св. Жена сидитъ не на солнечномъ лицѣ, а въ продолговатомъ бѣломъ ореолѣ, окруженномъ бахромою красныхъ лучей; луна нодъ ногами синяя.

43. 42) XII, 13-17. Въ обоихъ Апокк. Змій своимъ хвостомъ захватилъ и обвилъ полосу облаковъ [снн. 201, 197] такъ же, какъ въ Увар. м. 32 [сн. 153 в]. Способъ представленія, ведущій свое начало отъ ранней редакціи въ моемъ Апок. начала XVII в. м. 33.

Наконецъ, для исторіи въ составленіи редакцій русскаго Лицеваго Апок. слѣдуетъ указать въ Тихонр. рук., м. 80, при XII, 6-8, на изображеніе убруса съ Нерукотвореннымъ Спасомъ, помѣщеннаго въ верхней части миніатюры и окруженнаго облаками, вмѣсто Іисуса Христа на престолѣ. Такой же убрусъ со Спасомъ помѣщенъ въ числѣ разныхъ подробностей, наполняющихъ полатное письмо Горняго Іерусалима въ Чудовск. Переводѣ 1638 г., м. 67 [сн. 119] при XXI, 9-27. Въ моемъ Ап., м. 75, убруса нѣтъ, а вмѣсто его , въ облакахъ полатное письмо.

Оригиналъ, отъ котораго идутъ оба описываемые Апокк., отличался бо̀льшею выдержанностью въ соблюденіи иконографическаго преданія, которое однако уже сильно сглажено и подновлено въ обѣихъ этихъ рукк. Ближе къ этому предполагаемому оригиналу стоятъ начальныя мм. 1-19 въ моемъ Ап., между тѣмъ какъ всѣ другія до самаго конца, а равно и мм. всего Тихонр. Апокалипсиса представляютъ въ своихъ переводахъ уже полный упадокъ греко-славянской иконографіи.

Сказанныя 19 миніатюръ, состоящія въ явномъ сродствѣ съ редакціею СПБ. Апокалипсиса № 225, половины XVII в. и частію съ Подноснымъ экземпляромъ конца того же столѣтія, какъ это объяснено выше, предлагаютъ по моей рук. ранніе и лучшіе переводы, которые уже подновлены въ рук. Тихонр., хотя очевидно и одной съ этою послѣднею редакціи. А именно:

1) По моей рук. только въ этихъ 19 мм. принятъ типъ Еммануила, котораго вовсе нѣтъ ни во всѣхъ слѣдующихъ за тѣмъ мм., ни во всей рук. Тихонр. Это въ мм. 4, 12 и 13, при I, 9-20; IV и V, 1-5, тогда какъ въ Тихонр., въ м. 4 I. X. и въ подновленномъ уже костюмѣ, и безъ указанныхъ выше раннихъ примѣтъ, а въ мм. 12 и 13—Господь Сав. въ углов. сіяніи.

2) При каждомъ изъ трехъ апокалипс. Всадниковъ *, въ мм. 17, 18 и 19, по моей рук. изображенъ вверху только Агнецъ съ книгою, и при немъ только по одному изъ четырехъ символич. животныхъ, согласно толкованію, въ такомъ порядкѣ: Левъ, Телецъ и Человѣкъ; сверхъ того, дважды писанъ Агнецъ въ кругломъ ореолѣ, и однажды, въ м. 19, уже только въ облакахъ. Въ Тихонр. рук. писанъ Господь Сав. съ Агнцемъ, въ кругломъ ореолѣ, окрестъ котораго помѣщены всѣ четыре животныхъ.

3) Въ обѣихъ рукк., по сходству ихъ редакціи, выдѣленъ изъ многоличнаго сюжета одинъ эпизодъ, при V, 5, состоящій въ бесѣдѣ старца съ Іо. подъ высокимъ деревомъ. Іо. сидитъ въ печали, къ нему подходитъ старецъ и говоритъ: «неплачися» [что̀ начертано въ свиткѣ, который онъ держитъ по моей рук.]. Дерево соотвѣтствуетъ въ текстѣ «кореню Давидову», отъ котораго, по толкованію, изыдетъ жезлъ и цвѣтъ. Въ Тихонр. рук. это простое дерево, а въ моей—пальма, м. 15 [сн. 196]. При этомъ, на всякій случай, почитаю не лишнимъ замѣтить, что

* Четвертый Всадникъ, т. е. Смерть, уже въ м. 20, откуда начинается письмо небрежное.

въ Альтамировскомъ Апок. XII в., съ толкованіемъ испанскаго монаха Беата, вся м. 46-я занята изображеніемъ колоссальной пальмы, на которую лѣзетъ человѣкъ съ кривымъ садовымъ ножемъ, при текстѣ о финиковыхъ, или пальмовыхъ вѣтвяхъ, которыя держатъ въ рукахъ поклоняющіеся Господу Богу и Агнцу, VII, 9.

Кромѣ этихъ 19-ти мм. моего Апок. и всѣхъ вышеприведенныхъ заимствованій изъ другихъ раннихъ редакцій, удержанныхъ въ обѣихъ описываемыхъ рукописяхъ, на счетъ того же предполагаемаго оригинала ихъ должны быть отнесены и всѣ характеристическія подробности, тѣ же самыя въ нихъ обѣихъ, принятыя въ однихъ и тѣхъ же сюжетахъ, хотя переданныя и въ разныхъ переводахъ. Таковы напримѣръ:

35. 34) X, 1-7. Уже выше указанъ оригиналъ Облачнаго Ангела Тихонр. рукописи въ редакціи СПБ. № 225 и Музейныхъ лл.; но хотя въ моей рук. ангелъ писанъ въ другомъ типѣ, но одинаковая поза его въ обѣихъ рукк. свидѣтельствуетъ объ особенности ихъ общаго оригинала. Она состоитъ въ томъ, что ангелъ особенно широко, съ видимымъ усиліемъ разставилъ свои ноги, для того, чтобы, согласно тексту, правую ногу постановить на море, а лѣвую на землю. Въ этой насильственной позѣ можно видѣть намѣреніе мастера съ особеннымъ удареніемъ слѣдовать тексту въ такой подробности, на которую въ иныхъ редакціяхъ не обращалось вниманія, такъ что въ нихъ ангелъ стоитъ правой ногой на землѣ, а лѣвой на морѣ, какъ напр. въ такой отличной редакціи, какъ мой юсов. Апок. XVI, мм. 34 и 35 [сн. 87].

52. 50) XIV, 17-20. Въ обоихъ Апокк. ангелъ въ огороженномъ пространствѣ жнетъ серпомъ пшеницу, а не собираетъ виноградъ; вмѣсто же точила, на краю этого огорода, по Тихонр. рук., или даже на самомъ его заборѣ, какъ въ моей рук., будто повисъ вверхъ дномъ чанъ, а изъ чана льется красное, разливаясь внизу потокомъ, въ которомъ тонутъ кони. Непониманіе винодѣлія съ точиломъ доходитъ здѣсь до послѣдней крайности.

82. 77) XXII, 10-14. Вверху ангелъ въ облакахъ, въ моемъ Апок. онъ стоитъ, въ Тихонр.—летитъ со свиткомъ, въ которомъ писано: *Не запечатлѣй словесъ пророчествія книгъ сихъ* [въ исправл. *книги сея*]. Внизу стоитъ Іо. или передъ налоемъ съ

одною книгою, какъ у меня, или передъ столомъ съ двумя книгами, какъ у Тихонр., согласно съ м. 36, въ которой, какъ указано выше, древняя форма *книги* понималась неправильно. Въ другихъ редакціяхъ въ этомъ сюжетѣ нѣтъ стола или налоя. Іо. просто въ рукахъ держитъ книгу.

Къ тому же предполагаемому оригиналу надобно отнести и замѣченные уже выше нѣмецкіе костюмы обоихъ Апокк., а также и нѣкоторыя характеристическія подробности, чуждыя другимъ редакціямъ, какъ напр. указанный уже молотокъ одной и той же формы въ обѣихъ рук., м. 70. 67 [сн. 205], такой же какъ и въ м. 33. 32, при IX, 13-16, у ангела, который идетъ разрѣшить Четырехъ Ангеловъ, связанныхъ у рѣки Евфрата. Такіе характеристическія мелочи, какъ признаки одной общей редакціи, получаютъ особенную цѣну въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обоихъ Апокк. одинъ и тотъ же сюжетъ писанъ по двумъ разнымъ переводамъ, которые только сказанною подробностью возводятся къ общему имъ обоимъ оригиналу. Это должно сказать и о послѣднемъ изъ приведенныхъ сюжетовъ. Въ Тихонр. рук. на зеленомъ волнистомъ полѣ, которое должно означать Евфратъ, Четыре Ангела будто ведутъ хороводъ, составляя изъ себя кругъ, съ лицами, обращенными къ зрителю, будучи прикованы другъ другу цѣпями по рукамъ у самыхъ кистей. Въ моей рук. они сидятъ на берегу синей рѣки подъ сѣнію высокихъ деревъ, которыя своими стволами отдѣляютъ ихъ другъ отъ друга.

Для примѣра привожу слѣдующіе сюжеты, въ изображеніи которыхъ эти памятники не сходятся.

21) VI, 9-11. Въ Тихонр. рук. вверху въ ореолѣ Господь Сав. на престолѣ съ Агнцемъ и книгою. Окрестъ ореола въ кругахъ четыре символич. животныхъ, изъ коихъ одно, именно Крылатый Человѣкъ, даетъ одѣяніе стоящимъ направо на вершинѣ скалы обнаженнымъ мученикамъ, избіеннымъ за слово Божіе. Внизу подъ ореоломъ, въ долинѣ между горами храмъ, обнесенный стѣною; передъ храмомъ толпа молящихся, одѣтыхъ въ разноцвѣтныя одежды. Налѣво, противъ обнаженныхъ фигуръ, на вершинѣ же скалы стоитъ Іо. Въ моей рук. внизу на ровномъ полѣ стоитъ только Іо., и все остальное происходитъ вверху въ облакахъ, именно: направо красное полатное письмо, подъ нимъ толпа людей одѣтыхъ, а передъ нимъ—

обнаженныхъ, которымъ ангелъ даетъ одѣяніе. При этомъ нѣтъ ореола съ Господомъ Сав. и съ прочимъ.

42. 41) XII, 7-12. Въ Тихонр. рук. верхняя часть миніатюры до двухъ третей ея занята небомъ. По небу во всю величину его ѣдутъ на коняхъ два крылатые архангела, въ воинскихъ доспѣхахъ, и своими длинными копьями поражаютъ, одинъ—двухъ бѣсовъ и коней ихъ, а другой—самаго сатану, которые, уже будучи низвержены съ неба, пали въ черную пропасть, разверзшуюся въ землѣ налѣво, а направо внизу же на землѣ стоитъ Іо. Земля съ пропастью отдѣляется отъ неба узкою полосою бѣлаго фона бумаги, означающаго воздухъ. Напротивъ того, въ моей рук. бо̀льшую часть всей миніатюры составляетъ между небомъ и землею бѣлое пространство, по которому съ правой стороны летятъ стремглавъ въ разверзшуюся черную пасть ада темныя фигуры бѣсовъ, головою внизъ, широко разставивъ ноги и распростерши руки. Ихъ поражаютъ копьями стоящіе на облакахъ три ангела, одѣтые по древнему костюму въ туники и тоги. Какъ ангелы, такъ и демоны безъ коней. Внизу направо стоитъ Іо.

Особенно важны слѣдующія характеристическія примѣты, которыми Тихонр. Апок. отличается отъ моего, и въ которыхъ замѣчается самостоятельная выработка сюжетовъ, частію подъ вліяніемъ раскола и западной иконографіи. А именно.

45. 44) XIII, 11-17. Въ сюжетѣ о Второмъ Звѣрѣ, для иллюстраціи текста: «дастъ имъ начертаніе на деснѣй руцѣ ихъ или на челахъ ихъ», по Тихонр. рук. наложеніе Антихристовой печати на людей производятъ двое, именно не только дьяволъ, какъ это принято во всѣхъ редакціяхъ и въ моемъ Апо́к. 1721 г., но и православный священникъ, очевидно, потому что Тихонр. рук. въ этомъ случаѣ подверглась толкованію раскольничьему. Дьяволъ, по принятому обычаю, помазуетъ тростію на ладони стоящаго передъ нимъ человѣка, а священникъ, сложивъ персты именословно, по православному, благословляетъ чело того же самого. Сверхъ того, этой раскольничьей затѣѣ придана очень любопытная форма, имѣющая назначеніе выразить ту мысль, что сказанные два начертателя печати суть не двѣ отдѣльныя личности, но одна и та же. Для этой цѣли принятъ былъ пріемъ, издавна употреблявшійся въ западной иллюстраціи Апокалипсиса, какъ это, напримѣръ, сильно рас-

пространено во многихъ мм. Лицеваго Пражскаго Апокалипсиса XIV в. А именно. Если тотъ или другой ангелъ, по толкованію, принятому въ этомъ памятникѣ, долженъ означать какое-либо историческое лицо, то это раздвоеніе, состоящее изъ символа и его значенія, выражается также въ раздвоенной фигурѣ, или въ симплегмѣ, имѣющей видъ символическаго знака. Такъ напр. Третій Ангелъ изливаетъ Фіалъ на источники водные, при XVI, 4-7, а изъ-за него, будто изъ его же туловища, рядомъ съ его головою, поднялась еще голова въ коронѣ: это, по надписи: Karolus Imperator [сн. 265 б]. Подобная же симплегма принята и въ Тихонр. рук. Упомянутый священникъ стоитъ въ полной фигурѣ, а изъ-за него, рядомъ съ его головою, выдвинулась голова дьявола, и позади благословляющей десницы священника—рука дьявола съ помазующей тростью [сн. 237 в]. Въ моей рук. налагаетъ печать только дьяволъ, держа въ обѣихъ рукахъ по перу, чтобы въ одно время помазывать и чело и руку стоящаго передъ нимъ человѣка.

67. 64) XIX, 7-10. Въ Тихонр. рук. «Вечеря Агньчія» представлена въ видѣ коронованія Божіей Матери по принятому и распространенному на западѣ иконографическому сюжету, составляющему дополненіе къ изображенію католическаго догмата, такъ называемаго «Вознесенія Божіей Матери» *. Именно: въ небѣ на престолахъ сидятъ Господь Сав. и І. Х., а между ними Богородица, на главу которой оба они надѣваютъ корону; вверху Духъ Святый въ видѣ голубя. Въ моей рук. въ небѣ же за трапезою сидитъ Невѣста Агнчія; къ ней подходятъ І. Х. съ ангеломъ.

72. 68) XX, 5-6. Согласно толкованію: «первое же воскресеніе есть еже отъ мертвыхъ дѣлъ ожити [*вар.* ожитіе] крещеніемъ»—въ Тихонр. рук. изображено самое таинство крещенія, сюжетъ, составляющій особенность только этого памятника. Въ церкви передъ купѣлью стоитъ священникъ въ облаченіи; съ другой стороны женщина держитъ у купѣли обнаженнаго ребенка. Въ небѣ паритъ Духъ Святой въ видѣ голубя. Внизу въ правомъ углу огненное озеро съ дьяволами и грѣшниками

* Подъ западнымъ вліяніемъ этотъ послѣдній сюжетъ введенъ уже и въ Аѳонскій подлинникъ Діонисія. Смотр. въ моей монографіи о русск. иконописи, въ *Сборн. Общества древнерус. искусства*, на 1866 г., стр 103.

[сн. 206]. Въ моей рук. вмѣсто всего этого только I. X. въ небѣ, со Старцами по обѣимъ сторонамъ.

Въ заключеніе для характеристики обоихъ Апокк. надобно присовокупить слѣдующее.

Въ обоихъ нѣтъ олицетвореній Земли и Моря, м. 75. 70, при XX, 11-15.

Также нѣтъ Гога и Магога, м. 59. 57, при XVI, 12-16, и вмѣсто ихъ только воины на коняхъ; равно и въ другомъ мѣстѣ, при XX, 7-10, въ Тихонр. Апок. м. 74, нѣтъ этихъ чудовищъ, но въ моемъ, м. 69 [сн. 198], они замѣнены тѣми апокалипс. фигурами, описаніе коихъ, подъ именемъ Пруговъ, дано въ IX, 7-10.

«Вѣнцы мнози» на главѣ Слова Божія, возсѣдающаго на конѣ, при XIX, 11-21, писаны въ Тихонр. Апок. въ видѣ пятиярусной короны, мм. 68 и 69 [сн. 207]; въ моемъ—въ видѣ трехъярусной, м. 65.

Странный типъ апокалипсич. Звѣря о двухъ головахъ, съ симметрическимъ орнаментомъ изъ загнутыхъ роговъ съ клиньями посреди ихъ развѣтвленія, и еще съ клиномъ побольше, между ними, съ короною надъ его угломъ, въ Тихонр. Апок. м. 38 [сн. 200]; слич. также завостренные и старательно изогнутые рога Змія, м. 43 [сн. 201].

Типъ апокалипс. Змія о семи головахъ, съ двумя хвостами, на концахъ коихъ тоже по головѣ, и съ двумя руками, держащими по мечу, и все это составляетъ симметрическій орнаментъ вмѣстѣ съ адскою пастію, въ моемъ Апок. м. 69 [сн. 198].

Зданіе адской пропасти, въ Тихонр. Апок. м. 70 [сн. 205], а также круглое отверстіе, искусственно сдѣланное въ землѣ и обведенное зеленою полосою, изъ коего выходитъ упомянутый двуглавый Звѣрь, чтобы пожрать Илію и Еноха, м. 38 [сн. 200].

Въ Тихонр. Апок. принято иногда окружать нимбъ лучистымъ сіяніемъ, м. 56 [сн. 203].

Въ этомъ же памятникѣ постоянно удерживаются двѣ примѣты: одна подъ вліяніемъ раскольничьяго толка, именно всегда крестъ осмиконечный, напр. на коронѣ, мм. 43 и 69 [снн. 201 и 207], другая—западная, состоящая въ начертаніи надписи не поперекъ, а вдоль свитка. Въ моемъ Апок. надписей на свиткахъ нѣтъ вовсе.

Наконецъ, для нагляднаго убѣжденія въ сходствѣ обоихъ Апокк. по редакціи, хотя и при различіи переводовъ въ разныхъ подробностяхъ, обращаю вниманіе на сюжетъ, при XII, 13-17, въ мм. 42 и 43 [снн. 197 и 201]. То же самое распредѣленіе фигуръ, только въ Тихонр. рук. Іо. стоитъ на утесѣ, а въ моей на облакѣ, а св. Жена, у меня въ тіарѣ, и вся въ красномъ монохромѣ, сидитъ на стволѣ зеленаго дерева, а у Тихонр. въ обыкновенной коронѣ съ осмиконечнымъ крестомъ, въ разноцвѣтномъ одѣяніи, писана на черномъ фонѣ пещеры. Сверхъ того, обыкновенная фугура Змія Тихонр. Апокалипсиса замѣнена фантастическимъ орнаментомъ, о чемъ упомянуто уже выше.

XVIII

Рукопись С.-Петерб. Публичн. Библіотеки Q, Отд. I, № 441, въ 4-у, XVIII в., на 57 лл ; безъ текста, однѣ миніатюры; собственно Апокалипсисъ отъ 3-го по 57 л., съ 55 мм.

Число миніатюръ неполное; недостаетъ къ 14-ти главамъ, именно: къ 1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 31, 32, 33, 61, 69 и 70. Всѣ мм. писаны на бѣлой бумагѣ и одного времени, кромѣ трехъ, на синей бумагѣ, именно мм. 23, 24 и 25, къ главамъ 34 и 35. Эти послѣднія позднѣе, но все же XVIII в. и столько же замѣчательны по особенностямъ редакціи, какъ и прочія. Такъ напр. м. 23 [копія краск. 23] съ оригинальностью сюжета соединяетъ необыкновенно характерную технику, какъ въ рисункѣ, напоминающемъ старинныя лубочныя картинки, такъ и въ наложеніи красокъ на манеръ древней эмали, такъ называемой перегородчатой, въ которой каждая краска безъ малѣйшаго оттѣнка отдѣляется отъ другой очерками самаго рисунка, какъ въ греческой эмали—золотыми тоненькими перегородками. Что же касается до сюжета, то особенность его редакціи состоитъ, вопервыхъ, въ томъ, что зеленая луна, обведенная желтою полоскою, помѣщена не на небѣ, а на дискѣ солнца, изображеннаго полосою лучей съ разноцвѣтною каймою; вовторыхъ, въ томъ, что св. Жена не стоитъ на лунѣ во

весь ростъ на ногахъ, а присѣла на оба колѣна. Слич. также луну на дискѣ солнечномъ и такую же позу св. Жены въ СПБ. Апок. 1808 г. м. 34. Наконецъ, третья особенность состоитъ въ изображеніи Змія и преимущественно въ выпускаемой имъ водѣ, которая клубящимися волнами затопляетъ всю нижнюю часть миніатюры.

М. 25 изображаетъ тотъ же сюжетъ гл. 35-ой, но по другой редакціи.

Сказанныя три мм. на синей бумагѣ вставленывъ описываемую рук. въ одно время съ двумя первыми, на синихъ же листахъ, рисунками, по сюжету не имѣющими отношенія къ Апокалипсису.

На поляхъ всѣхъ миніатюръ, кромѣ трехъ на синей бумагѣ, отмѣчено зачало, т. е. глава, къ которой каждая м. относится. Нѣкоторыя мм. по отмѣткѣ относятся къ двумъ главамъ вмѣстѣ, именно: м. 27 къ глл. 37 и 38, м. 32 къ глл. 43 и 44, м. 41 къ глл. 53 и 54, м. 45 къ глл. 58 и 59.

Основою для иллюстраціи этого № 441-го послужила редакція Чудовская съ незначительными варіантами въ подробностяхъ. Не касаясь такихъ мм., въ которыхъ по малосложности и простотѣ сюжета возможно и случайное сходство въ редакціяхъ, какъ напр. Ангелы семи Церквей, Четыре Всадника, 24 Старца передъ престоломъ Господа Бога, Облачный Ангелъ и т. п., указываю на очевидное происхожденіе слѣдующихъ мм. № 441-го отъ редакціи Чудовской, которую означаю цыфрою главы, такъ какъ въ этой редакціи счетъ миніатюръ соотвѣтствуетъ счету главъ.

Гл. 26). Прузи, м. 18.

Гл. 27). Четыре ангела, связанные на рѣкѣ Евфратѣ, м. 19.

Гл. 45). Ангелы съ фіалами и играющіе на гусляхъ, м. 33.

Гл. 48). Ангелъ Водный, м. 36.

Гл. 55). Ангелъ бросаетъ камень, яко жерновъ, м. 42.

Гл. 60). Ангелъ связываетъ сатану, м. 46.

Гл. 62). Ангелъ ведетъ воскресшихъ, въ саванахъ, въ рай, а дьяволъ грѣшниковъ тянетъ веревкою въ адъ, м. 47.

Гл. 64). Воскресеніе изъ мертвыхъ и Страшный судъ, м. 49.

Гл. 65). Горній Іерусалимъ, м. 50.

Гл. 66). Праведники у престола Господня, а внизу двѣ толпы обнаженныхъ грѣшниковъ: каждую тащитъ дьяволъ въ адъ, м. 51.

Гл. 68). Рѣка живой воды спускается изъ-подъ престола съ Агнцемъ, м. 53.

Симплегма Гога и Магога даже по переводу, согласному съ Чудовск. редакціею, принята въ глл. 51 и 63, мм. 39 и 48, но въ м. 35, при гл. 47, она опущена.

Иныя мм., хотя и редакціи Чудовской, но съ такими нововведеніями, которыя противорѣчатъ нашимъ иконографическимъ преданіямъ, какъ напр. преклоненіе на одно колѣно. При гл. 25, м. 17, съ ангеломъ, парящимъ посреди неба, взятъ прекрасный переводъ этого ангела съ распростертыми руками изъ ранняго оригинала Чуд. редакціи, согласнаго съ Филаретовской [см. въ Апок. г. Зайцевскаго м. 25]; но этотъ ангелъ въ № 441 испорченъ тѣмъ, что стоитъ на одномъ колѣнѣ. Точно также въ м. 43, при гл. 56, о торжественной аллилуіи, сходство съ Чудовск. Переводомъ нарушено преклоненіемъ Іоанна на одно же колѣно.

Къ подновленіямъ Чудовск. редакціи въ № 441-мъ можно отнести и нѣкоторыя изъ цѣлыхъ миніатюръ сполна. Такова напр. м. 9, при гл. 17, о душахъ, убіенныхъ за слово Божіе. По западному манеру, принятому и въ нѣкоторыхъ нашихъ редакціяхъ, ангелъ стоитъ за жертвенникомъ, раздавая обѣими руками одежды, а внизу другіе ангелы одѣваютъ обнаженныхъ людей.

Еммануила эта иллюстрація уже не знаетъ, вмѣсто него изображая Іисуса Христа. При главѣ 2-ой, м. 1, изъ устъ его исходитъ мечъ, который извивается волнистою линіею, какъ змѣя.

Въ м. 32, при гл. 43 и 44, І. Х., сидящій на престолѣ, въ обѣихъ рукахъ держитъ по серпу, вручая ихъ ангеламъ. Внизу соединена жатва съ винодѣліемъ, въ которомъ, однако, вмѣсто гроздій, писаны цвѣты на высокихъ вѣтвяхъ.

Изъ особенностей, внесенныхъ въ Чудовск. редакцію, въ этомъ Апок. заслуживаютъ вниманія слѣдующія.

Гл. 57). Рядомъ съ Невѣстою Агнца, сидящей на престолѣ, стоитъ на жертвенникѣ самъ Агнецъ. Тутъ же и столъ для вечери; на немъ три сосуда, изъ которыхъ одинъ съ двумя ручками принадлежитъ къ утвари раннихъ временъ. М. 44 [сн. 209 г].

Гл. 64). На Страшномъ судѣ Море, отдающее мертвецовъ, изображено въ видѣ обнаженной женщины, которая не сидитъ

на рыбѣ или на чудовищѣ, а стоитъ въ водѣ, поднявъ изъ нея колѣнку, м. 49.

Гл. 71). Къ рисунку Чудовск. редакціи, внизу направо прибавлена пещера, по черному фону которой стоятъ двѣ юныя фигуры, м. 54.

Гл. 72). Изъ церкви, у которой стоитъ ангелъ, текутъ два потока воды. Три человѣка стоятъ у потока на колѣняхъ: одинъ подноситъ сосудъ съ водою къ устамъ, другой черпаетъ имъ воду, третій съ пустыми руками, м. 55.

Вавилонская Блудница заслуживаетъ вниманіе по дамскому костюму XVIII в., при глл. 53 и 54, м. 41 [сн. 209 в].

Но изъ всѣхъ дополненій, внесенныхъ въ этой рукописи въ Чудовск. редакцію, особенно замѣчательны тѣ, которыя свидѣтельствуютъ о другой, ранней редакціи. А именно.

При гл. 19, м. 11, каждый изъ Четырехъ Ангеловъ, вмѣсто того, чтобы держать фигуру олицетвореннаго Вѣтра просто за ея руку или какой другой членъ ея тѣла, имѣетъ при себѣ овальной формы вогнутое помѣщеніе, изъ котораго, будто изъ скорлупы или раковины, выступаетъ эта фигура съ своей трубою [сн. 209 а]. Такое архаическое представленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ принятому въ моемъ юсов. Апок. XVI в. для *Ангела блистанія-носца*, м. 58 [сн. 89], а это овальное вмѣстилище напоминаетъ щитъ съ изображеніемъ Души на одной капители Романскаго стиля [сн. 242]. См. выше стр. 70.

При гл. 30, м. 22 [сн. 208], *Звѣрь Антихристъ*, какъ значится въ надписи, изображенъ дважды: сначала внизу онъ выходитъ изъ черной пропасти къ Еноху и Иліи, и потомъ вверху надъ городомъ, что̀ должно означать—*на стогнахъ града*, онъ же бросается на нихъ, чтобы пожрать: два момента, принятые и въ 229 № Петерб. Публич. Библ., м. 34. По клетчатымъ одеждамъ обоихъ пророковъ, будто изъ сѣти или мрежи, ихъ типы согласуются съ принятыми въ Бамбергскомъ Апок. X в., м. 27. См. выше стр. 83. При этомъ заимствовано изъ Лютеровой грав. 15-ой, 1534 г. [сн. 274 а], изображеніе Звѣря внизу, вполнѣ согласное съ принятымъ въ Хлудовск. Апок. № 358 въ л. 1708 г., м. 30 [сн. 195]. На Звѣрѣ трехъярусная папская тіара, вѣроятно, общаго происхожденія съ подобнымъ же представленіемъ этого типа въ Соловецк. юсов. Апок. XVI в., м. 29 [сн. 66]. Но въ описываемой рук. папская тіара допол-

няется двумя лентами, спускающимся съ шеи Звѣря по обѣ стороны, такъ же какъ и въ м. 30 Хлуд. Апок. 1708 г.

Такая же трехъярусная тіара на Звѣрѣ, стоящемъ на заднихъ ногахъ, какъ статуя, на пьедесталѣ, при глав. 37 и 38, въ м. 27 [сн. 209 б]. Это, по надписи, *икона Звѣрина*—въ статуѣ, какъ ее же предлагаютъ въ живописномъ портретѣ Тихонравовск. Апок. половины XVII в. въ м. 50 [сн. 157] и Барсовскій XVIII в. въ мм. 37 и 42 [снн. 188 и 190].

XIX

Рукопись А. А. Титова [въ Ростовѣ Ярославскомъ] № 523, въ 4-ку, на 400 лл.; собственно Апокалипсисъ на лл. 11–63, съ 20 мм.; второй половины XVIII в.

Апокалипсисъ въ этомъ лицевомъ Сборникѣ содержитъ въ себѣ только текстъ, безъ толкованія, и раздѣленъ на 22 главы по нынѣ принятому счету, съ одною миніатюрою при каждой главѣ, въ слѣдъ за текстомъ, за исключеніемъ 3-ей и 22-ой главъ, оставленныхъ безъ миніатюръ; итого всего 20 мм.

Главы помѣщены въ разбивку между другими статьями Сборника и въ безпорядкѣ. А именно:

ГЛАВЫ:	ЛИСТЫ:	ГЛАВЫ:	ЛИСТЫ:
XX	11.	V	44 об.
XVII	12 об.	VII	46.
XVIII	14 об.	VIII	48.
XII	16 об.	X	49 об.
XIII	18 об.	XI	51.
IX	33 об.	XIV	53.
VI	36 об.	XV	55.
I	37 об.	XVI	56 об.
II	39 об.	XIX	58 об.
III	41 об.	XXI	60 об.
IV	43.	XXII	62 об.

Изъ статей Сборника, состоящихъ по содержанію въ ближайшей связи съ Откровеніемъ Іоанна Богослова, надобно замѣтить слѣдующія:

Лл. 1-9 об. *Слово блаженнаго Ипполита папы Римскаго и мученика о скончаніи міра, о Антихристѣ и о второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, въ недѣлю мясопустную.*

При толкованіи четырехъ животныхъ, упоминаемыхъ въ видѣніи пророка Даніила, VII, 2-8, помѣщена на л. 8-мъ миніатюра съ ихъ изображеніями, а именно: Львица, Медвѣдица— обѣ въ ихъ натуральномъ видѣ, только Львица съ длинною, окладистою гривою, а Медвѣдица съ длинными изогнутыми клыками, потомъ — крылатая Рысь о четырехъ главахъ, называемая въ этой рукописи *пардусомъ*, и наконецъ четвертый Звѣрь о семи головахъ, но безъ упоминаемыхъ въ текстѣ десяти роговъ, по общему типу согласуется съ апокалипсическимъ Первымъ Звѣремъ. Эта миніатюра должна имѣть значеніе въ исторіи нашего Лицеваго Апокалипсиса, какъ дополненіе къ миніатюрамъ изъ пророка Даніила, присоединяемымъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ къ иллюстраціи апокалипсической, именно въ рукк. Зайцевскаго, Титова № 528, XVII в., МПМ. № 4, и въ Двинской 1636-1643 гг.

Л. 20 об.-21. *Отъ слова прежеченнаго Ипполита папы Римскаго.*

Л. 33. *Отъ слова Ипполитова.*

Сверхъ того, при статьѣ: *Описаніе книгъ сей глаголемый Кормчей* и проч., на л. 116-мъ помѣщена миніатюра съ изображеніемъ Вавилонской Любодѣицы, которая, сидя на Первомъ Звѣрѣ, подаетъ чашу стоящей около нея толпѣ людей.

Такъ какъ въ Апокалипсисѣ этой рукописи каждая миніатюра, соотвѣтствуя цѣлой главѣ по нынѣ принятому счету, должна содержать въ себѣ изображеніе нѣсколькихъ видѣній: то съ этою цѣлью бо́льшая часть миніатюръ писаны на длинныхъ полосахъ бумаги, приклеенныхъ къ листамъ рукописи, шириною въ ея форматъ, а длиною четверти въ двѣ и три, а одна, при гл. IX, даже въ цѣлый аршинъ съ вершкомъ; только пять миніатюръ въ величину формата рукописи, именно при глл. I, X, XV и XX, и одна тоже въ размѣрѣ рукописи, только сверху вершка на полтора надклеена, именно при гл. IV.

Миніатюры не предлагаютъ ничего заслуживающаго вниманія для апокалипсической иконографіи. Все въ нихъ ново, отъ ландшафтнаго натурализма въ изображеніи неба съ облаками, деревьевъ и полатнаго письма до костюмовъ и разныхъ по-

дробностей быта, въ примѣръ которыхъ можно указать на воиновъ, стрѣляющихъ изъ ружій, м. при гл. IX.

Западный способъ представленія господствуетъ до того, что Іоаннъ Богословъ постоянно изображается безъ бороды, въ типѣ юноши.

Впрочемъ, нѣкоторыя подробности въ объясненіе сказанному предлагаю въ слѣдующемъ перечнѣ сюжетовъ въ порядкѣ миніатюръ по главамъ Апокалипсиса.

I. I. X. въ крестномъ сіяніи стоитъ на облакахъ, съ свѣтильниками по сторонамъ; внизу палъ Іо.

II. Двое въ нѣмецкихъ костюмахъ побиваютъ стоящаго на колѣняхъ мученика Антипаса, который сложилъ на груди руки крестъ-на-крестъ. Направо темница, огороженная частоколомъ; въ ней люди; другіе туда же направляются; позади ихъ трое синихъ дьяволовъ съ толстыми ногами, будто въ панталонахъ.

III. Безъ миніатюры.

IV. Вверху Господь Богъ въ простомъ сіяніи сидитъ на престолѣ, окруженномъ облаками; вмѣсто ореола, радужный кругъ обвелъ Его только сверху по̀ поясъ. Внизу море стклянное и падшіе ницъ Старцы въ бѣлыхъ одеждахъ.

V. Вверху на облакахъ Господь Богъ, въ простомъ сіяніи, на престолѣ, вмѣсто ореола окруженъ по̀ поясъ сіяніемъ изъ красныхъ лучей; десницею благословляетъ, въ лѣвой рукѣ держитъ закрытую книгу съ семью печатями; къ ней прикасается передними ногами стоящій около на особомъ престолѣ Агнецъ. Внизу пали Старцы, въ монашескомъ костюмѣ. Направо еще старецъ стоитъ съ Іо.

VI. Три видѣнія; въ каждомъ въ облакахъ Агнецъ на престолѣ, по-западному съ знаменемъ, которое, впрочемъ, увѣнчано осмиконечнымъ крестомъ; около него книга, раскрытая, но съ печатями. Въ 1-мъ видѣніи внизу четыре апокалипсическіе Всадника; во 2-мъ только вверху подъ олтаремъ съ Агнцемъ помѣщены обнаженныя фигуры убіенныхъ за слово Божіе; въ 3-мъ изъ-подъ облаковъ летятъ на землю звѣзды. Внизу общій всѣмъ видѣніямъ ландшафтъ съ горами и деревьями.

VII. Вверху въ обоихъ углахъ миніатюры, направо и налѣво по два Вѣтра, но не въ видѣ обнаженныхъ фигуръ, а по-западному, только головы, съ исходящими изъ ихъ устъ луча-

ми дыханія. Подъ ними на облакахъ стоятъ по два ангела; посреди въ облакахъ же еще ангелъ, онъ летитъ. Внизу на землѣ двѣ группы людей; одни стоятъ, другіе пали на землю.

VIII. Четыре видѣнія. Въ 1-мъ вверху въ облакахъ престолъ, на которомъ Агнецъ, уже безъ знамени, передними ногами касается закрытой книги, опять запечатанной семью печатями; по сторонамъ стоятъ ангелы съ трубами; внизу подъ престоломъ стоитъ на колѣнахъ ангелъ, въ рукахъ держитъ чашу, въ которой положены какіе-то шары: онъ замѣняетъ ангела съ кадильницею и ѳиміамами. Остальныя три видѣнія означены тремя летящими въ воздухѣ ангелами, каждый съ трубою. Внизу въ общемъ имъ всѣмъ ландшафтѣ, вопервыхъ, дерева горятъ, вовторыхъ, въ морѣ корабли тонутъ, и втретьихъ, пала въ рѣку звѣзда Апсинѳосъ, а по берегу въ разныхъ мѣстахъ люди, которымъ суждено погибнуть отъ огорченной воды. Это три первые ангела съ трубами; Четвертый остался не изображеннымъ.

IX. Два видѣнія. Въ первомъ вверху трубитъ Пятый Ангелъ; внизу пала въ студенецъ звѣзда, а около Пруги, въ видѣ саранчи или кузнечиковъ съ человѣческими головами, терзаютъ людей; далѣе между деревьями идетъ Смерть съ косою, удаляясь отъ толпы людей. Затѣмъ слѣдуетъ другое видѣніе: Шестой Ангелъ трубитъ въ трубу, стоя на землѣ позади четырехъ ангеловъ у рѣки Евфрата, но уже не связанныхъ; надъ ними вверху въ облакахъ престолъ, отъ четырехъ угловъ котораго спускаются изъ-подъ облаковъ четыре рога, по стиху 13-му. Остальная часть этой длинной миніатюры занята битвою двухъ отрядовъ всадниковъ, скачущихъ на чудовищахъ: въ одномъ отрядѣ вооружены саблями, въ другомъ стрѣляютъ изъ ружей.

X. Облачный Ангелъ, по̀ поясъ въ туникѣ съ широкими рукавами, засученными выше локтя, отъ пояса облака, и за тѣмъ, вмѣсто столбовъ, красныя панталоны, изъ подъ которыхъ выступили голыя ноги; стоя лѣвой ногой на землѣ, а правою на морѣ, подаетъ Іоанну книгу, которую тотъ вкушаетъ съ одного угла.

XI. Два видѣнія. Сначала ангелъ съ тростію подводитъ Іоанна къ церкви, чтобы измѣрить ее: церковь новѣйшей архитектуры—безъ того двора, о которомъ сказано въ текстѣ. Потомъ

Антихристъ, въ шапкѣ колпакомъ, сидитъ на престолѣ; передъ нимъ воины убиваютъ копьями Еноха и Илію.

XII. На одномъ ландшафтѣ изъ разноцвѣтныхъ холмовъ съ кустами два момента въ видѣніи о св. Женѣ. Сначала она стоитъ на солнцѣ, въ облакахъ, вокругъ ея сіянія 12 звѣздъ, ладони сложила у груди, по-западному; безъ Младенца. Около нея стоитъ не Змій, а четвероногій Звѣрь, весь красный, о семи головахъ. Позади его падаютъ съ неба на землю звѣзды. Затѣмъ тотъ же Звѣрь стоитъ обращенный передомъ направо, и изливаетъ изъ своихъ пастей потокъ; надъ спускающимся потокомъ стоитъ св. Жена, но уже съ крыльями.

XIII. Въ ландшафтѣ съ горами, водами и деревьями, налѣво стоитъ Іо.; передъ нимъ на берегу моря стоитъ Первый Звѣрь, весь въ голубыхъ пятнахъ, о семи головахъ, безъ коронъ, но съ десятью рогами. Позади его, на берегу заводи, люди, одни стоятъ, другіе пали. На горѣ надъ Первымъ Звѣремъ стоитъ Звѣрь Второй въ видѣ барана.

XIV. Направо на Сіонской горѣ стоитъ Агнецъ, держитъ въ своей лапѣ развивающееся знамя, на древкѣ съ осмиконечнымъ крестомъ; вокругъ горы стоятъ люди. Налѣво у церкви стоитъ ангелъ. Среднюю часть миніатюры занимаетъ—вверху на престолѣ въ облакахъ Господь Богъ въ простомъ сіяніи съ серпомъ; далѣе летятъ два ангела; изъ нихъ одинъ съ раскрытою книгою. Внизу пали ницъ люди.

XV. Вверху въ облакахъ семь ангеловъ принимаютъ фіалы отъ Орла; внизу у воды стоитъ толпа людей.

XVI. Вверху летятъ поодиночкѣ шесть ангеловъ надъ общимъ имъ всѣмъ ландшафтомъ и изливаютъ свои фіалы. Первый Ангелъ льетъ на стоящихъ внизу людей, Второй—въ воду съ плавающими въ ней обнаженными людьми, Третій—просто въ пустую воду, Четвертый—на солнце, подъ которымъ внизу въ мученіи отъ огня терзаются толпящіеся люди; Пятый льетъ фіалъ на пустой престолъ, около котораго стоятъ люди, и наконецъ Шестой Ангелъ льетъ свой фіалъ опять на пустую воду.

XVII. Посреди сидитъ на красномъ семиглавомъ Звѣрѣ Вавилонская Любодѣица; налѣво у деревьевъ ангелъ указываетъ на нее Іоанну; направо, позади Звѣря толпа народу съ царями впереди.

XVIII. Вверху въ облакахъ летитъ ангелъ; внизу на широ-

комъ пространствѣ городъ Вавилонъ горитъ и падаетъ въ развалинахъ. Направо стоятъ люди.

XIX. Съ лѣвой стороны на правую, по облакамъ ѣдетъ на красномъ конѣ въ свѣтлолиловомъ одѣяніи Господь Богъ въ обыкновенномъ вѣнцѣ и въ простомъ сіяніи, въ рукѣ держитъ развивающееся знамя на древкѣ съ осмиконечнымъ крестомъ; отъ устъ Его исходитъ мечъ. Позади его скачетъ священное воинство, съ копьями, но безъ крыльевъ. Передъ ними красный Змій; на немъ стоитъ великанскаго размѣра архангелъ и поражаетъ его копьемъ. На правомъ концѣ миніатюры на горѣ, надъ водою, стоитъ Іо., внизу палъ Антихристъ съ обнаженною головою.

XX. Изъ облаковъ съ неба летитъ ангелъ, въ лѣвой рукѣ держитъ цѣпь, въ правой ключъ. Внизу на сатанѣ, въ типѣ синяго дьявола, стоитъ ангелъ, въ лѣвой рукѣ держитъ цѣпь, въ которую закованъ сатана, въ правой—молотокъ.

XXI. Направо на горѣ стоятъ Іо. и ангелъ. Затѣмъ вся миніатюра наполнена изображеніемъ Горняго Іерусалима, стоящаго на облакахъ. Это обыкновенный городъ въ стѣнахъ съ башнями, сплошь наполненъ домами и тоже башнями, на шпицахъ которыхъ водружены флюгера; но нѣтъ ни одной церкви съ крестами.

XXII. Безъ миніатюры.

XX

Краткія замѣчанія о менѣе значительныхъ иллюстраціяхъ по рукописямъ позднѣйшимъ, XVIII и XIX вв.

Изъ массы позднѣйшихъ копій, бывшихъ у меня подъ руками, я взялъ здѣсь на выдержку только десять такихъ, въ которыхъ при повтореніи извѣстныхъ уже переводовъ, и часто въ искаженномъ ихъ видѣ, встрѣчаются, однако, нѣкоторыя существенныя дополненія къ предложенному мною матеріалу для исторіи нашего Лицеваго Апокалипсиса.

Большая часть иллюстрацій, указанныхъ въ этой главѣ, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежатъ къ редакціи Чудовскаго Перевода, а именно: въ рукописяхъ СПБ. F, Отд. 1, № 528, 1808 г.; ПДА. № А$^{1}/_{9}$; Пинежскаго крестьянина Немирова; ОДП. № 100 инв., № 10; графа Уварова № 74, 1845 г., и ПДА. № А$^{1}/_{8}$, копія 1850 г. съ потеряннаго оригинала 1645 г. Сверхъ того, къ передѣлкѣ Филаретовско-Чудовской редакціи, разсмотрѣнной мною въ описаніи СПБ. № 229 и сходныхъ съ нимъ иллюстрацій, относится рук. Силина 1781 г. Наконецъ, редакціи сборныя оказались въ двухъ рукописяхъ МПМ., № 500 и № 13, и въ одной графа Уварова, № 129, которая, между прочимъ, сильно подверглась западному вліянію.

Въ дополненіе къ предложеннымъ здѣсь замѣткамъ указываю еще на двѣ рукописи XVIII в. въ МПМ., изъ которыхъ у меня приведены снимки, именно—№ 3, м. 53 [сн. 210] и изъ

м. 65 [сн. 211 а], и № 6, изъ м. 36 [сн. 213 г.]; обѣ относятся къ копіямъ Чудовскаго Перевода. Первая состоитъ въ сродствѣ съ описанными въ этой главѣ иллюстраціями въ рукописяхъ: Немирова, ОДП. № 100 инв., № 10 и ПДА. № $A^{1}/_{8}$, 1850 г., а другая замѣчательна внѣшнею отдѣлкою въ стилѣ гравировальныхъ штриховъ.

Рукопись гр. Уварова, № 129 [Царск. № 7] въ л., на 88 лл. съ 72 мм., XVIII в. Иллюстрація сборная, въ общемъ составѣ не подчиненная редакціи Чудовской, почему нѣтъ и характеристической симплегмы Гога съ Магогомъ при главахъ 47, 51 и 63. Ничего замѣчательнаго по апокалипсической иконографіи не представляетъ. Кромѣ Вѣтровъ нѣтъ никакихъ другихъ олицетвореній. Сильно подчинена вліянію Борхта 1582 г., чрезъ посредство Пискаторова изданія 1650 г., какъ это показано въ слѣдующемъ за симъ описаніи миніатюръ. Кажущуюся съ перваго взгляда оригинальность, дающую всей иллюстраціи одинъ общій характеръ, составляютъ подъемы горъ и утесовъ въ ихъ неестественныхъ, фантастическихъ выгибахъ.

Глава 16). Вверху въ небѣ, въ ореолѣ, на престолѣ Агнецъ, подъ нимъ на престолѣ же осмиконечный крестъ. Лѣвою лапою прикасается онъ къ книгѣ, запечатанной всѣми семью печатями, которая лежитъ на другомъ престолѣ. Внизу на желтомъ конѣ ѣдетъ зеленая смерть, не съ косою, а съ копьемъ въ рукѣ, которымъ она поражаетъ людей, лежащихъ подъ конемъ. У Борхта она съ трезубцемъ; по Пискат. грав. 5.

Гл. 21). Вверху на облакахъ стоитъ жертвенникъ; изъ-за него, ниже чѣмъ по̀ поясъ, поднимается I. X. въ обѣихъ рукахъ съ трубами, которыя онъ вручаетъ двоимъ изъ семи ангеловъ, стоящихъ по обѣ стороны жертвенника. Направо стоитъ еще ангелъ и кадитъ обыкновеннымъ кадиломъ на цѣпочкѣ. У Борхта то же, по Пискат. гр. 9. Но внизу въ русской передѣлкѣ прибавлены горы и стоящій Іо.

Гл. 26). Пруги изображены только въ видѣ насѣкомыхъ большаго размѣра, съ четырьмя ногами, съ хвостомъ, оканчивающимся жаломъ, съ двумя крыльями и въ коронѣ на головѣ. Всѣ они летаютъ. То же по Борхту; у Пискат. гр. 14.

Гл. 27). Олтарь о четырехъ рогахъ [сн. 214], по Борхту [сн. 275 в], у Пискат. гр. 15. Слич. въ моемъ юсов. Апок. XVI в. м. 33 [сн. 97 а].

Главы 33 и 34). Оба сюжета на одной миніатюрѣ. Вверху налѣво по облакамъ идетъ, весь обнаженный, Сынъ св. Жены въ отроческомъ возрастѣ, но идетъ безъ всякой цѣли, такъ какъ въ небѣ нѣтъ ни Господа Бога, ни даже ангела, который бы встрѣтилъ идущаго. Только по другую сторону направо группа ангеловъ, воинственно вооруженныхъ, кого-то изгоняютъ внизъ, но кого—не начертано. Внизу по землѣ налѣво, подъ отрокомъ, въ продолговатомъ ореолѣ, окруженномъ языками пламени, на серпѣ луны стоитъ св. Жена, сложивъ руки на груди, въ коронѣ, изъ-подъ которой спускаются ея длинные волосы. Противъ нея стоитъ Змій, въ видѣ четвероногаго чудовища о семи головахъ. Тотъ же самый сюжетъ во всѣхъ его подробностяхъ и у Борхта, по Пискат. гр. 17.

Гл. 39). Внизу на горѣ стоитъ Агнецъ, придерживая высоко поднимающійся надъ нимъ осмиконечный крестъ. Подъ горою толпа людей. Агнецъ съ крестомъ или со знаменемъ—составляетъ исконную принадлежность западной иконографіи.

Гл. 44). Винодѣліе вообще на западный манеръ. Одинъ ангелъ стоитъ въ точилѣ, въ видѣ широкаго чана; другой выпоражниваетъ въ чанъ что̀-то зеленое изъ ведра.

Гл. 54). Вавилонская Любодѣица, въ пьяномъ видѣ, валится назадъ съ Звѣря, на которомъ ѣдетъ, въ той же позѣ, какъ въ СПБ. рук. № 225, м. 52 [сн. 128] и въ Подносномъ экземплярѣ МДА. № 14, м. 55.

Гл. 63). Станъ Святыхъ, или Святой градъ, съ царемъ внутри его, какъ въ СПБ. рук. № 225, м. 61.

Гл. 64). Въ небѣ, въ ореолѣ, на престолѣ сидитъ Предвѣчный Судія. По обѣимъ сторонамъ ореола стоятъ обнаженные скелеты: подробность, чуждая нашей апокалипсической иконографіи, заимствована тоже у Борхта, черезъ Пискат. въ гр. 27.

Главы 65 и 67). Горній Іерусалимъ при обѣихъ этихъ главахъ начертанъ только чернилами, въ родѣ тѣхъ чертежей города въ стѣнахъ съ домами, улицами и площадями, какіе встрѣчаются въ западныхъ старопечатныхъ хроникахъ и космографіяхъ.

Рукопись И. Л. Силина въ л. 1781 года. Текстъ Апокалипсиса троетолковый. Миніатюръ 72 по числу главъ; каждая помѣщена передъ соотвѣтствующей ей главою.

Иллюстрація Чудовской редакціи, но съ тѣми измѣненіями, которыя приняты въ СПБ. Апокк. № 229 [съ текстомъ Кописстенскаго] и Q, Отд. I, № 64, и въ Апокк. архим. Амфилохія и Вахрамѣева, именно въ мм. при главахъ: 21, 30, 44, 47, 54, 57, 60 и 66, съ самыми незначительными варіантами въ переводахъ.

Любопытное отклоненіе отъ иллюстраціи этихъ четырехъ Апокк. предлагаетъ м. при гл. 63, именно въ архаичномъ стилѣ симплегмы Гога и Магога при осадѣ Песьими-Головами стана Святыхъ [сн. 213 в].

Заслуживаетъ также вниманіе при гл. 64 замѣна олицетворенной Земли съ двумя саркофагами—только однимъ саркофагомъ безъ женской фигуры. Съ своими мертвецами въ саванахъ онъ стоитъ на землѣ. Надъ нимъ надпись: *земля*.

Наконецъ, при гл. 37 о Второмъ Звѣрѣ замѣчателенъ самый типъ этого Звѣря съ двумя жезлами, изъ которыхъ у одного рукоять украшена стариннымъ орнаментомъ изъ двухъ змѣй [сн. 213 б].

Рукопись Московск. Публичнаго Музея, № 500, въ 4-ку, на 227 лл. съ 72 мм., конца XVIII или начала XIX в. Экземпляръ очень ветхій, съ подгнившими при корешкѣ листами и отъ него отставшими. Миніатюры помѣщены по позднѣйшему обычаю передъ каждой изъ главъ троетолковаго Апокалипсиса.

Иллюстрація сборная, хотя ничего существеннаго не предлагаетъ, но въ очень плохой, невзрачной копіи принадлежитъ къ самостоятельнымъ передѣлкамъ прежнихъ редакцій, какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ за симъ замѣчаній.

Иконографія позднѣйшая, уже безъ Еммануила. Полатное письмо новой архитектуры, съ четвероугольными окнами, напр. въ м. 38 [сн. 215], въ которой, сверхъ того, въ одно изъ оконъ виднѣется ландшафтъ. Къ деревяннымъ постройкамъ принад-

лежитъ темница, огороженная тыномъ, м. 4, какъ въ Апок. кн. Вяземскаго № 141, въ 4-ку, Петровск. времени, на оборотѣ л. 4-го. Кресты на церквахъ постоянно осмиконечные.

По подробностямъ при ангелахъ семи Церквей, ведущимъ свое начало еще отъ моего юсоваго Апок. XVI в., эта иллюстрація сходствуетъ съ принятою въ томъ же Апок. кн. Вяземскаго. А именно: въ м. 5 при Церкви Пергамской—лежащіе на одрѣ, въ моемъ юсов., м. 12,—при Ѳіатирской, какъ и у кн. Вяземск. въ м. 23; затѣмъ въ м. 7, а также и у кн. Вяземск. въ м. 28, при Церкви Сардійской, вверху помѣщено Отечество въ его обыкновенномъ составѣ, чему соотвѣтствуетъ въ моемъ юсов. Апок., м. 15 [сн. 78], при Церкви Лаодикійской объясненное въ своемъ мѣстѣ представленіе этого же сюжета въ формѣ архаической; которая, впрочемъ, исправлена по общепринятому подобію въ моей копіи 1705 г., м. 15 [сн. 186].

Сверхъ того, въ описываемой иллюстраціи при Церкви Филадельфійской на небѣ представленъ Горній Іерусалимъ позднѣйшей конструкціи, сходной съ принятою въ моемъ Апок. 1671 г., м. 56 [снн. 227 а, б], согласно съ гравюрами у Борхта и Пискатора.

То же самое представленіе этого полатнаго письма удержано въ этой иллюстраціи и въ мм. 65 и 67.

Наконецъ, слѣдъ вліянія той же редакціи моего юсоваго Апок. XVI в. надобно видѣть въ представленіи Ангела Воднаго, который въ водѣ сидитъ верхомъ на морскомъ чудовищѣ, въ видѣ рыбы, м. 48; въ моемъ юсовомъ—онъ сидитъ на черепахѣ, м. 54.

Архаическое же преданіе, но изъ другаго источника, удержано въ представленіи Перваго Звѣря, въ м. 42, при XIV, 9-13. Онъ стоитъ на подножіи престола, о семи головахъ, но одѣтъ въ подиръ, какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи—въ тунику, м. 38 [сн. 18].

Но вообще господствуютъ формы подновленныя, тронутыя западнымъ вліяніемъ. Напримѣръ.

Св. Жена, преслѣдуемая Зміемъ, стоитъ не въ солнцѣ, а въ продолговатомъ ореолѣ, составленномъ изъ солнечныхъ лучей, ноги постановила на серпъ луны. Она, по тексту, безъ крыльевъ; въ коронѣ и въ сіяніи, вокругъ котораго 12 звѣздъ; руки распростерла молитвенно, на груди у ней Младенецъ въ щитѣ.

Вверху онъ же идетъ по облакамъ, сопровождаемый ангеломъ, направляясь къ Іисусу Христу, сидящему на престолѣ. М. 33, при XI, 19. XII, 1-6.

Св. Агнецъ стоитъ на Сіонской горѣ, съ натуральнымъ числомъ очей и роговъ, безъ сіянія и не въ щитѣ или ореолѣ. У подошвы горы стоятъ кругомъ молящіеся, но передніе изъ нихъ обращены не къ зрителю по-западному, а назадъ къ Агнцу въ полуповоротѣ. М. 39, при XIV, 1-5.

Вверху Іисусъ Христосъ въ той и другой рукѣ держитъ по серпу. Внизу три ангела. Одинъ направо жнетъ пшеницу, другой налѣво срѣзываетъ виноградъ, а надъ этимъ—третій высыпаетъ виноградъ въ точило. М. 44, при XIV, 17-20.

Станъ Святыхъ осаждаютъ не Гогъ и Магогъ съ своимъ Песье-Головымъ ополченіемъ, а обыкновенная конная рать; м. 63, при XX, 7-10.

Исключительную принадлежность описываемой иллюстраціи составляетъ лицевое толкованіе, по раскольничьему измышленію, къ главѣ 38-ой по толковому счету, или по простому XIII, 18. Вмѣсто Втораго Звѣря, или Агнца Неправеднаго, стоящаго обыкновенно на открытомъ мѣстѣ, представлено внутри церкви четвероногое чудовище о семи головахъ и съ крыльями нетопыря, т. е. какъ бы Первый Звѣрь. Свои переднія лапы запустило оно въ потиръ, стоящій на престолѣ, м. 38 [сн. 215].

Рукопись Московскаго Публичнаго Музея № 13 въ 16-ю долю листа, конца XVIII в. или начала XIX. Предполагалось миніатюры, въ числѣ 91-ой, снабдить текстомъ, для котораго между каждой изъ нихъ помѣщено по нѣскольку листиковъ, но они такъ и остались незаписанными, и только со 2-го листа по 9-ый помѣщено начало Откровенія. Всего съ бѣлыми листами въ рукописи 258 лл.

Миніатюры начертаны тонкимъ абрисомъ, довольно тщательно, какъ въ полатномъ письмѣ новѣйшей архитектуры, такъ въ изображеніи животныхъ, апокалипсическихъ чудовищъ и утвари; менѣе удачно писаны фигуры человѣческія, длинныя и съ невзрачными лицами, съ которыми по ихъ миніатюрности мастеръ не умѣлъ сладить.

Божественные типы не окружены уже ореолами, а помѣщаются въ облакахъ. Еммануила нѣтъ. Сіяніе Господа Саваоѳа изъ угловатаго, съ двумя положенными на-крестъ квадратами, перешло въ позднѣйшій чертежъ изъ двухъ треугольниковъ, которымъ и въ настоящее время иконописцы замѣняютъ сказанное древнее сіяніе. Св. Агнецъ съ натуральнымъ числомъ роговъ и очей. Кресты осмиконечные.

Очень малый форматъ рукописи не давалъ мѣста миніатюристу для подробнаго представленія апокалипсическихъ видѣній, и потому онъ ограничивался немногими фигурами, сокращая, сколько возможно, изображаемые сюжеты. Въ этомъ отношеніи описываемая иллюстрація принадлежитъ къ одному разряду съ принятыми въ рукописяхъ кн. Вяземскаго № 141 и Дюмушеля, а также и въ Тихонравовской въ 8-у; всѣ три Петровскаго времени.

Въ примѣръ сокращенія сюжетовъ указываю на м. 62, въ которой текстъ гл. 44-ой, по толковому счету, или XIV, 17-20, по простому, иллюстрированъ только однимъ точиломъ съ конями, безъ всякаго намека на срѣзываніе вѣтвей.

Безсодержательность сюжетовъ, за отсутствіемъ характеристическихъ примѣтъ, не даетъ достаточныхъ данныхъ для опредѣленія разныхъ вліяній, при коихъ могла возникнуть эта сборная иллюстрація. Впрочемъ, извѣстная симплегма Гога съ Магогомъ, помѣщенная въ мм. 67 и 87, даетъ разумѣть, что мастеръ пользовался и Чудовскою редакціею.

Впрочемъ, при всей незначительности, и эта рукопись предлагаетъ нѣкоторыя данныя для исторіи нашего Лицеваго Апокалипсиса. А именно.

Въ м. 1-ой изображена очень тщательно въ иконописномъ стилѣ архаическая ἑτοιμασία.

М. 41-я, при гл. 30-ой, по толковому счету, или при XI, 3-10, по простому, предлагаетъ существенное дополненіе къ замѣчательному по символикѣ представленію вознесенія на небо Еноха и Иліи во чревѣ облака, принявшаго форму чудовища, въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 31 [сн. 14]. Чтобы очутиться имъ обоимъ во чревѣ Звѣря, надобно, чтобы онъ ихъ проглотилъ. Именно это самое и находимъ въ названной миніатюрѣ. Звѣрь въ свою широкую пасть за одинъ разъ поглощаетъ обоихъ пророковъ, которые торчатъ изъ нея своими головами по грудь.

Рукопись С.-Петербургской Публичной Библіотеки, F, Отд. I, № 528, въ л., 1808 года *, на синей бумагѣ, 328 лл. съ 73 мм.

Иллюстрація редакціи Чудовской, скопированная съ переводовъ лицеваго экземпляра въ л., съ воспроизведеніемъ заставокъ при каждой главѣ Апокалипсиса, а также и рамокъ, съ общепринятою въ дюжинныхъ лицевыхъ копіяхъ орнаментаціею, лучшій образецъ которыхъ изъ всѣхъ, мнѣ извѣстныхъ, представляетъ Хлудовскій Апок. 1708 г. № 358 въ л.

Миніатюры, по новому обычаю, помѣщены передъ соотвѣтствующими имъ главами, а не за ними. Однако счетомъ миніатюръ не 72, а 73, по слѣдующей причинѣ. Вопервыхъ, при гл. 55, вмѣсто одной м., въ которой изображается вмѣстѣ три эпизода одного и того же сюжета: Вавилонъ—жилище бѣсовъ и нечистыхъ птицъ, потомъ праведные люди выходятъ изъ Вавилона, и наконецъ ангелъ бросаетъ въ море камень великъ, яко жерновъ,—въ № 528 для каждаго изъ этихъ эпизодовъ по миніатюрѣ, что̀ составило бы въ общей суммѣ 74 мм.; вовторыхъ, при гл. 34, о сверженіи съ неба демоновъ съ Великимъ Зміемъ, миніатюра пропущена: почему и оказалось 73 мм. Нѣкоторыя изъ нихъ на задней сторонѣ занумерованы славянскими цыфрами, при которыхъ кое-гдѣ позднѣйшей рукою приписано слово *лицо*, которымъ названа миніатюра; напр. *лицо 37*, *лицо 44*, т. е. миніатюра 37, 44.

Изъ особенностей, внесенныхъ въ этой рукописи въ редакцію Чудовскую, заслуживаетъ вниманія изображеніе св. Жены.

При гл. 33-ей, м. 33, она съ крыльями, стоитъ на желтой лунѣ, солнце же писано не во всю величину св. Жены, но въ маломъ размѣрѣ окружаетъ своимъ краснымъ дискомъ только ея голову въ вѣнцѣ съ желтымъ сіяніемъ. Но главную характеристику этого изображенія составляетъ младенецъ. Св. Жена держитъ въ рукахъ не его, а продолговатый щитъ у себя на груди, и уже въ этомъ щитѣ помѣщенъ ея Сынъ въ крестномъ сіяніи, съ надписью по сторонамъ: *IC—XC*.

Что же касается до этой же св. Жены въ м. 34, при гл. 35, то она писана по другому переводу, и именно по редакціи, принятой въ СПБ. Апок. Q, Отд. I, № 441, въ 4-у, XVIII, м.

* На корешкѣ переплета этой рук. ошибкою означенъ 1809 годъ. Въ концѣ рукописи годъ отъ сотворенія міра названъ 7316.

23 [копія краск. 23]; т. е. луна помѣщена на дискѣ солнца, а Жена стоитъ на лунѣ на колѣняхъ. Сверхъ того, по обѣимъ сторонамъ св. Жены глядятъ колоссальные глаза солнца, по диску котораго она писана: оригинальный мотивъ, замѣченный мною въ Апок. гр. Уварова № 58, половины XVII в., м. 29 [сн. 146] и въ нѣкоторыхъ другихъ.

Рукопись С.-Петербургской Духовной Академіи № А$^{1}/_{9}$ [по дополн. каталогу], въ л., на 219 лл. съ 71 мм., новаго письма уставомъ. Въ концѣ, на л. 219, въ лѣтописи писца читается: «занеже рука берна писа и перстна, и съ рукописнаго перевода, и много также неисправнаго, а не печатнаго художества». Въ началѣ, за посланіемъ Андрея Кессарійскаго и оглавленіемъ, помѣщено извѣстное «Сказаніе Ипполита папы Римскаго».

Миніатюры въ довольно тщательныхъ очеркахъ раскрашены акварелью съ золотомъ; редакціи Чудовской. Изъ болѣе видныхъ отклоненій заслуживаютъ слѣдующія.

16) Смерть сидитъ задомъ напередъ на зеленомъ конѣ, не скелетъ, а въ видѣ обыкновеннаго обнаженнаго человѣка, дикаго цвѣта. Въ рукахъ держитъ оружіе на подобіе нѣсколько изогнутаго длиннаго рога, изъ узкаго конца котораго она стрѣляетъ назадъ. Слич. въ Подносн. экземплярѣ МДА. № 14, м. 17 [сн. 175 а].

26) Внизу у самаго Студенца Бездны стоитъ передъ толпою людей та же Смерть, свѣтлозеленаго цвѣта, въ одной рукѣ держитъ косу, въ другой серпъ. Аввадона нѣтъ.

67) Въ Горнемъ Іерусалимѣ между многими фигурами сидитъ св. Невѣста за столомъ, на которомъ стоитъ Агнецъ. Надъ нею въ ореолѣ І. Х., благословляетъ обѣими руками.

Рукопись крестьянина И. Я. Немирова [Пинежскаго уѣзда, Архангельской губерніи], въ л., на 337 лл., съ 72 мм., XVIII или XIX в.

Съ особеннымъ стараніемъ приведенъ въ этой рукописи текстъ съ толкованіемъ въ двухъ составныхъ частяхъ. Вопервыхъ, довольно тщательно переписана копія съ Кіевскаго изданія Копистенскаго 1625 г., съ тѣмъ же отличіемъ текста отъ толкованія посредствомъ мелкаго и крупнаго шрифта и съ тѣми же названіями—текста словомъ *лежащее*, а толкованія—*сказаніе*. Вовторыхъ, почти въ каждомъ стихѣ Откровенія послѣ толкованія Копистенскаго вставлены тѣ другія толкованія, которыми въ Троетолковомъ Апокалипсисѣ обыкновенно сопровождается общепринятое въ нашихъ рукописныхъ Апокк. сокращенное толкованіе. Въ этихъ вставкахъ терминъ *сказаніе* замѣняется употребляемыми въ Троетолковыхъ Апокалипсисахъ: *инаго толкъ*, или *толкованіе*, и *еще инаго толкъ*, или *толкованіе*.

Писецъ умѣлъ писать погречески, и довольно правильно переписывалъ изъ Кіевскаго изданія 1625 г. греческія цитаты и глоссы, напр. въ 9-ой гл. по толковому счету, по нынѣ принятому въ гл. III, при стихѣ 14-мъ, въ толкованіи: ἡ προκατάρχτιχὴ αἰτία καὶ ἄχτιϛος [вм. ἄχτιστος], и тутъ же при словѣ *началство*, въ глоссѣ: ἀρχὴ.

Такимъ образомъ, эта рукопись относится къ Троетолковымъ Апокк., но отличается отъ прочихъ тѣмъ, что краткое и довольно испорченное старинное толкованіе, то-есть, первое, замѣнено отличнымъ переводомъ по изданію Копистенскаго.

Такъ же тщательно и довольно изящно составлена и иллюстрація, въ тонкихъ очеркахъ, раскрашенныхъ легкою акварелью, съ соблюденіемъ переливовъ въ колоритѣ; сіянія, главы церквей, утварь и нѣкоторыя другія подробности покрыты золотомъ.

Миніатюры писаны на отдѣльныхъ листахъ отъ текста, и размѣщены уже по новой системѣ на поздній западный манеръ, т. е. каждая не послѣ, а передъ соотвѣтствующей ей главою Толковаго Апок.

Хотя передъ первой главой вовсе нѣтъ миніатюры, однако по числу главъ ихъ оказалось 72, потому что недочетъ былъ восполненъ на л. 182-мъ, въ которомъ на обѣихъ сторонахъ помѣщено по миніатюрѣ, именно мм. 35 и 36, тогда какъ всѣ прочія занимаютъ собою только одну сторону листа, оставляя другую пустою.

Редакція рисунковъ Чудовская съ нѣкоторыми измѣненіями и подновленіями въ переводахъ. Впрочемъ, есть миніатюры другихъ редакцій, но ихъ такъ немного, что иллюстрацію эту нельзя назвать сборною.

Симплегма Гога и Магога по редакціи Чудовской встрѣчается только одинъ разъ въ м. 51, XVI, 12-16. Винодѣлія и винограда тоже нѣтъ, м. 44, XIV, 17-20, только ангелъ не жнетъ, а держитъ въ рукѣ горсть сжатой пшеницы.

Такъ какъ только съ м. 36-ой въ этой иллюстраціи догнанъ настоящій счетъ миніатюръ, то до этой 36-ой м. сравнительно съ Чудовскою редакціею описываемый лицевой Апок. отстаетъ на одну цыфру, т. е. 1-я м. соотвѣтствуетъ въ Чудовской—миніатюрѣ 2-ой и такъ далѣе до 35-ой.

Сказанный л. 182 съ двумя миніатюрами по обѣ его стороны, противъ общепринятой системы, не оставляетъ сомнѣнія въ рѣшительной зависимости описываемой иллюстраціи отъ Чудовскаго Перевода. Мастеру надобно было воспользоваться сюжетомъ 36-ой м. этого перевода такъ, чтобы его хватило на двѣ миніатюры. Для этого онъ въ м. 35 начертилъ его вполнѣ, т. е. вверху Первый Звѣрь выходитъ изъ воды на берегъ, а внизу онъ сидитъ на престолѣ, получивъ отъ Змія жезлъ власти, XIII, 1-10; въ слѣдующей же миніатюрѣ, 36-ой, онъ повторилъ только фигуру Перваго Звѣря на престолѣ съ жезломъ, безъ Змія, давъ этому изображенію большой размѣръ во весь почти листъ.

Въ измѣненіи переводовъ Филаретовско-Чудовской редакціи замѣчается нѣкоторое развитіе иконописнаго дѣла. Вмѣстѣ съ подновленіями и часто въ однихъ и тѣхъ же типахъ явствуетъ выдержанность системы, усвоенной изъ установившейся нормы Иконописнаго Подлинника. Такъ иллюстрація эта уже вовсе не знаетъ Еммануила, замѣняя его типомъ Іисуса Христа съ бородою, въ эпизодахъ о семи Церквахъ, мм. 2-8, но постоянно даетъ ему сіяніе крестное. Господу Саваоѳу дано сіяніе угловатое на древній манеръ, т. е. наложены другъ на друга концами наружу два квадрата, зеленый на красномъ, мм. 9, 10 и 13; сверхъ того, Его типъ отмѣченъ характеристическою примѣтою вихра на темени, мм. 9 и 13; въ м. 10-й Онъ въ коронѣ.

Иногда при Господѣ Саваоѳѣ, возсѣдающемъ на престолѣ или съ Христомъ-Младенцемъ на рукахъ, или съ Агнцемъ

около, прибавляется Духъ Святой въ видѣ голубя въ щитѣ, напр. мм. 10, 19, 20, V, 1-5; VII, 9-17; VIII. 1-6.

Рядомъ съ этимъ есть существенныя отклоненія отъ преданія, а также и вовсе непозволительные промахи.

Такъ, хотя каждое изъ символическихъ животныхъ въ видѣніи о четырехъ Всадникахъ, мм. 12-15, на основаніи Писанія помѣщено при своемъ Всаднике, VI, 1-8, но эти символы не въ ореолахъ, а просто парятъ въ воздухѣ, только съ сіяніемъ вокругъ головы.

Хотя Господь Саваоѳъ, въ мм. 9, 10 и 11, держитъ закрытую книгу съ печатями, но въ только что упомянутомъ видѣніи четырехъ Всадниковъ, Агнецъ, помѣщенный налѣво вверху, имѣетъ уже книгу открытую и безъ печатей, тогда какъ по преданію апокалипсической иконографіи до отрѣшенія послѣдней печати книга должна оставаться закрытою, и притомъ счетъ отрѣшаемыхъ печатей съ наивною внимательностью наблюдается, какъ это показано въ другихъ мѣстахъ.

Къ крупнымъ же промахамъ принадлежитъ снабженіе св. Жены крыльями въ первый моментъ ея появленія передъ Зміемъ, м. 32, XI, 19; XII, 1-6, тогда какъ она получаетъ ихъ уже въ послѣдствіи, чтобы спастись отъ Змія въ пустыню, что̀ также строго наблюдается въ хорошихъ старыхъ редакціяхъ, равно какъ и въ Филаретовско-Чудовской.

Иногда мастеръ не понималъ, что̀ писалъ, и видимо искажалъ смыслъ рисунка. Такъ въ м. 23, VIII, 10-11, онъ сдѣлалъ въ Филаретовско-Чудовской редакціи нѣкоторыя измѣненія въ переводѣ, и между прочимъ далъ въ руки людей серпы, которыми они прикасаются къ огорченной водѣ [сн. 238 з]. Безсмыслица этой подробности объясняется тѣмъ, что мастеръ видѣлъ въ какомъ нибудь оригиналѣ черпающихъ воду ковшемъ, какъ напр. въ моемъ юсовомъ Апок. м. 30 [сн. 80], и выгибъ ковша съ ручкою принялъ за серпъ.

Теперь сдѣлаю краткое обозрѣніе миніатюръ, вообще отклоняющихся болѣе или менѣе отъ редакціи Филаретовско-Чудовской.

Въ м. 15 Смерть поражаетъ Адъ не ружьемъ, а рогатиною.

Начиная съ м. 21-ой, трубы, въ которыя ангелы трубятъ, громаднаго размѣра.

Въ м. 24, VIII, 12-13, другой ангелъ, при трубящемъ, уже

не посреди неба, какъ предписано текстомъ, а направо къ сторонѣ луны.

Въ м. 25, IX, 1-12, только Пруги въ ихъ традиціонномъ типѣ, но нѣтъ змѣй, которыя терзаютъ людей.

Въ м. 26, IX, 13-21, на стѣнѣ стоятъ три желтые идола, обнаженные, какъ въ Апок. ОДП. XVIII в., № 100 инв., № 10, м. 27.

Въ м. 30, XI, 11-14, внизу въ правомъ углу стоитъ Антихристъ съ дьяволами позади, а въ лѣвомъ изъ черной ямы по чресла видны усопшіе Енохъ и Илія въ сіяніяхъ, а среднее пространство между ими и Антихристомъ занято черным отверстіемъ пещеры, въ которой стоятъ двое въ боярскихъ шубахъ, съ обнаженными головами, безъ сіяній; одинъ изъ нихъ подаетъ другому чашу, въ видѣ вазы или широкаго потира. Вверху оба пророка поднимаются въ облакѣ къ Господу Савао҃у.

Въ м. 31, XI, 15-18, въ лѣвомъ углу внизу прибавлена группа воскресшихъ мертвецовъ въ бѣлыхъ саванахъ и кукуляхъ, по черному фону разверзшейся земли. Согласно тексту: «и время мертвымъ судъ пріяти».

Въ м. 34, XII, 13-17, пустыня, въ которой спасается св. Жена отъ Змія, изображена на кругломъ щитѣ, по которому писаны деревья, по обѣ стороны св. Жены, какъ въ Апок. Барсова, № 113, м. 35 [сн. 192 в]. Это по древнему преданію, въ видахъ охраненія ея стилизованною формою отъ преслѣдованія; слич. въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 36 [сн. 17].

Въ м. 40, XIV, 6-7, вмѣсто царя, окруженнаго толпою, внизу двѣ группы преклоняющихся къ землѣ; около стоитъ Іоаннъ, поднимая руку къ парящему ангелу.

М. 47, XVI, 3, безъ симплегмы Гога и Магога, принятой въ Чудовскомъ Переводѣ.

Въ м. 54, XVII, 6-18, вмѣсто пьяной женщины въ простомъ одѣяніи, стоящей около Вавилонской Любодѣицы, ѣдущей на Звѣрѣ, изображена еще другой разъ та же Любодѣица, но она уже свалилась съ Звѣря и пьетъ изъ сосуда. Потому и Звѣрь изображенъ дважды, и оба раза на морѣ: сначала съ сидящей на немъ Любодѣицей онъ въ видѣ чудовища съ головами по обѣ стороны, спереди четыре головы, а сзади три; потомъ налѣво тоже въ морѣ изъ-за берега виденъ онъ только на по-

ловину съ тремя головами, у которыхъ спотыкаясь пьетъ Любодѣица. Этотъ любопытный и, вѣроятно, старый переводъ встрѣчается и въ другихъ новѣйшихъ копіяхъ, напр. въ МПМ. № 3, м. 53 [сн. 210], въ ПДА. № А$^{1}/_{8}$, м. 10.

Въ м. 58, XIX, 11-16, внизу «точило вина ярости и гнѣва Божія», въ видѣ четвероугольнаго ящика, въ которомъ по грудь лежатъ человѣческія фигуры. Сверху ихъ поражаетъ разщепленный на трое красный лучъ, исходящій изъ устъ ѣдущаго на конѣ Іисуса Христа. Слич. въ поздней копіи ОДП. № 100 инв., № 10, м. 58, согласно древнимъ редакціямъ въ моемъ юсов. Апок. м. 64 [сн. 97 е] и въ Барсовск. № 113, м. 58 [сн. 192 г].

М. 63, XX, 7-10, опять безъ симплегмы Гога и Магога.

Въ м. 66, XXI, 5-8, внизу вмѣсто группъ грѣшниковъ, которыхъ влекутъ дьяволы въ адъ, изображена только одна фигура обнаженной женщины, которую гонитъ въ адъ же престарѣлый святитель въ сіяніи. Эта фигура вся темная; только длинные волосы, по обоимъ плечамъ падающіе, и красивое лицо указываютъ на ея женскій полъ; но какъ дьяволъ, она съ обычнымъ дьяволамъ дыбомъ на головѣ и съ хвостомъ; сверхъ того, у нея по человѣчьей головѣ на обѣихъ колѣнкахъ, а также и между ногъ подъ животомъ. Тотъ же сюжетъ принятъ въ Апок. МПМ. № 3, XVIII в., м. 65 [сн. 211 а].

Рукопись Общества Любителей Древней Письменности, № 100 инв., № 10, въ л. на 312 лл., съ 72 мм., XIX в.

Очень красивая рукопись новѣйшей работы. Рисунокъ довольно тщательный; въ раскраскѣ акварель соединена съ гвашью и золотыми бликами. Къ однотолковому тексту кое-гдѣ приложенъ и «инъ толкъ», какъ принято въ позднѣйшихъ копіяхъ. Каждая изъ 72-хъ мм. полагается по новой системѣ передъ соотвѣтствующею ей главою. По недосмотру переплетчика двѣ миніатюры помѣнялись своими мѣстами, именно 8 и 50.

Эта иллюстрація хотя ведетъ свое начало отъ Филаретовско-Чудовской редакціи, но уже значительно осложнилась позднѣйшими наносами и получила сборный характеръ. Относится

къ рязряду копій Филаретовскому, а не Чудовскому, потому что при главахъ 47, 51 и 63 не усвоила себѣ извѣстной симплегмы Гога и Магога.

Типъ Еммануила уже отсутствуетъ; угловатое сіяніе Господа Саваоѳа уже потеряло свой первоначальный смыслъ наложенныхъ другъ на друга двухъ квадратовъ, и имѣетъ видъ заостренныхъ клиньевъ; но въ волосахъ Саваоѳа принята примѣта ветхозавѣтныхъ праотцевъ и пророковъ, состоящая въ вихрѣ на темени, напр. въ мм. 11 и 12.

1-я миніатюра, передъ 1-ю главою, содержитъ въ себѣ сюжетъ, не допускаемый въ раннихъ редакціяхъ, а потому чуждый и Филаретовско-Чудовской. Это наверху въ вычурномъ ореолѣ, на манеръ рамы съ орнаментами въ стилѣ рококо, изображено Отечество: на одномъ престолѣ сидятъ Господь Саваоѳъ и Іисусъ Христосъ, между ними шаръ съ водруженнымъ на немъ осмиконечнымъ крестомъ, съ водруженными же по сторонамъ копьями; надъ крестомъ отдѣленъ орнаментною рамою Духъ Святой въ видѣ голубя, который, по древнему обычаю, стоитъ на лапахъ. По сторонамъ Отечества, внѣ рамы, на облакахъ стоятъ Божія Матерь и Іоаннъ Предтеча, волосы котораго отмѣчены типическимъ вихромъ. Изъ-подъ облаковъ слетаетъ ангелъ съ закрытою книгою. Внизу на зеленомъ лугу стоитъ Іоаннъ. Позади его полатное письмо: городъ, изъ воротъ котораго клубящимися струями льется потокъ.

Хотя каждое изъ четырехъ животныхъ помѣщено при своемъ Всадникѣ, согласно толкованію, но они уже не въ ореолахъ, а просто летятъ въ воздухѣ, мм. 13-16, VI, 1-8.

Есть явныя ошибки по невнимательности къ Писанію и по недомыслію. Именно:

Въ мм. 11 и 12, V, 1-14, Господь Саваоѳъ держитъ книгу закрытую, но безъ печатей.

Въ м. 12-ой же, V, 6-14, вмѣсто вѣнцовъ, подъ престоломъ лежатъ какія-то пирамидальной формы фигуры, съ красными и зелеными сторонами: это, надо полагать, въ искаженномъ видѣ гусли, которыя здѣсь должны быть, но ихъ нѣтъ.

Въ мм. 28 и 29 на Облачномъ Ангелѣ надѣты панталоны, красныя съ золотыми орнаментами мелкой листвы, будто на ткани.

Въ м. 38, XIII, 18, противъ Писанія прибавленъ какой-то

звѣрокъ, исходящій изъ пасти Втораго Звѣря, стоящаго противъ Перваго Звѣря, а между ними по черной пропасти летитъ внизъ бѣлая птица къ помазуемымъ отъ дьявола грѣшникамъ, точно будто кощунствующая пародія на позднѣйшее изображеніе стремительно летящаго Духа Святаго, вошедшее къ намъ съ запада.

Въ м. 48, XVI, 4-7, Третій Ангелъ изливаетъ свой фіалъ не на рѣки, которыхъ здѣсь вовсе нѣтъ, а на обширный ландшафтъ съ холмами и полатнымъ письмомъ; потому и Водный Ангелъ помѣщенъ не въ водѣ, а на верхнемъ подъемѣ холмистой мѣстности у городской стѣны.

Въ м. 57, XIX, 7-10, Невѣста Агнчія помѣщена не въ горнемъ селеніи, какъ принято въ редакціи Филаретовско-Чудовской, или не отдѣлена въ особомъ помѣщеніи, какъ это наблюдено въ другихъ раннихъ редакціяхъ, а сидитъ на престолѣ на открытомъ мѣстѣ, а подъ нею преклоняющійся Іоаннъ и ангелъ, какъ въ моемъ Апок. 1671 г., м. 50 [сн. 164].

Изъ наиболѣе замѣтныхъ примѣтъ, которыми отличается эта иллюстрація отъ редакціи Филаретовско-Чудовской, укажу слѣдующія.

Въ м. 16, VI, 7-8, Смерть вооружена не ружьемъ, а дубиною съ завостреннымъ концомъ.

Въ м. 26, IX, 1-12, людей терзаютъ не змѣи, а сами Пруги, въ ихъ обычномъ древнемъ типѣ; направо стоитъ Царь Бездны, въ царскомъ одѣяніи и коронѣ, съ крыльями; слич. въ Подносномъ экземплярѣ МДА. № 14, м. 27 [сн. 175 б].

Въ м. 27, IX, 13-21, на городской стѣнѣ помѣщены три желтыхъ, т. е. золотыхъ, идола, обнаженные, въ коронахъ.

Въ м. 33, XI, 19; XII, 1-6, по обѣимъ сторонамъ св. Жены, стоящей на красномъ солнцѣ, виднѣются колоссальные глаза его лица, какъ въ Уваровск. Апок. № 58, м. 29 [сн. 146], въ моемъ 1671 г., м. 29, въ Тихонр. 1731-1736 г., м. 41.

Въ м. 39, XIV, 1-5, подъ Господомъ Саваоѳомъ въ вычурномъ ореолѣ, съ орнаментами, какъ на старинныхъ рамахъ и зеркалахъ, внизу на Сіонской горѣ, какъ въ моемъ юсовомъ Апок. м. 45, въ кругломъ щитѣ,—стоитъ Агнецъ, съ натуральнымъ числомъ очей, но безъ роговъ; по сторонамъ его люди, но кромѣ того, чего нѣтъ въ моемъ юсов. Апок., впереди подъ горою стоятъ еще люди, на западный манеръ, отвернувшись

отъ Агнца, лицомъ къ зрителямъ; слич. въ юсов. Солов. Апок., м. 38, въ Тихонр. № 5, м. 51, въ Барсов. № 113, м. 39.

Въ м. 42, XIV, 9-13, внизу въ рамѣ, съ завостренною аркою, изображена икона Звѣриная, какъ въ Барсовск. Апок., мм. 37, 42 [сн. 190]; слич. въ Тихонр. № 5, м. 50 [сн. 157], въ обоихъ Апокк. многолицевой редакціи по рукк. Дюмушеля, мм. 117, 129 [сн. 232] и кн. Вяземскаго № 141, мм. 142, 155.

Въ м. 44, XIV, 17-20, вверху на облакахъ два храма по обѣимъ сторонамъ, соединенные между собою террасою, которая на новый манеръ огорожена садовою рѣшеткою. Внизу искаженное изображеніе непонятаго винодѣлія при крайнемъ невниманіи къ тексту. Именно: налѣво на пригоркѣ стоятъ Іоаннъ и ангелъ между зелеными кустами, на которыхъ изображено нѣкоторое подобіе виноградныхъ гроздій; рядомъ подъ пригоркомъ четвероугольное точило, но въ видѣ Вавилонской пещи, или просто зданія безъ крыши, съ окнами и дверьми: въ этомъ зданіи, какъ въ коробѣ, стоитъ ангелъ; у короба стоитъ другой ангелъ на землѣ. Потока, который долженъ изливаться изъ точила, нѣтъ вовсе; потому не извѣстно, для чего въ лѣвомъ углу скачутъ на коняхъ всадники по гладкому полю, нисколько не угрожаемые наводненіемъ кроваваго потока.

Въ м. 58, XIX, 11-16, Іисусъ Христосъ, ѣдущій на конѣ по облакамъ во главѣ ангельскаго воинства, изъ устъ своихъ испускаетъ длинное копье, которое касается внутренности «точила вина ярости и гнѣва Божія». Точило изображено въ видѣ шестиугольнаго кладязя. По сторонамъ копья въ него падаютъ остреемъ еще два меча. Слич. подобное же точило въ моемъ юсов. Апок., м. 64 [сн. 97 е], въ Барсовск. № 113, м. 58 [сн. 192 г] и въ поздней копіи крестьянина Немирова, м. 58.

Въ м. 59, XIX, 17-21, надъ Іисусомъ Христомъ, ѣдущемъ по облакамъ на конѣ, изображенъ въ воздухѣ жертвенникъ съ находящимися на немъ Евангеліемъ, потиромъ и крестомъ.

Въ м. 60, XX, 1-3, ангелъ связываетъ четвероногаго Звѣря, семиглаваго и безкрылаго, не цѣпью, а ремнемъ, какъ въ моемъ Апок. ранней редакціи, м. 67, и въ нѣкоторыхъ другихъ старыхъ редакціяхъ.

Въ м. 64, XX, 11-15, въ воскресеніи изъ мертвыхъ нѣтъ ни олицетвореній Земли и Моря, ни Ада, несущаго саркофагъ съ людьми; вмѣсто того изображено настоящее море, въ кото-

ромъ животныя извергаютъ изъ себя части человѣческаго тѣла и цѣлыхъ людей, а направо вылѣзаютъ люди изъ адовой пасти. Что же касается до Смерти, то она присутствуетъ, въ видѣ четвероногаго животнаго, съ звѣриною мордою, но съ кошелемъ за плечами съ смертоносными орудіями.—составляющимъ аттрибутъ Смерти; въ рукахъ держитъ четвероугольную доску.

Въ мм. 65 и 67, XXI, 1-4 и 9-27, довольно оригинальныя изображенія Горняго Іерусалима, особенно въ м. 65, съ подробностями западнаго стиля. Въ м. 67, зданіе въ три яруса изъ арокъ; надъ арками во всѣхъ трехъ ярусахъ размѣщены 12 ангеловъ, которые видны только по грудь. Имъ слѣдовало бы быть въ каждыхъ изъ 12-ти вратъ. Но въ этой 67 м. надобно замѣтить остатокъ старины въ томъ, что, кромѣ этихъ 12 ангеловъ, во всемъ Іерусалимѣ никого нѣтъ, кромѣ Агнца [впрочемъ, безобразно писаннаго, безъ роговъ и безъ сіянія], занимающаго средину этого подобія трехъярусному иконостасу. Слич. въ моемъ юсов. Апок. XVI в. м. 73.

Наконецъ, особенно замѣчательна м. 68 [сн. 239], XXII, 1-6, какъ по оригинальности, такъ и по остаткамъ старины. Она одна даетъ цѣнность описываемой рукописи. Вверху въ продолговатомъ ореолѣ изображено Отечество, состоящее изъ Господа Саваоѳа, сидящаго на престолѣ, изъ Духа Святаго въ видѣ голубя на щитѣ и изъ Агнца, безъ роговъ и безъ сіянія, который замѣняетъ Іисуса Христа. По обѣимъ сторонамъ «рѣки воды животныя» писано Древо Жизни, согласно съ изображеніемъ въ Hortus Deliciarum XII, какъ и въ Апок. Барсова, № 113, м. 68 [сн. 191], т. е. съ 12-ю человѣческими головами, вмѣсто плодовъ, выходящими изъ лиственныхъ чашечекъ. Кромѣ того, на вѣтвяхъ сидятъ райскія птицы, одна съ короною, другая съ человѣческою головою и тоже въ коронѣ. Только налѣво два святителя въ ризахъ новаго покроя; впрочемъ, у передняго, по древнему, лоронъ перекинутъ черезъ лѣвую руку. При всемъ этомъ общее расположеніе миніатюры заявляетъ о своемъ происхожденіи отъ редакціи Филаретовско-Чудовской.

Рукопись графа Уварова, № 74 [Царскаго, № 673], въ 16-ю д. л., 1845 года, на 275 лл. съ 72 мм. Экземпляръ особенно интересный въ отношеніи того, какими источниками въ редакціяхъ Лицеваго Апокалипсиса, гдѣ и кто могли пользоваться при составленіи такой поздней рукописи, какъ эта 1845 года.

Въ концѣ рукописи на л. 275 читается: «Написася сія книга глаголемая Апокалипсій съ толкованіемъ усердіемъ и иждивеніемъ почетнаго гражданина Ивана Никитина Царскаго въ Емской [т. е. въ Ямской], лѣта отъ сотворенія міра 7353, отъ рождества Христова 1845 года ноября 1-го дня. А списатель сей книги Московской губерни Сергіевскаго посада мѣщанинъ Иванъ Ивановъ Темнорусовъ».

Иллюстрація отличается крайней миніатюрностью, которая препятствовала мастеру воспроизводить многія изъ мелкихъ подробностей. Традиціоннымъ сюжетамъ приданъ стиль позднѣйшаго ландшафта, съ нѣкоторою тенденціею къ натуральности въ изображеніи зеленыхъ полей, лѣсовъ, городовъ, воды и т. п. Раскраска яркая, вообще согласная съ натурою предметовъ.

Редакція миніатюръ Чудовская, но уже прошедшая черезъ переработку иллюстраціи, сохранившейся въ Апокк. СПБ. № 229, съ текстомъ по изданію Копистенскаго, въ СПБ. Q, Отд. I, № 46, въ Апок. Вахрамѣева въ л., XVIII в., и архим. Амфилохія № 31. Потому, согласно съ этими Апокк., рукопись 1845 г. отступаетъ отъ Чудовской редакціи при тѣхъ же главахъ и въ такихъ же варіантахъ. Напримѣръ.

Гл. 21). Ангелъ кадитъ на Агнца, стоящаго на жертвенникѣ, который передъ храмомъ; а вверху изъ храма поднимается Господь Богъ, вручая ангеламъ трубы.

Гл. 44). Винодѣліе съ лозами винограда и съ точиломъ въ видѣ чана, въ которомъ стоитъ ангелъ.

Гл. 57). Св. Невѣста на престолѣ въ облакахъ между зданіями, которыя такъ же, какъ въ тѣхъ Апокк., выше уровня ея престола; а надъ нею такъ же Агнецъ на престолѣ, но Іисуса Христа уже нѣтъ.

Гл. 64). На Страшномъ судѣ Земля держитъ такъ же въ обѣихъ рукахъ по саркофагу съ воскресающими.

Иногда къ редакціи сказанныхъ Апокк. присоединяется какая-либо другая, въ одной и той же миніатюрѣ. Такъ при гл.

54, Вавилонская Любодѣица, такъ же какъ тамъ, держитъ въ одной рукѣ сосудъ, а въ другой модель зданія; см. въ СПБ. № 229, м. 60 [сн. 186 в]; но, сверхъ того, она валится съ Звѣря назадъ, какъ въ СПБ. Апок. № 225, въ 4-у, половины XVII в., м. 52 [сн. 128], или какъ въ Подносн. экземплярѣ Моск. Дух. Акад. № 14, м. 55.

Въ заключеніе надобно замѣтить, что симплегма Гога и Магога, уже невполнѣ соблюдаемая въ сказанныхъ Апокк., вовсе опущена въ описываемой рук. при глав. 47, 51 и 63, можетъ быть, потому что эта подробность, уже непонятная мастеру 1845 года, ускользнула при мелочной работѣ надъ слишкомъ миніатюрными рисунками.

Рукопись С.-Петербургской Духовной Академіи, № $А^{1}/_{8}$ [по дополн. къ каталогу], въ л., на 174 лл., только съ 13 мм.; уставомъ списана въ 1850 г. съ оригинала 1645 г., какъ значится на 174 л. въ лѣтописи: «А писано прежде въ лѣто 7153, нынѣ же списана съ тоя же книги апокалипсіи въ лѣто 7358».

Иллюстрація чрезвычайно грубая, въ неумѣлыхъ толстыхъ очеркахъ, будто углемъ, небрежно замалеванныхъ красками. Миніатюры начинаются съ гл. 14-ой изображеніемъ Втораго Всадника, оканчиваются при гл. 68-ой миніатюрою съ рѣкою, исходящею изъ-подъ престола, на которомъ сидитъ Господь Саваоѳъ съ Младенцемъ І. Х. на рукахъ. Иллюстрація относится къ редакціи Чудовской, съ симплегмою Гога и Магога при гл. 51, но въ переводахъ сокращенныхъ.

Изъ всѣхъ 13 мм. для исторіи Лицеваго Апок. заслуживаетъ вниманія 10-я, по счету въ рукописи, при гл. 54, съ изображеніемъ Вавилонской Любодѣицы, которая, въ коронѣ и красномъ одѣяніи, стоитъ внизу направо около семиглаваго Звѣря, только до половины выступающаго изъ праваго угла рамки, и поднесла къ устамъ узкій сосудъ съ виномъ. Выше на горѣ стоятъ Іо. и ангелъ. У послѣдняго въ рукѣ широкій сосудъ, изъ коего фонтаномъ бьетъ зеленоватый потокъ на Любодѣицу. Въ Филаретовско-Чудовской редакціи пьетъ изъ сосуда обык-

новенно другая женщина, которая стоитъ около Вавилонской Любодѣицы, сидящей на Звѣрѣ, и одѣта она безъ всякихъ царскихъ аттрибутовъ этой послѣдней. Авторитетъ оригинала 1645 г., съ котораго сдѣлана описываемая позднѣйшая копія, заставляетъ полагать, что въ этой пьяной женщинѣ первоначально изображалась та же Вавилонская Любодѣица, только уже развѣнчанная отъ своего царственнаго величія. Повтореніе этого сюжета описываемой рукописи встрѣчается, какъ уже замѣчено выше, въ Апокк. МПМ. № 3, XVIII в., м. 53 [сп. 210] и въ Немировскомъ XVIII или XIX в., м. 54.

ПЕРЕЧЕНЬ СНИМКОВЪ И РАСКРАШЕННЫХЪ КОПІЙ.

СНИМКИ ВЪ ОЧЕРКАХЪ.

СНИМКИ.	МИНІАТЮРЫ.
Рук. проф. Буслаева, нач. XVII в.	
1	1.
2	4.
3	5.
4	6.
5	9.
6	14.
7	15.
8	16.
9	21.
10	22.
11	23.
12	27.
13	30.
14	31.
15	32.
16	33.
17	36.
18	38.
19	39.
20	44.
21	47.
22	50.
23	54.
24	55.
25	57.
26	58.
27	59.
28	60.
29	63.
30	65.
31	66.

Сюда же относится снимокъ 237 а.

СНИМКИ.	МИНІАТЮРЫ.
Рук. Моск. Публ. Муз. № 156, нач. XVII в.	
32	2.
33	5.
34	12.
35	14.
36	24.
37	25.
38	27.
39	28.
40	31.
41	32.
42	33.
43	34.
44	41.
45	42.
46	52.
47	55.
48	56.
49	60.
50	63.
51	64.
52	65.
53	67.
54	68.
55	69.
56	70.
57	73.
58	77.
59	79.
Рук. Соловецк. юсован XVI в., Казанск. Духовн. Акад. № 1 (новый № 159).	
60	4.
61	5.

СНИМКИ.	МИНІАТЮРЫ.
62	14.
63	21.
64	22.
65	26.
66	29.
67	32.
68	33.
69	36.
70	40.
71	42.
72	43.
73	48.
74	а] 51.
	б] 59.
75	60.
76	62.

Рук. проф. Буслаева юсовая, XVI в.

77	13.
78	15.
79	16.
80	30.
81	31.
82	32.
83	35.
84	40.
85	41.
86	47.
87	48.
88	55.
89	58.
90	59.
91	63.
92	65.
93	66.
94	70.
95	71.
96	78.
97	а] 33.
	б] 42.
	в] 43.
	г] 44.
	д] 62.
	е] 64.
	ж] 67.

Сюда же относится сним. 285.

Рук. Соловецк. старца Филарета Иконника, XVI в., Казанск. Духовн. Акад. № 58 (новый № 158).

98	1.
99	7.
100	8.
101	16.
102	25.

СНИМКИ.	МИНІАТЮРЫ.
103	33.
104	44.
105	52.
106	57.
107	61.
108	62.
109	63.
110	68.
111	3.
112	а] 9.
	б] 13.
	в] 21.
	г] 38.
	д] 55.
113	а] 48.
	б] 54.
	в] 64.

Рук. Хлудова № 7, XVI в.

113	г] 7.
	д] 9.
114	21.

Чудовской Переводъ 1638 г. по рук. Зайцевскаго, XVII в.

115	40.
116	51.
117	63.
118	65.
119	67.
120	68.
121	72.
122	73.
123	а] 5.
	б] 46.
	в] 55.
	г] 64.
124	а] 62.
	б] 71.

Рук. С.-Петербургск. Публичн. библ. № 225, половины XVII в.

125	1.
126	2.
127	10.
128	52.
129	55.
130	64.
131	65.
132	67.
133	68.
134	а] 13.
	б] 14.
	в] 32.

СНИМКИ. МИНІАТЮРЫ.

г] 33.
д] 46.
е] 66.

Рук. Московск. Публичн. Музея № 214, половины XVII в.

135 . . . . . 20.
136 . . . . . 21.
137 . . . . . 25.
138 . . . . . 28.
139 . . . . . 42.
140 . . . . . 62.
141 . . . . . 63.
142 . . . . . 64.

Рук. графа Уварова № 58, половины XVII в.

143 . . . . . 2.
144 . . . . . 16.
145 . . . . . 28.
146 . . . . . 29.
147 . . . . . 30.
148 . . . . . 31.
149 . . . . . 42.
150 . . . . . 49.
151 . . . . . 50.
152 . . . . . 54.
153 . . . . . а] 12.
б] 25.
в] 32.
г] 33.
154 . . . . . а] 35.
б] 36.
в] 46.

Рук. проф. Тихонравова № 5, половины XVII в.

155 . . . . . а] 17.
б] 19.
в] 25.
156 . . . . . 42.
157 . . . . . 50.
158 . . . . . 67.
159 . . . . . 68.
160 . . . . . 72.
161 . . . . . 73.
162 . . . . . 74.

Рук. профес. Буслаева 1671 г.

163 . . . . . 38.
164 . . . . . 50.
165 . . . . . 45.

Сюда же относятся снимки 224, 225, 226 а, б, и 227 а.

Рук. Московск. Духовн. Акад. № 14, XVII в.

166 . . . . . 7.
167 . . . . . 12.

СНИМКИ. МИНІАТЮРЫ.

168 . . . . . 19.
169 . . . . . 20.
170 . . . . . 36.
171 . . . . . 53.
172 . . . . . 58.
173 . . . . . 64.
174 . . . . . 68.
175 . . . . . а] 17.
б] 27.
в] 48
г] 63.

Рук. С.-Петербургск. Публичн. Библіот. F, Отд. I, № 70, конца XVII в.

176 . . . . . 35.
177 . . . . . 44.
178 . . . . . 45.
179 . . . . . 59.

Рук. С.-Петербургск. Публичн. Библіот. № 229, Петровск. времени.

180 . . . . . 8.
181 . . . . . 24.
182 . . . . . 49.
183 . . . . . 54.
184 . . . . . 73.
185 . . . . . 75.
186 . . . . . а] 10.
б] 57.
в] 60.

Рук. профес. Буслаева 1705 г.

186 . . . . . г] 15.

Рук. Барсова № 113, XVI в., съ иллюстраціею XVIII в.

187 . . . . . 5.
188 . . . . . 37.
189 . . . . . 38.
190 . . . . . 42.
191 . . . . . 68.
192 . . . . . а] 15.
б] 16.
в] 35.
г] 58.

Сюда же относятся снимки 237 д, г.

Рук. Московск. Публичн. Музея № 499, 1708 г.

193 . . . . . 25.

Рук. Хлудова № 358, 1708 г.

194 . . . . . 17.
195 . . . . . 30.

СНИМКИ.	МИНІАТЮРЫ.
Рук. профес. Буслаева 1721 г.	
196	15.
197	42.
198	69.
199	73.
Рук. профес. Тихонравова 1731–1736 гг.	
200	38.
201	43.
202	54.
203	56.
204	67.
205	70.
206	72.
207	69.
Сюда же относится снимокъ 237 в.	
Рук. С.-Петербурск. Публичн. Библ. Q, Отд. I, № 441, XVIII в.	
208	22.
209	а] 11.
	б] 27.
	в] 41.
	г] 44.
Рук. Московск. Публичн. Муз. № 3, XVIII в.	
210	53.
211	а] 65.
Рук. Барсова (а нынѣ Вахрамѣева) XVIII в.	
211	б] 51.
212	30.
Рук. С.-Петерб. Публичн. Библ. Q, Отд. I, № 46, XVIII в.	
213	а] 44.
Рук. Силина 1781 г.	
213	б] 37.
	в] 63.
Рук. Московск. Публичн. Муз. № 6, XVIII в.	
213	г] 36.
Рук. графа Уварова № 129, XVIII в.	
214	27.
Рук. Московск. Публичн. Муз. № 500, XIX в.	
215	38.

---

216. Изъ Софійскаго Сборника въ библіот. С.-Петерб. Духовн. Акад. № 1430, XVII в. л. 12 об.

СНИМКИ.	МИНІАТЮРЫ.
217. Изъ Житія Василія Новаго, по рук. проф. Буслаева, XVII в., л. 33.	
218. Изъ Житія Андрея Юрод. по рук. проф. Буслаева, Петровскаго времени, л. 222.	
219. Оттуда же, л. 225 об.	
220. Оттуда же, л. 229.	
221. Оттуда же, л. 231.	
222. Оттуда же, л. 228.	
223. Оттуда же, л. 217.	

Дополненіе изъ рук. профес Буслаева 1671 г.	
224	5.
225	35.
226	а] 46.
	б] 49.
227	а] 56.
	б] Для сравненія франц. цвѣтное стекло 1606 г.
Рук. архимандрита Амфилохія № 31, Петровск. времени.	
228	а] 31.
	б] 57.
Рук. князя Вяземскаго № 141, Петровск. времени.	
229	59.
230	235.
231	244.
Рук. Дюмушеля, Петровск. времени.	
232	129.
233	132.
234	181.
Рук. профес. Тихонравова, второй половины XVIII в.	
235	38.
236	39.

---

237 а] Проф. Буслаева Апок. начала XVII в. ранней редакц., изъ м. 8.
б] Сіенская Madonna del Voto, XIII в.
в] Проф. Тихонравова Апок. 1731–1736 гг., изъ м. 45.
г] Барсова Апок. № 113, изъ м. 56.
д] То же, изъ м. 66.

238 а] Проф. Тихонравова Апок. въ 8-ку, Петровск. времени, изъ м. 13.

СНИМКИ.

б] То же, изъ м. 29
в] То же, изъ м. 33.
г] То же, изъ м 61
д] То же, изъ м. 53.
е] Князя П П. Вяземскаго Апок. № 143, въ л , XVIII в., изъ м. 24.
ж] То же, изъ м. 26
з] Немирова Апок въ л., XIX в., изъ м. 23.

239 Общества любителей Древн Письменности Апок. № 100 инв., № 10, въ л., XIX в., м. 68.

240 а] Аристидъ, античная статуя въ Неаполит. музеѣ.
б] Рельефъ изъ слоновой кости на Брешіанскомъ реликваріи V вѣка.
в] Живопись на стеклянномъ сосудѣ VII–VIII в.
г] Византійская эмаль на Лимбургскомъ реликваріи X в.
д] Изображеніе на Императорской далматикѣ въ храмѣ св Петра въ Римѣ, IX–XII в.

241 а] Изваяніе на тимпанѣ въ церкви La Lande-de-Cubzac [Gironde], ранняго романскаго стиля
б] Изваяніе на капители церкви st. Benoit-sur-Loire, романскаго стиля.

242 а] Капитель изъ церкви въ Rucqueville [Calvados], романскаго стиля.
б] Мин изъ Кедмона по Англосаксонской рук. X в. въ Бодлеянской библіот.
в] Мин. изъ Англосакс. рук. XI в. въ Британскомъ музеѣ.
г] Мин. изъ латинск. Псалтыри по рук. XII в въ Парижской Публичной библіот.

243 а] Мин. изъ Кремсмюнстерской рук. XIV в.
б] Мин. изъ Страсбургской рук. Hortus Deliciarum XII в.
в] Мин. изъ латинск. рук. XII–XIII в. [см. Twining pl. XI].

244 а] Мин. изъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ по Сильвестр. рук. XIV в.
б] Изъ итальянскаго рельефа XII в.
в] Орнаментъ съ ковра XIV в. въ Регенсбургской ратушѣ.
г] Орнаментъ изъ русской рук. XIV в.

СНИМКИ

д] Рисунокъ Альбрехта Дюрера 1515 г., въ Молитвенникѣ Импер. Максимиліана I

245 а] Орнаментъ изъ альбома французскаго архитектора, по имени Villard de Honnecourt, XIII в.
б] Орнаментъ изъ русской рук. XIV в.
в] Орнаментъ изъ французск. рук. XIV в (Langlois, Essai sur la calligraphie des manuscrits du moyen-age, къ стр. 66)
г] Орнаментъ изъ старопечатной книги XVI в. [Butsch, Die Bucherornamentik. II, табл. 38].
д] Изъ капители въ криптѣ въ Parizele-chatel [Nièvre].
е] Орнаментъ изъ Schelmen Zunft, по изданію 1512 г.

246 а] Изъ мин. въ Библіи Карла Лысаго IX в. въ Парижской Публичной библіот.
б] Мѣдный сосудъ XIII в., въ той же библіот.
в] Изъ мин. въ Манессовской рук. XIV в
г] Изъ мин. въ Biblia Pauperum, по рук XIII в.
д] Изъ Нюренбергской Хроники, по изд. 1493 г., л. 157
е] Часть рѣзнаго Аѳонскаго креста XVI в.

247 а] Мин. изъ греческ. Евангелія по Россанской рук. VI в.
б] Мин. оттуда же.
в] Мозаика въ базиликѣ Maria Maggiore, въ Римѣ, V в.

248 Изъ миніатюръ Григорія Богослова по греческ. рук. IX в., въ Парижской Публичн. библіот.

249 Мин. изъ Псалтыри по греч. рук. X в., въ Парижской Публичной библіот.

250 Мин. изъ Исидора Испаленскаго, по латинск. рук. IX в. въ Лаонской библіот.

251 Мин. изъ латинск. рук., извѣстной подъ именемъ Codex Aureus св. Эммерама, IX в., въ Мюнхенской Королевской библіот.

252 а] Мин. изъ Евангелія Императора Генриха II, по рук. X–XI в., въ Мюнхенской Королевской библіот.
б] Пророкъ Даніилъ изъ изображеній

СНИМКИ.

на врагахъ базилики св. Павла внѣ стѣнъ Рима, 1070 г.

253 а] Мин. изъ Зальцбургскаго Антифонарія, XI–XII в.
б] Мин. изъ Hortus Deliciarum, XII в.
в] Мин. изъ Библіи князя Лобковича, XIII в.

254 Мин. изъ Hortus Deliciarum, XII в.

255 Мин. оттуда же.

256 Мин. оттуда же.

257 а] Часть миніатюры оттуда же.
б] Фрески въ церкви св. Савина, 1050–1150 г.

258 То же.

259 а] Изъ Альтамировскаго Апок. XII в., изъ мин. 23.
б] Оттуда же, мин. 24.

260 Оттуда же, изъ мин. 40.

261 а] Изъ Пражскаго Апок. XIV в., мин. на стр. 11.
б] Оттуда же, мин. на стр. 292.
в] Оттуда же, мин. на стр. 61.

262 а] Оттуда же, мин. на стр 89.
б] Оттуда же, мин. на стр. 92.

263 а] Оттуда же, мин. на стр. 105.
б] Оттуда же, мин. на стр. 137.

264 а] Оттуда же, мин. на стр. 131.
б] Оттуда же, мин. на стр. 139.

265 а] Оттуда же, изъ мин. на стр. 162.
б] Оттуда же, мин. на стр. 183.
в] Оттуда же, мин. на стр. 186.
г] Оттуда же, мин. на стр. 213.

266 а] Изъ Инкунабулъ XV в., изъ гравюры 11.
б] Оттуда же, изъ грав. 22.

167 а] Оттуда же, изъ грав. 18.
б] Оттуда же, изъ грав. 25.
в] Оттуда же, изъ грав. 31.

268 Оттуда же, грав. 42.

269 а] Оттуда же, изъ грав. 55.
б] Оттуда же, изъ грав. 63.
в] Оттуда же, изъ грав. 65.

СНИМКИ.

270 а] Оттуда же, изъ грав. 70.
б] Оттуда же, грав. 73.

271 а] Изъ Лютерова Апок. 1534 г., грав. 1.
б] Изъ Толков. Апок. по Кіевск. изд. Копистенскаго 1625 г., грав. на стр. 7.

272 Изъ Лютерова Апок. 1534 г., грав. 11.

273 Оттуда же, грав. 18.

274 а] Оттуда же, изъ грав. 15.
б] Изъ той же грав. по изд. 1557 г.
в] Изъ Лютерова Апок. 1534 г., изъ грав. 12.
г] Изъ Romæ Animale exemplum, 1678 г., изъ грав. 19.
д] Оттуда же, изъ грав. 32.

275 а] Изъ Лютерова Апок. 1534 г., изъ грав. 24.
б] Изъ лицевой Библіи Петра Борхта 1582 г., по Пискатору, грав. 9.
в] Оттуда же, по Пискатору, изъ грав. 15.
г] Оттуда же, по Пискатору, изъ грав. 25.

276 Изъ Двинскаго Апок. по рук. И. Л. Силина, 1636–1643 г. въ л., мин. 1.

277 Оттуда же, мин. 10.

278 Оттуда же, мин. 25.

279 Оттуда же, мин. 35.

280 Оттуда же, мин. 48.

281 Оттуда же, мин. 53.

282 Оттуда же, мин. 54.

283 Оттуда же, мин. 58.

284 Оттуда же:
а] Изъ мин. 2.
б] Изъ мин. 3.
в] Изъ мин. 8.
г] Изъ мин. 31.
д] Изъ мин. 41.

285 Изъ юсов. рук. профес. Буслаева, въ 4-ку, XVI в. Мин. 61.

КОПІИ КРАСКАМИ И НѢКОТОРЫЯ СЪ ЗОЛОТОМЪ.

КОПІИ.		МИНІАТЮРЫ.
1	Изъ рук. профес. Буслаева, начала XVII в. ранней редакціи,	м. 3.
2	Оттуда же	м. 24.
3	Оттуда же	м. 70.
4	Изъ рук. Московск. Публичн. Муз. № 156, начала XVII в.	м. 13.
5	Изъ юсовой рук. Казанск. Духовн. Акад. № 1 [новый № 159] XVI в.	м. 49.
6	Оттуда же	м. 53.
7	Оттуда же	м. 56.
8	Изъ юсовой рук. профес. Буслаева XVI.	Помѣты главъ.
9	Оттуда же	м. 8.
10	Оттуда же	м. 49.
11	Оттуда же	м. 53.
12	Изъ Чудовск. Перевода 1638 г. по рук. Зайцевскаго XVII в.	м. 11.
13	Изъ рук. С.-Петерб. Публичн. библ. № 225, половины XVII в.	м. 45.
14	Изъ рук. Московск. Публичн. Муз. № 214, половины XVII в.	м. 50.
15	Изъ рук. графа Уварова № 38, половины XVII в.	м. 10.
16	Оттуда же	м. 43.
17	Изъ рук. профес. Тихонравова № 5, половины XVII в.	м. 64.
18	Изъ рук. профес. Буслаева, 1671 г.	м. 51.
19	Изъ рук. Московск. Духовн. Акад. № 14, XVII в.	м. 3.
20	Оттуда же	м. 65.
21	Изъ рук. Московск. Публичн. Муз. № 499, 1708 г.	м. 34.
22	Изъ рук. Хлудова, № 358, 1708 г.	м. 2.
23	Изъ рук. С.-Петербургск. Публичн. библ. Q, Отд. 1, № 441, XVIII в.	м. 23.